

V социологическая Грушинская конференция
«БОЛЬШАЯ СОЦИОЛОГИЯ: расширение пространства данных»
12–13 марта 2015 г., МОСКВА

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

СОЦИОЛОГИЯ И BIG DATA		
Большакова Ю. М.	КОНЦЕПЦИЯ БАЗ ДАННЫХ И ОБЛАЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОММУНИКАЦИЙ БИЗНЕСА	15
Васянин М. С.	ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИОЛОГИИ И БОЛЬШИХ ДАННЫХ	18
Галицкий Е. Б.	СЕТЕВОЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС «ФОМОГРАФ»: ОТ АНАЛИЗА ДАННЫХ ОПРОСА К НАКОПЛЕНИЮ ЗНАНИЙ О ГРУППАХ РЕСУРСНОЙ ТИПОЛОГИИ	21
Дмитриев А.	ЧТО ТАКОЕ BIG DATA И ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ	23
Колесниченко О. Ю., Сморodin Г. Н.	БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ	26
Константинов А. О., Швецова Т. С.	ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ BIG DATA В СОЦИОЛОГИИ	29
Киселев Е. А.	BIGDATA В ИССЛЕДОВАНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ.	30
Лебедев П. А., Шурыгина Д. А.	АНАЛИТИКА ДАННЫХ РЕЗЮМЕ И ВАКАНСИЙ	33
Митрофанова Е. С., Артамонова А. В.	ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ДАННЫХ О СОБЫТИЯХ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ К АНАЛИЗУ ПРОДВИНУТЫМИ СТАТИСТИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ	34
Мосягин А. Б.	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ DATA MINING ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ОБРАБОТКИ СОЦИАЛЬНЫХ ДАННЫХ	38
Одинцов А. В.	СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ	41
Романова Е. Ю., Балашова Н. А.	ТЕХНОЛОГИИ И СТРАТЕГИИ ПРИМЕНЕНИЯ «BIG DATA»: ВЗГЛЯД БИЗНЕС-ИНФОРМАТИКА	44
Смирнов В. А.	R+PYTHON, ИЛИ ЧТО ДОЛЖЕН УМЕТЬ ДЕЛАТЬ СОЦИОЛОГ С ДАННЫМИ В ЭПОХУ «BIG DATA»	45
СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ОНЛАЙН СООБЩЕСТВА КАК ИСТОЧНИК ДАННЫХ О СОЦИАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ		
Абрамов М. В., Венерина О. Г.	ВЫЯВЛЕНИЕ ЛИДЕРОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	49
Багрина А. Ю.	ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПУБЛИКАЦИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В ВКОНТАКТЕ, ФЕЙСБУКЕ И ИНСТАГРАМЕ НА ПАСХУ, ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ И БЛАГОВЕЩЕНИЕ В 2014 ГОДУ)	52
Балич Н. Л.	ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ БЕЛАРУСИ И ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ АУДИТОРИЯ СМИ	54
Батаева Е. В.	ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ КИБЕРКОММУНИКАЦИИ В ЧАТАХ	58

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н., Синяков А. В.	СТРАТЕГИИ ПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТОМ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ РАЗЛИЧНОГО ТИПА: РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ.	59
Бубнов А. Ю	МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ РУНЕТА	62
Гаврилов К. А.	БЛОГИ КАК ИСТОЧНИК ДАННЫХ О МНЕНИЯХ БЛОГЕРОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ	65
Гонцов К. В.	ВЛИЯНИЕ ПАДЕНИЯ КУРСА РУБЛЯ НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА	67
Грошева И. А., Грошев И. Л.	ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ	71
Гугуева Д. А.	ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ	74
Данилова А. В.	СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ С ГЕОЛОКАЦИЕЙ КАК ИСТОЧНИК ДАННЫХ О ПОВСЕДНЕВНОЙ МОБИЛЬНОСТИ	76
Долгоруков А. М.	ИНТЕРНЕТ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ	79
Ефимов Е. Г.	СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СЕТЯХ	82
Жидченко А. В.	СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» И «ТВИТТЕР» КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ФОНА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД	85
Зверькова С. А.	ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ МОЛОДЁЖИ В ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВАХ	86
Кавеева А. Д.	TWITTER КАК ПУБЛИЧНАЯ АРЕНА ДЛЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ	88
Казун А. Д.	ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАННЫХ «GOOGLE TRENDS» В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	90
Климова Е. В.	СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ЗЕРКАЛО СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	93
Ковалевская Е. В.	ВИРТУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: СТУДЕНТЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА)	95
Ковалёва Е. С., Спирина М. О.	РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКОГО ТЕЛА В СОВРЕМЕННОЙ ЙОГЕ: АНАЛИЗ ВИЗУАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА ВЕБ-САЙТОВ И ОНЛАЙН СООБЩЕСТВ ЙОГА-ШКОЛ МОСКВЫ	98
Колозариди П., Ильин А.	КАК РАЗНЫЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ОТНОСЯТСЯ К КИТАЮ: ПОСТРОЕНИЕ ВЫБОРКИ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА	103
Корж Н. В.	ОНЛАЙН ОПРОСЫ В ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВАХ	105
Корнеева В.А., Сосновских Д.С.	ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СПОРТИВНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ РОССИИ	106
Кривченко И. Ю.	МОДЕЛИ СЕТЕВОГО ПРОДВИЖЕНИЯ НКО НА ПРИМЕРЕ КОНТЕНТА FACEBOOK-ГРУППЫ «ТЕПЛИЦА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»	110
Лебедев П. А., Логунова О. С.	НЕТИПИЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА ВИЗУАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТИПИЧНОГО ПОХОДА В РЕСТОРАН	112
Лисицын П. П.	МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА	114
Лесниковская Е. В.	ДИСКУРС-АНАЛИЗ ТЕКСТОВ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАТОРОВ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ	117

Мирясова О. А., Кутузов А. Б.	МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ АКТИВИСТСКОГО ФОРУМА (НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ «ПИТАНИЕ В ДЕТСАДАХ» ФОРУМА «МАТЕРИНСТВО»)	119
Морозова К. Б.	ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ МОЛОДЕЖНОЙ МОДЫ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)	122
Николаева М. А.	ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И СЕТЕВАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ТЕОРИЯ И ЛОГИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	131
Пелевина О. В.	СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КИБЕРРЕЛИГИОЗНОСТИ	134
Санина А. Г., Чулкова С. И.	СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОТКРЫТОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)	136
Семёнов А. В.	МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СБОРА, АНАЛИЗА И ВИЗУАЛИЗАЦИИ СЕТЕВЫХ ДАННЫХ ИЗ «ТВИТТЕРА» НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕНИЙ О МИТИНГАХ НА ПРОСПЕКТЕ САХАРОВА И ПОКЛОННОЙ ГОРЕ 24 ДЕКАБРЯ 2011 ГОДА	138
Скиданова Д. И.	ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА КРУПНЕЙШИХ ОНЛАЙН СООБЩЕСТВ	142
Смолина Е. Г.	СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК НЕФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ	143
Сычёва Е. В., Кутузова А. О., Крикунов Н. В.	ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ИНСТРУМЕНТ БРЕНДИНГА ТЕРРИТОРИИ И АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ	146
Фарбер Е. В.	КАЧЕСТВО ЖИЗНИ КАК ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ И КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ	150

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В СОЦИОЛОГИИ

Бабич Н. С.	УСИЛЕНИЕ КОРРЕЛЯЦИЙ МЕЖДУ ОПРОСНЫМИ ДАННЫМИ И ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКОЙ ПРИ ПОМОЩИ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ВЫБОРКИ (НА ПРИМЕРЕ ДАННЫХ О СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ РФ)	152
Басимов М. М.	МЕРЫ СВЯЗИ ИНТЕРВАЛЬНЫХ И НОМИНАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ	153
Белехова Г. В.	ВОЗМОЖНОСТИ СТАТИСТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ	157
Благовещенский Ю. Н.	ГОСУДАРСТВЕННАЯ И КОРПОРАТИВНАЯ СТАТИСТИКА В ИССЛЕДОВАНИИ КЛАСТЕРА СУДЕЙ	160
Бушуева И. П.	ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ КАДРОВОГО СОСТАВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ НА ОСНОВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ	163
Васильева Е. Г.	ПРОЕКТНЫЙ МОНИТОРИНГ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «ВОЛГОГРАД – ГОРОД, ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ К ПОЖИЛЫМ»)	166
Воробьева И. Н.	СТАТИСТИКА УРОВНЯ ЖИЗНИ КАК БАЗА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ДОМОХОЗЯЙСТВ РОССИИ	168
Голосов П. Е., Горелов В. И.	О МОДЕЛИРОВАНИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСОВ	172

Грошева Л. И.	СПЕЦИФИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ МОЛОДЁЖНОЙ БИЗНЕС-АКТИВНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ПОЛИПРОГРАММНОЙ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ	174
Дубина А. Ш.	ЗНАЧЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ Г. ПЕНЗЫ	177
Журавлёв Г. Т.	НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ	180
Задорин В. В.	ЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ В СОЦИОЛОГИИ	182
Зенько А.А., Сорокина-Зенько Т. С.	НАДЕЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПАРНЫХ КОЭФФИЦИЕНТОВ ВЗАИМОСВЯЗИ В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	184
Злотникова Л. М.	СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ СТАТИСТИКЕ	185
Климова С. Г., Щербакова И. В.	ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ	188
Колесников А. К., Лебедева И. П.	ИЕРАРХИЧЕСКОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ КАК НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИХ КОМПЛЕКСНОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	202
Кузнецов В. Ф.	ВЫБОРКИ В PR: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ	205
Лескова И. В.	ВОЗМОЖНОСТИ ВЛИЯНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ	211
Немировская А. В., Козлов В. А.	ПРОБЛЕМА СВЕРХСМЕРТНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОГО ФРОНТИРА (РЕГРЕССИОННЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ)	214
Осипова О. С.	ИНТЕГРАЦИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ АНАЛИЗА КАК НОВАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗРАБОТКИ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	218
Полтавская М. Б.	OPEN DATA И РЕЕСТРЫ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕГИОНАХ РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	222
Соловьёв А. К.	СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИИ	225
Титаев К. Д.	ДАННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: САМЫЙ ПРОСТОЙ И САМЫЙ СЛОЖНЫЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ СОЦИОЛОГА	227
Третьяков Н. П.	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ DATA MINING ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ОБРАБОТКИ СОЦИАЛЬНЫХ ДАННЫХ	229
Третьяков Н. П., Голосов П. Е.	НЕСТАНДАРТНЫЙ КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ	232
Хабибулина В. М.	ВТОРИЧНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ГИГИЕНИЧЕСКИХ ОПРОСОВ ПОДРОСТКОВ ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ НЕКУРЕНИЯ ПРИ НАЛИЧИИ ОПЫТА ПРОБЫ СИГАРЕТ	234
Шадинова Г. А.	НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОГО НАСИЛИЯ НАД МУЖЧИНАМИ В КАЗАХСТАНЕ	237
КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ПОЛУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ		
Ашкинази Л. А., Абелюк Е. С.	ШКОЛЬНИКИ И ДОВЕРИЕ – СОЧЕТАНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ	243

Багина А. Ю.	ФОТОИССЛЕДОВАНИЕ КАК КАЧЕСТВЕННЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О САКРАЛЬНОМ (НА ПРИМЕРЕ ФОТОИССЛЕДОВАНИЯ «ЛОКАЛЬНЫЕ СВЯТЫНИ» 2013-2014 ГГ.)	245
Буланова М. Б., Борисова П. А.	НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО МЕТОДА В СОЦИОЛОГИИ	251
Васильева Е. Н.	КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	255
Глазков К. П.	КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ: "ВЕРХОВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ" ИЛИ ИНСТРУМЕНТ ПОСТАНОВКИ ГИПОТЕЗ	257
Глушкова С. А.	ПОИСК КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: МЕТОД ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ	259
Дементьева И. Н.	КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	262
Дуран Т. В.	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ ПРИ АНАЛИЗЕ ГРАНИЦ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	266
Евстифеева Г. Г.	ДНЕВНИКИ ВРЕМЕНИ КАК СПОСОБ ИЗМЕРЕНИЯ ДОМАШНЕГО ТРУДА	268
Завьялова Н. В.	ПОТЕНЦИАЛ ЭКСПЕРТНОГО ИНТЕРВЬЮ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ТУРИЗМА (НА МАТЕРИАЛАХ АВТОРСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	270
Касаткина А. К.	В ПОИСКАХ МЕТОДА МЕЖДУ ГЛУБИНОЙ И ПОВЕРХНОСТЬЮ: ОТ ЭТНОГРАФИИ К «КРАУДСОРСИНГУ»	273
Киселёва Н. И.	МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВ	275
Ключева В. П.	ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ В РЕЛИГИОЗНОМ ПОЛЕ: КТО ЗА КЕМ НАБЛЮДАЕТ	277
Князева Е. В.	ПРОБЛЕМА ДОСТИЖИМОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ (RESPONSE RATE) НА ФОНЕ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА В УКРАИНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В БЕССАРАБИИ)	279
Ковалёва Г. А.	ОЦЕНКА ОПАСНОСТЕЙ И ВОЗМОЖНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА (НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В Г. ЧЕРЕПОВЦЕ)	283
Козырева Л. Д.	МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА	286
Косинцева Ю. Ф.	УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	289
Костин В. А., Климан С. В.	ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ РОЛИ КОРПОРАТИВНОГО УНИВЕРСИТЕТА КРУПНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В СИСТЕМЕ КОРПОРАТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	291
Костина Н. Б., Чепрас Н. Г., Скоробогатская Н. А.	УПРАВЛЕНИЕ ТУРИСТСКОЙ ОТРАСЛЬ В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ НА ОСНОВЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА: КАЧЕСТВЕННАЯ МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ МНЕНИЙ	294
Кострова Ю. А.	МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ	297
Кошарная Г. Б.	МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ТРИАНГУЛЯЦИЯ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВАЛИДНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	299
Лаврикова А. А., Шумилова О. Е.	ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ПРОЦЕССЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ АСПЕКТОВ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАКТИК	302

Масалков И. К.	КЛИНИЧЕСКИЙ ПОДХОД В КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ	305
Малая А. Д.	ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДА ВКЛЮЧЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВРОО «АКАДЕМИЯ УСПЕХА»)	307
Маликова Н. Р.	ИННОВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	309
Маслова Т. Ф.	«ПОСЁЛОК-ПРИЗРАК» КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: МЕТОДОЛОГИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ	311
Михеева Н. А.	СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНТЕНТА САЙТОВ ВУЗОВ «НАЦИОНАЛЬНОГО НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КОНСОРЦИУМА» И ЕГО СООТВЕТСТВИЕ ИНТЕРЕСАМ СТУДЕНТОВ	322
Михайлова Е.	ЭКСПЕРТНЫЕ ОПРОСЫ: ОСОБЕННОСТИ РЕКРУТА ОТДЕЛЬНЫХ ЦЕЛЕВЫХ АУДИТОРИЙ	331
Мишарина А. В.	КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О ПОБЕДЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	333
Мошнина В. А., Савельева Е. А.	МОБИЛЬНАЯ ЭТНОГРАФИЯ: НЕИСКАЖЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ МОБИЛЬНОГО МИРА	336
Немирова Н. В.	КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ БЕЖЕНЦАМИ (НА ПРИМЕРЕ КОМПЛЕКСНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В Г.МОСКВЕ)	338
Нургалиева Ю.	КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ НЕРАВНОГО БРАКА КАК УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)	342
Овчинникова М. В.	АЛГОРИТМ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ДАННЫХ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС	349
Овчинникова Э. В., Будюкин Д. А.	НИЩИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДА	352
Окладникова Е. А.	СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТРУДА: КАЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРРАТИВОВ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	355
Панова М. Н., Ибрагимов Н. М.	ОБЩЕКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖАЩЕГО РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН	356
Попов Е. А.	ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	360
Посухова О. Ю.	ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЛЕГИТИМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ	362
Рагимова Э. А.	ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ДОМОХОЗЯЕК	365
Самодурова Е. В.	РЕГУЛЯЦИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ ЧЕРЕЗ МЕДИАПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)	367
Санина А. Г.	КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИЗУАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИРОНИИ В РУНЕТЕ	369
Серикова В. П.	МОТИВАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ (РЕЗУЛЬТАТЫ ОНЛАЙН ОПРОСА И ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)	372

Тощенко Ж. Т.	В РОССИИ ПОЯВИЛСЯ НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСС – ПРЕКАРИАТ	375
Федорова А. В.	УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫМИ РИСКАМИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ	383
Черняк Т. В.	ВЫЯВЛЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ В РАЗВИТИИ ИННОВАЦИОННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ (НОВЫЕ СФЕРЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)	386
Швайдак В. В.	«КУДА ВЕТЕР ДУЕТ?»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	390
Шилова В. А.	ТЕХНОЛОГИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛЁВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)	393
Шурупова Р. В., Макарова И. И.	УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В ПЕРВОМ МГМУ ИМ. И. М. СЕЧЕНОВА (НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ФОКУС-ГРУППЫ)	397
ОТ БУМАГИ К ПЛАНШЕТАМ		
Герер А. Э., Герер С. А.	ВИЗУАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ И ЗАКАЗЧИКОМ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЛИ «ПОТРУДИТЕСЬ ИЗЛАГАТЬ ВАШИ МЫСЛИ ЯСНЕЕ»	401
Зайцева О. А.	ОНЛАЙН ОПРОС КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СВОБОДЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СРЕДНЕГО ЗВЕНА	402
Искакова Е.	ПЛАНШЕТИЗАЦИЯ: ПЕРВЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ УРОКИ	405
Степанов А. М.	АНАЛИЗ КОСВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА РАБОТЫ ИНТЕРВЬЮЕРОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕТОДОМ FACE-TO-FACE	407
Швецова Т. С.	ОТ БУМАГИ К ПЛАНШЕТАМ: ВЗГЛЯД ИЗ ГЛУБИНЫ РОССИИ	409
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ОБРАБОТКЕ И ИНТЕРПРИТАЦИИ ДАННЫХ		
Абрамова С. Б.	СВАДЕБНАЯ ФОТОГРАФИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ	412
Барановский М. В.	ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ ТЕОРИИ ИГР	414
Басимов М. М.	НЕЛИНЕЙНАЯ СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ	416
Божков О. Б.	КАК ФОРМИРОВАЛОСЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: 42 ЧАСА В ПРЯМОМ ТЕЛЕЭФИРЕ (1987-1989 ГГ.)	419
Газиева И. А.	КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ	427
Громов Д. В.	РАБОТНИКИ МОСКОВСКОГО ЗООПАРКА: КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КАЧЕСТВЕННОГО	432
Гужавина Т. А.	ДОВЕРИЕ В РАЗВИТИИ РЕГИОНА	432
Данилова З. А.	ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ	435
Задорин В. В.	ПРОВЕРКА ПРАВИЛЬНОСТИ ВЫВОДОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С ПОМОЩЬЮ СРЕДЫ ДЛЯ ОБРАБОТКИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ R	437
Каравай А. В.	ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАБОЧЕГО КЛАССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	439
Лашук И. В.	КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	443

Рожкова Л. В., Белашов В. А.	КОМПЬЮТЕРНАЯ ОБРАБОТКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРОГРАММЫ «SOCIOLOGY»	445
Шевелев Е. Г.	КРАУДСОРСИНГ ДЛЯ SMART DATA: ЦИФРОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ТРАЕКТОРИИ КОНСОЛИДАЦИИ ГИБРИДНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА	447
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ		
Вишневский Ю. Р., Дулина Н. В., Икингрин Е. Н., Пронина Е. И.	ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ СОЦИОЛОГОВ ВСЕРОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ	450
Данилова З. А.	К МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА	453
Фарахутдинов Ш. Ф.	ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗОВСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ	455
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ СОЦИОЛОГА		
Астоянц М. С.	К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТОВ СОЦИОЛОГА	462
Поляничко В. В.	СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА СОЦИОЛОГА»	463
Проказина Н. В.	ИМПЕРАТИВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИОЛОГА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ	466
НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЭТИКА СОЦИОЛОГА		
Артамонова М. В., Оберемко О. А.	ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ СОЦИОЛОГА – ОСНОВА ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ СОЦИОЛОГИЯ	472
Божков О. Б.	К ВОПРОСУ ОБ ЭТИКЕ СОЦИОЛОГА, ИЗУЧАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ	477
Ирхин Ю.В.	АКТУАЛЬНОСТЬ ЭТИЧЕСКОГО КОДЕКСА ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАФЕДР	478
Князева Е. В.	УЧАСТИЕ ДЕТЕЙ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	480
Ласточкина М. А., Суворова Е. И.	ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ (АНАЛИЗ ОТКЛИКА)	483
Толстокорова А. В.	ЭТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ГЕНДЕРНЫХ АСПЕКТОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ	485
Щукина Н. П.	ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ РАБОТЫ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ	496
ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ВЛАСТИ: ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ		
Абакаров Д. К.	ОПУБЛИКОВАНИЕ СВЕДЕНИЙ ОБ ОБРАЗОВАНИИ И О КВАЛИФИКАЦИИ ЧИНОВНИКОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ВЛАСТИ	500
Бурдюг В. В.	ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ	502
Васильева Е. А.	ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)	503

Гаврилов А. В., Епархина О. В.	НОВЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УРОВНЯ УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ ГРАЖДАН КАЧЕСТВОМ ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ	507
Дорохова Ю. В.	ПРОГРАММЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОПЫТ АНАЛИЗА ДОКУМЕНТОВ	509
Дроздова Ю. А.	СИМВОЛИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ ИМИДЖА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	511
Завалин В. Г.	ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ	514
Карпенко Е. В.	ОТКРЫТОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ОТ ИДЕИ К РЕАЛИЗАЦИИ	517
Киселев В. О.	ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ: ОСНОВЫ ВЗАИМОСВЯЗИ	519
Кожина Т. П.	СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	522
Лисицын П. П.	МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ НАПРЯЖЁННОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА	524
Магомедов К. О.	СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	527
Макарова Г. В.	ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	530
Мамонов М. В.	ОТКРЫТОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ЦЕЛИ ВЛАСТИ И ЗАПРОС НАСЕЛЕНИЯ	533
Мухамеджанов О. А.	СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ САНИТАРНОЙ МЕДИЦИНЫ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ	536
Нестерова С. В.	ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ В. В. ПУТИНА (ТРЕТИЙ ПРЕЗИДЕНТСКИЙ СРОК)	538
Никитенко О. С.	МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ	541
Петрова С. И.	СТИМУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ВЫПЛАТЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛОВ	543
Пилягина В. А.	СОЦИАЛЬНАЯ АНОМИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ	547
Руденкин Д. В.	ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ РОССИЯН К НЕРАВЕНСТВУ В ДОХОДАХ МЕЖДУ 1990-МИ И 2000-МИ ГГ.: ХАРАКТЕР ИЗМЕНЕНИЙ И ИХ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПРИЧИНЫ	551
Савченко И. А.	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЕЖДУ ОРГАНОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНАМИ	554
Садыкова Н. Р.	ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ КОМПОНЕНТОВ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ	557
Самохвалов Н. А.	ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ – ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	560
Соснин Д. П.	ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ	562

Халиков М. С.	НОВАЯ ПАРАДИГМА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	566
Челик В. Ю., Фомич М. О.	РАМОЧНЫЙ АНАЛИЗ НОВОСТНОГО КОНТЕНТА НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕНИЙ СМИ О ПАДЕНИИ БОИНГА МН17 В ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЕ	571
Черепанова М. И.	МОДЕЛЬ ФАКТОРОВ РИСКА ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ	574
Черняк Т. В.	ОЦЕНКА ПРИЧИН ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ И КОРРУПЦИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ (ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ)	576
Швайдак В. В.	РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПО ТУ СТОРОНУ ЕВРОПЕЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ	578
Ширин С. С.	АКТУАЛЬНОСТЬ ВОПРОСА РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ ПОНЯТИЯМИ «ИНТЕРНЕТ» И «ВСЕМИРНАЯ ПАУТИНА» ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	582

ВСЁ ПОЗНАЕТСЯ В СРАВНЕНИИ: ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНЫХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Анурин В. Ф.	НОВЫЕ СРЕДНИЕ КЛАССЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИИ И ЗАПАДА	586
Гончарова Н. П.	ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО: СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ	590
Городецкая О. А.	НОРМЫ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖЧИН, ПРАКТИКУЮЩИХ СЕКС С МУЖЧИНАМИ, КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ: ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ	592
Демин А. А.	СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ СООБЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	594
Иванова Т. В., Гудзовская А. А.	СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)	597
Кислая А. А.	ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЦЕВ В ПЕРИОД ДРАМАТИЧНЫХ СОБЫТИЙ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	600
Левашов В. К.	МЕЖДУНАРОДНЫЕ СРАВНЕНИЯ О ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКАХ	603
Лихачева О. Н.	АДАПТАЦИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ СЛОВАКИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	607
Паутова Л. А.	ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РЕСПОНДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК СОЦИОЛОГОВ: СРАВНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСОВ В РОССИИ И УКРАИНЕ 2000-Х ГОДОВ	610
Пономарёв Н. А.	РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ИНТЕРНЕТЕ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ ОБСУЖДЕНИЯ СОБЫТИЙ 2013–2014 ГГ. НА УКРАИНЕ)	613
Пучков П. В.	ХЕЙЗИНГ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА (АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ)	616
Семедов С. А.	СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	618

Солопенко А. В.	СРАВНЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2014-2015 ГГ.	619
Федосеева М. А.	ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ РОССИЯН И БЕЛОРУСОВ	621
Шаева О. Н.	СРАВНЕНИЕ В КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД ИЛИ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД?	623
Широканова А. А.	АЛЬТРУИЗМ ЦЕННОСТЕЙ САМОВЫРАЖЕНИЯ: ТЕСТ НА ДАННЫХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	626
Шушпанова И. С.	СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН ОБЩЕСТВЕННЫМ СТРУКТУРАМ И ИНСТИТУТАМ ВЛАСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	629
Shcherba H. I.	CROSS-BORDER COOPERATION OF UKRAINE IN TERMS OF THE ECONOMIC CRISIS	633
Яковлева М. Н.	ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПРОВИНЦИИ	637

РЫНОК ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ: ИНФРАСТРУКТУРА, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Благодарова А. В.	ОТРАСЛЕВАЯ ПРЕМИЯ «КУБОК 7/89»: РАСШИРЯЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИГРОКОВ РЫНКА	641
Буканова М. А.	ДЫХАНИЕ КРИЗИСА: КАК СИТУАЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ ВЛИЯЕТ НА ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ И МЕНЯЕТ ОТНОШЕНИЯ ЗАКАЗЧИКА И ИСПОЛНИТЕЛЯ	643
Дулина Н. В., Токарев В. В.	ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ «СОГЛАСОВАННАЯ ТАБЛИЦА ЦЕН НА ТИПОВЫЕ ВИДЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ»	645
Иванов П. В.	КАК СИСТЕМА КОНТРОЛЯ В ЗВОНКОВОМ ЦЕНТРЕ ПОВЫШАЕТ УВЕРЕННОСТЬ КЛИЕНТА В РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ	648
Ильмухин В. Н.	СОВРЕМЕННЫЕ МУЛЬТИЭКРАННЫЕ ПРАКТИКИ МЕДИА ПОТРЕБЛЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ	648
Леденева В. Ю.	КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ	651
Люкманов Б. В.	НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ: УГРОЗЫ ИЛИ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ПОЛЕВЫХ КОМПАНИЙ	653
Макушева М. О.	НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ И ЗАКАЗЧИКА В ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ГОСЗАКАЗУ	654
Проценко С. Н.	ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ РЫНКА ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ	657
Романович Н. А.	СТАЦИОНАРНЫЕ И СОТОВЫЕ ТЕЛЕФОНЫ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЫНКА КАК ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПАНИЙ	658
Рыбакова О. В.	ПРОБЛЕМА ФАЛЬСИФИКАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: СТАРЫЕ ВЫЗОВЫ – НОВЫЕ РЕШЕНИЯ	662
Токарев В. В.	ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РЕЙТИНГ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПАНИЙ РОССИИ. РЕЗУЛЬТАТЫ 2014 ГОДА И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	666
Токарев В. В., Дулина Н. В.	ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НЕАКАДЕМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ	670

Цветкова Г. А.	МУНИЦИПАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИИ: РАСШИРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ	673
----------------	--	-----

МОРАЛЬНЫЙ И МАТЕРИАЛЬНЫЙ КЛИМАТ СТАРЕНИЯ

Андрощук В. А.	КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА	677
Богомолова Е. В., Галицкая Е. Г., Иванова И. И., Кот Ю. А., Петренко Е. С.	ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ	679
Бутуева З. А.	РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ)	682
Вараксина Н. В.	ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ	684
Доброхлеб В. Г.	ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ПОТЕНЦИАЛ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИИ	687
Довейко А. Б., Стеценко А. И.	МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕНСИОНЕРОВ	690
Елютина М. Э.	ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ: ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ	693
Киенко Т. С.	ПОЖИЛЫЕ РОССИЯНЕ: СТАТУС, ПРОБЛЕМЫ, ПОТРЕБНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ОПРОСОВ ЖИТЕЛЕЙ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	694
Колобова А.Е.	ОТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ	697
Красавцева Е. И.	ПРИОБЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШИХ ВОЗРАСТОВ К ПРОСТРАНСТВУ ИНТЕРНЕТА	700
Лихачёва С. Н.	СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛУГИ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ (НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)	703
Максимова С. Г.	ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МОРАЛЬНЫЕ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО КОНТРАКТА	706
Матюшина Ю. Б., Квасова А. А.	МОДЕЛЬ ДОСУГОВОГО ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ ПЕНСИОНЕРОВ Г.ВОРОНЕЖА	709
Миронова А. А.	ЧАСТНЫЕ МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ТРАНСФЕРТЫ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	712
Моисеева Д. В.	ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ: СРЕЗ ПОКОЛЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ «ВОЛГОГРАДСКИЙ ОМНИБУС»)	717
Неваева Д. А.	СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ	720
Саликжанов Р. С.	СТАРЕНИЕ ОБЩЕСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МИРЕ И В КАЗАХСТАНЕ	722
Темаев Т. В.	ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЖИЛЫХ ОСУЖДЕННЫХ	729
Шестакова Н. Н.	РОССИЯНЕ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ	731
Щанина Е. В.	ОТНОШЕНИЕ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА К СВОЕМУ ВЫХОДУ НА ПЕНСИЮ	734
Юшкова-Борисова Ю. Г.	ПОЗДНЕЕ ВЗРОСЛЕНИЕ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ	737

ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТРУДНОГО ВОЗРАСТА

Абрамова С. Б.	ЦЕННОСТНЫЙ МИР ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ	740
Ашкинази Л. А., Абельюк Е. С.	ШКОЛЬНИКИ И ДОВЕРИЕ – СОЧЕТАНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ	743
Васильев И. А.	К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПАВ СРЕДИ УЧАЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ	744
Ганин В. В.	ИНДИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЧЕРЕЗ ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЁНКА	745
Губанова А. Ю.	ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ (НА ПРИМЕРЕ ОПРОСА ШКОЛЬНИКОВ В МОСКВЕ)	748
Егорова Н. Ю., Судьин С. А.	ШКОЛЬНОЕ НАСИЛИЕ: ОТ ОПИСАНИЯ К КОНСТРУИРОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ	750
Зайцева О. Ф.	ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОЕКТИВНО-ДИАГНОСТИЧЕСКОГО МЕТОДА ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ДЕВИАНТНОСТИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА	752
Иванова А. С.	ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ONLINE-ОПРОСОВ СРЕДИ УЧАЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	755
Игнатова Т. В.	ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ «ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ» МОЛОДЁЖИ	757
Колосова Е. А.	СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ И ДЕТСТВА (ПРАКТИКУМ)	760
Клюкина Э. С.	ДЕТИ ОТДАЛЁННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ КРАЙНЕГО СЕВЕРА: РЕСУРСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНОВ	762
Краснов И. Д.	ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПОПУЛЯРНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ ВНУТРИ УЧЕБНЫХ ГРУПП (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ В МОСКВЕ)	764
Макеев П. С.	ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В СТРУКТУРЕ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО ДИАЛОГА	768
Майорова-Щеглова С. Н.	АНКЕТИРОВАНИЕ ДЕТЕЙ: ОШИБКИ ТЕКСТОВ И СМЫСЛОВ	771
Махиянова А. В.	ПРИМЕНЕНИЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ САМОУБИЙСТВА КАК ФОРМЫ ДЕЛИНКВЕТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ	773
Морев М. В., Шматова Ю. Е.	СОЦИАЛЬНЫЕ ПАТОЛОГИИ В ДЕТСКО-ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ УГРОЗА (НА ПРИМЕРЕ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ).	775
Мунтян И. В.	МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ	778
Новикова Е. М.	СРАВНЕНИЕ ОТВЕТОВ В ПАРАХ «РОДИТЕЛЬ – РЕБЁНОК»: МОЖНО ЛИ ИЗ ДВУХ КРИВЫХ ЗЕРКАЛ ПОСТРОИТЬ ОДНО ПРАВИЛЬНОЕ?	781
Рябокоть М. В.	ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОВЕДЕНИЯ АБИТУРИЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ АБИТУРИЕНТОВ НИЖЕГОРОДСКИХ ВУЗОВ)	788
Селиванова З. К.	АНКЕТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СТАРШИХ ГОРОДСКИХ ПОДРОСТКОВ	790
Солодников В. В.	МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ	793

Степанова Е. И., Саганенко Г. И., Чупахина Ю.	ВОСПРИЯТИЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА И ДВАДЦАТИЛЕТИЯ РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ РАЗНЫМИ ПОКОЛЕНИЯМИ	795
Тенишева К. А., Александров Д. А.	(РАС)СОГЛАСОВАНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ И ДЕТСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА ВЫБОР ОБРАЗОВАНИЯ	801
Титкова В. В., Иванюшина В. А., Александров Д. А.	СЕТЕВЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ	803
Тихонова Е. В.	СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ НА РЫНКЕ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	805
Хуснутдинова М. Р.	МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ С ДЕТЬМИ	808
Целищева В. Г.	ОПЫТ ВИЗУАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРАКТИВНОЙ ВЫСТАВКИ «ПРО-ЗАБРОШЕННОЕ»)	809
Черепанова М. И.	СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ, ПРОВОЦИРУЮЩЕЕ СУИЦИДАЛЬНЫЙ РИСК (НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ)	811

СОЦИОЛОГИЯ И BIG DATA

Ю. М. Большакова

КОНЦЕПЦИЯ БАЗ ДАННЫХ И ОБЛАЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОММУНИКАЦИЙ БИЗНЕСА

БОЛЬШАКОВА Ю. М. – к. п. н., доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Процесс масштабирования ИТ-инфраструктуры бизнеса, расположенной на площадке предприятия, может быть медленным, и организациям часто не удаётся достичь оптимального уровня использования ИТ-инфраструктуры.

Облачные технологии – это смена парадигмы, которая обеспечивает поддержку вычислений с использованием интернета. Сервис облачных вычислений состоит из высоко оптимизированных и виртуализированных центров обработки данных, обеспечивающих предоставление различных программных, аппаратных и информационных ресурсов, когда их использование оказывается необходимым [1].

Бизнес может подключаться к вычислительному облаку, чтобы использовать доступные ресурсы и оплачивать только фактически потребляемый объём услуг. Это помогает компаниям избегать капитальных затрат на установку дополнительных элементов инфраструктуры на своих площадках, а также мгновенно увеличивать или уменьшать объём используемых вычислительных ресурсов согласно своим бизнес-требованиям [2]. Гибридная облачная среда представляет собой сочетание частной и общедоступной моделей интегрированных коммуникаций. В гибридной облачной среде отдельные ресурсы выполняются или используются в общедоступной облачной среде, а другие – на площадке заказчика, в частной облачной среде. Это обеспечивает повышение эффективности.

Нефтяная отрасль, индустрия путешествий являются достаточно изменчивыми отраслями экономики, зачастую сталкивающиеся с глобальными вызовами, бизнес трактует это как: «вся эта затея – игра с очень высокими ставками», «отличительная особенность нашего бизнеса – это технологии, которые мы используем», «нам нужен способ продвижения в этом направлении и быстрого развёртывания подобной системы».

В каждом из этих случаев залогом успеха интегрированных коммуникаций было использование облачных вычислений, а именно – общедоступной облачной среды, новой парадигмы разработки приложений и обработки больших объёмов данных.

Рассмотрим данные влияния облачных услуг на ИТ-бюджет фирмы (рис. 1) по результатам социологического опроса «The hidden truth about cloud spending», опубликованного в 2011г. [1]: 55% респондентов отметили, что затраты выросли – на виртуализацию данных; 51% – на обеспечение ИТ-безопасности; 50% – на соответствие стандартам и управление, сетевое оборудование; 44% – на использования серверов; 43% опрошенных подчеркнули, что затраты выросли на сетевое программное обеспечение (ПО), хранение данных, серверное обслуживание ПО; 32% респондентов отметили, что затраты уменьшились за счёт внедрения облачных услуг в направлении серверного обслуживания, 20% отметили снижение затрат за счёт использования серверного ПО, 19% – за счёт использования коммерческого ПО, 18%

респондентов отметили, что затраты уменьшились за счёт внедрения программ повышения производительности ПК.

Рисунок 1 – Доля респондентов, отметивших, что затраты увеличились (+), уменьшились (-) за счёт внедрения облачных услуг в 2010 г.

Существует несколько серьёзных стратегических установок для переноса бизнеса любой компании в облачную среду.

Первая причина – масштабирование, когда бизнес может свободно масштабировать используемые ресурсы.

Вторая причина – эластичность, организация получает возможность использовать невероятный набор инструментов для выполнения анализа данных, обработки графики, потокового вещания видео и решения любых других задач.

И третья – доступ бизнеса к базам данных и расчётам в реальном времени. На вашем устройстве всё происходит в реальном времени, что позволяет вам принимать решения. Последняя причина носит принципиальный характер, речь идёт о переходе от приобретения IT-оборудования для проектов с целью последующего использования на своих площадках – к модели, в которой вы приобретаете услугу по мере её использования. Пользователь имеет доступ по мере необходимости, и это обеспечивает большую гибкость с точки зрения прибыли и убытков – такова модель операционной деятельности многих компаний во всём мире.

Рассмотрим практику интегрированных коммуникаций для использования цифровых услуг в современном мире (рис. 2); так, в 2010 г. бизнес в основном использовал не облачные технологии в объёме 22 зетабайт.

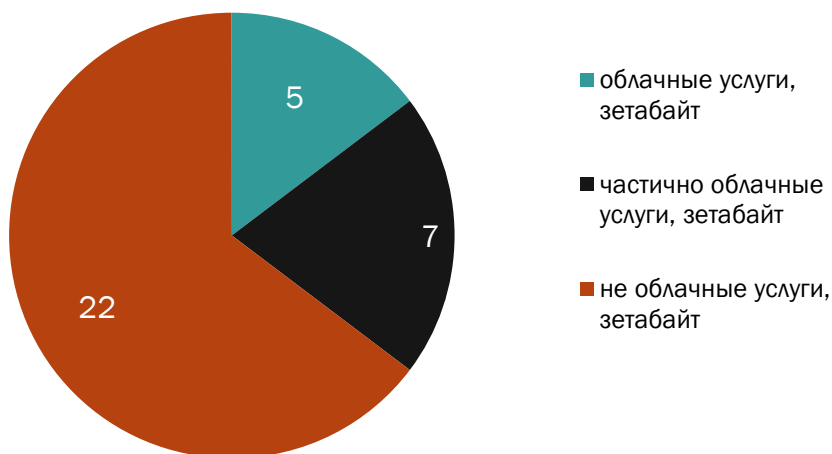

Рисунок 2 – Анализ использования цифровых услуг в современном мире, 2014 г. [см. 1]

Рассматривая расходы современного бизнеса на IT-безопасность, следует отметить, что с 2008 по 2012 гг. они увеличились на 74%; по данным компании «SG Cross Assert Research», основные статьи расходов на безопасность – это обеспечение защиты на уровне пользователя (5,4 млрд долл. США в 2012 г.), корпоративная безопасность (4,4 млрд долл. США в 2012 г.) резервное хранение и восстановление данных (4,4 млрд долл. США в 2012 г.), см. подробные данные на рис. 3.

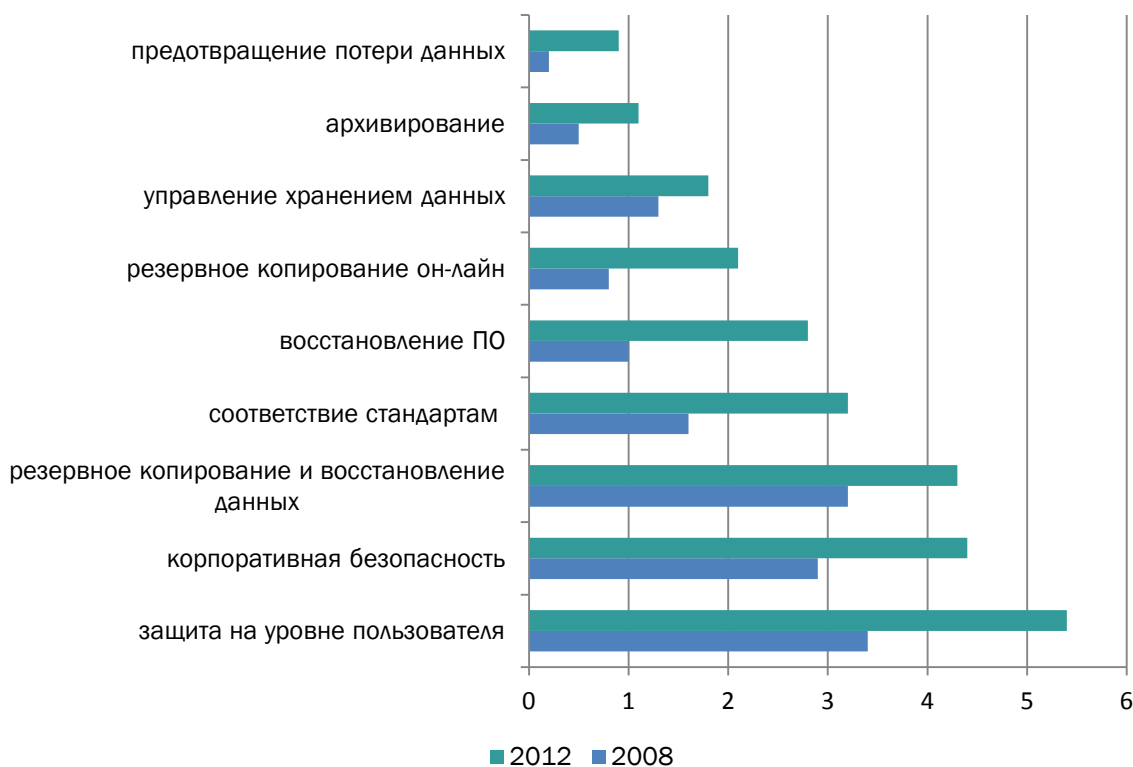

Рисунок 3 – Расходы на обеспечение информационной безопасности (в млрд долл. США) [4]

Самое последнее новшество – это социальные сети. Можно утверждать со всей определённой, что социальные сети с течением времени могут стать крупнейшим или одним из крупнейших трендов в интегрированных коммуникациях, поскольку они дают возможность людям объединяться в группы, обмениваться информацией и совместно работать над решением различных задач. Обеспечение более эффективных возможностей для обмена данными между людьми и их совместной работы всегда служило фактором эволюции технологий во всем мире, а социальные сети – это нечто совсем новое. Облачная среда предоставляет множество возможностей и преимуществ для решения проблемы злоумышленников. Компании «Microsoft», «Google», «Salesforce» и другие поставщики услуг доступа к облачным средам могут реализовать множество сервисов и технологий безопасности, сконцентрировать для этой цели усилия лучших сотрудников на всей планете. Компании, подробные «Google», «Microsoft» и «Salesforce», способны предоставлять услуги защиты данных своим клиентам, которые используют Gmail и Документы Google. Важнее всего то, что эти компании имеют мотивацию обеспечивать более высокий уровень открытости при появлении проблем, которые они могут обсудить друг с другом и клиентами, чтобы понять суть возникших проблем и возможные способы их решения.

Литература

- 1 Handler D. P., Barbier J., Schottmiller P. SMB Public Cloud Adoption. \$51 Billion of Enterprise Disruption. Cisco. Internet Business Solutions Group (IBSG). 2012.
- 2 Research in action White Paper: the hidden costs of managing applications in the cloud. Research In Action GmbH. 2103.
- 3 Kepes B. Cloudonomics: the Economics of Cloud Computing. Diversity Limited, 2011.
- 4 Technology Hardware. This special SG Global Report. «SG Cross Assert Research». 2014.

М. С. Васянин

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИОЛОГИИ И БОЛЬШИХ ДАННЫХ

ВАСЯНИН М. С. – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и управление персоналом» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет». E-mail: mihail.vasyanin@gmail.com.

Считается, что термин «Big Data» впервые использовал главный научный сотрудник компании «Silicon Graphics Inc.» Джон Мэши на конференции USENIX Association в 1998 г., но интерес к данному понятию резко повысился только после публикаций в журнале «Nature» в сентябре 2008 г., где обсуждались проблемы, вызванные ростом объёмов данных, получаемых в процессе проведения современных научных экспериментов. Однако содержательные истоки Big Data можно проследить ещё в 1940-е годы, когда отмечалось, что фонд университетских библиотек рос с невероятной скоростью, удваиваясь каждые шестнадцать лет [1].

За прошедшие с этого момента годы данный термин стал использоваться с такой невероятной интенсивностью, что, ещё, не будучи достаточно понят, стал вызывать негативную эмоциональную реакцию у некоторых специалистов. Как отмечает компания «Gartner Inc.», изучая популярность различных технологических терминов, сначала происходит довольно резкий всплеск шума вокруг новой технологии, потом столь же резкое падение интереса и

разочарование. И только потом возможно начинается реальное массовое внедрение. Так вот сейчас термин «Big Data» находится на пике популярности. А это значит, что через 5–10 лет эти разработки, возможно, будут массово распространяться [2].

Вместе с тем, до сих пор нет единого понятия термина «Big Data», который к тому же часто называют новым подходом в получении знаний. Отмечается, что слово «big» в названии подхода не совсем корректное, т. к. данные не бывают «большими» (big), а бывают лишь «длинными» (long) и «широкими» (wide). «Длина» данных определяется количеством доступных для анализа наблюдений конкретного фактора. «Ширина» же данных говорит о количестве функциональных зависимостей, существующих между различными факторами.

Эти две характеристики, определяющие, насколько «большими» данными располагает исследователь, работают прямо противоположно. Чем «длиннее» данные, тем лучше – тем точнее алгоритм будет предсказывать значимость конкретного фактора. «Ширина» же данных приводит к серьёзным проблемам с вычислением. Поэтому ограничивать «ширину» предлагается экспертам из числа людей [3].

Big Data можно определить как подход в получении нового знания через анализ больших массивов данных. Уже сейчас данный подход используется в различных отраслях для прогнозирования будущего.

Но нас интересует взаимодействие социологии и Big Data, а именно то, как повлияет новый подход на получение социальных знаний. Виктор Майер Шенбергер и Кеннет Кукьер отмечают, что «в мире больших данных мы можем проанализировать огромное количество данных, а в некоторых случаях – обработать все данные, касающиеся того или иного явления, а не полагаться на случайные выборки... Используя все данные, мы получаем более точный результат и можем увидеть нюансы, недоступные при ограничении небольшим объёмом данных. Большие данные дают особенно чёткое представление о деталях подкатегорий и сегментов, которые невозможно оценить с помощью выборки».

Второй особенностью нового подхода, по мнению авторов, является то, что можно снизить претензии к точности, на которую был сделан упор в анализе «малых данных». «В мире больших данных строгая точность невозможна, а порой и нежелательна. Если мы оперируем данными, большинство которых постоянно меняется, абсолютная точность уходит на второй план».

И, наконец, новый подход приводит к отказу от поиска причинности. «В мире больших данных мы больше не обязаны цепляться за причинность. Вместо этого мы можем находить корреляции между данными, которые открывают перед нами новые неоченимые знания. Корреляции не могут сказать нам точно, почему происходит то или иное событие, зато предупреждают о том, какого оно рода. И в большинстве случаев этого вполне достаточно» [4]. В книге авторов «Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим» приводится много примеров в доказательство изложенных принципов нового подхода.

Из примеров российского опыта использования подхода «Big Data» в прогнозировании будущего социального поведения можно привести пример того, как был предсказан победитель шоу «Голос» на Первом канале российского телевидения с помощью анализа упоминаний того или иного участника в сети Интернет обычными пользователями. При этом здесь была построена гипотеза о том, что «лидер по итогам голосования, окажется и лидером по количеству обсуждений в социальных медиа». Таким образом, даже субъективные мнения, которые часто мы получаем в ходе опросов, можно анализировать с помощью подхода «Big Data», хотя до сих

пор встречаются мнения об обязательной объективности данных, используемых в новом подходе [5].

Таким образом, использование подхода «Big Data» при анализе субъективных мнений будет возрастать с уменьшением количества людей, которые не пользуются интернетом. Сейчас, единственное ограничение в использовании Big Data накладывается на выявление мнений старшего поколения, но уже через одно-два поколения всё население так или иначе будет пользоваться социальными медиа. Именно, социальные медиа дают нам богатый материал для анализа поведения людей. Как итог, теперь главным становится не столько умение строить выборку и выбирать правильный метод, сколько знание того, как собрать и обработать объективные данные. А это уже скорее дело не столько социолога, сколько программиста. Уже сейчас анализировать социологические данные исследователям помогают различного рода программные продукты. В скором же времени предстоит наладить получение этих данных без помощи социологов.

Так что же остаётся делать социологам, если в будущем их профессия может встать в один ряд с исчезнувшими в один миг профессиями машинисток и чертёжников? Ответ может заключаться в том, что социологи будут выступать в роли экспертов, ограничивающих «ширину данных», о которой мы говорили выше. Но скорее всего это задача статистов, которые и сейчас занимаются практически тем же самым.

Главное заблуждение, как нам кажется, состоит в том, что теперь, по словам Виктора Майера Шенбергера и Кеннета Кукьера, становится неважным анализ причинно-следственных связей. Цель познания как раз и состоит в том, чтобы понять, почему происходит то или иное действие, и оно тесно связано с человеческой психикой, которое будет стремиться найти эту причинно-следственную связь. Ведь существуют в математике теоремы, которые не доказаны и многими используются, но, как мы можем наблюдать, время от времени пылливый ум старается и не безуспешно доказать их. Хотя, стоит признать, это скорее исключение, нежели правило. А для выявления причинности в социальных явлениях не обойтись без использования качественных методов социологии. Ещё более важным условием выдвижения на первый план в социологии качественных методов станет то, что для получения нового знания, по мнению многих, теперь не нужно строить гипотез. Анализ «Big Data» будет давать нам такие связи, о которых мы раньше и не могли догадаться. Т. е. неимоверно возрастёт количество новых корреляций, которые социологам как раз и предстоит объяснить. По нашему же мнению, получение таких связей в свою очередь может привести к тому, что будет выдвигаться ещё больше гипотез, которые необходимо будет снова проверять.

Именно совершенствование использования качественных методов, как мы считаем, станет главной задачей социологов при анализе социального поведения людей. Количественные же данные можно оставить для подхода «Big Data». Другой вопрос, от которого будет зависеть будущее практических социологов, состоит в том, насколько быстро будут распространяться алгоритмы, позволяющие анализировать большие данные. А это в свою очередь, будет зависеть от стоимости и от сложности использования подхода «Big Data». И скорее всего ещё долгое время данный подход будет соседствовать с традиционным сбором данных посредством построения выборки, проведения опроса и анализом ответов. Да к тому же, данные, получаемые в ходе опросов, уже сами по себе становятся «большими данными», к которым может быть применим подход «Big Data».

Литература

- 1 Gil Press. A Very Short History of Big Data //Форбс. URL: <http://www.forbes.com/sites/gilpress/2013/05/09/a-very-short-history-of-big-data/>.
- 2 Шириков А. Big Data – самый надоевший термин 2013 года // Slon. URL: <http://slon.ru/biz/1026116/>.
- 3 Карелов С. Долой Шерлока Холмса. Как победить на рынке BIG DATA // Slon. URL: <http://slon.ru/biz/1036183/>.
- 4 Шенбергер В. М., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.
- 5 Социальные сети как инструмент прогнозирования и оперативной социологии // Хабрахарб. URL: <http://habrahabr.ru/sandbox/56991/>.

Е. Б. Галицкий
СЕТЕВОЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС «ФОМОГРАФ»:
ОТ АНАЛИЗА ДАННЫХ ОПРОСА К НАКОПЛЕНИЮ ЗНАНИЙ
О ГРУППАХ РЕСУРСНОЙ ТИПОЛОГИИ

ГАЛИЦКИЙ Е. Б. – кандидат экономических наук, доцент, начальник лаборатории анализа данных ООО инФОМ, доцент кафедры Маркетинга фирмы НИУ ВШЭ. E-mail: galitskiy@fom.ru.

Практически всегда, а в особенности – в периоды кризисов, многие компании остро нуждаются в готовой информации, которая помогла бы им сегментировать рынок, выбрать целевые группы и узнать их особенности, позволяющие разработать эффективную стратегию взаимодействия. Такая информация особенно необходима сегодня отечественным производителям. В условиях санкций и антисанкций для них открылись уникальные возможности по освоению российского рынка, но при этом права на ошибку у них нет.

Учитывая такую необходимость, ФОМ разместил на своём сайте в свободном доступе сетевой информационный ресурс «Фомограф» (<http://fomograph.fom.ru/>), содержащий обширную и постоянно пополняемую информацию о группах и подгруппах ресурсной ФОМ-типологии – сегментации российского населения 18+ по объёму и структуре разного рода ресурсов. Мы сконцентрировали своё внимание, прежде всего, на ресурсной типологии россиян, поскольку согласно многим отечественным и зарубежным исследованиям, объём ресурсов – ключевой источник различий в образе жизни, взглядах, потребительских привычках и предпочтениях людей. Методика построения этой типологии, базирующаяся на специальном сочетании категориального метода главных компонент, методов кластерного анализа и деревьев классификации, подробно описана в журнале «СОЦИС», эта публикация [1] признана лучшей статьёй журнала в разделе «Методические проблемы социологии» за 2012 г (см.: http://www.isras.ru/socis_best_2012.html). В ней, в частности, приведены данные о том, на сколько баллов перемещается человек по 100-балльной шкале комплексного ресурса, если устраивается работать на ту или иную должность предприятия той или иной отрасли, если получает диплом об окончании вуза, если переезжает жить в другой населённый пункт и т. д.

Особенностью ресурсной ФОМ-типологии является то, что пять её групп («А. Высокоресурсные работники», «В. Среднересурсные работники», «С. Низкоресурсные работники», «D. Среднересурсные пенсионеры» и «Е. Низкоресурсные пенсионеры») складываются из 15-ти подгрупп, каждую из которых отличает определённое сочетание

нескольких ресурсных переменных, оказавшихся в данном случае ключевыми. Например, группа В состоит из пяти подгрупп. Четвёртая из них (подгруппа b₄) - называется «Обеспеченные и малообеспеченные городские рабочие, служащие, и неработающие из необразованных семей». Её представители обладают одновременно четырьмя признаками. Проживают они либо в городах, либо в посёлках городского типа, но не в сёлах. Высшего образования нет не только у них самих, но и у членов их семей. По роду занятости это либо рабочие, либо служащие, либо не работающие (но не пенсионеры). Материальное положение их семей достаточно для покупки, по крайней мере, одежды и обуви.

Наличие такого рода простых и однозначных правил распределения между подгруппами ФОМ-типологии позволяет говорить о своего рода мозаичной структуре взрослого населения страны. Благодаря этому практически каждый очередной опрос ФОМ вносит свой вклад в копилку знаний о группах и подгруппах ресурсной ФОМ-типологии. А в сочетании с данными государственной статистики о численности взрослого населения страны и регионов можно оценить число представителей той или иной группы и подгруппы как в стране в целом, так и в каждом субъекте Российской Федерации.

Объём знаний о группах и подгруппах ресурсной ФОМ-типологии еженедельно пополняется с 2010 г. данными репрезентативных опросов ФОМ. Благодаря удобному web-интерфейсу пользователь может в удалённом режиме найти в списке тем и вопросов базы интересующий его показатель (например, склонность приобретать определённые товары), выбрать в качестве целевых одну или несколько подгрупп с наибольшим значением этого показателя в абсолютном или относительном измерении, а затем ознакомиться с кратким описанием этих подгрупп, с её наиболее важными и статистически значимыми особенностями, а также оценить их долю и численность в каждом субъекте Российской Федерации.

Ресурсная ФОМ-типология разработана автором совместно со старшим специалистом ООО инФОМ С. А. Рапопорт при участии к. ф. н., управляющего директора ФОМ Е. С. Петренко, комплексная методика многомерного анализа данных создана совместно с начальником отдела обработки и анализа данных ООО инФОМ, доцентом кафедры маркетинга фирмы НИУ ВШЭ Е. Г. Галицкой. Программная реализация web-приложения «Фомограф» разработана специалистом ООО инФОМ И. В. Черновой. На сегодняшний день доступен онлайн-анализ данных по 76 темам, база содержит сведения об ответах респондентов на 871 вопрос, по многим из которых демонстрируется динамика. Таким образом, современные информационные технологии делают зрение исследователя и практика многомерным, позволяют ему перейти от анализа данных одного социологического опроса, специально спроектированного под решение тех или иных задач, к изучению самых разных сторон жизни выбранных им социальных групп населения, численность и расселение которых становятся известны, благодаря сочетанию данных репрезентативных опросов с данными государственной статистики.

Литература

- 1 Галицкая Е. Г., Галицкий Е.Б., Петренко Е. С., Рапопорт С. А. Методика «ФОМография» и ресурсная дифференциация российского общества // СОЦИС. 2012. № 10. С. 131–142.
URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_10/Galitskaya.pdf.

А. Дмитриев
ЧТО ТАКОЕ BIG DATA И ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ
Big Data, 4V: Volume, Velocity, Variety, Value

ДМИТРИЕВ Александр Станиславович – Ведущий Системный Архитектор IBM, MBA, Warwick University (Warwick Business School). E-mail: admitriev@ru.ibm.com mexican2000@mail.ru.

Вступление

Big Data – новый, не устоявшийся ещё термин в сфере информационных технологий.

Мнемонически принято считать Big Data обладающим четырьмя особенностями, на английском – 4V: Volume, Velocity, Variety, Value, т. е. большими объёмами, скоростью их возникновения, разнообразием и внутренним ценным смыслом.

Тема «Big Data» напрямую связана с появлением таких объёмов данных, для обработки которых в настоящее время нет адекватного инструментария.

Вторым важным моментом является не то, что такого инструментария нет в принципе, важно, что для той или иной отрасли, фирмы, конкретного случая такой инструментарий может отсутствовать, либо на его приобретение/создание нужны недоступные в конкретном случае ресурсы.

Таким образом, задача по решению проблемы «Big Data» сводится к следующим положениям:

- 1 обработка больших массивов данных в режиме, соответствующем скорости бизнес-процесса
 - 2 полученные результаты должны иметь практическое для бизнеса значение и давать при принятии решений конкретные конкурентные преимущества,
- Итак, речь идёт о создании новых рынков сбыта и новой индустрии производства.

В целом, Big Data должна:

- 1 обеспечить прозрачность и скорость использования информации о потенциальном объекте бизнеса для быстрого принятия правильных решений.
- 2 превращать любую информацию в строгую цифровую отчётность, позволяющую моделирование или контролируемые эксперименты для принятия правильных решений при многих возможных вариантах,
- 3 создавать более чёткую категоризацию в интересующей области (сегментация клиентов, продуктов, сервисов и т. д.),
- 4 поддерживать процесс принятия решений,
- 5 на основании полученной реакции от рынка, клиентов, других объектов бизнеса формировать следующие, усовершенствованные на основании обработки и анализа полученных данных, продукты и услуги.

Решения для рынка и возможности в них для социологии

Рассмотрим три важных направления:

- 1 маркетинг (формирование предложений на основе учёта вкусов, предпочтений и персональной истории клиента/групп клиентов,
- 2 финансовый сектор (отслеживание кредитной истории, обоснование выделений финансовых ресурсов, борьба с мошенничеством),
- 3 социальный сектор (отслеживание предпочтений тех или иных групп населения, отслеживание формирования новых социальных образований, возможность влияния на эти группы).

Что касается маркетинга, это задача, связанная с отслеживанием предпочтений потенциальных клиентов и их персональной истории.

Остаются открытыми следующие вопросы:

- 1 выборка,
- 2 валидность/верификация полученных данных,
- 3 интерпретация полученных данных.

Есть и более сложные проблемы, в первую очередь речь идёт о правильной постановке задачи техническим исполнителям, создателям инструментария для обследования. Классическому социологу необходимо разбираться не только в статистических методах, но и в методах получения, обработки и анализа данных, равно как и механизмов ИТ-индустрии вообще. Наиболее важным, видимо, будет понимание модели «облачных решений», как одной из перспективных форм предоставления сервисов, в ходе реализации которых могут собираться данные о респондентах.

Проблемой является также искажение результатов (или проблемы интерпретации). Методологически определение «поправки» на интернет-искажение (назовём это так) – весьма сложная задача, которая пока так же не решена.

3. Общая архитектура решения Big Data

При работе с традиционными массивами данных заранее известно, в каких единицах измеряются наши данные, что из себя представляют, что мы хотим из них извлечь. При работе с Big Data заранее неизвестно, какие зависимости будут обнаружены в многоформатном, постоянно поступающем в реальном времени массиве данных. Это различие в подходах в литературе называется обычно «Information Architecture Paradigm Shift».

Вторым принципиальным отличием является то, что в традиционных массивах данные как бы «загружались» в аналитический инструментарий для их анализа, а в Big Data аналитический инструментарий «приближается» к данным, встраивается непосредственно в механизмы получения и обработки информации таким образом, чтобы обрабатывать их «на лету», максимально быстро.

Типы данных для обработки при работе с Big Data подразделяются на целый ряд отличающихся категорий, в которых необходимо разбираться.

4. Необходимые технологические элементы: вычислительные ресурсы, "датчики" для сбора данных, каналы передачи информации, обрабатывающие программы, инструменты передачи обратной связи (порталы, целевая рассылка и пр.)

В этом разделе дается описание элементов компьютерной системы, работающей с большими данными, собираемыми в реальном режиме времени.

5. Поддерживающие механизмы (облачная инфраструктура, необходимый сервис)

В этом разделе рассматриваются варианты «облачных» решений для понимания того, с кем и когда придётся сотрудничать социологам при работе в подобных проектах.

SmartCloud Жизненный цикл облачного решения: актеры

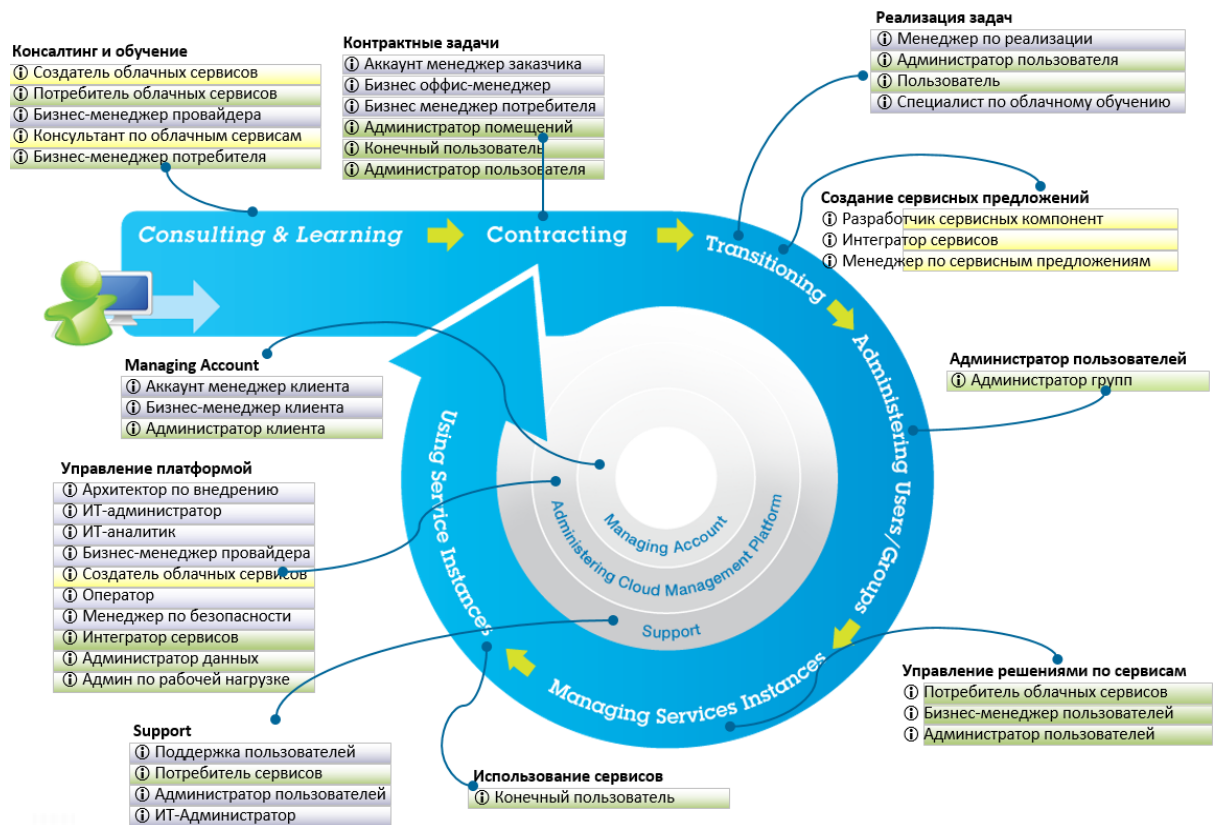

Рисунок 1 – Роли в поддержке облачного решения. Жизненный цикл решения. Материалы IBM

На разных этапах создания «облачного» решения им занимаются разные люди, либо одни и те же люди, выступающие в разных ролях.

При составлении опросников, либо вариантов получения обратной связи в другой форме, необходимо будет ставить задачи разработчикам решения, тесно общаться с теми, кто будет, собственно, получать эти данные. Не понимая суть процесса получить положительный результат затруднительно.

Между источником данных и социологом-реципиентом, если можно так выразиться, пролегал огромная технологическая структура. Принципы её организации и работы желательно понимать, чтобы не получить искаженных результатов.

6. Дополнительные необходимые аспекты: обеспечение очистки данных и соблюдение единства форматов

Понимание форматов данных, существующих при работе с «Big Data», а также типов программного обеспечения для работы с ними, может существенно облегчить задачу их

очистки, трансформации, анализа. В этом разделе даются общепринятые типы/форматы данных и программного обеспечения, работающего с ними.

Категоризация и понимание форматов данных является важнейшим условием обеспечения правильного методологического подхода при социологических исследованиях.

7. Обеспечение защиты (надёжность, непрерывность и т. д.), в т. ч. шифрации данных, этические аспекты

Вопросы обеспечения защиты данных, которыми обычно занимаются ИТ-специалисты в области безопасности, а также специалисты по построению защищённых от различных воздействий (катастроф, сбоев электропитания, человеческих ошибок и т. д.), касаются и социологов при работе с «большими данными».

Одной из основных проблем является обеспечение защиты полученных данных, а также результатов анализа. Соблюдение режима анонимности при определённых исследованиях обязательно для социологов, особенно если это касается возможных негативных последствий для респондента. Последствия же неверного решения могут быть весьма печальными.

Резюме:

Так называемые решения в области «больших данных» (Big Data) являются качественным скачком в возможностях работы с данными. В первую очередь появилась возможность получения в режиме реального или близкого к реальному времени огромного количества разнообразных данных об окружающей нас реальности и извлечения из этого потока неожиданно полезной информации. Однако эти новые возможности ставят целый ряд достаточно сложных задач, связанных как с техническими особенностями проведения исследований на основании сложных компьютеризированных систем, так и с этическими аспектами.

Основные рекомендации для успешного решения выдвигаемых задач – это тесное сотрудничество с техническими специалистами по сложным системам и сочетания так называемых «инновационных» и традиционных методов социологии для контроля полученных результатов.

Литература

- 1 A Oracle Enterprise Architecture White Paper – An Enterprise Architect's Guide To Big Data, 2015, whitepaper.
 - 2 Big data: The next frontier for innovation, competition, and productivity, McKinsey Global Institute, 2011.
- Внутренние материалы IBM

О. Ю. Колесниченко, Г. Н. Смородин
БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

КОЛЕСНИЧЕНКО О. Ю. – PhD, главный редактор электронного Бюлетеня «Анализ безопасности».

СМОРОДИН Г. Н. – PhD, MBA, руководитель Академического партнёрства EMC в России и СНГ.

Феномен больших данных – Big Data – является новым явлением в истории цивилизации и, в частности, социальных наук. До достижения в инновационном цикле по кривой Гартнера плато предельной продуктивности «Big Data» с точки зрения ИТ-специалистов осталось 5–10 лет [1]. На данном этапе по кривой Гартнера феномен «Big Data» уже прошел пик сверх ожиданий. Однако, по мнению исследователей феномена «Big Data» [2], это правомерно с точки зрения технологий хранения и обработки данных, но не с точки зрения взаимодействия феномена «Big Data» с социумом. Обладать набором ИТ-инструментов для анализа Big Data – это только первый шаг.

Можно выделить три фундаментальные проблемы, связанные с Big Data:

- 1 Недостаток воображения;
- 2 Непонимание применения;
- 3 Морально-этические проблемы.

Даже если вы владеете самыми современными ИТ-программами, остаются вопросы – насколько ваше воображение позволяет вам взглянуть на Big Data с нужного уровня понимания проблемы, как вы можете применить новые знания и какие моральные и этические аспекты жизни человека это затронет?

Любая социальная тема, которая будет подвергаться изучению в масштабе Big Data, неизбежно будет носить черты пространственно-временной структуры. Хотя именно эта базовая характеристика Big Data – *пространственно-временная структура* – до сих пор мало изучается. В большинстве случаев от анализа Big Data ожидают выявления новых закономерностей, которые раньше было невозможно обнаружить. А также, возлагают большие надежды на построение точных прогнозов для любых сфер жизнедеятельности человека, говоря о критической важности скорости обработки больших данных – Fast Data.

Феномен «Big Data» как явление информационной глобализации можно считать фактором, который будет менять мировоззренческие установки в социуме [3]. Но, остаётся открытым вопрос – наше понимание социальных процессов будет меняться из-за того, что мы сможем больше узнать и рассмотреть более масштабную картину благодаря Big Data, или же наше понимание социальных процессов будет меняться в тесной зависимости от интеграции информационных технологий в жизнь социума? Ведь «информационная тень» или «информационные следы», которые в наши дни каждый человек оставляет за собой, становятся всё больше и больше. И это не только всё более подробные данные о каждом человеке, записанные на серверы, но и высказывания, мнения, предпочтения и т. п., индуцированные влиянием ИТ-технологий.

Анализируя Big Data, мы столкнёмся в будущем с необходимостью внедрения такого понятия, как «Big Frame» – большая структурно-функциональная организация любых изучаемых систем. Big Frame будет представлять собой оптимальную организацию той или иной системы (из разных сфер жизнедеятельности социума), которая имеет функции, определяемые только в масштабе большой структуры.

Человек является биологической системой, а социум по сути также относится к категории биологической системы. Любая биологическая система наделена качеством стремиться к оптимальности, а также может подвергаться трансформации и стрессу. Соответственно, говоря о Big Frame в рамках социума, следует ожидать выявления таких характеристик большой структуры, как *Optimal Frame* (эталонная большая структурно-функциональная организация

изучаемой социальной системы и критерии её оптимальности), *Frame Transformation* (процессы и векторы её трансформации), *Frame Stress* (характеристики большой структурно-функциональной организации изучаемой социальной системы в условиях стрессовых нагрузок и нестабильности), *Frame Adaptation* (её постстрессовое адаптированное состояние и последствия этого явления).

С другой стороны, мы будем выявлять такие пространственно-временные Big Frame, функциональное значение которых для социума нам будет непонятно. И в этом кроется главная интрига феномена «Big Data». Это касается особенно таких явлений, как агрегация в рамках того или иного социального процесса, хранение информации о пространственно-временной конфигурации и нелинейное групповое взаимодействие. Такие явления в биологии не считаются простой суммой поведения индивидов, а они обусловлены сложными взаимодействиями, как внешними, так и внутренними, суть которых не всегда понятна и раскрыта. Также надо учитывать, что сама по себе глобальная информационная среда оказывает сильное трансформирующее воздействие на все социальные процессы, что отразится на любой выявленной Big Frame. Т. е., анализируя Big Data, мы не изучаем социум отдельно от информационной среды, а изучаем социум в процессе его слияния с информационными технологиями [4].

Информационная эра меняет рынок труда и запрос на подготовку востребованных специалистов [5]. Информационные технологии применяются для экономического и политического давления на те или иные государства [6, 7]. В связи с этим благополучие социума становится полностью зависимым от эволюции информационной эры. Необходимо понимание, как социум интегрируется с ИТ-технологиями, какие при этом формируются Big Frame, как определять стабильность или нестабильность той или иной сферы жизнедеятельности социума и как противодействовать вызовам и угрозам.

Таким образом, можно обозначить *сущность* Big Data с точки зрения социальных наук – это отражение в информационных системах разных сфер жизнедеятельности социума с учётом влияния ИТ-технологий на социум (фактически, это отражение влияния ИТ-технологий на социум в ИТ-системах). *Функции* Big Data однозначно описать на данном начальном этапе развития информационной глобализации представляется сложным. Но, предварительно можно выделить основные:

- 1 Пассивные функции:
 - Афферентная функция – накопление «информационной тени» от каждого человека;
 - Функция памяти – хранение информации о жизнедеятельности социума.

- 2 Активные функции:
 - Эфферентная функция – влияние на социум через ИТ-технологии посредством использования данных.

- 3 Функции структуризации:
 - Функция стремления к оптимальности структуры «Big Frame» в разных сферах жизнедеятельности социума;

- Функция интеграции социума и ИТ-технологий.

Литература

- 1 Gartner's 2014 Hype Cycle for Emerging Technologies Maps the Journey to Digital Business. August 11, 2014 [Электронный ресурс]. – URL: www.gartner.com/newsroom/id/2819918?fni=search&srclid=13478922254. (дата обращения: 20.02.2015).
- 2 Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим / Пер. с англ. Гайдюк И. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 240 с.
- 3 Колесниченко О. Ю. XXI век: человеческое измерение и вызовы информационной глобализации. Монография. – Saarbrücken, Germany, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015 113 с.
- 4 Toffler A. The Third Wave. США, 1980.
- 5 Смородин Г. Н. Рынок трудовых ресурсов 2020 // Академический форум корпорации EMC (EMC Academic Forum Russia & CIS). Сборник тезисов участников конференции – Москва, факультет ВМК МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2014 г. С. 3–5.
- 6 Ильин И. В., Леонова О. Г., Розанов А. С. Теория и практика политической глобалистики. – М.: Издательство Московского Университета, 2013. 296 с.
- 7 Леонова О. Г. Прикладные аспекты политической глобалистики // Сборник материалов III Международного научного конгресса «Глобалистика-2013», посвящённого 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова. 23–25 октября 2013 г. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 263–265.

А. О. Константинов, Т. С. Швецова ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ «BIG DATA» В СОЦИОЛОГИИ

Развитие компьютерных технологий и внедрение их в повседневную жизнь открыли не только множество возможностей перед человечеством, но и поставили ряд проблем, для которых требуется найти решение. Лавинообразно растущие объёмы данных, которые ежедневно генерируются, требуют обработки. При этом обработка должна быть не только точной и качественной, учитывающей модель данных и их структуру, но и быстрой.

Особую актуальность представляют вопросы использования сравнительно новой технологии сбора и обработки данных «Big Data». Однако для начала следует показать основные различия между реляционными (традиционными) базами данных и этой технологией обработки данных, а также те условия, которыми было вызвано создание Big Data.

Реляционные базы данных, которые используются в различных компьютерных системах начиная с конца 1960-х годов, поддерживали качественный уровень обработки данных – они строго формализованы и нормализованы, обеспечивают связность данных и их атомарность. Недостатком реляционных баз данных на данный момент является растущее время сортировки при больших объёмах данных. Сортировка (а значит, и поиск конкретной записи) реляционных таблиц размером в сотни гигабайт занимает непозволительно много времени для различных задач.

Начиная с 2005 г., компании «Amazon» и «Google» начали разработку принципиально новой модели базы данных, которая обеспечивала бы возможность распределённой обработки. Требование на распределённую обработку исключительно экономическое – некоторое количество далеко не самых мощных компьютеров дешевле суперкомпьютеров.

Однако, по теореме CAP, распределённая база данных может обеспечивать лишь два из трёх свойств: согласованность данных, их доступность или устойчивость к разделению. Таким образом, мы должны пожертвовать или непротиворечивостью данных, или их присутствием в выборке, или возможностью разделить базу данных на несколько частей.

Чаще всего большие данные используются в интернет-коммерции и телекоммуникациях: для анализа общения в сотовых сетях, интересов при поисковых запросах и при общении в интернет-сетях. На основании полученных результатов пользователь получает рекомендации по интересному контенту, либо операторы связи получают возможность составлять тарифные планы с большей доходностью.

Можно отметить, что использование методов обработки Big Data при анализе научных данных в естественно-научных исследованиях не всегда оправдано: данные, получаемые с источников (датчиков, детекторов), структурированы, изначально имеют строго определённую структуру, и преобразовывать их в неформализованную структуру (н-р Big Data) неуместно. Время, в течение которого могут обрабатываться данные, достаточно большое. Использование реляционных баз данных в данной ситуации оправдано. Данные для анализа при ЧС чаще всего так же получаются электронными источниками и имеют меньший объём, поэтому даже обработка в режиме текущего времени не является сложной задачей. Таким образом, актуальной и коммерчески оправданной сферой применения методов Big Data остаётся анализ поведения пользователя в социальных сетях и сетях связи.

Но и здесь возникают сомнения. Задачи, решаемые в коммерческой области, не являются критичными, в том смысле, что ответ на запрос в базу данных может быть получен не на основе всех имеющихся данных. Т. е., в коммерческих продуктах оправдано использование разреженных данных (spread data). Однако, использование в целях научного анализа объективного поведения людей и получения методологически обоснованных результатов может давать недостаточно точные (корректные) результаты. Фактически, большинство использованных моделей больших данных применяют отказ от согласованности данных, что означает, что несколько одинаковых запросов могут дать разные данные на выходе.

При использовании методов Big Data в силу рассогласованности и разреженности данных доля корректных записей по отдельным запросам может снижаться до нуля.

Таким образом, по нашему мнению, Big Data не может использоваться в научных проектах, вплоть до того времени, когда решится указанная нами проблема. С другой стороны, применение этой технологии в маркетинге может быть обоснованно, но с учётом больших погрешностей.

Е. А. Киселев

BIGDATA В ИССЛЕДОВАНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

КИСЕЛЕВ Е. А. – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры «Социология и управление персоналом» Пензенского государственного университета. E-mail: kis2008.88@gmail.com.

Потребительское поведение как социально-экономическое явление претерпело существенные изменения в процессе эволюции общества. В соответствии с этим обстоятельством менялось и отношение со стороны исследователей, которые изначально фокусировали своё внимание исключительно на экономических особенностях потребления. Однако с течением времени происходит смена приоритетов в изучении данного феномена, обусловленная переходом к постиндустриальному этапу развития общества, что способствовало возникновению социально-экономических, социально-психологических и других теорий потребления.

В современном обществе, где информационные технологии занимают ключевое место во всех общественных процессах, потребительское поведение рассматривается как совокупность количественных и качественных данных об индивидах. Исходя из этого, сегодня можно говорить о наличии двух базовых тенденций в моделировании поведения потребителей [1]:

- Аналитической, в рамках которой строится более или менее обобщённая модель поведения потребителей, включающая в себя определённый набор факторов, и затем эта модель адаптируется к конкретной группе потребителей путём использования тех значений факторов, которые типичны для этой группы;

- Имитационной, где путём сбора огромного объёма статистической информации и его обработки (что стало возможным благодаря развитию технологии «Big Data») выявляются закономерности поведения, присущие определённым группам потребителей.

Стоит обратить внимание на то, что в последние годы происходят виртуализация и автоматизация бизнес-процессов, это приводит к формированию больших массивов информации в виде оцифрованных данных. Необходимость обработки этих массивов способствует не только взрывному росту вычислительных мощностей, но и требует от исследователей из разных областей науки поиска новых инструментов для их анализа.

Учитывая проблематику, рассматриваемую в данной работе, нас интересует подход, который предполагает анализ потребителя с использованием Big Data. Термин «Big Data» в последние годы стал одним из наиболее употребляемых как в научной, так и в деловой литературе, где «большие данные» (Big Data) представляют собой прежде всего совокупность подходов, инструментов и методов обработки больших массивов неоднородной сложноструктурированной информации о том или ином объекте или явлении.

В сфере ритейла инструменты Big Data используются уже более десяти лет. Это стало возможным после того, как организации стали задействовать в своей деятельности «Систему управления взаимоотношениями с клиентами» (CRM, CRM-система, сокращение от англ.: Customer Relationship Management), которая позволяет увеличить производительность за счёт автоматизации стратегий взаимодействия с заказчиками (клиентами), оптимизации маркетинга и улучшения обслуживания клиентов путём сохранения информации о клиентах, истории взаимоотношений с ними, установления и улучшения бизнес-процессов, а также последующего анализа данных. При этом источниками формирования больших данных о потребителях стали выступать различные сведения о социально-демографических характеристиках индивидов, совершающих приобретение товаров или услуг, история их покупок, детальная информация с каждого чека, сведения из социальных сетей, поисковые запросы в интернете.

По мнению Сергея Нестеренко (руководителя отделения интеграции данных в департаменте аналитики IBS), можно считать достойным внимания пример применения аналитики больших данных в «Otto Group», одного из мировых лидеров в онлайн-торговле: «Компания проанализировала поведение покупателей на сайте: виртуальный маршрут посетителей и продолжительность визита, случаи незавершённых покупок и те страницы, на которых происходит «потеря» клиента, чтобы оптимизировать ценообразование. Рассмотрев характеристики неконкурентоспособных товаров (цена, качество, доставка, цвет) и дополнив их сведениями из профиля клиента в соцсетях (количество друзей, количество подписчиков, «вес» на графе связей в социальных сетях, частота твитов), компания смогла в реальном времени выделить наиболее обсуждаемые товары, повысить удовлетворённость покупателей и получить более широкий охват аудитории в сети» [2].

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что использование Big Data позволяет организациям изучить потребителей своих товаров и услуг настолько хорошо, что во многих случаях они могут предсказать поведение клиентов с весьма высокой точностью.

Очевидно, что в современном обществе между потреблением товаров и принадлежностью к социальным группам существует тесная связь, обусловленная характером использования материальных ресурсов индивидами с различным социальным положением [3]. Использование Big Data в исследованиях потребительского поведения является необходимостью современного времени. Данный подход позволяет существенно расширить набор анализируемых признаков, а также дать более объективные данные. Основными направлениями исследований с использованием Big Data в социологии могут стать: анализ закономерностей поведения индивидов, относящихся к определённым группам потребителей, а также выявление скрытых потребностей индивидов.

В современных эмпирических исследованиях широко применяется психографика как метод количественного описания жизненного стиля и личностных характеристик потребителей [3]. Сегодня одной из наиболее популярных систем мониторинга потребления, основанной на психографической сегментации, является «Индекс целевых групп» (TGI – Target Group Index). Его суть заключается в следующем: при помощи методов интервью и анкетного опроса собирается информация о потреблении товаров и услуг, медиапредпочтениях, социально-демографических характеристиках и стиле жизни, которые позволяют составить психографическую типологию потребителей. Стоит отметить, что TGI, а также его российский аналог R-TGI при интеграции с инструментами Big Data позволяют наиболее объективно и целостно исследовать потребительское поведение индивидов уже в ближайшее время.

В завершении данной работы хотелось бы отметить, что несмотря на большие перспективы использования Big Data в социологии, на данный момент существует ряд нерешённых методологических проблем, которые существенным образом усложняют работу исследователям (отсутствие единства в понимании термина «Big Data»; проблемы, связанные с качеством сбора данных).

Литература

- 1 Котляров И. Д. Лояльность и повторяющиеся покупки // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2010. № 6. С. 480–486.
- 2 Кирьянова А., Мосеев В. Российский ритейл не торопится с большими данными // Интернет-издание о высоких технологиях. 2014. [Электронный ресурс].

URL: <http://www.cnews.ru/reviews/index.shtml?2014/04/28/570141> (дата обращения: 01.02.2015).

- 3 Киселев Е. А. Анализ потребительского поведения в контексте стиля жизни современных российских предпринимателей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 2.

П. А. Лебедев, Д. А. Шурыгина
АНАЛИТИКА ДАННЫХ РЕЗЮМЕ И ВАКАНСИЙ

ЛЕБЕДЕВ Павел Андреевич – кандидат социологических наук, руководитель направления исследований портала «Superjob.ru» (г. Москва), p.lebedev@superjob.ru.

ШУРЫГИНА Дарья Алексеевна – старший аналитик портала «Superjob.ru» (г. Москва), d.shurygina@superjob.ru.

Исследовательский центр рекрутингового портала «SuperJob» занимается анализом тенденций на рынке труда с 2005 г. Основой для аналитических выкладок служит большой, постоянно пополняемый архив резюме (более 15 млн на январь 2015 г.) и вакансий (около 300 тысяч активных вакансий ежедневно).

Традиционно большая часть аналитики строится на базе четырёх базовых показателей:

- предложение (резюме);
- спрос (вакансии);
- зарплатные предложения в вакансиях;
- зарплатные ожидания в резюме.

Остальные показатели являются, чаще всего, или производными (например, конкуренция на рынке труда – соотношение числа резюме к количеству вакансий), или динамическими метриками.

Усреднённые данные на макроуровне мало интересуют как внутренних, так и внешних заказчиков. Более интересен региональный и/или отраслевой разрез. Эти параметры задаются пользователем в процессе создания резюме/вакансии – их необходимо привязать к городу и отрасли/сфере деятельности. На этом уровне мы имеем дело с данными «большими» только по объёму, а не по сложности структуры или скорости прироста.

Однако соискатель и работодатель мыслят категорией позиции/ должности, и задача аналитиков усложняется. В контексте внутренних бизнес задач наиболее значимым оказывается вопрос правильной классификации/ группировки должностей для того, чтобы реализовывать релевантную функцию поиска и всевозможных подсказок, а также для адекватного SEO-продвижения.

Для внешней аналитики разделение на должности необходимо при подготовке:

- обзоров заработных плат по определённой позиции, в т. ч. в зависимости от навыков и опыта;
- оперативных внутриотраслевых и межрегиональных обзоров по рынку труда;
- анализа карьерных траекторий.

Только на первый взгляд кажется, что название должности/позиции заполняется единообразно большинством пользователей. Синонимы, различные варианты написания и т. п. приводят к тому, что массив данных становится слабоструктурированным, а необходимость постоянной актуализации и пересчёта данных в итоге определяют две других характеристики больших данных.

В рамках доклада будет на конкретных примерах, каким образом аналитические задачи решались вне парадигмы «Big Data» и как они начинают решаться в процессе внедрения парадигмы «Big Data».

На данный момент мы говорим о постепенном переходе «Superjob» от одной аналитической парадигмы к другой. Некоторые задачи уже решаются в парадигме «Big Data», другие находятся в стадии тестирования и пилотных проектов, третьи – только оформляются как идеи. Говоря об этом переходе, нельзя обойти стороной сложности и барьеры на пути внедрения. Большая часть этих сложностей традиционна для любого процесса внедрения инноваций на производстве. Об этом также пойдёт речь в докладе.

Задача	До парадигмы «Big Data»	Парадигма «Big Data»
Классификация должностей	Ограниченное количество должностей (около 100). Словари синонимов. Редкое обновление	Все возможные варианты написания должностей. Текстовая кластеризация (около 5000 позиций)
Анализ заработных плат по позиции	Выборочный анализ, основанный на «экспертной позиции». Стандартный набор метрик (минимум, максимум, медиана, персентили)	Анализ всего массива резюме и вакансий. Синтетические метрики, группировка по отраслевым сегментам
Анализ должностных обязанностей	Качественный подход, генерализация	Количественный анализ. Выявление «навыков» и «умений» анализ из взаимосвязей для разных позиций и должностей
Анализ карьерных траекторий	В контексте расширения функционала, и/или освоения менеджерских функций. Простые модели	Сложные модели, учитывающие разнообразные факторов

Е. С. Митрофанова, А. В. Артамонова

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ДАННЫХ О СОБЫТИЯХ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ К АНАЛИЗУ ПРОДВИНУТЫМИ СТАТИСТИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ

МИТРОФАНОВА Е. С. – магистр социальных наук, младший научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ, научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. E-mail: mitrofanovy@yandex.ru.

АРТАМОНОВА А. В. – студентка НИУ ВШЭ, участник Научно-учебной группы НИУ ВШЭ «Изучение рождаемости, формирования, развития и распада семей на данных выборочных обследований». E-mail: alyona89152694371@yandex.ru.

Большинство современных исследователей работает на стыке дисциплин, т. к. каждая научная область разрабатывает свой инструментарий, элементы которого могут представлять интерес для коллег из других сфер науки и практики. Так, анализ жизненных событий невозможно выполнить в рамках одной предметной области, ведь сама концепция жизненного пути является междисциплинарной с момента её основания: зародившись в психологии, она стала важной теоретической и методологической рамкой для социологов, антропологов, демографов [2, 8, 9].

Методы, которые используются для анализа жизненных событий, включают в себя наработки из таких дисциплин, как медицина, социология, демография, статистика, эконометрика, программирование. В данной работе мы уделим внимание наиболее продвинутым способам анализа событий жизненного пути: Event history analysis (Анализ наступления событий) [1, 6, 10] и Sequence analysis (Анализ последовательностей) [4, 5]. Фокусом нашего доклада будет не детальное описание непосредственной работы данными методами, которые можно найти в научных статьях, на форумах, в справочниках, а особенности подготовки данных, о которых большинство исследователей умалчивает.

Одна из главных причин, почему о подготовке данных к исследованию методами событийного и последовательного анализа говорится так мало, заключается в том, что этот процесс очень трудоёмок, требует нестандартных, творческих решений, хорошей подготовки в области программирования. Мы не претендуем на универсальность разработанных нами решений, но предлагаем их в качестве ориентира для тех коллег, которые в той или иной мере исследуют события жизненного пути. К событиям жизненного пути можно отнести демографические события (вступление в союзы, расставания, рождение детей, переезды), социо-экономические (трудоустройство, получение образования, отделение от родителей, взятие кредита) и другие.

Для того, чтобы анализировать события жизненного пути, нужны биографии индивидов, а значит, либо лонгитюдные, либо ретроспективные данные. Таким условиям удовлетворяет лишь несколько обследований, проведённых в России. Наиболее известные из них – панельное и ретроспективное обследование «Родители и дети, мужчины и женщины», проведённое в 2004, 2007 и 2011 гг.¹, и ретроспективное обследование «Человек, семья, общество», проведённое в 2013 г. [3].

После того, как панельные данные гармонизированы, а все расхождения между датами наступления событий в биографиях респондентов устранены, можно приступать к подготовке данных к анализу продвинутыми методами. Эта подготовка различается в зависимости от метода, который мы будем использовать. Для начала рассмотрим случай работы с Event history analysis.

Event history analysis (EHA)

Первое решение, которое предстоит принять – в каком статистическом пакете и с какой степенью детализации мы будем анализировать события. Если исследователь располагает ретроспективными данными или панельными данными, но за небольшой период, то можно осуществлять работу в SPSS. Также SPSS подойдёт в том случае, если не ставится цель очень специфицированной настройки моделей. Если же исследователь располагает панельными

¹ Подробнее: <http://www.socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml>.

данными за большой промежуток времени или ему нужен дополнительный функционал при анализе событий, больше подойдут такие статпакеты, как Stata или R.

В случае, если для работы выбран SPSS, никакой особой подготовки кроме создания специальной временной переменной и переменной-индикатора наступления искомого события, не требуется. Если выбраны Stata или R, появляется возможность углубить анализ за счёт использования данных не индивидуального уровня (Person-Level Data), а формата «индивид-период» (Person-Period Data). Различие между этими форматами в том, что в первом каждому респонденту соответствует по одной строке, где содержится вся информация о нём (рис. 1), а во втором – у одного респондента может быть столько строк, сколько было волн опроса (рис. 2). Главное преимущество формата «индивид-период» в том, что в каждой новой строке мы можем фиксировать состояние индивида на момент каждой волны опроса. Это могут быть сопутствующие жизненные события, финансовое положение, ценностные установки и т. д.

	ID	дата_рождения	работа1	брак1	ребенок1	брак_обязателен
1	1	10.09.67	04.03.84	12.12.85	05.09.87	5
2	2	04.03.90	21.03.08	.	.	1
3	3	11.01.81	02.02.05	01.03.07	06.01.11	5
4	4	21.07.54	09.09.70	17.11.72	28.05.73	5

Рисунок 1 – Данные индивидуального уровня (Person-Level Data)

	ID	дата_рождения	работа1	брак1	ребенок1	брак_обязателен
1	1	10.09.67	04.03.84	12.12.85	05.09.87	4
2	1	10.09.67	04.03.84	12.12.85	05.09.87	4
3	1	10.09.67	04.03.84	12.12.85	05.09.87	5
4	2	04.03.89	.	.	.	2
5	2	04.03.89	.	.	.	2
6	2	04.03.90	21.03.08	.	.	1
7	3	11.01.81	.	.	.	2
8	3	11.01.81	02.02.05	01.03.07	.	5
9	3	11.01.81	02.02.05	01.03.07	06.01.11	5
10	4	21.07.54	09.09.70	17.11.72	28.05.73	5
11	4	21.07.54	09.09.70	17.11.72	28.05.73	5
12	4	21.07.54	09.09.70	17.11.72	28.05.73	5

Рисунок 2 – Данные в формате «индивид-период» (Person-Period Data)

Ещё одно существенное отличие Stata и R от SPSS в том, что в последней реализована только регрессия Кокса, которая является полупараметрическим методом, т. е. не позволяет делать предположения относительно распределения данных кроме уже заложенного в данную модель – о пропорциональности рисков наступления событий. Stata и R позволяют работать со всеми типами методов, в т. ч. комбинировать разные распределения в рамках одной модели.

Sequence analysis (SA)

В отличие от ЕНА, который очень распространён в зарубежной социологии и демографии, а также стремительно завоевывает свою аудиторию в России, SA, ввиду трудоёмкости использования, всё ещё набирает популярность в России и мире. Поэтому если об особенностях работы методом ЕНА можно довольно легко найти информацию даже на русском

языке, то про SA написано ещё очень мало и, в основном, в медицине и биологии. Количество программ, в которых реализован SA, также невелико. Наиболее знакомый из них социологам и демографам – R. Для R разработан специальный пакет TraMineR², содержащий готовые функции для анализа последовательностей. Чтобы воспользоваться этим пакетом, работа с которым хорошо описана в англоязычном справочнике [7], необходимо осуществить целый ряд шагов по преобразованию данных.

В первую очередь необходимо учесть следующую особенность: для того, чтобы построить цепочку событий, нужно, чтобы для всех событий, про которые упомянул респондент, у нас имелась дата. Если на вопрос «Было ли у вас событие N?» респондент ответил утвердительно, но на следующий вопрос «Когда у вас наступило данное событие?» не дал ответа, данный респондент должен быть исключён из-под наблюдения. Ведь фактически данное событие произошло, но мы не можем разместить его на временной оси и сопоставить с остальными событиями жизни данного индивида, что внесёт искажение в общий анализ последовательностей.

Для того, чтобы построить фильтр для отсекаемых данных респондентов, нужно сопоставить ответы на оба вопроса – про факт наступления события и про дату. Особое внимание следует уделить неоднократным событиям (браки, рождения детей, образования разных уровней) и ситуации, когда приходится «собирать» фактологическую переменную сквозь несколько волн.

После того, как искомые респонденты удалены, наступает этап подготовки данных непосредственно к SA. Необходимо перейти от формата событий к формату статусов, т. е. вместо даты наступления каждого события (левый прямоугольник на рис. 3) должны быть указаны статусы респондентов в каждый момент времени (правый прямоугольник на рис. 3). В качестве интервала можно взять месяцы или годы, а в качестве стартовой точки для анализа, например, взросления, 15-летие. Далее нужно определиться с «алфавитом» – набором буквенных сокращений для каждого события. Например, работа – P, зарегистрированный союз – C, дети – D. И противоположные состояния: безработица – B, холост/не замужем – X, нет детей – H.

	ID	дата_рождения	работа1	брак1	ребенок1	возр_15	возр_16	возр_17	возр_18	возр_19	возр_20
1	1	10.09.67	04.03.84	12.12.85	05.09.87	БХН	БХН	РХН	РСН	РСН	РСД
2	2	04.03.90	21.03.08			БХН	БХН	БХН	РХН	РХН	РХН
3	3	11.01.81	02.02.05	01.03.07	06.01.11	БХН	РХН	РХН	РХН	РХН	РХН
4	4	21.07.54	09.09.70	17.11.72	28.05.73	БХН	РХН	РХН	РСН	РСД	РСД

Рисунок 3 – Переход от формата событий к формату статусов

Произвести переход от формата событий к формату статусов не так просто. Сначала надо закодировать событие каждого типа, указав факт его наступления или не наступления, стартовую и конечную точку, а затем все эти события сгруппировать в статусы для каждого временного интервала и разместить по ячейкам. Если мы анализируем взросление и исследуем временное пространство между 15- и 30-летием с точностью до месяца, то нам понадобится 180 ячеек для каждого респондента.

² Подробнее: <http://mephisto.unige.ch/traminer/>.

Существует много нюансов при подготовке данных к анализу событий жизненного пути продвинутыми методами. Мы постарались упомянуть самые важные шаги, которые необходимо сделать при подготовке к работе методами событийного и последовательного анализа.

Литература

- 1 Бурдяк А. Я. Применение метода "Анализ наступления события (Event history analysis)" с помощью пакета SPSS // SPERO. 2007. Т. 6. С. 189–202.
- 2 Кон И. С. Социологическая психология. Воронеж: МОДЭК, 1999. С. 254–270.
- 3 Малева Т. М. и др. Разработка методологии и проведение первой пилотной волны регулярного общенационального репрезентативного обследования населения по изучению демографического, социального и экономического поведения, включая пенсионное поведение. М.: ФГБОУ ВПО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2014.
- 4 Abbott A. Sequence Analysis: New Methods for Old Ideas // Annu. Rev. Sociol. 1995. Т. 21. № 1. С. 93.
- 5 Billari F., Fürnkranz J., Prskawetz A. Timing, Sequencing, and Quantum of Life Course Events: A Machine Learning Approach // Eur. J. Popul. 2006. Т. 22. № 1. С. 37–65.
- 6 Blossfeld H.-P., Rohwer G. Techniques of event history modeling: new approaches to causal analysis. New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2002.
- 7 Gabadinho A. и др. Mining sequence data in R with the TraMineR package: A users guide for version 1.2 // Geneva Univ. Geneva, 2009.
- 8 Levy R. и др. Incitations for Interdisciplinarity in Life Course Research // Adv. Life Course Res. 2005. Т. 10. С. 361–391.
- 9 Levy R., Ghisletta P. Towards an interdisciplinary perspective on the Life course, 2005.
- 10 Mills M. Introducing survival and event history analysis. SAGE Publications, 2011.

А. Б. Мосягин

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ DATA MINING ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ОБРАБОТКИ СОЦИАЛЬНЫХ ДАННЫХ

МОСЯГИН Александр Борисович – доцент кафедры прикладных информационных технологий Института общественных наук РАНХиГС, кандидат технических наук. E-mail: albor99@mail.ru.

Сегодня в прикладных социологических исследованиях происходит настоящая революция, связанная с появлением принципиально новых источников данных, прежде всего основанных на т. н. объективной регистрации реального поведения людей. На основе новых информационных технологий различные субъекты (госорганы и бизнес-структуры) собирают огромные массивы данных (Big Data), которые используются в социальной диагностике и прикладных исследованиях. Радикально настроенные аналитики даже предрекают смерть традиционным методам социологических исследований, в большей мере основанным на субъективной информации, получаемой в ходе разного рода опросов.

Существует хорошее высказывание, что «За последние годы, когда, стремясь к повышению эффективности и прибыльности бизнеса, при создании БД все стали пользоваться средствами обработки цифровой информации, появился и побочный продукт этой активности

– горы собранных данных: И вот всё больше распространяется идея о том, что эти горы полны золота». В прошлом процесс добычи золота в горной промышленности состоял из выбора участка земли и дальнейшего её просеивания большое количество раз.

Термин «Data Mining» часто переводится как добыча данных, извлечение информации, раскопка данных, интеллектуальный анализ данных, средства поиска закономерностей, извлечение знаний, анализ шаблонов, раскопка знаний в базах данных. Понятие «обнаружение знаний в базах данных» (Knowledge Discovery in Databases, KDD) можно считать синонимом Data Mining [1].

Понятие «Data Mining», появившееся в 1978 г., приобрело высокую популярность в современной трактовке примерно с первой половины 1990-х годов. До этого времени обработка и анализ данных осуществлялись в рамках прикладной статистики, при этом в основном решались задачи обработки небольших баз данных.

Таким образом, методология Data Mining – это мультидисциплинарная область, возникшая и развивающаяся на базе таких наук, как прикладная статистика, распознавание образов, искусственный интеллект, теория баз данных и др. (рис. 1).

Возникновение и развитие Data Mining обусловлено различными факторами, основными среди которых являются следующие [2]:

- совершенствование аппаратного и программного обеспечения;
- совершенствование технологий хранения и записи данных;
- накопление большого количества ретроспективных данных;
- совершенствование алгоритмов обработки информации.

Data Mining – это процесс поддержки принятия решений, основанный на поиске в данных скрытых закономерностей (шаблонов информации) [3], т. е. это процесс обнаружения в сырых данных ранее неизвестных, нетривиальных, практически полезных и доступных интерпретаций знаний, необходимых для принятия решений в различных сферах человеческой деятельности.

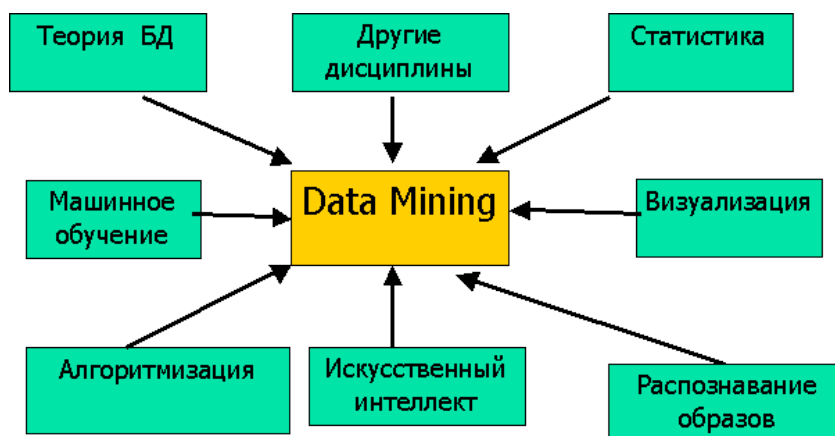

Рисунок 1 – Data Mining как мультидисциплинарная область

Суть и цель технологии Data Mining заключается в извлечении из больших объёмов данных неочевидных, объективных и полезных на практике закономерностей. Это значит, что найденные закономерности не обнаруживаются стандартными методами обработки информации или экспертным путём, они будут полностью соответствовать действительности и им можно найти практическое применение в социологии.

В основу технологии Data Mining положена концепция шаблонов (patterns), представляющим собой закономерности, свойственные выборкам данных, которые могут быть выражены в форме, понятной человеку. Цель поиска закономерностей – представление данных в виде, отражающем искомые процессы. Построение моделей прогнозирования также является целью поиска таких закономерностей. Чтобы максимально использовать мощность масштабируемых инструментов Data Mining, в социологических исследованиях необходимо выбрать, очистить и преобразовать данные, иногда интегрировать информацию, добытую из внешних источников, и установить специальную среду для работы Data Mining алгоритмов.

Результаты Data Mining в большой мере зависят от уровня подготовки данных, а не от «чудесных возможностей» некоего алгоритма или набора алгоритмов. Около 75% работы над Data Mining состоит в сборе данных, который совершается ещё до того, как запускаются сами инструменты. Прежде чем использовать технологию Data Mining, необходимо тщательно проанализировать её проблемы, ограничения и критические вопросы, с ней связанные, а также понять, чего эта технология не может. Например, Data Mining не может заменить аналитика, а всего лишь даёт ему мощный инструмент для облегчения и улучшения его работы.

Необходимы тщательный выбор модели и интерпретация зависимостей или шаблонов, которые обнаружены. Поэтому работа с такими средствами требует тесного сотрудничества между экспертом в предметной области и специалистом по инструментам Data Mining. Построенные модели должны быть грамотно интегрированы в бизнес-процессы для возможности оценки и обновления моделей. В последнее время системы Data Mining поставляются как часть технологии хранилищ данных.

Средства Data Mining, в отличие от статистических, теоретически не требуют наличия строго определённого количества ретроспективных данных. Эта особенность может стать причиной обнаружения недостоверных, ложных моделей и, как результат, принятия на их основе неверных решений. Необходимо осуществлять контроль статистической значимости обнаруженных знаний.

Традиционные методы анализа данных (статистические методы) и OLAP в основном ориентированы на проверку заранее сформулированных гипотез (verification-driven data mining) и на «грубый» разведочный анализ, составляющий основу оперативной аналитической обработки данных (OnLine Analytical Processing, OLAP), в то время как одно из основных положений Data Mining – поиск неочевидных закономерностей. Инструменты Data Mining могут находить такие закономерности самостоятельно и также самостоятельно строить гипотезы о взаимосвязях. Поскольку именно формулировка гипотезы относительно зависимостей является самой сложной задачей, преимущество Data Mining по сравнению с другими методами анализа является очевидным [4].

Исследования отмечают, что существуют как успешные решения, использующие Data Mining, так и неудачный опыт применения этой технологии [5]. Области, где применение технологии Data Mining, скорее всего, будет успешным, имеют такие особенности:

- требуют решений, основанных на знаниях;

- имеют изменяющуюся окружающую среду;
- имеют доступные, достаточные и значимые данные;
- обеспечивают высокие дивиденды от правильных решений.

И все эти характеристики присущи социологии.

Таким образом, технология Data Mining постоянно развивается, привлекает к себе всё больший интерес, как со стороны научного мира, так и со стороны применения достижений технологии в бизнесе, социологических исследованиях. С сентября 2014 г. в Институте общественных наук создана и успешно функционирует кафедра прикладных информационных технологий, состоящая из математиков-информатиков, обладающих большим опытом использования, разработки и внедрения информационных технологий в различные прикладные области. В т. ч. есть и специалисты, способные обучать и передавать знания методологии Data Mining, особенностей использования алгоритмов и инструментов программных приложений для обработки и анализа структурированных данных.

Литература

- 1 Encyclopedia of Data Warehousing and Mining. – Idea Group Inc., 2006.
- 2 Vercellis C. Business Intelligence: Data Mining and Optimization for Decision Making. – Wiley Publishing, Inc., 2009.
- 3 Паклин Н. Б., Орешков В. И. Бизнес-аналитика: от данных к знаниям: Учебное пособие. 2-е изд., испр. – СПб: Питер, 2013. – 704 с.
- 4 Сайт <http://www.kdnuggets.com/> – современные технологии использования Data Mining в прикладных областях, особенности применения инструментария технологии.
- 5 Сайт <http://www.knowldiscovery.com/> – периодические издания по Data Mining // Data Mining and Knowledge Discovery.

А. В. Одинцов

СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ

Одинцов Александр Владимирович – кандидат социологических наук, доцент РАНХиГС, начальник аналитического отдела ООО «АМК Вьюпоинт» (Волгоград). E-mail: yugrasil@yandex.ru.

Настоящий момент в методологии сбора и обработки социологических данных можно охарактеризовать как возвращение математической социологии. Главным образом это связано с бурным ростом информационных технологий и объёмов контента и трафика виртуальных социальных сетей.

Во многом наиболее заметным прорывом для социологии является применение новых систем автоматизации сбора социологической информации с помощью телефонных опросов (Computer Assisted Telephone Interviewing, CATI) или «планшетных» опросов (Computer Assisted Personal Interview, CAPI). Регистрация дополнительных параметров интервью в рамках CATI и CAPI (времени и длительности проведения, точки проведения, запись разговора и т. п.) позволяет существенно повысить чистоту сбора на полевом этапе исследования. Однако наибольшим опытом применения данных технологий обладают крупные международные

исследовательские кампании, специализирующиеся на сборе маркетинговой информации (например, TNS использует CAPI около 3 лет). Потенциально, более широкое применение данных технологий позволит существенно повысить качество научно-исследовательской регистрации данных об обществе.

Однако в настоящее время наиболее перспективным является внимание к «большим данным» («big data»), применение результатов обработки которых в потенциале существенным образом изменит потенциал социального прогнозирования (по мнению экспертов института МакКинзи). Наиболее известными и успешными проектами реализации анализа в «больших данных» являются проекты исследования живой клетки и генома человека [1]. В социальном прогнозировании один из проектов WalmartLabs по аналогии получил название «Social Genome».

Под «большими данными» здесь понимаются те объёмы информации, которые в значительной массе накоплены в ходе автоматизированной регистрации поведения людей, начиная от обычного перемещения по городу (GPS-координаты пользователей смартфонов [2]) до статистики поиска в интернете и сообщений в социальных сетях [3]. Для социологии плюсы использования «больших данных» очевидны – если значительная часть современной отечественной социологии представлена опросными методиками, то «большие данные» фактически предлагают для исследования материалы наблюдения за социальной жизнью. Причём данные эти нередко уже прошли математическую формализацию.

Хранение и сбор «больших данных» практически не являются проблемой, но возможности их корректного анализа и извлечения из них полезной информации всё ещё ограничены. В данной сфере, опираясь на подходы Apache Hadoop, почти пять лет реализует исследовательские проекты «Intel». Однако говорить о том, что вопрос методологии обработки закрыт, нельзя.

В данный момент существует множество открытых баз данных социологических исследований как за рубежом (как правило, по отдельным лонгитюдным исследованиям «American Communities Project», «American Housing Survey», «American Time Use Survey», «World Values Survey», «European Values Survey» и т. д.), так и в России (База данных ВЦИОМ, База данных СОФИСТ, база данных ИС РАН), которые могли бы составить основу социологических «Big Data». Кроме того, отдельными коллективами и исследователями собираются архивы данных академических исследований (Н. Ростегаева, А. В. Жаворонков, О. М. Маслова). Однако все они разнородны – их простое объединение в единый массив, в котором возможен анализ, нереально. Это связано с плюралистичностью применения социологических методик, фактическим отсутствием даже единого (консенсусного) подхода к социологическим шкалам (этими проблемами активно занимаются И. Ф. Девятко, В. А. Ядов, Ю. Н. Толстова, А. И. Орлов). Заметным шагом к решению проблемы стала бы прикладная реализация идей Г. Г. Татаровой об интеграции методологического знания и единых представлений о математической формализации в прикладных исследованиях в социологии. Кроме того, существенным ограничением является то, что исследователи в гуманитарных науках (в отличие от тех же исследований генома человека) не стремятся открывать полученные ими базы данных [4–5]. На данный момент результаты социологических исследований являются в сущности дискретными и несопоставимыми.

Говоря вкратце, в социологии общественного мнения по существу нет «больших баз» данных. Даже в случае реляционного объединения баз данных исследований общественного

мнения в один «супер-массив» от традиционных «больших данных» этот продукт социологии общественного мнения будет существенно отличаться следующими основными чертами:

- 1 отсутствием длительной истории наблюдений и/или большого объёма случаев наблюдения (исключение состоит в редких лонгитюдных исследованиях, но и их совокупные выборки существенно меньше чем в больших данных);
- 2 большие данные это результат наблюдения и собственно его регистрация, в социологии общественного мнения результатом сбора информации является набор установок/суждений (если действия человека относительно однообразны, то мнение о действии, т. е. действие и предполагаемый мотив сильно усложняют и «картинку» сбора информации, и интерпретацию полученных данных);
- 3 социология общественного мнения работает с «всечеловеком», т. е. с масштабной совокупностью единиц наблюдения (и единиц, относительно которых делается вывод). Эта совокупность воспринимается как относительно единый объект даже в том случае, если говорить лишь об отдельных социальных группах, т. к. предметом социологического наблюдения являются только группы, а не индивиды, действия которых регистрируются (как правило) в больших данных. Т. е. единицами наблюдения являются случаи ответов, а в больших данных конкретные действия конкретных людей, в больших массивах данных можно проследить историю поведения индивида, что и даёт существенные преимущества их применения.

Таким образом, вероятностные прогнозы в по-настоящему больших данных можно проверить простым продолжением наблюдения. В случае работы с большими данными мы делаем прогноз для индивидов, имея возможность отследить их дальнейшее поведение, что и даёт высокую (около 70%) достоверность прогнозирования по результатам их анализа. Собственно, ключом здесь является то, что мы имеем возможность строить вероятностные прогнозы на результатах прямого невероятностного наблюдения. В случае общественного мнения мы строим вероятностный прогноз на вероятностном выборочном методе, а кроме того и на вероятности ошибки применения методики сбора данных, что заметно снижает прогностический потенциал социологии общественного мнения в сравнении с большими данными. Вместе с тем, есть и потенциальные возможности превращения результатов социологии общественного мнения в полноценный источник больших данных, о чём будет подробнее сообщено в докладе.

Литература

- 1 Aronova E., Baker K.S., Oreskes N. Big science and big data in biology: From the International Geophysical Year through the Inter-national Biological Program to the Long Term Ecological Research (LTER) Network, 1957 – Present // Historical Studies in the Natural Sciences. 2010. N 40(2). P. 183–224.
- 2 Yuana H., Qiana Y., Yanga R., Renb M. Human mobility discovering and movement intention detection with GPS trajectories.
- 3 Data Mining the Web: Uncovering Patterns in Web Content, Structure, and Usage. Markov Z., Larose D. T. Data mining emotion in social network communication: Gender differences in MySpace, Mike Thelwall, David Wilkinson and Sukhvinder Uppal.

- 4 Borgman C. L. Research data: Who will share what, with whom, when, and why? 2010. URL: <http://works.bepress.com/borgman/238>, http://www.nlc.gov.cn/yjfw/zm/index_en.html.
- 5 Borgman C. L. The Conundrum of Sharing Research Data // Journal of the American society for information science and technology. 2012. N 63(6). Pp. 1059–1078/

Е. Ю. Романова, Н. А. Балашова

ТЕХНОЛОГИИ И СТРАТЕГИИ ПРИМЕНЕНИЯ «BIG DATA»: ВЗГЛЯД БИЗНЕС-ИНФОРМАТИКА

РОМАНОВА Е. Ю. – к. п. н., доцент РГСУ. E-mail: rompm14@mail.ru.

БАЛАШОВА Н. А. – студентка, 4 курс, РГСУ. E-mail: nina.balashova.93@mail.ru.

Обзор IT-рынка позволяет сделать вывод, что формирование парадигмы «Big Data» близко к завершению.

Анализ реализаций технологий «Big Data» показал, что наиболее популярным решением по осуществлению распределённых вычислений для обработки больших объёмов информации в настоящее время является проект «Hadoop Apache Software Foundation», представляющий собой сложную экосистему, дистрибутивы распространяются как под коммерческими, так и под свободными лицензиями. Из фреймворков традиционным стал «MapReduce» с ациклической моделью потоков данных, а требования поддержки аналитических приложений итерационной природы (обработка текстов, распознавание речи и образов, машинное обучение, извлечение информации из данных) обусловили создание движков «Apache Tez» и «Apache Spark».

В результате анализа рынка программного обеспечения установлено, что за несколько лет произошла эволюция инструментария аналитических систем от индивидуальных решений до интегрированных платформ с полной функциональностью для аналитики данных разных типов и ещё недавно казавшихся необъятными объёмов. Созданы индустриальные модели бизнес-процессов различных отраслей, которые помогают предприятиям и компаниям решать на основе «Big Data» аналитические задачи на качественно отличном от традиционного уровня.

В области операционного и стратегического менеджмента технологии «Big Data» реализуются в системах поддержки принятия решений (СППР). СППР разделяются на две группы соответственно транзакционным и проектным задачам менеджмента. Для СППР первой группы характерна высокая степень автоматизации, работа в режиме потоковых данных и реального времени. Вторая группа СППР анализирует данные по запросам, используют методы «Data Mining», машинное обучение, BI и др. методики для интеллектуальных прогнозов и выявления закономерностей. Технологии СППР обоих типов, использующие большие данные, отличаются от традиционных объёмом охватываемых мультиструктурных данных, ресурсами и алгоритмами, как новыми, так и созданными давно, но время программной реализации которых наступило только теперь в связи с развитием IT.

В маркетинге анализ накопленных из внутренних и внешних источников данных позволяет классифицировать поведенческие паттерны, предлагать клиентам наиболее релевантный контент, оптимально управлять ценообразованием и распределением ресурсов.

В финансовом анализе исследуются актуальные и исторические данные о клиентах для выявления совершенных видов мошенничества или риска совершения таковых, прогноза

поведения клиентов, идентификации клиентов, мониторинга потоков клиентов, активов, операций. Перевод ЦОДов компаний, работающих на фондовых рынках, на многоядерные многопроцессорные серверы и высокоскоростные системы хранения данных способствует максимальному по эффективности исполнению транзакций.

В здравоохранении новая аналитика направлена на выявление причинно-следственных связей по базам операционных записей, описаниям медицинских процедур и назначений, на анализ закономерностей в разработке фармацевтических препаратов, в динамике инфекционных и эпидемиологических процессов.

Анализ СМИ и интернета делает возможным выявление тенденций, закономерностей и реакций общества, путей и скорости распространения информации, способствует качественному удовлетворению информационных потребностей, используется в конкурентной разведке.

Для российского образования направление «Big Data» имеет огромный потенциал, являясь областью реализации прогноза правительственного документа «Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года»: «Конкурентным преимуществом России <...> станет разработка программного обеспечения высокой сложности, где может использоваться инженерный и алгоритмический потенциал российских специалистов» в силу пока ещё существования сильной научной, в частности, математической школы. Технологии «Big Data», с одной стороны, индуцируют потребность в специалистах нового профиля «Data Scientist», способных извлекать из больших данных информационные ценности. С другой стороны, эти технологии предоставляют качественно новые условия для многоуровневой профессиональной подготовки специалистов путём интеграции технологий: анализа контента сайтов и форумов мировых онлайн-образовательных центров для координации учебных программ, мониторинга и квалиметрического сопровождения образовательных процессов, развития адаптивных систем профессионального образования и внедрения квалитативного управления ими.

Экономическая эффективность внедрения технологий «Big Data» в большой степени определяется отдачей от использования результатов аналитики; ведущие консалтинговые фирмы дают примерно одинаковый прогноз эффективности по отраслям: торговля – 23%, финансы и страхование – 13%, информация и коммуникации – 6%, производство – 22%, государственное управление – 13%, здравоохранение и социальная сфера – 5%.

Работа выполнена при финансовой поддержке государственного задания №2014/601 от 06.02.2014.

В. А. Смирнов
R+PYTHON, ИЛИ ЧТО ДОЛЖЕН УМЕТЬ ДЕЛАТЬ СОЦИОЛОГ С ДАННЫМИ
В ЭПОХУ «BIG DATA»

СМИРНОВ Владимир Алексеевич – доктор социологических наук, доцент, проректор по воспитательной и социальной работе ФГБОУ ВПО Костромской ГСХА. E-mail: kano_igt@mail.ru.

Сегодня любой развивающийся социолог находится в ситуации профессиональной фрустрации. Мир становится не просто «текучим», но ускользающим в своей текучести, стохастическим, подавляющим терабайтами ежедневной информации. Думается, что в этой

ситуации у исследователя есть две ключевые стратегии профессионального выживания. Первая – **«самолокализация»**, предполагающая жёсткое самоограничение в получаемых, обрабатываемых, используемых данных. Многие социологи, исповедующие философию «полевика-качественника» выбирают именно её, уходя в новые неизведанные миры case study. При этом методологическая ориентация исследователя не является ключевым фактором при выборе данной стратегии, достаточно большое количество социологов, исповедующих принципы традиционной количественной социологии, также ориентированы на неё. Ограничиваясь «узким» сегментом собранных лично ими, их коллегами данных, используя данные социологических исследований крупных научных и исследовательских центров, они также воспроизводят социологические практики «самолоклизаторов». Характерная черта данной группы – это нежелание или неумение работать с «сырыми», «неопрятными» большими данными, заполонившими сегодня интернет-ресурсы и требующими владения инструментами их «огранки». Вторая стратегия – **«погружение в данные»**, ориентирующая исследователя на постоянный поиск новых данных, релевантных его исследовательским интересам, поиск в этих безмерных объёмах породы «золотых крупиц» валидности и надёжности. Данная стратегия предполагает наличие у социолога не только широкого спектра собственно профессиональных компетенций, но и достаточно серьёзный запас компетенций надпрофессиональных, таких как коддинг, программирование, Data Mining, Big Data. Здесь мы сталкиваемся с интересным феноменом, который вскрывает механизм коллективной психологической защиты в профессиональном сообществе российских социологов, это – рационализация. Социолог говорит сам себе примерно следующее: «моя задача – анализ «хороших» данных, а собрать, обработать, адаптировать, сделать «опрятными» – это функция программиста, специалиста по ИКТ и т. д.». Такая позиция, безусловно, имеет право на существование и, вероятно, вполне приемлема для крупных исследовательских организаций и коллективов, но абсолютно не подходит для отдельных исследователей, небольших региональных групп. Другими словами, если у провинциальной количественной социологии и есть будущее, то оно тесным образом связано со стратегией «погружение в данные». При этом важен и тот факт, что сегодня рынок ПО предлагает широкий спектр бесплатных программ, сред программирования, освоение которых не требует серьёзной специальной подготовки. Любой социолог сегодня имеет возможность освоить ряд инструментов, позволяющих ему адаптировать имеющиеся открытые и большие данные под свои исследовательские задачи. В рамках данной статьи мы будем говорить о возможностях таких инструментов, как языки программирования «R» и «Python3».

Думается, что социолог, работающий сегодня в парадигме «погружение в данные», должен обладать тремя группами компетенций. **Первая группа** – это извлечение данных. Современные тенденции таковы, что всё больше открытых данных в машиночитаемых форматах (например, csv) появляется на просторах Рунета. В то же время, исследователю зачастую может потребоваться самостоятельно извлечь данные с того или иного сайта и превратить их в машиночитаемый формат. Эту задачу вполне можно решить несколькими строками скрипта на языке программирования «Python». Специализированная библиотека языка «Beautiful Soup» позволяет получать код html и «вытаскивать» из него релевантные данные.

Вторая группа – обработка данных и придание им «опрятного» вида. Концепция «опрятных» данных (Tidy Data) сегодня активно разрабатывается сторонниками статистической среды «R», для чего в ней создано несколько «пакетов» (например, «tidyr»), позволяющих оптимизировать их [1]. Два наиболее важных свойства таких данных состоят в следующем:

- 1 Каждый столбец в таблице соответствует одной переменной.
- 2 Каждая строка соответствует одному наблюдению.

Используя «опрятные» данные и соответствующие программные инструменты, исследователь тратит больше времени на изучения свойств данных, а не на их обработку [2]. Несмотря на наличие специализированных пакетов в среде «R», иногда возникает потребность решить ряд специфических и значимых для социолога задач. Здесь мы снова можем использовать преимущества и простоту «Python». Одна из важных задач, решаемых социологом – это «расширение числа признаков объекта», «вытаскивание» из данных дополнительной информации. Так, например, имеется машиночитаемый список членов избирательных комиссий России всех уровней, включающий в себя ф. и. о., должность, наименование политической или общественной организации, направившей члена комиссии. Общее число записей более 760000. Безусловно, представляет интерес гендерный анализ этого списка, анализ политического представительства, возможность проанализировать эти параметры применительно к отдельным регионам. Такое преобразование требует «расслоения» строк матрицы, вычленение из текста «Нетужилов Виктор Владимирович, Костромское региональное отделение партии Единая Россия» таких признаков, как пол, политическая идентичность, регион. Обработать вручную такой массив данных – это работа десятков человек в течение нескольких дней. Скрипт на «Python» позволяет решить эту задачу в течение пяти минут. Чтобы продемонстрировать данный тезис, приведём пример скрипта, позволяющего определить пол члена избиркома и добавить его в качестве отдельного столбца в матрицу «объект-признак».

```
at=open ("fi1.txt")
zx=open ("fi_pol.txt", "w")
for i in (at):
    if i[-3]=="a":
        i=i.replace ("\n", ",")
        zx.write (i+ "женский\n")
    else:
        i=i.replace ("\n", ",")
        zx.write (i+ "мужской\n")
at.close()
zx.close ()
```

Как можно видеть, несколько простых строк кода позволяют существенно облегчить жизнь исследователю, повысив качество первоначальных данных.

Третья группа – визуализация данных. Сегодня, по всей видимости, можно уверенно констатировать тот факт, что время достаточно примитивных графических решений «Excel» прошло. При этом ни SPSS, ни SAS, ни другие статистические пакеты с визуальным интерфейсом не позволяют создавать многофункциональные, «заточенные» под конкретные данные диаграммы, графики, рисунки. Высокой функциональностью в этом аспекте обладает среда «R», имеющая целый ряд специализированных графических пакетов, позволяющих превращать результаты социологического исследования не только в продукт для профессионального пользования, но и в контент, востребованный сообществами.

Время «больших данных» формулирует целый ряд вызовов перед социологами-исследователями, ведёт к трансформации социологического сообщества, появлению групп исследователей, по-разному относящихся к необходимости использовать открытые, большие данные. Представляется, что сегодня, когда практически все развитые страны мира обучают кодингу, начиная с детского сада, рассматривая это как одну из ключевых компетенций, возникает потребность увидеть в освоении таких навыков потенциал для развития социологической науки, социологического образования, создав тем самым возможность для исследователя «собрать» данные, начиная с их извлечения до визуализации и публичного представления.

Язык программирования «Python» в связке со средой «R» является уникальным набором инструментов для извлечения, обработки и анализа социологических данных. Схожесть этих языков, особенно при функциональном программировании, известная простота освоения их базовых, необходимых для исследователя структур, дают социологу возможность быть эффективным исследователем в эпоху «больших данных».

Литература

- 1 Hadley W. Tidy data // The Journal of Statistical Software. Vol. 59. 2014.
- 2 Сайт: <http://r-analytics.blogspot.be/2014/07/tidyr.html>.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ОНЛАЙН СООБЩЕСТВА КАК ИСТОЧНИК ДАННЫХ О СОЦИАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ

М. В. Абрамов, О. Г. Венерина ВЫЯВЛЕНИЕ ЛИДЕРОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

АБРАМОВ М. В. – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета. Лаборант-исследователь лаборатории математического моделирования социальных процессов Института гуманитарных технологий в сфере социального компьютеринга МГГУ им. М. А. Шолохова. Младший научный сотрудник лаборатории ТиМПИ СПИИРАН. E-mail: mva16@list.ru. ВЕНЕРИНА О. Г. – заведующая лабораторией «Оценки достоверности информации» Института нейронаук и когнитивных исследований, Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, г. Москва. E-mail: olga.venerina@gmail.com.

В связи с интенсивным ростом социальных сетей сегодня можно констатировать формирование полноценной виртуальной среды эффективных коммуникаций между людьми. Многие учёные сегодня делают попытки проводить исследования этой среды. С ноября 2013 г. исследовательская группа МГГУ им. М. А. Шолохова занималась мониторингом социальных сетей Украины. Исследование выявило, что большая часть контента, который имеет значительный охват, генерируется малой группой пользователей. Пользователей социальных сетей можно условно разделить на две группы – модераторы (генераторы) и потребители контента. В статье подробнее рассмотрены представители группы модераторов контента, распространяющие свою точку зрения на политические новости среди украинских пользователей социальных сетей.

Среди генераторов контента выделим относительно малочисленную группу лидеров общественного мнения в социальных медиа. Понятие «лидер мнения» впервые было введено американским социологом Полом Лазарсфельдом в 1955 г. [2]. Согласно его терминологии, лидер мнения – это индивид, активно распространяющий свою точку зрения, которая может воздействовать на мнение окружающих. Пол Лазарсфельд с группой исследователей разработал модель двухуровневой коммуникации, согласно которой в обществе существуют восприимчивые к воздействию политической пропаганды «лидеры общественного мнения», распространяющие политическую информацию по каналам межличностного общения.

Лидер общественного мнения в социальных медиа – это персонализированная страница в сети интернет, на которой с высокой периодичностью (2–3 раза в день) размещается контент, вызывающий интерес локально значимого количества пользователей социальных медиа, выражающийся в следующих действиях: отметки «Нравится», репост или написание комментария к записи.

В социальных медиа каждый день генерируются и распространяются огромные массивы информации, для хранения и обработки которой требуются мощные ресурсы. Методология выявления лидеров общественного мнения в социальных медиа позволит значительно сократить исследуемое поле, что приведёт к понижению ресурсозатратности.

Для первичного выделения пользователей социальных медиа, претендующих на роль лидера общественного мнения, проводился мониторинг социальных медиа с помощью

функционала онлайн интернет-сервиса «IQBuzz» [1]. С помощью него был получен набор документов, опубликованных в социальных медиа в период кризисных событий на Украине, удовлетворяющих критериям поиска и релевантных запросу «Майдан | Евромайдан | евромайдан | Ukraine». Полученный массив документов был очищен от дублей, а затем отсортирован, на первом этапе — по количеству лайков, на втором этапе — по количеству репостов, на третьем этапе — по охвату. Все описанные действия были сделаны посредством основного функционала «IQBuzz». Далее на каждом этапе были выбраны по 100 документов, после чего страницы авторов этих постов были просмотрены экспертами и из них выделены 50 наиболее активных. Также с помощью базового функционала «IQBuzz» были выделены 10 пользователей, опубликовавших наибольшее количество документов, признанных релевантными заданному поисковому критерию. После этого страницы пользователей объединённого списка наиболее активных авторов анализировались экспертами вручную на предмет выделения общих особенностей.

В ходе мониторинга была выделена следующая система маркеров:

- 1 количество подписчиков на странице;
- 2 интенсивная накрутка количества лайков и репостов публикуемых сообщений;
- 3 перекрёстные ссылки между лидерами общественного мнения в социальных медиа;
- 4 содержание в постах различных технологий по манипулятивному воздействию на аудиторию.

Количество подписчиков на странице. На основании проведённых наблюдений было выявлено, что количество подписчиков на страницах пользователей, которые впоследствии стали лидерами общественного мнения в социальных медиа, составляло не более 500 человек до начала активного размещения на данных страницах протестного контента. При нарастании протестной активности вне интернета (офлайн) или накануне этих событий количество подписчиков таких аккаунтов интенсивно увеличивалось. Спустя пять дней, как правило, количество интересующихся публикуемым на странице контентом возрастало в 20–40 раз по отношению к начальным значениям.

Интенсивная накрутка количества лайков и репостов публикуемых сообщений. Сообщения, публикуемые лидерами общественного мнения в социальных медиа, набирают, как правило, более 1000 лайков и 500 репостов в первые 5 минут. Также активность проявляется в написании односложных одобрительных комментариев: «молодец», «отлично», «согласен» и др. Постоянные темпы роста количественных показателей записей не зависят от времени суток и прочих факторов. На основании этого была выдвинута гипотеза о возможной «накрутке»³ рейтинга подобных сообщений.

Перекрёстные ссылки между лидерами общественного мнения в социальных медиа. Лидеры общественного мнения в социальных медиа часто ссылаются друг на друга. В основном подобные ссылки носят характер одобрения тех или иных высказываний других лидеров общественного мнения, в то же время, происходит оппонирование в несущественных вопросах, не связанных с базовой идеологической основой, содержащейся на страницах лидеров общественного мнения. Таким образом, создаётся видимость наличия разных точек

³ Накрутка — это процесс искусственного наращивания численных характеристик сообщений, публикуемых в социальных медиа, таких как количество лайков, репостов и комментариев.

зрения на ряд вопросов, тем не менее, все сообщения лидеров общественного мнения имеют однозначную одинаковую идеологическую основу. Лидеры общественного мнения в социальных медиа, как правило, также имеют пересечения в аудиториях, читающих публикуемый ими контент.

Содержание манипулятивных воздействий на аудиторию. Были выявлены следующие технологии манипулятивных воздействий лидерами общественного мнения в социальных медиа на свою аудиторию.

- 1 Обесценивание и обезличивание ярких политических деятелей.
- 2 Использование большого количества метафор.
- 3 Использование вопросительных форм.
- 4 Апеллирование к постам предсказательного характера.
- 5 Преобладание сообщений с наставлениями.
- 6 Тоталитарный характер коммуникации.
- 7 Обращение напрямую к лицам, принимающим решения.

Лидеры общественного мнения в социальных медиа часто используют в своих сообщениях оскорбления в адрес ярких политических лидеров. Также не редко используются метафорические формы, из которых точно понятно, что имеется в виду.

Лидеры общественного мнения в социальных медиа активно пользуются вопросительными формами, моделируя, таким образом, ситуацию псевдоинтерактивного общения («псевдо», т. к. обратная связь лидера мнения не интересует) и создавая иллюзию возможности для потребителя этого контента самому подумать и сделать выводы.

На страницах лидеров общественного мнения в социальных медиа встречаются публикации постов прогнозирующего характера. Эти прогнозы, как правило, касаются событий, которые должны произойти с высокой степенью вероятности. В случае, когда прогноз оправдывается, его автор апеллирует к нему как к свидетельству своей сверхосведомлённости, формируя таким образом у читателей ощущение своей избранности и допущенности к информации, закрытой для его аудитории. Кроме того, в целях поддержания репутации человека, вхожего в узкие круги высокопоставленных политических лидеров, авторы такого рода страниц либо обращаются в своих постах к известным политикам напрямую, либо публикуют посты, иллюстрирующие и подтверждающие факты неформального общения с этими политиками.

Почти во всех сообщениях лидеров общественного мнения в социальных медиа присутствует лексика наставляющего характера: «Всё будет хорошо у Вас, нужно время и силы продолжить борьбу не только с внешним врагом, но и с предателями в костюмах brioni внутри страны»⁴. Таким образом, за счёт формирования образа в высшей степени авторитетного мнения, реализуются элементы суггестивного воздействия на аудиторию подписчиков такого пользователя.

В случае, если посетители страницы высказывают несогласие с мнением автора и позволяют себе критические замечания в его адрес, или в адрес ситуации, они демонстративно включаются в так называемые бан-листы⁵. Таким образом, на странице поддерживается

⁴ Цитата из поста пользователя социальной сети Facebook, доступной по адресу <https://www.facebook.com/s.z.Man.mskUK?fref=ts>.

⁵ Список пользователей, которые лишаются доступа к публикуемому контенту страницы.

тоталитарный характер коммуникации, согласно которому пользователь может только соглашаться и публично одобрять мнение автора.

Литература

- 1 Интернет-сервис мониторинга социальных медиа IQBuzz [Электронный ресурс] // URL: <http://service.iqbuzz.ru/actions/start> (дата обращения: 10.11.2014).
- 2 Lazarsfeld P. F, Katz E. Personal Influence. New York, 1955.

А. Ю. Багина

ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПУБЛИКАЦИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В «ВКОНТАКТЕ», «ФЕЙСБУКЕ» И «ИНСТАГРАМЕ» НА ПАСХУ, ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ И БЛАГОВЕЩЕНИЕ В 2014 ГОДУ)

БАГИНА А. Ю. – кандидат политических наук, руководитель Исследовательской службы «Среда». E-mail: info@sreda.org.

О мониторинге. В 2014 г. в дни православных праздников Исследовательской службой «Среда» отслеживались все упоминания ключевых слов в русскоязычных открытых публикациях пользователей социальных сетей, блогов, микроблогов и форумов (т. е. отслеживались только сообщения, непосредственно касающиеся праздников). Для каждого праздника был составлен список запросов-тегов и «минус»-слов, исходя из исследовательского опыта коллектива «Среды». Мониторинги проводились на Благовещение (6 и 7 апреля 2014), Вербное воскресенье (12–13 апреля 2014), Страстную неделю и Пасху (14–20 апреля 2014). Сбор данных велся автоматически с помощью системы Brand Analytics (br-analytics.ru). Впоследствии полученные данные были разобраны «вручную» и проанализированы специалистами службы «Среда».

Что может дать социологу простой мониторинг ключевых слов в социальных сетях и медиа?

Социальные сети и медиа – это миллионы пользователей, наблюдение за которыми происходит, во-первых, без вмешательства и влияния на респондентов, во-вторых, анализ нарративов осуществляется практически в реальном времени с высокой скоростью и включает огромные объёмы данных (не только тексты, но также фото и видео). С другой стороны, это развивающееся направление, его инструментарий имеет свои нюансы (технические ограничения, политика конфиденциальности социальных сетей и медиа и др.), кроме того, при анализе желательно участие широкого круга специалистов.

Количество и график сообщений. Благовещению Пресвятой Богородицы в канун праздника было посвящено 40 723 публикаций пользователей, Входу Господню в Иерусалим (Вербному воскресенью) в канун праздника – 91 253 публикаций, Пасхе в канун праздника и на Страстной неделе (неделе перед праздником) – более 1 375 000 публикаций. Во всех трёх случаях пик публикаций пришёлся на утренние часы в день праздника (примерно с 9:00 до 12:00).

Половозрастная статистика. В сетях в публикациях о православных праздниках наиболее активны женщины (от 60% до 75% от общего числа авторов), возраст – чаще старше 45-ти лет (данные только по сетям, в которых указывается возраст). При этом Пасха оказалась наиболее

молодёжной: на группу 18–35 лет пришлось порядка 50–60% всех упоминаний. Кроме пользователей из России о православных праздниках на русском языке чаще всего пишут пользователи из Украины, Беларуси и Казахстана, а также США и Германии.

Сопутствующие слова – теги. Кроме общей статистики (график и число публикаций, рейтинг стран) в ходе мониторинга удалось сделать выводы о сопутствующих словах и словосочетаниях – тех, что наиболее часто употреблялись в контексте тематических публикаций. К примеру, в публичных сообщениях пользователей слово «Благовещение» чаще всего сопровождают слова «праздник» (16 846 упоминаний), «Богородица» (13 423), «весть» (5 253), «мир» (5 174), «Господь» (4 774) и «Мария» (4 715). Чаще всего в сообщениях о Вербном воскресении в соцсетях использовались слова «праздник», «верба», «мир», «Иерусалим», «вход» и «счастье», в СМИ главными тегами, сопровождающими Вербное воскресенье, стали «Спаситель», «Пасха», «Иерусалим», «вера» и «Евангелие». Поздравление «Христос Воскресе» составляет 25% пасхальных сообщений; в пасхальных публикациях также часто упоминаются слова «праздник» (28%), «мир» (9%), «Воскресение» (7%), «люди» (6%), «любовь» (6%) и «добро» (5%). Яйца и куличи оказались в соцсетях одинаково популярны (10% сообщений против 9%).

«Человеческие» выводы. Мониторинг упоминаний той или иной темы в социальных сетях кроме общей статистики, как показало исследование, позволяет делать и некоторые более серьёзные выводы.

Так, например, все три праздника активно использовались спамщиками и рекламодателями, чтобы через хэштеги и упоминание ключевых слов привлечь аудиторию на свою страницу или сайт, продать товар (например, платные интернет-открытки, тематические праздничные товары и т. д.) или разрекламировать услугу. Что говорит о популярности темы в социальных сетях.

Для значительного количества пользователей православные праздники сопряжены, в первую очередь, с запретами и совершенно бытовыми вопросами: что можно, а что нельзя делать, разрешено ли есть скоромную пищу, убираться в доме и даже мыть голову. Так, самым «суеверным» в соцсетях оказалось Благовещение, а на Вербное воскресенье чаще, чем в другие праздники, публиковались картинки. Про то, какие события стоят за праздниками, почти не писали.

Благовещение и Вербное воскресенье в социальных сетях тесно связаны с народными приметам, пословицами и поговорками, прибаутками и забавными стихами.

Абсолютное большинство публикаций, относящихся ко всем трём праздникам, содержат в себе только поздравления и пожелания или констатацию праздника. Постов, рассказывающих об истории праздников, традиции и касающихся непосредственно вопросов веры, – в разы меньше.

Интересные находки. Православная герметичность. О своей активности в социальных сетях говорят 33% россиян (данные всероссийского опроса 2014 г., проведённого ФОМ по заказу службы «Среда»). Православных церковных людей с учётом их принадлежности к Русской Православной Церкви, согласно этому же опросу, в соцсетях 31 %. Итого получаем примерно 10 млн церковных православных. Регулярных прихожан в среднем около 15% от церковных по самоидентификации, итого в соцсетях, по приблизительной оценке, около 1,5 млн прихожан. Причаститься в Великий Четверг для прихожанина важно. Слово «причастился» во всех глагольных формах прозвучало в рунете 17 апреля 2014 г., в Великий Четверг 1 050 раз. 1500 000 и 1 050. Такая порядковая ступенька о чём-то должна говорить. Мы столкнулись с

культурным кодом. Может, мы имеем дело с субкультурной православной герметичностью. Современное православие в России — оно закрытое или открытое?

Интересные находки. Временное и вечное. Не только за Великий Четверг, а всего за Страстную неделю сообщений, содержащих формы глагола «причастился» и слово «причастие», было 2 628. Чаще всего в сообщениях, содержащих эти слова, также упоминаются: день, человек, жизнь, Церковь, время. После них: год, дело, мир, сердце, Господь, смерть, земля, новое, ребёнок, образ, история. Обращает внимание, что из перечисленных 15-ти слов 6 имеют отношение к временному измерению человеческой жизни. При этом в топ-30 словах, упоминаемых в сообщениях одновременно со словом «причастие», нет слов «Иисус Христос» и «Воскресение».

Интересные находки. Имена Бога. В России в 2014 г. к церковным православным себя относит 35% населения. С учётом нецерковных православных, инославных и «христиан широкой ориентации» в России порядка 40% христиан, т. е. примерно 44 миллиона. Мусульман — 5–6%, т. е. около 6 млн. Буддистов — 0,5%, т. е. 600 000. Таким образом, для простоты опуская сопутствующие соображения, на 100 000 упоминаний имени Иисуса Христа в соцсетях пропорционально должно бы было приходиться 13 000 упоминаний Аллаха и 1 300 упоминаний Будды. Что мы видим на Страстной неделе? Иисус Христос — 150 000 упоминаний, Аллах — более 30 000 упоминаний (вместо ожидаемых 20 000), Будда — 12 000 упоминаний (вместо ожидаемых 2 000).

Итоги. В целом, в соцсетях мы наблюдаем именно «культурное православие»: по религиозной тематике публикуется только то, что является социально приемлемым. Говорят о том, о чём считают возможным говорить, о чём прилично говорить. Поэтому в область социальных коммуникаций воскресная радость проникает в окружении артефактов, яиц и куличей. Мы видим «подзамочность» веры. Публичное исповедание воспринимается как риск, как угроза поругания святыни.

Литература

- 1 Религиозные праздники в социальных сетях и медиа // Исследовательская служба «Среда». URL: <http://sreda.org/ru/category/research/religious-holidays-in-social-media>.

Н. Л. Балич ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ БЕЛАРУСИ И ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ АУДИТОРИЯ СМИ

БАЛИЧ Наталья Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела политической социологии Института социологии НАН Беларуси. E-mail: nlrMinsk@mail.ru.

Воздействие СМИ на общество и формирование общественного мнения протекают в пространстве информационного поля, действующими субъектами в котором выступают масс-медиа и их аудитория.

Каналами коммуникации в современных условиях в первую очередь являются электронные средства: телевидение, кино, радио, интернет. Среди печатных средств – газеты,

журналы, книги, брошюры, листовки, плакаты. К устным средствам распространения информации относят сплетни, слухи.

Важность и востребованность информации возрастает с каждым годом. Использование современных технологий и средств связи обеспечивает поиск, получение, передачу и распространение информации. Граждане, а также организации Беларуси всё чаще обращаются к глобальной сети – интернету, который, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, является самой популярной услугой. Количество абонентов (юридических и физических лиц) глобальной сети составляет более 8,5 млн человек. Среди коммерческих организаций доступ к Интернету имеют более 96%. Наиболее распространён стационарный широкополосный доступ, который используют более 85% организаций; коммутируемый доступ – 27,7% коммерческих организаций, беспроводной – 21,4%. Услугами электронной почты пользуются более 95% организаций, около 4000 имеют свой веб-сайт.

Помимо интернета в республике активно развиваются услуги по предоставлению кабельного телевидения. Широкое развитие получила услуга IP-телевидения, количество абонентов, использующих её, составляет более 807 тысяч человек [1].

В целях определения приоритетов белорусов в выборе источников получения информации – были проведены исследования Институтом социологии НАН Беларуси в 2011–2014 гг. (объём выборок – 1491, 2107, 2099, 2100 человек). Результаты (по данным 2014 г.) показали, что с помощью телевидения основную информацию получают 80,4% населения страны, из интернета – 53,6%, из периодических изданий – 31,8%. Радио пользуется популярностью у 21,6% опрошенных, информацию от родственников, друзей, коллег получает 25,4%. Официальное информирование по месту работы использует 6,5%.

Проанализировав динамику потребления информации в 2011–2014 гг., становится очевидным, что телевидение остаётся одним из основных каналов получения информации, но его востребованность с течением времени хоть и несущественно, но снижается (с 94,0 до 80,4%). Вместе с тем возрастает значимость интернета (с 31,7 до 53,6%), а вот периодические издания и радио всё меньше востребованы, так же как и информирование по месту работы. Популярность информации, полученной от родственников, друзей и коллег, снижалась и увеличивалась незначительно. Динамика потребления информации представлена на рис. 1.

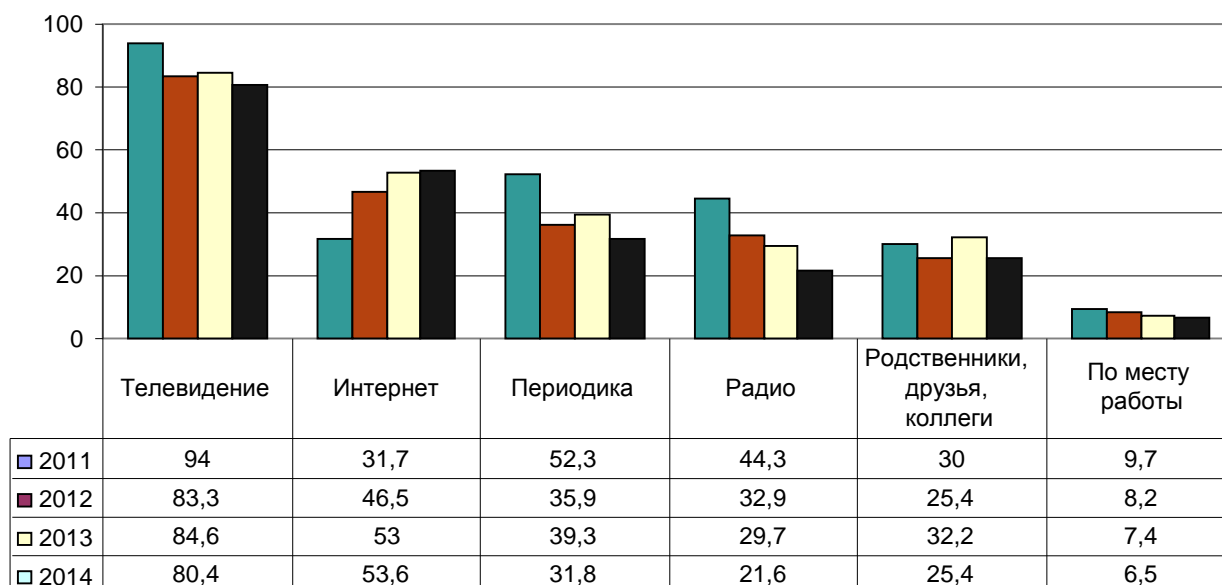

Рисунок 1 – Динамика потребления информации из различных источников в период 2011–2014 гг., в %

Рассматривая национальную аудиторию по возрастному критерию, можно отметить, что информационные потребители масс-медиа имеют ряд особенностей. Телевидение, интернет, периодические издания и радио продолжают оставаться важными коммуникационными каналами для всех групп, но имеют разную популярность в зависимости от возраста.

Для молодёжи в возрасте до 30 лет наиболее популярным источником информации является интернет. С увеличением возраста интенсивность использования глобальной сети снижается, а телевидения – увеличивается. Подобная тенденция характерна для таких каналов информации, как периодические печатные издания и радио.

Необходимо отметить, что участники опроса до 20 лет проявляют незначительный интерес к периодическим изданиям – 8,8%, реже они слушают радио – 7,7%, смотрят телевидение – 53,6%.

В возрасте 20–29 лет телевидение как источник информации выделяют 57,8%, периодические издания – 15,4%, радио – 13,8%.

Для участников опроса 30–39 лет значимость телевидения значительно возрастает – 76,7%, выше потребление информации из периодических изданий и радио. Пользование интернетом несколько ниже – 75,2%, однако значительно популярней, чем у старших возрастных групп.

В возрастных группах (от 40 лет и выше) значимость традиционных СМИ (телевидение, пресса, радио) увеличивается в соответствии с возрастом респондентов. Чем старше возраст, тем меньше граждан, указывающих на глобальную сеть как источник информации, и больше тех, кто смотрит телевидение, читает прессу и слушает радио. Распределение информационного потребления масс-медиа по возрастным группам представлено в таблице 1.

Таблица 1 Потребление информации из различных источников по возрастным группам, %

Источники информации	Возраст, лет					
	До 20	20–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше
Телевидение	53,6	57,8	76,7	93,5	90,4	94,6
Интернет	85,3	84,7	75,2	48,9	38,7	11,2
Периодические издания	8,8	15,4	27,0	34,9	44,8	45,4
Радио	7,7	13,8	17,4	14,8	26,2	38,4

В зависимости от населённого пункта – радио более популярно у жителей села, нежели у горожан. Интернет, наоборот, чаще используют в городской местности, чем в сельской. Популярность телевидения и печатных изданий в выделенных группах существенно не различается.

Анализ по гендерному признаку показал, что у мужчин и женщин более популярны телевидение и интернет. Однако мужчины чаще выделяют в качестве источника получения информации интернет – 58,7%, женщины – телевидение – 82,8% (мужчины: 77,5% – телевидение, женщины: 49,3% – интернет). Для женщин более значима информация, полученная от родственников друзей, коллег, а также из периодических печатных изданий. Радио, официальное информирование по месту работы имеют примерно одинаковую значимость для обеих групп.

Таким образом, роль и значение информации, её востребованность в белорусском обществе возрастает с каждым годом. Широкому кругу потребителей, как организациям, так и гражданам, в современных условиях предоставлен большой спектр услуг и технологий для получения и распространения необходимой информации.

Анализ СМИ в выборе источников получения информации показал, что ведущее место в современной коммуникационной среде белорусского общества принадлежит телевидению, интернету, периодическим изданиям и радио. Глобальная информационная сеть «интернет» создает новые возможности получения, распространения и обмена информацией и пользуется большой популярностью среди молодёжи, постепенно вытесняя традиционные источники информации – телевидение, прессу и радио. Социальные сети стали средством публичной коммуникации и инструментом влияния на формирование общественного мнения белорусов.

Информационные потребители масс-медиа имеют ряд особенностей в зависимости от пола, возраста, региона проживания. Телевидение, интернет, периодические издания и радио продолжают оставаться важными коммуникационными каналами, но имеют разную популярность в зависимости от социально-демографических характеристик своих пользователей.

Литература

- 1 Статистический обзор к Всемирному дню информации // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/info_day.php.- (10.01.2015).

Е. В. Батаева

**ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА
В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ КИБЕРКОММУНИКАЦИИ В ЧАТАХ⁶**

БАТАЕВА Е. В. – доктор философских наук, доцент кафедры социологии Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия». E-mail: bataevaekaterina@yahoo.com.

Киберкоммуникация (компьютеро-опосредованная коммуникация) обладает специфическими особенностями, которые необходимо учитывать при выборе метода социологического исследования этого феномена: сообщения представлены преимущественно в текстовой форме («смайлики» также можно рассматривать как разновидность текста); сообщения имеют преимущественно акциональный характер, являясь символами определённых действий киберакторов (согласно результатам исследования 2010 г., акциональные сообщения составляют почти 90% от общего объёма чат-сообщений, тогда как 10% составляют информационные сообщения [1, с. 64]).

Поскольку киберкоммуницирование представлено в текстовой форме и имеет акциональную природу (в нём реализуются action-in-text [2]), то для его анализа следует выбирать методы, имеющие своей целью, с одной стороны, анализ текста, а с другой – анализ социальных акций. По мнению П. Традгила, дисциплины, изучающие текст в социальном ракурсе, можно разделить на три группы: 1) те, цели которых являются чисто социологическими; эти дисциплины нацелены на выявление скрытой социальной организации текста (этнометодология); 2) дисциплины, которые имеют дело отчасти с лингвистическими, отчасти с социальными факторами (анализ разговоров или конверсационализм, социолингвистика); 3) дисциплины, цели которых – чисто лингвистические (лингвистика, прагматика) [3, с. 7]. Очевидно, что наиболее социологизированной методологией из этих трёх разновидностей является этнометодологическая парадигма, предполагающая проведение включённого наблюдения, глубинного интервьюирования, «кризисных экспериментов». Использование указанных этнографических приемов целесообразно дополнить контент-анализом, нацеленным на выявление определённых категориальных тенденций в изучаемых текстах. Если традиционный контент-анализ имеет своей целью измерение частоты появления в тексте определённых «слов, тем, характеров, параграфов, пунктов, концептов, семантики» [4, с. 246–247] (т. е. лингвистических единиц анализа), то контент-анализ, имеющий своим предметом action-in-text или акциональную текстовость, нацелен на измерение частоты появления в кибертекстах акций и интеракций, принадлежащих к определённым смысловым категориям. Согласно определению В. Ньюмена, «контент-анализ – это техника анализа содержания текста. «Содержание» могут составлять слова, значения, картины, символы, идеи, темы или любые другие сообщения коммуницирования. «Текст» – это всё написанное, визуальное, произнесённое, что выполняет роль медиума коммуникации» [5, с. 272–273]. Каким бы ни был объект традиционного контент-анализа («словом, значением, картиной, символом, идеей, темой или любым другим сообщением коммуницирования»), он в любом случае нацелен на фиксацию «статических» категориальных единиц, в то время как action-analysis и interaction-

⁶ Использован фрагмент статьи "Action-analysis и interaction-analysis киберкоммуникации", которая готовится к публикации в "Социологическом журнале" (№ 1, 2015).

analysis имеют своим предметом «процессуальные» текстовые феномены, которые динамически развиваются.

Поскольку киберкоммуникация обладает динамическим характером, для её изучения необходимо использовать эти две модификации контент-анализа – action-analysis (анализа, нацеленного на выявление actions-in-text, практикуемых в чат-пространстве) и interaction-analysis (анализа ситуаций взаимодействия кибер-акторов), целью которых является выявление и подсчёт различных акций и интеракций в кибертекстах.

В каких отношениях находятся методы action-analysis и interaction-analysis? Эти методы дополняют и усиливают друг друга, хотя их можно использовать и по отдельности. Если использовать метафоры, то можно сказать, что action-analysis является «плоскостным» методом, а interaction-analysis – «объёмным». С помощью action-analysis изучаются содержательные особенности чат-коммуникации, структурационные треды (нити), организующие её сетевое пространство. С помощью interaction-analysis осуществляется выход в «трёхмерное» пространство взаимодействия между несколькими акторами, которые используют серии акций в целях оказания влияния на поведение друг друга. Interaction-analysis позволяет понять отличия виртуальных интеракций от реальных; прогнозировать возможное влияние габитуса, формирующегося в процессе длительного пребывания человека в чате, на его повседневный стиль общения и, соответственно, понять, как виртуальный мир может влиять на мир реальных взаимоотношений между людьми.

Литература:

- 1 Батаева Е. Социальные акции и интеракции в виртуальных сообществах // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 50–71.
- 2 Nocera A. J. L. Ethnography and Hermeneutics in Cybercultural Research Accessing IRC Virtual Communities // Journal computer-mediated communication. 2002. Vol. 7. № 2. URL: <http://jcmc.indiana.edu/vol7/issue2/nocera.html> (12.11.2010).
- 3 Trudgill P. Sociolinguistic Patterns in British English. London: Edward Arnold, 1978. 186 p.
- 4 Berg B. *Qualitative research methods for the social sciences*. Boston, MA: Allyn and Bacon, 2007. 384 p.
- 5 Neuman W. *Social research methods: qualitative and quantitative approaches*. Needham Heights, MA: Allyn & Bacon, 1997. 592 p.

Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Д. Н. Карзубов, А. В. Сияков
СТРАТЕГИИ ПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТОМ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ РАЗЛИЧНОГО ТИПА:
РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ

БРОДОВСКАЯ Е. В. – доктор политических наук, научный руководитель Института гуманитарных технологий в сфере социального компьютеринга Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. E-mail: brodovskaya@inbox.ru.

ДОМБРОВСКАЯ А.Ю. – кандидат социологических наук, зав. лабораторией «Социология Интернета» Института гуманитарных технологий в сфере социального компьютеринга Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. E-mail: an-doc@yandex.ru.

КАРЗУБОВ Д.Н. – директор Института гуманитарных технологий в сфере социального компьютеринга Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. *E-mail: alekssin@gmail.com.*

СИНЯКОВ А.В. – младший научный сотрудник лаборатории «Социология Интернета» Института гуманитарных технологий в сфере социального компьютеринга Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. *E-mail: karzubovdn@gmail.com.*

Взаимозависимость политических, коммуникативных и социальных компонентов в виртуальном пространстве является важным предметом исследования для ряда учёных всего мира: Г. Ален Г. [1], Б. Барбер [2], Б. Блимбер [3], Ф. Кейнкрос [4], С. Кларк [5], М. Кастельс [6], С. Колерман [7], Э. Этциони [8], П. Норрис [9], М. Постер [11].

Во многом это обусловлено уверенным и стабильным ростом мировой интернет-аудитории. По данным *Internet World Stats* – компании, чья деятельность направлена на измерение и сопоставление пользовательских аудиторий различных регионов мира, в интернет-пространстве численно доминируют пользователи из Китая (22% от числа всех пользователей в мире) и США (10%; данные за 2012 г.) [9]. Однако данный показатель в Китае, отражающий относительное число пользователей во всем мире, не означает относительное преобладание пользователей в этой стране. Согласно данным «Мирового Интернет Проекта» – объединения 50 государств, по единой методологии изучающей тенденции развития интернета в различных странах, в Китае 55,7% населения – не пользователи интернета [12]. По абсолютной величине пользовательской аудитории Россия занимает 6-е место, оставляя позади Германию, Великобританию и Францию, вместе с тем долевая представленность не пользователей в России вдвое меньше аналогичного показателя указанных европейских стран [12]. Очевидным представляется различие политических режимов в странах – лидерах по численности пользователей в мире. Полагаем, что, с одной стороны, интернет не является доминирующим фактором, определяющим функционирование политических систем. С другой стороны, разница в степени регулирования интернета, в масштабе коммуникации, который может выбрать пользователь, не только отражает особенности политического процесса оффлайн, но и является одним из инструментов воспроизводства сложившегося политического порядка.

В качестве объектов настоящего исследования отобраны США, Россия, Мексика, Китай, Великобритания, Швеция и ЮАР как наиболее показательные случаи различных типов политических систем.

Методами исследования служили сравнительный, типологический и кластерный анализ, сопоставление данных которых позволило выявить закономерности взаимосвязи политических систем и тенденций интернет-коммуникации. В настоящем исследовании представлены результаты выявления типов стратегий пользования глобальной электронной сетью в отобранных странах мира.

Кластерный анализ 7 национальных баз данных «Мирового Интернет Проекта» был осуществлен с применением метода К-средних SPSS for Windows 18.0.

Массив из 7-х стран рассматривается как единое целое и в этом «едином» массиве выделяются типы интернет-пользователей. В дальнейшем будет возможность выделить те же самые типы пользователей и в новых странах. В отдельную группу выделены те, кто «Не пользуются интернетом»

Для выделения типов интернет-пользователей используется метод k-средних. При его применении необходимо использовать переменные с интервальными или порядковыми шкалами, если эти шкалы возможно использовать для определения схожести объектов.

Таблица 1 Распределение типов интернет-культур пользователей сети в отобранных странах

Типы	Велико-британия	Китай	Россия	Швеция	Мексика	ЮАР	США
Человек информационный	14,6	18,1	5,9	12,8	3,4	6,3	23,9
Человек релаксирующий	13,5	17,3	33,4	8,8	41,8	8,0	7,0
Человек прагматичный	27,3	3,5	4,4	49,5	1,9	4,9	40,2
Человек традиционный	21,7	5,3	23,9	16,4	17,7	14,9	14,6
Человек не информационный	22,8	55,7	32,4	12,5	35,4	65,9	14,3
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Соотношение типов интернет-культур пользователей сети в отобранных странах

Таблица показывает ярко выраженную национальную специфику стратегии использования интернета, особенности национальной ментальности в использовании глобальной сети. Так, среди представителей профилей «Человек информационный» и «Человек не информационный» большинство китайцев. Очевидно, это связано с крайне высоким уровнем дифференциации доходов в Китае. Более половины китайцев (55,7%) были исключены из интернет-коммуникаций по причинам, связанным с отсутствием доступа к интернету. В то же время, 18,1% китайцев, которые принадлежат к профилю «Человек информационный», имея доступ к глобальной электронной сети, используют все её ресурсы и фактически проводят свою жизнь в интернете. Это оптимистическое отношение значительной доли жителей Китая к возможностям интернета можно объяснить тем, что эта страна относительно недавно стала развивать интернет-коммуникацию, и те граждане, которые имеют доступ к сети, активно тестируют её ресурсы и возможности.

Доминирование шведов в кластере «Человек прагматичный», с одной стороны, связано с особенностями национального характера граждан Швеции, с другой – довольно длительной историей развития в Швеции интернет-коммуникации, а потому, объективной оценкой преимуществ и недостатков сети.

Россия лидирует в двух типах профилей использования интернета «Человек релаксирующий» и «Человек традиционный» по довольно очевидным аспектам российской действительности. Во-первых, у русских есть относительно низкий уровень доверия к интернет-контенту и, следовательно, сосредоточенность на его использовании в первую очередь для развлечений и отдыха. Во-вторых, большинство россиян среднего возраста и пожилых людей, составляющих большинство профиля «Человек традиционный», предпочитают непосредственное общение и

пользуются интернетом в редких случаях. В России интернет не получил действительно широкого распространения, и значительная доля россиян использует интернет только как способ развлечения, но не как инструмент решения практических, политических и экономических проблем.

Поддержка

Исследование финансировалось Министерством образования и науки Российской Федерации в рамках реализации государственного задания "Выявление закономерностей взаимосвязи развития политических систем и Интернет-коммуникации» на 2014-2016 г.г. Код государственного задания 2816.

Литература

- 1 Allen G. Come the Revolution. Wired. 1995. P. 46–48.
- 2 Barber B. The uncertainty of digital politics: Democracy's uneasy relationship with information Technology. Harvard International Review. 2001. № 23. P. 42–47
- 3 Bimber B. The Internet and Political Transformation: Populism, Community, and Accelerated Pluralism // Polity. 1998. Vol. 31. № 1. P. 133–160.
- 4 Cairncross F. The Death of Distance: How the Communications Revolution Will Change Our Lives. Boston: MA: Harvard Business School Press. 1997. 452 p.
- 5 Clark S. J. A populist critique of direct democracy // Harvard Law Review. 1998. Vol. 112. № 2. P. 434–482.
- 6 Castells M. Communication power. Oxford: Oxford univ. press. 2009. 433p.
- 7 Coleman S. New mediation and direct representation: reconceptualizing representation in the digital age // New Media Society. 2005. Vol. 7. № 2. P. 21–40.
- 8 Etzioni A. The Spirit of Community: rights, responsibilities, and the communitarian agenda. - New York: Crown Publishers. 1993. 388p.
- 9 Internet world stats. URL: <http://www.internetworldstats.com> (12.11.2014).
- 10 Norris P. Digital Divide. Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. Cambridge: University Press. 2001. 476 p.
- 11 Poster M. Cyberdemocracy: Internet and the Public Sphere –Internet Culture. New York: Routledge. 1997. 426 p.
- 12 World Internet Project. URL: // <http://www.worldinternetproject.net/#news> (12.11.2014).

А. Ю. Бубнов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКО- ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ РУНЕТА

БУБНОВ Александр Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии МГГУ им. М. А. Шолохова. E-mail: alexandr-bubnov@mail.ru.

Перемещение политических коммуникаций в российский сегмент интернета в конце 90-х было обусловлено ростом рунета (с 1,5 миллиона пользователей в 1998 г. до 6 миллионов в 2001 г.) и последовавшим вслед за этим формированием сетевых сообществ. Вопросы политической и социальной повестки переключались в виртуальное пространство, а средой

развития, уточнения и размежевания политико-идеологических позиций, стала блогосфера (в первую очередь Живой журнал), а чуть позже, с середины 2000-х, и социальные сети. На основе топовых блогов и групп ангажированных определённой системой ценностей, возникли интерактивные площадки по «пересборке оснований» и кристаллизации новых идеологем. Всё это привело к стремительному устареванию традиционных идеологических клише, выраженных в оффлайновой форме, и формированию новой повестки, новых концептов, под воздействием естественных эффектов сетевой социальности: скорости обмена информацией, коллективного разума, плотности информационной среды и системы обратных связей.

После серии «цветных революций» последнего десятилетия, с широким использованием ИКТ, изучение политического сегмента блогосферы и социальных сетей стало рассматриваться как способ мониторинга текущего состояния общественного мнения и материал для составления перспективного прогноза относительно грядущей повестки в системе власть-оппозиция. Анализ российских и зарубежных исследований свидетельствует о складывании методологических и теоретических моделей в изучении политико-идеологического сегмента рунета. К числу наиболее известных проектов в этой сфере относятся доклады Беркмановского института при Гарвардском университете (2010 г. – март 2011 г.): «Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете», «Mapping Russian Twitter» [1]: исследование Центра изучения интернета и общества Российской экономической школы (май 2012): «Твиттер и российский протест: мемы, сети и мобилизация» [2]; исследование компании Basilisklab (Март 2012): Кто же всё-таки был на Болотной и на Сахарова? Анализ профилей 20 000 участников митинга [3], работа группы ЛИНИС по изучению политического сегмента российской блогосферы в ходе протестов [4].

В данных исследованиях представлены разные модели работы с Big Data, частотный анализ ключевых слов применяется для сбора массива данных. Первая модель, представленная докладами Беркмановского института и группы ЛИНИС, сочетает автоматизированный и экспертный контент-анализ блогосферы, с последующей кластеризацией сообществ по идеологическим позициям. Вторая модель (подход компании Basilisklab) это работа с массивами профилей социальных сетей. Третья модель (исследование группы из РЭШ) подразумевает анализ мемов (интерпретируемых через хэштеги твиттера) и построение графов сетевых сообществ на основе обмена мемами-хэштегами.

Картина политико-идеологического расслоения рунета, выделяемая в большинстве эмпирических исследований, сходна. Так, в упомянутых докладах Беркмановского института политико-идеологические кластеры блогосферы маркируются как охранители, левые, демократическая оппозиция, националисты. В списке политических блогов из ТОП 2000 Рейтинга ЖЖ по социальному капиталу (на 22.03.2012) [5], классификация выглядит следующим образом: охранители, либералы, красные, популисты, националисты, «совки», активные. Таким образом, три крупных группы с явной идеологической окраской: националисты, либералы и левые – сходно определяются на всех онлайн-платформах (включая блоги, микроблоги и социальные сети).

Однако результаты исследований, ориентированных на автоматизированный анализ социальных медиа, выявили ряд проблем. Выводы исследований отчасти противоречат друг другу, что связано в первую очередь с особенностями изучаемых платформ и избранной методологии. Так, анализ Твиттера в исследовании РЭШ [2] показывает системность и организованный характер акций протеста, но рассмотрение портретов тех же протестующих через призму их профилей «В Контакте» [3], демонстрирует наоборот случайный и ситуативный

характер этих связей. В данном случае мы видим, что Твиттер выступает пространством идеологической коммуникации для сплочённых групп, тогда как социальные сети лишь фиксируют ценностный резонанс в несвязанных социальных группах. Существуют трудности с определением устойчивых идеологических и ценностных позиций, поскольку исследовательские модели преимущественно фиксируют сегментацию по обсуждаемым событиям и временным идентичностям. Возможность же грубых ошибок контент-анализа обусловлена, в частности, ироничностью блогосферы и контекстуальностью русского языка, что можно обозначить как проблему идентификации дискурса.

Другую исследовательскую возможность предоставляет использование качественных методов, таких как дискурс-анализ (и анализ мемов как единиц дискурса), когнитивное картирование и другие разновидности структурного анализа, которые позволяют выйти за уровень частотных распределений и понять внутреннюю логику текста и мотивации его носителей и создателей. Использование дискурс-анализа при исследовании сетевых сообществ, в частности пабликов, позволяет определить узловые точки конфликтующих идеологических позиций, что является проблемой для автоматизированного контент-анализа. В качестве примера можно сослаться на проект группы Э. Паина по анализу этнопроблематики в сети [6]. В целом выделенные в ходе дискурс-анализа группы совпадают: провластное сообщество, националисты, либералы, «левые». Однако, несмотря на схожесть при выделении четырёх крупных групп, дискурс-анализ позволяет существенно уточнить внутренние границы. Просоветские национал-патриоты не смешиваются с антисоветски настроенными национал-демократами, поскольку такое смешение не позволяет предсказывать политические действия относительно тех или иных значимых символических событий. Проблемой качественных методов (в основном исполняемых вручную, экспертами-кодерами) является невозможность измерения «массовой доли» дискурса в текстовом массиве рунета, и, следовательно, сколь-нибудь объективной оценки степени влияния на общество и распространённости той или иной идеологической позиции.

Хорошим кейсом для проверки результатов и методов стали события на Украине расколовшие общественное мнение в стране и в сети. Так, кластер «националисты», уверенно выделяемый всеми исследованиями, и даже подкластер «национал-демократы», видимый с помощью дискурс-анализа, повели себя не так, как предполагалось. Присоединение Крыма оказало влияние на процессы консолидации и разобщения в русском националистическом движении, данное событие оценивается положительно национал-патриотами и основной частью национал-демократов, и негативно рассматривается радикальными националистами и оставшимися национал-демократами. Это лишний раз показывает, что необходимо совершенствование методов изучения политико-идеологических позиций пользователей рунета. Одним из вариантов развития является сочетание количественных и автоматизированных методов с традиционными для гуманитарных исследований качественными приемами.

Литература

- 1 «Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете», «Mapping Russian Twitter». URL: <http://cyber.law.harvard.edu>.
- 2 «Твиттер и российский протест: мемы, сети и мобилизация». URL: <http://www.newmediacenter.ru>.

- 3 Кто же всё-таки был на Болотной и на Сахарова? Анализ профилей 20 000 участников митинга. URL: <https://basilisklab.com/iru.html>.
- 4 Кольцова О.Ю., Щербак А.Н. «Livejournal Libra!» Влияние политической блогосферы на политическую мобилизацию в России в 2011–12 гг. URL: www.newmediacenter.ru/wp-content/uploads/2013/03/Livejournal-Libra-final-jul2013.pdf.
- 5 Список политических блогов из ТОП 2000 Рейтинга ЖЖ по социальному капиталу (на 22.03.2012). URL: <http://blog.t3Op.ru/post/Spisok-vseh-politicheskikh-blogov-iz-2000-blogov-Reitinga-po-socialjnomu-kapitalu.aspx>.
- 6 Паин Э. А., Мохов С. В., Поляков Е. И., Простаков С. А., Федюнин С. Ю. Этнополитические процессы в зеркале Рунета // Политическая наука/ М., 2013. № 1: Политическое участие в условиях сетевого общества.

К. А. Гаврилов

БЛОГИ КАК ИСТОЧНИК ДАННЫХ О МНЕНИЯХ БЛОГЕРОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

ГАВРИЛОВ Кирилл Андреевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: gavrilov@socio.msk.ru.

Одно из направлений исследования блогов предполагает обращение к ним не с задачей изучения специфики возникающей коммуникации, а с целью выявить порождаемые блогосферой мнения и оценки. Блоги здесь выступают как источник информации, например, для получения распределений политических мнений и оценок в интернете [1, 2, 3]. Такие исследования мало чем отличаются от исследований «традиционных» СМИ, выполняемых контент-анализом. Различия появляются в тот момент, когда блоги начинают восприниматься в качестве источника «обыденного» знания, а блогеры – своего рода «народными экспертами» [4; см. также: 5]. Такие исследования основаны не только на достаточно тривиальном представлении, что содержание блогов отражает мнение блогеров, но и – имплицитно – на идее, что на основе блогов можно реконструировать мнения блогеров по той или иной теме. Именно возможность такой реконструкции и будет предметом рассмотрения в данном докладе. Будет предложена собственная рефлексия по данной проблеме, а также приведены эмпирические свидетельства из трёх собственных исследований:

1. Контент-анализ русскоязычных сообщений, опубликованных на платформе «LiveJournal.com» в связи с терактом в аэропорту «Домодедово», произошедшем в январе 2011 г. Задача исследования состояла в выявлении специфики приписывания ответственности и вины в ситуации теракта. Ключевой вывод: непосредственно террористам приписывается вина чрезвычайно редко [6]. Одно из объяснений – в своих текстах блогеры не стремятся писать очевидные и понятные вещи; соответственно, вина террористов могла оказаться тем очевидным фактом, который не заслуживал упоминания. Однако исследование мнений априори должно предполагать реконструкцию очевидного. Наше решение состояло в том, чтобы обратиться к авторам текстов с прямыми вопросами об ответственности и вине, – это было сделано в последующих двух исследованиях.

2. Разведывательное исследование, включавшее в себя, во-первых, написание студентами социологического факультета НИУ ВШЭ эссе по поводу терактов, произошедших в конце 2013 г. в Волгограде (n=26). Эссе собирались в традиционном офлайн-формате. Анализ данных эссе проводился с помощью разработанной ранее методологии анализа блогов. Во-вторых, онлайн-опрос авторов эссе. Респондентам предлагалось ответить на вопросы относительно причастности различных акторов (упомянутых ранее в массиве эссе) к терактам в Волгограде, в частности, о причинном вкладе этих акторов и об их вине [7]. Ключевой результат – практически всем акторам, фигурировавшим в онлайн-опросе, приписывается высокая степень вины и высокий причинный вклад в то, что произошли теракты. Более того, даже тем акторам, которые *не упоминались* в эссе, приписывается сопоставимая с другими акторами ответственность и причинный вклад.

3. Исследование особенностей приписывания ответственности и вины в связи с событиями в Париже в январе 2015 г. Схема основывалась на исследовании волгоградских терактов и включала в себя:

- написание студентами социологического факультета НИУ ВШЭ эссе (n=80);
- ответ этих же студентов на вопросы онлайн-опроса, касающиеся ответственности и вины различных акторов, выявленных в эссе (n=80); анкета была модифицирована с целью исключения проблемы недостаточного разброса ответов, наблюдавшейся в «волгоградском» исследовании;
- контент-анализ русскоязычных сообщений, опубликованных на платформе «LiveJournal.com».

В настоящее время завершается полевая часть этого исследования. В докладе будут представлены первые результаты исследования и обозначены перспективы работы над темой.

Литература

- 1 Lawson-Borders G., Kirk, R. Blogs in campaign communication // American Behavioral Scientist. 2005. 49(4). P. 548–559.
- 2 Zhou X. The political blogosphere in China: A content analysis of the blogs regarding the dismissal of Shanghai leader Chen Liangyu // New Media & Society. 2009. Vol. 11 (6). P. 1003–1022.
- 3 Этлинг Б., Алексанян К., Келли Дж., Фарис Р., Палфри Дж., Гассер У. Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете [Электронный ресурс], 2010. URL: http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere-RUSSIAN.pdf (08.02.2015).
- 4 Абрамов Р. Н. Что такое ностальгия. Путешествие по российской блогосфере // 60 параллель. Некоммерческое издание по культурной политике, 2009. С. 36-41.
- 5 Papacharissi Z. Audiences as Media Producers: Content Analysis of 260 Blogs // Blogging, Citizenship, and the Future of Media. N.Y.: Routledge, 2007. P. 21–38.
- 6 Гаврилов К. А., Толмач А. Д. Кто виноват: контент-анализ блогов о теракте в «Домодедово» // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 81–88.
- 7 Lagnado D. A., Channon S. Judgements of cause and blame // Cognition. 2008. Vol. 108. P. 754–770.

К. В. Гонцов
ВЛИЯНИЕ ПАДЕНИЯ КУРСА РУБЛЯ
НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

ГОНЦОВ К. В. – аспирант Уральского института управления РАНХиГС, руководитель департамента мониторинга и исследований РИА «ФедералПресс». E-mail: kirill_gontsov@mail.ru.

В современной научной литературе большинство исследователей, анализируя социально-политическую стабильность в рамках институционального и структурно-функционального подходов, традиционно выделяют четыре основные группы факторов: экономические, политические, социальные, культурные [4, 3, 9]. По мнению А. В. Логинова, экономическое развитие (экономический рост и кризис) является одним из важнейших факторов политической стабильности [4]. Вместе с тем возникает ряд исследовательских вопросов. Например, является ли экономическое развитие определяющим фактором социально-политической стабильности российского общества? Подорвёт ли экономический кризис основы политического устройства Российской Федерации?

Для ответа на данные вопросы необходимо учитывать, что факторы социально-политической стабильности можно выделить только с учётом особенностей конкретной политической системы в конкретный промежуток времени [2, 21]. Поэтому анализ влияния экономического кризиса на политическую стабильность современной России мы провели, используя метод case-study. В качестве объекта исследования выбрана ситуация на валютной бирже 15–16 декабря 2014 г.

Современные социологические исследования показали, что, несмотря на резкое падение курса рубля в середине декабря 2014 г., уровень одобрения деятельности президента РФ В. В. Путина в период с ноября 2014 г. по январь 2015 г. не изменился: 85% опрошенных респондентов выразили одобрение деятельности политика [5]. Предновогодний «Рейтинг российской элиты-2014», составленный ВЦИОМ, также показал высокую популярность президента РФ (81%) [6]. Вместе с тем, стоит отметить и результаты социологических исследований ФОМ и «Левада-Центра», которые подтверждают озабоченность населения началом экономического кризиса в России, ухудшением жизни [8, 11] и т. д.

Помимо традиционных социологических исследований всё большую популярность приобретает анализ дискурса социальных медиа. Нельзя не согласиться с мнениями современных социологов о том, что для современного общества характерно глубокое проникновение интернета практически во все сферы жизни [10]. Поэтому, на наш взгляд, одним из наиболее эффективных методов оценки влияния экономического кризиса на социально-политическую стабильность российского общества будет являться измерение общественного мнения с помощью контент- и дискурс-анализа социальных медиа.

События на валютной бирже, связанные с резким падением курса рубля 15–16 декабря 2014 г., способствовали увеличению активности пользователей социальных сетей. Для более детального и глубокого анализа был выделен массив сообщений, связанный с ситуацией на российском валютном рынке, отношением пользователей к ней и прогнозами последствий экономического кризиса. В качестве основного метода отбора массива сообщений был

использован контент-анализ. Единица измерения анализа определена как сообщение, содержащие упоминания ключевых слов. В качестве основных ключевых слов (словосочетаний) для мониторинга с учётом морфологии были использованы: кризис, падение рубля, курс евро, курс доллара, дефолт, рост (повышение) цен, Украина, Центральный банк, рост (повышение) ставки, Владимир Путин, президент РФ.

Основной метод формирования релевантного ключевым словам массива сообщений в социальных медиа – ежедневный мониторинг с 15 декабря по 21 декабря. На площадках четырёх социальных сетей («ВКонтакте», «Twitter», «Facebook» и «Livejournal») было зафиксировано 187 961 записей, посвящённых исследуемой тематике. После первичной оценки отобранного массива сообщений (рис. 1) для глубокого анализа были выделены записи пользователей и сообществ в наиболее популярной в России социальной сети – «ВКонтакте» (vk.com) [1, 11].

Основной информационный всплеск активности пользователей всех социальных сетей пришёлся на 16 декабря и был связан с резким рыночным ростом курсов доллара и евро по отношению к рублю.

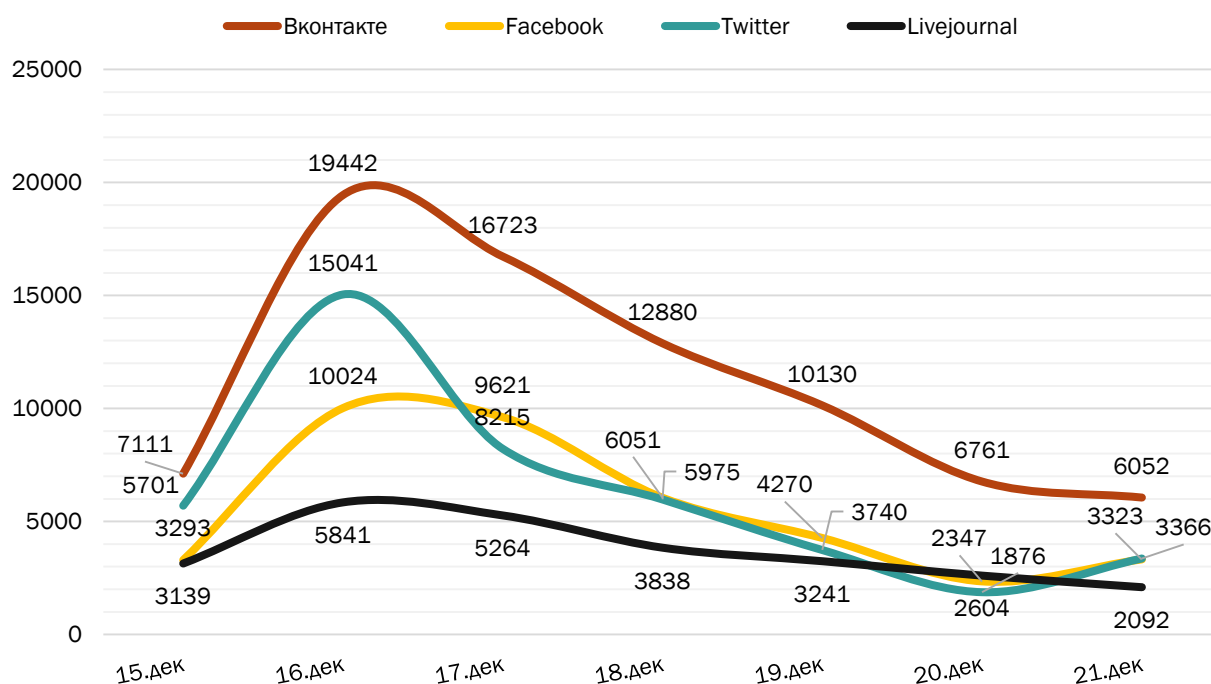

Рисунок 1 – Динамика активности сообществ и пользователей социальных сетей

Дальнейший дискурс-анализ позволил определить шесть основных макротем, которые транслировали пользователи и сообщества (рис. 2):

- падение курса рубля (записи об общей ситуации на валютном рынке, динамике курсов валют);
- рост цен (записи об увеличении цен на товары и услуги вследствие падения курса рубля);
- отношение к власти и политическим институтам (записи, напрямую связывающие динамику курса национальной валюты с деятельностью российских властей и

политических институтов – Государственной Думы, Правительства РФ, госслужащих и т. д.);

- отношение к В. В. Путину (записи, напрямую связывающие динамику курса национальной валюты с деятельностью Президента РФ В. В. Путина);
- отношение к политике ЦБ РФ (записи, напрямую связывающие динамику курса национальной валюты с деятельностью Центрального Банка РФ);
- пресс-конференция В. В. Путина (записи пользователей о темах экономического кризиса и падении рубля в рамках пресс-конференции Президента РФ В. В. Путина).

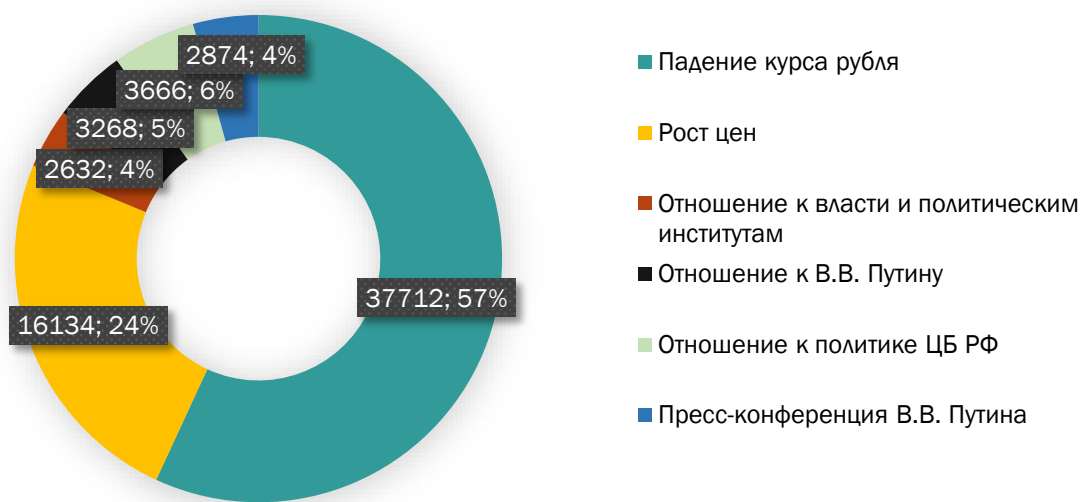

Рисунок 2 – Распределение сообщений пользователей по макротемам

Количество сообщений пользователей о падении курса рубля почти в 2 раза превышало аналогичный показатель активности сообществ (групп и публичных страниц) социальной сети «ВКонтакте» (рис. 3). Данный результат исследования подтверждает гипотезу значимости исследуемой проблемы для широкого круга граждан.

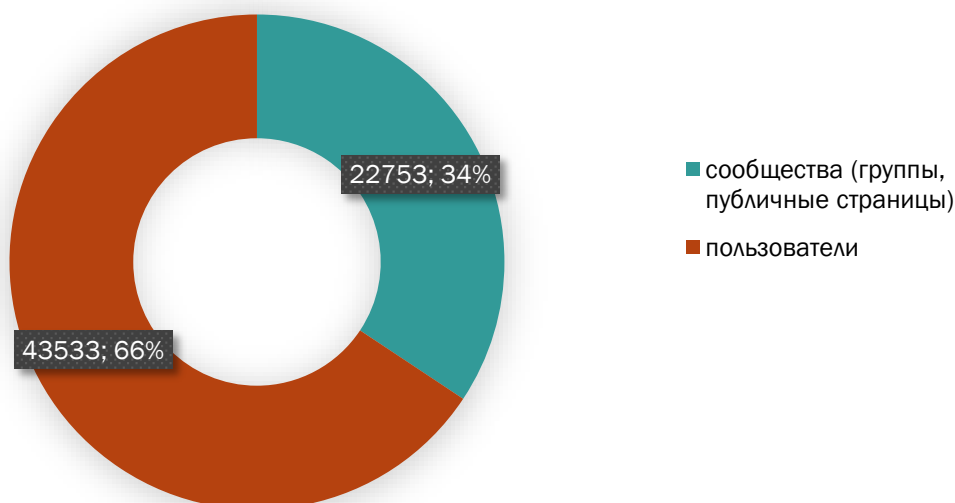
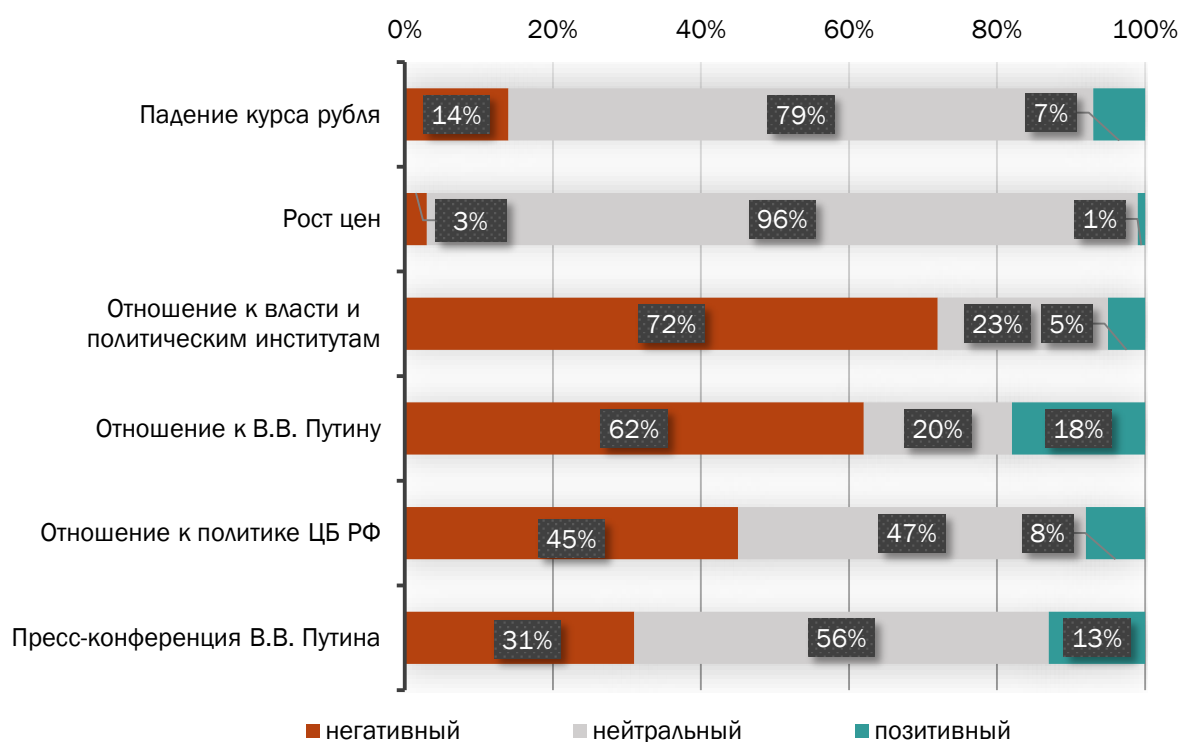

Рисунок 3 – Распределение сообщений по типу источников

Наибольший интерес для определения влияния экономического фактора на политическую стабильность в России, на наш взгляд, вызывают макротемы, связанные с политической тематикой. 13% от всего массива зафиксированных публикаций было связано с политической тематикой (макротемы «Отношение к власти и политическим институтам», «Отношение к В. В. Путину», «Пресс-конференция В. В. Путина»).

Рисунок 4 – Эмоциональный тон сообщений в макротемах

Большинство сообщений макротемы **«Отношение к власти и политическим институтам»** содержали критические отзывы пользователей о деятельности депутатов Государственной Думы, Правительства РФ, Министерства экономического развития. Кроме того, особой темой стало обвинение «Роснефти» в падении курса рубля вследствие появившейся в СМИ информации о покупке госкорпорацией валюты на средства, привлеченные в рамках программы размещения облигационных займов. Отличительной особенностью данной макротемы является высокий процент (79%) сообщений пользователей. И лишь 21% от всего массива зафиксированных сообщений составляют записи групп и публичных страниц.

Макротема **«Отношение к В. В. Путину»** на 73% была представлена пользователями социальных сетей, и лишь 27% составили сообщения групп и публичных страниц «Вконтакте». Пользователи персонифицировали девальвацию рубля с Президентом РФ. Среди всего массива сообщений зафиксировано большое количество личных комментариев и суждений. Данная макротема является одним из лидеров по количеству негативных упоминаний (рис. 4), а именно 62% сообщений содержали неблагоприятное отношение пользователей к Президенту РФ в контексте событий на валютном рынке.

Большинство сообщений, посвящённых макротеме «Пресс-конференция В. В. Путина», представляли собой материалы, транслирующие мнение Президента РФ о кризисной ситуации в России, присоединении Крыма. В целом, тема экономического кризиса в рамках пресс-конференции не получила высокого освещения в социальных сетях (по сравнению с самой пресс-конференцией).

Проведённый анализ подтвердил высокий интерес со стороны пользователей к теме падения курса рубля: основным источником распространения информации в социальных медиа выступили пользователи. Вместе с тем, результаты социологических исследований и анализ социальных медиа подтверждает, что небольшой процент населения связывает падение рубля с деятельностью государственных институтов и политических лидеров. Такая связь зафиксирована лишь в 13% материалов пользователей социальных сетей. Данный результат может служить подтверждением относительно низкой степени влияния экономического кризиса на социально-политическую стабильность российского общества в настоящее время.

Литература

- 1 Web Index Report 2014 12. // TNS. URL: <http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information>.
- 2 Ключина Е. В. Политическая стабильность постсоветской России: основания, возможности, решения: дис. канд. соц. наук. Казань, 2000. 157 с.
- 3 Колесников В. Н. Парламентаризм и политическая стабильность в современной России: дис. д-ра полит. наук. Спб., 2010. 466 с.
- 4 Логинов А. В. Стабильность политической системы и факторы, её определяющие // Гуманитарий . 2008. №7. С. 50–55.
- 5 Одобрение деятельности Владимира Путина. Индексы // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/indeksy>.
- 6 Рейтинг российской элиты-2014 // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2748. URL:<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115110>.
- 7 Россияне «в сети»: рейтинг популярности социальных медиа // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1951. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=112476>.
- 8 Россияне об экономии, кризисе, валютных колебаниях // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/30-12-2014/rossiyane-ob-ekonomii-krizise-valyutnykh-kolebaniyakh>.
- 9 Савин С. Д. Политическая стабильность в изменяющемся обществе: дис. канд. соц. наук. Спб., 2003. 195 с.
- 10 Силаева В. Л. Интернет как социальный феномен // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 101–107.
- 11 Экономическая ситуация в стране перед Новым годом // ФОМ. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/11898>; <http://fom.ru/Ekonomika/11919>.

И. А. Groшева, И. Л. Groшев
ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ
В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

ГРОШЕВА И. А. – кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой философии, истории и социологии ГАОУ ВО ТО «ТГАМЭУП». E-mail: grosh@nextmail.ru.

ГРОШЕВ И. Л. – кандидат социологических наук, доцент кафедры Маркетинга и муниципального управления ФГБОУ ВПО ТюмГНГУ. E-mail: grosh@nextmail.ru.

В сетевом пространстве российского общества в сфере осуществления контроля за отдельными сферами жизни сложилась причудливая мозаичная картина. Безусловно, потребность в этом институте в настоящее время довольно высокая, что породило разнообразные механизмы реализации контролирующих функций. Существует целый спектр организаций, называющих себя «гражданскими» или «общественными». Несмотря на то, что в русском языке принято отождествлять эти понятия, функциональное наполнение этих организационных форм различается.

Наименование «Гражданский контроль» в большинстве случаев присваивается активистами, пытающимися влиять на принятие управленческих решений на уровне органов государственного и местного управления. Усилиями юристов, журналистов, депутатов Государственной Думы РФ и Городского Совета Санкт-Петербурга ещё в 1992 г. создана общественная правозащитная организация «Гражданский контроль», деятельность которой направлена на установление контроля над правоохранительными органами для выявления и предотвращения случаев нарушения прав граждан [1]. В Москве функционирует Ассоциация по защите избирательных прав «Гражданский контроль» (2007 г.), цель которой – контроль над выборами и избирательным процессом [2]. Гражданский контроль как вид деятельности позиционируется Пермской региональной общественной организацией «Пермская гражданская палата». Декларируется контроль за соблюдением прав человека, устранение злоупотреблений со стороны власти и повышение качества услуг, в т. ч. и со стороны чиновников [3].

Под названием «Общественный контроль» в основном встречаются организации, обеспечивающие соблюдение стандартов и качества жизни, националистические организации. Так, например, в Москве и Санкт-Петербурге организованы общества защиты прав потребителей «Общественный контроль».

Некоторые организации общественного контроля сочетают в себе функции борьбы за качество жизни и с нелегальной миграцией. Примером может служить общественное объединение «Оборона Люблино» – организация граждан, проживающих в Юго-Восточном административном округе (ЮВАО) г. Москвы [4], созданная в 2009 г.

Общественный контроль позиционируют как вид деятельности некоторые молодёжные организации, которые объединяются по признаку национальной идентификации. Например, Московское молодёжное движение «Светлая Русь» [5] (организатор И. Мангушев) взаимодействует с Федеральной миграционной службой по поиску нелегальных мигрантов, занимается военно-патриотическим воспитанием молодёжи, принимает участие в общественно-политической жизни города. Имеет отделения в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге.

Социальная активность молодёжи направляется и в откровенно националистическое русло. Так в 2012 г. было создано движение «Реструкт» (организатор М. Марцинкевич (Тесак)). Основное направление деятельности объединения, выделенное на сайте – борьба с нелегальными мигрантами и за свободу и самоопределение русского народа. Действия этого движения подпадали под статью 282 УК РФ о возбуждении ненависти или вражды по признакам

национальности, пола и др., а также Федерального закона №114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности». На этом основании подобные движения запрещают, сайты блокируют (например, «Движение против нелегальной иммиграции» в 2012 г.). Однако они возникают вновь под другими названиями. Формируются группы в сети «VKontakte» «Национальный Союз России» (Ульяновск), «Славянская сила» (Волгоград, Астрахань, Киров и др.), «Русское общественное движение» (Москва) и др.

Общественно-политические организации националистической ориентации, претендующие на осуществление общественного контроля, объединяют следующие особенности: существование и мобилизация деятельности в социальных сетях; акцент на национальной компоненте («защита русских людей»); защита культурно-исторических памятников; борьба против иммиграции; привлечение молодежи к спорту и здоровому образу жизни. В некоторых организациях не афишируется членство, невозможно понять, кто является организатором, некоторые из них функционируют полулегально. Меняются адреса расположения сайтов, они часто блокируются или подвергаются хакерским атакам.

Функции общественного контроля выполняют также объединения, самоорганизация которых произошла вокруг одной актуальной темы. Например, создана группа «VKontakte» против Федерального закона Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» «Гражданская инициатива за бесплатное среднее образование» (Нижний Новгород, Иркутск) [6]. На сайте группы содержатся призывы к недопущению разрушения образования (подушевое финансирование привело к закрытию многих школ в сёлах), роста количества платных услуг в медицинских учреждениях, против реформы РАН и др. В Санкт-Петербурге создана группа VKontakte «Ассоциация городских родительских комитетов», в Ярославле – «Ярославцы, защитим бесплатное образование, здравоохранение, культуру!», в Ижевске – «Ижевск за бесплатное образование и медицину», в Мурманске – «Гражданская инициатива за бесплатное среднее образование в Мурманске», в Ростове-на-Дону – «Дон за бесплатное среднее образование!», в Нефтекамске «Инициатива против платного образования», в Уфе – «Народ против реформ бюджетной сферы», в Тюмени – «Тюмень – против коммерциализации бюджетной сферы (ФЗ-83)», а также в Казани (активная социальная группа), Перми, Новосибирске, Иркутске, Красноярске, на Алтае и др. Всего насчитывается около 40 групп.

Качественный анализ сетевого пространства общественного и гражданского контроля позволил осуществить классификацию субъектов общественного контроля следующим образом: 1) государственный общественный контроль, создаваемый по распоряжению государственных и муниципальных органов управления (официальные сайты); 2) утилитарный общественный контроль – контроль за состоянием среды обитания индивидов и качеством жизни (официальные сайты); 3) активистский общественный контроль, появляющийся для решения проблем, возникших в связи с принятием управленческих решений, следствием которых стало ухудшение качества жизни (сетевые группы); 4) националистический общественный контроль, как правило, имеет в названии национальную идентификацию (сетевые группы).

Субъекты гражданского контроля выглядят иначе, информация концентрируется на официальных сайтах: 1) правозащитный контроль – защита прав и свобод человека и гражданина; 2) контроль за избирательным процессом – контролирующая деятельность осуществляется за ходом избирательной кампании; 3) контроль за деятельностью

правоохранительных органов; 4) контроль за деятельностью власти (в основном, исполнительной) на уровне принятия управленческих решений.

Литература

- 1 Гражданский контроль. Общественная правозащитная организация. Официальный сайт. URL: <http://www.citwatch.org/> (12.09.2014).
- 2 Ассоциация по защите избирательных прав «Гражданский контроль». Официальный сайт. URL: <http://civilcontrol.ru/gkbusiness.html> (20.09.2014 г.).
- 3 Пермская гражданская палата. Официальный сайт. URL: <http://www.pgpalata.ru/page/grcontrol/chto> (22.01.2014).
- 4 Оборона Люблино. Официальный сайт. URL: <http://www.oboronacenter.com/> (12.09.2014 г.).
- 5 «Светлая Русь». Группа содействия ФМС. URL: <http://vk.com/dezinsektor> (20.09.2014 г.).
- 6 Гражданская инициатива за бесплатное среднее образование // Вконтакте. URL: <http://vk.com/club16867029> (20.09.2014 г.).

Д. А. Гугуева

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

ГУГУЕВА Д. А. – кандидат социологических наук, старший преподаватель Института социологии и политологии ЮФУ. E-mail: gudiv@yandex.ru

Социологическая служба «ROMIR Monitoring» по заказу аналитического центра «АЦВИ Интернет» провела исследование аудитории Рунета в 2011 г. В опросе приняли участие 1,5 тыс. человек, которые каждый день посещают интернет. Как следует из исследования, мужчин среди пользователей Сети больше, чем женщин – 67% против 33%. 44% пользователей в России составляют люди в возрасте 25–34 лет, а 34% – молодёжь в возрасте 15–24 лет. 42% аудитории интернета в России являются квалифицированными специалистами [1].

Самыми популярными видами интернет-активности являются электронная почта и поиск информации on-line (ими пользуются более 95% интернет-пользователей). Также российские пользователи активно посещают новостные интернет-ресурсы (примерно 87 % опрошенных), скачивают музыку, фильмы и игры и посещают ресурсы по интересам (более 80%). Почти половина время от времени покупает товары с доставкой через интернет-магазины [1].

Подтвердить или опровергнуть данные, полученные в результате исследования социологической службы «ROMIR Monitoring», мы можем, проанализировав результаты проведённого нами исследования.

Исследование на тему «Портрет современного интернет-пользователя» было проведено нами в 2012–2013 гг. в Ростовской области (г. Каменск-Шахтинский) и городе Ростове-на-Дону. В исследовании приняли участие 320 респондентов в возрасте от 18 до 65 лет, по возрастным категориям они распределены следующим образом (табл. 1).

Таблица 1 Возрастной состав респондентов

Возраст	Количество опрошенных	Количество опрошенных в процентном соотношении от общего числа опрошенных
18–22	70	21,8
23–30	70	21,8
31–40	70	21,8
41–55	60	18,7
56–65	50	15,6

С помощью традиционной методики социологического исследования – анкетного опроса – мы проанализировали поведение интернет-пользователей в Сети и выделили их определённые предпочтения. Затем мы провели сравнение ответов данных нашими респондентами с ответами респондентов исследований социологической службы «ROMIR Monitoring».

Итак, в нашем исследовании, ежедневно используют интернет для различных целей 76,9% респондентов в возрасте от 18 до 40 лет. Респонденты в возрасте от 41 до 55 лет (27,2%) выходят в Сеть несколько раз в неделю.

Что касается времени, которое пользователи проводят в Сети, то необходимо вспомнить, что в сутках 24 часа, 8 из них человек в среднем проводит на работе (либо учится), около 8 часов отводится на сон, 8 часов остаётся на свободное время. Мы можем увидеть, что чем моложе респондент, тем больше времени он проводит в интернете. Только лишь в возрастной группе от 18 до 22 лет есть респонденты, которые проводят в интернете более 6 часов в день, и таких респондентов 9,4%. Это значит, что они проводят всё своё свободное время в киберпространстве. Респонденты от 23 до 30 лет проводят в интернете в среднем от 1 до 3-х часов ежедневно (33,3 %) так же, как и респонденты в возрасте от 41 до 55 лет (46,6%) и от 56 до 65 лет (44,4%). Большая часть респондентов в возрасте от 31 до 40 лет проводит в интернете менее 1 часа в день (46,1%). Мы считаем, это связано с тем, что люди в возрасте после 40 лет меньше времени уделяют карьере и больше времени посвящают своему досугу, в отличие от поколения от 23 до 30 лет, которые в большей своей массе в этот период жизни занимаются личным профессиональным продвижением и построением семейных отношений. Часть респондентов не использует интернет вообще (3,4% всех опрошенных), но это связано с отсутствием возможности подключения к Сети.

Что касается использования услуг, предлагаемых государством в процессе реализации политики, направленной на модернизацию Российской Федерации, то среди жителей г. Каменска-Шахтинского, данные услуги (например – заполнение налоговых деклараций, оформление заграничных паспортов, on-line приемные чиновников и т. д.) не пользуются особой популярностью. В среднем, только 19,5 % респондентов хотя бы один раз пользовались интернет-услугами, которые предоставляют государственные организации. По возрастным категориям – наиболее часто к такому роду услуг прибегают респонденты в возрасте от 23 до 30 лет (21,4 %) и после 56 лет (27,2 %).

В собственном эмпирическом исследовании мы пришли к выводу, что интернету как новостному каналу наиболее доверяют респонденты в возрасте от 18 до 22 лет (78,5%), при этом 63,6% респондентов данной возрастной группы смотрят новостные передачи по

телевизору. Реже всего используют интернет для получения новостей респонденты от 56 лет и старше (18,1 %). При этом телевидение, является наиболее распространённым СМИ у респондентов в возрасте от 41 до 55 лет (90,3 %), меньше всего смотрят новостные передачи по телевидению респонденты в возрасте от 23 до 30 лет (53,5%). В целом, новости из интернета предпочитают узнавать только 46,1% от общего числа респондентов, это ниже данных представленных социологической службой «ROMIR Monitoring» – по их данным, для 91% активных интернет-пользователей основным источником новостей является именно Сеть [1]. Таким образом, мы пришли к выводу, что для жителей Ростовской области интернет всё ещё не является основным источником получения информации.

В своём исследовании мы определили основные потребности удовлетворяемые пользователи в Сети. Наибольшее количество респондентов во всех возрастных группах используют интернет для получения информации – 69,6% от всех опрошенных. Затем, пользователи удовлетворяют потребность в общении – 45,4% всех опрошенных общаются в социальных сетях. Используют интернет-ресурсы для развития своего хобби – 27,2% респондентов.

На вопрос «В поисках, какой информации вы чаще всего обращаетесь к интернет-ресурсам» (респонденты могли дать несколько вариантов ответа) ответы респондентов распределились следующим образом. В возрасте от 18 до 22 лет 93,9% респондентов чаще всего обращаются к интернету в поисках развлечений; 96,9% для общения в социальных сетях; 69,6% в поисках информации. В возрасте от 23 до 30 лет 71,4% респондентов используют интернет для общения в социальных сетях, и для поиска информации – 71,4%. В возрасте от 31 до 40 лет большая часть респондентов (46,4%) используют Сеть в качестве информационного ресурса. Также, поиск информации стоит на первом месте для респондентов от 41 до 55 лет и от 56 лет до 65 – 74,1% и 54,5% соответственно. По указанным параметрам, наше исследование не отличается от исследования, проведённого службой «ROMIR Monitoring».

Также, мы можем увидеть, что пользователи, с помощью интернета удовлетворяют свои потребности в общении – 92,2% от общего числа респондентов. Для удовлетворения различных социальных нужд – начиная от поиска информации и заканчивая различными хобби-сайтами – интернет используют все 100% респондентов.

Делая выводы по результатам проведённого нами социологического исследования, мы можем сказать, что в интернете образуются новые социальные связи. Сегодня мы можем говорить о становлении информационно-коммуникативного сообщества. Пример – молодые люди, которые не представляют свою жизнь без интернета, современные технические новинки, которые позволяют быть on-line в любое время в любом месте земного шара.

Литература

- 1 Исследование социологической службы ROMIR Monitoring/
URL: <http://www.metrinfo.ru/romirresearch/> (15.06.2013 г.).

А. В. Данилова
СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ С ГЕОЛОКАЦИЕЙ
КАК ИСТОЧНИК ДАННЫХ О ПОВСЕДНЕВНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

ДАНИЛОВА А. В. – аспирантка кафедры теории и истории социологии Уральского федерального Университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. E-mail: anutadanilova@ya.ru.

Повседневную мобильность мы определяем как перемещения, способствующие поддержанию социальных связей. Эти перемещения могут быть телесными, виртуальными и коммуникационными. Дж. Урри указывает на связь телесного и виртуального перемещения: «Чем больше люди перемещаются физически, тем больше они склонны путешествовать и в киберпространстве» [1, с.114]. Отмечая эту же особенность, Б. Латур, считает, что с развитием научно-технических средств у исследователя появляется больше возможностей наблюдать перемещения агентов и, таким образом, обнаруживать устанавливаемые связи. Действительно однозначно отнести то или иное перемещение только к одному виду мобильности оказывается нетривиальной задачей. Как отмечает Дж. Урри, человек, который всегда носит с собой мобильный телефон, является постоянно потенциально доступным для социального взаимодействия. Поэтому, социальные взаимодействия, осуществляемые вследствие различных способов перемещения, являются часто не последовательными, а одновременными, прерывающимися друг друга.

Редко, когда наши встречи лицом- к-лицу не прерываются телефонными звонками. Что ещё более характерно для молодёжи – это мобильные телефоны с доступом в интернет и социальные сети. Использование социальных сетей перестаёт быть практикой, привязанной к стационарному компьютеру. Это становится ещё одним способом быть «на связи», вследствие чего встречи прерываются не только телефонными звонками, но и необходимостью ответить на сообщение, полученное в социальной сети.

Поскольку интернет начинает сопровождать всё большее количество людей в их перемещениях, «виртуальные путешествия должны пониматься в соотношении с физическим перемещением» [2, с.112]. С распространением и удешевлением технологий, позволяющих оставаться «на связи», «в сети» (в сети отношений и в сети интернет) стирается граница между виртуальным, коммуникационным и телесным перемещением, поскольку все они находятся в неразрывной взаимосвязи и часто происходят одновременно. Усиливает взаимопроникновение физического пространства и виртуального возникновение системы глобального позиционирования (GPS), которая позволяет определять местоположение мобильного устройства во всемирной системе координат. Распространение этой системы и её «демократизация» (появление GPS модулей на массовых мобильных устройствах) стало базой для возникновения социальных сетей, основанных на местоположении (locationbased social network), а в последствии и для появления сервисов, основанных на местоположении (геолокационные сервисы) во всех популярных социальных сетях интернета. Теперь у пользователей социальных сетей появляется возможность не только оставаться «на связи» со своими друзьями, но наблюдать за их перемещениями, рассказывать о своих перемещениях и, тем самым, повысить шансы на «незапланированные встречи».

Таким образом, данные о местоположении пользователей, возникающие в социальных сетях, по нашему мнению, представляют собой «следы», которые агенты оставляют в процессе повседневной мобильности, т. е. в процессе поддержания связей.

В результате использования геолокационных сервисов создаются карты, с обозначенными на них наборами мест, о которых люди хотят рассказать, либо хотят показать, что они в этих местах побывали / бывают.

Социологический анализ подобного рода информации имеет следующие основания. Во-первых, информация о местоположении пользователей отражает практики повседневного пространственного поведения индивидов, т. е. взаимодействия индивидов с различными

местами в городском пространстве, а также пространственной организации социального взаимодействия внутри города. Во-вторых, пространственное поведение людей можно анализировать с точки зрения групповой принадлежности. Проследив связь между местами через людей с использованием различных инструментов математического анализа данных, мы можем выявить латентные сообщества по их «ареалам обитания».

Исследование геолокационных данных является, по сути, поиском связей между местами. Связи между местами существуют тогда, когда одни и те же люди их посещают, т. е. наличие связи требует перемещения людей, перемещение в городе неизбежно сопряжено с выполнением различного рода обязательств, другими словами, перемещаясь по городу, агент, неизбежно вовлечён в социальные отношения, а, следовательно, его перемещение осуществляется в социальном пространстве города.

Особенность геолокационных данных в том, что, судя по существующим исследованиям, практика использования геолокационных сервисов характерна для городских жителей, при этом фальсифицировать данные о своём местоположении практически невозможно и не принято.

Далее хотелось бы обратить внимание на познавательные возможности и ограничения метода и сравнить с другими социологическими методами. В социологии сложилось два основных направления исследования социального пространства города: социальное картографирование и ментальные карты.

Обычно данные для социального картографирования [3] собираются при помощи опросных методов и наблюдения, а ментальные карты представляют собой изображение респондентом определённой местности по просьбе исследователя, часто сопровождающееся интервью [4].

В отличие от социального картографирования при использовании геолокационных данных отсутствуют методы наблюдения и опроса. Поэтому требуется значительно меньше человеческих и временных ресурсов (отсутствует необходимость в сети наблюдателей и интервьюеров, нет необходимости в расшифровке транскриптов, а также проблем сопоставимости данных, полученных при помощи качественных методов).

В отличие от ментальных карт отсутствует интенция исследователя при создании карты, в результате полученная карта не содержит влияния социолога на визуализацию результатов (исследователь не задаёт то, что нужно изобразить). К особенностям метода можно также отнести и то, что геотметки возникают по инициативе пользователя. Однако мы не знаем целостного представления отдельного пользователя о местности. Такой анализ, как правило, не проводится. Исследователя интересуют так называемые «большие данные»: в результате анализируются различные латентные взаимосвязи, характеризующие поведение больших групп людей, связанное с их перемещениями в пространстве. Вследствие чего, метод в целом можно отнести к количественным.

Целостное представление местности (обычно города) достигается путём обобщения полученного большого количества наблюдений. Это создает возможности для исследования города как целостности: выявления границ социального пространства города, а также границ, существующих внутри него. Анализ геолокационных данных социальных сетей представляется эвристичным методом исследования повседневной мобильности в социальном пространстве города. Основные ограничения этого метода связываются нами с ограниченностью аудитории социальных сетей, а также отсутствием возможности для исследователя включать дополнительные показатели для анализа (только те данные, которые являются доступными).

Преодоление первого ограничения связывается нами с ростом интернетизации и вовлечённости населения в социальные сети. В то время как преодоление второго ограничения связано, с одной стороны, с вопросами этики, а с другой – может привести к трансформации самого метода.

Эти теоретико-методологические основания исследования повседневной мобильности с использованием геолокационных данных легли в основу магистерской диссертации. Для сбора данных в прикладном исследовании⁷ использовалась программа⁸, предоставленная А. Толмачом⁹. Программа собирает данные о «чекинах» «Foursquare», которые были транслированы пользователями в Twitter. Для кластеризации данных впоследствии используется алгоритм, описанный Крэншоу Дж., Шварц Р., Хонг Дж., Садей Н. в работе «Проект лайфхудс: использование социальных медиа для понимания динамики городов» [5].

Литература

- 1 Урри Дж. Мобильности. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
- 2 Урри Дж. Социология за пределами сообществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
- 3 Мосиенко Н. Л. Социально-территориальная структура пространства городской агломерации: автореф. ... дис. канд.соц. наук. Новосибирск, 2008. 26 с.
- 4 Веселкова Н. В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования. // Социология: 4М. 2010. № 31. С. 5–29.
- 5 Cranshaw J., Schwartz R., Hong J., Sadeh N. The Livelihoods Project: Utilizing Social Media to Understand the Dynamics of a City. URL: https://s3.amazonaws.com/livelihoods/livelihoods_icwsm12.pdf (17.02.2014).

А. М. Долгоруков

ИНТЕРНЕТ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ

ДОЛГОРУКОВ Александр Михайлович - кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ информационно-образовательных технологий социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель магистерской программы «Социальный Дизайн» МГГУ им. М. А. Шолохова. E-mail dolgorukov.am@gmail.com

Проблемное поле. С возникновением интернета, время от времени, наряду с институционально оформленными значениями и смыслами, в социальных и профессиональных сетях возникают новые неожиданные семиотические потоки. Эти семиотические потоки:

- смещают старые и создают новые смыслы;
- создают новые идентичности;
- обесценивают доступ к некоторым источникам информации;
- создают новые социальные неравенства;

⁷ Техническую часть проекта помог осуществить А.Ефимов.

⁸ Foursquare checkins crawler-processor <http://pastebin.com/Vn3gBYPF> (дата обращения: 17.02.2014).

⁹ Толмач А.Д. – руководитель группы аналитики социальных сетей ФГУП РАМИ «РИА Новости»; младший научный сотрудник ИС РАН, г. Москва.

- порождают и закрывают возможности.

Сотни тысяч людей выходят каждый день в интернет и совершают рутинные и относительно не обдуманые действия, порождая новые коммуникативные практики. Нет «сложившихся структур», которые можно было бы изучать формализованными методиками. Основная форма «жизни» – *спонтанный гипертекст, представляющий собой подвижную и плохо предсказуемую семиосферу без выраженной иерархии.*

Явно замедленная реакция российских социологов на быстрые изменения способов и технологий онлайн-репрезентации социальной информации.

Факторы, которые изменяют социологию в ближайшее десятилетие:

Трансформация природы социологических данных, способов их сбора, обработки и генерации определит в ближайшее десятилетие изменения в методологии и методах работы социологов. Социологи будут меньше «изучать», но больше «понимать, конструировать и интерпретировать социальность»

Успехи телекоммуникаций потребуют от социологов понимания того, как сосуществуют друг с другом реальный и виртуальный миры.

Усилится борьба за большую автономию государств над инфраструктурой интернета. Причины: различие ценностных и национальных нормативно-правовых структур.

Видение перспектив социологии. Мощная институционально оформленная индустрия социосинтеза, порождающая:

- прогнозирование и дизайн социальных систем в качестве сложным образом взаимодействующих симбиозов (on-line- и off-line-пространств);
- социологические теории с новой онтологией и методологической «свободой» от устаревшего разделения на качественные и количественные методы исследований;
- индустрия суперкомпьютеров и программного обеспечения, специально создаваемых для дизайна социальных систем;
- инвестиции, соизмеримые с финансированием космических исследований и разработок.

Социологи «освободятся» от неявной натуралистической абсолютизации таких категорий, как: «пространство», «время», «социальные структуры».

Появятся новые практики и социальные технологии, позволяющие *понимать и прогнозировать динамику вещей, событий и смыслов*, имеющих место в своеобразном социальном катамаране – «online – offline-пространстве».

Мы начнем изучать On-line-пространство, скорее внимательно *наблюдая и экспериментируя* (нежели «опрашивая»). И, поскольку, это сетевое сообщество – с помощью сетевых социальных технологий.

В обозначенном тренде «наше решение» сформулированной выше *проблемы* представлено ниже.

В социологических исследованиях мира семиотика займёт прочные позиции, имея дело со всеми наблюдаемыми социокультурными феноменами (системы родства, мифы, мода, паттерны поведения и т. п.), помогая социологам сделать очевидной «логику», а также скрытую

и явную повестку дня изучаемых социальных практик, и, тем самым, обеспечить «код доступа» к повседневности для всех заинтересованных социальных групп.

С позиции семиотики реальный мир может быть представлен в виде сложным образом организованной «семиосферы». (Ю. М. Лотман)

Семиосфера является сложным образованием «вложенных в друг друга» семиотических подсистем. Примерами таких подсистем могут служить научная практика с её ценностями, нормами, дискурсом, способами означивания (от искусственных языков до предметных областей со своей системой терминов); искусство; молодёжные субкультуры и т. д. Границы этих подсистем плохо определяемы, пересекаются и, к тому же, подвижны.

Каждая зрелая подсистема семиосферы обладает качествами, которые помогают ей сохранять относительную автономность и развиваться во взаимодействии с другими подсистемами. Каждая подсистема обладает набором кодов, благодаря которым она проводит границу между тем, что относится к ней самой и всем остальным. Эти наборы кодов позволяют подсистемам совершать «транспонирование» с языка другой подсистемы на свой язык того, что считается необходимым.

Для того, чтобы понимать происходящее в любой подсистеме семиосферы, социолог должен обладать кодами доступа к ним.

Очевидно, однако, что с возникновением социальных онлайн-сетей многие социальные коды не работают и нужны новые исследования, позволяющие создавать объяснительные модели происходящего, а не просто описывать структурные особенности сетей в интернете.

Социальные сети в интернете несомненно представляют собой подсистему семиосферы, только достаточно молодую и мало изученную.

Принципиально важно подчеркнуть следующее.

Изучение социальных сетей в интернете может и должно опираться на три фундаментальные категории социальности: «человек», «культура», «структуры», тогда как практически весь двадцатый век социологи основных школ пытались втиснуть свой объект в парные категории: «человек» и «структуры»; «культура» и «человек» и т. д.

Используя достижения семиотики и опыт этнометодологических экспериментов, мы разработаем новую методологию прикладных исследований и экспериментов онлайн-сетей.

На этой основе:

- предложим новые подходы понимания социальных сетей, в основании которых лежат скорее семиотические наблюдения, эксперименты и реальный дизайн социальных сетей, нежели опросы;
- сформулируем и проверим гипотезы в отношении сетевой социальности, понимаемой как саморазвивающийся антропо-социо-культурный сценарий;
- сформулируем новые положения теории социальных сетей, учитывающие особенности онлайн сетей.

В ряде ранее опубликованных статей это направление развития социальных технологий получило название – «е-Этнометодология» [1, 2, 3, 4].

Литература

- 1 Долгоруков А. М. (в соавторстве). Predictor Mining: применение методов интеллектуального анализа данных в задачах социального компьютеринга // Труды СПИИРАН. 2013. Вып. 3(26)
- 2 Долгоруков А. М. e-Этнометодология – новая социологическая перспектива? // Материалы Первой Международной научно-практической конференции «Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты» (ISC-12): Сборник статей и тезисов. Москва, 2012.
- 3 Долгоруков А. М. e-Этнометодология: от «social computing» к «computable sociology» // Журнал «Социальный компьютеринг». 2013. № 2.
- 4 Долгоруков А. М. Методы исследований в e-Этнометодологической перспективе // Материалы Второй Международной научно-практической конференции «Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты» (ISC-13): Сборник статей и тезисов. Москва, 2013.

Е. Г. Ефимов
СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ
В СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СЕТЯХ

ЕФИМОВ Е. Г. – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета. E-mail: Ez07@mail.ru.

В настоящее время тема социальной идентичности в социальных сетях встречается во множестве работ российских и зарубежных авторов. В отечественной социологической науке наблюдается большое разнообразие подходов к этому вопросу (преимущественно в эмпирической и теоретической составляющих).

Говоря об исследовании идентичности в сетях, нельзя не заметить активного применения онлайн-методов исследования социальных сетей, которые объединены в рамках подхода, известного как киберэтнография. Он описывается как этнографический, но созданный для изучения практик людей онлайн. Методологическими основаниями подхода являются социокультурный подход, «социальное конструирование технологии» и акторно-сетевая теорию. В качестве социальных предпосылок развития киберэтнографии указываются изменения, вызванные внедрением новых практик, связанных с интернетом, в учебный процесс и повседневные практики студентов. Акцент на исследовании через виртуальное пространство является основным в киберэтнографии. Удобства использования онлайн методов часто выступают в качестве весомого аргумента выбора этого подхода, и обеспечивает ему популярность, в т. ч. и среди отечественных исследователей.

Онлайн методы, безусловно, имеют ряд преимуществ перед традиционными методами сбора информации, однако при этом остаётся существенным ряд противоречий, о которых ещё в начале зарождения исследований интернет-сетей писала американский социолог Д. Бойд, чьи работы являются классическими для исследования сетей. Она формулирует две ключевые проблемы такого рода исследований: правовое обоснование использования информации пользователей (особенно если речь идёт об анализе профилей) и то, что можно обозначить как проблему интерпретации.

Суть первой проблемы заключается в том, что, когда исследователь считывает информацию с профиля, он по умолчанию использует данные, который пользователь разместил в сети, зачастую не ставя его в известность. Таким образом, возникает необходимость правового регулирования использования данных пользователей. Во втором случае речь идёт о различии аудитории, на которую ориентируются пользователи и в которую сам исследователь оказывается не включён. Т. е. оценка пользователя проходит без учёта контекста, в которых он создавал свой образ.

На наш взгляд, ключевым моментом, не позволяющим рассматривать работу с профилем как объективный метод исследования социально-групповой идентичности, является отсутствие в большинстве исследований учёта влияния факторов стандартизации и идеализации.

Стремление к идеализации побуждает пользователей размещать в сети фотографии, не имеющие к ним никакого отношения, исказить свой возраст или создавать ложные профили [3]. Также отмечены случаи создания и функционирования страниц, которые родители создают от лица младенцев или функционирующие страницы умерших, которые выполняют роль своеобразного виртуального кладбища.

Когда группа американских исследователей проводила анализ профилей студентов различных этнических групп (афроамериканцев, европеоидов, азиатов), то в качестве одной гипотез было выдвинуто предположение, что социальные характеристики в само-описании будут в наибольшей степени выражены у азиатов, в меньшей у европейцев, и в незначительной у афроамериканцев, что связано с характерами культур (от коллективистских до индивидуалистических). Гипотеза была полностью опровергнута, что заставило исследователей обратиться к дополнительным исследованиям. Они предположили, что подобные результаты вызваны особенностью интерфейса Facebook и системой внутренних норм и ценностей, и представляя из себя продукт американской культуры, подавляет проявление чувств самовыражения пользователей [4].

Киберэтнография в целом, как с теоретической, так и с эмпирической точек зрения, на наш взгляд, не даёт ответа на вопрос, какую роль играет сама социальная сеть (её вид) в построении социально-групповой идентичности. Во-первых, делая акцент на исследовании принадлежности пользователя к какой-либо группе, исследователи приходят к выводам, которые позволяют уловить сходства, а не различия в использовании различных типов сетей. К примеру, указывая на то, что и в сетях, и в блогах девушки больше делают акцент на личной информации. Во-вторых, используя методы исследования онлайн, исследователи имеют дело не просто с профилями пользователей, а с их стандартизированными и идеализированными версиями, что ставит под сомнение эмпирическую ценность такого рода исследований.

Изучение работ голландского исследователя Э. Бейкера, автора концепции «социального конструирования технологии», позволяет увидеть, что между группами пользователей технологии вырабатываются стереотипные представления как о ней самой, так и о людях, которые её используют [2]. Этот же процесс описывался И. Гофманом как «стабилизация переднего плана» [1, с.117]. Если передний план понимать как технический компонент «управления впечатлениями», то становится понятно, что его выбор (будь это велосипед или социальная сеть) представляет собой сам по себе способ социально-групповой идентификации, поскольку соотносит владельца с какой-либо социальной группой. Другими словами, речь идёт о том, что, выбирая сеть, пользователь может руководствоваться своими знаниями о ней и, соответственно, надеется произвести определённое впечатление этим выбором.

По сути, здесь речь идёт о стереотипах как признаке социально-групповой идентификации. По мнению Д. Абрамса и М. Хогга, существование стереотипов является одним из главных признаков идентификации. Их функция заключается в обосновании социальных процессов, через которые внутригрупповые практики рационализируются, объясняются и получают идеологическую легитимизацию [5]. Часто стереотипы могут быть негативными, выполняя ценностную функцию, когда внутригрупповые нормы поддерживаются через их выгодное сравнение с нормами других групп. Последнее, в частности, происходит и в социальных сетях, когда пользователи блогов негативно отзываются о социальных сетях общего доступа.

Проверка гипотезы о существовании стереотипов в среде пользователей социальных сетей была осуществлена в ходе исследования Центра социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» (г. Волгоград) «Поведение жителей городов Волгоградской области в социальных сетях» (24 июня – 27 июня 2014 г.).

В ходе опроса респонденты должны были высказать своё отношение к ряду суждений, характеризующих социальные сети. Для российского кластера утверждения в соответствии с выработанными гипотезами были сформулированы следующим образом:

- 1 Средний возраст пользователей сети "ВКонтакте" от 18 до 30 лет
- 2 Пользователи сети "ВКонтакте" используют её прежде всего для проведения свободного времени (прослушивания аудио- и просмотра видеоматериалов).
- 3 Возраст пользователей сети "Одноклассники" от 30 лет и выше.
- 4 Пользователи сети "Одноклассники" используют её, прежде всего, для поиска друзей и общения.
- 5 Пользователи западных сетей («Фейсбук», «Инстаграм» и т. п.) используют их для поддержания зарубежных контактов.
- 6 Для блогосферы главным стереотипом, как мы предположили, будет является общественная деятельность блогеров.
- 7 Пользователи блогов более активно, чем другие люди, участвуют в общественно-политической жизни

Все гипотезы нашли подтверждение в ходе опроса, что позволяет подтвердить существование стереотипных представлений об аудитории данных ресурсов. Эти представления распространены в СМИ и поддерживаются как в виде публичных высказываний, так и за счёт различных «опросов» и статистических данных.

Литература

- 1 Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-пресс-Ц, 2000. – 304 с.
- 2 Bijker W. E., Bönig, J., & Oost, E. v. The Social Construction of Technological Artefacts // Woodforde J. The Story of Bicycle. L.: Boston and Henley, 1970. P. 39–51.
- 3 Boyd D., Heer J. Profiles as Conversation: Networked Identity Performance on Friendster // Proceedings of the Hawai'i International Conference on System Sciences (HICSS-39), Persistent Conversation Track. Kauai, HI: IEEE Computer Society. 2006. January 4–7. URL: www.danah.org/papers/HICSS2006.pdf.

- 4 DeAndrea D.C., Shaw S.A. Levine T.R. Online Language: The Role of Culture in Self-Expression and Self-Construal on Facebook / David C. DeAndrea, Allison S. Shaw and Timothy R. Levine // Journal of Language and Social Psychology. 2010. № 29. P. 425–442.
- 5 Hogg M. A. Abrams D. Social Identifications: A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Processes / M. A. Hogg, D. Abrams. L.: Routledge, 1998. 268 p.

А. В. Жидченко

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» И «ТВИТТЕР»

КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ФОНА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

ЖИДЧЕНКО А. В. – кандидат исторических наук, Учредитель Фонда содействия интернет-исследованиям «Новые медиа».

В век информационных технологий интернет продолжает своё проникновение во все большее число сфер общественной жизни. Политическая сфера не является исключением, и год от года избирательные кампании в разных регионах России становятся элементом виртуального пространства. С другой стороны, наоборот, пространство интернета является частью всего поля, на котором развивается избирательная кампания в современный период.

В широком смысле можно выделить две формы взаимодействия интернета и избирательного процесса. Первую часть составляет организационно-техническая форма, включающая в себя публикации в социальных сетях избирательных комиссий (или неофициальных сообществ, созданных в помощь избирательным комиссиям), публикующим информацию о подготовке к выборам, регистрации кандидатов, промежуточных или окончательных итогах голосования и т. д. В эту же группу можно включить и распространённые в последнее время публикации в социальных сетях со стороны наблюдателей и иных лиц о нарушениях в процессе голосования. На выборах разных уровней появляются такого рода сообщения с определёнными хэштегами, которые позволяют оперативно информировать участников избирательного процесса о произошедших ситуациях или текущей обстановке.

Но другая условная группа, которая занимает гораздо большую часть пространства в социальных сетях в период подготовки к выборам, касается части политической агитации. Каждые новые выборы в настоящее время характеризуются всё большим вниманием к соцсетям со стороны политических партий и отдельных кандидатов.

Проведённое командой Фонда «Новые медиа» исследование информационного присутствия политических партий в социальных сетях «Vkontakte» и «Twitter» показывает, что парламентские политические партии используют блогосферу в качестве агитационно-пропагандистского ресурса посредством информирования аудитории о реализуемых проектах, планируемых акциях и мероприятиях, высказываниях партийных лидеров. При этом основной аудиторией подобных аккаунтов и сообществ являются сторонники или члены определённых партий.

В период выборных кампаний, как на уровне регионов, так и на федеральном уровне, подобная аудитория не будет способствовать результативности, поэтому чаще всего партии в этот период выходят «за рамки» разработанных в межвыборный период аккаунтов, распространяя агитационные материалы в как можно большей части социальных сетей.

Что касается отдельных кандидатов, баллотирующихся на выборные должности, то в последнее время наблюдается популяризация практики создания сообществ и аккаунтов в социальных сетях, посвящённых отдельному кандидату. Однако эта практика чаще всего имеет место в период проведения самих выборов. Особенно это касается региональных и местных выборов. Но не редки и случаи, когда избранный кандидат или его команда продолжает в дальнейшем ведение страницы в социальной сети, в которой его сторонники могут увидеть реализацию предвыборных обещаний и работу на посту в целом. Чаще всего популярными становятся ресурсы, созданные в поддержку молодых кандидатов, что соответствует общему молодёжному характеру аудитории сетей «Vkontakte» и «Twitter». Это объясняет и то, что молодёжные структуры политических партий также зачастую оказываются более популярными и «живыми» по сравнению с аккаунтами и группами самих партий.

В целом, в настоящее время электоральный фон России формируется в основном посредством публикаций крупных СМИ в социальных сетях с упоминанием об определённой партии или отдельном политике. Аккаунты СМИ, в отличие от аккаунтов партий, имеют гораздо большую и разноплановую аудиторию, которая и может играть роль в формировании электорального фона. От негативного или позитивного информационного повода, связанного с отдельной политической партией или кандидатом, зависит общая реакция аудитории, которая в конечном счёте в межвыборный период определяет предпочтения избирателей.

С. А. Зверькова
ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ МОЛОДЁЖИ
В ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВАХ

ЗВЕРЬКОВА София Александровна – аспирантка РАНХиГС. E-mail: sof777@mail.ru.

На этапе развития информационно-коммуникационных технологий, далее ИКТ, в молодёжной среде появилось такое понятие, как «сеть общения».

Сетевое общение состоит из информационных действий. Андреас Виттель пишет, что это «не основано на взаимном опыте или общей истории, но прежде всего на обмене данными». Социальная связь создана на основе проекта проектом.

Информационно-коммуникационные технологии и культура СМИ вообще формируют размышление о детях и молодёжи, поскольку они формируют своё понимание себя и других в близком взаимодействии с ИКТ. XXI век – век высоких технологий и больших возможностей. К сожалению, эти возможности не всегда позитивно влияют на человека и его окружение. С образованием сетевых сообществ людей, происходит «виртуализация коммуникации» [1].

Современная молодёжь сталкивается с таким явлением, как одиночество, наиболее популярным стало явление – «одиночество в сети». В данную формулировку я вкладываю тот смысл, что человек, имея множество «друзей» и знакомых в сети интернет и имея возможность общаться с ними в любой точке планеты при помощи современных гаджетов, остаётся совершенно один, попав в реальный мир. Такие свойства информации интернета, как избыточность и фрагментарность, определяют деформацию развития личности, её дезориентацию и, в конечном счёте, десоциализацию. Обилие информации приводит к «фундаментальной потере ориентации», что оборачивается утратой способности к коммуникации с реальными людьми, приводит к утрате самоидентичности. Индивид

оказывается «разорванным» между жизнью в реальных координатах «здесь и сейчас» и жизнью внутри особого коммуникативного пространства, где время – «сейчас» господствует над пространством – «здесь». [2]

Отправка и получение электронных сообщений являются самым частым использованием интернета. Пользователи интернета через электронную почту или социальные сети общаются не только с семьей, друзьями или коллегами, но также и с анонимными людьми. Интернет – фактически новое средство коммуникации, которое можно добавить к таким видам взаимодействия, как общение лицом к лицу или телефонное взаимодействие. Но интернет может изолировать людей и уменьшить участие в общественной деятельности, особенно если пользователи интернета, главным образом, заняты уединенным использованием (веб-серфинг, чтение новостей и т. д.). Например, Пол Атьбюелл, Бельки Сюазо-Гарсия и Хуан Баттле (2003) показали, что подростки с домашним компьютером тратят гораздо меньше времени на спортивные состязания или игру в реальном времени. Кроме того, виртуальное общение не эквивалентно традиционному общению: общение лицом к лицу как правило даёт более широкую информацию, чем виртуальное взаимодействие по электронной почте или беседа в социальных сетях.

Интернет-использование может также изменить природу социального капитала человека и накопление виртуального социального капитала.

Марк Грэнеттер различает две формы общественной деятельности онлайн. Во-первых, интернет может служить поддержкой или усилением существующих социальных связей с близкими друзьями и семьёй (сильная связь инвестиции). Во-вторых, интернет может использоваться, чтобы поддерживать связи со знакомыми или создать новые связи с виртуальными знакомыми (инвестиции слабой связи). В других терминах, установленная компьютером коммуникация может использоваться, чтобы усилить сильные связи, но также и расширить слабые связи. Следовательно, это может изменить состав социального капитала, если интернет более благоприятен для создания слабой связи или сильной связи. Изменения пропорций сильных и слабых связей в интернете может затронуть способность людей получать поддержку и эмоциональную помощь (обеспечение сильными связями) и получить доступ к новым идеям, недостаточным ресурсам или вакансиям (обеспечение слабыми связями).

Предполагается, что люди, характеризующиеся высоким уровнем традиционного и виртуального капитала более вероятно будут использовать интернет, чтобы поддержать существующие связи с друзьями и семьёй.

Наконец, люди с географически рассеянными семьями склонны поддерживать существующие связи с помощью ИКТ. Установленная компьютером коммуникация фактически служит, чтобы снизить пространственные и временные ограничения для создания и поддержки сильных и слабых связей.

Для современных исследований крайне актуальными становятся исследования социальных онлайн сообществ и формирования социальных связей в них, т. к. бытует мнение, что социальные сети и сообщества стали инструментом формирования оффлайн действий и различного рода акций, как политических, так и социальных. А. С. Шерстобитов и К. А. Брянов исследуют технологии политической мобилизации в социальной сети «ВКонтакте», в своём исследовании они используют математические методы, алгоритмы которых реализованы в программном обеспечении РАЖЕК, полученные данные дают значительно больше материала для анализа и сопоставления.

Подобных программ проведения исследования достаточно много, чтобы можно было по различным направленностям и параметрам производить исследования и внедрять результаты этих исследований в работу как частных компаний, так и органов государственной власти.

В заключение можно сказать, что социальные связи и социальное поведение, в особенности молодёжи, требует внимательного изучения. Век высоких технологий и программного обеспечения позволяет глубже проникнуть в сущность и структуру сообществ молодёжи, что даёт возможность прогнозировать, каким будет в дальнейшем общество XXI века.

Литература

- 1 Шарков Ф. И. Четвёртая волна (интерактивные электронные коммуникации). М.: Прометей, 2005. 275 с.
- 2 Виртуальное общение и проблема саморегуляции информационно-коммуникационного поведения личности в интернет-сообществах// Научно-издательский центр "Социосфера". URL: http://sociosphera.com/publication/conference/2011/105/virtualnoe_obwenie_i_p_robblema_samoregulyacii_informacionnokommunikativnogo_povedeniya_lichnosti_v_i_nternetsoobwestvah/ (14.01.2015).

А. Д. Кавеева

«TWITTER» КАК ПУБЛИЧНАЯ АРЕНА ДЛЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

КАВЕЕВА Аделя Динаровна – аспирантка, ассистент кафедры общей и этнической социологии Казанского федерального университета. E-mail: adele.kaveeva@mail.ru.

Возможности интернета, касающиеся гражданского участия и плюрализма, превращают интернет в среду для символической борьбы с целью навязывания определённого видения тех или иных явлений действительности. Социальные сети и блоги приобрели характер публичных арен – институтов, на которых происходят обсуждение, отбор, интерпретация и представление общественности социальных проблем [1, с. 153]. В интернете функционерами, занимающимися постановкой социальных вопросов, могут быть блогеры, обладающие большим символическим капиталом, выраженным рейтингом. В блогосфере существует конкуренция, которая заставляет блогеров быть активными и находиться в авангарде актуальных проблем [2]. Сеть микроблогинга «Twitter» имеет возможности, позволяющие рассматривать её в качестве публичной арены: публичный, открытый характер сообщений, оперативное освещение событий, присутствие в «Twitter» политических деятелей, а также участвовавшие случаи отсылки к сообщениям из «Twitter» в традиционных СМИ.

«Twitter» может быть рассмотрен в качестве самостоятельной публичной арены с собственными функционерами, повесткой дня и характерной риторикой, используемой для конструирования социальных проблем. «Twitter» охватывает довольно узкий сегмент населения, наиболее активное ядро которого социально может быть охарактеризовано как средний слой – это люди, обеспеченные в экономическом и культурном отношении, жители крупных городов, активные пользователи мобильного интернета. Ключевые функционеры в «Twitter» – «лидеры мнения», т. е. наиболее популярные пользователи, имеющие большую аудиторию. «Лидеры мнения» имеют возможность принимать непосредственное участие в формировании повестки

дня «Twitter» в силу своего символического капитала, поэтому, рассматривая конструирование социальных проблем на данной публичной арене, имеет смысл изучать именно их риторику. На основе дискурс-анализа сообщений 10 «лидеров мнения» (определённых по рейтингу) в татарстанском сегменте «Twitter» была предпринята попытка определить перечень наиболее популярных тем, которые позиционировались их авторами как проблемные и требующие изменений.

Наше исследование специфики конструирования социальных проблем в татарстанском «Twitter» состоит из двух частей: 1) определение социально-политической повестки дня в татарстанском «Twitter»; 2) контролируемая попытка изменить повестку дня через «лидера мнения» и установление реакции твиттер-сообщества.

Анализ риторики «лидеров мнения» показал, что повестка дня в «Twitter» характеризуется двумя классами обсуждаемых проблем:

- 1) проблемы, перенесенные из СМИ, т. е. обсуждение прецедента. В этом случае повестка дня СМИ переносится в «Twitter», и происходит «поддержка» аудиторией «Twitter» какой-либо темы в качестве проблемной;
- 2) проблемы, к которым аудитория «Twitter» имеет «предрасположенность» в силу социальных диспозиций и интересов и для воспроизводства которых не требуется наличие прецедентов и освещения в СМИ. Так конструируются, в основном, проблемы, имеющие непосредственное отношение к интересам среднего класса. По этой причине их конструкционистская сила довольно ограничена – «лидеры мнения» несколько далеки от массового «базового слоя» России.

Несмотря на социальную обусловленность риторики «лидеров мнения», большинство поднимаемых ими проблем созвучно потребностям широких слоёв населения. К ним относятся городское развитие, коррупция, детские сады, ЖКХ, предпринимательство, а также то, что было названо историком Н. П. Поповым «партия власти как социальная проблема» [3], т. е. проблема монополизации власти в России.

Для второй части исследования ключевым стал вопрос о том, что делает ту или иную тему в «Twitter» популярной и влиятельной – содержание сообщений, которыми она выражается, или авторитет источника информации. Иными словами, сможет ли заведомо популярный источник («лидер мнения») успешно сконструировать (т. е. сделать заметной и обсуждаемой) проблему, не соответствующую привычной повестке дня татарстанского «Twitter»?

В качестве искусственно конструируемой проблемы необходимо было выбрать такую тему, которая существенно отличалась бы от привычной повестки дня, не была ориентирована непосредственно на интересы среднего класса и имела слабое освещение в СМИ. Проблема бездомности показалась наиболее подходящей для подобного эксперимента. Эта проблему можно считать «темой-табу» или «невидимой темой» в публичном пространстве по двум причинам: механизм социального исключения и отсутствие громких информационных поводов, которые могли бы вынести эту социальную проблему в СМИ и другие публичные арены. Обращение к проблеме было решено конструировать, связав с возможной «высылкой» бездомных из Казани в преддверии спортивных соревнований, а также включив её в привычную тему городского развития.

Социальная дистанция, существующая между «лидерами мнения» (представителями среднего слоя) и социально незащищёнными группами, объясняет безрезультатность попыток

конструирования в «Twitter» проблем, связанных с «социальным дном» российского общества. Социальная проблема бездомности, которая была поднята «лидером мнения» в качестве эксперимента в татарстанском «Twitter», не получила большого отклика у аудитории. Эта тема была «развернута» и подана в ином ключе другими «лидерами мнения» и политиками – бездомные были представлены не как незащищенная группа, нуждающаяся в помощи и поддержке, а как нежелательные «элементы» городской среды, с которыми нужно бороться с помощью изоляции и высылки. Таким образом, важна не только способность темы попасть на публичную арену «Twitter» (которая для проблем, подобных бездомности, является минимальной), но и то, какие именно интерпретации проблемы будут более успешны в рамках этой публичной арены.

Анализ стратегий проблематизации и депроблематизации, которые используются «лидерами мнений» в процессе конструирования социальных проблем в «Twitter», обнаруживает ряд тенденций. Наиболее характерной является такая стратегия проблематизации, как индивидуализация причин социальной проблемы, т. е. указание конкретного «виновника» проблемы. «Лидерами мнений» создаётся неблагоприятный образ чиновников, которые в глазах аудитории становятся связанными с конструируемыми проблемами. Ирония, используемая в сообщениях, позволяет избежать «усталости» аудитории от проблемы. В отношении наиболее популярных тем у аудитории существует консенсус, контрриторика зачастую отсутствует и проявляется только в отношении политических тем в силу разных политических взглядов «лидеров мнений». Следует отметить, что в татарстанском «Twitter» никогда не используется контрриторика, выражающая бессилие или бессмысленность борьбы с проблемной ситуацией.

Проблему монополизации власти в России можно считать ключевой в татарстанском «Twitter», пронизывающей все остальные темы. Она воспринимается остро «лидерами мнения» как представителями среднего социального слоя, требующими более активного политического участия в своём государстве. «Twitter» – это прежде всего площадка для риторики, а не для мобилизации и действия. Однако изучение происходящих здесь процессов, существующих тенденций и настроений имеет значение для понимания состояния становящегося среднего класса.

Литература

- 1 Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение: Хрестоматия / Сост. И. Г. Ясавеев. 2007. С. 145–184.
- 2 Drezner D. W., Farrel H. The power and politics of blogs. URL: www.danieldrezner.com/research/blogpaperfinal.pdf (28.01.2015).
- 3 Попов Н. П. Главные социальные проблемы России последнего десятилетия. URL: <http://www.indem.ru/PUBLICATII/Popov/GISocProbl.pdf> (28.01.2015).

А. Д. Казун

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАННЫХ GOOGLE TRENDS В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

КАЗУН Анастасия Дмитриевна – аспирант НИУ ВШЭ. E-mail: korobkova-n@yandex.ru.

В настоящее время наблюдается очевидная тенденция использования в исследованиях больших объёмов данных, Data Mining становится своеобразным трендом. Действительно, развитие технологий заставляет искать новые способы измерения социальной реальности. Вместе с тем, возможности применения подобного рода технологий ещё не вполне очевидны. В настоящем докладе я хотела бы оценить эвристический потенциал использования статистики поисковых запросов в сети интернет (ресурс Google Trends) в социологических исследованиях. Я опишу ряд зарубежных исследований, основывающихся на данных такого рода, а также поделюсь опытом апробации методики на отечественной почве.

Данные Google Trends интересны по многим причинам. Так, к примеру, статистика ресурса позволяет нам получать информацию о ситуации в прошлом, не прибегая к зачастую неточному методу ретроспекции. Кроме того, в данном случае мы работаем с некими объективными данными, и можем говорить о реальной заинтересованности населения в тех или иных вопросах. Нередко люди не рефлексируют относительно того, какие проблемы их беспокоят, какого рода информация представляется им интересной. Следовательно, опросные данные могут не отражать реальной картины. Тогда как ресурс «Google Trends» может позволить делать выводы, основываясь на данных, свободных от переосмысления респондентом и искажений в сторону социально одобряемых ответов.

Для начала – *к истории вопроса*. Как ни удивительно, впервые анализ поисковых запросов был использован в исследованиях в сфере здравоохранения: предпринимались попытки, анализируя запросы, связанные с симптомами заболевания и названиями лекарств, прогнозировать эпидемии [5]. В целом, попытки такого рода увенчались успехом: в 2008 году был создан ресурс «Google Flu Trends», прогнозирующий эпидемии гриппа на основании динамики интернет запросов [1]. За время его существования не было зафиксировано серьёзных несовпадений его прогнозов и официальной статистики. В настоящее время ресурс работает в 29 странах мира, включая Россию [7].

Существуют также примеры использования статистики поисковых запросов в политических и маркетинговых исследованиях. Так, Кристофер Олдс анализировал влияние высказываний президента на внимание общества к разного рода экономическим вопросам, основываясь на данных Google Trends [3]. Было также проведено исследование влияния расистских настроений в различных штатах США (число запросов «nigger» в Google) на число голосов, отданных на выборах за Б. Обаму [4]. Изучалась взаимосвязь поисковых запросов в сети и продаж автомобилей [2]. Впрочем, в российских исследованиях данный метод ещё не распространён.

Однако статистики поисковых запросов – не панацея, и использование данных такого рода имеет *ряд серьёзных ограничений*. Прежде всего, сами по себе данные Google Trends не слишком информативны. Потенциал для исследований состоит в сопоставлении запросов в интернете с новостными событиями, характеристиками исследуемого объекта, экономическими показателями и другими статистическими данными.

Также следует сознавать, что портал представляет свободный доступ лишь к нормированным данным: число запросов в каждый период времени (или в каждом регионе/стране) рассматривается по отношению к максимальному зафиксированному. Таким образом, объём таких запросов изменяется от нуля до ста, где сто – максимальное значение за период времени или среди анализируемых территориальных образований, а ноль – число запросов, не превышающее 0,5% от зафиксированного максимума. Следовательно, формат

вывода данных не позволяет нам делать выводы относительно числа запросов определённого рода, в данном случае, мы анализируем лишь тенденции, направления изменений.

Кроме того, традиционно, когда речь заходит об интернет-исследованиях, встаёт вопрос об их репрезентативности. Следовательно, следует принимать во внимание уровень интернетификации населения. Также возможны сложности в интерпретации результатов в том случае, если слова поиска не имеют однозначной трактовки.

По итогам *апробации методики* использования данных Google Trends в социологических исследованиях были сделаны некоторые выводы о возможностях, с которыми связан анализ поисковых запросов в интернете (более подробно с ними можно ознакомиться в статье «Мониторинга общественного мнения» [6]).

Ресурс Google Trends позволяет анализировать интерес населения к тому или иному вопросу на трёх уровнях: страны мира, отдельная страна или регионы. Мы предприняли попытку рассмотреть заинтересованность в информации относительно ВТО на всех возможных уровнях. Прежде всего, мы оценили, каким образом менялась заинтересованность в информации об организации на уровне мира в целом (запросы WTO). Согласно данным Google Trends, наблюдается неуклонное сокращение числа людей, ищущих сведения о ВТО. Однако, возможно, это общая для всех международных организаций тенденция? Дальнейший анализ показывает, что это не так. К примеру, интерес населения к деятельности ООН (UN) стабильно растёт. Пики заинтересованности в МВФ (IMF) наблюдались в периоды экономических кризисов и в связи со скандалом, связанным со Д. Стросс-Каном. Transparency International ежегодно привлекает внимание в месяц опубликования «Индекса восприятия коррупции». Таким образом, на основании данных Google Trends можно делать выводы не только о заинтересованности населения в информации по какому-либо вопросу, но и о причинах, с которыми этот интерес связан.

В России колебания внимания к ВТО, во многом, объясняются особенностями прохождения переговорного процесса, а также значимо коррелируют с числом публикаций об организации в прессе. Таким образом, можно предположить, что внимание населения к проблеме формируется в следующей логике: реальное событие (удачно завершены переговоры и т. д.) – внимание СМИ к данному событию – потребность в дополнительной информации (интерес) – поиск информации в интернете.

Анализ интереса к деятельности ВТО в региональном разрезе позволяет выделить следующую закономерность: наибольшее число запросов о «всемирном торговом клубе» наблюдался в регионах с высокой экономической активностью: более высокими размерами субсидий и объёмами экспорта в зарубежные страны. Таким образом, наиболее часто информацию об организации искали в тех регионах, которых в большей степени должно было коснуться присоединение к ней.

Литература

- 1 Ginsberg J., Mohebbi M. H., Patel R. S., Brammer L., Smolinski M. S. & Brilliant L. Detecting influenza epidemics using search engine query data // Nature. Vol. 457. 2009.
- 2 Goel, Sharad, Hofman J. M., Lahaie S., Pennock D. M., and Watts D. J. Predicting Consumer Behavior with Web Search // Proceedings of the National Academy of Sciences. № 107 (41). 2010.

- 3 Olds C. Assessing presidential agenda-setting capacity: dynamic comparisons of presidential, mass media, and public attention to economic issues // Congress & the Presidency. 2013. P. 255–284.
- 4 Seth S.-D. The Cost of Racial Animus on a Black Presidential Candidate: Using Google Search Data To Find What Surveys Miss. March 24, 2013. URL: <http://static.squarespace.com/static/51d894bee4b01caf88ccb4f3/t/51d89ab3e4b05a25fc1f39d4/1373149875469/RacialAnimusAndVotingSethStephensDavidowitz.pdf>.
- 5 Wilson, Kumanan, and Brownstein J. S. Early Detection of Disease Outbreaks Using the Internet. Canadian Medical Association Journal 180. P. 829–831. 2009.
- 6 Казун А. Д. Отношение населения к вступлению России в ВТО // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. Т. 124. № 6. С. 98–111.
- 7 Ресурсы Google Flu Trends. URL: <http://www.google.org/flutrends>.

Е. В. Климова

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ЗЕРКАЛО СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

КЛИМОВА Елена Владимировна – доктор технических наук, профессор Санкт-Петербургского Политехнического Университета. E-mail: kev137@mail.ru.

Под социальной сетью (англ.: social network) обычно понимается социальная структура, состоящая из группы узлов, которыми являются социальные объекты (люди или организации), и связей между ними.

В жизни современного человека социальные сети играют огромную роль, т. к. предоставляют ему возможность не только осуществлять социальную, политическую, экономическую, научную, правовую и агитационную деятельность, но и просто общаться, находить друзей, одноклассников, однокурсников, обмениваться сообщениями, читать блоги, просматривать кинофильмы и слушать музыку. При этом использование социальных сетей позволяет пользователям экономить средства и время.

Среди наиболее популярных социальных сетей рунета можно выделить следующие сети: ВКонтакте, Одноклассники, Мой мир, RuSpace, Mail.ru, Facebook, Twitter.

Методом анкетного опроса студентов Политехнического университета Санкт-Петербурга в 2014 г. было установлено, что все опрошенные пользуются интернетом практически ежедневно. Многие зарегистрированы в нескольких социальных сетях, где ежедневно проводят от двух до четырёх часов и даже ощущают некоторую зависимость от социальных сетей.

Практически все студенты, в соответствии с требованиями регистрации в сетях, с лёгкостью заполнили свои профили, указали свои адреса и номера мобильных телефонов, обозначили круг своих друзей и интересов, а также выложили личные фотографии.

В результате они сами сформировали свой первоначальный имидж, предоставили другим возможность определить модель своего социального поведения и в то же время стали объектами социального контроля. Прежде всего, это коснулось молодых людей призывного возраста, попавших под контроль со стороны работников военкоматов.

В дальнейшем любые социальные изменения в жизни ближайших друзей, социальные конфликты, а также нарушение социальных норм может сказаться на их репутации, затруднить трудоустройство или даже разрушить личную жизнь.

В социальных сетях находят отражение все негативные явления современной действительности, оказывающие непосредственное влияние на социальное поведение молодых людей:

- 1 Криминализация молодёжной среды в результате роста безработицы. В Санкт-Петербурге каждую неделю на бирже труда регистрируется 1400 человек и ожидается, что к осени в службе занятости будут зарегистрированы 15 тыс. человек.
- 2 Рост потребления наркотиков, алкоголя и табака. За 2014 год в Санкт-Петербурге было зафиксировано 14 149 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. В городе официально зарегистрировано 11 тысяч наркоманов. В действительности эта цифра намного больше за счёт тех, кто не зарегистрирован официально.
- 3 Рост количества интернет-ресурсов пропагандирующих националистические и ксенофобские настроения. Совсем недавно за призывы к насильственным действиям в отношении преподавательницы еврейской национальности в Санкт-Петербурге была заблокирована деятельность группы «Нравственность», организованная в социальной сети «ВКонтакте».
- 4 Рост экстремистской деятельности молодёжных групп в интернете, повышение угрозы массовых беспорядков (30 июня 2014 г. подписан закон об уголовной ответственности за экстремизм в интернете – теперь за призывы к экстремизму можно получить 5 лет).

В последнее время всё чаще при поиске работы люди пользуются информацией из социальных сетей. Эффективность поиска работы зависит от круга знакомств человека и от его собственной активности в социальной сети.

Менеджеры по персоналу многих организаций используют для поиска потенциальных работников их профили в социальных сетях, составляют их психологические портреты по записям в блогах, отзывам друзей и знакомых. Для составления психологического портрета изучается профиль онлайн-поведения человека: частота выхода в социальную сеть, эмоциональная окраска и содержание постов (написаны с юмором или грустью, эмоциональны или сдержанны и т. п.), увлечённость контентом. Затем используются статистические методы, позволяющие выявить корреляцию между результатами тестов и онлайн-поведением пользователя в социальной сети [1].

Социальные сети активно используются в ведении бизнеса. В данном случае социальное поведение работников специально ориентируется на конкурентную разведку (competitive intelligence) в интернете, предполагающую сбор и обработку данных из разных источников для выработки управленческих решений с целью повышения конкурентоспособности организации. Видеозаписи мастер-классов по организации конкурентной разведки можно найти на «YouTube».

В банковском секторе социальные сети используются для поиска должников по кредитам и ипотеке. В процессе розыска должника или его родителей коллекторы банка используют социальные сети или запрашивают необходимую информацию у провайдеров. В результате

поиска банк может создать собственный кредитный профиль заёмщика, поместить его в банковской сети, что сделает невозможным для данного должника получение кредитов в других банках и финансовых фондах.

Социальные сети представляют огромную базу данных различной информации, используемой правоохранительными органами в раскрытии и предупреждении преступлений и различных правонарушений. При этом используются документы провайдеров и хостинг-провайдеров (сведения о пользователях услугами телекоммуникационных сетей и видах их соединений, арендаторах мест в сети под web-сайты, владельцах электронной почты), статистические данные о соединениях по пополнению и обновлению интернет-ресурсов, информация о плательщиках за интернет-услуги и др.

Одним из лидеров по раскрытию преступлений является социальная сеть «YouTube».

Социальные сети используются правоохранительными органами для поиска неплательщиков алиментов. Недавно прошло сообщение, что один злостный неплательщик алиментов сменил пол, надеясь уйти от ответственности, но всё равно был найден.

Кроме того, правоохранительные органы, используя социальные сети, помогают найти пропавших людей, раскрыть преступления социального характера, кражи, мошенничество.

Органами внутренних дел было установлено, что доминирующими мотивами социального поведения лиц, совершивших преступления экстремистского характера, являются политические (45,8 %); националистические и религиозные (48,1 %), корыстные (6,1 %) мотивы [2].

Социальные сети позволяют выявить некоторые особенности деловой интернет-переписки. Молодые люди, привыкшие обмениваться короткими СМС сообщениями с использованием языка социальных сетей, переносят эту практику и на оформление своих сообщений преподавателям. Отправляя свою работу на проверку преподавателю, они не считают нужным заполнить текстовое поле и просто прикрепляют файл с текстом работы. Т. е., в этих письмах нет ни обращения (некоторые студенты вообще не считают нужным запомнить имя преподавателя), ни просьбы просмотреть работу и высказать свои замечания. В результате многие преподаватели отказываются отвечать на такие послания.

К сожалению, никто не объясняет молодым людям, что основой социального поведения является человеческое общение и каждому человеку приятно, когда к нему обращаются по имени и отчеству. Кроме того, те немногочисленные образцы письменной речи, которые преподаватели видят в результатах выполнения контрольных работ или тестов, демонстрируют очень низкий уровень грамотности. Такие же проблемы можно обнаружить на форумах и в блогах. На замечания по этому поводу студенты отвечают недовольством и даже агрессивностью.

Таким образом, социальные сети могут рассматриваться как источник данных о социальном поведении людей и нуждаются в дальнейшем всестороннем изучении.

Литература

- 1 <http://compress.ru/article.aspx?id=23890>.
- 2 <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1538458>.

Е. В. Ковалевская

ВИРТУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: СТУДЕНТЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (результаты опроса)

КОВАЛЕВСКАЯ Е. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии управления РАНХиГС. E-mail: evkyand@yandex.ru.

В человеческом мире постоянно происходят изменения. Интересно и важно узнать, как эти изменения воспринимают люди, всегда ли они осознают, что участвуют в каком-то процессе, как они в него вовлекаются, что получится в итоге, к чему приведёт это взаимодействие. Некоторые процессы можно распознать и предсказать их последствия, некоторые протекают скрыто и незаметно, поэтому трудно определить, какое влияние оказывают они на людей, на общество в целом. Тем более, если эти процессы нельзя оценить однозначно как положительные или назвать их только отрицательными. К таким новым, но очень популярным формам взаимодействия относятся социальные сети. Современные социальные сети, обогащённые новыми техническими возможностями, как-то незаметно, ненавязчиво, но очень прочно вошли в жизнь людей. Общение без границ, с любым человеком, в любой стране без виз и перемещений, практически мгновенно, не ожидая долго ответа на письма, которые идут несколько дней, – это один вариант привлекательности виртуального общения. Можно наблюдать и другой вариант общения, когда люди сидят рядом с другом, но переписываются друг с другом же, но используя компьютер, потому что это для некоторых представляет элемент престижа, отличия себя от других, которые не умеют или не имеют такой возможности. Кроме простого общения виртуальная среда привлекает людей с сугубо прагматическими запросами. Например, многие совершают виртуальные покупки, получают разного рода консультации, узнают информацию об интересующем их товаре, услуге, фирме и многих других вещах. Таким образом, однозначно оценить такое взаимодействие по разным направлениям и запросам нельзя. Одно можно сказать определённо, что при всех положительных и отрицательных сторонах этой новой формы социального взаимодействия в нашем обществе люди не могут от неё отказаться, даже можно сказать, что для определённой категории людей эта форма взаимодействия, эта жизнь стала реальной, более значимой и реальнее реальной жизни. Например, достаточно посмотреть вокруг себя в общественном транспорте и можно заметить, что очень многие пассажиры не отрывают взгляда или от телефона, или IPADa, некоторые умудряются открывать и смотреть в компьютер, не замечая никого и ничего вокруг, ничего не слыша (в ушах ещё и наушники для музыки или фильмов), а некоторые, «очень занятые», даже смотрят на телефон, переходя улицу или управляя машиной. Окружающая реальная реальность и реальные, живые люди, а не картинки становятся фоном другой виртуальной реальности. Человек, идущий рядом, но виртуально взаимодействующий с кем-то, на какое-то время теряет связь с реальной жизнью и перемещается туда, откуда идёт информация. Он не замечает того, что его окружает: ни людей, ни обстановку вокруг него. Эта виртуальная форма общения формирует новое общество и новые формы взаимодействия людей в нём.

Виртуальное общение имеет одно существенное ограничение. Для того, чтобы общаться и взаимодействовать виртуально, нужно, как минимум, несколько составляющих: компьютер, IPAD или мобильный телефон, но всё должно быть обязательно подключено к интернету. Все составляющие вместе, к сожалению, а может быть и к счастью, доступны пока ещё не всем. Кто-то не имеет материальных, кто-то технических возможностей, а кто-то просто не хочет. Но

есть одна категория, группа людей в нашем обществе, которая несмотря на любые ограничения стремится и успешно осваивает эту новую реальность и новые формы общения – это молодёжь. У молодых людей всегда есть желание выделиться или отделиться от людей старшего поколения. Вечная проблема «отцов» и «детей», проблема не использовать опыт старшего поколения, а приобретать его самим, учиться на своих ошибках. Социальные сети сегодня предоставляют и такую возможность. Анонимность общения позволяет задавать любые вопросы, не стесняться того, что ты чего-то не знаешь. Конечно, трудно объяснить, почему люди доверяют мнению тех людей, о которых они ничего не знают, почему эти люди невольно становятся авторитетными экспертами для того, кто к ним обращается, но, тем не менее, именно такой способ обсуждения разных вопросов очень популярен среди посетителей социальных сетей. Некоторые пользователи социальных сетей стали уже замечать и негативные стороны такого рода общения, например, зависимость от такого общения, большое количество времени, которое надо тратить на виртуальное общение, желание постоянно получать любую информацию от тех, с кем общаешься, поддерживать контакт в любом виде (даже просто смайлик, но главное отметить, что ты не забыл, чтобы и тебя не забыли), набирать всё больше так называемых «лайков». С точки зрения взрослых людей такой способ самоутверждения вызывает некоторые сомнения, но люди в сетях, принимая правила игры, стремятся им следовать, а некоторые подростки относятся к этому очень серьёзно.

Итак, чтобы получить ответы на поставленные вопросы и проверки некоторых гипотез, мы провели опрос среди студентов. Во-первых, мы хотели получить информацию о степени включённости студентов в социальные сети. Результаты опроса среди студентов показали, что 99% опрошенных зарегистрированы в социальных сетях. Можно сказать, что к общению, к взаимодействию в новой виртуальной форме стремятся почти все студенты. Более того, некоторые из них не ограничивают себя одной социальной сетью, а регистрируются и посещают несколько социальных сетей. Так, более трети респондентов (36%) зарегистрированы в двух социальных сетях, четверть опрошенных (25%) посещают три социальные сети, есть и такие, кто успевает побывать в четырёх, в пяти и более пяти (мы не стали уточнять сколько) сетях по 13% респондентов. Но есть и те, кому достаточно и одной. Их почти столько же, сколько и любителей не отрываться от виртуального пространства, т. е. 12%. Всеобщий охват виртуальной реальностью различается только интенсивностью соприкосновения с ней. Причём, получается, что на крайних полюсах от одной до пяти и более сосредоточено приблизительно одинаковое количество любителей виртуального общения, т. е. десятая часть опрошенных. Таким образом, «пик виртуального взаимодействия» и общения приходится на группу студентов, которые посещают две социальные сети.

Что же больше всего привлекает молодых людей в виртуальном общении? 70% опрошенных ответили, что посещают социальные сети для получения разной и разнообразной информации. Правда, вопрос об информации нуждается в расшифровке. Под информацией понимается и просмотр сообщений, и кто напрашивается к тебе в друзья, и ответы на сообщения. На вопрос о содержании информации 82% опрошенных сказали, что они обмениваются той информацией, которая касается только их и их друзей. Почти столько же (67%) респондентов ответили, что используют сети для общения с друзьями. Получается, что реального общения, живого взаимодействия друг с другом «лицом к лицу», молодым людям уже недостаточно, а для некоторых просто не нужно. Не нужно куда-то идти или ехать, договариваться заранее о встрече, тратить деньги на билеты в кино или кафе, на концерт. Тем более, что фильм можно скачать или получить через ту же социальную сеть. Хотя информацией

о культурной жизни, выставках, концертах, вернисажах и других событиях в сфере культуры обмениваются 30% опрошенных. В связи с этим большой интерес представляет тот факт, что 20% студентов используют социальные сети для того, чтобы делиться эмоциями. Вот это, пожалуй, что-то новое в нашей жизни – эмоции на расстоянии в виртуальной реальности стали более востребованными и доступными, чем эмоции при живом общении. Для этого даже выработали новый графический язык – смайлики, хотя эти способы упростили до примитивного уровня настоящие живые эмоции и чувства. Многие признаются, что используют их для быстроты, для того, чтобы не обидеть сотоварища по сети невниманием, неответом на послание. У некоторых даже разыгрываются трагедии, разрыв виртуальных отношений, если не проявляешь должного внимания. А попробуй ответить всем, если ты сидишь в трёх-пяти сетях. Для быстроты «шлёпнул» смайлик – и всё в порядке, никого не обидел. Тоже новая форма вежливости и взаимодействия. Среди информации, которой обмениваются студенты фаворитом является информация о спорте. Этот вид информации интересует 63% опрошенных. Но учитывая, тот факт, что социальных сетях 28% студентов проводят по 3–4 часа, а 11% студентов ответили, что проводят в сети весь день, то можно предположить, что занятие спортом у них тоже виртуальное, на реальное времени, похоже, нет.

Тем не менее, отрадным является то, что пока ещё 82% студентов ответили, что виртуальное общение в социальных сетях не может им заменить реальное.

Е. С. Ковалева, М. О. Спирина
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКОГО ТЕЛА В СОВРЕМЕННОЙ ЙОГЕ:
АНАЛИЗ ВИЗУАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА ВЕБ-САЙТОВ И ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ ЙОГА-ШКОЛ
МОСКВЫ

КОВАЛЕВА Е. С. – магистрант 1-го курса программы Комплексный социальный анализ, НИУ-ВШЭ. E-mail: eskovaleva@edu.hse.ru.

СПИРИНА М. О. – магистрант 1-го курса программы Прикладные методы социального анализа рынков, стажер-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ), НИУ-ВШЭ. Email: mspirina@hse.ru.

В статье рассматривается репрезентация женского тела в современной йоге на базе визуального материала веб-сайтов и онлайн сообществ популярных йога-школ в Москве сквозь теоретическую призму символического интеракционизма и концепцию сконструированного тела М. Фуко. Проанализированы ключевые характеристики женского образа в йоге, составлена типологизация визуальных стратегий, используемых различными йога-студиями.

Если традиционная аутентичная практика йоги в Индии была ориентирована в основном на мужчин, современная йога во многих Западных странах превратилась в популярную физическую гимнастику с восточным колоритом, нацеленную преимущественно на женщин. На сегодняшний день практически ни один крупный фитнес-центр не обходится без занятий йогой в расписании, помимо этого существует множество специализированных йога-школ.

Исследовательские вопросы: каким образом репрезентируется женское тело в современной йоге в России, какие гендерные аспекты в себе несут используемые образы и что именно транслируют изображения?

Объект исследования: женское тело в контексте современной йоги.

Предмет исследования: репрезентация женского тела в контексте публичного дискурса современной йоги.

Сайты и группы йога-школ в социальных сетях рассматриваются как ключевые передатчики гендерной репрезентации, которые не только выражают определённые идеи и образы, но и создают их (DeFrancisco, Palczewski, McGeough, 2014). В связи с этим, **эмпирической базой** исследования является визуальный материал (фотографии, рисунки, посты, баннеры) веб-сайтов и групп в социальной сети «ВКонтакте» популярных йога-школ Москвы. Список из пятнадцати школ был подготовлен на основе двух рейтингов – журнала «Афиша-Город» и «Forbes»¹⁰. Были проанализированы более 500 визуальных единиц, особое внимание уделялось образам женского тела.

Теоретическими основаниями работы являются, во-первых, традиция символического интеракционизма, а именно концепция «looking-glass body», которая рассматривает тело как результат взаимных интерпретаций (Wascul, Vannini, 2006, p. 5). В терминологии Дж. Г. Мида тело рассматривается как внешняя оболочка, состоящая из множества репрезентаций, в т. ч. отражений и реалий, которые можно увидеть в зеркале массовой культуры. Медиа-образы зачастую воспринимаются как отражение действительной реальности, что наделяет их особой ценностью, поэтому гендерная репрезентация в масс-медиа становится чрезвычайно значимым объектом исследования (Barthes, 1997).

Во-вторых, мы обращаемся к концепции «послушного тела» М. Фуко, в которой тело предстает объектом и мишенью власти, конструируемым обществом с целью сделать его социально продуктивным посредством политического дискурса (Foucault, 1995). Фукодианская концепция «технологии себя» позволяет выявлять изображения опрессивных образов тела, навязывающих определённые представления о нормативном феминном теле, и изображения без подобного содержания.

При анализе основных характеристик женской репрезентации мы опирались на **методологические концепции** гендерного дисплея и коммерческого реализма, разработанных Э. Гофманом (Goffman, 1979). По Гофману, целью коммерческого реализма является изображение жизни с помощью стереотипных кодов мужественности и женственности в контексте повышения потребления. Для обогащения методических инструментов мы объединяем параметры визуального анализа Гофмана с эмпирическими показателями интерпретации изображений, предложенных Г. Крессом и Т. Ван Лиувеном (Kress, Van Leeuwen, 2006).

В результате анализа были выявлены **основные характеристики репрезентации женщин** в современной йоге: ориентация женщины на индивидуальность и самодостаточность; активная и сконцентрированная позиция женщины; связь женщины и природы; открытая и равноправная роль женщины. Исследованные атрибуты противоположны стереотипным образам женственности в масс-медиа и вносят свой вклад в создание нового образа женственности. Новый тип женственности характеризуется представлением о женщине как о самостоятельном акторе и активном субъекте, пониманием женской красоты как природной, допускающей несовершенства, и естественной, неявной женской сексуальности. Мы полагаем, что акцент на здоровье, естественности, умиротворении и простоте является отражением более широкой тенденции во многих сферах современной жизни (продвижение здорового образа жизни, заботы о природе, умеренность потребления).

¹⁰ См.: <<http://gorod.afisha.ru/entertainment/10-luchshih-mest-dlya-yogi-v-moskve/>>, <<http://m.forbes.ru/article.php?id=63094>>.

Рисунок 1 – Новый образ женственности в современной йоге
Источник: Pranayoga.ru (public page VK.com)

Рисунок 2 –Понимание женской красоты в современной йоге
Источник: Satnam.ru (public page VK.com)

Рисунок 3 – Сравнение нового образа женственности в современной йоге
и стереотипного феминного образа в масс-медиа
Источник: Satnam.ru, http://creativestudio.ru/articles/foto_krasivyh_devushek/

Анализ эмпирического материала показал, что школы используют различные **визуальные стратегии** для привлечения аудитории, что определяет направленность выбираемых фотографий и картинок. Выделен континуум, на одном полюсе которого находятся фитнес-ориентированные йога-школы, делающие акцент на физической практике с характерным для фитнес-индустрии сопровождением в виде центра здоровья и красоты, кабинета массажа, зоны отдыха и прочих, а на другом – школы, ориентированные не только на женщин, но и на мужчин, апеллирующих к аутентичной практике через использование

индийских образов, обращение к гуру и оригинальным текстам. Введение второй оси гендерной специфичности по преобладанию женских образов или мужских изображений позволяет расположить йога-школы в системе координат (рис. 6), отделив специфичную женскую гимнастику от женского йога-сообщества эзотерического толка, исключительно физическую практику гендерной направленности от аутентичной практики йоги и для мужчин, и для женщин.

Рисунок 4 - Фитнесс-ориентированные йога-школы, делающие акцент на физической практике

Источник: www.yogatattva.ru, pranayoga.ru

Рисунок 5 – Йога-школы, апеллирующие к аутентичной практике через использование индийских образов, обращение к гуру и оригинальным текстам

Источник: yoga.ru, kundalini.ru, mos-yoga.ru

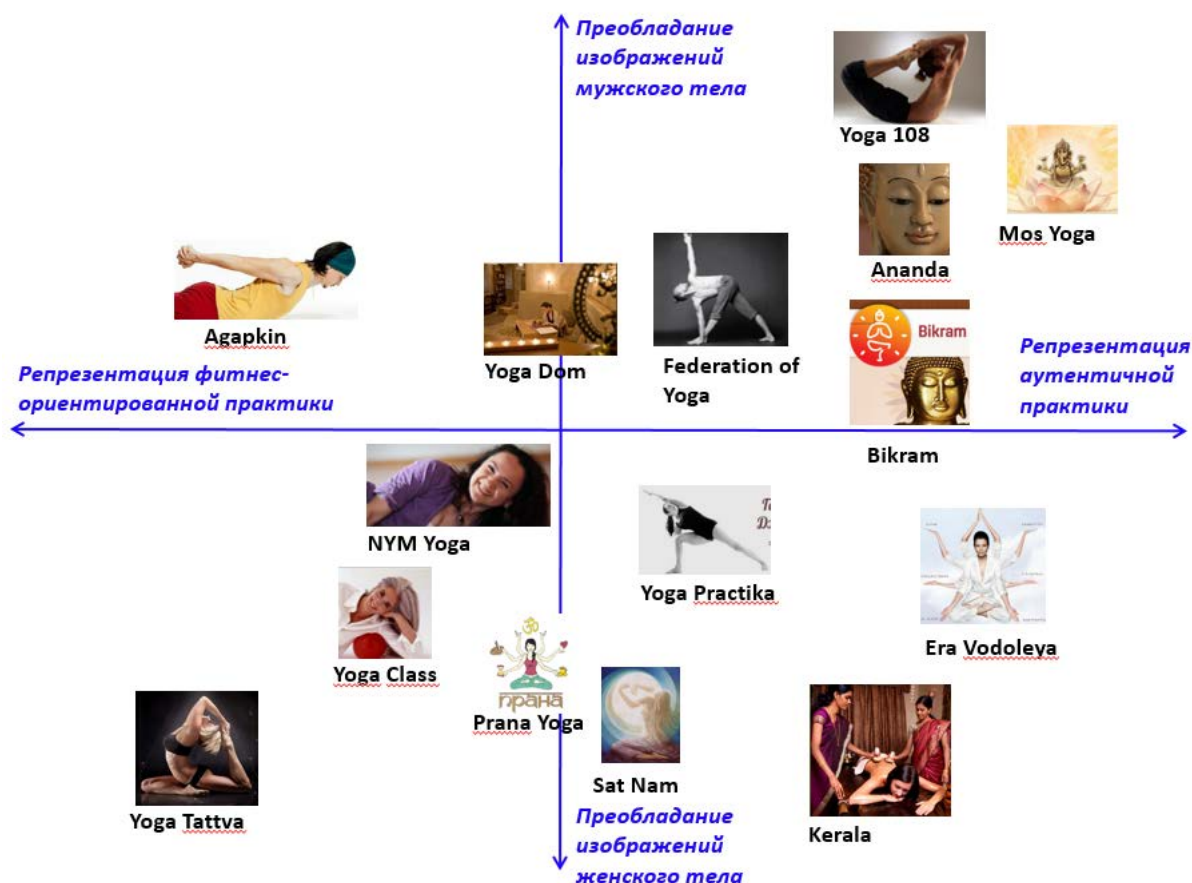

Рисунок 6 – Типология йога-школ по используемым визуальным стратегиям

Предполагается дальнейшее изучение не только визуального материала, но и реальных практик современной йоги для подтверждения выдвинутых гипотез.

Литература

- 1 Foucault M. Discipline and Punish. Alan Sheridan, trans. New York: Vintage, 1979.
- 2 Foucault M. Technologies of the self. In L. H. Martin, H. Gutman, & P. H. Hutton (Eds.), Technologies of the self: A seminar with Michel Foucault (pp. 16-49). Amherst: University of Massachusetts Press, 1988.
- 3 Goffman E. Gender display // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. 1966. №772(25). P. 69–77. Русскоязычная версия: Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Ч.II. Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алетейя, 2001. С. 306–335.
- 4 Goffman E. Gender advertisements (1st Harper colophon ed.). New York, NY: Harper & Row, 1979.
- 5 Konecki Krzysztof T. Book Review: Yoga Body. The Origins of Modern Posture Practice by Marc Singleton. Qualitative Sociology Review, Volume VII, Issue 3, University of Lodz, Poland, 2011.
- 6 Markula P. Postmodern aerobics: Contradiction and resistance. In A. Bolin & J. Granskog (Eds.), Athletic intruders: Ethnographic research on women, culture, and exercise (pp. 53-78). Albany: State University of New York Press, 2003.

- 7 Markula P. «Tuning into One's Self»: Foucault's Technologies of the Self and Mindful Fitness. *Sociology of Sport Journal*, 21, 302-321, 2004.
- 8 Rose G. *Visual methodologies: an introduction to the interpretation of visual materials*. London: Sage Publications, 2007.
- 9 Singleton M. *Yoga Body: The Origins of Modern Posture Practice*. New York: Oxford University Press, 2010.
- 10 Элиаде М. *Йога: бессмертие и свобода*. М.: Академический проект, 2014.

П. Колозариди, А. Ильин

КАК РАЗНЫЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ОТНОСЯТСЯ К КИТАЮ: ПОСТРОЕНИЕ ВЫБОРКИ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

КОЛОЗАРИДИ Полина – аспирант НИУ ВШЭ email: poli.kolozaridi@gmail.com.

ИЛЬИН Александр – магистрант НИУ ВШЭ, исследователь Центра изучения Интернета и общества email: alek.liskin@gmail.com.

Настоящий доклад посвящён методологическим аспектам анализа пользовательских публикаций в социальных сетях и построению выборки для сравнительного анализа различных групп.

Актуальность

Отношения с Китаем становятся одним из самых широко обсуждаемых направлений российской внешней политики и экономики. Однако неясно, насколько официальный курс на сближение и сотрудничество отражается в представлениях людей. Каким предстаёт Китай в различных сегментах российского общества? Готово ли оно к партнёрству с КНР?

Чтобы прояснить особенности дискурса о Китае в российских медиа и у пользователей интернета, было предложено провести исследование публикаций в социальных сетях.

Методологическая проблематика

В докладе представляется исследование различных групп пользователей социальных сетей. Ключевой новаторской особенностью исследования является создание выборки для обзора публикаций различных групп пользователей. Тема выборки в исследованиях сетей обсуждается достаточно редко, т. к. изучается либо контент, представляемый в определённое время, либо связи между пользователями, при этом отбор акторов осуществляется апостериорно. В нашем исследовании ключевой задачей было сопоставление разных типов дискурса, поэтому выборка была ключевой задачей.

Основные этапы исследования

Была реализована новаторская методология построения выборки разных акторов в социальных сетях. Мы определили группы: обычных пользователей в разных регионах, российских и китайских СМИ, политически активных пользователей. Мы отследили их посты с

упоминанием Китая на протяжении 2014 года и проанализировали вокабуляр, а также частотность и корреляции использования различных понятий у разных групп. Полученные результаты позволяют оценить, как развивается политическая тематика в отношении Китая, как воспринимаются Китайские угрозы, насколько полновесно воспринимается Китай как экономический партнёр.

Методология

Одной из ключевых изначальных задач было *выявление основных групп акторов* и их соотношения между собой. Для этого было сделано следующее:

- 1 Определены: список ключевых российских СМИ, их политическая и тематическая направленность, наличие аккаунтов в социальных сетях, подписчиков, частота постов о Китае. В дальнейшем на основании этой тестовой задачи была сформирована группа пользователей «политизированные читатели российских СМИ».
- 2 Определён список всех российских СМИ, а также список китайских СМИ в России при помощи базы данных СМИ в Яндексе.
- 3 Выявлены аккаунты блоггеров из ТОП-100 Живого журнала.

Случайным образом определены города в четырёх регионах. Аккаунты в них были отобраны также случайным образом при помощи алгоритма, согласно выборке, сформированной при помощи пропорционального размещения (с учётом общего количества пользователей «ВКонтакте» в каждом городе). При этом для СМИ и блоггеров были найдены их аккаунты в «ВКонтакте» и «Фейсбуке». Из аккаунтов, определённых таким образом, были получены сообщения за период с февраля по ноябрь 2014 г. Всего было получено около 7 млн сообщений, из них 5,9 млн из «ВКонтакте». Ввиду особенностей социальных сетей, данные по публике могли быть получены только из «ВКонтакте». Данные по СМИ также были извлечены из Фейсбука, значительных различий между публикациями СМИ «ВКонтакте» и в «Фейсбуке» на тестовом материале не было выявлено.

- 1 Был подсчитан вес сообщений Китая в общей повестке различных аудиторий.
- 2 Далее, с помощью алгоритма были собраны все сообщения, содержащие слово
- 3 «Китай» и ряд дополнительных ключевых слов, выявленных в результате анализа СМИ.

Массивы данных

- Количество упоминаний Китая по различным источникам
- Слова, используемые в сообщениях, относящихся к Китаю в каждой группе
- Корреляции между различными словами
- Основные тематические области, относящиеся к ним слова и частота их употребления в различных аудиториях.

Для анализа данной информации применялись подсчёты средних с помощью SPSS и корреляции.

Н. В. Корж
ОНЛАЙН ОПРОСЫ В ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВАХ

КОРЖ Н. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и управление персоналом» Пензенского государственного университета. E-mail: Natalya.korz@mail.ru.

В современном мире интернет-пространство играет весомую роль. В Сеть погружены разнообразные сферы жизнедеятельности человека: обучение, работа, досуг, общение и т. д. Интернет-коммуникация становится одной из форм взаимодействия современных людей. Объединяющим фактором являются интересы и ценности участников, разделяемые или достигаемые в процессе коммуникации. Для исследователей представляют интерес социальные сети (интернет-сообщества), которые в последнее время очень популярны среди различных категорий граждан. Интернет сообщество представляет собой интерактивный многопользовательский сайт, пополнение которого происходит участниками сети. Общение внутри сообщества строится на основании общих интересов. В соответствии с этим, можно выделить сообщества по интересам, досугу, образовательным, профессиональным, религиозным, национальным и другим предпочтениям.

Все участники данных сообществ могут быть как постоянными, так и временными пользователями.

Можно выделить ряд особенностей онлайн-сообществ: объединение пользователей на определённом информационном ресурсе, взаимодействие членов сообщества между собой, распределение ролей (участник, модератор), наличие норм, которые регулируют поведение пользователей.

Интернет-сообщества привлекают интерес учёных из-за того, что число пользователей Сети с каждым разом увеличивается, что приводит к развитию нового социального поведения личности. В связи с этим, необходимо прибегать к новым методам изучения особенностей конструирования реальности различных социальных групп.

Одним из популярных методов на сегодняшний момент являются онлайн-опросы. Самые первые опросы в Сети проводились через электронную почту. В настоящее время большинство пользователей общаются посредством объединения в социальные сети (интернет-сообщества). По данным опроса, проведённого ВЦИОМ, 74% россиян общаются в социальных сетях [2]. Именно, поэтому онлайн-опрос можно встретить в новостной ленте, на форумах и т. д.

От традиционных опросов данный метод отличает то, что количество посетителей социальных сетей увеличивается и участники интернет-сообществ в большей степени идут на контакт. Простота интернет-коммуникации позволяет привлечь необходимое количество респондентов, а также повысить уровень искренности получаемых ответов. Проведение квартирного опроса не всегда представляется возможным в силу большой занятости респондентов, а также настороженности к незнакомым людям (интервьюерам). Кроме того, виртуальное пространство позволяет опрашивать те категории респондентов, которые недоступны в реальной жизни. К таким категориям можно отнести: высокостатусных граждан и, напротив, маргинальных личностей (например, наркоманы) [1]. Ещё одним преимуществом онлайн-опроса является самостоятельность участников, т. е. респондент сам выбирает подходящее время для ответов на анкету.

С другой стороны, отсутствие непосредственного взаимодействия «интервьюер – респондент» может приносить и негативные результаты. Так, например, участник опроса не

может уточнить вопрос. Намеренное искажение информации о себе, о своих установках, также является недостатком таких опросов. Повторное участие респондентов в одном и том же опросе, такую вероятность усиливает денежное вознаграждение за участие в исследовании. Самым важным ограничением онлайн-опросов является выборка. Онлайн-выборка является нерепрезентативной и сильно смещена по отношению к генеральной совокупности.

Социально-демографические характеристики участников социальных сетей кардинально отличаются от структуры российского населения: здесь преобладают молодые мужчины с высшим образованием, студенты, школьники, специалисты, высокообеспеченные жители больших городов и т. д. Проблема генеральной совокупности может быть решена только в том случае, когда подписчики, объединены организационной принадлежностью к локальной сети (например, студенты университета, сотрудники организации) [3].

Таким образом, виртуальные сообщества становятся отражением социальной действительности. Именно поэтому большое значение отводится прикладным методам изучения интернет-пространства. Сегодня можно наблюдать тенденцию, что изучение общественного мнения происходит в электронном виде. Пользователь может получить опросник на свой почтовый ящик, а может принять участие в исследовании на форуме социальных сетей.

Онлайн-опросы как методы исследования направлены на изучение потребительских, социальных, политических установок, поведения в интернет - пространстве, отношения к социальным сетям и т. д. Современные онлайн-технологии, с одной стороны, открывают ряд возможностей перед исследователем: быстрота опроса, самостоятельность респондента, широта охвата и т. д. С другой стороны, существует ряд недостатков, которые снижают уровень доверия к данному методу исследования.

Литература

- 1 Стребкова Д. О. Познавательные возможности онлайн-опросов в российской исследовательской практике (на примере опроса интернет-фрилансеров) //Социология 4М. 2010. № 31.
- 2 «Просторы интернета: развлечения, общение, работа...» URL: <http://wciom.ru/>.
- 3 Онлайн исследования в России 2.0 / Под ред. А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. М.: РИЦ «Северо-Восток», 2010.

В. А. Корнеева, Д. С. Сосновских ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СПОРТИВНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ РОССИИ

КОРНЕЕВА В. А. – зав. отделением конфликтологии и управления Института психологии, кафедра социальной психологии, конфликтологии и управления Уральского государственного педагогического университета; аспирант кафедры теории и истории политической наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. E-mail: ya-krasawka@ya.ru.

СОСНОВСКИХ Д. С. – старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Уральского государственного аграрного университета. E-mail: daniil-arm19@mail.ru.

Связь спорта с политикой в XX в. приобретает всё более очевидный характер. В результате интервенции государства в сферу спорта он становится одним из стратегических

инструментов внешней и внутренней политики стран. Спорт выступает в качестве государственного механизма неадминистративного воздействия на общественное восприятие и коллективное представление.

Тема активного оперирования к спорту как инструменту публичной дипломатии всё чаще встречается в современном политическом дискурсе. Например, в работах одного из отечественных основоположников теории «мягкой силы» О. Ф. Русаковой. Так, автор среди прочих параметров в общей номенклатуре индексов «мягкой силы» выделяет «*olympics*» [7].

Потребность в спорте как дополнительном ресурсе лоббирования интересов со стороны власти привела к его политизации. Спорт как инструмент внутренней и внешней политики становится предметом нашего дальнейшего исследования. Ранее в наших работах мы уже отмечали те характеристики спорта, которые в своей взаимосвязи и совокупности решают широкий круг задач во внутренней политике РФ [3]. Так, мы выделили следующие отличительные черты современного спорта в нашей стране: наднациональность, коммерциализация, внерелигиозность, дотационность, мобилизирующие, интегрирующие и фасилитирующие его ресурсы. В этой статье мы раскроем тему *спорта как инструмента в руках государственного менеджмента, где спорт – ресурс и бренд регионального развития*.

Исходным и ключевым в теме нашего исследования является предположение о том, что *футбол как система может являть собой проекцию всей социальной реальности региона или страны. Футбол и другие виды спорта представляют собой механизм и инструмент социальной связи между различными группами населения*.

Понимание того, почему футбол пользуется такой популярностью, складывается из нескольких факторов. Среди них: коммерциализация, массовость, зрелищность, относительная простота правил, минимальное количество необходимого инвентаря, численная вместимость стадионов.

Регионализм в спортивной политике государства. В данной части нашей статьи мы беремся утверждать, что спорт во внутренней политике государства имеет стратегическое значение в управлении регионами. Обращает на себя внимание следующий факт: чем выше уровень качества жизни региона, тем более лидирующую позицию занимают его спортивные достижения в общероссийском командном рейтинге.

Молниеносный успех ФК «Анжи» (Махачкала) – пример своего рода антикризисного регионального управления и *конфликтменеджмента*: в рамках внутренней политики по стабилизации напряжённости в Северо-Кавказском ФО государство активно задействует спортивный ресурс. В данном случае футбол выполняет свою социально-политическую функцию: консолидация населения вокруг победы местного клуба, формирование положительной идентичности, отвлечение от социальных, политических и экономических проблем региона.

Победа сборной команды или местного клуба обеспечивает сиюминутное удовольствие болельщиков. За счёт получаемых публикой от массовых зрелищ эмоций, которые и являются самоцелью внутренней спортивной политики сегодня, и происходит искомая *консолидация общества* вокруг спортивных успехов и достижений. Происходит стимулирование патриотических чувств и эмоций посредством спекуляции на спортивную тематику. Речь в данном случае идёт как о клубном, так и о национальном патриотизме. Данная манипуляция через спорт посредством эксплуатации эмоциональной сферы человека или группы закреплена за функциями массовой культуры вообще.

Спорт в рамках нашего исследования мы по такой же аналогии с уровнем жизни рассматриваем как *комплексный показатель*, где *спортивные достижения региона – результирующая регионального менеджмента*. Можно привести метафорическое сравнение с показательными выступлениями: внутрироссийские спортивные состязания демонстрируют уровень развития региона в сравнении с другими субъектами РФ.

Эмпирическая часть нашего исследования будет состоять в попытке доказать, что успех на спортивном поприще региона непосредственно связан с его высоким социальным благополучием и эффективностью управления. Для математической обработки данных будем использовать показатели рейтинга регионов РФ по уровню и качеству жизни, а также результаты ведущих футбольных клубов в соответствующих субъектах страны. В качестве инструмента обработки данных задействуем коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Отметим, что данные для прикладного исследования также были получены за счёт обращения к популярному онлайн-сообществу футбольных фанатов г. Екатеринбурга – Е1: Екатеринбург Онлайн.

Таблица 1 Соотношение показателей рейтинга регионов РФ по уровню и качеству жизни с результатами ведущих футбольных клубов субъектов РФ (2012 г.)

Рейтинг УКЖ (2012)	Субъект РФ	Рейтинг ФК (2012)	Лига	Футбольный клуб	Город	Место в чемпионате (2012)
1	Москва	2	ПЛ	Спартак	Москва	2
2	Санкт-Петербург	1	ПЛ	Зенит	Санкт-Петербург	1
3	Московская область	39	ВД Зона Центр	Витязь	Подольск	3
4	Республика Татарстан	6	ПЛ	Рубин	Казань	6
5	Краснодарский край	8	ПЛ	Кубань	Краснодар	8
6	Белгородская область	37	ВД Зона Центр	Салют	Белгород	1
7	Ханты-мансийский АО	-	-	-	-	-
8	Тюменская область	42	ВД Зона Урал-Поволжье	Тюмень		6
9	Воронежская область	35	ФНЛ	Факел	Воронеж	19
10	Нижегородская область	14	ПЛ	Волга	Нижний Новгород	14
11	Калужская область	45	ВД Зона Центр	Калуга	Калуга	9
12	Ростовская область	13	ПЛ	Ростов	Ростов-на-Дону	13
13	Ярославская область	20	ФНЛ	Шинник	Ярославль	4
14	Республика Башкортостан	38	ВД Зона Урал-Поволжье	Уфа	Уфа	2
15	Липецкая область	43	ВД Зона Центр	Металлург	Липецк	7
16	Новосибирская область	23	ФНЛ	Сибирь	Новосибирск	7
17	Калининградская область	31	ФНЛ	Балтика	Калининград	15

Для определения места футбольного клуба, того или иного региона, в чемпионате России 2012 г. использовались данные сайта «Спорт-экспресс» [8]. Отметим, что учитывался наивысший результат в чемпионате ФК региона.

ФНЛ – организация, входящая в структуру Российского футбольного союза и отвечающая за проведение второго по рангу футбольного турнира России, начиная с сезона 2011/12.

ПЛ – высший дивизион системы футбольных лиг России. Включает в себя 16 команд. ПД – второй по уровню дивизион системы футбольных лиг России. До 2010 г. включительно соревнования организовывались Профессиональной футбольной лигой и носили название: Первый дивизион. Дивизион состоит из 20-ти команд. ВД – второй дивизион, зона – центр. Третий по уровню дивизион системы футбольных лиг России разделен на зоны: «Запад» – 17 команд, «Центр» – 16 команд, «Юг» – 17 команд, «Урал-Поволжье» – 14 команд, «Восток» – 10 команд.

Для определения рейтинга ФК использовалась следующая схема: для команды ПЛ место команды в чемпионате 2010 или 2012, как наивысшего футбольного дивизиона в России.

Для команды ПД (2010) или ФНЛ (2012): 16 (количество клубов ПЛ) + соответствующие место ФК региона в ПД или ФНЛ. Например, Воронежская область (ФНЛ 2012) – Факел – 16+19=35.

Соответственно для команд ВД: 16 (количество клубов ПЛ) +20 (количество клубов ПД или ФНЛ) + соответствующие место ФК региона в ВД необходимой зоны. Например, Республика Ингушетия (ВД Зона Юг 2010) – Ангушт – 16+20+7=43. Отметим, что регионы, не имеющие профессиональные футбольные клубы, к рассмотрению не принимались.

Для подтверждения гипотезы нашего исследования на статистическом уровне значимости мы использовали метод ранговой корреляции Спирмена. В качестве ранга «А» берём значения рейтинга регионов по уровню и качеству жизни за 2010 и 2012 гг., а ранг «В» – место ведущей футбольной команды в чемпионате России соответствующего периода [4, 5, 6].

Ход выполнения математической обработки данных состоял из следующих этапов:

- 1 Ранжирование значений А и В. Их ранги занесены в колонки «Ранг А» и «Ранг В»;
- 2 Произведён подсчёт разности между рангами А и В (d);
- 3 Возведение каждой разности d в квадрат (d²);
- 4 Подсчитана сумма квадратов;
- 5 Произведён расчёт коэффициента ранговой корреляции r_s по формуле:
$$r_s = 1 - 6 \cdot \frac{\sum d^2}{N \cdot (N^2 - 1)}$$
;
- 6 Определены критические значения.

Таблица 2 Критические значения коэффицента корреляции r-критерия Спирмена (при p=0.05 и p=0.01)

N	P	
	0.05	0.01
12	0.58	0.73

Таким образом, H_0 отвергается результат: $r_s = 0.608$ (критические значения для $N = 12$). Как мы видим, корреляция между А и В статистически значима (табл. 2). Данный пример расчёта был произведён на основе данных за 2012 г. (табл. 1). Результат расчёта критерия корреляции для данных за 2010 г. показал статистически незначимый результат ($r_s = 0.4$). Анализ причин того, почему институты государственной власти активно апеллируют к спорту как инструменту решения политических проблем после 2010 г., может являться темой для отдельного самостоятельного исследования в рамках общей темы политизации спорта.

Итак, наша гипотеза подтвердилась. Спорт является комплексным социальным показателем, а спортивные достижения региона – есть не что иное, как *результатирующая регионального менеджмента. Внутрироссийские спортивные состязания демонстрируют уровень развития региона в сравнении с другими субъектами РФ.*

Литература

- 1 Бурдые П. Программа для социологии спорта [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/doc/3045> (07.04.2014).
- 2 Козер Л. А. Функции социального конфликта / пер. с англ. О.А. Назаровой; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000.
- 3 Корнеева В. А. Спорт как ресурс государственного управления // Конфликтогенность современности: коллективная монография. Екатеринбург, 2014. С. 119–139.
- 4 Рейтинг городов России по качеству жизни (Тор – 20) – 2010 год [Электронный ресурс] // Урбаника: институт территориального планирования. URL: <http://urbanica.spb.ru/?p=710> (10.02.2014).
- 5 Рейтинг городов России по качеству жизни [Электронный ресурс] // Всероссийский центр уровня жизни. URL: http://www.vcug.ru/doc/arxiv/2010/5_2010.pdf (10.02.2014).
- 6 Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2012 [Электронный ресурс] // Риарейтинг. URL: <http://riarating.ru/infografika/20121218/610486725.html> (10.02.2014).
- 7 Русакова О. Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии [Электронный ресурс] // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, 2010. URL: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2010/13.pdf> (20.08.2014).
- 8 Спортивные результаты [Электронный ресурс] // Спорт-экспресс. URL: <http://www.sport-express.ru/> (07.04.2014).

И. Ю. Кривченко

МОДЕЛИ СЕТЕВОГО ПРОДВИЖЕНИЯ НКО НА ПРИМЕРЕ КОНТЕНТА FACEBOOK-ГРУППЫ «ТЕПЛИЦА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

КРИВЧЕНКО И. Ю. – стажёр-исследователь Научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций НИУ ВШЭ. E-mail: i.yur.kr@gmail.com.

Некоммерческий сектор в России на сегодняшний день развит достаточно слабо. По результатам исследований, лишь небольшая доля россиян информирована о сути самих некоммерческих общественных организациях (НКО) и их деятельности [1]. Сложившаяся ситуация является серьёзным препятствием для развития российского гражданского общества. Известно, что некоммерческий сектор для достижения определённого социального эффекта, например, положительного отклика людей о деятельности той или иной организации, используют маркетинговые технологии – так называемый «социальный маркетинг» [2]. Однако подобная практика в России не носит систематический целенаправленный характер [3]. Важным инструментом продвижения и самопрезентации НКО выступает интернет, в частности онлайн социальные сети (Social Media). Наиболее популярными сервисами для этого выступают такие сайты, как Facebook, V Kontakte, Твиттер и др. Основными площадками самопрезентации НКО в данных сетях являются «группы», т. е. публичные страницы, с помощью которых НКО осуществляет коммуникацию с аудиторией. Представление себя в публичном пространстве социальной сети посредством размещения определённого рода материалов (текст, аудио, видео и т. д.), т. е. реализуемый ими контент позволяет НКО аккумулировать вокруг себя сообщества пользователей той или иной онлайн сети, которые взаимодействуют с контентом групп и между собой, образуя, таким образом, устойчивые коммуникационные структуры.

Как правило, для анализа онлайн-коммуникации применяется контент- и дискурс-анализ [4], в то время как изучению структуры коммуникации с помощью методологии сетевого анализа (Social Network Analysis, SNA) уделяется значительно меньше внимания. Работы, которые изучали бы взаимосвязь первого и второго, нам пока не известны? и поэтому мы планируем заполнить данный пробел с помощью настоящего исследования.

На первом этапе нашего исследования мы выбрали ФБ-группу сайта «Теплица социальных технологий» потому что данный сайт является самым популярным образовательным проектом для НКО в рунете и его страница в «Facebook» весьма активна и насыщена комментариями и другими пользовательскими откликами. Сайт «Теплица социальных технологий» оказывает помощь в осуществлении онлайн коммуникаций в интернете, в частности, в социальных сетях.

Для изучения коммуникативной структуры наиболее подходящим является сетевой подход, т. к. онлайн-коммуникация между пользователями сама по себе носит сетевой характер. Сетевой подход позволяет анализировать данные контента, выявлять его типологии, собирать информацию о внутреннем содержании онлайн-коммуникации, а так же о коммуникативных позициях и ролях участников онлайн-сообщества [5].

В рамках данного этапа собрали все записи со «стены» Facebook-группы (<https://www.facebook.com/TeplitsaST>) сайта «Теплица социальных технологий» (te-st.ru), а также все комментарии и «лайки», оставленные пользователями к данным записям, а так же планируем проанализировать контент записей с помощью «качественного» (qualitative) анализа данных (дискурс-анализ, контент-анализ), а структуру коммуникации с помощью количественного (quantitative) анализа текстов (LDA, Topic Modelling) и сетей (SNA) и посмотреть, каким образом содержание записей влияет на данную структуру.

С помощью данного исследования мы планируем выяснить как реализуемый НКО контент на практике влияет на коммуникативную структуру внутри Facebook-группы (<https://www.facebook.com/TeplitsaST>) сайта «Теплица социальных технологий» (te-st.ru). Результаты исследования могут быть использованы НКО в качестве модели для успешной

самопрезентации и продвижения в интернете, в частности в социальных сетях, таких как «Facebook». Данные проведенного исследования так же имеют ценность для развития теории социального маркетинга.

Литература

- 1 Отношение населения к деятельности некоммерческих организаций в России // Исследовательская группа Циркон. 2004. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/717/041000.pdf>.
- 2 Орлова Н. А. Теоретические и прикладные аспекты маркетинга общественных организаций. 2006. 228 с.
- 3 Андреев С. Н. Маркетинг коммерческих субъектов. М., 2002. 178 с.
- 4 Kushin, Matthew J., Kelin Kitchener. Getting political on social network sites: Exploring online political discourse on Facebook. First Monday 14, no. 11 (2009).
- 5 Monge, Peter R., and Noshir S. Contractor. Theories of communication networks. Oxford University Press, 2003.

П. А. Лебедев, О. С. Логунова
НЕТИПИЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА ВИЗУАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ТИПИЧНОГО ПОХОДА В РЕСТОРАН

ЛЕБЕДЕВ Павел Андреевич — кандидат социологических наук, руководитель направления исследований портала Superjob.ru (г. Москва). E-mail: p_lebedev@list.ru.

ЛОГУНОВА Ольга Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ (г. Москва). E-mail: olga.logunova@gmail.com.

Активный рост числа пользователей социальных сетей значительно изменил структуру повседневного общения. Речь идёт не только о всё большем распространении виртуального общения, но и о трансформации формата и стиля общения. В социальных сетях не только обмениваются личными и публичными сообщениями, но и публикуют новости и статьи, рассказывают о себе при помощи публикации медиафайлов (прежде всего фото, реже аудио и видео). Глобальная аудитория популярной сети для обмена фотографиями и короткими видеороликами Instagram превысила 200 млн человек. В России эта цифра составляет около 13 млн человек. Аудитория не настолько большая, как например у сети «ВКонтакте» (около 54 млн человек), но всё равно внушительная [1].

Целью данной работы является анализ визуального ряда, создаваемый пользователями социальных сетей, типологизация способов их самопрезентации в контексте типичного действия – похода в ресторан.

Источником данных для доклада служит массив упоминаний (сообщений) о популярной в Москве ресторанной сети восточной кухни, опубликованных в социальной сети Instagram за период с 05.02.2013 по 16.08.2013. Упоминания собирались с помощью системы мониторинга социальных медиа «Wobot» по набору ключевых слов (различные варианты написания названия ресторана, хештеги и т. п.)

В выборку попали только те сообщения, в которых можно было чётко определить принадлежность к конкретной ресторанной сети, вплоть до адреса заведения. Всего в выборку

попали 553 фотографии. В массиве присутствовало также незначительное количество видеоматериалов, которые обрабатывались аналогично фотографиям.

В качестве единицы анализа выступает сообщение, которое состоит из нескольких элементов: непосредственно изображение, текстовые комментарии к фото, информация об авторе (пол, количество подписчиков – друзей автора). В рамках обработки массива фотографий для каждой фотографии определялся её тип (обычная фото, селфи) жанр (портрет, натюрморт, пейзаж, интерьерная фотография), план (крупный, средний, общий), ситуация посещения ресторана (дружеская встреча, свидание и т. п.), основные объекты, попадающие в объектив (еда, напитки, телефоны и т. п.)

Полученный массив данных был проанализирован, во-первых, количественно – чтобы определить частоту встречаемости определённых типов фотографий и популярных элементов на них; во-вторых, качественно (с точки зрения определения смыслов) которые пользователи вкладывают в подобные сообщения.

План фото, категория, которая описывает масштаб находящихся на нём объектов, это могут быть как люди, так и блюда или напитки. Крупный план предполагает фокусирование на одном объекте, средний план допускает попадание в поле зрения других объектов, общий же характеризуется наличием перспективы. Большая часть фотографий – это крупный план, около половины всех фотографий (45%), средний план также занимает значительную часть (40%), самые редко встречаемые – это фото с общим планом, таковых зафиксировано всего 15%. Женщины чаще предпочитают размещать фотографии крупного плана, это связано с упоминаемым выше преобладанием фотографий селфи-портретов, тогда как мужчины охотнее публикуют фото среднего плана.

Жанр фото был классифицирован в соответствии с типологией жанров изобразительного искусства, таким образом, были выделены портрет, натюрморт, пейзаж и интерьерное фото. Почти половина фотографий массива являются портретами, значительная часть которых – это селфи-портреты. Несмотря на большое количество фотографий селфи с крупным планом, в целом в данной группе преобладает средний план.

Большая часть анализируемых данных, 44%, представляют собой изображения без людей. Это в основном фотографии еды и напитков, таким образом, практически все натюрморты являются такими фотографиями. Пейзажи и интерьерные фото также редко содержат в фокусе кадра персон. Акценты на них чаще всего смещены на неодушевленные предметы – кальян, потолок, стойка и другие элементы декора, либо изображения вида террасы или прилегающей территории. Мужчины чаще делают подобные фотографии, не используя собственное изображение. В большинстве своём фото с общим планом; часто представлена широкая перспектива, это лидирующая позиция среди фотографий с задним планом.

Почти третья часть всех фотографий (27%) содержит изображение безалкогольных напитков, это чаще всего чай (представлен во всем многообразии чайников и чашек, а также всевозможные цвета и добавки к нему) и прохладительные напитки. Второе место занимает кальян и, сменившие его после введения запрета на курение, паровые коктейли. Целая группа фотографий посвящена переходу с классических кальянов, в связи с запретом курения в общественных местах. Этот вечер выделяется акцентом именно на последних возможностях «легального курения». Кальян, его появление в кадре, имеет относительно высокую корреляцию с изображением безалкогольных напитков.

Различные блюда замыкают тройку часто встречаемых объектов, появляются на 16% фотографий. Алкоголь представлен на каждой двенадцатой фотографии, больше всего посетителей привлекает необычная форма, цвет или оформление напитка.

Самая высокая корреляция (совместного появления в одном кадре) характерна для связки зеркало-туалет-телефон, и связана она с практикой «селфи в отражении», чаще всего в зеркале туалете.

Проведённый анализ позволяет сделать предварительные выводы относительно визуальных репрезентаций посетителей ресторана. Очевидны несколько идеально-типических видов фотографий, преследующих разные цели.

Первый тип – портреты (как селфи, так и обычные), на которых крайне редко присутствуют ключевые элементы ресторана (еда, напитки, кальяны), а если и присутствуют, то в небольших количествах, без существенного акцента. Подобные фотографии часто делаются или вначале (большое количество меню на портретных фото), или в конце посещения ресторана. Цель таких фото скорее коммуникативная – зафиксировать момент дружеской встречи, поделиться ситуацией. Часто именно участники фото (или их друзья) оказываются основной аудиторией, обсуждающей публикацию.

Второй тип – натюрморты, интерьерные фотографии, на которых крайне редко изображены люди. Задача подобных фото – продемонстрировать внешнему миру свой уровень потребления, статус, факт посещения ресторана. Процесс содержательного диалога между пользователями социальной сети в данном случае имеет малое значение. Более важно формальное одобрение, подтверждение статуса с помощью «лайков».

Интересно, что на стыке двух функций фотографии могут образовываться смешанные типы. Например, фотографии, на которых один человек оказывается не объектом, а аксессуаром другого человека (серия фотографий, где девушка сначала выкладывает фотографию суши, а затем своего молодого человека). Другой вариант, когда собственное тело становится аксессуаром самого себя (позёрство девушек в зеркалах туалета). Подобные практики, свидетельствуют о смещении представлений о структуре и схемах презентации себя в обществе.

Литература

- 1 TNS Web Index Report. Ноябрь 2014. URL: [http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/?download=901&date=2014%2011&arrFilter_pf\[YE AR\]=2014&set_filter=Y](http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/?download=901&date=2014%2011&arrFilter_pf[YE AR]=2014&set_filter=Y).

П. П. Лисицын

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ НАПРЯЖЁННОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА

ЛИСИЦЫН П. П. – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Транснационализм и миграция» СПбГУ, доцент СПбГЭУ. E-mail: fox_sociology@mail.ru.

Тезисы представляют собой результаты исследования, проведённого методом контент-анализа в 2014 г. Целью исследования было выявление межэтнической напряжённости в коммуникативном пространстве интернета. В задачи исследования входило: определение слов

и словосочетаний, маркирующих межэтническую напряжённость в публикациях интернета; определение типов публикаций, свидетельствующих о наличии межнациональной напряжённости в интернете; выделение рейтинга популярности тем, маркирующих межэтническую напряжённость; выделение популярных интернет площадок в обсуждении тем, маркирующих межэтническую напряжённость в интернете; а так же выявление фактов оскорбительных и нецензурных высказываний по отношению к представителям других национальностей, разжигающих межнациональную рознь.

Анализ попавших в выборку сайтов демонстрирует, что дискуссия в интернете, подходящая под критерии «межнациональной напряжённости» и «разжигания межнациональной розни», инициируется исключительно «русскими». Все публикации призывают ущемлять «нерусских». Понятие «нерусский» в данном случае включает в себя большой список обозначений: «мигрант», «узбек», «дагестанец», «чурка» и т. п.

Однако основная дискуссия, «разжигающая межнациональную рознь», происходит не вокруг таких категорий как «приезжие», «мигранты», «местные», а вокруг конкретных этнических и национальных групп. Внешние мигранты из Украины или Молдавии могут не вызывать такого же недовольства, как внутренние мигранты из Дагестана или Чечни, т. к. сам сакральный объект напряжённости и недовольства не объединён участниками дискуссии в общую группу «мигранты», «приезжие».

Основные дискуссионные площадки, создающие «межнациональную напряжённость» и «разжигающие межнациональную рознь», делятся на три категории:

- 1 сайты, объявляющие себя новостными порталами;
- 2 сайты, предоставляющие авторские аналитические записки и псевдонаучную, историческую информацию;
- 3 сайты, представляющие собой форумы, поддерживаемые автором или группой единомышленников.

Основная дискуссия, создающая «межнациональное напряжение» и «разжигающая межнациональную рознь», происходит на площадках обратной связи, предоставляемых интернет-ресурсами.

Площадка «сайта – новостного портала» предполагает сбор националистически настроенных пользователей сети интернет. Культивации националистических идей способствуют:

- 1 подборка новостей по определённой тематике;
- 2 подача (в т. ч. заголовки) подобранных новостей.

В самих новостных публикациях или аналитических записках, за редким исключением, отсутствует прямой посыл к разжиганию межнациональной розни. Вызвано это контролем государства за сайтами националистической направленности и ультраправыми движениями, создающими подобные сайты.

Основные враги, представленные в публичных дискуссиях, – жители Средней Азии, Кавказа, Белоруссии и Украины.

Площадка «псевдонаучного сайта» в смысловом наполнении ничем не отличается от сайтов предыдущей группы. Однако к обозначенным в «новостных» сайтах врагам – жителям

Средней Азии, Кавказа, Белоруссии и Украины – в публикациях «псевдонаучного» направления добавляются евреи и американцы.

Характерной чертой таких сайтов является отсутствие обратной связи с пользователями, что, с одной стороны, снижает уровень межнациональной напряжённости, а с другой стороны, вынуждает авторов в своих публикациях быть более откровенными в суждениях, чем авторы «новостных сайтов». Отсутствие комментариев вынуждает авторов писать менее завуалировано.

Площадка «сайта – форума» отличается от площадок других категорий тем, что на ней пользователи/посетители играют значительную роль, часто большую, чем играет сам создатель форума. Таким образом, они являются со-создателями сайта. Поскольку посетители не ограничены страхом санкций, в отличие от организаторов сайтов, базирующихся на общественно-политических организациях, то и высказывания на сайтах-форумах гораздо более прямолинейные, жёсткие, вызывающие и оскорбительные по отношению к другим национальностям.

Именно на «сайтах-форумах» был обнаружен наивысший градус межэтнической напряжённости. Однако популярности «форума» сложно добиться, потому данная категория сайтов не часто встречается в списке первых ответов поисковых систем.

Типичная группа социальной сети, деятельность которой связана с «разжиганием межнациональной розни» и «межэтнической напряжённостью», состоит из двух структурных блоков.

Блок первый – публикации «на стене сообщества»: включает в себя новости, скопированные из информационных источников, индивидуальные короткие высказывания, как правило, в риторике разжигания межнациональной розни, а также комментарии к новостям и к индивидуальным высказываниям.

Блок второй – созданные в группе темы для обсуждения, также «разжигающие межнациональную рознь».

Группы социальной сети «Вконтакте» очень похожи на «сайты-форумы», однако есть несколько отличий:

- 1 дискуссии в группах носят более массовый характер, чем на форумах,
- 2 в группах сложно быть полностью анонимным, в отличие от «сайта-форума» (что, однако, не влияет на смягчение формулировок комментирующих),
- 3 в группах, в отличие от «сайтов-форумов», размещаются новостные сюжеты, которые можно комментировать.

Выделены общие тенденции, характерные для всех категорий попавших в выборку сайтов, способствующих появлению «межнациональной напряжённости» и разжиганию «межнациональной розни».

- Основная дискуссия, порождающая «межнациональное напряжение», происходит с участием посетителей сайта.
- Чем выше активность участия в публичной дискуссии посетителей сайта, тем выше степень «межэтнической напряжённости».
- Дискуссия с участием посетителей сайта провоцируется заголовком или содержанием публикации.

- Чем выше уровень агрессии в тексте публикации и её заголовке, тем выше уровень «межэтнической напряжённости» в публичной дискуссии посетителей сайта.
- Наравне с культивацией «межэтнической напряжённости», как в публикациях авторов сайтов, так и в дискуссиях посетителей, прослеживается культивация «политической напряжённости», выраженная в недовольстве властями.
- «Межэтническая напряжённость» инициируется участниками дискуссии и авторами публикаций, считающими себя «русскими».
- Враги «русских» – «нерусские»: власть – евреи, приезжие – представители Средней Азии, Казахстана, Украины, Белоруссии, Кавказа.
- Негативное отношение к «русским» характерно для самих «русских» и проявляется в самоуничижении: алкоголики, лентяи, безвольные.
- Негативное отношение к «нерусским» проявляется в агрессивной публичной риторике с призывами к насильственным действиям.
- Негативное отношение к «русским» со стороны пользователей, позиционирующих себя как «нерусские», проявляется исключительно в дискуссиях с «русскими» в ответ на оскорбления со стороны последних.

Е. В. Лесниковская
ДИСКУРС-АНАЛИЗ ТЕКСТОВ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАТОРОВ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ

ЛЕСНИКОВСКАЯ Е. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения ЕаЛИ МГЛУ. E-mail: elesnikovskaya@gmail.com.

Сегодня социальные сети и другие онлайн-ресурсы становятся источником данных для социальных наук, расширяя возможности применения как количественных, так и качественных методов исследования широкого ряда социальных явлений. Ресурсы для социальных исследований, использование которых стало возможно благодаря интернет-технологиям, разнообразны – от массивов статистических данных (Big Data) до фотографий как объектов исследования в визуальной социологии.

Рассмотрим возможности использования интернет-ресурсов в качестве источника данных для качественных методов анализа такого явления, как социальное творчество. Социальное творчество в общем смысле определяется как «наиболее зрелая форма социальной активности, высшая форма социальной деятельности, созидательный процесс, направленный на преобразование сложившихся и создание качественно новых форм социальных отношений и социальной действительности» [1]. На наш взгляд, социальное творчество в сегодняшней социальной реальности проявляется наиболее ярко в социальных инициативах (проектах, идеях), социальном предпринимательстве, социальных инновациях и проектировании. Речь идёт об идеях и проектах, инициативах, предлагаемых активным населением с целью улучшения социума, разрешения существующих социальных проблем. Надо отметить, что в силу относительной новизны указанных концептов и разнообразия самих социальных практик, находящихся в процессе институционализации, данное явление не имеет под собой единой теоретико-методологической базы. Данные социальных медиа и интернет-ресурсов, посвящённых таким социальным практикам, способны послужить материалом для

предварительных, пилотных исследований и сыграть важную роль в становлении эффективной методологии исследования практик социальных инициатив населения, социального предпринимательства, социальных инноваций, предлагаемых «снизу».

В качестве ресурсов данных использовались данные интернет-сайтов, как отечественных, так и зарубежных. Несмотря на то, что не было обнаружено специальных социальных медиа, посвящённых практикам социального предпринимательства и социальных инноваций, на официальных сайтах некоммерческих организаций размещаются такие данные, как тексты блогов, тексты «историй успеха» (success stories), тексты интервью с членами сообщества. В частности, нами рассматривались такие интернет-ресурсы, как сайт Агентства Стратегических Инициатив (АСИ) (www.asi.ru), сайт глобального сообщества поддержки социальных инноваторов – Social Innovation Exchange (www.socialinnovationexchange.org), сайт сообщества социальных предпринимателей – Impact Hub (www.impacthub.net), сайт молодёжного отделения ассоциации социальных предпринимателей Ashoka – Ashoka's Youth Venture (www.youthventure.org).

Каждый из указанных сайтов имеет свои особенности размещения текстов и другой информации, однако в ходе предварительного исследования выяснилось, что существуют типичные для таких сообществ элементы – это тексты историй успеха, интервью с некоторыми членами сообщества. На сайтах Social Innovation Exchange и Ashoka's Youth Venture размещен блог с регулярно обновляющимися записями. На сайте российской автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив» размещено описание предлагаемых участниками проектов, а также несколько историй успеха (лучших практик). Имеющиеся тексты пригодны для использования в качестве материалов для дискурс-анализа, хотя и ограничены по объёму и, соответственно, уровню надёжности.

В первую очередь, обращает на себя внимание сам факт размещения «историй успеха» в исследуемых интернет-сообществах. Как отмечает Памела Бенойт [Benoit], подобные истории являются актами самопрезентации, необходимыми для межличностной коммуникации [1, с. 1]. В результате таких коммуникативных актов конструируется социальное одобрение. Полагаем, что в нашем случае социальное одобрение играет подчёркнуто важную роль, поскольку практики социальных инноваций и предпринимательства, социально-ориентированных гражданских инициатив относительно новы (в современном понимании) и находятся на стадии институционализации. Истории успеха, или success stories (на сайте Hub Impact – просто «stories») присутствуют на всех четырёх рассматриваемых сайтах.

Вслед за П. Бенойт определим «историю успеха» как нарратив, интерпретирующий акт поведения как успех [1, с. 23]. Более того, мы рассматриваем истории успеха как социальные события, формирующие идентичность, в данном случае – членов сообщества.

Проведённый нами дискурс-анализ текстов историй успеха, размещённых на указанных выше сайтах позволил выявить следующие предварительные результаты:

- 1 основной дискурсивной стратегией, используемой в проанализированных текстах, является стратегия провозглашения (acclaiming);
- 2 в текстах зарубежных сайтов содержание текстов отражают концепт успеха, принятый в западной культуре;
- 3 одной из основных функций публикаций историй успеха является формирование идентичности среди членов онлайн-сообщества социальных предпринимателей, социальных инноваторов;

- 4 дискурсивная и коммуникативная структура историй успеха, опубликованных на сайте российской некоммерческой организации, значительно отличается от зарубежных.

В целом, несмотря на известные ограничения метода дискурс-анализа, опыт исследования данных, представленных на веб-сайтах сообществ социальных предпринимателей и социальных инноваторов, представляется полезным для определения дальнейшего направления исследований практик социального творчества.

Литература

- 1 Национальная энциклопедическая служба. URL: www.voluntary.ru/dictionaty/580/word/socialnoe-tvorchestvo (15.01.2015)
- 2 Benoit P. J. Telling the success story: acclaiming and disclaiming discourse. SUNY Press, 1997. 207 p.

О. А. Мирясова, А. Б. Кутузов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ АКТИВИСТСКОГО ФОРУМА (НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ «ПИТАНИЕ В ДЕТСАДАХ» ФОРУМА «МАТЕРИНСТВО»)

МИРЯСОВА Ольга Александровна - научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: taoom@seu.ru.

КУТУЗОВ Андрей Борисович - доцент, кандидат фил. наук, Высшая Школа Экономики. E-mail: akutuzov@hse.ru.

Источником данных для исследования послужили сообщения в теме «Питание в детсадах» на форуме «Материнство» (<http://forum.materinstvo.ru>). Форум «Материнство» – один из наиболее высокорейтинговых форумов в сети интернета, который обеспечивает возможность для общения (обмена информацией, получения консультаций, моральной поддержки) родителей (в подавляющем большинстве случаев – мам). Создание офлайн-сообществ участницами форума редкое явление, даже отдельные встречи офлайн редки. Тема «Питание в детсадах» стала исключением: на её базе возникло социальное движение мам московских дошкольников, основная активность которого пришлась на 2012 год, было проведено три уличных акции протеста, десятки встреч с сотрудниками Департамента образования Москвы, Мосгордумы, Общественной палаты РФ, надзорных организаций в сфере питания, написаны сотни обращений в органы власти. Состав движения: женщины примерно от 22 до 45 лет. Форум оставался местом для обсуждений и координации участниц движения на всём протяжении его существования.

Характеристики данных, использованных для лингвостатистического анализа: 1) сообщения в теме «Питание в детсадах» за период с 27.01.2012 г. по 12.12.2012 г. Всего нами зарегистрировано 807 пользователей, которые оставили хотя бы одно сообщение по теме. Количество сообщений (постов): 34 134. Общий объём корпуса текста после нормализации: 954 540 словоупотреблений (токенов). Общий объём референтного или контрольного корпуса (словоупотреблений в случайных темах, отобранных на форуме в разделе «От трёх до семи»): 804 999.

Исследование носило разведывательный характер с точки зрения методологических возможностей применения компьютерной лингвистики. Дополнительный источник информации: включённое наблюдение – участие одного из авторов исследования.

Среди исследователей социальных движений широко распространены такие методы, как неформализованные интервью, включённое наблюдение, анализ материалов (текстов, лозунгов, изображений), с помощью которых происходит самопрезентация движения. Мы выдвинули следующие гипотезы по поводу преимуществ такого источника данных, как сообщения на форуме и использования методов компьютерной лингвистики для их анализа:

1. Анализируются высказывания, сделанные по инициативе автора, сразу после события и/или в ходе его актуального обсуждения. Поскольку нет поставленного интервьюером вопроса, то его формулировка не оказывает влияние на высказывание.
2. Высказывания носят менее презентационный характер, чем в интервью исследователю, которое часто воспринимается активистами как аналогичное журналистскому интервью.
3. Активные участники обсуждений создают значительный объём текста, в котором реагируют на высказывания других в разных ситуациях (по объёму это существенно больше обычного интервью).
4. Исследователи имеют возможность проанализировать высказывания большого числа участниц обсуждения (807 человек) в динамике без существенных затрат на сбор информации.
5. Машинное обучение на базе лингвистических признаков позволяет кластеризовать пользователей по группам.
6. На основе этой кластеризации (или классификации эксперта), анализа частотного словаря и выделения ключевых слов с помощью логарифмической функции правдоподобия можно предложить содержательную интерпретацию различий между группами, уточнить их состав.

Недостатки данного источника и метода анализа данных:

1. Неполнота высказываний, умолчания, экспрессивная лексика, свойственные разговорному стилю и коллективной дискуссии, выводят из поля зрения значимые для целей исследования высказывания.
2. Качественная интерпретация результатов машинного обучения и лингвостатистического анализа возможна только в случае привлечения в качестве экспертов информированных пользователей.

Некоторые результаты исследования:

1. Выделение экспертом среди всех пользователей 25 активисток (мам, взявших на себя те или иные организационные функции в движении) позволило сравнить эту группу с остальными пользователями форума (им было дано название «малововлечённые»). Анализ ключевых слов показал, что активистки существенно чаще используют словарь, связанный с взаимодействием с административными

- структурами («департамент», «организация», «округ», «услуга», «заведующая», «поставщик» и т. д.), а в лексике остальных доминируют слова из категорий «уход за детьми», «здоровье» и «детсад», нередко в уменьшительных формах («садик», «алерген», «воспитатель», «ребёночек», «дочка», «напиток», «кормить», «меню» и т. д.). Мы можем утверждать, что активистки (ядро социального движения) занимаются политической деятельностью, если в качестве критерия политизации использовать: 1) переход от восприятия проблемы как частной к восприятию как общей и 2) оспаривание полномочий власти единолично принимать решения.
- 2 Слова непосредственно политического словаря не являются дискриминативными для темы «Питание в детсадах» при сравнении с референтным корпусом, но все же эта тема несколько больше политизирована и по этому критерию: в первой тысяче ключевых слов этой темы встречаются такие понятия, как «политика», «партия», «политический», «власть», «правительство», «Путин», «мэр», «КПРФ», «выборы». Дискриминативными для темы «Питание в детсадах» оказались слова «митинг» и «пикет». Различий в лексике активистов и малововлечённых по политическому словарю не выявлено.
 - 3 Анализ относительных частот понятий из административного словаря (названия ведомств, имена чиновников) в динамике показывает, что активисты чаще используют большинство из них, чем малововлечённые, но слова «заведующая», «комбинат», «поставщик» и «Школьник» (название одного из поставщиков) малововлечённые начинают заметно активнее употреблять с сентября-октября 2012 г. Это говорит о том, что некоторые из них включились в решение проблемы на уровне отдельных детсадов, активно взаимодействуя с администрацией учреждений и поставщиками и рассказывая об этом на форуме. Т. е. часть малововлечённых также перешла к решению проблемы как общей, но на более локальном уровне.
 - 4 Классификация участниц движения на группы активисток и малововлечённых с помощью методов компьютерной лингвистики и машинного обучения позволила уточнить состав этих групп. В частности, автоматическая классификация участниц форума на группы по их лексическим признакам (алгоритм Rotation Forest) дала возможность исключить из группы активисток ошибочно отнесённых в неё экспертом участниц: их типичная лексика была близка скорее к «малововлечённым».
 - 5 Автоматическая кластеризация данных по тем же лексическим признакам на две группы относит 218 пользователей к первому кластеру и 588 ко второму. Все активистки, выделенные экспертом, попадают в первый кластер. Это говорит о том, что методы машинного обучения подтверждают близость лексики выделенных экспертом активисток, но кроме них есть достаточно большая группа участниц, которая, по экспертному мнению, не является активистками, но близка к ним по лексическому набору.
 - 6 Относительные частоты упоминаний административных органов и руководителей организаций показывают, что основными оппонентами движения на протяжении всего года оставались департамент образования Москвы, компания «Конкорд», заведующие детсадов и поставщики продуктов питания. Начиная с конца октября участники движения начинают меньше апеллировать к департаменту и больше — к

заведующим.

ФОНД
«ВЦИОМ»

К. Б. Морозова
ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ МОЛОДЁЖНОЙ МОДЫ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА
(НА ПРИМЕРЕ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

МОРОЗОВА К. Б. – магистрант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: IXsusha@yandex.ru.

Цель работы: изучить и проанализировать тенденции молодёжной моды в контексте развития современного общества для выявления взаимосвязи тенденций молодёжной моды с формированием ценностей молодёжи и роли молодёжной культуры в современном обществе.

Итоги:

Авторская концепция молодёжной моды (в продолжение концепции эволюции моды Л. И. Ятиной [1]).

Таблица 1 Авторская концепция молодёжной моды

	«Золотой век» концепции	Социальная сущность моды	Способ создания образца	Лидеры моды (референтные группы)
Молодёжной моды	XXI век	Конструирование идентичности, посредством потребления образа	Образец создаётся ситуационно, к случаю, иногда заимствуется у блоггеров, «собирается» из секонд-хэндов, шоурумов; не зависит от диктуемых сверху трендов. молодёжь больше вдохновляется образами друг друга	Блоггеры, социальные сети, окружение (мода улиц), молодые дизайнеры

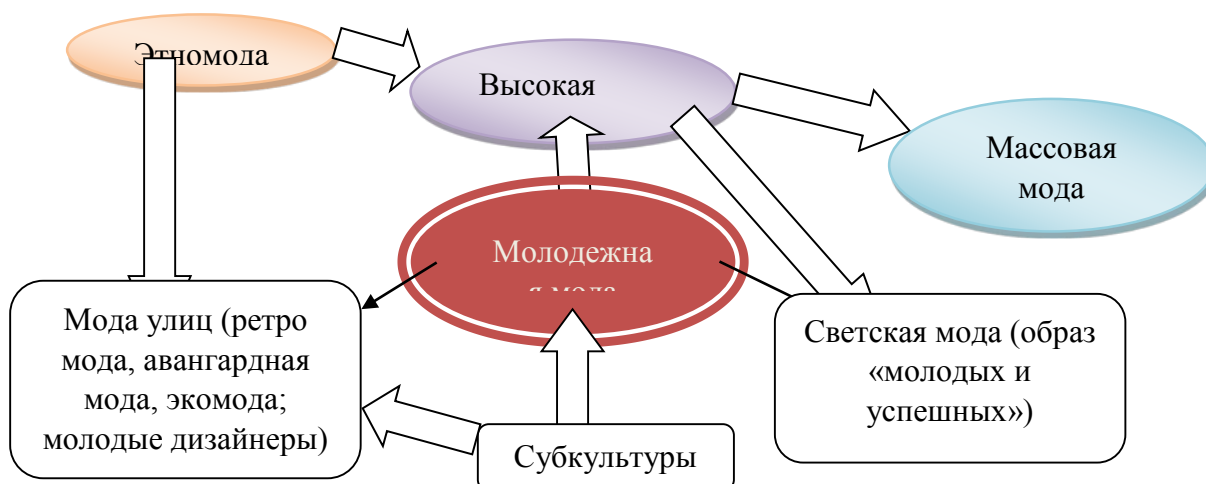

Схема 1 - Авторская схема формирования модных тенденций в современном обществе

Исследование проводилось в три этапа:

Этап 1. Изучение рынка масс-маркета методом контент-анализа.

Этап 2. Изучение модных блогов методом контент-анализа.

Этап 3. Интервью с респондентами.

Выводы

На первом этапе исследования я выявила основные тренды моды масс-маркета и соответствующие им характеристики (ценности)

Рисунок 1 – «Универсальная яркость» – выделяется из толпы

Рисунок 2 – «Городская скромница» является воплощением романтики большого города

Рисунок 3 – «Городская странница» покоряет городские джунгли

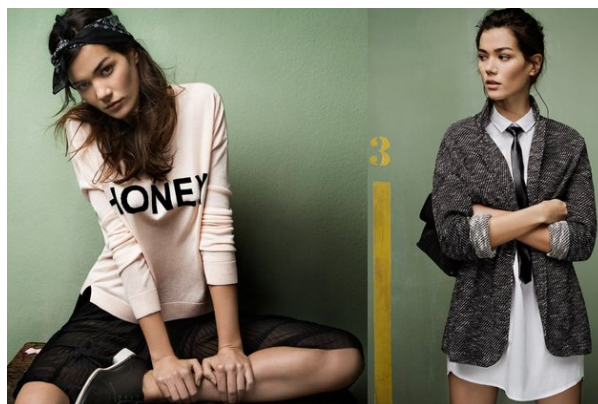

Рисунок 4 – «Рациональная барышня» – это творческая бизнес-леди

На втором этапе исследования я подтвердила наличие моды для молодёжи и молодёжной моды, исследовав модные блоги. Выявила тенденции моды блогов и те ценности, к которым апеллируют блоггеры.

Тенденции блогов для молодёжи

Рисунок 5 – «Яркая инфантилка» – также стремится выделиться из толпы и при этом она «уходит» в детство, инфантилизм, несерьёзность по жизни

Рисунок 6 – «Культурная особа»: ведение культурного светского образа жизни (посещение театров, выставок, галерей современного искусства и т. д.)

Рисунок 7 – «Светская странница» любит размеренные прогулки по городу, а также вращаться в светских кругах, и при этом быть независимой, решительной и самостоятельной особой

Рисунок 8 – «Деловая чудачка» – наличие творческой карьеры и воплощение городской творческой сумасшедшей

Молодёжные блоггеры и их ценности

Рисунок 9 – «Тусовщица»: несерьёзная работа, тусовочный образ жизни

Рисунок 10 – «Городская подруга»: быть «своей в доску», тусоваться со сверстниками, сочетать несочетаемое, вести активный спортивный образ жизни

Рисунок 11 – «Городской андеграунд»: отличаться от всех, выделяться своей «немодностью», несочетаемой странностью, вести праздный, несерьезный, инфантильный образ жизни

Рисунок 12 – «Уставшая от моды»: простота по жизни, андрогинность, популяризация городских субкультур, отрицание массового потребления, получение удовольствия от обыденности, простоты вещей, дешёвых путешествий, свободы от всего

На третьем этапе исследования было проведено у респондентов формализованное интервью, вопросы которого опирались на предыдущие два этапа исследования.

Таким образом, была подтверждена гипотеза о наличии влияния моды масс-маркета как популяризатора высокой моды на молодёжь, т. е. существования моды для молодёжи, а также – о существовании молодёжной моды, т. е. конструирование своего образа под влиянием иных вдохновителей (их конечно намного меньше). На основе этого были выделены (типизированы) группы респондентов (типизация, основанная на концепции Гофмана [2]), а также то, какие ценности преобладают в современном обществе.

Рисунок 13 – «Подражатели» – «романтика большого города»

Ценности: По таким девушкам можно судить о современных трендах высокой моды и о том, что сейчас можно найти в масс-маркетах. Именно эта категория девушек приносит основной доход торговым центрам. На современном этапе общественного развития основные ценности данной категории девушек – так называемая «романтика большого города», мобильность, частая смена социальных ролей (утром она студентка, вечером работает, встречается с подругами, а ночь проводит с парнем). Она подстраивается под ритм города, везде успевает и при этом хорошо, пусть даже несколько универсально, выглядит. Такая девушка должна быть лёгкой, простой, в гармонии с собой и окружением. Также путешествие является неотъемлемой ценностью модной девушки, следящей за современными тенденциями. Но это – «мобильная путешественница», она сочетается с ритмом большого города, в основе её предпочтений скорее не эстетическое наслаждение прогулками, а некий ярлык «свободной» странницы, образ путешественницы – как самоценность.

Рисунок 14 – «Местные лидеры» – «культурный» образ жизни, «творческий независимый клерк»

Ценности: Эта категория девушек также следит за тенденциями, но предпочитает самостоятельно сочетать и подбирать вещи, вне зависимости от их модности в этом сезоне. Основными ценностями таких модниц является культурный, духовно-обогащённый образ жизни, посещение закрытых и недоступных вечеринок (или самостоятельная организация таковых), мероприятий, а также выставок, музеев, театров и проч. Также – в работе для них важен стиль, т. е. «творческий независимый клерк» с возможностью самовыражения и креативными началами – важный приоритет данных девушек. В незначительной степени инфантильность, уход в детство, несерьёзность в отношениях, зависимость от старшего поколения – проявляется как приоритет жизненных принципов молодых девушек.

Рисунок 15 – «Инноваторы» – творческая профессия, путешествия как самоценность и процесс, вечеринки, тусовки

Ценности: Третья категория девушек (наименьшая по численности) также вдохновляется либо своим вкусом, либо музыкальными исполнителями, искусством, театром, либо молодёжными блогами и предпочитает одеваться исключительно в секонд-хендах, разыскивать вещи в шоу-румах и у молодых дизайнеров, а также покупать раз в полгода одежду в бутиках, стараясь обходить масс-маркет. Эта категория девушек, как правило, осведомлена о тенденциях, но едва ли они ей нужны, т. к. они сами полностью сочетают вещи, опираясь на собственный вкус. Одни из девушек, которые одеваются в бутиках и часто приобретают девайсы, являются лидерами исконно высокой моды, без примеси масс-маркета, т. к. они первые завладевают модной вещью. Другие девушки – инноваторы в образах, создаваемых вне масс-маркета, это могут быть зарождающиеся субкультуры или просто образ инакового модника. В ценностях таких девушек существует такая ориентация, как творческий работник, им важно, чтобы их работа, или их образ на работе был непременно творческим, креативным, отличным от «серой массы». Путешествия для таких девушек – тоже ценность, но они более размеренные, им важны новые открытия и впечатления, путешествия как самоценность и процесс. Вечеринки, тусовки, компании также являются приоритетными у таких девушек, быть всегда на виду и поддерживать статус нестандартных модниц – неотъемлемая часть их жизни.

«Отстающие» – ориентация на традицию, а не моду.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, изучая молодёжные блоги о моде и тренды масс-маркета, можно типизировать респондентов по их выбору модных образцов, следованию тенденций и, следовательно, выявить предпочтения тех или иных ценностей и выбора жизненных приоритетов.

Литература

- 1 Ятина Л. И. Мода глазами социолога. [Текст] / Л.И.Ятина. СПб, 2006. 175 с.
- 2 Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М., 2010. 228 с.
- 3 Рис.1: <http://www.riverisland.com/>
- 4 Рис. 2: <http://www.zara.com/ru>

- 5 Рис. 3: <http://www.topshop.com/>
- 6 Рис. 4: <http://www.berushka.com/>
- 7 Рис. 5: <http://onlystylishpeople.blogspot.ru/>
- 8 Рис. 6: <http://fashion-daily.livejournal.com/>
- 9 Рис. 7: <http://kyklamasha.com/>
- 10 Рис. 8: <http://sofiegoesaround.com/>
- 11 Рис. 9: <http://www.alexandrafedorova.com/>
- 12 Рис. 10: <http://www.dasharosenfeld.com/>
- 13 Рис. 11: <http://shmotomodo.ru/>
- 14 Рис. 12: <http://www.you-true.ru/>
- 15 Рис. 13–15. Фото, присылаемые респондентами в ответе на последний вопрос интервью.

М. А. Николаева

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И СЕТЕВАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА:
ТЕОРИЯ И ЛОГИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

НИКОЛАЕВА М. А. – аспирант РАНХиГС, заместитель заведующего кафедрой Брянского филиала РАНХиГС. E-mail.ru: ma_nikolaeva32@mail.ru.

На современном этапе развития экономической системы встал вопрос поиска новых механизмов управления регионами для обеспечения высокой конкурентоспособности территории и роста качества жизни населения. Значимость здесь вопроса управления в классическом понимании как воздействие субъекта на объект минимальна, на первый план выступает проблема взаимодействия органов управления регионом и граждан как субъектов институциональной среды.

Указанные проблемы становятся результатом усложняющихся социальных изменений, под их влиянием создается новая доминирующая социальная структура – сетевое общество; новая экономика, которую М. Кастельс называет «информациональной» глобальной и новой культурой – культурой «реальной виртуальности». По мнению М. Кастельса, информационное общество отличается от индустриального тем, что оно стремится не к производству товарной массы из всех доступных сырьевых источников, а к богатству знаний, черпаемых из информационных ресурсов, в целях максимального использования высокоразвитой техники для удовлетворения запросов её пользователей [1, с.283]. Переход к информационному обществу накладывает особый отпечаток на структурирование регионального пространства – на смену иерархии территорий приходит так называемая «сетевая организация». Эта проблема решается в условиях перехода к сетевому обществу и обществу электронных социальных сетей, способных уже сегодня создавать почву для организации коллективного действия и развития социального капитала.

Нами был проведён экспертный опрос взаимодействия органов государственной власти региона и граждан в социальных сетях на материалах Брянской области. Нами были опрошены сотрудники органов государственной власти, которые проходили профессиональную переподготовку на курсах повышения квалификации в Брянском филиале «Российской

академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

В результате анкетирования мы получили следующие данные.

Среди опрошенных не было тех, кто вообще не использует интернет в своей жизнедеятельности. 90% респондентов проводят в интернете до 10 часов в неделю, 10% – 11–20 часов в неделю. 75% опрошенных ежедневно используют интернет в своей работе, это говорит о том, что интернет-ресурсы достаточно активно используются государственными гражданскими служащими не только в повседневной жизни, но и в работе. Поэтому следует отметить, что взаимодействие органов государственной власти региона с гражданами в социальных сетях не будет являться новой технологией и вызывать сложности у государственных гражданских служащих. Что подтверждается ответами на вопрос об уровне использования IT-технологий в организациях респондентов, в котором предлагалось оценить уровень использования IT-технологий по 10-балльной шкале (где 1 – организация безнадежно отстала, 10 – идёт в ногу со временем). Средний балл составил 8 баллов, что означает достаточно высокий уровень технологичности органов государственной власти Брянской области. Это также подтверждается ответами на вопросы, связанные с тенденциями более активного взаимодействия органов государственной власти с гражданами в электронной форме. Так, на вопрос «Существует ли в Вашей организации интернет-приёмная для общения с гражданами и рассмотрения обращений?» наибольшее количество респондентов ответили «да», что составило 40%, хотя 32% затруднились ответить, что может свидетельствовать о некоторой незаинтересованности государственных гражданских служащих возможностями электронного взаимодействия с гражданами. Что подтверждается и при ответе на вопрос «Считаете ли Вы, что общение органов государственной власти с гражданами стало более частым в электронной форме по сравнению с непосредственным общением на приёмах в последнее время?» – 32% респондентов затруднились ответить на этот вопрос, чуть меньше ответивших выбрали ответ «да» (25%) или склонялись к ответу «скорее да, чем нет» (25%).

Следует отметить, что в органах государственной власти Брянской области наблюдается приверженность к более традиционным формам взаимодействия с гражданами, т. к. при ответе на вопрос о наиболее удобном способе общения граждан с представителями органов государственной власти 35% респондентов выбрали ответ «личное обращение на приёме», 25% ответили «отправить письмо по почте», 20% отметили как наиболее удобный способ – «телефонный разговор», и только 15% выбрали ответ «оставить обращение на официальном сайте» и 5% – ответ «связаться по электронной почте». Вариант ответа «написать в группе в социальных сетях» не выбрал никто из опрошенных. Это свидетельствует о недооценивании ресурсов электронного взаимодействия в социальных сетях, т. к. таких групп, сообществ пока не существует.

На сегодняшний день результаты исследования показывают, что в органах государственной власти Брянской области наиболее часто среди интернет-ресурсов используется официальный сайт организации и сайты коллег, так ответили 80% респондентов. Это показывает, что для органов государственной власти региона важны такие понятия, как «информационная доступность своей организации», «готовность к взаимодействию». Но необходима более активная, чем в большинстве своём статичный официальный сайт организации, информационная площадка для взаимодействия. Такой площадкой могли бы стать социальные сети – 30% респондентов выбрали социальные сети, как наиболее часто посещаемый ресурс. Это подтверждается ответами на вопрос об отношении к социальным

сетям. Респондентам было предложено отметить на 10-балльной шкале своё отношение к социальным сетям (где 1 – отрицательное, 10 – положительное, 5 – нейтральное). Средний балл получился – 7, что говорит о смещении ответов в сторону положительного отношения к социальным сетям. Также большинство респондентов принимает участие в общении в социальных сетях, что составило 78%, причём большая часть из них – достаточно активно.

Далее следовало непосредственно изучение отношения респондентов к взаимодействию органов государственной власти и граждан в социальных сетях. Были получены следующие данные. При ответе на вопрос «Считаете ли Вы необходимым ведение личных страниц, блогов руководителями органов государственной власти региона в социальных сетях?» 50% респондентов склонились к ответу «скорее да, чем нет», 30% затруднились ответить, 10% ответили «да, это позволит установить диалог между властью и обществом», 10% выбрали ответ «скорее нет, чем да». Можно сделать вывод, что даже среди государственных гражданских служащих назрела потребность к большей информационной открытости и доступности руководителей органов государственной власти региона.

При ответе на вопрос «Считаете ли Вы необходимым создание групп (сообществ) граждан в социальных сетях для взаимодействия с органами власти?» 40% респондентов затруднились ответить, 25% – выбрали ответ «считаю необходимым для органов государственной власти и граждан», по 15% респондентов выбрали ответы: «считаю необходимым для эффективной работы органов государственной власти» и «считаю необходимым для граждан», только 5% ответивших не считают необходимым создание подобных сообществ. Надо отметить, что большинство респондентов всё-таки видят необходимость сетевого взаимодействия органов государственной власти и граждан. Это подтверждается при ответе на вопрос «Состоите ли Вы в сообществе (-ах), объединяющем (-их) граждан и органы государственной власти по какой-либо социально значимой проблеме в Интернете?». 30% респондентов выбрали ответ «нет, но хотелось бы вступить», что подтверждает необходимость создания такого сообщества. Конечно, ответ «да», не выбрал никто, т. к. ранее при ответе на вопрос о том, слышали ли респонденты об опыте взаимодействия органов государственной власти и граждан в сообществах в социальных сетях в Брянской области, только 5% ответили «да», указав сетевой ресурс «РосЯма.ru». Но этот ресурс мы не принимаем к рассмотрению, т. к. он общероссийский, а вопрос был задан о Брянской области.

Также почти все респонденты проявили активность (95%) при выборе функций интернет-сообщества граждан в социальных сетях. При ответе на вопрос «Какие функции, на Ваш взгляд, должно выполнять интернет-сообщество граждан в социальных сетях?» ответы распределились следующим образом:

- информировать в онлайн-режиме о событиях, происходящих в регионе – 50%;
- собирать фото-, видеоматериалы о проблемах, существующих в регионе – 45%;
- проводить обсуждения значимых для жизни граждан вопросов – 40%;
- принимать и отправлять жалобы и обращения граждан – 40%;
- проводить консультации для граждан – 35%;
- затрудняюсь ответить – 5%;

Таким образом, полученные результаты исследования показывают, что интерес к социальным сетям у государственных гражданских служащих достаточно высок, отношение в целом положительное; считается, что необходимо выстраивать диалог между органами

государственной власти и гражданами в т. ч., посредством социальных сетей, но оценка необходимости и эффективности сообществ граждан в социальных сетях сложна, т. к. примеров подобных сообществ пока нет.

Литература

- 1 Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.

О. В. Пелевина
СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КИБЕРРЕЛИГИОЗНОСТИ

ПЕЛЕВИНА О. В. – кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения и истории Амурского государственного университета. E-mail: olpelevina@gmail.com.

В российской и зарубежной социологии религии тема изучения религиозности не теряет своей актуальности и сохраняет дискуссионный характер. Сторонники классического подхода признают, что для выявления религиозности следует придерживаться объективной позиции и фиксировать религиозную принадлежность субъекта через его участие в культовых действиях. При этом обращают внимание на соответствие поведения верующего каноническим предписаниям. Сторонники постклассической концепции основным критерием религиозности считают самоидентификацию личности. Сложность изучения религиозности обусловлена рядом факторов. В частности, затруднительно эмпирически зафиксировать религиозную мотивацию людей. Изучение религиозности требует от исследователя высокой профессиональной подготовки, знания истории и современного состояния вопроса, культурной специфики. С появлением интернет-технологий возник новый тип религиозности – киберрелигиозность.

Интернет стал неотъемлемой частью жизни современного человека. Активно новые технологии используют представители религиозных организаций. Интернет востребован традиционными конфессиями, новыми религиозными движениями. Религиозные организации восприняли интернет как способ для осуществления миссионерской работы. Виртуальное пространство стало удобной площадкой для общения представителей внеинституциональных религий, квазирелигий. Соответственно в настоящее время существуют религиозные группы в популярных социальных сетях и религиозные онлайн-сообщества. Появились многочисленные исследования религиозного интернет пространства.

Интернет-технологии дают новые возможности для осуществления деятельности различным типам религиозных сообществ. В частности, под влиянием новых технологий трансформируются языческие верования. За две тысячи лет противостояния христианству, соперничавшие с ним в границах европейской культуры языческие системы сумели выстоять. Со второй половины XX в. позиции язычества укрепились. Появление глобальной сети и широкодоступных практик общения в ней создали условия для самоорганизации религиозных сетевых сообществ языческого толка. Неоязычники получили возможность обмениваться знаниями, обсуждать значения ритуалов и амулетов, играть в ролевые онлайн игры, участвовать в спорах с христианами. В сети существует очень большое количество форумов, блогов, сайтов с языческой тематикой. Языческие группы активно представлены в социальных

сетях.

Новые формы приобретают архаические верования, например, шаманизм. Шаманизм – одна из древнейших форм религии, основывающаяся на вере в одушевлённость существующих в мире вещей, существование духов и способность шамана входить с ними в контакт во время особого экстатического ритуала – камлания. Во многих регионах мира до середины XX в. шаманизм утрачивал свои позиции. В России шаманизм является автохтонной религией бурятов, эвенов, эвенков, чукчей, хакасов и других народов. Основы шаманизма у этих народов впервые пошатнулись под влиянием миссионерской деятельности Русской православной церкви в XVIII–XIX вв. В XX в. шаманизм в России практически исчез под влиянием политики советской власти. Возрождение шаманизма стало наблюдаться в 1990-е годы, появилось понятие «неошаманизм». В Бурятии, Якутии, Тыве, Калмыкии стали появляться объединения шаманов, особые ассоциации. По мнению исследователей, возможность появления таких ассоциаций стала возможна благодаря развитию компьютерных технологий, мобильной телефонной связи, появлению киберпространства. «Активно используя все эти технологии и, в частности, интернет, современные шаманы объединяются между собой, общаются с шаманами других регионов и стран, рекламируют свои услуги, размещая электронные странички с биографиями шаманов, видеозаписи камланий и объявления о проведении крупных обрядов и конференций...» [1].

Широкое распространение новых религиозных движений во многом обязано именно интернету. Если представители традиционных религий не сразу оценили преимущества сетевого распространения веры, поначалу предостерегая паству от вредоносного влияния виртуального пространства, лидеры и последователи неорелигий активно использовали киберпространство для проведения миссионерской политики. Специфика некоторых новых религиозных движений состоит в слабой институционализированности религиозных сообществ. В частности, многие неоориенталистские движения, представленные в России, предполагают индивидуальную практику медитации, не требующую обязательного присутствия единоверцев. А потребность в общении с единоверцами и необходимость обмена опытом время от времени удовлетворяется посредством интернета. В этом случае использование интернет-ресурсов может быть успешно задействовано в научном исследовании современных религиозных сообществ.

Традиционные религии активно используют интернет для осуществления культовых и внекультовых действий, отправления молитв, паломничества. Традиционные конфессии стремятся к качественному реформированию с целью привлечения современных сторонников. Например, иерархи католической церкви рассматривают интернет-технологии в качестве средства организации коммуникации между членами церкви и установления диалога с современным миром. Ватикан ориентирует священнослужителей быть более открытыми современности и активно использовать новейшие средства коммуникации [2].

Православные интернет-ресурсы также обширны и разнообразны. В рунете, например, представлены официальные материалы Русской православной церкви, индивидуальные странички православных пользователей, новостная информация, многочисленные форумы. Тематически и функционально современное русскоязычное православное киберпространство обширно. На сайтах разбираются разнообразные житейские ситуации, с которыми может столкнуться верующий. Обсуждаются темы борьбы с человеческими грехами. Рассказывается о семейных обязанностях христианина. Большое количество информации для детей. Отдельные странички посвящаются общению современных православных женщин. Помимо услуг повседневно-житейского характера, православный интернет предлагает свои ресурсы для

виртуального осуществления культовой практики. На сегодняшний день Русская православная церковь активно использует киберпространство в качестве серьёзного инструмента миссионерской деятельности.

Отечественные социологи религии отмечают, что формирование и распространение нового типа религиозных общин и киберрелигиозности в информационном пространстве является знаковой спецификой современности. На сегодняшний день прогнозирование будущего религий киберпространства и их соотношение с религиями реального мира является важнейшей задачей изучения интернет-религиозности. На сегодняшний день существует потребность академического изучения религий киберпространства в контексте новых теорий и методов изучения. Западные специалисты, например, прогнозируют рост религий и духовных учений, склонных к децентрализации, поскольку в интернете общение выстроено преимущественно по горизонтали. Существует мнение, что интернет-религии смогут оказать влияние на религии вне сети.

Литература

- 1 Забияко А. П., Воронкова Е. А., Лапин А. В., Пратына Д. А. и др. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, библиотека журнала «Религиоведение», 2012. 208 с.
- 2 Каргина И. Г. ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2012 № 6. С. 107–115.
- 3 Сухоруков В. В., Тихонова С. В. Религиозность пользователей социальных сетей как теоретическая и эмпирическая проблема социологии // Религиоведение. 2012. № 2. С. 155–162.

А. Г. Санина, С. И. Чулкова

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОТКРЫТОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

САНИНА Анна Георгиевна – кандидат социологических наук, доцент департамента государственного администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, приглашённый сотрудник Лаборатории интернет-исследований, руководитель научно-учебной группы «Экономика и социология изменений». E-mail: anna.g.sanina@gmail.com.

ЧУЛКОВА Софья Игоревна – студентка 4 курса департамента государственного администрирования Санкт-Петербургского филиала Национального Исследовательского Университета «Высшая школа экономики», стажер-исследователь Лаборатории интернет-исследований, стажер-исследователь научно-учебной группы «Экономика и социология изменений». E-mail: soneka6@yandex.ru.

В настоящее время социальные сети – это один из самых популярных способов общения, как в повседневной жизни, так и в различных сферах жизнедеятельности – экономической, политической, социальной и т. д. Интернет становится пространством рутинного формирования огромного количества значений, посредством создания и потребления которых реализуется переход от коммуникационной модели «от одного – ко многим» к коммуникационной модели «многие – многим» [1]. Современные исследования [2–

5] показывают, что социальные сети, блоги и новые медиа обладают потенциалом демократизации, а также что использование этих новых политических средств коммуникации способно изменить отношения между государством и обществом: повысить индивидуальные и коллективные оценки доверия к государственным институтам; способствовать формированию инклюзивной национальной идентичности и становлению сопричастной гражданской позиции. Данные тенденции становятся тем более интересными для изучения, чем интенсивнее в интернете получают распространение новые формы политической коммуникации, в частности, «неофициальные представительства» органов власти в социальных сетях.

В последние годы мы можем наблюдать значительный рост использования социальных сетей (Facebook, Twitter, MySpace и т. д.) чиновниками для различных целей: от получения отзыва о выполнении работы комитетами до прямого общения с горожанами по интересующим их вопросам, например, мест для парковки или строительства супермаркета на определённом участке. Такое сотрудничество, если оно успешно и содержательно, безусловно способствует соблюдению основных демократических принципов (гласности, публичности и прозрачности), на которых и строится система Открытого Правительства. Не менее важным эффектом сетевого общения является преодоление кризиса доверия власти, который на данный момент существует во многих странах, в т. ч. и в России. Социальные сети как инструмент взаимодействия с гражданами применяется на практике во многих странах мира, в т. ч. в США, Великобритании, Канаде и Сингапуре, что означает, что социальные сети – важный аспект в массовом решении вопросов общественного значения. Это является одной из основополагающих черт Открытого Правительства, заявленных, в т. ч. на сайте: <http://open.gov.ru>.

Однако для того, чтобы говорить об успешности применения социальных сетей как инструментов формирования Открытого Правительства в нашей стране (или хотя бы о позитивных тенденциях их использования), необходимо ответить на следующие вопросы:

- 1 Насколько страницы в социальных сетях позволяют реализовать обратную связь с органами власти?
- 2 Становится ли более понятной деятельность органов власти для граждан через презентацию их работы в социальных сетях?
- 3 Есть ли возможность реализации общественного контроля через социальные сети?
- 4 Как влияет аккаунт в социальных сетях на имидж органа власти?
- 5 Кто является участниками страниц в социальных сетях, организованных органами власти? Можно ли говорить о сильных и слабых связях между участниками внутри сетевых сообществ и между ними?

Ответам на эти вопросы посвящено наше исследование, основанное на анализе таких социальных сетей, как «Твиттер» (<https://twitter.com>) и «Вконтакте» (<http://vk.com>). Исследование было проведено в ряд этапов.

- 1 Этап систематизации данных по основным комитетам и администрациям района, их сотрудникам в Санкт-Петербурге.
- 2 Этап поиска индивидуальных и групповых аккаунтов чиновников и государственных структур в Твиттере и Вконтакте.

- 3 Этап анализа данных с помощью программ сетевого анализа и статистической обработки данных на предмет коммуникативной, контекстуальной и инструментальной специфики использования социальных сетей чиновниками в Санкт-Петербурге.
- 4 Этап интерпретации данных и выработки рекомендаций для отделов и специалистов комитетов, занимающихся связями с общественностью, на тему использования социальных сетей чиновниками в их работе.

Методология данного исследования включает в себя качественные и количественные методы:

- Анализ сайта Правительства Санкт-Петербурга: <http://gov.spb.ru/gov/admin>.
- Систематизацию данных о чиновниках, комитетах и администрациях районов в единую таблицу (с указанием ID чиновников, групп).
- Сетевой анализ данных с помощью программ «VKMiner ver. 9» (разработана Лабораторией интернет-исследований Санкт-Петербургского филиала Национального Исследовательского Университета «Высшая Школа Экономики») и «Node XL». Статистическая обработка данных была произведена с помощью программы SPSS. Количество групп «Вконтакте», анализируемых программой «VKMiner», составляет 13, а чиновников из комитетов и администраций районов города Санкт-Петербурга – в 270 человек. Число аккаунтов, анализируемых посредством «Node XL», составляет 21.

Литература

- 1 Landow G. P. Hypertext 2.0: the convergence of contemporary critical theory and technology. Baltimore: John Hopkins University Press, 1997.
- 2 Blumler J. G., Gurevitch, M. The new media and our political communication discontents: democratizing cyberspace // Information, Communication & Society. 2001. № 4(1). P. 1–13.
- 3 Papacharissi Z. The virtual sphere: the internet as a public sphere // New Media & Society. 2002. №4(1). P. 9–27
- 4 Kaltenborn-Stachau H. The Missing Link: Fostering Positive Citizen-State Relations in Post-Conflict Environments. The World Bank Communication for Governance & Accountability Program (CommGAP). 2008. URL: <http://siteresources.worldbank.org/EXTGOVACC/Resources/CommGAPMissingLinkWeb.pdf> (дата обращения: 01.02.2015).
- 5 Mummery J., Rodan D. The role of blogging in public deliberation and democracy // Discourse, Context and Media. 2013. № 2. P. 22–39.

А. В. Семёнов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СБОРА, АНАЛИЗА И ВИЗУАЛИЗАЦИИ СЕТЕВЫХ ДАННЫХ ИЗ «ТВИТТЕРА»

НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕНИЙ О МИТИНГАХ НА ПРОСПЕКТЕ САХАРОВА И ПОКЛОННОЙ ГОРЕ 24 ДЕКАБРЯ 2011 ГОДА

СЕМЁНОВ Александр Владимирович – младший научный сотрудник Международной Лаборатории Прикладного Сетевого Анализа НИУ ВШЭ. E-mail: semenoffalex@gmail.com.

Серию политических митингов, начавшихся с протеста против результатов выборов в Государственную Думу Российской Федерации, часто сравнивают с «арабской весной» – волной революций, которые начались в декабре 2010 г. в некоторых арабских странах (Тунис, Египет, Ливия и т. д.). Это связано прежде всего с тем, что, как и в случае арабской весны, основным каналом для обмена информацией и координации между оппозицией были онлайн социальных сетей и в частности «Twitter».

«Twitter» является одним из самых популярных объектов исследования среди онлайн социальных сетей в связи с открытым характером общения, где пользователи публикуют и обмениваются короткими текстовыми сообщениями, которые часто содержат гиперссылки, картинки и видеоматериалы. Кроме основного функционала, «Twitter» предоставляет несколько дополнительных возможностей для взаимодействия между пользователями в виде ответов на записи других пользователей и копирования их к себе (ретвит). Мы использовали данный функционал, чтобы построить несколько типов сетей взаимодействия между пользователями: сеть "ответов", "ретвитов" и "упоминаний", и проанализировали их топологические свойства, позиции и характеристики ключевых пользователей, динамику распространения информации и структуру обсуждаемых тем.

Хотя уже есть достаточное количество публикаций по «Твиттерным революциям» в целом [1–8], исследования данного феномена в России пока ещё являются большой редкостью [9]. Таким образом, данный доклад представляет собой первую попытку систематизации опыта по сбору, анализу и визуализации данных о коммуникационных сетях «Twitter» во время протестных митингов в Москве 24 декабря 2011 г.

Мы собрали данные во время митингов в Москве 24 декабря 2011 г. Мы выбрали именно этот день в связи с тем, что на него были запланированы два крупных митинга. Один из них состоялся на Проспекте Сахарова и был организован политической оппозицией, и другой был организован правительством и проходил на Поклонной Горе. Эта комбинация из двух масштабных митингов диаметральной политической направленности, предоставила уникальную возможность сравнить, каким образом две противоположные политические силы отразились на сетях коммуникации в «Твиттере».

Мы собрали данные из двух источников: «Twitter Streaming API» и «Firehose», предоставленный сервисом «DataSift». Первый источник данных из «Twitter» является бесплатным и предоставляет возможность для сбора 1% выборки сообщений из Твиттера, соответствующей поисковым запросам, в реальном времени. «DataSift» является коммерческим поставщиком данных «Twitter», который даёт доступ к полному потоку твитов в реальном времени. Сочетание обоих источников данных даёт нам надёжное основание считать, что нами был собран наиболее репрезентативный набор данных, посвящённых данным митингам.

Таблица 1 – Описательная статистика собранных данных

Источники	Кол-во сообщений	Дата начала сбора	Время начала сбора	Дата конца сбора	Время конца сбора	Ответы/ Replies	Ретвиты / Retweets	Упоминания / Mentions
Firehose	17209	23/12/2011	07:59:00	25/11/2011	00:30:00	323	923	1779
Streaming API	21818	24/12/2011	00:00:00	24/12/2011	23:56:00	1566	5573	6508

В качестве ключевого слова, по которому производился поиск был использован хэштег «#24дек». Он был выбран в связи с тем, что предыдущие политические митинги также использовали в качестве основного хэштега конструкцию из числа и месяца, поэтому данный хэштег был наиболее вероятным кандидатом. Также он был абсолютно нейтрален по смыслу, что позволяло всем участникам его использовать и тем самым повышало шансы собрать высказывания в Твиттере от максимального числа участвующих сторон.

Основываясь на этих данных, мы проанализировали и визуализировали сети обсуждения и распространения информации, а также проанализировали наиболее популярные материалы (статьи в СМИ, записи в блогах, фотографии, видеоматериалы и т. д.), на которые ссылались пользователи «Твиттера» в своих сообщениях.

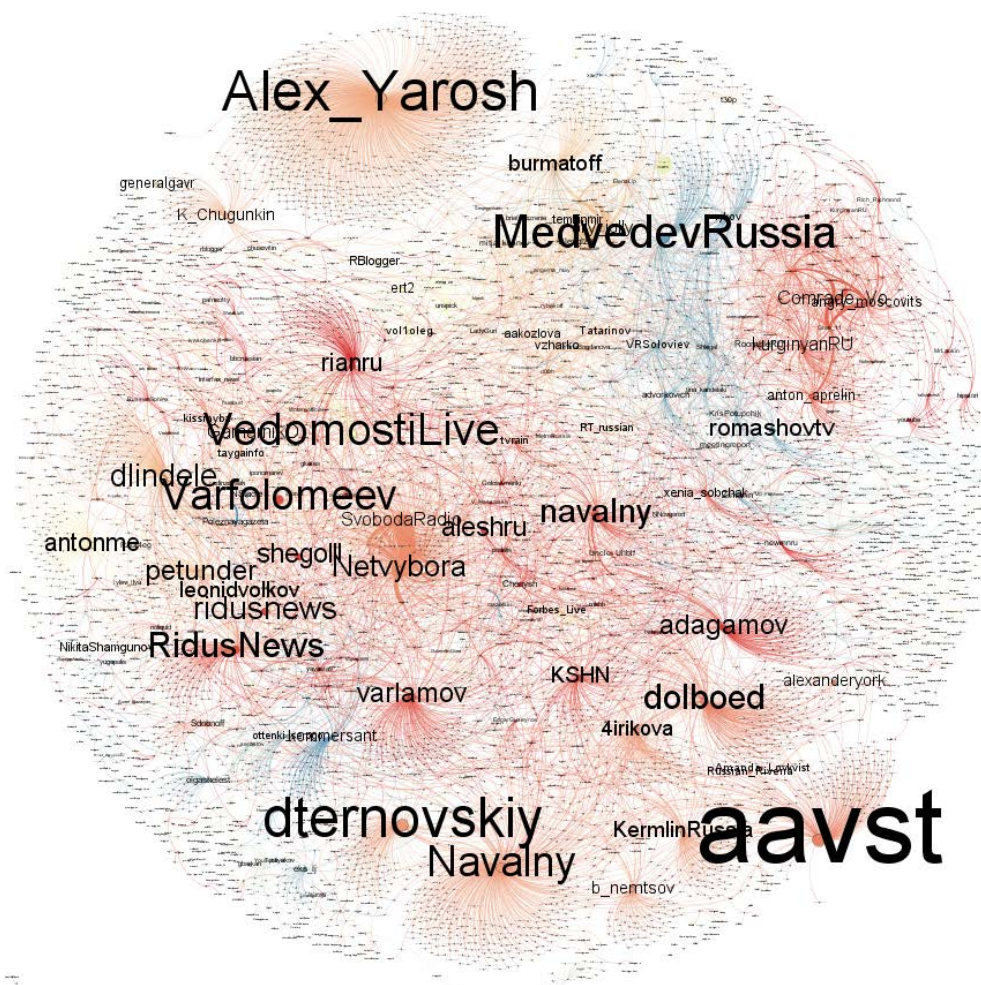

Рисунок 1 – Визуализация сети упоминаний пользователей «Твиттера» во время митингов 24.12.2011

Основная цель исследования состояла в анализе и визуализации сетей для различных видов коммуникации в «Твиттере» по поводу протестных митингов, определении "дискуссионного ядра" ключевых участников, основных источников распространения информации и наиболее популярных материалов. Мы также сравнили наши результаты с другими подобными исследованиями протестных движений в «Twitter».

Среди ключевых результатов исследования можно обозначить следующие: незначительное количество дискуссий между пользователями, неглубокое проникновение распространяемой информации по сети, значительные различия между ключевыми пользователями в сетях обсуждения и распространения информации. Также в рамках доклада будет освещены особенности всех этапов сбора, анализа и визуализации данных в рамках данного примера.

Литература

- 1 Aday, S., H. Farrell, D. Freelon, M. Lynch, J. Sides, and M. Dewar. 2013. «Watching From Afar: Media Consumption Patterns Around the Arab Spring» // *American Behavioral Scientist*. № 57 (7). P. 899–919. doi:10.1177/0002764213479373. URL: <http://abs.sagepub.com/cgi/doi/10.1177/0002764213479373>.
- 2 Aday, Sean, Henry Farrell, Marc Lynch, John Sides, and Deen Freelon. 2012. «New Media and Conflict After The Arab Spring.»
- 3 Bruns, a., T. Highfield, and J. Burgess. 2013. «The Arab Spring and Social Media Audiences: English and Arabic Twitter Users and Their Networks.» *American Behavioral Scientist* 57 (7): 871–98. doi:10.1177/0002764213479374. <http://abs.sagepub.com/cgi/doi/10.1177/0002764213479374>.
- 4 Comunello, Francesca, and Giuseppe Anzera. 2012. «Will the Revolution Be Tweeted? A Conceptual Framework for Understanding the Social Media and the Arab Spring.» *Islam and Christian–Muslim Relations* 23 (4): 453–70. doi:10.1080/09596410.2012.712435. <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09596410.2012.712435>.
- 5 Hermida, Alfred, Seth C. Lewis, and Rodrigo Zamith. 2014. «Sourcing the Arab Spring: A Case Study of Andy Carvin’s Sources on Twitter During the Tunisian and Egyptian Revolutions.» *Journal of Computer-Mediated Communication* 19 (3): 479–99. doi:10.1111/jcc4.12074. <http://doi.wiley.com/10.1111/jcc4.12074>.
- 6 Lotan, Gilad, Mike Ananny, Devin Gaffney, and Danah Boyd. 2011. «The Revolutions Were Tweeted : Information Flows During the 2011 Tunisian and Egyptian Revolutions Web Ecology Project Web Ecology Project.» *International Journal of Communication* 5: 1375–1405.
- 7 Rane, Halim, and Sumra Salem. 2012. «Social Media, Social Movements and the Diffusion of Ideas in the Arab Uprisings.» *Journal of International Communication* 18 (1): 97–111. doi:10.1080/13216597.2012.662168. <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13216597.2012.662168>.
- 8 Wilson, Christopher. 2011. «Digital Media in the Egyptian Revolution : Descriptive Analysis from the Tahrir Data Sets.» *International Journal of Communication* 5: 1248–72.
- 9 Nikiporets-Takigawa, Galina. 2013. «Tweeting the Russian Protests.» *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasioan and Central European New Media* 9 (2013): 1–25.

Д. И. Скиданова
ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ
«ВКОНТАКТЕ» НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА КРУПНЕЙШИХ ОНЛАЙН СООБЩЕСТВ (ПАБЛИКОВ)

СКИДАНОВА Д. И. – 3 курс, кафедра социологии управления РАНХиГС.
Email: dashaskidanova@yandex.ru.

Социальные сети стали неотъемлемым элементом жизни миллионов человек, а особенно молодёжи. Сегодня на этот аспект нельзя не обратить внимание, ведь определённая «часть» жизни социума перешла в «онлайн». В связи с этим встаёт вопрос, можно ли изучать современное общество через социальные сети? Если да, то какие инструменты использовать?

В своём докладе мы рассмотрим способ изучения аудитории в социальной сети «ВКонтакте». Проанализировав её структуру, мы выявили два возможных направления исследования. Во-первых, анализ «позиционирования» пользователями себя в социальной сети (через способ и характер заполнения личной страницы), во-вторых, анализ крупнейших сообществ по интересам (пабликов), социальных отношений, формирующихся в подобных сообществах.

Последнее направление представляется особенно интересным для исследования, т. к., во-первых, через данные статистики можно проследить ежедневный «онлайн» поток тысяч человек. Во-вторых, при изучении позиционирования индивидов в социальных сетях мы не располагаем эмпирическими данными о том, насколько информация, публикуемая пользователями в профиле, соответствует их реальному представлению о тех или иных вопросах. В связи с этим, исследование ценностных ориентаций пользователей в социальной сети целесообразно осуществлять методом анализа наиболее популярных в сети пабликов (сообществ).

Проанализировав сообщества в социальной сети «ВКонтакте», можно выявить следующие тенденции:

1 Пользователь ярко ориентирован на развлекательный контент;

Хотя паблики языковых, бизнес и других образовательных направлений относительно многочисленны (есть сообщества, где подписчиков более миллиона), в общем пласте подобных объединений они в меньшинстве (среди 39 самых крупных пабликов «ВКонтакте» 1 относится к категории «Наука и образование») [1].

2 Обратная связь преимущественно строится на анализе «лайков» и «репостов».

Кроме того, при проведении исследования данным методом мы сталкиваемся с двумя проблемами:

- 1 Отсутствие открытых данных о количестве предполагаемых «ботов» в общей совокупности подписчиков сообщества;
- 2 Отсутствие данных о среднем количестве пабликов, просматриваемых одним пользователем за один день. В связи с этим, мы не можем точно сказать, сколько человек за какой временной период уделяет внимание тому или иному сообществу, а значит и той или иной информации [3].

Таким образом, проанализировав популярные паблики социальной сети «ВКонтакте», мы выяснили, что данный способ исследования позволяет значительно расширить представления о социальных характеристиках пользователей социальной сети. Однако получить достоверные результаты представляется возможным только в условиях кооперации с администрацией социальной сети «ВКонтакте». Т. к. только с её помощью есть возможность узнать долю «ботов» в общей совокупности сообщества, а, следовательно, «отсеять» искусственную аудиторию нашего исследования, тем самым уменьшив погрешность данных при таком исследовании.

Литература

- 1 <http://9net.ru/53-public-vk.html>
- 2 <http://www.likeni.ru/events/Issledovanie-auditoriya-sotsialnykh-setey-v-Rossii/>
- 3 http://vk.com/exchange?act=community_search&sort=size (ссылка просматривается при регистрации рекламного кабинета; открывается доступ к рекламной статистике всех сообществ сети (возрастной состав, пол, охват аудитории))
- 4 Сенаторов А. А. Битва за подписчика «ВКонтакте»: SMM-руководство. М.: Альмина Паблишер, 2014. 168 с.

Е. Г. Смолина

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК НЕФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

СМОЛИНА Е. Г. – аспирант 3-го года обучения Волгоградского филиала РАНХиГС (специальность 22.00.08. "Социология управления"). E-mail: Salvator-lux@yandex.ru.

Использование интернета как технического средства коммуникации, обеспечивающего среду для интерактивного взаимодействия пользователей по всему миру, входит в повседневную жизнь всё большего числа людей. При этом наибольшую значимость в качестве связующего элемента такого взаимодействия приобретают социальные сети в интернете – сервисы, своими инструментами позволяющие находить контакты других людей и поддерживать социальные связи онлайн. Социальные сети сделали возможным возникновение новых категорий взаимоотношений с невысоким уровнем взаимных обязательств и фундаментально изменили то, как мы живём, работаем и взаимодействуем. В атмосфере постоянного виртуального присутствия у человека появилось новое желание – перейти в состояние off, перестать быть доступным по всем каналам связи, отключиться, побыть наедине с собой.

Слоган «off is a new emotion» впервые озвучил Саймон Уотерфол – креативный директор, основатель агентств «РОке» и «Fray», президент D&AD в 2007–2008 гг.

В 2011 г. Саймон читал лекцию "Будущее-2", в которой перечислил десять свойств будущего. Десятым трендом шло желание перейти хотя бы на некоторое время в состояние «off». В заключительной части выступления Саймон задаёт вопрос: "Сможем ли мы спроектировать новую эмоцию будущего? Какова будет новая ценность? Всё соединено, всё

включено, всё очень быстро. Всё это мне не нужно. Я хочу выключить мой телефон, мой Foursquare, мой Twitter. Я хочу выключить всё. Off is a new emotion".

Понимание механизмов рекламы, медиа и новейших интернет-технологий для обретения самосознания в новом мире привело к появлению медиаскеттики, целью которой является получение умения осознанного использования современных технологий и медиа для обустройства осознанной жизни в современном мире.

Появление медиаскеттики обусловлено и тем, что для самоидентификации человеку необходимы время, пространство и физическое тело. Интернет — это нефизический мир, в нём нет физических ощущений. Потому человек в социальной сети не способен познать себя полностью, он может только наблюдать вне зависимости от его пассивного или активного состояния. Даже эмоции, которые сегодня выражаются в интернете посредством большого количества стилизованных графических изображений, не являются полноценными. Люди представляют чувства, при этом один и тот же "смайл" или "лайк" не может однозначно говорить о доброжелательности собеседника: быть абсолютно уверенным в том, что это улыбка, а не сарказм можно, только имея определённый уровень доверия. Таким образом, в интернете человек забывает о своём теле и живет ментально. Это — ментальный мир, мир платоновских идей. Без полноценного физического присутствия человек в интернете может заниматься наблюдением и самовыражением.

В философии есть определение, что время — это мера изменения объекта. Раз люди не могут изменяться в интернете, а могут только наблюдать, а изменяются люди действиями, то время в интернете идёт своеобразным образом. Время в интернете течёт в зависимости от доступной человеку информации. Если в новостной ленте три сообщения, человек тратит на их чтение 10 минут. Если сорок сообщений, их можно читать всю ночь. В интернете действует простая формула: Время = Информация. Интернет деформировал и, можно даже сказать, убил время. Время стало находиться в прямой зависимости от потребляемой информации.

Специалист в области анализа средств коммуникации Маршалл Маклюэн (Marshall McLuhan) заявляет, что любое техническое средство есть внешнее расширение тела человека. Колесо — это расширение ног человека, телевизор — органов восприятия, социальная сеть — расширение нервной системы. Действует принцип взаимовлияния: человек придаёт форму инструменту, в ответ инструмент изменяет человека. Посредством интернета человек выносит свои функции вовне, отдаёт их другим устройствам, чтобы избавиться от стресса и увеличить свои возможности.

Без новых средств связи физическое тело человека оказалось бы в состоянии постоянного стресса и в конце концов разорвалось бы на кусочки в пространстве — новый мир требует мгновенных реакций и большого числа контактов. Так постепенно происходит перенос потребностей в виртуальное пространство.

От нереализованной потребности у человека возникает напряжение, стресс. Чтобы избавиться от стресса у человека сегодня появилась возможность передать свою часть в виртуальный мир.

Социальные сети и интернет снимают множество стрессовых напряжений и потребностей, которые давят на человека. Приведём примерный, далеко не полный список:

- 1 Потребность общаться сразу с несколькими людьми — одновременно или распределённо во времени (разновидность письма — отложенная коммуникация, которая продолжается, даже когда один из собеседников занят другим делом).

- 2 Потребность всегда быть на связи.
- 3 Поддержание сильных связей — постоянное присутствие в жизни близких по духу людей — комментариями, лайками, постами.
- 4 Внесение в жизнь новой информации от знакомых или лидеров мнений.
- 5 Участие в общественной жизни. Из-за высокой скорости жизни, узкой профессиональной специализации у человека не всегда получается реализовать важные смыслы — человеку хочется участвовать в жизни общества, культуры, друзей, государства, сообществ. На работе человек — узкий специалист, которому отдают задания, а в социальной сети он гражданин мира, там нет рутины, нет работы, там только межличностное общение, юмор, наблюдение и смысл. Социальная сеть даёт свободу общения и взаимодействия, вовлечённость в жизнь друзей и общества.
- 6 Потребность в личном пространстве. В больших мегаполисах люди живут на съёмных квартирах или находятся постоянно в разъездах. Не всегда получается обставить своё жилище в своём вкусе, если знаешь, например, что оно временное. У человека появляется потребность иметь в виртуальном мире хранилище тех вещей, которые ему приятны, важны и вдохновляют: музыка, муд-борды, цитаты, контакты людей.

Таким образом, интернет как виртуальное пространство создаёт одновременно действительную и нереальную среду. Этот парадокс можно объяснить в свете фундаментальной оппозиции вещной реальности и деятельностно-информационной действительности. Следует согласиться, что "антитеза действительности и реальности является фундаментальной пресуппозицией современного научного знания и лежит в основе информационно-энергетической онтологии человеческого мира, представленной, например, Т. Парсонсом в виде модели социальной системы".

Эта модель сформирована двумя взаимодополняющими, но при этом противоположными параметрами. Один — это материально-энергетическое нарастание контролирующих факторов (hierarchy of controlling factors) в сторону физико-органической среды, другой — информационное нарастание обуславливающих факторов (hierarchy of conditioning factors) в сторону так называемой "конечной реальности", можно сказать предельной (виртуальной) информативности или информационной виртуальности (предельности).

Подобный подход позволяет рассматривать виртуальное пространство интернета как новое измерение или даже новые измерения человеческого существования. Данное измерение (сфера, область, поле — различные методологические подходы найдут свои термины описания) пронизано материально-энергетическими и информационными параметрами. В нём есть и «железо» (hard-ware), и «виртуальность» (soft-ware). Однако виртуальность доминирует, что и делает возможным говорить о виртуальном пространстве интернета, в котором вполне возможно реализовывать реальные потребности и находить возможности для действительного самовыражения.

Литература

- 1 Баринова Д. С. Методологические аспекты исследования виртуального пространства интернета // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из

обществоведческих дисциплин / гл. ред. М.В. Ильин. М.: Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, 2010. С. 109–122.

- 2 Соловьев Д. Лекция о поведении человека в социальных сетях URL: <http://www.cossa.ru/articles/234/20843/>.

Е. В. Сычёва, А. О. Кутузова, Н. В. Крикунов
ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ИНСТРУМЕНТ БРЕНДИНГА ТЕРРИТОРИИ И АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

СЫЧЕВА Е. В. – старший преподаватель кафедры экономического регулирования и финансов Выборгского филиала РАНХиГС. E-mail: cbl4eba@mail.ru.

КУТУЗОВА А. О. – студентка 4 курса Выборгского филиала РАНХиГС, специальность «Таможенное дело». E-mail: angela30601@gmail.com.

КРИКУНОВ Н. В. - студент 1 курса Выборгского филиала РАНХиГС, направление подготовки «Государственное и муниципальное управление». E-mail: nikitakr2@yandex.ru.

Нарастание конкуренции между регионами Российской Федерации на внутреннем и внешнем рынке породило спрос на исследования проблем продвижения территорий и создания территориальных брендов.

Значение использования онлайн-сообществ в социальных сетях в брендинге территории трудно переоценить с точки зрения источников данных о социальных предпочтениях и социальном поведении. От развития брендинга зачастую зависит социальное благополучие и мироощущение граждан, в то же время социальные предпочтения могут являться индикатором инвестиционной привлекательности отраслей региона, будь то промышленное производство, сектор услуг (гостиничное хозяйство, туризм и др.), сфера досуга, научная деятельность, ИТ-сектор, логистика и транспортные услуги или другие отрасли.

В статье рассмотрены возможности использования ресурсов социальной сети для анализа и реализации брендинга территорий на примере малонаселённого города.

Проводя работу с местными сообществами, необходимо подчеркнуть важность и значимость освещения всех событий, проходящих в городе, и необходимость обратной связи в течение и по завершении мероприятий, мониторинга эффективности тех или иных способов брендинга. Информативность горожан и туристов, возможности коммуникации и обратной связи позволяют формировать позитивный имидж и высокую репутацию для успешного экономического роста. СМИ способны эффективно воздействовать на широкую публику и донести соответствующую информацию до руководителей промышленных и финансовых предприятий и учреждений, предпринимателей, инвесторов, специалистов в различных сферах науки, техники, искусства, культуры, спорта, туризма. Но также важно оценить заинтересованность и довольство используемыми ресурсами городской среды горожан и гостей города, что отражается в выборе предпочтений среди огромного числа городских онлайн-сообществ, положительной оценке происходящих в городе событий, социальной активности и развитии научного и творческого потенциала граждан. Таким образом, важным аспектом продвижения города в глобальном информационном пространстве является анализ, совершенствование и развитие социальных медиаресурсов. Важно акцентировать внимание на эмоциях, вызываемых у потребителей, анализировать отношение к тем или иным событиям и фактам.

Таким образом, брендинг сам по себе создаёт комфортную среду для целевой аудитории. При этом в неё входят не потребители в прямом смысле слова, а жители, коммерсанты, туристы, предприятия и т. д [1]. Задачей брендинга является продвижение и стимулирование целевой аудитории на определённые виды деятельности, в т. ч. участие в местной жизни, формирование благоприятного инвестиционного климата, популяризация территории, развитие туризма, привлечение жителей и стимулирование продаж местных производителей.

Наиболее удобным объектом для исследования является брендинг города. В нём переплетаются сразу 4 основополагающих направления: имидж, достопримечательности, культура и люди. Благодаря этим факторам брендинг города заключается в следующем:

- 1 создание и поддержание мнений о привлекательности конкретной территории, как места проживания, временного пребывания и/или осуществления деятельности;
- 2 система ассоциаций, впечатлений о месте;
- 3 специфическая форма маркетинга, решающая внутренние и внешние задачи и проблемы территории;
- 4 ощущение городской идентичности.

Рассмотрим использование социальных сетей и онлайн-сообществ для брендинга территории на примере города Выборга.

Нами был проведён опрос в социальной сети «ВКонтакте» (vk.com) (рис. 1), в результате которого респондентами, жителями Выборга, социальные сети были выбраны в качестве основного источника информации о новостях и событиях города. Вследствие этого можно судить о важности данного информационного ресурса для анализа настроений и предпочтений целевой аудитории, что позволяет использовать их в брендинге территорий, в т. ч. и благодаря легко реализуемой в данном случае обратной связи.

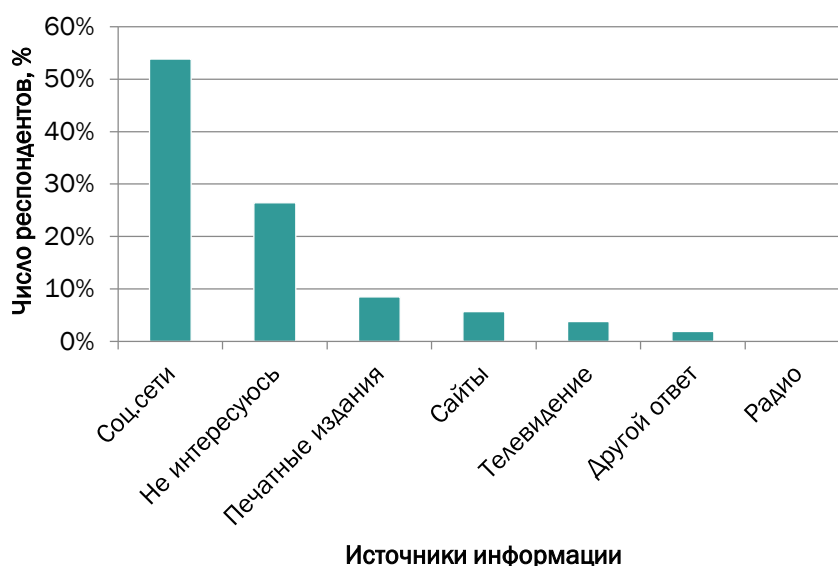

Рисунок 1 – Ответы респондентов на вопрос об источнике информации о новостях и событиях города

Использование социальных сетей в отслеживании изменения поведения целевой аудитории в ходе брендинга города в настоящее время очень актуально. Социальная сеть – это открытая площадка, где любой желающий может выставить интересующую его проблему на обсуждение и узнать мнения других. В то же время социальные сети удобно использовать для продвижения какой-либо информации в массы. С помощью анализа интернет-сообществ можно следить за общественным мнением при помощи таких параметров, как число подписчиков, географическое распределение, посещаемость, активность, частота размещения информации, обратная связь (опросы, комментарии). Однако при изучении любых категорий интернет-сообществ неизменными остаются субъекты брендинга города, которые непосредственно и влияют на идентификацию личности человека с определённым местом. Это четыре субъекта маркетинга территорий:

- 1 территориальные органы власти и управления (категории онлайн-сообществ – группы администрации города, её отделов и комитетов и др.);
- 2 некоммерческие организации (категории сообществ – общественные организации, профсоюзы, сообщества по трудоустройству, спортивные организации и федерации, образование, спорт, культура, молодёжная политика и др.);
- 3 коммерческие организации (туристические и логистические компании, гостиницы, объекты досуга и туризма, торговые и промышленные предприятия, коммерческие бренды, СМИ и др.);
- 4 частные лица (жители территории, выходцы этой территории, в т. ч. известные или знаменитые личности данной территории, блоггеры, выходцы этой территории, творческие люди (поэты, писатели, художники) и др.).

В отдельную категорию можно отнести новостные онлайн-сообщества, действующие исключительно в интернет-пространстве, которые могут являться как коммерческими, так и некоммерческими ресурсами.

Нами был проведён анализ популярных интернет-сообществ города Выборга в социальной сети «ВКонтакте» (vk.com), отражающий распределение предпочтений подписчиков. Результаты исследования частично приведены на рисунке 2.

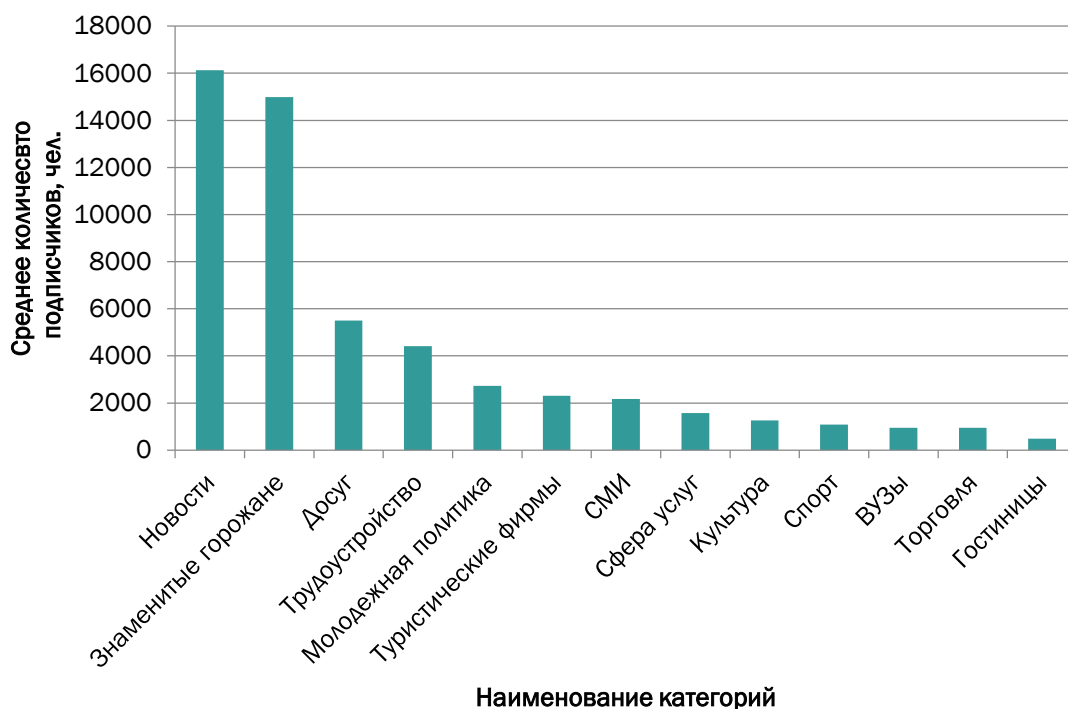

Рисунок 2 – Распределение подписчиков онлайн-сообществ по категориям

По итогам анализа данных можно сделать вывод о популярности среди горожан новостных групп, сообществ знаменитостей и сферы досуга, в результате чего в данном примере предлагается обратить внимание на эти категории интернет-сообществ при анализе настроений и предпочтений жителей города, а также использовать данные сообщества в процессе брендинга территории.

Также стоит отметить высокую популярность онлайн-сообществ категорий работы с молодёжью (трудоустройство, молодёжная политика, вузы), что подчёркивает хороший потенциал развития данного направления и возможность использования данных категорий групп в изучении общественного мнения.

Что касается таких важных для брендинга территории категорий, как туристические фирмы, СМИ, сфера услуг, культура, спорт, торговля и гостиницы, то вследствие низкой популярности данных онлайн-сообществ можно дать рекомендации по развитию данных категорий групп в целях большей информированности жителей и гостей города, для анализа их поведения, предпочтений и настроений.

Литература

1. Большаков С. Н. Концепция территориального маркетинга в системе управления регионом. Опыт Санкт-Петербурга // Вестник КРАГСиУ. Серия «Теория и практика управления». 2013. № 11 (16). С. 80–84.
2. Пикулёва О. К вопросу о маркетинге и брендинге территорий // Телескоп. 2012. № 6 (96). С. 33–37.

Е. В. Фарбер

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ КАК ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ И КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

ФАРБЕР Елена Владиславовна – ассистент кафедры медицинского права медико-профилактического факультета Первого МГМУ им. И. М. Сеченова. E-mail: flame-738@mail.ru.

Рассмотрим следующие вопросы: понятие качества жизни, качество жизни как набор условий жизни и характеристик жизни человека, сравнительные анализы понятия качества жизни.

Качество жизни и потребности в соответствии с пирамидой Маслоу:

- Физиологические потребности: голод, жажда, половое влечение и т. д.
- Потребность в безопасности: чувство уверенности, постоянство условий жизни, комфорт, избавление от страха и неудач.
- Потребность в принадлежности и любви.
- Социальные потребности: социальные связи, общение, привязанность, забота о другом и внимание к себе, совместная деятельность, служебный рост, потребность в уважении, достижении успеха, одобрении, признании.
- Познавательные потребности: знать, уметь, исследовать.
- Эстетические потребности: гармония, порядок, красота.
- Духовные потребности в самоактуализации, самовыражении, самоидентификации: реализация своих целей, способностей, развитие собственной личности.

Предлагаем считать более рациональным в основание пирамиды закладывать не физиологические потребности, а «базовые» потребности.

Базовыми предлагается считать потребности, которые удовлетворяют человека на протяжении всей его жизни, потребности, без которых человек не может обходиться ни одного дня. День в данном примере – это сутки-двое. При таком взгляде на проблематику базовые потребности будут присутствовать на каждом уровне пирамиды, поскольку в них есть потребность на каждый день жизни. По сути, пирамида очень условна, поскольку и физиологические потребности все-равно присутствуют на каждом уровне. Эти «базовые потребности» необходимы не только людям, но и животным в большей или меньшей степени.

По нашему мнению, таких базовых потребностей можно выделить всего три.

- 1 различные показатели, предлагаемые исследователями, для определения качества жизни;**
- 2 качество жизни и индексы качества жизни;**

- различные индексы в различных странах,
- составляющие индексов качества жизни, их количество в различных вариантах социологических исследований.

- составляющие высокого качества жизни по социологическим исследованиям,
- качество жизни и уровень жизни населения,
- качество жизни и индекс человеческого развития ООН,
- качество жизни и индекс счастья,

3 качество жизни и здоровье человека.

Многие исследователи напрямую связывают понятие качества жизни со здоровьем человека. Исследователи некоторых стран такой фактор, как здоровье, считают основным показателем качества жизни.

Мы рассматриваем понятие качества жизни в сравнении и во взаимодействии со следующими понятиями, категориями и системами:

- качество жизни и состояние здоровья,
- быть здоровым как основная составляющая высокого качества жизни,
- здоровье и окружающая среда,
- качество жизни человека и система здравоохранения,
- качество жизни и санитарно-эпидемиологическое благополучие населения,
- качество жизни пациента,
- повышение качества жизни как цель лечения.
- качество жизни и здоровье человека как причина и следствие,
- здоровье человека и качество жизни как причина и следствие,
- социальное самочувствие пациента в различных системах здравоохранения,
- качество жизни пациента и взаимодействие с врачом,
- общение врача с пациентом как основа выздоровления,
- взаимодействие врача и пациента в процессе выздоровления,
- удовлетворённость пациента,
- качество жизни пациента и его удовлетворённость процессом лечения,
- качество жизни пациента и его удовлетворённость результатом лечения,

Литература

- 1 Качество жизни. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с. URL: <https://ru.wikipedia.or>.
- 2 Качество жизни. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001. URL: <https://ru.wikipedia.or>.
- 3 Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
- 4 Балашов А. П. Основы менеджмента: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2014. 288 с.
- 5 Социология медицины: руководство / А. В. Решетников. М. ГОЭТАР-Медиа, 2014. 864 с.
- 6 А. Ф. Сокол, Р. В. Шурупова Современный врач: особенности, пути совершенствования. Бери-Шева, 2014. 215 с.

Н. С. Бабич
УСИЛЕНИЕ КОРРЕЛЯЦИЙ МЕЖДУ ОПРОСНЫМИ ДАННЫМИ
И ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКОЙ ПРИ ПОМОЩИ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ВЫБОРКИ (НА ПРИМЕРЕ
ДАННЫХ О СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ РФ)

БАБИЧ Н.С. – кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела методологии и методов социологических исследований Института социологии РАН. E-mail: sociolog@mail.ru.

Типичной проблемой аналитического сопоставления социологических опросов и официальных данных являются сравнительно слабые статистические связи между переменными, измеренными в этих двух режимах. Отсутствие убедительных корреляций создаёт известные трудности для интерпретации результатов исследований, в частности, проверки гипотез о причинно-следственных отношениях. Результатом оказывается дополнительная неопределённость социологических моделей объяснения.

Слабость указанных статистических связей может быть следствием, как минимум, трёх обстоятельств:

- 1 наличие высокой ошибки измерения в официальных и/или опросных данных – реальные зависимости скрываются «шумом»;
- 2 присутствия в структуре данных скрытых факторов, влияние которых искажает форму зависимости, делая её трудноопределимой (линейные зависимости превращаются в нелинейные, монотонные в немонотонные и т. д.);
- 3 отсутствия реальных закономерностей, которые могут породить видимую статистическую связь.

Третий вариант для социологических данных, собранных в рамках более или менее единой темы, как правило, представляется маловероятным. «Связь всего со всем» в общественных явлениях – картина гораздо более привычная, чем существование изолированных, категорически не влияющих друг на друга переменных. Поэтому наибольший практический интерес представляет различие между собой первого и второго случая и использование вытекающих из них предположений для повышения качества моделей.

С некоторой долей условности простейшим случаем скрытых факторов можно считать наличие в выборке групп, внутри которых статистические связи ведут себя различным образом. Допустим, что у нас имеется две переменных, измеренных по непрерывной шкале метрического уровня, линейная корреляция между которыми теоретически неудовлетворительна. Тогда, вводя указанное простейшее предположение о скрытых факторах, мы можем проверить гипотезу о том, что группировка выборки по n уровням одной из двух переменных позволит получить в среднем более высокие внутригрупповые показатели линейной корреляции. Естественным способом проверки этой гипотезы является итеративное разбиение выборки по случайно определяемым интервалам каждой из двух переменных, либо дополнительных «внешних» переменных (как в комбинации, так и по отдельности), с последующим расчетом внутригрупповых коэффициентов корреляции. В связи с достаточно

большим количеством вариантов, этот подход требует автоматизации, и результаты применения соответствующего алгоритма нуждаются в исследовании с точки зрения возможностей их содержательной интерпретации. С этой целью нами был подвергнут анализу массив данных Росстата об официальной численности жителей сельских поселений [1] и результаты переписи 2010 г. в области коммунальных условий жизни в тех же поселениях [2].

В качестве первой переменной был взят относительный прирост численности населения сельского поселения в период с 2012 до 2014 г. В качестве второй – доля домохозяйств, не имеющих водоотвода (индивидуальной или коммунальной канализации). Динамика населения является результатом официальной регистрации рождений, смертей и миграции, в то время как наличие коммунальных удобств фиксировалось в переписи через самоотчёты домохозяйств, а значит, представляет собой достаточно типичные опросные данные. Данные этих двух источников удалось сопоставить по 12 тысячам сельских поселений. Коэффициент корреляции Пирсона между ними составил $-0,248$, что является величиной, статистически значимой на уровне выше одной десятитысячной. Наличие значимой линейной связи вполне ожидаемо и может быть объяснено даже в причинно-следственных терминах. Сельские поселения с неразвитой коммунальной инфраструктурой являются менее привлекательными как для миграции, так и для принятия решений о рождении детей, кроме того, они с большей вероятностью расположены на экономически неблагополучных территориях. Однако величина коэффициента, по любым классификациям свидетельствующая о слабой связи, не позволяет интерпретировать выдвинутое причинно-следственное объяснение как доказательное. Следовательно, мы имеем ситуацию, в которой целесообразно исследовать возможности усиления корреляции.

К описанным данным был применен алгоритм итеративного разбиения выборки по случайно определяемым интервалам двух «внешних» признаков – среднего возраста (по данным переписи) и доли безработных (также по данным переписи). В результате интенсивного перебора вариантов разбиения (более 1 млн группировок) получены результаты, позволяющие выдвинуть следующие рекомендации по реализации алгоритма и интерпретации результатов:

- 1 предпочтительно разбиение, использующее равные, а не плавающие интервалы, поскольку во втором случае может быть велика вероятность «тупиковых» решений с высокой корреляцией в слишком маленьких группах;
- 2 предпочтительно разбиение по одному внешнему признаку, а не их комбинации, т. к. во втором случае могут возникать противоречия в интерпретации;
- 3 в случае, если групп оказывается более 30, можно говорить о том, что низкая корреляция на общей выборке с большей вероятностью объясняется ошибкой измерения, чем существованием групп с разным характером связей.

Литература

- 1 Бюллетень «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям» Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce.
- 2 Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

М. М. Басимов

МЕРЫ СВЯЗИ ИНТЕРВАЛЬНЫХ И НОМИНАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ

БАСИМОВ М. М. – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и служебной деятельности ФГБОУ ВПО РГСУ (Москва), доктор психологических наук. E-mail: basimov_@mail.ru.

Чтобы одновременный анализ номинальных и интервальных параметров в рамках множественного сравнения (при изучении связей) стал более строг в плане отбора тех или иных результатов для описания и интерпретации, необходимо было ввести критерии такого отбора. Это удалось сделать при объединении двух задач в одну: задачи изучения связей для интервальных переменных через множественное сравнение квантильных разбиений данных по каждому параметру [1, 4] и задачи множественного сравнения тех же интервальных параметров для групп по многозначным номинальным признакам (вопросы с номинальными ответами для выбора) [2, 3]. Объединяя квантильные разбиения по интервальным параметрам и группы по номинальным ответам в одну задачу множественного сравнения, получаем результат для номинальных и интервальных параметров по единой шкале сравнительной весомости. После чего (триады или кварты) по интервальным параметрам, как и раньше, позволяют построить коэффициенты силы связи и нормировать их на аналог единичной корреляции (зависимость интервального параметра от самого себя). Той же нормировке необходимо подвергнуть и аналоги коэффициентов связи для групп по номинальным ответам. Отметим, что в случае с номинальными переменными о зависимости можно говорить только в одном направлении: как от номинальных параметров зависят интервальные параметры.

Таким образом, стало возможным говорить о зависимости интервального параметра от многозначной номинальной переменной и отбирать нужные по силе связи, исходя только из числовых значений.

При построении коэффициентов силы связи (после общей задачи множественного сравнения для всех параметров) предлагаются две стратегии:

- 1 Берутся два номинальных ответа, соответствующих максимальному и минимальному значениям сравнительной весомости интервального параметра, зависимость которого от номинального параметра определяется.
- 2 Берутся каждый раз (перебор всех вариантов) три (в случае триад для интервальных параметров) или четыре (в случае кварт) номинальных ответа, далее определяются аналоги коэффициента связи для трёх (четырёх) номинальных ответов, после чего коэффициенты связи усредняются по всем перестановкам, т. к. номинальные ответы между собой равноправны и операция упорядочения для них не реализуется.

Первая стратегия, очевидно, более жёсткая и определяет как значимые меньшее количество связей.

Приведём три примера, когда данная процедура применялась в рамках проведенного в 2014 г. социологического исследования феномена «гражданского брака» и проблемы

формирования его образа под влиянием политических установок студентов (традиционный анализ экспериментальных результатов был представлен в дипломной работе Е. Ю. Грибовой). Возникающая проблема для социологического исследования – распространение «гражданских браков» была нами расширена изучением также политических предпочтений и установок студентов, анализом взаимовлияния мнений студентов о феномене «гражданского брака» и их политическими предпочтениями и установками.

1. Номинальный параметр: «Основной показатель гражданского брака (G01)»

Совместное проживание мужчины и женщины (G01-01)

Общий бюджет (G01-02)

Общий ребёнок (G01-03)

Общее хозяйство (G01-04)

Интимные отношения (G01-05)

Имеем 5 невырожденных (с достаточным для задачи количеством респондентов, выбравших ответ) ответов. Рассмотрим одну зависимость по двум стратегиям выявления связей.

1 Зависимость интервального параметра "Отношение к В. В. Жириновскому" от номинального параметра "Основной показатель гражданского брака"

1.1. Зависимость интервального параметра "Отношение к В. В. Жириновскому (X14)" от номинального параметра "Основной показатель гражданского брака (G01)"

Коэффициент силы связи = 0.73

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 4557 Интимные отношения (G01-05)

min -4384 Общий бюджет (G01-02)

Если по мнению респондентов основной показатель гражданского брака – это интимные отношения, то их отношение к В. В. Жириновскому наиболее положительное (+4557 по сравнительной весомости). Если по мнению респондентов основной показатель гражданского брака – это общий бюджет, то их отношение к В. В. Жириновскому крайне отрицательное (-4384 по сравнительной весомости).

1.2. Зависимость интервального параметра "Отношение к В. В. Жириновскому (X14)" от номинального параметра "Основной показатель гражданского брака (G01)"

Коэффициент силы связи (среднее по 24) = 1.29

Коэффициент силы связи (максимальное) = 1.86

Стратегия выявления связи 'среднее по перестановкам', ответы:

G01-02 -4384 Общий бюджет (G01-02)

G01-03 4550 Общий ребенок (G01-03)

G01-04 -399 Общее хозяйство (G01-04)

G01-05 4557 Интимные отношения (G01-05)

2 Номинальный параметр: «Политическая активность (G12)»

Участвовал(а) в выборах в органы власти различного уровня (G12-02)

Подписывал(а) коллективные обращения петиции (G12-03)

Участвовал(а) в проведении избирательной кампании (G12-04)

Участвовал(а) в митингах, демонстрациях, пикетах (G12-05)

Участвовал(а) в деятельности политических партий (G12-06)

Участвовал(а) в забастовках (G12-7)

Нет ни в чем подобном участвовать не приходилось (G12-08)

Мне безразлична политическая деятельность (G12-09)

Политика меня раздражает (G12-10)

Имеем 9 невырожденных (с достаточным для задачи количеством респондентов, выбравших ответ) ответов. Рассмотрим две зависимости по двум стратегиям выявления связей.

2.1. Зависимость интервального параметра "Отношение к В. В. Путину" от номинального параметра "Политическая активность"

2.1. Зависимость интервального параметра "Отношение к В. В. Путину (X12)" от номинального параметра "Политическая активность (G12)"

Коэффициент силы связи = 0.82

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 4122 Участвовал(а) в выборах в органы власти различного уровня (G12-02)

min -5967 Политика меня раздражает (G12-10)

Если по мнению респондентов основной показатель политической активности – это участие в выборах, то их отношение к В. В. Путину наиболее положительное (+4122 по сравнительной весомости). Если по мнению респондентов политика их раздражает, то их отношение к В. В. Путину крайне отрицательное (-5967 по сравнительной весомости).

2.2. Зависимость интервального параметра "Отношение к В.В. Путину (X12)" от номинального параметра "Политическая активность (G12)"

Коэффициент силы связи (среднее по 24) = 1.41

Коэффициент силы связи (максимальное) = 2.00

Стратегия выявления связи 'среднее по перестановкам', ответы:

G12-02 4122 Участвовал(а) в выборах в органы власти различного уровня (G12-02)

G12-05 1309 Участвовал(а) в митингах, демонстрациях, пикетах (G12-05)

G12-08 -3129 Нет ни в чем подобном участвовать не приходилось (G12-08)

G12-10 -5967 Политика меня раздражает (G12-10)

3 Зависимость интервального параметра "Отношение к А. А. Навальному (X18)" от номинального параметра "Политическая активность (G12)"

3.1. Зависимость интервального параметра "Отношение к А. А. Навальному (X18)" от номинального параметра "Политическая активность (G12)"

Коэффициент силы связи = 0.83

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 5366 Подписывал(а) коллективные обращения, петиции (G12-03)

min -4788 Участвовал(а) в забастовках (G12-7)

Если по мнению респондентов основной показатель политической активности – это участие в коллективных обращениях, петициях, то их отношение к А. А. Навальному наиболее положительное (+5366 по сравнительной весомости). Если по мнению респондентов основной показатель политической активности – это участие в забастовках, то их отношение к А. А. Навальному крайне отрицательное (-4788 по сравнительной весомости).

3.2. Зависимость интервального параметра "Отношение к А. А. Навальному (X18)" от номинального параметра "Политическая активность (G12)"

Коэффициент силы связи (среднее по 24) = 1.27

Коэффициент силы связи (максимальное) = 1.72

Стратегия выявления связи 'среднее по перестановкам', ответы:

G12-03 5366 Подписывал(а) коллективные обращения, петиции (G12-03)

G12-04 383 Участвовал(а) в проведении избирательной кампании (G12-04)

G12-07 -4788 Участвовал(а) в забастовках (G12-7)

G12-08 -479 Нет ни в чем подобном участвовать не приходилось (G12-08)

Рассмотренный вариант авторского метода изучения связей позволяет в единой задаче выявлять связи между несколькими интервальными параметрами и несколькими номинальными переменными, что значительно обогащает получаемую в результате социологического исследования информацию.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00525а.

Литература

1. Басимов М. М. Нелинейная социология: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. 120 с.
2. Басимов М. М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. 224 с.
3. Басимов М. М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 128-157.
4. Басимов М. М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. Москва-Воронеж, 2008. 432 с.

Г. В. Белехова

ВОЗМОЖНОСТИ СТАТИСТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

БЕЛЕХОВА Г. В. – младший научный сотрудник отдела исследований уровня и образа жизни населения Института социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда). E-mail: belek-galina@yandex.ru.

Для определения величины накопленных населением денежных средств и исследования особенностей его сберегательного поведения традиционно применяются экономико-статистические и социологические методы.

Ценность социологических подходов (анкетные опросы, фокус-группы, интервьюирование, социальный эксперимент и др.) состоит в получении оперативной информации об установках, мотивах и механизмах принятия населением решений о формировании и использовании сбережений (в целом по стране и в разрезе отдельных территорий и групп населения). Также социологические методы решают задачу «обратной связи» – с их помощью можно установить, как меняются предпочтения потребителей

финансовых услуг, как население реагирует на проводимые органами власти мероприятия в области социально-экономической и финансовой политики и т. д.

Среди недостатков социологических методов можно выделить вероятное искажение респондентами своих материальных возможностей, различающиеся методики и выборки опросов, проводимых разными исследовательскими организациями, трудности сопоставления полученных данных и, как следствие, отсутствие возможности использовать полученные количественные данные в качестве целевых и прогнозных показателей.

Более взвешенную оценку, позволяющую выявить тенденции сберегательного поведения, даёт применение экономико-статистических методов. На основе статистической информации возможно определить объёмы накопленных денежных средств, оценить состояние банковского сектора и роль сбережений в экономике страны. Широко распространены три методологических подхода [1, 4]:

- 1 счёт использования располагаемого дохода для сектора домашних хозяйств в системе национальных счетов (СНС);
- 2 баланс денежных доходов и расходов населения (БДиР);
- 3 данные выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, проводимого Федеральной службой государственной статистики.

Каждая из представленных методик основывается на данных, которые измеряют доходы, расходы и прочие показатели материального благосостояния населения. Однако они недостаточно согласованы между собой, поэтому дают результаты, зачастую имеющие противоречивый характер.

В СНС и БДиР доходы и сбережения определяются на основе официальных макростатистических данных, отчетов Центрального Банка, прочих финансовых органов и внебюджетных социальных фондов. В бюджетных обследованиях информация о расходах и сбережениях предоставляется непосредственно членами домашних хозяйств [2, 3].

Расчёты объёмов сбережений по СНС применяются для международных сравнений. Особенность методики в том, что сбережения здесь принимают форму финансовых (наличные деньги, банковские вклады, кредиты, ценные бумаги и т. д.) и материальных (покупка домов, земли) активов, а располагаемые доходы включают их первичное распределение, натуральные поступления и текущие трансферты [1]. Однако на уровне регионов СНС используется в упрощенном варианте, поэтому её возможности для оценки сбережений населения внутри страны ограничены.

К преимуществам *БДиР* следует отнести относительную простоту расчётов и возможность применения итоговых показателей для их сопоставления в межрегиональном разрезе. Однако в «Балансе», в отличие от СНС, не проводится чёткого разделения между текущими и капитальными расходами [1], а методологические материалы по его составлению, разработанные ещё в 1996 г., отчасти потеряли свою актуальность. Кроме того, здесь возможно получение значительно завышенных или заниженных результатов для некоторых регионов. Объясняется это тем, что доходы и расходы учитываются по месту их получения и совершения, которое может не совпадать с местом жительства населения [3].

Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств представляет собой государственное статистическое наблюдение за уровнем жизни населения и охватывает 49175 домохозяйств. Оно основывается на интервьюировании членов домохозяйств и ведении ими

записей о текущих расходах на потребление и сбережение. Выборка обеспечивает получение репрезентативных данных на федеральном и региональном уровнях [1, 2]. Полученные данные позволяют провести дифференцированную оценку сбережений (в зависимости от места жительства, величины домохозяйства и уровня доходов).

Основными характеристиками сберегательного поведения домохозяйств на основе выборочных обследований бюджетов являются 1) сумма сделанных сбережений (прирост сбережений); 2) сумма займа и израсходованных сбережений (десбережения); 3) прирост финансовых активов (сальдо двух предыдущих показателей).

К недостаткам бюджетных обследований относятся отсутствие в выборке представителей высокодоходных слоёв населения и её смещение в сторону малообеспеченных групп [1, 4], а также влияние психологических факторов – респонденты либо намеренно могут изменять (занижать или завышать) свои расходы и сбережения, таким образом затрудняя их достоверную оценку, либо неумышленно не могут чётко идентифицировать часть своих денежных средств как сбережения или расходы [3].

Поскольку для России определяющим фактором сберегательного поведения выступают доходы, на основе данных выборочных обследований бюджетов домохозяйств была изучена дифференциация их сберегательной активности в зависимости от уровня дохода. В выполненных расчетах в качестве базы для определения показателей поведения использовались располагаемые ресурсы (а не денежные доходы), т. к. они более полно характеризуют материальные возможности малообеспеченных домохозяйств.

Структура распределения сбережений по доходным группам за 2003–2012 гг. практически не изменилась. В 2012 г. на 10% самых богатых домохозяйств приходилось более трети общего объёма сбережений (35%), тогда как на 10% наиболее бедного населения – чуть больше 1%.

Тогда же домохозяйства указывали как на сбережения на 10% своих доходов, что эквивалентно 23063 руб. в год на одного члена домохозяйства (против 4,4% или 1876 руб. в 2003 году). В первом дециле в качестве сбережений откладывалось 3030 руб. (5% от доходов), в десятом – 80323 руб. в год (11%), что в 26,5 раз больше и говорит о крайне высоком уровне дифференциации по сбережениям, многократно превосходящем уровень различий по располагаемым доходам (12 раз).

Уровень нормы сбережений в годовом разрезе стабильно увеличивался по мере перехода из одной доходной группы в другую. Также наблюдался рост ежегодных показателей данного индикатора для каждой доходной группы.

Наибольшие объёмы использования займов и ранее накопленных сбережений приходились на группу самых богатых домохозяйств, причём год от года они увеличивались. Поэтому, если в домохозяйствах 1–9-го децилей в 2003–2012 гг. происходило увеличение доли финансовых активов в ресурсах, то для высокодоходной группы было характерно её снижение. Т. е. более обеспеченное население предпочитало расходовать накопления на потребительские нужды, а не направлять их в инвестиционный процесс.

В конечном итоге выбор конкретного метода анализа поведения определяется целями исследования. Так, при решении стратегических вопросов подходящими будут основанные на статистике методы, которые помогут оценить инвестиционную базу сбережений, установить целевые показатели и составить варианты прогнозов. В оперативном управлении для получения наиболее полной и достоверной информации рекомендуется сочетание экономико-статистических и социологических методов.

Литература

- 1 Кондратьева З. А. Применение основных методологических подходов к оценке сбережений населения и индивидуальных инвестиций // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 20 (158). С. 31–40.
- 2 Методологические положения по статистике. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/Main.htm.
- 3 Шашнов С. А. О сберегательном поведении домашних хозяйств в России и проблемах его статистического изучения. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/92/shashnov.pdf>.
- 4 Шашнов С. А. Сбережения домашних хозяйств и проблемы их статистического изучения на микроуровне // Вопросы статистики. 2003. № 1. С. 13–25.

Ю. Н. Благовещенский
ГОСУДАРСТВЕННАЯ И КОРПОРАТИВНАЯ СТАТИСТИКА
В ИССЛЕДОВАНИИ КЛАСТЕРА СУДЕЙ

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ Ю. Н. – доктор физико-математических наук, главный специалист Регионального общественного фонда ИНДЕМ. E-mail: vkun@yandex.ru.

Основным объектом исследования социологии является общество в самых разных формах его организации. Это могут быть социумы, определяемые территорией, профессией, верованием, языком, демографическими признаками или же какими-либо другими атрибутами. С другой стороны, государственная и корпоративная статистика соотносится, как правило, либо с территориальными кластерами общества, либо с кластерами, объединяемыми по роду деятельности, либо по социально-демографическим признакам. И потому, когда объект исследования социологии является одновременно объектом сбора статистики, неважно, государственной или корпоративной, её можно использовать для решения отдельных задач.

Одним из примеров использования государственной статистики для выявления различий и сходства между регионами РФ по типу общественных практик и традиций на латентной шкале патриархальной и модернистской модели общества является концепция индекса «Патриархальность» в книге [1].

Весьма удачным использованием корпоративной статистики можно считать недавно представленный рейтинг российских банков с позиции вкладчиков [2]. Он интересен тем, что отношение вкладчиков к банкам измеряется не по результатам социологического опроса вкладчиков, а по данным отчётности банков (ежемесячное обновление по мере публикации отчётности), причём, физические и юридические лица (население и бизнес) анализируются отдельно.

В предлагаемом докладе рассматриваются два простых примера выявления социологических атрибутов кластера судей из обычных статистических данных, – в одном из них используются данные государственной судебной статистики [3], а в другом – корпоративные данные, извлеченной из отчетов [4] Высшей квалификационной комиссии судей (ВККС). На базе этих примеров обсуждается ряд методологических проблем использования «обычной» статистики в социологии.

Пример 1. Рассмотрим данные за 2001–2006 гг. о *распределении* жалоб по выделяемым в отчётах классам в отношении судей судов общей юрисдикции и судей арбитражных судов в региональных ККС в сумме (таблица 1).

Таблица 1 Данные о количестве разного типа жалоб, поступающих в ККС

Классификация жалоб	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Нарушения норм процессуального закона	7068	7163	7832	7454	8449	10196
Волокита	6568	5318	5365	5821	5194	4848
Неэтичное поведение судьи	1162	931	1419	1786	1453	1737
Недостойное поведение судьи в быту	51	34	60	74	124	155
Другое, в т. ч. - несогласие с судебными актами	3900	4986	5491	7214	7717	9557
Всего	18749	18432	20167	22349	22937	26493

Здесь бросается в глаза заметное падение доли жалоб на «волокиту»: при увеличении с 2001 по 2006 г. общего числа жалоб почти на 8 тысяч или на 40% с небольшим, жалобы на волокиту упали с 6568 до 4848 штук (чуть больше 26%). Это падение компенсируется в основном графой «Другое», но не за счёт «Недостойного поведения...», а за счёт иных видов, хотя из имеющихся данных их нельзя «вычислить». Возможно, за счёт «несогласия с судебными актами», близкими по смыслу к «Нарушениям норм процессуального закона», жалобы на которые устойчиво составляют примерно 37,5%, хотя в абсолютных числах число жалоб за расчетные годы выросло почти на 45% (с 7068 до 10196).

Пример 2. Рассмотрим статистические данные судебной статистики об осужденных за «взяточничество», которые представлены в таблице 2.

Таблица 2 Число осужденных за взяточничество в 2001–2005 гг.

Осужденные за взяточничество	2001 г	2002 г	2003 г	2004 г	2005 г
За получение взятки	1029	981	958	1211	1374
За дачу взятки	1055	1054	1274	1719	2235
Отношение числа берущих к числу дающих	0,975	0,931	0,752	0,704	0,615

Сам факт превышения числа осужденных за дачу взятки в сравнении с числом осужденных за *получение* взятки "говорит" о некотором снисхождении к чиновникам (они, как правило, получают, а не дают). Яркую картину этой динамики рисует отношение «числа берущих» к «числу дающих» (рис. 1).

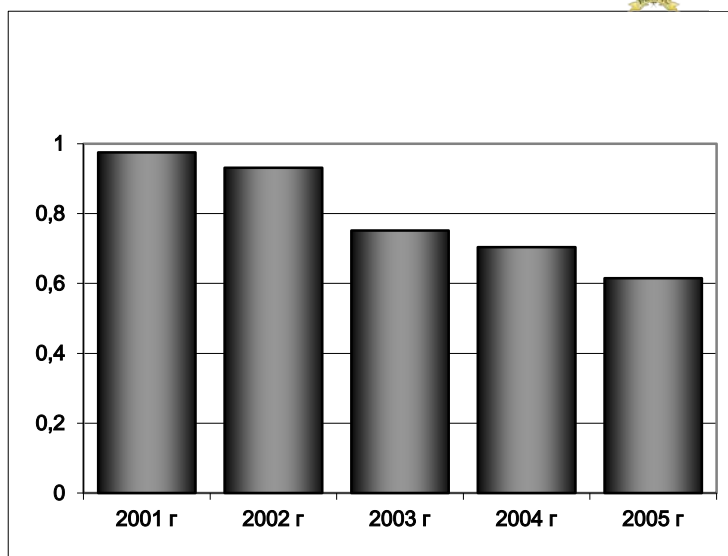

Рисунок 1 – Отношение числа берущих взятки к числу дающих (взятки)

Конечно же, линейный спад не может продолжаться сколько-нибудь долго, скорее всего, уже данные за 2006 или 2007 год выпадут из этой тенденции, но сам факт такой динамики весьма примечателен.

Из дополнительных данных об осужденных при отягчающих обстоятельствах (табл. 3) следует, что за дачу взяток (в сравнении с *получением* взяток) судят «мягче».

Таблица 3 Число осужденных за взяточничество к лишению свободы и к другим мерам

Осужденные за взяточничество	2001	2002	2003	2004	2005
Получение взятки без отягчающих обстоятельств	679	660	724	1076	1269
к лишению свободы, %	12,8	9,1	7,7	9,7	12,5
к другим мерам, %	87,2	90,9	92,3	90,3	87,5
Получение взятки при отягчающих обстоятельствах	350	321	234	135	105
к лишению свободы, %	40,9	32,7	38,5	49,6	69,5
к другим мерам, %	59,1	67,3	61,5	50,4	30,5
Дача взятки (суммарно, без различия обстоятельств)	1055	1054	1274	1719	2235
к лишению свободы, %	4,7	5,1	4,6	6,2	7,8
к другим мерам, %	95,3	94,9	95,4	93,8	92,2

Как мы видим, число осужденных за дачу взятки к лишению свободы составляет заметно меньший процент (в полтора и более раз для каждого года!), чем в случае получения взятки даже *без отягчающих обстоятельств*.

Литература

- 1 Региональная политика России: адаптация к разнообразию. М.: Труды Фонда ИНДЕМ (под общей редакцией Г.А. Сатарова), 2004. 190 с.
- 2 Рейтинг социальной ответственности компаний // Агентство политических и экономических коммуникаций. URL: <http://www.poranarabotu.ru/news/139/>.
- 3 Преступность и правонарушения. М.: Статистический сборник ГИАЦ МВД РФ, 2006.

- 4 Обзор результатов деятельности // ВККС, раздел "Анализ практики", материалы за 2001–2006 годы. URL: <http://www.vkks.ru/>.

И. П. Бушуева

**ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ КАДРОВОГО СОСТАВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ
НА ОСНОВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ**

БУШУЕВА И. П. – старший преподаватель кафедры управления персоналом Сибирского института управления – филиала РАНХиГС, г. Новосибирск. E-mail: irina_lyarskaya@mail.ru.

Спецификой современного этапа развития научного знания является решение исследовательских задач с позиции интеграции знаний, полученных в рамках и с точки зрения разных наук, использование методологий и активного заимствования научных методов смежных научных областей. Применение в исследованиях междисциплинарного подхода значительно расширяет диапазон рассматриваемых в исследовании переменных и позволяет комплексно подойти к изучению проблем.

В социологических исследованиях анализ статистических показателей применяется практически повсеместно, т. к. позволяет не только обосновать актуальность проводимых исследований, но и описать текущее состояние общественных систем, определить тенденции в развитии. Рассмотрение статистических показателей способно дополнить анализ количественных и качественных характеристик объекта исследования, выявить его особенности.

Одним из неоспоримых преимуществ использования статистических данных является их открытость и доступность, как на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, так и в публикуемых ежегодно статистических сборниках, группируемых по различным тематикам. Информация, как правило, удобно систематизирована, поэтому каждый исследователь может свободно выбрать необходимые для конкретного исследования данные.

Так, в нашем исследовании проблемы управления профессиональным развитием государственных гражданских служащих изучение кадровой ситуации в органах государственного управления на основе статистических данных за период с 2001 по 2013 гг. стало самостоятельной задачей, позволившей описать изменения в характеристиках кадрового состава и связать их с развитием принципов государственной кадровой политики. Анализ статистической информации позволил выявить наиболее ярко проявляющиеся тенденции в общероссийском масштабе и в Сибирском федеральном округе (СФО), а их сопоставление – выявить региональную специфику.

По данным государственной статистики, численность государственных гражданских служащих за период с 2001 по 2013 гг. возросла в 1,4 раза. Наибольший рост имел место с 2004 по 2008 гг. (более чем по 60 тыс. служащих за год), что было обусловлено формированием государственных органов, обеспечивающих развитие рыночной экономики (налоговых, финансовых, по вопросам занятости населения, миграции и других). Рост численности в СФО немногим меньше (в 1,3 раза)¹¹.

¹¹Государственная статистика: Государство, общественные организации
[//http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/#](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/#) Дата обращения 17.09.2014 г.

Снижение численности служащих как в стране в целом, так и в СФО начинается в 2009 году (порядка 100 тыс. служащих за 3 года), что связано с реализацией комплекса мероприятий, направленных на оптимизацию численности госслужащих и повышение эффективности деятельности государственных органов.

Изучение статистических данных в отношении пола и возраста служащих показал, что гендерная структура государственной службы не соответствует таковой среди занятого населения страны в целом, где последние 5 лет наблюдается примерно равное число мужчин и женщин (51% и 49% соответственно). Соотношение же мужчин и женщин среди служащих стабильно составляет более чем 1 к 2, т. к. в среднем около 70% кадрового состава составляют женщины, 30% – мужчины. При этом имеет место ярко выраженная гендерная диспропорция в разрезе должностей: число мужчин возрастает с 15,4% на должностях обеспечивающих специалистов до 42,9% на государственных должностях РФ и субъектов РФ, тогда как число женщин с повышением должности значительно сокращается с 84,6% до 57,1%.

В Сибирском регионе численность женщин в среднем на 2–3% выше показателя по России. Сравнительно высокий процент женщин в аппаратах органов управления объясняется преобладанием женщин на должностях, отнесённых к старшим и младшим группам.

Данные о возрастной структуре государственных служащих свидетельствуют, что в течение последних 10 лет средний возраст служащих составляет 39 лет, а также наблюдается достаточно ровное распределение долей служащих в возрастных категориях, что свидетельствует о сбалансированности кадрового состава по возрастному признаку.

При этом число служащих в возрасте до 30 лет незначительно возрастает (хотя и неравномерно), но существенно сокращается количество служащих в возрасте 40–49 лет и увеличивается численность служащих в возрасте 50–59 лет и старше 60 лет. Таким образом, происходит своеобразное «вымывание» служащих, находящихся в наиболее продуктивном периоде профессионального развития.

Тенденции в динамике возрастной структуры государственных гражданских служащих Сибирского федерального округа соответствует таковым по России в целом. Однако в процентном отношении структура кадрового состава служащих СФО отличается от общероссийской, прежде всего, преобладанием служащих в возрасте старше 50 лет (26% и 21% соответственно) и, в то же время, существенно меньшей численностью доли молодых служащих в возрасте до 30 лет. Это значит, что в СФО старение кадрового состава государственной гражданской службы выражено значительно сильнее, что при одновременном уменьшении численности служащих продуктивного возраста может негативно отразиться на эффективности деятельности госорганов.

Таким образом, анализ статистических данных в конкретном прикладном социологическом исследовании позволил не только обосновать необходимость совершенствования управления кадрами государственной гражданской службы, но и предложить в качестве эффективного механизма формирования системы непрерывного профессионального развития.

Однако при анализе статистических показателей кадрового состава государственной гражданской службы мы столкнулись с рядом проблем, обусловленных недостаточностью объективных данных, относительностью и противоречивостью статистики в данной сфере.

Прежде всего, это связано с разнородным составом выборки в различные периоды. В связи с реформированием государственной гражданской службы в разные годы в статистическую выборку были включены либо, наоборот, исключены из нее разные категории

государственных служащих. К примеру, существует путаница со служащими определённых ведомств (например, таможи), с включением в выборку государственных гражданских и муниципальных служащих, с категориями должностей государственной гражданской службы и государственных должностей и пр. Все это приводит к погрешности в анализе данных.

Из-за отсутствия единых правил аналитической работы во всех ведомствах, статистические данные структурированы различным образом и часто не совпадают по временным периодам. Имеет место прерывность в представлении статистических данных, когда некоторые годы просто «выпали», что не позволяет изучить процессы в динамике.

Серьёзно осложняет проблему тот факт, что большая часть источников закрыта из-за отнесения в тот или иной период к информации, связанной с государственной тайной, что делает крайне затруднительным их корректное сравнение.

К тому же, статистические данные обрабатываются достаточно долго, как правило, по итогам календарного года, и получить актуальные и современные данные становится невозможным. Зачастую, информацию о статистических данных за прошедший год в полном объёме возможно получить только к середине, а то и концу следующего года.

Таким образом, современные реалии в представлении государственной статистики требуют от социолога новых компетенций: умения добывать необходимые данные, корректно работать со статистическими показателями, умения за статистикой «увидеть» социальные процессы того или иного временного периода, выявить их связи и зависимости.

В этой ситуации социологам необходимо подкреплять анализ статистической информации данными опросов экспертов, собственными наблюдениями. Это позволит перепроверить результаты и повысить достоверность исследований.

Безусловно, выработка критериев и параметров анализа статистической информации не является для органов государственной статистики самостоятельной задачей. Поэтому концепция социологического анализа данных должна быть положена в основу методологии статистики в любой сфере деятельности, с том числе и в сфере государственной гражданской службы. Следует сформировать своеобразный «запрос» на определённые показатели, необходимые и полезные для исследователей института государственной гражданской службы.

Имея такой набор показателей, специалисты государственной статистики смогут разработать единые формы статистической отчётности и методики сбора информации в этой сфере деятельности. А качество готовых статистических данных в полной мере сможет соответствовать запросам исследователей различных аспектов государственной гражданской службы.

Литература

- 1 Богдан Н. Н. Управление непрерывным профессиональным развитием государственных гражданских служащих: региональный аспект: монография. Новосибирск. : Изд-во СибАГС, 2014.
- 2 Бушуева И. П. Влияние индивидуальных факторов на профессиональное развитие государственных гражданских служащих // Вопросы управления. 2014. № 1(7).
- 3 Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // <http://www.gks.ru/>.
- 4 Прокофьев В. Двухлетние итоги развития государственной службы на основе реализации Указа Президента Российской Федерации // Государственная служба. 2014. № 3.

- 5 Шевель П. П. Социологические подходы к анализу профессионально-личностного развития государственных гражданских служащих // Социально-гуманитарные знания. 2012. №2.

Е. Г. Васильева
ПРОЕКТНЫЙ МОНИТОРИНГ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(на основе исследования «Волгоград – город, доброжелательный к пожилым»)

ВАСИЛЬЕВА Е. Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Волгоградского госуниверситета. E-mail: vasilievaeg@yandex.ru

Основные подходы к оценке процессов развития социальной сферы и эффективности реализации целей и задач региональной социальной политики включают в себя следующие уровни и группы показателей оценки [1, 30]:

- 1 уровень государственной статистики и показатели социальных процессов в сфере труда, образования, здравоохранения, отражающие, прежде всего, объём материальных и финансовых социальных расходов и численность, вовлечённых в данные процессы людей;
- 2 уровень ведомственной статистики, представленный в документах институциональной системы социального обслуживания населения и показатели, стратифицированные в соответствии с функциональной спецификой деятельности данной системы (целевыми категориями граждан, нуждающихся в социальной защите, а также видами предоставляемых им социальных услуг);
- 3 уровень социологических исследований массовых установок восприятия сферы социальной политики и показатели / категории оценки, основанные на индексировании / аналитической интерпретации и фиксирующие, прежде всего, структуру потребностей и отношение к реализуемым мерам и управленческим инновациям в области социальной политики;
- 4 уровень управленческой оценки и самооценки, включающий систему ключевых целевых показателей эффективного социального развития территорий, который стал формироваться относительно недавно в рамках системы социальных отчетов и должен отражать заинтересованность и способность региональных органов власти и органов местного самоуправления решать соответствующие задачи социальной политики.

Основные методические трудности связаны со значительной дифференциацией показателей и сложностью построения целостной, взаимосвязанной системы оценки; несовместимостью различных уровней и отсутствием однозначных критериев для иерархизации групп показателей.

Новые подходы и новые принципы оценки сформируются в связи с переходом к проектно-целевому финансированию социальной сферы и реализацией социальных проектов

различного типа (например, проектов адресной социальной поддержки, проектов социального аудита, проектов социального развития, проектов культурно-образовательных инициатив и т. д.). В этом случае, во-первых, могут формироваться «сквозные» критерии оценки на основе матричного принципа; во-вторых, систематизироваться группы показателей на основе разграничения (иерархизации) целей и задач социального проекта; в-третьих, дифференцироваться группы внешних и внутренних, прямых и косвенных показателей на основе выделения структурных взаимосвязей.

В Волгоградской области данный подход использовался в проектах «ARCADIS» (2006–2007 гг.) и «Мониторинг эффективности предоставления социальных услуг учреждениями социального обслуживания» (2006–2008 гг.), где моделировались «сквозные» критерии иерархизации системы показателей (непосредственный результат / социальный эффект; результативность / эффективность / качество). Однако данные проекты являлись узкоцелевыми, а оценка эффективности социальной политики проводилась применительно к сфере социального обслуживания, т. е. в ограниченной перспективе.

Проекты социального развития территорий предполагают систематизацию показателей оценки на основе проектных требований и учёта изменений внешней среды, что дает ряд преимуществ: (1) возможность совмещения показателей проектного и «традиционных» подходов; (2) возможность формирования обоснованной оценки тенденций региональной социальной политики «макро-уровня» на основе сопоставления с данными ведомственной и государственной статистики. Кроме того, необходимо отметить, что новые группы показателей позволяют существенно дополнить социальные отчёты территорий, раскрывая реализуемую социальную политику в качественном плане.

В этой связи необходимо отметить методику мониторинговой оценки проекта социального развития «Волгоград – город, доброжелательный к пожилым людям» (проект реализуется городским муниципалитетом с 2012 г. и по настоящее время на основе присоединения к социальной инициативе ВОЗ Age-Friendly Cities) [2]. В рамках данной методики предложены следующие основные направления оценки и показатели:

- 1 Оценка системы институциональных компонент, обеспечивающих реализацию задач проекта (институциональная структура взаимодействий, обеспечивающая социальную включённость пожилых людей; социальная политика в отношении пожилых людей; уровень и качество жизни).
- 2 Оценка практик взаимодействия с пожилыми людьми («истории успеха», социальные инновации города, доброжелательного к пожилым людям, практики поддержки статуса пожилого человека).
- 3 Массовые социальные оценки условий жизни в городе по базовым критериям ВОЗ и дополнительным критериям (базовые показатели - городская инфраструктура (транспорт, здания и улицы); обеспеченность жильем и система жилищно-коммунального обслуживания; социальная включённость (социальное участие, уважение и включённость, общественная активность и занятость); процесс информирования и коммуникации; социальное и медицинское обслуживание; дополнительные показатели – социальная самооценка, уровень внимания, условия социального участия, обеспечение правового статуса, взаимодействие с институциональными структурами поддержки).

- 4 Оценка социальной эффективности проекта и результатов развития города как города, доброжелательного к пожилым людям (организация и управление проектом, формирование социальных ценностей доброжелательного отношения к пожилым людям, социальная эффективность развития города в рамках реализации задач проекта).

Литература

- 1 Васильева Е. Г. Оценка эффективности социальной политики: региональная практика // Власть. 2008. № 12 С. 29–33.
- 2 Васильева Е. Г. Город, доброжелательный к пожилым: проектный мониторинг [Текст]: [монография] / Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т». Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. 142 с.

И. Н. Воробьева

СТАТИСТИКА УРОВНЯ ЖИЗНИ КАК БАЗА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ДОМОХОЗЯЙСТВ РОССИИ

ВОРОБЬЕВА И. Н. – кандидат социологических наук, доцент кафедры Социологии и социальных технологий Череповецкого Государственного Университета. E-mail: Vorobyova-i-n@yandex.ru.

Одной из особенностей прикладной социологии является увлечённость своими собственными исследованиями, редкость использования сравнительных исследований, избегание данных государственной статистики. Тот массив данных, которые нам дают статистические данные и в силу особенностей науки статистики зачастую обладают сухостью, иногда слишком массивны и сложны для интерпретации, а иногда представленные для анализа группировки слишком укрупнены и скрывают необходимые нам закономерности. Тем не менее, они дают нам возможности выявить определённые закономерности жизни общества, особенно в плане изучения уровня жизни, что ведёт нас к возможностям рассмотрения проблем стратификации общества.

Существенные изменения в структуре современного российского общества создали условия для переосмысления проблемы стратификации общества и выработки новых подходов. Одним из объективных критериев стратификации является такое сложное основание, как социальный статус семьи, который определяется через систему статусов: социально-профессионального, социально-экономического, социально-психологического, социально-культурного и других [1]. Социально-экономические перемены в обществе привели к усилению экономических функций в семье и, соответственно, к возрастанию роли экономического статуса в определении общего социального статуса семьи. Следовательно, это позволило нам применить следующий методический момент: рассмотреть социально-экономический статус семьи через призму анализа бюджета семьи (домохозяйства).

Для изучения структуры населения мы взяли общепринятые децильные группы населения по среднедушевым располагаемым доходам. В среднем расходы на I квартал 2013 года по России в целом составили 4001,4 рубля на одного члена семьи [2]. Доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки составила 28,5%. 30% всех домохозяйств (первые

три группы населения), которые на продукты питания расходуют более 40% бюджета, в принципе не могут быть отнесены даже к средним по социальному статусу. К ним приближается и четвёртая 10% группа населения – 39,3%. Это действительно бедные, которые имеют достаточно низкий социальный статус, потому что не могут себе позволить себе многого в силу ограниченности бюджета.

По результатам сводной таблицы расходов на продукты питания и алкогольные напитки в зависимости от среднедушевых располагаемых ресурсов по 10-ти процентным группам населения мы выявили, какие продукты являются знаковыми в дифференциации населения. Для этого мы произвели расчёты по данным Госкомстата, привели данные процентного распределения на разные продукты питания в процентах от общих расходов в более наглядные абсолютные показатели расхода (табл. 1). Коэффициент соотношения расходов на каждую статью по крайним децильным группам позволил выявить продукты, которые характеризуют статус семьи: фрукты и ягоды (расход у богатых в 4 раза больше, чем у бедных), рыба и рыбные продукты. Обратим внимание, что расходы на питание вне дома отличается в 42 раза!

Таблица 1 Расходы на продукты питания и алкогольные напитки в зависимости от среднедушевых располагаемых ресурсов по 10-ти процентным группам населения, руб. на одного члена семьи

Расходы	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая	Восьмая	Девятая	Десятая	Коэффициент дифференциации
На покупку продуктов для домашнего питания	1706	2371	2792	3144	3407	3712	3991	4274	4820	5179	3,04
В т. ч. на											
Хлеб и хлебные продукты	344	429	482	528	539	558	602	628	711	804	2,33
Картофель	24	34	41	40	46	43	50	46	59	64	2,68
Овощи и бахчевые	84	124	156	184	192	204	239	291	336	322	3,82
Фрукты и ягоды	112	158	183	224	238	279	314	337	375	450	4,02
Мясо и мясные продукты	461	689	836	928	1041	1148	1205	1287	1442	1480	3,21
Рыба и рыбные продукты	100	136	177	200	219	268	264	306	356	386	3,85
Молоко и молочные продукты	284	389	448	504	548	569	640	643	711	740	2,60
Сахар и кондитерские изделия	92	130	150	176	192	225	239	230	277	322	3,49
Яйца	36	45	48	56	55	54	63	61	59	64	1,78

Расходы	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая	Восьмая	Девятая	Десятая	Коэффициент дифференциации
Масло растительное и другие жиры	36	45	54	56	64	64	75	77	59	97	2,68
Чай, кофе, безалкогольные напитки и др. Продукты питания	132	192	217	248	274	300	301	368	435	450	3,41
На питание вне дома	32	85	102	152	174	225	326	536	948	1351	42,16
На покупку алкогольных напитков	52	79	116	144	146	215	213	306	395	483	9,27
Рассчитано по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Доходы, расходы и условия проживания домохозяйств. Данные I квартала 2013 года http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#											

Данные процентного соотношения расходов на покупку непродовольственных товаров выглядят достаточно гладкими, богатые и бедные семьи практически не отличаются, а вот выведенная нами картина абсолютных расходов по разным продуктам даёт нам более реальное представление о существующей дифференциации. Самая бедная группа населения в 2013 г. в среднем на одного человека тратила 957 руб. на все непродовольственные товары, тогда как 10% самых обеспеченных 18464 руб. разница в 19 раз. Меньше всего в структуре расходов отличаются расходы на самые необходимые из всех товаров: одежду, обувь, белье и ткани, (у 10% самых бедных семей составляет 300 рублей на человека, у 10% самых богатых – 2316 руб.); медицинское обслуживание (244 руб. и 1062 руб., разница 4 раза). Больше всего бедные экономят на предметах ухода за домом, мебелью, практически не используют средства для строительства.

В ходе исследования для апробации созданной методики нами было проведено дневниковое обследование домохозяйств в г. Белозерске. Мы смогли проанализировать группы товаров более подробно и выяснили, что бедные семьи практически не покупают книг, дисков, семьи со школьниками в данный момент спасаются только фондом городских и школьных библиотек. Низкий материальный статус уже с уровня школьной скамьи ограничивает развитие образовательного статуса. Даже среднеобеспеченные семьи не могут позволить своим детям те необходимые ресурсы для образования, которые легкодоступны обеспеченным семьям.

Наиболее представительно в анализе социального статуса выглядят расходы на оплату услуг. Бедные семьи не могут себе позволить расходы на услуги в сфере культуры и образования, тогда как у обеспеченных эти расходы достаточно велики (табл. 2). Расходы у десятой и первой децильной группы по услугам учреждений культуры отличаются в 27 раз! Медицинские услуги – в 34 раза! Таким образом, складывается следующая ситуация: социально-экономический статус определяет условия для репродукции статуса культурно-

образовательного. Семьи с низким уровнем достатка практически не имеют возможности позволить себе расходы на культуру и образование.

Проведённая нами работа позволила нам прийти к выводу, что определение социального статуса возможно при комплексном рассмотрении статистических данных: показателей структуры доходов и расходов населения с показателями социально-профессионального, социально-психологического, социально-культурного статуса и т. д. В своей работе при изучении социального статуса мы через обозначение проблемы социального неравенства вышли на актуальные в современный период проблемы образовательного и досугового неравенства. Низкий социальный статус семьи, если он обусловлен низким уровнем материального достатка, порождает в дальнейшем воспроизводство ещё более низкого социального статуса у следующих поколений, связанного с ограниченностью доступа к образовательным и культурным услугам.

Таблица 2 Показатели расходов на оплату услуг в зависимости от среднедушевых располагаемых ресурсов по 10-ти процентным группам населения, руб. на человека

Расходы	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая	Восьмая	Девятая	Десятая	Коэффициент дифференциации
На оплату услуг	1258	1705	2004	2296	2658	3122	3614	4626	4800	6691	5,32
В т. ч. на:											
Жилищно-коммунальные услуги	721	931	1053	1160	1206	1277	1330	1563	1639	1994	2,77
Бытовые услуги	60	102	129	168	201	279	351	506	652	836	13,92
Услуги учреждений культуры	36	56	95	96	146	182	264	751	514	965	26,77
Услуги в системе образования	72	90	109	152	183	225	439	352	237	225	3,12
Медицинские услуги	16	40	41	64	100	290	226	276	454	547	34,13
Санаторно-оздоровительные услуги	0	0	0	8	91	21	13	61	20	64	
Услуги пассажирского транспорта	128	181	231	264	265	311	402	383	415	547	4,27
Услуги связи	204	265	299	320	356	408	427	506	533	611	2,99
Прочие услуги	20	40	48	64	110	129	163	230	336	901	44,97
Рассчитано по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Доходы, расходы и условия проживания домохозяйств. Данные I квартала 2013 года http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#											

Литература

- 1 Любимова А. Б. Статус семьи: проблемы эволюции: Соц.-филос. Аспект. М. : Прогресс, 1998. 156 с.

- 2 Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Доходы, расходы и условия проживания домохозяйств. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

П. Е. Голосов, В. И. Горелов
О МОДЕЛИРОВАНИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСОВ

ГОЛОСОВ П. Е. – кандидат технических наук, завкафедрой прикладных информационных технологий ИОН РАНХиГС. E-mail: pgalosov@gmail.com.

ГОРЕЛОВ В. И. – доктор технических наук, зам. зав. кафедрой прикладных информационных технологий ИОН РАНХиГС. E-mail: vigorelov@mail.ru.

Любой опрос делается с какой-то целью. Как правило, результатом работы социологов является выработка рекомендаций поведения или же какие-то статистические данные, способные повлиять на принятие решений. Отсюда следует, что конструкция опросов предполагает оценку ключевых индикаторов оценки цели исследования. Если цель не очень масштабна, то опрос можно составить так, чтобы оценить все ключевые индикаторы. В противном случае можно провести согласованный набор опросов для принятия решений по реализации цели. Возникает набор вопросов следующего типа: Как компаниям-агрегаторам получать новые знания на основе имеющихся в их распоряжении массивов информации? Чем и как исследователи-социологи и агрегаторы Big Data могут быть полезны друг другу?

Предлагается методика ответов на эти вопросы с помощью методов системного анализа и когнитивного моделирования. Как правило, ключевые индикаторы определяются заказчиком опросов, но никто не мешает ввести дополнительные индикаторы в опрос или же добавить их в следующий. При поставленной цели методы выбора индикаторов описаны в [1], а вербальная постановка модели для принятия решений в [2]. Такую задачу по силам решить агрегаторам, и они могли бы согласовать с социологами необходимые им ответы на вопросы. Таким образом, агрегаторы и социологи совместно могли бы конструировать наиболее сложную часть работы – подготовку анкетирования. В этом случае перед исследователями-социологами встаёт задача организации наиболее полной выборки для достоверности получаемой информации.

С помощью моделирования реализации цели [3] нетрудно определить совокупность приемлемых решений по реализации цели, наилучшее и наихудшее решения в конкретной ситуации. Таким образом, мы можем получить спектр решений реализации цели и обоснованно рекомендовать некоторые решения с учётом оценок их принятия.

Рассмотрим модельный пример моделирования принятия решений в малой группе.

Рассмотрим группу из трёх человек. Целью моделирования является повышение сплочённости группы и возникновение коллектива.

Пусть группа состоит из трёх человек, каждый из которых устойчиво отрицательно относится к одному из членов коллектива, а к другому – нейтрально.

Допустим, что по результатам опроса можно сформировать следующую матрицу отношений внутри малой группы:

0	-0,3	0
0	0	-0,5
-0,4	0	0

Возникает вопрос: Каким образом сгладить устойчивое негативное восприятие в группе и добиться положительных результатов формирования нормальных отношений?

Процесс моделирования разбивается на два этапа.

На первом этапе определяется наиболее эффективная точка воздействия (тип отношений и на кого лучше воздействовать):

1. 0,584719
2. 0,579892
3. 0,474617

Результаты моделирования показывают следующее:

- 1 Отношения находятся в фазе устойчивого застоя, требуется большая работа по изменению отношений.
- 2 Вывод из застоя лучше всего осуществлять, воздействуя на первого человека.

На втором этапе определяется через кого лучше всего осуществлять воздействие с целью улучшения отношений в группе:

1. 0,610851
2. 0,566409
3. 0,489199

Результаты моделирования показывают, что в данной ситуации следует начинать работу с изменения (улучшения) отношения третьего члена группы к первому.

Заметим, что наихудшим решением является улучшение отношения первого члена группы ко второму.

Допустим теперь, что начальная система отношений несколько другая. Второй член группы с небольшим интересом относится к первому, но сохраняет негативное отношение к третьему. Остальные члены группы своих предпочтений не меняют. Матрица отношений в группе имеет вид

0	-0,3	0
0,1	0	-0,5
-0,4	0	0

Тогда наиболее эффективной точкой воздействия является второй член группы:

1. 0,582415
2. 0,657061
3. 0,48076

В этой ситуации наилучшим решением является поддержка интереса второго члена группы к первому, а наихудшим – улучшение отношения третьего члена группы к первому.

Таким образом, применяя аппарат моделирования по результатам опроса можно определить стратегию изменения отношений в группе и проработать наиболее эффективные шаги решения проблем.

Нетрудно видеть, что можно аналогично модельной поставить и решить, например, задачу отношения трёх групп людей в обществе и т. д.

Предложенная методика, показанная на примере малых групп, применима и к большим группам. Она позволяет не только собирать данные, но и моделировать опросную часть под конкретную задачу с целью выявления назревающих проблем и поиска наилучшего решения.

Литература

- 1 Горелов В. И., Ледашева Т. Н., Карелова О. Л. Системное моделирование в социально-экономической сфере. Химки: РМАТ, 2012. 185 с.
- 2 Голосов П. Е., Горелов В. И. Об одном подходе к математическому описанию задач менеджмента // Наука и Мир. Волгоград. 2013. № 3 (3). С. 48–54.
- 3 Горелов В. И., Карелова О. Л. О весах критериев в задачах менеджмента // Экономический журнал МГЛУ. 2014. №4. С. 53–64.

Л. И. Грошева

СПЕЦИФИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ МОЛОДЁЖНОЙ БИЗНЕС-АКТИВНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ПОЛИПРОГРАММНОЙ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ

ГРОШЕВА Л. И. – преподаватель кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин ТВВИКУ. E-mail: malivia@rambler.ru.

Несмотря на определённые успехи, полученные по результатам региональных образовательных программ и всероссийских конкурсов, в целом степень вовлечения молодёжи в предпринимательскую деятельность остаётся на низком уровне. В среднем, исходя из тех данных, что официально публикуются региональными фондами: из 10 обучаемых в лучшем случае 4 создают собственное предприятие.

С точки зрения проблем вовлечения молодёжи в сферу бизнеса присутствует ряд факторов, снижающих востребованность бизнеса и предпринимательства в целом. В России наблюдается более низкая востребованность предпринимательства со стороны молодых людей по сравнению с аналогичными показателями стран Европы и США, которая обусловлена несколькими причинами.

- 1 Рост занятости в бюджетных сферах.
- 2 Нестабильность экономической ситуации в стране.
- 3 Низкая эффективность мер поддержки бизнеса.
- 4 Недостаток средств в субъектах Федерации (в органах местного самоуправления) и в связи с этим недостаточное внимание к поддержке молодёжного

предпринимательства [1]. В настоящее время в субъектах Федерации основное внимание уделяется крупным компаниям, которые ориентируются на заключение договоров с зарубежными партнёрами.

Если первые четыре фактора относятся к преимущественно внешним аспектам регулирования, то последний свидетельствует о внутренних противоречиях и препятствиях для развития малого молодёжного предпринимательства.

Низкий уровень склонности к риску наблюдается у большинства населения России. По результатам исследований ВЦИОМ в 2012 году 44% респондентов предпочли работу в компании «Газпром», 29% отдали предпочтение «Роснефти», 25% – выбрали банковский сектор, 13% предпочли работать в «РЖД». Указанные предпочтения охватывают достаточно стабильный и прибыльный сектор, что свидетельствует о выборе сфер с низким рисковым потенциалом [3]. С данными ВЦИОМ коррелируют и результаты, полученные в середине 2013 года сотрудниками «Левада-центра», о предпочтительном месте работы россиян. Респонденты выразили склонность к способам получения средств к существованию, не связанным с риском:

- 27% высказались за работу в органах государственной власти;
- 14% предпочли иностранные компании;
- 5% выбрали бюджетную сферу;
- 11% не смогли определиться с желаемой сферой труда;
- 10% допускали возможность открытия своего дела.

При этом каждый шестой отметил желательность трудоустройства в силовых структурах, и лишь 1 из 20 рассматривал возможность трудоустройства в частные малые предприятия [5].

Уровень самооценки готовности к предпринимательству в России является самым низким среди европейских стран. По степени опасения неудач в бизнесе Россия находится на третьем месте, уступая лишь пребывающим в тяжёлом финансовом положении Италии и Греции. Лишь 2% от всего взрослого населения Российской Федерации намереваются открыть собственное дело. Этот показатель является чрезвычайно низким по сравнению с общемировыми показателями. В Норвегии, Ирландии, Дании, Швейцарии, Германии, Нидерландах эти значения находятся в диапазоне 5–9%, тогда как во всех прочих европейских странах этот показатель более 10% [2]. В качестве сравнения, согласно итогам «Глобального мониторинга предпринимательства», проведённым в 2012 г. Высшей школой менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета (ВШМ СПбГУ) при поддержке Babson College и London Business School (где было опрошено население 69 стран), россияне реже, чем жители прочих стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), проявляют готовность открыть своё дело. В России только 4% взрослых включены в создание и развитие собственного бизнеса; подобная ситуация характерна для Италии и ряда стран старой Европы [4].

Исследование, проведённое автором в течение 2014 г. (N=40 экспертов) также отражает достаточно высокий уровень нестабильности в сфере ведения бизнес-деятельности представителями молодёжной среды. Среди молодых бизнесменов действующих более 1 года, достаточно высокая доля отдаёт предпочтение использованию ресурсов социального капитала. 9,1% опрошенных экспертов относят себя к предпринимательской династии, 18,2% нашли опору в осуществлении бизнес-активности среди родственников, знакомых, либо в членах собственной семьи.

Наиболее надёжными и эффективными формами обучения отмечен метод самообразования (54,5%), однако значительная доля респондентов – 23,5% опирается на консультации близкого окружения, 18,2% использовали знания, полученные от коллег на предыдущем рабочем месте. Данные авторского экспертного опроса позволяют сделать вывод о том, что отечественный молодёжный бизнес по-прежнему имеет тесную привязку к первичным социальным связям, которые при грамотном построении деловых взаимоотношений обеспечивают достаточную эффективность предпринимательской единицы, чтобы преодолеть годовой рубеж развития. Обращение к государственным и региональным программам по-прежнему не позиционируется в качестве необходимой и потенциально эффективной возможности создания бизнеса. Таким образом, значительная доля молодёжных предприятий не включена в систему государственной помощи.

Другой значительной проблемой для оценки эффективности государственного управления молодёжной бизнес-активностью остаётся уровень теневого предпринимательства, выходящего за пределы как статистического анализа, так и бизнес-продуктов, разработанных при участии государственных структур.

Основными причинами выбора теневой формы молодёжного бизнеса остаются экономические факторы: нежелание платить налоги (63,4%), временная подработка (45,5%), которые имеют абсолютный вес среди девушек, совмещающих бизнес с трудовой деятельностью по найму или воспитанием ребёнка. Однако среди прочего выделена причина «нежелание брать на себя ответственность» – 27,3%. Этот факт свидетельствует о предпринимательском потенциале, который скрыт по причине факторов неуверенности, недостаточного уровня знаний, потенциала собственного здоровья и психологической устойчивости.

Из краткого анализа имеющихся данных следует, что в настоящих условиях присутствуют затруднения в рамках молодёжных предустановок к ведению бизнеса как таковых, а также в сфере объективной оценки молодёжного предпринимательства ввиду специфики и развития теневых форм деятельности.

Оценка количественных факторов в России в настоящее время существенно затруднена, по ряду объективных и субъективных причин, устранение которых позволит осуществлять эффективный мониторинг с учётом выявленных особенностей молодёжного бизнеса. На текущий момент, на взгляд автора, необходимо предпринять следующие шаги с целью оптимизации статистического анализа феномена молодёжной бизнес-активности.

- 1 Создать сектор официальной статистики по доле концентрации молодёжного бизнеса в общей структуре бизнес-среды.
- 2 Организовать фиксацию уровня выживаемости молодёжных предприятий по категориям.
- 3 Наладить учёт официально раскрываемой информации посредством социальных сетей и интернет-порталов для оценки размеров теневой формы бизнеса.
- 4 Проводить регулярный мониторинг формирования молодёжных деловых сетей и их выживаемости в период 1-3 года и 3-5 лет.
- 5 Разработать инструментарий для статистического анализа средней заработной платы молодых предпринимателей в среднем по региону.
- 6 Наладить сбор информации по объёму выпущенной продукции/работ/оказанных услуг молодёжными предприятиями.

Наличие сводных статистических данных позволит эффективно использовать ряд количественных показателей, играющих в системе управления значительную роль. В совокупности рекомендуемые показатели позволят оперативно выявить фундаментальные препятствия для развития молодёжной бизнес-активности и сформировать пакет наиболее адекватных мер по их преодолению.

Литература

- 1 Аруцев А. А. Общие направления государственного регулирования малого предпринимательства. URL: http://www.ieay.ru/nauch/sc_article/2008/01/Arucev.shtml.
- 2 Васильев М. В. Малый бизнес и современный политический процесс в США: совершенствование системы классификационных признаков малых фирм. Электронный научный журнал «Россия и Америка в XXI веке». URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=171>
- 3 ВЦИОМ: 44% россиян хотят работать в «Газпроме». Портал Ведомости.Карьера. URL: <http://www.vedomosti.ru/career/news/6729921/vciom>.
- 4 Глобальный мониторинг предпринимательства (GEM). Портал Высшей школы менеджмента. URL: <http://www.gsom.spbu.ru/research/eship/projects/gem/>.
- 5 Официальный форум лидеров молодёжного бизнеса. URL: <http://www.iblfrussia.org/programmes/current/detail.php?ID=290>.

А. Ш. Дубина

ЗНАЧЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМЫ УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ ТРУДОМ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ Г. ПЕНЗЫ

ДУБИНА А. Ш. – старший преподаватель кафедры "Управление инновациями" Пензенского филиала МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: misurin@bk.ru.

На ушедший XX век пришлось бурное развитие и внедрение теории вероятностей, математической статистики в различные области научной и практической деятельности человека, которое продолжается и в настоящее время. Оказалось, что вероятностно-статистические представления, методы, с точки зрения современной науки, являются наиболее эффективными средствами познания и моделирования природных и социальных явлений, процессов, объектов и их характеристик.

Роль статистики в нашей жизни настолько значительна, что люди, часто не задумываясь и не осознавая, постоянно используют элементы статистической методологии не только в трудовых процессах, но и в повседневном быту. Работая и отдыхая, делая покупки, знакомясь с другими людьми, принимая какие-то решения, человек пользуется определённой системой имеющихся у него сведений, сложившихся вкусов и привычек, фактов, систематизирует, сопоставляет эти факты, анализирует их, делает выводы и принимает определённые решения, предпринимает конкретные действия. Таким образом, в каждом человеке заложены элементы

статистического мышления, представляющего собой способности к анализу и синтезу информации об окружающем нас мире.

Таким образом, опираясь на данные статистики стало возможным изучения проблемы удовлетворённости примышленных рабочих своим трудом. За основу были взяты данные ВЦИОМ, ФОМ, данные Российского статистического агентства и статистические материалы по Пензенской области, касающиеся социально-экономического положения, структуры и численности рабочих промышленности.

Оценивая данные о структуре и численности промышленных рабочих в настоящее время, необходимо отметить, что статистика вакансий говорит о высокой потребности промышленности в рабочей силе.

В период с 2006 по 2011 г. российская обрабатывающая промышленность лишилась более 1,85 млн рабочих. В настоящее время среднегодовая численность занятых в промышленности, в соответствии с российским статистическим ежегодником на 2011 г., составляет: 1057 тыс. человек – добыча полезных ископаемых; 10 292 тыс. человек – обрабатывающие отрасли промышленности; 1945 тыс. человек – производство и перераспределение электрической, газовой энергии и воды [3].

Анализ статистических данных по профессиональной структуре промышленных рабочих позволил построить их социальный портрет. В подавляющем большинстве промышленные рабочие – это семейные мужчины в возрастной группе от 40 до 50 лет, имеющие стаж работы в одной отрасли 10–15 лет и средний уровень образования. Эту группу отличает довольно низкий уровень образования: в основном среди промышленных рабочих встречаются выпускники средних профессиональных технических учебных заведений. Заявленный уровень личного дохода этой категории рабочих составляет примерно 10 000 руб. Среди основных ценностей – трудолюбие, порядочность, воля.

Таким образом, анализ современного состояния промышленных рабочих показал, что эволюция социокультурного облика промышленных рабочих отразила весь ход процессов, происходящих в обществе. Кардинальные изменения в труде и повседневной жизнедеятельности рабочих очень тесно связаны со значительными социально-экономическими преобразованиями в стране. Уровень жизни промышленных рабочих в настоящее время невысок, наблюдается низкая интенсивность инновационной активности, у рабочих промышленности широко развит мотив выживания, в основном используются адаптационные стратегии.

В рамках авторского исследования объектом являются рабочие промышленных предприятий Пензенской области, в связи с чем закономерно возникает потребность в анализе статистических данных по социально-экономическому развитию промышленности в рассматриваемом регионе.

Пензенская область является дотационным регионом. При ограниченности ресурсно-сырьевого потенциала главным её стратегическим ресурсом устойчивого развития является интеллектуальный и рабочий потенциал. По сравнению с периодом 1990-х годов, несомненно, изменились социально-экономические условия, в которых развиваются промышленные предприятия региона. В целом можно сказать, что преодолены факторы, дестабилизирующие функционирование и развитие областной системы экономики: социальная и экономическая нестабильность в обществе; острый дефицит средств вследствие кризисного состояния экономики; неполнота и противоречивость нормативно-правовой базы. Вместе с тем в

настоящее время сохраняется действие ряда негативных факторов, влияющих на работу промышленных предприятий Пензенского региона [1].

Условия труда являются важным организационным фактором, влияющим на удовлетворённость трудом. Осуществление однообразной деятельности в течение длительного периода приводит к утомлению, способствующему падению производительности труда работника. Вместе с силовой и интеллектуальной нагрузкой существенное влияние на чувство утомляемости оказывает и реальная рабочая обстановка. Согласно сведениям Министерства труда и социального развития РФ, более половины действующих активов организаций давно устарели, доля эксплуатации изношенной техники в некоторых сферах промышленного производства превышает 80%. Неблагоприятная рабочая обстановка часто является причиной повышенного риска для жизни и здоровья работника [4]. Отечественные предприятия каждый год недосчитывают около 2% валового внутреннего продукта (это около полумиллиарда рублей) по причине неблагоприятных условий труда, повреждений и смерти сотрудников во время работы [5, с. 51]. Трагические происшествия во время трудового процесса и профессиональные болезни наносят ущерб не только здоровью человека, но и экономике страны в целом. По данным российской государственной статистики, количество рабочих, трудящихся на предприятиях с неблагоприятными условиями труда, продолжает увеличиваться [62, с. 62]. Каждый год в результате производственных травм гибнет порядка 5 тыс. служащих работоспособного возраста [4, с. 28].

Современные российские промышленные рабочие находятся в сложной, противоречивой ситуации, которая обусловлена общесистемными трансформационными процессами российского общества и связана, в т. ч. с переходом от плановой к рыночной экономике. причём большая часть промышленных рабочих России оказалась депривированной по всем направлениям: в экономическом, социальном, политическом плане. Их основной экономической стратегией выступает стратегия выживания, что подтверждают результаты общероссийских социологических исследований. Произошедшие изменения негативно сказались на престиже рабочей профессии, уровне жизни промышленных рабочих и вызвали доминирование прагматических мотивов и снижение удовлетворённости рабочих своим трудом [2].

Проблема удовлетворённости трудом занимает центральное место в жизни каждого трудоспособного человека. Одними из первостепенных задач, стоящих перед социологами, являются выявление основных причин неудовлетворенности рабочих своим трудом, возникших на российских предприятиях промышленности вследствие противоречивых социально-экономических процессов, а также выработка конкретных мер и решений в поиске эффективной и производительной работы персонала [1].

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что статистическое наблюдение – интересная и занимательная область математики. Статистические наблюдения используются практически везде, где только можно обусловить их применение.

Статистические данные, полученные в ходе исследования можно использовать руководителям в работе по повышению экономической эффективности работы предприятия и улучшению морально-психологического климата коллектива при изучении им статистики в качестве примеров статистического исследования и графического представления результатов исследования.

К тому же, статистические характеристики и исследования помогают проследить развитие той или иной проблемы. Они играют значительную роль в нашей жизни, их можно использовать не только в математике, но и в других отраслях науки.

Литература

- 1 Дубина (Мисюрин) А. Ш. Промышленные работники в период социально-экономических трудностей / А. Ш. Дубина (Мисюрин) // Глобальная социальная турбулентность и Россия : сб. тез. Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2011» / под ред. В. И. Добренькова. М. : Университетская книга, 2011. С. 401–402 (0,2 п.л.).
- 2 Дубина А. Ш. Динамика удовлетворённости трудом работников крупных промышленных предприятий // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М. : НИЦ «Академика». 2014. № 3 (44). С. 92–100 (0,5 п.л.; авт. вклад 0,3 п.л.).
- 3 Максимов Б. И. Рабочий класс, социология и статистика // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 39–49.
- 4 Статистический сборник Росстата «Труд и занятость в России» (2011 г.) URL: <http://www.gosbook.ru/node/42456>.
- 5 Трушков В. В. Современный рабочий класс России в зеркале статистики // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 49–50.

Г. Т. Журавлёв

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ

ЖУРАВЛЁВ Г.Т. – д. ф.н., д.э.н., профессор кафедры "Менеджмент организации" Российской Академии предпринимательства. E-mail: pochta1932@mail.ru. Tf-89153465273.

Проблемы измерения социальных переменных остаются актуальными. В ряде вузов читается курс «Теория измерения», издаются учебники, создаются учебные программы. В эту большую созидательную работу включилось большое число учёных и преподавателей вузов, что порождает разночтение и разную интерпретацию отдельных аспектов измерения. Измерение в социологии сравнительно молодая отрасль социологического знания, поэтому появляется много разных точек зрения, которые со временем либо станут проверенными практикой истинами, либо выйдут из научного обихода.

Обзор литературы, посвящённой проблемам измерения, показывает, что надо договориться о некоторых базовых предпосылках измерения социальных переменных.

Прежде всего, целесообразно подчеркнуть, что методы математико-статистического анализа делятся на методы обработки и анализа количественных признаков и методы анализа качественных признаков (что называется *непараметрической* статистикой). Иначе говоря, методы обработки и анализа данных зависят от того, имеем мы дело с количественными или качественными признаками (свойствами), методы, предназначенные для анализа количественных данных, не дадут истины, если будут применены для анализа качественных признаков. Так что результаты измерения существенно влияют на выбор методов анализа,

поэтому целесообразно строго различать количественные и качественные свойства, которые мы намереваемся измерить.

В то же время следует обратить внимание на различия в методах измерения количественных и качественных свойств социальных явлений и объектов. Измерение количественных свойств даёт результаты, которые *аддитивны*. В то время как результаты измерения качественных свойств не *аддитивны*. Понимание аддитивности играет важную роль в различении количественных и качественных свойств. Если результаты измерения какого-либо свойства не аддитивны, значит это свойство относится к классу качественных, а для анализа результатов измерения нельзя применять методы, предназначенные для анализа количественных данных.

Важной особенностью измерения социальных переменных является учет различий *метрики* количественных числительных и порядковых числительных. Из этого следует, что для порядковых шкал (порядковая шкала и интервальная шкала) используются методы непараметрической статистики, и только. Результаты измерений порядковыми шкалами не аддитивны. Из этого следует, что отождествлять интервальную шкалу и шкалу отношений только на том основании, что они обе метрические, не корректно. Результаты измерения количественных свойств аддитивны, а результаты измерения качественных свойств не аддитивны.

Ещё одно различие в метрике интервальной и шкалы отношений сводится к следующему. Шкалы отношений, разностей и абсолютных значений позволяют измерить свойство *в интервале* (от 1-го метра до 2-го метра). Интервальная шкала показывает интенсивность *в точке* (не 90 градусов, но 90-й градус; или капитан II-го ранга и капитан 1-го ранга).

Эти особенности вытекают из учёта различий между *экстенсивными* и *интенсивными* свойствами. Так что, результаты измерения экстенсивных свойств аддитивны, а интенсивных свойств не аддитивны. Для измерения интенсивных свойств используются шкалы номинальная, порядковая и интервальная. Но эти шкалы не применимы для измерения экстенсивных свойств, а тем самым, для анализа данных, полученных при использовании интервальной шкалы, нельзя использовать методы, предназначенные для обработки и анализа количественных свойств.

Шкалы номинальная, порядковая и интервальная могут быть преобразованы в шкалу абсолютных значений, для этого предложены методы: «мощность социального множества» и «квалитативный интеграл» [1–2], но при этом измеряются не индивидуальные свойства, а свойства коллективов (например, успеваемость отдельных студентов и успеваемость группы; но не средний балл; количество работников, которые руководствуются карьерными соображениями в добросовестной работе, в коллективе, и тем самым, характеризуют коллектив).

Социологи часто изучают *латентные* свойств социальных объектов и явлений. Для их выявления и оценки приходится использовать математические методы. При этом целесообразно различать методы анализа количественных и качественных свойств.

Разумеется, проблемы измерения этим не исчерпываются. Но внимательное чтение литературы, посвящённой измерению социальных переменных и применению математико-статистических методов для обработки и анализа данных, показывают, что иногда решение затронутых выше проблем порождает трудности в их решении.

Литература

- 1 Шабельская А. В. Принципы и методы измерения качественных переменных в экономико-теоретических исследованиях. М.: ИНИОН РАН, 2011.
- 2 Ермакова Е. Е., Журавлев Г. Т., Шабельская А. В. Информационный менеджмент в предпринимательстве. М.: Российская Академия предпринимательства; АП "Наука и образование", 2010.

В. В. Задорин

ЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ
В СОЦИОЛОГИИ¹²

ЗАДОРИН В. В. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии РАНХиГС. E-mail: formessage07@rambler.ru.

В зависимости от объёма, целей и ряда других параметров статистические данные социологического исследования могут быть обработаны «вручную» или с применением программно-аппаратных средств. Большие массивы данных удобнее обрабатывать вторым способом. Под *данными* (data) будем понимать значения качественных или количественных переменных, задаваемых на некотором множестве вполне различаемых предметов. Это множество вполне различаемых предметов в социологии и статистическом анализе называется *генеральной совокупностью* (популяцией), а в логике – предметной областью, или универсумом рассуждения.

Данные могут быть классифицированы по различным основаниям, например, по формату хранения или по типу используемых переменных. Для того, чтобы сосредоточиться на логических аспектах применения статистических данных в социологии, классифицируем последние в зависимости от количества выборок на: одно-, двух- и многомерные, как это делают авторы работы «Наглядная статистика. Используем R!». Также выделим некоторые разновидности анализа данных, опираясь на точку зрения Джеффри Лика (Jeffrey Leek), ассистента профессора биостатистики университета Джонса Хопкинса.

Анализ как одномерных, так и более чем одномерных данных может быть *описательным*, где обобщение проводится с помощью статистического моделирования (например, перепись населения), и *индуктивным*, когда выводы, полученные на основании изучения некоторой выборки, переносятся (экстраполируются) на генеральную совокупность. Именно такие обобщения с помощью статистических моделей являются, пожалуй, самыми распространёнными на сегодняшний день. Для нас крайне существенно подчеркнуть, что выводы этих обобщений носят **вероятностный** (правдоподобный, обоснованный), а не достоверный (правильный, дедуктивный) характер. *Достоверными* будем называть выводы, где заключение логически следует из посылок, т. е. не существует такого приписывания значений выбранным составляющим формы этих выводов, при котором посылки оказывались бы истинными, а заключение – ложным. *Обоснованными* – в которых заключение не следует

¹² Работа выполнена в рамках реализации научного проекта РФФИ «Реляционное объединение данных разнородных социологических исследований в единый массив и интеллектуальный анализ с применением технологий машинного обучения» (№15-06-02758).

логически из посылок, но при условии истинности последних вероятность истинности заключения возрастает. Степень обоснованности выводов здесь повышается с увеличением выборки.

Помимо вышеуказанного применения программных средств анализа *одномерных* данных для вероятностных обобщений описательного и индуктивного характера, они также могут быть использованы для решения вопроса о **достоверности** выводов (умозаключений, рассуждений) социологического исследования, проведённого ранее «вручную». Это станет возможным в случае успешной формализации социологической теории или её фрагмента.

Формализация теории предполагает её реконструкцию в специальном символическом языке, где отдельные символы соответствуют, как правило, целым словам, а последовательности символов, называемых *формулами* – фразам. Формализация социологической теории имеет следующую, существенную с точки зрения логики, особенность – генеральная совокупность изучаемых объектов (и их свойств и отношений) является конечным множеством. Эта особенность позволяет сформулировать утверждение, подлежащее обсуждению: **формализованная социологическая теория является *разрешимой***, т. е. для всякой формулы, выражающей форму произвольного высказывания данной теории, мы можем определить, является ли она тождественно истинной (принимаящей значение «истина» при любой интерпретации собственных составляющих), нейтральной (когда существует хотя бы одна интерпретация, при которой формула принимает значение «истина», и существует хотя бы одна интерпретация, при которой формула принимает значение «ложь») или тождественно ложной (принимаящей значение «ложь» при любой интерпретации собственных составляющих). Кроме того, формализовав социологическую теорию, мы сможем дать однозначный ответ на вопрос, является ли она ***непротиворечивой***, т. е. не существует ли в ней какой-либо тождественно истинной формулы, являющейся одновременно тождественно ложной.

Для *двух- и более чем двумерных* данных специфично проведение *исследовательского* анализа с целью поиска неизвестных ранее зависимостей. Он эффективен для обнаружения *соответствий*, когда исследуемые события в большинстве случаев встречаются одновременно, а в меньшинстве – по отдельности, и *корреляций*, когда исследуемые события во всех случаях встречаются одновременно, но нельзя сказать, что одно из них причина другого. Данная разновидность анализа статистических данных плодотворна для разработки новых направлений исследования, но, как правило, не может быть использована для обобщений или предсказаний. Для того, чтобы как можно более точно *предсказать* событие или свойства следующего объекта на основе данных, полученных по нескольким выборкам или предшествующим объектам, лучше взять как можно больше данных и, как правило, максимально простую модель – такой анализ называется *предиктивным*. Вместе с тем, обязательно учитывать, что даже если некоторое предшествующее событие позволяет предсказать последующее, это вовсе не означает, что первое – причина второго. Для установления причинно-следственных связей используется *причинный* анализ, в ходе которого обычно выясняется, что произойдёт с данной переменной при изменении других переменных. Здесь используются случайные исследования с контрольными группами, а причинно-следственная связь может быть определена как средняя степень влияния.

В заключении хотелось бы упомянуть о: 1) *многомерном* анализе, применяемом с целью выявления структуры объекта, который причисляется к одним из самых сложных, но он позволяет проверять качество классификации объектов, и 2) *механистическом* анализе, почти

не используемом в исследованиях по обработке данных, цель которого – понять, как изменение значений одних переменных влияет на значения других в отдельных объектах, например, в физике и инженерных задачах, где с помощью простых моделей могут количественно описать значительную часть наблюдаемых явлений, как правило, единственной случайной компонентой при проведении механистического анализа является ошибка измерений.

А. А. Зенько, Т. С. Сорокина-Зенько
НАДЁЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПАРНЫХ КОЭФФИЦИЕНТОВ ВЗАИМОСВЯЗИ В СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ

ЗЕНЬКО А. А. – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук университета «Дубна». E-mail: oranta2009@yandex.ru.

СОРОКИНА-Зенько Т. С. – аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук университета «Дубна». E-mail: soroka15.08@mail.ru.

Применение статистических методов при анализе социологических данных стало рутинной операцией для большинства исследователей. Сами математические процедуры при этом воспринимаются на уровне обыденных действий и повседневного опыта, а нередко и как готовая догматическая система, не требующая критического осмысления.

Развитие компьютерной техники и статистического программного обеспечения сняло ограничения на использование статистических методов из-за слабой математической подготовки и сделало необязательным понимать ограниченность применения определённой статистической процедуры при анализе конкретной социальной ситуации.

Выделим главное направление в статистическом анализе, которое является одновременно «статистической ловушкой» при механическом его применении это использование коэффициентов корреляции.

В основном массиве социальных исследований при анализе используются парные коэффициенты взаимосвязи, которые базируются на предположении, полученном социологами от естественных наук. Суть предположения заключается в том, что отклонение значений случайной величины y_i от значений, определяемого функциональной зависимостью $y(x)$, при фиксировании x_i описывается распределением Гаусса. Это предположение автоматически переносится на социальные явления, при этом игнорируется то, что в 90% социальных замеров стационарное распределение не является гауссовским.

В случае качественных переменных нас уже интересует только факт наличия или отсутствия связи и её плотность. При определении этой плотности переменные могут быть ранжированы в порядке убывания частот их встречаемости, в т. ч. отдельно для каждой переменной на данном множестве объектов измерения. Но, и, в этом случае наличие или отсутствие связи для номинальных переменных имеют объективный смысл лишь в той мере, в какой данное измерение воспроизводимо.

Таким образом, при использовании как количественных, так и качественных данных единственным строгим способом проверки полученного результата является его воспроизводимость. Подтверждением данного утверждения является проверка чаще всего применяемых парных коэффициентов корреляции (коэффициент корреляции Пирсона,

ранговый коэффициент корреляции Спирмена, коэффициент сопряжённости Пирсона и др.) на релевантность, воспроизводимость и валидность.

Критерий релевантности требует, чтобы коэффициенты взаимосвязи были аддитивными. При проверке на аддитивность коэффициентов парной взаимосвязи служит их эмпирические распределения, все они гауссовы, что говорит об их неаддитивности. Если подробнее рассмотреть источники неаддитивности на теоретическом уровне, то таковыми являются существование конечной ошибки измерения значения коэффициентов, что ограничивает эти значения снизу.

Критерий воспроизводимости требует, чтобы выборочные значения коэффициентов корреляции не зависели от объёмов выборки, а значит коэффициенты должны быть негауссовыми. Данный критерий требует отдельного рассмотрения, т. к. именно по нему открывается перспектива найти такое применение коэффициентов взаимосвязи, которые бы удовлетворяло всем остальным критериям. Этого можно достичь за счёт создания такого массива социальных данных, который включал бы в себя результаты расчёта коэффициентов взаимосвязи для конкретных социальных ситуаций.

Критерий валидности применительно к коэффициентам парной взаимосвязи требует, чтобы при их расчете использовалась максимально полная информация об измеряемых переменных. Потенциально наименее валидны коэффициенты корреляции, измеряющие качественные данные, поэтому очень важно не допускать обработку интервальных шкал коэффициентами корреляции, которые предназначены для анализа «нечисловых» данных.

Еще одним важным моментом применения критерия валидности при анализе результатов социальных исследований является требование учёта формы взаимосвязи признаков. Это, обычно выполняемое требование в отношении количественной зависимости признаков, редко выполняется для признаков, которые измерены по качественной шкале.

Пренебрежение данными критериями приводит к тому, что используемые коэффициенты взаимосвязи, показывают наличие связи там, где её не наблюдается. В общем случае имеет место далеко не всегда сразу распознаваемое искажение действительности.

Л. М. Злотникова

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ СТАТИСТИКЕ

ЗЛОТНИКОВА Л. М. – кандидат экономических наук, доцент кафедры права и экономических теорий Белорусского торгово-экономического университета. E-mail: lidia_zlotnikova@mail.ru.

Цивилизация вступила на этап развития, когда теория и практика использования традиционных факторов производства исчерпали себя. Человек, длительное время отождествлявшийся с его способностью эффективно соединять вещественные факторы производства, начал всё чаще и сильнее проявлять свою многогранность. Несмотря на то, что с середины XIX в. цивилизация начала уходить от классической модели взаимоотношений производства и потребления, в современной экономической теории и практике преобладают количественные измерения.

Предложенная философом Кенэ в 1758 г. экономическая таблица общей схемы кругооборота товаров и денег внутри национального хозяйства используется до настоящего

времени. Периодические изменения методов сбора и обработки информации не затрагивают методологию, цели и задачи. Многочисленные мировые финансово-экономические кризисы продемонстрировали отдалённость экономики от классической теоретической модели. Массовое капиталистическое производство ориентировано на крупные потребительские рынки и прибыль, в которых нет места проявлению человеческой жизни со всеми его составляющими. Важнейшим последствием экономической выгоды выступает социально-экономическое явление – систематическая безработица, сохраняющиеся различия в получаемых доходах, высокая смертность в трудоспособном возрасте и т. д. Статистика, как многие столетия тому назад, обслуживая крупных собственников, включая государство, широко тиражирует изменения номинальных величин. Продолжает увеличиваться разрыв между теорией и практикой истинных потребностей развития человека и используемой статистической информацией о достижениях материального производства.

О том, что общество, а соответственно и статистика нуждаются в формировании новых целей жизнедеятельности человека, свидетельствует появление мировой практики оценки индекса человеческого развития. Более чем десятилетний опыт сбора и обработки информации о состоянии человеческого потенциала позволяет отнести его к количественным измерителям, не отражающим качественные изменения. Предпринятая попытка заменить ВВП и другие классические индикаторы, не имеют социологического обоснования.

Показатели, характеризующие развитие человека по методике ИЧР (индекса человеческого развития), позволяют проводить анализ количественных изменений, лишь косвенно отражающих социальные процессы. Проведём небольшой анализ содержания индекса ожидаемой продолжительности жизни и долголетия. Они измеряются средней ожидаемой продолжительностью жизни при рождении. Учреждения здравоохранения, предоставляя соответствующую информацию, вычисления проводят на основании половозрастных коэффициентов смертности путём построения таблиц. Их методика известна с XVIII в., её вероятностная суть общепризнана. Её применение в условиях низкого уровня социального развития оправдано.

В XX в. стало очевидно огромное влияние социальной компоненты на развитие общества. Одним из её элементов выступает продолжительность жизни. Последняя в статистике зависит от честности человека. Рождение и смертность регистрируются **добровольно** (выделено нами) в органах государственной регистрации гражданского состояния. Демографы давно обращают внимание на проблемы точности информации. Материальная заинтересованность семей умерших стимулирует сокрытие смертности. Прямая должностная ответственность врачей за общую и детскую смертность до года не способствует объективности, в учреждениях здравоохранения часто используется «двойная бухгалтерия».

Объективные сложности расчёта индексов начинаются с определения понятия «здоровье», которое не имеет корректного научного толкования. Широко растиражировано и пока не поддается переосмыслению определение здоровья, данное ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения). Основанное на субъективных ощущениях гласит: «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов». Реальность сложнее и противоречивее. Нарушения здоровья характеризуются длительным временным интервалом, могут проходить бессимптомно. Такое состояние в лексике медиков получило название «состояние предболезни». Несмотря на научное обоснование латентного характера патологических

изменений в организме человека, статистика оценивает здоровье через отсутствие обращений в лечебные учреждения.

Некоторые группы населения периодически подвергаются обязательной диспансеризации. Однако полученные результаты в основном носят характер внутреннего использования. Ежегодная диспансеризация школьников заканчивается просьбами медицинских работников о передаче информации родителям. Абстрактное толкование «здоровья» приводит к сохранению действующей структуры системы здравоохранения, распределению материального и финансового обеспечения. До настоящего времени основная ответственность за здоровье будущих детей возложена на женщин. Профилактика различных заболеваний ограничивается функционированием служб санитарно-эпидемиологического надзора, оценивается количеством проведённых проверок, выданных предписаний и наложенных взысканий. В центре внимания экономической науки находится товар в его материально-вещественной форме. Ценность здоровья не входит перечень важнейших макроэкономических проблем, не определён его статус в системе благ.

Здоровье, образование, социальная работа, культура и т. д. гипотетически должны находиться под ответственным патронажем государства. А государство всё чаще использует «здоровье» как источник собственного капитала и диверсификации собственности. Активная коммерциализация государственной деятельности подкрепляется пропагандой личной ответственности, используя при этом упрощенное толкование о том, что состояние здоровья человека на 50% зависит от человека. Абстрагирование от социальной реальности позволяет оценивать состояние человека вне общества. В жизни здоровье человека отражает воздействие сложного сочетания разнообразных факторов и условий. Главными из них являются питание, нормальное жилье, условия быта, отдыха, производства, транспортные и информационные коммуникации, морально-нравственные принципы и т. д. Сложно игнорировать зависимость состояния здоровья одного человека от другого. История существования человеческой цивилизации полна примеров об эпидемиях, уносивших сотни тысяч жизней.

Объективными критериями здоровья медицина считает определённые нормативные состояния человека. Экономика использует здоровье как бесплатный ресурс создания материального богатства. В обыденном сознании и социально-экономической политике государства господствует дискриминация возрастного состояния здоровья, отсутствуют теоретические разработки трудоспособного, т. е. социального здоровья и эффективных механизмов использования. Широко распространено мнение о здоровье – удаче, божьем даре. Здоровье – это огромный труд, результаты которого нарушают корреляционную зависимость между возрастом и здоровой трудоспособностью. Регулярно собираемая информация о здоровье подрастающего поколения практически не используется для формирования эффективной структуры оказания профилактической и лечебной помощи.

Здоровье – это социально-экономическая система со сложной синергетической структурой, не может оцениваться по упрощенной методологии. Здоровье не всегда зависит от воли и поведения человека. Человек, желающий следовать советам, постоянно вовремя проходить профилактические осмотры, часто оказываются перед «закрытыми дверями». Так называемая оптимизация оказания медицинской помощи инициирована и проводится без полномасштабной социальной экспертизы и в большей степени реализуется в рамках удовлетворения интересов отраслевых чиновников.

Ален Турен, характеризуя современное общество, писал: «Но мы ещё живем среди опустошенных идей и старых программ, и если некоторые интеллектуалы фиксируют появление новых, только формирующихся проблем и реальностей, то большинство интеллектуалов превратилось в хранителей устаревших идеологий и даже презрительных критиков новых идей» [2, с. 25]. Приведённые слова в полной мере характеризуют господство утилитарного экономизма, эмпирическим воплощением выступает методология отраслевой статистики. П. Сорокин ещё в 20-е годы XX в. пытался обратить внимание на новую роль социологии в изучении и управлении социальными процессами. «Вопрос в форме проблемы «классификации обществ» давно возник в социологии. «...Необходимость классификации сложных социальных агрегатов (или «обществ») диктовалась и диктуется рядов в высшей степени мотивов и целей» [1, с. 392]. Множественность ролей, организаций, условий в которых живёт человек, низведена экономической практикой до роли слуги экономики. Человек только тогда займёт своё место в этом мире, когда экономика будет функционировать ради человека. Только социология способна сказать веское слово в защиту процессов социализации и адекватной статистики.

Литература

- 1 Сорокин П. А. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993. 688 с. (Социологическое наследие).
- 2 Турен Ален. Возвращение действующего человека. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

С. Г. Климова, И. В. Щербакова ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

КЛИМОВА Светлана Гавриловна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН. E-mail: sgklimova@mail.ru.

ЩЕРБАКОВА Ирина Вячеславовна – кандидат социологических наук, научный сотрудник ИС РАН. E-mail: irasher@yandex.ru.

Идея о том, что необходимо учитывать региональный контекст социальных процессов, которые находятся в центре внимания социологов, считается общепризнанной. Исследователи согласны в том, что многие особенности российского общества определяются спецификой природных и социальных условий, существующих в том или ином регионе или населённом пункте. Социологи и специалисты по социально-экономической географии говорят о значительной дифференциации территорий по важнейшим показателям социально-экономического развития, которые во многом определяют поведение и настроение жителей [1; 2, с. 31; 3].

Для решения этой задачи даже сделаны некоторые важные шаги. В 2009–2011 гг. была реализована программа «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез», в осуществлении которой участвовали и сотрудники Института Социологии РАН. Основные идеи, реализованные социологами – участниками проекта, это: выделение структурно-функциональных, институциональных, социокультурных и ресурсных параметров развития регионов в статическом и динамическом

выражении основных критериев: региональной дифференциации и интеграции в качестве жизни и в инновационном развитии [4, с. 81-82].

Предполагалось, что будут созданы универсальные критерии оценки деятельности местных органов власти и местного самоуправления и показатели социально-экономического развития будут размещаться на сайтах региональных и местных органов власти. Однако и сейчас социологи, которые хотели бы анализировать какую-то социальную проблему с учётом региональных различий, оказываются «вне контекста». Информация о городах, размещенная на их сайтах, фрагментарна, случайна и в большинстве случаев устарела.

Характеристики контекста часто мобилизуются тогда, когда проводится монографическое исследование (в жанре кейс-стади) в определённом населённом пункте [см., например, 5]. Но эти характеристики, как правило, описательные (не формализованные) и представлены в произвольном наборе, что затрудняет сравнение выбранного для анализа случая с другими.

Сейчас для построения выборки и анализа территориальных различий в общероссийских исследованиях используется только один стандартный показатель – величина населённого пункта. Этот показатель имеет дифференцирующие способности, но его недостаточно для объяснения данных об особенностях социальных процессов в разных регионах.

Типология населённых пунктов по численности проживающих в них граждан возникла в советское время в рамках программ по централизованному нормативному снабжению городов и сел. Встроенная в советскую централизованную систему управления, иерархия городов по численности населения «усилила контрасты, выражающие вертикальную неоднородность геокультурного пространства» [6, с. 171]. Но вертикальная неоднородность дополняется горизонтальной – различиями в уровне социально-экономического развития, качестве человеческого капитала, развитости инфраструктуры, и пр. между населёнными пунктами, одинаковыми по численности населения [7].

Аналитическую информацию, характеризующую социально-экономические условия в том или ином городе России, можно получить из статистических сборников, издаваемых Росстатом лишь для городов численностью свыше 100 тыс. чел.¹³. В этих сборниках может отсутствовать необходимая полнота, детализация или формат данных. Тем не менее, это наиболее доступные и удобные для статистического анализа источники.

Вместе с тем, характеристик территорий много, и какие из них выбрать, чтобы они, во-первых, были адекватными задаче, и во-вторых, не требовали для своего получения ресурсов, сопоставимых с затратами на основное исследование, – непростая задача. С этой проблемой мы столкнулись, когда стали исследовать гражданское участие в городах России.

Исходное концептуальное представление об объекте исследования и характеристики территориального контекста

Объект нашего исследования – гражданское участие в малых и средних городах России. Предмет – территориальные детерминанты этого участия. Для анализа использованы данные Фонда «Общественное мнение»¹⁴.

¹³ Сборник [8] содержит информацию о социально-экономическом положении городов – столиц республик, центров краев, областей, автономной области и автономных округов, а также городов с численностью населения свыше 100 тысяч человек.

¹⁴ Проект «Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России» реализован в Фонде «Общественное мнение» в 2014 г. Руководитель проекта – Петренко Е. С. Программа, инструментарий и

Опираясь на исследования российских и зарубежных авторов, мы использовали следующее определение гражданского участия. Это индивидуальная или коллективная деятельность, направленная на решение проблем части или всего населения города. Эта деятельность совершается по свободному выбору гражданина и ориентирована на общественно значимую цель. Гражданское участие оформляется идеологически на основе общих принципов общения (в нашем исследовании – уровень доверия к окружающим, уровень социальной ответственности, уровень социальной сплоченности).

Решение попытаться связать гражданское участие граждан с характеристиками регионального контекста окрепло после знакомства с многочисленными свидетельствами того, что социальная активность жителей часто определяется желанием решить именно местные, локальные проблемы [9, с. 36–41]. Наши наблюдения подтверждают и выводы российских специалистов по социально-экономической географии. Они говорят, в частности, о «ренессансе регионального самосознания» в разных частях России. Этот процесс поставил под сомнение концепцию аспатиальности русской культуры (автор – Л. В. Смирнягин). Аспатиальность – это пониженная реакция на фактор географического пространства – расстояние, границу и местность [6, с. 171]. В. Н. Стрелецкий, критикуя эту концепцию, говорит о возрождении горизонтальных связей, цементирующих территориальные общности людей и о всё более заметном осознании региональных интересов местным населением. Примечательно наблюдение, сделанное В. Н. Стрелецким, о том, что лозунги отстаивания особых региональных интересов были взяты на вооружение местными властями и местными элитными группами [6, с. 172–173]. Это редкий по нынешним временам консенсус между населением и элитами – группами традиционной контриденфикации. Наши данные фиксируют парадоксальный, казалось бы, феномен: активисты, обычно критикующие власти всех ветвей и уровней, статистически чаще, чем жители в среднем, выказывают удовлетворённость работой местных властей и готовность сотрудничать с ними. Основание этой готовности – надежды на согласованность интересов, касающихся развития территории [10].

Мы предполагаем, что существует ряд контекстных обстоятельств, предопределяющих различия российских городов (малых и средних) по степени актуального и потенциального гражданского участия. В частности:

ГИПОТЕЗА1. Существует прямая связь между ресурсным потенциалом жителей и гражданским участием. Чем выше ресурсный потенциал жителей (определяемый в первую очередь материальным благополучием и образованием), тем интенсивнее актуальное и потенциальное гражданское участие.

Ресурсные параметры (прежде всего материальное положение, возраст и образование) показывают хорошие дискриминирующие возможности и потому социологи их используют всегда, когда анализируют данные массовых опросов. Но включать параметры ресурсного потенциала жителей как характеристики территориального контекста – особая задача. Российские специалисты по социально-экономической географии упоминают уровень доходов (бедности) и уровень образования и квалификации занятых в числе важнейших дифференцирующих критериев для оценки социально-экономического развития городов России [11, с. 53, 57]. Они характеризуют рынок труда, и потому являются внесубъектными, т. е. описывающими территорию, а не респондентов. Мы используем признак «зарплата» -

среднемесячная номинальная начисленная зарплата (СННЗ) для городов от 100 тысяч населения (руб., Росстат, 2011). Населённые пункты разделены на 2 категории по размеру СННЗ: 1 – до 23000 р., 2 – свыше 23000 р.

А. И. Трейвиш предлагает более точный признак – средняя зарплата работников, отнесённая к прожиточному минимуму [12, с. 77]. Мы не смогли им воспользоваться из-за того, что показатель прожиточного минимума (как и другие) оказалось затруднительно получить по многим попавшим в выборку городам.

ГИПОТЕЗА 2. Гражданское участие прямо связано с ресурсами развития территории (прежде всего социально-экономическими). Такими ресурсами являются: Уровень развития производства, который в статистике описывается показателем «ВРП» – валовый региональный продукт на душу населения (руб. на чел. Росстат, 2012).

Мы сделали две группировки для нашего анализа по размеру ВРП. Первая – до 300000 р., и свыше 300000 р. Вторая – до 340000 р., 2 – свыше 340000 р. Но обе оказались не работающими для интересующего нас – признака – гражданское участие жителей. Возможная причина – в масштабе этого показателя, он составлен для всего края или области. Более корректным, наверное, был бы показатель абсолютного значения ВРП для конкретного города, либо его доля в региональном. Но получить такие показатели для городов, попавших в выборку, нам не удалось.

ГИПОТЕЗА 3. Существует прямая связь между наличием общей для многих жителей социальной инфраструктуры города и интенсивностью личностных и функциональных контактов. В свою очередь, личностные и функциональные контакты предполагают более или менее интенсивное общение, в ходе которого формируются солидарные практики.

Развитость социальной инфраструктуры города во многом определяется его функциональными характеристиками. Концепция «Федеральной целевой программы социального и экономического развития малых и средних городов Российской Федерации на 2009-2012 г.г. и до 2017 г.» предлагает деление малых и средних городов на типологические группы, в частности, в зависимости от некоторых функциональных типологических критериев [13].

В нашем исследовании для характеристики функциональных особенностей города мы взяли следующие признаки, которые можно найти в статистических сборниках и на сайтах городов:

- «Столица субъекта РФ» – наличие статуса. Наличие статуса закодировано «1», отсутствие «0».
- «Агломерация» – расстояние в км до ближайшей столицы субъекта РФ. Населённые пункты разделены на 2 категории по мере удаленности от областного центра: 1 - зона агломерации до 110 км от областного центра, 2 – удаленность свыше 111 км.
- «Городское поселение внутри муниципального района» – наличие статуса (противоположность городскому округу, Росстат, 2013). Наличие статуса закодировано «1», отсутствие «0».
- «Центр городского поселения внутри муниципального района» (Росстат, 2013). Наличие статуса закодировано «1», отсутствие «0».
- «Количество поселений» – количество поселений, в т. ч. сельских, входящих в состав муниципального образования (объекта местного самоуправления) (Росстат, 2013)

- «Городской округ» – наличие статуса (Росстат, 2013). Наличие статуса закодировано «1», отсутствие «0».
- Наукоград (ФЗ «О статусе наукограда», 2008). Наличие статуса закодировано «1», отсутствие «0».
- Моногород (Приказ Минэкономразвития, перечень по состоянию на 26 июля 2013 г.). Наличие статуса закодировано «1», отсутствие «0».
- Историческое поселение (приложение к «Федеральной целевой программе «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)», 2002). Наличие статуса закодировано «1», отсутствие «0».

ГИПОТЕЗА 4. Существует прямая связь между демографическим потенциалом поселения (численность, плотность, естественный и миграционный прирост/убыль) и солидарными практиками. Демографический потенциал специалисты по социально-экономической географии считают важными критериями для оценки социально-экономического состояния городов. В контексте нашей задачи мы предположили, что рассредоточенность населения, характерная, например, для таких административных образований, как городской округ, в который входит несколько «естественных» поселений, мало способствует солидарным практикам.

Демографические характеристики города описываются в нашем исследовании следующими признаками:

- 1 «Численность» – численность городского населения и ПГТ (чел., Росстат, 2013). Населённые пункты разделены на 4 категории по численности: 1 – от 250 до 100 тысяч; 2 – от 100 до 50 тысяч; 3 – малые города до 50 тысяч; 4 – посёлки городского типа.

Эта группировка соответствует классификация городов по численности (крупнейшие, крупные, средние, малые), определённая в Своде правил (СП 42.13330.2011) [14].

- 2 «Плотность» – плотность городского населения (кол-во чел. на кв. км, Росстат, 2012). Населённые пункты разделены на 3 категории по плотности населения: 1 – до 700 человек на кв. км, 2 – от 700 до 1600 человек на кв. км; 3 – свыше 1600 человек на кв. км.
- 3 «Миграция» – миграционный прирост / убыль для городов от 100 тысяч населения (чел., Росстат, 2011).

В соответствии с этими гипотезами задачи исследования мы сформулировали так:

- 1 Определить содержание и характер (сила, устойчивость) взаимосвязей между гражданским участием и характеристиками поселений, попавших в выборку.
- 2 Выявить степень их выраженности в типах гражданского участия.

Описание эмпирической базы

Базу данных составляют результаты опроса ФОМ и добавленные переменные, значения которых приняты за показатели гражданской активности населения в зависимости от перечисленных выше характеристик территории проживания.

Параметры выборки. Репрезентативный опрос 1500 жителей городов с населением менее 250 тысяч человек и ПГТ 18 лет и старше в режиме face-to-face. 17 февраля – 3 марта 2014. 51 субъект РФ. Статистическая погрешность не превышает 3,8%.

Таблица 1 Доли опрошенных в городских населённых пунктах:

Тип населённого пункта, где живёт респондент	%	частота
Город с населением от 100 до 250 тыс.	27	401
Город с населением от 50 до 100 тыс.	21	316
Город с населением менее 50 тыс.	39	591
Посёлок городского типа	13	192
Всего:	100	1500

Б. Добавленные переменные

Типы гражданского участия в провинциальных городах

Для типологии гражданского участия мы использовали три группы признаков, включённых в массовый опрос ФОМ, которые позволяют описать некоторые характеристики гражданского участия:

- 1 реальное участие в общегородских делах как формально-институциональное (членство в общественной организации), так и неформальное (безвозмездная помощь незнакомым людям),
- 2 потенциальное участие (готовность работать вместе с другими, предоставить свои организационные, материальные ресурсы для решения общегородских проблем),
- 3 Самоидентификации в качестве гражданина, готового объединяться с другими для защиты своих прав.

Применение кластерного анализа (метод 2-шагового КА) позволяет сформировать однородные группы (сгущения) в пространстве исходных бинарных признаков. Отыскивались сочетания ответов (ответы «да» или «нет» на вопросы, взятые для построения типологии), которые наиболее характерны для составляющих кластер респондентов. Мы смогли классифицировать каждый случай и проверить наличие взаимосвязи кластеров и перечисленных выше характеристик городов.

Результаты кластеризации позволили выделить четыре типа гражданского участия, сформированных на основе различных вариантов общественно значимого поведения (табл. 2). Строго говоря, это три типа участия и один тип с доминированием неучастия. Ни один из них не является «чистым», т. е. ниже мы будем показывать наиболее распространённые признаки каждого.

Характерный признак для респондентов, отнесённых к кластеру с условным названием «Апатичные граждане» (объём кластера – 26%), – это полное отсутствие помогающего поведения по отношению к незнакомым людям (либо вербальная демонстрация отсутствия такого поведения). Существенно меньше, чем в других кластерах, здесь тех, кто предпочитает

формально не состоять в общественных организациях (и не нуждаются в такого рода знакомствах), а также не участвовать в общественных делах.

Если говорить о готовностях к социальной активности разного рода, то здесь примечательно доминирующее отрицательное отношение к возможности объединения с другими ради защиты своих прав. Но «апатичные» граждане не так безразличны к общественной и, в особенности, к политической жизни, как это может показаться на первый взгляд. Любопытно сочетание крайне малой доли готовых участвовать в подготовке и организации акции протеста против фальсификации результатов голосования в своём городе, при том, что пожертвовать деньги на проведение таких акций довольно много – 21%, почти столько же, сколько среди «активных исполнителей» (23%). Сравнительно часто «апатичные» готовы и пожертвовать деньги для пострадавших в чрезвычайном происшествии (17%). Это даже большая доля, чем в кластере «организаторов» (14%). Таким образом, доминанта позиции «Апатичных граждан» - отсутствие деятельных установок на участие в общественных делах, при том, что значимость этих дел, по-видимому, присутствует. Свидетельство тому – готовность давать деньги в некоторых случаях. Наверное, они могли бы ответить на предложения участвовать: «Возьмите деньги и не тревожьте меня».

Таблица 2 Типы гражданской активности по уровню участия, содержанию установок и деятельности в провинциальных городах (N=1500, %)

Типы	Кластер 1 «апатичные» граждане	Кластер 2 «индивидуалисты»	Кластер 3 «организаторы»	Кластер 4 «активные Исполнители»
Объем кластера (% от числа опрошенных)	26	22	16	36
Составляющие кластеров, % по строке:				
Действия				
Члены общественных организаций	4	11	41	44
Не члены общественных организаций	29	24	13	34
Помогали кому-либо безвозмездно за последний год	0	30	20	50
Не помогали кому-либо безвозмездно за последний год	97	0	3	0
Участвовали в общественных делах за последние год-два	9	19	23	49
Не участвовали в общественных делах за последние год-два	28	24	15	33
Готовности				
Готовы объединяться с другими для защиты своих прав	15	0	21	64
Не готовы объединяться с другими для защиты своих прав	40	51	9	0
Готовы участвовать в подготовке и организации акции по сбору средств для пострадавших в чрезвычайном происшествии	11	7	64	18
Готовы участвовать в проведении акции по сбору средств для пострадавших в чрезвычайном происшествии	17	18	22	43
Готовы пожертвовать деньги для проведения акции по сбору средств для пострадавших в чрезвычайном происшествии	17	25	14	44

Готовы участвовать в подготовке и организации акции по сбору мусора в лесопарковой зоне с соседями	12	4	72	12
Готовы участвовать в проведении акции по сбору мусора в лесопарковой зоне с соседями	17	21	15	47
Готовы пожертвовать деньги для проведения акции по сбору мусора в лесопарковой зоне по предложению соседей	14	21	28	37
Готовы участвовать в подготовке и организации акции протеста против фальсификации результатов голосования в своём городе	5	5	71	19
Готовы участвовать в проведении акции протеста против фальсификации результатов голосования в своём городе	13	11	21	55
Готовы пожертвовать деньги для проведения акции протеста против фальсификации результатов голосования в своём городе	21	15	41	23

С точки зрения сочетания признаков наиболее близки к «апатичным» гражданам те, кого мы условно обозначили как «Индивидуалистов» (объем кластера – 22%). Главный отличительный признак этого кластера – отсутствие людей, готовых объединяться с другими для защиты своих прав. Представители кластера редко интересуются членством в общественных организациях, с которыми, очевидно, связывают и участие в общественных делах, тоже довольно слабо выраженное. Вместе с тем, здесь довольно много тех, кто помогал кому-либо безвозмездно за последний год (30%). Это большая доля, чем даже в кластере «организаторов» (20%). Напомним, что «апатичные» совсем никому не помогают. Что касается готовностей к общественной активности разного рода, то здесь «индивидуалисты» похожи на «апатичных» в наибольшей степени. Несколько чаще «апатичных» они лишь дадут деньги, если случится чрезвычайное происшествие и экологическое загрязнение. Таким образом, индивидуалистам не чужды гражданские интересы и сочувствие окружающим, если те попали в беду. Но они, в подавляющем большинстве, не хотят «ходить строем», быть членами какого-то сообщества.

Третий кластер – «Организаторы», наименьший по объёму (16%), позволяет составить достаточно чёткий портрет своих представителей: это потенциальные организаторы общественной работы в провинциальных городах. Именно организаторы, а не участники. Членов общественных организаций здесь примерно столько же, сколько и в четвёртом кластере, среди «Активных исполнителей» (41% и 44% соответственно), но тех, кто участвовал в общественных делах за последние год-два, среди «организаторов» примерно вдвое меньше, чем среди «активных исполнителей». А тех, кто помогал кому-либо безвозмездно за последний год, в 2,5 раза меньше (20% и 50% соответственно). «Организаторами» представители этого кластера названы не потому, что в него вошли руководители общественных организаций, а потому что они демонстрируют вербальную готовность участвовать в подготовке различных социально значимых мероприятий, в т. ч. протестного характера, предполагающих включённость в соответствующее коммуникационное поле на ведущих ролях.

Четвёртый кластер – «Активные исполнители» (36%). Их отличительные черты – это более часто встречающаяся (по сравнению со всеми другими кластерами) членство в общественных организациях; помогающее поведение, участие в общественных делах. В комплексе

готовностей их отличает готовность к объединяться для защиты своих прав; участвовать в проведении акции по сбору средств для пострадавших в чрезвычайном происшествии и пожертвовать деньги на эти цели. Большая часть «активных исполнителей» готова ответить личной включённостью и материальной поддержкой в проективных ситуациях помощи при уборке мусора, а при проективной фальсификации выборов – большинство предполагает своё непосредственное участие в акции протеста. Представители четвёртого кластера – наиболее реальные кандидаты на действенное гражданское участие в обследованных городах.

Взаимосвязь типов ГУ и особенностей расселения респондентов

Сразу следует сказать, что не все характеристики городов, взятые для анализа, оказались связанными с выявленными типами гражданского участия. Возможно, такой связи нет вообще, а возможно, сказывается то, что выборка для проведения исследования строилась только по одному признаку – размеру города.

Ниже приведены только данные, характеризующие расселение, которые статистически связаны с выявленными типами гражданского участия (на основе расчёта коэффициента корреляции Пирсона).

Таблица 3 Связь между типами гражданского участия и особенностями расселения респондентов (вся выборка, N=1500)

Особенности расселения		Кластер 1 «апатичные» граждане	Кластер 2 «индивидуалисты»	Кластер 3 «организаторы»	Кластер 4 «активные исполнители»
Города с населением 50-100 тыс. чел.	Козф. корр. Пирсона	-0,05129	-0,04152	-0,03914	0,112047
	Sig.(2-tailed)	0,047014	0,107979	0,129717	1,36E-05
Проживание в зоне агломерации до 110 км	Козф. корр. Пирсона	-0,08123	-0,06543	0,101619	0,053358
	Sig.(2-tailed)	0,001641	0,011254	8,06E-05	0,038799
Исторические поселения	Козф. корр. Пирсона	-0,11556	0,115564		
	Sig.(2-tailed)	7,22E-06	7,22E-06		
Корреляция значима на уровне 0.01.					

Размер поселения

Тип респондентов, который назван нами «Активные исполнители», чаще других типов граждан встречаются в городах с населением от 50 до 100 тысяч человек (средние города по общепринятой классификации). В нашем исследовании наиболее яркие примеры таких городов – это точки опроса, в которых наблюдается наибольшая доля «активных исполнителей». Это, в частности: Ревда (Свердловская область), Георгиевск (Ставропольский край), Избербаш (Дагестан), Лиски (Воронежская область), Егорьевск (Московская область).

Напомним, что «активные исполнители» – это люди, которые отличаются от других реальной включённостью в общественную активность в неинституциональных и реже – институциональных формах; сравнительно большей распространённостью среди них практик

помогающего поведения. Возможно, неинституциональная деятельность стимулируется нерешенностью локальных проблем, и основываются, главным образом, на неформальных связях (соседских, дружеских). Это вынужденное участие, как правило, сопровождается недовольством работой городских властей, но, вместе с тем, формирует ощущение ответственности за положение дел в городе, местный патриотизм и повышает самооценку.

В средних городах есть больше социально-психологических предпосылок гражданского участия, поскольку здесь люди чаще, чем в больших городах и в мегаполисах, знакомы друг с другом, и общественная активность формируется в уже сложившихся сообществах. Сообщества участвующих в общественных делах формируются, по преимуществу, посредством горизонтальных связей – через лично знакомых людей – соседей, друзей. Центрами формирования сообществ, помимо контактных групп лично знакомых людей, становятся различные общественные структуры: политические партии, НКО, депутатские группы. Этим средние города отличаются от малых городов и посёлков городского типа. В последних фиксируется слабая активность даже в такой форме социальности как помогающее поведение, что свидетельствует о крайних формах распада социальной ткани в этих поселениях.

Проживание в зоне агломерации до 110 км

Зафиксирована связь проживания в зоне агломераций до 110 км от областного или краевого центра с распространённостью типа гражданского участия, названного нами «организаторы». Напомним, что это люди, которые отличаются от других выделенных нами типов сравнительно более выраженными готовностями участвовать в подготовке и организации различного рода акций, готовностью финансировать протестные акции. Вместе с тем, реальное участие в общественных делах и помогающее поведение – ниже, чем у «Активных исполнителей». Характер связи этого типа гражданского участия с проживанием в зоне агломерации неочевиден. Возможно, здесь играет роль сравнение ситуации в своём поселении с другими, с положением дел в других, более благополучных городах. Это сравнение формирует неудовлетворённость, установки что-то изменить, которые, однако, не всегда превращаются в реальное действие. Но в целом проживание в зоне агломераций с ускоренными темпами развития способствует росту качества населения, и, соответственно, его экономической и социальной активности. Этот факт отмечает, в частности, Н. Зубаревич [11, с. 56–57].

Исторические поселения

Связь признака «исторические поселения» оказалась заметной только тогда, когда мы слили второй, третий и четвёртый кластеры («индивидуалисты», «активные исполнители», «организаторы») и сравнили этот слитый кластер с первым («апатичные»). Обнаружилось, что эти, в целом более активные граждане чаще проживают в исторических поселениях, чем в тех, которые не признаны историческими¹⁵.

¹⁵ Поселения, не признанные «историческими», – точки опроса, в которых наблюдается наибольшая доля «апатичных граждан»: Березники (Пермский край), Черкесск (Карачаево-Черкессия), Белореченск (Краснодарский край), пгт Шексна (Вологодская область), Кушва (Свердловская область), Лесозаводск (Приморский край).

Поселения, признанные «историческими», – точки опроса, в которых наблюдается наибольшая доля активных граждан как объединенной группы из трёх кластеров: Кингисепп (Ленинградская область), Миасс (Челябинская область), Серпухов (Московская область), Кашира (Московская область), Подольск (Московская область), Ачинск

Мы предполагаем, что связь статуса «Историческое поселение» с социальной активностью жителей неоднозначна. С одной стороны, в таких поселениях существует запрос на инициативу, продиктованный потенциальным развитием туризма, который стимулирует интерес к локальным особенностям и истории. С другой стороны, действует противоположная тенденция – слабое экономическое развитие города.

Мы предполагаем, что относительно высокий уровень гражданской активности местного сообщества чаще проявляется в таких типах исторических поселений, как:

- поселения, входящие в зону крупных агломераций;
- относительно удалённые от регионального центра поселения, имеющие экономически успешные промышленные предприятия, благоприятный инвестиционный климат.

Относительно низкий уровень гражданской активности местного сообщества чаще проявляется в двух типах неисторических поселений:

- поселения кавказского и соседних с ним регионов с неблагоприятным инвестиционным климатом;
- ныне немодернизируемые или исчерпавшие природные ресурсы старые промышленные центры Урала, Дальнего Востока, развитие которых было стимулировано примерно в 17 веке частным капиталом и с 1920-1930-х гг. государственными ресурсами (особенно период индустриализации).

Мы не располагаем общедоступными статистическими данными по уровню миграции и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы для городов и ПГТ с населением менее 100 тысяч человек. Поэтому некоторые другие характеристики поселений сделаны только для городов с численностью населения от 100 до 250 тыс.

Миграция

Признак «миграционный прирост» оказался значимым для появления типа «активные исполнители», т. е. для проявлений реальной социальной активности. Вместе с тем, реже встречаются «апатичные граждане» в городах с миграционным приростом, но чаще – в городах с миграционной убылью. Этот признак значим как опосредованное свидетельство привлекательности поселения как места жизни (природные и климатические условия, экологическое состояние) и места приложения труда. Можно предположить, что привлекательное для жизни и работы поселение стимулирует желание граждан сообща решать локальные проблемы.

Таблица 4 Связь между типами гражданского участия и особенностями расселения эспондентов в городах с населением от 100 тысяч человек (N=401)

(Красноярский край), Энгельс (Саратовская область), Георгиевск (Ставропольский край), Троицк (Челябинская область), Петровск (Саратовская область), Бийск (Алтайский край).

Особенности расселения		Кластер 1 «апатичные» граждане	Кластер 2 «индивидуалисты»	Кластер 3 «организаторы»	Кластер 4 «активные исполнители»
Города с миграционным приростом	Коэф. корр. Пирсона	-0,18862	-0,01474	0,058188	0,14126
	Sig.(2-tailed)	0,000145	0,768527	0,245006	0,004595
Города с миграционной убылью	Коэф. корр. Пирсона	0,188624	0,014742	-0,05819	-0,14126
	Sig.(2-tailed)	0,000145	0,768527	0,245006	0,004595
СННЗ до 23000 р. на человека по области (краю)	Коэф. корр. Пирсона	0,271901	-0,01162	0,066411	-0,29706
	Sig.(2-tailed)	3,16E-08	0,816597	0,184443	1,3E-09
СННЗ от 23001 р. на человека по области (краю)	Коэф. корр. Пирсона	-0,2719	0,011618	-0,06641	0,297056
	Sig.(2-tailed)	3,16E-08	0,816597	0,184443	1,3E-09
Корреляция значима на уровне 0.01.					

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата

«Активные исполнители» чаще проявляют себя при относительно высоком уровне СННЗ, т. е. в относительно экономически благополучных условиях. Относительно неблагополучные города – это зоны гражданской пассивности: «апатичные» граждане преобладают в городах со сравнительно низкой СННЗ.

Признак «СННЗ» мы можем дополнить данными опроса, подтверждающими прямую связь индивидуальных ресурсов с признаками гражданского участия.

Среди «апатичных граждан» преобладают представители так называемых экономически низкоресурсных групп. Это люди с невысокими доходами и расходами («денег не хватает даже на питание», «на питание денег хватает, но одежду, обувь купить не можем»), с образованием не выше среднего и пожилые. «Активные исполнители» отличаются низкой долей бедных и пожилых. У «индивидуалистов» и «организаторов» социально-демографические признаки не выражены, т. е. не имеют статистической значимости (табл. 5).

Таблица 5 Связь между типами гражданского участия и социально-демографическими особенностями респондентов (N=1500)

Особенности респондентов		Кластер 1 «апатичные» граждане	Кластер 2 «индивидуалисты»	Кластер 3 «организаторы»	Кластер 4 «активные исполнители»
Самые бедные	Коэф. корр. Пирсона	0,146229	0,06163	-0,07308	-0,13084
	Sig.(2-tailed)	1,28E-08	0,016977	0,004631	3,67E-07
Средний достаток	Коэф. корр. Пирсона	-0,07835	-0,0397	0,024778	0,086733
	Sig.(2-tailed)	0,002393	0,124343	0,337563	0,000772
Состоятельные	Коэф. корр. Пирсона	-0,13196	-0,04185	0,095578	0,083802
	Sig.(2-tailed)	2,91E-07	0,105161	0,00021	0,00116
Образование: среднее и ниже	Коэф. корр. Пирсона	0,11613	0,024875	-0,09848	-0,05259

	Sig.(2-tailed)	6,51E-06	0,335677	0,000133	0,041713
Образование: высшее и др	Коэф. корр. Пирсона	-0,13054	0,019982	0,059835	0,056325
	Sig.(2-tailed)	3,91E-07	0,439331	0,020474	0,029156
Старше 60	Коэф. корр. Пирсона	0,198478	0,092883	-0,12011	-0,16971
	Sig.(2-tailed)	8,63E-15	0,000316	3,09E-06	3,71E-11
Корреляция значима на уровне 0.01.					

Выводы

- 1 Таким образом, из всех включённых в гипотезы характеристик поселений оказалась значимой меньшая часть. Это: размер поселения, проживание в зоне агломерации, принадлежность к типу «исторические поселения», миграция и СННЗ. Тот факт, что большая часть признаков, включённых нами в число характеристик регионального контекста гражданского участия, оказалась статистически не значимой, ещё не означает, что такой связи нет. Решение нашей задачи затруднялось отсутствием достоверных и свежих данных, особенно по средним и малым городам с населением менее 100 тыс. человек. Их было бы получать на сайтах поселений, попавших в выборку, но эти данные, как правило, не полные, устаревшие, представленные в произвольном наборе.
- 2 Использование стандартных инструментов статистического социологического анализа для решения задач, аналогичных нашей, затрудняется ещё и сложностями построения выборки относительно выделенных переменных. Сейчас стандартные выборки для массовых опросов строятся с учётом только одного параметра – размер населённого пункта. Учёт других параметров для построения выборок – отдельная задача, которая требует дополнительных экспериментов в контексте других исследовательских задач. Наш поиск связей между типом поселения и характеристик гражданского участия был обусловлен тем, что анализ данных (в т. ч. не только массовых опросов, но и фокус-групп, интервью) показал ориентацию значительной части активистов на решение локальных проблем. Но гражданская активность – всё-таки не массовое явление. Другие социальные процессы, тоже, несомненно связанные с особенностями локального контекста (например, локальная идентичность, трудовое поведение, потенциальная миграция, и др.), возможно, дали бы более выразительные характеристики и связи этих процессов с особенностями расселения.
- 3 Тем не менее, полученные данные позволяют сделать несколько гипотетических выводов о территориальных особенностях гражданского участия. На наш взгляд, они определяются не только размером города, но и его функциональными признаками, а значит, характеристиками населения, и в первую очередь характеристиками элит, способных создавать сообщество вокруг решения общих проблем (например в городе – центре сельскохозяйственного производства – объединения сельхозпроизводителей, в наукоградах – научные сообщества; в центрах туризма и отдыха – профессионалы, занятые сохранением культурного наследия и развития туристического бизнеса). Местные элиты формируют повестку

дня: предлагают своё видение проблемы, способы решения, мобилизуют ресурсы и сторонников.

- 4 Относительно низкие значения коэффициентов корреляции Пирсона означают, что полученные результаты нуждаются в дополнительной проверке. В частности, было бы полезно выявить доминирующую переменную из числа характеристик городов с точки зрения силы влияния на гражданское участие.

Сейчас кластеры ГУ представлены в общем виде – для всей совокупности городов. Не исключено, что для некоторой группы городов (или групп) такое распределение кластеров вовсе не характерно или проявляется частично. Техническая задача заключается в поиске новых комбинаций по переменным: «характеристики города» и кластеры «гражданское участие».

Литература

- 1 Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под ред. С. С. Артоболевский, О. Б. Глезер. Институт географии РАН. М.:2011. 317 с.
- 2 Пешкова В. Гражданские основы государственности и этнокультурное разнообразие современной России // Власть. 2009. № 3. С. 30–34.
- 3 Беляева Л. А. Региональная и поселенческая разнородность уровня жизни населения России // Мир России. 2006. Т. XV. №2. С. 42–61.
- 4 Маркин В. В. Нелюбин А. А. Социальное моделирование пространственных трансформаций. Мониторинг региональных органов власти // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 8. / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: ИС РАН, 2009. С. 76–90.
- 5 Димке Д., Корюхина И. Посёлок городского типа: временные ритмы деурбанизированного сообщества //Социология власти. 2013. №3 С. 73–93.
- 6 Стрелецкий В. Н. Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственной структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период /Под ред. С. С. Артоболевский, О. Б. Глезе / Институт географии РАН. М., 2011. С. 146–176.
- 7 Нефедова Т. Г. Поляризация городов и сельской местности и расширение Российской периферии // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. /Под ред. С.С. Артоболевский, О.Б. Глезер / Институт географии РАН. М.:2011. С. 280–298.
- 8 Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов // Госкомстат РФ. URL: <http://www.gks.ru/>.
- 9 Ресурсы добровольческого движения. Аналитический доклад по результатам исследования Фонда «Общественное мнение» / Ред.: С. Г. Климова, Е. С. Петренко. М.: ФОМ. 106 с.
- 10 Климова С. Г., Климов И. А. Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социологические исследования. 2015. № 5.
- 11 Зубаревич Н. В. Динамика и глубина региональных социально-экономических контрастов // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под ред. С. С. Артоболевский, О. Б. Глезер. Институт географии РАН. М.:2011. С. 48–64.

- 12 Трейвиш А. И. Региональные постиндустриальные процесс и реиндустриализация регионов // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период /Под ред. С. С. Артоболевский, О. Б. Глезер / Институт географии РАН. М., 2011. С. 64–88.
- 13 URL: http://www.smgrf.ru/materials/art_detail.php?aid=118&binn_rubrik_pl_article_s=565.
- 14 Свод правил. СП 42.13330.2011. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89. Издание официальное. М., 2011. С. 2. URL: <http://www.minregion.ru/uploads/attachment/documents/2011/05/300511-s-15.pdf>.

А. К. Колесников, И. П. Лебедева

ИЕРАРХИЧЕСКОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ КАК НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИХ КОМПЛЕКСНОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

КОЛЕСНИКОВ А. К. – кандидат физико-математических наук, профессор, ректор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: kolesnikov@pspu.ac.ru

ЛЕБЕДЕВА И. П. – доктор педагогических наук, профессор философско-социологического факультета Пермского национального исследовательского университета. E-mail: kafmos2011@yandex.ru

Следуя логике научного исследования, возникает потребность в разработке специальных схем комплексного статистического анализа полученных данных. Его успешность во многом определяется структурой системы сформированных показателей, для упорядочения которых на начальном этапе исследования необходима специальная методологическая основа [1, 2]. В частности, её составляют методы многомерной классификации данных. Однако формальное применения их алгоритмов, например, кластерного анализа, может привести к ошибочным результатам. В каждом случае требуют решения следующие проблемы в его использовании:

- 1 Полнота представления различных групп в выборке.
- 2 Неоднозначность группировки.

Решение задачи кластеризации принципиально неоднозначно по следующим причинам:

- Не существует однозначно наилучшего критерия качества кластеризации. Известен целый ряд эвристических критериев, а также ряд алгоритмов, не имеющих чётко выраженного критерия, но осуществляющих достаточно разумную кластеризацию «по построению». Все они могут давать разные результаты.
- Результат кластеризации существенно зависит от метрики, выбор которой, как правило, субъективен и определяется исследователем исходя из структуры данных.
- Форма кластеров в большинстве случаев определяется выбором метода кластеризации, которая может и не соответствовать реальности.

3 Определение числа кластеров.

Иногда можно априорно определить это число. Однако в большинстве случаев число кластеров определяется в процессе агломерации множества объектов. Здесь имеет место проблема отсутствия однозначных критериев выделения кластеров.

4 Идентификация выделенных групп.

В результате кластерного анализа осуществляется разбиение на группы, а не классификация объектов, поскольку классификация отличается от группировки по ряду признаков.

5 Невозможность разбиения на группы по качественным и количественным признакам одновременно.

6 Устойчивость решения.

По сути, проверка устойчивости кластеризации сводится к проверке её достоверности. В данном случае пользуются различными эмпирическими правилами.

Считается, что компенсировать эти недостатки может циклическое использование кластерного анализа. В этом случае исследование проводится до тех пор, пока не будут достигнуты необходимые результаты. При этом каждый цикл может давать информацию, которая способна сильно изменить направленность и подходы дальнейшего применения кластерного анализа. Этот процесс можно представить системой с обратной связью.

Рассмотрим пример разбиения на группы потребителей образовательных услуг высшей школы. Данные о студентах (шести вузов г. Перми) как потребителях собраны в результате их анонимного анкетирования. Они включают количественные характеристики удовлетворённости образовательной услугой (условиями, процессом и результатом) и качественные признаки: вуз, пол, форма обучения. Ставится задача разбиения потребителей на группы на основе совокупности качественных и количественных показателей и идентификации выделенных групп с помощью статистического анализа полученных показателей. Однако многомерная группировка данных возможна либо по качественным либо по количественным признакам. В данном случае можно попытаться выполнить сложную группировку сначала по совокупности одних признаков, а затем по совокупности других признаков. Как известно, для удобства интерпретации сначала выполнять группировку по качественным признакам, а затем – по количественным.

В данном примере представляет интерес изучение уровня удовлетворённости потребителей и затем его соотнесение одновременно с вузом, полом и формой обучения. Поэтому сначала целесообразно выполнить группировку по количественным признакам, а затем обучаемых каждой выделенной группы разбить снова на группы по качественным признакам. Поскольку отсутствует гипотеза о числе групп, то сначала проведён кластерный анализ методом объединения. Анализ дендрограммы (метод Варда, манхеттенское расстояние) привел к появлению гипотезы о 2 или 4 группах потребителей.

Затем в ходе реализации метода К средних получены следующие результаты. В случае двух кластеров студенты разбились примерно на две одинаковые группы. причём все 11 интегративных показателей удовлетворённости качеством услуги оказались существенными для разбиения на группы (по результатам F-статистики). Учитывая результаты описательной статистики для каждого кластера они были идентифицированы как «удовлетворенные потребители» и «неудовлетворенные потребители». Дальнейшее разбиение на группы по

качественным признакам возможно только с помощью кластерного анализа методом объединения (мера расстояния – процент несогласия). Варианты разбиения для каждого из двух кластеров не дали удовлетворительного результата, т. к. в каждом случае оставались по 5–8 наблюдений, которые не относились ни к какому кластеру. Их качественный анализ в отдельности не привел к получению полезной информации. Аналогично выполнено разбиение на группы для четырёх кластеров. Кластеры идентифицированы с учётом диапазона средних показателей удовлетворённости.

Разбиение каждого из четырёх кластеров по качественным признакам привело к аналогичным результатам как и в предыдущем случае. Поэтому в рамках данного исследования была изменена схема статистического анализа показателей, в соответствии с которой следующий шаг состоит в поиске связей переменных в каждом кластере. Причём наибольший интерес представляют взаимосвязи различных характеристик удовлетворённости образовательной услугой с её результатом. Оказалось, что во всех кластерах, кроме одного с высокой удовлетворённостью потребителей, показатель «удовлетворенность результатом» имеет статистически значимые средние и тесные прямые связи с показателями удовлетворённости другими характеристиками услуги. А в этом кластере такие связи отсутствуют. При высоких показателях удовлетворённости это может означать отсутствие целостного и адекватного восприятия услуги каждым потребителем, входящим в соответствующий кластер.

Таким образом, структурирование данных в соответствии с целью исследования позволяет сформировать дальнейшую схему их статистического анализа. Выбор варианта структурирования определяется:

- Последовательностью реализации качественного и количественного подходов;
- Иерархией исследуемых факторов;
- Иерархией показателей, описывающих отдельную сторону явления.

Логика исследования от описания сущности явления к изучению причинности действия различных факторов предполагает структурирование информации как при проверке описательных, так и объяснительных гипотез. Разбиение на группы необходимо для понимания феноменологии явления. На начальной стадии исследования с этой целью часто используется частота появления определённых качественных признаков (или категорий). Полученные на основе индуктивного анализа данных выводы способствуют пониманию сущности явления и формированию необходимого понятийного аппарата для её изучения и выдвижения объяснительных гипотез с их последующей проверкой в рамках количественного подхода [3].

В описанном выше примере предусмотрено иерархическое структурирование факторов (признаков, положенных в основание группировки), в соответствии с которым выполнен кластерный анализ сначала по количественным, а затем по качественным признакам. причём для дальнейшего анализа данных полезной оказалась только группировка по количественным признакам, которая выполнена как в общей совокупности, так и для её отдельных составляющих.

Анализ иерархически взаимосвязанных факторов позволяет повысить степень обоснованности теоретических выводов относительно их действия, что особенно важно для неэкспериментальных данных. Кроме того, это способствует пониманию путей практического применения полученного теоретического результата. При отсутствии условий для проведения

научного эксперимента практическая полезность этого результата и возможность его использования для разработки технологий являются показателем ценности и даже научности соответствующей теории.

Иерархическое структурирование показателей широко используется в социальном исследовании и осуществляется, в частности, в процессе разбиения их на кластеры (кластеризация по переменным) и объединения в факторы (при выполнении факторного анализа). И затем интегрированные показатели используются для разбиения случаев на кластеры. Подобный вариант многомерной классификации (или группировки) может быть составной частью предыдущих двух, усложняя статистические процедуры, но упрощая при этом качественную интерпретацию результатов статистического анализа данных.

Литература

- 1 Татарова Г. Г. Методология анализа данных в социологии. М., 1998.
- 2 Толстова Ю. Н. Методология математического анализа данных // Социс. 1990. № 6. С. 77–87.
- 3 Kolesnikov A. K., Lebedeva I. P. Investigation of causality based on complex use of statistical methods (case study of social research)// Quality & Quantity. 2013. V. 47. № 6. P. 3043–3050.

В. Ф. Кузнецов

ВЫБОРКИ В PR: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

КУЗНЕЦОВ Вадим Федорович – доктор политических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИГСУ РАНХиГС). E-mail: kuzvadimfed@rambler.ru.

При исследовании изменения потребительской активности перед PR-специалистами подчас встаёт практически невыполнимая задача опроса нескольких миллионов человек, что технически невозможно. Одним из важнейших инструментов работы в подобных ситуациях является выборочная совокупность.

Особенность планирования и управления коммуникационных процессов, в т. ч. и планирования работы со средствами массовой информации, требует изучения большого числа единиц наблюдений. Соответственно, на этом этапе работы исследователь определяет, с какой совокупностью объектов (выборочной или генеральной) он будет работать. Генеральной совокупностью является вся совокупность объектов, принимающих участие в исследовании. К примеру, исследуя изменение потребительской активности в категории газированных напитков, только в Москве необходимо опросить одиннадцать миллионов человек, что технически невозможно. Соответственно, из общего числа выбирается некое число респондентов, которые и принимают участие в исследовании. Такой выбор интервьюируемых называется выборочной совокупностью.

По данным исследований, проведённых американскими социологами в 2011 г., генеральную совокупность целесообразнее использовать при оценке отношения к СМИ

узконаправленных целевых аудиторий, а выборочная совокупность — оптимальна при исследовании «размытых» целевых аудиторий и изменения отношения к товарам рынка FMCG.

В ряде исследований происходит обобщение результатов выборки и на их основании делается вывод об отношении к товару или услуге всей генеральной совокупности. Так выборка носит название репрезентативной, причём репрезентативность обеспечивается вероятностным отбором, основанным на случайном и равновероятностном отборе из всех единиц генеральной совокупности. При таком отборе расхождения между признаками выборки и генеральной совокупности минимизируются.

В том случае, если отбор единиц наблюдения носит случайный характер, уменьшается количество систематических ошибок. Величина случайного отклонения зависит от количества единиц, принимающих участие в исследовании. За последние годы разработано довольно большое количество статистических методов, которые позволяют определить величину допустимых отклонений вследствие случайных ошибок при формировании выборки. Для этого выборку необходимо строить таким образом, чтобы можно было рассчитать вероятность получения разных результатов. Одним из самых распространённых способов является случайный отбор. В этом случае всем единицам генеральной выборки присваиваются номера, и случайным образом отбирается определённое количество номеров, которое соответствует размеру желаемой выборки.

Второй не менее эффективный способ — системный отбор. Например, из базы данных, включающей в себя 40 000 единиц, необходимо отобрать 1 000. В случае системного отбора будет отбираться каждая сороковая единица от первой специально отмеченной. Достоинством системного отбора можно считать низкую погрешность, т. к. он не предполагает разработки той схемы, которая могла бы привести к искажениям. С другой стороны, в ряде случаев получаемая информация может оказаться однобокой. К примеру, если в процессе системного отбора будет анализироваться каждое седьмое печатное издание, включая воскресное, отобранное по хронологическому принципу, то может сложиться ситуация, когда в исследовании будут принимать участие издания, выходящие в один и тот же день недели.

В процессе проведения маркетинговых социологических исследований перед специалистом по связям с общественностью встаёт вопрос, какая погрешность приемлема, исходя из поставленной задачи. При этом необходимо учитывать тот факт, что маркетинговые исследования направлены на изучение рынка, уровня потребительской активности, а социологические — на изучение существующего отношения к предлагаемому товару или услуге, а также степени глубины и достоверности восприятия сообщения, размещённого в том или ином СМИ. При этом особое внимание уделяется изучению степени соответствия средств массовой информации характеру размещаемого сообщения и ожиданий аудитории.

Например, имея случайные выборки из совокупностей двух объявлений, следует выяснить, какое из них наиболее привлекательно для целевой аудитории. Если выделенный на исследования бюджет позволяет провести тестирование двух групп, включающих 100 человек в каждой выборке, то величина погрешности может достигать + 10,2 (в том случае, если 50% опрошенных выдают позитивную реакцию на размещённое объявление). Чтобы оценить финальный результат, необходимо изначально установить 20,4% порог погрешности для обоих объявлений (т. к. для чистоты результатов необходимо суммировать погрешность каждой выборки). Если полученный результат окажется меньше указанной цифры, соответственно, произошло какое-либо внешнее вмешательство. К тому же 20,4% — слишком высокий показатель, по которому довольно сложно судить об эффективности сообщения. Таким образом,

устанавливаем необходимый объём выборки — 400 человек. Это даст возможность предположить, что разница в 10% возникла неслучайно, а под воздействием ряда объективных факторов.

Двумерный анализ предполагает исследование моделей, базирующихся на причинных отношениях между переменными. Например, предполагается, что потребители, активно покупающие витамин С, в зимний период будут покупать апельсиновый сок. Для подтверждения или опровержения выдвинутой коммуникативной основы будущего послания необходимо составить таблицу с предполагаемой переменной в качестве независимой и исследовать, существует ли у неё математическая взаимосвязь с зависимой переменной.

Таблица 1 Отношение к апельсиновому соку, обогащённому витамином С

Ожидания	Степень интереса высока	Средняя степень интереса	Малая степень интереса	Отсутствие интереса	Итого
Нет яркого выраженного	4,5	5,2	13,5	34,6	12,6
Смешанные отношения	19,5	27,4	29,8	23,2	27,9
Позитив	36,5	25,9	14,3	7,7	18,3
Негатив	39,5	41,5	42,3	34,6	41,2
Итого	100%	100%	100%	100%	100%
Количество	266	1551	2813	492	5122
Источник: Данные исследовательского центра «МИЦПТ» за 2012 г.					

Таким образом, опросив 5122 респондента и выяснив их отношение к обогащённому витамином С апельсиновому соку, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в том случае если нет ярко выраженных ожиданий (т. е. стремления покупать именно обогащённый витаминами сок), то интерес к объекту минимален. В этом случае специалисту по связям с общественностью предстоит увеличение необходимых контактов для создания нужного отношения к предлагаемому напитку, которое затем будет последовательно снижаться. Также наблюдается тенденция позитивного отношения к предлагаемому продукту по мере роста интереса к его качествам, в то время как появление негативного отношения в меньшей степени зависит от проявленного к товару интереса.

Многомерный анализ предполагает исследование трёх или более переменных. В случае применения многомерного анализа выстраивается причинная модель, увязывающая между собой три переменные. Так, в качестве переменных вводится цель исследования, геодемографический и психографический параметры. Например, в случае проведения исследования по существующему отношению к обогащённому витамином С апельсиновому соку в качестве демографических параметров могут выступать пол и возраст опрашиваемых, в качестве психографических – стиль совершения покупки.

Если проследить тенденцию проводимых в связях с общественностью исследований в течение последних пяти лет, то заметно, что наряду с социологическими исследованиями достаточно интенсивно начинают применяться и маркетинговые исследования. Это связано с

тем, что построение репутации и имиджа направлено, с одной стороны, на поддержание лояльного отношения к компании. С другой стороны, на превращение этой лояльности в определённое поведение, которое позволяет увеличить прибыль.

Также в исследовательском процессе связей с общественностью наметилась тенденция увеличения количества исследуемых психографических параметров. Ведь именно они в результате исследования позволяют ответить на вопросы, описывающие мотивацию различных слоёв населения и объясняющих поведение социальных групп. В результате группы опрашиваемых объединяются в кластеры по наиболее ярким чертам, характеризующим всю выборочную совокупность.

В американской практике на сегодняшний день наиболее активно используются шесть кластеров: Эйкорт, КластерПлюс2000, МикроВизион 50, Призм, Коэртс и Нич (последние два кластера используются для исследования результативности в сфере прямого маркетинга). В российской практике кластеры представлены исследовательскими системами Гэллап и Комкон. При кластерном делении исследователем могут быть получены следующие данные:

- 1 геодемографические параметры;
- 2 существующие установки внутри каждого кластера;
- 3 уровень потребительской и социальной активности;
- 4 мотивационные аспекты.

Как правило, все эти данные чётко увязываются проживанием того или иного человека в определённом районе. Если рассматривать российскую систему кластеров, то здесь чётко выделяются Москва, города-миллионники и пр.

Например, необходимо изучить потребительское отношение к товару X среди 10 000 человек. В этом случае выбирается контрольная 1000, из которой 100 человек активно используют товар X, и все они относятся к кластеру Y. Соответственно, устанавливается пропорциональная зависимость, которая проецирует всю совокупность кластера на население исследуемого пункта.

Также в ходе многомерного исследования можно установить кластерное распределение. Всегда будут кластеры с высокой степенью концентрации целевой аудитории и кластеры с более низкими показателями. Выбор ключевых кластеров, как правило, тождественен набору демографических параметров, определяющих профиль целевой аудитории. В этом случае выбирается тот набор параметров, которым максимально должны соответствовать те или иные СМИ.

Выбор кластера начинается с оценки структуры аудитории. В этом случае по каждому из демографических параметров уточняется процент людей, соответствующих профилю того или иного средства массовой информации. В ходе исследования структуры аудитории может быть получен ответ на вопрос, какой процент общей аудитории является моей целевой аудиторией.

Например, необходимо сопоставить две телепередачи, каждая из которых насчитывает 50 000 зрителей. Количество зрителей мужчин программы «А» составляет 17 500 человека. Они представляют собой 35% всех телезрителей (17,5:50,0). Женская часть аудитории доходит до 40%, подростки 15%, дети 10%. Структура программы «В» выглядит следующим образом: количество телезрителей мужчин составляет 30%, женщин — 25%, подростков — 25%; детей — 20%.

Таблица 2 Структура аудитории телевизионных передач «А» и «В»

Аудитория	Программа А (в тысячах)	Программа А (в%)	Программа В (в тысячах)	Программа В (в %)
Мужчины	17,5	35%	15,0	30%
Женщины	20,0	40%	12,5	25%
Подростки	7,5	15%	12,5	25%
Дети	5,0	10%	10,0	20%
Итого	50,0	100%	50,0	100%

Таким образом, очевидно, что зрителями первой телепередачи является в основном женская и мужская аудитории, в то время как профиль второй более размыт. Соответственно, во втором случае в качестве рекламоносителя может быть использована телепрограмма, т. к. в этом случае процентное соотношение составных частей аудитории зрителей сопоставимо с процентным соотношением населения в целом. Как правило, структура аудитории исследуется по каждому отдельному средству массовой информации. Тем не менее можно выделить некие общие аспекты, присущие носителям одной подгруппы.

В случае исследования печатных СМИ необходимо получить ответы на вопросы: количество прочитавших тот или иной номер вне зависимости от количества подписчиков? каким образом было прочитано сообщение? Читателей можно разделить следующим образом.

Постоянные читатели или подписчики, к которым относятся все получающие каждый номер и читающие как дома, так и за его пределами.

Случайные читатели, как правило, люди, совершившие эмоциональную покупку определённой газеты или журнала, либо те, кто прочитали материал в газете или журнале, находящемся в аптеке, поликлинике и т. п.

Читающие дома, те, кто знакомятся с материалами в спокойной домашней обстановке, в этом случае возрастает степень глубины восприятия информации.

Читающие вне дома. В этом случае в ходе исследования устанавливается процент постоянных и случайных читателей, а также тех, кто знакомится с информацией дома, а кто нет. Подписчики и читающие дома предпочитают журналы, в то время как случайные читатели и читающие вне дома отдадут предпочтение газетам.

Количество вероятных постоянных и случайных читателей задается специалистом по связям с общественностью. Например, PR-менеджер считает, что количество случайных и неслучайных читателей соотносится 50 на 50. Совокупный тираж издания составляет 1 млн экземпляров, в результате возможен охват 750 000 читателей:

$500\ 000\ \text{постоянных} \times 100\% = 500\ 000 + 500\ 000\ \text{случайных} \times 50\% = 250\ 000 = \text{охват читателей составит } 750\ 000$

Для того чтобы понять динамику чтения печатных СМИ, необходимо собрать информацию о том, где аудитория знакомится с материалами.

Таблица 3 Места, где читатели охотнее знакомятся с печатными материалами

Место	Мужчины	Женщины
-------	---------	---------

Дома	60%	63%
У знакомых	9%	10%
На работе	12%	10%
В салоне красоты/ парикмахерской	3%	4%
В поликлинике	5%	7%
Во время полета в самолете	3%	1%
Где-либо еще	8%	5%
Итого	100%	100%
Источник: данные исследовательской компании GFK за 2012 год		

Если рассматривать структуру печатных СМИ по сравнению с другими средствами массовой информации, то соотношение будет выглядеть следующим:

Таблица 4 Структура аудитории по разным СМИ

СМИ	Дома	У знакомых	Вне дома	Итого
Журналы	62%	10%	28%	100%
Газеты	86%	2%	12%	100%
Теле видение	92%	4%	4%	100%
Радио	50%	6%	44%	100%
Наружка	-	-	100%	100%
Источник: Spiegel № 4. S.21				

Таким образом, можно сделать вывод, что мужская аудитория знакомится с материалами печатных СМИ как дома, так и на работе, а среди женской аудитории ярко выражен кластер «дома», в то время как по остальным категориям происходит почти равномерное распределение доли читателей.

Вторым показателем, требующим пристального внимания и исследования, является количество читателей каждого отдельно взятого номера (RPC). В этом случае также более эффективно и целесообразно использование многомерного анализа. При проведении данного исследования необходимо закладывать в качестве обязательных переменных следующие параметры.

Районы распространения. Так, распространение в местах активного скопления целевой аудитории позволяет ознакомиться с сообщением большему количеству читателей.

Количество слов в номере. Чем объёмнее материалы, тем большее количество времени требуется на их прочтение. С другой стороны, чем дольше газета или журнал открыты на той или иной странице, тем больше шансов заметить материал у находящихся рядом.

Стиль подачи сообщения. Построение материала как полезного совета или как нужной структурированной информации.

Показатель количества читателей отдельно взятого номера рассчитывается путём деления общего числа аудитории читателей номера на совокупный тираж.

Как правило, погрешность данного показателя достаточно велика. Тем не менее данные используются при выявлении общей аудитории, которая может ознакомиться с новой публикацией. Данные представлены в таблице 5.

Таблица 5 Показатели количества читателей отдельно взятого номера различных печатных СМИ

СМИ	Количество публикаций	Взрослые 18+	Мужчины 18+	Женщины 18+
Деловые журналы	7	4,64	3,21	1,43
Популярные журналы	6	7,00	3,09	3,91
Мужские журналы	14	5,67	4,72	0,95
Еженедельники	3	5,69	3,29	2,43
Женские журналы	17	4,35	0,55	3,80
Ежедневные газеты	-	2,28	1,17	1,11
Воскресные газеты	-	2,26	1,10	1,16

Источник: По данным ассоциации Издателей печатных СМИ США за 2013 г.

По результатам данного многомерного исследования специалист по связям с общественностью делает выводы, учитывая показатели следующих параметров:

- Чем короче интервал между публикациями, тем быстрее приращивается аудитория;
- Чем выше показатель (RPC), тем медленнее накапливается аудитория;
- Информационные материалы привлекают к себе внимание большей аудитории читателей;
- Чем выше процент подписчиков, тем быстрее приращивается аудитория;
- Чем больше процент читающих вне дома, тем быстрее приращивается аудитория.

В результате, многомерный анализ в связях с общественностью позволяет установить те параметры, которые влияют на прирост аудитории того или иного средства массовой информации и определить наиболее целесообразное их использование.

Таким образом, исследовательский процесс очень важен в связях с общественностью, т. к. помогает выявить, в какой же точке развития находится организация, какие проблемы существуют, а какие могут возникнуть. Исследования в связях с общественностью используются в течение планирования и ведения медиакампании. На начальном этапе работы для сбора и анализа информации активно используются первичные исследования. В ходе реализации медиастратегии осуществляется мониторинг и возможно проведение контент-анализа. На этапе оценки проведенной медиакампании применяется контент-анализ. Тенденция сегодняшнего дня, наряду с социологическими исследованиями в связях с общественностью постепенно начинают проводиться маркетинговые исследования. А также возрастает роль многомерного анализа, который позволяет работать со СМИ более эффективно.

И. В. Лескова

**ВОЗМОЖНОСТИ ВЛИЯНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ
НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ**

ЛЕСКОВА Ирина Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии социальной сферы РГСУ.

Сегодня как никогда важным представляется решение, или, хотя бы, идеологически-непредвзятая методологическая проработка, такой исследовательской задачи, как

установление, выявление и описание взаимосвязи между демографическими процессами, протекающими на территориях страны и её отдельных регионов, и социально-экономическим, социально-политическим развитием соответствующих территорий – его уровнем и доминирующими тенденциями. Учёт соответствующих тенденций, факторов и закономерностей может существенно повысить адекватность стратегии социально-экономического развития как на региональных, так и на общегосударственном уровнях.

Россия является многонациональным государством, на её территории проживает более 180 народов, и все они независимо от численности отличаются самобытными национальными признаками.

Численность населения Российской Федерации на 1 января 2014 г. составляла 143,1 млн человек, из которых 105,7 млн человек (73,9%) – горожане, и 37,3 млн человек (26,1%) – сельские жители. Число россиян в 2013 г. увеличилось на 188,9 тыс. человек, или на 0,1% (на соответствующую дату 2012 г. наблюдалось сокращение численности населения на 48,3 тыс. человек, или на 0,03%).

Подавляющая часть населённых пунктов Российской Федерации – это средние и малые города – 93,1%, большие города – 3,8%, крупные города – 2,5%, крупнейшие города-миллионники – 0,5%.

Для возрастной структуры населения России наиболее характерно демографическое старение населения.

Так, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., от общей численности населения России русские составляют 77,71%, татары – 3,72%, украинцы – 1,35%, башкиры – 1,11%, чувашаи – 1,01% [1, с. 14].

В большинстве регионов страны преобладает русское население. Наиболее высокий процент русских (более 95%) отмечается в Центральном (кроме Московского региона) и Центрально-Чернозёмном районах, которые были заселены русскими ещё до XVII в.

Этнос – это исторически сложившаяся на определённой территории устойчивая группа людей, объединённая общими признаками, среди которых важнейшими считаются единство территории, язык, культура и самосознание. При этом, национальный состав, как признак этноса не являются системообразующим в процессах этногенеза; более того, национальное наполнение этносом в процессе их существования может существенно изменяться.

Наиболее крупные этносы в нашей стране имеют свою государственность в виде автономий, областей или республик. Однако в результате массовых миграций в течение XX в. в большинстве из них стало преобладать русское население. Те же автономии, где национальный состав более однороден, в течение десятков лет имели лишь миграционный отток населения.

Так, наиболее высокий процент коренного населения отмечается в республиках Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия) – более 90%. Чуть больше половины коренного населения в Тыве, Чувашии, Татарстане, Кабардино-Балкарии, Башкортостане, Калмыкии. От четверти до половины от общей численности населения коренное население составляет в республиках Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Карачаево-Черкесия, Алтай, Бурятия и других [1, с. 15].

На сегодняшний день Россия представляет собой многонациональный регион, весомый вклад в формирование современного этнодемографического профиля которого вносят сегодня миграционные процессы.

Необходимо отметить, что за последние два десятилетия в стране в целом и в ряде отдельных субъектов Федерации в особенности была проведена огромная по масштабам

работа по решению этнокультурных, этносоциальных проблем, что можно считать проявлениями постепенно набирающей силу тенденции построения мультикультурного общества.

Взяв за основу накопленный, в т. ч. и на региональном уровне, позитивный опыт длительного сосуществования на одной территории сообществ многонационального состава, опыт многовековых традиций межконфессиональности, совместной жизни различных народов, религий и культур, российское государство имеет все возможности развивать и усиливать влияние в межэтническом взаимодействии в рамках многочисленных полиэтнотерриториальных общностей цивилизационных традиций и ценностей среди населения. Это тем более важно, что для России – страны со значительной и разнообразной этносоциальной фрагментацией общества – крайне существенное значение имеют межэтническое согласие и толерантность граждан, как представителей этнических и этнотерриториальных групп населения общей страны, по отношению друг к другу. Ведь в современном мире государства все более осознают значимость интеграции на основе механизмов согласования интересов различных этнических, конфессиональных и этнолингвистических групп населения, поскольку это способствует нахождению адекватных и эффективных решений возникающих противоречий, а также оптимизации государственной политики в области регулирования межэтнического взаимодействия. Однако, как показывает мировой опыт двух последних десятилетий стран, чьи народы составляют так называемую «трансатлантическую цивилизацию», удаётся в основном осуществлять интеграцию по экономическим основаниям, что порождает не менее сильные процессы дезинтеграции по основаниям этно-территориальным.

В свою очередь, более осознанный российской федеральной властью, и методически и инструментально обеспеченный учёт территориальных особенностей демографического и этнонационального развития России позволит включить весь этот потенциал в механизмы реализации стратегических целей и задач не только демографической, но и внешней политики государства.

В настоящее время, несмотря на нарастающую фоновую интенсивность межэтнической конфликтности на бывшем пространстве СССР и внутри отдельных российских территорий, существует немало примеров, когда социальные, культурные и психологические факторы оказывают позитивное воздействие на межэтнические отношения в конкретных регионах, что проявляется в сокращении социальной и культурной дистанции и, самое главное, – в условиях близкого соседства и традиционной тесноты этно-культурных связей нашей страны с украинским государством, – отсутствии этноконфликтной идентичности у большей части населения.

Литература

- 1 Вишневский А. Г. Демографический потенциал России // Вопросы экономики. 2012. № 5.

А. В. Немировская, В. А. Козлов

ПРОБЛЕМА СВЕРХСМЕРТНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОГО ФРОНТИРА (РЕГРЕССИОННЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ)

НЕМИРОВСКАЯ А. В. – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ЛССИ НИУ ВШЭ.

КОЗЛОВ В. А. – кандидат экономических наук, доцент департамента демографии НИУ ВШЭ.

В исследовании анализируются факторы сверхсмертности в регионах современного российского фронта, как одной из острых социальных и демографических проблем этого макрорегиона. К территории фронта в данном случае относятся регионы на севере и востоке России, удалённые от центра страны свободные земли, пригодные для освоения и заселённые преимущественно в XX в., с низкой плотностью населения, сконцентрированного, главным образом, в городах. Регионы России разделены на зоны центра и фронта, на основании трёх ключевых параметров фронта как такового: административная удалённость (значительная географическая дистанция от центральной власти в государстве), невысокая плотность населения и относительно недавняя заселённость территории пришлым, некоренным населением. Таким образом, фронт России состоит из регионов Восточной Сибири, Дальнего Востока, арктических регионов русского Севера и Урала.

На первый взгляд, текущая демографическая ситуация в зоне фронта России, по сравнению с другими регионами страны, выглядит достаточно благоприятной, особенно с учётом естественного прироста населения. Однако в последние десятилетия данный макрорегион характеризуется убылью населения вследствие исходящей миграции в регионы центра страны, а также сталкивается с такими проблемами, как отток некоренного населения с более высоким культурным капиталом и одновременной иммиграцией из стран СНГ населения с низким человеческим капиталом; высокий уровень убийств, самоубийств, преступности в целом, по сравнению как с центрально-европейской частью, так и со средними значениями по стране.

Проблемы социально-демографического развития, роста численности населения и повышения человеческого потенциала неизменно актуальны на фоне обсуждений будущего страны и её ресурсных, производящих регионов. Регионы фронта отличаются от центра не только социокультурными чертами, но и более суровыми экономическими и климатическими условиями, худшей экологической ситуацией, высоким уровнем преступности, низким уровнем производства и неразвитой инфраструктурой. Территории фронта отстают от среднероссийского уровня по показателям качества и продолжительности жизни, дохода, безопасности, доступности медицинских услуг, уровня развития инфраструктуры и др. Начатая модернизация страны и реализуемая в сибирских и восточных регионах концепция их развития до 2020–2025 гг. видится населением скорее формой очередной индустриализации и сырьевого освоения новых ресурсов этих территорий. Как показали наши предыдущие исследования в регионах Сибири в 2010–2014 гг. [1–3 и др.], мнение населения этих регионов практически не расходится с точкой зрения, представленной в работе М. Брайтман, В.Э. Гротти и О. Ултургашевой: «для колониальных центров Амазония и Сибирь представляли и представляют собой зоны хищнической индустриальной эксплуатации, где местное аборигенное население является лишь неудобной и нечеловеческой компонентой чужой и дикой природной среды этих территорий. Утилитарная идеология технократического прогресса

и освоения «пустых» территорий, которой руководствовались колониальные державы, и по сей день движет бесконечным процессом имперской экспансии» [4].

Вместе с тем, регионы фронта в России также обладают, помимо огромных свободных территорий и природных ресурсов, пока ещё достаточно высоким человеческим капиталом, крупными университетскими и научными центрами, социокультурным потенциалом населения (склонность к самоорганизации, инициативность, самостоятельность, выше социальный капитал, по сравнению с центром страны) для возможного выхода из колеи исключительно индустриального пути развития. Однако возникает логичный вопрос, есть ли шансы, что это социально активное, достаточно образованное, трудоспособное население будет оставаться проживать на этих территориях далее и возможны ли как самореализация индивидов, так и модернизация регионов в непростых условиях жизни и труда, на фоне невысокого дохода и сверх высокой смертности? В этой связи представляется интересным рассмотреть социально-демографические проблемы в зоне фронта и сравнить их как с общестрановой ситуацией, так и с положением в старопоселенческих, центральных регионах. В целом, изучение демографических проблем фронта, т. е. территорий, играющих важную роль в обеспечении социально-экономического развития страны, важно для оценки возможностей развития самих этих регионов, которые к тому же занимают большую часть территории России.

В предыдущих исследованиях, на основе анализа данных шести волн опросов «Всемирного исследования ценностей» и данных современной и исторической статистики, нами был проведён сравнительный анализ регионов центра и фронта России, США, Канады и Бразилии, который показал, что население этих территорий контрастно во всех странах, ставших предметом исследования в рамках данного проекта, и обладает схожими типологическими социокультурными характеристиками [5–8]. Таким образом, было продемонстрировано, что теория фронта приложима не только к описанию ценностей, социальных норм и институтов западных штатов США в качественном аспекте, но существует верифицируемый количественным анализом данных социальный феномен фронта в рамках ряда совершенно разных современных государств. Во всех этих странах регионы фронта, как и столетие назад, до сих пор характеризуются низким уровнем общественного порядка и недостатком общественных благ. При этом, нельзя сказать, что такая ситуация создается исключительно «по недосмотру» государства или пренебрежению усилиями по развитию этих территорий. Некоренное население формирует достаточно сильные социальные институты и демонстрирует различные формы не только гражданского участия, но и конфликтности, социального протеста, сопротивления централизованному управлению этими регионами из столиц фронтных государств, считая себя исконными хозяевами этих территорий и при этом зачастую делая невольный выбор в пользу политических и экономических свобод, но меньшего бюджетного обеспечения и общественных благ. Так, благодаря суровым климатическим условиям, вкпе с малоразвитой инфраструктурой и дефицитом предоставляемых социальных благ, современный российский фронт является самой настоящей территорией освоения, и даже скорее, выживания, для самых стойких, отчаянных или лишённых возможности выбора иной судьбы некоренных жителей этих регионов.

Основная задача этого исследования – выявить механизм влияния социальных процессов, протекающих во фронтной зоне, на показатели смертности. В этой связи можно рассматривать целый ряд факторов, которые могут вносить свой вклад в феномен сверхсмертности в регионах фронта России: высокое потребление алкоголя (как «отложенное самоубийство», способ преодоления стресса и тягот жизни); проживание в неблагоприятных

социально-экономических условиях, экономическая депривация, безработица, конфликт между коренным и пришлым населением, в т. ч. наличие латентных этнических конфликтов, низкий уровень общественного порядка (высокая преступность), неблагоприятные климатические условия (так называемый «северо-восточный» градиент смертности, в особенности от внешних причин, наблюдается в России, начиная с 1970-х годов [9, с. 46]). Также прокси-температура января указывает на регионы с неблагоприятными климатическими условиями, которые осваивались путём принудительных миграций в сталинские времена [10], и является одним из возможных объясняющих факторов высоких значений смертности, поскольку температуры января резко падают при движении на северо-восток России); непривычные условия жизни, вынуждающие переселенцев адаптироваться к ним (доля мигрантов в населении) и др. факторы.

Эмпирической базой исследования являются данные Бюллетеней Росстата «Естественное движение населения Российской Федерации», Демографического ежегодника РФ, Российского статистического ежегодника – 2011, Центра демографических исследований РЭШ. По данным Росстата рассматриваются стандартизованные коэффициенты смертности по 6 основным классам причин смерти (инфекционные и паразитарные, новообразования, болезни системы кровообращения, болезни органов дыхания, болезни органов пищеварения, внешние причины), а также данные по продолжительности жизни в отдельных регионах. Данные для расчёта продолжительности жизни и смертности по отдельным причинам (в нашем случае смертности в результате убийств, самоубийств и случайных отравлений алкоголем) отдельно в регионах центра и фронта получены из Российской базы данных по рождаемости и смертности (РосБРИС) Центра демографических исследований Российской Экономической Школы (ЦДИ РЭШ). Все данные находятся в открытом доступе.

Начиная с описания социально-демографических особенностей и условий жизни на территории российского фронта с помощью анализа статистических индикаторов, исследование фокусируется на причинах высокой смертности. С использованием регрессионного анализа на региональных демографических данных, представляемых Росстатом, рассматривается смертность от алкоголизма, самоубийств и убийств в различных социальных группах, при контроле ряда социально-экономических факторов и природных условий. Зависимыми переменными выступает смертность населения (стандартизованные коэффициенты смертности¹⁶ на 1 000 000 человек) от следующих классов причин (согласно МКБ-10): случайные отравления алкоголем, самоубийства и убийства (все переменные рассматриваются отдельно для женщин и мужчин). Использование стандартизованных коэффициентов обусловлено разной возрастной структурой регионов России, в результате чего простые коэффициенты смертности по причинам при сравнении давали бы некорректные результаты. В качестве контрольных переменных выступают доля населения с высшим образованием (на 1000); безработица (%) по данным Обследования населения по проблемам занятости; продажи крепкого алкоголя (литров на душу, получена как сумма продажи водки и ликеро-водочных напитков и коньяков); продажи всех алкогольных напитков и пива (литров на душу, сумма показателей по продажам всех напитков, содержащих алкоголь в регионе); доля сельского населения (%); преступность (число зарегистрированных преступлений на 100 000); доля бедных в населении (% населения с доходом ниже прожиточного минимума). Основные

¹⁶ В качестве стандарта использовано распределение населения России по возрастам согласно Переписи населения 2010.

объясняющие переменные: принадлежность региона к фронтальной зоне; средняя температура января; доля мигрантов в населении региона; национальный состав населения региона; уровень экономического развития региона (ВРП).

Литература

- 1 Социокультурные процессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009– 2011 гг.): монография / отв. ред. А. В. Немировская. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 206 с. URL: <http://publications.hse.ru/books/76303734>.
- 2 Немировский В. Г., Немировская А. В. Динамика социокультурных процессов в Красноярском крае (на материалах социологических исследований в регионе в 2010 – 2012 гг.): монография. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. 248 с. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40.
- 3 Немировский В. Г., Немировская А. В. Социокультурная модернизация регионов Сибири: монография. Санкт-Петербург: Петрополис, 2013. 230 с. URL: <http://publications.hse.ru/books/135923299>.
- 4 Брайтман М., Гротти В. Э., Ултургашева О. Личность и «приграничная территория» в современных Амазонии и Сибири // *Laboratorium*. 2010. № 2. С. 437–438.
- 5 Foa R., Nemirovskaya A., Mostovova E. Internal Empires I: Social Institutions of the Frontier // *Working Papers of the Program of the Fundamental Research at the Higher School of Economics. Series: Sociology, WP BRP 09/SOC/2012*. 44 p. URL: <http://www.hse.ru/data/2012/06/02/1252232240/09SOC2012.pdf>.
- 6 Foa R., Nemirovskaya A. State Formation and Frontier Society: An Empirical Examination // *Working Papers of the Program of the Fundamental Research at the Higher School of Economics. Series: Political Science, WP BRP 13/PS/2014*. 33 p. URL: <http://www.hse.ru/data/2014/06/18/1309804201/13PS2014.pdf>.
- 7 Немировская А. В., Фоа Р. Социокультурные особенности регионов центра и фронта: компаративные исследования на базе WVS // Третья международная научно-практическая конференция «Продолжая Грушина». 28 февраля – 1 марта 2013 г. Материалы конференции. М.: ВЦИОМ, 2013. С. 454–461.
- 8 Немировская А. В., Фоа Р. Социокультурные особенности социума фронта России // *Социологические исследования*. 2013. № 4. С. 80–88.
- 9 Вишневский А., Школьников В. Смертность в России. Главные группы риска и приоритеты действий. Москва, 1997.
- 10 Earle J. S., Gehlbach S. Did Post-communist Privatization Increase Mortality? *Comparative Economic Studies*. 2011. № 53. P. 251.

О. С. Осипова

**ИНТЕГРАЦИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ АНАЛИЗА КАК НОВАЯ
ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗРАБОТКИ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

ОСИПОВА О. С. – доктор социологических наук, зав.кафедрой «Управление персоналом»
ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». E-mail:
olstepos@mail.ru.

Без сканирования сложившейся ситуации нельзя моделировать процессы будущего развития высшей школы, в т. ч. и в сфере трудовых отношений. Важным ресурсом образовательных организаций, позволяющим повысить их конкурентоспособность, наряду с профессорско-преподавательским составом, является учебно-вспомогательный персонал (далее УВП). Под влиянием значительных структурных изменений, связанных с развитием дистанционного образования и глобализацией высшего образования, меняется расстановка сил не только на мировом рынке образовательных услуг, но и непосредственно в образовательной среде самого вуза: увеличивается роль административной составляющей, усиливается влияние учебно-вспомогательного персонала на возможности устойчивого функционирования и инновационного развития вуза.

Потенциал УВП для повышения конкурентных преимуществ образовательных учреждений ВПО до недавнего времени был совершенно не изучен. Одной из значительных трудностей исследования данной категории работников являлось отсутствие достаточной статистической информации, она до сих пор незначительна и рассредоточена по различным формам статистической отчетности. Впервые в процессе исследования «Совершенствование нормирования труда и формирование новых подходов к организации трудовых отношений и оплаты труда отдельных категорий работников организаций высшего образования», выполненного за счёт бюджетных средств по Государственному заданию Финуниверситета 2014 года, учебно-вспомогательный персонал вузов был изучен ВТК во взаимосвязи нескольких неразрывно взаимосвязанных проекций: экономической, юридической, социологической, исторической и статистической. Для подтверждения выдвинутых гипотез была собрана не имеющая аналогов в Российской Федерации эмпирическая база по УВП вузов, позволяющая рассматривать эту целевую группу в самых различных ракурсах функционирования вуза.

На основе форм государственной статистики была создана матрица для создания комплексной статистической базы по критериям, которые были выявлены в результате первичного анализа форм статистической отчетности (размер заработной платы, численность профессорско-преподавательского состава и УВП, техническая оснащённость рабочего места и т. д.). Создание такой базы стало возможно благодаря проводимым в последние годы мониторингам в системе высшего образования, в ходе которых была проведена полномасштабная диагностика качества высшего образования (все вузы, филиалы в разных регионах прошли оценку по единым и понятным критериям). На основе тщательного анализа форм унифицированной системы отчётно-статистической документации, представляемой в органы исполнительной власти (за исключением Росстата), данных Росстата, результатов мониторинга деятельности государственных образовательных учреждений высшего образования за 2013 г., опубликованных на официальном сайте Минобрнауки России, нами была разработана матрица (с латинского языка – источник, начало) для введения базы данных на основе выделенных нами переменных, позволяющая решить основные задачи исследования. Затем в неё были внесены данные по всем вузам Российской Федерации, сдавшим отчетность за 2013 г. Был составлен массив исходной информации по выделенным переменным.

Всего в эту базу вошли данные по трём кластерам вузов Российской Федерации: первый

кластер – государственные вузы (с учётом филиалов) и государственные вузы (без учёта филиалов); второй кластер – негосударственные вузы (с учётом филиалов) и негосударственные вузы (без учёта филиалов) и третий кластер – все вузы страны (государственные и негосударственные), которые также были разбиты на две группы (с учётом филиалов и без учёта филиалов). В последний кластер вошли: в первую группу 969 вузов государственных и негосударственных (без учёта филиалов) (все вузы-1) и 2451 объектов анализа – государственные и негосударственные вузы с учётом филиалов (все вузы-2), которые в совокупности составили третий кластер. Филиалы в Мониторинг вошли как отдельные субъекты отчетности, отсюда и столь значительная общая численность исследуемых единиц анализа по второй группе во всех трёх кластерах. Численность УВП во всех вузах страны, сдавших статистическую отчётность за 2013 год, составила в государственных и негосударственных вузах (без учёта филиалов) 123923 человека, вместе с филиалами – 142688 соответственно. В государственных вузах без филиалов трудится 117182 сотрудника УВП, в государственных вузах с учётом филиалов – 131844. Удельный вес УВП в общей численности сотрудников вузов во всех трёх кластерах примерно одинаков и составляет в целом по всем вузам 17,2%.

Рисунок 1 – Численность УВП вузов, человек

Подавляющая численность УВП (92%) сконцентрирована в государственных вузах (без учёта филиалов). Несмотря на то что в негосударственных вузах работает незначительная часть УВП страны, мы сочли необходимым провести сравнительный анализ с учётом трёх кластеров первый – государственные вузы; второй – негосударственные, третий – все вузы страны. Каждый кластер, в свою очередь, включал две подгруппы вузов: 1 – без учёта филиалов; 2 – с учётом филиалов. Сравнительный анализ позволил представить сложившуюся в стране ситуацию с УВП максимально объективно. Включение в исследование негосударственных вузов позволило изучить различия в организации работы с УВП образовательных учреждений высшего образования, относящихся к разной организационно-правовой форме, и проанализировать новые возможности для совершенствования норм численности УВП, оплаты труда и развития трудовых отношений в вузе. В сравнительный анализ по ряду показателей в исследование был включен также Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (без учёта филиалов), т. к. он одним из первых вузов страны решился на эксперимент и пытается отойти от сложившейся в целом по стране практики норм расчёта численности УВП и методик начисления заработной платы применительно к данной категории.

Статистические данные позволили получить объективную картину не только численности

и качественных характеристик УВП, но впервые рассчитать сложившейся уровень заработной платы и нормы расчёта численности УВП в выделенных кластерах. Проанализировать сложившуюся практику нормирования труда и определения численности УВП в вузах Российской Федерации оказалось чрезвычайно сложно. Дело в том, что в форму статистической отчетности ВПО-1 не включён важный показатель – общее количество штатных единиц для различных категорий работников вуза. чётко сформулированы строки, позволяющие определить, сколько сотрудников работают на условиях совместительства (внутреннего и внешнего), однако важнейший показатель, который только и позволяет получить валидные результаты по нормированию труда (количество штатных единиц), отсутствует. Поэтому пришлось проделать сложную работу, чтобы можно было рассчитать необходимые для определения сложившихся норм расчёта УВП недостающие показатели. Полагаем, что срочно надо внести уточнение в форму ВПО-1, иначе в силу высокой трудоемкости необходимых предварительных расчетов невозможно будет проследивать динамику развития процессов в перспективе.

В настоящее время вузам разрешено самостоятельно рассчитывать штатную численность работников высшего учебного заведения в пределах бюджетных ассигнований, выделенных учредителем в целях финансового обеспечения государственного задания на выполнение государственных услуг в соответствии с основной деятельностью образовательного учреждения, предусмотренной уставом, в виде субсидий, объём которых определяется на основании нормативного метода определения затрат. Благодаря дополнительным математическим расчётам нам удалось выявить как реализуется рекомендации Министерства образования. В результате математических расчетов было определено соотношение списочного и штатного состава УВП и ППС вузов, что, в свою очередь, позволило рассчитать численность ППС, приходящихся на одну штатную единицу УВП.

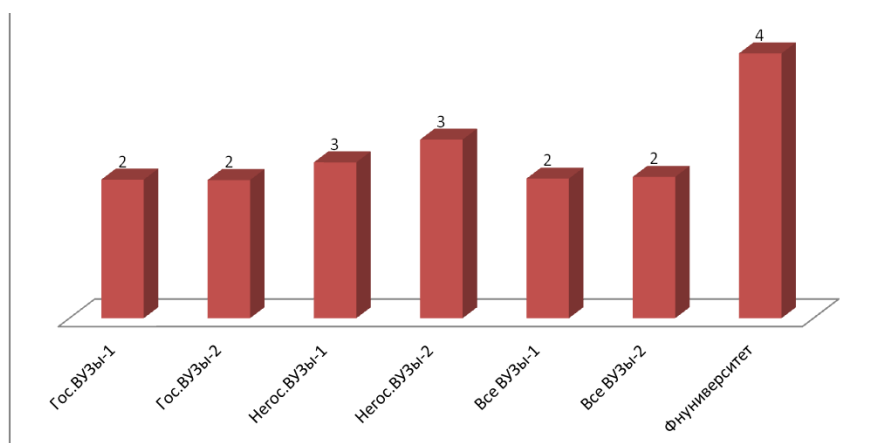

Рисунок 2 – Численность ППС на штатную единицу УВП

Во всех вузах страны и в государственных вузах (с учётом и без учёта филиалов) соотношение ППС к 1 штатной единице УВП составляет 2 : 1, в частных вузах нагрузка на 1 шт. единицу УВП больше в 1,5 раза и представляет соотношение 3 : 1. В Финуниверсите нагрузка на 1 шт. единицу УВП в 2 раза превышает показатель по кластеру государственные вузы и в 1,33 – по кластеру негосударственные вузы.

Во всех вузах страны и в государственных вузах без учёта филиалов соотношение

студентов, которым предоставляются образовательные услуги, и УВП составляет 38 : 1, в негосударственных вузах (без учёта филиалов) нагрузка на 1 шт. единицу УВП превышает более чем в 2 раза и представляет соотношение 81 : 1. В Финуниверсите (без учёта филиалов) нагрузка на 1 шт. единицу УВП по анализируемому показателю также более чем в 2 раза превышает показатель по кластеру – государственные вузы (без учёта филиалов) и практически равна показателю по кластеру негосударственные вузы (без учёта филиалов).

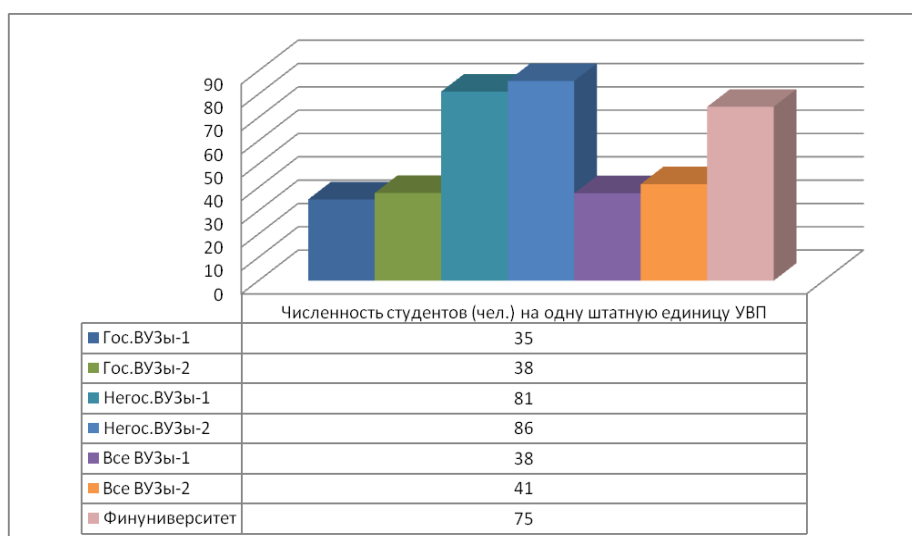

Рисунок 3 – Численность студентов на штатную единицу УВП

Таким образом, в целом все вузы строго следуют рекомендуемым нормам Министерства образования и науки Российской Федерации, и только некоторые вузы решаются на эксперимент, хотя такое право имеется, согласно российского законодательства, у каждого вуза. В этом отношении ситуация, сложившаяся в Финуниверситете, является уникальной, т. к. один из немногих государственных вузов пытается реализовать новые формы нормирования и стимулирования труда УВП. Такие попытки заслуживают поддержки и тщательного изучения, ибо без экспериментального опыта (даже, если он и носит негативный характер) невозможны поиски по совершенствованию системы высшего образования в целом.

Для того, чтобы определить насколько удачным был эксперимент, проведенный в Финуниверситете, мы перешли от статистических к социологическим методам анализа, а также провели дополнительные экономические расчёты. Главным критерием оценки эффективности нововведений согласно законам экономики труда должны быть два показателя: повышение производительности труда при сохранении или уменьшении уровня напряжённости труда. Нахождение оптимального соотношения между ними необходимо для сохранения социальной стабильности в вузе, устойчивого его функционирования и поступательного развития. В работе использовались разнообразные методы сбора и обработки первичной информации. Были дополнительно проведены два социологических опроса, три экспертных опроса, опытно-экспериментальные работы (хронометраж, самообследование и т. д.), контент-анализ., что впервые позволило не только полно проанализировать характер нововведений, но и рассчитать их экономическую эффективность, изучить обратную связь и исследовать их влияние на социально-трудовые отношения в коллективе, предложить Коэффициент денежного возмещения трудозатрат УВП (Кдвт), Методику определения ориентировочного размера

заработной платы УВП конкретного вуза с учётом его регионального местонахождения.

Уникальность исследования в том, что впервые проведён многофакторный анализ такой целевой группы как УВП вузов на макро- и микроуровнях, в неразрывной их взаимосвязи. Проведенная ВТК работа на основе российской статистической базы данных, собранной в процессе мониторинга вузов, отвечает последним трендам в области организации методологии исследования, принятым в мире. Поскольку в последние два года в международных научных кругах всё громче звучат мнения об ограничениях, имеющихся в работе с большими статистическими данными, исследование УВП образовательных организаций высшего образования одновременно на макро- и микроуровнях является прорывным не только в российской исследовательской практике, но и с точки зрения совершенствования мировой методологии и методик по изучению образовательной сферы.

М. Б. Полтавская

OPEN DATA И РЕЕСТРЫ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕГИОНАХ РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ПОЛТАВСКАЯ Мария Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Волгоградского государственного университета. E-mail: poltavskayamb@yandex.ru.

Вопрос об учёте и контроле за деятельностью некоммерческих организаций (НКО) встал с момента их создания, поэтому реестр – необходимый инструмент для этих целей. Реестр (польск. rejestr, позднелат. registrum) означает опись, письменный перечень или книга для записи дел, документов [1].

Насущной проблемой для социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) является отсутствие сводного реестра этих организаций и единого информационного ресурса, на котором ведомства могли бы консолидировать всю необходимую информацию о предоставлении государственной поддержки СО НКО.

Самый полный перечень всех зарегистрированных НКО на территории РФ можно найти на сайте Министерства юстиции РФ. По состоянию на 06.02.2015 г. 436659 организаций всех организационно-правовых форм зафиксировано на сайте. Все НКО представлены в прежних организационно-правовых формах, без учёта изменений законодательства в 2014 г. [2].

Ещё один реестр НКО расположен на «Портале НКО», где в раздел «Общероссийская база НКО» включены 11550 организаций, которые сгруппированы по 15 сферам деятельности (например: образование, просвещение, интеллектуальный потенциал нации; развитие гражданского общества и др.) [3]. Однако вышеназванные реестры включают не только СО НКО.

Необходимость в составлении реестров СО НКО появилась в 2011 г., Министерство экономического развития РФ в мае 2011 г. издало приказ N 223 «О ведении реестров социально ориентированных некоммерческих организаций – получателей поддержки, хранении представленных ими документов и о требованиях к технологическим, программным, лингвистическим, правовым и организационным средствам обеспечения пользования указанными реестрами». Спустя год-два постановления о таких реестрах были приняты на уровне субъектов РФ.

Минэкономразвития России имеет свой реестр СО НКО – получателей поддержки. В 2011 г. он включал 35 организаций, в 2012 г. – 83, на 10.11.2014 в нём состоят 174 СО НКО [4].

Свои списки СО НКО есть и в регионах. В целях организации системы учёта СО НКО, осуществляющих деятельность на территории Волгоградской области, в августе 2013 г. было принято Постановление губернатора Волгоградской области «О реестрах социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность на территории Волгоградской области, – получателей государственной поддержки». В реестр попали только СО НКО – получатели государственной поддержки, сколько всего СО НКО на территории Волгоградской области неизвестно. Аналогичная ситуация наблюдается во многих регионах.

Недостаток реестров СО НКО в том, что документ чаще констатирует факт осуществления государственной поддержки или выдачи субсидий, чем является списком действующих в регионе СО НКО. В таком реестре может несколько раз фигурировать одна и та же организация, если она несколько раз получала субсидию, выигрывала гранты или ей оказывалась имущественная поддержка [5]. Такой список не является в подлинном смысле реестром СО НКО.

Реализуя политику открытых данных (Open Data) многие субъекты РФ на своих подведомственных сайтах стали публиковать реестры СО НКО – получателей поддержки. Некоторые субъекты РФ публиковали реестры СО НКО на специально созданном сайте «Data.gov.ru – Открытые данные России». Однако таких субъектов единицы. На запрос «некоммерческие организации» были найдены три набора открытых данных: «Реестр Ямало-Ненецкого автономного округа социально ориентированных некоммерческих организаций - получателей поддержки» [6], список «Социально-ориентированные некоммерческие организации», опубликованный министерством труда и социальной защиты Тульской области [7], и «Информация о мерах государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций», представленная Управлением социальной защиты населения Белгородской области [8].

Как можно заметить, названия этих документов различаются – реестр, список и информация, они содержат различное количество и наименования колонок/разделов в документе, что затрудняет работу с ними.

Большой проблемой является то, что на уровне субъектов РФ реестры СО НКО составляют различные структурные подразделения и ведомства. Это могут быть министерства или комитеты. Например, в Тульской области СО НКО курирует министерство труда и социальной защиты, в Белгородской области – управление социальной защиты населения, в Волгоградской – министерство по делам территориальных образований. Если в субъекте РФ происходят структурные преобразования, реформируются, разделяются или соединяются комитеты и ведомства (за полтора года в Волгоградской области произошла реорганизация исполнительных органов власти из комитетов в министерства и снова в комитеты), то ответственных за создание реестра трудно отыскать. В итоге вопрос поиска, согласования и контроля за реестрами в субъектах РФ стоит очень остро.

Есть и успешные примеры создания реестров СО НКО. В рамках программы «Социально ориентированные НКО Приволжья» была создана сеть ресурсных центров социально-ориентированных НКО Приволжского федерального округа «Все вместе», в которую вошли 14 организаций, а также каталог НКО – база данных некоммерческих организаций Приволжского федерального округа, включающий 928 социально ориентированных НКО [9]. Организации в

базе данных можно искать по различным критериям: по сфере деятельности; по географии деятельности; по источникам финансирования; по клиентам; по видам предоставляемых услуг; по организационно-правовой форме.

Встречаются и печатные варианты реестра, например, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра в 2014 г. издан «Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» [10].

Таким образом, можно выделить следующие проблемы и наметить перспективы их решения:

- Реестры/списки СО НКО различных субъектов РФ не согласованы внутри самих субъектов (городской район-город-область).
- Трудности в сборе и обработке сведений из различных реестров в связи с «плавающими» структурами, типами.
- Не определена ответственность за информацию, содержащуюся в реестрах, её полноту, достоверность, актуальность и др.
- Существует необходимость в конкретных стандартах описания и составления реестров, жестких требованиях к информации в части перечисления обязательных сведений, структуры, наименований, типов, размеров полей и т. д.
- Сводный реестр может быть собран только после установки единых требований к реестрам.

Литература

- 1 Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.
- 2 Министерство юстиции РФ. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (06.02.2015)
- 3 Общероссийская база НКО. URL: <http://www.portal-nko.ru/nko/organizations> (06.02.2015)
- 4 Реестр СО НКО – получателей поддержки Минэкономразвития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/SocOrientNoncomOrg/201411132> (06.02.2015)
- 5 Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций Волгоградской области - получателей государственной поддержки. URL: http://inform.volganet.ru/folder_nko/ (06.02.2015)
- 6 Реестр Ямало-Ненецкого автономного округа социально ориентированных некоммерческих организаций - получателей поддержки. URL: <http://data.gov.ru/opendata/8901019770-inn>(06.02.2015)
- 7 Социально-ориентированные некоммерческие организации Тульской области. URL: <http://opendata71.ru/opendata/7106508647-sociallyorientednonprofitorganizations> (06.02.2015)
- 8 Информация о мерах государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций Белгородской области. URL: <http://xn--31-slcy1.xn--p1ai/index.php/2014-04-10-10-37-53> (06.02.2015)
- 9 База данных некоммерческих организаций Приволжского федерального округа. URL: <http://basanko.so-nko.ru/> (06.02.2015)
- 10 Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / сост. : Е. Г. Чумак, М. В. Пикинская,

Я. В. Григорьева. Сургут : Изд-во бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Методический центр развития социального обслуживания», 2014. 80 с.

А. К. Соловьёв

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИИ

СОЛОВЬЁВ Аркадий Константинович – начальник Департамента актуарных расчётов и стратегического планирования Пенсионного фонда Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор Финансового университета, заслуженный экономист Российской Федерации, sol26@100.pfr.ru.

Регулярное проведение радикальных пенсионных реформ в нашей стране стало уже традицией, которые, однако, приурочены к плановым или внеплановым бюджетно-финансовым кризисам (1991, 1997, 2002, 2010, 2015 – двухлетняя задержка реализации обусловлена исключительно организационно-техническими процедурами подготовки нормативной документации).

Самое удивительное в этом перманентном процессе «совершенствования» пенсионной системы заключается в практически полной индифферентности всех категорий наших граждан (как молодых, так и старых) к социальной и экономической сущности проводимых пенсионных реформ. Особенно ярко это видно на фоне подлинно всенародных волнений в западных странах по любому малейшему сдвигу в пенсионном обеспечении (Греция, Италия, Испания, Франция, Англия).

Начало пятой пенсионной реформы 2015 г., которая в очередной раз перевернула все элементы пенсионной системы, также не привлекло внимания гражданского общества к социальной сущности и экономическим последствиям реформы. Одним из главных стимулов умиротворения граждан послужили гарантии неприкосновенности прав работающих пенсионеров и неповышения пенсионного возраста.

Надо признать, что проблема повышения пенсионного возраста в нашей стране обсуждается уже с первых шагов рыночных преобразований пенсионного обеспечения, т. е. четверть века, и без сколько-нибудь видимого продвижения к её решению. В то время как все цивилизованные страны уже выработали чёткую программу действий по её решению, хотя и с разными социальными и экономическими последствиями: одни повысили пенсионный возраст «шоковыми» инструментами за один-два года, другие – растянули этот процесс на несколько десятилетий, третьи – отказались от возрастного регулятора страховых пенсионных прав.

В нашей стране о проблеме пенсионного возраста предпочитают вспоминать только в связи с очередной необходимостью найти резервы экономии бюджетных средств на финансирование текущих пенсионных выплат. При этом даже эксперты, знакомые с современным пенсионным законодательством, не всегда в полной мере отдают себе отчёт, что в страховой (как солидарной, так и в накопительной пенсионной программе) системе повышение возраста влечёт за собой сначала накопление пенсионных прав застрахованных

лиц, а потом – неизбежный рост пенсионных обязательств, т. е. размеров пенсий, и соответственно – рост расходов.

Отсюда следует вывод, что проблема пенсионного возраста, впрочем, как и все проблемы пенсионной системы, являются многофакторными и многоукладными по своей институциональной природе и не поддаются примитивным линейным решениям. На Западе используют пенсионный возраст как инструмент «экономии» лишь для чисто госбюджетных пенсионных обязательств – для государственных служащих, для выплаты социальных пособий и т. п. У нас это уже реализовано.

Проблема возраста в нашей стране не решена в другом, гораздо более сложном – институционально-страховом – контексте: страховая пенсионная реформа 2002 г. была смоделирована и реализована без учёта негативных демографических факторов. Это на практике для конкретных социально-демографических групп населения и конкретного человека – застрахованного лица – означает, что его накопленные пенсионные права (независимо от солидарной или накопительной модели) не балансируют с пенсионными обязательствами страховщика (независимо – государственного или негосударственного).

Наиболее наглядный пример, различие пенсионных прав между мужчинами и женщинами: среднестатистический мужчина формирует себе пенсионных прав значительно больше, чем сможет получить страхового возмещения после достижения пенсионного возраста, даже без учёта дополнительных прав работающего пенсионера. Женщины наоборот – не могут сформировать себе необходимый объём страховых прав для получения среднего размера пенсии в течение всего периода после достижения пенсионного возраста.

Базовым условием для того, чтобы в нашей стране была создана устойчивая и эффективная пенсионная система, является достижение долгосрочной (на профессиональном языке – актуарной) сбалансированности накопленных пенсионных прав и реализуемых государственных и негосударственных пенсионных обязательств.

Может ли решить эту проблему – повышение пенсионного возраста? Конечно, не может. Проблема актуарной (долгосрочной) сбалансированности пенсионных прав и обязательств имеет комплексную макроэкономическую и демографическую основу, и её решение также достигается не локальными мерами, а взаимообусловленным комплексом мероприятий, среди которых фактор пенсионного возраста занимает далеко не первое место.

Реальное значение пенсионный возраст в комплексе этих мероприятий имеет только как инструмент стимулирования увеличения продолжительности формирования пенсионных прав (попросту говоря – трудового стажа). В основном это относится к женской части нашего населения. Поскольку именно женщины после завершения перехода к полноценной рыночно-страховой пенсионной модели при действующем пенсионном возрасте не имеют возможности даже гипотетически сформировать необходимый объём прав для получения достойной пенсии.

Прогнозные показатели демографического развития страны свидетельствуют о быстром повышении продолжительности жизни, что требует незамедлительного начала повышения пенсионного возраста. Однако, в целях нивелирования негативных экономических (именно – бюджетно-финансовых, а не социальных) последствий повышения пенсионного возраста его повышение должно осуществляться постепенно: начиная с одного месяца за год, с тем чтобы к 2030-м годам достичь демографической сбалансированности пенсионных прав и обязательств.

При этом, ещё раз следует подчеркнуть, что повышение пенсионного возраста должно быть направлено на экономическое стимулирование формирования пенсионных прав, а не на мифическую экономию средств госбюджета.

К. Д. Титаев

ДАННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: САМЫЙ ПРОСТОЙ И САМЫЙ СЛОЖНЫЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ СОЦИОЛОГА

ТИТАЕВ К. Д. – ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. E-mail: ktitaev@eu.spb.ru.

Данная презентация – это попытка обобщить опыт Института проблем правоприменения в сфере использования государственных статистических данных разного рода в социологических исследованиях. Для начала я кратко назову основные исследования, которые были проведены за последние годы, затем покажу, какие принципиальные проблемы именно для социологических исследований вставали на пути этих исследований и, наконец, попробую показать те решения этих проблем, которые были нами найдены. Подчеркну, что то, о чём я здесь рассказываю – это результат работы всего коллектива Института, а я лишь имею честь представить и в какой-то мере обобщить наши методологические находки.

Перед тем, как перейти к основной части нужно сделать одно замечание. В тех сферах, в которых государство выступает поставщиком некоторых услуг и которые не были радикально реформированы с советского времени (правоохрана, медицина, образование, значительная часть ЖКХ, отдельные отрасли государственного управления) в России собирается невероятное количество статистических данных. Парадокс, правда, состоит в том, что получить эти данные, мягко говоря, сложно. Я сразу оговорюсь, что это ещё одна из значимых проблем, и её я не буду здесь затрагивать. Благодаря профессиональным компетенциям отдельных моих коллег по Институту, в первую очередь – Марии Шклярук и Михаила Позднякова нам удалось если не решить её, то существенно продвинуться в её решении, но это отдельный вопрос на который я буду рад ответить позже и отдельно. Этот же доклад я хотел бы сфокусировать на вопросе о том, какие социологические выводы можно делать с опорой на государственную статистику.

В ходе наших исследований мы работали с обобщёнными данными Судебного департамента при Верховном суде – ведомства, собирающего судебную статистику и с их же первичными данными (БД «Судимость» – статистические карточки на всех осужденных по уголовным делам в РФ). Мы опирались на статистику преступности, которую публикуют МВД и Росстат, на данные отчётности следственных органов и дознания (отчеты формы 2Е), которые описывают движение уголовных дел и принимаемые следователями и дознавателями процессуальные решения. Эти результаты представлены в наших исследованиях, которые вряд ли уместно перечислять здесь, поэтому я отошлю тех, кому интересна эта тематика к нашему сайту – enforce.spb.ru, на котором, по мере возможности, размещаются все наши продукты.

Главная проблема в работе с данными государственной статистики – это тот факт, что она категорически не отражает то, с чем привыкли работать социологи. Статистика преступности никоим образом не отражает количество совершаемых преступлений, средний балл аттестата, который публикует Министерство образования, очень слабо связан с качеством знаний и т. д. Опора на такие данные если мы остаемся в рамках классического подхода к вопросу о том, что же такое общество, – это кратчайший путь в тупик или к неадекватным выводам. Причин тому много. В случае с преступностью, например, далеко не обо всех

преступлениях люди сообщают в правоохранительные органы (естественная латентность), далеко не все из них регистрируются (искусственная латентность). При этом структура зарегистрированной преступности отличается от структуры реальной преступности не только количественно, но и структурно. Так, например, по угонам в силу требований страховых компаний латентность и естественная, и искусственная – нулевая. По кражам высока и естественная, и искусственная латентность, по наркоторговле – гигантская естественная, но довольно низкая искусственная, по традиционным «чиновничьим» преступлениям – наоборот. Но адекватно оценить масштабы этой латентности для каждого преступления, учитывая, особенно огромную кроссрегиональную вариацию – практически невозможно. Что же стоит делать в этой ситуации?

Стоит отказаться от попыток изучать (во всяком случае, с опорой на статистические данные) те социологические вопросы, в основании которых лежит номинирование и категоризация некоторого события силами социолога. Т. е. те, в которых социолог операционализирует тот или иной концепт. Наша операционализация никогда не совпадет с той, которая возникает в ходе длительного и сложного процесса, который можно назвать «сбором статистической информации». Более того, в подавляющем большинстве случаев государственная статистика не будет годиться даже для того, чтобы использовать её в качестве прокси-показателей.

Мы в своих исследованиях исходим из того, что существует сложный и многоакторный процесс придания чему бы то ни было формального статуса. Т. е. гражданин, сотрудники полиции, прокуратуры, суда вместе работают над тем, чтобы появился статистический (читай – юридический) факт «преступление». И этот факт найдёт своё отражение в статистике. Причём он будет иметь вполне конкретные последствия – кто-то будет признан потерпевшим, кто-то понесет наказание, будет предпринято огромное количество социальных действий, направленных на изменение бумажной (правовой) реальности. Понятно, что он будет отражать отнюдь не то, что мы считаем «преступностью», но он будет касаться не менее важного социального процесса – комплексного, затрагивающего все части общества процесса контроля над преступностью с опорой на формализованные механизмы. Не случайно, Дональд Блэк, один из основателей и безусловный ортодокс «чистой» социологии, призывающий очистить её от психологических, экономических и прочих объяснительных моделей, говорит следующее. Нам необходимо сосредоточиться именно на изучении механизмов социального контроля, которые воплощаются в самом социальном из наблюдаемых явлений – во взаимодействии разных социальных агентов по конституированию относительно общеразделяемой социальной реальности. Взаимодействию по поводу утверждения правовых фактов (которые, возвращаясь к нашему изначальному вопросу, и отражаются в статистике).

Причём такой подход должен распространяться не только и не столько на собственно сферу правоохраны, сколько на все сферы, в которых собирается относительно подробная статистика. Есть процесс социализации и передачи знаний (образование), для понимания которого государственная статистика почти бесполезна. А есть не менее, а временами и более важный процесс – многоакторная игра, направленная на получение формальных статусов, позиций, «отметок» и т. д. при этом у каждой из сторон там свои интересы. Вот в изучении того, как устроена эта игра и должна состоять значительная часть социологических исследований. Так, например, мы узнаем, что уровень преступности и уровень раскрываемости сильнее всего связаны не с тем, каково социально-экономическое положение региона, а с тем, сколько лет сидит в своём кресле начальник УВД региона и как далеко он зашёл по пути «преступность

каждый год снижается, раскрываемость каждый год растёт». Или что оценки учеников жёстко зависят от той системы премирования учителей, которую избрало региональное министерство образования.

Возникающие в процессы этой игры социальные факты – дипломы, приговоры судов, диагнозы и удостоверения об инвалидности – это безусловно, важнейшая часть социальной реальности и именно её можно и нужно изучать с помощью государственной статистики.

Н. П. Третьяков
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ DATA MINING
ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ОБРАБОТКИ СОЦИАЛЬНЫХ ДАННЫХ

ТРЕТЬЯКОВ Николай Павлович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладных информационных технологий Института общественных наук РАНХиГС. E-mail: trn11@rambler.ru.

Традиционный анализ часто используется в экономических исследованиях, для изучения статистической связей между переменными, представленными временными рядами. Корреляционный анализ, с одной стороны, довольно прост в использовании и, с другой стороны, позволяет определять влияние различных экономических показателей. Поэтому он достаточно популярен у экономистов. Классическая корреляционная теория была разработана для случайных стационарных процессов, допускающих получение любого числа реализаций (наблюдений, измерений) [1]. Однако большое число реализаций в экономике, при одних и тех же условиях, как правило, невозможно [2]. К тому же выборочные пары, участвующие в корреляционном анализе должны быть независимыми, но и это условие нарушается во временных рядах, т. к. сопряжённые признаки не являются независимыми, хотя бы потому, что связаны определёнными моментами времени, т. е. подчинены определённому хронологическому порядку, и их невозможно переставить. Возможен, однако, другой выход – судить о наличии положительной или отрицательной корреляции по совпадению или не совпадению знаков прироста переменных.

Для получения общего представления об усреднённых корреляционных свойствах двух нестационарных рядов был разработан модифицированный коэффициент корреляции [2]:

$$r_{\text{mod}} = \frac{\sum_{t=2}^n \Delta y_{1t} \Delta y_{2t}}{\sum_{t=2}^n |\Delta y_{1t} \Delta y_{2t}|} \quad [1]$$

Знаменатель формулы (1) играет роль нормирующего коэффициента.

Рассмотрим корреляционную зависимость временного ряда на примере зависимости капитальных вложений от объёма производства одной из бывших республик СССР.

Таблица 1 Капитальные вложения (x), объём производства (y) и их приросты

Годы	T	x, млн руб.	y, млн руб.	Δx	Δy	Δx*Δy	Δx*Δy
1966	1	1,3	70	-	-	-	-
1967	2	1,2	68	-0,1	-2	0,2	0,2
1968	3	1	69	-0,2	1	-0,2	0,2

1969	4	1,5	71	0,5	2	1	1
1970	5	1,8	70	0,3	-1	-0,3	0,3
1971	6	1,9	67	0,1	-3	-0,3	0,3
1972	7	2,2	76	0,3	9	2,7	2,7
1973	8	2,6	84	0,4	8	3,2	3,2
1974	9	3,2	89	0,6	5	3	3
1975	10	3,7	98	0,5	9	4,5	4,5
1976	11	3,1	108	-0,6	10	-6	6
1977	12	2,9	113	-0,2	5	-1	1
1978	13	2,8	120	-0,1	7	-0,7	0,7
1979	14	2,8	119	0	-1	0	0
1980	15	2,6	117	-0,2	-2	0,4	0,4

Здесь

$$\sum_{t=2}^n \Delta y_{1t} \Delta y_{2t} = 6,5; \sum_{t=2}^n |\Delta y_{1t} \Delta y_{2t}| = 23,5, \quad r_{\text{mod}} = \frac{6,5}{23,5} = 0,277. \quad [2]$$

Модифицированный коэффициент корреляции оказался достаточно малым. Коэффициент корреляции между приращениями Пирсона $r=0,099$, коэффициент корреляции рангов Спирмена – $\rho=0,138$. Здесь можно прийти к парадоксальному выводу, что капитальные вложения никак не влияют на объём производства.

Однако, если предположить, что коэффициент корреляции наряду с анализируемыми признаками, изменяющимися во времени, также является функцией времени, то его можно рассчитывать на каждый момент или период времени по накопленным итогам приращений.

Рассчитаем модифицированный коэффициент корреляции как функцию времени по данным таблицы 1. Построим график переменного модифицированного коэффициента корреляции (первые несколько значений переменного модифицированного коэффициента корреляции здесь и в дальнейшем не учитываются ввиду возможности искажений из-за недостатка данных) и разместим на этом графике коэффициенты корреляции Пирсона и Спирмена, которые также рассчитаны по накопленным итогам и, следовательно, также являются функциями времени:

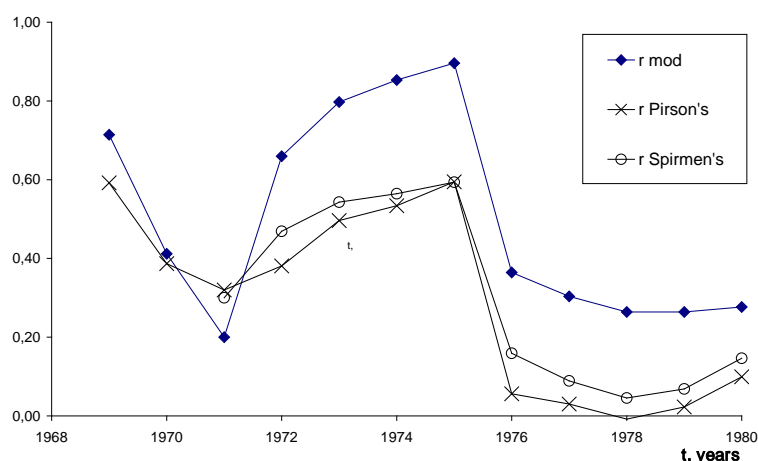

Рисунок 1 – Переменные коэффициенты корреляции между капитальными вложениями и объёмом производства по данным таблицы 1

Из рисунка 1 видно, что рассмотренные коэффициенты корреляции резко возрастают с 6-го момента времени, а с 10-го момента времени резко уменьшаются. Следовательно, можно предположить наличие циклической закономерности, т. е. ситуацию, когда изменения, происходящие в одном временном ряду, отражаются в другом спустя некоторое время, т. е. наличие общего периода рассматриваемых временных рядов. Фактически это означает сдвиг временных серий относительно друг друга на некоторый временной промежуток (лаг k). Для рассматриваемого примера это означает, что объём производства начинает «реагировать» на капитальные вложения спустя примерно 4,5–5 лет. При анализе спектральной плотности временных рядов, образованных рассмотренными коэффициентами корреляции в системе Statistica, максимальное значение периодограммы достигается при периоде, равном 5.

Возможно, поэтому в бывшем СССР было принято составлять план на 5 лет вперед.

Выводы:

- 1 Корреляционная связь временных рядов не является постоянной, а изменяется во времени.
- 2 При анализе корреляционной связи временных рядов нецелесообразно использовать коэффициент корреляции приращений как постоянную величину.
- 3 Коэффициент корреляции, рассчитанный на каждый момент или период времени по накопленным итогам приращений временных рядов, является функцией времени, т. е. временным рядом, который можно использовать для анализа корреляционной связи рассматриваемых во времени явлений.

Литература

- 1 Боровиков В. П., Ивченко И. Г. Прогнозирование в системе Statistica в среде Windows. М.: Финансы и статистика. 2006. 368 с.
- 2 Лукашин Ю. П. Адаптивные методы краткосрочного прогнозирования временных рядов. М: Финансы и статистика, 2003. 413 с.

Н. П. Третьяков, П. Е. Голосов НЕСТАНДАРТНЫЙ КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

ТРЕТЬЯКОВ Н. П. – кандидат физико-математических наук, доцент ИОН РАНХиГС. E-mail: trn11@rambler.ru.

ГОЛОСОВ П. Е. – кандидат физико-математических наук, доцент ИОН РАНХиГС. E-mail: pgolosov@gmail.com.

Традиционный анализ часто используется в экономических исследованиях, для изучения статистической связей между переменными, представленными временными рядами. Корреляционный анализ с одной стороны, довольно прост в использовании и, с другой стороны, позволяет определять влияние различных экономических показателей. Поэтому он достаточно популярен у экономистов.

Классическая корреляционная теория была разработана для случайных стационарных процессов, допускающих получение любого числа реализаций (наблюдений, измерений). Под стационарностью здесь понимается неизменность среднего уровня случайного процесса дисперсии, отклонений, и постоянства автокорреляционной функции. Эта теория предназначалась, прежде всего, для технических приложений, где гипотеза о стационарности является приемлемой, а принципиальных ограничений на число реализации нет. Именно эта теория, разработанная для стационарных случайных процессов, не критически воспринимается экономистами и используется ими для анализа процессов заведомо не стационарных (например имеющих тренд) и даже не случайных (случайный процесс должен описываться тем или иным законным распределением вероятности) которые обычно представлены единственной реализацией. Однако большое число реализаций в экономике, при одних и тех же условиях, как правило, невозможно [1].

К тому же выборочные пары, участвующих в корреляционном анализе должны быть независимыми, но и это условие нарушается во временных рядах, т. к. сопряжённые признаки не являются независимыми, хотя бы потому, что связаны определёнными моментами времени, т. е., подчинены определённому хронологическому порядку, и их невозможно переставить.

Возможен, однако, другой выход – судить о наличии положительной или отрицательной корреляции по совпадению или не совпадению знаков прироста переменных. Для получения общего представления об усреднённых корреляционных свойствах двух нестационарных рядов был разработан модифицированный коэффициент корреляции [1]:

$$r_{\text{mod}} = \frac{\sum_{t=2}^n \Delta y_{1t} \Delta y_{2t}}{\sum_{t=2}^n |\Delta y_{1t} \Delta y_{2t}|} \quad [1]$$

Знаменатель формулы (1) играет роль нормирующего коэффициента. Благодаря ему r_{mod} не может выйти за пределы $-1 < r_{\text{mod}} < 1$. При таком измерителе степени корреляции двух рядов отмеченные выше недостатки устраняются, и никакой деформации исходных данных не происходит. При значениях $r_{\text{mod}} < 0,4$ корреляционная связь считается слабой [3].

Нами предложено многомерное обобщение коэффициента (1):

$$r_{\text{mod}} = \frac{\sum_{t=2}^n \Delta y_{1t} \Delta y_{2t} \dots \Delta y_{mt}}{\sum_{t=2}^n |\Delta y_{1t} \Delta y_{2t} \dots \Delta y_{mt}|} \quad [2]$$

Таблица 1 Индексы стран [2] за 2014 г. по категориям: 1. Выборная система (EP). 2. Гражданское общество (CS). 3. Независимые СМИ (IM). 4. Национальные демократические институты (NGOV). 5. Местные демократические институты (LGOV). 6. Независимость судебной системы (JFI). 7. Коррупция (CO). 8. Общий демократический индекс (DS)

	<i>EP</i>	<i>CS</i>	<i>IM</i>	<i>NGOV</i>	<i>LGOV</i>	<i>JFI</i>	<i>CO</i>	<i>DS</i>
Slovenia	1,5	2	2,25	2	1,5	1,75	2,5	1,93
Estonia	1,75	1,75	1,5	2,25	2,5	1,5	2,5	1,96
Latvia	1,75	1,75	2	2	2,25	1,75	3	2,07
Poland	1,25	1,5	2,5	2,5	1,5	2,5	3,5	2,18
Czech Republic	1,25	1,75	2,75	3	1,75	1,75	3,5	2,25
Lithuania	2	1,75	2,25	2,75	2,5	1,75	3,5	2,36
Slovakia	1,5	1,75	2,75	3	2,5	3	3,75	2,61
Hungary	2,25	2,25	3,5	3,75	2,75	2,5	3,75	2,96
Bulgaria	2,25	2,25	4	3,75	3	3,25	4,25	3,25
Romania	3	2,5	4,25	3,75	3	3,75	4	3,46
Serbia	3,25	2,25	4	3,75	3,5	4,5	4,25	3,64
Croatia	3,25	2,75	4	3,5	3,75	4,5	4	3,68
Montenegro	3,5	2,75	4,25	4,25	3,25	4	5	3,86
Macedonia	3,25	3,25	5	4,25	3,75	4,25	4,25	4
Albania	4	3	4	4,75	3,5	4,75	5,25	4,18
Bosnia and Herzegovina	3,25	3,5	4,75	5,75	4,75	4,25	4,75	4,43
Georgia	4,5	3,75	4	5,5	5,5	5	4,5	4,68
Moldova	4	3,25	5	5,5	5,75	4,75	5,75	4,86
Ukraine	4	2,5	4,25	6	5,5	6	6,25	4,93
Kosovo	4,75	3,75	5,75	5,5	4,75	5,5	6	5,14
Armenia	5,75	3,75	5,75	5,75	5,75	5,5	5,25	5,36
Kyrgyzstan	5,5	4,5	6	6,5	6,25	6,25	6,25	5,89
Russia	6,75	5,75	6,25	6,5	6	6	6,75	6,29
Tajikistan	6,75	6,25	6,25	6,5	6	6,25	6,25	6,32
Kazakhstan	6,75	6,5	6,75	6,75	6,5	6,5	6,5	6,61
Azerbaijan	7	6,5	6,75	6,75	6,5	6,5	6,75	6,68
Belarus	7	6,5	6,75	6,75	6,75	7	6,25	6,71
Turkmenistan	7	7	7	7	6,75	7	6,75	6,93
Uzbekistan	7	7	7	7	6,75	7	6,75	6,93

Новая методика была применена для анализа данных Freedom House [2]. В Таблице 1 приведены значения индексов для стран с переходной политической системой (Nations in Transit).

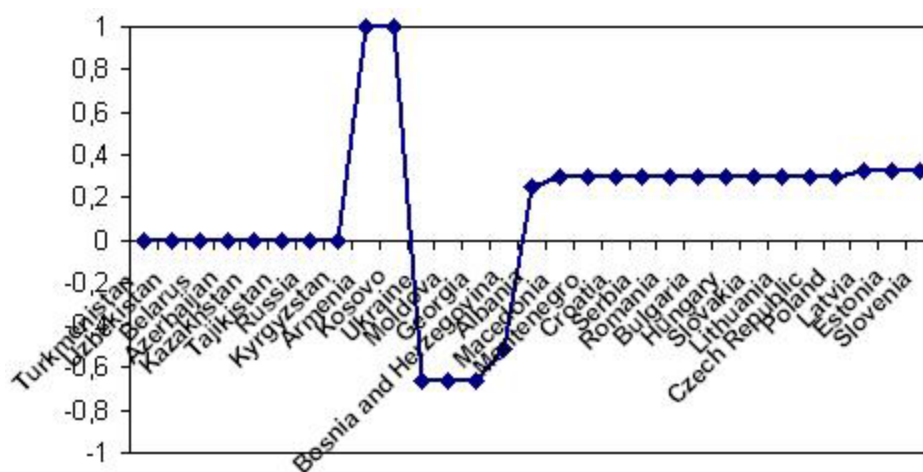

Рисунок 1 – Модифицированный множественный коэффициент корреляции, страны упорядочены по индексу DS по убыванию

По данным таблицы 1 и по формуле (2) были рассчитаны кумулятивные коэффициенты корреляции. При этом страны были упорядочены по одному из показателей. На графиках

выделяются плоские участки, которые интерпретируются как группы (кластеры). Пример такого графика приведён на рисунке 1. Страны разделились на демократические (левая часть графика), страны с более авторитарной системой (правая часть) и страны с переходной и смешанной системой.

Таким образом, в работе разработана новая методика многомерной классификации, при которой группировка (кластеризация) объектов происходит совместно с их упорядочением.

Литература

- 1 Лукашин Ю. П. Адаптивные методы краткосрочного прогнозирования временных рядов. М: Финансы и статистика, 2003. 413 с.
- 2 URL: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/nations-transit-2014>.

В. М. Хабибулина

ВТОРИЧНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ГИГИЕНИЧЕСКИХ ОПРОСОВ ПОДРОСТКОВ ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ НЕКУРЕНИЯ ПРИ НАЛИЧИИ ОПЫТА ПРОБЫ СИГАРЕТ

ХАБИБУЛИНА В. М. – кандидат биологических наук, Master of Public Health, Master of Social Work, доцент кафедры сестринского дела ПСПбГМУ им. акад. И.П.Павлова, ассоциированный сотрудник АНО «ИСИГИ» (Казань). E-mail: vioksu@gmail.com.

Несмотря на большое число исследований подросткового курения в них, в основном, описываются социально-демографические параметры в дискретном временном измерении, связанные с группами риска по потреблению психотропных веществ. И почти не изучается самосохранительное поведение подростков и компенсаторные механизмы, сдерживающие формирование зависимого поведения. Важным примером могут служить опросы, доказавшие возможность отказа от даже наркотиков, т. е. выхода из наркотической зависимости [1, с. 245].

Целью данной работы является комплексное (социологическое и психологическое) понимание отказа от рискованного поведения (на примере курения) и моделирование некурительного состояния при имеющемся опыте пробы сигареты. Представлена апробация методического приёма по вторичному анализу данных, собранных в классическом опросе.

Именно молодёжь, в силу психолого-возрастных особенностей, меньше всего думает о сохранении своего здоровья. Если в процессе эксперимента (свойственного молодости) подросток обращается со своим телом вопреки сигналам самого тела, то можно предположить, что это сигнализирует о *неразвитой (само)рефлексивности*, когда тело (сома) и мозг (сознание) существуют отдельно. Например, он/она «старается», но не может совладать с токсическими реакциями от табакокурения. Однако, через разные практики (от самоувещевания до самонасилия) продолжает курение, благодаря «промывке мозгов» табачными компаниями или под влиянием сверстников. Данные социально-медицинских и психологических исследований свидетельствуют о том, что курение в подростковом возрасте носит чаще всего характер психологической, а не физиологической зависимости. [Не]выбор подростка, как акт социального поведения, можно рассматривать и в рамках концепта атрибуции ответственности (внешний/внутренний локус-контроль личности) [1, с. 250–251].

Представляемые результаты эмпирического исследования не являются законченными,

а описывают авторский подход к научной проблеме и обозначают ключевые пункты для воплощения в социальной и образовательной практике. Из-за необходимости строгого соответствия исследовательской этике мы не называем город проведения опроса, однако для генерализации результатов уместно отметить, что этот областной город-миллионник является донором с высоким экономическим уровнем и повышенным вниманием администрации к проблематике здравоохранения и к вопросам медицинской профилактики.

Для вторичного анализа были использованы базы данных «Мониторинг гигиенического поведения учащихся» [3, с. 18–19]. Первая база – это учащиеся профессионально-технических училищ (ПТУ): 1543 респондента (11 «выбросов») из 13 ПТУ, что составляет треть всех учащихся всех 27 ПТУ города. 13 ПТУ были выбраны из всех семи районов города; в выборке были учреждения стандартного типа, профессиональные лицеи и учреждение для детей с задержкой в развитии; преимущественно 1 и 2 курсы. Вторая база данных – опрос школьников старших классов тремя годами раньше (N=1500).

По ПТУ, например, из 1543 анкет получились следующие выверенные результаты: из 1494 учащихся 650 не курили в период опроса (43,5%), а 335 никогда не курили (22,4%). Из тех, кто когда-либо пробовал, 215 не продолжили курение по сравнению с 779 подростками, кто уже «втянулся» (21,6% и 78,4%).

В модели изучения самосохранительного поведения главная зависимая переменная формулировалась как «Опытный НЕкурильщик» (Да/Нет: все, кто пробовал курить, но не продолжил). Таким образом, в модели (Binary Logistic Regression, около тысячи единиц анализа в окончательной модели в каждом опросе) были только подростки, у кого имелся опыт курения, и по имеющимся объяснительным интерпретациям мы анализировали возможные предикторы того, что подросток становился *Experienced Non-Smoker* («Опытный НЕкурильщик»). Согласно гипотезе был сконструирован индикатор (само)рефлексивности из вопросов о вреде курения и об источниках знаний о курении: выбор «собственный опыт» или «собственные наблюдения» vs «взрослые» и «масс-медиа». Таким образом, (само)рефлексивность как динамическое состояние Личности включено в систему предотвращения продолжения курения. Кофакторами были пол, курс (как прокси возраста и влияния среды), показатели учебы и возраст первой пробы.

По основной гипотезе именно *Собственный Опыт* и *Собственные наблюдения*, а не внешние силы (*агитация взрослых и масс-медиа*) значимо влияли на возросшие шансы не продолжать курение. Школьники с опцией «*Собственные наблюдения* как ресурс знаний по проблематике курения» имели в полтора раза выше шансы бросить курить по сравнению с теми, кто ориентировался на знания от *Взрослых и Масс-медиа* ($p=0.084, OR=1.5$). Однако, *Собственный Опыт*, наоборот, увеличивал шансы не остановить курение ($p=0,000$). Это позволяет предположить наличие факта(-ов) связи саморефлексивности с самосохранительным поведением в случае, когда подросток проверял проблематизацию вредности курения на себе.

Для учащихся ПТУ при соотношении опции знания от *Взрослых и Масс-медиа* (как контроль) с выбором «*Собственные наблюдения*» были получены сходные результаты ($OR=1,7$, $p=0,008$). Но не статистически значимые с вариантом *Собственный Опыт* ($p=0,55$). Для опроса в ПТУ этот эффект усиливается в случае женского тела ($OR=2,5$ $p=0.000$) и хороших и отличных показателей учебы ($OR=2,6$ $p=0.014$ and $OR=5,2$ $p=0.000$, соответственно). Для школьников самым влиятельным фактором был возраст первой пробы сигареты: ранний старт в два раза увеличивал шансы всё-таки бросить позднее по сравнению с теми, кто начал курить в 11–12 и 13–17 лет ($OR=0,47$ $p<0,01$).

Особенностью представленного методического приема является проведение данного опроса в двух десятках российских городов по одной анкете [3], следовательно, можно было бы протестировать повторяемость выявленного эффекта и самого понятия «саморефлексивность».

Для понимания, каким образом подростки с повышенной рефлексивностью реализуют практики самосохранительного поведения в отношении табакокурения (и, в целом, относительно всех ПВ), актуально проведение глубинных биографических или лейтмотивных интервью у подростков с прошлым опытом курения с учётом выявленных в работе статистически значимых кофакторов для организации выборки информантов. Редкое по использованию смешанных методов (mix-methods) исследование студенческой среды показало, что с использованием количественных и качественных методов была осуществлена методическая триангуляция, которая подтвердила высокий уровень отрефлексированных мотивов курения, зафиксированных количественными методами [2, с. 92–93].

В отношении биомедицинского дизайна необходимого исследования «Саморефлексивность как ресурс Личности для избегания активного (повторного) использования психотропных веществ в подростковом возрасте» первоначальным и главным методологическим ограничением представляется проблема в области исследовательской этики, когда именно для целей понимания необходимо провести лабораторные замеры и опрос до начала первого опыта курения. Кроме трудностей рекрутинга, очевидно, что сам он может стать триггером вредоносного для здоровья подростков поведения.

Литература:

- 1 Мацкевич М. Г. Наркотизм и атрибуция ответственности // Социология вчера, сегодня, завтра / Под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Бильбо, 2008. С. 241–254.
- 2 Петрова Л. Е. Методическая триангуляция при изучении проблемы курения студентов // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 92–96.
- 3 Скворцова Е. С., Миронова И. А. распространённость курения среди подростков-школьников крупных городов России // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья. 2007. № 3. С. 18–22.

Г. А. Шадинова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОГО НАСИЛИЯ НАД МУЖЧИНАМИ В КАЗАХСТАНЕ

ШАДИНОВА Гульзира Абилсановна – кандидат философских наук, доцент МКТУ им. Х. А. Ясави, г. Туркестан, Казахстан. E-mail: Shadinova.G@mail.ru.

Насилие в семье – это тоже преимущественно приоритет человека. Мы можем определить домашнее насилие как применение физической силы одним из членов семьи к другому или другим. Семейный дом сегодня – самое опасное место во всем обществе. Если обратиться к статистике, то лицо любого возраста и любого пола с гораздо большей вероятностью может стать жертвой нападения у себя дома, чем ночью на улице.

Особенность отношений между мужем и женой в подверженных вспышкам насилия семьях заключается в том, что жены в них также могут быть нападающей стороной. Обычно они

оказываются менее предрасположенными к физическому насилию по сравнению с мужчинами, но тем не менее временами способны демонстрировать явную агрессивность. Подобное случается чаще всего тогда, когда мужчины провоцируют их или раздражаются угрозами, побуждая к принятию защитных мер; но даже находясь в возбужденном состоянии, немногие из жён в действительности наносят удары своему супругу. Однако насилие со стороны женщин имеет более ограниченный и эпизодический характер, чем мужская жестокость, и женщины редко наносят своим жертвам серьёзный физический вред [1].

Основными препятствиями в реализации прав женщин и их участия наравне с мужчинами в жизни общества являются насилие и угроза совершения насилия в отношении женщин. По международному праву, под насилием над женщинами понимается любой акт, совершённый на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, как принуждение или лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни.

По данным многочисленных исследователей, семейное насилие вовсе не является делом только маргинальных слоёв населения. Доказано, что насилие чаще встречается в семьях наркоманов или лиц, злоупотребляющих алкоголем. Но даже в самых благополучных слоях общества не обходится без бытового насилия.

Когда мы говорим о домашнем и семейном насилии, мы, как правило, сразу представляем себе разъярённого мужика, который совершенно не уважает свою жену. Управляет ей, как вздумается, *избивает жену* по поводу и без, в зависимости от своего настроения и желания.

Такой «светлый» образ мужчины представляется нам как-то автоматически, даже не требуется никаких усилий.

Весьма удивляет разделение общественного мнения в отношении, казалось бы, одного явления — насилия в семье. Любое насилие отвратительно и недопустимо. Но если речь идёт о том, что мужчина ударил женщину (не важно, по какой причине), то мужчину однозначно порицают.

Феминизация общества, смешение половых ролей привели к тому, что уже трудно удивить кого-то женщиной-культуристом, женщиной-политиком, женщиной-бизнесменом и мужчиной-нянькой, мужчиной-визажистом. Поведение некоторых женщин больше походит на мужское, чем на женское, и наоборот. Грубые, мужиковатые женщины и мягкие, женственные мужчины уже не вызывают удивления, как это было бы даже лет пятьдесят назад. «Мужское» поведение женщин и «женское» поведение мужчин привело не только к универсализации социальных ролей, но и породило проблемы, которых раньше не было или они существовали в гораздо меньшем масштабе.

Одна из таких проблем — физическое насилие над мужчиной со стороны женщины. После того, как общество отошло от домостроевских порядков, мужское насилие всегда обсуждалось и осуждалось. Времена сменились — и появилось женское насилие. Оно, к сожалению, несмотря на достаточно широкое распространение и тяжёлые последствия (об этом ниже), остаётся как бы «за кадром» [2].

Есть множество примеров, когда женщины своими невинными нападками ломают мужчинам рёбра, расцарапывают лица, оставляют множество синяков и ушибов на теле. И женщины это не воспринимают серьёзно, они считают, что мужчина всё должен стерпеть.

Однако доля женского насилия над мужчинами в общей статистике бытового насилия, вовсе не столь мала. В частности, по данным Департамента Юстиции США (U.S. Department of

Justice, 2000), в США на 15 женщин, избитых мужьями, приходится 8 мужчин, избитых жёнами. Согласитесь, это совсем не 95% женщин и 5% мужчин, о которых заявляют западные феминистические организации. К тому же не забываем, что женщины в 2,5 раза чаще используют нож в качестве инструмента насилия и в 2 раза чаще наносят мужчинам ранения ножом и тяжёлыми предметами в ходе бытовых ссор, чем мужчины. В России, где гендерное поведение смешалось в меньшей степени, насилию со стороны жён подвергается 6–10 % мужей. Для женщин этот показатель равен 30%, поэтому соотношение несколько ниже, чем в США — от 1/5 до 1/3. Напомню, что эти данные получены на фоне того, что большая часть мужчин просто боится заявлять о насилии над собой, опасаясь насмешек, о чём я уже писала выше. Да, количество женщин, страдающих от насилия со стороны мужчин, больше. Но и соотношение мощности общественного мнения, правовых и административных актов абсолютно разное. Если мужское насилие над женщинами вызывает мощное негодование на любых уровнях — от полицейского до президента, доходя в отдельных случаях до мужененавистнической истерии и радикальных сексистских призывов, то проблема семейного насилия над мужчинами вызывает лишь насмешку или в лучшем случае короткие заметки в частных интернет-блогах. О насилии над женщинами делаются доклады на самых высоких уровнях, ему посвящаются сотни исследований, диссертаций, правовых актов. Насилие над мужчинами, «Женщина бьёт мужчину» остаётся «за кадром». Замалчивается, несмотря на реальное существование проблемы [2].

Женщины более жестоки, чем мужчины, согласно некоторым исследованиям.

Предположение невинности женщин или сочувствие к женщинам, что может привести к таким проблемам, как неодинаковое наказание для мужчин и женщин за одинаковые преступления, отсутствие сочувствия к мужчинам – жертвам в семейном насилии, – и закрытие дел по изнасилованию мужчин женщинами.

Тема, затрагивающая проблемы семьи, безусловно, важная, особенно если говорить о молодой семье. Как показывает статистика, в семейной жизни Казахстана есть положительные и отрицательные моменты.

Соотношение мужчин и женщин в Казахстане остается стабильным: 51,9% составляют женщины и 48,1% – мужчины. Однако, согласно данным исследований, несмотря на хорошие численные показатели, современные семьи сталкиваются с массой проблем, к которым они чаще всего не готовы. В результате число разводов превышает количество заключенных браков. На примере Алматы динамика такова: ежегодно 3 тысячи человек заключают браки, при этом ежегодно регистрируется 5 тысяч разводов [3].

В последнее время всё больше казахстанских мужчин подвергаются психологическому и физическому насилию. Чаще всего – со стороны слабого пола.

Стоит отметить, что и многие казахстанцы, наряду с женскими кризисными центрами, привыкшие говорить о насилии только над женщинами, были сильно удивлены тем, что проблема физического и психологического насилия по отношению к представителям сильного пола в Казахстане всё-таки существует.

Следует сказать, что большинство населения, узнав о существовании подобных проблем, превращают сами факты случившегося в предмет для слухов и шуток. В силу этого, многие потерпевшие мужчины, осознавая последствия, не спешат обращаться за надлежащей помощью и продолжают терпеть насилие.

В первую очередь удивление общественности связано с тем, что восточная ментальность многих казахстанских женщин не предполагает матриархального уклада жизни. Кроме того, в подавляющем большинстве казахстанских семей главой и кормильцем является мужчина.

Само же проявление насилия над мужчинами, по словам психолога Мдины Еркеновой, происходит вследствие ряда причин. В первую очередь, такого рода проблемы имеют социально-экономическую почву. В силу таких факторов, в Казахстане на данный момент очень много семей, где мужчина сидит дома без работы, а жена, занимаясь торговлей или челночным бизнесом, кормит семью.

Вообще, сказать, что женское насилие появилось только в современном обществе – нельзя, оно было и во времена домостроя. Однако, в наши дни всё приобрело плачевный характер. Женщины в борьбе за права и равноправие с мужчинами, перестали должным образом уважать мужчин, а без уважения отношения между мужчиной и женщиной просто не могут строиться нормально. К тому же, в стране в последнее время происходит медленная, но уверенная феминизация, и активно процветает гендерная политика [4].

Насилие само по себе унижает человеческое достоинство вне зависимости от пола. Мужчине, когда его бьют, так же неприятно, как и избиваемой женщине. Подобный подход весьма поверхностный, эмоциональный и больше похож на кликушество. Факты же говорят совсем о другом. Если обратиться к медицинской документации (истории болезни мужчин, получивших криминальную травму), то выясняется, что женское насилие над «большим грубым мужчиной» — вовсе не миф. И женская физическая слабость здесь почти не играет роли. А вот и сами факты (полученные при анализе вышеупомянутой медицинской документации):

- 1 Групповое преступление, когда женщина привлекает к насилию «помощников», которые держат мужчину.
- 2 Женщины в ряде случаев физически сильнее мужчин. Это касается спортсменок, особенно тех, кто занимается борьбой. Более того, бывают случаи, когда пару составляют сублильный мужчина и крупная, физически сильная женщина. В этих ситуациях физическая сила не на стороне мужчины.
- 3 Использование женщиной оружия или орудия, которое уравнивает силы сторон, а иногда и даёт женщине значительное преимущество (нож, топор, огнестрельное оружие). Кстати, по данным Департамента юстиции США, женщины в 2,5 раза чаще используют нож в качестве инструмента насилия и в 2 раза чаще наносят мужчинам ранения ножом и тяжёлыми предметами в ходе бытовых ссор, чем мужчины.
- 4 Использование состояния мужчины, когда он не может сопротивляться. Чаще всего это травмы и ранения, полученные во сне.
- 5 Физическое насилие над мужчинами, которые находятся в той или иной зависимости от женщины. Например, над инвалидом, вместе с которым проживает женщина-преступница (сожительница, жена) [2].

Также женщины совершают больше насилия в отношении детей в полных семьях. Когда мужчина удалён из семьи, дети находятся в ситуации ещё большего риска. Семьи с единственной матерью более опасны для детей, чем семьи с единственным отцом.

Дети в 3 раза чаще подвергаются смертельному насилию в семьях с одной матерью, чем в аналогичных семьях с единственным отцом, и во много раз больше в семьях, где мать сожительствует с мужчиной – не биологическим отцом.

Дети, выросшие в семьях с единственной матерью, в 8 раз более вероятно станут убийцами, чем дети, выросшие с их биологическим отцом.

Другие исследования показывают больше женского насилия против детей:

Женщины наносят вред детям мужского пола более часто и более опасно, чем детям женского пола.

Женщины совершают 55% детских убийств, и 64% их жертв – дети мужского пола.

Восемьдесят два процента всех людей испытали первое насилие на себе от женских рук, обычно от их матерей.

Наша культура учится насилию от наших матерей, а не от наших отцов [5].

Положение мужчины, оказавшегося объектом насилия со стороны женщины, полностью противоположное. Половые стереотипы однозначно против него: «мужчины не жалуются», «мужчины не страдают», «мужчины не потерпят, чтобы их били и унижали» (хотя обороняться им тоже нельзя). И, конечно же, классика: «Настоящего мужика не дискриминируешь!» Сюда же примешивается ханжеское мнение о том, что «просто так не бьют». Эти стереотипы, как считают психологи и социологи, маскируют большую часть женского насилия, сводя статистику к мизерным цифрам. Мужчины, даже регулярно испытывающие семейное насилие, стесняются заявить об этом, боясь быть осмеянными — «это же не по-мужски». Признать, что тебя бьёт женщина, считается верхом позора. Общественное мнение склонно замалчивать проблему женского насилия, уделяя внимание лишь мужскому. Правоохранительные органы относятся к мужчинам – жертвам домашнего насилия – с пренебрежением, обусловленным тем же общественным мнением. Организаций, защищающих права мужчин, крайне мало, и они не могут оказать на положение дел такого мощного влияния и даже давления, какое оказывают маскулинные организации, особенно на Западе.

Мужчины подвергаются более строгим наказаниям, чем женщины, за преступления аналогичной тяжести. УК России содержит ряд гендерных статей, по сути делающих мужчин дискриминированной группой в аспекте уголовной ответственности (в частности, ч. 2 ст. 57 предусматривает наказание в виде пожизненного лишения свободы исключительно для мужчин). Согласно утверждениям многих маскулистов, назначение более мягких наказаний за преступления женщинам является общепринятым среди судей и прокуроров неписанным правилом российской судебной практики. Именно мужчины совершают до 85 % всех самоубийств. Мужчины в большинстве стран современного мира имеют более низкую продолжительность жизни, чем женщины [6].

Как правило, общество считает приемлемым следование женщин мужским социальным нормам, в то время как если мужчины делает то же самое по отношению к женским социальным нормам, они часто привлекают нежелательное внимание, становятся жертвами насмешек, оскорбления, преследования и угроз. Например, отцы-домоседы, которые хотят быть нянями, мужчины, которые плачут или выражают эмоции, — со всеми ними могут неуважительно обращаться.

Несмотря на то, что, когда мы говорим о проблеме достижения гендерного баланса в Казахстане или хотя бы приближения к нему, речь справедливо идёт о равной правовой защищённости, пропорциональной представленности полов в органах власти, равномерном распределении нагрузок в семье и т. д. А также достижение равенства должно ориентироваться

на равенство и в обществе, и в семье. Наше общество – общество с традиционной культурой. Традиционная культура – это строго ранжированные, упорядоченные и унифицированные отношения внутри общества. Упорядоченность и стабильность этих отношений подразумевает веками обкатанные и апробированные социальные роли. Обществу для оптимального функционирования было важно, чтобы каждый из его членов занимал строго определённую социальную «ячейку» и свято исполнял предусмотренные для неё ритуалы. На языке житейском это означает то, что женщина должна быть женщиной, а мужчина – мужчиной. Первому отводится застенчивость, забота о детях, домовитость и целомудрие. Второму соответственно предписывались мужество, напор, «горячий конь». Но, пока общество не осознаёт проблематичность взаимодействия полов, мы не сможем двигаться и развиваться, как полноценное государство [7].

Таким образом, перед общественностью встала ещё одна проблема, именуемая официально, как «Насилие над мужчинами», появилась ещё одна совершенно новая социальная проблема, которой предстоит ещё преподнести экспертам массу работы и нерешённых задач. Официальные структуры, как обычно, пока молчат в ответ на призывы создавать кризисные центры по реабилитации мужчин, потерпевших насилие. Возрастёт ли число потерпевших мужчин, которым приходится обращаться в женские, кризисные центры, как прогнозируют эксперты, – покажет время.

Литература

- 1 Берковец Л. Агрессия: причины, последствия, контроль. СПб.: прайм – Еврознак, 2001. 512 с.
- 2 Биююков А. Мужчина – насильник и агрессор. А как на самом деле? URL: <http://maleeducation.ru>.
- 3 Проблемы современной семьи в Казахстане. Доклад // Государственное учреждение «Аршальнская средняя школа № 2». URL: <http://sc0002.arshaly.akmoedu.kz/lenta.html>.
- 4 Жумагулов Е. Бекетова Г. Казахстанские мужчины страдают от насилия женщин // Старый Навигатор. Алматы, 01.01.2002/
- 5 Абигейл Загер. Порция враждебности найдена и в женщинах // Нью-Йорк Таймс. 28.07.1988.
- 6 Титаренко В. Я. Семья и формирование личности. М.: Мысль, 1987. 325с.
- 7 Ланшакова Ю. С., Мишукова Е. С., Тунгатарова Д. С., Самсонов Л. В. Социологические исследования гендерных проблем в Казахстане // Вестник КАСУ. № 3. 2006. С. 34–46.

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ПОЛУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Л. А. Ашкинази, Е. С. Абелюк ШКОЛЬНИКИ И ДОВЕРИЕ – СОЧЕТАНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ

АШКИНАЗИ Л. А., АБЕЛЮК Е. С. E-mail: leonid2047@gmail.com.

Цель работы – развить методику применения количественных и качественных методов, причём на одном и том же контингенте. Мы использовали ситуацию, когда возможен неоднократный доступ к одним и тем же респондентам и когда использование количественных и качественных методов не только возможно с точки зрения социологии, но и осмысленно с точки зрения педагогики. Объектом исследования были школьники, однако мы не просто применили последовательно анкету и написание сочинения по этой же теме, как ранее.

Респондентам:

- предлагалась обычная анкета, в данном случае вопросы были о доверчивости людей разного возраста и из разных стран,
- сообщались имеющиеся в литературе реальные результаты соответствующих опросов и предлагались открытые вопросы о причинах расхождений спрогнозированных ими ответов и реальных,
- на случай, в результате всей этой трудоёмкой для школьника деятельности у него возникал «запал», но оставалось невысказанное, предлагалось написать что-нибудь на эту же тему,
- на четвёртом шаге – на другой день – респондентам предлагалось написать сочинение на тему, которая формулировалась нами после анализа результатов анкеты.

В качестве собственно социологической темы было выбрано *межличностное доверие*. Важность этого феномена для функционирования общества вообще и российского – в особенности, подчёркивалась неоднократно, причём указывалось на комплексность понятия, сложность его изучения и т. д. Однако для работы со школьниками эта тема весьма выгодна, ибо не только сам феномен непосредственно касается школьников и их контактов с окружающими, но и его важность (как это явно следует из ответов на открытые вопросы) осознаётся респондентами, которые регулярно сталкиваются как с доверием, так и с недоверием, как с правдой, так и с обманом – как со стороны сверстников, так и со стороны взрослых. Такое осознание обеспечивает заинтересованное участие респондентов в не вполне привычном для них и поэтому сложном мероприятии.

Особенности предлагаемой методики таковы. Переход от закрытого вопроса к открытому с подсказкой и далее к открытому и «сочинению с вводной» является формально дискретным, а по сути плавным. Поскольку на «шкале жёсткости» «открытый с подсказкой» вопрос может в зависимости от подсказки перемещаться ближе к закрытому и ближе к

открытому, а сочинение с помощью «вводной» может быть приближено к открытому вопросу или отдалено от него. Это позволяет в конкретной ситуации, в зависимости от предполагаемой самостоятельности и активности респондентов, регулировать анкету так, чтобы получить и социологическую информацию, и педагогический эффект. Использованная нами анкета в этом смысле является лишь примером, адаптированным к конкретной ситуации. Методика позволяет исследовать рефлексию. Например, в нашей анкете мы выясняем представление респондента о доверии в разных возрастных группах, потом сообщаем ему имеющиеся на этот счёт результаты исследований и просим указать причины различий. При этом можно сфокусировать его внимание отдельно на особенностях мира, и отдельно – на особенностях его мышления, можно спросить об отличии мнения респондента от мнения его соучеников – в этом случае удобно неоднократное общение с респондентами (если анкетирование не проводится посредством сети с обработкой в реальном времени).

Наконец, если исследователь имеет возможность обращаться к группе респондентов неоднократно, любой вопрос можно детализировать. Например, если мы изберем в качестве темы исследования *межличностное доверие*, можно обратиться к зависимости доверия от ситуации. Спросить о доверии к социально равным, но находящимся на разном расстоянии, – к школьникам своего класса, другого класса, другой школы, другого города и страны. О доверии к социально неравным – в ситуации ученик и учитель, старшие и младшие в семье. Наконец, не равных «государственно» – гражданин и чиновник, гражданин и полицейский (милиционер) или «коммерчески» – клиент и продавец и т. д.

Объектами исследования являлись учащиеся лица № 1525 «Воробьевы горы» и Физико-математической школы Московского института электроники и математики, всего около 90 человек. Этого достаточно для проверки возможностей методики, но представления школьников о доверии можно лишь оценить.

В докладе приведены конкретные полученные результаты. В частности, оказалось, что:

- среднее значение доверчивости школьников совпадает с таковым для РФ,
- прогноз доверчивости россиян, сделанный школьниками, правилен,
- возрастную зависимость доверчивости большинство школьников представляют себе правильно,
- зависимость от населённого пункта в паре «большой/малый город» представляют себе правильно лишь немногие школьники,
- зависимость от типа населённого пункта в паре «город/село» представляет себе правильно большинство школьников,
- географическую зависимость в паре «Европа/Азия» школьники представляют себе в основном неправильно,
- географическую зависимость в паре «Россия/развитые страны» и в паре «Скандинавские страны/Центральная Европа» представляют себе правильно примерно две трети школьников,
- как-то реагируют на предложение объяснить причину расхождения 3/4 школьников, аргументы 2/3 – содержательны, т. е. могут обсуждаться, причём 1/3 – верны или могут быть верны в каких-то ситуациях.

Анализ ответов на вопрос третьей группы – рекомендуемый для общества уровень доверия показывает, что школьники в среднем рекомендуют обществу быть немного (на 10 пп. или на треть) доверчивее. Однако если посмотреть на распределения ответов, то мы увидим распределение, близкое к нормальному с модой 50% и шириной на уровне 0,5 амплитуды от 35% до 65% (эта зона охватывает 2/3 респондентов), редкие (8%) рекомендации «90–100%» (все должны доверять друг другу) и такие же редкие (8%) рекомендации «0–10%». Поэтому можно сказать, что 3/4 школьников рекомендуют россиянам быть доверчивее, чем они есть сегодня. Причём поскольку представления школьников о степени доверчивости россиян совпадают с имеющимися данными, эта рекомендация может даже считаться «ответственной».

В докладе приводятся некоторые данные, извлечённые из развёрнутого ответа на вопрос третьей группы, а также полученные на четвёртом этапе, т. е. извлечённые из сочинений.

А. Ю. Багина
ФОТОИССЛЕДОВАНИЕ КАК КАЧЕСТВЕННЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ
КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О САКРАЛЬНОМ
(НА ПРИМЕРЕ ФОТОИССЛЕДОВАНИЯ «ЛОКАЛЬНЫЕ СВЯТЫНИ» 2013–2014 ГГ.)

БАГРИНА А. Ю. – кандидат политических наук, руководитель Исследовательской службы «Среда». E-mail: info@sreda.org.

С марта 2013 года по март 2014 года Исследовательская служба «Среда» проводила фотопроjekt «Локальные святыни», в рамках которого от всех желающих независимо от возраста и профессионализма принимались фотографии с изображениями мест и объектов на территории России, которые сами участники считают святынями. Фотография должна была иметь географическую привязку к карте РФ и, по желанию автора, иметь сопроводительный текст. Работы поступали в рубрики: религии и верования, история, природа, патриотизм, места траура и другое. По итогам проекта жюри из профессиональных фотографов выбрало несколько лучших фотографий (оценивался не объект на снимке, а его фотографическая ценность), авторы которых получили денежные призы. Информация о проекте была размещена на сайтах о конкурсах и фотоконкурсах, специализированных фотосайтах, в тематических неконфессиональных группах в социальных сетях (группы для фотографов, группы о культуре, истории и природе России и т. д.).

Проект стал продолжением успешного фотоисследования «Святое и ценное в России», проведённого службой «Среда» в 2012–2013 гг. Исследование, по сути, является мегакачественным и имеет дело с психологическим инструментарием. Полученные фотографии – символические репрезентации святого в России, своего рода подборка глубинных интервью, состоящая из нескольких тысяч образных высказываний. В рамках проекта не было получено ни одной фотографии, которая могла быть расценена как обидная для других. Респонденты проекта, во-первых, готовы к публичному действию, во-вторых, имеют что сказать на тему святого, в-третьих, деликатны.

Если вспомнить о происхождении слова «святое», то в семитском языке святое это «кодэш» или «хадаш»: слово происходит от глагола «отрезать», «отделять», — т. е. акцент на

инобытие, на инаковости. В Ветхом Завете «святое» передается древнееврейским словом qadoš, которое обозначало отделение сферы Божественного от мирского. Греческое ἅγιος (агиос) к выделенности из мира и посвящённости Богу добавляет смысл очищения от греха, исполнения Духом Святым. На латинском – sanctus: секретный, освященный, нерушимый, неприкосновенный, избранный; возможно, место для таинственности, раскрывающейся исторически в оккультных течениях, в эзотеричности. В готском языке возможное родство – со словом hunsl, жертва. На немецком – heilig, heil, заставляющее до сих пор вздрагивать «хайль»: здоровый, целый. Господа Спасителя немцы называют Heiland – Исцеляющий. Славянское Святой происходит от «свет», «цвет», «свят». В нашей же культуре, в русской цивилизации святость – это всё-таки прежде всего свет. Вспоминается: «Кто светел, тот и свят».. И еще: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (Ин. 1:5). «Фотография» же – это греческое слово, возвращающее нам другой корень для света: др.-греч. φῶς, род. пад. φωτός, «свет». Фотография это «рисунок света». Можно сказать, получается, что изучать святое в России при помощи фотографий, – по крайней мере, с точки зрения языка, – вполне адекватное намерение.

В ходе проекта было получено более 2500 изображений из 78 регионов России. 10% участников оказались профессиональными фотографами, остальные 90% – любители. 64% участников – женщины, 36% - мужчины. До 18 лет – 16% участников, от 18 до 30 лет – 37%, от 30 до 45 лет - 28%, от 45 до 60 лет – 15%, и старше 60 лет – 4%.

Рисунок 1 – График распределения объектов на фотографиях по рубрикам (сумма процентов больше 100%, т. к. одно изображение можно было отправить одновременно в две рубрики)

ТОП-10 регионов по числу присланных фотографий (в алфавитном порядке):

- Архангельская область
- Владимирская область
- Москва и Московская область
- Нижегородская область
- Новгородская область
- Республика Карелия
- Республика Татарстан

- Санкт-Петербург и Ленинградская область
- Тверская область
- Ярославская область

10 наиболее часто упоминаемых святынь (в алфавитном порядке):

- 1 Кижы (Республика Карелия)
- 2 Кремль (Москва)
- 3 Мечеть Кул Шариф (Казань)
- 4 Озеро Байкал (Республика Бурятия, Иркутская область)
- 5 Река Волга (исток – Тверская область, устье – Каспийское море)
- 6 Свято-Троицкая Сергиева Лавра (Московская область)
- 7 Свято-Троицкий Серафимо Дивеевский монастырь (Нижегородская область)
- 8 Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь (Архангельская область)
- 9 Святыни Санкт-Петербурга (Исаакиевский собор, Казанский собор, Храм Спаса-на-крови)
- 10 Церковь Покрова на Нерли (Владимирская область)

В рубрике «Религии и верования» на первом месте с большим отрывом оказались изображения православных храмов и монастырей. На втором месте – изображения мусульманских мечетей, причём как крупных и широко известных, так и «местечковых», расположенных в деревнях и сёлах в регионах России. Значительно реже присутствуют фотографии буддийских святынь (дацаны, статуи Будды). Не представлены католицизм (одно фото), протестантизм (одно фото) и иудаизм (одно фото).

Среди полученных работ нет: индустриального, машин и механизмов, труда и профессии, материальных ценностей, науки и книг, произведений искусства (присутствуют в минимальном количестве), государственной символики России и СССР, нет образа «Героя», нет образов силы и доминирования. Фотографии участников, в отличие от работ, представленных на многих современных фотопроектах, не содержат жестоких или жёстких образов, идеологии.

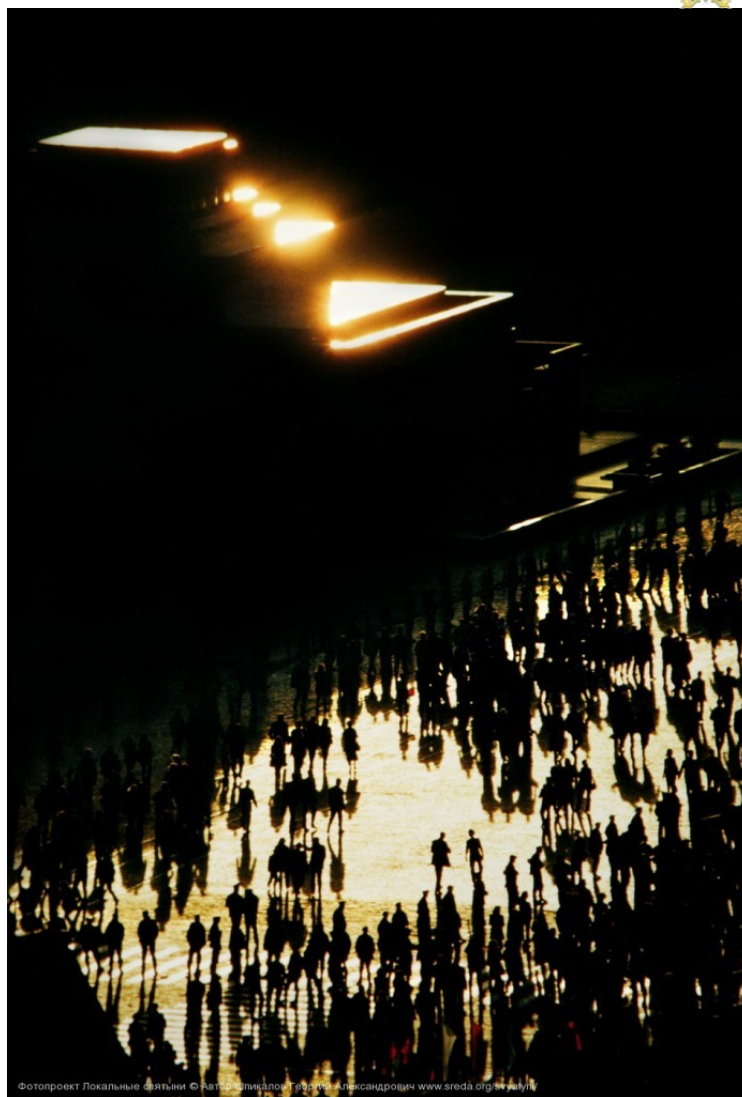
Большое количество изображений имеют общие лейтмотивы: снимки утраченных, разрушенных и поруганных святынь, намеренно нечёткие и размытые изображения, кресты, деревня и малая родина, темнота, покой и безмятежность, вода, реки, лучи (особенно, лучи в храме), оттенки света, восходы и закаты, красные отблески, дети и старые люди, фотографии с радостным настроением, дороги, горы и вершины, крестные ходы, небо, ракурс «взгляд вверх» (особенно, в купол храма), отражения и «слабые» образы. Фотографии, содержащие радостные или, напротив, скорбные ноты, одинаково часто встречаются среди полученных работ.

В целом, святое на фотографиях предстаёт в качестве материи тонкой, растворяющейся и перемещающейся, нерукотворной (природное или божественное), ускользающей, тихой, необязательно фотогеничной, без пафоса и надрыва.

Фотографии победителей по выбору профессионального жюри:

Фотопроект Локальные святыни © Автор Виккилов Тарас Александрович www.sreda.org/svyatyni/

Фотопроект Локальные святыни © Автор Захаров Петр Викторович www.sreda.org/svyatyni/

М. Б. Буланова, П. А. Борисова
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО МЕТОДА В СОЦИОЛОГИИ

БУЛАНОВА М. Б. – доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии РГГУ. E-mail: marina_bulanova@inbox.ru.

БОРИСОВА П. А. – аспирантка кафедры прикладной социологии РГГУ. E-mail: polseal@yandex.ru.

В настоящее время в академических кругах возрастает интерес к изучению наследия русской социологии. Субъективная школа социологии (в лице её главных представителей – П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского) разработала особый субъективный метод, который позволял повысить репрезентативность и качество проводимых исследований. Этот метод остался в курсах истории социологии, но не был в достаточной степени изучен и востребован на практике. Авторы тезисов поставили цель – изучить эвристические возможности практического применения субъективного метода социологии (рис. 1).

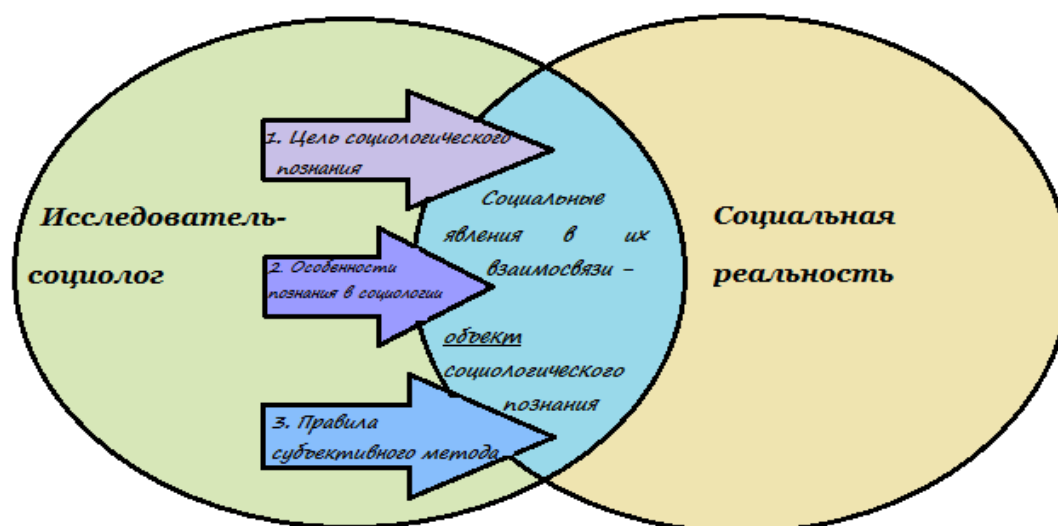

Рисунок 1 – Субъективный метод в социологии

Цели социологического познания

1. Понять социальные явления в их взаимосвязи. Н. К. Михайловский отмечал, что человек может познавать только явления в их взаимосвязи. «Сущность вещей – вечная тьма. Нет абсолютной истины, есть только истина для человека и, за пределами человеческой природы, нет истины для человека» [1].
2. Ориентироваться и преследовать единственную истину социологического познания – благо для человека. Наука должна служить именно «профанам» (по Михайловскому – обычным людям), удовлетворяя не только их потребность в познании, но ещё и прежде всего их жажду блага и справедливости. Подход

профана к социальному миру и есть субъективный метод в действии [2, стб. 276–281, 337–339, 354, 438].

- 3 Добиваться релевантности социологического знания практическим потребностям человека. Человек, отмечал Н. К. Михайловский, стремится только к тем знаниям, которые нужны ему для ближайших практических целей. Истина есть «специальный случай равновесия между субъектом и объектом», удовлетворение потребности человека, в чём, собственно, и состоит её критерий [2, стб. 347].

1. Цели социологического познания:

- Понять социальные явления в их взаимосвязи,
- ориентироваться и преследовать единственную истину социологического познания - благо для человека,
- добиваться релевантности социологического знания практическим потребностям человека и социальных групп,
- выявлять эмпирическую, гносеологическую и эвристическую ценность фактов,
- научиться фиксировать паталогические формы (элементы) общественного устройства и предлагать способы их "оздоровления",
- Анализировать и конструировать возможности развития социальных процессов и явлений.

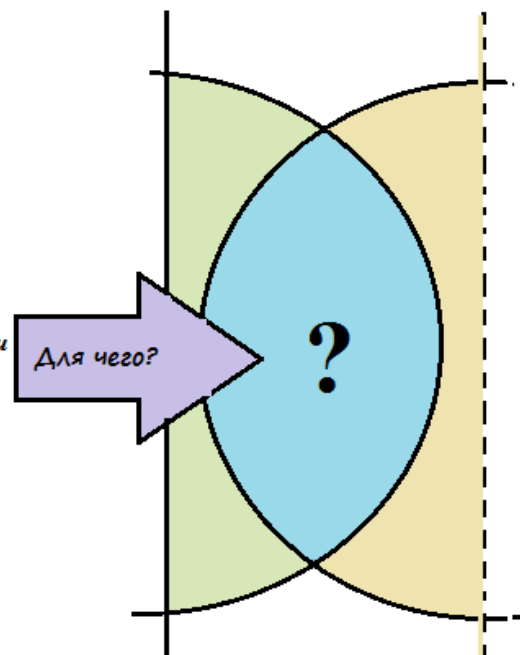

Рисунок 2 – Цели социологического познания

II. Особенности познания в социологии

- 1 Всякому социологическому познанию предшествует «предвзятое мнение». Всё начинается с «предвзятого мнения» (это понятие вводит сам Н. К. Михайловский). Тот факт, что предвзятое мнение предшествует всякому исследованию, закономерен и неизбежен. И сетовать на это нечего; отказаться же «от предвзятого мнения – значит отказаться от всего своего умственного развития и нравственного капитала...» [1, с. 14].
- 2 Предвзятое мнение складывается на основе умственного развития и нравственного капитала социолога. Н. К. Михайловский отмечал: «Предвзятое мнение обуславливается двумя элементами: во-первых, запасом предыдущего, бессознательного или сознательно приобретенного опыта и, во-вторых, высотой нравственного уровня исследователя» [1, с. 12].
- 3 Предвзятое мнение строится и на основе социально обусловленных характеристик. Н. К. Михайловский замечал: «Скажи мне, к какому общественному союзу ты принадлежишь, и я скажу тебе, как ты смотришь на вещи» [2, стб. 461].

- 4 Социологическое познание направлено на поиск справедливости. Михайловский подчёркивал: «Справедливость есть отражение истины в мире практическом» [3, стб. 384, 430].

3. Особенности познания в социологии:

- социологическое познание ограничено характером и возможностями опыта и социально-психологическими характеристиками исследователя,

- всякому социологическому познанию предшествует "предвзятое мнение" исследователя, которое складывается на основе:

1. Умственного развития и нравственного капитала социолога,

2. Предшествующего сознательно и бессознательно приобретённого опыта,

3. Социально обусловленных личностных характеристик (этнические, образовательные, гендерные и др.)

- социологическое познание направлено на поиск справедливости, которая признается истиной в социальном мире; а истина, в свою очередь, есть отражение справедливости в области теории.

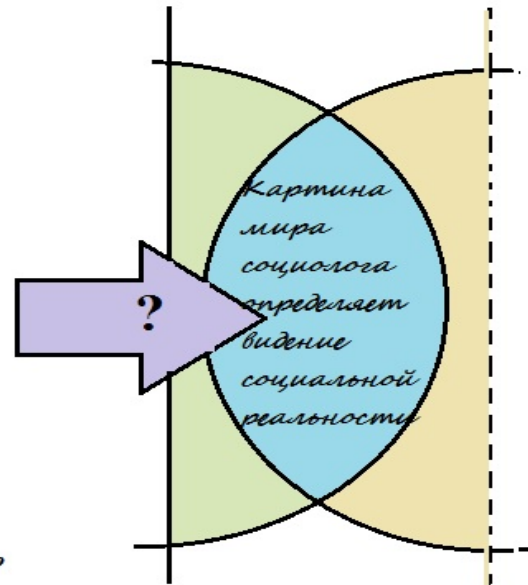

Рисунок 3 – Особенности познания в социологии

III. Правила применения субъективного метода

- 1 Сдерживать «предвзятое мнение» в границах целей социологического познания. Для Н. К. Михайловского было важно подчеркнуть, что субъективный метод не есть произвол, он вовсе не отрицает общеобязательных логических форм мышления, он противоположен не им, а только объективному методу. Оба метода могут уживаться друг с другом, даже в применении к одним и тем же явлениям, но «высший контроль» всё же принадлежит субъективному методу [2, стб. 401–402]. Гарантию же от субъективизма даёт высота нравственного идеала исследователя, а также всесторонняя оценка фактов и целостная постановка вопросов. П. Л. Лавров также разделял данное мнение, подчеркивая, субъективный метод не допускает гносеологического произвола, что должны быть исключены из науки: «субъективизм личного аффекта», «логический субъективизм», «субъективизм неведения» [4, с. 81].
- 2 Соблюдать границы применения субъективного метода, т. е. соответствие природе изучаемого явления. Как отмечал Н. К. Михайловский, выбор метода определяется природой изучаемого явления. «Где природа явлений допускает проверку всего процесса исследования каждым человеком, имеющим достаточно сведений, там употребляется объективный метод. Где для проверки исследования требуется, кроме сведений, известная восприимчивость к природе явлений, там употребляется метод субъективный» [2, стб. 401].
- 3 Способствовать не только социальному познанию, но и осуществлению общественных идеалов. По Михайловскому, естествознание оставляет желания

на пороге исследования. Натуралист «может сказать, я желаю перечислить виды клопов, но не может сказать: я желаю, чтобы видов клопов было сколько-то. Социолог, напротив, должен прямо сказать, желаю познавать отношения, существующие между обществом и его членами, но кроме познания я ещё желаю осуществления таких-то и таких-то моих идеалов...» [2, стб. 406].

- 4 *Предоставлять исследователю возможность прогнозирования.* У Н. К. Михайловского есть довольно спорное высказывание: «социология должна начать с некоторой утопии». Разъясняя эту мысль, социолог писал, что утописты заблуждались в своих детальных описаниях будущего, но сама задача «определить условия, при которых из общественной жизни устраняется всё, с точки зрения исследователя, нежелательное», вполне научно [2, стб. 404]. Социолог должен определять условия достижения желательного, т. е. условия, при которых потребности человеческой природы получат удовлетворение.

Об анализе возможностей развития событий с помощью субъективного метода писал и П. Л. Лавров: «Самый объективный социолог» неизбежно «оценивает и обсуждает общественные формы и функции», исходя из «потребностей и идеалов особей», составляющих изучаемое общество [5, с. 241].

3. Правила субъективного метода:

- *Сдерживать "предвзятое мнение" в границах целей социологического познания,*
- *соблюдать границы применения субъективного метода, т.е. соответствие природе изучаемого явления,*
- *способствовать не только социальному познанию, но и осуществлению общественных идеалов,*
- *предоставлять социологу возможность прогнозирования.*

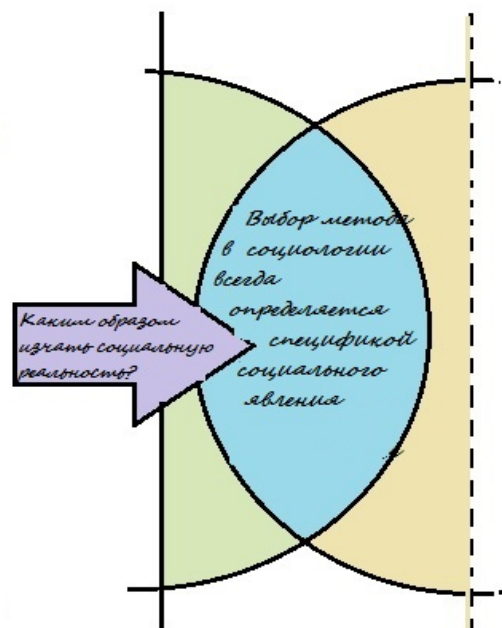

Рисунок 4 – Правила субъективного метода

Итак, представляется возможным утверждать, что применение субъективного метода позволит социологическим исследованиям подняться на новый качественный уровень.

Литература

- 1 Михайловский Н. К. Герои и толпа // Избр. труды по социологии в двух томах. Т. 1. СПб., 1998.
- 2 Михайловский Н. К. Записки профана // Полн. собр. соч. Т. III. СПб., 1913.
- 3 Михайловский Н. К. Письма о правде и неправде. Там же. Т. VI.

- 4 Лавров П. Л. Задачи понимания истории. СПб., 1903.
- 5 Лавров П. Л. Герберт Спенсер и современная социологическая литература // Собр. соч. Сер.3. Вып. 8. СПб., 1897.

Е. Н. Васильева

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹⁷

ВАСИЛЬЕВА Е. Н. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы и педагогики ВолГУ. E-mail: vasilvaen@yandex.ru.

Изучение факторов и субъектов формирования экономической и инновационной активности представляет собой важную научную проблему. Корни проблемы в определении механизмов трансформации экономической культуры российского социума, которая, с одной стороны, динамична, т. к. зависит от конкретной экономической и политической ситуации, а с другой стороны, статична, т. к. опирается на традиционные формы хозяйствования. Описание динамики экономической культуры требует постоянного мониторинга, а частью экономической культуры являются формы экономической и инновационной активности российской молодёжи, следовательно, выявление факторов и субъектов формирования данных видов активности способствует структурированию научной информации по вопросам трансформации экономической культуры в целом и развитию когнитивных технологий повышения экономической и инновационной активности молодёжи. Требование проявить экономическую и инновационную активность часто трактуется как условие успешного поведения молодёжи. Влияет ли данное требование на формирование активности, экономическое поведение и каким образом – научный вопрос, требующий освещения. Необходимо выявить социальные факты, описать условия формирования экономической и инновационной активности молодёжи, которые зависят от информационных потоков, циркулирующих в современной России и регионах, определить, находят ли эти тенденции отражение в отношении к труду, разработке жизненных планов, готовности к предпринимательской деятельности молодёжи, инновационному поведению и т. д. Решение данной задачи позволит выявить факторы формирования экономической и инновационной активности, что приблизит научное сообщество к обоснованию механизмов трансформации экономической культуры и экономического поведения.

Нашей задачей в рамках гранта Президента РФ является систематизация научных представлений по вопросам формирования экономических практик, которые лежат в области интересов учёных, анализирующих механизмы трансформации и сущность экономической культуры. Описание динамики экономической культуры требует постоянного мониторинга. Теории, описывающие предмет комплексно, не сформированы, однако активно анализируются многие аспекты вопроса.

Концептуализация результатов качественных исследований факторов и субъектов формирования экономической и инновационной активности молодёжи в современной России возможна при решении следующих задач: качественный и количественный анализ данных

¹⁷ Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (проект МК-2659.2014.6)

эмпирического исследования; выделение структурных компонентов экономической и инновационной активности; систематизация критериев, характеризующих экономическую и инновационную активность; структурирование показателей, с которыми работают субъекты формирования экономической и инновационной активности молодёжи.

Эти принципы стали основой разработки тематического плана глубинных интервью (цель – определить роль критического мышления в формировании ценностных ориентаций молодёжи). После отбора единиц для глубинного интервью (объём выборки 60 человек), проведения глубинного интервью, транскрибирования текста и первичного обобщения перед исследовательской группой встал вопрос: корректно ли установлены субъекты формирования социально-экономической и инновационной активности молодёжи?

С одной стороны, с помощью глубинного интервьюирования молодых людей по выборочному методу «снежного кома» мы описали разные группы молодёжи (экономически активной и пассивной) и определили каналы и субъекты, которые способствуют формированию инновационной и экономической активности. Методом сравнительного анализа экономических ценностей молодёжи, стоящей на учёте в службах занятости, молодёжи, устроившейся на работу со средней заработной платой, и молодых предпринимателей и молодых учёных, имеющих собственные научные разработки, и сравнительного анализа информационных потоков, которым каждая группа доверяет, выявили, как влияют экономические ценности и полученная информация на активность жизненной позиции индивида.

С другой стороны, мы не сделали чёткого вывода о том, способствует или препятствует формированию экономической и инновационной активности конкретная экономическая и социально-политическая ситуация, традиционные формы хозяйствования, определённые во многом социокультурными установками: религиозным, мифологическим сознанием и т. д.

По результатам исследования можно сделать вывод, что инновационная и экономическая активность молодёжи уже приносит свои плоды, следовательно, необходимо структурировать каналы, способствующие интериоризации новых экономических ценностей. Обобщение и сравнительный анализ экономических ценностей молодых людей, оказавшихся в различных жизненных ситуациях, показал, что для разработки конкретных рекомендаций по совершенствованию форм и методов вовлечения молодёжи в экономическое и инновационное развитие страны информации недостаточно.

Таким образом, мы получили данные о пространстве формирования социально-экономической и инновационной активности молодёжи, но для завершённого качественного исследования требуется больше времени, чем в рамках научных проектов, финансируемых 2–3 года. Поэтому в научном сообществе необходимо поднимать вопрос об увеличении сроков реализации проектов в рамках новых научных фондов, например РФФ, который имеет гибкую структуру за счёт того, что существует сравнительно недавно. Приращение знаний в области социологии и работа на уровне мирового, российского и регионального научных сообществ по исследованию сущности экономической культуры и аспектов формирования новых экономических и социальных практик, должна поддерживаться на длительной основе.

К. П. Глазков

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ:

"ВЕРХОВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ" ИЛИ ИНСТРУМЕНТ ПОСТАНОВКИ ГИПОТЕЗ

ГЛАЗКОВ К. П. – бакалавр социологии, студент 2 курса магистратуры Высшей школы урбанистики. E-mail: glk@gorod.org.ru.

В тексте предпринимается попытка проблематизации картографических материалов и их использования в социологическом исследовании. С позиций противопоставления вещи и обозначающего её символа даётся описание противоречивого статуса карты и вытекающих отсюда двух стратегий реализации исследования. Описываемые стратегии заставляют усомниться в адекватности разграничения качественных и количественных методов и ориентируют на поиск альтернативных оснований для классификаций.

Проблема соотношения социальных процессов и их репрезентаций

«Карта не есть территория» [3]. Известное выражение Альфреда Коржибски, которое впервые было озвучено в рамках доклада на встрече Американского математического общества в 1931 г., обозначает не только онтологическую, но и эпистемологическую проблему. Соотношение вещи и символа ставит вопрос не столько о существовании самой вещи, о которой принято порой забывать [7], сколько о возможности продуцирования суждений о вещи посредством анализа её образа.

Образ территории среди прочих репрезентаций заключается в картографических материалах, которые её описывают. Для географии критика картографической репрезентации послужила появлению новых отраслей: культурной и гуманитарной географии. Сомнение в том, что структура и содержание карты могут выстраиваться по логике организации самого картографического материала, позволило не только расширить инструментарий изучения пространственных представлений, но и наделить карту статусом автономного объекта-вещи, заслуживающего отдельного рассмотрения. «Иными словами, карта была не моделью той реальности, которую она намеревалась представить, а образцом для сотворения самой этой реальности... Она стала настоящим инструментом конкретизации проекций на земную поверхность» [5]. Так, карта Меркатора, завезённая европейскими колонизаторами в Таиланд в конце XIX в., в большей степени накладывала западную систему ценностей, чем уточняла представления о Земле. Вместо тайских представлений о «священных столицах и зримых населённых пунктах» пришла идея «территориально замкнутого пространства» – страны.

В рамках социологии аналогичной критике придавались опросные методики, механизм организации которых ставит под сомнение возможность получения адекватных описаний социальных процессов [1]. Однако, в отличие от географии, социология не формулирует явным образом оппозицию «опрос не есть общество», тем самым не наделяя результаты опроса и его механику онтологическим статусом.

Для нашей дискуссии наиболее интересным представляется аспект соотношения картографических и опросных репрезентаций социальных процессов. Картографирование давно включено в инструментарий социологического исследования, при этом остаётся не до конца понятным его статус и положение по отношению к другим методам. В статье мы кратко обозначим проблему локализации картографирования в рамках оппозиции «качественные – количественные методы» и приведём размышления касательно стратегий использования данного метода в исследовании.

Ограничения карт и их безграничная власть

Использование картографических материалов в социологических исследованиях зачастую сводится к ментальному картографированию. История становления метода ментального картографирования отражает его принципиальную связь с когнитивной психологией [10] и городскими исследованиями [9]. Эта связь, во-первых, косвенным образом накладывает содержательные ограничения на применение этого метода. К ментальным картам обращаются в том случае, если тема исследования считывается как «городская», т. е. отсылает к вопросам воображаемого города, передвижения по городу и тому подобного, хотя категория «городского» сама по себе является не менее проблематичной. Во-вторых, «когнитивный» аспект переводит категорию образа в плоскость восприятия реальности, что подталкивает к поиску погрешности и отклонения от действительного [2], т. е. к чёткому разграничению вещи и символа. Таким образом, мы можем отметить, что обращение к ментальным картам приводит или обусловлено специфическими содержательными и методологическими ограничениями.

Иная стратегия включения картографических материалов в социологическое исследование связана с использованием географических карт как подосновы для размещения социальных процессов [6]. В этом случае карта зачастую выступает в качестве результирующей. Значимые параметры и их значения проецируются на карту, тем самым образуя заведомо неизвестное распределение признака в пространстве, которое, в свою очередь, требует интерпретации, хотя во многом воспринимается как итог всех изысканий. На наш взгляд, такая логика анализа в большей степени связана с традицией географического детерминизма, для которой свойственно признание главенствующей роли пространственной упорядоченности [8]. При этом результирующая карта берётся как нечто непроблематичное, не требующее отдельного рассмотрения. Она есть итог, или словами Уильяма Джеймса, «верховная реальность» [4], в которую погружено сознание исследователя и которая определяет категории и возможности его познания, блокируя любые сомнения.

Карта в континууме «качественные – количественные методы»

Две описанные выше стратегии использования картографических материалов в социологическом исследовании по-своему локализуют этот метод по отношению к другим.

Стратегия, условно обозначенная как «когнитивная», подразумевает погружение в мир информанта. Цель «погружения» заключается в установлении индивидуальных категорий восприятия пространства для последующего понимания этих категорий с позиций социальных процессов. В таком случае процедура ментального картографирования требует детальной фиксации не только визуального материала, но и сопровождающего процесс его создания нарратива. Т. е., в общем такая ситуация напоминает ситуацию интервью с использованием проективных методик.

Вторая стратегия, которую можно условно назвать «географическая», может и вовсе основываться на вторичных количественных данных. Собранные данные могут содержать точечные или категориальные оценки, которые на последующем шаге проецируются на карту. По сути, проделанные процедуры сводятся к визуализации количественных данных, которая мало чем отличается от графиков и таблиц.

Таким образом, использование картографических материалов не позволяет однозначно отнести данный метод к количественной или качественной стратегии реализации социологического исследования. Напротив, картографирование в очередной раз подталкивает методологов к пересмотру бинарной оппозиции в пользу других оснований для классификации подходов. Возможным основанием для альтернативной классификации могло бы послужить

наличие или отсутствие разграничения между продуцируемым исследователем образа социальных процессов и самими процессами, что было описано выше.

Литература

- 1 Blumer H. Public Opinion and Public Opinion Polling // American Sociological Review. № 13. 1948. P. 542–549. URL: https://www.brocku.ca/MeadProject/Blumer/Blumer_1948.html.
- 2 Golledge R. G. Representing, interpreting, and using cognized environments // Papers of the Regional Science Association, 1978. Vol. 41. P. 169–204.
- 3 Korzybski A. A Non-Aristotelian System and its Necessity for Rigour in Mathematics and Physics // Science and Sanity. 1933. P. 747–761.
- 4 William J. The Principles of Psychology. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981. P. 913–951.
- 5 Андерсен Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/04.php.
- 6 Барбаш Н. Б., Крючков Ю. А. Социальное картографирование как способ пространственной организации данных о социально-территориальной дифференциации состава и качества жизни населения // Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М.: Наука, 1994. С. 115–129.
- 7 Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Издательство «Рудомино», 2001. 95 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/ baudrillard-le-systeme-des-objets-8l.pdf>.
- 8 Голд Д. Психология и география: Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990. 304 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/gold/index.php.
- 9 Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
- 10 Милграм С. Эксперимент в социальной психологии СПб.: Издательство «Питер», 2000. С. 79–91.

С. А. Глушкова

ПОИСК КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: МЕТОД ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ

ГЛУШКОВА С. А. – магистрант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета. E-mail: feniks023@bk.ru.

Современные общества претерпевают процесс трансформации в результате глобализации и локализации, увеличения объёмов миграционных процессов, возрастания дисбаланса и напряжённости в межкультурных отношениях, в соотношениях типа «центр – периферия». Интенсификация данных явлений неизбежно ведёт к увеличению интереса и поиску новых подходов к исследованию региональной идентичности в социальных науках.

Мировой и российский опыт показывает, что «региональный фактор» в настоящее время актуализируется с большей силой и варьируется сообразно политической обстановке. Е. В. Головнёва отмечает парадоксальность происходящих событий в условиях глобализации и

глокализации: кризисное состояние идентичности в целом и активация регионального потенциала и региональной идентичности [4, с. 42–48].

При исследовании структуры региональной идентичности целесообразным представляется изучение её составных элементов, выделенных А. А. Анисимовой и О. Е. Ечевской:

- 1 предпосылки формирования (выявление факторов, предрасполагающих к формированию у субъекта устойчивой региональной идентичности, либо наоборот, поиск причин, почему региональная идентичность не формируется или не ярко выражена);
- 2 контексты актуализации (при каких обстоятельствах и в каких ситуациях региональная идентичность проявляется и осознаётся индивидом);
- 3 формы проявления и содержательного наполнения региональной идентичности (составляющие основы данного общества, его характерные черты, отличия);
- 4 пути и механизмы формирования региональной идентичности группы и индивида [1, с. 45–47].

Региональная идентичность в отличие от идентичности региона связана с идентификацией с определённым местом, как считает финский исследователь А. Пааси [11, с. 163–178]. Региональная идентичность есть субъективная связь человека или же регионального сообщества с местом его проживания. При данном понимании региональной идентичности определяющая роль в её содержании отводится не идеологическим мотивам, а культурным ценностям. Ценностям региональной культуры до сих пор присущи значительная стабильность и фундаментальность, несмотря на то, что А. Аппадурои определяет настоящее время как современный «культурный номадизм» и «дисплейсмент», что выражается в свою очередь в отсутствии всякой социальной привязки к какой-либо географической точке [8, с. 25].

В структуре региональной идентичности принято выделять два уровня: символическое и историческое измерение, которое запечатлено в историко-культурном и природном ландшафте. Символическая природа, в свою очередь, находит себя в названии определённого региона, в материальных объектах и ключевых личностях, в жизненном стиле данного сообщества [3, с. 186–203].

Региональную идентичность также связывают с проблемами восприятия пространственно-временного континуума, толкованием культурного прошлого. Как утверждает Дорин Мэсси, идентичность места находит своё выражение в рассказанных историях, в стиле рассказывания, в их числе и значимости преобладающих из них [10, с. 146–156]. Культурная память, присущая каждому жителю отдельного региона, нуждается в своём проявлении, исследовании. Один из возможных способов фиксации и дальнейшей аналитической интерпретации – социологическое исследование.

Оценка существующих теорий и гипотез в социальных и естественных науках, анализ и обработка всякого рода информации предполагает введение определённых критериев эмпирической проверки и истинности высказываний, также разработку и внедрение соответствующих этим критериям методов исследования. К таковым относятся включённое наблюдение, эксперимент, биографический метод, массовый опрос и интервью. Нам представляется целесообразным выделить метод интервью как один из наиболее популярных

средств получения первичной социологической информации, что подтверждается его активным и продуктивным использованием в эмпирических социологических исследованиях.

В практике эмпирической социологии существует большое количество методик интервьюирования, укладываемых в десятки классификаций, которые выстроены на разных основаниях: целевое назначение, тип опрашиваемых лиц, количество опрашиваемых респондентов, процедура проведения интервью, способ общения, место проведения, цель предпринятого исследования и способ регистрации ответов респондента.

Российские и зарубежные источники традиционно делят интервью на формализованное и неформализованное, первое из которых подразделяется на структуризованное и стандартизованное. В данной работе мы будем анализировать неформализованное интервью, которое имеет длинный синонимический ряд, включающий в себя следующие единицы: «свободное», «открытое», «глубинное», «интенсивное», «качественное» [5, с. 88–91].

Как инструмент получения качественной информации, глубинное интервью ориентировано на достижение оптимального баланса противостоящих друг другу требований глубины интерпретации и эмпирической строгости, достоверности и обобщаемости полученных данных.

Являясь гибким инструментом социологического исследования, глубинное интервью позволяет получить описание опыта участника исследования в его собственной интерпретации, с присущими индивиду мировоззрением и мышлением. Беседа «face to face» и фиксирование ответов есть гарантия получения первичных данных из уст респондента, что исключает утрату важной информации, служащей основой для анализа интервью, который нацелен на выявление факторов формирования и осознания индивидом собственной причастности к территории/общности.

При использовании метода глубинного интервью не предпринимается попытка получения одних и тех же видов информации от каждого респондента, при этом индивид не является учётной статистической единицей. Расхождения ценностных ориентаций в заданной тематической направленности в рамках интервью отражены и вербализованы, они осознаются и воспринимаются лично респондентом, тем самым входя в число формообразующих факторов региональной идентичности. Региональная идентичность ценностно гетерогенна, неоднородна, ей свойственна мозаичность, что объясняется множеством социальных субъектов данного региона, ценности их могут носить вполне противоречивый, порой антагонистический характер [7].

Метод глубинного интервью способствует достижению интуитивного понимания вопросов, проблем, также обнаруживает непредвиденные области релевантности в проводимом социологическом исследовании. Объясняется это присущей региональной идентичности динамической структурой, которая обнаруживается в процессе формирования повседневных практик. Динамичный характер региональной идентичности также есть следствие непрерывных изменений в физическом пространстве региона. Данные изменения влекут за собой и смену ценностных представлений, жизненного уклада и отношений внутри общности.

Глубинное интервью как качественный метод исследования региональной идентичности опирается на теорию социального действия и концепцию рефлексивного индивида. Региональная идентичность в качестве переживаемых и осознаваемых смыслов и ценностей определённой локальной общности формируется самосознанием территориальной принадлежности индивида. Региональная идентичность не всегда предполагает солидарность

её носителей друг с другом, но одно из её положительных свойств заключается в способности объединения людей разных рас, профессий и образовательного уровня. Метод глубинного интервью представляется одним из возможных для определения различий данных позиций, но в настоящее время нет ни одного универсального социологического алгоритма анализа данных. Как отмечает С. Квале, «разнообразие исследовательских интервью сопоставимо с широтой спектра человеческих разговоров. Формы анализа интервью могут различаться настолько же, насколько различаются способы прочтения текста» [5, с. 23].

Литература

- 1 Анисимова А., Ечевская О. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2012.
- 2 Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности // Ab Imperio. 2002. № 3.
- 3 Замятин Д. Н. Идентичность и территория // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010). Отв. ред. И. С. Семенов. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
- 4 Головнёва Е. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и её структура // Лабиринт. Журнал соц-гуман.исслед-й. 2013. № 5.
- 5 Квале С. Исследовательское интервью / Перевод с англ. М. Р. Мироновой. М.: Смысл, 2003.
- 6 Корниенко Т. А. Теоретические аспекты исследования политической идентичности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 2.
- 7 Кранц И. И. Определение статусов идентичности: возможности диагностики. 2007. URL: http://www.rusnauka.com/3/_Kand_2007/Psihologgia/18710.doc.htm.
- 8 Орачева О. Региональная идентичность: миф или реальность? // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: материалы семинара / Под ред. М. Ильина, И. Бусыгиной. М.: МОНФ, 1999.
- 9 Хотинец Ю. В. Этническое самосознание. СПб: Алетейя, 2000.
- 10 Massey D. A global sense of place // Space, place and gender. Cambridge, Polity Press, 1994.
- 11 Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // Treballs de la Societat Catalana de Geografia, 2011.

И. Н. Дементьева

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

ДЕМЕНТЬЕВА И. Н. – младший научный сотрудник лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления ИСЭРТ РАН. E-mail: irinika_74@mail.ru.

В настоящее время одной из приоритетных задач является повышение эффективности государственного управления на всех уровнях власти. От решения этой задачи зависит развитие Российской Федерации в целом и региональных сообществ в частности.

Повышение эффективности органов государственного управления как на федеральном, так и на региональном уровне актуализирует проблему поиска и использования различных критериев и индикаторов для её оценки, а также методологических подходов и решений для получения достаточной информации о процессах, происходящих в различных сферах жизнедеятельности общества.

С этой целью в настоящее время используются данные, предоставляемые органами государственной статистики. У информации, разрабатываемой Федеральной службой государственной статистики и её территориальными органами, имеется множество несомненных достоинств (сопоставимость, оперативность, достаточно высокая степень достоверности измеряемых показателей). Тем не менее она не даёт полного представления о социальном развитии. Без внимания остаются такие важнейшие аспекты, как настроения людей, их отношение к различным сферам личной и общественной жизни, к деятельности властных структур, глубинные причины и возможные последствия тех или иных социальных явлений. Такие сведения можно получить только посредством изучения общественного мнения с помощью количественных и качественных социологических методов исследования.

Институт социально-экономического развития территорий РАН с 1996 г. ведёт систематический мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, одним из направлений которого является изучение отношения жителей области к деятельности региональной и местной власти.

Одним из способов углубления данных, получаемых с помощью мониторинга, а также выявления причин поддержки и одобрения деятельности определённого политика является использование методик качественного анализа, а именно проведение глубинного интервьюирования в фокус-группах из представителей целевой аудитории.

В 2013 г. в ИСЭРТ РАН было проведено фокус-групповое исследование по теме «Отношение населения к условиям проживания в г. Вологде и оценка деятельности региональной и местной власти». Было проведено два групповых интервью. Каждая группа состояла из 9 человек. В первую вошли лица в возрасте от 18 до 34 лет, во вторую – от 35 лет и старше (обе группы – смешанные по полу, образованию и уровню доходов).

Цель исследования заключалась в изучении общественного мнения в отношении деятельности главы региона в разрезе социально-демографических групп населения, выявлении причинно-следственных связей как социального одобрения, так и негативного восприятия.

Фокус-группа – один из качественных методов социально-психологических исследований – представляет собой групповое фокусированное (полустандартизированное) интервью, проходящее в форме групповой дискуссии и направленное на получение от её участников «субъективной информации» о том, как они воспринимают различные виды практической деятельности или продукты этой деятельности, например, материалы средств массовой коммуникации, рекламу, конкретные товары, осуществление тех или иных социальных, благотворительных программ, различных услуг и проч.

Фокус-группа – это метод, позволяющий проникнуть в глубинные пласты мотивации поведения людей, их ожиданий, надежд, переживаний и особенностей личного опыта. Он

позволяет узнать, что люди думают по обсуждаемой проблеме, почему они так думают, какие мотивы ими движут.

Данные, полученные с помощью этого метода, не имеют статистического обоснования и не выявляют количественных параметров их поведения. Они субъективны и характеризуют психологию людей, а не объективное состояние дел в определённой сфере. Тем не менее, эти данные могут принести большую пользу. Они позволяют получить обратную связь от реальных людей, узнать возможные мнения и реакции, открыть новые проблемы и выдвинуть гипотезы, подлежащие проверке в дальнейших исследованиях.

Метод фокус-групповых исследований обладает рядом достоинств. Его эффективность во многом определяется тем, что условия в них максимально приближены к условиям повседневного общения людей. Это делает фокус-групповую дискуссию привлекательной для участников, способствует их естественному поведению во время группового обсуждения, создаёт благоприятные условия для самораскрытия участников и высказывания искренних мнений [2].

Метод фокус-групп преимущественно используется в маркетинговых целях, однако применяется и в других областях, таких, как социальные исследования, образование, здравоохранение. Потребность в качественных методах анализа проявляется, в частности, и в развитии социально-психологических экспертиз различных социальных программ. Его главное преимущество, состоящее в том, что фокус-групповые исследования позволяют выявить качественные характеристики объекта, обуславливают актуальность данного метода не только на рынке товаров и услуг, но и в целях изучения общественного мнения по ключевым вопросам социально-экономической и политической ситуации. По этой причине фокус-групповые исследования регулярно проводятся ведущими российскими исследовательскими центрами (ВЦИОМ, ФОМ, РОМИР, Левада-центр).

Результаты фокус-группового исследования, проведённого в ИСЭРТ РАН, позволили не просто выявить отношение участников к поставленной проблеме, но и понять причины такого отношения, их скрытые мотивы и побуждения. Сравнение результатов фокус-групп с данными количественных социологических исследований (мониторинг общественного мнения) способствовало углублению анализа, позволило увидеть наиболее значимые черты и качества рассматриваемого предмета глазами различных групп населения.

Так, фокус-групповое исследование показало, что на неодобрительные оценки деятельности губернатора области существенное влияние оказывают:

- уровень материального благосостояния;
- эмоциональное настроение.

Говоря о личностных и профессиональных качествах представителей региональной власти, участники фокус-группового исследования характеризуют губернатора как человека, который проводит большую работу, «тащит на себе большой груз проблем и ответственности». Большинство участников фокус-группового исследования (70%) считают, что власти в целом осведомлены о проблемах людей.

По результатам фокус-группового исследования люди, которые плохо информированы о работе главы региона, просто не интересуются этим вопросом и не испытывают потребности в получении подобных сведений. Таким образом, глава региона воспринимается жителями как

человек, который берёт на себя много обязательств, «тащит много дел», но результаты этой деятельности не доносятся до населения.

Дополнение результатов опросов общественного мнения данными фокус-группового исследования позволило уточнить факторы, влияющие на оценку населением деятельности главы региона, и разработать соответствующий комплекс мер по их нивелированию. В частности, было определено, что на характер общественного мнения во многом влияет имидж губернатора, в связи с чем было рекомендовано:

- 1 *Активизировать взаимодействие со средствами массовой информации.* Организовывать выступления главы региона в прямом эфире по тематическим направлениям, увеличить количество сообщений о примерах решения проблем конкретных граждан, о положительном опыте реализации инициативных проектов губернатора, о последствиях невыполнения чиновниками своих обещаний, о результатах деятельности по решению вопросов, поступивших от населения.
- 2 *Разработать меры по взаимодействию с населением.* Создать региональную программу вовлечения населения в общественно-полезную деятельность; осуществлять государственную поддержку имиджа организаций, привлекающих в своей деятельности волонтеров, через СМИ (выпуски новостей, тематические программы, рубрики в периодической печати) и социальные сети.
- 3 *Разработать меры по взаимодействию с общественными институтами.* Поскольку общественные институты отражают мнение широких слоёв населения, принимаемые ими решения, которые носят совещательный, рекомендательный характер, должны в большей степени учитываться органами власти. Целесообразно также увеличить количество сообщений в СМИ о том, как рекомендации общественных институтов учитываются в законодательных актах.

Таким образом, опыт ИСЭРТ РАН показывает, что использование качественных методов оценки общественного мнения об эффективности государственного управления позволяет получить глубокую информацию по ключевым вопросам социально-экономического и политического развития территории. Достоверная, своевременная и достаточная информация о процессах, происходящих в различных сферах жизнедеятельности общества, является необходимым условием организации эффективного управления его развитием.

Литература

- 1 Белановский С. А. Метод фокус-групп. М.: Изд-во Магистр. 1996. 272 с.
- 2 Богомолова Н. Н., Мельникова О. Т., Фоломеева Т. В. Качественные методы социально-психологического исследования / Методические проблемы современной социальной психологии. М.: Смысл. 2004. 263 с.
- 3 Волкова М. А. Оценка эффективности механизма государственного управления экономикой региона в сфере поддержки малого бизнеса // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. 2009. № 2. С. 438–442.
- 4 Глава ВЦИОМ Валерий Фёдоров о настроениях россиян [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2013/12/30/myi-vpolzaem-v-kakuyu-to-tryasinu/>.

- 5 Дубровина Н. А. Оценка эффективности регионального управления // Вестник Самарского государственного университета. 2006. № 8. С. 54–59.

Т. В. Дуран

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ ПРИ АНАЛИЗЕ ГРАНИЦ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

ДУРАН Татьяна Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), докторант факультета политологии университета г. Льеж (Бельгия). E-mail: tatyana.duran@hotmail.be.

Необходимость анализа границ государственной образовательной политики в сфере высшего образования актуализируется в ситуации возрастания роли самоуправления в системе образования, приобретения вузами определённой автономии. Но для обеспечения самоуправления требуется установление определённых пределов государственного вмешательства в функционирование и развитие высшей школы, в противном случае самоуправление превращается в управление.

Выявление границ государственного вмешательства в систему высшего образования – важное условие повышения качества государственного управления, использования такого резерва, как привлечение к разработке образовательной политики широких слоёв общественности. Участие общественности в разработке и реализации государственной политики в сфере высшего профессионального образования, характерное для информационного общества, фиксируется понятием «общественно-государственное управление».

Понятие «граница» означает меру свободы деятельности каких-либо субъектов. Если это понимание применить к образовательной политике, то понятие «граница» выражает отношение двух субъектов, действующих в сфере образования и осуществляющих управление ею – государства и образовательных учреждений. При этом граница является единой для этих двух субъектов: расширение полномочий одного субъекта неизбежно означает сужение полномочий другого, ограничение его свободы. Термин «граница» имеет смысл при рассмотрении границ свободы принятия решений, а не других феноменов, например, самостоятельности. Свобода не должна подменяться самостоятельностью, что зачастую имеет место. Трактовка автономии как свободы означает, что речь идёт об определённой форме разделения власти, понимаемой как право на принятие решений. В контексте рассматриваемой проблемы *автономия – это право вуза на принятие решений для себя, поэтому автономия вуза – это вид свободы*. Однако мера этой свободы может быть различной, т. е. границы государственной политики различны.

В Российской Федерации, несмотря на отдельные исключения, доминирует авторитарная модель образования, которая сводит вузовскую автономию к исполнению государственной политики, нежели к её разработке и принятию решений. Этот авторитаризм можно определить как косвенный, поскольку формально автономия вуза не отрицается, но фактически ограничивается. Достаточно жёсткая регламентация учебного процесса, обусловленная необходимостью следовать нормам ГОС ВПО, в известной степени затрудняет

сотрудничество отечественных вузов с зарубежными, в особенности при реализации совместных образовательных программ.

Отличительной чертой российской модели является также то, что её реформирование проводится исключительно сверху, без учёта общественного мнения, хотя формально мероприятия в рамках реформ обсуждаются в различных организациях, а значительная часть государственных функций в сфере образования также выполняется с привлечением вузовской общественности: лицензирование, аттестация и аккредитация, экспертиза работ, представленных на соискание учёной степени, и др.

В выделенном контексте представляется важным выявление оценок вузовским сообществом (профессорско-преподавательским составом, администрацией вузов) реального состояния самоуправления, автономии, возможности оказывать влияние на функционирование системы высшего образования и её развитие. Информация о социальных оценках может быть получена посредством использования качественных исследовательских стратегий, таких методов как экспертные интервью, фокус-группы, несинхронные онлайн-интервью, анализ документов (например, материалов выступлений экспертов на форумах, конгрессах, обсуждениях в социальных сетях). В данной статье использованы результаты опроса экспертов (преподавателей вузов и представителей вузовских администраций), проведённого в 2014 г. в пяти городах Уральского региона (Пермь, Тюмень, Челябинск, Екатеринбург, Нижний Тагил).

В рамках исследования было опрошено 28 экспертов, которых мы разделили на три группы. В первую группу вошли преподаватели вузов, во вторую – представители администрации вузов. И те, и другие являются непрофессиональными субъектами, позиции которых необходимо учитывать при разработке и реализации государственной образовательной политики. Третью группу составили эксперты-работодатели, которые непосредственно заинтересованы в целях государственной политики и результатах её реализации. Вузовская администрация и преподаватели непосредственно воплощают в жизнь мероприятия, закреплённые в программных документах. Работодатели, которые принимают выпускников вузов на работу, имеют своё представление о качестве высшего профессионального образования, также являются непрофессиональными субъектами, чьё мнение необходимо учитывать при разработке государственной политики и оценке результатов её реализации.

Практически все эксперты отметили, что состояние отечественной высшей школы на сегодняшний день заслуживает серьёзной критики. Столь критическая социальная оценка состояния высшей школы является свидетельством не только кризисного состояния отечественного высшего образования, но и того, что при разработке государственной политики и её реализации мнение её непрофессиональных субъектов не учитывается при принятии управленческих решений.

Полученные оценки можно подразделить на две группы. К первой относится фиксация снижения качества образования (содержательной подготовки в вузах), снижения количества и уровня научных разработок («Сегодня мы наблюдаем полный развал высшей школы... Такое ощущение, что действует план по уничтожению науки, научных школ...»; «Уровень подготовки студента сегодня на 2 балла ниже, чем это было в советское время. Если раньше студенту мы ставили «отлично», то это было заслуженно. Сегодня мы ставим «отлично» за то, что раньше было «тройкой»...» – это выдержки из ответов экспертов).

Ко второй группе относится фиксация в качестве главной проблемы высшей школы отрыв системы образования от запросов рынка труда и ожиданий работодателей («...выпускаемые кадры не доходят по своему прямому назначению – до предприятий, очень маленький процент тех, кто устраивается работать по специальности...»; «В целом, «отвратительно». На сегодняшний день главная проблема высшей школы: очень слабая связь высшего профессионального образования с практикой. Производство и образование находятся на разных полюсах...» – выдержки из полученных интервью).

Подобные, далёкие от положительных, оценки имели место практически в каждом интервью. Эксперты отмечают, что, во-первых, не совсем понятна сегодня политика нашего государства, которое недостаточно внимания стало уделять системе образования; во-вторых, значительно усилился разрыв между высшим образованием и запросами предприятий, рынка труда в целом; в-третьих, в силу ориентации проводимой политики на европейские стандарты высшего образования происходит слом традиций, утрата отечественной высшей школой самостоятельности; в-четвёртых, имеет место снижение качества высшего профессионального образования.

Подавляющее большинство экспертов, представляющих вузовское сообщество, и экспертов-работодателей негативно оценивает вектор преобразований, который выбран и реализуется представителями власти в виде реформы высшей школы. И преподаватели, и представители вузовской администрации, и работодатели единодушны в том, что данный путь последовательно ведёт российскую высшую школу к неминуемому разрушению, невыполнению ею значимых социальных функций.

Н. В. Завьялова

**ПОТЕНЦИАЛ ЭКСПЕРТНОГО ИНТЕРВЬЮ ПРИ ИСЛЕДОВАНИИ ТУРИЗМА
(НА МАТЕРИАЛАХ АВТОРСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

ЗАВЬЯЛОВА Н. В. – аспирант Института социологии и регионоведения Южного Федерального университета. E-mail: Natalie-zavyalova@yandex.ru.

По оценке Всемирной Туристской Организации (ЮНВТО), ещё в 2013 г. туризм достиг своего миллиарда [1], при этом число российских туристов в 2014 г. превысило 40 млн человек [2], что составляет около 4% от мирового туристского потока и примерно 29,3% от населения России. Подобный всплеск туристской активности в России нашел своё отражение не только в росте туристского потока и развитии туристской инфраструктуры, но и повышенном внимании научного сообщества к российскому туризму как к новому явлению современной действительности.

Научные труды по туристской проблематике имеют отношение к различным отраслям научного знания, что обусловлено трансдисциплинарностью понятия «туризм», что в настоящее время отражается в существовании нескольких исследовательских подходов к данному явлению – географического (Д. Джафари), экономического (А. Ю. Александрова, М. А. Жукова, Д. С. Ушаков, Г. А. Папирян), социологического (М. С. Отнюкова, О. В. Лысикова), исторического (В. Шарафутдинов, В. А. Квартальнов, И. Б. Орлов, Е. В. Юрчикова). Каждый из подходов, несмотря на то, что позволяет выделить ряд особенностей данного явления, в целом обладает ограниченными возможностями по отношению к исследуемому явлению, т. к. анализирует в

качестве основополагающей лишь одну из его множества граней. Туризм же во всех его проявлениях невозможно охарактеризовать с точки зрения одной науки [3]. Трансдисциплинарность понятия «туризм» затрудняет получение качественных результатов в ходе изучения данного явления, что в первую очередь проявляется в сложности выбора подходящего метода исследования.

Такая характерная черта туризма, как его возможность проникать абсолютно во все сферы жизнедеятельности общества, предполагает, что при исследовании туризма для достоверности результатов необходимо учитывать и участников туристского обмена, и специфику региона, где происходит этот обмен, а также инфраструктуру, в рамках которой имеют место быть те или иные туристские практики.

В рамках исследовательской работы «Туризм как фактор социально-политического развития Краснодарского края» [4] для исследования туризма с учётом трансдисциплинарности понятия в качестве одного из методов сбора первичной информации автор выбирает экспертное интервью. Объектом исследования выступает экспертное сообщество, при этом каждый из экспертов является профессионалом в области туризма или специалистом в области социально-политического развития Краснодарского края. В ходе интервью экспертам были заданы различного рода вопросы по тематике исследования, ответы на которые в дальнейшем позволили подтвердить изначально выдвинутые гипотезы. Так, интервьюируемому необходимо было назвать несколько субъектов РФ, где, по их мнению, туризм развивается наиболее активно, выявить конструктивные и деструктивные последствия развития туризма в Краснодарском крае, а также проанализировать возможное влияние Олимпийских Игр-2014 на будущее развитие региона. Здесь важно подчеркнуть, что каждый из 5 опрошенных экспертов в ходе интервью выступил в определённой степени не только генератором идей и предложений, но и арбитром по оценке имеющихся данных.

В данном исследовании главное достоинство экспертного интервью, а именно возможность получения качественно различных точек зрения по исследуемой проблематике, позволило в итоге преодолеть субъективизм мнений экспертов и ограниченность их суждений. Благодаря экспертному интервью автору удалось собрать несколько отличных друг от друга точек зрения по исследуемой проблематике, при этом особо ярко отличие взглядов экспертов было выявлено в ходе дискуссии об Олимпийских Играх и их влиянии на развитие туризма в Краснодарском крае и на его социально-политическое развитие.

В силу того факта, что эксперты являются представителями различных отраслей знания, каждый участник опроса делал акцент на важных по его собственному мнению аспектах, которые другие участники опроса оставляли без внимания. Например, П. В. Заяц, единственный из экспертов, говорил об определённой мифологизации сознания советских людей, которая до сих пор имеет место быть уже в сознании россиян: по его мнению, ранее для советского человека попасть в здравницу Краснодарского края было пределом мечтаний, поэтому и сейчас до сих пор люди едут в этот регион, чтобы якобы осуществить свою нереализованную мечту. Интересную точку зрения в ходе интервью высказывал и В. В. Черноус. По мнению эксперта, в Краснодарском крае отсутствует системность развития туристской отрасли, что становится причиной социальной напряжённости в региональной этнополитической сфере. В первую очередь В. В. Черноус связывает эту проблему с актуализацией «черкесского вопроса», начиная с 2007 г., когда был сделан выбор в пользу Сочи в качестве столицы Зимних Олимпийских игр 2014 г. [5].

Так, мнения экспертов по вопросам, касающимся Зимних Олимпийских Игр в Сочи, значительно разошлись, в итоге было предложено проанализировать Сочинскую Олимпиаду с трёх точек зрения: Олимпийские Игры 2014 года следует рассматривать, во-первых, как туристское явление, во-вторых, как фактор социально-политического развития региона, в-третьих, как способ социального конструирования реальности, и, наконец, как средство формирования регионального туристского имиджа. При этом в рамках данного исследования эксперты говорят о двух возможных вариантах развития событий – не благоприятном и благоприятном. При не благоприятном сценарии Россия может вступить в эпоху постолимпийского кризиса, при благоприятном – занять новое почётное место на мировой арене.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что при исследовании туризма целесообразно в первую очередь ориентироваться на качественные методы исследования, которые способны дать автору возможность сначала проанализировать различные точки зрения по исследуемой проблематике, а затем путём обобщения и осмысления полученных результатов дать новый виток развитию той или иной научной концепции. При изучении туристских практик таким методом исследования вполне может стать экспертное интервью при условии учёта трансдисциплинарности базового понятия и необходимости тщательного отбора специалистов для опроса.

Литература

- 1 UNWTO Tourism Highlights, 2013 Edition. URL: <http://mkt.unwto.org/en/publication/unwto-tourism-highlights-2013-edition>.
- 2 Официальный сайт Федерального Агентства по туризму Министерства Культуры РФ. URL: <http://www.russiatourism.ru>.
- 3 Жукова Н. В. Ключевые факторы развития туризма в Краснодарском крае (на материалах авторского исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 11.
- 4 Жукова Н. В., Посухова О. Ю. Туризм как фактор социально-политического развития Краснодарского края. LAP Lambert Academic Publishing, 2013.
- 5 Жукова Н. В. Олимпиада-2014 как фактор развития Краснодарского края // Российское общество: проблемы идентичности и формирования гражданских институтов. Материалы Пятой школы молодого социолога / Отв. ред. М. К. Горшков, Ю. Г. Волков; Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2012.

Г. Г. Евстифеева

ДНЕВНИКИ ВРЕМЕНИ КАК СПОСОБ ИЗМЕРЕНИЯ ДОМАШНЕГО ТРУДА

ЕВСТИФЕЕВА Галина Геннадьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: gge65@mail.ru.

Современные социологические исследования в сфере домашнего труда методологически основаны на различных подходах к измерению затрат времени. Научные исследования использования времени с начала XX в. представляют собой довольно быстро растущую область исследований, как количественных, так и качественных, базирующихся на интервью, вопросниках и/или дневниках использования времени для изучения того, что люди делают со своим временем на протяжении суток. Считается, что дневники-вопросники времени, которые предлагаются респондентам, предоставляют наиболее верную и объективную информацию. По утверждениям исследователей, массивы такой информации являются «надёжными, повторяемыми данными», «важной научной инновацией, наподобие социального микроскопа», охватывающего «полный спектр человеческого поведения» [1].

Изначально дневники времени включали в себя домашнюю деятельность, игнорируемую обычным экономическим анализом. Примерно с 90-х годов прошлого века подобные виды исследований были поддержаны правительствами и стали ежегодными в большинстве развитых стран мира, составляя огромный массив межстрановой информации.

Нельзя не отметить, что в последние годы в социологии всё чаще использование дневников времени сопровождается сбором информации о контексте деятельности – т. е. о том, где люди делали то или иное действие, с кем делали и какие другие действия они делали в это же время, как часто производились действия, а также о социально-экономических особенностях положения людей и их семей. Использование данной методологии различными исследователями в разных странах не всегда может создавать возможности для корректного сравнения из-за различий в измерениях, сроках ведения дневника, числа дней, включённых в дневник. В идеальном случае обзоры использования времени должны распространяться на целый год и, таким образом, содержать репрезентативное соотношение рабочих и выходных дней, праздничных дней и дней школьных каникул. Однако по разным причинам исследователям не всегда удаётся распространить своё исследование на целый год, подвергая изучению только особые периоды года или недели, как правило, выбираемые так, чтобы избежать сезонных отклонений, создаваемых праздничными днями или ежегодными отпусками работников. Это, безусловно, приводит к меньшей точности в измерениях. Тем не менее, широкое распространение методологии позволяет сравнивать положение дел в различных странах.

Для сравнения можно взять довольно точные данные, по крайней мере, по 29 странам – членам ОЭСР [2], плюс данные по избранным развивающимся странам [3]. Отметим, что в XXI в. большую часть времени опрошенных людей во всех странах занимает личное время, включающее сон и еду, составляя в среднем 46% 24-часового дня. Остающееся время тратится на досуг (20% полного времени) и на оплачиваемый труд (работу) или учёбу (в среднем 19% времени). Меньше чем 1% суток в среднем посвящается религиозным действиям и другим разнообразным способам использования времени.

На неоплачиваемый труд люди в странах ОЭСР в среднем тратят 3,4 часа в сутки, или 14% суток. Жители Мексики лидируют по этому показателю среди жителей стран ОЭСР (4,5 часа). А вот жители Японии, Кореи и Китая тратят на неоплачиваемый труд меньше всего времени, около 2 часов.

Статистические данные показывают очевидную зависимость между соотношением оплачиваемого и неоплачиваемого труда. Страны с высокой долей оплачиваемого труда в бюджете времени, такие как Китай, Япония и Корея, имеют тенденцию к более низкой доле неоплачиваемого труда. Противоположная ситуация складывается в странах Западной Европы,

в Австралии, Новой Зеландии и Турции, в которых высокая доля неоплачиваемого труда коррелирует со временем оплачиваемого труда.

В странах с самым большим гендерным разрывом по этому показателю мужчины посвящают неоплаченному труду минимальное время. Меньше часа в день в среднем посвящают неоплаченному труду мужчины в Корее, Индии и Японии, 1,5 часа в Китае и Южной Африке, почти два часа в Турции, Италии, Мексике, Португалии и Испании, 2,5 часа в России и в остальных странах, представленных здесь. В российском случае превышение доли неоплачиваемого труда женщин над мужчинами составляет более чем 2 раза. Однако отметим, что небольшое количество мужского неоплаченного труда не всегда приводит к компенсации за счёт женского неоплаченного труда. В Китае, например, как мужчины, так и женщины тратят гораздо меньшую долю своего времени на неоплаченный труд по сравнению с другими странами.

Изучение структуры неоплачиваемого труда показывает, что в основном во всех странах женщины тратят своё неоплачиваемое время на домашний труд с преобладанием доли работы на кухне и заботы о детях. Тогда как у мужчин время распределено довольно равномерно при существенно меньшем количестве времени, посвящённом неоплачиваемому труду. Рождение детей сразу же увеличивает долю домашнего труда родителей на 15–30%. Это означает, что многие матери, работающие полный и неполный рабочий день, действительно ощущают на себе «двойную нагрузку» и работают существенно дольше (оплачиваемые и неоплачиваемые часы вместе), чем их мужья [4].

Характерно, что даже в стране с самой высокой долей неоплаченного рабочего времени среди мужчин – в Дании – мужчины посвящают этому меньше времени, чем женщины в Норвегии, стране с самым низким женским неоплаченным рабочим временем.

Исследования показывают, что частично преобладание женского участия в неоплачиваемом труде обуславливается более коротким рабочим временем женщин. По крайней мере, существует отрицательная корреляция между количеством женского неоплаченного труда и их рабочим временем. В странах с высокой женской занятостью гендерные различия по затратам времени на оплачиваемый и неоплачиваемый труд сводятся к минимуму. С другой стороны, в некоторых странах женщинам на законодательном уровне предоставлено право на укороченный рабочий день либо на частичную занятость, что является некоторой компенсацией за большое количество времени, посвящаемого неоплачиваемому труду в домохозяйствах. Неполный рабочий день для женщин распространён в Австралии, Германии, Японии, Нидерландах и Великобритании, где больше чем 40% женщин работают на основе частичной занятости.

Ценность домашнего труда, как для домохозяйств, так и для национальных экономик в целом, чётко подтверждается исследованиями времени по всему миру, несмотря на то, что экономическая ценность домашней работы может быть рассчитана различными способами.

В последнее время в адрес методологии по использованию дневников времени было достаточно много обоснованной критики (5), связанной с отражением в этих исследованиях в основном привилегированной мужской точки зрения, отсутствием возможности адекватно охватить все возможные виды работ, нелинейностью и одновременностью протекания многих видов домашнего труда. Данная критика не сводит на нет исследования использования времени, но она является достаточным сигналом к осторожности в оценках.

Исследование гендерной структуры домашнего труда в городских семьях города Владимира [6] показало, что измерение количества домашней работы с помощью дневников времени имеет свои трудности.

Например, данная методология крайне слабо приспособлена для учёта деятельности, которая делалась одновременно. Т. е. те виды активности, в которых трудно вычлени начальную и конечно фазу, которые вполне сочетаются с одновременным выполнением других видов домашнего труда и которые поэтому трудно учесть в полной мере.

Особую трудность представляет исследование времени, которое родители тратят на уход за детьми, на заботу о других людях. Респонденты склонны недооценивать или переоценивать это время.

Ещё одна трудность: пограничное положение домашнего труда между трудом и досугом, что создаёт проблему для респондентов и исследователей при категоризации видов деятельности.

Всё это существенно осложняет количественную и качественную оценку домашнего труда, заставляет социологов и экономистов совершенствовать свой инструментарий и исследовательскую оптику, настраивая её на рассмотрение явлений, которые ранее оставались незамеченными.

Литература

- 1 Harvey A., Pentland W. Time use research // Time Use Research in the Social Sciences, New York, NY. Kluwer Academic / Plenum Publishers, 1999. P. 53, 47, 48.
- 2 Miranda V. Cooking and Caring, Building and Repairing: Unpaid Work around the World // Society at a Glance 2011: OECD Social Indicators, OECD Publishing, 2011. P. 9–28.
- 3 Unpaid Work and the Economy Gender. Time Use and Poverty in Developing Countries // Edited by Rania Antonopoulos and Indira Hirway. The Levy Economics Institute of Bard College PALGRAVE MACMILLAN, 2010.
- 4 Брайсон В. Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии. Киев, 2011. С. 185.
- 5 Брайсон В. Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии. Киев, 2011. С. 187–200.
- 6 Евстифеева Г. Г. Гендерное разделение домашнего труда в современной городской семье. Владимир, 2012.

А. К. Касаткина

В ПОИСКАХ МЕТОДА МЕЖДУ ГЛУБИНОЙ И ПОВЕРХНОСТЬЮ: ОТ ЭТНОГРАФИИ К «КРАУДСОРСИНГУ»¹⁸

КАСАТКИНА А. К. – магистр социологии и социальной антропологии ЦЕУ (Будапешт), приглашённый исследователь ШАГИ РАНХиГС (Москва), младший научный сотрудник МАЭ РАН (Санкт-Петербург). E-mail: alexkasatkina@gmail.com.

¹⁸ Исследование проводится приглашенным исследователем ШАГИ РАНХиГС при поддержке Фонда Михаила Прохорова (Карамзинская стипендия 2015) в рамках коллективного проекта «Краудсорсинг в гуманитарных исследованиях: новые технологии и коммуникативные режимы производства знания в цифровую эпоху» (руководители А. Л. Зорин, Г. А. Орлова).

Отталкиваясь от поисков Л. Мановича и его противопоставления качественных и количественных методов как методов глубины и поверхности, я намерена говорить о ситуации перехода от этнографического глубинного погружения и микромасштаба к работе с "большими малыми данными" в Обнинском цифровом проекте и методологических перспективах "краудсорсинга" как способа проскользнуть между глубиной и поверхностью.

Лев Манович в статье, посвящённой новым возможностям работы с большими данными, которые дают исследователям культуры и общества цифровые инструменты, определяет качественные методы как методы, позволяющие копнуть в глубину изучаемого явления, а количественные – как методы, скользящие по его поверхности. Он предполагает, что с помощью компьютерной обработки глубокое изучение возможно и для больших объёмов данных: машина анализирует большой массив, находит в нём тенденции, с которыми уже работает исследователь [1].

Обнинский проект, посвящённый культурной истории советской научно-технической интеллигенции, был запущен в 2012 г. В течение двух полевых сезонов мы брали биографические интервью в Обнинске, т. е. работали в качественной методологии, глубоко и точно погружаясь в поле. Глубина интенсифицировалась за счёт фазы авторизации, введение которой было связано с перспективой публикации интервью: чтобы опубликовать транскрипт, его необходимо согласовать с информантом. Это означало новые встречи и обсуждения, подчас, при высокой степени вовлечения информанта в работу над текстом, – полное переопределение ролей исследователя и информанта.

В 2014 г. началась обработка собранных материалов для помещения в открытую базу данных в интернете, рассчитанную на исследователей – социологов, историков – и широкую публику. Имеющийся у проекта массив качественных данных превышает по объёму возможности даже коллектива из десятка исследователей: архив городской газеты с 1957 по 1991 гг. (около 20 тыс отсканированных газетных полос и более 43 тыс. нераспознанных текстов), 264 транскрипта интервью, несколько тысяч архивных фотографий (так называемые «большие малые данные»). Чтобы эти данные могли быть полезны исследователям, их необходимо сделать доступными гибкому поиску, т. е. «обучить», превратить в *smart data*. Это подразумевает разнообразные виды кодирования (тэгирования) текстов и изображений, создание тематических подборок, аннотаций и в конечном счёте – объединения всех данных сетью тематических кодов. Всё это – аналитические исследовательские операции, которые невозможно полностью поручить машине. Кроме того, автоматизированный анализ противоречит парадигме качественных исследований, в которой мы работаем. Так мы оказались перед необходимостью найти способ справиться с «большими малыми данными» и проскользнуть «между глубиной и поверхностью».

«Краудсорсинг» – общий термин для технологий мобилизации большого количества людей на более или менее добровольной основе при помощи цифровых коммуникаций. На данный момент мы ведём исследование возможностей вовлечения «умного множества» [2] интернет-пользователей в обработку данных проекта.

Литература

- 1 Manovich L. Trending: the Promises and the Challenges of Big Social Data Uploaded 4/28/2011. URL: http://www.manovich.net/DOCS/Manovich_trending_paper.pdf.

- 2 Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.

Н. И. Киселёва

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВ

КИСЕЛЁВА Наталья Ильинична – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Теоретическая социология» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: silinat@yandex.ru

Мировой социально-экономический дисбаланс и как следствие постоянные экономические и финансовые кризисы влекут за собой трансформацию экономического поведения. Сложившаяся система гуманитарных наук, позволяет по-разному трактовать научную дефиницию «экономическое поведение». Так, принято выделять несколько подходов: социологический, демографический, экономический, исторический, политологический, правовой, психологический и др. Изучая отдельные стороны общественной жизни населения, каждая из социальных наук сформировала свои подходы, часто исключающие достижения других.

Являясь широким понятием, экономическое поведение трактуется как собирательный термин для видов социального поведения, делающим возможность функционирования экономики как целостного социального института со всеми системами отношений. Экономическое поведение не должно сводиться только к рассмотрению активности и типологии поведения в зависимости от экономической сферы, оно должно фиксировать состояние экономики в цикле развития государства и народного хозяйства.

В рамках экономического подхода типичным принято считать потребительное поведение, которое описывается как результат рациональности личности. В рамках его изучения сформировались следующие методологические подходы и теории: маржиналистский (от А. Курно, А. Маршалла, до П. Сэмюэлсона и Д. Робинсон); меркантилистский; функциональный (Б. Беккер, Дж. Стиглер); институциональный (Т. Веблен, Д. Коммонс); временной (М. Фридмен, Д. Дюженберри); психологический (Д. Катон).

Абсолютизовав теории потребностей, полезности, блага, рациональности выбора, равновесия, распределения, богатства, конкуренции, многие исследователи опираются на описание и прогнозирование поведения через изучение отдельных элементов поведения, игнорируя объективные факторы и их эволюцию формирования.

Одной из «модных» и «молодых» является теория игр, полюбившаяся за математическую логичность, строгость в объяснении весьма эфемерных категорий. Главным постулатом является рациональность поведения личности, которая стремится к максимизации (полезности) прибыли. Но этот же постулат стал мишенью для психологов и социологов, доказывающих ограниченность этой теории и демонстрирующих массу примеров нерациональности (иррациональности) поведения, в т. ч. под воздействием эмоций и чувств (страх, стыд, обида, ревность, интерес, восторг). А в современных условиях возникает не только внешний конфликт, но и внутренний (справедливость, истина, патриотизм, коллективизм, солидарность, лояльность,

перфекционизм). Поэтому в последнее десятилетие активно появляются модели, не подчиняющиеся правилам рационального выбора (например: Camerer, Smith, 2012; Lipman, Pesendorfer, 2011), модели с поэтапным выбором, с двумя и более альтернативами и скрытыми желаниями [1, с. 12–32], но все они требуют дальнейшего апробирования и методологического осмысления, т. к. тоже не учитывают социальные реалии.

Правовой подход на примере изучения девиантного поведения доказал, его зависимость от стандартов тех групп, в которых они имеют место, от социальной ситуации, совпадения, наложения негативных социальных факторов на слабые места [2, с. 184]. Однако широкого распространения и применения в исследовании поведения это доказательство не получило.

Психологический подход является самым древним, но не смотря на многообразие подходов к исследованию поведения отбираются лишь некоторые. Так получило широчайшее (иногда и единственное) объяснение поведения система теорий мотивации. Некоторые авторы считают, что достаточно выявить мотиватор и можно спрогнозировать поведение личности и социальных групп. Так, хорошо изученная экономистами, теория потребностей А. Маслоу возводится до сих пор во главу угла, для объяснения причин того или иного поведения. Однако теория деятельности, теория социального научения, когнитивные теории, теории групповой динамики, психоаналитические и др. остаются вне поля интересов не психологов.

Социологический подход основывается на комплексе теорий и подходов при изучении социального поведения: теория социального действия; теория социальных ролей; концепция бихевиоризма; концепция интеракционизма; теория социального обмена; теория ожиданий; теория социальной аномии и др.

Приобретает всё большую популярность теория социальных ролей. Так ролевое поведение представляет собой систему индивидуально-статусной деятельности человека, в которой выявляются конкретные социальные позиции и установки [2, с. 193–194]. Поведенческий аспект статусно-ролевой деятельности опирается на концепции бихевиоризма и интеракционизма. Но ограниченность применения этого подхода состоит в том, что статус не детерминирует проявления индивидуальности. Принадлежность к тому или иному статусу предполагает определённые роли, которые формируются нормами, ценностями, правилами, санкциями и др.

Поведение является лишь проявлением деятельности человека и находится в строгой подчиненности от его внутреннего состояния, которое формируется на протяжении всего жизненного опыта и развития человека и общества в целом. Поэтому всё чаще социологи представляют результаты полевых исследований, выполненных не только методом опроса, но качественными методами, в т. ч. дискурс-анализ, анализ биографий, позволяющими не только оценить масштабы поведения, но и условия формирования объективных факторов.

Преимущество биографических методов заключается в возможности в хронологии определить процесс принятия решения, выявить ограничители, изучить когнитивную и эмоциональную составляющие экономического поведения. Так при разработке категорий составления биографий целесообразно учитывать теорию стресса.

Стресс является одним из самых сильных переживаний; и справиться с ним, преодолеть его последствия и адаптироваться к жизни в новых условиях – одна из самых трудных для человека задач. Соответственно, систематическое изучение речевой продукции лиц, переживших это травмирующее обстоятельство, совладающих со стрессом и адаптирующихся к новой жизни, может иметь существенное значение для понимания процессов

сенсбилизации личности, совладания со стрессом и трансформации экономического поведения. Иначе говоря, те особенности автобиографических рассказов, систематическое проявление которых будет обнаружено в исследованиях, могут быть характерны и для других лиц, в той или иной степени подвергшихся стрессующему воздействию сильных травм и пытающихся адаптироваться к изменившимся условиям жизни. Сравнение групп является классическим методом проверки валидности контент-аналитических техник (Готшалк, МакКлееланд, Винтер, Спивак, и мн. др.).

Наконец, отдельной задачей для социолога является усовершенствование методов контент-анализа, которое позволило бы эффективно изучать структуру рассказа, измерять содержание текста надежно и независимо от таких побочных факторов, как, например, величина сообщения. Эти вопросы при их, казалось бы, «техническом» характере имеют первостепенное значение.

Абсолютно незаслуженно исследователями экономического поведения забыты социальные эксперименты, а ведь все фундаментальные теории и законы вышли из их результатов.

Таким образом, социологи пытаются максимально обобщить теории и методы описания особенностей экономического поведения. Только всестороннее рассмотрение поведения как научной категории совокупности социальных наук, позволит не только констатировать, но и прогнозировать особенности экономического поведения в условиях нарастающих кризисов.

Литература

- 1 Зак Ф. Л. Психологические игры в теории выбора // Журнал Новой экономической ассоциации. 2014. № 1 (21).
- 2 Социологическая энциклопедия / Под ред. Г. Ю. Семигина. Том 2. М.: Мысль, 2003.

В. П. Ключева

ВКЛЮЧЁННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ В РЕЛИГИОЗНОМ ПОЛЕ: КТО ЗА КЕМ НАБЛЮДАЕТ

КЛЮЕВА Вера Павловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень). E-mail: vormpk@gmail.com.

Исследования в религиозном поле включают те же элементы, что и работа в других полях. В чём же тогда специфика и особенность работы с верующими людьми?

Специфичность работы в религиозном поле заключается в (1) необходимости определения/представления своего мировоззрения во время исследования (атеист/неверующий/верующий из другой конфессии/ верующий этой же конфессии); (2) необходимости получения легитимации со стороны религиозного авторитета (благословение священника; рекомендация или одобрение пастора; представление со стороны знакомых и т. п.); (3) понимании влияния религиозной/светской идентичности на установление контактов в поле.

Специфика религиозного поля начинается с самопрезентации исследователя, определения его идентичности. Самопрезентация необходима для входа в поле, хорошо выбранная и обоснованная идентичность облегчает вхождение в поле.

Есть несколько вариантов самопрезентации в зависимости от идентичности социолога.

- 1 По мировоззрению: верующий, неверующий, светский, атеист, «ищущий» или «в духовном поиске» и т. п.
- 2 По профессиональной идентичности: социолог, журналист, историк, учёный и т. п.

К профессиональной идентичности может возникать недоверие со стороны верующих. Особенно если дело происходит в закрытых конфессиональных сегментах. Вариант преодоления недоверия: через принятие дополнительной идентичной (например, социолог и православный; социолог и «посредник» между светским миром и религиозной общиной). Идентичностей может быть несколько, но они должны быть стабильны. Иначе происходит нарушение доверительных отношений с респондентами. Зачастую верующие наделяют исследователя дополнительной идентичностью, что позволяет им выстраивать общение более комфортно.

При несовпадении мировоззренческой позиции исследователя и верующих также возникают проблемы. Если социолог выступает как носитель других религиозных взглядов, то у верующих может происходить отторжение (почему не изучаете своих единоверцев?). Если социолог представляется атеистом, такая идентичность может вызвать резкое недоверие и желание переубедить из-за сложившейся отрицательной коннотации понятия «атеизм».

Если социолог работает в «своей» религиозной конфессии, то он защищён от поверхностных высказываний, за счёт того, что он может знать некие скрытые/глубинные мотивы и, в целом, говорит на одном языке с респондентами. Однако, он может воспринимать информацию как нечто разумеющееся, не отдавая отчета в её важности.

Положительная сторона разных мировоззренческих позиций в том, что исследователь может быть более объективным наблюдательным, т. к. выступает как сторонний наблюдатель и не обладает имплицитным знанием норм и ценностей, принятых в общине.

Преодолевать пристрастность можно через рефлексию, отстранённость от собственных взглядов и для верующего исследователя через принятие операционального атеизма (т. е. атеизма, который принимается временно, ситуационно, только во время исследования, т. е. мировоззрение отделяется от личных взглядов и личной веры).

Необходимо учитывать, что религиозное поле не гомогенно и состоит из разных конфессиональных полей/сегментов. Понимание этого также влияет на методы полевой работы.

Наибольшим потенциалом, но и ограничениями, обладает включённое наблюдение. Оно не требует обязательной легитимации исследователя, хотя самопрезентация необходима в любом случае. включённое наблюдение, особенно если оно предполагает проживание в религиозной среде (в семье верующих, монастыре, общине), позволяет создать доверительные отношения. Наблюдение позволяет получить больше информации: например, увидеть и получить объяснения практик, закрытых для «внешнего» исследователя; сравнить декларируемые нормы и поведенческие или обрядовые практики и т. д.

Ограничения и недостатки включённого наблюдения. Исследователь находится под пристальным вниманием верующих, и все действия будут рассматриваться через фокус исследовательской самопрезентации. Если не уточнена исследовательская идентичность или исследователь выступает как «ищущий», то будет невозможно проводить глубинные интервью и сложно вести полевой дневник. Если исследователь заявляет о своём

атеизме/неверии/духовных поисках, он становится объектом «евангелизационной кампании», зачастую агрессивной. Кроме того, необходимо постоянное соблюдение поведенческих правил, принятых в конкретной религиозной общине, т. е. как минимум внешнее принятие их.

Трудность включённого наблюдения заключается также в том, что может происходить своеобразная ассимиляция исследователя в религиозной общине (конфессиональном поле) и появление пристрастности и не критичности к получаемой информации. Длительность проживания в религиозной среде может притупить восприятие новой информации. Преодолеть эти проблемы можно через саморефлексию и помощь коллег. Проблемы восприятия информации можно решить через проверку своих интерпретаций коллегами или религиозными авторитетами и верующими.

При включённом наблюдении остаться беспристрастным исследователем значительно труднее, чем при единовременных входах/выходах в религиозное поле. Необходима постоянная рефлексия и проговаривание своего отношения к объекту исследования.

Е. В. Князева
ПРОБЛЕМА ДОСТИЖИМОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ (RESPONSE RATE)
НА ФОНЕ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА В УКРАИНЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В БЕССАРАБИИ)

КНЯЗЕВА Е. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ИСН ОНУ им. И. И. Мечникова; директор «Центра исследований г. Одессы». E-mail: knyazeva.elena@bk.ru.

Вот уже больше года Украина находится в состоянии открытого вооруженного противостояния. Украинское общество переживает глубокую социальную травму, последствия которой ужасающие и трагические. В нынешних обстоятельствах в научном социологическом сообществе невероятно актуализируется внимание к теоретическим аспектам социологии войны. Тем не менее, тяжёлые и очевидные последствия войны, которые, в первую очередь, проявляются в обострении всей системы межличностных отношений, до сих пор недостаточно изучены и недооценены. Украинский социум находится в постоянном мобилизационном режиме. Представители социальных групп активно включены в различного рода «военные» практики. Активизировались волонтерские и общественные движения. Сказывается также длительное и массированное погружение общества в новостийное пространство, перенасыщенное военизированной тематикой и т. п. На фоне вышесказанного украинским социологам приходится проводить исследования в изменившихся условиях, а именно, в условиях милитаризации общественного сознания, что не может не сказываться на качестве их работы и их репутации. Отдельно следует указать и на ряд сложностей, возникающих в нашей профессиональной среде в связи с продолжающимся вооруженным противостоянием. Во-первых, речь идёт о том, насколько удастся сохранить прежний уровень открытости и откровенности суждений и оценок. История знает немало примеров, когда авторитетнейшие социологи мира не вписывались в конкретную политическую конъюнктуру из-за своих примиренческих подходов. Во-вторых, прямым следствием происходящего становятся изменившиеся условия сбора эмпирической информации традиционными методами. Открытым остаётся вопрос методологии социологических исследований в нестабильных

условиях, в условиях высокой поляризации общества, возрастания категоричности, незащищенности в трактовке событий, повышенной конфликтности общественных отношений.

В данном ключе чрезвычайно актуальной для прикладных социологических исследований становится проблема достижимости респондентов (response rate). На протяжении многих лет RR рассматривался как важный показатель качества социологического исследования. Отметим, что уровень достижимости face-to-face в Украине уже долгое время снижается. Так, например, в 2011 г. авторитетный украинский социолог В. И. Паниотто в своём докладе на конференции «Кризис в методах опроса и пути его преодоления» отмечал, что «для регулярных опросов КМИС response rate (процент ответивших) на протяжении последних четырёх лет составляет около 53%, на 10% меньше, чем за предыдущий период» [1, с. 153]. Весной 2014 г. некоторые социологи уже говорили о том, что опросить респондентов по месту жительства стало ещё труднее [2]. Однако, расчет RR, по-прежнему, осуществляется крайне редко, результаты таких расчетов часто недостаточны, чтобы можно было делать обобщающие выводы, а способы расчёта RR, как правило, не представлены. Кроме того, в большинстве отчетов и пресс-релизах по результатам социологических исследований информации об уровне RR и причинах отказов нет.

С целью зафиксировать уровень RR и причины отказов в июле и октябре 2014 г. были проведены исследования в городах и селах Бессарабии – пограничного региона, находящегося в границах Украины и Молдовы и в зоне постоянного геополитического внимания со стороны Румынии, Турции, России. В целом исследование было посвящено изучению мнений и ориентаций населения Пограничья, однако, в докладе речь пойдёт о расчётах RR и причинах отказов (основные результаты исследования первой волны представлены в публикации [3]). Опросы проводились методом личного интервью по месту жительства респондентов (face-to-face interviews). Выборка многоступенчатая, гнездовая, пропорциональная. В пределах каждого населённого пункта отбирались начальные адреса – улица, номер дома и, в случае многоквартирных домов, номер квартиры, с которой интервьюеры начинали опрос. На последнем этапе происходил отбор респондентов согласно квотному заданию по полу и возрасту. Для формирования квотного задания использовались актуальные данные Государственной службы статистики.

Статистическая погрешность выборки объёмом 2000 респондентов (в каждой волне) с вероятностью 0.95 не превышает 2,5%. Выборочная совокупность по контролируемым устойчивым социальным характеристикам (полу, возрасту) достаточно точно представляет взрослое население Бессарабии (величина средней фактической ошибки выборки не превышает 2%).

О качестве выборки свидетельствуют, в частности, следующие факты.

При формировании выборочной совокупности квота по национальности опрашиваемых не устанавливалась. Однако распределение респондентов по национальности практически идентично распределению по этому признаку населения региона. Квота по возрасту была задана интервьюерам по укрупненным возрастным группам: до 30 лет, 30–49 лет, 50 лет и старше. Но и внутри этих групп распределение опрошенных по возрасту по существу совпадает с распределением среди населения. Можно утверждать, что данные опросов достоверно отражают баланс мнений и ориентаций взрослого населения Бессарабии.

Известно, что в самом общем виде достижимость (RR) рассчитывается как соотношение числа респондентов, принявших участие в опросе к общему объёму выборки. RR обычно

выражается в виде процента. В нашем исследовании мы опирались на стандартные определения и способы расчетов достижимости AAPOR, которые применяют российские коллеги [4], а именно: коэффициент ответов (RR3) – отношение полностью взятых интервью ко всем адресам, включённым в выборку и коэффициент отказов (REF) – «отношение отказавшихся от участия в опросе людей от всех потенциально удовлетворяющих условиям выборки единицам наблюдения». Кроме того, был осуществлен анализ причин отказов и социально-демографических характеристик «отказавшихся». Итак:

- Показатель уровня достижимости (RR3) в опросах, проведенных в июле и в октябре, за три месяца практически не изменился: в первой волне (июль 2014) – средний уровень достижимости составил 40 %; во второй (октябрь 2014) – 41%. Такой уровень RR3 (в условиях военного противостояния) можно оценить как низкий, хотя и не критический.
- Показатель RR3 зависит от типа поселения: в селах он несколько ниже, чем в городах: 30% и 52% соответственно (следует отметить, что такая зависимость выявлена впервые и по всей вероятности связана с мобилизационными процессами в Украине, которые активно осуществлялись как раз в сельской местности). Данную зависимость можно объяснить тем, что в селах на порядок выше оказалась доля адресов, где жильцы присутствовали на момент опроса, но «дверь не открыли» и контакт с интервьюером не состоялся: 32% и 6% соответственно.
- Показатели RR3 значительно различаются для городов Пограничья. Чем ближе к областному центру – Одессе, тем ниже уровень достижимости.
- Коэффициент отказов (REF) в опросах обеих волн также находился на одном и том же уровне: в первой волне средний показатель составил 22,3%, во второй волне – 21,7%. При этом доля «отказавшихся» в селах меньше, чем в городах: 17,6%.
- Причины отказов респондентов от участия сводились к следующему (данные для первой и второй волны соответственно): отказались отвечать без объяснения причины – 54% и 23%; объяснили отказ недоверием к опросам – 9% и 17%; сослались на занятость – 11% и 14%; боялись отвечать на вопросы, опасаясь негативных последствий – 10% и 7%; не хотели говорить о политике – 7% и 13%; сослались на плохое самочувствие – 3% и 6%; во вторую волну, которая проводилась в преддверии парламентских выборов, была добавлена позиция «не хочу говорить о выборах» – 16%.
- Одной из методических задач исследования, ставилась задача определить характеристики людей, которые отказываются принять участие в опросе, а также насколько эти характеристики отличаются от характеристик генеральной совокупности. Были получены результаты, которые показали, что по такому параметру как «пол» «отказники» практически не отличаются от опрошенных респондентов, поэтому рассматривать их как возможный источник смещений при низком уровне достижимости – оснований нет. Напротив, состав опрошенных и «отказников» имеет существенные различия по критерию «возраст». Чаще всего отказывались от опроса люди среднего и старшего возраста, молодёжь, напротив, оказалась более лояльна.

- Если рассмотреть уровень достижимости по отдельным участкам выборки с привязкой к интервьюерам, то можно заметить, что уровень подготовки, опыт и активность интервьюеров, проводивших опросов, сыграл не последнюю роль в достижимости респондентов (об этом свидетельствует анализ RR3 и REF по отдельным участкам).

Выводы:

- Сравнительный анализ результатов двух исследований при многоступенчатой, гнездовой, пропорциональной выборке, проведенных с интервалом три месяца, показал, что коэффициенты RR3 и REF даже в нестабильных условиях являются достаточно устойчивыми.
- По мониторинговым показателям, таким как: «национальность», «родной язык», «удовлетворенность жизнью», «уверенность в завтрашнем дне», «основное занятие респондентов», «самооценка материального положения» и т. п., – оба исследования показали статистически неразличимые результаты: различия в ответах колебались от 0 до 5 процентных пунктов.
- Несоответствие возрастных характеристик «отказавшихся» структуре выборочной совокупности может свидетельствовать как о предвзятости при отборе респондентов, так и о недостаточных основаниях для общего вывода о том, насколько значительно нереспонденты отличаются от респондентов, т. к. достаточно велика группа людей, которые не открыли дверь интервьюерам или отсутствовали в момент опроса. Что это за люди, мы, по-прежнему, не знаем.

Сравнительный анализ результатов двух опросов позволяет сделать общий вывод о том, что хотя война и сказалась негативно на желании людей участвовать в опросах, тем не менее, репрезентативность исследования в большей степени зависит от того, насколько оно строго спланировано. На данный момент более-менее удовлетворительное статистическое решение, позволяющее учитывать недостающие данные, пока ещё не найдено. Кроме того, сделанные выводы требуют проверки на примере обследования других регионов Украины, где, возможно, картина может быть принципиально иной.

Литература

- 1 Корытникова Н. В. О проблемах в методах и технике опросов // Социологические исследования. 2012. № 4.
- 2 Большов Е. Риски социологии военного времени \ Зеркало недели. № 16. 16 мая – 23 мая. URL: http://zn.ua/columnists/riski-sociologii-voennogo-vremeni-145351_.html.
- 3 Князева Е. В. Социальное самочувствие и уровень политической лояльности украинского населения (на примере малых городов Одесской области) // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства – Збірник наукових праць. Випуск 20. Харків, 2014.
- 4 Османов Т. Э., Рогозин Д. М. Методическое представление общероссийского опроса по мобильным телефонам, или процедуры оценки качества выборочного исследования на примере опроса трудоспособного населения России //

Г. А. Ковалева

**ОЦЕНКА ОПАСНОСТЕЙ И ВОЗМОЖНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА
(НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В Г. ЧЕРЕПОВЦЕ)**

КОВАЛЕВА Г. А. – кандидат социологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социологии и социальных технологий ФГБОУ «ЧГУ». E-mail: galoka1960@yandex.ru.

В последнее время суррогатное материнство получает всё более и более широкое распространение. На фоне социально-культурных трансформаций и развития репродуктивных технологий параллельно идут два процесса, значительно изменяющие «бытование» института материнства, как на общественном, так и на индивидуальном уровне.

С одной стороны, всё большее количество передовых стран начинает хотя бы отчасти принимать, в области социальной политики, доктрину «общества работающих взрослых», развивая как можно более широко сеть учреждений по уходу за детьми. Кроме того, на законодательном и бытовом уровне утверждается равная ответственность женщины и мужчины за заботу о младенцах, вплоть до «принудительного» отпуска по уходу за ребёнком [2]. Развитие репродуктивных технологий привело к тому, что можно быть матерью в биологическом смысле только отчасти. Можно быть генетической матерью, но не вынашивать своего ребёнка, а можно, наоборот, быть вынашивающей матерью, при том, что генетической связи с ребёнком не будет.

В первом случае, вынашивание ребёнка потребует участия ещё одной женщины, но для нее оно будет только работой. Во втором случае, ситуация потребует участия в ней рыночного ресурса, или продукта, а не человека как работника, поскольку донация яйцеклеток воспринимается, как обмен продуктом, а не как отношения найма работника [4]. Из этого можно видеть, что в каждом из этих двух случаев происходит значительное смещение «центрального» в биологическом материнстве, высокая оценка значимости того, что делает сама социальная мать, и низведение второго элемента к уровню служебных, рыночных услуг [1].

Отношение к институту суррогатного материнства в различных государствах не является одинаковым. Суррогатное материнство, в т. ч. коммерческое, законодательно разрешено в США, Южно-Африканской республике, Украине. Некоммерческое суррогатное материнство разрешено в Австралии, Великобритании, Дании, Израиле, Испании, Канаде, Нидерландах. Суррогатное материнство запрещено в Австрии, Германии, Норвегии, Швеции, в отдельных штатах США, Франции. Никак не регулируется законом, но имеет место в Бельгии, Греции, Ирландии, Финляндии. Россия относится к числу стран, где суррогатное материнство, в т. ч. и коммерческое, законодательно разрешено [3].

Для того чтобы определить, как суррогатное материнство видится в обществе, нами был использован метод глубинного интервью. Этот метод предполагает более интенсивное и детальное интервью, предназначенное для выяснения неизвестных переменных, глубоких пластов более широкого социально-психологического контекста, недоступных при

стандартизированном интервью. В ходе исследовательской деятельности мы провели интервью с кандидатом психологических наук, директором некоммерческого партнёрства Межведомственная социальная помощь детям и молодёжи (далее НП МСПДМ) «Восхождение» Викуловым А. В.; психологом и руководителем проекта «Счастливое родительство» Малышевой Е. С.; психологом Васюковой Ю. И.; кандидатом филологических наук, преподавателем воскресной школы Череповецкого Архиерейского подворья, Соловьёвой Е. Е.; директором «Городского центра медицинской профилактики» Шашкиной И. И. и протоиреем и настоятелем Череповецкого Архиерейского подворья Валерием Беловым. У представителей репродуктивной медицины нам не удалось взять интервью. При обращении к ним был получен ответ, что в городе не было зафиксировано подобных случаев. Однако, был прецедент, когда врач неонатологического отделения отказалась комментировать предложенную тему, ссылаясь на этический аспект.

Негативное отношение к суррогатному материнству высказали протоирей Валерий, Соловьёва Е. Е. и Васюкова Ю. И. Отец Валерий придерживается официальной позиции церкви, описанной в её социальной концепции. Он указывает на то, что при применении данного метода явно прослеживаются негативные последствия и что никакие ВРТ не принесут ничего положительного для человека. По его мнению, следует придерживаться духовных ориентиров и пытаться через обращение к Богу, религии получить ребёнка. Второе положение в отношении церкви к суррогатному материнству заключается в том, что человек не понимает, что в дальнейшем его ждёт, какие последствия, как будет человек развиваться на генном уровне, как будет формироваться его характер, какие отклонения будут. По мнению отца Валерия «...иногда человеку и не полезно иметь детей». В качестве негативных последствий протоирей отмечает то, что нарушается естественный ход истории. В результате подобного развития репродуктивных технологий теряется ценность рождения, создания новой жизни.

Такой же точки зрения придерживается Е. Е. Соловьёва. Она считает что, «суррогатное материнство с нравственной точки зрения – дело очень рискованное. Со светской точки зрения женщина свободна принимать любые решения, особенно о своём теле». По мнению преподавателя, на это может пойти только неверующая женщина. Суррогатная мать может делать вид, что это не её младенец, но она всё равно прислушивается к себе, когда он шевелился, какие у неё там ощущения – всё равно испытывает связь с младенцем. Е. Е. Соловьёва считает, что существует множество негативных последствий от применения суррогатного материнства. В первую очередь, младенец, разлученный с матерью, испытывает тяжелейшую психологическую травму, его мозг никогда не будет развиваться так, как он должен развиваться, т. е. он заведомо обречен на недоразвитие. Опытный педагог высказывает предположение, что в основном суррогатное материнство нужно людям для статуса. И для суррогатной матери останется след. При этом и общество не останется в стороне. В первую очередь происходит разрушение семьи. Также можно выделить разрушение ответственности отношений между супругами.

К числу высказывающих отрицательное отношение относится Ю. И. Васюкова. Однако, она делает упор на возникновение психологических проблем у всех участников программы. Она считает, что если рассматривать это с точки зрения психологических последствий, то для обеих женщин и ребёнка нет ничего благоприятного. Если это касается ребёнка, то уже в утробе матери он испытывает отторжение на уровне принятия, потому что суррогатная мама настраивается на то, что она с этим ребенком не будет. «Все чувства они окрашены биохимически – и то, что переживает мать, переживает ребенок внутри матери. Соответственно

в утробе матери он уже не нужен. В отношении последствий для общества психолог говорит о нравственных аспектах: «Использование тела женщины как инструмента для рождения ребёнка, я не вижу в этом духовности». Однако Ю. И. Васюкова в ходе беседы отметила, что есть и ряд положительных моментов. Например, она допускает приемлемость этого явления, объясняя это тем, что всё новое отторгается. Она считает, что биологические родители готовы принять этого ребёнка, они чувствуют и ждут его.

Лояльной и направленной к положительному полюсу точки зрения придерживаются И. И. Шашкина, Е. С. Малышева и А. В. Викулов. Малышева определяет суррогатное материнство, как один из способов решения проблемы бесплодия и вполне допускает возможность его применения. «Это некоторое средство, и притом, что это средство доступно далеко не всем». Она подчёркивает, что применение суррогатного материнства не будет иметь катастрофических последствий для человечества. Она считает, что нужно готовить генетических родителей ребёнка и помогать ребёнку адаптироваться. Вместе с тем, Малышева отмечает, что можно подготовить и суррогатную мать, чтобы у неё не возникло никакой травмы.

Двоякое отношение к теме суррогатного материнства отмечает И. И. Шашкина. Она выделяет положительную сторону в том, что суррогатное материнство помогает женщинам, которые не имеют другой возможности стать матерью. С другой стороны, исходя из информации, сейчас это довольно коммерциализированный и криминализированный процесс. Однако она считает, что для многих семей это единственный выход. При этом она оправдывает биологических родителей тем, что «каждый хочет видеть продолжение своё, и знакомые черты...» В то же время И. И. Шашкина не отрицает наличия негативных последствий, которые могут возникнуть. Она считает, что суррогатная мать получает психологическую травму.

Также допускает наличие такой ВРТ в современном обществе А. В. Викулов. Он говорит о том, что это явление новое и достаточно массовое, но являющееся отражением реальности сегодняшнего дня. Сейчас ухудшается репродуктивное здоровье, как у мужчин, так и у женщин. Коммерция пришла в область детопроизводства. Люди не хотят брать детей на усыновление, под опеку из детских домов, они хотят своего ребёнка в счёт определённых убеждений. К положительным он относит то, что люди, которые хотят иметь ребёнка со своей генотипической программой, имеют возможность это желание удовлетворить через здоровых партнёров. К отрицательным – возможные психологические травмы для ребёнка. В отношении суррогатной матери А. В. Викулов предполагает, что подготовить её к тому, чтобы отдать ребёнка возможно. «Если её к этому не готовить, то возможно у неё будет травма и посттравматическое стрессовое расстройство. Нужно уважать права всех сторон, и ребёнка, и суррогатной матери. При этом психолог не исключает, что обращение к суррогатному материнству для богатых может быть модой. Он считает, что и генетическую мать, и суррогатную вполне можно назвать матерью ребёнка.

Таким образом, можно сделать вывод, что суррогатное материнство на данный момент в большей мере воспринимается как часть реальности. Верующие люди выказывают негативное отношение к данному явлению, однако принять людей, непосредственно с ним связанных могут. Среди последствий следует выделить два направления: с точки зрения демографии – это увеличение населения, а с точки зрения морали – коммерциализация области «деторождения».

Литература

- 1 Грицай Л. А. «Кризис традиционного материнства в современной России: социально-психологический аспект» // СОЦИС. 2010. № 3.
- 2 Гурко Т. А. Феномен современного отцовства // Мужчина и женщина: меняющиеся роли и образы. Мат-лы междунар. научн. конф. Т. 1. М.: Институт этнологии и антропологии, 1999.
- 3 Пересада О. А., Лебедев А. В. Вспомогательные репродуктивные технологии: этические и юридические проблемы // Журнал «Медицинские новости» (Белоруссия). 2005. № 6.
- 4 Сергеев Ю. Д., Павлова Ю. В. Проблемы правового регулирования применения методов вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинское право. 2006. № 3.

Л. Д. Козырева

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА

КОЗЫРЕВА Лариса Дмитриевна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальной работы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: ldkozyreva@gmail.com.

В современной социологии совершенно очевиден интерес к качественным методам исследования. Одним из таких методов, который в настоящее время получил новую жизнь, является биографический метод.

Теоретическая и практическая ценность данного метода состоит в том, что биография как жизнеописание – интереснейший социальный феномен, являющийся источником ценной информации о развитии как отдельного индивида, так и общества в целом. Как считают специалисты, первые биографии появляются при переходе от традиционного общества к обществу модерна (современному обществу). Именно в это время становится очевидной непредзаданность, нерешённость, проблематичность жизненного пути отдельного человека, уже не предопределённого происхождением и статусом родителей (рода, семьи).

Однако на протяжении XX в. происходит формализация социальных, «внешних» аспектов биографии. В частности, она принимает вид типовой схемы социализационного процесса как такового и фиксируется в форме анкетного листка, послужного списка, истории болезни и т. п. Версии жизненного пути и сами принципы их построения умножаются по мере дифференциации институтов и групп общества, относительно которых определяется и определяет себя сам индивид. Ценностные и нормативные компоненты биографического образца расходятся, первые — предельно универсализируясь и «опустошаясь», вторые — локализуясь на определённых социальных и культурных уровнях, в заданных перспективах [5, с. 103].

Изучение биографий позволяет показать уникальность жизненных траекторий, уровень рационализации индивидуальных действий и поступков, способность к рефлексии и саморефлексии, идентификации и самоидентификации индивидов. Всё это объясняет интерес исследователей к изучению биографий. Именно поэтому в середине 90-х гг. была создана исследовательская сеть «Биографические перспективы европейских сообществ» Европейской

Социологической Ассоциации, объединяющая европейских социологов, которые изучают жизненные истории и биографии [4, с. 551].

Особую актуальность приобретает изучение биографий в современных условиях. В России начался, по утверждению Е. А. Здравомысловой, настоящий «биографический бум» [4, с. 552].

Биографический метод – один из первых научных методов, появившихся в социологической науке. Его истоки коренятся в классической социологии – в рамках интерпретативного (интеракционистского) подхода [2, с. 64]. У. Томас и Ф. Знанецки, считающиеся основателями метода, полагали, что социальные процессы нужно рассматривать как результат постоянного взаимодействия сознания личности и объективной социальной реальности.

Методологической основой биографического метода в его классическом варианте выступили символический интеракционизм (А. Шюц, Г. Блумер и др.) и этнометодология (Г. Гарфинкель), согласно которым за любым социальным взаимодействием стоит постоянное осознание и осмысление людьми их повседневной жизни. Как свидетельствует практика, биографический метод в его классическом варианте и последующих модификациях был весьма продуктивен при исследовании жизненного пути, историй жизни, историй случая и т. д. К примеру, плодотворным для социологических исследований является подход Ю. Хабермаса, трактующего биографическое письмо как коммуникативную ситуацию, в которой субъект повествует другому или другим о событиях своей жизни в контексте собственного жизненного мира [3, с. 48].

В современной социологической теории большие возможности для изучения биографий предоставляет концепция индивидуализации (Н. Элиас, З. Бауман, У. Бек, П. Бергер) [6, с. 26]. В рамках данного методологического подхода под биографией понимается последовательность ключевых «станций», на которых определяются направления, важные как для индивида, так и для общества [1, с. 14].

Петер Бергер утверждает, что в современном обществе происходит плюрализация и индивидуализация стилей жизни, жизненных путей и обстоятельств. Индивидуализация – структурный феномен, принимающий самые разные формы и протекающий с разной интенсивностью у каждого отдельного члена общества. В этом смысле можно говорить о стандартизации и дестандартизации моделей биографий. Стандартизация предполагает существование в обществе «типичных», «обязательных» для всех его членов моментов смены статуса. Дестандартизация означает то, что всё меньшее число людей меняют свой статус (например, начинают трудовую деятельность после окончания профессионального обучения), в один и тот же ограниченный возрастной период.

По мнению Бергера, в современном обществе происходит переход от жёстко институционализированных биографических моделей, характерных для индустриального общества, к более гибким, индивидуализированным, характерным для переходного этапа к постиндустриальному обществу. Метафорически этот процесс он описывает как переход биографий от «железнодорожной модели» к «автомобильной модели».

В «железнодорожной модели» биографии существуют заданные остановки для посадки, пересадки, выхода, кроме того, заданы путь следования и скорость передвижения, действует фиксированное расписание, и выходить во время движения по понятным причинам запрещено. «Автомобильная модель» предоставляет большую гибкость в отношении выбора

времени отправления, пути следования, скорости передвижения, позволяет делать перерывы и двигаться в объезд, выбирая более привлекательные ландшафты [1, с. 20].

Для социолога такой подход имеет очень важное значение, особенно при исследовании проблем социального неравенства и социальной структуры общества. Как подчёркивает П. Бергер, классы и слои всё больше теряют характер социально интегрированных групп, обладающих разделяемой всеми их членами идентичностью; принадлежность, определяемая социологами «извне», всё реже совпадает с самовосприятием «изнутри».

Совершенно очевидно, что дестандартизованные биографии («автомобильная модель») более сложны для исследования. Они требуют от социолога прежде всего использования качественных методов изучения биографии, более тонкого инструментария, способного отразить всё многообразие конкретной жизни.

Кроме того, индивидуализация и дестандартизация биографий создают дополнительные сложности в процессе социального планирования и прогнозирования развития социальных процессов. Уже сегодня возникают дополнительные сложности бюджетирования, когда речь идёт о материнском капитале, полагающемся российским женщинам после рождения второго и последующего ребёнка. Браки постепенно «стареют» (увеличивается возраст вступления в первый брак), увеличивается возраст женщины, рожаящей второго ребёнка. Дестандартизация биографии очень отчётливо проявляется при выходе человека на пенсию: одни выходят на пенсию в предусмотренном законодательством возрасте, другие – продолжают трудиться довольно длительное время. Возрастной диапазон в этом случае может составлять иногда два десятилетия и больше.

Таким образом, изучение биографий, являющихся источником ценной социологической информации, – весьма интересная и плодотворная область социологических исследований.

Литература

- 1 Бергер П. Индивидуализация и изменение значения социальных неравенств /Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива. СПб.: Алетейя, 2008.
- 2 Девятко И. Ф. Методы социологического исследования: учеб.пособие. М.: Книж. дом «Университет», 2009.
- 3 Дивисенко К. С. (Авто) биографический нарратив как коммуникативное действие и презентация жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 1.
- 4 Дмитриева А. Биографические исследования как социальная практика //Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 4.
- 5 Дубин Б. В. Обращённый взгляд /Слово – письмо – литература. Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛО, 2001.
- 6 Козырева Л. Д. Новые методологические подходы к исследованию проблем семьи / Россия и Швеция; трансформация семьи в современном мире. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2011.

Ю. Ф. Косинцева
УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

КОСИНЦЕВА Ю. Ф. – кандидат технических наук, доцент кафедры социальных технологий Института образования и социальных наук Северо-Кавказского Федерального университета.
E-mail: ju.f.kosintseva@yandex.ru.

Отсутствие достоверной социологической информации о качестве жизни населения, социальном самочувствии и приоритетах жизнедеятельности в оценке социальных субъектов, не позволяет принимать эффективные и адекватные социально-культурной, социально-экономической ситуации решения по развитию региона, неопределёнными оказываются и общепринятые детерминанты качества жизни. Одной из важнейших задач исследования «Мониторинг качества жизни населения Ставропольского края» стала оценка качества жизни населением региона, определение проблемных зон региональной социальной системы и уровней удовлетворённости социальных субъектов детерминантами качества жизни.

В комплексном исследовании была использована стратифицированная, многоступенчатая выборка, сформированная по кластерному принципу. Ядром кластера являлся административный центр муниципального образования (крупнейшее поселение района) или группа поселений (если равновеликих поселений несколько). Поиск респондентов осуществлялся маршрутным методом, на последнем этапе отбор производился случайным образом, опрос проводился с использованием апробированного инструментария [3]. В исследовании принимали участие 3000 респондентов, постоянно проживающих в сельской местности – 49% – и городских поселениях – 28%. Возрастно-половой состав соответствует генеральной совокупности: представлены все возраста, имеется некоторое превышение числа женщин и представителей старших возрастов.

Социальная инфраструктура края в целом по краю достаточно развита: основные объекты расположены в шаговой и пешеходной доступности. Среди перспективных направлений развития края отмечены сельское хозяйство – 64% ответов, здравоохранение – 57%, образование – 28%. Приоритетным в развитии социальной сферы является повышение оплаты труда работников – 68%, повышение их компетентности и профессионализма – 33%, увеличение числа учреждений – 28%.

Выяснено, что население края экономически активно. В сельском хозяйстве работает 23%, в торговле, общественном питании, образовании и науке – по 9%, на транспорте – 7%. Большая часть респондентов – представители рабочих профессий – 41%, затем служащие и специалисты – 34%, индивидуальные предприниматели – 9%. удовлетворённость работой в среднем составляет $J_{\text{удовл. работой}} = 0,315$ ($J_{\text{max}} = 1$).

Основными источниками дохода семей респондентов являются интегрально доход на основном месте работы, пенсии и пособия по безработице, затем выращивание сельхозпродукции. 10% наёмных работников в регионе имели одно дополнительное оплачиваемое место, 2% работали на двух дополнительных работах, 4% отказались ответить.

Важнейшими трудовыми ценностями работающих респондентов являются: надёжность места работы ($J_{\text{важности}} = 0,42$), хороший заработок (0,41); хорошие условия труда и хорошие товарищи на работе – по 0,34. Удовлетворены режимом работы 40%, организацией работы на рабочем месте 42% и в целом в организации/на предприятии 38%, системой информирования

– 40%, санитарно-бытовыми условиями на работе – 37%. 2% респондентов констатировали плохое состояние оборудования и несоблюдение требований техники безопасности. Оплата труда более всего зависит от исполнительности и дисциплинированности ($J_{\text{зависимости}} = 0,452$), менее всего от связей и знакомств (0,245). Зависимость «оплата труда – креативность работника» в ответах респондентов не выявлена.

Анализ ответов о качестве организации жизнедеятельности показал, что респонденты не удовлетворены развитием экономики и социальных институтов в стране. Уровень удовлетворённости весьма низок и не превышает величины 0,385. Удовлетворённость (в среднем по краю) составляет: $J_{\text{развитием экономики страны}} = 0,11$; $J_{\text{развитием сельского хозяйства страны}} = 0,08$; $J_{\text{развитием системы общ. образования}} = 0,125$; $J_{\text{развитием системы проф. образования}} = 0,12$; $J_{\text{системой соц.защиты}} = 0,21$; $J_{\text{развитием системы здравоохранения страны}} = 0,125$; $J_{\text{развитием культуры в стране}} = 0,185$; $J_{\text{деятельностью Правительства РФ}} = 0,145$; $J_{\text{деятельностью Правительства края}} = 0,125$; $J_{\text{деятельностью муниципал. органов власти}} = 0,14$; $J_{\text{доступностью информации}} = 0,385$.

Оценка социально-политических условий и демократичности жизни местного сообщества выявила дебаланс ограничений и свобод: с одной стороны, большинство считает, что полностью свободно в выборе своего жизненного пути (60%), контроле над собственной жизнью, в выборе религии, свободы путешествовать, говорить то, что думает (по 50%). С другой – не могут влиять на органы исполнительной власти (93,9% на федеральные и 92,1% на местные), боятся незаконного ареста 81%. В итоге интегральная оценка социально-политических условий жизни и демократичности в оценке респондентов составила $J_{\text{интегрально}} = 0,350$.

Социальная структура региона формируется социальными нормами и ценностями институтов семьи (47%), отечества / государства (32%), традициями местного сообщества (17%). Трудовые коллективы утратили свою значимость. Социальное пространство муниципальных образований края сформировано социальными субъектами, половина которых не доверяет людям. Степень доверия персонам, социальным институтам, политическим деятелям распределились следующим образом: доверяют безусловно только себе самому ($J_{\text{доверия}} = 0,81$), затем по рангу церкви, священникам – 0,426, армии – 0,42, Президенту страны – 0,36, и медицинским работникам – 0,353.

Интересными здесь представляются оценки удовлетворённости респондентов отдельными аспектами категории «качество жизни». Относительно высока удовлетворённость населения подачей электричества в жилые помещения ($J_{\text{удовл. интегрально}} = 0,7$), своим жильём (0,58), своим образованием (0,57), климатом (0,57). Ниже удовлетворённость своим основным занятием (0,48), условиями труда (0,44). Ниже всего удовлетворённость личным доходом (0,19) и финансовым положением своей семьи (0,17).

Респонденты считают, что улучшение жизни полностью зависит от них самих, более зависит от Президента страны, органов исполнительной власти, губернатора края, мало зависит от ближайшего социального окружения или трудового коллектива. Наибольшую тревогу вызывают проблемы, связанные с неудовлетворительным медицинским обслуживанием (40% ответов), отсутствием работы или опасением её потерять (30%), обогащением меньшинства за счёт большинства (27%), коррупцией и произволом чиновников (25%).

В целом исследование показало, что детерминанты качества жизни населения определены социальным пространством территории проживания. Эффективность социально-управленческих трансформаций в регионе определяется характером воздействия на условия жизнедеятельности социальных субъектов, качество жизни населения соответствующего

территориального образования. Актуализировано формирование эффективной системы оплаты труда, повышение уровня заработной платы, анализ вопросов ценообразования, решение вопросов организации качественного медицинского обслуживания, развития и эффективного использования интеллектуального потенциала населения. В контексте особенностей местного сообщества эффективным вероятно является повышение качества жизни населения за счёт поддержки домохозяйств, восстановления / формирования системы их кооперации по приоритетным направлениям развития, расширение деятельности местной промышленности, важно и создание / поддержка системы небольших социально-лечебных учреждений, работающих в поселениях.

Литература

- 1 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537).
- 2 Указ Президента РФ от 07 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

Косинцева Ю. Ф. Качество жизни населения региона (опыт пилотного социологического исследования) // Материалы IV Международной социологической конференции «Продолжая Грушина», 27–28 февраля 2014 г., Москва. Ч. 1, секция «Социальный мониторинг». С. 379–380.

В. А. Костин, С. В. Климан

ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ РОЛИ КОРПОРАТИВНОГО УНИВЕРСИТЕТА КРУПНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В СИСТЕМЕ КОРПОРАТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

КОСТИН Валентин Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры теории и социологии управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы Уральского института управления. E-mail: valentin.kostin@uara.ru.

КЛИМАН Светлана Владимировна – аспирант кафедры теории и социологии управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы Уральского института управления. E-mail: kliman.swetlana@yandex.ru.

Экономика, основанная на знаниях, приходящая на смену экономике промышленного общества, требует создания адекватных систем корпоративного образования. Для крупных промышленных предприятий первостепенное значение приобретает профессиональная подготовка персонала в соответствии с требованиями её внешней и внутренней среды. Способность и готовность руководства и сотрудников компании формировать и развивать специфические (инновационные) компетенции быстрее конкурентов является ключевым фактором, обеспечивающим конкурентоспособность корпорации.

Социологическое исследование, посвящённое изучению ключевых проблем реализации инновационной кадровой политики корпорации «Уралвагонзавод», проведено в октябре–ноябре 2014 г. Одна из задач исследования – оценка роли корпоративного университета в воспроизводстве существующих общих компетенций и формировании необходимых инновационных корпоративных компетенций персонала предприятия. Метод сбора первичной

социологической информации – личные полуформализованные интервью. Категория респондентов – внутриорганизационные эксперты, обладающие уникальным знанием о необходимом корпоративном компетентностном наборе руководителей и специалистов Уралвагонзавода. Количество интервью: 15, определяется информационным «насыщением» изучаемых показателей.

Выбор экспертов обусловлен:

- 1 Информированностью и включённостью в деятельность корпоративного университета УВЗ;
- 2 Наличием сформированного экспертного мнения по проблемам инновационной политики корпорации.

Исследование посвящено изучению корпоративных аспектов инновационной кадровой политики крупного промышленного предприятия, поэтому были привлечены только внутренние эксперты. Поскольку количество экспертов внутри предприятия численно ограничено, отбор экспертов осуществлялся не по количественным, а по качественным характеристикам. Методика проведения полуформализованного интервью определяет и его качественную сущность, направленную на выявление спектра смысловых типологий.

Большая часть экспертов затруднилась дать оценку общей деятельности Корпоративного университета (далее – КУ). Это обусловлено широким спектром их деятельности, сферой непосредственных компетенций. Однако от экспертов, непосредственно связанных с Корпоративным университетом, удалось получить глубокую и содержательную информацию.

Общие оценки экспертами деятельности КУ можно представить в четырёх вариантах.

- 1 КУ оценивается как данность – *«он есть, работает, что-то там происходит», «нормально работает».*
- 2 Оценка КУ сводится к недостаточно раскрытому потенциалу – *«КУ работает только 40–50% своих потенциальных возможностей».*
- 3 КУ – достаточно закрытое образование, имеет место дефицит информации о нём.
- 4 КУ – площадка для сетевого взаимодействия с партнёрами.

Последний вариант понимания сущности деятельности КУ по своему значению является наиболее релевантным относительно современной ситуации. В настоящее время в рамках образовательного пространства осуществляется переход от прямого обучения (передачи знаний) к прямому сетевому взаимодействию (образовательная организация – бизнес – научные центры и т. п. В условиях специфики функционирования КУ УВЗ, включающего в себя взаимодействие с большим количеством вузов и организаций СПО, подобная миссия КУ должна быть лидирующей, но в актуальных условиях зрелость сетевого понимания является недостаточно развитой.

Несмотря на недостаточно высокую общую оценку деятельности КУ, острых негативных оценок эксперты не высказывали.

Задачи деятельности КУ эксперты понимают более чётко, поскольку в рамках своей профессиональной деятельности они видят производные от его работы. Названные экспертами задачи можно классифицировать следующим образом:

- 1 Обучающий спектр задач связан с обучением и повышением квалификации персонала УВЗ, преодолением «кадрового голода». Эксперты подчёркивали наличие образовательных программ и отдельных модулей для разных категорий сотрудников: от рабочих кадров – до высшего менеджмента корпорации.
- 2 Научно-исследовательские задачи предполагают мероприятия, связанные с сотрудничеством с вузами, реализацией НИОКР. Несмотря на достаточную представленность подобного понимания миссии КУ, многие эксперты выразили озабоченность недостаточным количеством НИОКРов, отсутствием эффективного взаимодействия с вузами. По мнению экспертов, некоторые составляющие научной деятельности КУ требует внимания и развития именно с позиций сетевого взаимодействия (корпорация УВЗ – вузы – государство).
- 3 Реализация инновационной политики. Значимая часть экспертов, независимо от тесноты профессионального взаимодействия с КУ, указала на большой инновационный потенциал университета. В суждениях экспертов, указавших на высокий инновационный потенциал КУ, важной составляющей является формирование для обучающихся особой образовательной среды, чтобы по выходу из неё (окончанию КУ) они имели возможность эффективно внедрять инновационные разработки в производственный и управленческий процесс. В данном случае речь идёт об обучении инновациям в рамках КУ, о *«трансляции научных достижений и новых технологий в широкие массы»*. Таким образом, реализация инновационной кадровой политики через деятельность КУ представляет собой значимый ресурс развития общего потенциала предприятия.

Эксперты обозначили, что, несомненно, сотрудники, проходящие обучение в КУ, получают набор компетенций. На основании проанализированных экспертных оценок выделились две группы общих компетенций – управленческие и технологические, а также отдельные частные компетенции, реализуемые через конкретные образовательные модули: экономические, финансовые, и компетенции, касающиеся создания чего-то нового.

Эксперты считают, что КУ транслирует специфические корпоративные компетенции, но никто из них не смог чётко сформулировать их сущность. Значит, существует «запрос» на разработку спектра специфических корпоративных компетенций.

Эксперты продемонстрировали достаточно сформированное мнение по проблемам работы Корпоративного университета УВЗ, которые можно классифицировать по содержанию и степени выраженности:

1. Мотивационные проблемы персонала (мотивация слушателей КУ):

- недостаточное понимание необходимости подобного обучения;
- недостаточный уровень эффективности обучения;
- не сформировано «личное желание» обучаться.

Значительная доля экспертов считает главной проблемой низкую заинтересованность персонала в обучении. Речь скорее идёт не о нежелании учиться и приобретать новые компетенции, а об отсутствии у сотрудников представлений о дальнейшем применении полученных знаний, их востребованности. Экспертами была озвучена идея о необходимости развития системы партнёрского взаимодействия, когда сотрудники не только являются

инертными потребителями образовательных услуг, но и проявляют инициативу, выступают субъектами образовательного пространства. Это и будет практической реализацией как сетевого обучения, так и социального партнёрства между корпорацией и сотрудниками.

2. Проблемы, связанные с публичностью деятельности КУ.

В ней, считают эксперты, недостаёт:

- открытости, гласности;
- информирования о деятельности КУ широкого круга работников;
- тесного сотрудничества КУ с подразделениями корпорации;
- разработки хорошего сайта КУ.

Разработка комплекса мер, направленных на поднятие внутрикорпоративного имиджа КУ, может повлечь за собой и определённые положительные изменения, связанные с повышением заинтересованности персонала корпорации к его работе. Инструментом и, одновременно, площадкой для осуществления многопланового сотрудничества между различными субъектами образовательного пространства может стать сайт КУ, который в настоящее время не соответствует общей стратегии развития КУ и корпорации в целом.

3. Проблемы инновационной деятельности КУ:

- Недостаточная результативность НИОКРов;
- недостаточное использование и внедрение современных технологий, в т. ч. информационных.

С одной стороны, ведущие вузы региона готовы к активному сотрудничеству с предприятиями корпорации, однако с другой стороны, имеет место разнонаправленность целей внешних образовательных организаций и КУ УВЗ. Зачастую вузы заинтересованы скорее в номинальном сотрудничестве, направленном на достижение формальных показателей эффективности собственной деятельности.

4. Организационные проблемы деятельности КУ:

- Отсутствие планирования работы КУ, в т. ч. отсутствие «бизнес-плана» развития университета;
- недостаточное финансирование;
- недостаточное привлечение к работе более широкого круга лекторов-преподавателей.

Н. Б. Костина, Н. Г. Чепрас, Н. А. Скоробогатая
УПРАВЛЕНИЕ ТУРИСТСКОЙ ОТРАСЛЬЮ В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ
НА ОСНОВЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЁРСТВА:
КАЧЕСТВЕННАЯ МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ МНЕНИЙ

КОСТИНА Наталья Борисовна – доктор социологических наук, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

ЧЕПРАС Наталья Георгиевна – кандидат социологических наук, специалист по туризму ООО «Европорт».

СКОРОБОГАЦКАЯ Наталья Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского федерального университета.

В связи с развитием туризма в различных регионах мира, в т. ч. и в России, интерес к поиску путей эффективного управления данной отраслью возрастает со стороны как менеджмента туристских организаций, так и органов государственной власти. Однако существующую систему управления оказанием турслуг нельзя назвать эффективной, поскольку каждая подсистема управления – государство, организации туристской сферы – ориентированы исключительно на свои интересы. Саморегулирующиеся организации, союзы и ассоциации туроператоров и турагентств не хотят брать на себя полную ответственность за действия всех участников производства туристских услуг, государство же не вмешивается в деятельность самоуправляющихся организаций. Следствием отсутствия системности управления является несогласованность действий субъектов в принятии и реализации управленческих решений, снижение качества деятельности всей туристской отрасли и неэффективное выполнение ею социальных функций.

Система управления туризмом – это система деятельности участвующих в туристской деятельности субъектов: органов государственной власти и местного самоуправления, управляющих субъектов на уровне турфирм и ассоциаций, самоменеджмента потребителей. В качестве подсистем управления в туристской отрасли мы выделяем: 1) внешнее управление, представленное государственной регламентацией и регулированием отрасли; 2) внутреннее профессиональное управление и самоменеджмент на уровне отрасли и туристских предприятий.

В качестве обратной связи для органов государственной власти выступают обращения туристов по вопросам несоответствия качества предоставляемых услуг, предложения ассоциаций и союзов субъектов туристской деятельности по усовершенствованию регулирования отрасли и проведению совместных с органами власти мероприятий.

С целью выявления проблем системы управления туристской отраслью в Уральском регионе нами в 2013–2014 гг. было проведено эмпирическое исследование методом экспертного интервью руководителей туристских компаний Свердловской области и Пермского края (опрошено 20 экспертов), методом анализа оценок туристов на сайтах туристских компаний. Представим полученные выводы в обобщённом виде.

Факторы положительной динамики развития туризма – удобное географическое расположение Уральского региона, наличие развитой транспортной инфраструктуры, активность населения в потреблении туристских услуг, объясняющаяся, среди прочего, относительной благополучностью региона. Основные сдерживающие факторы, по мнению экспертов: неразвитая туристская инфраструктура: недостаток комфортабельного транспорта, неудовлетворительное состояние дорог, недостаточное количество предприятий общественного питания и качество их работы, придорожного сервиса, средств развлечения на туристских маршрутах; неудовлетворительное состояние объектов историко-культурного и природного наследия; несоответствующая требованиям и ожиданиям туристов квалификация персонала сферы туризма и гостеприимства, недостаточный уровень развития сферы

дополнительных услуг; низкая конкурентоспособность туристского продукта, произведённого в Свердловской области и Пермском крае, по соотношению цены и качества.

Проблемы, которые необходимо решать управляющей подсистеме туристской отрасли:

- 1 антикризисная поддержка продемонстрировала свою неэффективность в период социально-экономического кризиса 2008–2009 гг. («Возникшие сложности мы решали самостоятельно. В СМИ звучали противоречивые прогнозы развития ситуации, в итоге нам пришлось снизить объём блочных мест, обратиться за займом в банк и сократить рабочий день, чтобы избежать увольнения сотрудников»). Судя по всему, ситуация настоящего времени во многом повторяет предыдущий кризис;
- 2 механизм финансового обеспечения на практике реализуется, однако при банкротстве туристских компаний указанных гарантий оказывается недостаточно для покрытия всех задолженностей банкрота;
- 3 аттестация гидов и экскурсоводов распространяется на внутренний и въездной туризм, при том что основная доля туристов – выезжающие за рубеж. Однако никаких обязательств для туроператоров по отбору своих зарубежных партнёров (принимающей стороны) нет;
- 4 реализуются требования к организации перевозки детских групп, но квалификация руководителя оценивается оператором на добровольной основе;
- 5 ограниченность бюджетного финансирования развития внутреннего и въездного туризма в РФ, преобладание целевого финансирования под конкретные объекты.

Производители туристских услуг высказались скептически о сотрудничестве с органами власти. Опыт взаимодействия с органами государственной власти, по мнению двух третей экспертов, ограничивается преимущественно выставочной деятельностью и участием в тендерах на предоставление туристских услуг, что явно недостаточно для осуществления системы управления, основанной на партнёрстве.

О развитии самоуправления в отрасли и его роли также звучат сдержанные оценки. Такие же выводы сделаны нами и на основании анализа оценок и мнений, содержащихся на сайтах туристских фирм и организаций гостеприимства. Так, часть опрошенных нами туроператоров и турагентов входит в Уральскую Ассоциацию Туризма в целях получения консультационных услуг в сфере туризма, обеспечения защиты своих прав и представления интересов в органах власти. При этом эксперты отмечают, что «на практике члены Ассоциации могут только анализировать события на туристском рынке, но не повлиять на него (например, вопрос о необходимости страхования каждой путевки (на случай банкротства) так в Государственную Думу и не прошёл, хотя об этом говорят все ассоциации туризма)». Следовательно, деятельность союзов и ассоциаций не влияет на формирование национальной и региональной туристской политики. Это свидетельствует об отсутствии действенных рычагов взаимодействия производителей туристских услуг с органами власти.

Важной проблемой эксперты считают появление на рынке недобросовестных фирм, оградить от которых себя, партнёров и клиентов субъекты туристского бизнеса самостоятельно не могут. Существующие в регионе саморегулируемые организации в туристской отрасли (ассоциации, союзы), как показывает, по мнению экспертов, практика, не в состоянии без поддержки органов власти решить характерные для отрасли проблемы. Это свидетельствует о

преждевременности перехода к децентрализованной системе управления по причине неготовности субъектов туристского бизнеса осуществлять регулирование в отрасли.

Помимо самоорганизации на отраслевом уровне, экспертами была отмечена необходимость самоорганизации на уровне отдельной компании. Представители туристского бизнеса признают огромное значение управленческих навыков у руководителей при выборе направлений работы и принятии решений. Факт недостаточного развития самоорганизации подтверждается оценками со стороны туристов ситуаций, когда при возникающих в поездках проблемах они оказываются без помощи и поддержки, а часто, что называется, «брошенными на произвол судьбы».

В процессе опроса выяснилось, что не все эксперты знают о возможности сотрудничества с органами власти, либо не видят смысла в этом сотрудничестве, подчёркивая, что с проблемами в рамках своего предприятия могут справиться самостоятельно, «лишь бы не мешали». Это свидетельствует о недостаточной профессиональной подготовке управленцев в туризме и непонимании комплексности сферы предоставления туристских услуг, взаимозависимости всех её составных компонентов внутренней и внешней среды. Это, безусловно, негативно сказывается на качестве оказания услуг туристам, приводит к формированию негативного имиджа как турорганизаций, так и органов власти, в чьи полномочия входит регулирование этой отрасли.

Взаимодействие с потребителем видится экспертам в рамках предложения и реализации туристского продукта, мониторинга впечатлений потребителей от поездки. Услугой создания тура под запрос, по подсчёту экспертов, пользуется примерно 30–40% туристов. Важность регулярного взаимодействия с туристом подчёркивается практически всеми экспертами.

Таким образом, перспективы социального партнёрства как основы функционирования системы управления в туристской отрасли Пермского края и Свердловской области, по нашему мнению, можно охарактеризовать как перспективный взаимовыгодный альянс между государством и бизнесом в целях реализации совместных проектов.

Эмпирическое исследование системы управления в туризме позволило сделать вывод о том, что в настоящее время органами власти система управления туризмом не базируется на социальном партнёрстве, что существенно снижает её эффективность и стимулирует воспроизводство функционирующей фрагментарной системы управления в туризме.

Ю. А. Кострова
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ
В ИССЛЕДОВАНИИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

КОСТРОВА Ю. А. – старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы Самарского государственного университета. E-mail: kostrovaju@mail.ru.

Процессы трансформации современного российского социума, сопровождающие формирование и развитие в России гражданского общества, до предела обнажили и обострили многие социальные проблемы. Сложившиеся условия, с одной стороны, не оставляли возможности молодой семье воспроизводить традиционные практики успешной

жизнедеятельности, а с другой стороны, существующие адаптационные возможности большинства семей обнаружили крайнее несоответствие масштабам и скорости проведения реформ. Кризисный характер адаптации молодых семей к новым социальным условиям обусловил необходимость их активной социальной поддержки. Повышенное внимание к социальным проблемам на практике, в свою очередь, привело к значительному подъёму исследовательского интереса в области теоретического анализа социальной политики, в т. ч. и в рамках социологии.

Условно можно выделить два этапа в развитии социологических исследований молодой семьи в контексте социальной политики трансформирующегося российского социума, каждому из которых присущи свои особенности, в т. ч. и в области методологии исследований.

На начальном этапе тема социальной политики в отношении молодой семьи не являлась самостоятельной, а была включена в более общую тему «семья и социальная политика». При этом повышенное внимание уделялось анализу социальной политики в отношении семей, классифицируемых по критерию социального риска. Молодая семья автоматически причислялась к тому или иному виду в рамках данной типологии. Отсюда – рассмотрение молодой семьи в контексте социальной политики трансформирующегося социума исключительно в терминах зависимости, некомпетентности, неблагополучия.

Среди других, не менее важных характеристик исследований молодой семьи в контексте социальной политики трансформирующегося социума на данном этапе их развития, отметим следующие:

- 1 Молодая семья рассматривалась в качестве пассивного реципиента правил и норм, формируемых социальной политикой, определяющей границы действия молодой семьи.
- 2 Преобладали макроисследования социальной политики в отношении молодой семьи, поэтому достаточным основанием для получения достоверных устойчивых знаний признавались лишь построение репрезентативной выборки и строго систематизированные и стандартизированные количественные методы. Формализованные же методы исследования в определённой степени ограничивают свободу информанта в организации своего восприятия и осмысления внешнего и внутреннего мира рамками типичного и объективного. Кроме того, в ситуации трансформации российского социума нередко именно единичные успешные случаи адаптации молодой семьи к новым условиям, изначально не имевшие статуса объективных закономерностей в развитии молодой семьи в последствии становятся массовыми стратегиями выживания семьи на этапе становления.
- 3 Отмеченное выше доминирование количественного подхода к исследованию молодой семьи в контексте социальной политики трансформирующегося российского общества обуславливало и соответствующие особенности организации исследования: исследователь – субъект знания, реализующий роль эксперта; молодая семья – пассивный объект (носитель информации); цель исследования – сбор сопоставимых «объективных» данных, подтверждающих / опровергающих принятые типологии и закономерности.
- 4 В исследованиях наблюдалась устойчивая тенденция «подмены семьи индивидом», а именно распространение на всю семью результатов опроса одного из её членов,

как правило, супруги. Такая подмена молодой семьи индивидом в социологических исследованиях приводила нередко к серьёзному искажению информации.

Отличительной особенностью второго этапа стало изменение методологических ориентаций социологии социальной политики, произошедшей вслед за сменой доминирующей парадигмы в социологии в целом. Основой нового методологического подхода выступили интерпретационные концепции и качественные методы исследования. В центре внимания оказались не макроструктуры социальной политики, выступающие как нечто «внешнее» по отношению к человеческой деятельности, являющиеся источником, порождающим ограничения свободной инициативы независимого субъекта, но отдельные индивиды, которые воспринимают, мыслят и создают эти структуры, действуя затем на этой основе.

Среди отличительных характеристик второго этапа в развитии социологических исследований молодой семьи в контексте социальной политики отметим следующие:

- 1 Осознание важности изучения многообразия семейных типов, выделяемых по разным критериям, в т. ч. и по этапам, на которых находится развитие семьи. В результате молодая семья всё чаще становится объектом исследования как самостоятельный вид семьи без отнесения к типологии социального риска.
- 2 Социальная политика понимается как процесс согласования условий жизни с потребностями и интересами молодой семьи, свободно выбирающей свой жизненный путь. При этом молодая семья – субъект социальной политики, конструирующий в своей повседневной жизни те нормы и правила, которые затем определяют её действия
- 3 Акцент на анализе не макросистем и структур социальной политики, а механизмов, используемых молодой семьей для создания того социального порядка, той социальной политики, которая имеет место быть.
- 4 Методы исследования молодой семьи в контексте социальной политики преимущественно качественные. Исследователь и информант – субъекты знания; процесс исследования – двусторонний (диалог, дискуссия); цель исследования – тщательное описание и глубинное понимание субъективных смыслов социального поведения.

Резюмируя сказанное, отметим, что формирующийся сегодня новый методологический подход к социологическому исследованию молодой семьи в контексте социальной политики трансформирующегося социума позволит по-новому увидеть процессы, инициирующие те или иные изменения в социокультурной динамике. Вместе с тем, данный подход также не должен выступать в качестве единственного правильного подхода к изучению молодой семьи. Выбор той или иной методологической базы зависит, прежде всего, от целей исследования.

Г. Б. Кошарная

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ТРИАНГУЛЯЦИЯ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВАЛИДНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

КОШАРНАЯ Г. Б. – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии и управления персоналом Пензенского государственного университета. E-mail: kgalina1@yandex.ru.

Для повышения валидности результатов при анализе данных применяется метод триангуляции – комбинирование качественных и количественных методов, приводящее к соединению преимуществ обеих методологий, и как следствие – получению более надёжных данных.

В современной социологии для исследования социальной реальности используется как количественная, так и качественная стратегии, которые существенно различаются по направленности и методам социологического анализа. Количественный подход используется для изучения больших по численности объектов (социальных групп, общностей, большого количества документальных источников), т. е. изучение концентрируется на уровне макроанализа фактов и событий. Целью исследования при этом является измерение взаимосвязей и их причинное объяснение. Количественные методы исследования считаются более достоверными, т. к. дают возможность повторить часть исследований и получить тот же результат, т. е. показать, что существуют закономерности в исследуемых процессах.

Качественный подход применяется, как правило, в исследовании небольших по численности объектов (малых групп или отдельных индивидов) с целью выявления и интерпретации субъективных смыслов и значений. Изучение концентрируется на микроанализе отдельных случаев, состояний социального взаимодействия. Результаты исследования представляются не в виде количественных распределений, а в виде высказываний респондентов. Качественную стратегию используют, как правило, в тех случаях, если цель исследования предусматривает определённое понимание исследуемого феномена, не требующее количественной интерпретации.

Среди российских социологов встречаются сторонники какой-то одной (количественной или качественной) стратегии, что зачастую приводит к одностороннему анализу социальной действительности, т. к. «качественники» часто занимаются только вербальным описанием результатов, а «количественники» анализируют только статистическую информацию. Следует отметить, что в настоящее время в российском социологическом сообществе всё больше утверждается понимание того, что достижение валидности результатов социологического исследования возможно лишь при сочетании «мягких» и «жёстких» методик сбора и анализа данных.

Напомним, что валидность является основной характеристикой качества измерения в социологии. Она отражает степень соответствия измеренного показателя тому, что подлежит измерению. Считается, что информация валидна, если исследователь измеряет именно то свойство изучаемого им объекта, которое и требовалось измерить. Валидность предполагает степень отсутствия в информации теоретических ошибок, т. е. ошибок, связанных с неверностью исходных теоретических посылок при разработке методики исследований.

Эффективным методом повышения валидности результатов качественного исследования является триангуляция – использование разносторонних методов в анализе одних и тех же эмпирических событий. Термин «триангуляция» был заимствован американским социологом Н. Дензином из навигации и геодезии, где он означал технику построения третьей точки на основе двух известных. В книге "Исследовательский акт" Дензин пояснял, что, поскольку каждый метод позволяет открыть различные аспекты реальности, необходимо

использовать различные методы, чтобы дать проявиться этим различным аспектам. Благодаря работам Дензина, термин «триангуляция» стал обозначать необходимость повышения точности изучения социального явления с использованием нескольких методов.

Дензин выделял четыре формы триангуляции: 1) триангуляцию данных, когда в рамках одного исследовательского проекта используются различные типы данных; 2) триангуляцию исследователей, когда в проекте принимает участие несколько исследователей; 3) теоретическую триангуляцию – использование с целью интерпретации данных нескольких подходов; 4) методологическую триангуляцию – использование при изучении какого-либо вопроса множества методов [1].

Однако методологическая триангуляция, состоящая из комбинации трёх и более исследовательских стратегий при изучении одних и тех же эмпирических объектов, по мнению Дензина, всё же недостаточна для социальных обследований, если она не связана с другими "триангуляционными уровнями" (такими как теория, пространство, время, триангуляции исследователей).

В качественном исследовании триангуляция повышает валидность данных путём выявления коллективного мнения относительно одного эмпирического объекта (триангуляции исследователей). В случае выполнения индивидуального проекта необходимо привлечение двух-трёх коллег для обсуждения спорных интерпретаций, чтобы представить единую трактовку отдельного эпизода или повествования в целом. При этом особая тщательность требуется при разработке инструментария качественного эмпирического исследования. Поскольку качественные методы в отличие от количественных содержат в большей мере субъективную составляющую, то при проведении интервью социолог должен быть уверенным, что информант правильно понимает обращённые к нему вопросы.

Использование метода триангуляции предполагает также, что субъективные значения и смыслы повествования необходимо описывать в определённом пространственно-временном контексте (пространственная триангуляция). В связи с этим в случае необходимости следует несколько раз уточнить у информанта, какой смысл имело для него то или иное явление, событие, поступок именно в конкретное время исследования.

Триангуляция данных означает, что одиночные высказывания или субъективное мнение респондента должны быть поддержаны другими источниками информации об объекте (научной литературой, данными других исследований или же сопоставлены с другими данными того же источника информации). При относительно независимом друг от друга сборе и оперировании данными, они сопоставляются друг с другом в завершении каждого исследовательского цикла для проверки полученных выводов и их возможной коррекции [2, с. 193].

Решение вопроса о том, насколько валидной в рамках базисной программы исследования является избранная методика, предполагает обращение к нескольким внешним критериям, в качестве которых могут выступать статистика по изучаемым проблемам, данные, полученные с помощью других методов, экспертные оценки и иная сопутствующая информация по предмету исследования. Существование устойчивой корреляции между полученными с помощью данной методики результатами и внешними критериями служит одним из оснований для признания её валидной.

Следует отметить, что триангуляция обладает большим интегративным потенциалом, возрастающим при циклическом переимежевании количественных и качественных методов. Кроме того, она может приводить также и к открытию парадоксов и противоречий, как в

теоретических построениях, так и в эмпирических выводах, полученных в рамках традиционного количественного подхода.

В настоящее время среди социологов всё больше складывается единое мнение относительно того, что оптимальным решением является взаимодополнение количественного и качественного подходов в социологическом исследовании. Всё большее распространение получает так называемая стратегия триангуляции, используемая в эмпирическом исследовании в различных вариантах.

По мнению социологов, комбинирование качественных и количественных методов приводит к соединению преимуществ обеих методологий, и как следствие – получению более надёжных данных. В результате триангуляции минимизируется неадекватность отдельных методов, что, в итоге, приводит к достижению высокой внутренней надёжности. Именно этот путь представляется наиболее плодотворным при нахождении баланса между качественными и количественными методами.

Безусловно, триангуляцию нельзя рассматривать как панацею от всех бед и для всех социальных исследований. Тем не менее, многие социологи рассматривают её как способ максимизировать сильные стороны и минимизировать слабости каждого отдельного подхода, способствуя углублению исследования и развитию знаний о феномене.

Литература

- 1 Denzin N. The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods/ N. Denzin – Chicago: Aldine, 1970.
- 2 Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.

А. А. Лаврикова, О. Е. Шумилова
ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ
В ПРОЦЕССЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ АСПЕКТОВ
РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАКТИК

ЛАВРИКОВА Анастасия Александровна – кандидат политических наук, доцент, зам. директора института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета. E-mail: elav@mail.ru.

ШУМИЛОВА Ольга Евгеньевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии ФГБОУ ВПО «Тульский государственный университет». E-mail: helgash80@mail.ru.

Реформирование системы формирования фонда капитального ремонта многоквартирных домов рассматривается представителями органов власти различного уровня как один из способов самоорганизации граждан на местах. Вместе с тем, опыт показывает, что граждане, с одной стороны, не всегда готовы использовать возможности, предоставляемые правовыми нормами, с другой – демонстрируют крайне негативное отношение к данным инновациям.

Выявление факторов институционализации арен взаимодействия в системе «власть – общество», обусловленных принятием федерального закона от 25.12.2012 г. № 271-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» было реализовано на базе лаборатории социально-политических исследований ФГБОУ ВПО «Тулский государственный университет» посредством кейс-стади. В качестве эмпирического объекта были выделены медиа-материалы, размещённые в традиционных СМИ и интренет-пространстве, информационным поводом для которых послужило внесение изменений в систему регулирования деятельности по благоустройству жизненной среды региона. Выборочная совокупность включает электронные версии публикаций в печатных СМИ («Российская газета», «Известия») и транскрипты обсуждений проблемы введения новой системы финансового обеспечения капитального ремонта МКД на дискуссионных интернет-площадках. Выборка целевая. Отбор публикаций печатных СМИ осуществлялся посредством метода «снежного кома» (гиперссылки) на основе соответствия содержания тематике исследования с учётом территориальных ограничений (материалы ЦФО). Проект выборки интернет-форумов построен на основе территориального критерия (регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры, т. к. по данным предыдущих исследований именно в них формируются крайние модели гражданского участия).

Анализ кейсов, отражающих сложившуюся ситуацию в различных регионах ЦФО, показал, что, несмотря на наличие временного лага между принятием закона (конец 2012 г.) и его реализацией (в течение 2014 г.), активное проявление гражданской позиции стало наблюдаться лишь после появления в квитанциях об оплате жилищно-коммунальных услуг позиции – капитальный ремонт. В соответствии с законом к обозначенному моменту собственники помещений многоквартирного дома на общих собраниях должны были определить способ формирования фонда капитального ремонта (специальный счёт / котловой метод) и минимальный размер ежемесячного взноса (не ниже определённого региональным законодательством), что позволило исследовательскому коллективу в качестве первого критерия для анализа выделить «уровень информированности».

Результаты исследования показали, что сегмент не информированных граждан оказался достаточно высок. В соответствии с законодательными нормами взносы на капитальный ремонт обозначенной категории граждан управляются по умолчанию региональным оператором, что стало одной из причин доминирования котлового способа формирования фонда капитального ремонта. Количественное преобладание данной группы свидетельствует об ограниченности гражданского потенциала местных сообществ, что является барьером институционализации самоорганизации на местах.

Незначительный сегмент информированных граждан сознательно сделали свой выбор, используя альтернативу, предложенную в законе. При этом в обозначенной группе жители новостроек, как правило, ориентированы на формирование специального счёта, собственники квартир в домах более ранней постройки «голосуют» за котловой метод. Однако, уровень информированности не предопределяет удовлетворённость проводимыми реформами, поскольку в самом нормативном акте не учтены все возможные ситуации и слабо разработан механизм его реализации, что способствует институционализации арены протестных гражданских практик.

Одним из факторов формирования отношения к закону является лояльность к действующей власти. В рамках исследования условно были обозначены следующие статусы:

«лояльные» и «критики». В первую группу объединены лица, демонстрирующие поддержку любых властных решений, в т. ч. и данного закона, те, кто видит в нём один из способов решения проблем ЖКХ, а также законопослушные граждане. Следует отметить, что представленная позиция не является достаточно распространённой среди дискуссионщиков на форумах, т. к. чаще всего, её носители выступают в качестве наблюдателей, кроме того люди, придерживающиеся представленной точки зрения, подвергаются критике.

Более многочисленную группу составляют граждане, для которых характерен диффузный протест, т. е. объект недовольства как таковой не определен и негативное отношение сопряжено с неудовлетворённостью действий властной элиты в целом. Достаточно часто для них типична ситуация политизации протестных высказываний. При этом при низком уровне зрелости интенсивность негативных высказываний достаточно высока, критика носит неконструктивный характер, доминирует аффективный компонент.

Кроме того, выделяется сегмент общественности, выступающий против содержания конкретного документа. Они преимущественно информированы по существу проблемы, но их не устраивают отдельные положения федерального закона.

В качестве основных проблем, выделяемых гражданами, следует обозначить: сохранность взносов, ограниченный перечень работ по капитальному ремонту МКД, непрозрачная система ценообразования, неопределённость статуса советов МКД, неэффективная кампания по популяризации закона и разъяснению тактического плана его внедрения.

Таблица 1 Направленность и интенсивность высказываний по поводу Федерального закона № 271-ФЗ от 25.12.2012 г.

Факторы	Официальные медиа-ресурсы	Дискуссионные интернет-площадки
Информированность	Доминирование позитивной направленности при среднем уровне интенсивности	Доминирование негативной направленности при высоком уровне интенсивности
Лояльность власти	Нейтральный характер при низком уровне интенсивности	Доминирование негативной направленности при высоком уровне интенсивности
Лояльность закону	Сочетание позитивной и негативной направленности в равных долях при низком уровне интенсивности	Сочетание позитивной и негативной направленности в равных долях при высоком уровне интенсивности
Степень вовлечённости	Представлена позиция «активистов»	Представлены позиции «Активистов», «Дискуссионщиков», «Наблюдателей»

Таким образом, факторами институционализации арен взаимодействия в системе «власть – общество» в контексте изменения процесса регулирования деятельности по благоустройству жизненного пространства местных сообществ выступают уровень информированности, степень вовлечённости в процесс и лояльность / нелояльность к действующей власти в целом, конкретному закону в частности (табл. 1), тип многоквартирного дома (условия жизни). Обозначенные критерии определяют направленность и интенсивность высказываний граждан на дискуссионных площадках в интренет-пространстве как индикатор структуры установки на реализацию гражданских инициатив.

И. К. Масалков

КЛИНИЧЕСКИЙ ПОДХОД В КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

МАСАЛКОВ И. К. - кандидат философских наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Клинический подход, как и качественная методология в социологии, предполагает понимание и владение способами проникновения в мир субъективности изучаемых нами индивидов и социальных общностей. При использовании его методов мы всякий раз сталкиваемся с «проклятием» (Бурдые), обусловленным тем, что изучаемый нами объект думает, говорит, совершает поступки, и всё это на уровне сознательного и бессознательного.

Позиционирование исследователя. В науках о человеке и обществе уже стало аксиомой, что любое взаимодействие исследователя с интересующим его объектом имеет свои последствия. Они могут быть как положительными, так и отрицательными как для объекта, так и для исследователя. При клиническом подходе мы говорим, прежде всего, о мягкости методов исследования и интервенции.

Главным методическим козырем социолога-клинициста можно назвать коммуникативные умения, которых требует сбор информации. В его работе важны не столько гайды интервью и тесты, сколько навыки и способность приёма информации – умение слушать, подстраиваться под собеседника, т. е. мобилизация всего арсенала коммуникативных навыков [1]. Искусство интервьюера состоит в том, чтобы сделать стиль высказываний более свободным, где-то даже стихийным, ибо свободный поток сознания и есть источник полезной информации, которая становится основой для стартовых гипотез и смелых теоретических построений, а в перспективе – для более успешной (социо)терапевтической работы.

Среди «мягких» методов клинической социологии можно назвать следующие:

Нарративное интервью в клинических целях. Оно представляет собой существенно более глубокое «соприкосновение» с личностными мирами. Это специфическая исследовательско-терапевтическая ситуация. «*Терапевтический эффект*» – это некий целебный, лечебный эффект. Правила поведения социолога-клинициста и методические рекомендации здесь только начинают отрабатываться. Многое из тактики и техник решается исследователем заново, применительно к данному исследовательскому случаю. Особое место занимает групповое интервью, которое, по мнению К. Роджерса, имеет одно важное общее свойство: члены группы способны оказать друг другу более эффективную терапевтическую помощь, чем профессиональный терапевт, который полностью замыкает общение с пациентом на себя [5]. Психоаналитическое видение процесса клинического интервью позволяет определить баланс, устанавливаемый интервьюером между осуществляемыми исследовательскими действиями и личностной сопричастностью, которая в определённой мере зависит от того, насколько глубоко он сам вовлечён в анализ данного проблемного случая.

Биографический метод. Жизнь каждого человека несёт отпечаток его семейной истории. В ней могут перекликаться светлые, но нередко и тёмные, и даже мрачные стороны. Они-то и представляют особый интерес для клинициста. Биографический метод позволяет уйти от социологического детерминизма на макроуровне. Он делает доступным для исследователя особенное – разрывы, переплетения, взаимные влияния. Именно они и являются ключевыми элементами социальной реальности. П. Бурдые воспринимает бессознательное как совокупность тех из условий производства индивида, которые он пытается отрицать, забыть,

скрыть: «На самом деле, бессознательное всегда представляет собой лишь забвение истории, которое история сама по себе производит... Габитус является продуктом и действующим присутствием всего прошлого» [3].

Метод рассказа о жизни. Развитие жанра устных историй жизни разрушило междисциплинарные барьеры. Метод рассказа о жизни близок к биографическому. Его адептами являются в большей степени французские социологи. Рассказ о жизни позволяет субъекту «проработать» свою жизнь. В этом смысле он представляет собой инструмент историчности. Рассказ о прошлом – это средство погрузиться в реку времени, перестроить прошлое, по-новому взглянуть на тяготы настоящего и выстраивать желаемое будущее. От способности людей найти своё место по отношению к своему прошлому зависят их способности проецировать себя в будущее.

Анализ документов. Письменные документы тоже могут являться материалом для исследования «качественными» методами и, в т. ч., методами клинической социологии. Клинический анализ документа – это стратегия объективирования. Даже холодный медицинский отчёт можно рассматривать как клинический документ.

Метод изучения отдельного случая, или кейс стади, является одним из методов клинического подхода, основным источником знаний и практического опыта, представляющих ценность для клинической социологии. Метод изучения отдельного случая говорит нам, что психические и социальные явления могут возникать непонятным нам образом внезапно, как нечто совершенно новое. В чередовании событий не всегда легко удаётся усмотреть генетическую связь. В качестве источника формирования кейсов может выступать художественная и публицистическая литература.

Геносоциограмма как исследовательский метод. Проблематике биологического обоснования социального поведения социология до недавнего времени уделяла малое внимание. Психоанализ с его понятиями индивидуального и коллективного бессознательного хорошо дополняет биологическое обоснование социального поведения, и, как следствие, построение и анализ геносоциограммы – становится всё более популярным методом [2]. Данные генеалогических исследований являются ценнейшим и, к сожалению, пока слабо вовлечённым в социологические исследования источником, открывающим такие стороны социального и исторического бытия, до которых не достучаться с помощью большей части традиционных методов и источников.

Групповые семинары по исследованию и работе с личностью. Ещё К. Роджерс отмечал, что особо ценный материал для исследователя- линициста дают беседы в круговом пространстве, организованные по модели «группы встреч». Групповой семинар особого вида, где работа с личной историей каждого из участников сочетается с научным исследованием общих тенденций изменения общества в целом, во Франции чаще называют семинаром «группового исследования и импликации»[4].

Метод психодрамы. Первые шаги психодрамы как метода, входящего в арсенал клинической социологии, следует искать в начале XX в., когда врач привлекает профессиональных актёров, чтобы те разыгрывали с принимающими всё за чистую монету пациентами истории чувств и переживаний. Эта идея, воспринятая в своё время как неприятное и опасное манипулирование, через полвека была принята в видоизменённом варианте в качестве психо- и социодрамы.

Метод психосоциологической интервенции. У социологической теории есть одна из функций, выходящая за рамки чисто академического созерцания, в силу чего социология всё чаще обогащает себя практикой проведения социальных изменений – интервенций.

Литература

- 1 Хиггинс Р. Методы анализа клинических случаев: руководство для начинающих психотерапевтов / Пер. с англ. М.: «Когито-Центр», 2003.
- 2 Шутценбергер А. А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм. М.: Из-во Института Психотерапии, 2001.
- 3 Bourdieu P. L'histoire incorporée // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 1980. № ° 32/33.
- 4 Gaulejac (de) V. Recits de vie, psychanalyse et la sociologie clinique. Paris: Laboratoire de Changement Social, Universite Paris-VII, 1994.
- 5 Rogers C. Le Développement de la personne. Paris, Dunod, 1966.

А. Д. Малая

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДА ВКЛЮЧЁННОГО НАБЛЮДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВРОО «АКАДЕМИЯ УСПЕХА»)

*МАЛАЯ А. Д. – аспирант кафедры философии и социологии Волгоградского филиала РАНХиГС.
E-mail: anastasymad@mail.ru.*

В условиях наличия значительного разнообразия качественных методов в социологии, а также зависимости их толкования от уровня профессионализма и мировоззрения исследователя, особенную ценность приобретают преимущества отдельных методов, которые и определяют выбор исследователя в пользу того или иного вида. Так, для метода включённого наблюдения сильными сторонами стали: – его оперативность как незамедлительная возможность получения информации; – фиксирование тех явлений, которые нельзя отметить с помощью других методов, а именно: мимику, жесты и многие другие проявления неформального общения; – непосредственный контакт субъекта и объекта исследования, отсутствие промежуточного элемента, который может исказить информацию [1].

Базой апробации научных интересов автора стала Волгоградская общественная организация «Академия успеха», которая была создана осенью 2011 г. в качестве дипломного проекта автора, ставшего заместителем председателя организации. Главная цель её деятельности заключается в формировании спортивно-творческого и гражданско-патриотического потенциала молодёжи и других слоёв населения, способных адекватно относиться к культурным ценностям общества и творчески действовать в социальной и профессиональной среде. Для реализации данной цели в «Академии успеха» осуществляется множество разнообразных проектов. В качестве предмета наблюдения был определён этап подготовки и реализации двух социальных проектов «Мой город» и «Старший товарищ».

Проект «Мой город» направлен на создание молодёжной среды, участники которой облагораживают городское пространство из-за желания проживать в чистом городе. Однако

речь идёт не просто о череде субботников, а о системе мероприятий, которые проводятся под современную музыку и активно популяризируются в интернете, создавая информационные поводы для дальнейшей коммуникации молодых людей и успешной самопрезентации среди сверстников. Суть проекта «Старший товарищ» заключается в организации походов как наиболее естественной системы социальной адаптации для детей, оставшихся без попечения родителей. Походы проходят в форме сплавов на байдарках совместно с успешными студентами вузов Волгограда, которые становятся для детей настоящими товарищами и совместно с ними переживают данное путешествие.

Скрытое включённое наблюдение было проведено с целью выявления основных проблем в повседневной практике, которые мешают успешному развитию «Академии успеха». Полученные выводы стали значимым подкреплением применённых количественных методов исследования, однако особенно интересным, в рамках использования метода включённого наблюдения, стала возможность соотнесения роли наблюдателя и роли реального участника данной организации. Сложилась уникальная ситуация, когда автору пришлось не вникать в деятельность общественной организации и адаптироваться к ней, а максимально абстрагироваться от имеющихся знаний. Таким образом, удалось выявить некоторые противоречия в восприятии явлений, которые могут возникать с позиции наблюдателя и реального участника процесса.

Включаясь в повседневную жизнь «Академии успеха» взору наблюдателя представляется деятельность различных лиц, среди которых имеется бухгалтер, осуществляющий бухгалтерский учёт в организации. Для «новичка» эти операции могут показаться достаточно банальным хозяйствованием для поддержания функционирования экономического объекта. Однако для того, кто стоял у его истоков, очевидна вся логика данного процесса, заключающаяся в наличии перед различными учреждениями обязательств, которые возникли с момента регистрации. На начальном этапе подавались «нулевые» отчёты, а с появлением денежного оборота возникла потребность в профессионале, умеющем работать со специальными программами.

Новые проекты и решения руководителя общественной организации наблюдателем могут восприниматься как недостаточно аргументированные и неактуальные. Это оправдано отсутствием стратегического видения у нового участника. Тем, кто причастен к работе на протяжении долгого времени и разделяет существующую миссию организации, известно, что новые идеи продумывались в течение длительного периода и ориентированы на определённых исполнителей, охватывают наиболее заинтересованные в социальном продукте «Академии успеха» целевые группы. Примером этому является проект «Старший товарищ» в рамках которого оказывалась уникальная услуга для детей и молодёжи.

Поведение волонтеров «Академии успеха» отличается сильной мотивированностью, что настолько очевидно не проявляется в других общественных организациях. Во многом это связано с имеющейся системой внутриорганизационного взаимодействия руководителей и добровольческого актива, состоящего преимущественно из студентов. С ребятами установлен эмоциональный контакт, а работа выстраивается таким образом, чтобы они могли сами предлагать интересующие их проекты, которые будут выслушаны и, как правило, поддержаны. Исследователю, в свою очередь, представляется ситуация, когда группа заинтересованных студентов генерирует новые идеи и пытается создать незаурядные проекты, при этом упуская из вида значительный период времени, когда осуществлялась культурно-воспитательная деятельность в отношении самих волонтеров, разделяющих ценности «Академии успеха».

Таким образом, разграничение роли исследователя, существующего в рамках скрытого включённого наблюдения, и – роли реального участника общественной организации, не смотря на кажущуюся абсурдность, позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, наблюдатель, попадая в организацию, не успевает полноценно погрузиться в её функционирование, поэтому у него отсутствует стратегическое видение и знание о сложившихся в организации традициях, что препятствует анализу объекта. Во многом это связано с ограниченным сроком проведения наблюдения. Во-вторых, исследователь должен постоянно находиться в состоянии рефлексии происходящих процессов, давать им необходимое объяснение, фиксировать результаты, что мешает ему полноценно уделять время рабочим вопросам. В-третьих, наблюдатель становится заложником ситуации, когда он эмоционально включается в деятельность организации и начинает определять её развитие, становится причастным к общему результату, что не даёт сделать выводы об организации, существующей без его участия. С другой стороны, когда он не вмешивается в деятельность системы, невозможным является получение всего потенциального многообразия информации. Как видим, введение чёткого разграничения между эмоциональной включённостью в процесс функционирования организации и сохранением рационального абстрагированного взгляда на изучаемое явление невозможно достичь на практике, что имеет свои положительные и отрицательные последствия. Тем не менее, именно благодаря методу включённого наблюдения становится возможным рассмотреть организационные явления во всем их многообразии и целостности, максимально приблизившись к его повседневному существованию.

Литература

- 1 Добренков В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования. М.: Инфра-М, 2004. 768 с.

Н. Р. Маликова

ИННОВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МАЛИКОВА Наиля Рамазановна – доктор социологических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова.

В докладе анализируются ключевые методологические проблемы производства современного социологического знания. Раскрываются принципиально новые возможности получения социальной информации на основе привлечения качественных методов в междисциплинарных, сравнительных кросс-культурных исследованиях социологии международных отношений.

Изменились приоритеты исследований. Возникла необходимость в обосновании возможностей познания принципиально новых социальных процессов и явлений в глобализации. Фокус исследовательского внимания обращен к проблематике: 1) соотношения традиции и инноваций, 2) трансформации ценностных культурных ориентаций; 3) соотношения этнокультурных, конфессиональных, национальных (государственно-гражданских) и транснациональных/региональных и глобальной идентичностей. Это настоятельно потребовало

привлечения новых методов сбора социальной информации, поиска баланса между макросоциальным и эмпирическим, прикладным уровнями видением «текущей неопределённости», турбулентной социальной реальности. Наряду с этим требуется критическая оценка исследовательских практик социологии постмодерна, с проектами замещения теоретического анализа неким дискурсом, нарративом, политологическим журнализмом «скетч-объяснений».

Повсеместно в презентации результатов исследовательских практик на основе качественных методов, заметно смещение либо в теоретические абстракции, либо в практически-описательную сторону оценочных суждений. Это обусловило разрыв между описательными и теоретически ориентированными исследованиями, что блокирует полноценность адекватной социологической интерпретации. Можно констатировать несостоятельность методологического диссонанса в исследовательских практиках, своего рода «методологического кентавризма» совмещения практически несовместных методов системного подхода и структурно-функционального, феноменологии и фрейм-анализа, при полном отсутствии логически непротиворечивых методологических принципов исследования, дистанции от поиска объективных критериев, индикаторов в субъективной логике «производства» произвольного абстрактно аналитического схематического «размышлизма».

В то же время, всё в большей мере осознаётся продуктивность междисциплинарной интеграции качественных методов. В социологии международных отношений возможно привлечение социально-психологических проективных методик: структурирования, конструирования MAPS (make-a-picture-story test – составь картину-историю), интерпретации TAT – тематический апперцептивный тест; дополнения (неоконченные предложения, рассказы, ассоциативный тест Юнга); катарсиса (психодрама, проективная игра); изучения экспрессии (особенности речи публичных политиков); современной модификации методов психосемантики. Продуктивно использование опросных методов: с интеграцией методики ранжирования системы ценностей (С. Шварц и У. Билски); «Тест культурно-ценностных ориентаций» (Ф. Клакхон и Ф. Стробека), «ПИК» (показатели индивидуализма-коллективизма», на основе описания культурных синдромов Г. Триандиса – в адаптации Л. Г. Почебут. Нуждается в расширении пространство использования контент-, ивент-, дискурс-анализа, методов визуальной социологии, онлайн- опросов.

К сожалению, в социологии международных отношений, ещё слабо используются возможности онлайн (on-line) опросов, контент-анализа в интернете, в то время как разработаны инновационные компьютерные пакеты обработки контент-анализа, такие как: «МАКС» – экспертно-диагностической системы обработки информации, «АЛЕКС», «КОНТЕНТ-АНАЛИЗ», «КСЕНИЯ» (ИС РАН), TABARI (KEDS) – программа для автоматизированного кодирования политических событий (встроен анализатор идентификации CEA). «Concordance»; HyperRESEARCH, LEXIMANCER, PROTAN TEXPACK, QDA Miner, WordStat, SALT, MonoConc, TROPES, Qualrus, CAMEO, AnnoTape. Это программы качественного анализа текста. Многие программы позволяют кодировать, находить, декодировать текстовые, аудио- и видеоматериалы, имеют мультязычное программное обеспечение, для больших объёмов текста, разных жанров и стилей, графических данных, для качественных исследований СМИ, архивных материалов. Анализ текстового массива на основе поиска содержательных единиц даёт возможность для хронологически-ролевого качественного анализа текста. В социологии международных отношений особенно продуктивно использование программы «CAMEO» – системы, созданной специально для кодирования и аналитики политических коммуникаций.

Некоторые программы позволяют идентифицировать сюжетные линии, определять корреляции, посредством проведения факторного анализа. Данные легко импортируются в пакеты SPSS или SAS.

Осознаются возможности междисциплинарной интеграции социального познания в сравнительных международных исследованиях, с привлечением результатов «Евробарометра», «Латиноамериканского», «Африканского», «Азиатского», «Арабского» барометров, «Евразийского монитора», ESS и WWSA (World Values Survey Association). В этих данных содержатся показатели ценностных ориентаций, «социального капитала», коммуникативной активности, интенсивности участия в глобальных «сетях» межкультурной коммуникации.

Однако, следует помнить о проблеме корректного обращения с зарубежными методами, необходимости адаптации методик. При обращении исследователей к качественным методам всегда остро стоит проблема валидности «квазиметодов», не имеющих методологического социологического обоснования, что требует методологического эксперимента «ex post facto» и обеспечения процедуры триангуляции. Надо стремиться избегать методологических ошибок интерпретации, вследствие недобросовестной экстраполяции данных национальных исследований, полученных на основе качественных методов, «микро-выборок», на макросоциальные обобщения и политически ангажированные прогностические «сценарии». Не стоит заимствовать готовые опубликованные отчёты западных исследователей, подготовленные по результатам международных сравнительных исследований, лучше самостоятельно произвести вторичный анализ данных Норвежского архива, чтобы не повторять вполне возможные «цивизационную комплиментарность» и/или «двойные стандарты» оценок и выводов актуальных проблем и реалий современных международных отношений.

Т. Ф. Маслова

«ПОСЁЛОК-ПРИЗРАК» КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: МЕТОДОЛОГИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

*МАСЛОВА Татьяна Федоровна – профессор кафедры философии и культурологии Ставропольского государственного педагогического института, доктор социологических наук.
E-mail: tatianamaslova@rambler.ru.*

Преобразования российского социума постсоветского периода характеризуются появлением социальных феноменов, представляемых в терминах «покинутые города», «города и посёлки – призраки». Они означают географические объекты бывших населённых пунктов, оставленных жителями по разным причинам: из-за спада экономической активности, природных и техногенных катастроф или других факторов, делающими некомфортным или невозможным проживание на данной территории.

Несмотря на специфику, обусловленную факторами возникновения «посёлков-призраков» – бывших процветающих советских населённых пунктов, а ныне заброшенных; в их судьбе имеется общий момент. А именно: до того, как тот или иной из них прекратит своё полное существование или начнёт возрождение, в нём некоторое время сохраняется «дух утраченного», отражающий в видимых или иных формах былую связь между территорией и

дислоцированным на ней социумом. Это проявляется, например, в воссоздании способов самоорганизации в сложившемся ранее социокультурном пространстве на основе прошлого опыта; в образе жизни бывших и оставшихся жителей; в привязанности жителей её ресурсам, в т. ч. – природным, которые изначально привлекли сюда людей и т. д. Именно на данном этапе достаточно ясно обозначаются проблемы, связанные с возможностями интеграции населённого пункта, потерявшегося в реальности, в новый социум. Исходя из того, что переходность рационального и духовного прошлого в современное настоящее позволит избежать известный и не оправдавший себя принцип развала «...до основания, а затем», вопросы исследования социально-территориальных сообществ, разрушенных и относящихся теперь к категории «призраков», являются актуальными для науки и практики.

Здесь достаточно широкое поле деятельности учёных и политиков представляет Юг России, где состояние подобных посёлков более всего подходит для описания заброшенных первичных сельских поселений, находящихся в границах хозяйственных точек бывших колхозов, совхозов.

С 90-х годов коренные изменения природных систем южнороссийского региона, к которому относятся территории Ростовской области, Ставропольского края, Республики Дагестана, Калмыкии, представляющие собой единую природохозяйственную систему, значительно ослабили природные и социальные возможности территории с её бальнеологическими, пастбищными и иными ресурсами. Обозначились специфические проблемы региона, обусловленные скудными водными ресурсами, экологически-неустойчивым состоянием почвенно-растительного покрова, обнажилась острота ряда социальных вопросов. Это: охрана природных ресурсов и их хозяйственное использование, с одной стороны, и ухудшение качества жизни местного населения, увеличение заболеваемости, снижение уровня трудовой занятости, спад производства, с другой. И наконец, появление на территории региона «посёлков-призраков» с их жизнью «после смерти». Наглядным примером является судьба посёлка сельского типа Маныч Орловского района Ростовской области, который стал объектом нашего исследования¹⁹.

Орловский район – один из крупнейших в области. В его состав входят 11 сельских поселений, в т. ч. Волочаевское, общей площадью 714 кв.м. с населением 1495 чел. Одним из шести входящих в него посёлков является Маныч, население которого не превышает 7% от общего числа жителей Волочаевского сельского поселения; и расположен он в 15 км от административного центра [1, с. 159]. Т. е, административное пространство посёлка Маныч определяется первым (нижним) уровнем в социально-экономической системе крупного района Ростовской области и сельского поселения – топическим [2, с. 27].

Современный посёлок Маныч стоит на берегу озера Грузское. К нему примыкают земли государственного природного заповедника «Ростовский». На его территории расположено государственное областное учреждение здравоохранения «Санаторий «Маныч» на 300 койко-мест. В посёлке также находится научно-экспедиционный стационар (НЭС) «Маныч» института аридных зон Южного научного центра РАН, занимающийся исследованием биологических основ восстановления водной системы Маныч-Чограй. Здесь же размещён и головной офис ассоциации «Живая природа степей», основным направлением деятельности которой стало сохранение, восстановление и устойчивое использование естественного биоразнообразия и

¹⁹ Исследование проведено в рамках научного проекта «Этнодемографический портрет южнороссийской станицы» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряжённости».

его биоресурсов, а также – сохранение ценных пород животных степной зоны в условиях возрастающего антропогенного пресса на окружающую среду.

Само название посёлка отражает связь территории с уникальным природным комплексом Манычской долины, охватывающей пространство с северо-запада на юго-запад более чем в 400 км. Функционирование рукотворных водоёмов в своё время создало уникальные возможности для размножения ценных видов рыб, обусловило создание орнитокомплекса, а также активного животноводства, что способствовало развитию социальной инфраструктуры. Природные особенности местности издавна использовались для оздоровления населения в санатории, основанного ещё в XVIII в. и действующего до настоящего времени; для добычи соли; хозяйствования, связанного с разведением животных и деятельностью крупного конезавода «Орловский», расположенного в окрестностях территории посёлка в советское время. Отсюда в исследовании категория «территория» определяется аппликацией (наложением) социального пространства – на физическое, и в данном случае при очевидной неоднозначности их комплиментарности по отношению друг к другу.

Сегодняшнее состояние посёлка Маныч представляет собой проблемное поле по многим параметрам. Это обнаруживается в сокращении населения, его обновлении за счёт внутренней миграции выходцев из Чечни, Дагестана и оттока местного населения; в снижении эффективности хозяйствования; приоритетности частного бизнеса мигрантов, бессистемно контролируемого властями; в ограничении использования бальнеологических ресурсов; в утрате рациональной связи социума с природными условиями, выражающейся в сокращении пастбищ и ухудшении их качества; в отсутствии и/или неэффективности государственных и гражданских форм управления хозяйственными и социокультурными процессами; в тенденциях обострения негативного социального самочувствия местного населения, связанного с низким качеством предоставления социальных услуг и т. д. Несмотря на это, посёлок продолжает сохранять притягательность для жизни и бизнеса. Но, к сожалению, формы и методы её поддержки трудно отнести к цивилизованным и конструктивным, а тенденции к развитию имеют крайне затяжной характер.

Нами была предпринята попытка методологического обоснования анализа характеристик территориального образования в условном статусе «посёлка-призрака».

Целевая часть исследования связывалась с определением взаимообусловленности территориальных, социальных и демографических характеристик посёлка на основе метода эмпирической типологии; с получением и обобщением данных, воспроизводящих социокультурное своеобразие посёлка постсоветского периода в условиях утраты своего прежнего облика и упадка.

Учитывая, что объект анализа (посёлок Маныч) представляет собой структурную единицу социально-территориальной системы (районной, областной), исследовательские стратегии опирались на принципы динамичности изменений интегративных механизмов социальной системы; специфичности процессов обмена между другими системами как поддерживающих состояние социального равновесия, так и изменяющих баланс между структурой и «более «элементарными» процессами». Такой подход обусловил необходимость определения признаков объекта, которые изменяются или сохраняются при «соответствующих пространственно-временных ограничениях» [3, с. 466]. К данным признакам отнесены следующие: а) исторически сложившаяся пространственная обособленность; б) территориальная концентрация населения; в) социально-экономическая целостность; г) «самодостаточность» производственной и непроизводственной сфер для удовлетворения

основных потребностей населения; д) специфика качественного состояния населения и среды его жизнедеятельности; е) осознание большинством жителей принадлежности к данной территориальной общности.

Для эмпирического «обнаружения» выделенных признаков определены шесть групп индикаторов, содержание которых связано с исторической, культурной, хозяйственной, территориальной самобытностью поселка; с его современным своеобразием. Первая группа – *история и пространственная обособленность в структуре территорий Ростовской области*: история возникновения; площадь, границы; геополитическое и административное положение; система сообщений с другими территориями. Вторая группа – *концентрация населения на территории посёлка*: общая численность населения по годам; по полу, возрасту; национальности; количество семей; домохозяйств; миграционная подвижность (динамика, факторы); миграционный потенциал населения. Третья группа – *социально-экономическая целостность*: градообразующее производство; состояние производственной инфраструктуры; отрасли хозяйствования; изменения в отраслевой занятости и социально-профессиональном составе населения. Четвёртая группа – *«самодостаточность» производственной и непромышленной сфер для удовлетворения основных потребностей населения*: состояние социальной инфраструктуры, услуг для населения (культурных, бытовых и др.); условия для источников доходов; личное подсобное хозяйство; материальный уровень жизни населения. Пятая группа – *условия функционирования сообщества, специфика качественного состояния населения и среды его жизнедеятельности*: образ жизни; культурные особенности населения (культурная интеграция); социальное самочувствие населения; типы этнической идентичности. Шестая группа – *осознание большинством жителей принадлежности к данной территориальной общности*: этноязыковая идентификация; социальное положение и роль русских; наличие общих интересов, формирующих определённые типы поведения территориальной группы; основы и формы взаимодействия.

Методика исследования основывалась на сочетании количественного и качественного подходов. В соответствии с этим осуществлялось фиксирование фактического положения дел при помощи «маркеров», выделенных при получении объективных данных и субъективных оценок членов социума.

В результате чего обозначились две поисковые стратегии: количественно-качественная и собственно качественная. В количественно-качественной поисковой стратегии использовался сбор и анализ статистических, «вторичных» данных о численности населения, его составе, миграционных потоках и т. д., об истории и современном состоянии посёлка, полученные из разных источников. *Источники информации*: Донская государственная публичная библиотека, Ростовский областной музей краеведения, территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области, администрация Орловского района Ростовской области, администрация Волочаевского сельского поселения Орловского района Ростовской области, материалы печатных средств массовой информации (газеты «Донская хроника», «Донской временник», «Кавказская здравница», «Молот», «Новое время», «Позитифф», «Степные зори» и др.). Анализируемые материалы позволили судить о том, что посёлок находится в эпицентре проблем, которые характерны для территорий региона, и выделяется спецификой, связанной, прежде всего, с природными и хозяйственными условиями территории на которой он расположен. Об этом, например, свидетельствуют публикации печатных СМИ. Но, как показали результаты, вопросы, освещаемые прессой, касались, прежде всего, экологической проблематики, хозяйственной деятельности, но ни один материал не был

посвящён трагической судьбе малых населённых пунктов как территориального социокультурного образования, к которым относится посёлок Маныч.

Обращение в нашем исследовании к качественной поисковой стратегии связывалось с необходимостью «концентрации внимания на частном, особенном и его рассмотрении для воссоздания целостной картины» [4, с. 349.], которую воспроизводят причастные к её деталям люди. Здесь «действовало» положение о том, что прошлый опыт, практика каждодневных забот и переживаний могут быть понятны только через изучение индивидуальных судеб, представителей групп, особенностей их восприятия и поведения в рамках общего социального контекста данной социально-исторической ситуации» [4, с. 349]. Именно это способствовало наполнению наиболее адекватными эмпирическими данными портрет посёлка как модели современного «посёлка-призрака».

Основными результатами исследования стало описание объекта с помощью данных свободного и структурированного индивидуального интервью, фокус-группы, участниками которых были: представители чеченской диаспоры, работники санатория «Маныч», работники Государственного природного заповедника «Ростовский», работники некоммерческой Ассоциации «Живая природа степей», районной и поселковой администрации. Являясь жителями посёлка, поселения и района, наши информанты делились своими оценками, мнениями, исходя из разных точек зрения: исторической, демографической, хозяйственной, экологической.

Так, в ходе разведывательной части исследования проводилось свободное интервью с минимальной стандартизацией. Оно было направлено на получение информации о положении посёлка и его характеристиках, об общем социальном контексте. Интервью проводилось в августе 2011 г. Анализ свободного интервью осуществлялся посредством классификации данных, которые раскрываются в обобщённых категориях, охватывающих основной смысл полученной информации. Её текст в изложении информантов, приводится ниже.

1 Опыт успешного хозяйствования.

- Поселение «Маныч» образовано изначально как подсобное хозяйство санатория туберкулёзного профиля, созданного более 100 лет назад в виду благоприятных бальнеологических условий.
- В дальнейшем – поселение было связано с производственным отделением племзавода «Орловский» (в советский период – одно из крупнейших, где общественное поголовье достигало 50 тыс.), имея развитую социальную инфраструктуру (школа, фельдшерско-акушерский пункт, 2 магазина, почта).
- Государственный сектор большей долей представлен деятельностью туберкулёзного санатория (наполняемость до 300 чел.), где полгода могут работать как местные, так и, главным образом, приезжающие из района.

2 Санаторий как ресурс развития

- Санаторий может работать круглый год. Здесь лечебная грязь – одна из лучших в мире. Плюс карбонатная вода, которая богаче ижевской.

3 Изменение состава населения и хозяйствования

- Изначально население посёлка составляли русские. В последнее время состоялся их отток, резкое сокращение общей численности жителей, которая составляет примерно 100 человек, и изменение национального состава населения.

- Сегодня национальный состав представлен русскими и чеченскими семьями с детьми.
 - Появление в посёлке чеченских семей – есть проявление межрегиональной экономической миграции, фактором активизации которой стало резкое сокращение общественного скота и «выпадение» производственных точек из государственной хозяйственной системы. Это создало условия для притока животноводов из северокавказских территорий. («В Орловском районе работают чеченцы; в Ремонтненском – даргинцы (почти все из с. Бургамак), использующие пастбища на территории Манычского заповедника»).
- 4 *Использование территории Манычского заповедника в качестве пастбищ*
- Нахождение мигрантов в области можно назвать стихийным, как и их деятельность по освоению пастбищ. («По официальным данным, примерно 10% не имеют прописки, но их гораздо больше». «Часто ими ничего не оформляется, например, отсутствуют официальные разрешения на выпас скота... А если есть, то в похозяйственной книге может числиться 300 овец, а визуальное количество поголовья можно оценить как 1,5 тыс.»).
 - Бесконтрольность эксплуатации природных ресурсов приводит к их утрате. («Земля не отдыхает... Отсутствие ветеринарной практики приводит к распространению болезней в отарах». «Есть факты, когда вода для скота «добывается» варварским способом: (вскрываются водопроводные трубы»).
- 5 *Контактирование между местными и мигрантами других национальностей в поселке*
- Интересы местных и мигрантов не пересекаются в хозяйственном плане и взаимодействие, главным образом, осуществляется на уровне бытового обустройства, воспитания детей и т. д.; и носит спонтанный характер.
 - Дети общаются в школе и на досуге, который проходит по месту жительства местных и приехавших.
 - Язык общения русский. Имеет место напряжённость в общении, вызванная использованием мигрантами родного языка в присутствии местного русскоязычного населения («Подходят к магазину, где находятся люди, и начинают говорить по-своему; сменяются, может быть над нами»).
 - Этнических и религиозных оснований в целом в процессе контактов местных и мигрантов не отметил ни один из интервьюируемых («Нормально живём, не обижаем друг друга»). Отмечается не выраженность религиозной приверженности мигрантов («Многие не соблюдают уразу»).
 - Есть факты обособления семей мигрантов. Например, местные интервьюируемые не знают, где работает глава одной из семей и на какие средства была восстановлена сгоревшая часть дома; тогда как часть, принадлежавшая местной жительнице, остаётся в аварийном состоянии. У другой семьи мигрантов дети не ходят в школу и занимаются выпасом овец.
- 6 *Неразвитость социальной инфраструктуры поселка*
- На территории поселения 25 домов местных жителей; в 5 из них никто не живет. Но предположительно эти дома уже приобретены мигрантами из Чечни. Жилые дома находятся в ветхом состоянии.

- Отсутствие медицинских, образовательных учреждений (школа, детский сад), водопровода, газификации (отопление углём, некачественного и дорогого: стоимость одной тонны составляет 10 тыс. руб.).
- Почта – 2 раза в неделю. Учреждений для досуга – нет. Дети доставляются в школу на автобусе. Школьные классы состоят, в основном, из русских, чеченских, возможно, детей других национальностей.

7 Отдалённость и новые рычаги власти

- Центр административного сельского управления и социального обслуживания – находится в с. Волочаевском; районного – в с. Орловском – за 75 км от поселения.
- Депутатские запросы по проблемам посёлка не практикуются. О перспективах поселения жители и местный депутат информацией не располагает. Сходы граждан не проводятся; это бывает эпизодически, в период выборов. («Сегодня рычагов реагирования на факты нарушения выпаса животных гораздо меньше. Приходится обращаться к руководителю дагестанской диаспоры; в случае с чеченцами – к старейшинам»).

Таким образом, обобщённые результаты свободного интервью составили *номинации*, выделенные респондентами. Это: опыт и перспективы успешного хозяйствования; проблемы миграции и неразвитости социальной инфраструктуры посёлка, изменение состава населения и форм хозяйствования; использование территории Манычского заповедника в качестве пастбищ; межнациональных отношений, проблемы удалённости от «центра», рычаги власти. Сложившиеся номинации стали основой разработки вопросника структурированного интервью с целью уточнения и унифицирования информации о процессах, детерминирующих состояние территориального сообщества и возможностях его изменения.

Исходя из этого, в качестве респондентов были выбраны люди, наиболее полно осведомлённые о социально-экономических и иных проблемах региона, местного поселения, посёлка и включённые в их решение. Используемый метод интервью по своему характеру, скорее, относится к экспертному опросу, который проводилось в июле 2012 г. В нём приняло участие 8 человек – представителей: областного, районного, местного, поселкового уровня власти и управления; общественных и религиозных организаций, которые ответили на наши вопросы.

Первый вопрос связывался с оценкой перспектив посёлка как такового.

Реакция респондентов на поставленные вопросы затрагивала, прежде всего, факты, свидетельствующие об упадке социальной сферы, обусловившем отток населения; касалась истории, иллюстрирующей социально-территориальную взаимообусловленность жизни посёлка, отражала включённость его жителей в систему успешного хозяйствования в прошлом и отсутствия такового в настоящем; изменение состава населения.

ПРИМЕРЫ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС

Как можно охарактеризовать перспективность пос. Маныч Волочаевского сельского поселения?

- Я бы ответил так на этот вопрос. При том потенциале, который там есть (я имею в виду возможности грязевого лечения, минеральная вода, открытие курорта, лечение, Южный научный центр, заповедник), он должен быть перспективным. Но при том подходе, который уже

существует десятки лет к этому уникальному вообще-то участку, он получается неперспективным.

Тот потенциал, особенно связанный с курортными возможностями, курортно-санаторного лечения, природно-экологические, лечебные факторы, которые там есть, совокупность их – они создают ему высочайшую перспективность.

- Это, скорее, – неперспективный посёлок. В нём числилось в последнее время 106 человек; 2 – уехали. Значит – 104. Много брошенных домов. Системы отопления нет. Нет работы и зарплаты. В планах социального развития района отдельной строки по Манычу нет.

- Сейчас Маныч переживает кризис... Кадры уезжали на заработки. А вообще, Маныч «разорвали» за долги.

- У него (Маныча) богатая история. Когда-то здесь жили калмыки. По указу царя началось строительство санатория для войска Донского. Строил инженер Вагнер (вагнеровская лечебница). При Петре I здесь разрабатывались соляные копи. Работало больше 3 тысяч рабочих. В 1849 г. начал работать санаторий. Лечились богатые и бедные. Бедные лечились бесплатно, на средства, которые оставались от оплаты богатыми. Возле тяжёлых больных были няни. Имелся сад; играл духовой оркестр. Были установлены мраморные и чугунные ванны. Нагрев воды осуществлялся естественным образом.

Как пишут историки, больных приносили на носилках, а уходили они сами. Таков эффект лечения. Можно сказать, что посёлок в его первоначальном предназначении основали казаки. В теперешнем виде посёлок достаточно молодой. В 80-е годы прошлого века образовался как подсобное хозяйство санатория; появились улицы

Здесь был крупный госплем завод «Орловский», где выращивалась цыгайская овца испанской породы, завезённая в 1905 г. Теперь этого нет.

- Недвижимость продаётся. Медицинское обслуживание практически отсутствует. Месяц как поставлен вагончик, где принимает медработник. Школа – в Волочаевке. Главная проблема посёлка – его удалённость.

Второй вопрос был направлен на получение информации о хозяйственной роли посёлка в социально-экономической системе района, о формах организации хозяйства в нём и включённости в него жителей.

Ответы и внимание респондентов расставили акценты, которые выделяют следующее: неопределённость (неустойчивость) хозяйственной сферы, что выражается в стихийном продвижении частного бизнеса, в отсутствии поддержки полноценной фермерской деятельности, в неорганизованном ведении личного подсобного хозяйства, в притоке хозяйствующих мигрантов из других субъектов России, в утрате прошлого опыта успешного хозяйствования.

ПРИМЕРЫ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС

В чём особенности посёлка в хозяйственной системе района?

- Трудно сказать, сколько там фермерских хозяйств (личных подсобных). Они работают по принципу самоорганизации. Продукцию забирают скупщики.

- В Маныче есть муниципальные земли – выпас оплачивается в муниципалитет.

- Сейчас в посёлке постоянной работы нет. Люди живут подсобным хозяйством. 2 человека работают в санатории как медперсонал. Огороды ничего не дают. В основном, выращивается крупный рогатый скот как личное подсобное хозяйство.

- В посёлке были фермерские хозяйства. Сейчас по паям есть 1 фермер, который содержит табун, производит кумыс. Были другие фермеры, но продали землю в ООО «Солнечный».

- Продукция от хозяйств частично сдаётся на молокозавод в Орловке. А в основном, передается скупщикам. В области нет дотаций на сдачу продукции от личного подсобного хозяйства.

Третий вопрос, заданный участникам интервью, связывался с функционированием туберкулёзного санатория как старейшего предприятия, которое по большому счёту дало жизнь посёлку, и может в настоящее время способствовать его развитию при определённых условиях.

Содержание интервью выделяет значимость санатория по следующим позициям: трудовая занятость жителей поселения и посёлка; поддержка досуга местных жителей и др. Выделялась проблема утраты имеющихся возможностей развития санаторной базы для оздоровления большого количества людей.

ПРИМЕРЫ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС

В чём роль туберкулезного санатория как хозяйствующего субъекта вашего района?

- Санаторий – это федеральная собственность. Он работает посезонно, т. к. использование природных солей возможно только в летний период. Жители посёлка и Волочаевки могут на это время там трудоустроиться.

- Санаторий помогает людям в трудоустройстве. Оказывал медицинскую помощь. Санаторий работает сезонно. Лечатся 300 человек. В основном – из Ростовской области. Раньше лечились из всего Союза. Земли санатория государственные. Всего 26 га. Сотрудники в основном из Волочаевки. 2 врача живут здесь и работают вахтовым методом.

- Санаторий не имеет права оказывать стационарную медицинскую помощь местному населению. 1 раз в 4 дня сюда приезжает фельдшер на 2 часа.

Мероприятия, которые проводятся для больных, часто охватывают и местное население. Вот, например, мы поставили памятник погибшим участникам Великой Отечественной войны.

- Раньше санаторий работал в полную силу. Было 2 санатория: 1 – грязелечебница и туберкулёзный санаторий. Сейчас всё захирело. Обслуживающий персонал – из Маныча и Волочаевки.

Четвёртый вопрос был обусловлен особенностями состава населения области, района, которая отражает его многонациональность, миграционную подвижность, что сказывается на специфике социума в целом и посёлка в частности. Полученная информация характеризует определённый тип отношений и взаимодействий, которые не артикулируют их конфликтность или какие-либо сложности.

- В районе покупается недвижимость семьями из кавказских республик. Всего на территории Волочаевского сельского поселения проживает 240 чеченцев, из них 110 детей. В Маныче по официальным данным – 11 человек чеченцев.

В районе действуют крупные национальные диаспоры: армянская, чеченская, дагестанская, грузинская, татарская. Руководство района и поселений поддерживает связь с лидерами.

- Серьёзных проблем нет. Чеченская диаспора поддерживает порядок. Сейчас нарушений по выпасам нет.

- Проблем практически не существует. Живут по-соседски.

- Откуда приехали, затрудняюсь сказать, о проблемах не слышал.

Пятый вопрос, заданный респондентам, был нацелен на получение информации о том, как осуществляется управление посёлком, кто несёт ответственность за то, что в нём происходит, насколько поселковая, районная власть заинтересована в нём.

В результате обозначились характерные «болевые точки»: социальная инфраструктура не способствует полноценной жизни в посёлке, информации о перспективах развития посёлка до жителей не доводится, влияния местной власти на жизнь посёлка, судя по ситуации, не ощущается.

ПРИМЕРЫ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС

Какова система управления посёлком, социального обеспечения его населения?

- Посёлок относится к Волочаевскому сельскому поселению. В нём есть староста. Забота о населении находится в ведении районного центра социального обслуживания, управления социальной защиты населения. Сейчас там поставили модульную установку (вагончик) для медицинского обслуживания населения медработником на 0,25 ставки. Подвоз детей в школу с. Волочаевского осуществляется автобусом в рамках программы «Школа».

- Есть проблемы водопровода, но он и в советское время не работал. Вода привозится...

Был составлен 3-х сторонний договор о совместном пользовании с ООО «Солнечный», по которому люди (пенсионеры) могли получать зерноотходы. Сейчас они лишились своего пая. 4 года совет ветеранов обращается во все инстанции, но им никто не может помочь...

Для медицинского обслуживания населения есть медработник на 0,25. Но это проблема, доходящая до абсурда. Медработник, который проживает в Маныче, на сезон уходит работать в санаторий, а затем становится на биржу труда и получает пособие, что более экономически выгодно, чем обслуживать население.

- Подвоз детей в школу с. Волочаевского осуществляется автобусом. Был детский сад, но теперь он тоже в Волочаевске.

- Да, в школу возят. Асфальт есть. Всё нормально, детей можно возить. Но это всё-таки особенность села заключается в том, что это не горожане сел на автобус и уехал. Он теряет время, он теряет связь с домом, семьёй, где он должен курицу покормить, поросёнку воды налить. Это другой образ жизни. И мерить всё одним стандартом, это нивелируется всё и в итоге уничтожается. И оттуда просто бегут сегодня. А бегут куда? А их нигде никто не ждёт.

- Но, тем не менее, уезжают.

- Уезжают, потому что сегодня даже корову держать для того, чтобы кормить, невыгодно. При тех ценах закупочных на молоко. Вот чтоб прокормить себя ещё как-то да, а чтоб доход иметь с личного подсобного хозяйства – этого нет, потому что корма надо купить.

Шестой вопрос предполагал получение ответов опрашиваемых по поводу уникальности территории, на которой расположен посёлок.

Полученные ответы подтверждали, главным образом, понимание значимости места расположения посёлка с точки зрения природных богатств, представляли факты поддержки политики их сохранения; раскрывали опасности утраты.

ПРИМЕРЫ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС

Известно, что Маныч – уникальное место с бальнеологическими и природными ресурсами. Есть ли планы их поддержки и развития?

- Здесь действует Ассоциация «Живая природа степи», которую поддерживают около 20 негосударственных субъектов, в т. ч. «Башнефть». Контактируем с Ростовским зоопарком.

Имеем 3 точки на 12 км площади. Ассоциация представляет Центр диких животных европейских степей, задача которого возобновить виды животных, которые сокращаются. Имеется лицензия на выращивание сайгаков и пополнение популяции в природных условиях.

- Да, это место пролета птицы: гусь, утка-кряква, журавль и др. Однако овцы вытаптывают корм...? Какие проблемы? Главная – засоленность Маныча- Гудило: 57 промилле соли (было 34). Борониковская плотина перекрыла доступ пресной воды.

- Маныч находится на землях *специального назначения*.

- Есть ли планы их поддержки и развития? Нет, только разговоры и мечты...

Эти ответы позволяют выделить наиболее характерные черты посёлка. Они состоят в следующем.

Своеобразие посёлка представляет территория, хранящая уникальность природных ресурсов и ландшафта, история их использования в качестве хозяйственной и бальнеологической базы развития социума.

Демографические особенности отражаются: в притоке национальных хозяйствующих субъектов и оттоке местных русских жителей; в обновлении этнического состава населения, включающего русских, чеченцев, даргинцев; в сокращении населения, что обуславливает высвобождение жилого фонда и его бесхозность.

Данные исследования говорят об особенностях структуры населения, формируемой под влиянием миграционных процессов. В посёлке находятся жители: постоянно проживающие (оседлые); мигрирующие на период трудовой занятости в санатории (65 человек) или занятости в личном подсобном хозяйстве в летний период («маятниковые», сезонные мигранты), мигранты, прибывшие из других территорий. Подтверждается тенденция закрепления мигрантов других национальностей в посёлке, как и в целом по району; повышения роли национальных диаспор в системе социальных, социально-трудовых отношений.

Возможности развития фермерского, личного подсобного хозяйства, санаторного комплекса не поддерживаются извне и не стимулируются достаточно для того, чтобы укрепляться на данной территории. Маныч как социально-экономическая единица не проходит ни через одну программу социально-экономического развития, включая программы модернизации системы здравоохранения Ростовской области, к которому относится градообразующее учреждение посёлка Маныч – туберкулёзный санаторий.

Для посёлка Маныч характерна специфика такого качественного состояния социальной инфраструктуры, которая не выдерживает параметры обеспечения нормальной среды жизнедеятельности для жителей. Всё это говорит об отсутствии «самодостаточности» как производственной, так и социальной сферы для удовлетворения основных потребностей населения посёлка, а также района, области, республики с учётом ресурса местности.

Исследование показало, что изучение свойств посёлка сельского поселения требует получения и анализа не столько количественной, но главное, качественной, информации. Это связано, во-первых, с неопределённостью положения посёлка в социально-экономической структуре территории, во-вторых, с нарастанием стихийных процессов, влияющих на характер формирования социальных отношений.

Общий вывод по результатам исследования, характеризующего тип «посёлка-призрака» как бывшей хозяйственной точки южного региона постсоветского периода.

Субъективная интерпретация и оценка характеристик объекта воспроизводит специфическую модель посёлка, близкую к той, которая возникает из-за спада экономической активности, выпадения из системной политики возрождения былого опыта и имеющихся

ресурсов, делающей некомфортным проживание в нём. Налицо – непрозрачность перспектив хозяйствования. Его история словно остановилась, о чём свидетельствуют данные опросов.

Сопоставление акцентов публикаций в официальной прессе и реальное положение дел, о котором говорили респонденты, свидетельствует о том, что провозглашаемая ценность и уникальность территории отражает несоответствие образу посёлка, на которой он расположен.

Анализ особенностей посёлка как исследовательского объекта по показателям нормальных территориально-социальных общностей, говорит о некоей условности его отнесения к таковым. Социально-экономическая, социокультурная целостность посёлка Маныч не поддерживается ни внешне (политика управления), ни внутренне (возможности жителей). Посёлок не имеет чёткой производственной и социальной инфраструктуры. Демографические характеристики неустойчивы: обновляется и дифференцируется национальный состав; связь с местностью у жителей не однозначна в силу непостоянства в системе сообщества. Это отрицательно влияет на миграционное поведение и социальное самочувствие жителей.

«Посёлок-призрак» похож на старый бесхозный дом, где новые квартиранты-временщики теснят старых или сосуществуют с ними, о чём свидетельствуют данные опросов. Они говорят о том, что свойство таких посёлков постсоветского периода заключается в воспроизведении ими в общественном сознании образов утраченной прошлой жизни по части физической и социальной гармонии (территории и социума) при определённой вероятности её повторения в новых условиях; о том, что перспективы его новой жизни непрозрачны, но витают в общественном мнении с надеждами на определённую. Они связаны с потребностями современного общества. С развитием экологического туризма, с возможностями возрождения славы санатория, фермерства; с совместимостью социальных интересов «старых» и «новых» жителей, которые определяются, главным образом, ценностями безопасности, природы, малой родины, а для кого-то – и наживы.

Литература

- 1 Муниципальные образования Ростовской области: справочник. Ростов н/Д.: Статистика, 2010.
- 2 Рязанцев И. П., Завалишин А. Ю. Территориальное поведение Россиян. М.: Гаудеамус, 2006.
- 3 Парсонс Т. Функциональная теория изменений. Американская социологическая мысль. Тексты под ред. В. И. Добренькова. М.: МГУ, 1994.
- 4 Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Учебное пособие. М.: ОМЕГА-Л, 2009.

Н. А. Михеева

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНТЕНТА САЙТОВ ВУЗОВ «НАЦИОНАЛЬНОГО НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КОНСОРЦИУМА» И ЕГО СООТВЕТСТВИЕ ИНТЕРЕСАМ СТУДЕНТОВ

*МИХЕЕВА Натэла Аршаковна – доктор социологических наук, профессор кафедры ИДЭ СПбГЭУ.
E-mail: nat1909@mail.ru.*

В статье поставлена проблема содержательного наполнения сайтов вузов в соответствии с интересами их целевых групп. На примере сайтов Консорциума двенадцати вузов сервиса РФ по заявленным критериям анализируется и оценивается контент сайтов этих вузов с позиции одной из целевых групп – студенчества.

Условием успешного позиционирования любого вуза на рынке образовательных услуг является наличие у него собственного сайта, который способен дать необходимую качественную информацию для всех заинтересованных групп пользователей – потенциальных абитуриентов и их родителей, студентов, преподавателей и аспирантов, представителей вышестоящих органов государственного и муниципального управления, работодателей, выпускников, зарубежных коллег и партнёров (в т. ч. потенциальных).

Преимущества веб-сайта как инструмента высокого качества информационного обеспечения процесса вузовской деятельности связаны также с его относительной дешевизной, информационной мобильностью, общедоступностью.

Основными **целями** создания и использования сайтов являются:

- предоставление целевым аудиториям сайта (вуза) оперативной и значимой информации о деятельности вуза, его успехах и достижениях, оказываемых образовательных услугах;
- предоставление доступа преподавателям, сотрудникам и студентам вуза к организационно-справочным ресурсам, необходимым для обеспечения их профессиональной (учебной) деятельности;
- формирование позитивного образа вуза как «поставщика» качественного образования и качественных специалистов, перспективного партнёра для совместных научных исследований, интеллектуального, инновационного и культурного центра.

В последнее время актуальным с точки зрения предназначения сайта становится и обеспечение интерактивного взаимодействия между вузом (его представителями) и посетителями («горячие линии», вопросы-ответы, форумы, голосования, опросы и т. п.). А теперь, очевидно, что и между вузами.

Каким же в идеале должен быть вузовский сайт?

Для анализа сайта с точки зрения его соответствия поставленным целям можно использовать различные группы **критериев**, например:

- 1 **«Информационное содержание»:** полнота, актуальность и качество информационного содержания.
- 2 **«Популярность»:** «видимость» сайта в поисковых системах, присутствие в каталогах, средняя посещаемость сайта, число ссылок (индекс цитирования).
- 3 **«Удобство использования»** («usability» – понятие, определённое в международном стандарте ISO 9241-11): степень достижения пользователями своих целей при посещении сайта с должной эффективностью, продуктивностью и удовлетворённостью.
- 4 **«Визуальное решение»:** графическое (визуальное) решение сайта, обеспечивающее пользователя адекватными средствами достижения своих целей.

- 5 «Техническое решение»: группа критериев, примыкающая к usability, однако носящая чисто технологический и «закрытый от пользователя» характер и отражающая грамотность и корректность технологической реализации сайта, наличие системы мониторинга посещений, борьбы со спамом и т. п. [1].

Примечательно, что одним из основных критериев открытости вуза для абитуриентов стала динамика отражения жизнедеятельности вуза в **новостной полосе** на сайте [2].

Очевидно, что в зависимости от первоочередной цели деятельности вуза, решения неотложных задач порой и определяются критерии для создания и оценки вузовского сайта. При этом можно констатировать, что контент российских сайтов и сайтов зарубежных вузов отличаются. Как соответственно и рейтинги сайтов. Именно этим объясняются совершенно разные позиции, занимаемые теми или иными вузами в разных рейтингах сайтов, которые оказывают огромное влияние на поток студентов и финансовых вложений в тот или иной вуз и даже в ту или иную страну [3].

Автор обращает внимание на более детальный анализ содержания вузовских сайтов на примере «Национального научно-образовательного инновационно-технологического консорциума вузов сервиса», который создан в июне 2009 г. при участии большинства российских вузов, ведущих подготовку специалистов для сферы сервиса. Инициатором и головной организацией Консорциума выступил Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, который в настоящее время вошел в состав СПбГЭУ.

Основная цель создания образовательного комплекса нового типа на основе сетевого взаимодействия состояла в повышении качества подготовки кадров для сферы сервиса.

Данная современная многоуровневая научно-образовательная структура, в числе прочих задач, призвана реализовывать научно-инновационное сопровождение сервисной деятельности в бизнес-сообществе на основе интеграции научного, образовательного, инновационного и технологического потенциала организаций-членов Консорциума.

На момент анализа сайтов вузов Консорциума в нем обучалось 165 тысяч студентов и работало более 7 тысяч преподавателей. В его составе на 2010 г. были следующие (табл. 1).

Таблица 1 Вузы в составе Консорциума

№ п/п		Наименование вуза
1	ВГУЭС	Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
2	ВГУ	Владимирский государственный университет
3	ВСГАО	Восточно-Сибирская государственная академия образования
4	ДГТУ	Дагестанский государственный технический университет
5	ОГИС	Омский государственный институт сервиса
6	ПГУС	Поволжский государственный университет сервиса
7	РГУ им. С. А. Есенина	Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
8	СПбГУСЭ	Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики
9	СГУ	Сочинский государственный университет
10	ТГУ	Тверской государственный университет
11	УГАЭС	Уфимская государственная академия экономики и сервиса
12	ЮРГУЭС	Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса

Таким образом, Консорциум способен охватить инновационными проектами всё пространство страны. Это важно, если вспомнить о таких мировых форумах, организованных в России, как Саммит АТЭС-2012 во Владивостоке, 27-я Летняя Универсиада 2013 г. в Казани, Олимпийские игры-2014 в Сочи и многих других [4].

Студенты вуза – это часть целевой аудитории сайта вуза. В связи с тем, что студенты – это активные посетители сайтов вузов, их мнение, подкрепленное аналитическим подходом к изучению уровня популярности и содержательной насыщенности контентом сайтов, достаточно интересно. Можно добавить, что студенты – наиболее активная аудитория и сетевых сообществ.

Для качественного анализа сайтов 12 вузов Консорциума студентам было предложено использовать уже апробированную методику по следующим **критериям**:

- 1 Работает ли сайт на основных браузерах?
 - Microsoft Internet Explorer,
 - Mozilla Firefox,
 - Opera.
- 2 Читабельность информации на сайте:
 - Нежелательность использования разнообразных по размеру шрифтов,
 - Выравнивание (текст с выравниванием по левому краю читается гораздо проще, чем с выравниванием по правому или по ширине),
 - Размеры текстовых блоков (текстовые блоки не должны быть слишком широкими или слишком узкими).
- 3 Наличие «поиска» по сайту.
- 4 Навигация по сайту, разделение информации на следующие блоки:
 - Информация (документы, о нас, история).
 - Структура (администрация, деканат, ученый совет).
 - Образование (специальности и направления, учебный план, расписание занятий).
 - Наука (конференции, научные школы, аспирантура и докторантура, диссертационные советы, архив диссертаций, проекты, публикации).
 - Издательская деятельность (периодические издания, их архив, контакты).
 - Абитуриентам (мероприятия, подготовительные курсы, правила поступления).
 - Студентам (мероприятия, студенческие приказы, переводы и восстановления).
 - Выпускники (клуб выпускников, группы выпускников разных лет и специальностей).
 - Ресурсы (библиотека, редакция газеты вуза).
 - Разное (любая другая, не входящая в блоки информация).
- 5 Новости сайта (лента новостей).
- 6 Степень частоты обновления новостей (новизна информации).
- 7 Количество рекламы на сайте (если рекламы мало или её нет вообще – это показатель того, что на сайт вузом выделяются денежные средства).
- 8 Версии сайта на других языках.
- 9 Контактная информация (обратная связь с вузом – как правило, это контактные телефоны и электронная почта, карта проезда к вузу).

- 10 Страница сайта только в единственном экземпляре.
- 11 Наличие страниц (сайтов) факультетов вуза.
- 12 Наличие сайта вуза в Международном рейтинге сайтов Webometrics.

Критерии составления рейтинга сайтов вузов здесь представлены достаточно подробно, хотя их могло бы быть больше с учётом, например, оценки дизайна сайта, наличия доменного имени.

Оценка сайтов вузов Консорциума осуществлялась путём присвоения баллов:

- «5» – «отлично» – сайт полностью соответствует заданному критерию
- «4» – «хорошо» – есть небольшие недочёты по заданному критерию
- «3» – «удовлетворительно» – отсутствует 1–2 показателя по критерию
- «2» – «неудовлетворительно» – отсутствует 3–4 показателя по критерию
- «1» – «плохо» – присутствует 1 показатель по критерию
- «0» – заданный критерий отсутствует

(Примечание №1: в критериях – 3, 5, 7, 8, 10 – ставятся баллы, если «да», то «5» баллов, если «нет», то «0» баллов).

Автор предлагает также рассчитывать агрегированный показатель и по весовому коэффициенту каждого из критериев оценки сайтов вузов. *Весовой коэффициент* – это числовой коэффициент, параметр, отражающий значимость, относительную важность, вес данного фактора, показателя в сравнении с другими факторами, оказывающими влияние на изучаемый процесс.

Для определения агрегированного показателя по весовому коэффициенту каждому из 12 критериев было присвоено определённое количественное значение в зависимости от их сравнительной характеристики. Сумма произведений рейтинга весовых показателей на их определённую ранее балльную оценку и дало в итоге агрегированный показатель оценки сайта вуза.

Итоговая таблица студенческого рейтинга сайтов вузов Консорциума выглядит следующим образом:

Таблица 2 Оценки сайтов вузов Консорциума по 12 критериям

№	Критерии	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12 /место в рейтинге Webometrics/	Кол-во баллов	Сумма весового показателя
	Вес критерия	0,03	0,04	0,05	0,1	0,05	0,1	0,1	0,09	0,09	0,1	0,1	0,15		
№	ВУЗ														
1	ВГУСЭ	5	4	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5 2074 место (0,75)	59	4,96
2	ВГУ	5	4	5	4	5	5	5	0	5		5	0	38	3,66
3	ВСГАО	5	4	0	4	5	4	5	0	2	2	0	0	31	2,24

№	Критерии	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12 /место в рейтинге Webometri cs/	Кол- во бал ов	Сумма весовог о показате ля
4	ДГУ	5	5	5	5	5	5	5	2	4	5	5	5 8726 место	56	4,64
5	ОГИС	5	4	0	4	5	5	4	0	4	4	5	0	40	3,12
6	ПГУС	5	4	5	5	5	5	3	3	5	5	5	0	50	3,83
7	РГУ имени С.А.Есени на	5	5	5	5	4	5	5	4	5	5	4	5 5166 место из 12000	5□	4,76
8	С□бГУСЭ	5	5	4	5	5	5	5	5	5	4	5	5 7728 место из 12.006 на 19.12.201 1	58	4,85
9	СГУ	5	4	5	3	4	5	5	5	4	4	4	5 9133 место из 12.0000	53	4,42
10	ТГУ	5	4	5	3	5	5	4	5	5	5	5	5 4668 место на 2□.12.20 11	56	4,36
11	УГАЭС	5	4	5	4	5	3	5	3	5	5	5	0	49	3,73
12	ЮРГУЭС	5	4	5	4	5	5	4	2	4	0	5	5 7993 место из 12.000	48	3,9

Следует дать комментарии по выявленным студентами некоторым особенностям сайтов этих вузов – как положительным, так и отрицательным, которые нашли отражение в начислении баллов за контент сайта. Но в основном, эти комментарии относятся к самому сложному и показательному 4 критерию – «Навигация по сайту».

ВГУСЭ (Владивосток)

4 критерий. Отмечено, что кроме обязательных, есть разделы *Родителям* (учебный процесс, смс-уведомления, культура, здоровье, спорт, жизнь студентов), *Выпускникам* (послевузовское образование, старт карьера, культура, здоровье, спорт), *партнёрам* (региональные проекты, международное сотрудничество, видеоконференцсвязь, театр «Андеграунд», Стратегическое партнёрство), *Ресурсы* (библиотека, телефонный справочник, корпоративно – информационная среда, отчеты, хранилище полнотекстовых материалов, расписание, он - лайн тестирование, видео-материалы, форумы).

Уникальность сайта, на взгляд студентки, заключается в том, что он переведен на английский и китайский языки и существует раздел «Родителям».

ВГУ (Владимир)

4 критерий. В разделе *Наука* (конференции, научные школы, проекты, публикации) – представлена *устаревшая* информация о проводимых конкурсах, олимпиадах и фестивалях. Отсутствуют научные публикации.

В разделе *Абитуриентам* (мероприятия, подготовительные курсы, правила поступления) большим плюсом является информация о ценах на подготовительные курсы для абитуриентов.

В разделе *Выпускники* практически нет информации о выпускниках.

В разделе *Разное* отмечено, что имеется своё университетское телевидение.

ВСГАО (Иркутск)

4 критерий. В разделе *Разное* представлен подраздел *Трудоустройство для студентов и выпускников*, есть *Менеджмент качества* и *Рейтинг факультетов по количеству абитуриентов*.

9 критерий. В меню нет раздела *Контакты*, они указаны в разделе «Об академии», что очень неудобно. Также нет контактов ни на шапке сайта, ни внизу сайта. Отсутствует и схема проезда к вузу.

10 критерий. Существует вторая страница сайта, что плохо. Второй сайт менее красочный и неполный, но страница нестарая, т. к. на ней обновляются новости.

ДГТУ (Дагестан, Махачкала)

4 критерий. Есть необычные для других вузов подразделы.

Комитет по делам молодёжи. КДМ является структурным подразделением вуза, объединяющим в 5 секторах студентов, аспирантов, молодых преподавателей и сотрудников ДГТУ. Актив КДМ реализует свои проекты в следующих областях молодёжной политики: развитие творческого и интеллектуального потенциала, реализация молодёжных инициатив и научная активизация, привлечение большего числа студентов к спорту, военно-патриотическое воспитание молодёжи, вовлечение студентов в творческие объединения, кружки по интересам, по профилактике правонарушений и наркомании среди молодёжи. КДМ осуществляет межфакультетское регулирование и координацию межвузовских связей в рамках молодёжной политики.

Студенческий клуб университета, который состоит из 5 отделов: студия современного танца; студия национального танца; вокальная студия; КВН – студия; отдел технического обеспечения.

Первичная профсоюзная организация работников и студентов.

Научно-исследовательская лаборатория региональных экономических проблем при правительстве Дагестана (НИЛРЭП), которая была образована в 1996 г. на базе Дагестанского государственного технического университета как самостоятельное хозрасчетное предприятие.

8 критерий. Сайт существует только на русском языке, хотя есть общие сведения на английском языке в разделе международного сотрудничества.

9 критерий. Нет карты проезда к вузу.

ОГИС (Омск)

4 критерий. В разделе *Наука* (конференции, научные школы, проекты, публикации) – представлена *устаревшая* информация о проводимых конкурсах, олимпиадах и фестивалях. Отсутствуют научные публикации.

Абитуриентам (мероприятия, подготовительные курсы, правила поступления). Большим плюсом является информация о ценах на подготовительные курсы для абитуриентов.

Выпускники. О выпускниках очень много информации и фотографий в разделе *История вуза*.

Разное. Уникальность вуза и сайта в том, что на сайте представлен раздел по Трудоустройству для студентов и выпускников, где можно посмотреть вакансии и заполнить резюме и в дальнейшем устроиться на работу по профессии. Здесь располагается информация Отдела по содействию трудоустройству студентов и выпускников.

Его работа осуществляется по следующим направлениям:

- 1 работа с выпускниками и студентами: по информированию, консультированию, профессиональному самоопределению, содействию в трудоустройстве;
- 2 внутри вуза: взаимодействие с кафедрами и деканатами по вопросам содействия занятости студентов, в т. ч. и в их свободное время, и трудоустройству выпускников;
- 3 внешняя деятельность: развитие партнёрских отношений с работодателями и взаимодействие с административными структурами, службой занятости.

ПГУС (Тольятти)

В 2009 г. по итогам конкурса "Золотая медаль "Европейское качество". Поволжский государственный университет сервиса стал лауреатом в номинации "100 лучших вузов России", а ректор вуза д.э.н., профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ Лидия Ивановна Ерохина была удостоена почетного звания "Ректор года-2009". Такое решение принял оргкомитет Международной Академии Качества и Маркетинга и Независимый общественный Совет.

4 критерий. Разделы – *Наука* (конференции, научные школы, проекты, публикации) – отсутствуют научные публикации.

Выпускники. Нет информации по выпускникам.

Разное. На сайте представлен раздел для Работодателей. Также есть карта сайта.

7 критерий – есть реклама, её достаточно много, и это плохой показатель.

8 критерий – на английском языке отражено не все содержание сайта.

РГУ имени С.А.Есенина (Рязань)

4 критерий. Студенты отмечают, что здесь представлена вся необходимая информация, она легко доступна, разделена на удобные блоки. В разделе партнёрам представлена информация, адресованная различным организациям. Указано, что в университете реализуется множество проектов социальной направленности, как, например, Ассоциация детей-сирот, Волонтерские отряды, Здоровье и спорт, «Интеллектуальный перекресток Рязани».

По *Международному сотрудничеству* осуществляются проекты Академическая мобильность, Зарубежные партнёры, Институт Конфуция.

На территории университета действует Храм Покрова Пресвятой Богородицы и Святой мученицы Татианы, студенческий театр «Переход».

Указаны ссылки на страницы этого вуза в социальных сетях – *Twitter, Livejournal, Facebook, Vkontakte.*

СПбГУСЭ – теперь в составе СПбГЭУ (Санкт-Петербург)

В целом сайт получил высокую оценку. И, тем не менее, отмечены некоторые недостатки.

3 критерий. Есть поиск по сайту, но он расположен не самым удачным образом. Чтобы сделать его более заметным, его необходимо переместить в верхний правый угол.

4 критерий – нет научных публикаций преподавателей, нет подраздела «Родителям».

10 критерий. Официальная страница сайта существует в единственном экземпляре, однако при наборе названия нашего университета в поиске, можно увидеть несколько различных страниц, что может вызвать путаницу.

СГУ (Сочи)

4 критерий. В подразделе *Выпускники* упомянуты известные выпускники вуза. В *Разном* - много информации об организации волонтерской деятельности для Олимпиады 2012 года

8 критерий. *Версии сайта на других языках* – есть версия на английском языке, и она более интересная, чем на русском языке.

11 критерий. *Наличие страниц факультетов* – мало информации.

ТГУ (Тверь)

В шапке меню абитуриентам адресованы *on-line* консультации по ЕГЭ.

4 критерий. Раздел *Навигация* не представлен полноценно.

В подразделе *Трудоустройство* про выпускников ничего не сказано.

Но уникальность сайта состоит в том, что у университета есть богатый *видеоархив*, который находится в свободном доступе для любого абитуриента, который при выборе того или иного факультета может посмотреть видеорекламу факультета. Сайт разработан в отделе информационных технологий ТвГУ совместно со службой информации и связей с общественностью.

В Разделе *Наука*, кроме многих других показателей, находятся отчеты о результатах проведения «Недели науки», научные публикации преподавателей, Положение о рейтинговой системе оценки научной деятельности кафедр ТвГУ.

УГАЭС (УФА)

2 критерий – есть небольшие недочеты по заданному критерию. Текстовые блоки имеют маленький шрифт, читать неудобно, на сайте использованы слишком яркие цвета для текста (синий и ярко желтый).

4 критерий – уникальностью можно считать раздел *«СМИ об академии»*, где можно прочитать много интересных фактов об академии. Также существует электронная библиотека для студентов.

8 критерий – Сайт только на русском языке. Это недостаток сайта.

ЮРГУЭС (г. Шахты Ростовской области) – По сертификату Международной компания IES (Великобритания) ЮРГУЭС – высококлассное учебное заведение с международным опытом; выпускники вуза получают вместе с дипломом международный сертификат IES на английском языке по 11 образовательным программам, который признан на международном уровне; востребованность выпускников ЮРГУЭС составляет 98 %; ЮРГУЭС отнесен к 50 ведущим университетам 35 стран мира по направлению «Беспроводные коммуникации» фирмой Intel мировым лидером в области компьютерной техники;

4 критерий. Нет информации для студентов о расписании.

7 критерий. На сайте есть несколько рекламных баннеров

8 критерий. Сайт только на русском языке, но есть общая информация о ВУЗе на английском и немецком языках

9 критерий. Нет карты проезда к университету

В этом обзоре представлены лишь некоторые характеристики сайтов, которые в глазах студентов являются или плюсами, или их минусами. Но для более объективной и полноценной характеристики сайтов их можно проанализировать и с позиций других целевых групп – абитуриентов и их родителей, преподавателей и аспирантов, представителей органов

государственного и муниципального управления, работодателей, выпускников, отечественных и зарубежных коллег и партнёров.

Данный рейтинг сайтов несопоставим по ряду позиций с глобальным рейтингом Webometrics [5], но, тем не менее, он достаточно информативен и даёт представление об отношении руководства вузов Консорциума к своему позиционированию на рынке образовательных услуг (здесь – с позиций студентов).

К общим недостаткам относится отсутствие расписания для студентов, отсутствие карт проезда к вузу (наверное, и для студентов – владельцев автомобилей), отсутствие научных публикаций ППС вузов (кроме сайта ТГУ). Студентов-выпускников особенно интересуют разделы, связанные с их трудоустройством.

Ещё раз подчеркнём, что особую роль в условиях интернационализации образования начинают играть версии сайта, переведённые на иностранные языки, в первую очередь английский. На языке международного общения должна быть представлена не только главная страница, но и разделы, посвящённые исследовательской работе, научным публикациям. Но это наполнение и является одной из важнейших проблем разработки сайтов всех отечественных вузов.

А в целом, подобные обзоры сайтов дают богатую пищу для совершенствования всей работы вузов, которая тем или иным образом находит, как в зеркале, отражение в содержании своих сайтах.

Литература

- 1 Полтавец А. В., УАГС. Оценка и оптимизация официального веб-сайта вуза как многофункционального инструмента обеспечения вузовской деятельности. URL: [/www.government.nnov.ru/_data/objects/0004/6433/1.doc](http://www.government.nnov.ru/_data/objects/0004/6433/1.doc).
- 2 Симонов С. В. Продвижение сайтов российских вузов в рейтинге Webometrics/ URL: <http://www.reitor.ru/ru/observatory/research/index.php?id19=756>.
- 3 Михеева Н. А. Сайт вуза как современный способ его позиционирования на рынке образовательных услуг: статья // Современные проблемы социологии: Сборник научных трудов преподавателей и аспирантов кафедры «Социология». / Под ред. Р. А. Костина, С. И. Бояркиной. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2011. С. 180–189.
- 4 Сайт СПбГУСЭ. URL: <http://service.in.spb.ru/konsorcium-vuzov-servisa-istorija-konsorciuma/> (21.02.2012).
- 5 Webometrics. URL: <http://www.webometrics.info> – Международный рейтинг сайтов вузов.

Е. Михайлова

ЭКСПЕРТНЫЕ ОПРОСЫ: ОСОБЕННОСТИ РЕКРУТА ОТДЕЛЬНЫХ ЦЕЛЕВЫХ АУДИТОРИЙ

МИХАЙЛОВА Елена, ВЦИОМ.

В целях оптимизации процесса планирования и организации полевых работ при проведении экспертных опросов компанией "Ремаркет" в сотрудничестве с Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в декабре 2014 г. – феврале 2015 г. было

проведено методическое исследование, позволившее проанализировать особенности различных этапов рекрута респондентов, выявить наиболее эффективные механизмы отбора экспертов, определить оптимальные форматы проведения интервью с представителями различных целевых аудиторий.

Выводы, полученные в рамках исследования, базируются на наблюдениях за ходом проведения 340 интервью с представителями различных целевых аудиторий (органов власти, коммерческих и бюджетных организаций), занимающими разные статусные позиции (топ-менеджеры организаций, руководители среднего звена, рядовые исполнители). География наблюдений охватывает 7 субъектов Российской Федерации, в которых сотрудниками компании проводились социологические исследования в указанный период.

Предпочтения в выборе места проведения интервью зависят от категории экспертов: в то время как абсолютное все представители органов власти назначают интервью непосредственно на рабочем месте (в своем кабинете), сотрудников коммерческих организаций часто выбирают другие места для беседы – кафе, рестораны, приглашают интервьюеров домой и т. п. (это было зафиксировано в трети интервью с представителями данной целевой аудитории). В то время как абсолютное большинство рядовых исполнителей готова к личному общению, третья часть топ-менеджеров в большей степени ориентирована на предоставление информации в формате телефонного интервью.

Только в 14% случаев эксперты были готовы беседовать с интервьюерами без получения какой-либо дополнительной информации, подтверждающей факт проведения исследования. В 58% случаев эксперты довольствовались получением официального письма за подписью руководителя организации, проводящей исследование. В 23% наблюдений требовалось предоставление сопроводительного электронного письма, содержащего информацию о деталях реализуемых проектов, целях и задачах исследований. В 6% случаев договоренность о проведении интервью была достигнута только в результате предоставления официального письма от непосредственного заказчика исследования. Более того, 23% респондентов на этапе установления договоренностей о проведении интервью просили заранее предоставить перечень вопросов, которые планируется обсуждать (с целью более детальной подготовки к беседе и заблаговременного поиска необходимой информации). Наиболее ответственно подходят к участию в интервью представители органов власти – в 46% наблюдений они просили интервьюеров направить им инструментарий исследования для предварительного ознакомления.

При планировании исследований важно учитывать, что для установления договоренностей о проведении интервью с представителями органов власти интервьюерам/рекрутерам необходимо будет коммуницировать в среднем с 2 должностными лицами (не считая самого респондента). В случае же необходимости получения согласия от сотрудника коммерческой организации этот показатель несколько ниже (1,3), однако возникают другие временные задержки, связанные с частыми переносами интервью в силу постоянно меняющихся графиков встреч и переговоров.

Материальные стимулы и вознаграждения, предусмотренные за участие в интервью, повышают активность участия в беседе, позволяют снизить вероятность получения формальных ответов. Однако сегодня одним из стимулов для участия в исследовании выступает и получение информации – выводов по результатам исследования, в котором эксперт принимал участие. В 47% наблюдений эксперты просили выслать им резюме по результатам исследования, а в 15% были готовы и дальше участвовать в обсуждении изучаемой проблемы, предоставить

дополнительную информацию. Наиболее высок интерес к данным исследований проявляют представители органов исполнительной власти – в данной группе в 67% случаев были зафиксированы запросы на получение информации о результатах исследования.

Оценка уровня информативности проведённых интервью позволила прийти к выводу, что наиболее полная, исчерпывающая информация была получена в результате опроса сотрудников бюджетных организаций, являющихся руководителями среднего звена, при установлении контактов посредством официального обращения в организацию. Наименее информативными оказались интервью, проводившиеся дома у экспертов, при установлении договоренностей посредством личных связей.

При работе с высокостатусными, труднодостижимыми категориями экспертов эффективно использование альтернативных подходов к организации интервью (проведение беседы посредством SKiPe при нахождении эксперта в командировке, интервью в автомобильной пробке при перемещении эксперта между мероприятиями и т. п.).

А. В. Мишарина

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О ПОБЕДЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

МИШАРИНА А. В. – кандидат психологических наук, менеджер по персоналу компании «Курапрокс». E-mail: nutkins@mail.ru.

Работа выполнена при поддержке РГНФ грант № 14-36-01021. Тема: Коллективная память о победе в Великой Отечественной войне в сознании больших групп общества (к 70-летию Победы).

В данной работе представлены результаты изучения структурной организации представлений коллективной памяти двух возрастных групп российского общества о Великой Отечественной войне. По итогам исследования был выявлен глубинный, слабо рефлекслируемый уровень представлений с помощью метода психологического рисунка и поверхностный, рефлекслируемый уровень с помощью метода ассоциаций. Обнаружено, что основные содержательные компоненты – ядро и периферия представления – различаются в двух исследованных группах. В тезисах будут описаны результаты метода анализа ассоциаций.

Великая Отечественная война многие годы остаётся историческим событием, прочно занимающим лидирующее положение в ряду самых значительных событий российской истории по опросам населения [5]. Сейчас мы наблюдаем разнообразие содержания коллективной памяти о войне в разных поколениях россиян. Отчасти это связано с периодами их политической социализации и ресоциализации, отчасти – с их политическим опытом и мировоззрением [3, 4]. Результаты социологических работ дают важные ориентиры в понимании того, что именно современное российское общество помнит о ВОВ [1].

Нашей задачей в социально-психологическом исследовании коллективной памяти о ВОВ было изучение не только содержания памяти, что уже делается в социологических работах, но и её уровневой структуры с тем, чтобы выявить общее и различное содержание на этих уровнях между поколениями.

В данной статье будут представлены результаты исследования коллективной памяти о ВОВ представителей двух возрастных групп – «детей войны», родившихся 1929–1944 гг. и их детей и внуков, родившихся в 1960–1978 годах. В исследовании приняли участие 120 человек (по 60 чел. из каждой возрастной группы), группы выровнены по полу. Респонденты заполняли блок методик, состоявший из пяти заданий. В их числе 5-ти балльные шкалы для оценки утверждений, связанных с войной, психологический рисунок на тему «Ветеран войны», интервью, ассоциативный метод, сведения респондента о себе.

Полученные от респондентов ассоциации на словосочетание «Победа в ВОВ» были обработаны согласно методике Вержеса [2], позволяющей построить структуру социальных представлений, выделить ядро и периферию. Результаты представлены в таблицах ниже.

Таблица 1 Структура социальных представлений о Победе в ВОВ, группа 1929–1944 г. р.

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	<3,17	>=3,17
≥8	Счастье (37;2,22)	Мир (19;3,52)
	Гордость, уважение (33;2,79)	Скорбь, горечь потерь (13;3,30)
	Празднование Победы (30;2,87)	Величие и Сила русского народа (13;3,77)
	Возвращение родных домой (22;2,72)	
	Восстановление страны и уклада людей (18;3)	Планирование мирной жизни (11;3,27)
	Смерть, цена победы (15;2,8)	
	Праздник со слезами на глазах (9;3)	Свобода (9;3,66)
	Объявление Левитана, фильмы, песни военных лет (8;2,38)	
<8	Победа (5;2,8)	Благодарность, уважение (6;3,5)
		Ветераны, признание (3;3,33)
	Страх, волнение (4;3)	Патриотизм (4;4)
		Страх новой войны (4;3,75)
	Знамя над Рейхстагом (2;0,5)	Единение людей, сплоченность (3;3,66)
		Формальность праздника (2;5)
	Ордена, памятники (1;2)	Ненависть к войне (2;4,5)
		Вечная память (2;4)

Ядро представлений о Победе в ВОВ старшей группы респондентов (1929–1944 г. р.) составлено весьма противоречивыми понятиями (табл. 1). С одной стороны, это категории, имеющие яркую позитивную окраску: радость, гордость, счастье, празднование. С другой стороны – воспоминания о потерях, высокой цене Победы, заплаченной жизнями родных и близких. Амбивалентность представления отражается и в одном из часто повторяющихся высказываний респондентов этой группы – для них Победа остаётся «праздником, со слезами на глазах».

Младшая группа респондентов (1960–1978 г. р.) демонстрирует представления о Победе более однородные. В ядре их представлений понятия только позитивные и однозначные – празднование, почтение ветеранов, патриотизм, гордость. Это содержание представлений вполне соответствует официальной транслируемой точке зрения и тому образу победы, который, вероятно, формируется старшим поколением, ограждающим внуков от травмирующих фактов и переживаний военных лет. Потому понятия, связанные с потерями, смертью, страхом хоть и присутствуют в структуре представлений, но находятся лишь в периферии – они не слишком популярны и разделяются меньшим количеством опрошенных.

Таблица 2 Структура социальных представлений о Победе в ВОВ, группа 1960–1978 г. р.

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	<2,76	>=2,76
>=8	Победа (10;2,2)	Праздник со слезами на глазах (8;3,5)
		Счастье (32;2,88)
	Празднование Победы (54;2,74)	Смерть, цена победы (20;2,9)
		Мир (9;3,44)
	Ветераны, признание (17;2,71)	Скорбь, горечь потерь (22;3,05)
		Ордена, памятники (21;3,62)
	Патриотизм (8;2,63)	Объявление Левитана, фильмы, песни военных лет (13;3)
		Восстановление страны и уклада людей (8;3,63)
Гордость, уважение (27;2,30)	Величие и Сила русского народа (12;3,17)	
	Вечная память (8; 3,38)	
<8	Знамя над Рейхстагом (4;2,75)	Возвращение родных домой (1;3)
	Формальность праздника (0;0)	Благодарность, уважение (1;4)
	Планирование мирной жизни (0;0)	Свобода (6;3,83)
	Страх, волнение (3;2,67)	Единение людей, сплоченность (7; 3,57)
	Ненависть к войне (0;0)	Страх новой войны (2;4)

Интересно, что структура ядра в старшей группе гораздо богаче - как по количеству понятий, так и по их разнообразию. Видимо, пережив тяготы войны на личном опыте, представители этого поколения имеют разнообразные, но устойчивые представления о ней, базирующиеся на разнообразных личных впечатлениях и достоверных сведениях о событиях войны. В то время как представления респондентов младшего возраста формируются на основе достаточно гомогенных источников информации, потому гораздо более однородны.

Результаты исследования подтверждают сложность коллективных воспоминаний о Победе в ВОВ и необходимость их более детального изучения путём сопоставления различных исследовательских методик.

Литература

- 1 Афанасьева Л. И., Меркушин В. И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005 № 5. С. 11–22.
- 2 Бовина И. Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект-Пресс, 2007.
- 3 Балабанов С. С., Саралиева З. Х. Историческая память о Великой Отечественной войне: поколенческий подход // Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности / Под общей ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2011. 510 с. С. 42–48.
- 4 Мельников М. В. Либеральная демократия: «исход» новизны современного мира// Актуальные проблемы социальной коммуникации: Сборник по итогам 3-ей Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород. 2012. С. 581–584.

- 5 Чернова О. В. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне // Politpros.com. 2011. № 1.
URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=138&journal=68>.

В. А. Мошнина, Е. А. Савельева
МОБИЛЬНАЯ ЭТНОГРАФИЯ: НЕИСКАЖЁННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ МОБИЛЬНОГО МИРА

МОШНИНА Валерия Алексеевна – исследователь в компании «Tiburon Research», выпускница социологического факультета МГУ. E-mail: moshnina@tiburon-research.ru.

САВЕЛЬЕВА Евгения Александровна – исследователь в компании «Tiburon Research», аспирант кафедры социологии РУДН. E-mail: savelyeva@tiburon-research.ru.

Методология социологических исследований не является константным набором устоявшихся методик и техник. Она постоянно обновляется и пополняется новыми практиками, т. к. должна соответствовать исследуемой ею социальной реальности и отвечать вызовам времени.

Одними из основных черт современного мира являются впечатляющее ускорение темпа жизни и растущая роль интернета практически во всех сферах жизни человека. Жизнь, общение, социальные практики не просто перемещаются из физической реальности в онлайн. Переплетение двух тенденций – потребности постоянно быть в движении и потребности постоянно быть в сети – ведёт к очевидному взрывному росту мобильного интернета: по данным TNS, в декабре 2014 г. России уже 31,5 млн человек (50%) пользуются мобильным интернетом хотя бы раз в день (города 100 тыс.+, возраст 12+), рост по сравнению с декабрём 2013 г. +9% [4, с. 12–13].

Исследователь, в свою очередь, приобретает новый канал связи с исследуемой им аудиторией: «Накопилось много работ, которые показывают: изучать что-либо с помощью онлайн-методов можно и должно. Особенно, если объект исследования сам недалёк от Интернета» [1, с. 117]. Мобильный телефон в кармане респондента, подключённый к глобальной сети, является замечательным инструментом для проникновения в его повседневную жизнь и фиксации тех её моментов, которые могут быть важны для задач исследования. Именно поэтому использование мобильных технологий особенно релевантно для этнографических исследований, основная цель которых – «всесторонний анализ каждодневной коллективной практики определённой общности» [3, с. 39].

Этнографический метод является традиционным качественным методом. Он включает в себя как анализ разнообразных документов, записей, фотографий и предметов, так и наблюдение за обыденной жизнью с целью составления исчерпывающей картины того или иного явления: «Наблюдение, преимущественно включённое наблюдение, в широком смысле слова часто используется как эквивалент исследовательским стратегиям — этнографическому методу, или кейс-стади... Здесь познание происходит через личный опыт, понимание локального порядка изучаемой группы посредством детального описания» [2, с. 99].

Исследователь, пользующийся этим методом, часто сталкивается с рядом трудностей – 1) предполагается длительный сбор данных, который достаточно сложно организовать; 2) обработка и анализ полученного массива данных, представленного в несистематизированном

виде, требует времени даже больше, чем сам сбор данных; 3) влияние ситуации исследования на респондента искажает объективную реальность – респондент чувствует себя «под колпаком» и пытается выглядеть лучше, чем он есть, скрыть факты, которые кажутся ему социально не одобряемыми. Теряется сама суть метода – зафиксировать реальность «как она есть».

На наш взгляд, новые технологии могут способствовать преодолению этих трудностей. В исследовательской среде растёт интерес к новой технике – мобильной этнографии, совмещающей в себе достоинства онлайн-сообществ, анализа социальных медиа и традиционной этнографии. Суть мобильной этнографии заключается в том, что у респондента уже есть инструмент, позволяющий ему шаг за шагом записывать его действия и окружающие явления, тратя на это минимум времени и сил. Всё, что требуется – взять мобильный телефон, открыть специальное приложение или веб-страницу и загрузить туда фото или видео, сделанное в данный момент или чуть ранее, написать короткую заметку или ответить на вопрос модератора. Подобные фотоблоги респондентов могут быть публичными, т. е. все участвующие видят посты друг друга (если нам важна групповая динамика) или приватными (если нам нужно затронуть сензитивную тему или минимизировать взаимовлияние респондентов). Исследователь на этапе сбора данных должен поддерживать активность респондентов напоминаниями и комментариями, что достаточно удобно делать с помощью push-уведомлений через мобильный телефон. В качестве бонуса исследователь существенно экономит время, т. к. может одновременно работать с несколькими респондентами, находящимися в разных городах, сравнивать их опыт, анализировать промежуточные данные и корректировать программу исследования.

В отличие от обычного наблюдения, которое чаще всего длится недолго, мобильная этнография позволяет отслеживать жизнедеятельность респондента на протяжении достаточно долгого времени, что позволяет получить более полную картину и оценить динамику исследуемого явления. Таким образом, мобильные технологии значительно облегчают сбор и систематизацию данных для этнографических исследований как в целом, так и с точки зрения длительности. Что касается анализа, то на выходе исследователь получает массив данных (фото, видео, аудио файлы, текстовые заметки), с которым удобно работать: данные можно сортировать, выгружать и анализировать в режиме реального времени. Помимо этого, исследователь никак не влияет на реальность своей фигурой, что происходит во время включённого наблюдения – респонденты могут участвовать в исследовании анонимно, что позволяет им расслабиться и вести себя как обычно, а не демонстрировать социально желательное поведение.

Разумеется, метод мобильной этнографии, как и любой другой, имеет ряд ограничений как по тематике исследований, так и по характеру целевой аудитории – респонденты должны быть пользователями мобильного интернета (в основном это население до 45 лет [4, с. 14]), иметь смартфон, ориентироваться в социальных сетях. Существует также ряд технических требований к инструментарию – он должен быть современным и достаточно простым для понимания респондента. Кроме того, участие в подобном исследовании должно быть для респондента похожим на его действия в обычной жизни – следовательно, интерфейс такой программы должен быть интуитивно понятным, похожим на микроблоги и социальные сети и визуально приятным. Эта программа должна работать без технических сбоев, иначе вовлечённость респондента будет быстро утрачена.

Несмотря на данные ограничения, мы уверены, что этот метод благодаря описанным выше преимуществам имеет огромный потенциал и обязательно пригодится тем исследователям, которые хотят идти в ногу со временем.

Литература

- 1 Колозариди П. Чем онлайн отличается от оффлайна, и какой теоретический смысл есть в этом различии // INTER. 2014. № 7. С. 117–123.
- 2 Полухина Е. Онлайн-наблюдение как метод сбора данных // INTER. 2014. № 7. С. 95–106.
- 3 Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Ин-т социологии РАН. М.: Добросвет, 1998.
- 4 TNS Web Index: Аудитория Интернета в целом. Установочное исследование. Декабрь 2014.

Н. В. Немирова

**КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ БЕЖЕНЦАМИ
(НА ПРИМЕРЕ КОМПЛЕКСНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В Г. МОСКВЕ)**

НЕМИРОВА Н. В. – кандидат социологических наук, заведующая социологической лабораторией РГПУ им. А. И. Герцена. E-mail: nneirova@yandex.ru.

В ходе доклада хотелось бы ознакомить слушателей с примером апробации методики комплексного социологического исследования социальной нагрузки беженцами, а именно, с результатами проведённого мониторинга возрастания социальной нагрузки на инфраструктуру Москвы в условиях массового притока беженцев с Украины. Целью доклада является обоснование предложенной методики. Предметом исследования стали проблемы социального обеспечения украинских беженцев, в особенности семей с детьми, и их влияние на доступ к социальным услугам для жителей столицы. Имеются в виду доступ на рынок труда, жилья, медицинских и образовательных услуг. Исследуя социальные проблемы беженцев и вынужденных переселенцев с Украины, необходимо рассматривать их как многоуровневую систему, включающую в себя анализ причин и мотивов миграции, планы на будущее, вопросы социального обеспечения, конкуренцию на рынке социальных благ и услуг, вопросы адаптации в Москве (рис. 1).

Рисунок 2 – Социальное обеспечение и социальная нагрузка как предмет исследования

Политические и социальные трансформации современных обществ – кризисы, революции, войны, террористическая угроза – приводят к росту числа беженцев и вынужденных переселенцев по всему миру. Так, например, европейское сообщество прекрасно помнит угрозу гуманитарной катастрофы на территории Италии, когда туда хлынуло «человеческое цунами» из государств Северной Африки, охваченных революционным движением. Сегодня в России мы наблюдаем третью волну беженцев с территории Украины. По оценкам специалистов УФМС, за последние месяцы число беженцев на приграничных территориях РФ значительно выросло, что заставило увеличить число пунктов приёма беженцев в несколько раз. Ситуация на Украине свидетельствует о продолжении роста числа беженцев на территорию РФ. Не вдаваясь в полемику политических взглядов и пристрастий по вопросу «Россия – Украина» (т. к. доклад носит сугубо методический и методологический характер), необходимо отметить, что в сложившихся условиях возникает социальный запрос со стороны общества и государства на изучение социальной нагрузки, которую испытывают, как правило, большие города, принимающие беженцев на своей территории. Подобные социальные запросы формируют перед научным социологическим сообществом систему амбивалентных задач, решение которых усложняется информационными войнами, закрытостью официальной информации государственных структур, низкой степенью оперативности сбора и публикации статистической информации и т. п. В сложившихся условиях выходом из ситуации может служить методика проведения комплексного социологического исследования социальной нагрузки беженцами.

Комплексное социологическое исследование – это исследование, основанное на сочетании качественных и количественных методов. При этом основу качественной методологии составляет grounded theory (обоснованная теория), базирующаяся на работах А. Страуса, Б. Глезера, Дж. Корбин [1]. Метод глубинных интервью. Под количественной методологией – использование формализованной информации, а как метод – анализ статистических данных. Опуская вопросы методологического диспута между качественными и количественными методами исследования, следует отметить, что качественная методология позволяет решать исследовательские задачи динамичных проблемных ситуаций, которые характеризуются, с одной стороны, повышенной степенью социального риска при выборе решения, а с другой – повышенными требованиями к оперативности их информационного обеспечения для обоснования этих решений. Так, например, главная проблема при проведении социологического опроса беженцев количественными методами – это оценка размера и характеристик генеральной совокупности для обеспечения главного условия массовых опросов – репрезентативности исследования. В текущей социально-политической ситуации не всегда удаётся оперативно получить данную информацию. Это связано с различными каналами въезда украинских беженцев и вынужденных переселенцев на территорию России. При массовом опросе необходимо обеспечить достаточно большой объём выборочной совокупности, учитывая при этом различное размещение беженцев, их миграционный статус и опыт въезда на территорию РФ. Также необходимо учитывать их высокий уровень горизонтальной мобильности. Информационные войны, искажение реальных фактов и событий в СМИ осложняет формализацию опросного листа для данного типа исследований. Следовательно, использование количественных методов, прежде всего, массового опроса – крайне затруднительно в подобных условиях.

Качественные методы исследования разрешают данный вопрос. Они раскрывают реальную жизненную ситуацию беженцев, помогают понять мотивы их переезда, определить дальнейшие планы и механизмы социального поведения. Особое внимание здесь стоит уделить выбору респондентов и построению характеристик выборочной совокупности. Характеристиками построения выборочной совокупности в конкретном исследовании явились следующие: 1) опыт интеграции в г. Москве; 2) наличие детей, проживающих с респондентами в г. Москве; 3) миграционный статус; 4) возраст; 5) пол; 6) источник дохода; 7) уровень образования; 8) семейное положение; 9) состав семьи; 10) обучение детей в образовательных учреждениях г. Москвы; 11) в какой части Украины проживал респондент до миграции.

В основу разделения респондентов на смысловые кластеры была положена характеристика – опыт интеграции в г. Москве.

- 1 Первый кластер – респонденты, имеющие положительный опыт интеграции в г. Москве.
- 2 Второй кластер – респонденты, имеющие отрицательный опыт интеграции в г. Москве.

Для построения кластеров респондентам было задано несколько вопросов определяющих успешность интеграции. Вопросы носили как объективный, так и субъективный характер. Респондентов попросили оценить их опыт интеграции по ранговой шкале: успешный; скорее успешный, чем нет; скорее не успешный; не успешный. Объективными характеристиками успеха интеграции послужили следующие: наличие постоянного источника

дохода в виде работы по найму или занятие предпринимательской деятельностью. Для респондентов с детьми: обучение детей в образовательных учреждениях Москвы. Наглядно распределение по кластерам представлено на рисунке 2.

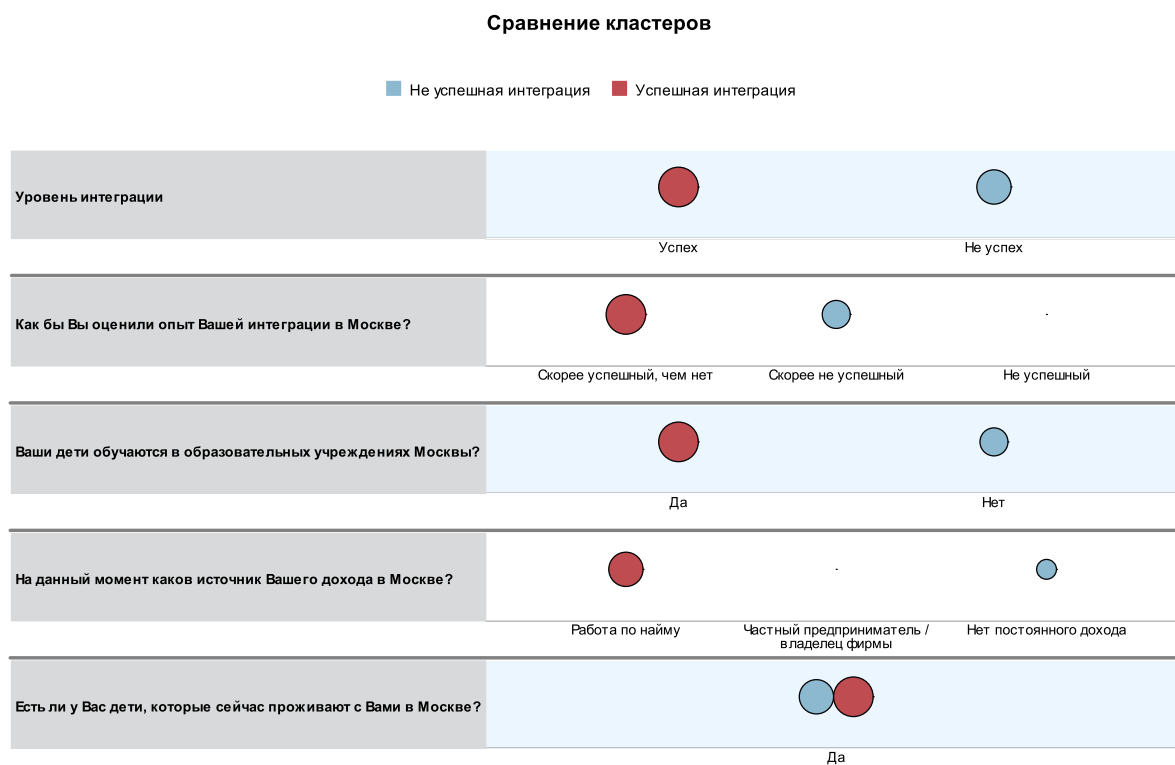

Рисунок 3 – Кластеризация выборочной совокупности

Выборочный метод: снежный ком. При этом респонденты не знакомы друг с другом. Каналы поиска респондентов составили: социальные сети (Вконтакте, Одноклассники, Facebook), волонтеры, некоммерческие объединения и ассоциации по помощи беженцам и вынужденным переселенцам, органы исполнительной власти, к которым обращались беженцы и вынужденные переселенцы.

Однако, изучение качественными методами только мнения беженцев и вынужденных переселенцев с территории Украины могло бы вызвать традиционные обвинения научным сообществом в необъективности полученных данных. Ввиду этого исследование включало в себя два параллельных процесса. С одной стороны, глубинные интервью с беженцами, экспертные интервью, включённое наблюдение. Экспертами в данном случае выступали представители различных государственных, коммерческих и некоммерческих структур, учреждений и организаций, которые прямо или косвенно определяют процесс жизнедеятельности беженцев и вынужденных переселенцев (например, представители УФМС, волонтерских организаций, комитета по труду и занятости, работодатели и пр.). включённое наблюдение – наблюдение за поведением беженцев в ходе рекрута и подготовки к интервью. С другой стороны, кабинетное исследование (теоретико-методологическая база исследования, анализ вторичных социологических данных), контент-анализ СМИ (межстрановое сравнение представленной информации), анализ статистической информации из открытых источников (межстрановое сравнение), обработка ответов на запросы в государственные органы.

Особое внимание хотелось бы уделить статистическим данным, используемым в исследовании. Основным источником статистической информации в России является Федеральная служба государственной статистики, в Украине Государственная служба статистики. Но данные в открытом доступе публикуются не оперативно. Ввиду этого особое внимание было уделено статической информации, публикуемой на сайтах министерств и ведомств России и Украины, а так же были направлены запросы для получения официальных ответов из интересующих комитетов правительства г. Москвы.

Этот комплекс мер позволил получить адекватную информацию согласно заданной цели исследования и спрогнозировать ситуацию в краткосрочной перспективе.

Литература

- 1 Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория. М., 2007.

Ю. Нурғалиева
КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ
В ИЗУЧЕНИИ НЕРАВНОГО БРАКА КАК УСТАНОВКИ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

НУРГАЛИЕВА Юлия – студентка 5 курса ПГНИУ.

Брак имеет большое значение для семьи, общества, государства. Соответственно, какие-либо изменения в одной из сфер жизни порождают изменения в институте брака. В настоящее время появляются новые виды и формы брака, которые встречались учёным при изучении прежде всего современного общества, а также так называемые модерные и постмодерные тенденции в браке, появившиеся в XX и XXI вв. в развитых странах, когда те перешли из индустриальной в постиндустриальную эпоху. Безусловно, в любой форме брака кроется социальная сущность, а корни – в процессах, протекающих в обществе. Брак в последнее время превращается в своего рода сделку между мужчиной и женщиной, возможно, причины этого кроются в современной политике, в рыночных отношениях. В настоящее время отмечается ряд негативных демографических тенденций, одна из них – ухудшение материального положения населения России. 42% жителей имеют заработную плату на уровне прожиточного минимума или ниже его [1].

Вследствие этого, появляются новые формы и модели брака. Об этом обычно судят на основании динамики демографических показателей – брачности, рождаемости, увеличения удельного веса разводов и неполных семей, увеличения количества ранних и сверхранних добрачных рождений. Повсеместно происходит размывание системы поведенческих норм в сфере брака и семьи, а также представлений о содержании семейных ролей.

В последнее время массовый характер приобретают неравные браки. В социологии нет точного определения понятия «неравный брак». В данной работе рассматриваются две стороны данного понятия. С одной стороны, неравный брак – ассиметричный по возрасту брак. С другой стороны, неравный брак – мезальянс, «брак между людьми разных сословий или классов, между людьми, сильно отличающимися по имущественному или социальному положению» [2].

Безусловно, своими корнями мезальянс уходит в глубокое прошлое. Такая форма брака была популярна в XVIII – начале XX вв. Затем популярностью пользовались браки равного социального статуса и браки ровесников. В настоящее время вновь пользуется популярностью неравный брак. О таких браках всё чаще пишут в СМИ, говорят по телевидению, всё чаще заключаются браки между людьми с большой разницей в возрасте. В настоящее время это каждый седьмой заключаемый брак, по прогнозам демографов ожидается, что скоро будет каждый пятый.

Таким образом, появляются феномены, которые очень сложно обнаружить и описать, опираясь только лишь на данные статистики. Необходимо исследование предпосылок, влияющих на брачное поведение. Одной из них является социальная установка современной молодёжи, измерение которой позволяет сделать выводы о представлениях, готовности к определённым действиям брачного поведения и личных суждениях современной молодёжи.

Существует множество подходов к определению сущности данного понятия, к способам его измерения. Относительно данной работы, подходящим является определение социальной установки Д. М. Булышко. Социальная установка – «фиксированная в социальном опыте личности (группы) предрасположенность воспринимать и оценивать социально значимые объекты, а также готовность личности (группы) к определённым действиям, ориентированным на социально значимые объекты».

Для того, чтобы описать сущность неравного брака, необходимо изучить особенности брачно-семейных установок современного российского общества, т. к. установки формируются в процессе социализации и жизнедеятельности человека.

Вообще, понятие социальной установки включает в себя три компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. В данном исследовании изучаются представления молодёжи о неравном браке как установке. Для исследования данного феномена был применён комплекс методов: контент-анализ газеты «Аргументы и факты» и метод анонимного опроса.

Для изучения представлений молодёжи о неравном браке был использован количественный метод – метод анонимного опроса. Респондентам предлагалась анкета, состоящая из 16 вопросов: 1 блок анкеты посвящён социально-демографическим характеристикам (7 вопросов), 2 блок – изучение семейного положения (6 вопросов), 3 блок – исследование взглядов на брак (2 вопроса), 4 блок – измерение установки на неравный брак (14 суждений по шкале Лайкерта).

В первом блоке респондентам предлагалось ответить на вопросы общего характера: пол, возраст, образование, национальность, основной вид деятельности, место проживания. Было опрошено 36 (60%) девушек и 24 (40%) юношей. Национальный состав респондентов распределился следующим образом: 38 (64%) русских, 6 (10%) армян, 7 (11%) удмуртов, 9 (15%) татар. Распределение по месту жительства: 39 (65%) человек – городское население, 21(35%) человек – жители сельской местности.

Во втором блоке респондентам предлагались вопросы относительно семейного положения и состава родительской семьи. Данные вопросы направлены на изучение поведенческой компоненты социальной установки.

Таким образом, распределение респондентов по семейному положению выглядит следующим образом: 34 (56%) человека выбрали позицию «встречаюсь», 18 (30%) – «холост», и 9 (14%) человек выбрали позицию «женат/замужем».

Анализ респондентов, выбравших позицию «встречаюсь»: 14 юношей и 20 девушек. 19 человек (55%) встречающихся имеют структуру «он-модели» (молодой человек старше

девушки), средняя разница между юношами и девушками составляет 4,8 года. Следовательно, имеется тенденция вступления в неравный по возрасту брак «он-модели».

45% молодёжи (15 человек), указавших позицию «встречаюсь», ровесники со своим партнёром. Также была замечена следующая тенденция: тип родительской семьи влияет на поведенческий аспект брачного поведения. 80% встречающейся молодёжи-ровесников указали, что их родители также являются ровесниками.

Анализ респондентов, состоящих в браке: 5 браков (56%) имеют структуру «он-модели», 3 брака (33%) – браки ровесников, 1 брак (11%) – брак «она-модель». Средняя разница в возрасте между супругами «он-модели» составляет 5,2. Также подтверждается тенденция распространения неравных по возрасту браков «он-модели». Разница в возрасте между супругами «она-модели» составляет 4 года, данный брак нельзя отнести к неравному браку, т. к. неравным по возрасту принято считать брак, в котором разница в возрасте между супругами составляет 5 и более лет.

Третий блок анкеты включает в себя вопросы относительно представлений молодёжи о неравном браке. В вопросе № 14 респондентам предлагалось ответить на вопрос «По Вашему мнению, в каком возрасте следует вступать в брак? (девушке и юноше)». Таким образом, средний возраст вступления в брак девушки составляет 23,8 (24), а юноши 28,6 (29). А значит, в основе ожидаемого возраста вступления в брак девушек и молодых людей кроется структура неравного по возрасту брака «он-модели». При сравнении ожидаемого и реального возраста вступления в брак наблюдается смещение возраста вступления в брак у молодых людей в браке. Ожидаемый возраст вступления в брак у молодых людей, состоящих в браке, смещается в среднем на 2,1 дальше реального. Данную тенденцию можно интерпретировать по-разному: во-первых, с точки зрения психологии – трудности социализации в собственной семье порождают мысли о неготовности к браку и разочарование в семейной жизни, во-вторых, распространение в современном обществе браков «по беременности».

Также наблюдается эволюция взглядов с ростом возраста респондентов. Так, для учащихся старших классов (15–17 лет), ожидаемый возраст вступления в брак девушки – 22,8 (23), для молодёжи возраста 18–23 ожидаемый возраст – 24,7 (25), а для молодёжи от 24 и старше – 25,5.

В эволюции взглядов вступления в брак юношей наблюдается ещё больший разрыв. Так, для учащихся старших классов ожидаемый возраст вступления в брак юношей равен 24,7 (25), для молодёжи возраста 18–23 лет – 26,7, а для молодёжи от 24 лет и старше ожидаемый возраст вступления в брак юноши равен 29,1. Данная тенденция находит своё подтверждение в анализе Т. А. Гурко возраста вступления в брак россиян (табл. 1).

«В России начиная с 1990-х годов периода построения капитализма и перехода к обществу потребления можно видеть постоянное увеличение возраста вступления в брак, особенно среди мужчин.

Таблица 1 Распределение вступающих в брак в младших возрастных группах

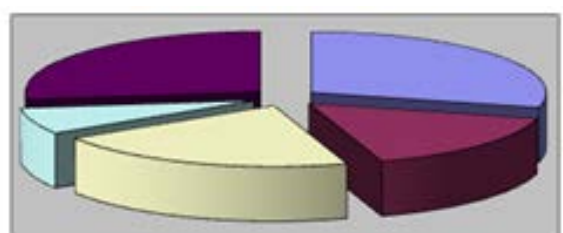

Годы	До 18 лет		18 – 24		25 – 34	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
1980	0,3	2	62	68	25	19
1990	1	5	52	59	30	21
1994	0,8	6	54	59	27	19
1999	0,4	4	47	58	33	22
2004	0,2	2	38	53	39	28
2006	0,2	2	37	53	41	30
2007	0,1	1,5	35	51	43	32
2008	0,2	1,4	34	49	44	34
2009	0,1	1,2	32	47	46	36
2010	0,1	1	31	46	47	37

По нашим данным среди образованных слоёв в мегаполисах этот возраст постепенно приближается к европейским показателям. Пропорция студентов четвёртого курса, состоящих в браке, по данным нашего опроса 2005 г., в московских вузах составляет 1%. В провинции, особенно в среде юношей и девушек, не продолжающих образование, браки заключаются, по-прежнему, рано» [3].

Таким образом, в современном обществе происходит смещение возраста вступления в брак на более позднее время. Данную тенденцию нельзя рассматривать как отрицательную, т. к. в России наблюдается рост разводов в категории людей до 30 лет, одной из главных причин данной тенденции является неготовность молодых людей к браку.

Вопрос №15 («По Вашему мнению, неравный брак – это...») направлен на изучение когнитивной составляющей изучения социальной установки, представления молодёжи о неравном браке. Результаты распределились следующим образом (рис. 1).

- Неравный по возрасту
- Разный социальный статус, социальное положение
- Неравный уровень образования
- Разный культурный уровень
- Разная национальность

Рисунок 1 – Представления молодёжи о неравном браке

Таким образом, по мнению респондентов, неравный брак – это в первую очередь брак неравный по возрасту (29%), неравный по культурному уровню супругов (27%), неравный по социальному статусу, социальному положению (21%), неравный по образованию (16%), неравный по национальной принадлежности супругов (7%). Данные свидетельствуют о том, что в современном обществе к признакам «неравности» следует относить также культурный

уровень супругов, а значит, досуг, культура, интересы, ценности имеют важное значение при вступлении в брак.

Четвёртый блок включает в себя шкалограмму Лайкерта из 14 суждений, респондентам предлагалось оценить степень своего согласия по каждому суждению (-2 – полностью не согласен, -1 – частично не согласен, 0 – нейтрально, 1- частично согласен, 2 – полностью согласен).

Данные суждения в большей степени направлены на изучение эмоционального компонента социальной установки. В основе каждого суждения лежит отношение к разным типам неравного брака. Суждения, направленные на изучение установки на неравный по возрасту брак: 2. Возраст не имеет значения при вступлении в брак; 3. Это допустимо, если разница в возрасте между супругами более 5 лет; 9. В настоящее время модно иметь молодого мужа; 10. В настоящее время модно иметь молодую жену.

Коэффициент установки на неравный по возрасту брак составил 0,86. Таким образом, установка на неравный по возрасту брак имеет положительную направленность. Безусловно, нельзя утверждать, что данный показатель определяет реальное социальное поведение, т. к. установка отражает отношение и предрасположенность респондентов к данному типу брака. Отдельный анализ компонентов социальной установки на неравный по возрасту брак отразил, что негативно молодёжь относится к бракам «она-модели» (с возрастной асимметрией в сторону женщины), коэффициент данной установки равен -1,24. Коэффициент установки на неравный по возрасту брак «он-модели» составил 0,8. Таким образом, суждения 2 и 3 (2. Возраст не имеет значения при вступлении в брак; 3. Это допустимо, если разница в возрасте между супругами более 5 лет) респонденты идентифицируют с браком «он-модели».

Суждение, направленное на измерение установки на неравный по образованию брак, звучало следующим образом: супруги должны иметь одинаковое образование. Коэффициент данной установки равен 0,2. Также наблюдается следующая тенденция: коэффициент данной установки респондентов, состоящих в браке, равен 1,1. Таким образом, несмотря на общий коэффициент, данный брак следует признать неравным, т. к. высокий положительный коэффициент респондентов, состоящих в браке, свидетельствует о том, что данный показатель является важным в создании семьи. Данные интерпретировать можно по-разному; возможно, супруги чувствуют себя не комфортно в браке, если супруг(а) имеют образование выше, либо у супругов возникают разногласия по многим семейным вопросам. Данный коэффициент подтверждает тенденцию разводов: большинство российских разведённых пар имеют разное образование.

Анализ коэффициента установки на брак неравный по национальности равен 1,7. Суждение звучало следующим образом: брак между людьми разной национальности – нормальное явление. Таким образом, высокий коэффициент согласия с данным суждением подчёркивает тот факт, что к межэтническим (разнонациональным) бракам современное общество относится положительно, и к данной модели брака неприменим термин «неравный» (за исключением некоторых союзов, т. к. коэффициент не максимальный, и 7% респондентов считают данную разновидность брака неравной). Отрицательное отношение к бракам неравным по национальности наблюдается у татар и армян. Коэффициенты составили 0,1 и -0,7 соответственно. Возможно, данные коэффициенты обусловлены национальными особенностями и этническими установками.

Коэффициент брака неравного по социальному/материальному положению измерялся следующими суждениями (1. Брак – это выгодная сделка между людьми; 2. Муж должен

зарабатывать больше жены; 8. Брак между людьми разного материального положения не может быть счастливым; 14. Жена должна зарабатывать больше мужа). Коэффициент установки равен -1,4. Таким образом, молодёжь негативно относится к бракам разного материального положения. В современном обществе данная модель брака известна как «брак по расчёту». Измерение коэффициента данной модели брака и его интерпретация вызывает трудности, т. к. отсутствуют статистические данные по данной модели, в основном, вступая в такой брак, супруги исходят из личных целей, изучение которых возможно лишь с помощью глубинного интервью. Но, тем не менее, при изучении компонентов данного коэффициента отмечена следующая тенденция: положительную направленность имеет коэффициент, относящийся к заработку мужа (муж должен зарабатывать больше жены), 0,7. Таким образом, в сознании респондентов закреплён образ мужа – кормильца семьи.

Анализ брака неравного по культурному уровню показал положительную направленность. Коэффициент суждения «Брак будет счастливым, если у супругов схожие культурные интересы и увлечения» равен 1,6. Таким образом, при вступлении в брак для молодёжи важным является культурный уровень супруга, схожие интересы и ценности, увлечения, организация досуга. Значит, подтвердилась 3 гипотеза – по мнению молодёжи, культурный уровень супругов – важный фактор при вступлении в брак.

Для изучения первой гипотезы «степень религиозности человека оказывает влияние на брачную установку. Религиозные респонденты ориентированы на брак ровесников» необходимо рассчитать коэффициент установки на неравный по возрасту брак каждого респондента и соотнести его с его степенью религиозности. Данная гипотеза не подтвердилась, лишь в 30% случаев степень религиозности и духовности оказывает влияние на формирование установки на неравный брак, в остальных случаях связь не наблюдается.

Таким образом, проведённое пилотажное исследование подтвердило распространение и популярность неравных браков в молодёжной среде, особенно неравного по возрасту брака «он-модели». Данную тенденцию нельзя признать негативной, т. к. в современном обществе стабильность брака зависит от ряда факторов, готовность вступления в брак во многом зависит от возраста супругов. Также исследование показало, что среднестатистическая разница в возрасте супругов, равная 2-м годам, в среде современной молодёжи не является установкой (коэффициент равен 0,5).

Также исследование подтвердило тот факт, что в современном обществе культурный уровень супругов – важная составляющая при вступлении в брак, для счастливого и стабильного брака большую роль играют культурные интересы, ценности и увлечения супругов, организация досуга. По результатам данного исследования можно определить следующие перспективы неравного брака: в молодёжной среде всё больше пользуется популярностью неравный по возрасту брак «он-модели», происходит смещение возраста вступления в брак на более поздний возраст.

Но данных, полученных в результате проведённого исследования, недостаточно для качественного исследования установки. Метод анонимного опроса не даёт представления о мотивах, предпосылках вступления в неравный брак, с помощью данного метода невозможно изучить мнения, отношения и суждения респондентов к данной форме брака. Поэтому, необходимо для изучения данного феномена также использовать качественные методы. В первую очередь, количественно-качественный метод – метод контент-анализа.

Предметом внимания в данной статье являются средства массовой информации, т. к. это один из важнейших агентов, быстро фиксирующих любые изменения в обществе, а

изменения в институте брака не исключение. Для понимания социальной сущности неравного брака может быть использован анализ освещения прессой темы неравного брака, определение ключевых образов, сформированных СМИ.

Автором были рассмотрены публикации газеты «Аргументы и факты» за период 2010–2013 гг. Выбранный временной период соответствует наиболее интенсивному потоку публикаций, посвящённых теме неравного по возрасту брака. Общий объём проанализированных публикаций составляет 12 статей.

«АиФ» является еженедельной газетой федерального уровня и имеет наибольший объём аудитории в России среди еженедельных общих и деловых газет. Аудитория одного номера издания составляет 8022,8 тыс.человек (15,1% населения России), полугодовая аудитория 19272,8 тыс.человек (36,3% населения России) [9].

Применялось как манифестное, так и латентное кодирование.

По стилю текстового изложения для «АиФ» характерна эмоционально-оценочная лексика, стремление к объективности, в большинстве статей используется стиль размышления. В целом, газета стремится давать материал сбалансированно, последовательно, с элементами рассуждения, чтобы приблизиться к статусу «размышления», вызвать доверие у читателя, пробудить в нем эмоции.

Таким образом, в результате манифестного контент-анализа можно сделать следующие выводы: чаще в СМИ упоминается «он-модель» брака, наибольшая частота упоминания отечественных знаменитостей: Аллы Пугачёвой (6), Максима Галкина (3), Надежды Бабкиной (3), Евгения Гора (3) и Олега Табакова (3). Среди позитивных прилагательных, описывающих неравный брак, наибольшая частота у прилагательного «счастливый» (6). Среди нейтральных прилагательных присутствуют «полноправный», «свободный», «житейский», а в негативных прилагательных наибольшая частота у слов «нестабильный» (4) и «рискованный» (3).

В большинстве статей, включающих социальный опрос, присутствует негативная оценка таких браков; в статьях же, описывающих жизнь знаменитостей, у неравного брака положительная составляющая, такой брак представляется как счастливый. В описании неравного по возрасту брака авторы используют разнообразные средства выразительности, наибольшая встречаемость сравнений с героями сказок: красавица и Чудовище, Барышня и Хулиган, Золушка и Принц и др. В то же время некоторые авторы сравнивают такой брак с жизнью в заключении, а у других такой брак ассоциируется с вечной любовью.

При латентном контент-анализе были изучены заголовки статей, анализ отношения автора к неравным бракам, которое очень важно для восприятия материала, для формирования у читателя мнения о неравном по возрасту браке. Большинство авторов положительно относятся к неравным бракам, пытаются найти этому рациональное объяснение их существованию, ссылаясь на скептическое отношение общества к таким бракам.

Отрицательное отношение к неравным бракам наблюдается в статьях, рассматривающих с точки зрения физиологии плюсы и минусы неравного брака. Для общества особую актуальность приобретают такие минусы, как отсутствие детей в большинстве неравных браков, сокращение продолжительности жизни супругов.

Таким образом, проведённый контент-анализ иллюстрирует тенденцию увеличения доли неравных браков в российском обществе и их доминирование среди лиц, имеющих отношение к шоу-бизнесу. СМИ следует признать одним из агентов, популяризирующих и пропагандирующих эту модель брака.

Несмотря на то, что проблема неравных браков мало изучена социологами, в процессе работы было выяснено, что за каждой моделью ассиметричного по возрасту брака кроются социальные мотивы и факторы вступления в такой брак. Из практики неравного брака вытекают социальные и демографические последствия, влияющие на функционирование институтов брака и семьи, распределение ролей в семье, на воспитание и деторождение.

Таким образом, применение контент-анализа в изучении такого сложного феномена как неравный брак в очередной раз подтвердило недостатки применения количественных методов, в результате очевидным остаётся тот факт, что необходимо дальнейшее применение качественных методов для изучения неравного брака, например метода глубинного интервью. На основании данных исследований можно сделать ряд выводов отношении количественных и качественных методик:

- 1 Количественные методы позволяют изучить структуру, разновидности и установку на неравный брак. Также количественные методы намечают определённого рода тенденции в области изучаемого феномена, которые необходимо изучать, применяя качественные методы;
- 2 Качественные методы в свою очередь позволяют изучить социальные мотивы и факторы вступления в такой брак, исследовать демографические последствия, влияющие на функционирование институтов брака и семьи, распределение ролей в семье, на воспитание и деторождение

Литература

- 1 Федеральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru.
- 2 Свободная энциклопедия. URL: www.wikipedia.ru.
- 3 Гурко Т. А., Петрова О. Ю. Трансформация института брака в России // Проблемы брака и супружества в условиях полиэтничного общества: теоретико-эмпирический анализ: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, [Казань, 15 мая 2012 г.] / [сост. и науч. ред. д.социол.н., проф. Л. В. Карцева]. Казань: [Изд-во МОиН РТ], 2012. С. 248–252.
- 4 Хачатрян Л. А. Современный брак: сущность, особенности, перспективы // Бюллетень пермской социологии. 2010. Пермь. С.46–51.
- 5 Быкова Н. О., Елютина М. Е. Модели ассиметричного по возрасту брака / Н.О. Быкова, М.Е.Милютина // Вестник Саратовского государственного технического университета . 2011. №1. С.270–275.
- 6 Бурштейн И. Неравный брак: что движет женщинами, которые выбирают молодых мужей // газета «Аргументы и Факты». 2012. 12 января.
- 7 Мансурова В. А. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. М.: Институт социологии РАН, 2010. 324 с.

М. В. Овчинникова

АЛГОРИТМ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ДАННЫХ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК УЧАСТНИКОВ РЫНКА ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ)

ОВЧИННИКОВА Марина Владимировна – Исследовательская компания SALT, Вице-Президент Европейской Инвестиционно-Финансовой Группы (ЕИФГ), Член Экспертной Комиссии по Импортозамещению ГосДумы РФ. E-mail.: mo@salt-research.com.

Экспертные опросы повсеместно применяются в современных практиках маркетинговых и социологических исследований. Ссылки на экспертов можно встретить как в статьях журналистов, так и в масштабных социологических исследованиях. К экспертам обращаются в социологических исследованиях, маркетинге и журналистике. Результаты экспертных опросов становятся базовой точкой отсчёта и основой для выводов в исследованиях. В результате «универсализации» экспертного интервью как метода, сформирован пул «универсальных солдат» – экспертов, системно дающих интервью на темы, не всегда основанные на предыдущем опыте (складывается ситуация, аналогичная пулу профессиональных респондентов). Сформировались базы данных «экспертов-универсалов», которые участвуют в обсуждениях полярных тем в рамках функционирования Советов, Общественных палат и в процессе проведения исследований, и не во всех случаях их экспертиза является релевантной, в то время как интеллектуальный уровень позволяет высказываться.

Индустриализация метода приводит к планомерному снижению качества получаемых результатов и снижению интереса потребителя к выводам, полученным в результате проведения экспертных опросов.

Проблема метода заключается в следующем: как оценить качество данных, полученных в результате проведения экспертных опросов? Речь идёт об оценке качества данных, получаемых в рамках экспертных опросов, и о выработке алгоритма оценки качества данных исследования, полученных в результате экспертного опроса.

Алгоритм, описание которого приводится далее, сформулирован в процессе реализации «Исследования неформальных практик участников рынка ювелирных изделий». В рамках этого исследования экспертный опрос был, фактически, единственным методом, применение которого возможно и реалистично для решения поставленных задач. Первичная простота метода на практике оказалась более сложной материей, что послужило причиной уделить отдельное внимание выработке алгоритма, позволяющего преодолеть барьеры получения данных низкого качества по результатам экспертного опроса. В свою очередь, наличие такого алгоритма может стать инструментом оценки качества результатов индустриализированного метода, и решить проблему, с которой столкнулся исследовательский мир сегодня.

Алгоритм оценки качества данных экспертного опроса

Базовая логика алгоритма применима в рамках любого качественного исследования. При применении метода экспертного опроса алгоритм принимает особую значимость.

Точкой отсчёта в алгоритме является предпосылка о важности результата проводимого исследования, а не метода, который применяется. Концентрация на выстраивании методологии вторична относительно результатов, ожидаемых на выходе.

Алгоритм оценки качества экспертного исследования включает в себя две ступени: первая ступень – *стратегическая*, и вторая – *тактическая*.

Стратегически по алгоритму необходимо отследить, что каждый этап исследования отвечает на вопросы, поставленные на старте, и получаемые данные релевантны исследовательским задачам. *Тактически*, алгоритм диктует отказ от «Капитана Очевидность», а именно: достижение такого уровня информативности данных, получаемых от экспертов,

который превышает информацию, существующую в открытом доступе; взвешивание получаемых данных в существующих теоретических парадигмах и высокий уровень рефлексии исследователя.

Два средства необходимо иметь в распоряжении для прохождения по ступеням алгоритма оценки качества данных: упорство и гибкость исследователя в процессе реализации проекта. Упорство оценивается готовностью исследователя к изменению сроков реализации проекта и к увеличению прилагаемых усилий для достижения цели. Гибкость, в свою очередь, отражается в готовности к адаптации методологии в процессе проведения исследования и чувствительности к получаемым результатам в процессе сбора данных, а не на этапе отчёта.

Пример эффективности применения алгоритма на практике: Как определяли экспертов для проведения «Исследования неформальных практик участников рынка ювелирных изделий»?

Рассмотрим пример эффективности применения алгоритма на практике: как определяли экспертов для проведения «Исследования неформальных практик участников рынка ювелирных изделий»?

В процессе формирования методологии на старте исследования была выдвинута гипотеза о том, что никто, кроме самих участников рынка ювелирных изделий не может обладать достаточным экспертным знанием о неформальных практиках, которые присутствуют на рынке. Первоначальная гипотеза: участники рынка, как никто другой, высоко осведомлены о проблемах в бизнесе, возникающих из-за несовершенства законов и о том, какие неформальные практики возникают в ответ.

Фиаско, которое команда потерпела, как только были получены первые результаты интервью, свидетельствовало об обратном. Первые интервью с участниками рынка опровергли нашу первоначальную гипотезу, и вместо неформальных практик, возникающих в ответ на законодательные нормы рынка, эксперты просто рассказали нам о проблемах бизнеса, о некоторых нетривиальных кейсах из повседневных практик ведения бизнеса, о том, с чем они сталкиваются в бизнес-реалиях. Связи между проблемами бизнеса и законодательными нормами рынка в первых интервью обнаружено не было, а именно такая задача ставилась, когда исследование было задумано.

Было принято решение повторно обратиться к поставленной проблематике и ещё раз соотнести задачи исследования и критерии отбора экспертов.

Целью исследования было выделить те неформальные практики, которые чётко и напрямую связаны с законодательным полем. После повторного соотнесения задач исследования и выдвинутых критериев отбора экспертов, обратились к представителям закона и ассоциаций, включённых в процесс законотворчества в отрасли, хотя, казалось бы, что они могут рассказать о неформальной составляющей?

Изменили и вопросы гайда для проведения экспертного интервью: вместо обсуждения законодательных сложностей и неформальных практик как таковых, включили вопросы о том, какие законодательные изменения и инициативы они считают самыми важными из тех, которые принимались / обсуждаются в течении последних трёх лет?

Как изменение экспертов позволило повернуть ход исследования?

Эксперты, занимающиеся законотворчеством, позволили сформулировать хронологию изменений в законодательстве, регулирующем рынок производства ювелирных изделий в России, а уже на основании хронологии, совместно с новыми экспертами, удалось вычлнить три ключевых направления законотворчества:

- 1 Регулирование процедуры проведения аффинажа;
- 2 Таможенно-налоговые нормы импорта ювелирных изделий и сырья в отрасли;
- 3 Требования, устанавливаемые в отношении порядка транспортировки ювелирных изделий.

Выделение ключевых направлений законодательства стало переломным этапом исследования. В дальнейшем, выделенные ключевые направления законодательства позволили сформировать точную выборку экспертов-практиков, и сформулировать узконаправленные вопросы, посвященные деятельности компаний по конкретным направлениям (выбор сырья, импорт оборудования и ювелирных изделий, транспортировка ювелирных изделий).

В выделенных направлениях законодательства были найдены нетривиальные модели поведения участников, на основании которых составлена карта неформальных практик участников рынка ювелирных изделий и выявлены возможности снижения уровня воспроизводства выявленных практик в бизнесе, благодаря мерам, рекомендуемым для внедрения на законодательном уровне.

Таким образом, на примере кейса реализации исследования раскрыт алгоритм процесса кросс-отбора и фильтрации приглашаемых экспертов, на практике позволяющий получить качественную информацию по завершению исследований и рекомендованный для использования в случае необходимости оценки качества состоявшихся экспертных опросов.

Э. В. Овчинникова, Д. А. Будюкин
НИЩИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ города

ОВЧИННИКОВА Э. В. – ст. преподаватель кафедры социологии Липецкого государственного технического университета. E-mail: oev05@list.ru.

БУДЮКИН Д. А. – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Липецкого филиала РАНХиГС. E-mail: boudukin@yandex.ru.

Нищенство как социальное явление в обществе появилось в эпоху средневековья. С принятием христианства возникло представление о нищих, которое прочно укоренилось в общественном сознании и являлось особенностью психологии русского человека. Подачей милостыни выражалось чувство милосердия и сострадания. Подать нищему – значило проложить себе путь к прощению Богом. Но такое явление, как нищенство, вызывало противоречивое отношение в разных странах и менялось с течением времени [1, с. 94].

Основоположником современной системы представлений о бедности считается Б. Роунтри, который начал исследования бедного населения в Англии на рубеже XIX–XX вв. Исторический и сравнительный анализ бездомности и бродяжничества представлен в работах А. Векслиера, Б. Дюру, И. Гласснера и др. В работах западных исследователей попрошайничество рассматривается, с одной стороны, как социальная стратегия выживания, с другой стороны, как экономическая стратегия на рынке труда и новая сфера занятости.

В России нищенство как социальная проблема также активно изучалась в конце XIX – начале XX вв. такими обществоведами, как Н. Костомаров, Е. Забелин, И. Прыжов, Д. Линев и др. Методами включённого наблюдения изучались и описывались типы нищих. В советский период исследования нищенства не проводились, такому явлению в обществе быть не полагалось, хотя наказание за него в УК СССР существовало. В российский период изучение проблемы нищенства связано с фамилиями таких учёных, как И. А. Голосенко, Я. Гишинский, Ф. Н. Ильясов, О. А. Плотникова, Н. Р. Москвина, М. О. Кудрявцева и др.

В. И. Даль определяет понятие «нищий» как «до крайности бедный, убогий, неимущий; побирающийся, питающийся подаянием, просящий милостыни». Также он даёт определение «попрошайке»: «... кто по привычке попрошайничает, выпрашивает, клянчит, канючит, не будучи прямо нищим» [2]. По мнению Кудрявцевой, «понятие «нищий» всегда заключало в себе двоякий смысл: с одной стороны, в православном христианстве нищие олицетворяли идею праведности, с другой – их одновременно подозревали в мошенничестве» [3, с. 75].

Выделение нищих как специфического слоя, несомненно, носит условный характер. Обычно для них характерны уклонение от общественно полезного труда и извлечение нетрудовых доходов, отвержение обществом, лишение социально-экономических ресурсов, устойчивых связей, элементарных навыков и доминантных ценностей социума [4, с. 78]. Каждая из групп нищих – бродяги, попрошайки, беспризорные дети, бомжи – имеет свои особенности, специфику формирования, что позволяет их идентифицировать.

Н. Р. Москвина выделяет следующие группы нищих: нищенствующие временно, нищенствующие постоянно, «профессиональные» нищие. Нищенствующие временно стали таковыми в связи с трудной жизненной ситуацией и при первой возможности стремятся вернуться к привычному трудовому образу жизни. Нищенствующие постоянно – это нетрудоспособные граждане, среди них есть люди с психическими отклонениями, дети, которые лишены возможности самообеспечения и при недостаточной социальной помощи вынуждены существовать на подаяние. «Профессиональные» нищие считают сбор милостыни своей основной трудовой деятельностью [5, с. 98].

Под попрошайничеством понимается систематическое выпрашивание у посторонних лиц (под различными предлогами и без них) денег, продуктов питания, одежды, других материальных ценностей. Такие лица часто занимаются бродяжничеством. Попрошайничают нередко алкоголики, наркоманы, прикидываясь больными или инвалидами, чтобы собрать деньги на покупку спиртных напитков или наркотических средств. Попрошайничество охватывает всё более широко самый низший люмпен-маргинальный слой общества. Этот процесс имеет две стороны. С одной – попрошайничество позволяет выживать довольно значительному слою населения России, с другой – паразитирование на экономически сильных слоях общества вызывает привыкание к такому образу жизни, разложение и деградацию личности. В конечном итоге общество несёт значительные потери от существования попрошайничества [6, с. 287].

Сегодня в России попрошайки окончательно оформились в довольно устойчивую социальную группу с собственной экономической стратегией, специфической формой занятости и собственными правилами поведения. Это и люди, которые действительно нуждаются в помощи, и те, для кого прошение милостыни является своего рода бизнесом.

Согласно Ф. Н. Ильясову и О. А. Плотниковой феномен нищенства – это своего рода система, включающая две взаимодействующие группы – нищих и подающих милостыню [7]. В своём исследовании авторы выделяют причины подаяния и не подаяния, типы нищих, факторы

подавания отдельным категориям нищих. Так, подающие милостыню делают это по ряду причин. Целерациональные причины основаны на религиозных, суеверных и магических мотивах подавания и следуют принципу воздаяния за доброе дело. Эмоциональные причины подавания включают в себя психологические и социально-психологические мотивы данного поведения и опираются на чувство жалости, великодушия, превосходства. Традиционно-нормативные причины подавания предполагают следование социальным нормам, стремление идентифицировать себя с некой группой правильно поступающих людей.

Цель настоящего исследования состояла в изучении социального феномена нищенства в социальной структуре крупного города на основе метода кейс-стади, который состоял из невключённого наблюдения за нищими и подающими милостыню людьми на улицах крупного города, интервью с подающими милостыню и анализа фотографий нищих, сделанных на улицах города в разных местах.

Основные выводы исследования можно сформулировать следующим образом.

Анализ фотографий нищих позволяет акцентировать внимание на ряде элементов образа нищего. Одежда: либо бедная, неброская, чистая, достаточно опрятная, но бесформенная и не составляющая единого стиля; либо грязная, поношенная, не подходящая по размеру. Рабочие инструменты: чаша для подавания (в роли таковой обычно выступают пластиковые контейнеры, посуда) с несколькими мелкими монетами. Доказательства бедственного положения: слишком пожилой или совсем юный возраст, ограниченные возможности здоровья, наличие маленького ребёнка, проблемы с алкоголем (табличек с надписями и справок на фотографиях в данном исследовании зафиксировано не было).

Наблюдение за поведением нищих и подающих выявило ряд особенностей поведения тех и других. Подающие, с одной стороны, останавливались или возвращались для того, чтобы дать милостыню, т. е., возможно, считали это своим долгом. С другой стороны, избегали встречи с просящими, сторонились, старались не смотреть в их сторону. Нищие, со своей стороны, принимали подавание либо с выражением грусти и смирения, либо активно выпрашивали подавание и преследовали проходящих мимо людей.

Интервью с подающими людьми определило группы нищих, которым охотнее подают милостыню. Это пожилые женщины, дети и инвалиды. Данные категории традиционно относятся к элите нищих. Напротив, мужчины, вид которых указывал на наличие алкогольной зависимости, вызывают отторжение у подающих.

Отрицательное отношение было выявлено к организаторам «нищего бизнеса». Однако, не все опрошенные уверены в том, что с такими организаторами необходимо бороться, т. к., по их мнению, они, как могут, заботятся о нищих.

Данное исследование позволило описать образ нищего в городе, его интегрированность в социальную структуру через ряд реальных и мыслимых взаимодействий с подающими милостыню людьми.

Литература

- 1 Звягина Е. Философия подавания // Наука и жизнь. 2002. № 7. С. 92–99.
- 2 URL: <http://slovardalja.net/> - словарь В. И. Даля.
- 3 Кудрявцева М. О. Драматургия попрошайничества: социологическое описание повседневной практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 3 (15). С. 73–91.

- 4 Бутовская М. Л. и др. Городские нищие в России: итоги этнологических полевых исследований // Язык, культура, общество. 2001. № 7. С. 73–98.
- 5 Москвина Н. Р. Нищенство как социальное явление: предпосылки возникновения и современное состояние в России. М.: Изд-во Тюменского государственного университета, 2005. 153 с.
- 6 Заславская Т. Н. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно структурная концепция. М.: Дело, 2003. 568 с.
- 7 Ильясов Ф. Н., Плотникова О. А. Нищие в Москве летом 1993 года // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 150–156.

Е. А. Окладникова

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТРУДА: КАЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРРАТИВОВ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ОКЛАДНИКОВА Елена Алексеевна – профессор кафедры социологии Российского государственного педагогического университета. E-mail: okladnikova-ee@yandex.ru.

Современные социологические исследования сложно проводить, используя только какой-то один вид данных. объёмное видение процессов, которые происходят в глобальном мире возможно только при условии сочетания результатов исследования баз данных (Big Data) и материалов качественных исследований, собранных этнографическими методами. Работа методиками глубинных и нарративных интервью – необходимый инструмент герменевтической социологии, которая предоставляет информацию для реконструкций общественного значения смысловых структур повседневности.

В докладе представлен анализ представлений жителей российского мегалополиса (Санкт-Петербурга) о символике и социальной значимости труда преподавателей современных российских вузов, собранных методом нарративного интервью [1]. Труд, включая педагогический, – это универсальное общественное явление. Универсальное потому, что с его помощью можно в категориях категорического императива определить общественную полезность человека; понять причины и силы позитивного развития общества, а также его богатства; объяснить прогресс общественного развития; раскрыть противоречия и конфликты общества; доказать взаимоопределённость социальной, экономической, политической, культурной и религиозной жизни социума [2].

Анализ 230 интернет-сайтов позволил выявить 9 наиболее распространённых символов педагогического труда: а именно, 7 базовых (*сова, пеликан, книга, указка, докторская шапочка (конфедератка), дубовые/лавровые ветви, перо*) и два сложносоставных (*конфедертка+книга и книга+флаг РФ*). Исследование осуществлялось методом нарративного интервью [3], в котором приняло участие 67 человек: респонденты молодого (N=42), трудоспособного возрастов (N=17) и пожилого возраста (N=8). Применённая в полевом исследовании методика нарративного интервью предполагала побудить респондентов обратиться к событиям личной истории, заставить их осмысливать символику педагогического труда, опираясь на ценностно-нормативный опыт своего поколения.

С помощью методов социальной герменевтики [3] удалось выяснить, что уровень

герменевтического знания о символике педагогического труда наших респондентов, который поддерживается символическими формами, крайне низок, а связь между современным социокультурным миром и традицией у них крайне мала. Респонденты (за очень редким исключением) не могли раскрыть глубину архаических идей, которые поддерживают символику, связанную с педагогическим трудом в силу редукции исторической памяти, погруженности в «злобу дня», погони за сиюминутными ценностями потребительской культуры. Тем не менее, такие символы, как сова, пеликан, книга, указка, перо, которые традиционно используются для обозначения сущности педагогического труда, раскрывают широкую палитру мифологических, философских и сакральных смыслов. Эти смыслы, раскрывающие ценность и значимость труда педагогов, оказались за гранью сознания респондентов. Интерпретация некоторых символов, как-то «*пеликан*» и «*конфедератка*», выявили гендерный режим, при котором женщины в профессии должны быть изначально ориентированы на более низкий социальный статус, чем мужчины, что не может не отразиться на их зарплате. Так, респонденты, интерпретируя образ пеликана, указывали, что именно женщины ППС могут «работать за гроши». Для мужчин ППС, как полагают наши респонденты, большое значение имеют личные победы, а не победы их учеников. Для мужчин-респондентов были характерны более прагматические и критические интерпретации символов педагогического труда, чем для женщин, стремившихся романтизировать и одухотворять эти символы. Глубина герменевтического знания позволяет на социально-групповом уровне преодолевать культурно-ценностные разрывы по вертикали (т. е. утрату связи между индивидами и группами с традицией) и горизонтали (между различными традициями).

Литература

- 1 Стросс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- 2 Конт О. Общий обзор позитивизма. / Под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
- 3 Soeffner H.-G. Symboltheorie [Электронный ресурс]. URL: http://kowiki.mykowi.net/index.php/Hans-Georg_Soeffner.

М. Н. Панова, Н. М. Ибрагимова

ОБЩЕКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖАЩЕГО РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

ПАНОВА Марина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры европейских языков ИБДА РАНХиГС. E-mail: pmnaka@mail.ru.

ИБРАГИМОВА Наида Магомедсаидовна – заместитель начальника Отдела организационной работы и архивных дел Управления делопроизводства Администрации Главы и Правительства Республики Дагестан. E-mail: ibna@mail.ru.

Гуманизация социологии, антропоцентрический подход к изучению социума, характерный для смежных гуманитарных дисциплин, изучение повседневной деятельности представителей различных профессиональных сообществ привели к осознанию необходимости

микроанализа социальных феноменов, описания «человеческой сущности» социальных явлений [1, с. 347].

В настоящее время многие исследователи сферы государственной службы понимают важность описания *портрета, образа, имиджа, модели* государственного служащего в региональном аспекте, с учётом местных особенностей (см. работы В. Э. Бойкова, Г. П. Зинченко, В. А. Мальцева, С. О. Понеделкова и др.).

Социальный портрет государственного служащего – это не только совокупность усреднённых статистических показателей состояния кадров государственной службы. Адекватное описание социального портрета современного гражданского служащего субъекта Российской Федерации, по нашему мнению, возможно лишь на основании ряда показателей, среди которых параметры, связанные с жизненными установками и ценностями, образом жизни, формами досуга, кругом чтения, общей культурой, речевой культурой, исследованы не так основательно, как формальные, «анкетные» показатели и нуждаются во всестороннем изучении [2, с.145].

Сейчас ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что репутация органа власти, эффективность его деятельности во многом зависят от того, насколько высок общий культурный уровень людей, занимающихся профессиональной управленческой деятельностью. Важнейший элемент *социального портрета* государственного служащего – его *общекультурная составляющая*.

Культуроведческая компетентность госслужащего предполагает наличие широкого кругозора и эрудиции, определённых знаний в области истории, литературы, музыки, изобразительного искусства, в т. ч. знание национального культурного наследия – словом, всего, что является результатом воспитания, просвещения, всестороннего образования человека.

Эстетические потребности личности государственного служащего могут удовлетворяться посредством знакомства с лучшими образцами мировой и национальной культуры, что связано с определёнными формами досуга, например, с более или менее регулярным посещением художественных выставок, театральных премьер, просмотров кинофильмов, с устойчивой, в детстве сформированной привычкой к чтению высококачественной художественной литературы.

В результате проведения ряда опросов в нескольких профессиональных группах с целью выявления уровня общей культуры госслужащих Дагестана был осуществлён своего рода *культуроведческий аудит организаций*, который позволил определить некоторые тенденции, характерные для работников аппарата некоторых органов власти республики, и определить их общий культурный уровень.

Так, анализ результатов эксперимента, проведённого в группе госслужащих Дагестана (50 сотрудников Министерства строительства и ЖКХ Республики Дагестан) и посвящённого *кругу чтения госслужащих*, показал следующее [3, с. 119].

Отвечая на вопрос «Часто ли Вы заходите в книжный магазин?», большинство респондентов (около 22 %) ответили, что они делают это иногда, 18% – часто, 12% – периодически, остальные (около 48 %) делают это «по мере необходимости», «три-четыре раза в год», «только для покупки учебников детям», «при наличии финансовых возможностей».

На вопрос «Записаны ли Вы в библиотеку?» большинство респондентов (около 56%) ответили отрицательно, только 17% чиновников пользуются библиотекой, приблизительно 2% читают литературу в «электронном виде». Примечателен ответ 2% госслужащих о том, что им это

«не нужно по роду служебной деятельности».

Круг чтения многое говорит о личности государственного служащего и формирует его мировоззрение. Выяснилось, что респонденты читают периодические издания, причём только федеральные («Российская газета», «Коммерсант», «Парламентская газета», «Юрист» и др.) – 18% чиновников; только республиканские («Новое дело», «Черновик», «Республика», «Дагестанская правда» и др.) – 16%, а большинство госслужащих читает и федеральную, и республиканскую периодику. Около 6% респондентов признались, что читают «глянцевые журналы», 8% периодикой не интересуются вообще. Большинство респондентов (54%) читает только художественную литературу, 38% – только специальную литературу, 4% опрошенных предпочитают читать и специальную, и художественную литературу, около 4% ответили, что книг не читают вообще. Представляется, что даже чрезвычайной занятостью чиновника служебными обязанностями нельзя объяснить последний вариант ответа.

Анкетный опрос второй группы, состоящей из сотрудников Министерства имущественных отношений РД (50 чел.), предполагал проверку *знаний истории малой родины*. Отвечая на вопрос «Когда Республика Дагестан была провозглашена автономной республикой?», 46% опрошенных ответили правильно, а остальные дали неправильный ответ или вообще ничего не смогли ответить. На вопрос «Кто из известных дагестанцев является лауреатом Ленинской, Государственной премий СССР и РФ?» правильно ответили 50% госслужащих, остальные ответили неправильно, причём 7% вообще не знали ответа. Полученные данные нельзя назвать удовлетворительными.

Предметом следующего мини-исследования стало реальное *повседневное существование дагестанского государственного служащего в свободное время и в рабочей обстановке*. Для изучения его особенностей был проведён социологический опрос в группе, включающей 50 сотрудников Министерства финансов Республики Дагестан [4, с. 140].

Вниманию группы была предложена тематика, связанная с личным временем госслужащего, организацией досуга госслужащих, их отношением к религии и т. д. Первый круг вопросов, который обсуждался в группе, – свободное время, формы проведения досуга.

Результаты опроса показали, что, отвечая на вопрос «Есть ли у Вас в рабочем кабинете словари, справочники, необходимые для исполнения служебных обязанностей?», госслужащие ответили следующим образом: около 70% – «да, есть»; 12% – «да, электронная программа «Консультант-плюс»; однако у 18% госслужащих нет словарей (ни на бумажных, ни на электронных носителях) и специальной справочной литературы, что, разумеется, вызывает тревогу.

На вопросы «Ходите ли Вы в кино, в театр?» и «Какие фильмы любите смотреть: российские или зарубежные?» – около 18% респондентов из группы ответили, что они ходят в кино как на российские, так и на зарубежные фильмы; около 12% предпочитает смотреть российские фильмы; около 12% – зарубежные; около 10% госслужащих ходит в театр; 12% иногда ходят в кино; около 12% иногда ходят в театр; 2% госслужащих подчеркнули, что предпочитают фильмы исторической тематики. К сожалению, около 20% респондентов вообще не ходят ни в кино, ни в театр, причём 2% респондентов ответили, что не ходят туда, т. к. «семейный бюджет не позволяет».

На вопрос «Какую музыку Вы предпочитаете слушать?» около 26% опрошенных ответили, что предпочитают слушать современную эстрадную российскую музыку; 18% – дагестанскую; около 20% – и ту и другую; около 10% – классическую; такое же количество респондентов слушают только современную зарубежную музыку; столько же – «разную»; 2% – классическую

и шансон; 2% – только классическую, потому что «всё остальное – пошлость»; 2% не слушают музыку вообще.

Госслужащим был задан вопрос о других формах проведения досуга. На вопрос «Где Вы проводите свободное время?» большинство респондентов – 30% – ответили, что проводят его в общении с детьми, в семейном кругу, с родными и близкими; около 20% госслужащих любят отдыхать «на природе»; 12% госслужащих предпочитает рыбалку; около 8% выезжают на дачу; около 8% отдыхают по-разному, в зависимости «от настроения»; около 6% респондентов любят активный отдых; столько же (около 6%) респондентов, наоборот, любят в спокойной обстановке разгадывать кроссворды; около 4% проводят досуг дома, за чтением книг; около 2% занимаются спортом, проводят свободное время с друзьями в парке, в кафе, на море; около 2% проводят свободное время дома, смотрят по телевизору старые фильмы; около 2% любят выезжать за пределы республики.

Как показывают результаты эксперимента, госслужащие по-разному проводят свой досуг. Такая форма отдыха, как чтение, привлекает не всех респондентов, хотя у большинства госслужащих есть домашние библиотеки. Отдых на даче не слишком популярен у дагестанских госслужащих, немногие из них любят выезжать и за пределы республики. Музыкальные вкусы госслужащих весьма разнообразны, большую часть респондентов кино интересует больше, чем театр.

Госслужащим был также задан довольно интимный вопрос о вероисповедании, отношении к религии. Отвечая на вопросы «Верите ли Вы в Бога?», «Ходите ли в молельную комнату, расположенную в учреждении?», около половины опрошенных участников фокус-группы (48%) ответили, что верят в Бога, но не ходят в молельную комнату, почти столько же (46%) ответили, что верят в Бога и ходят в молельную комнату, 2% – ходят туда «периодически», 2% респондентов «верят в Бога, но не совершают намаз», 2% госслужащих ответили, что в Бога не верят.

На вопрос «Соблюдаете ли Вы национальные традиции, отмечаете ли семейные, религиозные праздники, и если отмечаете, то какие?» госслужащие ответили следующим образом: 12% соблюдают национальные традиции; 18% отмечают семейные праздники, а из религиозных – Ураза-байрам; 8% отмечают Рождество и Пасху; 6% – Навруз-байрам, Ураза-байрам, Курбан-байрам; 38% – Ураза-байрам и Курбан-байрам; 4% респондентов отмечают Еврейскую Пасху. Дни рождения близких, а также Ураза-байрам и Курбан-байрам отмечают 4% госслужащих; 4% отмечают все национальные, семейные и религиозные праздники; 2% опрошенных отмечают и государственные, и религиозные, и семейные праздники; 2% – только общероссийские праздники; 2% госслужащих стараются, по их словам, совместить светское образование с традиционным религиозным воспитанием.

При ответе на данный вопрос ярко выявились некоторые национально-культурные особенности госслужащих республики Дагестан, отличающейся приверженностью её граждан традиционным устоям, с особым семейным укладом, менталитетом, духовными традициями. Так, большинство респондентов отмечает религиозные праздники, в государственных учреждениях республики существуют специальные молельные комнаты и т. д.

Как правило, крупномасштабные социологические исследования на подобные темы не проводятся, но без знания особенностей этой стороны жизни невозможно составить полное представление о кадровом составе госслужащих. Результаты подобных мини-исследований социального портрета отдельной профессиональной группы должны активно использоваться с целью получения более живой и «очеловеченной» картины мира государственного служащего,

окружающей его профессиональной среды. Полученные данные чрезвычайно важны для пользователей социологической информации, представляющих государственные органы управления.

Литература

- 1 Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности: Уч. пособие. М., 2009. С. 348.
- 2 Панова М. Н., Ибрагимова Н. М. Характеристика социального портрета современного государственного служащего // Социальная среда современной государственной службы России: Материалы VIII межвузовской научно-практической конференции молодых учёных и аспирантов (РАГС, 22 мая 2008 г.) / Под общ. ред. А. И. Турчинова. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 142–155.
- 3 Панова М. Н., Ибрагимова Н. М. К вопросу о культуроведческой и языковой компетентности государственного служащего (результаты социологического опроса) // Россия: ключевые проблемы и решения: Сборник научных статей РАГС, ИНИОН, СЗАГС. Выпуск 8. Часть 1. / Под общ. ред. В. К. Егорова, А. С. Горшкова. В. М. Герасимова, М. А. Кашиной. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 117–121.
- 4 Панова М. Н., Ибрагимова Н. М. Преимущества методологии качественного исследования при описании социального портрета государственного служащего (на материале Республики Дагестан) // Актуальные проблемы государственной и муниципальной службы: сборник научных трудов. Вып. 6 / Под общ. ред. К. О. Магомедова. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 136–147.

Е. А. Попов

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПОПОВ Е. А. – доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета, заведующий кафедрой общей социологии Алтайского государственного университета. E-mail: popov.eug@yandex.ru.

О социальной безопасности принято говорить и писать в рамках различных социально-гуманитарных дисциплин. Однако постановка вопроса о социальной безопасности как объекте социологической науки, в частности, вызвана тем обстоятельством, что социологи, к примеру, практически не используют данную категорию в предметном анализе. В последнее время, тем не менее, определённые подвижки в этом направлении всё же предпринимаются, например, коллективом Алтайского госуниверситета под руководством профессора С. Г. Максимовой выполняется большой грант на тему «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

Разумеется, «отголоски» социальной безопасности встречаются довольно часто в исследованиях, касающихся проблем демографии, миграции населения, жизни государства, жизнедеятельности человека, наконец, и т. д. Имеется, конечно, ряд работ, касающихся

проблем изучения социальной безопасности в социологическом ключе [1–3], однако в них так или иначе существенной оказывается привязка к центральной категории – национальной безопасности. Как нам кажется, для социологов путь обобщения сложных вопросов общественного развития в таком смысловом пространстве, как социальная безопасность, с одной стороны, уводит их в «онтологизацию», а следовательно, заставляет по сути размышлять о судьбах мира, что в общем-то не совсем дело социологии.

С другой же стороны, социологи должны как всегда быть точны в выборе адекватной методологии и методов для исследования социальной безопасности, а если взглянуть на социальную безопасность «с высоты» методического обеспечения, легко растеряться, прежде всего, перед масштабом явления. Действительно, нужно будет в любом случае начинать с решения вопроса о понимании социальной безопасности не только в отвлечённой трактовке, но и в определённой «социальной», а вернее – в социологической.

С учётом того, что социальная безопасность как категория как ценность, как инструмент защиты от угроз или как объект государственной политики не получила широкого распространения в научном дискурсе, для исследователей открываются дополнительные возможности по изучению данного явления. Но, как нам кажется, проведение любых аналогий социальной безопасности с любым иным видом «безопасностей» не может быть продуктивным, если иметь в виду многозначность *социального*. «Подведение» социальной безопасности под духовную, религиозную, экологическую и т. д. не может дать ответа на вопрос о сущности этого явления, с другой стороны, всегда присутствует соблазн представить социальную безопасность и как часть национальной, и как совокупность других видов «безопасностей».

В результате работы по гранту «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации» были получены следующие основные выводы.

- 1 При рассмотрении социальной безопасности в аспекте междисциплинарного взаимодействия наук основной упор, как известно, делается на изучение возможных угроз, перед которыми оказывается общество и мир, и способов их преодоления; такой традиционный подход в полной мере не может раскрыть всех онтологических «моментов» появления опасности, возникновения защитных мер и результатов противодействия угрозам. В этом смысле в исследовании социальной безопасности необходимо обращать серьёзное внимание именно на «онтологизацию» всех латентных и открытых процессов, приводящих к угрозам для общества и мира и вызывающих ответные действия со стороны общества и мира.
- 2 При рассмотрении феномена социальной безопасности в аспекте комплексного анализа имеет смысл создать концепцию социальной безопасности с привлечением данных различных социогуманитарных дисциплин, при этом нужно иметь в виду, что для обоснованной концептуализации социальной безопасности необходимы не только теоретические обобщения по указанной проблематике, но и данные прикладных исследований. В русле социологического знания, таким образом, появляется заметно больше возможностей для формирования и развития концепции социальной безопасности, т. к. социология обладает значительным потенциалом теоретического и эмпирического уровней для концептуализации социальной безопасности, однако также эвристичность данной концепции повышается за счёт привлечения результатов исследований в области других

научных сфер и областей. Кроме того, концепция социальной безопасности – это своего рода отголосок национальной идеи, она должна включать в себя следующие «разделы»: а) актуальные проблемы общественного развития и общественных отношений (в этом разделе особо следует подчеркнуть, что речь идёт не об угрозах обществу или государству как таковых, а именно о насущных проблемах, которые не совпадают с понятием угрозы, но также требуют к себе повышенного внимания); б) антропосоциетальный базис развития общества (включает самый широкий набор показателей «плохого» и «хорошего» бытования человека в социуме – состояние здоровья, возраст, место жительства, семейное положение и т. д., а кроме того, – социальное самочувствие, социальное благополучие и др.); в) социокультурная ситуация (учитывающая отклонения национальной культуры в сторону европеизации, глобализации или способствующая сохранению традиционных ценностей и норм).

- 3 При адекватном изучении феномена социальной безопасности со ссылкой на «онтологизацию» особую важность приобретает ценностно-нормативный подход; его ключевые позиции сводятся к тому, что социальная безопасность – это не только феномен исключительно социального (общественного) характера, но и социокультурного плана, поскольку в центре развития человека и мира всегда остаётся культура, формирующая определённые ценности и нормы. Следовательно, в изучении социальной безопасности нужно также обращать внимание не только на «реакцию» общества и государства, ответственных за обеспечение социальной безопасности, но и на «согласованность» этих мер с традиционными и инновационными ценностями и нормами. Это существенно повысит уровень теоретико-методологического «ресурса» в осмыслении феномена социальной безопасности. Таким образом, для более эффективного и действенного исследования социальной безопасности явно необходимо «переключение» теоретико-методологической базы с институционального подхода на ценностно-нормативный.

Литература

- 1 Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России / Под общ. ред. В. Н. Иванова, Р. Г. Яновского. М.: ИСПИ РАН, 1996.
- 2 Яновский Р. Г. Социальная динамика гуманитарных перемен: Социология Шанса для России на достойную и безопасную жизнь её народов. М.: Книга и бизнес, 2001.
- 3 Силласте Г. Г. Новая наркоситуация в России: угроза безопасности общества и личности. М.: Международная ассоциация по борьбе с наркоманией и наркобизнесом, 2003.

О. Ю. Посухова

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЛЕГИТИМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

ПОСУХОВА О. Ю. – кандидат социологических наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

В современном российском обществе профессиональная мобильность достаточно интенсивна. Кто-то осуществляет восходящую, кто-то нисходящую, кто-то горизонтальную профессиональную мобильность. Все стремятся вверх, никто не хочет вниз, процент людей довольствующихся малым, – незначителен. Мы можем найти эмпирические данные, сколько людей сменили профессию, какие профессии престижны и востребованы, о каких профессиональных статусах мечтают люди, можно даже найти информацию о востребованных каналах. Но полностью отсутствуют данные, связанные с легитимацией профессиональной мобильности, какие способы выбирают, с чем это явление связано. Это обусловлено тем, что количественные методы обладают ограниченными возможностями, когда речь идёт о выявлении субъективного восприятия профессиональной жизни. В этом вопросе нам может помочь биография, мемуары. Биография человека насыщена, многогранна и является качественным материалом для получения социологической информации по вопросам легитимации профессиональной мобильности. Т. к. работ, посвящённых методам исследования легитимации профессиональной мобильности, в отечественной социологии ещё не было, поэтому целесообразно выявление эвристического потенциала биографического метода при исследовании легитимации профессиональной мобильности.

Биографический метод позволяет исследовать и озвучить те социальные группы, которые оказались аутсайдерами исследовательского внимания в крупномасштабных научных проектах. С его помощью можно выявить маргинальные смысловые перспективы. Биографический метод позволяет исследователю описать поступки и смыслы, исходя из перспективы самих участников событий, их категориями. Возможности биографического метода позволяют не только изучать и интерпретировать проблемы, которые не попадали раньше в предметное поле исследователей, но и получить данные, относящиеся к периодам значительных социокультурных трансформаций.

Посредством биографического метода происходит исследование «истории» индивидуальной жизни человека. Специфика биографического метода – сфокусированность на субъективной интерпретации аспектов жизни личности. В центре биографического метода оказывается устное или документальное описание событий с точки зрения самого рассказчика в той форме, в которой субъект жизнеописания переживает, интерпретирует и определяет эти события. В истории жизни присутствуют три типа конкретизации субъекта (по М. Бургосу): субъект в качестве интервьюируемого; субъект как предмет, герой рассказа; субъект рассказчик истории. Каждый из этих типов может занимать самостоятельное положение в структуре повествования, поэтому может быть проанализирован отдельно [1].

Получение социологической информации посредством биографического метода возможно двумя способами: интервью и анализ биографического материала (мемуары, автобиографии и т. д.). Большим потенциалом биографическое интервью обладает при исследовании легитимации профессиональной мобильности, если анализировать институционализированные профессиональные перемещения. При помощи биографического интервью можно узнать, как складывались профессиональные перемещения на протяжении всей жизни индивида, либо на определённом историческом этапе. Можно также услышать личную оценку осуществлённым перемещениям и не использованным возможностям, можно

проследить, как меняется в зависимости от ситуации профессиональная идентичность, выявить её детерминанты.

В то же время в интервью при свободной беседе, в ситуации face to face не все интервьюируемые могут открыто говорить о неинституционализированных каналах, используемых при осуществлении профессиональной мобильности, и способах её легитимации. Одна из причин этого видится в том, что интервьюер вторгается в сферу интимно-личностную, и интервьюируемый может бояться потенциальной ситуации непонимания и осуждения. И вот здесь востребована такая разновидность биографического метода – анализ уже написанного биографического материала, например, биографий либо автобиографий, где нам интересен субъект как рассказчик истории.

Биография и автобиография имеют ценность для получения эмпирической информации в силу того, что, как правило, такие документы пишутся открыто, не утаивая никакой информации. Конечно же, присутствует субъективная окрашенность каждого жизненного явления, в нашем случае профессиональной мобильности, даётся субъективная оценка осуществлённым перемещениям, анализируются ресурсы, которые были задействованы для перемещений, интерпретируется конечный результат – занимаемая должность – и обосновываются способы легитимации достигнутого профессионального статуса, демонстрируется отношение к людям, совершающим профессиональные перемещения.

В биографии заложен «эффект бомбы», когда автором предлагается субъективная интерпретация прошедших профессиональных событий, без цензуры. В этом заключается ценность этой эмпирической базы, т. к. именно в ситуации, когда социальный контроль и социальные страхи не довлеют над интересами пишущего, а отбор и изложение информации определяются только ценностными ориентациями и нравственным уровнем развития индивида, можно получить качественные, объективные, значимые для субъекта и учёного факты. Но у любого биографического материала есть и определённый недостаток – память человека отбирает только ту информацию, которая значима для субъекта «здесь и сейчас», в зависимости от ряда обстоятельств может переписывать события прошлого, подавая их уже в другом более благоприятном ракурсе. Эта ограниченность преодолевается при триангуляции данных.

Для нашего исследования анализ автобиографии предполагает осмысление биографии с целью выяснения профессиональной идентичности и того, как она проявляется или проявлялась в повседневной жизни. Биография и воспроизведение «вчерашнего» актуализируют чувства, позволяют осознать конкретные события, обусловившие формирование личности человека как профессионала. Анализ и интерпретация биографии позволяют отразить различные стороны профессиональной жизнедеятельности, определить природу ценностных ориентаций и интересов [2].

Таким образом, биографический метод обладает несомненным эвристическим потенциалом при исследовании легитимации профессиональной мобильности. Он помогает преодолеть ограниченность количественных методов, не способных актуализировать и выявить субъективное отношение к профессиональной сфере. Наибольшую ценность имеют автобиографии и мемуары, в которых отражается субъективное восприятие профессиональной действительности, субъективное понимание необходимости легитимации профессиональной мобильности и отношение к профессиональным перемещениям других субъектов. В мемуарах, автобиографии и биографическом интервью субъект репрезентирует момент возникновения

важных профессиональных событий, их процессуальность и, что немаловажно, самостоятельно между несколькими событиями выстраивает связующие их смысловые цепи.

Литература

- 1 Бургос М. История жизни: рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. № 1/2.
- 2 Методы изучения культурных систем и межкультурных ситуаций. URL: <http://wearelinguists.narod.ru/materials/mkk/Metody.html>.

Э. А. Рагимова

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ДОМОХОЗЯЕК

РАГИМОВА Э. А. – студент Волгоградского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, факультет ГМУ, 3 курс. E-mail: elnara-ragimowa@yandex.ru.

Процесс становления ценностных ориентаций призван преобразовывать ситуативные отношения личности к окружающей действительности в устойчивую систему ценностных ориентаций, определяющих общую линию жизнедеятельности человека [1]. В настоящее время можно отметить, что внимание учёных всё больше акцентируется на категории женщин-домохозяек, поскольку данный тип выделился как самостоятельный относительно недавно. Следовательно, у учёных возникает вопрос о том, куда отнести современных домохозяек. Нельзя не отметить возрастающего интереса исследователей к качественным методам, включающим в себя глубинное интервью, фокус-группы, биографический метод и др. Учёные давно пришли к выводу о том, что далеко не все темы можно измерить с помощью количественных подсчётов – такие понятия, как «ценности», «ценностные ориентации», «индивидуальный портрет человека» целесообразно изучать, прибегая к методам, позволяющим проникнуть к самой сути проблемы, учитывая особенности личности. Именно поэтому мы остановили свой выбор на глубинном интервью для исследования новой социальной группы – домохозяек.

Ценностные ориентации современных домохозяек изучались нами с помощью метода глубинного интервью в ноябре 2014 г. Всего было опрошено 8 женщин разных возрастов, проживающих в г. Волгограде. Анализ результатов интервью позволил сделать следующие выводы: абсолютное большинство опрошенных домохозяек рассматривают выстраивание семейных отношений с точки зрения традиционного взгляда, т. е. позиции, которая является приоритетной в обществе: «Да, придерживаюсь. Традиционный семейный уклад: муж – глава семьи, он обеспечивает материальную сторону, жена занимается хозяйством, воспитанием детей. Я считаю, что роль женщины – это хранительница очага, человек, который обеспечивает уют», отвечала домохозяйка, 47 лет. Кроме того, задачей нашего исследования было выявление мнения домохозяек насчёт того, какой тип семьи для них предпочтителен. Следует отметить, что 6 из 8 опрошенных не знали понятий «нуклеарная семья» и «расширенная семья», однако услышав значение данных терминов, абсолютное большинство респондентов ответили, что лучше строить нуклеарную семью: «Лучше, когда семья живёт своя, пусть родственники живут на расстоянии, потому что они вмешиваются и мешают. Это самый лучший вариант – как мы

живем, человек должен ощущать свободу в своих действиях, в расширенной семье – это ужас. Мы жили так 2 года – мои терпение, мудрость и выдержка помогли остаться друзьями. Нужно обладать огромным терпением, чтобы жить с родственниками, чтобы остаться в хороших отношениях. Нуклеарная семья, в конце концов, съезжает на съемную квартиру – нет свободы доступа, только поучения», заявила женщина, 40 лет.

Одной из главных задач исследования было выяснение причин, по которым замужние женщины стали домохозяйками. Необходимо отметить, что все респонденты отметили, что это был вынужденный шаг из-за рождения ребёнка и его воспитания: «Чтобы больше времени уделять воспитанию детей, т. к. не было помощи со стороны старших родственников, и не хотелось, чтобы дети посещали детские сады, т. к. считаю, что занятия до школы в различных кружках, секциях, дают больше развития, чем посещение детского сада», женщина, 47 лет. Нельзя не отметить, что половина опрошенных утверждает, что готовы выйти на работу через несколько лет, если предоставится такая возможность: «Я надеюсь, что это произойдет, где-то через пару лет, может быть как-то реализуюсь», отвечает домохозяйка, 40 лет.

Говоря о роли женщины в семье, респонденты акцентировали внимание на том, что это роль хранительницы очага, создающей тепло, уют в доме: «Женщина – это основное. По идее, мы все вносим вклад в общий семейный котёл, но женщина – это скрепляющая сила, она формирует все внутрисемейные отношения, она должна быть кормилицей, обеспечивать быт, воспитывать детей. Основная доля за женщиной, ну и конечно гармония отношений на женщине, т. к. мужчины более поверхностны в этом плане, а женщины более мудры, они берут на себя гармонизацию отношений. Т. е. женщина должна быть достаточно зрелой личностью, иметь представление, хочет ли она создать или разрушить», мнение женщины, 48 лет. Кроме того, современные домохозяйки удовлетворены своим положением в семье и не хотят его менять, что подтверждает нашу гипотезу: «Да, я счастлива в том, как я живу, как строятся отношения в моей семье, семья – это мой воздух», женщина, 47 лет.

Несомненно, в исследовании необходимо было рассмотреть вопрос образования современной домохозяйки. Выяснилось, что практически у всех женщин есть высшее образование, и они удовлетворены уровнем своего образовательного порога, однако есть и те, кто его не получил и теперь жалеет об упущенной возможности, поскольку на данный момент перспектив повышения квалификации нет. Следует отметить, что, по мнению современных домохозяек, необходимо уделять время самообразованию, и абсолютное большинство опрошенных занимаются чем-то в свободное время: «Я считаю, что так и должно быть, женщина, современная особенно, должна быть хорошо образована», женщина, 47 лет; «постоянно, каждый день я читаю книги, занимаюсь иностранным языком, хожу на различные семинары, выставки, участвую в них», домохозяйка, 48 лет.

Подводя итог всему вышеизложенному, хочу отметить, что на основе проведённого исследования можно выделить 2 группы ценностных ориентаций современных домохозяек: семейные и внесемейные. К первой категории относятся:

- Семья.
- Воспитание детей.
- Забота о близких.
- Уют, тепло в доме.
- Общение с близкими, совместные мероприятия.

Ко второй группе ценностных ориентаций целесообразно отнести:

- Хорошее образование.
- Возможность самообразования, повышения квалификации.
- Потребность в самореализации.

Таким образом, современные домохозяйки – новая социальная категория, которая заслуживает внимания учёных и дальнейшего изучения, поскольку от набора ценностей и ценностных ориентаций у женщины зависит воспитание будущих членов общества, следовательно, крайне важно знать, чему посвящает себя данная категория.

Литература

- 1 Федосова И. В. Проблема ценностных ориентаций в научной литературе // Ценности и смыслы. 2009. № 2. С. 90.

Е. В. Самодурова
РЕГУЛЯЦИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ ЧЕРЕЗ МЕДИАПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)²⁰

САМОДУРОВА Е. В. – магистрант 1 курса факультета социологии Алтайского государственного университета, специалист по учебно-методической работе кафедры эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета. E-mail: EWS05@yandex.ru.

Россия – одно из крупнейших многонациональных государств мира. На территории нашей страны проживает более 160 народов, крупнейшими из которых являются русские (115 млн человек) и составляют 80% населения страны, татары (5,5 млн человек), украинцы (около 3 млн человек), башкиры, чувашы, чеченцы и армяне, численность которых превышает 1 млн человек.

Алтайский край – как один из субъектов Российской Федерации является полиэтничным регионом, на его территории проживают представители 142 национальностей. Согласно итогам переписи населения за 2010 г., которые приводит Алтайкрайстат, в Алтайском крае проживает 2 234 320 русских, что составляет 93,93% всего населения края. В состав остальных 6,07% входят другие национальности, среди которых немцы, украинцы, казахи, армяне, татары, белорусы, алтайцы, кумандинцы и др.

Феномен межэтнического взаимодействия носит глобальный характер, учитывая, что тысячи этносов Земли объединены в немногим более чем 200 государственных образований, и абсолютное их большинство нельзя отнести к этнически однородным [1].

²⁰ Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО "Алтайский государственный университет". Код проекта: 1475 – «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

Вместе с тем, современное многонациональное общество характеризуется рядом проблем, среди которых рост этнической напряжённости, территориальные споры, международный терроризм, экстремизм, этнический сепаратизм, и другие межнациональные конфликты, которые могут привести к дезинтеграции региона и страны в целом. Безусловно, очень важно предотвращать такие вопросы и не доводить сложные ситуации до конфликта. «В современной конфликтологической практике широко распространён тезис, согласно которому конфликты легче предупреждать, чем разрешать. Данный принцип является приоритетным и при разработке нормативных документов в области национальных отношений. ...Первоочередными являются меры, направленные на профилактику и предупреждение возникновения этнических противоречий (обеспечение принципа равноправия граждан независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии, принятие мер по недопущению проявлений дискриминации в отношении граждан различной национальной принадлежности и др.)» [2].

При изучении межэтнического взаимодействия важным аспектом является анализ состояния массового сознания, сложившиеся и доминирующие оценки и представления в данной области. Немаловажную роль, на наш взгляд, при этом играет медиапространство региона (СМИ, интернет-ресурсы, общественные, политические и некоммерческие организации).

Освещение межэтнических и межконфессиональных отношений всё более осознаётся и обществом, и журналистским сообществом как серьёзная этическая проблема, требующая особой профессиональной рефлексии. С одной стороны, большинство СМИ воспринимают закрепляющиеся в обществе ценности толерантности и политкорректности и стремятся рассказывать о событиях таким образом, чтобы минимизировать возможный вред от своих материалов, с другой – многие журналисты, выражая противоположные общественные настроения, намеренно или не намеренно способствуют разжиганию межэтнической и межконфессиональной розни [3].

В связи с этим нами проводится исследование, посвящённое изучению деятельности медиапространства Алтайского края, направленной на развитие межэтнического взаимодействия.

Проанализировав основные интернет-ресурсы и средства массовой информации региона с 2012 г., была выявлена следующая картина.

Новости, затрагивающие тему отношений в многонациональном обществе условно можно разделить на три вида.

- 1 Новости, характеризующие миграционную ситуацию в регионе.
- 2 Новости, описывающие жизнь народов разных национальностей в Алтайском крае и их взаимоотношения. Так, газета «Алтайская правда» ведёт цикл публикаций на тему взаимоотношений представителей разных культур и национальностей, проживающих в регионе.
- 3 Новости, связанные с международными ярмарками, фестивалями, конференциями и другими мероприятиями, которые имеют международный характер и регулярно проходят в крае (международный координационный совет «Наш общий дом – Алтай»; международный молодёжный форум «Алтай. Точки роста» и мн. др.).

Важно отметить, что в течение последнего года также появилось очень много сообщений, посвящённых поддержке Алтайским краем и его жителями украинцев, что вполне объяснимо ситуацией, происходящей в Украине.

На основе, проведённого нами анализа, можно сделать вывод, что деятельность медиапространства Алтайского края направлена на предотвращение разного рода межнациональных конфликтов, на стремление добиться согласия и мира между всеми нациями, проживающими в регионе. Однако, к сожалению, неприязнь к представителям других народов, непонимание культуры других, стереотипное мышление всё ещё характерны для жителей региона. Это является барьером во взаимопонимании и комфортной жизни жителей всех национальностей Алтайского края. Следовательно, медиапространство должно продолжать работу по поддержке межэтнического взаимодействия.

Исключительная важность научного анализа проблемы межэтнического взаимодействия определяется тем, что именно посредством взаимодействия планируется, организуется деятельность многоэтнического сообщества. От совершенствования процессов межэтнического взаимодействия во многом зависит и будущее самого общества, уровень его целостности и степень прогрессивности [4].

Литература

- 1 Столярова Г. Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана : дис. ... док. ист. наук : 07.00.07 / Г. Р. Столярова; Казанский гос. ун-т им. В.И.Ульянова-Ленина. Казань, 2004. С. 4.
- 2 Горбунова А. А. Государственное регулирование этнических конфликтов в приграничных регионах России / А. А. Горбунова, С. Г. Максимова // Труды молодых учёных Алтайского государственного университета. №.10. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 257-259.
- 3 Воронина С. В. Перспективы социологического анализа деятельности региональных СМИ / С. А. Воронина, Р. А. Воронин // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Изд-во: Алт. Гос. Университет. 2013. № 5. С. 143–149.
- 4 Столярова Г. Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана: дис. ... док. ист. наук: 07.00.07 / Казанский гос. ун-т им. В.И.Ульянова-Ленина. Казань, 2004. С. 5.

А. Г. Санина

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИЗУАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИРОНИИ В РУНЕТЕ

САНИНА Анна Георгиевна – кандидат социологических наук, доцент департамента государственного администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, приглашённый сотрудник Лаборатории интернет-исследований, руководитель научно-учебной группы «Экономика и социология изменений». E-mail: anna.g.sanina@gmail.com.

Стремительное развитие интернет-технологий, в т. ч. социальных сетей и блогов, привело к изменению традиционной модели односторонних сообщений, которые используются телевидением, радио и печатными СМИ. Веб 2.0 формирует современное поколение интернет-сообществ, которые не только создают и распространяют контент, но и включают в себя элементы социального взаимодействия: комментарии, выражение одобрения («лайки»), возможность поделиться текстом, видео или картинкой с другими людьми. Сетевое общение изменяет медиа-архитектуру общества, направляя информационные потоки таким образом, что люди сами становятся активными участниками и создателями социально и политически релевантной информации.

Одной из таких форм коммуникации является визуальная политическая ирония. Данный вид иронии интересен тем, что его можно рассматривать не только как форму политической коммуникации, но и как вариант политического протеста. Карикатурный скандал 2005–2006 гг., причиной которого послужили карикатуры на исламского пророка Мухаммеда, напечатанные в датской газете «Jyllands-Posten», а также недавняя трагедия сатирического еженедельника «Charlie Hebdo» (2015 г.) подтверждают, что визуальная ирония может стать серьёзным аргументом в политике и различными путями отразиться на обществе.

Наше исследование раскрывает инструментальные аспекты визуальной политической иронии, локализованной в социальных сетях и блогах. Предмет исследования составляют контекст, инструментальное исполнение и эмоциональный фон использования визуальных инструментов иронической политической коммуникации в сообществе «Potsreotizm», организованном на платформе «LiveJournal» и существующем уже более 10 лет. «Potsreotizm» – это виртуальное сообщество людей, цель которых – подрыв существующих убеждений и правил поведения, связанных с государственными и институциональными отношениями. Данный интернет-журнал был основан 22 июня 2006 г., и на январь 2014 г. насчитывал более 4500 участников, зарегистрированных в «Живом Журнале».

Объекты, интересующие членов сообщества, достаточно разнообразны и как правило включают в себя широко узнаваемых лиц, простых граждан, а также символы и социальные институты. Лидерами по количеству репрезентаций в сообществе являются Президент и Премьер-министр Российской Федерации, Владимир Путин и Дмитрий Медведев. Контекст изображений достаточно ироничен. Медведев может быть представлен в смешных позах: смотрящим в микроскоп во время визита в научно-исследовательский институт, заглядывающим в прицел гранатомета, расписывающим красками игрушку в детском центре. Путин может быть запечатлён, например, во время тренировки юных хоккеистов в спортзале или поющим песни у костра со строителями олимпийских объектов в Сочи.

Другая категория фотографий представляет собой иллюстрации, которые обращают внимание на демонстративное поведение, касающееся национальных и религиозных вопросов, а также на использование символов государства (включая изображения первых лиц) в неподходящих ситуациях и местах. Наиболее показательными иллюстрациями являются изображения советских лидеров на матрешках, алкогольный напиток «Патриот», гроб «Патриот», мороженое и торты, выполненные в цветах российского триколора, надпись на сапогах «Made in Russia», портрет Путина в детской секции дзюдо, надпись в московском ночном клубе «Putin Party» и почтовая марка с детской фотографией Путина.

Комментарии к постам имеют не только речевую, но и визуальную форму. В этом сообществе пользователи часто *разговаривают картинками*, и именно картинки наиболее полно отражают содержательный характер сообщения, в то время как слова и фразы зачастую

имеют лишь характер междометий и выражения одобрения («Круто!», «Здорово!», «Ок» и т. д.). Эта уникальная характеристика интернет-сообщества «Поцреотизм» предопределила его выбор в качестве объекта эмпирического исследования.

Факты визуальной политической иронии, представленные в сообществе, рассматриваются нами как результат эмоциональной оценки событий, который выражается в «визуальном иносказании» – сообщениях, обладающих скрытым смыслом, понятным участникам сетевого сообщества. В теоретико-методологическом плане исследование опирается на социологическую теорию иронии и теорию визуального анализа. Методика исследования носит качественный характер и направлена на анализ восприятия власти и государственно-гражданских отношений со стороны дискурсивно активной аудитории. На основе использования интерпретативного анализа визуальных данных, метода сценарного анализа, методики анализа ситуативной иронии делается вывод, что визуальная политическая ирония демонстрирует совокупность сигналов необходимости социально-политических изменений.

Исследование включает в себя анализ журнала сообщества за восемь лет (с июня 2006 г. по октябрь 2014 г.) и проводилось в несколько этапов. Первый этап заключался в изучении всех иллюстраций, опубликованных в журнале. После исключения повторяющихся изображений (некоторые публиковались более двух раз) их количество составило 4218.

На втором этапе картинки, которые не были распознаны участниками сообщества как «поцреотичные» (например, на это указывали такие комментарии, как «Ну и где здесь поцреотизм?») и/или были обработаны компьютерным способом, были исключены. В результате количество анализируемых иллюстраций составило 2361.

На третьем этапе посредством коллективной дискуссии выбранные изображения были классифицированы по правилам сценарного анализа. Целью данного этапа было добиться достаточно однозначного понимания смыслов, которые вкладывают участники сообщества в публикуемые ими изображения и сформулировать общий смысл понятия «Potsreotizm».

На заключительной стадии исследования мы использовали метод качественного анализа данных, чтобы определить, какие инструменты создания визуальной политической иронии используют участники сообщества. Анализ данных был проведён при помощи ручного кодирования с использованием программы MAXQDA. Данные были сгруппированы в инструментальные категории: вербальные, ситуативные и иллюстративные (рис. 1). В каждой из категорий были сформулированы подкатегории, описание которых представлено ниже.

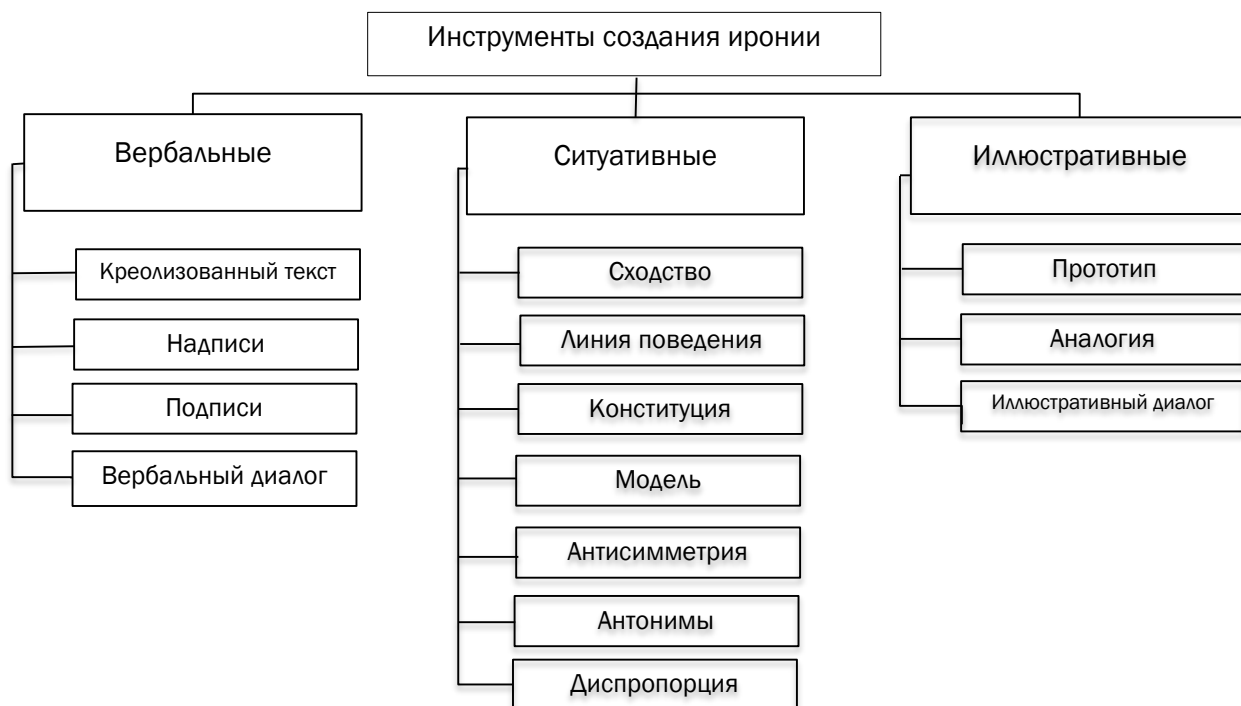

Рисунок 1 – Инструменты создания иронии в сообществе «Potsreotizm»
Источник: составлено автором

Разнообразие инструментальных средств (вербальных, ситуативных, иллюстративных), которое используют члены сообщества для создания иронии, свидетельствует о широком спектре проблем, суть которых понимается читателями и разделяется ими. Следовательно, подобные визуальные иронические сообщения несут в себе широкие возможности для понимания механизмов современной политической коммуникации. Кроме того, порой визуальная ирония – это единственная объективизированная реакция людей, которую мы можем наблюдать, а значит, исследовать. Конечно, широкое распространение визуальных форм иронии можно трактовать как дань времени («имаджинативности постмодернизма»), однако, с нашей точки зрения, более правильно рассматривать этот процесс как развитие нового способа передачи информации, трансляции социальной позиции и формирования социальных границ. Создание и восприятие визуальной политической иронии, а также её распространение в рамках того или иного сообщества предполагает наличие общего опыта, а значит, в конечном итоге, идентификации себя с группой, обществом, государством.

В. П. Серикова

**МОТИВАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ
(РЕЗУЛЬТАТЫ ОНЛАЙН ОПРОСА И ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)**

СЕРИКОВА В. П. – аспирантка СГА, специалист по организации исследований ВЦИОМ. E-mail: veronika-kaldare@yandex.ru.

Мотивация управленческих кадров – важный инструмент и основа эффективного функционирования любой системы. В современной науке мотивация понимается, как побуждение к действию, управление поведением человека, определяющее его направленность, организованность и т. д.

Результаты онлайн опроса на тему: «Мотивационные механизмы в системе управления образованием», в ходе которого участвовало 385 респондентов, показали, что:

- 59% сотрудников системы управления образованием на вопрос: «Какие способы мотивации Вы знаете?» смогли назвать только финансовую. При этом, у 50% этих же респондентов на работе используется именно такой вид мотивации.
- 83 % респондентов ответили положительно при вопросе «Могли бы Вы работать эффективнее на своей должности?» (рис. 1). Что говорит о том, что сотрудники используют не весь свой потенциал на своих должностях.
- Более 80% респондентов считают, что системе управления образованием необходимо проработать и дополнить мотивационные механизмы.
- Около 65% респондентов считают, что структурированные мотивационные механизмы помогут наладить эффективность работы каждого сотрудника системы управления образованием.

"Смогли бы вы работать эффективнее, находясь на этой должности?"

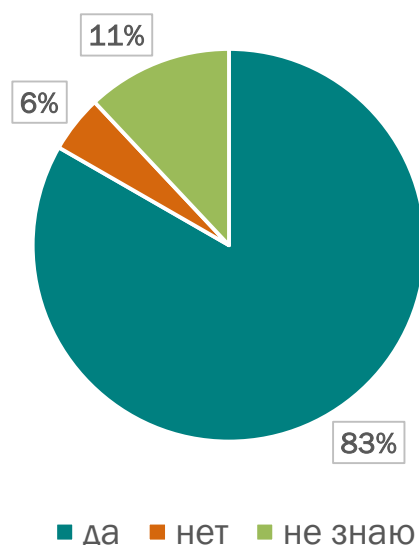

Рисунок 1 – Оценка респондентов своих возможностей эффективнее работать

Респонденты предложили следующие виды мотивации, которые можно было бы внедрить в систему управления образованием:

- соревновательная (между организациями);
- моральная (поддержание сотрудников с помощью моральных стимулов);
- материальная (в зависимости от качества работы сотрудника).

Также в 2013 г. был проведён экспертный опрос. Формирование группы экспертов осуществлялась методом «снежного кома». Экспертами были отобраны научные работники Московского городского педагогического университета и, по их рекомендации, представители других высших учебных заведений. Результаты экспертного опроса показали, что одними из основных проблем современной российской высшей школы являются:

- низкий уровень материального и морального стимулирования преподавательского состава;
- снижение престижа работников образования (одна из причин – плохое финансирование).

Очевидно, что в современной системе управления образованием мотивационные механизмы практически не работают. Сегодняшняя ситуация доказывает, что необходимость улучшения морального и материального стимулирования возросла, и разработка мотивационных механизмов в российской системе управления образованием необходима. При этом, разработка этих механизмов может быть обращена к опыту прошлых лет российской системы мотивации. Например, правительство СССР уделяло большое внимание этой проблеме. Применялись различные формы стимулирования: благодарности, награждения почётными грамотами, занесение имени отличившегося работника в книгу почёта или на доску почёта, организация туристических поездок для лучших работников или лучших трудовых коллективов, вручение знаков отличия для ветеранов труда, чествование лучших работников, статьи в газетах и журналах, присвоение звания лучшего работника, ежегодные и квартальные премии по результатам работы, предоставление путевок и т. п.

Результаты онлайн опроса «Мотивационные механизмы в системе управления образованием» свидетельствуют о следующих несовершенствах мотивационных механизмов в современной системе образования. Более 50% ответивших респондентов на вопрос какие способы мотивации используются в их организации – смогли перечислить только «премии» или «увеличение заработной платы», что, безусловно, не может являться единственным способом стимулирования. При этом, 26% сотрудников системы управления образованием не смогли сказать какие именно виды мотивации используются в организации (рис. 2).

"Какие виды мотивации используются в Вашей организации?"

Рисунок 2 – Виды мотивации, используемые в организациях системы образования, по мнению респондентов

Из этого следует, что большинство респондентов не знакомо с другими видами мотивации. Это доказывает тот факт, что в системе управления образованием такой способ мотивации, кроме как, «выплата премии» не используются. Подводя итоги проведённого исследования, следует отметить, что современная система мотивации кадров в системе образования не функционирует в полной мере. Очевидно, потребность в реформировании мотивационной системы очень высока. Сотрудники системы образования хотят видеть результат своей работы и её оценку.

Ж. Т. Тощенко
В РОССИИ ПОЯВИЛСЯ НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСС – ПРЕКАРИАТ²¹

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, зав. кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Аннотация. Обосновывается появление нового социального класса – прекариата, даётся объяснение причин его возникновения, его структура и основные его характеристики. Показывается, как созревали идеи о прекариате в недрах научной мысли, в мировой и отечественной социальной практике. Выявляются главные черты этого класса, осуществляется сравнение с другими социальными группами. Раскрывается специфика этого класса, его место и роль в современном разделении труда, его положение на рынке труда, первые ростки его

²¹ Выполнено в рамках проекта РНФ №14-18-02016.

осознания как «класса для себя». Выясняются последствия существования и функционирования прекариата.

«38 млн трудоспособного возраста работают в непрозрачных условиях, что представляет серьёзную проблему для всего общества».

О. Голодец, вице-премьер правительства РФ [4]

Понятие «прекариат» образовано от двух слов (от лат. *precarium* – неустойчивый, нестабильный, негарантированный) и слова «пролетариат», который в своё время представлял класс, отчуждённый от результатов труда и подвергающийся эксплуатации в интересах господствующего класса – буржуазии. Прекариат – принципиально новое образование, означающее наличие социального слоя, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особые, изощёренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, а в конечном счёте и качества жизни. В эти группы входят те, кто занят временной, эпизодической работой, вовлечён в теневой или, как выразилась О. Голодец, «нелегитимизированный» сектор рынка труда, вследствие чего эти люди имеют урезанные социальные права и обладают ущемлённым социальным статусом. В целом эти группы образуют достаточно значительный слой во многих странах мира, достигая от 30 до 40% численности трудоспособного населения. Таким образом, мы вправе говорить о некоем социальном слое, образующем, на наш взгляд, новый социальный класс, который во многом определяет лицо современных обществ. Остановимся на этом подробнее.

Этот феномен возник постепенно, не сразу. Мы не будем останавливаться на исторических предшественниках прекариата. Люди с временной занятостью и сезонной работой в той или иной мере всегда были в истории каждого общества во все периоды своего существования. Проанализируем современный период, когда *эти группы стали представлять не эпизодическое, а устойчивое и всё увеличивающееся преобладание специфических форм использования трудоспособного населения и формирования специфических социально-экономических отношений*. Эти группы начали складываться под воздействием идей и политики неолиберализма в 60–70-е годы прошлого века. Неолибералы категорически отрицали роль государства в решении экономических проблем, ни на дух не переносили идеи централизованного планирования и регулирования. Они характеризовали мир и страны рыночной экономики как свободное пространство, в котором трудовая занятость, прибыль и соответственно инвестиции без всяких ограничений перетекают туда, где для капитала нет никаких ограничений. Более того, они категорически выступили против социал-демократической политики, которую в той или иной мере исповедовали в послевоенное время большинство стран Западной Европы. Неолибералы были убеждены, что социальные гарантии для рабочего класса, уступки профсоюзам неизбежно ведут к замедлению экономического роста, ускорению де-индустриализации, понижению эффективности производства. Они также доказывали, что развитие экономики, успешное повышение конкурентоспособности возможно в условиях, когда принципы рынка будут пронизывать не только экономику, но и все сферы жизни общества. В конечном счёте, эта установка реализовала *основную цель неолибералов – переложить бремя рисков, все заботы об общественной и личной (приватной) жизни на плечи самих людей*. Либералы отказывались обращать внимание на тот факт, что такая организации жизни экономики повышает уязвимость людей, делает их зависимыми от обстоятельств, на которые они не могут повлиять. *Этой политикой неолибералов была порождена изощёренная*

эксплуатация трудовых ресурсов, которая максимально освобождает собственника от ответственности за нормальное существование миллионов людей и их семей. В результате возник класс, который вправе стали называть прекариатом.

Из чего состоит современный **прекариат**?

Во-первых, это **часть трудоспособного населения, постоянно занятого на временной работе**. Эта социальная группа, насчитывающая в России, по экспертным оценкам, от 30 до 40 % трудоспособного населения, ограничена и лишена тех прав, которыми обладают постоянно работающие сотрудники, имеющие гарантированную занятость. Члены этой группы, как правило, не обладают социальными правами, у них нет оплачиваемого отпуска. Они не могут рассчитывать на помощь в приобретении жилья. Забота о детстве становится их личным делом, так же как и получение образования и повышение квалификации. Это дополняется тем, что у временных работников практически полностью отсутствуют возможности профессионального роста, профессиональной карьеры. **И главное – временная занятость становится постоянно действующей величиной, которая начинает сопровождать человека всю жизнь.**

Во-вторых, **прекариат состоит из людей, работающих неполный рабочий день или пробивающихся сезонными и случайными приработками**. Этот феномен позволяет скрывать масштабы безработицы. Обычно в подавляющем числе случаев это люди, вынужденно согласившиеся работать неполный рабочий день. причём как показывает практика, им приходится работать больше и получать за свой труд меньшее вознаграждение, чем они рассчитывали. Более того, многие из этой группы лиц нередко обнаруживают, что они подвергаются большей эксплуатации и самоэксплуатации, которая неадекватна вознаграждению за их труд.

В-третьих, прекариат представлен также безработными, численность которых тоже значительна. Особенно она обостряется в годы кризиса. Причём, по мнению экспертов, разрыв между регистрируемой и общей безработицей колеблется в пределах от 3,5 до 7 раз. Академик и советник президента РФ С. Глазьев считает, что «скрытая безработица составляет до 20%» [Цит. по: 9, с. 17]. Причём следует особо отметить, что скрытая безработица часто маскируется под нежелание регистрироваться, под случайные приработки, под эпизодическую занятость в личном, особенно сельском хозяйстве. Ожидается, что 2015 г принесёт значительное увеличение безработных. Об этом прямо заявил вице-премьер И. Шувалов, выступая в Давосе: «нужно готовиться к росту безработицы».

В-четвёртых, в прекариат мы включаем и людей **так называемых свободных профессий – специалистов** по информационным технологиям, программистов и др., которые заняты фрилансом. Их иногда представляют приверженцами свободолобивого духа, независимых от строгой и мелочной регламентации официальных (государственных, акционерных, частных) предприятий и организаций [Давыдов, 2014, с. 139–141]. Но их нонконформизм, отсутствие внешнего повседневного контроля на деле оборачивается тем, что эта показная и иногда в чём-то привлекательная независимость поражена теми же ограничениями, как и весь прекариат – беззащитностью, отсутствием социальных гарантий, оставлением человека в одиночестве в случае непредвиденных жизненных обстоятельств, лишением стабильности и уверенности в будущем.

В-пятых, аналогичные характеристики можно отнести и к **занятым заёмным трудом**, суть которого заключается в найме в свой штат работников, которые выполняют заказы или оказывают услуги другим фирмам (предприятиям, организациям [Козина, 2013].

В-шестых, к прекариату примыкают, на наш взгляд, часть *мигрантов*, численность которых во многих странах мира, в т. ч. и в России, значительна. Их положение также характеризуется как ситуация, в которой многие из них ущемлены в правах, они ниже оплачиваются по сравнению с официальными гражданами, им не гарантируются многие социальные блага. Нередко они подвергаются если не прямой, то косвенной этнической и религиозной дискриминации [Малахов, 2015, с. 115].

И, наконец, прекариат пополняют *стажёры и часть студенчества*, которые претендуют на то, чтобы занять в обществе и профессии устойчивое положение. Эта часть молодёжи находится в состоянии неопределённости, соглашаясь на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже своих возможностей и оправданных претензий занять достойное место в жизни.

Таким образом, в России, как и во всем мире, в конце XX – начале XXI вв. появился новый социальный класс – прекариат, который характеризуется временной или частичной занятостью, носящей непреходящий, постоянный и устойчивый характер. Причём, необходимо отметить, что его численность постоянно растёт, имеет устойчивую тенденцию к увеличению, в т. ч. и за счёт людей, пока имеющих постоянную занятость и которых часто относят к среднему классу.

Основные черты прекариата

Прежде всего, для прекариата *характерно неустойчивое социальное положение*, ведущее к «деинтеллектуализации труда» [6, с. 4], деформации трудового процесса. Это касается не только мелких и средних производителей, но и таких гигантов, как Газпром, Роснефть, IBM. Последняя уже объявила в конце 2014 г. о сокращении штата работающих почти на одну четверть, что коснётся 110 тыс. работников.

Особо подчеркнём, что массовое лишение рабочих мест коснётся не только рабочих, но и всех слоёв населения и даже части среднего класса, который нередко представляется как образец стабильности и ориентир для подражания.

Провозглашаемое неолибералами гибкое использование трудовых ресурсов оборачивается для работника *потерей или снижением социального статуса*. И эта угроза понижения социального статуса серьёзно волнует людей. По данным Всероссийского исследования экономического сознания (РГГУ, 2012 г., 12 регионов, 1207 чел.), 31,2% считают, что существует реальная (полностью и частично) возможность лишиться работы.

В настоящее время, в российской экономике сложилась ситуация, когда люди, которые по своим потенциальным возможностям и способностям вправе претендовать на соответствующую занятость, вынуждены соглашаться на менее оплачиваемую и непрестижную работу. Возникает *статусный диссонанс*. Особенно он характерен для молодёжи, которая начинает свой жизненный путь и вынуждена соглашаться с предложенными условиями, но в то же время с надеждой, что это кратковременное явление, имеющее ситуативные издержки. Но уже и в этом случае в сознание этой группы закладывается ощущение несправедливости, которая может подтвердиться, исходя из собственного опыта и наблюдая отнюдь не вдохновляющие их ситуации.

Не менее важной характеристикой прекариата является *его социальная незащищённость, лишение его многих социальных гарантий*. Это проявляется не только в более низкой оплате труда – прекариат лишён гарантий по охране здоровья, помощи в обучении детей, в организации отдыха. Как правило, этим людям «не грозят» не только регулярные, но и эпизодические поощрения. Именно статус временного работника освобождает работодателя от излишних затрат на содержание трудовых ресурсов, сокращает

его издержки, повышает доходность и главное (мечта неолибералов) перекладывает заботу о нынешнем положении и о будущей жизни на плечи самого работника «в целях формирования у него самостоятельности, ответственности и конкурентоспособности». Прекариат как правило не имеет никакой правовой защиты (или она минимальна, урезана), что могло бы обеспечить гарантии занятости в обмен на согласие подчиняться, выполнять общепринятые требования и соблюдать определённую лояльность. По данным всероссийского исследования (1207 чел., в возрасте от 18 лет, 12 регионов, 2012 г., РГУ), только 20,2% признали, что их работа по найму и/или дополнительная работа были официально оформлены трудовым соглашением с работодателем или уполномоченным им органом [подробнее см.: 15].

Прекариат лишен перспектив, не видит будущего при нынешнем устройстве общества и государства. На деле это означает отказ от профессиональной карьеры, от профессионального роста, от профессиональной перспективы. Признание и отказ от этой установки в жизни дополняется тем, что **доход у прекариата нестабилен, случаен, колеблется в зависимости от самых разных обстоятельств.** Отсутствие уверенности в будущем переносится и на членов семьи, на ближайшее окружение, заставляя людей задуматься над путями выхода из создавшегося положения. В этой ситуации для людей возможны различные варианты поведения: а) смириться со сложившейся ситуацией, плыть по течению; б) искать варианты приспособления, используя кратко- или среднесрочные меры по стабилизации своей жизни; в) выступить с активными действиями, начиная от акций против правящего режима, или окунуться, вступить в криминальную среду.

Прекариат по сути депрофессионален, ибо ему присуща частая смена мест приложения труда. И это не внутренняя потребность, а навязанная неолиберальной экономикой линия поведения, что касается огромной массы людей, которые во всё большей мере работают не полученной специальности. По выборочным исследованиям, если в 1995 г. только 17,6% не могли устроиться по своей профессии, то в 2002 г. их было 37%, а в 2013 г. – уже 49,1% [2]. Каждый раз, теряя прежнее место работы, человек в большинстве случаев получает иную сферу приложения труда, требующего некоторого усреднённого знания и определённого набора навыков, чтоб выполнять поручаемую ему работу. Это особенно наглядно проявляется в судьбе выпускников университетов и других учебных заведений. И в этой ситуации, несмотря на различие в целях добиться хотя бы какой-нибудь занятости, у всех представителей прекариата есть нечто общее – ощущение и понимание того, что их работа в большинстве случаев вынужденная, случайная, ненадёжная [1].

При определении имманентных качеств прекариата надо обязательно обратить внимание, что его положение характеризуется просто удивительным и поразительным обстоятельством – **многие из тех, кого относят к прекариату, ни разу не видели своего работодателя, не знают, кому принадлежат организации или предприятия,** на которых они работают, не знают ни их планы по развитию или существованию, ни их будущее. т. е. это положение, отличное от пролетариата, делает прекариат абсолютно отстранённым от всякого возможного влияния и воздействия на те органы управления, которые руководят ими. Это удивительным образом совпадает с реалиями российской действительности.

Всё это позволяет сделать вывод, что мир столкнулся с **новым видом отчуждения,** с которым в таком обличье и в таком масштабе история ранее не встречалась. **Место пролетариата занял прекариат,** который положением во многом схож с тем, который занимал рабочий класс в XXVIII–XX вв. **Прекариат комплектуется, складывается практически из всех слоёв современного общества,** олицетворяет огромную массу людей, занимающих

неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временное, а длительное состояние.

Место прекариата в структуре понятий о стратификации. Напомним, что в течение более чем двух столетий социальная мысль оперировала понятием «классовая структура». Основными классами были пролетариат (рабочий класс), буржуазия, крестьянство. Эта марксистская трактовка была несколько трансформирована в советский период: классами объявлялись рабочий класс, колхозное крестьянство с прослойкой – интеллигенцией и служащими.

Однако современный мир стремительно меняется. И не только в технико-технологическом, экономическом и политическом смысле. Меняется его социальная структура. Марксово представление о классах, в основе которого лежат отношение к собственности (средствам производства) и место человека в процессе труда, не в полной мере характеризуют современное устройство общества. Однако **классовая структура никуда не исчезла – она приобрела иной вид и иные параметры.** А т. к. прежние ориентиры исчезли, начался поиск новых определений того социального состояния, которое характерно для большинства существующих в настоящее время обществ.

Реальная жизнь всё же требует ответить на вопрос, имеющий не только теоретическое, но и практическое значение – а какова социальная структура современного общества, в т. ч. и российского?

Среди этого многообразия поиска ответа на вопрос о социально-классовой структуре особое место заняла концепция среднего класса. Она приобрела особую популярность и получила значительное развитие (Подробнее см. работы Л. А. Беляевой, М. К. Горшкова, З. Т. Голенковой, Н. Е. Тихоновой и др.). Этому классу приписывалась сравнительно высокая материальная обеспеченность, стабильный потребительский спрос, социальный престиж, гарантированная занятость, чувство автономности существования.

Наряду с таким **подходом в трактовке социальной структуры стали созревать иные представления, которые в основу её классификации ставили не доход и социальный престиж, а гарантии устойчивой трудовой занятости, наличие социальной защищённости, сохранение профессиональной идентификации и уверенность в будущем.** Это становилось чрезвычайно важным хотя бы потому, что слои населения, обладавшие этими характеристиками, стремительно увеличивались за счёт не только рабочего класса и крестьянства, а за счёт всех слоёв населения.

Однако такое осознание возникновения нового класса/слоя произошло не сразу.

Принципиально иной подход к осмыслению изменений в социальной структуре осуществили французские социологи в 1980-е годы, исследуя положение сезонных рабочих. П. Бурдьё расширил это представление об этой группе, включив в анализ всё расширяющуюся массу работников, занятых на временных и эпизодических работах. Именно тогда впервые появилось слово «прекариат», которым обозначали слой работников, который характеризуется нестабильной трудовой занятостью, отсутствием у них гарантированных социальных благ, незащищённостью в период сложных жизненных ситуаций [Bourdieu, 1998].

К пониманию новой ситуации подошли и отечественные исследователи (Голенкова, 2013; Бизюков, 2014; Давыдов, 2014), коллектив кафедры социологии Казанского университета, публицисты [10–12], которые по-разному трактуют феномен прекариата, но все сходятся на том, что он представляет новое явление, с которым невозможно не считаться.

Всё это позволяет утверждать, что *наличие такого количества людей говорит не о некоторых издержках развития, а об устойчивой тенденции по формированию нового социального класса – прекариата.*

Прекариат – жертва или дитя неолиберальной политики

Появление прекариата на исторической арене означает возникновение непредвиденных экономических, социальных, политических и культурно-нравственных эффектов, которые по своему значению и воздействию на жизнь обществ и государств превосходят известные истории деструктивные и долго действующие последствия.

В чём это проявляется?

С появлением и распространением политики гибкой занятости стало резко усиливаться социальное неравенство. Классовая структура, характерная для индустриального общества, уступила место более сложному, но не менее классово обусловленному. Все материальные и финансовые ресурсы во всё большей мере сосредотачиваются в руках небольшой группы людей, как в мире, так и в России. Так, в распоряжении 110 олигархов находится 35% активов.

Продолжается рост незащищённого или слабо защищённого населения. По данным всероссийского исследования экономического сознания (октябрь 2012, 1207 чел.), 8% боятся увольнения, а ещё 23,3% подтверждают, что такая угроза для них реально существует. Всё большее и большее количество работников переходят в подвешенное состояние, образуя некую рыхлую, неопределённую и неустойчивую массу, которую волнует всё возрастающая нестабильность и неустойчивость её социального положения.

В силу такого состояния этот класс не станет и не будет базой социальной поддержки официальной политики, ибо у него нет никаких оснований видеть в своём положении удовлетворяющее его социальное положение, которое обусловлено размытостью и неопределённостью социального статуса. Прекариат непременно будет искать, сначала стихийными, а в будущем и организованными действиями, выход из неопределённости своего положения. Одним из таких путей постепенного осознания своего положения станет его роль в олицетворении социальной напряжённости. И хотя прекариат не осознал ещё «классом для себя», но это может произойти точно таким же образом, как это случилось и с пролетариатом, долгое время бывшим «классом в себе».

Кроме того, у прекариата нет ещё внятной политической программы, неясны ещё лидеры, которые бы сплотили эти разношерстные ряды и подсказали средства и методы отстаивания своих интересов. Но несомненно одно – уровень недовольства в обществе питается в основном из этих рядов, а не из андеркласса и пауперизованных слоёв населения. Стоит особо подчеркнуть, что недовольство копится также среди той части молодых интеллектуалов, которые внешне благополучны и устроены, но не чувствуют гарантированной стабильности, возможности строить профессиональную карьеру и обеспечить себе защищённое будущее.

Есть и другие негативные последствия, касающиеся в основном личной жизни людей. Прекариат не имеет отчётливого видения своего будущего, не уверен в обеспеченности своей жизни и гарантированности спокойной старости после завершения трудовой занятости. В этой ситуации изменяется отношение к труду, к служебным обязанностям. Стремясь сохранить свои рабочие места, часть работников для того, чтобы удержаться на плаву, трудятся на износ, стараясь доказать работодателям свою незаменимость, свою значимость и пользу, свою приверженность порученному делу, что нередко из-за перегрузок приводит к

профессиональным заболеваниями, потере здоровья и истощению моральных и физических сил человека.

Происходит и духовно-нравственная деградации личности, потеря идеалов, веры в справедливость и правильное устройство мира.

Такая неуверенность в своей нынешней и будущей жизни сказывается и на такой важной социальной проблеме, как вступление в брак и намерение иметь детей. В силу неустойчивости жизненных позиций решение этого вопроса откладывается на «потом», когда будет достигнута хотя бы относительно гарантированная занятость.

Прекариат в значительной степени испытывает неуверенность в своём нынешнем и будущем положении. Отсюда страх, неверие, разочарование и отрицание официальных структур. Многие ощущают себя жертвой обстоятельств, на которые они никак не могут повлиять. Именно такое состояние приводит к росту самоубийств, по численности которых Россия занимает 4-е место в мире. Только за 11 месяцев 2014 г. покончили с жизнью 24690 человек.

Всё это позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с принципиально новым социальным образованием – прекариатом, который в настоящее время ещё в немалой степени несёт черты протокласса. Составляющие его социальные группы не выработали ещё чувство солидарности, слабо или совсем не организованы, не имеют объединяющей, а только ещё смутно осознаваемой политической программы и соответствующей идеологии. Прекариат всё ещё есть «класс в себе», который стоит на пороге превращения в «класс для себя». Он уже устойчивое социально-классовое образование, которое объединяет огромные массы людей и закрепляет их в статусе постоянной временности социального положения и отчётливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей. По мере осознания этих обстоятельств прекариат имеет тенденцию для превращения в потенции в опасное образование – будущий класс, от сознания и поведения которого будет зависеть судьба страны.

Литература

1. Бизюков П. Что такое прекариат? // Газета.ру. 2014. 1 мая.
2. Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В. Иноземцева А. В. Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе // Социологические исследования. 2015. № 5.
3. Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. №3.
4. Голодец О. 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем // Российская газета. 2013. 3 апреля.
5. Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической дигностики). М., 2011.
6. Гринберг Р. С. Великая трансформация: невыученные уроки. М., 2009.
7. Давыдов А. П. Зинаида Голенкова и российская социология // Философские науки. 2014. № 10.
8. Зайцев Л. Н., Викулин Я. Н. В сейфах богачей и «народной казне» // Советская Россия. 2015. 24 января.

9. Истомин В. Кризис и безработица угрожают стране социальным взрывом // Версия. 2015. № 3. С. 17.
10. Мармер Э. Что такте прекариат // Neue Ztiten. 2009. № 05.
11. Мельник Е. Прекариат всех стран, соединяйся! //Еженедельник 2000 – Свобода слова. 2007. № 48, 30 ноября – 6 декабря.
12. Механик А. Униженные и оскорбленные современного мира // Эксперт. 2014. № 1.
13. Российский статистический ежегодник: 2012. Стат. сб. М., 2012.
14. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
15. Тощенко Ж. Т. Экономической сознание россиян: 25 лет спустя // Социологические исследования. 2014. № 7.

А. В. Федорова
УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫМИ РИСКАМИ
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ
МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

ФЕДОРОВА А. В. – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления им. П. А. Столыпина филиала РАНХиГС, г. Саратов. E-mail: anna_fedorova_76@list.ru.

Методологический дискурс, описывающий деятельность современных социальных организаций, складывается вокруг следующих проблемных полей: организационной темпоральности, «лабиринта фрагментаций» современных социальных организаций, сложности и неуправляемости организаций, рискогенности организаций как социальных институтов. Конституирующим контекстом методологического дискурса становится противоречие, зафиксированное, с одной стороны, в невнимании к социальным институциям и в иллюзии управляемости организационными рисками, с другой стороны.

Наиболее важным в сложившейся ситуации является осмысление управления рисками как методологической интеграционной стратегии в процессе развития мирового и отечественного социологического знания в области исследований современных организаций.

Теоретическое и практическое знание об организациях развивалось в рамках общей теории организации и управления, а также в границах более частной социолого-управленческой области знаний – социологии организаций и социологии управления [1–2]. Методологически важным является различие социологии организации и социологии управления [3].

Методологическое поле исследований организаций и управления в историческом, конфигуративном и методологическом аспектах представлено разнообразными и мало коррелирующими друг с другом концептами [4].

Управление рисками как методологическая стратегия детерминирует возникновение «новых», современных конфигураций организаций, основополагающими элементами которых служат управление, конфликты, коммуникации, риски и инновации. Управление функционированием – это целенаправленные социальные действия по поддержанию

функционирования организации в пределах допустимых параметров. В современных исследовательских практиках насчитывается порядка 18 элементов управления [5].

Эти элементы позволяют зонировать организацию, выделяя зоны относительно стабильного функционирования организации и зоны организационной инноватики. основополагающей современной формой организационных инноваций является процесс проектирования, состоящий из 14 основополагающих элементов.

Понимание риска как социальной, организационной и управленческой ситуации позволяет осуществить методологически обоснованный системный подход к анализу рисков, выявив риск/причины, риск/факторы, риск/условия, виды рисков, субъектов риска, объекты риска, степень и уровень риска, стратегии управления рисками. Риск/процесс – это совокупность целенаправленных, непрерывных и взаимосвязанных социальных, организационных и управленческих действий. Процесс приобретает свойства открытости, нелинейности, непропорциональности произведённых действий и получаемых результатов. Риск/социальное действие – это специфический тип целеориентированного социального действия по преодолению неопределённости и максимизации благоприятных возможностей. Управление рисками, с позиций наших исследований, – рефлексивный и интеграционный процесс по отношению к риск/ситуации, риск/процессу и риск/социальному действию, опирающийся на методологию развития знания об организациях и управлении в них [6].

Эмпирический анализ функционирующих современных организаций и инноваций, связанных в первую очередь с проектированием, позволяет выдвинуть и подтвердить/опровергнуть следующие гипотезы: 1) современные организации не рассматриваются в методологическом поле в качестве сложных, гетерогенных, рискогенных социальных систем с интегративными стратегиями управления рисками [7]; 2) управление современными организациями малоэффективно в силу неотрефлексированности и рассогласованности элементов управления функционированием и инноватикой организаций и отсутствия системного и методологически обоснованного управления рисками в организациях.

Основу эмпирической прагматики составляет исследование организаций г. Саратова и Саратовской области (N=504), проведённое в течение 2004–2013 гг.

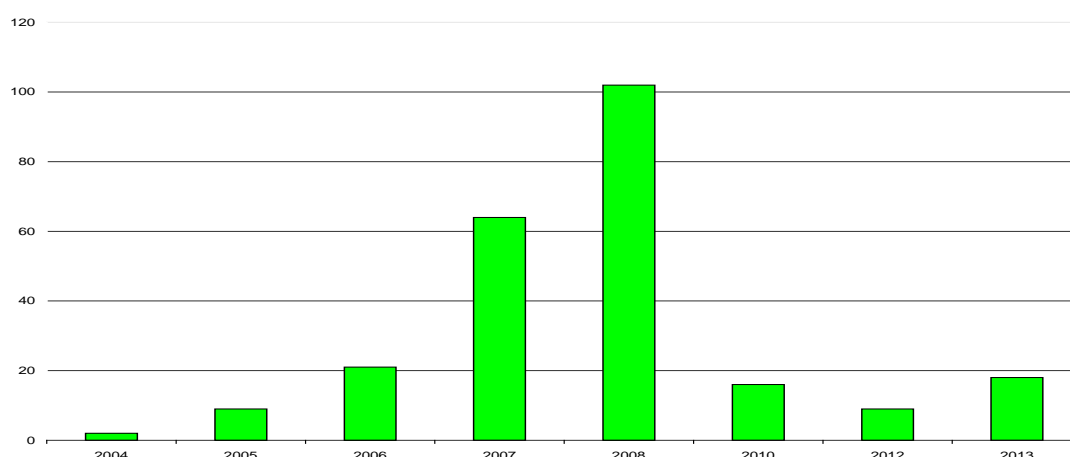

Рисунок 1 – Количество обследованных организаций по годам (2004–2013гг.)

Неравномерность распределения выборочной совокупности объясняется динамикой исследований: в 2004–2006 гг. проводились пилотные исследования, на 2007–2007 гг. приходится основной этап исследований, 2010–2013гг. – завершающий этап исследований.

Таблица 1 Виды и стратегии управления рисками в организационно- управленческих и PR-проектах 2004-2013гг., %

Риски	ОУП	PRП	Всего	Нет	Всего
Виды рисков	76	24	100	404	504
Виды рисков в %	29%	10%	20%	80%	100%
Стратегии управления рисками	7	10	17	587	504
Стратегии управления рисками в %	1,4%	2%	3,4%	93,2%	100 %

Эти данные подтверждают гипотезу о том, что практики управления организационными рисками не встроены в процесс общего управления организациями. Они фрагментированно представлены в практиках управленческой деятельности, а управление рисками в исследуемых организациях осуществляется ситуативно.

Таблица 2 Зафиксированность элементов управления организациями, 2004–2013гг., %

Элементы управления функционированием организаций	ОУП	PRП
Миссия организации	74,4	2,1
Проблема, для разрешения которой создана организация	21,8	0
Цели	67,9	0
Задачи	16	0
Функции	65,6	37,6
Связи с внешней средой	64,1	0
Имидж	16,4	0
Организационная культура	19,1	0
Стиль управления	4,6	0
Возраст	57,3	0
Организационные патологии	66,4	0
Линейно-функциональная структура	79	0
SWOT-анализ организации	27,7	27,3
Размер организации	28,2	0

На основе приведённых данных можно сделать вывод о рассогласованности элементов управления современными организациями, что нарушает системность процесса управления организационными рисками и значительно повышает величину организационных рисков.

Таблица 3 Зафиксированность элементов управления изменениями в организациях 2004 2013 гг., %

Элементы управления изменениями в организациях	ОУП	PRП
Проблема	66,4	73,1
Цель	27,7	96,3

Элементы управления изменениями в организациях	ОУП	РРП
Задачи	19,9	94,2
План мероприятий	27,7	89,7
Стратегии управления рисками	5,3	13,6
Результаты/продукты	17,2	83,5
Результаты/эффекты	9,5	81,4

Данные, приведённые в таблице, свидетельствуют о фрагментированности управленческих практик (рассогласованности элементов управления организационными изменениями), детерминирующих инновационное поле современных организаций и нивелирование стратегий управления рисками в ситуации с высокой величиной рисков: 5,3% от общего числа организационно-управленческих проектов и 13,6% – PR- проектов.

Качественный контент – анализ и корреляционный анализ показывают рассогласованность элементов управления функционированием современных организаций и элементов управления организационными изменениями, что также увеличивает вероятность и уровень организационных рисков.

Таким образом, управление рисками современных организаций способно стать эффективной, системной и методологически обоснованной стратегией управления в ситуации встроенности этого процесса в процессы управления функционированием и инновированием организационного поля на уровне управленческих организационных практик, а также на уровне социологической рефлексии проблемного поля социологии организации и социологии управления.

Литература

- 1 Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Т.1, 2. М.: Экономика, 1989.
- 2 Гвишиани Д. М. Организация и управление. Изд. 2. М.: Наука, 1972.
- 3 Лапин Н. И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и её регионов//Социологические исследования. 2014. № 7. С. 8–19.
- 4 Наумов С. Ю., Журавлев П. В., Шеховцев А. Ю., Федорова А. В. Риски в коммуникативном пространстве социума. Саратов: Изд-во ПАГС, 2004.
- 5 Теория организации и организационное проектирование / Под ред. Т. П. Фокиной, Ю. А. Корсакова, Н. Н. Слонова. Саратов: Изд-во СГУ, 1997.
- 6 Федорова А. В. Исследование современных организаций: теоретические основания и методологические установки // Вестник ПАГС. 2014. № 3 (42). С. 108–116.
- 7 Сетров М. И. Основы функциональной теории организации. Философский очерк. Л.: Наука, 1972.

Т. В. Черняк

ВЫЯВЛЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ В РАЗВИТИИ ИННОВАЦИОННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ (НОВЫЕ СФЕРЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

ЧЕРНЯК Т. В. - кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: tatyanchernyak@yandex.ru.

В современном обществе экономика базируется на знаниях, которые становятся ведущим потребляемым экономикой сырьём и одним из основных результатов труда. Единственным способом, по мнению экспертов, который позволит России стать конкурентным государством в мире XXI в., обеспечить достойную жизнь всем гражданам, является инновационное развитие. Инновационное развитие страны напрямую связано с инновационным образованием, готовящим инновационные кадры, в т. ч. и для государственной службы. Инновационное образование связано с переходом на позиции лично-ориентированной педагогики, внедрением информационно-коммуникативных технологий, новых форм и методов образования.

Существуют общие проблемы высшего образования России, главная из них: вуз перестал быть фабрикой инноваций и инноваторов, что приводит к проблеме стагнации вуза и кадров России в целом. Автор – как руководитель Центра развития инновационных компетенций вуза – в течение ряда лет проводит исследования по изучению проблем меры развитости и востребованности инновационных компетенций личности будущими и действующими руководителями; оценке форм и методов их формирования, как среди выпускников вуза, так и среди слушателей Президентской программы повышения квалификации из числа государственных и муниципальных служащих, руководителей социально-экономической сферы Сибирского федерального округа. Роль вуза в формировании инновационных компетенций персонала для всех сфер деятельности становится ещё более важной и ответственной, т. к. повышение квалификации руководителей организаций и государственной службы позволяет повысить инновационность кадров в государстве, на государственной службе, в обществе в целом. Исследование автором проблемы развития инновационных компетенций управленческих кадров нашло поддержку в октябре 2013 г. со стороны руководства Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Автор статьи стала победителем конкурса научно-исследовательских работ среди филиалов Российской академии народного хозяйства и государственной службы по направлению: «Формирование управленческих элит в России: образовательные аспекты» [1, с. 37–45].

Исследование автора посвящено рассмотрению проблем выявления потребностей в формировании и развития инновационных компетенций управленческих кадров, как будущих управленцев, так и действующих. Данные статьи – результат многолетней преподавательской и исследовательской деятельности автора.

Цель исследований – сравнительный анализ идеального представления управленческих кадров о модели компетенций руководителя-инноватора и их реальном состоянии.

Задачи исследования: оценка технологий формирования и развития инновационных компетенций в ходе обучения студентов и повышения квалификации управленческих кадров; оценка управленческими кадрами потребности в инновационных компетенциях на государственной службе; в бизнесе и в обществе.

Исследования автора с 2010 по 2014 г. позволили оценить идеальное представление о необходимости развитости инновационных компетенций и о модели компетенций руководителя-инноватора, как будущими, так и действующими управленческими кадрами; оценить состояние их реального развития; оценить эффективность образовательных технологий

в деле их формирования; на основе данных исследования с использованием социологических методов анализа создать модель компетенций личности руководителя – инноватора.

С 2011 г. по настоящее время автор статьи является преподавателем и модератором групп проектов слушателей Президентской программы повышения квалификации управленческих кадров сферы образования Сибирского федерального округа, реализуемой в Сибирском институте управления. Слушатели – руководители сферы образования СФО. В ходе Программы к январю 2014 года было обучено около 190 руководителей. Программа обучения (120 часов) включает традиционные формы обучения: лекции, семинары по проблемам реформы образования, но до 50% Программы занимают интерактивные методы обучения: деловые и имитационные игры, тренинги, метод проектов. Главная цель программы: обучение слушателей управлению проектами в сфере образования.

В опросе участвовало 130 слушателей программы (68,4%). Стаж руководящей работы у 55% респондентов от года до 5 лет, их можно отнести к начинающим руководителям; 21% занимается руководящей работой от 6 до 10 лет; и 13% респондентов имеют стаж от 11 до 15 и более лет, т. е. большинство респондентов имеют достаточный практический опыт в сфере управления, т. к. только 8% имели управленческий опыт менее года. Слушателям предлагался список компетенции инновационной личности профессора Пола Дезендорфа (коллеги автора статьи): иметь исследовательскую натуру; видеть новые связи между концепциями; приверженность ценностям потребителей; способность интегрировать стратегию и инновации; строить системы отношений; культивировать отношения сотрудничества; рисковать и управлять риском; эффективное управление инновационными проектами; агрессивное стремление к обучению. Каждый из этих кластеров личности инноватора имеет свой набор инновационных компетенций. Респонденты должны были оценить модель инновационных компетенций с учётом следующих параметров. Первая оценка касалась необходимости наличия данной компетенции у современного руководителя (3 балла – компетенция должна быть обязательно; 2 балла – компетенция желательна; 1 балл – компетенция необязательна). Вторая оценка – о степени развития этой компетенции у респондента (3 балла – компетенция развита в полной мере; 2 балла – компетенция развита не в полной мере; 1 балл – компетенция не развита).

Результаты исследования представлены на рисунке 1.

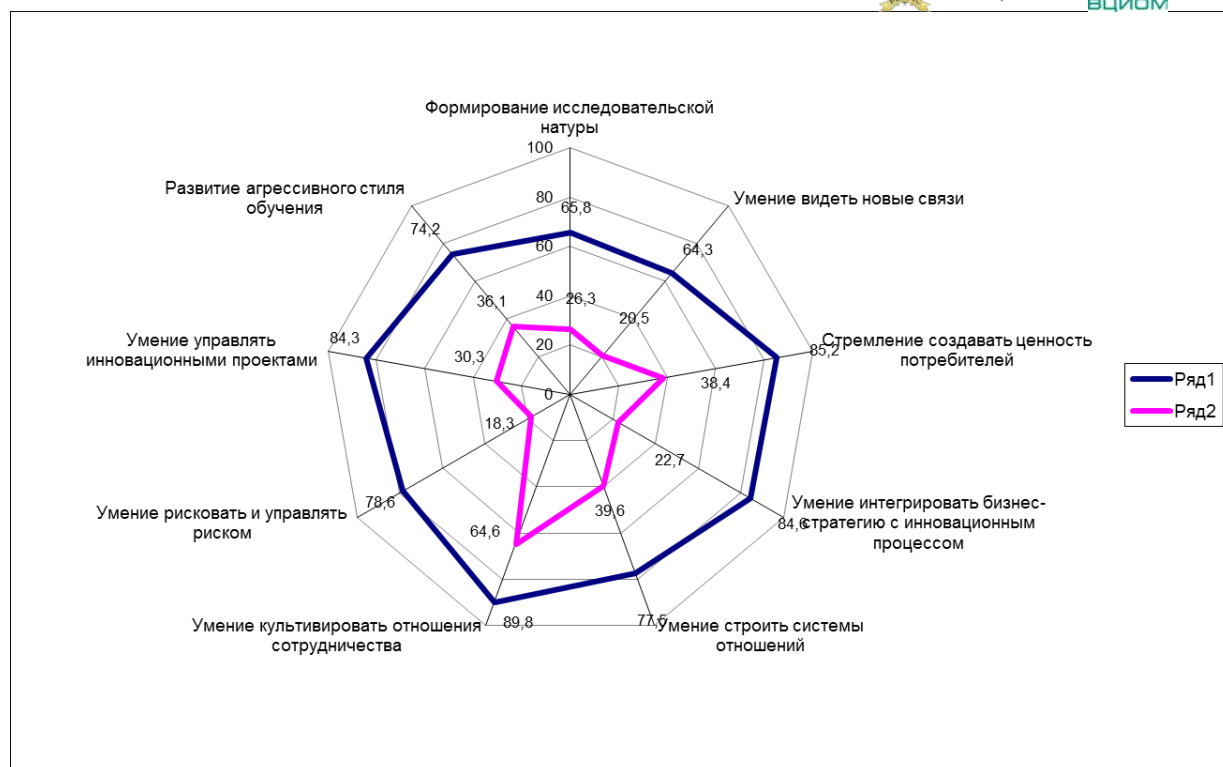

Рисунок 1 – Сравнительный анализ модели компетенций руководителя-инноватора и самооценки наличия инновационных компетенций у респондентов

На рисунке синей линией выделены инновационные компетенции, которые должны быть развиты у руководителя-инноватора, а красной линией те, которыми обладают респонденты – руководители в настоящий момент. Лепестковая диаграмма указывает на огромную разницу между необходимостью развития данной компетенции у руководителя-инноватора и её реальным состоянием (разница от двух до 6 раз!). Абсолютный «провал» в развитости таких компетенций, как: умение рисковать и управлять рисками; умение интегрировать бизнес-стратегию; умение видеть новые связи; управлять инновационными проектами. Это говорит о необходимости получения руководителями современных знаний в инновационном менеджменте и управлении персоналом, кроме знаний в управлении проектами. Проведённый анализ потребности в развитии инновационных компетенций у современного руководителя позволил построить модель компетенций инновационного руководителя с учётом потребностей руководителя-практика.

Таким образом, внедрение компетентностного подхода в сфере образования, задачи подготовки инновационных кадров и др. открывают новые сферы исследований для социологов.

Литература

1. Chernyak T. The Development of Innovative Competencies of Management Personnel of the Siberian Federal District. /Chernyak Tatyana., „Government vs. Governance in Central and Eastern Europe. From Pre-Weberianism to Neo-Weberianism? // Collection of scientific articles 22 NISPAcee Annual Conference: May 22 – May 24, 2014, Budapest, Hungary. URL: <http://www.nispa.org/conference2014/cd>.

В. В. Швайдак

«КУДА ВЕТЕР ДУЕТ?»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ШВАЙДАК В. В. – кандидат философских наук, доцент Липецкого филиала РАНХиГС. E-mail: schwajdak@mail.ru.

В настоящее время всё большее распространение в прикладной науке об обществе получают социологические опросы. Это вполне объясняется появлением всё новых возможностей проведения опросов и обработки данных. Тем не менее, полученные результаты иногда заводят исследователя в тупик из-за отсутствия логики, что предполагает европейский образец. Например, по данным исследования ВЦИОМ, уже не один год наблюдается рост оптимизма граждан при пессимистичной оценке собственного материального благополучия. Многие годы в России был очень низким уровень социального доверия власти, настолько низким, что в любой европейской стране он неизбежно бы привёл к социальному кризису, попыткам государственного переворота, но... не в России. И даже неблагоприятная геополитическая ситуация 2014 г. не только не усугубила настроение россиян, но вызвала некоторый патриотический подъём и повышение уровня доверия власти, прежде всего Президенту, причём именно к личности Президента, а не самому институту власти.

Это свидетельствует о многом: и о роли личности в российской истории, а также о важности для россиян моральных, нравственных ценностей. Как оказалось, мораль наша существенно отличается от европейских её стандартов, что свидетельствует о том, что страна не потеряла своей индивидуальности и «умом её, по-прежнему, не понять». Следовательно, понять Россию (поверить в неё, защитить её, возвеличить её) можно только сердцем, и сердцем любящим. А любить может только сердце, которое стремится к Правде. Лиши русского человека стремления к Правде, Правде нравственной, высшей, не потребительской – и погибнет Россия. В ответе на вопрос, чем держится российская земля, социологическая статистика бессильна. Она может посчитать процент алкоголя на душу населения и сделать вывод, по европейским стандартам логики течения событий, что наше население должно было окончательно деградировать двадцать лет назад, а почему этого не произошло, она ответить не может.

Сегодня происходит усложнение социальных отношений на всех уровнях: семьи, поколений, социальных институтов, международных. После вывода войск из Афганистана казалось, что уже и локальные войны позади. Следствием войны в Чечне явился распад Союза. Сербия, страны Ближнего Востока также не воспринимались как угроза для России, но Украина... Больше года идёт война, и до сих пор думаешь: «Этого не может быть. Это какой-то страшный сон. Сейчас мы проснёмся, и всё будет по-прежнему...». В таких сложных условиях особую важность приобретают социологические исследования качественного характера, прежде всего наблюдение, причём с учётом исторической ретроспективы. Многое в жизни государств повторяется. Например, студент приехал из США, куда уезжал по трудовому договору на три месяца. Обычно студенты говорят о своих впечатлениях от внешнего быта, у этого же студента оказались очень глубокие наблюдения. Он рассказывал, что его удивили некоторые штампованные стереотипные фразы, которые часто слышишь в разговоре американской молодёжи, звучат в СМИ. Когда речь идёт об этих фразах, сразу вспоминаешь книгу Виктора

Клемперера «ЛТІ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога», автор которой описывал молодых людей Германии 30-х гг. прошлого века, упорно следовавших нацистскому стереотипу мышления, даже не подозревая этого; усвоенное ими словоупотребление вносило путаницу в их умы, вводило в соблазн.

Подобное словоупотребление – с позитивной репутацией и искажённым смыслом – мы видим и в современной Украине, и в современной России. Например, «героизм» оправдывает зверства нацистов, «свободная Украина» подразумевает отделение от России, но скрывает зависимость от США, «любовь» оправдывает разврат, «толерантность» оправдывает порок, призыв «быть собой» оправдывает распущенность, постоянный акцент на то, что «Россия страна многонациональная и многоконфессиональная», нивелирует историческую и духовную роль православия в становлении многонационального государства без религиозных войн, создание нравственного фундамента уникальной системы российской власти и не столько пытается защищать права народов России, сколько стереть из памяти русский народ как национальность, как носителя православной культуры и самой национальной идеи. Кстати, слово «национальность» стало произносить как-то неприлично, тем более интересоваться национальностью человека, как будто это что-то очень унижающее достоинство человека, его принадлежность к той или иной культуре. Понятно, что, с точки зрения потребительского общества, он должен быть «вселенский человек», но конечно, не в интерпретации Ф. М. Достоевского. Слова идут вперёд дела, они во многом моделируют будущее и научное, и социальное пространство. Например, выражение «выносить мозги» предшествует разработкам искусственного интеллекта и формированию допущения мысли, что кто-то может легко войти в твоё личностное пространство и его опустошить, а главное, ты ты можешь также легко сделать это с другими (авторская интерпретация). Появление иностранных слов, имеющих русский перевод, может играть роль вирусов.

Каждое русское слово помимо внешней оболочки несёт свою духовность, нравственность. Если изменить звучание слова на негативное, будет отторжение, а если использовать иностранное слово или иное сочетание с другими словами, можно получить иное нравственное осмысление привычного значения и действовать на подсознание, например, исконно русское слово «терпимость» заменить иноязычным «толерантность», имеющим такое же лексическое значение. Но в русском языке в слово «терпимость» вкладывается несколько иной смысл – «терпение несовершенства человека, терпение с любовью, с кроткой попыткой помочь ему исправиться», тогда как английское слово «толерантность» значит равнодушие к человеку, терпимость к пороку (ты можешь сам выбирать, и мне всё-равно, каким нравственным ценностям ты будешь следовать, душа не важна, инстинкту нельзя сопротивляться – примерно так. Когда Иуда раскаялся, первосвященники сказали: «А нам какое до тебя дело? Ты сам решил». Может, не случайны участившиеся случаи самоубийств в «благополучных» странах? Вместо слова «любить» всё чаще слышим «заниматься любовью». Лучшее состояние души заменяется одним из известных физиологических процессов и т. д. Наблюдая за появлением новых слов и оборотов в СМИ, в интернете, в художественной видеоиндустрии, в речи молодёжи, которая всегда быстро схватывает «новинки», можно анализировать социальные процессы, тенденции их развития, вводя в общее употребление слова, можно социальное пространство моделировать. Более того, можно понять, какой хотят видеть Россию западные державы. А это уже вопрос международного статуса, суверенитета и национальной безопасности, самой исторической перспективы. Поэтому вопрос «Куда дуют западные ветры» совсем не праздный. Мы уже стали свидетелями дипломатической схватки

нашего Президента и глав Западных государств. ещё несколько лет назад даже не пришло бы в голову, что Президенту на высочайшей пресс-конференции в европейских государствах могут задать вопрос относительно прав сексуальных меньшинств. Этот вопрос стал сегодня одним из главных вопросов большой политики. Наверное, на фоне развития западной биополитики это выглядит вполне органично. Но в России всё по-другому. Почему повысился рейтинг Президента? Россияне увидели в его политике отеческое отношение, уважение к своему народу, желание его защитить, взять ответственность на себя. Это отношение к социуму в лучших российских традициях, а не отношение как к биомассе. Кроме того, Президент позиционирует себя как человек верующий и православный. И как следствие такого отношения Президента к народу изменение позиции народа – он попытался разделить ответственность власти. До недавнего времени народ обвинял во всех государственных проблемах власть, будто она всемогуща и все негативные процессы происходят по её бездействию или злонамеренности. Сегодня общество начинает смотреть на себя, а мы как поступаем? Достоинство себя ведём? Это напоминает разделение народом бремени ответственности высшей власти, которая существовала в Московском Царстве. Когда Иван IV учредил опричнину, летописец справедливо заметил, что за грехи народа русского нашло на него это бедствие.

Вопрос выбора цивилизационного пути России сегодня обострился как никогда. Никто из сильных Западных держав не мыслит Россию как равноправного партнёра. Несмотря на то, что само европейское общество существует благодаря сильной России, оно многие столетия старательно пытается ослабить Россию, тогда как великий русский историк С. Соловьев говорил, что уничтожение России положит конец мировой истории.

Россия может оставаться суверенной только благодаря своим традиционным нравственным началам. Дух нации есть главная сила России, которая поднимала её из пепла. Наверное, европейским дипломатам до сих пор не понятно, как могла выстоять наша страна после революции 1917-го года и последующих за ней событий, да ещё дать отпор всей европейской армии; как смогла она укрепиться после распада Союза. Надеемся, нам придется ещё не раз удивить Западный мир и проявить к нему изрядную терпимость и милосердие, которое так естественно русской власти на всём протяжении существования России. Россия не очень богата, но она благодородна. И это умом не объяснимо.

Таким образом, с помощью социологических наблюдений можно дать качественную оценку происходящих событий, намечающихся тенденций и вовремя заметить опасность для стабильности и развития российского общества; можно помочь направить это развитие в созидательное русло и избегать подводных камней двойных стандартов в международной дипломатии. Самое главное, что с помощью качественных методов социологического наблюдения мы можем понять себя, свои, истинные, а не навязанные интересы, понять основы развития нашего государства.

PS. Студенты каждый год на социологии управления получают задание сделать прогноз будущего России через 50–100 лет. Чаще всего эти проекты подобны научной фантастике и довольно мрачные. В 2014 г. произошел удивительный перелом. В основу будущего России стали закладываться нравственные ценности: вера, семья, забота о ближних, благотворительность. причём 50% студентов Россию стали изображать изолированно от внешнего мира, рисуя российское будущее в светлых тонах, а остальной мир в кризисе и войнах. Можно сделать вывод, что российская пропаганда начинает побеждать в информационном пространстве. А мудрецы давно заметили, что нашу жизнь формируют не столько обстоятельства, сколько отношения к ним.

Литература

- 1 ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2751. «Социальное самочувствие россиян: декабрьские настроения». URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115116> (14.01.15).
- 2 Виктор Клемперер. LTI. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. URL: http://bookz.ru/authors/viktor-klemperer/lti-azi_177/1-lti-azi_177.html (14.01.15).

В. А. Шилова

ТЕХНОЛОГИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛЁВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)

ШИЛОВА В. А. – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, учёный секретарь Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН, академический секретарь РОО «Сообщества профессиональных социологов», аккредитованный эксперт Роскомнадзора. E-mail vshilova@yandex.ru.

Технология визуальной диагностики является частью комплекса социальной диагностики городской среды. Комплексная социальная диагностика – это первый этап социально-прогнозного проектирования (разработанного научным коллективом под руководством Т. М. Дридзе) и включающего в себя также: второй этап – прогнозирование, третий этап – проектирование [1].

Комплексная социальная диагностика городской среды была впервые проведена в рамках экспедиции в г. Бронницы Московской области (2007 г.) под руководством к. социол. н. Е. М. Акимкина с целью разработки социальной части Градостроительного плана развития города. Диагностический комплекс состоял из: 1) зондажно-информационного обследования социальной и культурной истории города; 2) анализа собранной информации: статистика населения, данные о социально-экономическом положении, занятость, заработная плата и другие показатели; 3) интенционального (информативно-целевого) анализа местной газеты; 4) вторичного анализа обращений горожан в Администрацию города; 5) опроса населения; 6) опроса предпринимателей и руководителей городских предприятий; 7) опроса должностных лиц и экспертов практиков.

Технология визуального анализа городского пространства, разрабатывалась в рамках проекта РФФИ «Коммуникативная структура и перспективы развития малого Российского города» 2009–2011 гг. группой специалистов ИС РАН под руководством к. социол. н. В. А. Шиловой. Технология визуального анализа изначально была задумана, как часть социально-диагностического комплекса, ранее разработанного и опробированного в Бронницах. Первый визуальный замер был сделан в городе Белёве Тульской области 2010 г., второй в 2011, третий в 2014 г.

Визуальная диагностика городской среды представляет собой законченный комплекс фото-фиксации объектов среды нерукотворной (природные ресурсы, ландшафт), рукотворной (архитектурные сооружения, дизайн ландшафта), социальной (антропологической, взаимодействия людей, городских событий), информационной (городской контент) по Т. М. Дридзе.

В ходе первого исследовательского этапа экспедиции в Белёв в 2010 г. было задумано зафиксировать визуально городские проблемы, выраженные в пространстве города. Съёмка велась сплошной фотофиксацией всех проблемных объектов, попадающих в объективы группы социологов.

В ходе второго этапа в 2011 г. были отобраны отдельные кадры по разным проблемным направлениям и произведен повторный (лонгитюдный) замер с условных фото-точек первого замера, таким образом, мы старались повторить сделанные ранее кадры. Второй замер, в связи с тем, что прошёл маленький промежуток времени, не дал серьёзных различий для лонгитюдного визуального анализа городской среды.

В ходе третьего этапа в 2014 г. удалось зафиксировать существенные изменения городской среды, т. к. к этому моменту прошли серьёзные финансовые вливания в реконструкцию города, поменялись региональные и муниципальные органы власти.

Условно комплекс визуальной диагностики можно разделить на несколько этапов и процедур. На первом этапе происходит погружение исследовательской группы в локальные проблемы и традиции. Первый этап, подготовительный, включает в себя: знакомство с историей города, изучение архивной и статистической документации; общение с экспертами местными краеведами; отбор пространственных объектов (улиц, предприятий, сооружений) и мест скопления населения (рынков, ярмарок, парков).

Второй этап. Сплошная фотофиксация. Исследовательская группа выходит в город и производит сплошную фотофиксацию всего увиденного.

Третий этап. Сортировка (систематизация) фотоархива, подготовка к лонгитюдному замеру отдельных кадров.

Справка о составе Белёвской экспедиции: в состав экспедиции в 2010–2014 гг. вошли: к. социол. н. Акимкин Е. М., к. социол. н. Богданов В. С., к. социол. н. Мерзляков А. А., к. социол. н. Усачёва О. А., социологи – Давыдова С. И., Ермолаева Ю. В.

Примеры визуальной фиксации:

Нерукотворная среда

Рукотворная среда

Улица Карла Маркса («старый город»)

Улица Советская («новый город») – трубы газопровода

Антропологическая среда (люди): городские рынки;

проблема «население спивается»

Информационная среда:

приём грибов – важное событие летнего сезона

Примеры лонгитюдного замера:

Замер 2010 г. (Стадион)

Замер 2014 г.

Замер 2010 г. (ул. Рабочая)

Замер 2014 г.

Замер 2010 г. (ул. Советская)

Замер 2014 г.

Замер 2010 г. (бывший Кинотеатр)

Замер 2014 г. («Дикси»)

Литература

1. Прогнозное социальное проектирование и социальная диагностика: в 3 кн. / АН СССР. Ин-т социологии; Отв. ред. Т. М. Дридзе. М., 1991. 388 с.

Р. В. Шурупова, И. И. Макарова
УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ
В ПЕРВОМ МГМУ ИМ. И. М. СЕЧЕНОВА
(НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ФОКУС-ГРУППЫ)

ШУРУПОВА Р. В. - доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и технологии обучения в высшей школе ИПО Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М.Сеченова, ведущий научный сотрудник НИИ СМЭЗ и МС. E-mail: akraisa@gmail.com.

МАКАРОВА И. И. – соискатель степени доктора социологических наук, кандидат педагогических наук, зав. детсадом № 1220 ГБОУ г. Москвы. E-mail: makarova-72@yandex.ru.

В последние годы в высшем медицинском образовании наблюдаются некоторые негативные тенденции. Российские вузы сталкиваются с проблемами в отношении международной конкурентоспособности и вхождения в единое европейское образовательное пространство и в общий рынок труда. К ним относятся:

- 1 проблемы качества высшего медицинского образования, связанные с неадекватностью, неидентичностью, несоответствием полученных знаний, навыков и умений реальным потребностям клинической практики по ряду медицинских дисциплин;
- 2 недостатки в подготовке молодых врачей к условиям работы в реформируемой системе здравоохранения;
- 3 ослабление традиций отечественных врачебных школ;
- 4 «кризис кадров» профессорско-преподавательского состава, снижение качества и эффективности вузовской науки;

- 5 снижение доверия и уважения к врачам в обществе и связанным с этим снижением престижа высшей медицинской школы [1].

Сотрудники НИИ социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования совместно с преподавателями кафедры теории и технологии обучения в высшей школе провели фокус группу с участием 25 преподавателей с разных кафедр университета. Перечень обсуждаемых проблем затрагивал следующие аспекты:

- 1 Уровень качественного обучения студентов, ординаторов.
- 2 Мнение преподавателей об удовлетворённости качеством образовательных услуг.
- 3 Насколько успешна мотивация обучающихся.

Социологическое исследование среди профессорско-преподавательского состава выявило, что мотивация наблюдается у всех студентов до третьего курса. «Однако, на 4, 5, 6 курсах у них в глазах всё меньше блеска, глаза пустеют, теряется интерес. И получается, что мы преподаём «в пустые ворота» (*Кристина Ивановна*).

Представляется, что процедура постановки целей при правильном подходе является мощнейшим методом мотивации, поскольку у обучающихся формируется направленность на достижение результатов в обучении и критерии результативности становятся им понятными.

Ведущий фокус-группы уточняет ответ: «Понятно! Отсутствует мотивация. Почему такое происходит, в чём причина отсутствия мотивации у обучающихся? *Кристина Ивановна* даёт категоричный ответ: «У студентов низкая заинтересованность в результатах своего обучения.

Ведущий уточняет: «А почему их заинтересованность такая низкая?».

Выясняется, что серьёзную озабоченность у преподавателей и исследователей вызывает проблема качественного профессионального отбора абитуриентов при поступлении в университет. Вот как трактует это обстоятельство доцент *Александр Родионович*. «Возможно, необходимо проводить более качественный профессиональный отбор абитуриентов при поступлении, дополнительное тестирование. Именно так необходимо создавать мотивацию у студентов, и необходимо квалифицированное и «жесткое» тестирование и отбор абитуриентов, а позже студентов и не один раз, в процессе обучения. Чтобы вовремя избавляться от тех, кто попал в вуз по ошибке. А те, кто останется, будут врачами преданными своей профессии и заинтересованными в результатах собственного обучения». «У студентов нет заинтересованности. Они могут заниматься одним предметом, например, биологией, все остальные для них уже не интересны», – считает *Анна Викторовна*.

Продолжая рассуждать на тему о мотивации обучающихся, обратимся к точке зрения *Тамары Даниловны*: «Я понимаю, что из-за большого числа студентов в учебных группах (20–25 вместо 5–7) практические занятия не продуктивны. Учебные аудитории не рассчитаны на такое количество обучаемых. Я не успеваю проконтролировать работу каждого. В итоге студенты не получают то, что они хотят, на что они рассчитывают. Это отбивает у них мотивацию, интерес к предмету. Считаю, что по таким предметам, как психология, терапия, должны быть семинары и по расписанию и на деле, на практике».

Можно заключить, что ничто так не отбивает мотивацию к проявлению инициативы обучающихся, как отсутствие условий для обучения, для развития их творческой деятельности.

Исходя из мнений участников фокус-группы, пытаемся выяснить: «Почему такое происходит, в чём причина? Какая точка зрения у преподавателей?». По мнению доцента

Александра Родионовича, «Старая аппаратура, практически отсутствует современная аппаратура. Дело в том, что в мире появляются новые технические разработки, помогающие преподавателю: манекены, проекторы, средства диагностики... А те, что мы имеем в своём распоряжении... Среди них много того, чего мы вживую не можем использовать, т. е. на них работать и обучать студентов. Студенты об этом знают, они спрашивают причину этого, почему это так?»

И это очень серьёзно. Потому что работать по международным стандартам на наших старых аппаратах, по нашей специальности, в нашей действительности уже нельзя. Когда студент не работает на современных медицинских аппаратах и не знаком с ними, у него исчезает интерес к дальнейшему обучению».

Большая часть аудитории подняла руки, что сталкивались с такой проблемой.

В ходе фокус-группы было предложено учебный процесс доверять компетентным людям, а не сомнительным профессорам.

Почти все участники согласились с высказыванием: «Жалко молодёжь. Они смотрят на всё это. Они осведомлены обо всём, они не ходят на занятия. Приезжают одни девочки. Какой пример даём мы им?».

Мы разделяем точку зрения академика А. В. Решетникова: «Современные методы исследования социологии медицины дают возможность изучать процессы формирования общественного мнения о медико-социальных явлениях и тем самым получать информацию в форме не только субъективных оценок осуществляемых мер, но и объективных показателей результатов функционирования системы здравоохранения. Анализ такой медико-социологической информации позволяет осуществлять оперативную обратную связь с пациентами (населением) и другими правосубъектами системы здравоохранения, принимать конкретные управленческие решения и оценивать их эффективность, а в итоге разработать новые медико-социальные технологии, повышающие эффективность инноваций в здравоохранении» [2].

В нашем исследовании принимал участие профессорско-преподавательский состав Первого МГМУ им. И. М. Сеченова, который и разрабатывает Инновационные технологии в медицинском образовании.

В процессе фокус группы выявлены наиболее актуальные следующие проблемы, по которым разработаны пути их решения.

- 1 Низкий уровень мотивации обучающихся, отсутствие интереса к будущей профессии, уверенность в том, что «до выпуска доведут». *Решение: Качественные профотбор и на этапе приёма в вуз, и в процессе обучения. За неуспеваемость отчислять любого студента, независимо от основы обучения (платная или бюджетная).*
- 2 Низкий уровень базовых знаний у студентов, как школьного уровня, так и университетского. *Решение: Ввести конкуренцию между обучаемыми с практикой отчисления отстающих (до 50%! За всё время обучения).*
- 3 Большие по количеству обучаемых 20–25 человек учебные группы.
- 4 Учебные аудитории часто не вмещают группы по 20–25 человек.
- 5 Устаревшая аппаратура, по которой обучаются студенты.
- 6 Недостаток расходных материалов от медикаментов до заправки принтеров и бумаги.

- 7 Волокита при решении простых оперативных вопросов от заказа-получения необходимого для занятия материального обеспечения до замены перегоревшей лампочки.
- 8 Отсутствует учебная и консультативная система помощи преподавателю на кафедре. Методическая литература, консультирование с опытными коллегами по самым обыденным вопросам преподавательской деятельности.
- 9 Устаревшие учебники в библиотечном фонде, недостаток учебников по многим курсам: латынь, анатомия...
- 10 Необходимость преподавателю заполнять множество обязательных форм-документов, не связанных с качеством преподавания, ещё и в нескольких экземплярах.
- 11 Не оплачивается работа преподавателя по отработкам пропущенных студентом занятий. А также и другая учебно-методическая работа не входит в расчёт его оплаты.
- 12 Постоянное (можно сказать ежегодно) изменение форм стандартных документов: учебных программ, ежегодных планов, отчётов и т. п.
- 13 Отсутствие на рабочем месте преподавателя доступа к интернету.
- 14 Редакционно-издательская деятельность в университете очень «затягивает» издательство выпускаемой продукции, около 1 года.
- 15 Материально не обеспечиваются лабораторные работы: ни перчаток, ни реактивов... приходится закупать и доставлять самим преподавателям.
- 16 Наличие на кафедрах «мёртвых душ», профессоров, которые почти ничего не делают, «студентов не видят», но всё равно содержатся, несмотря на протесты со стороны большинства коллектива кафедры.
- 17 Необходимость организации университетом специализированных курсов для преподавателей: иностранный язык, подготовка презентации к лекции и т. п.
- 18 Недостаточный размер денежной компенсации преподавателю за приобретаемую литературу (около 130 рублей в месяц, при цене книг в несколько тысяч).
- 19 Низкая зарплата преподавателя!

Литература

- 1 Гармонизация высшего медицинского образования в России. Настоящее и будущее. Монография / Под ред. академика М. А. Пальцева. М.: Издательский дом «Русский врач», 2007. С. 15
- 2 Решетников А. В. Технология социологического исследования как методическая основа медико-социологического мониторинга (часть IV) // Социология медицины. 2011. № 2 (19). С. 10.

А. Э. Гегер, С. А. Гегер
ВИЗУАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ
МЕЖДУ ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ И ЗАКАЗЧИКОМ ИССЛЕДОВАНИЯ,
ИЛИ «ПОТРУДИТЕСЬ ИЗЛАГАТЬ ВАШИ МЫСЛИ ЯСНЕЕ»

ГЕГЕР А. Э. – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник СИ РАН, Санкт-Петербург.

ГЕГЕР С. А. – младший научный сотрудник СИ РАН, Санкт-Петербург.

В принципе, пассажи об информационном обществе в социологическом дискурсе уже стали обыденными и, полагаем, что у большинства исследователей такого рода пассажи вызывают ответную реакцию уже на уровне рефлексов – стойкую скуку. Однако мы надеемся, что тема одной из основных составляющих современного информационного общества, а именно – визуализации жизни, ещё не успела всерьез наскучить. С начала 90-х годов прошлого века визуальная социология начинает набирать обороты [1]. И действительно, визуальная составляющая жизни общества, визуальная культура становится постепенно доминирующей формой культуры как таковой. В качестве одного из примеров можно остановиться на преобладании визуального контента над другими видами контента в социальных сетях на сегодняшний день.

Однако, несмотря на выделение отдельной отрасли социологии – визуальной социологии, на всё возрастающий интерес к этой теме, сами исследователи не задумываются всерьёз над проблемой визуализации своих аналитических выкладок. В принципе, у социолога ситуация намного проще, нежели у исследователя в области естественных наук: взамен сложнейшей исследовательской аппаратуры социолог в лучшем случае имеет дело с SPSS и Power Point. Однако, если по использованию пакета SPSS написано не мало учебных пособий, то по визуализации аналитических данных подобные книги можно перечесть по пальцам. Мы, прежде всего, ориентируемся на работу Дж. Желязны, директора по визуальным коммуникациям всемирно известной компании McKinsey [2].

Идея данного доклада возникла из (1) анализа выступлений коллег с презентациями на академического толка конференциях (преимущественно, российских); (2) из курса лекций петербургским студентам – социологам о визуализации аналитических данных.

В докладе будут рассмотрены следующие вопросы:

- Что лучше: быть проще или быть сложнее? Делать «псевдонаучный» фильтр для коммуникации со зрителем, или «опуститься» до повседневного диалога?
- Как визуализировать текст? Четыре шага «презентационной аналитики»: 1) классификация; 2) обобщение; 3) поиск взаимосвязей; 4) присваивание образов – работа с ассоциациями. Разбор типичных ошибок.
- Как визуализировать цифры? Или как начать говорить на языке диаграмм, чтобы тебя понимали? Разбор типов диаграмм для разных исследовательских ситуаций. Представление диаграмм «user – friendly». Разбор типичных ошибок.

- Общее оформление презентации: создание единого стиля презентации. Работа с ассоциациями зрителя: выбор цветов и общего стиля.

Мы очень надеемся на то, что данный доклад поможет исследователям, как в академической среде, так и в коммерческих проектах улучшить свои визуальные коммуникации с заказчиком, повышая тем самым свою конкурентоспособность.

Литература

- 1 Штомпка П. Визуальная социология. М., 2007. 150 с.
- 2 Желязны Дж. Говори на языке диаграмм. Пособие по визуальным коммуникациям для руководителей. М., 2004. 217 с.

О. А. Зайцева

ОНЛАЙН ОПРОС КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СВОБОДЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СРЕДНЕГО ЗВЕНА

ЗАЙЦЕВА О. А. – аспирант кафедры социологии и психологии управления Государственного университета управления. E-mail: zaitseva.olga1990@rambler.ru.

Труд руководителя среднего звена в современной организации представляет сложную деятельность, которая имеет много составляющих. Качество и эффективность его труда влияют на успех организации в целом. Анализируя труд современных руководителей среднего звена, специалисты по управлению персоналом отмечают, что он перенасыщен функциями, которые могут быть выполнены другими специалистами [2].

Под руководителем будем понимать «субъект системы управления, осуществляющий властно-распорядительную функцию посредством решения задач по управлению и принятию управленческих решений» [3]. Сложность роли руководителя среднего звена заключается в необходимости вхождения в ин- и аут-группы одновременно. Являясь представителем интересов членов одной группы, он должен состыковать их с интересами других групп, при этом аут-группой может являться среднее звено управления, т. е. руководитель и его коллеги на этом управленческом уровне. Сферой же деятельности руководителя выступает «организационный процесс, который является элементом общего процесса управления производством» [1].

Возможности руководителя в вопросах решения различного рода проблем – существенный фактор реализации управленческой свободы. Управленческая же свобода представляет собой сочетание потребностей и возможностей руководителей среднего звена принимать управленческие решения, использовать для этого необходимые ресурсы и поступать в соответствии с личными представлениями о конкретной организационной деятельности. В настоящее время управленческая свобода мало изучена, хотя может выступать сильным стимулом для руководителя. В ходе интервью с руководителями среднего звена, проведенных в декабре 2014 – феврале 2015 г.²², было выявлено высокое значение управленческой

²² Глубинное интервью с руководителями среднего звена (N=30) государственных и частных организаций, проведённое в рамках диссертационного исследования «Управленческая свобода руководителей среднего звена».

свободы для их деятельности: чем больше возможностей для реорганизации и широкой реализации полномочий они имели, тем больше была удовлетворённость от труда.

По результатам глубинного интервью вырисовались следующие тенденции:

- Руководители среднего звена переходили на эту позицию с должности рядового специалиста, т. е. карьерные изменения осуществлялись вертикально в рамках одной организации
- Чаще всего для сотрудника, занимающего место руководителя среднего звена, этот опыт руководства становится первым серьёзным управленческим опытом.
- Преимущественно руководители среднего звена являются представителями возрастной группы 22–35 лет

Эти данные стали критериями для отбора респондентов в ходе анкетирования, проведенного онлайн.

Онлайн опрос был использован для сбора количественных данных об управленческой свободе руководителей среднего звена. Выбор именно такого метода исследования был обусловлен двумя факторами: сложностью в исследовании самого феномена управленческой свободы и специфической составляющей класса руководителей среднего звена.

Вариант офлайн опроса не давал возможности руководителям подробно и вдумчиво ознакомиться с предложенным им задачами, решение которых в повседневной деятельности формирует содержание их труда. Этот аспект был важным для формирования итоговой картины деятельности руководителей.

Возможность прохождения опроса онлайн позволила достигнуть нескольких важных целей:

- Получение содержательных ответов. В ходе опроса были получены вдумчивые ответы на ряд обширных вопросов, связанных с непосредственной деятельностью руководителя среднего звена. Имея возможность и время поразмыслить над каждым вопросом, руководители отвечали чётко и давали осмысленные комментарии к вопросам.
- Уменьшение количества брошенных, монотонно заполненных анкет. Руководитель сам выбирал время для прохождения опроса, также имел возможность не проходить его одномоментно. Возможность регулировать темп прохождения опроса и самостоятельно выбирать время для него позволило избежать сдвига результатов за счёт монотонного прохождения анкеты или усталости от неё. Вероятность утери данных вместе с бумажным носителем существенно снижалась, даже в случае, если респондент не заполнил анкету до конца. Тем не менее, брошенных анкет было не более 1%.
- Появление интереса к опросу, теме исследования. Для большей части руководителей опыт прохождения онлайн опроса был первым. Многие отмечали, что прохождение опроса в такой форме гораздо удобнее, чем заполнение печатной анкеты, а также интереснее с точки зрения включённости в процесс.
- Получение широкого доступа к группе. Руководители среднего звена представляют собой группу с невысоким уровнем достижимости. Онлайн опрос позволил

изначально задать критерии, формирующие необходимые параметры группы, используя скриннинговые вопросы отобрать необходимых руководителей с высокой точностью.

- Честность ответов. Абсолютная анонимность прохождения опроса позволила получить довольно самокритичные ответы. Фактор интервьюера в данном случае мог играть негативную роль, т. к. попытка поддержать свой статус могла заставить респондента намеренно завышать показатели своей работы.
- Возможность демонстрации стимульного материала по управленческой свободе. Респондентам был задан ряд вопросов, где требовалось продемонстрировать видеоматериалы, выдержки из интервью. Также задачей нескольких вопросов было перемещение значений ответов и их сопоставление. Визуализация онлайн позволила показать материалы наглядно и с помощью комфортного, понятного интерфейса получить данные по ранжированию, градации и т. п.

В целом, на наш взгляд, чем выше уровень руководителя, тем удобнее получать от него данные, используя методы онлайн. Целесообразным представляется использовать не только анкетирование, но также и онлайн интервью, проведение онлайн фокус-групп. Фактор присутствия интервьюера кажется нам значимым только в ситуации глубинного интервью, однако, многие руководители, имея возможность выбора, предпочитали онлайн интервью. Здесь важно отметить ещё одну тенденцию: чем более возрастные группы руководителей требуется исследовать, тем в меньшей степени работают возможности онлайн. В данном исследовании было выявлено, что руководители среднего звена – в основном довольно молодые (в пределах 35–39 лет) выходцы из этой же компании, т. е. специалисты, выросшие до руководителей среднего звена. Вместе с тем родилась гипотеза: чем более молодое поколение исследуется, тем больше оно требует методов, которые созвучны их ритму и навыкам. Сегодня многим руководителям, действительно, проще писать/печатать, чем говорить. В то же время люди старшего поколения редко занимают должность руководителей среднего звена: они либо уже поднялись выше по иерархической лестнице, либо остаются в должности специалистов/ведущих специалистов по личному выбору, не желая занимать управленческие позиции.

Управленческая свобода – новое понятие для современной науки, и, конечно, нуждается в детальной проработке и дополнительных исследованиях. Методы онлайн могут быть перспективным и продуктивным инструментом в получении данных об управленческой свободе руководителей среднего звена.

Литература

- 1 Башмаков В. И. Управление социальным развитием персонала: учебник для студ. учреждений высш.проф.образования / В.И. Башмаков, Е.В. Тихонова. 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 240 с. (Сер.Бакалавриат). с.80
- 2 Например, «Организация труда руководителя». URL: <http://hr-portal.ru/varticle/organizaciya-truda-rukovoditelya?page=0>.
- 3 Социология управления: учебный словарь / О. А. Колосова, О. А. Куликова, Р. В. Леньков, Е. В. Тихонова/ под ред. Р. В. Ленькова, Е. В. Тихоновой. М.: ФОРУМ: Инфра-М, 2014. 136 с. (Высшее образование. Бакалавриат). с. 63

Е. Искакова

ПЛАНШЕТИЗАЦИЯ: ПЕРВЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ УРОКИ

ИСКАКОВА Евгения – заместитель руководителя отдела мониторинговых исследований ВЦИОМ. E-mail: iskakova_e@wciom.com.

Ещё пару лет назад опросы на планшетах не пользовались популярностью среди российских исследовательских компаний, в то время как на Западе планшетные исследования уже в то время были достаточно распространены. В начале 2014 г. ВЦИОМ запустил проект перевода на планшеты еженедельного омнибуса. Главными целями, при переходе на планшеты, являлись повышение оперативности проекта и качества данных. Во-первых, предполагалось, что планшетные технологии сократят полевые сроки минимум на 24 часа, в связи с отсутствием необходимости сбора бумажных анкет в офисе региональной компании и их перевода с бумаги в специализированный макет. Во-вторых, современные технологии опроса позволят значительно повысить качество опроса и предотвратить фальсификации интервью, либо зафиксировать методические ошибки при сборе данных, связанные с непрофессиональной работой интервьюеров. В частности, благодаря возможности аудиозаписи интервью и их последующей проверке возможно не просто установить факт опроса, но и отследить его качество: зачитывание формулировок вопросов и вариантов ответов интервьюером, оценить степень влияния интервьюера на ответ респондента.

Общая география исследования еженедельного омнибуса включает 46 регионов и 130 точек опроса. В июне 2014 г. была проведена тестовая волна на планшетах в четырёх регионах в рамках еженедельного омнибуса. Волновой характер проекта позволил еженедельно расширять географию планшетного исследования в среднем на два субъекта РФ. В результате, по состоянию на декабрь 2014 г. еженедельный омнибус был переведён на планшеты по полной выборке.

На момент внедрения современных технологий опроса в рамках еженедельного омнибуса, часть региональных партнёров уже имели опыт опроса на планшетах: как правило, это уличные опроса в местах продаж без использования маршрутной выборки. Летом прошлого года была проведена информационная кампания среди региональных партнёров на готовность освоения новых технологий. Так, из 79 запросов в региональные исследовательские компании был получен только один категорический отказ от работы на планшетах. Можно утверждать, что «мейнстрим на автоматизацию интервью» и наличие конкретного планшетного проекта со стороны федерального заказчика послужили мотивацией для региональных компаний перейти на современные технологии по сбору данных.

Отдельно следует отметить проблемы и риски, связанные с планшетизацией проекта. Во-первых, компетенции интервьюеров — перед запуском планшетного поля были проведены инструктажи региональных менеджеров или интервьюеров в каждом субъекте РФ. Интервьюеры, как участники исследования, непосредственно коммуницируют с респондентом и были наиболее вовлечены в процесс освоения новых технологий. Основная нагрузка в исследовательских компаниях легла именно на них, а у региональных партнёров и заказчика появилась необходимость в дополнительных затратах на обучение.

Работа на «тестовых» проектах помогла интервьюерам адаптироваться к новой форме сбора данных без риска по срыву сроков проекта. Тем не менее, новые требования к освоению новых технологий привели к потере части интервьюерского корпуса. Учитывая сложность с поиском новых интервьюеров в регионах, данная проблема является актуальной для региональных партнёров. В частности, по причине перехода на планшеты, а соответственно усиленной форме контроля данных был обновлен интервьюерский корпус в среднем на 40%.

Во-вторых, при переходе на планшеты поступил запрос со стороны региональных партнёров на предоставление технической возможности осуществлять внутренний контроль работы интервьюеров. Отсутствие внутреннего контроля поступающих данных часто служит демотивацией к работе интервьюера: фальсификации проще предотвращать, нежели просто фиксировать и накладывать штрафные санкции. В связи с этим, супервайзеру в регионе была предоставлена возможность прослушивать каждое поступающее на сервер интервью и самостоятельно браковать при выявлении нарушения без участия заказчика исследования. Так, предоставление функции внутреннего контроля позволило значительно повысить качество поступающих данных федеральному заказчику.

Проект еженедельного омнибуса предполагает опрос населения в домохозяйствах, что позволило снизить риски, связанные с уличными опросами на планшетах. Технически, особенностью планшета является зависимость от погодных условий при уличных опросах — зимой экран не реагирует и планшет «зависает», быстро разряжается батарея. В связи с этим, проведение планшетных исследований осложнено технически зимой климатическими условиями региона.

Также следует отметить, что планшетное интервью занимает больше времени при сборе данных непосредственно интервьюером, нежели бумажный аналог. По мнению ряда руководителей исследовательских компаний, это связано с повышением требований к зачитыванию формулировок вопросов. Данный фактор, в совокупности с необходимостью освоения новых компетенций для интервьюера, временными затратами на обучение отразились на повышенной стоимости планшетной анкеты, по сравнению с аналогом на бумаге. В общем, с одной стороны стоимость работ при внедрении планшетных технологий должна снизиться за счёт автоматизации отдельных трудовых затрат, с другой стороны, появляется необходимость в дополнительных затратах. Так, в ряде регионов был расширен штат в связи с потребностью в работе технического специалиста. Если говорить о повышении оперативности, то у федерального заказчика освободилось в среднем 6 часов рабочего времени сотрудников: анкета сразу разрабатывается в конструкторе вопросов программы для проведения планшетных исследований, а этап макетирования был полностью исключен из производственного процесса еженедельного омнибуса. В связи с этим, была достигнута и основная цель по сокращению полевых сроков.

Таким образом, по опыту омнибуса ВЦИОМ, планшетные технологии для исследовательского рынка несут в себе огромный потенциал, связанный, прежде всего с повышением качества данных и оперативности проекта. К тому же, поступающий объём служебной информации с планшетов о длительности интервью, фиксации отказов и недействительных интервью, с координатами о месте проведении позволяют расширить возможности по совершенствованию полевого процесса.

А. М. Степанов

АНАЛИЗ КОСВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА РАБОТЫ ИНТЕРВЬЮЕРОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕТОДОМ FACE-TO-FACE

СТЕПАНОВ А. М. – аспирант кафедры сравнительной социологии факультета социологии Санкт-Петербургского Государственного Университета, руководитель сектора грантовых проектов Некоммерческого партнёрства «Центр Политических и Психологических Исследований». E-mail: 9160001@inbox.ru.

Предлагаемые к обсуждению на международной конференции «Большая социология: расширение пространства данных» тезисы посвящены рассмотрению показателей, свидетельствующих о недобросовестности работы интервьюеров при проведении исследований методом формализованного интервью, а также перспективам использования методики опроса на планшетах для повышения достоверности результатов исследований.

Любое социологическое или маркетинговое исследование ориентировано на получение достоверного результата, отражающего состояние того или иного аспекта социальной реальности. Очевидно, что недостоверные результаты исследований, лежащие в основе принятия управленческих решений, могут привести как к серьёзным финансовым потерям, многократно превышающим стоимость самого исследования, так и к гораздо более серьёзным последствиям, если решения принимаются на муниципальном или государственном уровне.

При проведении тех или иных исследований с использованием количественных методов сбора данных, в частности метода формализованного интервью, особое значение имеет качество работы интервьюера, который является связующим звеном между исследователем и объектом исследования. Это делает полевой этап (а соответственно, качество работы интервьюеров) ключевым для решения задач и достижения целей исследования, а также получения достоверных результатов по его итогам.

Как показывает многолетний опыт проведения исследований и организации работы полевой структуры, интервьюеры в ходе опроса совершают множество ошибок, несмотря на подробный предварительный инструктаж. Часть этих ошибок носят непреднамеренный характер, например, когда интервьюер забывает задать вопрос, или забывает зафиксировать ответ респондента. Такие ошибки легко исправляются на этапе прозвона. Другие «ошибки» носят преднамеренный характер и оказывают губительное влияние на достоверность результатов исследования. Они, как правило, обусловлены желанием интервьюера выполнить большой объём работы с наименьшими затратами времени и сил. К числу таких «ошибок» можно отнести сокращение или переформулировку вопросов; не задавание некоторых вопросов, в связи с тем, что, по мнению интервьюера, респондент уже ответил именно на этот вопрос, отвечая на предыдущие; «изменение» пола или возраста респондента; имитация опроса, когда бланк интервью заполняется интервьюером вообще без участия респондента.

Очевидно, что результаты исследования, в ходе которого интервьюеры применяли такие техники опроса, не имеют ничего общего с реальностью. Именно поэтому особое значение при проведении таких исследований имеет этап контроля качества работы интервьюеров. Проверка качества сбора первичной информации начинается с момента получения заполненных бланков интервью и заканчивается только на этапе математической обработки, в ходе которой выявляются те ошибки и нарушения, допущенные интервьюерами, которые не

были выявлены в ходе визуальной проверки анкет и контрольного прозвона. При этом ключевое значение при выявлении фальсификаций имеет опыт исследователя или проверяющего.

На недобросовестность работы интервьюера могут указывать как прямые, так и косвенные показатели. К прямым, объективным показателям относятся пропуски в анкете; несовпадение пола или возраста респондента с указанными в бланке интервью; несовпадение ответов респондентов на контрольные вопросы по сравнению с отмеченными вариантами ответа интервьюером и т. п. В качестве косвенных показателей можно выделить следующие: наличие очевидных отличий в манере заполнения анкеты или записи ответов на открытые вопросы таких, как разные цвета ручек, разный нажим при письме, разные почерки. Последнее два показателя могут свидетельствовать о том, что анкета заполнялась в разных условиях (например, на столе или навесу).

Ещё один такой показатель, который можно отнести к числу контрольных показателей, удалось выявить в ходе одного из недавних исследований, проведённых специалистами Центра политических и психологических исследований. При проверке качества работы интервьюеров был выявлен способ фальсификации опроса, с которым ранее сталкиваться не приходилось.

Данный способ заключается в том, что в качестве телефона респондента интервьюер вписывает номера телефонов принадлежащих ему сим-карт и заполняет бланк интервью без участия респондента. При этом в описываемом случае количество сим-карт было достаточно велико, т. к. номера телефонов не повторялись. Изобретательность интервьюера заключается ещё и в том, что все номера были доступны для звонка, что обеспечивалось услугой переадресации вызова, которую предоставляет любой оператор сотовой связи. Т. е. на любом количестве сим-карт ставится переадресация вызова на один или несколько реально работающих телефонов, создавая, таким образом, у проверяющего иллюзию того, что респонденты просто не подходят к телефону. При этом один-два номера – номера реально существующих людей, как правило – друзья или родственники, которые при проверке подходят к телефону и подтверждают факт проведения опроса, не имея при этом времени и желания повторно отвечать на контрольные вопросы проверяющего. Таким образом, не создаётся формальных оснований для того, чтобы не принять работу интервьюера.

В данном случае внимание проверяющего привлекло необычное распределение операторов сотовой связи, номера которых были указаны в качестве номеров телефонов респондентов в спорных анкетах. Исследование проводилось в Санкт-Петербурге, где по данным на конец 2013 г. рынок сотовой связи в основном распределен между четырьмя операторами: БИЛАЙН, МЕГАФОН, МТС и ТЕЛЕ2, доли рынка которых составляют 21%, 33%, 28% и 17% соответственно.[1] При этом в анкетах были представлены лишь два оператора – ТЕЛЕ2 и БИЛАЙН, причём их соотношение составило 80/20. Таким образом, факт фальсификации оказался очевидным. После беседы с этим интервьюером, а также другими интервьюерами, описанный способ «проведения опроса» стал окончательно понятен.

Описанный случай позволяет рассматривать показатель представленности номеров телефонов различных операторов сотовой связи в заполненных бланках интервью в сравнении с их долями рынка в регионе проведения исследования в качестве одного из контрольных показателей качества работы интервьюеров.

Решением описанных проблем может стать использование методики опроса на планшетах. Действительно, использование данной методики не даёт возможности интервьюерам совершать обозначенные выше «ошибки». Вопросы можно задавать только в

заданной последовательности, при этом программа не позволяет перейти к следующему вопросу, не отметив вариант ответа на текущий вопрос. Кроме того, исследователю доподлинно известно о месте проведения и продолжительности каждого интервью. Существенно упрощается процесс проверки качества работы интервьюеров, поскольку ведется автоматическая аудиозапись либо всего интервью, либо отдельных его частей (например, открытых вопросов).

Однако опыт недавно проведенных исследований Центром Политических и Психологических Исследований с применением планшетов, показывает, что их использование не является панацеей от недобросовестности интервьюеров. Так, были выявлены случаи имитации опроса, когда интервьюер вслух зачитывал вопросы, отмечая при этом варианты ответа, но голоса респондента на аудиозаписи не было, что может свидетельствовать о том, что интервью не проводилось. Также использование планшетов на опросах не гарантирует, что интервьюер не опросит несколько раз одного и того же человека или самого себя. Таким образом, даже использование планшетов при проведении массовых опросов не избавляет исследователя от необходимости тщательной проверки качества работы интервьюеров с целью получения достоверных результатов исследования.

Литература

- 1 Отмена мобильного рабства в Санкт-Петербурге. URL: <http://www.raskon.org/r/o-kompanii/news/otmena-mobilnogo-rabstva-v-sankt-peterburge>.

Т. С. Швецова

ОТ БУМАГИ К ПЛАНШЕТАМ: ВЗГЛЯД ИЗ ГЛУБИНЫ РОССИИ

ШВЕЦОВА Татьяна Сергеевна – специалист отдела массовых исследований ООО "Фонд "Социум". E-mail: tanerkassh@rambler.ru.

Социология как отрасль бизнеса и маркетинг активно развивается в сторону внедрения новых современных технологий, методик, которые предполагают использование различных гаджетов. Эта тенденция охватывает не только количественные, но и качественные исследования, и можно говорить, что новые методики начинают вытеснять более привычные, традиционные формы опроса.

Бумажные массовые исследования известны своими неточностями, угрозой влияния интервьюера и различными способами фальсификации. Рассмотрим распространённый случай: крупная московская компания заказывает исследование нескольким региональным субподрядчикам. В указанный срок им присылают анкеты, но каким образом они сделаны? Соблюдены ли все поставленные условия, или «нарисованы на коленке»? Здесь нужно заметить, что, несмотря на кажущуюся простоту выполнения этой работы, несмотря на то, что каждый интервьюер проходит обязательное обучение перед началом полевой деятельности, а также инструктаж перед каждым новым проектом, далеко не каждый быстро осваивает эту науку. Нужно пройти долгий путь проб и ошибок, пока научишься замечать переходы анкеты, инструкции перед блоком вопросов, напоминания жирным шрифтом и т. д. Эти ошибки связаны прежде всего с невнимательностью интервьюера, непониманием, что с него начинается

исследование, и от его работы в конечном итоге зависит все результаты и рекомендации аналитиков, с недостатком времени на подробный разбор инструментария (т. к. многие из них совмещают работу интервьюера с основной), и, наконец, с частой безответственностью этой категории работников.

Итак, возвращаясь к нашему примеру, необходимо удостовериться в адекватности присланных анкет. Первое, что приходит в голову, и вполне обоснованно — телефонный контроль; но, по опыту работы, можно отметить, что сразу появляются некоторые проблемы: с телефонной связью могут возникать различные технические проблемы — сбой связи, недоступные для сети места и т. д.; с другой стороны, некоторые люди не склонны отвечать на незнакомые номера, особенно с неизвестным кодом города. Поэтому телефонный контроль так же может быть не всегда эффективен.

Второй по популярности и эффективности метод контроля — это адресный. Но и здесь возникает необходимость в каждом городе проведения исследования держать своего независимого т. н. пешего контролера, а так же, контролируя по адресу, можно опять же столкнуться с неадекватным поведением респондентов.

Здесь на сцену количественных исследований выходят информационные и электронные технологии. Планшет в этом смысле оказался наиболее удобным для работы: нередко исследования, где вместо планшета оказывается ноутбук, но здесь сразу возникают проблемы с выгрузкой данных, необходимостью носить с собой этот не всегда легкий предмет и т. д. Раньше были популярны исследования с использованием смартфона, но и эта технология отошла на второй план. Планшет легко обновляется при помощи Wi-Fi, есть возможность работать как в режиме офлайн, так и онлайн; он легок, удобно лежит в руке. Так же был выработан определённый ряд требований по отношению к размерам, весу, экрану, интерфейсу программы и самого программного обеспечения планшетов, который позволяет комфортно работать с ним как интервьюерам, так и программистам, аналитикам и т. д.

Работу на планшете так же намного удобнее контролировать. Мало того, что можно записать интервью на диктофон, так же можно подключить GPS-маячок и узнавать, где проводилось интервью, просить присылать фото с интервью и т. д. Так же планшет застрахован от пропуска вопросов, т. к. теперь анкета идёт сама по себе, автоматически выбирая вопросы, которые нужно задать, проходит фильтры, самостоятельно работает с ротацией. С планшетом больше не надо тратиться на тираж анкет и цветных/чёрно-белых карточек, не нужно держать в штате контролера анкет. Всегда можно узнать, сколько времени шло интервью и отбраковать те, которые, как кажется, прошли слишком быстро. Легко выявляются в этом смысле и «двойные анкеты»: полностью одинаково заполненные.

Однако в этой статье я бы хотела рассказать, с какими трудностями сталкивается субподрядчик при переходе с бумаги на планшет.

Прежде всего, сложно начать этот переход, из-за психологического неприятия интервьюеров этой техники, из-за необходимости внезапного денежного вливания в покупку этих устройств. Здесь важно, чтобы эти деньги окупались со временем, а значит должна быть потребность в этом переходе. Не все регионы (а тем более, региональные компании) видят и готовы ответить на эту потребность, как показала встреча на I съезде полевиков Ассоциации «7/89» [1], лишь некоторые региональные компании уже имеют в распоряжении несколько устройств, а большинство из них только задумывается о такой возможности.

Следующая сложность — преодолеть пресловутый страх интервьюеров перед техникой, аудиозаписью и т. д., научить их самостоятельно пользоваться устройством, популярно

объяснить, что с такими проектами нельзя дотягивать до последнего дня. В силу того, что наиболее опытные и вызывающие доверие интервьюеры обычно оказываются на рубеже 40–50 лет, некоторые даже старше, и обучить их интуитивно понимать планшет – очень трудоёмкий процесс.

Курьёзные случаи возникают постоянно в работе с планшетами. Нередко планшет оказывается намного быстрее интервьюеров, и они продолжают нажимать на ответ, хотя вопрос уже совсем другой.

Нельзя не сказать о технических особенностях исследований на планшете. Подгружая анкету на конкретный планшет, никогда нельзя быть уверенным, что эта версия анкеты финальная. Пользуясь мнимой оперативностью этой технологии, заказчик и менеджер (например) московской фирмы могут переправлять анкету вплоть до середины поля, сообщая параллельно о том, что необходимо снова и снова обновить версию опроса. В этом смысле, как кажется, к бумажным опросам готовились более основательно, ведь исправить бумажную анкету в середине поля значительно сложнее по сравнению с электронной (но также возможно). Далее, необходимо постоянно быть в связи с менеджером-руководителем, что бы оперативно решать другие технические неполадки – уточнять список планшетов на проект, искать вдруг потерявшиеся в сети анкеты, договариваться о сроках выгрузки и т. д.

В целом, проблемы и вопросы, возникающие в ходе опроса с использованием планшета, не только отличаются от тех, которые возникают при традиционном методе опроса, но, можно сказать, наслаиваются на предыдущие. Однако преодолев этот переходный этап, эти новые технологии могут вывести всю социологическую индустрию на новый уровень качества и удобства.

Литература

1. I съезд полевиков Ассоциации. URL: <http://789.ru/news/13333-pole.html>.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ОБРАБОТКЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАННЫХ

С. Б. Абрамова СВАДЕБНАЯ ФОТОГРАФИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ

АБРАМОВА С. Б. – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии УрФУ. E-mail: sofia_abramova@mail.ru.

Актуальность исследований, связанных с изучением фото-визуальных средств фиксации социальной реальности, постоянно возрастает. Несмотря на то, что фотография и социология появляются в одно время, до сих пор в социологии данный феномен изучается недостаточно активно. Однако интенсивные процессы на рынке фототоваров и услуг, а также изменение роли фотографии в жизни современного человека, появление новых функции фотографии, изменение основных практики, связанных с фотоснимками, – всё это актуализирует исследование феномена фотографии в социологическом и маркетинговом контексте.

Меняется отношение к фотографии: желание обладать своими снимками, крепко закреплённое как актуальная потребность в современном обществе, дополняется особыми требованиями к качеству снимка. Также на рынке фотослужб происходят изменения, связанные с популяризацией социальных сетей и цифровых технологий. Меняются не только способы хранения фотоснимков, но и цель их создания.

Проблема анализа фотографий как источника информации первоначально рассматривается в контексте визуальной антропологии. В маркетинговых исследованиях рынок фотослужб исследуется с точки зрения продаж цифровых фотоаппаратов, также проводятся исследования по изучению рынка свадебных услуг в целом. В социологической теории акцент при изучении фотографии делается на возможности анализа фотоснимков как источников информации, либо стимульных материалов при проведении исследований.

С середины XX в. происходят значительные изменения в гуманитарных науках, становятся популярными исследования культурологических аспектов фотографии. Исследователи начинают изучать влияние визуальных образов на жизнь человека, также рассматривается феномен фотографии как одного из способов коммуникации (В. Флюссер), фотографии как языка и знаковой системы (Р. Барт), а также изучение П. Бурдьё фотографии как социальной практики.

Свадебный фотоальбом – это продукт современного общества, через который транслируются нормы, существующие в семье. Рынок свадебной фотографии – быстро развивающийся, но при этом имеющий довольно большую целевую аудиторию, заинтересованную в повышении предлагаемых услуг.

В исследовании применялось два метода: объектом количественного исследования выступали жители Екатеринбурга, которые в течение трёх последних лет прибегали к услугам свадебного фотографа; биографический метод применялся с использованием стимульного материала в виде свадебных фотоальбомов респондентов.

Проведённое исследование позволяет определить ключевые направления потенциальных подходов к изучению свадебной фотографии как социального феномена:

- 1 выделение социальных событий, подлежащих обязательной фотофиксации (например, свадьба как обряд перехода, фото с родителями, у загса и т. п.),
- 2 рассмотрение фотографии в двух основных социализационных контекстах: как традиции и как объекта семейной памяти.

Свадебный фотоальбом является сильным инструментом поддержания коллективной семейной памяти. Все опрошенные респонденты не только помнят свадебный фотоальбом своих родителей (или отдельные фотоснимки), но и способны описать впечатления, которые они испытывали, рассматривая эти фотографии, привести конкретные воспоминания из детства, связанные с данным альбомом. *«Я в детстве так любила мамин с папой альбом, я и сейчас его часто смотрю. Молодые такие, красивые там»* (женщина, 25).

Сейчас происходит количественная и качественная трансформация семейного альбома. Если во время начала популяризации цифровой фотографии в альбомы добавляли максимальное количество фотографий, то сейчас наблюдается тенденция к уменьшению их числа. Фотокнига изначально предполагает наличие небольшого количества фотографий разного размера, передавая тем самым акцент на ключевые события свадебного дня. Меняется и внешний вид самого фотоальбома. Если раньше альбомы старательно выбирали в магазинах, то сейчас он часто создается индивидуально для каждого потребителя;

- 3 изучение процесса становления рынка фотографических услуг, формализации отношений фотографа и потребителя, который заключается в разработке договоров на все виды услуг, выделение типологий отношений фотографа и фотографируемого, определение системы факторов выбора фотографа,

Одной из задач исследования было определение канонов современной свадебной фотографии, ожиданий, стереотипизированных и, напротив, оригинальных запросов потребителей. Такие данные могут быть полезны для фотографов, которые хотят учитывать новые тенденции и активно развиваться на этом рынке.

- 4 исследование процессов актуализации функции фотографии как инструмента самопрезентации.

Последнее обстоятельство вовлекает фотографию в широкий круг социальных (реальных и виртуальных) связей молодоженов. Свадебные фотографии традиционно подлежат показу окружающим. Если раньше фотографии высылались друзьям, родственникам, презентовались гостям, то сейчас фотографии также выкладываются в социальные сети. Часто свадебные фотоальбомы относят на работу для показа, при этом не только молодожены, но и другие близкие родственники. *«Конечно, я первым делом на работу альбом понесла, у нас там одни женщины: все поохали, платье оценили, мне важно это было»* (женщина, 23). При этом меняется внешний вид фотоальбома. С одной стороны, он становится более индивидуализированным (выгравированные имена на обложке, уникальный дизайн для каждой пары). С другой стороны, свадебный фотоальбом теряет ту «душу», которую в него раньше вкладывали владельцы, создавая своими руками, подписывая фотографии, обрезая лишнее на снимках.

Эти практики остаются популярными, но появляются новые, связанные с самопрезентацией в интернете. Подавляющее большинство респондентов (94% от ответивших) размещают свои свадебные фотографии в социальных сетях. Интересно, что 6% не размещавших свои фотографии являются мужчинами. Это закономерно, ведь мужские страницы в социальных сетях более закрыты и мало информативны, мужчины в меньшей мере стремятся делиться в интернете событиями своей жизни, размещать личные фотографии. *«Зачем мне это? Вот если бы я машину новую купил, обязательно бы фотоальбом Вконтакте создал!»* (мужчина, 27).

В основном фотографии размещают в наиболее популярных социальных сетях: Вконтакте (99%), Одноклассники (44%). Фотографии также размещают на специальных свадебных форумах (3%): это связано с тем, что респондентам важно дать рекомендации об определённом фотографе. При этом им крайне важно, чтобы фотографии были оценены другими пользователями. *«Я на знакомую вообще обиделась, что она увидела фотки, но даже не поздравила»* (женщина, 23). Часто фотографии размещаются в нескольких социальных сетях одновременно, при этом для каждой социальной сети могут выбираться разные фотографии, исходя из социальных контекстов: *«На Одноклассниках постановочные фотографии выложила, там маминых подруг много, а Вконтакт все добавила, и с банкета, где все уже веселенькие»* (женщина, 25). Информанты стремятся презентовать их событие наиболее полно, а не просто передать своим друзьям в социальных сетях сообщение: «мы поженились».

Можно сказать, использование качественных методов с элементами этнографии позволяет значительно расширить познавательные возможности изучения повседневных и обрядовых практик.

М. В. Барановский

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ ТЕОРИИ ИГР

БАРАНОВСКИЙ М.В. – адъюнкт кафедры социологии Военного университета. E-mail: m.baranovskj@gmail.com.

Одной из тенденций современных научных исследований является их междисциплинарный характер. Наиболее наглядный пример «пересечения» наук – взаимодействие социологии и математики, а самым показательным результатом такого междисциплинарного взаимодействия выступает теория игр [2, с. 90]. Несмотря на то, что эмпирическая социология (как методы обработки информации, так и способы её интерпретации) в основном базируется на квантификации и методах математической статистики, теория игр остаётся единственной математической теорией, оформившейся благодаря анализу социальных и экономических явлений и процессов.

Теория игр – математическая схема анализа стратегического взаимодействия сторон. Она помогает объяснить логику рационального поведения индивидов в условиях конфликта интересов. Появление теории игр принято связывать с публикацией в 1944 г. монографии Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение». С момента создания – одной из ключевых областей применения теории игр являлись военно-стратегические и международные вопросы [1, с. 58].

Применимо к социальным наукам теория игр позволяет осуществлять математическое моделирование конфликтных ситуаций, феномена доверия, конкуренции и кооперации. Также теория игр универсальна и подходит для широкого спектра междисциплинарных исследований конфликтных взаимодействий между людьми, в биологии, экономике, политике, психологии и проч. [3, с. 4–13].

Социальные отношения между людьми достаточно сложны, т. к. обусловлены большим количеством сопутствующих факторов, в т. ч. второстепенных, что затрудняет их непосредственный социологический анализ. Для математического анализа социальных отношений их возможно упростить, учитывая только основные факторы. Подобная упрощенная схематизированная модель социальных отношений и будет являться игрой [4, с. 61–65].

От реальных взаимодействий между людьми в обществе игра будет отличаться тем, что она ведётся по определённым правилам, которые представляют собой систему условий, регламентирующих процесс развития игры. В математической теории игр предполагается, что все участники игры ознакомлены с этими правилами.

Целью любой игры (социальных отношений) для участвующих сторон выступает приобретение выигрыша (социального блага) или хотя бы минимизация проигрыша (платежа). Каждое социальное действие представляется как ход игры, а решение, принятое игроком при личном ходе, называется выбором.

Самым важным понятием теории игр является понятие стратегии. Под стратегией игрока понимается совокупность правил, однозначно определяющих выбор варианта действий при каждом личном ходе этого игрока в зависимости от ситуации, сложившейся в процессе игры [4, с. 61–65].

Не стоит забывать, что теория игр также предполагает, что каждого игрока волнует только личное благополучие, что достаточно условно применимо к реальным социальным отношениям.

Рассматривая социальные отношения через призму теории игр, следует заметить, что для выигрыша у игроков существует две стратегии поведения – кооперация и конкуренция. Выбор одной из стратегий зависит от уровня доверия между игроками и готовности к риску.

Важнейшее ограничение теории игр – естественность выигрыша как показателя эффективности, в то время как в большинстве реальных социальных отношений имеется более одного показателя эффективности. Кроме того, в ходе социальных отношений, как правило, возникают задачи, в которых интересы партнёров не обязательно антагонистические [5].

Теория игр позволяет:

- 1 структурировать задачу, представить её в обозримом виде, найти области количественных оценок, упорядочений, предпочтений и неопределённости, выявить доминирующие стратегии, если они существуют;
- 2 до конца решить задачи, которые описываются схоластическими моделями;
- 3 выявить возможность достижения соглашения и исследовать поведение систем, способных к соглашению [5].

Применение теории игр в социальных науках разнообразно. Многие исследователи рассматривают теорию игр не только как инструмент предсказания поведения, но как инструмент анализа ситуаций с целью выявления наилучшего поведения для рационального игрока.

В социологии целесообразно применять теорию не только на уровне математического инструментария при построении матриц, теоретико-игровых моделей и проч., но и как весомую теоретико-методологическую базу социологического понимания социальных отношений и конфликтных ситуаций. Междисциплинарный характер взаимопроникновения теории игр и интерпретации социологических данных позволяет существенно повысить эффективность анализа многоагентных систем конкуренции и кооперации, статистически зафиксировать уровень доверия в подобных системах.

Литература

- 1 Дегтерев Д. А. Зарубежные работы по теории игр // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 20. С. 58–72.
- 2 Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв.ред. А. Б. Купрейченко. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.
- 3 Колокольцов В. Н., Малафеев О. А. Математическое моделирование многоагентных систем конкуренции и кооперации (Теория игр для всех). СПб.: Лань, 2012. 624 с.
- 4 Осипов Г. В. Моделирование социальных явлений и процессов с применением математических методов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 192 с.
- 5 Субгунхулов Р. Э. Возможности применения теории игр при исследовании социальных отношений // Экономика и социум. 2014. № 2 (11). С. 500–504.

М. М. Басимов

НЕЛИНЕЙНАЯ СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ²³

БАСИМОВ М. М. – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и служебной деятельности ФГБОУ ВПО РГСУ (Москва), доктор психологических наук. E-mail: basimov_@mail.ru.

В плане методологии сегодня уже не новость, что нелинейность – фундаментальный концептуальный узел новой синергетической парадигмы, в т. ч. и социологического исследования [5].

Хотя можно отметить, что большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это подтверждает европейский конгресс «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)», в тезисах которого «non-linear» или «nonlinear» как слово или часть слова встречается (кроме наших материалов) только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов). При этом чаще это общие фразы о нелинейности, и авторы далеки от конкретной реализации этой концепции.

Для анализа рассматриваемых ниже данных использовался авторский подход к понятию статистической связи, в котором в единой задаче выявляются как линейные, так и простейшие нелинейные связи. Метод изучения связей реализуется через обобщенный вариант авторского метода множественного сравнения [2, 3] для квантильных разбиений (триады, кварты, квинты) данных по каждому изучаемому параметру. При таком подходе нет необходимости предварительно для каждой пары переменных выдвигать гипотезу о форме возможной простейшей нелинейной зависимости, а линейные зависимости входят в общий список

²³ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00525а.

найденных сильных зависимостей как частный случай [1, 4]. Коэффициенты силы связи нормируются таким образом, чтобы аналоги единичных корреляций (зависимость параметра от самого себя) были равны 1, и тем самым обеспечивалась преемственность с корреляционным анализом для зависимостей линейных и близких к линейным.

Рассмотрим для примера три зависимости из исследования политических предпочтений, в котором, в частности, показано, что место фигуры А. А. Навального и отношение к ней молодёжи может быть изучено и оценено только в рамках нелинейных представлений.

Отношение к А. А. Навальному одинаково зависит от принятия как представителя власти (Д. А. Медведева), так и разноплановых представителей многолетней парламентской оппозиции (В. В. Жириновский и Г. А. Зюганов). Обратные зависимости слабые, т. е. принятие А. А. Навального не оказывает заметного влияния на формирование отношений к лидерам различных парламентских партий. Сила связи наибольшая для принятия студенческой молодёжью В. В. Жириновского (0.94), наименьшая для принятия Д. А. Медведева. Разберём подробно эти зависимости.

1. Зависимость параметра "Отношение к А. А. Навальному (Y)" от параметра "Отношение к Д. А. Медведеву (X)" в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

$$X-1 (Y= -107); X-2 (Y= +970); X-3 (Y= +45)$$

$$\text{Коэффициент силы связи} = 0.59 (0.19)$$

$$\text{Коэффициент корреляции} = 0.11$$

Положительное отношение к А. А. Навальному увеличивается по сравнительной весомости (с -107 до +970) при увеличении принятия Д. А. Медведева на начальном этапе (при переходе с низкого уровня на средний). В дальнейшем при принятии Д. А. Медведева на высоком уровне (предпочтение на выборах) наблюдается резкий спад в принятии А. А. Навального до значений близких к первоначальным значениям (+45 по сравнительной весомости). Первоначальный совместный рост положительного отношения к двум политикам можно объяснить как появление у респондентов интереса к политике и политическим лидерам, а в дальнейшем мы наблюдаем, как властные и площадные антиподы (власть и непарламентская оппозиция) дистанцируются в восприятии молодых респондентов. При этом следует отметить, что зависимый параметр в этом случае, как и в следующих двух зависимостях, – это принятие непарламентского оппозиционного лидера (А. А. Навального), т. е. высокий уровень положительного отношения к лидеру одной из парламентских партий способствует крайне резкому падению отношения к представителю неформальной оппозиции А. А. Навальному. Обратная зависимость слабая (коэффициент силы связи 0.11), и отношение к А. А. Навальному не формирует отношения к представителю власти Д. А. Медведеву.

Таким образом, эта зависимость с практически симметричным максимумом. Для зависимостей с максимумом характерной особенностью является резкий спад зависимой переменной после первого этапа совместного увеличения зависимой и независимой переменных. Таким образом, максимальные значения зависимая переменная принимает при средних значениях независимой переменной. Это можно характеризовать как эффект насыщения и резкого изменения (бифуркации) складывающейся поначалу простой и легко интерпретируемой зависимости, когда линейные аппроксимации могут привести к упрощенному и ошибочному пониманию изучаемого явления.

Аналогичные по форме зависимости наблюдаются и для двух других независимых

параметров, характеризующих отношения респондентов к лидерам двух парламентских (оппозиционных) партий: В. В. Жириновскому и Г. А. Зюганову.

Зависимость параметра "Отношение к А. А. Навальному (Y)" от параметра "Отношение к В. В. Жириновскому (X)" в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

$$X-1 (Y= -735); X-2 (Y= +899); X-3 (Y= -726)$$

$$\text{Коэффициент силы связи} = 0.95 (0.04)$$

$$\text{Коэффициент корреляции} = 0.07$$

Похожая картина связи наблюдается и для более детального решения задачи, когда независимый параметр разбивается на кварталы. Максимум наблюдается на второй четверте независимого параметра (+1225), присутствует общая положительная динамика: (-636) – 1 кварта; (-199) – 4 кварта.

Зависимость параметра "Отношение к А. А. Навальному (Y)" от параметра "Отношение к В. В. Жириновскому (X)" в виде сравнительных весомостей параметра Y для квартал по шкале X:

$$X-1 (Y= -636); X-2 (Y= +1225); X-3 (Y= -308); X-4 (Y= -199)$$

$$\text{Коэффициент силы связи} = 0.76 (0.25)$$

$$\text{Коэффициент корреляции} = 0.07$$

В отличие от отношения к В. В. Жириновскому (симметричный максимум для триад по X) для независимого параметра «Отношение к Г. А. Зюганову» наблюдается общая положительная динамика в принятии А. А. Навального (с -891 до -48 по сравнительной весомости).

Зависимость параметра "Отношение к А.А. Навальному (Y)" от параметра "Отношение к Г. А. Зюганову (X)" в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

$$X-1 (Y= -891); X-2 (Y= +778); X-3 (Y= -48)$$

$$\text{Коэффициент силы связи} = 0.73 (0.14)$$

$$\text{Коэффициент корреляции} = 0.28$$

Зависимость с несимметричным максимумом и общим возрастанием. Наблюдается значительно меньшее значение (-891) параметра «Отношение к А. А. Навальному» для триады низкого уровня отношения к Г. А. Зюганову, чем для триады высокого уровня (-48). Поэтому можно говорить при наличии максимума для среднего уровня об общей положительной динамике отношения к А. А. Навальному при сравнении низкого и высокого уровня отношения к Г. А. Зюганову.

Рассмотренные зависимости не вписываются в линейные модели и дают повод синергетического взгляда на сложные процессы политической жизни, политического выбора.

Литература

1. Басимов М. М. Нелинейная социология: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. 120 с.
2. Басимов М. М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. 224 с.

- 3 Басимов М. М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 128–157.
- 4 Басимов М. М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. Москва-Воронеж, 2008. 432 с.
- 5 Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и своё будущее. М.: КомКнига, 2006. 232 с.

О. Б. Божков

**КАК ФОРМИРОВАЛОСЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: 42 ЧАСА В ПРЯМОМ ТЕЛЕЭФИРЕ
(1987–1989 ГГ.)**

БОЖКОВ Олег Борисович - ст. научный сотрудник ИС РАН. E-mail: olegbozh@gmail.com

Два взгляда на передачу «Общественное мнение»

На телевизионную передачу Ленинградской студии телевидения (1987–1989 гг.) «Общественное мнение» (1987–1989 гг.) можно смотреть с точки зрения теории журналистики, тогда ключевыми моментами в ней оказываются:

- 1 прямой эфир (и «свободный» микрофон у передвижной телевизионной станции (ПТС));
- 2 процедура голосования зрителей, как основной стержень её драматургии;
- 3 социологический комментарий к результатам голосования, обеспеченный оперативной обработкой данных на персональной ЭВМ;
- 4 выбор актуальнейших тем для обсуждения.

С точки зрения социологии существенно то, что сама передача оказывается не просто зрелищем, где зритель лишь пассивный наблюдатель, но реальным публичным действием, главным действующим лицом «которого оказываются ««простые граждане» (по выражению «Ленинградской правды» 17.7.87 – «люди с улицы»). Главное здесь не «эффект присутствия», а действительное участие здесь и сейчас. Иными словами – это социальное явление, реальный элемент механизма перестройки.

С точки зрения социологии цикл передач «Общественное мнение» может быть квалифицирован как социальный проект, цель которого – активизация населения, отработка демократического инструмента, «в фокусе которого – личное мнение отдельно взятого человека». Это, если угодно – практикум по демократии.

С точки зрения теории и практики телевизионной журналистики название самой передачи «Общественное мнение» – скорее всего сильная метафора, яркий образ, призванный захватить аудиторию, поразить её и приковать к экрану. Неудивительно, что сначала для передачи определение самого понятия «общественное мнение» просто не требовалось. Дефиниция стала необходимой при осмыслении того, что получилось на практике, скорее для оправдания существования передачи и дальнейшего её развития. Именно необходимость определения, как для руководства студии, так и для телезрителей, стала стимулом к появлению передачи-спутника «Общественное мнение: социологический аспект».

Содержание первого выпуска передачи-спутника концентрировалось по преимуществу вокруг следующих вопросов: что такое «общественное мнение» вообще; и телевизионное, в частности; чьё именно мнение находит отражение в передаче, в каком соотношении находятся процессы выражения и формирования общественного мнения; чем телевизионное общественное мнение интересно и ценно как для социологии, так и для общества?

Обсуждению содержания понятия «общественное мнение» было уделено внимание и в статье «Право на мнение!» («Советская культура» 4 августа 1987 г.).

Предмет настоящей работы — социологический анализ цикла «Общественное мнение». Первые опыты такого анализа стали содержанием отчасти первого и в большей мере второго выпусков передачи «Общественное мнение: социологический аспект». Правда и здесь пока преобладало публицистическое, а не собственно научно-аналитическое начало. В тандеме: телевидение — социология пока что доминирует телевидение, т. е. журналистика. Тем не менее, некоторые важные социологические выводы прозвучали и с экрана телевизоров в ходе передач этого цикла

Немного о технологии формирования общественного мнения

Однако прежде чем приступить к анализу этого социального явления, стоит сказать несколько слов о технологии, использованной в цикле передач «Общественное мнение». Она включает несколько шагов.

Первый – выбор темы для обсуждения. Она должна быть злободневной, затрагивающей многих. Конец 80-х – это самое начало так называемой перестройки, которая взбудоражила все общество. Понятно, что тему для обсуждения действительно приходилось выбирать с помощью экспертов. При этом сразу же формулировались две, как правило, «крайние» позиции.

На втором шаге подключались социологи, которые разрабатывали очень простую анкету, содержащую, как правило, один вопрос, варианты ответа на который однозначно обозначали полюса пространства дискуссии, и социально-демографические характеристики респондента. Анонс очередной передачи и анкета, а также инструкция, когда и как отвечать на вопросы анкеты, публиковались в Программе радио и телевидения на соответствующую неделю. Собственно говоря, эту анкету вряд ли можно квалифицировать как социологическую. Социологической эта информация становилась, будучи сведенной в общую базу данных и проинтерпретированной социологами.

Третий шаг – отбор двух групп экспертов (экономистов, социологов, историков, юристов, психологов, руководители предприятий, представители власти), готовых аргументировать каждую из обозначенных позиций. Именно эти группы и вели дискуссию в студии телевидения. Если память не изменяет, был один или два случая, когда представители одной группы экспертов в ходе передачи «переходили» в противоположную группу.

Четвертый шаг – выбор места для размещения ПТС и организация её рабочего пространства (свет, электропитание и т. п., включая и меры безопасности). Как правило, это были достаточно людные места, чаще всего у станций метро. Сюда мог прийти не только любой житель нашего города, но и вообще любой человек, либо просто проходящий мимо, либо специально настроившийся на участие в передаче. Иногда ПТС размещались также на «целевых» площадках (квартира, общежитие, торговый центр, цех предприятия и т. п.).

Пятый шаг – технологический – техническое обеспечение обратной связи со зрителями. В частности, выделение телефонных линий, подбор операторов, принимающих и фиксирующих звонки телезрителей – ответы на вопросы анкеты, а также организация оперативного ввода

данных в ЭВМ и столь же оперативная обработка этих данных. В ходе передачи социологической аналитики периодически сообщали текущие результаты телефонного голосования и основные «линии» противостояния: социально-демографические параметры сторонников каждой из дискутируемых позиций. Т. к. звонки шли в студию ещё некоторое время и после окончания передачи, то финальный итог голосования, естественно, всегда не попадал в эфир.

Шестой шаг относится к сфере последствий передачи – это анализ зрительской почты. Именно то обстоятельство, что финальный итог «голосования» никогда не попадал в эфир, а также насыщенность и даже «накалённость» почты тоже оставались «за кадром», привело к необходимости дополнительной – аналитической передачи «Общественное мнение: социологический аспект», которая шла в записи, а не в прямом эфире. В этом 20-минутном приложении к основной передаче участвовали исключительно авторы программы и эксперты-социологи, которые более обстоятельно комментировали ответы телезрителей на анкету, а также социологический обзор зрительской почты, в т. ч. и всего массива телеграмм, поступивших в студию во время прямого эфира. (Понятно, что во время эфира оглашалась очень незначительная часть телеграмм).

Стоит обратить внимание, что здесь не было места прямому манипулированию сознанием людей. Проблему обсуждали эксперты в студии, периодически им задавали вопросы или оппонировали участники передачи «с улицы» (от ПТС). Результаты телефонного опроса также вносили свои коррективы в ход дискуссии.

Каждая передача требовала от авторов и участников в студии максимального напряжения. Я не помню случая, чтобы мы «по горячим следам» были довольны результатами передачи, ибо видели, что многое из того, что задумывалось, не получилось, или получилось совсем не так, как хотелось бы. Но, когда приходили письма телезрителей, становилось ясно, что многие наши опасения были напрасны, люди вполне адекватно, хотя подчас чересчур эмоционально, воспринимали увиденное и услышанное. В письмах авторов и участников передачи благодарили безмерно («Ребята, вы просто герои») или поносили последними словами («Да что же вы такие антисоветчики-то, стрелять вас надо!»).

Социальное явление: действующие лица

Итак, с февраля 1987 г. по апрель 1989-го состоялось 14 передач цикла «Общественное мнение» в режиме прямого эфира (в общей сложности 42 часа чистого эфирного времени) и два аналитических выпуска – в записи. Несмотря на то, что темы были очень разными; но от передачи к передаче её структура видоизменялась (подчас существенно) — велись поиски разных способов журналистской «подачи материала», в частности, использовались телемосты (Рига, Загреб). Однако основные действующие лица, групповые субъекты – определились весьма чётко. Это:

- 1 Эксперты — учёные специалисты, преимущественно обществоведы;
- 2 представители аппарата управления (руководители);
- 3 «простые люди с улицы», жители города (в последних передачах и области).

Анализ поведения этих действующих лиц в ходе передач показывает, что эксперты и руководители в силу разных причин долго не могли найти «своего лица», их функции в передаче не определились с достаточной ясностью. Эксперты постоянно «сбивались» чаще всего на позицию «людей с улицы», реже — на позицию представителей аппарата управления. Думаю,

что причин тому несколько, назову лишь две, на мой взгляд, основные. Длительное «безгололье», а также запреты на обсуждение тех или иных тем не проходят бесследно. Учитывая, что многие темы были запретны не только для обсуждения, но и для исследования, эксперты ничем по существу и не отличаются от «людей с улицы». Кроме того, обнаруживается относительно низкий уровень профессионализма экспертов, с одной стороны; а, с другой – очень высоким оказался уровень самооценки, обострённый осознанием своего особого (ответственного) положения в передаче, сказала и «заданность позиции» (может быть и ложно понимаемой), но не в профессиональном, а скорее всего в гражданском отношении.

Это было особенно заметно в передаче, посвящённой теме «Трезвость – норма жизни» (20 мая 1987), где эксперты – защитники позиции «Культура» – оказались крайне скованными именно общей жёсткой постановкой вопроса – неременная и немедленная борьба с пьянством и никак иначе.

Специфично положение группы представителей аппарата управления. До передачи 1 октября они практически находились «за кадром». Важно другое – и находясь вне кадра, эта группа всё равно оказалась одним из главных действующих лиц.

Опыт первых выпусков цикла «Общественное мнение» (особенно передачи, посвящённой обсуждению проекта Устава школы, 14 апреля 1987), а также ряда других новаций телевидения (например, «12-й этаж», «Телекурьер», «Встречи по вашей просьбе» и т. д.), социальная практика последнего года, в т. ч. острая ситуация вокруг «Англетера», показывают, что представителям этой группы «в кадре» и вообще в прямом диалоге с «публикой» по конкретным вопросам приходится очень нелегко.

Конечно, и здесь одна из главных причин – длительное отсутствие живой практики прямого общения не с «массами», а с совокупностью конкретных людей; не вообще с призывами и лозунгами, а обсуждение конкретных жизненно важных вопросов. Почта передачи «Общественного мнения» обнаружила, что кредит доверия населения к любым представителям власти практически исчерпан. Словам представителей управленческого и партийного аппарата (разных уровней) нет веры, в любом их аргументе «люди с улицы» склонны видеть подвох, злой умысел, если не прямой обман, желание любой ценой «удержаться в кресле» или защитить «своих».

Эта тенденция проявилась очень выпукло. Психологически и исторически она вполне объяснима, но в социальном плане она представляется очень опасной, ибо в принципе делает невозможным нормальный диалог при такой расстановке и таком самоопределении социальных сил. Опасность этой тенденции усиливается, по меньшей мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что в массовом сознании пока нет другой реально действующей силы, кроме ныне существующего аппарата власти (именно аппарата, который в сознании масс – всемогущ). Это отчётливо проявилось в ряде передачах цикла. Так, 20 мая 1987 г. участники передачи, обвиняя бюрократов в бездействии, попустительстве, а то и прямом санкционировании пьянства, почти все предложения адресовали, тем не менее... именно «бюрократам». Многие участники передачи 9 июля (о перестройке) заявляли об её «бесполезности»; поскольку в ней (передаче) не приняли участия партийные и государственные руководители. Дело здесь не только и не столько в «иждивенческих настроениях» населения.

Здесь-то и проявляется второе обстоятельство: участники передачи, «люди с улицы» – каждый в отдельности и все вместе – не видят реальной действенной силы в самих себе, им неведомы ни технология, ни реальные механизмы народовластия. Острота ситуации в том, что на пути конкретных практических опытов гражданской инициативы существующий аппарат

управления, как правило, пытается (и сегодня) воздвигнуть формально-бюрократические преграды, давая тем самым реальные основания для неверия как активистов, так и «наблюдателей» в действенность и вообще возможность народовластия даже в экспериментальных формах.

Охарактеризуем третью действующую силу этого социального явления – активную часть аудитории передачи, её непосредственных (в кадре) и опосредованных (телефоны кодовой связи, телеграф, почта) участников.

Количество звонков по телефонам кодовой связи от передачи к передаче заметно колеблется, но в целом имеет тенденцию к росту (от 2829 в первой передаче к 5251 в шестой). В известном смысле это результат совершенствования организации передачи: В частности, подключение ещё одного канала выражения мнений – телеграфа – на передаче 20 мая 1987 г. более чем вдвое увеличило «пропускную способность» телефонной сети студий.

Социальный и демографический состав этой части аудитории в целом по всем передачам цикла оказался стабильным. Правда, более тщательный анализ показывает, что здесь происходят некоторые изменения. Естественно, что среди участников передаче, посвящённой обсуждению закона о молодёжи, доля молодёжи до 25 лет в составе участников возросла с 16 до 27%, зато уменьшилась (с 49 до 38%) доля специалистов с высшим образованием, хотя эта группа по-прежнему осталась доминирующей в этой части аудитории. И, наконец, несколько возросла доля женщин (с 31 до 48%).

Те, кто присылает телеграммы в студию во время передачи, как правило, специально не сообщают своих социально-демографических характеристик, однако по косвенным данным, извлекаемых из текстов телеграмм, можно судить, что и эта часть аудитории немногим отличается по своим параметрам. Создаётся впечатление, что телеграфом охотнее пользуются женщины; среди авторов телеграмм чуть выше доля рабочих. Примерно такая же картина и среди авторов писем, с той лишь разницей, что среди них заметно выше доля пенсионеров.

Особый интерес представляет группа непосредственных участников передачи у ПТС, ибо это наиактивнейшая часть аудитории. Существенно отметить, что здесь (как по оценке видеоряда передачи, так и по наблюдениям ведущих на ПТС) преобладает молодёжь и представители «среднего» возраста – 40–50 лет. Важно другое – эта часть аудитории от передачи к передаче все более чётко структурируется. Общая тенденция этого изменения – от «толпы» к организационным группам людей, представляющим разные позиции по обсуждаемым в передаче вопросам.

Такого рода организация в известном смысле стимулировалась (может быть неосознанно) создателями передачи. Так, площадки для участников, поддерживающих разные позиции (передача 9 июля 1987 г. о перестройке) были разведены даже территориально: «энтузиасты» приглашались на площадь к Казанскому собору, а «реалисты» – на пл. Островского. В передаче 1 октября (об индивидуально-трудовой и кооперативной деятельности) своеобразным стимулом к самоорганизации послужило «естественное» разделение социальных ролей участников «Ярмарки «Общественного мнения»».

Второй важный аспект, который не акцентируется в массовом сознании, но отчётливо просматривается в научном анализе, состоит в том, что публичные дискуссии «Общественного мнения» постепенно входят в повседневный обиход горожан. Каждая передача вызывает широкий резонанс, имеет довольно длительный период последствий и «кулуарного» обсуждения в разных слоях населения. К каждой передаче готовится не только студия телевидения и группа научного обеспечения цикла, но и «люди с улицы», которые специально

выделяют «окна» для участия в передаче в своём бюджете времени.

Существует заблуждение, что общественное мнение только тогда «общественное», когда в нём учтены все без исключения слои населения. Это заблуждение хотя бы потому, что в любом обществе всегда имеются слои, практически не включённые в активную гражданскую жизнь, и такие слои, которые сознательно или бессознательно занимают позицию сторонних наблюдателей. Кроме того, это заблуждение опирается на представление о «беспредметности» общественного мнения, или на представление о том, что любой вопрос затрагивает абсолютно все слои. Хотя на самом деле каждый конкретный вопрос реально актуален для конкретных групп населения, ибо затрагивает их интересы непосредственно, тогда как интересы других групп лежат в иных областях и сферах жизни.

Конечно, и передача «Общественное мнение» пока явно не включает в свою «орбиту» значительный отряд «скептиков-наблюдателей». Но даже этот отряд вовлечён в данное социальное явление и составляет реальную группу молчаливой оппозиции «за кадром» телеэкрана. Мнение этой группы находит косвенное выражение, прежде всего в зрительских письмах. Довольно типичны в письмах такие строки: «Мы обсуждали вашу передачу на работе в отделе и из 100 человек ни один...».

Содержание общественного мнения: противостояние мнений и сосуществование типов сознания

В распределении голосов телезрителей по основным обсуждавшимся вопросам не обнаруживается существенных различий между отдельными группами отвечавших на анкету «Общественного мнения». Специфична здесь только молодёжная часть выборки, которая оказывается наиболее радикально настроенной вне зависимости от того, какой именно обсуждается вопрос.

Общий вывод из анализа результатов голосования, как по возрастным, так и по группам занятости, состоит в том, что водораздел мнений проходит внутри каждой группы, а не между ними. Иными словами, не профессиональная принадлежность и даже не принадлежность к разным поколениям сущностно определяет позицию как по любому из конкретных обсуждавшихся вопросов, так и по отношению к перестройке в целом.

При анализе содержания общественного мнения, выражаемого передачей «Общественное мнение» задача построения и анализа «тематических рубрикаторов» была поставлена сознательно на второй-третий план. Ключевыми в этом анализе стали такие признаки, как «эмоциональный накал» (агрессивность, миролюбивость и т. п.); характер аргументации (в частности, использование идеологических штампов, ярлыков); общая основа суждений (вера-неверие или рационально-логическая основа) и т. п. В публикациях мы уже отмечали, что работа с письмами «Общественного мнения» — нелёгкий труд, требующий огромного душевного напряжения. Письма (как «За», так и «Против») в подавляющем большинстве своем крайне категоричны. Общий эмоциональный тонус их предельно высок.

Содержание развёрнутых мнений, высказываемых устно в прямом эфире, и зафиксированных письменно, как правило, — и это очень важно, — выходят за рамки относительно узкой темы любой конкретной передачи и касаются часто общих проблем, таких как: судьба перестройки и её перспективы; судьба социализма: взаимосвязь хозяйственного механизма и политической системы; социализм и нравственность и т. п. С этой точки зрения почта «Общественного мнения» даёт богатый материал для изучения структур и типов сознания.

Такую «работу ещё предстоит проделать, но уже сейчас можно в общих чертах описать

некоторые из типов и высказать предположения о степени их распространённости. Один из типов сознания (или личности) описан В. Б. Голофастом [1]. Такого рода тип сознания обнаруживается в почте «ОМ» и представляется весьма распространённым, его основные характеристики: тотальная агрессивность, нетерпимость к другим позициям и мнениям, крайняя категоричность, идеологизированность, стереотипность при противоречивой структуре мотивации.

Также достаточно часто встречается тип сознания, который мы условно назвали маргинальным. Его основная черта — противоречивость. И здесь велик уровень агрессивности, но она имеет направленный характер и уживается с высоким уровнем апологетичности. При этом один и тот же социальный субъект с равным успехом оказывается объектом, как агрессии, так и апологетики в зависимости от контекста ситуации. Именно для этого типа сознания присуща агрессивность (резкая критичность) по отношению к бюрократам-управленцам и апелляция к ним же (апологета ка власти), как к единственной и высшей инстанции.

Выделяется и «аналитически тоталитаристский» тип сознания — его специфика в апелляции к безымянным демиургическим силам, в склонности к построению «идеальных жёстких схем» общественного устройства. Внешне это сознание может казаться очень логичным и рациональным.

Отметим также две разновидности «гуманитарного» типа сознания. Первый условно назовем «растерянным». Это сознание, ориентированное на гуманистические ценности, но «не видящее» опасения от наступающего бюрократизма и технократизма. Вторую разновидность можно назвать «гармонично-аналитической». Носителям этого типа сознания свойственна апелляция к законности, как основе демократии.

Пока что крайне редко встречается такой тип сознания, который можно было бы назвать «конструктивным» или «созидательным». В числе действующих лиц передачи (как социального явления) носители этого типа сознания встречались преимущественно среди экспертов.

Конечно, это не полная и не строгая типология, а лишь эмпирическое нащупывание общих подходов к её разработке. Здесь представляется очень важным вопрос о социальной и культурной базе каждого из обозначенных выше типов сознания.

Перспективы развития «Общественного мнения» или проблема действенности

Выше уже отмечалось, что с точки зрения социологии телевизионный цикл «Общественное мнение» может быть квалифицирован, как социальный проект. Такой взгляд с неизбежностью приводит к постановке вопроса об эффективности реализации такого проекта, или — другими словами — о действенности передачи. Этот вопрос весьма заботил и создателей передачи, и участников, в первую очередь, телезрителей («людей с улицы»). Понятно, что каждому участнику хотелось бы увидеть своё предложение реализованным, своё мнение услышанным.

Рассматривая проблему действенности необходимо учитывать одновременно оба профессиональных взгляда на «Общественное мнение». Ведь специфичность этого социального явления (проекта) состоит в том, что его сердцевина существует в форме телевизионной передачи, а эффективность воздействия телевидения на людей практически не бывает моментной и сиюминутной: специфика её — в «отсроченности». Эффективность телевизионного воздействия (как и любого пропагандистского воздействия) не только «отложенная», но имеет к тому же кумулятивный характер — она образуется как сумма отложенных, накапливающихся впечатлений, собственных индивидуальных раздумий и практических наблюдений. Конкретные передачи лишь стимулируют и ориентируют эти размышления, способствуют (наряду с другими

явлениями жизни) формированию гражданской позиции.

В 1988 г. я писал, что «всестороннее размышление над многообразными материалами «Общественного мнения» приводит к выводу-гипотезе о том, что в течение ближайших полгода, а может быть и года, ощутимой немедленно, здесь и сейчас действенности передач цикла ожидать не приходится. Как не приходится ожидать и того, что само течение передач в «живом эфире» будет менее «сумбурным», на что сетует определённая часть наших корреспондентов и оппонентов.

Почему? Во-первых, ещё не удовлетворена потребность выговориться: у каждого (или почти у каждого) есть много что сказать. Потребность сказать оказывается значительно сильнее потребности слышать. Слишком уж долго «простой человек» только слушал и был вынужден слушаться при полном подчас внутреннем несогласии. Первый этап демократизации и гласности поэтому неизбежно оказывается насыщен «критическим запалом». Положительный момент этого этапа в том, что он дает возможность несогласие обнаружить, т. е. возражать вслух. Это обстоятельство ещё очень многим предстоит освоить, пережить и осознать.

Во-вторых, несогласие с разными мнениями у определённой части людей создает иллюзию, что они-то и обладают «истиной более правильной». Отсюда категоричность, нетерпимость.

В-третьих, нарушенное нормальное взаимодействие между основными социальными силами блокирует саму технологию действенности перестройки. «Верхи» не хотят, а подчас и не могут слышать конкретные предложения «людей с улицы». Это нежелание имеет свою рационализацию: «люди с улицы», якобы, не видят всей полноты проблемы; они, де некомпетентны и не располагают всей необходимой информацией (для восполнения этого «дефекта» и существует гласность); «люди с улицы» — это «случайные» люди, задача которых «лишь бы пошуметь», к ним, стало быть, нельзя относиться всерьез; «людям с улицы» невозможно угодить, ибо они не организованы и сами не знают, чего хотят (или все хотят разного) и т. п.

В свою очередь, как уже отмечалось выше, «простые люди» не верят в то, что стоящие у власти действительно хотят серьезных положительных перемен.

Таким образом, на нынешнем этапе перестройки основная функция передачи «Общественное мнение» – «раскачка», пробуждение сознания сограждан, это — именно практикум по демократии, постоянная трибуна для общественного диалога. С этой точки зрения главная задача сегодня – выжить, не сдавая достигнутых принципиальных позиций, не снижать уровень актуальности, учиться вести этот диалог уважительно, но не «бесхребетно» по отношению к разным мнениям и позициям, и тогда диалог станет конструктивным»²⁴.

Заключение

Этот сюжет представляется особенно актуальным сегодня. Потому, что опыт «Общественного мнения» всё-таки не прошел даром. И хотя перестроечная эйфория ушла в прошлое, её сменили пассивность и уныние, однако сознание людей тогда было если не разбужено, то, во всяком случае, активизировано. Плоды гласности – а передача ЛСТ

²⁴ Здесь я существенно ошибся. Последняя – 15-я передача о кооперации, объявленная на 19 мая 1989 г. не состоялась. Участники передачи собрались в телецентре на ул. Чапыгина, а студия оказалась закрытой. В назначенное время вместо анонсированной программы был запущен художественный фильм. Таково было телефонное указание из Обкома КПСС. На этом «Общественное мнение» прекратило своё существование в телевизионном эфире.

«Общественное мнение» была одним из заметных её (гласности) плодов – живут. К сожалению, приходится констатировать, что на фоне развала промышленности и экономики, культуры, образования и науки они слегка «подвяли и сморщились» под давлением мощного пресса деструктивной пропаганды милитаризма, поиска внешних и – главное – внутренних врагов, ложно понимаемого патриотизма. Но пробившийся голос и разум вряд ли удастся заткнуть. Общественное мнение, хотя и яростное, заметно покалеченное, живёт в блогах, живых журналах и социальных сетях.

Литература

- 1 Голофаст В. Б. Социально-культурные аспекты перестройки. //Социология и проблемы перестройки (Материалы социологических чтений. Часть I), Ленинград, ИСЭП АН СССР, 1988. С. 31–40.

И. А. Газиева

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

ГАЗИЕВА Инна Александровна - Директор Центра общеакадемических образовательных инициатив РАНХиГС. E-mail: gazieva-ia@ranepa.ru

Современная эмпирическая социология всё больше и больше нуждается в методологическом расширении и инновировании методов изучения социальной реальности, что обусловлено, по крайней мере, двумя обстоятельствами.

Во-первых, сегодня мы являемся свидетелями поступательного усложнения всех процессов, сопутствующих развитию общества, а также являющихся его следствием.

Во-вторых, любые социальные процессы являются слабоструктурированными процессами, которые характеризуются тем, что описание зависимостей между их факторами в основном носит качественный характер; количественные описания при этом присутствуют, но в основном всё же преобладают качественные. А это создаёт значительные препятствия для оказания эффективного управленческого воздействия на соответствующие процессы.

Исследование подобных процессов с помощью методов прикладной социологии даёт возможность обстоятельно изучить особенности социальных процессов, их составляющих, а также факторов, влияющих на эти процессы. Однако вряд ли есть возможность с достаточной долей достоверности оценить эффективность планируемого управленческого воздействия как на отдельные элементы процесса, так и на весь процесс в целом. В этой связи для исследования подобного рода социальных процессов и систем предлагается дополнительно использовать когнитивный подход, предполагающий создание некоторой экспертной модели знаний о ситуации или процессе на основе когнитивного (познавательного) моделирования.

Рассмотрим применение метода когнитивного моделирования в сочетании с анкетным опросом на примере изучения роли дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих в ходе их профессионального развития.

Профессиональное развитие государственных гражданских служащих представляет собой весьма сложный социальный процесс, эффективность которого во многом определяется качеством дополнительного профессионального образования служащих, в связи с чем этот

процесс не поддается однозначной интерпретационной оценке и описанию. В этой связи предлагается использовать технологию когнитивного моделирования, реализующую следующий процесс (рис. 1). Опишем каждый из этапов.

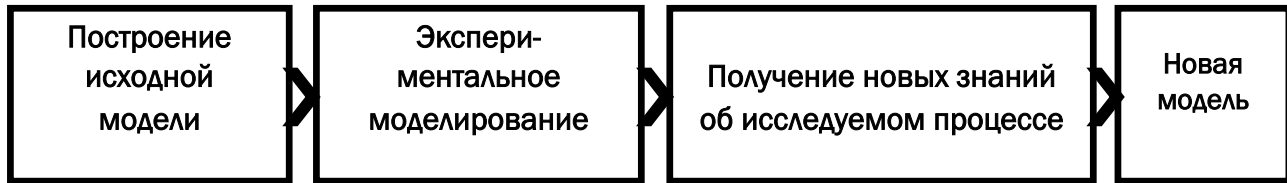

Рисунок 1 – Процесс когнитивного моделирования

Первый этап построения когнитивной модели: построение исходной модели. На данном этапе построение модели принадлежит людям, компетентным в вопросах исследуемой проблемы, и осуществляется в два шага.

Первый шаг: определение базисных факторов. Здесь на основе экспертного либо массового опроса определяются факторы, существенным образом влияющие на исследуемую ситуацию или процесс.

В нашем случае в качестве таких базисных факторов был взят перечень причин, по которым дополнительное профессиональное образование не достаточно способствует профессиональному развитию служащего. Список причин получен в ходе анализа результатов экспертного опроса руководителей, заместителей руководителей подразделений органов государственного управления и руководителей кадровых служб (N=152), а также – результатов социологического опроса, проведенного среди государственных гражданских служащих республик Марий-Эл, Мордовии и Чувашии, Нижегородской и Кировской областей (N=667)²⁵. Также указанный перечень причин дополнен нами целевым фактором, которым для нас является фактор профессионального развития специалистов (фактор f8).

Базисные факторы:

- f1 Наличие вакантных должностей
- f2 Положительное отношение непосредственного руководителя к служащему
- f3 Наличие поддержки в служебном росте со стороны коллектива
- f4 Наличие у служащего стремления к карьерному росту
- f5 Уровень развития деловых и личностных качеств служащего
- f6 Соответствие программы профессионального обучения и служебных функциональных обязанностей
- f7 Наличие системы управления карьерой служащих
- f8 Уровень профессионального развития служащего

²⁵ Исследование проведено в апреле-мае 2012 г. в рамках проекта «Развитие инновационной системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих России», реализуемого под руководством д. соц. н., профессора В. А. Мальцева в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., в рамках реализации мероприятия № 1.2.1 «Проведение научных исследований научными группами под руководством докторов наук».

Второй шаг: установление прямых причинно-следственных связей между базисными факторами. Осуществляется только экспертами.

В ходе такого опроса каждый эксперт, ориентируясь на некоторый временной интервал (например, месяц, квартал, год), указывает, предположительно, на сколько процентов изменится значение фактора-следствия при увеличении фактора-причины на 100%. Затем указанное значение вносится в матрицу весов когнитивной модели.

С целью нахождения прямых причинно-следственных связей между базисными факторами, мы дополнительно попросили десять экспертов из органов государственной гражданской службы установить и оценить эти связи.

При заполнении таблицы-матрицы экспертам предлагалось ответить на вопрос «Является ли фактор f_1 причиной фактора $f_2, f_3... f_7$?», соблюдая следующие правила:

- 1 Если ответ «*Является. Влияние положительное*», в соответствующей ячейке матрицы ставится «+».

Если ответ «*Является. Влияние отрицательное*», в соответствующей ячейке матрицы ставится «-».

Если ответ «*Не является*», в ячейке ничего писать не нужно.

- 2 Оценка причинности даётся по трехбалльной шкале, где *0,2 – слабое влияние; 0,5 – среднее влияние; 0,9 – сильное влияние.*

Далее в результате анализа статистической и экспертной социологической информации между базисными факторами устанавливаются прямые причинно-следственные связи, усредненные значения которых вносятся в матрицу весов взаимовлияния базисных факторов.

Необходимо отметить важный нюанс в ходе интерпретации содержания матрицы: положительный элемент матрицы свидетельствует о наличии прямой связи между факторами, т. е. при увеличении (уменьшении) фактора в столбце на 100% фактор в строке увеличивается (уменьшается) на соответствующее число; отрицательный элемент говорит о наличии обратной связи.

Далее результаты анализа полученной информации представляются в виде когнитивной карты (ориентированного графа), которая более наглядно демонстрирует причинно-следственные связи между факторами. Такая карта для государственных гражданских служащих представлена на рисунке 2. Для удобства восприятия мы не стали наносить на карту факторные веса.

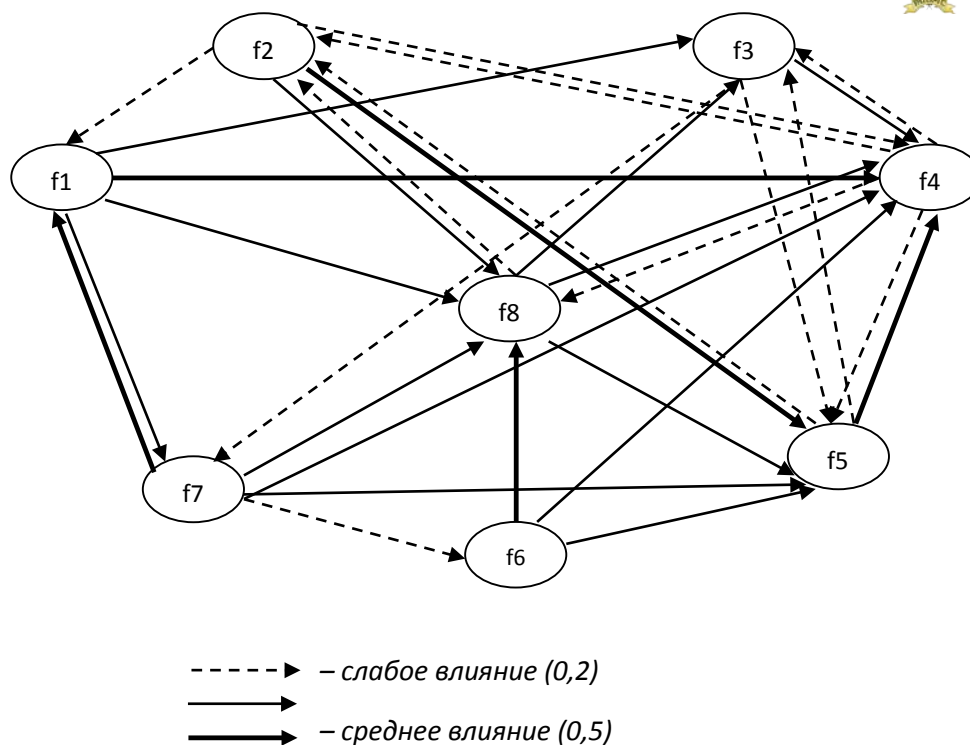

Рисунок 2 – Когнитивная модель для государственных гражданских служащих

Далее каждый из факторов описывается и интерпретируется, исходя из уровня взаимовлияния факторов, представленных в таблице-матрице.

По сути, построение приведенной выше матрицы и когнитивной карты представляет собой промежуточный подготовительный этап перед основным этапом - моделированием.

Второй этап построения когнитивной модели: экспериментальное моделирование. На этапе моделирования с целью оценивания устойчивости исследуемого процесса проводится анализ замкнутых путей (циклов) в когнитивной карте, и если выявляются положительные контуры, то делается вывод о неустойчивости процесса или подпроцесса, при выявлении отрицательных контуров мы говорим об устойчивости процесса или подпроцесса. Знак контура определяется произведением знаков дуг, входящих в путь. В нашем случае положительным является, например, контур: f1-f4-f2-f1; отрицательным является контур: f4-f3-f5-f4.

Далее, основываясь на приведённых выше разработках, проведём когнитивное моделирование процесса повышения эффективности дополнительного профессионального образования в профессиональном развитии государственных гражданских служащих на 24 периода.²⁶

В силу того, что, по результатам нашего социологического исследования, наиболее управляемыми базисными факторами являются f6 и f7, моделирование осуществляется, исходя из предположения об их положительной динамике: повышении степени соответствия программ профессионального обучения государственных гражданских служащих на 30% и развитии системы управления карьерой служащих на 10%.

²⁶ Процесс когнитивного моделирования осуществляется нами на основе компьютерной программы «Аналитик», разработанной в информационно-аналитической лаборатории Нижегородского института управления – РАНХиГС на основе методики когнитивного моделирования, которая используется для анализа социальных, экономических и политических процессов.

Как видно из рисунка 3, где представлена динамика изменения одного из базисных факторов для государственных гражданских служащих (но в исследовании мы рассматривали все факторы), именно благодаря такому соотношению обеспечивается устойчивость процесса повышения эффективности дополнительного профессионального образования в профессиональном развитии государственных служащих.

Третий этап построения когнитивной модели: получение новых знаний об исследуемом объекте. На данном этапе осуществляется описание изменения каждого базисного фактора, а также анализ устойчивости развития процесса на основе графической информации. Рассмотрим ход построения когнитивной модели на данном этапе на основе описания изменения одного, наиболее характерного, базисного фактора нашей модели (в ходе исследования рассматриваются все базисные факторы).

Фактор f4 – наличие стремления у работника к карьерному росту – характеризуется значительным ростом относительно базового значения данного фактора (рис. 3); устойчивое состояние достигается на уровне 52% выше исходного состояния.

Рисунок 3 – Динамика изменения фактора f4

Четвёртый этап построения когнитивной модели: получение новой модели. По окончании процесса когнитивного моделирования исследователь получает теоретико-познавательную модель знаний об изучаемом процессе, а также рекомендации по оптимизации и повышению социальной эффективности данного процесса.

Как нам удалось выяснить в ходе анализа элементов когнитивной модели, рост профессионального развития государственных гражданских служащих происходит при незначительном уменьшении поддержки непосредственного руководителя, небольшом увеличении вакантных мест и снижении поддержки со стороны коллектива. Такие результаты говорят о том, что основными двигателями профессионального развития государственных служащих служат их внутренние мотивы при наличии профессионально-ориентированных программ, у которых достаточно высокая степень соответствия функциональным обязанностям специалистов.

Подводя черту под нашим исследованием, сделаем вывод о том, что, несмотря на высокую трудоёмкость когнитивного моделирования, оно в сочетании с методом анкетирования даёт исследователю возможность осуществить более глубокое и детальное изучение социальных процессов и явлений, результатом чего является создание проективного базиса для разработки и последующего принятия управленческих решений.

Д. В. Громов
РАБОТНИКИ МОСКОВСКОГО ЗООПАРКА:
КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КАЧЕСТВЕННОГО

ГРОМОВ Дмитрий Вячеславович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва.

В апреле-мае 2014 г. мы провели социально-антропологическое исследование работников Московского Зоопарка. Непосредственной целью исследования был сбор материала для юбилейной выставки, посвящённой 150-летию Зоопарка; для этого организаторами выставки было принято решение о составлении антропологического портрета профессионала – работника зоопарка. Достаточно большое ($n = 43$) количество интервью позволило выявить количественные зависимости различных параметров профессиональной деятельности от типа животных, включённости в процесс взаимодействия, стажа и т. д. Согласно типологии профессий Е. А. Климова, классифицирующей профессии по предмету труда, работники зоопарка относятся к группе профессий «человек – природа»; объектом их труда является животное, которое должно получить максимально качественное обслуживание, удовлетворяющее природные потребности не только в питании и тепле, но и в двигательной, интеллектуальной активности, общении, самоутверждении и т. д.

Т. А. Гужавина
ДОВЕРИЕ В РАЗВИТИИ РЕГИОНА

ГУЖАВИНА Т. А – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН г. Вологда. E-mail: tanja_gta@mail.ru.

Осознание значения такого фактора, как социальное доверие в жизни российского общества, в деятельности его политических и экономических структур, в повседневной жизнедеятельности индивидов возрастает. Интерес к этому феномену актуализируется в связи с необходимостью выработки антикризисных мер. Готовность россиян поддержать антикризисные инициативы власти во многом будет основана на имеющемся уровне доверия к тем институтам, которые призваны решать задачи данного типа. Изучение природы доверия; выявление его сущности; факторов, на него влияющих; практик, порождающих доверие, укрепляющих или ослабляющих его; особенностей его формирования в зависимости от культурной среды; выявление возможностей укрепления доверия предстают как значимое направление современной социологии доверия.

По мнению А. Селигмена, «доверие является следствием ролевой неопределённости, связанной со структурной непрозрачностью ролей, в ситуации, когда системно определённые ожидания больше не жизнеспособны» [4]. У Энтони Гидденса социальное доверие – это связь веры и уверенности, основанной на знании [2]. П. Штомка определяет доверие как ««залог» (уверенность и опирающиеся на него действия), свидетельствующий о том, что

неопределённые будущие действия других людей или функционирование оборудования либо учреждения будут нам полезны» [5]. Он выделяет вертикальное и горизонтальное доверие, отмечая, что доверие к государству и его институтам определяется как «публичное, или вертикальное доверие, в отличие от горизонтального, существующего между гражданами» [5]. Категория «вертикальное доверие» подразумевает, что доверие существует между партнёрами, находящимися на разных уровнях социальной иерархии. Таким представляется доверие граждан власти, которая осуществляет контроль над действиями людей, даже вопреки их воле, с ограничением диапазона их действий (легитимность власти). При этом любая власть вынуждена оправдывать доверие к себе со стороны граждан. Для этого существует установленный срок полномочий, по результатам прохождения которого можно судить об эффективности власти, а также избирательная система, которая позволяет населению решить её «дальнейшую судьбу».

Представляя собой совокупность социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий со стороны индивидов в отношении других индивидов, в отношении организаций, учреждений, в отношении норм и правил, составляющих фундаментальное содержание жизни, доверие поддерживает устойчивость и интегрированность общества. Оно выступает основой горизонтальных и вертикальных общественных отношений.

Изучить различные аспекты доверия дают возможность конкретные социологические исследования, которые проводятся как на межстрановом, так и на национальном, и региональном уровнях. Состояние социального доверия такого территориального сообщества как жители Вологодской области, факторы, на него влияющие, изучает в ходе мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН [1]. Анализ результатов опросов общественного мнения даёт возможность на основании имеющегося уровня доверия условно подразделить институты, действующие в рамках политической системы, на группы. В первую входят институты с относительно высоким уровнем доверия, которые представлены Президентом и органами исполнительной власти РФ. Диапазон оценок колеблется от 60% до 40%. Вторая группа со средним уровнем – это органы представительной власти – Госдума, Совет Федерации. Здесь оценки в диапазоне от 47% до 25%. Третью группу, где оценки находятся на достаточно низком уровне, составляют общественные организации, профсоюзы, партии – от 35% до 15%. Первая группа наиболее влиятельна. Эти институты символизируют исполнительную власть в государстве и в регионе. Это тот институт, который консолидирует социальное пространство страны или региона. Второй аспект, на наш взгляд, связан со сложившейся в веках технологией передачи власти новому правителю «по факту». Если ранее это было наследование, то в современной истории – это уже выборы. Но и сейчас сначала политик получает власть, а затем уже наступает время запуска механизма его избрания. В стране нет практики ротации власти, обеспечивающей её переход к другой, оппозиционной политической силе. А это означает отсутствие в обществе опыта участия в избрании тех, кто ещё не был у власти, как нет у нас и оппозиции в европейском смысле этого слова. Та же практика имеет место и на региональном уровне.

Характерной особенностью институционального доверия в российском обществе является тот факт, что имеет место более высокое доверие институтам авторитарного характера и более низкое к институтам, обеспечивающим демократическое участие граждан. Данный аспект в полной мере объясним с точки зрения концепции институциональных матриц С. Г. Кирдиной [3]. По мнению автора концепции, для России характерно преобладание X-матрицы, которая тяготеет к унитарной организации властных структур и выстраиванию их во

властную вертикаль. В российских условиях эти институты показывают более высокую эффективность и являются более привычными, если учитывать исторические и культурные особенности страны.

Невысокий уровень институционального доверия в целом, который фиксируется у населения области, имеет целый ряд последствий. К их числу отнесём низкий уровень социальной активности населения и снижение уровня ответственности граждан. Так, по данным опросов общественного мнения только 23% вологжан позиционируют себя в качестве активных участников общественной жизни, в то время как 50% вологжан относят себя к категории «пассивных и скорее пассивных». Участие в общественной и политической жизни теряет свой смысл в глазах жителей области, поскольку они не видят общих целей с властными и общественными структурами, которым не доверяют. Потеря смысла в общественной деятельности вызвана ещё и тем, что данный вид деятельности перестал быть востребован на уровне социума. Он не поощряется и не обсуждается в общественном мнении, в СМИ. Если в советский период истории страны общественная деятельность рассматривалась как характеристика гражданина, существовали устойчивые институциональные формы для её осуществления, то в современных условиях гражданская активность остаётся мало востребованной. И низкий уровень активности граждан, и низкая эффективность деятельности общественных организаций, – всё это вместе взятое свидетельствует о наличии отчуждённости данных субъектов от государства, от власти, от общественной жизни, что осложняет деятельность структур гражданского общества.

Среди негативных последствий низкого уровня институционального доверия – снижение уровня ответственности граждан за происходящие в стране, в регионе, городе и т. д. По результатам исследований, проведённых ИСЭРТ РАН в 2014 г., ответственными за состояние дел в стране чувствуют 8%, в области – 8%, в городе – 15% респондентов. Если же речь заходит о доме или дворе, о работе, о семье, то уровень позитивных ответов резко возрастает – 38%, 48%, 82% соответственно. Люди в большей степени ориентируются на свой малый круг: семья, друзья, работа.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что для развития региона, для выстраивания антикризисной политики важно понять, какие социальные группы являются носителями потенциала развития. Важно понять и обратную сторону процесса: каков уровень доверия властных структур своим гражданам. Это даст возможность оценить уровень и характер существующей реципрокности. Изучение доверия населению со стороны власти позволило бы поставить в равное положение партнёров доверительных отношений.

Литература

- 1 В статье использованы данные опросов общественного мнения за с 2013 г. по 2014 г.г. Опрос проводился ИСЭРТ РАН г. Вологда по репрезентативной выборке. Выборка целенаправленная, квотная. Ошибка выборки составляет 3%.
- 2 Гидденс Э. Последствия современности [Текст]. М: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. С. 211–218
- 3 Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., испр. и дополн. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001.
- 4 Селигмен А. Проблема доверия / Пер. с англ. И. Мюрберг, Л. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2008.

- 5 Штомпка П. Доверие – основа общества / Пер. с пол. Н. В. Морозовой. М.: Логос, 2012.

З. А. Данилова
ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

ДАНИЛОВА Зинаида Андреевна – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории региональных экономических систем Байкальского института природопользования СО РАН (БИП СО РАН). E-mail: ziha@mail.ru.

В сообщении представлены некоторые проблемы из опыта обследования трудовой миграции в Байкальском регионе (Республика Бурятия, Иркутская область и Забайкальский край). В процессе изучения международной трудовой миграции в регионе нами использовались источники и материалы территориальных органов Государственной статистики, Управления Федеральной миграционной службы РФ, Департамента труда и занятости населения РФ, переписей населения 2002 и 2010 гг., опросы внешних трудовых мигрантов и среди населения принимающего общества, интернет-источников, а также экспертного опроса специалистов, контент-анализа средств массовой информации.

При проведении обследования мы сталкивались, прежде всего, с проблемами сбора статистических материалов, поскольку по международной миграции они представлены весьма ограниченно. Первичные статистические учётные документы не составляются на мигрантов, зарегистрированных по месту пребывания. Нормативно-правовые документы, разработанные в целях реализации Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и регламентирующие порядок оформления разрешения на временное проживание и вида на жительство, не содержат порядка составления, передачи листов статистического учёта мигрантов и отрывных талонов к ним в органы государственной статистики.

Государственными органами статистики не учитываются и временные межстрановые трудовые мигранты. В текущем учёте миграции населения в межпереписной период регистрируется только миграция на постоянное место жительства, временная миграция, не связанная с переменой места жительства, не берётся во внимание. Пробел в данном учёте могла бы восполнить Всероссийская перепись населения 2002 г., в ходе которой по отдельной форме опрашивались лица, которые находились на территории РФ временно. Они должны были указать страну постоянного проживания, гражданство, а также цель приезда в Россию. Однако в ходе переписи получены сведения лишь о 239 тысячах временно находящихся на территории РФ (цифры явно занижены) людей. Многие мигранты предпочли не афишировать своё пребывание в России, опасаясь санкций со стороны государственных структур, другие имели неопределённый правовой статус в РФ. Косвенной оценкой последствий миграции может служить и динамика численности отдельных народов на территории России, т. к. бывшее постсоветское пространство всегда являлось многоэтничным. Вместе с тем именно перепись населения 2002 г. показывает большой прирост численности народов из стран СНГ, который произошёл за счёт внешней трудовой миграции. Аналогичная ситуация сложилась и при проведении переписи 2010 г.

Точный подсчёт мигрантов вообще, в т. ч. и временных трудовых иммигрантов, фактически не представляется возможным, поскольку один и тот же человек может в течение года сменить место постоянного жительства не один раз. Государственный Комитет статистики отдаёт предпочтение данным по числу «выбывших и прибывших» иммигрантов, а также миграционному обороту и не представляет их общее количество на конкретный период. Таким образом, сегодня не удаётся найти эффективных инструментов «улавливания» этой категории населения посредством статистических материалов, поэтому данные источники информации можно считать условными.

Основную группу источников представляют материалы Управления Федеральной миграционной службы РФ по РБ, а также материалы собственных исследований. В силу вышеперечисленных обстоятельств, статистические данные и материалы территориальных органов Управления ФМС РФ (УФМС) существенно разнятся между собой. Если по данным Управления статистики количество ИРС незначительно, то по материалам Федеральной миграционной службы, число легальных трудовых мигрантов довольно ощутимо.

В Управлении Федеральной миграционной службы РФ содержатся материалы о динамике миграционных потоков по странам происхождения, въезда, выезда и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства, объёмы перемещения и привлечения ИРС, распределение квот по отраслям экономики. В органах УФМС можно получить информацию о выдаче и отказе разрешений на работу иностранным гражданам, распределение иностранной рабочей силы (ИРС) по видам экономической деятельности, отраслям экономики, а также о контроле за соблюдением правил привлечения и выявления фактов незаконного осуществления деятельности ИРС. Органы УФМС представляют информацию и о правонарушениях иммигрантов.

Пограничные Управления по Республике Бурятия и Забайкальскому краю располагают данными по количеству лиц, пересекших государственную границу в пунктах пропуска на российско-монгольской и российско-китайской границе. Материалы данных служб содержат информацию о числе въехавших и выбывших в РФ, мотивах приезда иностранных граждан.

При проведении собственных исследований – опросов среди трудовых мигрантов – мы также сталкивались с определёнными трудностями. Значительная часть иностранной рабочей силы занята в коммерческом секторе, производстве стройматериалов, и не секрет, что большинство из них – это нелегалы. Данное положение подтверждает позиция к исследователям со стороны руководителей предприятий, использующих ИРС. Проведение исследования сопровождалось многими трудностями и барьерами, поскольку иностранные рабочие в значительной своей части находятся в сфере теневого или полутеневого рынка труда. Руководители предприятий крайне неохотно, а фактически за редким исключением, дают возможность исследователям пройти на их объекты, находят массу причин для отказа от встречи с иностранными рабочими. Сами мигранты боятся «всего и вся», большинство из них не знают русского языка и не идут на контакты. Вследствие языкового барьера опрос часто проводился через переводчика. После заверений об анонимности опроса, некоторая часть иммигрантов соглашалась на интервью.

Более открытыми для контактов являются мигранты-предприниматели, однако многие из них также предпочитают не общаться с исследователями. При опросах на рынках, торговых центрах и других предприятиях сферы обслуживания дополнительными источниками информации являлись мнения российских граждан, работающих у иностранных предпринимателей.

Подобное поведение, как трудовых иммигрантов, так и работодателей, вполне объяснимо: им есть что скрывать, и большинство из них «закрыты» для общества. Таким образом, качество официальных статистических данных, проблемы при сборе информации посредством опросов и др. трудности снижают объективное, качественное изучение миграционных процессов.

В. В. Задорин

ПРОВЕРКА ПРАВИЛЬНОСТИ ВЫВОДОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С ПОМОЩЬЮ СРЕДЫ ДЛЯ ОБРАБОТКИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ R²⁷

ЗАДОРИН В. В. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии РАНХиГС. E-mail: formessage15@outlook.com.

Проверка корректности рассуждений является разновидностью интеллектуального анализа социологических данных. Среда для статистических расчётов (в нашем случае – «R») может быть использована для определения правильности выводов социологического исследования как в том случае, когда оно уже проведено, но ещё не перенесено в «R», так и тогда, когда выводы формулируются на основании обработки данных инструментами «R».

Правильным будем называть такой вывод, где заключение логически следует из посылок, т. е. не существует такой интерпретации формы данного вывода, при которой каждая посылка оказывалась бы истинной, а заключение – ложным. Правильные (достоверные) выводы отличаются от правдоподобных (обоснованных) тем, что в последних заключение не следует логически из посылок, но при условии истинности посылок вероятность истинности заключения возрастает.

Форма вывода (умозаключения, рассуждения) – этот тот способ, которым связываются между собой его посылки и заключение или, также, их субъекты и предикаты. Поэтому при исследовании правильности произвольного рассуждения следует остановиться исключительно на способах связи высказываний в его составе (что выступает предметом логики высказываний) или также обратить внимание на то, каким образом связаны между собой субъекты и предикаты этих высказываний (это является предметом логики предикатов). Второй способ является более сложным, т. к. включает два уровня анализа формы выводов, зато предоставляет возможность решить вопрос о правильности тех умозаключений, для которых средств логики высказываний окажется не достаточно.

Договоримся использовать строчные *начальные* буквы латинского алфавита с числовыми индексами или без них для записи **констант**, обозначающих отдельных индивидов социологического исследования, а строчные *последние* буквы также с индексами или без них – для записи **переменных**, пробегающих по данной предметной области; в общем случае вместо переменной можно подставить любую константу. Свойства индивидов рассматриваемой предметной области, или универсума рассуждения, принимаются за одноместные предикаты – функции, добавление к которым имени одного индивида, образует

²⁷ Работа выполнена в рамках реализации научного проекта РФФИ «Реляционное объединение данных разнородных социологических исследований в единый массив и интеллектуальный анализ с применением технологий машинного обучения» (№15-06-02758)

нульместный предикат, или простое высказывание. Отношения между парами, тройками и т. д. предметов принимаются, соответственно, как двух-, трёх- и т. д. местные предикаты, к которым нужно добавить два, три и т. д. имён, чтобы получить простое высказывание. Одноместные предикаты рассматриваются как подмножества универсума рассуждения, а двух- и более местные – как подмножества, соответственно, пар, троек и т. д. элементов данной предметной области. **Предикаты** будем записывать *прописными* буквами из середины латинского алфавита (также, возможно, с числовыми индексами).

В качестве простого примера рассмотрим проверку инструментами R правильности следующего рассуждения: «Допустим, требуется установить, сдал ли зачёт студент Петров или сдал ли экзамен студент Иванов, когда нам известно, что осуществление хотя бы одного из этих событий сопровождается наступлением следующего события – Петров и Иванов играют в футбол, а также известно (например, из наблюдений), что Петров и Иванов играют в футбол». Формализуем это умозаключение по следующему алгоритму:

В составе данного умозаключения выделяются простые высказывания и каждое из задается логическим вектором, члены которого представляют значения Т («истина») и F («ложь»), а их количество определяется по формуле 2^n , где n – количество простых высказываний. В нашей задаче получим:

```
> A <- c(T, T, T, T, F, F, F, F)
> B <- c(T, T, F, F, T, T, F, F)
> C <- c(T, F, T, F, T, F, T, F)
```

Следует учитывать, что расстановка истинностных значений должна отражать попарную несовместимость и полноту интерпретаций, поэтому обычно для первой переменной периодичность чередования значений ИСТИНА и ЛОЖЬ составляет $\frac{1}{2}$, для второй – $\frac{1}{4}$, третьей – $\frac{1}{8}$ и т. д.

Определяется способ связи простых высказываний в посылках и заключении и обозначается соответствующим оператором (! (неверно, что), & (и), | (или), == (тогда и только тогда, когда), XOR (либо)): 1-ая посылка «Если А или В, то С» - $!(A | B) | C$; 2-ая посылка – «С»; заключение – «А | В».

Посылки соединяются конъюнкцией (&), а от посылок к заключению переходим через импликацию («Если ..., то ...»). Поскольку в R нет специального оператора для импликации, принимаем во внимание эквивалентность импликации и дизъюнкции отрицания её основания и утверждения следствия: $!((!(A | B) | C) & C) | (A | B)$

Если формула, выражающая форму рассматриваемого рассуждения, окажется тождественно истинной (т.е. будет принимать значение TRUE (ИСТИНА) при любом наборе значений входящих в его состав высказываний), значит, форма вывода – правильная.

Используя матрицы из среды для статистических расчётов R, получаем заключение о неправильности нашего вывода (последний столбец):

```
> A <- c(T, T, T, T, F, F, F, F)
> B <- c(T, T, F, F, T, T, F, F)
> C <- c(T, F, T, F, T, F, T, F)
> cbind(A,B,C,!((!(A | B) | C) & C) | (A | B))
  A B C
```

[1,] TRUE TRUE TRUE TRUE
[2,] TRUE TRUE FALSE TRUE
[3,] TRUE FALSE TRUE TRUE
[4,] TRUE FALSE FALSE TRUE
[5,] FALSE TRUE TRUE TRUE
[6,] FALSE TRUE FALSE TRUE
[7,] FALSE FALSE TRUE FALSE
[8,] FALSE FALSE FALSE TRUE

Другой вариант (краткий) – после приписывания значений переменным А, В и С ввести в командную строку R формулу, соответствующую форме нашего умозаключения $\neg((A \vee B) \vee C) \wedge C \vee (A \vee B)$ и нажать «Enter». Ответом будет:

[1] TRUE TRUE TRUE TRUE TRUE TRUE FALSE TRUE,

где порядковый номер в строке соответствует порядковому номеру в последнем столбце вышеприведённого варианта.

А. В. Каравай
**ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАБОЧЕГО КЛАССА В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

КАРАВАЙ А. В. – научный сотрудник, Институт гуманитарного развития мегаполиса, Москва. E-mail: kaanva@gmail.com.

Способы распоряжения различными социальными группами населения своими денежными средствами имеют большое значение для испытывающей недостаток инвестиционных ресурсов российской экономики, и острота этой проблемы в результате экономических санкций Запада против России и падения цен на нефть значительно обострилась. Кроме того, понимание ситуации со сбережениями и степенью закредитованности населения, мотивами и характером его финансового поведения позволяет точнее оценить «запас прочности», существующий как у россиян в целом, так и у отдельных социальных групп. Особый интерес в этой связи представляет положение такой относительно низкоресурсной, но очень многочисленной и значимой для экономики и социальной стабильности в стране профессиональной группы, как рабочие.

Изучение рабочего класса в современной социологии ведётся в основном зарубежными исследователями, которые не ограничиваются традиционными представлениями о рабочих, как о лицах физического труда. Наряду с «синими воротничками» – лицам физического труда, в них зачастую включают также «розовых воротничков» – кассиров, продавщиц, приёмщиц химчисток и т. п. В ходе анализа, основанного на материалах общероссийского исследования Института социологии РАН²⁸, мы также рассматривали три группы работников, которые

²⁸ Речь идёт о данных опроса «Средний класс в современной России», проводившегося в феврале 2014 г. с выборкой 1600 человек, репрезентировавшей население страны по регионам проживания, а внутри них – по полу, возрасту и типу поселения.

теоретически могут претендовать на включение в рабочий класс: 1) высококвалифицированных рабочих 5–6 разряда; 2) рабочих средней квалификации и неквалифицированных представителей физического труда; 3) рядовых работников торговли и бытового обслуживания. Остальные работающие были объединены в группу тех, кто занимает профессиональные позиции, традиционно характерные для среднего класса (предприниматели, руководители, профессионалы, полупрофессионалы и самозанятые)²⁹.

Главная проблема, связанная с анализом отношения российских рабочих и населения страны в целом к своим финансовым средствам, заключается в том, что каждый человек имеет своё представление о том, что для него важнее – повышение стандарта жизни, связанное с ростом текущего потребления, или же «чувство уверенности в завтрашнем дне», формированию которого в немалой степени способствует наличие сбережений. При этом выбор между этими двумя приоритетами человек может осуществлять, фактически, только в отношении своих «свободных» средств, т. е. тех средств, которые остаются после трат, необходимых для поддержания привычного для него и присущего его социальному окружению уровня жизни. При такой постановке вопроса можно проверить приоритеты реального использования свободных средств лишь у половины работающих россиян, поскольку в начале 2014 г. именно столько их считало, что имеет свободные средства. При этом готовность к сбережению связана не только с уровнем доходов или наличием свободных средств, но и с профессиональным статусом человека, влияющим на доминирование у него установок на потребление, сохранение или смешанных установок в отношении своих свободных средств (табл. 1).

Таблица 1 Наличие и использование свободных средств в различных группах работающих россиян, 2014 г., % от имеющих свободные средства

Ситуация со свободными средствами	Основные профессиональные группы				Работающие в целом
	Позиции среднего класса (СК)	Высоко-квалифицированные рабочие	Рядовые работники торговли и б/о	Средне- и низко-квалифицированные рабочие	
Имеют свободные средства, и их:					
Сохраняют	35,7	39,1	37,7	45,3	38,0
Тратят и сохраняют	30,9	21,8	22,6	20,9	27,0
Тратят	33,4	39,1	39,6	33,7	35,0
Справочно: нет свободных средств	38,1	57,6	62,1	59,8	49,3
Справочно: уровень медианных доходов (в руб.)	15 000	14 000	11 000	10 000	13 000
Среди имеющих доходы от 1 до 1,5 медиан имеют свободные средства, и их:					
Сохраняют	40,5	37,8	34,8	33,3	38,6
Тратят и сохраняют	33,6	21,6	26,1	23,8	29,4
Тратят	25,9	40,5	39,1	42,9	32,0
Справочно: нет свободных средств	39,6	58,0	52,1	61,8	48,6

²⁹ От вопроса о том, насколько занимающие эти позиции люди могут выступать в условиях России представителями реального среднего класса как особого социального субъекта, мы при этом отвлекаемся. Как и в случае с рабочим классом, речь идёт лишь о так называемом «профессиональном классе».

Из таблицы 1 видно, что представители рабочего класса в меньшей степени, чем остальные работающие, имеют свободные средства. Кроме того, три группы, которые потенциально могут рассматриваться как представители рабочего класса, заметно отличаются по распространённости ориентации только на потребление от представителей профессионального СК. Наконец, рабочие в меньшей степени, чем занимающие профессиональные позиции СК, склонны к выстраиванию сложных финансовых стратегий и использованию свободных средств одновременно и на накопление, и на потребление. При этом и по размерам, и по структуре доходов группа рабочих с высокой квалификацией близка к занимающим позиции СК, а остальные группы рабочих заметно отличаются от них в этом отношении, хотя очень близки друг к другу. Однако размер доходов не сказывается на их отношении к своим свободным средствам, и все подгруппы рабочих чаще выбирают потребление в ущерб сбережениям.

Те же представители рабочего класса, которые всё-таки формируют из своих свободных средств сбережения, не отличаются разнообразием в выборе для этого финансовых инструментов (рис. 1). Чаще всего рабочие либо хранят деньги дома «на чёрный день», либо используют надёжные, но малоодоходные депозиты в Сбербанке. Финансово активное население сосредоточено в основном среди тех, кто занимает профессиональные позиции СК.

Рисунок 1 – Способы сохранения свободных средств, февраль 2014 г., % от имеющих свободные средства представителей групп (допускалось несколько ответов)

Роль профессиональной принадлежности становится ещё более наглядной, если от анализа установок перейти к реальному финансовому поведению. Как видно на рисунке 2, представители профессионального СК в большей степени, чем группы рабочих, имеют сбережения, а не долги. Среди всех групп рабочих при этом доминирует иная модель: у них гораздо шире распространено пассивное финансовое поведение, а среди их представителей с

активным финансовым поведением с огромным перевесом доминируют имеющие долги, а не сбережения.

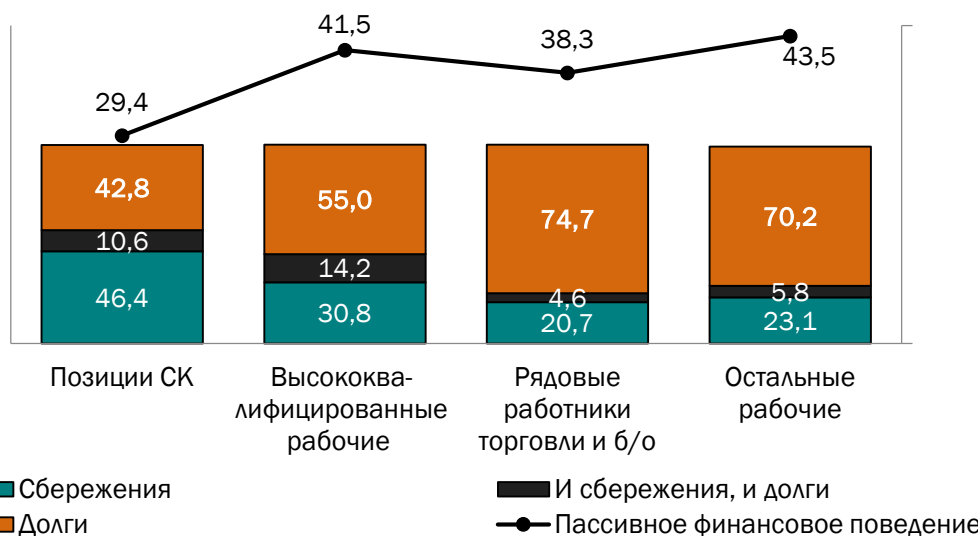

Рисунок 2 – Распределение сбережений и долгов среди укрупнённых профессиональных групп, февраль 2014 г., % от финансово активной части этих групп³⁰

Таблица 2 Структура кредитного портфеля в укрупнённых профессиональных группах, февраль 2014 г., % от кредитовавшихся в последние 3 года

Виды кредитов	Рядовые работники торговли и б/о	Средне- и низкоквалифицированные рабочие	Высококвалифицированные рабочие	Занимающие позиции СК	Работающие в целом
Потребительский, в т. ч. на 31:	78,6	75,3	60,0	59,8	65,3
Быт. технику и компьютер	81,8	89,9	84,2	90,1	87,7
Смартфоны и планшеты	41,9	22,8	26,3	25,8	27,9
Автокредит	25,7	20,4	50,5	43,2	37,9
Ипотека	12,9	15,1	7,4	19,1	15,2
Образовательный	2,9	1,1	1,1	2,9	2,2
Справочно: вообще имели кредиты	49,6	43,5	46,3	47,3	46,6

В структуре долгов работающих россиян преобладают банковские кредиты, правда в рабочей среде довольно велика и долговая нагрузка, связанная с бытовыми займами (долги знакомым и по платежам ЖКХ). К тому же представители рабочих (в большей степени рядовые работники сферы торговли и услуг, в меньшей – высококвалифицированные рабочие) чаще пользуются потребительским кредитованием (табл. 2). И цели их кредитования свидетельствуют

³⁰ На графике для справки отображается также количество финансово-пассивных людей, т. е. тех, кто не имеет ни долгов, ни сбережений. Доля «пассивных» указана от всего состава профессиональных групп в целом.

³¹ Данные по использованию разных видов потребительского кредитования приведены в процентах от группы, вообще использовавшей потребительское кредитование.

о ярко выраженных, особенно у рядовых работников торговли и бытового обслуживания, установках на демонстративное поведение. В частности, их характеризует более активное использование кредитов для покупки планшетов, смартфонов и т. д. (у более «возрастных» и имеющих более высокие доходы высококвалифицированных рабочих в этой роли чаще выступают автомобили).

Такая значительная разница в доминировании как различных установок в отношении своих свободных средств, так и реальных способов распоряжения ими в разных профессиональных группах во многом связана со спецификой их временного горизонта планирования. В профессиональных группах рабочих, в отличие от тех, кто занимает позиции, характерные для представителей СК, большинство вообще не планирует свою жизнь (среди высококвалифицированных рабочих говорят о том, что они вообще не планируют свою жизнь 54%, рядовых работников торговли и бытового обслуживания – 59%, средне- и неквалифицированных рабочих – 63%). На несколько лет среди рабочих её планируют вообще считанные единицы. Та же тенденция сохраняется, если рассматривать однотипные по их доходу или возрасту подгруппы внутри укрупненных профессиональных классов. Такая неготовность планировать будущее сказывается и на других сторонах финансовой активности рабочих, например, они в полтора раза реже используют добровольное страхование, чем россияне, занимающие профессиональные позиции, характерные для СК (40% против 60% соответственно).

Таким образом, у всех трёх профессиональных групп рабочих наблюдаются общие установки и паттерны поведения в финансовой сфере. Ориентированные обычно на то, чтобы жить «сегодняшним днем», представители данных групп чаще наращивают потребление в ущерб сбережениям, больше готовы ради максимизации потребления «залезать в долги», а также больше склонны к демонстративному потреблению. В целом же можно говорить о том, что установки и паттерны поведения в финансовой сфере отличают рабочих и от занимающих позиции СК, и от населения страны в целом, включая неработающих россиян.

И. В. Лашук

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ЛАШУК И. В. – кандидат социологических наук (канд. социол. наук), доцент, зав. центром социологии культуры и социальной сферы ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси». E-mail: lashuki@tut.by; lashuki74@gmail.com.

В данной работе мы представим собственное концептуальное определение понятия «жизненные стратегии социокультурного поведения» на базе следующих теоретико-методологических оснований:

1. Культурсоциологический подход

В основе данной работы лежат теоретические положения, которые разрабатываются сегодня в рамках культур-социологического направления, основателем которого признан Дж. Александер. На фоне целого ряда подходов, разворачивающих социологическое рассуждение

«о культуре», этот исследовательский проект выделяется тем, что рассматривает культуру не как один из объектов социологического анализа, а как наиболее важную характеристику социального, определяющую базовый модус социологического рассуждения. Иными словами, культура, указывая на определённое видение социальной реальности, предстаёт в качестве организующего принципа, формирующего теоретическую оптику социологического исследования, а подход в целом обретает статус общей социологической теории, в противоположность концепциям, которые более корректно рассматривать как версии социологической субдисциплины «социологии культуры».

Не вдаваясь подробно в историю и предпосылки возникновения данного дискурса в социальной теории (это предмет отдельной работы), отметим, что существуют принципиальные различия между традиционно понимаемой социологией культуры и культур-социологией. Главное отличие последней заключается в том, что культура уже не рассматривается как предмет специальной социологической теории (как это делается в социологии культуры), речь идёт об изучении культуры на метатеоретическом уровне. Тем самым культур-социология претендует на статус фундаментального знания об обществе, где само социальное трактуется и интерпретируется в терминах культурного.

2. Социоанализ П. Бурдьё

Для нашего анализа важными являются два основных тезиса социоанализа П. Бурдьё:

- Социальная реальность рассматривается как многомерное пространство, включающее различные поля (политическое, экономическое, социальное, культурное и т. д.) – социальная топология пространства.
- Различие между *эмпирическим индивидом* (наблюдаемым в обыденном опыте) и *эпистемическим индивидом* (сконструированным исследователем в целях анализа).

3. Типологический подход к культуре (В. Л. Абушенко)

Следуя культурсоциологической методологии, социолог В. Л. Абушенко выделяет несколько основных концептуализаций феномена «культура» в современном социогуманитарном знании: предметный, деятельностный, ценностный (аксиологический), технологический, символический, игровой, текстовый, коммуникативный, субъектный, организационно-диалоговый подходы. Среди выделенных автором 10 перспектив концептуализации феномена «культура» фокус нашего внимания сосредоточен на аксиологическом и деятельностном понимании феномена «современная культура». Суть нашей концептуализации заключается в следующем: *в основании различного рода культурных выборов индивидов и групп лежат ценностные приоритеты. Однако существуют они не сами по себе, а в связке с деятельностным компонентом в том смысле, что реализуются в реальной практической деятельности людей и закрепляются в повторяющихся моделях поведения.* Не претендуя на универсальность, данный подход является одной из возможных концептуализаций культуры в конкретном научном проекте.

4. Современное общество конструируется нами как «общество потребления», которое является одним из форм макро- социокультурного поля и, соответственно, обладает силовым воздействием на «втянутых» в него индивидов.

«Общество потребления» в нашем понимании представляет собой социокультурное поле, имеющее силовой характер по отношению к попавшим в его пределы индивидам. Основной

ценностью является потребление, которое проявляется в различных жизненных ситуациях взаимодействия и закрепляется в повседневных моделях поведения.

Итак, концепт «жизненные стратегии социокультурного поведения» в рамках представленных методологических оснований базируется на следующих положениях:

- 1 Мы берём в основу веберовское представление о социальном действии и его осмысленности действующим субъектом, с одной стороны, с другой – используем метод построения «идеальных» типов стратегий поведения, отражающих не «объективную» реальность, а основные тенденции социума, в котором живут и действуют осмысливающие субъекты.
- 2 Мы концептуализируем социальное пространство в терминах П. Бурдьё, предполагая, что оно состоит из различных полей, в каждом из которых «играют» свои козыри в форме капиталов. Капиталы могут выступать в объективированной и инкорпорированной формах.
- 3 Каждое поле является в той или иной степени социокультурным.
- 4 Вслед за феноменологами мы предполагаем, что люди взаимодействуют в конкретных именно для них жизненных ситуациях, в которых они и делают свой выбор.

Жизненные стратегии социокультурного поведения в современном обществе потребления представляют собой *«чистые» (идеальные) типы стратегий поведения «агентов», имеющих различные капиталы и делающих свой выбор в жизненных ситуациях конкретного поля, являющегося в той или иной степени социокультурным.* Иными словами стратегии поведения формируются и проявляются в жизненных ситуациях в различных полях – экономическом, политическом и др., каждое из которых является в той или иной степени социокультурным.

Л. В. Рожкова, В. А. Белашов
КОМПЬЮТЕРНАЯ ОБРАБОТКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРОГРАММЫ «SOCIOLOGY»

РОЖКОВА Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Экономическая теория и международные отношения» Пензенского государственного университета. E-mail: mamaeva_lv@mail.ru.

БЕЛАШОВ Владимир Александрович – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Технология машиностроения» Пензенского государственного университета. E-mail: belcomp2012@yandex.ru.

Для проведения анализа массива данных социологи используют различные математические методы, которые позволяют проводить всесторонний анализ собранной социальной информации. С этой целью в социологии применяются компьютерные программы математико-статистической обработки данных. Стандартные статистические методы обработки данных включены в состав электронных таблиц, например, Excel, однако значительно

большими возможностями обладают специализированные статистические пакеты, которые подразделяются на профессиональные – для пользователей с хорошим знанием методов математической статистики и пакеты для пользователей, не имеющих глубокой математической подготовки [1]. Как справедливо отмечают Е. Ю. Мальцева, Е. В. Молчанова, Н. В. Чернухина, сегодня не существует универсальных инструментов для реализации социологических исследований на всех его стадиях. На разных этапах используются различные программные (от текстовых процессоров до статистических пакетов) и аппаратные (от сотовых телефонов до современных компьютеров) средства. Поэтому, социологам, или приходится работать со средствами, требующими специальных знаний, или привлекать к работе специалистов сферы информационных технологий [2]. Среди специализированных программных средств наиболее распространены статистические программы Statistica, SPSS и некоторые др., в рамках которых реализуются многочисленные статистические функции: факторный, кластерный, регрессионный, многомерный анализ, возможна визуальная интерпретация полученных результатов исследования. Однако эти программы являются достаточно сложными, а потому их использование возможно только после глубокого изучения программного продукта [3; 4]. Часто коллективы социологов используют в работе несколько программных продуктов. Например, ввод и первичная обработка данных производится в более простых программах «Vortex», «Статистик-Консультант», «СтатЭксперт», «Эвриста» и др., а последующая обработка – в пакетах Statistica, SPSS. Обобщая возможности разных программ для обработки социологических данных, отметим, что их выбор осуществляется социологами исходя из легкости освоения программы, удобства управления данными, скорости произведения вычислений, графических возможностей.

С целью обеспечения продуктивного анализа увеличивающихся объёмов информации, и соответственно сложностью в их обработке, в 2014 г. В. А. Белашовым разработана и находится на стадии тестирования российская программа для ввода и обработки данных социологических исследований «Sociology». У этого программного продукта есть ряд существенных достоинств. Система является специализированным инструментом, разработанным специально для социологов. Программа легко устанавливается на ПК и осваивается исследователем. Она позволяет выполнять все действия (процессы), начиная от подготовки данных в виде анкет до получения результатов социологического анализа. Программа «Sociology» позволяет выполнять, как одномерный, так и многомерный анализ. Обработка анкет (ответов респондентов) полностью автоматизирована, поскольку программа автоматически распознаёт ответы респондентов. После заполнения анкет респондентами они сканируются средствами системы «Sociology» или загружаются в систему в виде графических файлов, созданных в других системах сканирования с использованием распространённых графических форматов tif, gif, jpg, bmp и др.

При использовании программы «Sociology» процесс социологического опроса представляется следующими этапами. На первом этапе в системе создаётся структура анкеты, включающая вопросы и варианты ответов. Анкеты хранятся в базе данных и могут быть заимствованы при создании новых анкет. На втором этапе система позволяет распечатывать анкеты отдельными листами или «комплектами» (все листы одной анкеты), предусмотрена печать до 10000 комплектов (анкет). Третий этап состоит собственно в опросе респондентов, в ходе которого осуществляются отметки в зарезервированных системой полях вариантов ответов. На четвёртом этапе осуществляется сканирование заполненных анкет. В связи с тем, что в системе все листы анкеты помечаются (кодируются) специальными штрих-кодами,

сканирование листов может осуществляться в произвольном порядке. На пятом этапе проводится автоматическое распознавание ответов респондентов. В среднем скорость распознавания составляет 1 лист в секунду. При распознавании система отбраковывает листы, не принадлежащие текущему опросу. На шестом этапе осуществляется представление результатов опроса. В системе результат представляется в виде таблиц, диаграмм, графиков. Для управления процессами обработки статистической информации используется простое лингвистическое обеспечение (язык вывода результатов исследования, адаптированный к социологической терминологии), с помощью которого социолог может определять структуру таблицы, типы представления данных (процентные, абсолютные значения), выбирать виды графической информации. Результаты представляются в виде Excel файлов.

В «Sociology» все операции максимально визуализированы, реализованы с помощью удобного графического интерфейса. В процессе совершенствования системы она может дополняться другими функциональными возможностями.

Литература

- 1 Борисова С. Ф. Компьютер и Интернет для социолога. Новгород: ПРИОР, 2002.
- 2 Мальцева Е. Ю., Молчанова Е. В., Чернухина Н. В. Выбор адаптивного инструментария при проведении социологического исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. Вып. № 10.
- 3 Пациорковский В. В., Пациорковская В. В. SPSS для социологов. М.: ИСЭПН РАН, 2005. 433 с.
- 4 Крыштановский А. О. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS / А. О. Крыштановский; ГУ-ВШЭ. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006. 281 с.

Е. Г. Шевелев

**КРАУДСОРСИНГ ДЛЯ SMART DATA:
ЦИФРОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ТРАЕКТОРИИ КОНСОЛИДАЦИИ
 ГИБРИДНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА³²**

ШЕВЕЛЕВ Егор Геннадьевич – приглашённый исследователь ШГИ РАНХиГС. E-mail: egoriyshevelev@gmail.com.

Совсем недавно отшумевший (а в отдельных областях знаний ещё продолжающийся) бум big data довольно быстро был осмыслен критически настроенными представителями цифрового гуманитарного сообщества как мало соответствующий с точки зрения методологии тем принципам, которые исповедуют исследователи разных направлений, работающие в гуманитарной парадигме. Тем не менее, вопросы, которые актуализировали разработки в области big data, позволили под новым углом взглянуть на современные пути и способы работы

³² Исследование проводится приглашённым исследователем ШГИ РАНХиГС при поддержке Фонда Михаила Прохорова (Карамзинская стипендия 2015) в рамках коллективного проекта «Краудсорсинг в гуманитарных исследованиях: новые технологии и коммуникативные режимы производства знания в цифровую эпоху» (руководители А. Л. Зорин, Г. А. Орлова).

с качественными данными в цифровой среде. Некоторые теоретики в связи с особенностями тех способов хранения и обработки данных, которые актуальны для оцифрованного гуманитарного знания, говорят о smart data. Умные данные, в противовес большим, предельно структурированы, аннотированы, содержат в себе также и метаданные, в т. ч. и о контекстах, в которых были получены [1].

Базы данных, реализующие в себе принципы smart data, требуют принципиально новых решений в области обработки и интерпретации материала. На стыке аналитической работы человека и машины рождаются новые исследовательские практики. Одной из таких практик стал краудсорсинг, который очень быстро из сферы бизнеса и политического администрирования пришел и в научные проекты, в т. ч. и гуманитарные.

В настоящее время активные работы по запуску исследовательского краудсорсинга ведутся на площадке Обнинского цифрового проекта, посвящённого НТРовцам г. Обнинска, которые в 60–70 годы XX в. закладывали основу отечественной ядерной науки (руководители проекта: Андрей Зорин и Галина Орлова). На сегодняшний день в рамках проекта собран большой гетерогенный массив данных, среди которых — транскрипты интервью, оцифрованные газеты и фотографии. Материалы готовятся к открытой публикации с применением наиболее прогрессивных технологий в области хранения и исследовательской обработки данных. Фактически, речь идёт о создании на основе формируемой базы умных данных открытой исследовательской платформы. Поскольку, с одной стороны, весь спектр задач по обработке и подготовке имеющихся материалов принципиально не может быть решён машинными средствами, а с другой – объёмы собранных материалов настолько велики, что не могут быть обработаны узкой группой сотрудников проекта, применение краудсорсинга в проекте видится перспективным для более эффективного и интенсивного освоения собранного в рамках проекта массива данных. Таким образом, вопросы, на которые мы ищем ответы в рамках представленного исследования, имеют не только теоретическое, но и прикладное значение: полученные результаты будут использованы для оптимизации краудсорсинга в Обнинском цифровом проекте.

Применение технологий краудсорсинга для обработки и интерпретации умных данных ставит ряд проблем как концептуально-методологического, так и прикладного плана. Нас в рамках представленного исследования особенно интересует проблема перераспределения экспертных функций и их делегирования неопределённому сообществу в режиме облачного производства качественного знания, а также то, каким образом режимы такого распределения конфигурируются со стороны посредника – цифровой площадки, организующей и инструментализирующей аналитические усилия краудсорсеров. Роль такой площадки мы проблематизируем в соответствии с методологическими установками digital humanities второй волны, рефлексируя то влияние, которое код, интерфейсы, сети и другие аспекты цифры оказывают на реализуемые с их участием социальные практики.

Стюарт Данн [2], определяя краудсорсинг, указывает, что, если краудсорсинг в бизнес-проектах чаще всего описывают в терминах производства, то научный краудсорсинг идеологически тяготеет к волонтерству в науке. Продолжая эту идею, другие авторы [3] указывают на сложности, возникающие в той зоне, где происходит сближение дисциплинарных полей, а также любительского и профессионального знания. Особенно актуальной эта проблема видится в условиях, когда задачи для участников краудсорсинга мало сегментированы, и стандартизированы (что диктуется спецификой smart data). Для того, чтобы отследить влияние особенностей организации цифровой площадки краудсорсинга на подобного рода

конвергенцию, а также рассмотреть эффекты распределённого производства знания в различных цифровых средах, мы обращаемся к анализу существующего опыта цифровых гуманитарных исследовательских проектов, в той или иной мере использующих краудсорсинг как модель производства знания. Мы анализируем то, каким образом конкретные цифровые платформы со своими специфическими архитектурами и техническими решениями, с одной стороны, задают траектории освоения методами краудсорсинга цифровых баз данных, а с другой — формируют специфические режимы разделённого производства знания в гибридном экспертном сообществе, которое уже не может быть однозначно охарактеризованным с точки зрения набора его профессиональных компетенций или дисциплинарных рамок. В докладе будут представлены основные результаты этого анализа.

Литература

- 1 Schoch Ch. Big? Smart? Clean? Messy? Data in the Humanities // Journal of Digital Humanities. 2013. Vol. 2. No. 3.
- 2 Dunn S. & Hedges M., Crowd-Sourcing in the Humanities / Connected Communities. URL: <http://www.ahrc.ac.uk/Funding-Opportunities/Research-funding/Connected-Communities/Scoping-studies-and-reviews/Documents/Crowd%20Sourcing%20in%20the%20Humanities.pdf>.
- 3 Carletti L., McAuley D., Price D., Giannachi G., Benford S. Digital Humanities and Crowdsourcing: An Exploration // MW2013: Museums and the Web 2013. URL: <http://mw2013.museumsandtheweb.com/paper/digital-humanities-and-crowdsourcing-an-exploration-4/>.

Ю. Р. Вишневский, Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин, Е. И. Пронина
ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ СОЦИОЛОГОВ
ВСЕРОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ

ВИШНЕВСКИЙ Ю. Р. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социология и социальные технологии управления» УрФУ (УГТУ–УПИ) им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Региональный вице-президент РОС. E-mail: soc_stu@e1.ru.

ДУЛИНА Н. В. – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета, председатель Волгоградского отделения РОС. E-mail: nv-dulina@yandex.ru.

ИКИНГРИН Е. Н. – кандидат социологических наук, заслуженный деятель науки ХМАО-Югры, доцент кафедры «Социально-культурного сервиса и туризма» Нижневартковского государственного университета, Первый федеральный вице-президент РОС. E-mail: ikingrinen@mail.ru.

ПРОНИНА Е. И. – старший научный сотрудник Института социологии АН РАН (г. Москва), Исполнительный вице-президент РОС. E-mail: pronina@isras.ru; oxa_pro@mail.ru.

Проблема организации и проведения всероссийских исследований для нашей страны как никогда актуальна. Однако проведение подобного рода исследований сопряжено со многими сложностями и трудностями, как в силу масштабов территории страны, её географического и культурного многообразия, так и из-за социально-экономических условий, как принято говорить, текущего момента.

Одним из возможных путей решения данной проблемы нам видится в привлечении исследователей разных регионов страны к решению поставленной исследовательской задачи. Российским обществом социологов (РОС) накоплен достаточно богатый опыт в организации и проведения подобного рода исследований (см., например, [6, 7, 14] и др.). Обратим внимание, что заметное преимущество РОС перед другими объединениями социологов при проведении исследований такого масштаба заключается не столько в том, что РОС – это одно из старейших профессиональных объединений социологов, сколько в том, что РОС – это: а) наличие 71 регионального отделения по всей России с общим количеством индивидуальных членов (более 4000 человек); б) действенная поддержка у руководства РОС и её президента В. А. Мансурова; в) наличие тесных контактов между региональными отделениями, причём не только через Президиум, но и на напрямую; г) профессиональный интерес; д) активная социальная позиция и, наконец, е) профессионализм коллег-социологов в регионах.

Следует обратить внимание, что исследования эти всегда инициативные, т. е. у них нет заказчика, и ключевым ресурсом в таких исследованиях является не финансовое обеспечение проекта, а наличие профессионального, исследовательского интереса его участников. Как правило, такие исследования проводятся по актуальным проблемам, в условиях «быстро ускользающей» природы, когда необходимо зафиксировать наличие каких-либо социальных явлений и отношение к ним населения.

Результаты таких исследований становятся общественным достоянием – выносятся на публичное обсуждение (а порой являются и «стартовым материалом» для публичной дискуссии), представлены в публикациях (см., например, [1, 2, 3, 4, 9, 13] и др.), а также размещены на сайте РОС. Все участники исследования имеют доступ к полученным данным либо в электронном виде, либо в виде сводных таблиц (см., например, [5]).

Исследованием такого формата в прошлом году стал проект «XXII Зимняя Олимпиада и XI Зимняя Паралимпиада глазами россиян, Сочи–2014» (соруководители проекта Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин). Всего опрошено 2424 человека. Территория исследования весьма обширна – 35 наименований различных поселений (в основном, конечно же, городов) страны. Творческий коллектив, который организовал и провёл это исследование «на местах», включал в себя более полусотни человек. Результаты исследования уже достаточно широко представлены в открытой печати (см., например, [8, 9, 10, 11, 12] и др.). Надеемся, что публикации участников проекта, не только смогли передать настроение и отношение жителей страны к белой Олимпиаде и Чёрному морю, но и сохранили богатый эмпирический материал для последующих научных изысканий.

Особым (и следует сказать, первым) в ряду других проектов, инициированных РОС, следует назвать исследование «Российское студенчество о Великой Отечественной войне», первая волна которого была проведена в канун 60-летия Великой Победы (в марте 2005 г.). Руководитель проекта – Ю. Р. Вишневский (г. Екатеринбург). Тогда было опрошено более 2000 студентов из разных регионов России. В 2010 г. к 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне исследование повторили. В этой, второй волне проекта, приняли участие более 3500 студентов 36 вузов из 15 городов России. В настоящее время завершается очередная волна этого проекта. Предварительные данные, полученные в ходе этого исследования, уже сулят много неожиданного даже для самих инициаторов проекта. Полевой этап исследования планируется завершить в марте, первые результаты доложить к маю месяцу этого года.

Перечень проектов, реализуемых членами РОС на инициативной основе, можно ещё долго продолжать (см., [3, 4, 13] и др.). Главное, как мы полагаем, в другом. Проведение подобного рода исследований приобретает особый статус не только тем, что позволяет в короткие сроки получить достаточно большие массивы данных. Главное всё-таки – это поддержание исследовательского и профессионального интереса социологов, живущих и работающих в регионах, возможность почувствовать ими свою «включённость» в общее большое дело, имеющее большую социальную значимость.

Литература

- 1 «Война была ... вчера». Российское студенчество о Великой Отечественной войне / коллек. авторов под. общ. ред. Ю. Р. Вишневского и В. Т. Шапко // Актуальные проблемы социологии и менеджмента: Общество – управление – образование – молодёжь – культура. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «XV Уральские социологические чтения «Возрождение России: общество – образование – культура – молодёжь» Посвященной 60-летию Великой отечественной войне и 80-летию Уральского государственного технического университета». Выпуск 7. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2005. С. 3–10.

- 2 «Война была ... вчера». Российское студенчество о Великой Отечественной войне / коллек. авторов под. общ. ред. Ю. Р. Вишневого и В. Т. Шапко // Новый ковчег. 2005. № 2. С. 8–13.
- 3 Гражданская культура современного студенчества / Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию ССА-РОС (Екатеринбург, 14 ноября 2007 г.). Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2007.
- 4 Гражданская культура современного российского студенчества / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, В. Т. Шапко. Екатеринбург: Маска, 2007. 312 с.
- 5 Давыдова С. А., Дулина Н. В., Икингрин Е. Н., Коричко А. В., Коричко Ю. В., Лубышева Л. И. Олимпийские игры в Сочи в оценках и мнениях населения страны // Теория и практика физической культуры. 2014. № 12. С. 34–37.
- 6 Дулина Н. В., Икингрин Е. Н. Справочные материалы по социологическому исследованию «XXII Зимняя Олимпиада и XI Зимняя Паралимпиада глазами россиян, Сочи–2014» (март–май 2014 г.) // Дети и общество: социальная реальность и новации. Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации. Москва: РОС, 2014 г. С. 1350–1372.
- 7 Дулина Н. В., Икингрин Е. Н., Пронина Е. И. Опыт участия региональных отделений российского общества социологов во всероссийских исследованиях изучения общественного мнения // Дети и общество: социальная реальность и новации. Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации. Москва: РОС, 2014 г. С. 1373–1379.
- 8 Дулина Н.В., Каргаполов С. В., Каргаполова Е. В. Менталитет молодежи в условиях социокультурной модернизации // Модернизация полиэтнического макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября, 2014 г.). Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 41–46.
- 9 Дулина Н. В., Токарев В. В. Олимпийский проект «Сочи-2014» как фактор развития имиджа региона (по итогам конкретного социологического исследования) // Имидж в стратегии инновационного развития регионов России: сб. науч. ст.: матер. всерос. науч.-практ. конф. (19–21 июня 2014 г.) / ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ», Волгоградский филиал. Волгоград, 2014. С. 262–266.
- 10 Икингрин Е.Н., Дулина Н. В., Пронина Е. И. «Белая Олимпиада» у Черного моря: нужна ли она детям? (по итогам Всероссийского социологического исследования) // Дети и общество: социальная реальность и новации. Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации. Москва: РОС, 2014 г. С. 485–496.
- 11 Каргаполова Е. В., Пальмова Е. В., Иванникова Е. С. Олимпиада в Сочи глазами студентов (опыт социологического исследования) // Потенциал интеллектуально одаренной молодежи – развитию науки и образования: материалы III Международного научного форума молодых учёных, студентов и школьников 21–25 апреля 2014 г. Астрахань: ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2014. Т. 1. С. 254.

- 12 Коган Е. А. Олимпийские игры в Сочи: отношение и оценки студенческой молодежи // Девятые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 14-15 ноября 2014 года. СПб.: Скифия-принт, 2014. С. 1209–1212.
- 13 Студенчество стран ШОС: социокультурное измерение: материалы международных молодежных социологических чтений. Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2009. 311 с.
- 14 Dulina Nadezhda V. Ikingrin Elena N. , Pronina Elena I. Russian Society of Sociologists Regional Offices Experience of All-Russia Public Opinion Research // Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology. Moscow, 2014. P. 337–343.

З. А. Данилова

К МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА³³

ДАНИЛОВА З. А. – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории региональных экономических систем Байкальского института природопользования СО РАН (БИП СО РАН). E-mail: ziha@mail.ru.

Глобальные изменения климата, увеличение частоты экстремальных погодных явлений, стихийные бедствия и др. негативные явления наносят существенный урон экосистеме озера Байкала. Разрушительное воздействие на окружающую среду оказывают и промышленные разработки без учёта фактора экологии, особенно в горнодобывающей отрасли, рост дикого туризма. Важным представляется выявить уровень управления природоохранной деятельностью, профессиональной компетентности эколого-образовательного потенциала, менеджеров, специалистов природоохранных организаций региона.

Новизна исследования заключается в том, что проблема самооценки эколого-образовательного потенциала, в том числе и трансграничного бассейна озера Байкал, не получила освещения в научной литературе. Изучением самооценки в основном занимались педагоги и психологи. Самооценка специалистов отчасти изучена и в контексте управления персоналом, изучения профессиональной деятельности при поступлении на работу.

В целях выполнения проекта нами разработана методология оценки потребностей в образовании и обучении персонала природоохранных организаций, проведены обследования и обучающие семинары целевых групп в сфере управления природными ресурсами.

Уровень потребности в дополнительном обучении специалистов в комплексном управлении природными ресурсами (КУПР) проводился на основе метода самооценки. Процесс самооценки позволяет организации лучше осознать свои сильные и слабые стороны, определить области деятельности, совершенствование которых может привести к продвижению в развитии. Основная задача при проведении самооценки – выявить уровень профессиональной компетенции специалистов природоохранных организаций, уточнить дополнительные их потребности в информации и обучении. Гипотеза исследования –

³³ Обследование проведено при грантовой поддержке Программы развития ООН (ПРООН) Глобального экологического фонда «Комплексное управление природными ресурсами трансграничной экосистемы бассейна Байкала». «Integrated Natural Resource Management in the Baikal Basin Transboundary Ecosystem». 2011–2015 гг. Автор является экспертом по обучению в проекте.

уязвимость правовых, образовательных основ для комплексного управления природными ресурсами в трансграничном бассейне Байкала снижает эффективность деятельности организаций, занимающихся охраной окружающей среды.

В предлагаемом сообщении использованы материалы обследований, проведённых автором в течение 2012–2013 гг. среди специалистов и руководителей организаций Республики Бурятия (РБ), осуществляющих природоохранные функции. При помощи разработанных анкетных листов, матриц потребностей в обучении целевых групп проведены полустандартизированные интервью со специалистами (n=62) и руководителями природоохранных организаций РБ (n=29). Один и тот же респондент заполнял последовательно анкету, затем матрицу потребностей. Последняя направлена на более глубокое изучение и наглядное представление проблемы. Матрица потребностей раскрывает картину профессиональных возможностей специалистов, иллюстрирует их уровень компетенции в соответствующих знаниях и навыках.

Для руководителей и специалистов представлялись разные опросные листы. В число первой категории лиц вошли менеджеры высшего звена управления, а также руководители крупных подразделений организаций и ведомств Республики Бурятия. Опросные листы для руководителей были преимущественно направлены на выявление общего положения в управлении природоохранной деятельностью, стратегий развития организации, специалистов – изучение профессиональной компетенции в рамках своих полномочий.

При обследовании руководителей применялась преимущественно сплошная выборка, специалистов – вероятностная выборочная совокупность, с учётом функциональных обязанностей. Анкета для руководителей состояла из 19 вопросов, специалистов – 57, матрица потребностей – 71. Вопросы в анкетах были открытые и закрытые, в матрице – только закрытые.

Медианный возраст руководителей составляет 52 года, специалистов – 38 лет. Как правило, они имеют высшее образование, некоторые второе высшее образование и учёные степени, то есть являются одним из наиболее образованных социальных слоёв региона. Средний стаж работы в области охраны окружающей среды у многих менеджеров достаточно высок, варьируется от 10 до 20 лет, у отдельных руководителей – до 40 лет. У большинства специалистов средний стаж работы несколько ниже – от 5 до 15 лет.

В процессе подготовки инструментария исследования руководствовались направлениями, изложенными в проектом документе Глобального Экологического Фонда «Комплексное управление природными ресурсами трансграничной экосистемы бассейна Байкала» [1]. В указанном проекте определены *основные сферы для наращивания эколого-образовательного потенциала*: 1) комплексное бассейновое планирование и управление, 2) геоинформационная система и территориальное планирование, 3) разработка документации по оценке воздействия на окружающую среду (ОВОС), 4) разработка системы мониторинга окружающей среды и её управление, 5) соблюдение нормативов в области качества воды и биоразнообразия.

Результаты исследования отражены по следующим разделам: основные экологические угрозы и характеристика природоохранных организаций, выявление их преимуществ и недостатков; уровень профессиональной компетенции специалистов в знаниях, навыках при проведении исследований по охране и управлению окружающей среды, человеческими ресурсами. Первый раздел представлен на основе интервью руководителей, другие разделы – опросах специалистов, работающих в сфере охраны окружающей среды.

При обследовании выявлен достаточно широкий круг проблем в функционировании природоохранных организаций региона. Наиболее существенным среди них является отсутствие комплексных подходов в управлении природными ресурсами бассейна озера Байкал, несовершенство нормативно-правовой базы по охране окружающей среды. Слабо осуществляется информационный обмен между природоохранными учреждениями и организациями. Ахиллесовой пятой для организаций служит дефицит эколого-образовательного потенциала по отдельным направлениям в области управления и защиты окружающей среды. Подтвердилась наша гипотеза о том, что существующие пробелы в нормативно-правовых, образовательных основах в сфере управления природными ресурсами снижают эффективность деятельности организаций.

Несмотря на то, что специалисты обладают определенными знаниями, умениями и навыками в природоохранной деятельности, уровень своей профессиональной компетенции большинство из них оценивает, как недостаточный. Потребность в дополнительном образовании у респондентов высока, особенно в наработке практических навыков, овладении новыми методами исследования. Важным представляется получение знаний при осуществлении контроля за качеством окружающей среды, расчёте ущербов от хозяйственной деятельности на водные ресурсы с учётом фактора озера Байкал, применения системы нормирования антропогенного воздействия на окружающую среду, а также оценке проблем и путей их решения.

В рамках своих полномочий специалисты должны использовать современные методы анализа картографической информации, а также моделировать процессы динамики компонентов природной среды, разрабатывать механизмы внедрения нормативных документов, регламентирующих природосберегающее и экономически эффективное водопользование и др. Целесообразно персоналу организаций дополнить знания по проектному менеджменту, планированию и организации эффективной работы; методике оценки технических проектов; коммуникационным навыкам и др. Акцент в образовании должен быть сделан на применение новых методов и технологий.

Результаты исследования использовались Офисом ООН по обслуживанию проектов Глобального экологического фонда при составлении отчетов по проекту «Комплексное управление природными ресурсами трансграничной экосистемы бассейна Байкала».

Литература

- 1 Проектный документ «Комплексное управление природными ресурсами трансграничной экосистемы бассейна Байкала» Глобального экологического фонда. URL: <http://baikal.iwlearn.org/ru/proekt> (25.02.2012).

Ш. Ф. Фарахутдинов **ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ** **ВУЗОВСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ**

ФАРАХУТДИНОВ Шамиль Фаритович – кандидат социологических наук, зав. лаб. изучения общественного мнения Тюменского государственного нефтегазового университета. E-mail: fshamil@mail.ru.

Состояние профессиональной среды является важной составляющей общей характеристики профессии, её статуса в обществе. Окружающие человека общественные, материальные и духовные условия его деятельности во многом определяют темпы и характер его роста. В то же время под влиянием творческой активности, деятельности человека сама среда изменяется, преобразуется. Такое взаимовлияние в полной мере актуально и для вузовской социологии. В этой связи оценка текущего состояния профессионального вузовского социологического сообщества представляет теоретическое и эмпирическое значение.

Профессиональная деятельность активно влияет на личность, её развитие. Эта проблема была поднята ещё в начале XX в. Питиримом Сорокиным с целью обозначения феномена, который он назвал профессиональной деформацией [8, с. 198]. В России вузовскую социологию можно охарактеризовать как сферу, которая связана не только с преподаванием, но и исследованиями. Она выступает ярким представителем целостности человеческой деятельности, образуя единство интеллектуального, творческого и исполнительного компонентов.

Оценивая роль профессиональной среды как совокупности условий деятельности, необходимо учитывать различный характер их проявления. В этом плане встаёт проблема выделения и оценки внешних и внутренних факторов, влияющих на общее состояние вузовского социологического сообщества, что косвенно влияет на состояние социологии в стране в целом. Редукция этих факторов в эмпирические показатели может лечь в основу методологии исследования рассматриваемой профессиональной группы.

1. Научные школы. Фактором успешного функционирования вузовской науки является наличие научной школы. Являясь особой формой кооперации научной деятельности, школа обеспечивает преемственность научного знания и создает оптимальные условия для его развития. Т. И. Заславская определяла социологическую научную школу как сообщество, занимающее определённую нишу в науке, воспроизводящее себя в новых поколениях специалистов и отличающееся определённой методологией [11, с. 63].

Научные школы в гуманитарных науках имеют ряд особенностей. Т. В. Захарчук характеризует их как обладающие неопределенностью научных знаний, сочетающуюся с низкой взаимной зависимостью учёных, что приводит к появлению большого числа автономных школ. По её мнению, гуманитарные исследования с трудом поддаются коллективным способам деятельности, поэтому для них характерна индивидуалистичность и субъективность. Отсюда вытекает и нечеткость школ в гуманитарных науках [3, с. 97]. Несмотря на сказанное, представляется, что подготовка научных кадров и исследовательская составляющая в рамках единой парадигмы могут оказывать существенное влияние на развитие социологии на локальном уровне, тем самым внося свой вклад в общее развитие дисциплины. Таким образом, выявление количественных и качественных характеристик научных школ и направлений в социологии является важной задачей.

2. Научная литература. Социологическая периодика служит важным показателем институционализации социологии, её зрелости. Формируя свое культурное поле через публикации, вузовское социологическое сообщество, увеличивает символический капитал [5, с. 6]. В то же время, в вопросах, связанных с социологической периодикой существует ряд проблем, обусловленных их качеством. В исследовании, проведенном Ю. М. Баскаковой,

показаны такие особенности публикаций в российских политологических и социологических журналах, как единоличность авторства, невысокая интенсивность научной дискуссии, репрезентация вместо аккумуляции, высокая аффилиация журналов с отдельными вузами, высокая роль постоянных авторов, сетевая изолированность [1].

Исследуя роль профессиональной литературы, было бы ошибочно делать акцент только на периодике. Важно охватить и другие формы публикаций. Нужно учитывать также, что научная литература важна как для авторов, профессионально работающих со значимой социальной проблематикой, так и для аудитории, вовлечённой в мир социологической информации. Поэтому изучению необходимо подвергнуть не только публикационную активность, но и специфику использования научной литературы.

3. Социологическое образование. Статусные позиции той или иной научной сферы в обществе во многом определяются качеством и эффективностью специалистов, осуществляющих свою деятельность в практической плоскости. Экстраполируя данный тезис на рассматриваемую сферу, отметим, что качество будущих социологических исследований, а, следовательно, и статус социологии как науки прямо связаны с качеством образования современных студентов-социологов. Важно также отметить, что гуманитарная составляющая образования студентов, не являющихся гуманитариями по своему профилю также значима для формирования их общесоциальных компетенций. Об этом много говорится в научной литературе и это должно найти своё отражение при изучении представителей вузовского социологического сообщества, являющихся непосредственными трансляторами таких компетенций.

Существует множество подходов к оценке качества образования. Являясь довольно сложным феноменом, в широком смысле оно раскрывается через установление соответствия объекта (под ним чаще всего понимается образовательный результат, процесс и образовательная система) некоторым нормам. Наибольшие разногласия вызывает вопрос о том, что считать источником данных норм (многообразные потребности, ожидания, цели, стандарты, требования, предъявляемые со стороны общества, личности, и т. д.) [6, с. 132]. Не ставя задачи выделения таких норм, мы считаем, что обобщённая оценка вузовского сообществам на этот счёт может быть показательна. Здесь важна не столько объективная оценка, сколько рефлексия по поводу качества «производимого продукта».

4. Социально-профессиональный статус. Изучая состояние профессиональной макросреды, нельзя не рассматривать статус, который означает место профессиональной группы в профессиональной структуре общества, а также определяет оценку и самооценку той роли, которую играет эта профессиональная группа в системе профессиональных отношений. Важную роль в определении социально-профессионального статуса играет престиж профессии [13, с. 44].

Престиж профессии определяется на основании сложившейся системы ценностей и является феноменом общественного сознания, в котором отражается существующая в обществе иерархия профессий. Это можно назвать внешней оценкой. Она выстраивается в результате оценки имеющихся различий в степени сложности и важности разных видов трудовой деятельности, необходимого для их осуществления уровня образования, ответственности, величины оплаты труда и т. д. В нашем случае представляется важным также

выявление «внутренней» оценки или самооценки, что позволит охарактеризовать сформированность профессионального сознания в среде вузовской социологии.

5. Профессиональная коммуникация может рассматриваться как важнейшая часть профессиональной социализации. Не вдаваясь в детали этого процесса, отметим, что его успешное прохождение во многом определяет уровень профессионализма отдельного актора и всего сообщества в целом. В переводе с латинского языка, коммуникация (communicatio) – это сообщение, передача. Но существует ещё одно значение (communico) – делаю общим. В контексте объекта нашего исследования это означает формирование общего информационного поля профессиональной среды вузовской социологии. Успешная реализация обоих указанных аспектов может быть осуществлена только при сформированной системе профессиональной коммуникации. Оценка её текущего состояния в этой связи является важной научной задачей. Исследования, посвящённые коммуникационным аспектам в социологической среде, уже проводились, но они, по большей части были направлены на других субъектов социологического сообщества (например, [2]).

6. Исследовательская деятельность. Исторически университеты были первыми научными центрами, и эта их исключительная роль продолжает оставаться во многих странах с высоким уровнем развития. В нашей стране, продолжая советские традиции, также существует установка, согласно которой преподаватель должен быть учёным. Она закреплена в различных аккредитационных показателях вуза, и отсутствие учёной степени может создавать существенные сложности в профессиональной деятельности преподавателя. Поэтому, с одной стороны, научная деятельность вузовских работников может играть огромную роль в качестве образования и развитии науки в стране, с другой – может выступать формальностью, соблюдение которой является необходимым условием работы в высшем учебном заведении. Сказанное в полной мере относится и к вузовской социологии. Таким образом, выявление реальной роли исследовательской деятельности в социологическом профессиональном сообществе является серьёзной составляющей её общей характеристики.

7. Международная деятельность. Интернационализация является одной из ведущих тенденций современного общественного развития и отражает идею открытости образования и науки в современном мире. М. Н. Певзнер и А. Г. Ширин связывают современный этап интернационализации образования с тенденцией глобализации образования и науки и характеризуют его как переход от эпизодических международных контактов к содержательной научной кооперации и всестороннему партнерству. Углубление такого партнерства сопровождается совместной разработкой международных программ и проектов, созданием новых технологий, инструментов и методов научно-исследовательской работы [8, с. 63]. Степень включённости вузовского социологического сообщества в международную деятельность как никакая другая характеристика может показать соответствие уровня современной вузовской социологии мировой практике.

Обобщая вышесказанное, нами была разработана система индикаторов и показателей (табл. 1), которая может лечь в основу социологического исследования вузовского профессионального социологического сообщества.

Таблица 1 Задачи, индикаторы и показатели исследования вузовского профессионального социологического сообщества

Задачи	Индикаторы	Показатели
1. Научные школы/направления (НШ)	Существование НШ по месту работы	Наличие-отсутствие НШ
		Причины отсутствия НШ (в случае отсутствия)
		Принадлежность к НШ
	Характеристика НШ (в случае наличия)	Устоявшееся название
		Научная парадигма НШ
	Преемственность НШ	Наличие молодежи, разделяющей ценности НШ
		Перспективы развития НШ
	Реализация Основных функций НШ	Рост/спад количества исследований в парадигме НШ
		Рост/спад качества исследований в парадигме НШ
		Воспроизводство кадров
		Защита диссертаций
		Консолидация труда
		Вклад в науку
2. Научная литература (НЛ)	Использование НЛ	Частота использования
		Цели использования (учебная деятельность, научная деятельность, саморазвитие)
		Формы использования (подписка, сайты журналов, библиотеки, электронные базы данных)
		Использование иностранной НЛ
		Оценка качества НЛ
	Публикационная Активность (ПА)	Количество публикаций
		Публикации в иностранных журналах
		Реализация потенциала ПА
		Причины низкой ПА
3. Образовательная деятельность	Оценка качества преподавания социологических дисциплин	У социологов
		У других гуманитариев
	Востребованность социологов на рынке труда	У студентов НЕ гуманитарных профилей
4. Социально-профессиональный статус	Престижность труда	В вузе
		В социологической сфере
		Перспективы развития социологии
		Общественное доверие к социологии
	Мотивационные компоненты	Причины выбора профессии
		Намерения смены вида деятельности
5. Профессиональная коммуникация	Субъекты коммуникации (СК)	Географическая локализация коллег (СК) – (свой вуз, другие вузы города, другие города региона, другие регионы, столичные регионы, зарубежные коллеги)
	Каналы коммуникации	Научная литература
		Интернет
		Личные контакты
		Профессиональные мероприятия
		Обучающие мероприятия
	Предмет коммуникации	Диссертационные, экспертные советы
		Научная дискуссия
		Совместные проекты
		Образовательная деятельность
		Совместные публикации
		Совместная экспертная деятельность

Задачи	Индикаторы	Показатели
6. Исследовательская деятельность (ИД)	Участие в проектах	Участие/не участие в ИД
		Мотивация участия в ИД
		Количество проектов
	Содержательная характеристика ИД	Заказчики (гранты, хоздоговора, инициативные исследования)
		Используемые исследовательские методы
		Использование социологических архивов
	Диссертации	Работа над собственной диссертацией
		Работа в дис. советах, экспертных советах
		Оценка качества современных диссертаций
7. Международная деятельность (МД)	Участие в МД	Владение иностранным языком
		Участие/неучастие в МД
		Характер мероприятий (обучение, конференции и т.д.)
8. Социальный портрет	Демографические данные	Пол
		Возраст
		Время работы в вузовской социологии
		Место проживания и работы
	Научные достижения	Учёная степень
		Учёное звание
		Необходимость получения дополнительного образования
	Преемственность поколений в науке	Наличие у родителей высшего образования, учёной степени.
		Работа родителей в аналогичных сферах
	Материальные аспекты	Удовлетворённость доходом от научно-образовательной деятельности
		Дополнительные источники дохода (наличие/отсутствие)

Литература

- 1 Баскакова Ю. М. О некоторых особенностях публикаций в российских политологических и социологических научных изданиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 6 (118). С. 157–166.
- 2 Задорин И. В., Мальцева Д. В. Исследование информационной культуры и профессиональной коммуникации в социологическом сообществе // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 3. С. 41–52.
- 3 Захарчук Т. В. Идентификация научных школ в библиографоведении: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 1. С. 96–104.
- 4 Козловский В. В. Социологическая периодика и гражданское общество // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Том V. № 1 (17). С. 5–10.
- 5 Павленко К. В. Оценка качества образования в вузе: неинституциональный подход // Высшее образование в России. 2009. № 11. С. 132–137.
- 6 Певзнер М. Н., Ширин А. Г. Международная деятельность вуза как средство интернационализации вузовской науки | | Успехи современного естествознания. 2007. № 12. С. 63–65.
- 7 Полякова О. Б. Профессиональная среда как детерминанта возникновения профессиональных деформаций // Мир психологии. 2012. № 4. С. 196–204.

- 8 Семячкин Д. А., Кисляк Е. В., Сергеев М. А. Научные электронные библиотеки: актуальные задачи и современные пути их решения // Научная периодика: проблемы и решения. 2013. № 2 (14). С. 20–29.
- 9 Социология перед судом истории // Вестник РАН. 1995. Т.65. № 1. С. 52–64.
- 10 Цвык В. А. Социально-профессиональный статус личности и престиж профессии // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 4. С. 44–52.

М. С. Астоянц
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТОВ СОЦИОЛОГА

АСТОЯНЦ Маргарита Сергеевна – заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии Южного федерального университета. E-mail: AstoyancMS@yandex.ru

Создание национальной системы квалификаций, важнейшим элементом которой являются профессиональные и образовательные стандарты, обусловлено качественным разрывом между спросом и предложением рабочей силы на рынке труда. Компетенции работников требуют длительной адаптации при трудоустройстве, а профессиональное образование недостаточно ориентировано на перспективные и текущие потребности рынка труда. Профессиональные и образовательные стандарты призваны решить эту проблему, обеспечивая взаимодействие сфер образования и труда в целях повышения качества подготовки работников и их конкурентоспособности на рынке труда.

В современной России единицей образовательного процесса является образовательная программа, структура и содержание которой регулируется ФГОС. Образовательный стандарт фиксирует, какие именно компетенции должны быть сформированы у выпускника, какими образовательными средствами будет формироваться та или иная компетенция. На сегодняшний день действующими для подготовки бакалавров социологов являются ФГОС 3 (стандарт третьего поколения); также разработан проект стандартов следующего поколения: ФГОС 3+.

Проблемой для профессионального сообщества социологов сегодня является отсутствие современных профессиональных стандартов, позволяющих согласовывать требования к квалификации социолога в сфере труда и в сфере образования. Профессиональный стандарт социолога должен сформулировать требования работодателя к работнику, показать, что должен знать и уметь претендующий на должность социолога, чтобы получить допуск в профессию. Профессиональный стандарт позволит определить содержание профессиональной деятельности социолога, требования к его квалификации.

Но отсутствие профессионального стандарта является проблемой и для системы образования. Как нам кажется, именно с создания профессиональных стандартов и следовало начинать внедрение компетентностного подхода. Ведь образовательный стандарт должен учитывать требования профессионального стандарта; тот потенциал знаний, умений и общих компетенций, которые закладываются в результат обучения, должен предполагать способность выпускника осуществлять те или иные трудовые функции, необходимые для выполнения профессиональных функций. Конечно перечень компетенций, формируемых образовательной программой может быть шире, чем требуется для выполнения профессиональных функций. Но он в любом случае должен включать все требования профессионального стандарта.

Сегодня же положение дел таково, что подготовка социологов не основывается на потребностях работодателя. Эти потребности и должно выразить профессиональное сообщество в создаваемом профессиональном стандарте. Тогда и мы сможем пересмотреть

образовательные стандарты в интересах дела. Если говорить об использовании профессиональных стандартов при формировании ФГОС ВПО, то особенно значимыми для нас являются перечень должностных обязанностей и перечень основных умений, навыков и знаний, требуемых для выполнения должностных обязанностей. Именно на основе информации этих разделов будут формулироваться требования к компетенциям выпускников.

Для сферы образования профессиональный стандарт социолога выступит в качестве основы для корректировки федеральных государственных образовательных стандартов и образовательных программ высшего образования, разработки методических материалов и выбора форм и методов обучения социологов в вузе. Мы предлагаем работать нам стандартами совместно и готовы в последствии корректировать свои образовательные программы или разрабатывать собственные образовательные стандарты ЮФУ по направлению обучения «Социология».

В. В. Поляничко
СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА
СОЦИОЛОГА»

ПОЛЯНИЧКО В. В. – адъюнкт кафедры социологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации. E-mail: v9169981823@yandex.ru.

Исследование социального капитала социолога может служить основой для формирования «профессионального стандарта», являясь одной из потребностей в интеграции и поступательном движении вперед, в повышении эффективности результативной деятельности исследователя. Необходимость анализа социального капитала при разработке профессиональных стандартов, перспектив их принятия и практического применения социологом обусловлена следующими обстоятельствами:

- возрастанием роли социального капитала при проведении социологических исследований;
- необходимостью повышения авторитета социолога в условиях минимизации социальных отношений, деструктивно влияющих на проведение исследований.

Для практического использования социологических знаний о социальном капитале исследователя целесообразно проанализировать теоретико-методологические аспекты рассмотрения данного феномена.

На протяжении более чем двух десятилетий социальный капитал занимает одно из центральных мест в социологической науке как теоретическая концепция и как предмет эмпирических исследований. Активный интерес к феномену социального капитала со стороны различных областей социальных наук связан с тем, что данная концепция позволяет измерить количество и качество межличностных связей, присущих людям различных специальностей.

Широкую известность концепция социального капитала получила в результате проведенных исследований Р. Патнэмом, предложившим оригинальную, хотя и несколько упрощенную, интерпретацию его сущности и функций в различных сферах человеческой деятельности [1–2]. Исследования Р. Патнэма оказали влияние на смещение акцента в анализе социального капитала с его экономической функции на понимание его природы как

общественного блага. Данный подход, рассмотренный в работах Ф. Фукуямы [3–4] и других исследователей, во многом определил современное состояние научных дискуссий в области исследования социального капитала.

В российской социологии концепция социального капитала стала предметом изучения относительно недавно, так понятие и определение теоретических способов его осмысления, во многом остаются не освоенными, а соответствующий понятийный аппарат находится в стадии формирования на основе заимствования зарубежного опыта. Тем не менее, публикации в отечественных научных изданиях в последние годы позволили российским исследователям познакомиться с главными «каноническими» работами основоположников теории социального капитала, подключиться к дискуссиям о статусе данной концепции в современной социологии. Теоретические основы концепции социального капитала содержатся в работах Н. Бусовой [5], И. Е. Дискина [6–7], В. В. Радаева [8–9], В. Степаненко [10], Л. В. Стрельниковой [11], П. Н. Шихирева [12]. Проблематика социального капитала становится предметом дискуссий не только в среде социологов, но и среди представителей других социальных наук [13].

К настоящему времени в отечественной социологии представлено сравнительно небольшое количество публикаций, посвящённых эмпирическому анализу роли социального капитала в различных социальных практиках. Наибольший интерес вызывает анализ роли социального капитала в системе нерыночного обмена, содержащийся в работах С. Ю. Барсуковой [14–15]; исследование неформальных социальных сетей в работах Г. В. Градосельской [16], Ф. Г. Карасёва [17], Н. Н. Лебедевой, О. А. Ломовцевой [18], а также публикации других авторов, хотя и не оперирующих концепцией социального капитала прямо, но рассматривающих роль различных его компонентов в сфере взаимодействия [19–23].

Современное состояние исследований социального капитала характеризуется определённым противоречием между шириной охвата эмпирических явлений, разнообразием методологических подходов с одной стороны, и недостаточной согласованностью концептуальных определений социального капитала. Это обстоятельство приводит к проблемам интерпретации эмпирических данных, трудностям сопоставления сравнительных исследований, что все чаще ставится в центр теоретических дискуссий о социальном капитале. Чрезвычайно широкий контекст использования концепции социального капитала послужил основанием для некоторых авторов ставить под сомнение целесообразность дальнейшего использования данного термина. Столь радикальная позиция не получила поддержки в сообществе социологов. На современном этапе исследования природы и функций социального капитала наблюдается сближение позиций представителей экономического и социологического подходов, что особенно заметно на уровне эмпирических исследований и в меньшей степени – в области разработки теории.

Исходя из рассмотренных концепций возможно определить социальный капитал как социальное богатство личности, которое выражается в совокупности её позитивных межличностных связей, что предоставляет этой личности доступ к различным ресурсам партнеров, а с другой стороны, даёт возможность партнерам пользоваться её ресурсами. Из этого следует, что социальный капитал играет важную роль в эффективном функционировании социолога как исследователя, находясь в определённой устойчивой системе связей индивидов, сложившейся в процессе взаимодействия друг с другом, что напрямую связано с формированием «стандарта на профессию» социолога.

Литература

- 1 Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // МЭиМО. 1995. № 4.
- 2 Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // The Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. № 1.
- 3 Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. NY: Free Press, 1995.
- 4 Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М., 2002.
- 5 Бусова Н. Культурные корни социального капитала // Социологические исследования. 1999. № 8.
- 6 Дискин И. Е. Экономическая трансформация и социальный капитал // Проблемы прогнозирования. 1997. № 1.
- 7 Дискин И.Е. Социальный капитал в глобальной экономике // Общественные науки и современность. 2003. № 5.
- 8 Радаев В.В. Понятие капитала, формы капитала и их конвертация // Общественные науки и современность. 2002. Т. 3. № 4.
- 9 Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 3. С. 109–130.
- 10 Степаненко В. Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 2.
- 11 Стрельникова Л. В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов // Общественные науки и современность. 2003. № 2.
- 12 Шихирев П. Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. 2.
- 13 Социальный капитал как научная категория («круглый стол») // Общественные науки и современность. 2004. № 4.
- 14 Барсукова С. Ю. Неформальная экономика России в контексте теории социального капитала // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003.
- 15 Барсукова С. Ю. Реципрокное взаимодействие. Сущность, функции, специфика. // Социологические исследования. 2004. № 9.
- 16 Градосельская Г. В. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2.
- 17 Карасев Ф. Г. Социальный капитал соседских сообществ. / Науч. ред. И. Е. Кокарев. М.: Прометей, 2001.
- 18 Лебедева Н. Н., Ломовцева О. А. Социальный капитал и модернизация Юга России // Общественные науки и современность. 2006. № 2.
- 19 Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2.
- 20 Демин А. Н. Возможности использования человеком индивидуальных и социальных ресурсов в ситуации отсутствия работы // Экономическая социология. 2000. Т.1. № 1.

- 21 Ляско А. К. Доверие и транзакционные издержки // Вопросы экономики. 2003. № 1.
- 22 Олейник А. Н. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2000.
- 23 Олейник А. Н. Модель сетевого капитализма // Вопросы экономики. 2003. № 8.

Н. В. Проказина
ИМПЕРАТИВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИОЛОГА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
КОНСТРУКЦИИ

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна - заведующая кафедрой социологии и психологии управления Орловского филиала РАНХиГС. E-mail: nvprokazina@mail.ru

В социологической литературе представлены разнообразные типологии профессиональных социологов. Их анализ позволит сформулировать и выделить императивы профессиональной деятельности социологов. Рассмотрим основные теоретические подходы.

П. Л. Бергер [1], размышляя об образах социологов, выделяет несколько типов представлений, представленных в сознании широкой публики о социологах.

- 1 Образ «профессионального наставничества» связан с характеристиками социолога как профессионала, осуществляющего свою деятельность с целью общественного устройства.
- 2 Образ «социального работника» обусловлен восприятием в общественном сознании социологии как основы для «работы с людьми». Однако, следует понимать, что социальная работа – независимо от её теоретического обоснования – это особый вид общественной практики. Социология, по мнению Бергера – это не практика, это *попытка понять*.
- 3 Образ «социального реформатора» – специфический образ третьей стороны, пекущегося о благе людей. Такой подход особенно актуализируется, когда от социологов ожидают, что они «достанут из своих портфелей образцы реформ, направленных на решение тех или иных социальных проблем».
- 4 «Социолог – собиратель статистических данных о человеческом поведении». В этом случае, вопросы такой социологии сводятся к двум основным: «как часто?», «сколько раз?». Однако, сами по себе статистические данные социологии не делают. Они становятся социологией только тогда, когда получают социологическую интерпретацию и соотносятся со специальной системой координат социологической теории.
- 5 «Социолог – человек, занятый главным образом, разработкой методологии». Пытаясь разработать в своей науке критерии очевидности, социологи вынуждены обращаться к методологическим проблемам. Вот почему методология является необходимой и существенной частью социологического познания.
- 6 «Социолог – отстранённый, беспристрастный наблюдатель, хладнокровно манипулирующий людьми». Бергер утверждает, что «социолог здесь оказывается самозванным сверхчеловеком, отгородившимся от теплой витальности

обыденного существования и ищущим удовлетворение не в том, чтобы прожить свою жизнь, а в том, чтобы судить о жизни других людей, тщательно раскладывая их по полочкам, из-за чего он упускает из виду реальную значимость того, что наблюдает».

В своей работе П. Л. Бергер разрабатывает идеальный тип социолога и выделяет основные его характеристики:

- 7 «Идеальный тип социолога». Социологом является тот, кто в своей деятельности связан с научным осмыслением общества. Понимание и передача знаний об изучаемых социологом социальных явлениях происходит в рамках строго ограниченной системы координат. Одной из главных характеристик научной системы координат служит то, что все операции производятся по определённым правилам доказательства. Социолог стремится быть объективным, держать в узде собственные предпочтения и предрассудки, воспринимать то, что есть и воздерживаться от нормативных суждений.

М. Буравой выделяет четыре основных типа социологии и социологов: 1) профессиональный, 2) критический, 3) политический; 4) публичный. В целом, М. Буравой [2] акцентирует внимание на двух типах социологов:

«Традиционный публичный социолог» - тот, чьи книги и статьи нацелены на большую «невидимую» публичную группу, ту, с которой у него почти нет взаимодействия.

«Органичный публичный социолог» - находится в тесной связи с публикой, работает с профсоюзами, ассоциациями, религиозными общинами, различными социальными группами и общностями.

М. Вевёрка [3], подходя к рассмотрению типов социологов в современном мире и размышляя об общественной роли социологов, концентрирует своё внимание вокруг четырёх основополагающих, на его взгляд, вопросов:

- как производится социологическое знание?
- Как социологическое знание проверяется?
- Как социальное знание демонстрируется?
- Каковы способы подтверждения научной ценности знания?

М. Вевёрка, выделяет несколько типов социологов.

Первый тип – «профессиональный социолог» – принадлежат к относительно закрытому миру, в котором учат студентов и обмениваются взглядами с коллегами. Они публикуются в специализированных журналах, участвуют в семинарах и конгрессах коллег, не заботясь об ином вмешательстве (в качестве исследователей) в публичную сферу [3, с. 10]. Профессиональная социология дает методы и концептуальные рамки «публичной социологии», обеспечивает ее легитимность и экспертность» [4].

Второй тип – «сверхкритичный интеллект», для которого характерны критические позиции относительно происходящего. Сверхкритичные позиции, благодаря своей абсолютности и формулированию радикальных и сенсационных мнений, могут вызывать большой интерес. У них прослеживается желание обмениваться взглядами с оппонентами, с коллегами, выражать своё мнение в СМИ как исследователи, контактировать с другими социальными, политическими и другими акторами.

Третий тип – «эксперт», сферой деятельности которого является обучение, передача знания властям и другим общественно-политическим силам. Высокий уровень компетентности и знаний и, как следствие, востребованность политиками, оппозиционерами, социальными и культурными акторами, с целью осуществления экспертизы. Этот тип социолога может выступать как советник, консультант и т. п. Заинтересованы в таком типе социолога и СМИ, нуждающиеся в новых подходах к происходившим событиям. «Эксперты» обеспечивают точно документированные подходы, формы знания благодаря «научности», видимой деятельности и нейтральности.

В рамках дискуссии о публичной социологии М. Вевёрка выделяет тип «*публичного социолога*», которым может быть представитель любого из перечисленных типов.

Задача «публичного» социолога состоит в том, чтобы на основе своей позиции или знания установить связи с публичными группами разного плана.

Существуют три способа установления связи:

Первый способ – *элитизм* – социолог в силу своей способности говорить, оперировать концепциями и аргументами убеждает публику, согласиться с логикой своих мыслей, анализа, предложений. В этом случае социолог выступает как член элиты, наделенный знанием (некой формой истины, философии, понимания истории), которое он пытается предложить, выступая в роли обладателя знания и разума.

Второй способ – *реституция* (от лат. *restitutio* – восстановление) – связан с попыткой социологов связать знания, полученные или накопленные им, с вопросами, которые волнуют публику. Особенность этого способа состоит в том, что происходит возвращение к тем, кто затронут в исследовании и возвращение им знаний. М. Вевёрка убежден, что фактически это фаза исследования, которую следует систематически организовывать при изучении социальных акторов или социальных проблем.

Третий способ – *рассуждающая демократия* – проявляется в обсуждении с публикой, которая не обязательно прямо затронута проблемой, изучаемой социологом. Технология состоит в том, что излагается уровень знания этой проблемы, даются ответы на вопросы, показывая, где знание полноценное, и где нет, где есть сомнения, незнание, что в итоге позволяет каждому лучше понять обсуждаемую проблему.

Использования этих трех моделей подчеркивает, что социолог является лицом, обладающим полученным или накопленным знанием.

Особую значимость приобретает понимание связи социолога с группой публики, т. е. речь идёт о механизмах демонстрации знаний группам публики. М. Вевёрка выделяет два подхода.

Первый: *исследование – действие*. Социолог вместе с публичной группой вмешивается в то, что изучается. Интеракции (взаимодействия), случающиеся во время вмешательства, производят знание, а также преобразуют ситуацию, а, следовательно, и затрагивают группу публики.

Изменения происходят в ценностных взглядах социолога, в его мировоззренческой позиции, представлениях и т. п.

Второй подход – *социологическая интервенция*, как назвал его Ален Турен. Он состоит в создании связи социолога и изучаемого актора. Каждый играет свою роль: исследователь-социолог предьявляет аргумент, который актер принимает или отвергает. Чем больше акторы работают с аргументами социологии, интересующими их, тем более делают их своими. Этот

подход означает вступление в определённые отношения производства знания, анализа с изучаемыми группой или актором.

И. Задорин [5] выделяет три профессиональные позиции социологов.

Первая – социолог как учёный. Это классический образ наблюдателя и исследователя, который должен в той или иной степени фиксировать определенные закономерности в социуме и трансформировать это знание в социальные теории и методологические парадигмы. И. Задорин подчёркивает, что этот тип в наименьшей степени связан с непосредственным участием в социальных процессах. В большей степени ориентируется на свои творческие интересы и амбиции, а не подчиняется требованиям рынка или политики.

Вторая – прикладной социолог. Речь идёт о социологе как поставщике информации для принятий решений. Используя теоретические знания и владея методологией, прикладной социолог производит информацию в реальном режиме времени, непосредственно участвуя в различных системах социального управления. Особенно подчеркивается, что для этого типа социологов целесообразно выдерживать позицию диагноста и поставщика информации.

Третья – социальный технолог. Это такая профессиональная позиция, когда социальная информация превращается непосредственно в решения, в рекомендации, в проектирование и далее в конструирование и изменение социальной действительности.

В. В. Колбановский [6], опираясь на классическую модель М. Вебера и используя подход М. Буравого, представляет четыре типа социологов в качестве «идеальных» по осям «инновация-традиция», «диалог – монолог».

В результате, во-первых, профессиональная и политическая социология сближены тем, что они «традиционны» – они или вписаны в «систему», либо соблюдают дружественный или прохладный «нейтралитет». Обе они целерациональны, соизмеряют средства и цели.

Во-вторых, критическая и политическая социологии также сближены своим инновационным настроем, своей обращённостью к гражданскому обществу, своим ценностно-рациональным видением и подходом к обществу, но по темпераменту – критическая социология более трибуна.

В-третьих, критическая и прикладная социологии монологичны, только критическая обращена ко всем и вся, а прикладная – к власти.

В-четвёртых, профессиональная и публичная социологии основаны на «диалоге»: первая – внутри самого общества социологов, вторая – между сообществом социологов и гражданским обществом. Публичная социология имеет две ипостаси – традиционную (обращение к широкой безыменной публике, пассивной, невырабатывающей коллективную волю) и органичную («публика немногочисленна, сосредоточена на одном месте, видима, сплочена, активна и часто противится обыденному, общепринятому»).

В. В. Колбановский отмечает, что можно выделить и противоположности в типах социологий. Так, диаметрально противоположны профессиональный («академическое спокойствие») и критический («народный трибун») типы. Во-вторых, политический (приверженный к господствующему режиму) и публичный – не только отвергающий, осуждающий или критикующий господствующий режим, но и ведущий активную работу в массах по сопротивлению в особо болевых социальных точках, осуществляющий «социологическую интервенцию» для качественного изменения всей социальной ситуации.

Р. В. Рывкина [7] выделяет три типа социологов:

- 1 *Социологи-идеологи*, озабоченные борьбой против проникновения чуждых нам идей;
- 2 *Социологи-прагматики*, ориентированные на придание «товарного вида» проведённому исследованию с учётом интересов заказчика и потенциального потребителя;
- 3 *Социологи-исследователи* – занимающиеся как теоретическими, так и эмпирическими изысканиями.

А. Рыкун и К. Южанинов [8] условно выделяют пять «виртуальных социологических сообществ».

Первое – академическая социология, имеющая весьма косвенное соприкосновение с реальностью. Для этой группы характерно дистанцирование от насущных проблем общественной жизни и ориентация на академическую публику. Характерны профессионализм, трепетное отношение к собственной репутации.

Второе – коммерческая социология, связанная со сферой маркетинговых исследований, определенной части политических исследований и подобных видов деятельности. Определяющей здесь является ориентация на заказчика, но как один из информационных ресурсов такая социология может оказывать влияние на заказчика, а через него и на состояние социальной реальности. Также характерны профессионализм, трепетное отношение к собственной репутации.

Третье – это «сервильная социология». Главная её роль – в удовлетворении потребностей влиятельных агентов, прежде всего властных. Такая социология связана с использованием разного рода манипуляций с общественным сознанием. Сервильная социология не отражает общественного мнения и представляет собой искаженную публичность по преимуществу.

Четвёртое – квазисоциология. Это субъект сугубо ритуалистского действия, имитирующего как традиционные методы и формы социологической деятельности, так и заинтересованность социальными проблемами. Для этой группы характерны попытки создания новых глобальных социологических теорий, во-вторых, связанное с эти стремление к автономизации (фактически изоляции) от мирового научного сообщества, обусловленное как фобиями, идущими от советских времен, так и элементарным незнанием достижений современной мировой социологии.

А. Рыкун и К. Южанинов уточняют, что «академическая социология», «коммерческая социология», «сервильная социология» при всех различиях объединены общим дистанцированием от социальной реальности как таковой, то есть от публичности.

Пятое – публичная социология, позиционируемая как сфера прозрачного и свободного взаимодействия социальных сил любого типа – рыночных, политических, культурных и т. п. Для нее характерна ориентация на актуальные социальные проблемы с сохранением теоретической основательности. Для её представителей характерно выраженное чувство социальной ответственности.

Ж. Т. Тощенко и Н. В. Романовский [9], рассматривая направления развития социологии в России отмечают, что активность социологов представлена в нескольких направлениях. Систематизируя их подход выделим основные направления активности социологов: профессиональная; критическая; политическая; публичная; просветительская; прогностическая; информационно-аналитическая.

Таким образом, характеризуя теоретические подходы к профессиональным позициям социолога, можно выделить императивы профессиональной деятельности.

Во-первых, социолог должен приводить в движение механизмы, которые позволят говорить, как, в каких условиях данный конкретный анализ приемлем с точки зрения общества или данной группы публики, в какой мере он значим, полезен, важен и практически применим [3, с. 13].

Во-вторых, для социологов-профессионалов общим является то, что они *производят знание и распространяют его* [10].

В-третьих, для социолога-профессионала характерна активность и созидательность.

В-четвёртых, в современных условиях особую актуальность приобретают профессионализм в сочетании с публичностью, что стимулирует развитие профессионально-публичной социологии.

Литература

- 1 Бергер П. Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива \Пер.с англ. Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 10–24.
- 2 Буравой М. Что делать? Тезисы о деградации социального бытия в глобализирующемся мире // Социс. № 4. 2009. С. 3–9.
- 3 Вевёрка М. Некоторые соображения по прочтении статьи М. Буравого «Что делать?» // Социс. № 4. 2009. С. 9–13.
- 4 Буравой М. За публичную социологию // *Общественная роль социологии / Под ред. Павла Романова и Елены Ярской-Смирновой (Из библиотеки Журнала исследований социальной политики)*. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 8–52.
- 5 Задорин И. Три профессиональных позиции социолога и репутация профессии // Выступление на Круглом столе Российского Форума 25 октября 2003 г. URL: <http://www.zircon.ru/russian/publication/6/031030.htm> (12. 03. 2010).
- 6 Колбановский В. В. Гражданственность и глобальная социология // Социс № 3. 2010. С. 112–121.
- 7 Рывкина Р. В. Реакционные традиции и революционные требования // Век XX и мир. 1988. № 3.
- 8 Публичная социология в России: материалы дискуссии// *Общественная роль социологии / Под ред. Павла Романова и Елены Ярской-Смирновой*. М.:ООО «Вариант», 2008. С. 100–101.
- 9 Тощенко Ж. Т., Романовский Н. В. Публичная или профессионально публичная социология? // Социс. 2009. № 4. С. 20–30.
- 10 Проказина Н. В. Феномен социологической культуры в современной России. Монография. Орел, 2010. С. 89–97.

М. В. Артамонова, О. А. Оберемко

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ СОЦИОЛОГА – ОСНОВА ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПОДГОТОВКИ
ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «СОЦИОЛОГИЯ»**

*АРТАМОНОВА М. В. – аналитик Центра развития социологического образования НИУ ВШЭ.
ОБЕРЕМКО О. А. – доцент Департамента социологии НИУ ВШЭ.*

Скорость общественных изменений последних лет выдвигает социологию в первый ряд востребованных гуманитарных профессий. И с большей очевидностью становится ясной необходимость подготовки профессиональных кадров социологов, способных быстро адаптироваться в изменяющемся мире и видеть закономерности общественного развития, прогнозировать события и тенденции, используя знания классической теории и постмодернизма, применяя методы социологических исследований. В особенности это касается гуманитарных наук: связи теории и профессии. Какие ориентиры могут быть выбраны в инновационных университетских образовательных программах? ФГОС – Образовательный стандарт специальности – неоднозначно воспринимается работодателями. Сближение представлений образовательного и профессионального сообществ предполагает определённую требовательность профессионального сообщества, сформулированных в стандарте профессии, которые, в свою очередь, являются ориентиром требований к выпускникам вузов образовательных программ по социологии.

В настоящее время профессиональный стандарт социолога находится в стадии разработки и официальных ориентиров для создания образовательного стандарта в области практических результатов образования – компетенций производственно-прикладной деятельности, одобренной работодателями – нет.

Сегодня сложилась парадоксальная ситуация, когда в РФ активно внедряется Федеральный образовательный стандарт (ФГОСЗ+) при отсутствии профессионального стандарта «Социолога», ориентира, который по здравому смыслу определяет возможность применить образование в профессиональной сфере, то есть после получения диплома социолога стать социологом.

Приближение к образовательному процессу требований работодателей к работникам индустрии социологических исследований – насущная образовательная задача. Но её решение невозможно без единых, законодательно утверждённых, согласованных и признанных профессиональным сообществом правил и характеристик, определяющих границы и образ профессии социолога.

Результаты исследований последних лет [1, 2, 3] показывают существующий разрыв между представлениями образовательного сообщества о целях и результатах обучения в вузах по образовательным программам по направлению Социологии и профессиональным сообществом представителей компаний и организаций работающих на рынке социологических исследований в РФ. По мнению проф. О. В. Рыбаковой, председателя рабочей группы по разработке профессионального стандарта социолога, «...на...большинстве выпускающих кафедр по-прежнему превалирует ориентация на воспроизводство преподавательского корпуса, отсутствуют ориентации в подготовке социологов на потребности российского рынка

труда» [6]; отмечается отсутствие четких представлений о профессиональных нормах, квалификационных требованиях, профессиональных стандартах, а на сайтах кафедр привлекательность профессии позиционируется, как возможность быстро осваивать профессии маркетолога, менеджера, кадровика, рекламиста и т. д. [2]. Размытость профессиональных требований отчасти объясняется «молодостью» отрасли, многообразием сфер возможности применения социологических методов и отсутствием профессиональных стандартов.

Академические компетенции воспроизводятся в рамках существующих университетских программ, но практические профессиональные навыки наиболее уязвимое место вузовского образования. В то время, как смена образовательной парадигмы на сервисность, клиенториентированность, в болонской терминологии «студентоцентрированный подход», диктует необходимость обучать в вузах тому, что может быть продано на рынке труда. Студенты – заказчики и потребители образовательных услуг, – готовы оплачивать учебные курсы – образовательные услуги, и получать образовательный результат – навыки, знания, компетенции, которые востребованы (актуальны) на рынке труда, реально оплачиваемы работодателем в рамках полученной вузовской программы обучения (профессиональной квалификации). Вузы, в свою очередь, стремятся актуализировать свои программы и «продавать» услуги, наиболее востребованные рынком. Следовательно и образовательные программы нацеленные, в том числе, и на подготовку преподавательского корпуса для вузов должны воспроизводить выпускников в полном объеме обладающими компетенциями «производственников», чтобы в дальнейшем обучать студентов всех направлений и академической и прикладной, уметь формировать компетенции полного диапазона направления Социологии на основе анализа и сопоставления требований работодателей реального сектора экономики – индустрии социологических исследований.

Национальные исследовательские российские университеты, включая НИУ ВШЭ, работают над проблемой (неполного соответствия) несоответствия компетенций выпускников – социологов и современных требований рынка труда.

Осталось только понять, как определить требования работодателей. Стандарты ФГОС 3+ ориентируют на оценку выпускников с позиции их готовности к практической профессиональной работе. Многочисленные исследования: опросы выпускников, руководителей компаний работодателей, руководителей практик студентов [5] дают представления о том, какими личными качествами обладают выпускники и каких навыков им не достаёт. Однако, в опросниках и анкетах исследователи зачастую опираются на формулировки, полученные в результате опросов респондентов и носят обобщенный абстрагированный характер. Например, можно утверждать, что каждый опрошенный руководитель компании подтвердит необходимость «хороших коммуникативных способностей» у выпускника-социолога (в различных формулировках) или «способности организовать и провести социологическое исследование». Но под хорошими коммуникативными способностями каждый руководитель подразумевает совершенно разный объём возможных трудовых действий и результатов (продукта) этих профессиональных коммуникаций в зависимости от специфики выполняемых исследований, должностных функций выпускника в компании, размера компании, личных требований респондента.

Кроме того, существует терминологический и «понятийный» барьеры между научно-методическим изложением результатов вузовского образования (ФГОС) в академической среде и представлениями представителей реального сектора производства социологических исследований. Попытки «перевести» компетенции ФГОС и ОС на язык работодателей не

гарантирует однозначности конгруэнтности требований работодателей и требований к выпускнику образовательных программ по направлению социология.

И какие ориентиры могут быть признаны в качестве образовательных целей по вузовским программам социологии и что можно определить как результаты образования, приближенные к практическим профессиональным требованиям и умениям, компетенциям производственно-прикладной деятельности.

На первом этапе исследования был проведен предварительный контент-анализ классификаций, определяющих место социолога в национальных профессиональных структурах отдельных стран [8].

Поиск существующих обобщенных требований к профессии социолога привёл к национальным документам стран Канады [9–10], Великобритании [11] и США [12–13].

На основе анализа можно сделать некоторые выводы.

Профессия «Социолог» существует в формальных государственных классификациях США, Канады, Англии. Однако в найденных источниках приводится наиболее общие описания профессиональных областей, под которые попадает социолог.

В описаниях профессии «Социолог» превалирует исследовательская деятельность как способ идентификации типа работы.

В области социологии нет операционных стандартов профессии. Стандарты формируются и регулируются профессиональными ассоциациями. Документы, определяющие профессиональную деятельность социологов, составляют этические кодексы и рекомендации к процессу проведения исследования. Документы содержат нормативно-этические рекомендации для социолога-исследователя, работающего в любых областях бизнеса и заказчиками любого типа.

Аналогичные европейские документы содержат этические стандарты, представление о злоупотреблении экспертизой и др. декларативные положения, которые не определяют функционала социолога и могут быть обозначены в результатах образования только как личные качества.

Однако, в Минтруда РФ совершенно иные правила, предписывающие операционализацию трудовых функций исследователя (в процессе исследования)

Для выявления наиболее востребованных работодателями компетенций как результата образования был проведен анкетный опрос работодателей. Цель исследования состояла в том, чтобы выявить требования работодателей к выпускникам – бакалаврам социологии и определить их значимость для различных должностных позиций.

Исследование проводилась в 2014 г. в рамках обеспечения НИУ ВШЭ (рабочая группа: Чепурено А.Ю., Кожанов А.А., Козина И.М., Бершадская М.Д. Артамонова М.В.) сопровождения разработки профстандарта Социолога Ассоциацией 7/89 (потенциальные работодатели).

Методологический инструментарий для опроса разработан на Кафедре методов сбора и анализа социологической информации Департамента социологии НИУ ВШЭ. Аналитический отчет по результатам подготовил к.соц.н. О.А. Оберемко. Пилотный опрос проводился в мае 2014 г. На основании полученных результатов было принято решение адаптировать наименования компетенций, указанных в образовательном стандарте ФГОС, в вербальные формы – более формализованные и воспринимаемые социологами-работодателями. Также, пришлось отказаться от ряда наименований должностей, обозначив их позицией «ассистент», что потребует при составлении профстандарта последующей декомпозиции и уточнения трудовых функций и действий. Основной анкетный опрос был проведен в июне 2014 года.

Первоначально анкета рассылалась по электронной почте членам Ассоциации 7/89, затем, уточнения и корректировка проводилась в личных интервью и беседах на съезде Ассоциации в Саратове 7-8 июня 2014 года. В настоящий момент (январь 2015) проводится анализ результатов второго этапа исследования для разработки профстандарта Социолога [14]: (Всероссийского онлайн-опроса организаций, осуществляющих социологические и маркетинговые исследования для различных аудиторий заказчиков), который в итоге даст окончательные формулировки самих работодателей к системе подготовки социологов в высшей школе и позволит завершить разработку макета профессионального стандарта.

Попробуем прокомментировать некоторые выводы по первому этапу исследования: на основе опроса были сформулированы 20 компетенций в разрезе направлений (полевики/пракики – аналитики) и должностей (руководитель-исполнитель).

Сравнение всех профилей компетенций позволяет содержательно разделить компетенции на следующие группы:

– универсальные компетенции, необходимые на всех позициях:

- 1 (15) организовать себя
- 2 (8) пользоваться ИКТ
- 3 (14) работать в команде

– компетенции, в большей степени ожидаемые от руководителей:

- 4 (18) «продавать»
- 5 (17) вести деловые переговоры, деловую переписку
- 6 (9) организовывать проектную работу
- 7 (16) действовать в нестандартных ситуациях

– компетенции, которые в большей степени ожидаются от аналитиков и руководителей аналитических отделов, чем от руководителей поля и ассистентов:

- 8 (5) проводить экспертизу, консалтинг
- 9 (10) применять методы матанализа
- 10 (6) разрабатывать рекомендации по результатам
- 11 (3) презентовать результаты
- 12 (2) составлять и оформлять отчеты
- 13 (4) анализировать различные виды данных
- 14 (1) осваивать новые знания
- 15 (11) использовать экономические знания

Наименее востребованы в опросных фабриках 2 компетенции:

- 16 (13) общаться на английском языке
- 17 (12) использовать правовые знания.

Таким образом, можно констатировать, что для работодателей – руководителей региональных социологических компаний – значимыми остаются личностные качества

выпускников-бакалавров. Общекультурные универсальные компетенции первичны относительно специфических профессиональных компетенций. Требования к результатам образования начинаются с воспитанных, сформированных этических норм профессии. Университет выступает как среда обитания, формирующая нормы социального (профессионального) взаимодействия.

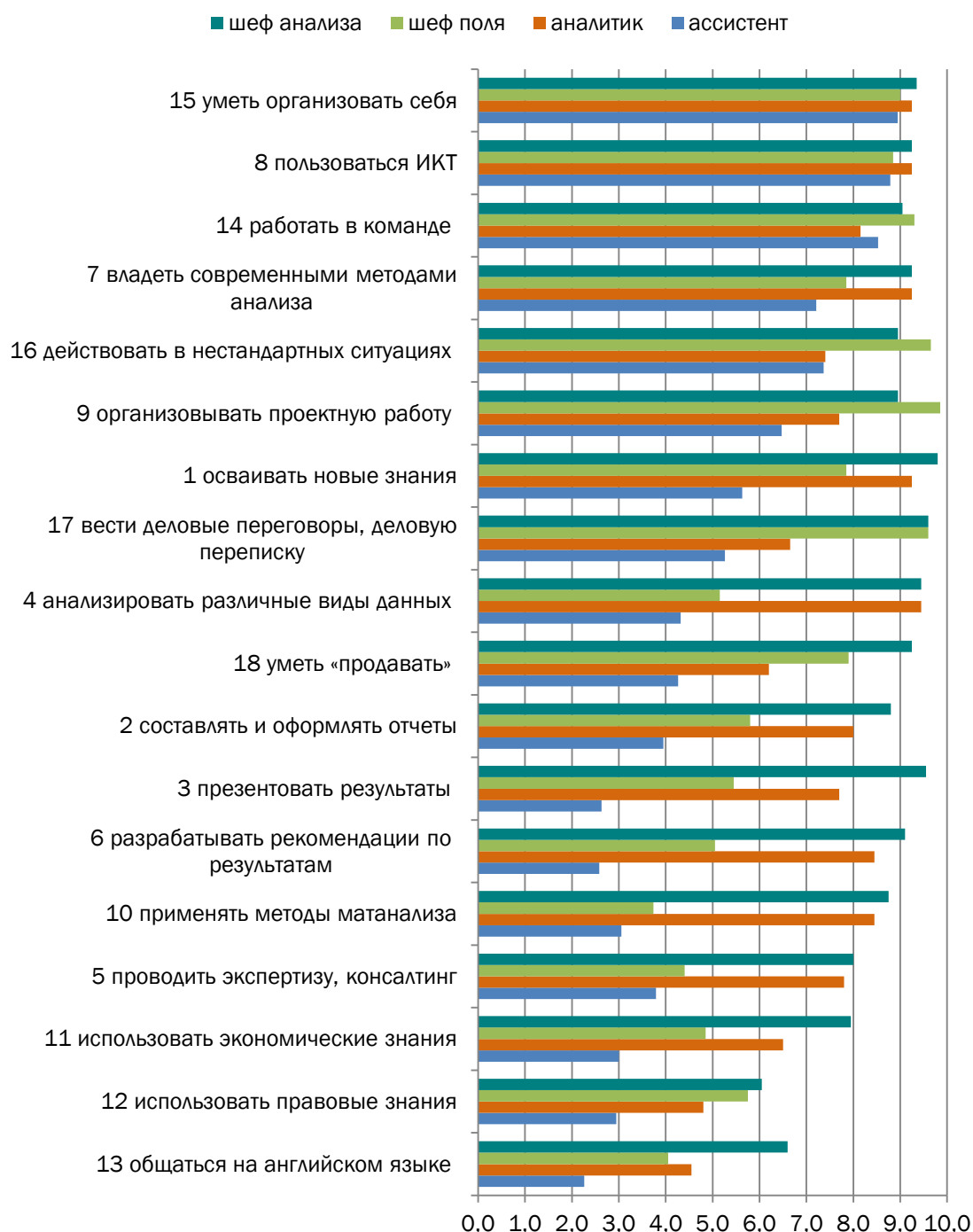

Рисунок 1 – Сравнение профилей важных компетенций (балл по 10-бальной шкале)

Включая в учебный план дополнительные профессиональные учебные курсы, университеты ориентируются на конкретные запросы профессионалов-работодателей, но

внутренним стержнем университетского образования остаётся формирование личности, этики профессиональной деятельности и социальной жизни...

Литература

- 1 http://www.moeobrazovanie.ru/specialities_vuz/sociologiya.html.
- 2 Буланова М. Б. Социологическое образование в региональных вузах России // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 37.
- 3 <http://www.profguide.ru/professions/art-id-646.html>;
<http://9955599.ru/specialization.php?id=149&page=4&abc=%D1>;
<http://www.rabotagrad.ru/information/164/506>;
<http://www.profi.ua/prof/view/150/>, и т.д. всего N=20.
- 4 <http://www.sociologos.ru/ispolniteli/>
- 5 Правдина М. Оценка профессиональных компетенций студентов факультета социологии НИУ ВШЭ, проходивших практику в НИУ ВШЭ и за его пределами. ЦВМ. НИУ ВШЭ 2013.
- 6 Рыбакова О. В. Проблема профессиональных стандартов как перспектива взаимодействия социологов-исследователей и системы высшего социологического образования в РФ.
- 7 Реестр областей и видов профессиональной деятельности Министерства труда и социальной защиты. <http://profstandart.rosmintrud.ru/reestr-oblastej-i-vidov-professionalnoj-deatelnosti>.
- 8 Прудников М. В. <http://www.hse.ru/org/persons/65844252>.
- 9 <http://www5.hrsdc.gc.ca/NOC/English/NOC/2011/Welcome.aspx> (начало).
- 10 <http://www5.hrsdc.gc.ca/NOC/English/NOC/2011/Profile.aspx?val=4&val1=4169> (социолог).
- 11 <http://www.neighbourhood.statistics.gov.uk/HTMLDocs/dev3/data/SingleClass.html?soc=2114&from=211>.
- 12 http://www.bls.gov/soc/major_groups.htm (начало).
- 13 <http://www.bls.gov/soc/2010/soc193041.htm> (социолог).
- 14 http://www.sociologos.ru/novosti/Standart_professii_Sociolog_-_sovmestnyj_proekt_Associacii_Gruppa_7_89_i_NIU.

О. Б. Божков

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИКЕ СОЦИОЛОГА, ИЗУЧАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

БОЖКОВ Олег Борисович - ст. научный сотрудник СИ РАН. E-mail: olegbozh@gmail.com

Должен ли социолог (полстер) обязательно быть «белым» и «пушистым». Неотъемлемое право исследователя на собственную позицию, но категорический запрет на афиширование и, тем более, навязывание этой позиции другим.

Только высокий профессионализм и постоянный интеллектуальный самоконтроль (в разумном сочетании) гарантируют достоверность получаемой информации и, соответственно, знаний. Впрочем, оба названных качества – по сути дела – это одно качество.

Вопрос вопросу рознь. Опасность профессионализма. Когда-то я подхватил хорошую формулу: «Каков вопрос, таков ответ». Имея при этом в виду, что «нужный» ответ можно получить, соответствующим образом сформулировав и предъявив респонденту интересующий тебя вопрос. Это вовсе не обязательно – сервильность или намеренная подтасовка. Очень часто это как раз свидетельство отсутствия должной квалификации и профессионализма. К сожалению, современное социологическое образование в большей мере ориентировано на теоретический кругозор будущих социологов, а не на овладение элементарными методологическими и методическими навыками («школой» профессии). Скажем, в фигурном катании или в музыке без овладения «школой» успехов добиться нельзя. А в социологии почему-то – можно.

Владение иностранными языками и начитанность ещё не обеспечивают социологический профессионализм.

И последнее (по ходу дела, но не по важности) – социолог обязан быть честным, порядочным и высоконравственным человеком и гражданином. Любая «партийность» ему противопоказана, что, однако не лишает его права на гражданскую позицию.

Ю. В. Ирхин
АКТУАЛЬНОСТЬ ЭТИЧЕСКОГО КОДЕКСА
ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАФЕДР

*ИРХИН Ю. В. – доктор философских наук, профессор кафедры политического управления РАНХиГС.
E-mail: Irkhine@mail.ru.*

Особенность социологического, политического и управленческого знания, отличающая его от естественных наук, состоит в том, что здесь знание неразрывно срослось с интересами, рациональный элемент – с иррациональной средой. Следование правилам этики повышает степень верифицированности и объективности политического исследования.

Существует ряд важных требований, которыми должен руководствоваться специалист, претендующий на профессиональный анализ политических явлений и процессов.

- 1 Признание того, что не существует скрытой истины, нет скрытых источников истины. «Все должно быть доказано». Ваши усилия, направленные на познание мира политики должны основываться на проверке тех утверждений, которые представляются вам как истины.
- 2 Любой, кто занимается изучением политики и управления, должен поддерживать и отстаивать свою теорию, подкрепляя ее фактами, которые могли бы убедить другого. Для доказательства своего права анализировать политические и управленческие проблемы вы должны представить мандат, который гарантировал бы качество анализа.
- 3 Вы должны добывать знания с помощью приемов, доступных контролю. Логическая последовательность и адекватность доказательства – наиболее широко принятые критерии, с помощью которых мы доказываем истинность своих знаний.
- 4 Занимаясь политикой и управлением, вы должны исходить из того, что политический мир упорядочен, что процессы, изучаемые вами, характеризуются регулярностью,

- которая и обеспечивает возможность накопления и передачи знаний о мире. Не может быть анализа без правил так же, как не может быть анализа без его оценки.
- 5 Данные и сведения, используемые как доказательства в поддержку (опровержение) тех или иных теорий, воззрений - вероятностных по своей природе, — делает политический анализ предположительным, что, однако, не отрицает совпадения (в той или иной степени) политической реальности и нашего описания её.
 - 6 Вы имеете право предлагать свое видение политики и управления. Используя правила логики и доказательства, а не свои непроверяемые предчувствия и личный опыт, вы можете принять или отвергнуть объяснения, предложенные другими, и дать другим основания для принятия вашего объяснения.

Ограничить искажения в исследованиях управления и повысить уровень последних позволят и такие меры как признание любым исследователем влияющего воздействия собственных взглядов и убеждений; выражение направленности исследований в идею ясной гипотезы и поиски слабых мест в собственной концепции; погружение своей работы в конкретный политический контекст и ее верификация; оценка со стороны профессионального сообщества.

Для повышения профессиональной и моральной ответственности, при проведении политических и управленческих исследований, Американской социологической ассоциацией был предложен Кодекс этики. В соответствии с ним, к важным этическим правилам работы исследователя относятся: его персональная ответственность за методы, ход и содержание исследования; воздержание от использования своего служебного положения для получения данных и исследовательских материалов для ненаучных целей; персональная ответственность за публикацию; открытость в области материальной поддержки и др.

Кодекс Американской социологической ассоциации включает следующие положения:

- 1 Объективность в исследовании и его целостность;
- 2 Уважение личности исследуемого;
- 3 Защита обследуемых от личных посягательств;
- 4 Гарантия конфиденциальности исследовательских данных;
- 5 Честное изложение результатов исследования;
- 6 Правильное (научное) понимание роли исследователя;
- 7 Информирование о любой дополнительной помощи в ходе исследования;
- 8 Отчёт обо всех источниках финансовой поддержки в публикациях;
- 9 Публичные заявления обо всех случаях давления спонсора или других финансирующих лиц;
- 10 Исследователь не должен принимать пожертвования или идти на контакты и условия, которые, по его мнению, не соответствуют вышеизложенным принципам.

В примерном этическом Кодексе кафедры политического управления факультета общественных наук РАНХиГС, в разделе обязанностей преподавателя, говорится о необходимости:

- 1 Реализовывать принцип: «Лучше других учит тот, кто постоянно учится сам».
- 2 Сопоставлять тематику своего предмета с широкими культурно-историческими, социально-экономическими и профессиональными контекстами.
- 3 Не смешивать демонстрацию накопленного опыта с навязыванием частного мнения.

- 4 Избегать авторитарной модели взаимодействия преподавателя со слушателями.
- 5 Устранять менторский тон в общении со слушателями, предполагая вариативность интерпретаций и подходов.
- 6 Создавать гибкую систему оценок и стимулирования слушателей, оптимизируя процесс их профессионального становления.
- 7 Обеспечивать свободную циркуляцию мнений и атмосферу открытости во взаимодействии со слушателями.
- 8 Уходить от пристрастности и необъективности как во взаимодействии со слушателями, так и в презентации собственных подходов.
- 9 Стремиться к максимально эффективной организации своей деятельности на началах нравственного долга и служения «общему делу».
- 10 Сохранять прозрачность своей деятельности для общественного контроля, соблюдать принципы демократизма, коллегиальности, гласности, быть приверженным методологии взвешенного подхода.

Социологический, политический и управленческий анализ является искусством постольку, поскольку многими его особенностями можно овладеть на практике, тренируясь под руководством человека, уже достигшего мастерства в политическом анализе. Когда же исследователи политики скрупулезно проверяют свои общие выводы и теории, обращаясь к фактам посредством тщательной проверки, наблюдения, классификации и измерения, тогда анализ научен по своему подходу к проблеме. Научность в процессах формирования государственной политики и управления становится обязательным требованием. И наоборот, когда ею пренебрегают, заменяя идеологией, интуицией, коррупционными вожделениями или неким внешним абстрактным «консультированием» – то успех в такой ситуации маловероятен.

Е. В. Князева
УЧАСТИЕ ДЕТЕЙ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

КНЯЗЕВА Е. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ИСН ОНУ им. И. И. Мечникова; директор «Центра исследований г.Одессы». E-mail: knyazeva.elena@bk.ru.

В мире проводится большое количество исследований среди детей различного возраста. Эти исследования, так или иначе, затрагивают интересы детей, влияют на решения, которые принимаются от имени детей и ради детей, актуализируют проблему защиты прав несовершеннолетних. В таких случаях при организации исследования основное внимание уделяется этическим вопросам, особенно это касается деликатных тем. С целью соблюдения этических принципов при проведении исследований среди детей Социологической Ассоциацией Украины на базе документов ЮНИСЕФ в 2008 г. было утверждено специальное руководство: «Етичні засади проведення соціологічних досліджень дітей в Україні», в котором изложены базовые принципы социальных исследований среди детей, а именно [1]:

- 1 **Уважение к личности:** компетентное лицо имеет право на самоопределение.

- 2 **Доброжелательность:** исследователь должен защитить участников от негативных последствий и максимизировать возможную пользу.
- 3 **Справедливость:** выгоды и нагрузки должны быть справедливо распределены
- 4 **Информационное согласие:** исследователь должен учитывать, имеет ли подросток способность дать согласие на участие в исследовании, обладает ли достаточной компетенцией или определить, кто должен принимать решение об участии ребенка в исследовании.
- 5 **Приватность** (закрытость информации): исследователь предупреждает о том, как будет использована информация
- 6 **Конфиденциальность и защита:** необходимость защиты прав ребенка в процессе исследования.
- 7 **Участие:** исследователь должен обеспечивать ребенку возможность высказывать свою точку зрения и не навредить ему.

Проводить исследования среди детей трудно. Дети часто стесняются отвечать на вопросы, молчат о своих проблемах, боясь оценки и непонимания со стороны взрослого. Стараясь заслужить одобрение и внимание авторитетных для них людей, не всегда говорят то, что думают. Довольно часто дети боятся показаться некомпетентными и невоспитанными. Они говорят на своём собственном языке, который, порой, недоступен для понимания взрослым. И дело здесь не только в детской некомпетентности и стереотипности детского мышления. Чтобы понять, что на самом деле дети думают, необходимо разговаривать с ними самими. Проблема заключается ещё и в том, что детство изучают взрослые, считающие себя экспертами детства, опирающиеся на собственный детский опыт, который уже в далёком прошлом. Несомненно, взрослые обладают большими знаниями в различных областях жизни, чем дети, но в вопросах «что такое детство?» и «что значит быть ребёнком?» дети обладают экспертными знаниями.

При таком подходе дети являются активными социальными исследователями не только своих жизней, но и жизней всех тех, кто их окружает, и кроме того, самих тех обществ, в которых они живут. Они способны к социальному действию, постоянно находятся в состоянии диалога с другими людьми и миром в целом. Подтверждением данной тенденции являются исследования американского социолога Уильяма Корсаро, который считает, что дети создают свое пространство как активные субъекты взаимодействия [2]. Если при выборе темы исследования, интерес детей обусловлен их собственным опытом, то ни один взрослый, даже самый опытный исследователь не сможет приобрести то богатство знаний, которое присуще детскому восприятию.

Концепция детей как активных исследователей в последнее время набирает популярность и обусловлена с одной стороны, трансформационными процессами в обществе, с другой изменением роли и места детства в обществе. Сегодня ребёнок уже не рассматривается как маргинальное существо, от которого трудно ожидать разумного и осознанного восприятия действительности. Конвенция ООН 1989 создала предпосылки для пересмотра этой тенденции, и привлекла внимание исследователей к мнениям самих детей и к тому, что дети сами думают о своём собственном опыте детства. Статьи 12 и 13 КПП обеспечивают ребёнку право свободно выражать взгляды по всем вопросам, затрагивающим его (ребёнка) интересы. Это право также включает свободу поиска, получения и распространения информации о всех решениях, которые влияют на жизнь детей. Это привело к более активному привлечению детей в качестве участников социологических исследований и

увеличению количества литературы о роли детей и молодых людей в качестве исследователей. Кроме того, дети, являясь представителями различных детских субкультур, создают уникальную «инсайдерскую» перспективу и выполняют решающую роль в понимании детских миров, что значительно обогащает исследование. Опыт участия в качестве активных исследователей приводит к повышению доверия к исследованиям и создаёт базу для дальнейшего активного участия в общественной жизни [см., например: <http://childrens-research-centre.open.ac.uk>].

Тем не менее, концепция детского участия в исследованиях имеет ряд *недостатков* и *ограничений*. Фундаментальными являются методологические и этические вопросы. Этическая сторона является самой проблематичной. Прежде всего, это касается вопросов проектирования, поддержки и контроля таких исследований со стороны взрослых. Реализация детей в качестве активных исследовательских субъектов предполагает смещение акцентов от исследований «среди» детей на исследования «совместно» с детьми. Новаторскими являются проекты, в которых дети участвуют не только как респонденты, но и как равноправные участники на этапах разработки исследования и интерпретации результатов. Участие детей в подготовке исследования помогает усовершенствовать методы сбора информации, повысить точность и полезность результатов. Они могут обратить внимание на недостатки процесса сбора информации, указать на вопросы, которые могут нанести вред респонденту и должны быть заменены. В таких случаях, результаты исследования принадлежат детям и распространяются детьми в интересах детей.

Скептики утверждают, что дети не обладают достаточными знаниями и недостаточно компетентны, чтобы заниматься собственными исследованиями. Такой подход был характерен для сторонников теории социализации и подвергнут критике представителями т. н. «новой социологии детства», которые указывали на такие фундаментальные компетенции, как способности репрезентации социального мира или себя, понимания его основных правил, причастность к его строительству, доступные даже маленьким детям [3]. Кроме того, социальный опыт, которым обладают дети может служить более надёжным маркером взрослости и компетентности. В нашем случае это, прежде всего, вопрос тонких правил взаимодействия, которые изначально конституируют категории «ребёнка» и «взрослого» в качестве взаимодополнительных участников исследовательского процесса. С другой стороны, существует проблема отношений взрослых и детей: руководящая и контролирующая роль взрослых в исследовательском проекте создаёт основу для неравных отношений в результате чего, дети оказываются в позиции неравных партнеров, а также возникают условия для возможных манипуляций со стороны взрослых.

Таким образом, существует большое количество вопросов, касающихся детей как активных исследователей, а именно:

- кто несёт этическую ответственность за исследования, которые проводятся под руководством детей. Ребёнок? Взрослый, который его поддерживает? Независимый орган?
- чьи интересы защищают существующие этические нормы: взрослых или детей?
- каковы границы вмешательства взрослых в исследовательский процесс детей?

То обстоятельство, что дети обязаны иметь разрешение на участие в собственных исследованиях одного из родителей или опекуна, создаёт дополнительные трудности в организации научно-исследовательского процесса. В связи с чем, дети могут испытывать

давление со стороны родителей, которые могут либо препятствовать их участию в исследовании, либо, наоборот, принуждать, если решат, что это «будет хорошо для них» и т. п., при этом дети не будут иметь реальной заинтересованности или мотивации к исследовательской деятельности. Кроме того, при проведении исследований с детьми и детьми необходимо учитывать то обстоятельство, что эти исследования проводятся не для того, чтобы что-то проанализировать, а для того, чтобы понять и изменить отношение общества к детству и взаимосвязи взрослого и детского миров.

Литература

1. Етичні засади проведення соціологічних досліджень дітей в Україні. 2008. URL: http://www.unicef.org/ukraine/ukr/ethnic_principles.pdf
2. Corsaro W. A., Eder D. Children's peer culture // Annual Review of Sociology. 1990. N 16.
3. Зюнкер Х., Бюлер-Нидербергер Д. От исследований социализации к социологии детства // Развитие личности. 2003. №4.

М. А. Ласточкина, Е. И. Суворова
ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ
(АНАЛИЗ ОТКЛИКА)

ЛАСТОЧКИНА М. А. – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИСЭРТ РАН. E-mail: mashkop@mail.ru.

СУВорова Е. И. – младший научный сотрудник отдела эпидемиологии ХНИЗ, ФГБУ ГНИЦ профилактической медицины Минздрава России.

В данной работе показан анализ отклика респондентов на такой метод социологического исследования, как личное анкетирование, которое сопровождалось обследованием медико-биологического характера. Так, при инициативе и финансовой поддержке Министерства здравоохранения России с целью выявления рисков болезней сердечно-сосудистой системы и предотвращения их последствий, Институтом социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН) на территории Вологодской области было проведено обследование здоровья населения.

Методический замысел и процедура исследования

В декабре 2013 – марте 2014 г. отделом исследования уровня и образа жизни населения ИСЭРТ РАН при методическом руководстве Государственного научно-исследовательского центра профилактической медицины (ГНИЦ ПМ) Минздрава России в поликлиниках городов Вологда и Сокол было проведено Всероссийское многоцентровое эпидемиологическое наблюдательное исследование «Эпидемиология сердечно-сосудистых заболеваний в регионах Российской Федерации» (ЭССЭ). В соответствии с техническим заданием, была сформирована случайная выборка по следующей схеме: населенный пункт, поликлиники, участки, адрес (объем выборки 2000 адресов). Соблюдалась пропорция населения по возрасту и полу, отличительной особенностью являлось то, что выбранные

респонденты не должны были состоять в кровном родстве. Каждому волонтеру, участвующему в поквартирном приглашении лиц для обследования, были выданы списки адресов, удостоверение и подробная инструкция для информирования граждан.

Респондентам предлагалось в любой удобный день с 8.00 до 12.00 натошак подойти в поликлинику по месту жительства. Там необходимо было пройти медицинское обследование (измерение артериального давления, роста, веса, электрокардиограмма сердца, биохимический анализ крови) и ответить на вопросы анкет. Расшифровка ЭКГ и анализов крови, которые позволяют выявить и предупредить возможные риски возникновения болезней сердечно-сосудистой системы респондента, была произведена сотрудниками ГНИЦ ПМ Минздрава России. Анкеты заполнялись интервьюером при личной беседе с участником обследования.

Анализ факторов, определяющих отклик

Рассмотрим результаты, полученные в ходе нашего исследования, по следующим тематическим блокам: 1. Реакции населения на просьбу о проведении подобного вида исследования (субъективные отказы); 2. Объективные отказы от исследования.

1. В качестве волонтеров, которые ходили по выбранным адресам и информировали людей об исследовании, были задействованы молодые люди в возрасте от 23 до 30 лет. Отклик составил 1651 человек (82,6%), наибольшая часть отказов 6,6% обусловлена недоверием населения к незнакомым людям, приходящим по их адресу, а также неизвестностью в Вологодской области ГНИЦ ПМ. Волонтеры сообщали, что исследование инициировано Минздравом Российской Федерации, однако эта информация, как оказалось, мало о чём говорила респондентам. Открывали двери и неадекватные люди (17 человек), находящиеся в алкогольном опьянении, агрессивные, угрожавшие физически, обещавшие вызвать полицию. Негативное действие произвело и то, что по странному стечению обстоятельств по местному телевидению прошла информация о том, что в городе работают мошенники, представляющиеся медицинскими работниками. Возможно, она послужила одной из причин сложившегося недоверия и агрессивного отношения к волонтерам, приглашающим на исследование. После выхода в эфир на двух региональных телеканалах роликов о проведении ЭССЕ в Вологодской области, ситуация стабилизировалась, и население стало больше доверять приходящим в их дом волонтерам. Подобная инициатива местного телевидения стала решением возникшей локальной проблемы, а также позволила заинтересовать людей в прохождении уникального обследования.

Хотя обследование, предполагающее проведение дорогостоящих анализов крови, было проведено абсолютно бесплатно для населения, некоторых жителей оттолкнул именно этот аспект: 14 человек (0,7% среди потенциально выбранных опрашиваемых) не верят в подобные акции и откровенно называли волонтеров мошенниками; 11 человек (0,5%) испугались открыть дверь; 4 человека (0,2%) отказались после прочтения информационного согласия. Также волонтеры не смогли уговорить 28 человек (1,8%), данная категория граждан ничем не мотивировала свой отказ, а просто отказывалась приходить на обследование, говоря, что «мне это не надо». Особо отметим, что очень смутил вологжан пункт, касающийся генетического исследования и хранения ДНК, высказывались опасения, связанные с подоплёкой генетических опытов и тотального государственного контроля, поэтому некоторые граждане отказались от обследования. Переубедить человека с такими убеждениями, опытному волонтеру было крайне затруднительно, даже несмотря на то, что в информированном согласии

значилось: «Я оставляю за собой право в любое время отказаться от участия или прекратить моё участие в исследовании без объяснения причин».

2. Кроме субъективных факторов отказа от участия в исследовании, были и объективные обстоятельства. Так, 62 человека (3%) высказали желание принять участие, но в силу различных обстоятельств не смогли прийти в поликлинику. Так как исследование проходило в основное рабочее время (с 8.00 до 12.00 часов с понедельника по пятницу), то многие не могли отпроситься с работы – 18 человек (0,9%), у некоторых были малолетние дети – 20 человек (1%), командировка – 14 (0,7%). В результате плохого состояния здоровья не смогли принять участие в исследовании 16 человек (0,8%). Вследствие определённого выбора обследуемых (по спискам поликлиник), оказалось, что в 84 квартирах (4,2%) людей невозможно пригласить для прохождения исследования, так как в некоторых квартирах жили совершенно другие люди (квартира сдаётся владельцами); были нежилые квартиры и несуществующие адреса (дом снесён).

Таким образом, исключая объективные причины, мешающие потенциальным респондентам пройти данное уникальное обследование, можно констатировать большой отклик жителей Вологодской области, а именно 93,4% согласившихся. Положительный эффект на отклик оказали вышедшие по телевидению информационные ролики. Отметим также, что многие респонденты спрашивали о возможности участия членов своей семьи в данном исследовании, однако методикой было запрещено участие родственников. Основными факторами, послужившими причиной отказа от участия в исследовании, стали низкая информированность населения и низкая культура в обществе.

А. В. Толстокорова
ЭТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ГЕНДЕРНЫХ АСПЕКТОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

ТОЛСТОКОРОВА Алиса Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, независимый научный эксперт. E-mail: alicetol@yahoo.com, talissa@ukr.net.

Введение

Однажды, возвращаясь в Киев с полевого исследования в Херсонской области, где я проводила интервьюирование для проекта по гендерным аспектам украинской трудовой миграции, я оказалась в одном купе с тремя общительными волынскими бизнесменами, осуществлявшими турне по Украине по делам фирмы. В ходе непринуждённой беседы выяснилось, что один из них в прошлом имел опыт подённой работы – заробитчанства – в Польше и других странах ЕС. Пользуясь словоохотливостью попутчика, я решила провести с ним интервью для проекта, благо времени для этого было достаточно. На мой вопрос, не будет ли он возражать, если я задам ему несколько вопросов для моего проекта, сосед с готовностью согласился, предварительно поинтересовавшись темой исследования и методами его проведения. Я объяснила, что собираю информацию методом интервью, на что заробитчанин ответил:

- «– А-а-а! Знаем такой метод сбора информации! Хороший метод. Мы им тоже активно пользуемся. Только у нас он иначе называется: метод ОБС.
– ОБС? Интересно! Никогда не слыхала о таком. А что это значит?
– ОБС означает «одна баба сказала».»

Этот эпизод общения с потенциальным респондентом, который перед проведением интервью не только поставил вопрос о параданых³⁴ проводимого исследования, но и оценил их в весьма иронической манере, высвечивает сразу две актуальные проблемы в современной украинской миграциологии. Во-первых, это проблема критериев надежности и достоверности данных полевых исследований, полученных методом интервьюирования. Во-вторых, это редко затрагиваемая в научной литературе проблема этических, эмоциональных и психологических вызовов, встающих перед исследователем до, после и во время общения с информантами. Очевидно, что несмотря на неразработанность и невизуализированность этих вопросов, они оказывают существенное влияние на исследовательский процесс и поэтому заслуживают особого внимания. Это объясняется прежде всего тем, что ответы на них полезны для оценки надежности полученных результатов, поскольку выполняют роль лакмусовой бумаги, позволяющей высветить субъективизм в исследовательской позиции исполнителя полевой работы. Кроме того, они демонстрируют, что за фасадом научной объективности и позиционируемой нейтральности исследователя может скрываться субъективный подход, существенно влияющий как на процесс сбора эмпирического материала, так и на результаты исследования, что известно как «эффект Розенталя» или «эффект Пигмалиона». Безусловно, исполнитель полевой работы несёт ответственность за объективное изложение полученных данных, т. е. за преподнесение того «как это происходит в действительности», а не того, как это видит и воспринимает исследователь. Признание этого факта не ставит под сомнение качество и научную ценность получаемых эмпирических данных, но напротив, позволяет рассматривать продукт полевого исследования с точки зрения его контекстуальных особенностей. В то же время, не менее важно постфактум учитывать и оценивать то, как указанные этические и эмоциональные вызовы могут влиять на результаты эмпирического исследования и в какой степени они могут обуславливать научную позицию исследователя в сложных и неоднозначных условиях полевой работы.

Целью данной работы является обобщение опыта полевых исследований широкого спектра вопросов украинской трудовой миграции с точки зрения методологических, этических и психологических вызовов и ограничений, стоящих перед исследователями в работе с трудовыми мигрантами как группой информантов, обладающей собственной идентичностью и рядом специфических характеристик.

Массовый выезд украинского населения на работу за рубеж, ставший возможным благодаря возобновлению права на свободу передвижения, является одним из значимых маркеров социально-демографических изменений постсоветского периода. В украинском языке это явление поучило ёмкое определение – «заробитчанство», позиционируемое экспертами как экзистенциальная культура эпохи рыночных реформ и воспринимаемая обществом как «социальная норма» современной жизни [Пономарева 2011]. Параллельно

³⁴ Под параданными этнографического исследования понимаются данные о самом процессе сбора эмпирической информации, как правило – данные административного, технического характера, например, о времени, месте и длительности интервью, способах и методах сбора информации, степени готовности и открытости информантов к общению и т. д. [Corbin, Strauss 2008].

этому процессу началось формирование самостоятельного исследовательского поля, направленного на изучение специфики постсоветской экономической мобильности украинского населения. Однако, говорить об отечественной школе миграционных исследований ещё рано. Это обусловлено целым комплексом объективных и субъективных причин, но прежде всего отсутствием какой-либо заинтересованности со стороны государства в развитии миграционной тематики и формировании собственного академического поля для её изучения. Этим объясняется недостаточная разработанность теоретической, концептуальной и методологической основ для изучения этой новой области знаний, требующей мульти-, меж- и транс-дисциплинарного подходов к объекту исследования. Поэтому *актуальной научной задачей* сегодня является разработка теоретико-методической базы для анализа феномена современной украинской экономической мобильности, проведение и аккумуляция опыта эмпирических исследований в этой области знаний, необходимых для выработки и апробации новых концепций, методов и инструментария, позволяющих отразить суть исследуемого явления.

В зарубежных социальных науках для изучения специфики миграционного процесса, особенно его гендерных аспектов, рекомендуется использовать наряду с количественными методами, «мягкие», интерпретативные, «качественные» методы сбора, обработки и анализа информации [см. Donato et al. 2006], поскольку они позволяют «более гибкий и динамичный подход к индивидууму изнутри миграционного процесса» [Phizacklea, 2003: 29]. Однако среди отечественных исследователей эта инновационная и перспективная методология ещё не пользуется популярностью, представляя собой научную лакуну, наличие которой неоднократно подчёркивалось экспертами в глубинных интервью с ними. Для её заполнения требуется более пристальное внимание к анализу мнений и оценок самих участников миграционного процесса как уникальному и зачастую единственно возможному способу изучения жизненного опыта мигрантов, их восприятий и идентичностей [DeRoche 1996], а также мощному аналитическому инструменту для исследования перемещающихся лиц [Sánchez-Carretero 2005].

В этом контексте приобретает актуальность задача обобщения опыта полевых исследований в данной области, поскольку это может помочь предотвратить некоторые практические сложности полевой работы, неизбежно возникающие перед миграциологами, особенно начинающими. Проведённое полевое исследование позволило выделить ряд методологических и этических вызовов и объективных ограничений, которые осложнили сбор эмпирического материала, но в то же время стимулировали дальнейший поиск инновационных способов сбора и обработки информации, полученной от данной категории респондентов.

Эмпирическая база исследования. Основой для обобщения опыта полевого исследования послужили результаты многоэтапного транс-дисциплинарного проекта, нацеленного на изучение гендерных аспектов украинской трудовой миграции. Полевая работа для проекта охватила следующие этапы: *включённое и невключённое* наблюдение проводилось на протяжении 2003-2013 гг. благодаря участию автора в деятельности украинской диаспоры и общественных организаций мигрантов в странах Евросоюза (Великобритания, Швеция, Германия, Словакия). *Глубинные интервью и дискуссия в фокус группе с экспертами* были организованы летом 2008 г. в рамках проекта «Работа по уходу и интернационализация социального благосостояния. Транснациональные сценарии для социального благосостояния будущего» совместно со специалистами Центра международных политических исследований (CeSPI, Рим, Италия). На этом этапе были опрошены 25 специалистов по вопросам миграции, гендерных и женских исследований, социальной политики и социальной работы из

государственных научно-исследовательских институтов и аналитических центров, министерств, посольств, неправительственных организаций, государственных центров трудоустройства и т. д. *Полуформализованные интервью* и два обсуждения фокус-группах с мигрантами и членами их семей (общей численностью 31 женщина и 13 мужчин разных возрастных групп) были проведены на протяжении 2007–2014 гг. в Херсонской, Кировоградской и Тернопольской областях, а также в Киеве и во Львове. 13 интервью были собраны в 2011–2012 гг. в странах назначения миграции (Италии, Германии, Австрии и Франции) в ходе реализации проекта «Поколения в диалоге» австрийского фонда ЭРСТЕ. Методологическая стратегия исследования предполагала охват респондентов, имевших опыт работы за границей в прошлом, нынешних «заробитчан», как находящихся за рубежом, так и приехавших в Украину навестить родных, а также маятниковых мигрантов, находившихся дома перед очередным выездом на заработки за рубеж. Ряд интервью проводился в телефонном режиме и дополнялся общением по электронной почте и интернет-программе skype. Интервью с информантами, членами их семей и неформальных социальных сетей проводились как на русском, так и на украинском языках. Несколько интервью с экспертами и обсуждение в фокус-группе проходили на английском языке и были переведены автором³⁵.

Обсуждение практического опыта полевого исследования

«Сензитивные субъекты» анализа

Как показывает опыт общения с информантами-мигрантами, основным вызовом работе с ними является то, что исследователь сталкивается с необходимостью работать с нарративами т.н. «сензитивных субъектов», т.е. респондентов, для которых предоставление информации сторонним лицам может быть связано со щекотливыми вопросами анонимности персональной информации или нарушения конфиденциальности информации о значимых для них людях. К ним можно отнести респондентов, находящихся в положении зависимости от других людей, обстоятельств, социальных иерархий. В данном исследовании, нацеленном на изучение гендерных аспектов трудовой миграции в Украине³⁶, респондентов можно квалифицировать как «сензитивных субъектов», поскольку многие из них представляют собой категорию нелегальных трудовых мигрантов, находящихся на территории принимающих стран без необходимой официальной документации.

Проблема идентификации и самоидентификации объекта исследования

В работе с трудовыми мигрантами проблему может составлять идентификация объекта исследования, т. е. то, кого именно следует включать в целевую группу проекта. Здесь важную роль играют субъективные факторы идентификации и самоидентификации с миграционным процессом. Это может быть особенно затруднительно в отношении женщин. Например, правомерно ли относить в категории трудовых мигрантов женщин, которые выезжают за границу вслед за мужьями и в принимающей стране не трудоустраиваются, но занимаются домашним хозяйством или работают периодически, от случая к случаю? Кроме того, повышение экономического статуса благодаря зарубежным заработкам является для женщин-мигранток важным фактором интеграции в принимающее сообщество и на продвинутом этапе миграционного цикла, особенно в условиях успешной интеграции, они могут отказываться от самоидентификации в терминах трудовой миграции. Так, в ходе полевого исследования мы

³⁵ Подробнее о методологии и результатах проекта см. [Толстокорова 2012 а;б; 2013 а;б;в; 2014 а,б; Tolstokorova 2009; 2010; 2013].

³⁶ Здесь и далее предлог употребляется в соответствии с украинской языковой нормой.

обратились с просьбой об интервью к украинке, проживающей в Италии, но получили отказ. Женщина объяснила это тем, что, работая в Италии, она вышла замуж за итальянца и сменила положение заробитчанки на социальный статус работодателя, и, хотя ей было чем поделиться с интервьюером, она теперь не желала ассоциировать себя с украинскими заробитчанами:

«Да, я сюда приехала как домработница, «badante» это называется. Но теперь у меня здесь есть и муж, и семья, и я теперь сама нанимаю себе домработницу. Так что я не ваш клиент».

Нежелание «заробитчан» идентифицировать себя в этом качестве вполне объяснимо, т. к. уже сам «ярлык мигранта» [Абашин 2014: 80] предполагает их «стратификационную инаковость» [Lan 2006: 16] и уязвимость социального положения. Как указывают исследователи украинской миграции, заробитчанки считают свой статус и условия жизни, в которых они оказываются за рубежом, унижительными для себя и пытаются дистанцироваться от них [Свајнер 2011]. Это может происходить также на постмиграционном этапе миграционного цикла, например, когда представители среднего класса, лишённые соответствующего уровня доходов в силу тяжёлой экономической ситуации в стране, вынуждены поддерживать свой социальный статус кратковременными заработками (возможно одноразовыми) на низкостатусной работе за рубежом. По понятным причинам они могут отказываться идентифицировать себя как «заробитчан» и не желают предавать этот факт огласке. В данном исследовании, в котором использовался метод «снежного кома» и контактные данные респондентов сообщались их знакомыми, мне приходилось получать отказы на просьбы об интервью от потенциальных информантов, рекомендованных их коллегами, поскольку они отказывались ассоциировать себя с целевой группой исследования и воспринимали сам факт отнесения их к ней как неэтичный.

Проблемы исследовательской этики: анонимность и конфиденциальность полученной информации, социальная «закрытость» и труднодоступность респондентов

На проблему «закрытости» и нежелания обсуждать некоторые биографические факты с незнакомыми людьми, особенно свойственную женщинам, указывали эксперты в интервью и коллеги в личном общении. Этот вопрос поднимается и в научных работах, посвящённых исследованию украинской трудовой миграции [Марков 2009; Майданик 2010; Ruble 2008: 28]. На него обращают внимание и российские социологи [Шалин 2012]. В ряде случаев женщины не склонны делиться персональными данными, сообщать информацию о своём возрасте, а иногда даже о характере работы. Так, на вопрос о возрасте некоторые информантки давали ответ в расплывчатой или описательной форме, не желая заострять на нём внимание, а на вопрос о характере работы за рубежом, одна информантка ответила так:

«Нам хозяин сказал, что, когда нам такие вопросы задают, ну, когда кто-то спрашивает, где мы работаем, чем мы занимаемся, нужно отвечать, что это конфиденциальная информация. Вообще-то, скажем так, это работа в сфере услуг» (Анастасия, Монако, Франция).

На мой взгляд, в подобных ситуациях следует согласиться с тем, что информант имеет право на умолчание и даже на искажение действительных событий или фактов своей биографии, если это не затрагивает чести и достоинства других людей (Алексеев 2012: 19).

Несмотря на то, что данное полевое исследование проводилось в основном в малых городах Украины с высоким уровнем внешней экономической миграции, задача отбора респондентов для исследования оказалась серьёзной проблемой. Те члены транснациональных семей мигрантов, которые согласились на интервью, были в основном представителями наиболее благополучных домохозяйств, которые явно выиграли от «миграционности» [Абашин 2012] их мобильных членов и смогли избежать её отрицательных последствий благодаря сильным родственным связям между их членами, высокой степени семейной синергии, традициям взаимовыручки и поддержки, атмосфере «семейственности» в отношениях. Поэтому эти информанты были готовы делиться своими «историями успеха» с интервьюерами. В то же время значительная часть потенциальных респондентов для нашего опроса оказались труднодоступными или даже недоступными для исследовательской группы. В основном это были трудовые мигранты или члены их транснациональных семей, имеющие негативный опыт трудовой миграции и представляющие весьма солидную долю представителей целевой группы исследования. По причине негативного или травматичного опыта миграции они не пожелали рассказывать о своём опыте или опыте своих родственников, находящихся на заработках за рубежом.

Так, один из ассистентов проекта, проводивший опрос в районном центре Тернопольской области, имеющей наиболее высокий уровень миграционного оттока, обратился с просьбой о помощи в рекрутировании информантов для проекта к завучу местной школы, которая предоставила ему список родителей детей, происходивших из семей трудовых мигрантов. Из этого списка, состоявшего из около 30 фамилий, более 15 отсеялось сразу, поскольку по мнению завуча, они были ненадёжными информантами, с которыми с её слов «не о чем разговаривать». Эта характеристика относилась в основном мужьям женщин-мигранток, оставшимся дома «на хозяйстве». Эти мужчины не смогли найти себя в новых экономических условиях, не сумели приобрести навыков, необходимых для успешной интеграции в рыночные отношения и не справлялись с ролью менеджеров домохозяйства на период отсутствия их жен на заработках за рубежом. Из оставшихся 10–15 человек удалось связаться лишь с 4, так как остальные были недостижимы, будучи заняты работой по домохозяйству, на приусадебных участках, огородах и т. д. Их этих 4 лиц лишь одна женщина согласилась дать интервью, в то время как трое от общения отказались, мотивируя это нежеланием общаться на тему трудовой миграции.

Проблема доступности информантов особенно остро стоит в странах трудоустройства мигрантов прежде всего потому, что многие из них проживают за рубежом нелегально. В случае опроса женской аудитории проблемой является то, что многие заробитчанки работают за рубежом в частном пространстве домохозяйств и проживают в семьях работодателей. Личное время у них крайне ограничено, а иногда вообще отсутствует. В силу этих обстоятельств они большую часть времени проводят на рабочем месте и редко оказываются за его пределами, особенно на начальном этапе миграционного цикла, когда у них ещё не наработаны неформальные социальные сети (см. подробнее [Толстокорова 2013]). Упомянутый выше метод «снежного кома», широко распространённый в отборе респондентов для изучения миграции, по отношению к этой группе информантов оказывается малоэффективным, что существенно осложняет поиск респондентов для исследовательской

группы. Причём это относится к поиску информанток не только за рубежом, но и в Украине, поскольку женщины весьма осторожны и избирательны в выборе тех, кому они могут доверить свои интимные переживания. Так, после интервью с одной информанткой я попросила её дать контакты её знакомых, имеющих опыт работы за рубежом, и она порекомендовала свою соседку:

«Я вас сведу со своей соседкой. Она как раз приехала домой на побывку из Италии. Достала уже всех своими рассказами. Часами может рассказывать. Как ни встречу её, так и не могу отделаться, даже на работу из-за неё опаздывала. Дома у себя она уже всем тоже надоела. У всех свои дела, времени мало, а ей хочется с кем-то поделиться. Вот вам пусть и выговорится. И ей, и нам полегчает. Я скажу ей, что вам нужны люди, которые там работали, договорюсь о встрече. Позвоните мне через пару дней.»

Однако, созвонившись с ней, я узнала, что женщина категорически отказалась дать интервью, поскольку опасалась делиться сокровенными переживаниями с незнакомым человеком даже несмотря на то, что меня рекомендовала давняя знакомая из её «круга доверия».

Полевое исследование проблем трудовой миграции может содержать ещё один методологический вызов, связанный со щекотливой темой финансовых аспектов зарубежных заработков. Этот деликатный вопрос имеет непосредственное отношение к проблеме конфиденциальности и анонимности получаемой от респондентов персональной информации. Из-за опасений возможного нарушения этих принципов информанты могут избегать общения с исследователями, или же отказываться обсуждать с ними финансовые вопросы, которые в исследовании феномена трудовой миграции имеют особое значение, поскольку, как правило, являются побудительной силой миграции и основным критерием успешности миграционного опыта.

Таким образом, основной методологической проблемой в работе с трудовыми мигрантами и членами транснациональных домохозяйств является то, что при отборе информантов для интервью методом «снежного кома», в силу «закрытости» этой группы респондентов и высокой степени социальной запрограммированности на положительный опыт, выборка может носить однобокий характер, представляя преимущественно позитивный опыт зарубежных заработков, и не содержать информации о тех категориях мигрантов, которые имеют неблагоприятный опыт работы за границей.

Следует учитывать, что этика полевой работы – это не столько кодекс, сколько процесс и высокое качество социального исследования определяется уважением к этическим принципам [Malkki 2007]. К примеру, невозможно полностью преодолеть асимметричный характер отношений между исследователем и исследуемым, но необходимо осознавать и принимать этот фактор во внимание, реагируя на него критически и стараясь по возможности нивелировать его проявление в своём поведении, демонстрируя уважение к собеседникам. В полевой работе с мигрантами следует иметь в виду, что особенностью исследования «сензитивных субъектов» является необходимость сочетания высоких стандартов исследовательской этики с такими качествами как альтруизм, сочувствие и доброжелательность [Duvell at al. 2008], поскольку информанты, находящиеся в уязвимом социальном положении, например, нелегальные мигранты, во время интервью могут сталкиваться с необходимостью делиться болезненными переживаниями и опытом, которые могут стать причиной нежелания посвящать посторонних

лиц в сферу личной жизни. В связи с этим важным требованием к исполнителям полевого исследования является необходимость соблюдения принципа анонимности в подаче информации об интервьюируемых, например, в форме изменения или сокращенного указания настоящих имен респондентов, избегания точного указания названий населённых пунктов, если информация собиралась в малых городах и сёлах и т. д.

При проведении невключённого наблюдения следует принимать во внимание то, что оно предполагает изучение ситуации исследователем со стороны, когда он/а не участвует в жизни исследуемого объекта и не вступает в прямые контакты с членами группы. И то, и другое наблюдение может производиться как явно, открыто, так и неявно, инкогнито. В связи с последним могут возникнуть определённые деликатные проблемы морального плана. В частности, такое наблюдение может рассматриваться как подглядывание, а иногда даже шпионаж. Всё зависит от того, каким целям оно подчинено и как ведёт себя исследователь. Возможно, следует открыто объяснять исследуемым свою роль как исследователя, чтобы избежать эксцессов, связанных с настороженным отношением к чужаку, без приглашения вторгающемуся в чужое интимное пространство.

Общение с украинскими исследователями трудовой миграции, сталкивавшихся с проблемой труднодоступности информантов, показывает, что в решении данной проблемы полезным может стать сотрудничество с официальными организациями, имеющими доступ к данной целевой группе. Например, с неправительственными организациями, государственными социальными службами, школьными администрациями и отделами образования и т. д. Особое значение следует уделить церкви, которая становится для украинцев «тихой гаванью», где во время работы на чужбине можно найти помощь, совет, поддержку, нужную информацию, возможность неформального общения с земляками и даже временный приют в критической ситуации.

Проблема сбора информации в странах трудоустройства: состав исследовательской команды и личности интервьюеров

Особую категорию полевых исследований миграции составляет опрос респондентов, проводимый в странах трудоустройства, т. е. за рубежом. Помимо уже выделенной выше проблемы закрытости и малодоступности потенциальных респондентов, усиливающих в стране пребывания, перед нами вставали некоторые этические проблемы аксиологического порядка, уже поднимавшиеся ранее [Tolstokorova 2010: 186-187]. Не секрет, что любое полевое исследование, особенно исследование «сензитивных субъектов», требует не только существенных временных и организационных ресурсов, но и значительного материально-финансового обеспечения. В силу ограниченных отечественных возможностей для финансирования подобного рода исследований и мне, и другим украинским исследователям в ряде случаев приходилось прибегать к возможностям, предоставляемым зарубежными исследовательскими группами и проектами, нацеленными на исследование украинской миграции. Более высокий уровень материального и технического обеспечения предоставляет более благоприятные условия и возможности для полевого исследования за пределами Украины. Однако, участие в исследовании представителей принимающей или даже третьей стороны может создавать специфические вызовы совместной полевой работе. То, что представители одной культуры со свойственной им системой ценностей пытаются концептуализировать опыт другой культуры и иного аксиологического контекста, содержит в себе потенциальную проблему в силу вышеупомянутого «эффекта Пигмалиона», подразумевающего влияние личности исследователя на результаты эксперимента и/или их

интерпретацию. Так, некоторые нюансы культурно-обусловленных значений и коннотаций могут попросту ускользать от внимания инокультурных исследователей, некорректно или неадекватно ими интерпретироваться. К примеру, такие понятия, как близость в отношениях, дружба, родственные и семейные узы, имеют разные импликации для представителей западной цивилизации с её индивидуалистической этикой, с одной стороны, и для восточноевропейцев с нашей коллективистской культурной традицией, с другой стороны. Так, во время глубинных интервью с экспертами, которые проводились в Киеве и во Львове совместно с коллегами из CeSPI (аспирантами и ассистентами британских вузов), большинство информантов с горечью обращали особое внимание на деструктивный эффект трудовой миграции для института семьи. Но зарубежные интервьюеры то и дело перебивали их словами: «Только не надо говорить о том, что распадается семья и бла-бла-бла, мы всё это уже не раз слышали. Давайте поговорим о другом...». В таких случаях, на мой взгляд, отечественным исследователям следует тактично обращать внимание иностранцев на то, что мнение информантов, даже если оно расходится с мнением интервьюеров, не может игнорироваться, и в любом случае следует чётко придерживаться целей и задач интервью. Здесь нельзя не согласиться с замечанием, что в интервью всё сказанное респондентом может восприниматься как очевидное, но тем не менее «не грех записать и очевидное» [Алексеев 2011: 24].

Помимо этого, неравенство в отношениях между инокультурными интервьюерами и украинскими респондентами усугубляется тем, что первые воспринимаются последними не только как «иностранцы» и «чужаки», но ещё и как представители стороны работодателя, т. е. эксплуатирующей стороны. Здесь также возникают методологические нюансы, связанные с вопросами степени близости в отношениях между сторонами исследовательского процесса. Результатом социального и эмоционального дистанцирования могут стать попытки информантов скрыть некоторые деликатные моменты своего миграционного опыта. Так, большинство женщин, работавших в Италии, указывали, что сталкивались с сексуальными домогательствами своих хозяев и практически все отзывались об итальянцах обоего пола как о людях, неразборчивых и нечистоплотных в интимных отношениях. Но при этом некоторые из них в общении со мной отмечали, что, когда им приходилось делиться своим опытом с итальянскими исследователями, они не стали посвящать их в негативные аттитудные модели по отношению к принимающей стороне. Поэтому для достижения максимально возможной объективности получаемой от информантов информации желательно, чтобы совместные исследовательские команды были сбалансированными с точки зрения гражданского состава интервьюеров.

Выводы

Данное исследование подтверждает наблюдение, что мягкие, интерпретативные методы сбора и анализа информации оказываются высокоэффективными в исследовании субъективного опыта миграции, выявлении нюансов значений и коннотаций и их оценок индивидами, ложно поддающихся квантификации [Christou 2004]. Также наш опыт изучения украинской трудовой миграции показал, что помимо технических и методологических вызовов полевых исследований [Каныгин 2007; Божков, Помигалов 2008] перед исполнителями нередко возникают этические и эмоциональные вызовы, которые могут осложнить процедуру исследования и повлиять на качество полученных данных. На наш взгляд, решению этой проблемы могут служить использование в полевых исследованиях инновативных методов сбора информации, предоставляемых современными информационно-компьютерными

технологиями. Например, в работе с мигрантами как «сензитивными субъектами» эффективными могут быть методы и техники анонимного общения, гарантирующие соблюдение принципа конфиденциальности в сборе данных и способствующие большей раскованности и открытости респондентов в подаче информации личного характера. К таким техникам можно отнести, например, проведение разнообразных видов интервью «методом ОБС» с использованием мобильной телефонии, электронной почты, программ ICQ и SKYPE, через форумы и блоги мигрантов, работающих в разных странах и т. д. Это позволяет не только обеспечивать большую открытость информантов благодаря их относительной анонимности, но и охватывать более широкий круг респондентов, включая проживающих за рубежом, не покидая рабочего места исследователя и с минимальными финансовыми затратами. Не следует также игнорировать и здравый совет исследователям позаботиться о том, чтобы во время интервью они находились в приемлемой физической, социальной, эмоциональной и психологической форме [Fontein 2013] с тем, чтобы вызывать доверие у информантов, без чего вряд ли можно рассчитывать на открытость и искренность с их стороны.

Литература

- 1 Абашин С. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.
- 2 Абашин С. Движения из Центральной Азии в Россию: в модели нового мироустройства // Pro et contra. 2014. № 1–2 (62). С. 73–83.
- 3 Алексеев А. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) // Телескоп. 2011. № 5 (89). С. 21–29.
- 4 Алексеев А. К дискуссии о соотношении «субъективного» и «объективного» в биографическом нарративе // Телескоп. 2012. №3 (93). С. 18–19.
- 5 Божков О. Б., Помигалов А. А. Заметки о технических проблемах полевых исследований // Социология: 4М. 2008. № 26. С. 176–189.
- 6 Каныгин Г. Инструментальные средства и методологические принципы анализа качественных данных // Социология: 4М. 2007. № 25. С. 70–98.
- 7 Майданік І. Українська молодь на ринках праці зарубіжних держав. Київ: Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи, 2010.
- 8 Пономарева О. Новітні форми української жертвовності. Українське слово. Інтернет-видання. 23.12.2011. < <http://ukrslovo.org.ua/ukrayina/suspilstvo/novitni-formy-ukrayinskoyi-zhertovnosti.html>> (23.03.2013).
- 9 Толстокорова А. В. Героини нашего времени: женская трудовая миграция из Украины // Диаспоры. Независимый научный журнал. 2012 а. № 1. С. 198–226.
- 10 Толстокорова А. В. «Мама моет раму в Риме»: Гендерные аспекты транснационального родительства в Украине // Журнал исследований социальной политики. 2012 б. Т. 10, № 3. С. 396–408.
- 11 Толстокорова А. В. Транснациональная семья как модернизированная модель семейных отношений: панацея, яд или плацебо? // Социологический журнал. 2013 а. № 3. С. 40–62.
- 12 Толстокорова А. В. Лучи света в тёмном царстве: социальные дивиденды мигрантов в гендерной перспективе // Этнографическое обозрение. 2013 б. № 5. С. 140–153.

- 13 Толстокорова А. В. И сто друзей, и сто рублей: роль самоорганизации и социальных сетей в социальной включенности украинских «заробитчанок» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013 в. Том XIV. № 1 (66). С. 167–181.
- 14 Толстокорова А. В. О бедном мигранте замолвите слово... Модернизация маскулинности в украинской трудовой миграции // Диаспоры. 2014а. № 2. С. 178–197.
- 15 Толстокорова А. В. «Папы всякие нужны»: трансформации института отцовства в украинской транснациональной семье // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014б. Том XVII. № 3 (74). С. 94–111.
- 16 Шалин Д. Проблемы мемуарной этики и достоверности биоинтервью // Телескоп. 2012. №3 (93). С. 8–17.
- 17 Christou A. Reconceptualizing Networks through Greek-American Return Migration: Constructing *Identities*, Negotiating the *Ethnos* and Mapping *Diasporas* – Theoretical Challenges Regarding Empirical Contributions // Spaces of Identity. 2004. Vol. 4. № 3. P. 53–70.
- 18 Corbin J., Strauss A. Basics of qualitative research: Techniques and procedures for developing grounded theory. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2008.
- 19 Cvajner M. Hyper-femininity as decency: Beauty, womanhood and respect in emigration // Ethnography. Vol. 12. No 3. 2011. P. 356–374.
- 20 DeRoche C. «I Learned Things Today That I Never Knew Before»: Oral History at the Kitchen Table // Oral History Review. № 23 (2). 1996. С. 45–61.
- 21 Donato K.M., Gabaccia D., Holdaway J., Manalansan M., Pessar P.R. Glass Half Full? Gender in Migration Studies // International Migration Review. № 1. 2006. P. 3–26.
- 22 Duvell F., Triandafyllidou A., Vollmer B. Ethical issues in irregular migration research. CLANDESTINO, 2008.
- 23 Fontein J. Chapter 4. Doing Research: Anthropology and Ethnographic fieldwork // Doing Anthropological Research. A practical guide /Ed. Konopinski N. Routledge, 2013.
- 24 Lan P. C. Global Cinderellas: Migrant Domestic Workers and Newly Rich Employers in Taiwan. Durham & London: Duke UP, 2006.
- 25 Malkki L. H. Tradition and Improvisation in Ethnographic Field Research // Improvising Theory: Process and Temporality in Ethnographic Fieldwork / Eds. Cerwonka A., Malkki L. H. Chicago: University of Chicago Press, 2007.
- 26 Ruble B.A. Establishing a New Right to the Ukrainian City. Kyiv: Kennan Institute, 2008.
- 27 Phizacklea A. Gender Actors in Migration, In: Gender and Ethnicity in Contemporary Europe/ Ed. Andall J., Oxford: Berg, 2003.
- 28 Sánchez-Carretero C. Motherhood from Afar: Channels of Communication among Dominican Women in Madrid // A European Journal of International Migration, № 43-45, 2005. P. 145–63.
- 29 Tolstokorova A. Costs and Benefits of Labour Migration for Ukrainian Transnational Families: Connection or Consumption? // Les cahiers de l'URMIS. Circulation migratoire et insertions économiques précaires en Europe. No 12. Juin 2009. URL: <http://urmis.revues.org/index868.html>
- 30 Tolstokorova A. Where Have All the Mothers Gone? The Gendered Effect of Labour Migration and Transnationalism on the Institution of Parenthood in Ukraine // The

Anthropology of East Europe Review (AEER). Special issue «Gender in Postsocialist Eastern Europe and the former Soviet Union». Vol. 28. № 1. 2010. P. 184–214.

- 31 Tolstokorova A. One Way Ticket?: International Labour Mobility of Ukrainian Women, In: New Mobilities Regimes in Art and Social Sciences. Susane Witzgall, Gerlinde Vogl and Sven Kesselring, (Eds.) Burlington: Ashgate Publishing Ltd, 2013. P. 99–108.

Н. П. Щукина

**ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ
РАБОТЫ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ**

ЩУКИНА Н. П. – доктор социологических наук, зав. кафедрой социологии социальной сферы и демографии СамГУ. E-mail: nina_shukina@mail.ru.

Необходимость специального рассмотрения вопросов организации независимой оценки качества работы учреждений социальной сферы (далее – независимая оценка) обусловлена глубокой озабоченностью профессионального сообщества результатами реформирования этой сферы на протяжении последней четверти века. Сказанное нашло отражение в научном дискурсе, целом ряде официальных административных текстов, включая известные указы Президента РФ и постановления Правительства РФ периода 2012–2013 гг., а также в социологических исследованиях Института социологии РАН, ВЦИОМа, Левада-Центра, ФОМа, других исследовательских групп.

Организация независимой оценки работы социальных служб связана с целым рядом проблем, которые можно подразделить на теоретические и практические, личные и общественные, решаемые и нерешаемые, другие. Более того, разнообразие этических проблем, с которыми сталкиваются общественные эксперты, можно также сгруппировать разным образом, в том числе в соответствии с этапами осуществления данной экспертной деятельности: сбор, обработка и презентация собранного эмпирического материала. Возможен и вариант классификации этих проблем в соответствии с ролевым репертуаром, проигрываемым участниками такой оценочной деятельности, включая роли общественных экспертов.

В данном случае в фокусе нашего исследовательского интереса – этические проблемы, с которыми сталкиваются органические публичные социологи, участвующие в 2012–2014 гг. в независимой оценке работы названных выше организаций. В этой связи заметим, что у любой сколь-нибудь развитой профессии есть свой Этический кодекс, в котором прописывается ответственность специалиста перед респондентом/клиентом/пациентом, своей организацией, профессией, обществом в целом. Есть этические кодексы у государственных служащих, социальных, медицинских работников, у ряда общественных объединений, например, Всероссийского союза пациентов и, разумеется, у социологов. Кстати сказать, за последние десятилетия вопросы, лежащие в основе этических стандартов, не претерпели значительных изменений: обсуждение основных спорных позиций существенно не изменилось [1, с. 725].

В нашем случае принятие этического кодекса независимых общественных экспертов по оценке работы учреждений социальной сферы представляется актуальной задачей, что нашло отражение в проекте, реализованном нами совместно с одним из региональных НКО при

финансовой поддержке Правительства данного региона [2]. Принятие такого кодекса – это определение средств, с помощью которых независимые эксперты могут регулировать свою экспертную деятельность и публично заявлять о принципах взаимодействия с респондентами – клиентами и сотрудниками учреждений, работа которых ими оценивается. Иными словами, целью этического регулирования сравнительно нового процесса могло бы стать создание правил взаимодействия общественных экспертов с респондентами, специалистами, учреждений, работа которых оценивается; органами власти, гражданским обществом. Наличие такого регулятора способствовало бы достижению большей эффективности оценочной деятельности, направленной на улучшение качества социальных услуг и коммуникации акторов, взаимодействующих на поле социальной политики.

Этический кодекс, наряду с этим, мог бы стать и инструментом для самооценки самих экспертов. Причём крайне важным в данном случае является вопрос о статусе такого документа. Так, в настоящее время идёт дискуссия о возможности/необходимости утверждения Типового кодекса этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих либо издания его в форме федерального закона: необходимо ли сохранение рекомендательного характера такого текста? [3]. Кстати сказать, этические кодексы носят, как правило, именно рекомендательный характер. Этические стандарты больше похожи на тексты для интерпретации, чем на свод правил, которым должно следовать: они дают схему или принципы, подлежащие оценке, исходя из их пригодности в данной конкретной ситуации.

В случае с социологией, казалось бы, такой кодекс имеется как в международном социологическом сообществе, так в национальных ассоциациях. Однако важно иметь в виду и другое: разные специалисты придерживаются разных позиций по отношению к вопросам этики. Универсалисты считают, что этические правила никогда нельзя нарушать, в то время как ситуационалисты – приверженцы «принципиального релятивизма» [1, с.728]. Как постулировал в своё время М. Сипорин, стандарты даются нам не для того, чтобы слепо следовать им [4]. Более того, в этической сфере многое отводится на усмотрение. В итоге нарушения этических норм весьма распространены [1, с.728]. Ситуация усложняется в нашем случае тем, что состав общественных экспертов весьма пёстр. Это могут быть наряду с публичными социологами потребители социальных услуг, члены и руководители общественных объединений, лица, имеющие как техническое, так и гуманитарное образование и т. п. Они, порой, значительно отличаются друг от друга в своих подходах и не только к этическим вопросам.

В случае с органическими публичными социологами, участвующими в независимой оценке, представляется важным вопрос о стержне, на который необходимо нанести их разнообразный ролевой репертуар. Если акцент делать на «общественном» характере анализируемой деятельности, то по сути таким экспертам необходимо быть готовым к высокому уровню неопределённости в проигрывании таких ролей, как друг, адвокат, реформист, что предполагает умение делать выбор с наименьшими потерями и взятие ответственности на себя [5]. Речь идёт о том, что есть этические проблемы каждой из этих ролей, например, должен ли исследователь в роли адвоката публиковать или иными способами озвучивать информацию, представляющую исследуемые организации в негативном свете? Кстати, результаты общественной оценки эффективности расходования бюджетных средств – заключения общественных экспертов в соответствии с законодательством дважды в год размещаются на сайтах министерств, бюджетная политика которых таким образом оценивается общественностью. И тогда вправе ли публичные социологи, в этой работе участвующие, публиковать научную статью по соответствующей тематике и необходимо ли в таком случае

кодировать информацию, ведь она по сути уже в свободном доступе для широкой общественности?

Если акцент делать на второй составляющей дефиниции «общественный эксперт», то крайне важно, на наш взгляд, сфокусировать внимание на профессионально организованной независимой оценке. И тогда к ключевым проблемам такой организации необходимо отнести, прежде всего, инструмент, спущенный сверху в виде анкеты, рекомендуемой для осуществления такой оценки. Имеется в виду тот факт, что данная анкета составлена с рядом нарушений правил разработки социологического инструментария, касающихся структуры инструмента, формулировки ряда вопросов и т. п. [6].

С ролевым репертуаром общественных экспертов, искусством его применения, тесно связаны этические принципы анализируемой деятельности. Принято считать, что они должны базироваться на здравом смысле, научном знании, учёте сложившихся практик независимой оценки. Однако открытым опять же остаётся вопрос о стержне, на который будут эти принципы нанизаны.

Не менее важен и вопрос независимости общественного эксперта, которая может быть нарушена как «сверху», так и «снизу» — как со стороны организаторов независимой оценки работы учреждений социального обслуживания, так и со стороны его участников, респондентов, например. Привязанность к какой-либо из этих групп, всё равно к какой, может привести эксперта к игнорированию одних данных и к акцентированию других и, соответственно, к нарушению максимально возможной полноты и непредвзятости оценки работы учреждений социального обслуживания.

Разумеется, перечень этических проблем, с которыми сталкиваются общественные эксперты в анализируемой деятельности, гораздо шире. Тем не менее, сказанного, думается, достаточно, дабы предложить в качестве методологического основания как изучения этих проблем, так и их решения теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса, согласно которой крайне важно сфокусировать внимание на коммуникации, направленной – в нашем случае – на взаимное понимание акторов, взаимодействующих на поле оценочной деятельности, на диалоге и продуктивных способах его ведения этими акторами [7]. Данная «полезная социология» могла бы стать, на наш взгляд, и основанием ведения круглого стола «Этика социолога» в рамках Грушинской конференции 2015 г.

И последнее: в современном *«прагматически настроенном обществе»* нет ничего рационального в принятии на себя обязательств быть нравственным человеком [8, с. 103]. Речь идёт о том, что работа в социальной сфере – исследовательская не исключение из правил – *«какие бы внешние характеристики она не имела, является, помимо прочего этическим жестом принятия ответственности за судьбу и благосостояние других»* [8, с.101]. Причём, неясность и двойственность обязательны в этическом мире и не могут быть искоренены без разрушения нравственной сути ответственности, того фундамента, на котором и стоит этот мир. В этой связи предлагаем рассматривать наш текст как приглашение к взаимодействию с публичными социологами, другими акторами на сравнительно новом поле социальной политики и ее исследования.

Литература

- 1 Белл Э., Браймен А. Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2012. 776 с.

- 2 Щукина Н. П., Логинова И. А. Работе учреждений социального обслуживания населения – объективную и независимую оценку качества оказываемых услуг. Самара: ООО «Офорт», 2014. 67 с.
- 3 Минтруд России проводит обсуждение Типового кодекса этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих. URL: <http://www.rosmintrud.ru/labour/public-service/101/>
- 4 Siporin M. Introduction to Social Work Practice. N.Y., 1975. P. 50.
- 5 Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. С.121–126.
- 6 Методические рекомендации по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/120>
- 7 Хабермас Ю. Этика дискурса: замечания к программе обоснования // Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. С. 67–172.
- 8 8/ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 103.

Д. К. Абакаров
ОПУБЛИКОВАНИЕ СВЕДЕНИЙ
ОБ ОБРАЗОВАНИИ И О КВАЛИФИКАЦИИ ЧИНОВНИКОВ
КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ВЛАСТИ

АБАКАРОВ Д. К. – старший преподаватель кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат социологических наук. E-mail dimaasp@mail.ru.

В последнее время в России участились случаи выявления среди государственных и муниципальных служащих недобросовестных лиц, имеющих поддельные дипломы о высшем образовании, а также об учёных степенях и учёных званиях. С этим злом сражаются (с переменным успехом) и правоохранительные органы, и кадровые службы министерств и ведомств, и гражданские активисты. Особенно заметна в этом контексте деятельность вольного сетевого сообщества «Диссернет», регулярно сообщаящего на своей страничке в Интернете о вновь обнаруженных фактах неправомерных заимствований в диссертациях чиновников разного ранга.

Деятельность «Диссернета» выявила важный, на наш взгляд, аспект проблемы: самоорганизующиеся структуры гражданского общества вновь оказались более оперативны (и, смею заметить, более результативны) в плане привлечения общественного внимания к такой социально-управленческой патологии, как представление заведомо ложных данных о профессиональном образовании и профессиональной квалификации чиновников. Все это наводит на мысль о том, что истинная квалификация государственного кадрового корпуса гораздо ниже официально задекларированной.

В то же время в правительственных кругах активно обсуждается стратегия ужесточения требований к претендентам на замещение должностей государственной и муниципальной службы в части соответствия их квалификации профилю деятельности государственного (муниципального) органа, конкретного структурного подразделения и конкретной должности. Требования к уровню образования, его профилю и квалификации предполагается включать в должностные регламенты служащих.

Думается, что это шаг в верном направлении. Однако без сопоставления фактических данных о профессиональном образовании и профессиональной квалификации государственных и муниципальных служащих – установленным требованиям невозможно иметь полный профессионально-квалификационный портрет современного российского чиновника. Люди имеют право знать, какое образование и какую квалификацию имеют те, кто волей политических руководителей отвечают за повседневное управление той или иной отраслью народного хозяйства.

В этой связи предлагается следующее.

Наряду с публикацией на сайтах государственных и муниципальных органов сведений о доходах служащих, так же открыто публиковать сведения о профессиональном образовании и о квалификации – персонально по каждому чиновнику.

В состав указанных сведений, по нашему мнению, должны входить:

- Полное официальное наименование высшего учебного заведения, которое окончил чиновник.
- Год окончания.
- Направление подготовки (специальность).
- Присвоенная квалификация (степень).
- Форма обучения (очная, заочная, очно-заочная (вечерняя), экстернат).
- Тема выпускной квалификационной работы.
- Оценка, полученная на защите ВКР, а также сведения о внедрении результатов ВКР в практику (при наличии).

Для лиц, которым присуждены ученые степени, также размещать сведения об обучении в аспирантуре (соискательстве) и защите диссертации:

- Полное официальное наименование высшего учебного заведения (научного учреждения), в котором была подготовлена диссертация.
- Форма, в которой была подготовлена диссертация (очная аспирантура, заочная аспирантура, соискательство).
- Год окончания аспирантуры (при наличии).
- Отрасль наук.
- Специальность научных работников.
- Тема диссертации.
- Шифр диссертационного совета, а также полное официальное наименование высшего учебного заведения (научного учреждения), в котором была защищена диссертация.
- Ф.И.О. председателя, заместителя председателя и ученого секретаря диссертационного совета.
- Ф.И.О. научного руководителя (консультанта).
- Ф.И.О. официальных оппонентов.
- Ведущая организация.
- Сведения о практическом внедрении результатов диссертационного исследования.

Все эти данные должны размещаться в открытом доступе на сайте государственного (муниципального) органа, актуализироваться не реже двух раз в год (например, по состоянию на 1 января и 1 июля). Непредставление указанных сведений, внесение заведомо ложных или неполных сведений должно рассматриваться как дисциплинарный проступок со всеми вытекающими последствиями.

В соответствии с требованиями федерального законодательства, чиновник обязан не реже одного раза в три года проходить повышение квалификации. Сведения о повышении служащими квалификации, наименования образовательных программ и итоговых документах, организациях, в которые служащие направляются на обучение, также должны в обязательном порядке размещаться на сайтах государственных (муниципальных) органов.

В. В. Бурдюг
ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

БУРДЮГ Василий Викторович – аспирант кафедры философии и социально-политических технологий РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина по направлению 22.00.03 "Экономическая социология и демография". E-mail: mba-21@mail.ru.

В 21 веке много работ проводится с синергетических позиций, объединяя разнообразные науки и теории. Не остался в стороне и Университет Нефти и Газа им. И. М. Губкина, где на кафедре философии и социально политических технологий ведутся исследования социологов и философов в области юриспруденции. Необходимость проведения экспериментов проявилась в связи с потребностью современной юриспруденции установления связей между правосознанием и позитивным правом.

Поставлена проблема: как влияют друг на друга правосознание и законы, опубликованные и принятые юридически.

Принятая в юриспруденции доктрина несколько анахронична.

Юриспруденция считает, что связь между сознанием и позитивным правом проявляется следующим образом: представители народа в законодательном органе являются носителями правосознания, и руководствуются им участвуя в нормотворчестве. После вступления нового закона в силу, он становится общеобязательным, и должен менять правосознание остальных членов общества (избирателей).

Очевидно, что проблема взаимосвязи нормотворчества и изменения правосознания гораздо глубже. Надежды юристов на революционные изменения правосознания силой принуждения к исполнению закона не имеют серьезных оснований, поскольку принуждение к какой-либо деятельности не в состоянии изменить отношения к ней. Применение силы не лучший способ развития сознания. Конструкт юристов о росте правосознания скорее описывает конфликт, чем согласие.

Этой доктрине противопоставлена новая гипотеза, которая выдвинута и проверяется: принятие закона должно включать социологические исследования, направленные на выявление ожиданий и настроений всех членов общества, что может детерминировать соответствие принимаемых норм правосознанию большинства. Связь между писанным и неписанным правом должна и может быть двусторонней, а это в свою очередь может придать эволюционность развитию правосознания.

Юриспруденция обеспечивает активное влияние на правосознание путем принятия общеобязательных норм. Социология выявляет общественное мнение в области права и может получить достоверную информацию об имеющемся правосознании. Синергетический эффект может быть достигнут применением общеполитической методологии и методов прикладной социологии к влиянию юриспруденции на правосознание.

В настоящее время предстоит определить параметры социологических экспериментов в области правосознания – фокус группы, области права, которые будут исследоваться и регулироваться.

Данное исследование позволит проверить: возможно ли эволюционное развитие права и правосознания.

Проведенные эксперименты помогут выявить новые пути развития правотворчества. История права объясняла эти пути по-разному: издавна они освящались волей Бога в религиозных постулатах, в новое время принятие законов в воле облеченных властью людей, а проведенные в настоящее время эксперименты покажут, возможно ли правотворчество, связанное с ожиданиями самих исполнителей закона.

Литература

- 1 Ильин И. А. О сущности правосознания / И.А.Ильин. М.: Рарогъ,1993. 235с.
- 2 Аверин А. В. Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей: Проблемы теории и практики / Под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Сарат. гос. акад. права», 2003. 308с.
- 3 Бреднева В. С. Уровни правосознания и юридическая деятельность. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. 164с.
- 4 Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б. Н. Топорнин. М.: Юристь, 2001. 1272 с.

Е. А. Васильева

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)

ВАСИЛЬЕВА Елена Александровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальных проблем труда Академии наук Республики Саха (Якутия). E-mail: vasilieva_ea@bk.ru.

Взаимодействие средств массовой информации и государственной службы давно представляет собой предмет научного интереса социологии. Чаще всего акцент исследований ставился на таких его аспектах, как воздействие органов государственной власти на масс-медиа с точки зрения ограничения свободы слова [1], использование СМИ в целях пропаганды и формирования общественного мнения, то есть как средства политической манипуляции [2; 3], а также их роль как медиатора между государством и гражданским обществом [4]. Требование открытости и прозрачности государственного управления, определенное на последнем этапе административной реформы в Российской Федерации как один из важнейших критериев повышения эффективности государственной службы, актуализировало эти вопросы.

В Республике Саха (Якутия) мероприятия по обеспечению открытости органов исполнительной власти путем формирования электронного правительства и привлечения институтов гражданского общества, по мнению правительства, были реализованы успешно [5]. Так, с 1999 года внедрена практика регулярных отчетов правительства перед населением. В соответствии с государственной программой Республики Саха (Якутия) «Развитие информационного общества» внедряется система оказания государственных услуг в электронной форме, действуют 13 информационных систем, в т. ч. по размещению государственного заказа, обеспечению электронного документооборота и оказанию социальной помощи. На территории республики действуют 1100 общественных объединений,

создана Общественная палата Республики Саха (Якутия) и советы при органах исполнительной власти, в 2014 г. принят закон «Об общественном контроле в Республике Саха (Якутия)».

Показателем эффективности проводимых мероприятий является уровень доверия населения к органам исполнительной власти, определяемых по итогам опросов общественного мнения. По итогам 2013 года Республика Саха (Якутия) существенно улучшила свои показатели, поднявшись на 17 место с 32. Уровень удовлетворенности населения составил 40,1%, что выше, чем уровень 2011 года на 6,07 п.п [6].

Для оценки и верификации тенденции повышения удовлетворенности населения, выявленных в результате опроса, было проведено исследование оценки эффективности деятельности государственной службы в СМИ Республики Саха (Якутия) методом контент-анализа. Целью исследования было выявление представлений о государственной гражданской службе, формируемых в средствах массовой информации Республики Саха (Якутия) в 2011 и в 2013 гг. Определены следующие задачи:

- 1 Выявление представлений о целях и задачах государственных гражданских служащих в средствах массовой информации Республики Саха (Якутия).
- 2 Определение отношения средств массовой информации Республики Саха (Якутия) к деятельности государственных гражданских служащих по критерию эффективности.
- 3 Были выдвинуты следующие гипотезы:
- 4 Основным критерий эффективности деятельности государственных гражданских служащих в Республике Саха (Якутия) средствами массовой информации определяется как повышение уровня и качества жизни населения республики.
- 5 Деятельность государственных гражданских служащих в средствах массовой информации Республики Саха (Якутия) оценивается как неэффективная.
- 6 В предвыборный период (2013 год) доля негативных оценок деятельности органов исполнительной власти снижается.

Обследуемая совокупность представлена двумя средствами массовой информации: газета «Якутия» как официальный источник информации о деятельности органов исполнительной власти и газета «Якутск вечерний» как представитель оппозиционной точки зрения. Частота информации – количество абзацев, с упоминанием единиц счета в тексте. Единицы счета: государственный гражданский служащий = чиновник = работник органа государственной (исполнительной) власти = правительство.

В результате исследования были получены следующие результаты. В предвыборный период количество упоминаний государственной службы в СМИ увеличилось: в 2013 г. в газете «Якутия» чиновничество упоминалось 5302 раза (165,4% от уровня 2011 г.), а в газете «Якутск вечерний» - 3522 раза (159,7% от уровня 2011 г.). Большинство упоминаний содержится в сообщениях о социально-экономическом положении Республики Саха (Якутия), а также в сообщениях о деятельности политических акторов (табл. 1), причём в предвыборный период доля упоминаний государственной службы в сообщениях о деятельности политических акторов в оппозиционном СМИ увеличивается.

Таблица 1 Распределение упоминаний государственной гражданской службы по типу сообщений, %

Тип сообщения	2011		2013	
	Якутия	Якутский вечерний	Якутия	Якутский вечерний
Официальные сообщения	10,9	4,9	5,4	2,9
Сообщения о социально-экономическом положении РС(Я)	56,8	61,5	58,7	49,3
Сообщения о социально-экономическом положении РФ	2,2	1,5	5,3	7,9
Биографические сообщения	3,3	4,9	1,4	4,1
Сообщения о деятельности производственных предприятий	2,3	2,6	4,8	3,6
Сообщения о деятельности политических акторов в РС(Я)	15,1	13,1	15,1	16,7
Сообщения о деятельности политических акторов в РФ	4,4	3,2	3,6	6,4
Сообщения о криминогенной обстановке	0,8	5,2	1,4	6,5
Сообщения о культурно-массовых мероприятиях и событиях в сфере искусства	2,9	2,9	2,6	1,2
Сообщения о спортивных мероприятиях	1,2	0,2	1,8	1,4

Таким образом, республиканские СМИ в качестве основной задачи государственной службы определяют социально-экономическое развитие территории, а также участие в деятельности лиц, занимающих государственные должности.

Распределение упоминаний государственной службы по знаку высказывания характеризует оценку эффективности деятельности чиновников. В 2011 г. доля негативных высказываний в газете «Якутск вечерний» была максимальной (50,1%), а в газете «Якутия» доля позитивных высказываний превосходила долю негативных почти в 2 раза. В предвыборный период доля негативных высказываний в обоих СМИ существенно снизилась (в официальном СМИ – в 2 раза, в оппозиционном – на четверть). Также снизилась и доля позитивных высказываний (рис. 1).

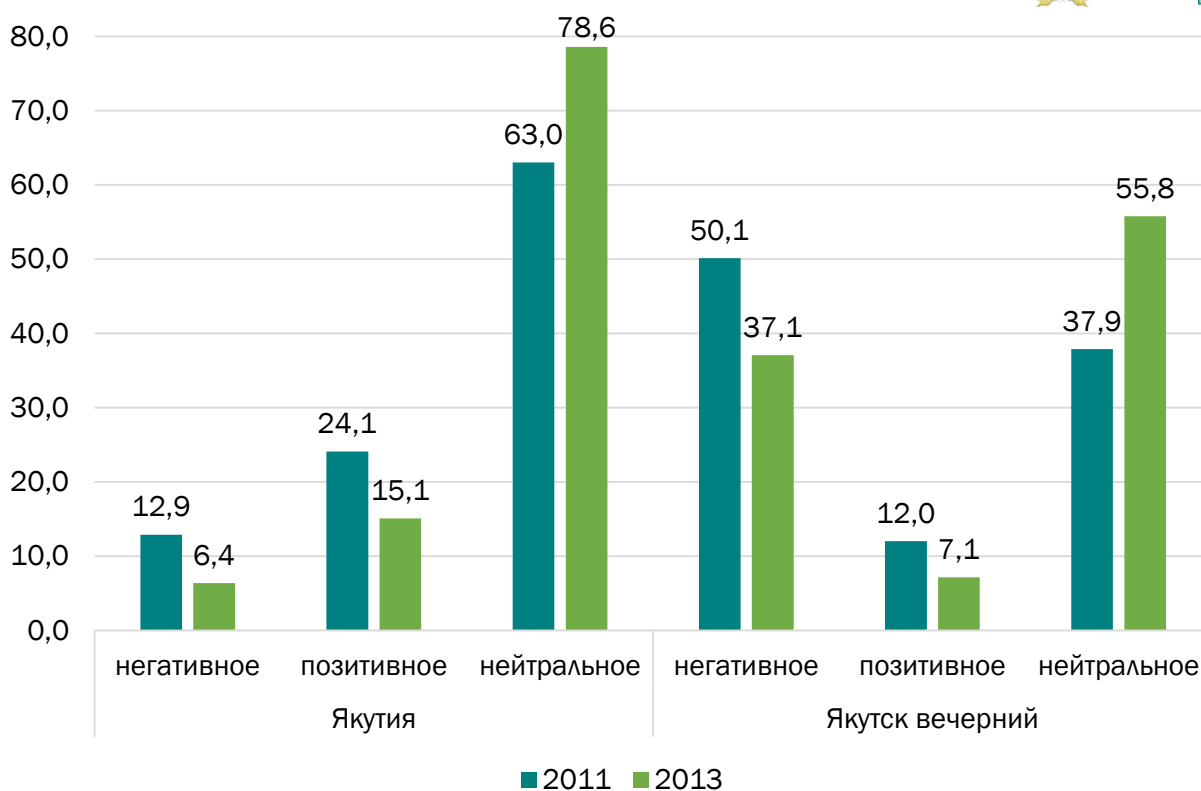

Рисунок 1 – Распределение упоминаний государственной службы по знаку информации, %

Таким образом, выдвинутые гипотезы подтвердились. В республиканских СМИ оценка деятельности государственной службы находится в зависимости от уровня социально-экономического развития. В базовом году эта оценка в оппозиционном СМИ была преимущественно негативной, в официальном – нейтральной, в предвыборном году оценка стала преимущественно нейтральной в обоих СМИ, но существенное снижение доли негативных высказываний позволяет сделать вывод о росте уровня доверия к деятельности органов исполнительной власти, хотя в целом эффективность государственной службы оценивается скорее как низкая.

Литература

- 1 Кин Д. Средства массовой информации и демократия. М.: Наука, 1993. 167 с.
- 2 Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. : Алгоритм Алгоритм-кн., 2000. 728 с.
- 3 Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория – Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. 327 с.
- 4 Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие: Пер. с англ. // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: УРСС, 2002. 239 с.
- 5 Отчёт министра связи и информационных технологий Республики Саха (Якутия) о деятельности министерства за 2013 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sakha.gov.ru/node/196087> (02.02.2015 г.)

- 6 Доклад об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по итогам 2013 года с учётом динамики показателей за 3-летний период [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mines-rd.ru/data/cont/1304499569/1402408704.pdf> (03.02.2015 г.)

А. В. Гаврилов, О. В. Епархина

НОВЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УРОВНЯ УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ ГРАЖДАН КАЧЕСТВОМ ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

ГАВРИЛОВ Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. E-mail: andrvg@mail.ru.

ЕПАРХИНА Ольга Валерьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. E-mail: gelaq@mail.ru.

В настоящее время органами государственного и муниципального управления проводятся масштабные исследования уровня удовлетворённости граждан качеством предоставляемых государственных и муниципальных услуг. Методической основой для них как правило служит методология, разработанная Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, одобренная Министерством экономического развития Российской Федерации [1].

Основой для написания настоящего доклада послужили материалы отчетов пяти региональных и местных администраций ЦФО РФ в период 2012–2014 гг.

Основным методом исследования является, как правило опрос по формализованной анкете по месту жительства респондентов. Предусмотренные методологией в дополнение к опросам фокусированные интервью и наблюдение как правило не используются.

По результатам опросов населения, получавшего услуги рассматриваемых органов власти наиболее распространены следующие услуги: техосмотр, регистрация дома, земли, сделок с недвижимостью, ограничений прав, оформление / перерасчет пенсии, получение заграничного паспорта.

Среди прочих услуг можно выделить: регистрация / снятие с учета транспортных средств, получение / замена водительского удостоверения, получение / обмен паспорта РФ, регистрация по месту жительства / пребывания, выдача справок из ЕГРП, кадастровых выписок, паспортов, планов, подача налоговой декларации, получение информации о рынке труда и подбор вакансий (поиск работы), регистрация рождения ребёнка.

Получателями услуг являются разные категории граждан (по возрасту, роду деятельности, месту жительства). Частота обращений граждан за получением тех или иных услуг в определённой степени зависит от их возраста, жизненного этапа. Молодые люди 18–24 лет сравнительно чаще других получали услуги ЗАГС и Миграционной службы, а заметно реже – услуги Росреестра. Люди среднего возраста (25–54 года) чаще других обращались за услугами ГИБДД, а также Налоговой службы и Службы занятости. Старшее поколение (55 лет и старше) – основные получатели услуг Пенсионного фонда, также чаще других возрастных категорий они обращались в органы Росреестра. Работающее население чаще, чем неработающее,

обращается за услугами ГИБДД, Миграционной и Налоговой служб. Неработающее население чаще всего обращается за услугами Росреестра, а также Пенсионного фонда.

От типа населённого пункта, в котором проживают опрошенные заявители, частота обращения в те или иные органы власти существенно не зависит.

Заочная форма получения государственных (муниципальных) услуг мало распространена среди заявителей.

Уровень удовлетворённости заявителей измеряется по следующим параметрам: временные затраты, очереди, срок предоставления услуги, дополнительные финансовые расходы; уровень удовлетворенности комфортностью мест предоставления услуги; возможностью получения услуг через интернет; информированность о работе МФЦ.

Оценкой уровней удовлетворённости как правило занимаются структуры, подчиненные самому органу власти, либо непосредственно сотрудники администрации. Вследствие этого получаемые результаты удовлетворенности фактически представляют собой самооценку, подкрепляемую данными опросов. Как правило результаты замеров показывают средний уровень удовлетворенности населения на уровне 70–80%, что достаточно для получения премий сотрудниками администраций. Год от года данные меняются как правило незначительно, чаще в сторону улучшения. Отдельной темой обсуждения является уровень социологической компетентности сотрудников, проводящих эти исследования. Часто он просто ниже всякой критики. Администрации заинтересованы прежде всего в достаточно высокой оценке своей деятельности, соответственно для них хорошим специалистом является тот, который дает нужные цифры.

Косвенные данные свидетельствуют о среднем завышении показателей удовлетворенности примерно в 2 раза. Таким образом, прежде чем обсуждать совершенствование методик исследования удовлетворенности населения получением государственных и муниципальных услуг, необходимо обеспечить объективность и высокую профессиональную компетентность подобных исследований. Исследования должны проводить организации, не зависящие от оцениваемых структур, на основе типовых массовых методик, обеспечивающих возможность сравнения результатов разных регионов, органов власти. Безусловно необходимым является широкое общественное обсуждение предоставляемых отчетов по результатам исследований, с тем чтобы исключить в дальнейшем участие непрофессионалов, а зачастую и просто мошенников, а также аффилированных структур в конкурсах за право проведения исследования.

Для использования возможностей исследования больших неструктурированных массивов данных необходим прежде всего доступ к этим базам данных, например, к данным активности пользователей сайта «Госуслуги». Большие неструктурированные массивы информации позволяют если не исключить, то ограничить возможности их «корректировки» заинтересованными структурами. Кроме того, доступ к ним возможен напрямую, «через головы» местных властей. Это даёт возможность объективной оценки и сравнения результатов различных структур и администраций. Данная публикация является заявлением о готовности проведения нами исследовательских действий с подобными данными, с дальнейшей публикацией результатов и участием в разработке методических рекомендаций по проведению аналогичных исследований.

Литература

- 1 Письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 28 февраля 2014 г. N 3939-ОФ/Д09и «О методике проведения социологического

исследования и оценки удовлетворенности граждан российской федерации качеством предоставления государственных и муниципальных услуг»
<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP&n=583684&req=doc>.

Ю. В. Дорохова
**ПРОГРАММЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
 ОПЫТ АНАЛИЗА ДОКУМЕНТОВ**

ДОРОХОВА Ю. В. – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Социология и психология управления» Орловского филиала РАНХиГС.

Развитие патриотизма в нашей стране актуально не только в связи с предстоящим юбилеем Победы в Великой Отечественной войне. Патриотическое воспитание охватывает все уровни воспитательной деятельности, начиная с семьи и заканчивая высшими органами государства, и предполагает как организацию мероприятий патриотической направленности на федеральном и региональном уровнях, так и проведение индивидуально-воспитательной работы с отдельно взятой личностью.

Это отражено в Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы». Основной целью Программы является дальнейшее развитие и совершенствование системы патриотического воспитания граждан. Субъекты Российской Федерации также в большинстве своем разработали программы патриотического воспитания. Следует отметить, что эти программы разработаны по аналогии с государственной Программой.

Для контент-анализа этих программ выделены мероприятия, из Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы», направленные на формирование исторической памяти о Великой отечественной войне в ходе гражданско-патриотического воспитания.

Таблица 1 – Результаты контент-анализа программ патриотического воспитания граждан Российской Федерации в субъектах РФ

№	Мероприятия	% упоминаний
	Проведение фестивалей, посвященных ВОВ	6,7
	Проведение конкурсов, посвященных ВОВ	6,5
	Проведение конференций на темы ВОВ:	5,7
	Военно-спортивные игры	5,7
	Подготовка региональных теле- и радиопрограмм:	4,7
	Выпуск книг, брошюр, буклетов и т.д.	4,7
	Организация Всероссийской акции «Вахта памяти»	4,5
	Проведение выставок, посвященных ВОВ	4,3
	Проведение региональных совещаний организаторов патриотического воспитания образовательных учреждений	3,5

Проведение мероприятий по дальнейшему совершенствованию взаимодействия молодежных и ветеранских организаций	3,5
Всероссийские молодежно-патриотические акции «Георгиевская ленточка» под девизом «Мы помним, мы гордимся»	3,5
Региональные патриотические акции	3,5
Региональные встречи ветеранов и молодежи, посвященные Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов	3,2
Проведение мероприятий по совершенствованию работы с молодежными организациями:	3
Обновление и создание музейных экспозиций, приобретение музейного оборудования для музеев и музейных образований	3
Организация работы по благоустройству воинских захоронений и проведению поисковых работ в местах боев Великой Отечественной войны	3
Туризм по местам ВОВ	3
Подготовка и внесение нормативно-правовых актов субъектов РФ по патриотизму	2,8
Развитие банка информационных материалов по обеспечению патриотического воспитания граждан:	2,6
Фотовыставки по темам ВОВ	2,6
Проведение региональных журналистских конкурсов о ВОВ	2,4
Организация поощрения за достигнутые успехи в патриотическом воспитании граждан:	2,2
Автопробеги, велопробеги	2
Оказание помощи ветеранам ВОВ	2
Создание документальных фильмов о ВОВ	1,8
Создание сайта информационного сопровождения реализации региональных программ патриотического воспитания граждан в сети Интернет	1,8
Региональные слеты юных патриотов России «Равнение на Победу»	1,8
Создание координационного совета по патриотизму	1,2
Организация массовых театрализованных действий на полях ратных сражений и воинской славы России, реконструкций	1,2
Мониторинг состояния патриотического воспитания	1,2
Создание художественных фильмов о ВОВ	1
Проведение митингов, посвящённых ВОВ	1
Создание видеофильмов и видеоархива воспоминаний участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	0,4

Лидирующие положения занимают фестивали, конкурсы и конференции, посвященные памяти о Великой Отечественной войне, причем, как правило, в программах заявлено проведение не одного, а сразу нескольких мероприятий.

В ряде программ нам показались интересными следующие мероприятия. Например, среди большого количества конкурсов, в том числе патриотических клубов, в Амурской области запланирован конкурс презентаций военно-патриотических клубов, а в республике Марий-Эл – конкурс на лучший видеоролик о формах патриотического воспитания. Ряд субъектов запланировал проведение мониторингов по состоянию патриотического воспитания. В это связи следует отметить социологическое исследование в Курской области «Быть патриотом – значит...» .

Мощным средством формирования общественного мнения являются СМИ, поэтому следует положительно отметить опыт г. Москва, республики Коми, Тюменской области, Курской области по размещению в средствах массовой информации социальной рекламы патриотической направленности.

По-прежнему, среди мероприятий популярен туризм по местам Великой отечественной войны, примечателен опыт Курской области по проведению экскурсий и походов по Северному и Южному фасадам Курской дуги.

На наш взгляд, совсем мало используются столь популярные (прежде всего среди молодежи) авто- и велопробеги, посвященные великой дате. Интересны такие проекты, как легкоатлетическая эстафета Мира, посвящённая Дню Победы в Великой Отечественной войне (Удмуртская Республика), лыжный поход «Красная гвоздика», посвящённый победе в Великой Отечественной войне (Кировская область).

Естественно, что ветеранов и участников Великой Отечественной войны с каждым годом становится всё меньше, поэтому вопросы оказания помощи им весьма актуальные. Тем не менее, подобные мероприятия заявлены в программах не столь часто, здесь отмечаем опыт Бурятии, Оренбургской области по активизации тимуровского движения, по оказанию помощи ветеранам и вдовам погибших и умерших участников Великой Отечественной войны, участников локальных войн, опыт республики Саха (Якутия) по организации выездной работы врачей республиканских ЛПУ для оказания медицинской помощи ветеранам Великой Отечественной войны, и прошедшую в августе 2014 года в г. Орле благотворительную акцию первого канала и Научного Центра сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева РАМН «Солдатское сердце» для ветеранов Великой Отечественной войны.

Настораживает тот факт, что практически не запланированы мероприятия по сохранению материалов и архивов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: Следует отметить опыт республики Марий-Эл по оцифрованию редких краеведческих изданий.

В целом следует отметить хорошую проработанность программ по патриотическому воспитанию таких субъектов как Татарстан, Коми, Марий-Эл, Дагестан, Саха (Якутия), Бурятия, Курской, Владимирской и Новгородской областей.

В субъектах РФ уделяется достаточно много внимания развитию патриотизма на основе формирования исторической памяти. Есть регионы, которые отмечаются высокой степенью проработанностью программ, есть содержащие лишь общие моменты. Следует отметить некоторую стабильность в программах, без учета исторических и социальных особенностей территорий. Крайне ограничены предложения по использованию Интернет-пространства, мало используются новые формы, такие как исторические реконструкции.

Ю. А. Дроздова
СИМВОЛИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ
И ПРОДВИЖЕНИЯ ИМИДЖА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ДРОЗДОВА Ю. А. – кандидат социологических наук, доцент кафедры корпоративного управления Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российской академии народного хозяйства и государственной службы», доцент. E-mail: juliadrozdova@mail.ru.

Основным принципом коммуникации, конструирующей символическое пространство региона, является рационализация событий, фактов, явлений как дискурсивных повседневных практик. Символические технологии формирования и продвижения имиджа региона связаны со следующими социальными действиями:

- 1 рутинизация (сведение ситуации к простым непротиворечивым логическим схемам, которые не нуждаются в особых интерпретациях, когда интерпретация осуществляется по отлаженной формуле, например, «Волгоград – город – памятник» или «Волгоградский регион – регион молодых»);
- 2 идеализация и стереотипизация (подведение региональной ситуации и её участников под идеальные типы, стереотипы: «Волгоградцы – гостеприимные, толерантные люди»);
- 3 символизация и ритуализация, происходящие во время проведения региональных и городских праздников, при создании общезначимых символов региона.

В рамках данных действий субъектами формирования имиджа региона (власть, СМИ, население) обычно применяются следующие символические технологии построения имиджа территорий, основанные на создании региональной мифологии:

- 1 «возрожденческая», когда используются традиционные образы и ассоциации («Волгоградский регион – житница России»);
- 2 «самовозвеличивающая», когда регион, города объявляют себя неким центром или особенным регионом («Волгоградская область – регион – победитель», «Волжский – самый зеленый и молодой город России»);
- 3 подражательная, когда используются ассоциации с известными зарубежными центрами («Санкт-Петербург – Северная Пальмира», «Волгоградская область – Волжская Ривьера») [1].

Жители Волгоградского региона имеют региональную мифологию с героями и подвигами, историческими деяниями, символическое пространство, обусловленное памятью о Великой Победе на Волге, ставшее сакральным. В обычных условиях, или, используя определение Э. Гидденса, при «рутинных» [2], повседневных практиках символическое пространство проявляется в выстраивании определенной системы ценностей и норм поведения жителей региона, формирует образ не только героического, но и трагического региона. Теракты в Волгограде, унесшие десятки жизней в 2013 году, вызвали не только боль и волну сочувствия, но и понимание того, что война остается в нашем регионе и его пространстве и, как когнитивный и экспрессивный, и, как конативный символ трагического и мужественного региона [3; Р. 163-170]. Так, по мнению экспертов, принявших участие в социологическом исследовании в рамках реализации гранта РГНФ 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (апрель – октябрь 2013 года, экспертные полуформализованные интервью, N = 50): «Родина-мать, однозначно, главный символ региона, и Сталинградская битва», «...воинственный образ Родины-матери повлиял на то, что начало происходить в городе. ...Нельзя, чтобы над городом довлело что-то воинственное»; «это образ музея на открытом воздухе».

Региональные символы являются универсальными средствами коммуникации внутри региональной общности. Кроме того, символ является эмоциональным материализованным носителем идеи, единства, целостности, обладает способностью обеспечивать мотивацию совместных действий. Интегральным показателем являются символы, которые выбрали респонденты, принявшие участие в социологическом исследовании в рамках реализации вышеуказанного гранта (опрос населения Волгоградской области, июль – сентябрь 2013 года, N =1000).

Символы Великой Отечественной войны (Родина-мать, Сталинградская битва, Мамаев Курган, Солдатское поле, Дом Павлова) как основные в имидже Волгоградской области выбрали 92,4% опрошенного населения. Но, по мнению 31,5% респондентов грантового исследования, в позиционировании региона не хватает устремлённости в будущее, а также «ориентации на современные достоинства и преимущества региона» (33,4% опрошенных), что находит отражение в символическом пространстве. Для Волгоградского региона наполнение пространства символами, не связанными с военной историей, может быть образ уникального географического места, которое имеет свой геокультурный и одновременно образно-географический потенциал [4]. Как показало проведённое исследование, в качестве образов региона респондентами назывались такие географические образы, как «великие русские реки: Волга и Дон» – 64,6% респондентов, памятники природы (Волго-Ахтубинская пойма, пойменные леса Хопра, Дона др.) – 17,8% участвующих в опросе. При этом, безусловно, 85,5% респондентов справедливо полагают, что Сталинградская битва должна оставаться неотъемлемой частью символического пространства Волгоградского региона.

Символическое пространство региона может быть опосредовано образами людей, населяющих и преобразующих данную территорию – жителей нашей области (А. Пахмутова, М. Агашина, А. Филиппов, В. С. Хользунов и т. д.). Как показало проведенное исследование в рамках гранта РГНФ, региональное население из известных людей региона называет личностей, внесших решающий вклад в победу в Сталинградской битве и Великой Отечественной войне: Георгий Жуков – 37,7% респондентов, Иосиф Сталин – 36,8% опрошенного населения. Были названы М. Паникаха (18,0%), сержант Я. Павлов (8,8%), скульптор Е. В. Вучетич (1,2%). Из современных личностей респонденты назвали олимпийских чемпионов: Елену Исинбаеву (47,1% респондентов) и Евгения Плющенко (22,2%). На наш взгляд, интересно развивать смысловой ряд героической истории региона, но связанной не только с военными, но и трудовыми, спортивными победами наших современников. Такая попытка была предпринята в 2006 году, когда наши земляки стали олимпийскими чемпионами в Афинах – Е. Исинбаева, М. Опалев и другие, но, к сожалению, слоган: «Волгоград – родина Олимпийских чемпионов», – не получил своего дальнейшего развития, эпистема мирного подвига не была сформирована.

В целом ответы респондентов свидетельствует о слабой информированности населения о современных региональных героях и лидерах, и основные ассоциации связаны с историческими личностями периода Сталинградской битвы. Формирование имиджа региона предполагает поиск символов, которые для любого члена сообщества сделают узнаваемым и близким региональное пространство. В Волгоградской области постепенно происходит трансформация социокультурного, символического ландшафта. Экономические и человеческие ресурсы Волгоградской области, исторические и современные события являются основой для создания позитивного имиджа региона. Символизация регионального пространства, на наш взгляд, является управленческим процессом. Соответствующие структуры при органах

государственного и муниципального управления Волгоградской области должны через СМИ формировать новый динамичный имидж региона. Для этого в качестве символов необходимо брать современные события, факты, явления, интересные и волнующие жителей региона, способные выстраивать региональные самоидентификации через восприятие региона как коммуникативного пространства, позволяющего выявить и осмыслить нормы, ценности, культурные парадигмы, закономерности социального взаимодействия в данной среде.

Литература

- 1 Туровский Р. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999.
- 2 Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структурации. М.: Академический Проект, 2003.
- 3 Parsons T. Action, Symbols, and Cybernetic Control, in Rossi, I. Structural Sociology. New York: Columbia University Press, 1982.
- 4 Замятин Д. Н. Понятие геокультуры: образ и его интерпретация; [http: // knowledge.isras.ru/sj/sj/sj2_o2zam.html](http://knowledge.isras.ru/sj/sj/sj2_o2zam.html).

В. Г. Завалин

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ

ЗАВАЛИН В. Г. – координатор Института социально-экономической модернизации по Воронежской области; член Центрального совета Русского технологического общества; помощник Депутата ГД РФ. E-mail: zavalin.vrn@gmail.com.

Современное общественное устройство диктует новые формы и методы государственного управления, которые включают в себя открытость, интерактивность, рост влияния прямых неиерархических связей между государственными и общественными институтами. Эти требования вызваны ростом скорости коммуникаций в современном мире, быстрой трансформацией институтов, появлением большого количества субъектов, в том числе с быстроменяющейся логикой поведения. Изменение рынка, его глобализация, технологические новшества, в том числе информационные и транспортные, делают современное общество самым сложным из когда-либо существовавших. Учесть все эти факторы традиционные формы государственного управления порой не в состоянии, что приводит к риску потери управляемости всей системы. Последствия имеют как экстремальные и видимые, такие как экологические и экономические проблемы, так и более сложные, невидимые глазу – такие как антропологические и системные деформации цивилизационного характера, последствия которых отследить на данный момент не представляется возможным вообще. Эти предпосылки диктуют нам необходимость открытого и прозрачного характера управления, а также роста значения публичной политики, повышения значения содержательной стороны государственного управления, роста системных и идеологических мотивов, которые отодвигались в течение многих лет на задний план в угоду тактическим и краткосрочным целям.

Цель общества и власти сделать так, чтобы активность этого человека направить в позитивное русло, и для этого нужно сформировать систему работы с гражданскими инициативами, которой, к сожалению, сейчас у нас нет. Многие могут сказать, что мы не правы и существует множество площадок для работы с гражданскими инициативами. Но мы можем поспорить с данной позицией. Наше мнение – все эти площадки только декларируют, что они работают с гражданскими инициативами, но чаще всего под этим подразумевается работа с общественными организациями, либо работа с экспертным сообществом, либо же с инициативами представителей органов власти, которые их выдвигают в частном порядке.

Теперь мы пытаемся немного заглянуть в будущее и дать прогноз на то, что будет после первого позитивного опыта работы с гражданскими инициативами в интернете.

Использовать ИКТ для коллективного принятия решений – мечта многих людей уже на протяжении длительного времени. Зачастую это получается, зачастую – нет. Например, внутри некоторых организаций, так или иначе, уже настроена какая-либо платформа в виде веб-сайта, куда заходят участники организации и ставят проблему на голосование, обсуждают её, голосуют и, тем самым, принимают решения демократическим путём, без кулуарных интриг, открыто и у всех на виду. Но, в основном, эти организации – это сетевые сообщества, совсем же немного подобные инструменты используют научные, коммерческие или общественные организации.

Уже даже разработаны некоторые системы электронной демократии, а многие команды разработчиков проектируют и пишут подобные системы в эти минуты. Такие системы, как Adhocracy, Helios Voting, Liquid Feedback, Liquidizer, PiVote, уже имеют спрос во многих организациях. Во многих, но далеко не в большинстве.

Попробуем понять, что из себя представляет, или должна представлять, система электронной демократии (СЭД) как система коллективного принятия решений.

В большинстве своём система электронной демократии должна выглядеть следующим образом (часть из всего этого реализовано на портале РОИ) – это сайт с полем авторизации, вы можете иметь на этом сайте только один аккаунт; зайдя внутрь, у вас должны быть возможности: поднять вопрос на обсуждение, поставить вопрос на голосование, посмотреть существующие обсуждения и голосования, добавить свой альтернативный вариант голосования, проголосовать за свою или чужую инициативу. Также в зависимости от того, для чего предназначена система, опционально могут добавляться делегирование своего голоса по всем вопросам или по какому-то типу вопросов какому-либо другому аккаунту, а также возможность отзываться свой голос, ранее отданный за какую-либо инициативу.

Если же говорить о самой большой электронной демократии для всей страны, то давайте представим такую картину. 2045 год. Здание Государственной Думы отдано под нужды инвалидам, а сама Государственная Дума находится у нас в компьютерах, то есть мы заходим на определённый сайт, вставляем флэшку с электронным ключом в компьютер и авторизуемся на сайте. Где-нибудь слева на экране мы видим новости, подобранные по тем разделам, которые нас интересуют, ниже – все важные новости. В правой колонке, например, все активные и популярные инициативы по тем областям жизни, что конкретно нам интересно, пусть это будут, например: авторские права, электронная демократия, права человека, дорожное движение и экология. По всем этим вопросам есть несколько активных инициатив. Мы выбираем инициативы, которые нам интересны, заходим, проглядываем, и если действительно оказывается интересным, ставим пометку «заинтересованы» или сразу голосуем за неё. Теперь никуда эта инициатива от вас не денется, а каждое изменение будет приходить к вам на почту или отражаться на главной в центре страницы, куда попадают ваши или

заинтересовавшие вас инициативы до момента принятия или отвержения этой инициативы по результатам голосования. Но вдруг по одной из законодательных инициатив вы увидели, что можете качественно улучшить предложенный вариант. Она напрямую касается вашей специальности, и вы действительно знаете, что надо делать. В данном случае вы отыскиваете на неделе свободных два часа времени и предлагаете свой альтернативный вариант, за который позже граждане будут голосовать.

Так вот – традиция тратить на решение государственных вопросов по полчаса в день стала для вас нормой, в конце концов, мы сами отвечаем за то, как мы живём. Если полчаса каждый день – это много, то полтора-два часа в неделю на выходных – вполне достаточно. А можно через мобильный телефон по дороге на работу или вечером в парке.

Причём совершенно точно можно сказать, что технологически такую платформу сделать уже сейчас не составляет никаких проблем при наличии небольших финансовых ресурсов. Также можно внедрять данный формат в существующий проект Российской общественной инициативы.

Давайте поймём, что же мешает внедрению подобных платформ сейчас.

Как мы уже говорили, технической сложности в данной системе нет. Даже как менять законы под данный механизм управления государством – тоже более или менее понятно. Все сложности хранятся в области психологии, социологии и политики, и ещё математики.

Единственные организации, где подобные системы успешно внедряются – это негосударственные организации с изначальными демократическими и равноправными принципами членства, когда единственный рычаг влияния на других членов организации – авторитет. В таких сообществах уже сейчас используются различные платформы ЭД, начиная от обычных форумов и социальных сетей, заканчивая системами ЭД в том виде, в котором мы их представляем.

Внедрение в различные властные институты оказывается намного сложнее.

Ещё заметим, что без подключения СЭД к существующим государственным органам трудно себе представить «альтернативную» СЭД, которая существует и работает, издавая свои законопроекты, граждане их выполняют, а власть должна под них подстраиваться, поскольку это является прямым социальным заказом. Здесь ключевой вопрос стоит в вовлечении граждан в систему. Очевидно, что, если даже мы привлечем в систему всех политически активных граждан, то политически неактивные граждане не будут знать о принятых «законах» и уж тем более в большинстве случаев не будут их исполнять. Да и при не очевидном результате своей деятельностью занятые люди будут все меньше и меньше использовать эту систему, поскольку не увидят эффекта от своей деятельности.

Но опять же не надо впадать в отчаяние, будущее в любом случае за электронной демократией, но процесс внедрения её, очевидно, не будет столь быстрым и стремительным.

Литература

- 1 Киреев В. К, Завалин В. Г, Простаков С. В, Шакиров С. И. Гражданские инициативы в России // Интернет-портал «Трибуна Общественной палаты».
- 2 Шакиров С. И. Концепция развития ЭД от МинКомСвязи // Живой Журнал choojoy-pp.livejournal.com.

Е. В. Карпенко
ОТКРЫТОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ОТ ИДЕИ К РЕАЛИЗАЦИИ

КАРПЕНКО Е. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Брянского филиала РАНХиГС. E-mail: kev@br.ranepa.ru.

Очевидно, что самый главный вызов для современной России – это неэффективность механизмов подготовки и принятия решений и передачи информации.

Открытое правительство – это не новая властная структура, а система механизмов и принципов, обеспечивающих эффективное взаимодействие власти и гражданского общества. Для реализации поставленных целей создаются совершенно новые для России механизмы взаимодействия трех взаимодополняющих элементов: экспертного сообщества, структур гражданского общества и органов власти. Цель – вовлечение в процесс сбора и анализа информации, обсуждения и выработки решений значительного количества людей, представляющих различные точки зрения, интересы и обладающих разными горизонтами прогнозирования. Результатом такого взаимодействия станет не только повышение качества принимаемых решений и качества работы государственного аппарата в целом, а значит повышение качества жизни граждан, но и формирование новой для России культуры взаимодействия, поиска компромиссов и взаимовыгодных решений [1].

Идея открытого правительства является новой парадигмой в сравнении с концепцией электронного правительства. В обеих моделях цифровые технологии должны служить созданию общественных услуг нового поколения, однако, очевидно, что сходство между ними на этом заканчивается. Изменяется сама философия предоставления услуг, ибо встаёт другая цель, появляются новые модели – это не только их оптимизации, а изменение самого подхода к модели, кроме того, новые модели значительно более парцитаривны.

Прорывом, который представлял собой альтернативное решение в отношении электронного управления, стало появление сайтов в сети нового поколения, основанных на философии WEB 2.0, речь идет о социальных сетях. Эта модель предполагает более активное участие пользователей и совместное наполнение их содержанием.

Идеи открытого правительства обсуждаются в контексте трех основных изменений, которые были начаты - на рубеже XX–XXI веков:

- технологические изменения, связанные с развитием проникновения интернета, особенно с развитием интерактивности, сайты социальных сетей и Web 2.0 с открытыми моделям совместной работы, производства и распространения контента;
- политические и социальные изменения, связанные с постепенным переходом от представительной демократии к демократии участия;
- постепенное развитие и преобразование государственного управления, которое реализует модели повышения своей эффективности.

Сеть аналоговых вещательных СМИ, обслуживая клиентов, произвольно создают и редактируют содержание, веб-сайты изменили информационное пространство, чтобы позволить пользователям общаться друг с другом и создавать свои собственные контенты [2].

Обращаясь к истории процесса, необходимо заметить, что сначала новыми инструментами начали пользоваться граждане и политики, а со временем и государственное управление. Довольно быстро эти действия стали определяющими в отношении электронной администрации с её моделью использования цифровых технологий, иногда называемой «правительство 2.0» (government 2.0). Суть этой модели в том, что чем больше людей принимает участие в обсуждении государственных проектов и решений, тем вернее и эффективнее они на выходе. Это определение предполагает использование технологии - в частности поддерживающих сотрудничество для эффективного решения коллективных проблем на местном, государственном, национальном и международном уровне. Правительство 2.0 нацелено на взаимодействие с гражданами и бизнесом на цифровых платформах на всех уровнях с целью улучшения политики и услуг. Граждане, в свою очередь, ожидают взаимодействия с правительством в удобном для них формате, с соответствующим качеством результатов. Указанная в определении эффективность действия достигается в этой модели благодаря вовлечению граждан в процесс осуществления власти, а не путем быстрого внедрения электронных услуг.

Разница между двумя моделями функционирования государства является одной из основных. Традиционно, управление отдалено от граждан во имя его независимости и эффективности, и с этой позиции предлагает им уже заранее определенные сведения и услуги. Альтернативным решением является модель, в которой акцент сделан на консультации по поводу принятия решений и участия граждан в деятельности органов власти.

Модель открытого правительства можно рассматривать в категориях перехода от представительской демократии к демократии участия. Демократия XX века ограничивала участие в демократии отсутствием альтернативных форм, особенно на потенциально массовом масштабе, из-за отсутствия соответствующих технологий (которые существуют сегодня). Связано это также с философией принятия решений: предполагалось, что, хотя граждане могут быть способны выражать свои индивидуальные мнения, но они не в состоянии принимать окончательные решения в сложных вопросах, связанных с регулированием сложных социальных проблем.

По идее последователей открытого правительства важнейшим условием является «открытость» процесса принятия решений. В результате этого изменения государственное управление, при поддержке коллективного интеллекта граждан, в состоянии управлять сложной реальностью.

По нашему мнению, участие не может быть ограничено лишь усердным размышлением - взаимодействие означает разделение задач между чиновниками и гражданами, а также совместное стремление к намеченной цели. Б. Новак предложил термин «демократия сотрудничества» (collaborative democrac) [3].

Среди наиболее значимых ценностей в модели открытого правительства часто выделяется их прозрачность, участие и сотрудничество.

Мы предлагаем дополнить этот список, двумя дополнительными значениями. Первым из них является эффективность, пронизывающая многие нынешние усилия по реформированию государственного управления. Вторая - это открытость, которая рассматривается как фундамент для других составляющих всех действий открытого правительства. Мы также предлагаем, чтобы вместо того, чтобы говорить только об участии, говорить о деятельности - а как составные части этого понятия различать участие и сотрудничество.

Говоря об открытости правительства, нужно иметь в виду открытость понимаемой как прозрачность (совместное использование информации и создание условий для её повторного использования) и «интерактивность» (создание плана вовлечения гражданского общества и возможности участия многих субъектов в процессе принятия решений в администрации). Если прозрачность широко признается уже неотъемлемой частью «good government», то интерактивность по-прежнему является новшеством. Интерактивность в управлении, которое представляется как своего рода диалог, общение между акторами, диалог в реальном времени, и принимающий форму взаимодействия становится одной из наиболее важных характеристик современного управления. Интерактивность имеет важное значение в управлении с точки зрения получателя, поскольку таким образом осуществляется собственное, равномерное и непрерывное восприятие реальности. Кроме того, что это приводит к возможности соучастия, изменяются сами взаимодействия объекта с субъектом или просто иным становится эффект взаимодействия, меняется роль управленца-актора, поскольку получатель информации становится участником или даже исполнителем совместной работы.

Идея открытого правительства связана с заботой о праве на информацию и право на знание, которые в современной парадигме государственного управления рассматриваются как основные права. Реализация открытого правительства позволит повысить прозрачность и эффективность государственного управления, рост вовлечения граждан в управление и будет способствовать предупреждению и устранению сбоев в системе управления, обеспечит возможность планирования процесса реализации самых высоких стандартов функционирования правительства, в том числе принципов прозрачности, открытости и подотчетности в управлении государством.

Литература

- 1 <http://большоеправительство.рф>
- 2 http://www.whitehouse.gov/the_press_office/TransparencyandOpenGovernment/
- 3 Noveck, B. S., How open-source technology can make government decision-making more expert and more democratic, «Democracy Journal», <http://www.democracyjournal.org/7/6570.php?page=all>

В. О. Киселев **ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ** **И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ: ОСНОВЫ ВЗАИМОСВЯЗИ**

КИСЕЛЕВ Вадим Олегович – аналитик Управления социально-политических исследований ВЦИОМ, аспирант ИС РАН. E-mail: kiselev@wciom.com.

Обеспечение информационной открытости в настоящее время стало одной из важнейших задач, стоящих перед властью и гражданским обществом в России. На практике внедрение подобных механизмов сопряжено с рядом сложностей, преодоление которых заложит основы их эффективного функционирования.

Российский опыт формирования механизмов информационной открытости, развития интерактивных технологий «электронного правительства» и «электронной демократии» не столь

продолжителен по времени как опыт западных стран, однако определенные успехи в данном направлении уже достигнуты. Комментирую статью В. Путина «Демократия и качество государства» министр информатизации Удмуртии Владимир Перешеин отметил, что «открытость органов власти и уровень доверия к ним со стороны общества определяются доступностью и новым качеством взаимоотношений – «государство для гражданина» [4].

Вместе с тем серьезной сложностью и определённым вызовом является относительно невысокий уровень общественной и политической активности, т. к. подобные формы участия граждан, задающие основные приоритеты общественного развития через запросы различных групп и слоёв населения, – основа любой демократической системы. Следующей проблемой является низкий уровень институционального доверия в противовес доверию персонализированному, что определяет процесс деинституционализации и делегитимации государственных и общественных институтов.

Польский социолог Пётр Штопка, анализируя причины формирования культуры доверия и культуры недоверия отметил, что такие обстоятельства как прозрачность социальной организации, ощущение понятности окружающего мира и подотчетность других людей и институтов способствуют появлению «культуры доверия». В то же время противоположные причины – секретность социальной организации, ощущение неизведанности, а также произвол и безответственность других людей и институтов благоприятствуют формированию культуры недоверия [5; с. 238].

На практике подобные заключения подтверждаются результатами эмпирических исследований. По данным обследования European Social Survey, доверие к Госдуме, Правительству, партиям, судам и полиции в России составляет около 2,5 баллов из 10 возможных. При этом по данным обследования в других 19 странах показатель доверия к перечисленным выше институтам в среднем находится на уровне 5–6 баллов [7]. Невысокий уровень доверия и низкая степень вовлечённости характерны и для такой формы политического участия граждан как выборы.

Похожие данные демонстрирует международный опрос т. н. «лидеров мнений» Edelman Trustbarometer. В России по данным исследования общий индекс доверия в 2013 г. составил 36, в 2014 г. – 37 пунктов. Таким образом, согласно классификации Edelman Trustbarometer, наша страна на протяжении нескольких лет стабильно входит в группу стран с низким уровнем доверия к институтам власти («Distrusters»). Кроме того, демонстрируются низкие показатели доверия к общественным институтам, таким как политические партии, НКО и др. [6].

Актуальность повышения уровня социального доверия состоит в том, что его наличие на институциональном уровне обеспечивает определенную предсказуемость общественных процессов, позволяет создавать эффективные формальные институты и организации. В противовес этому, недоверие ослабляет социальные установки к межгрупповому взаимопониманию и сотрудничеству, а также усиливает возможность негативных последствий взаимодействий.

В ответ на сложившуюся ситуацию, одной из целей внедрения механизмов информационной открытости является увеличение доверия населения к органам власти. В частности, это отражено в ряде положений «Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти», таких как:

- 1 повышение прозрачности и подотчетности государственного управления и удовлетворенности граждан качеством государственного управления;

- 2 расширение возможностей участия гражданского общества в процессах разработки и экспертизы решений, принимаемых федеральными органами исполнительной власти;
- 3 качественное изменение уровня информационной открытости федеральных органов исполнительной власти;
- 4 развитие механизмов общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти [3].

Следует отметить, что заметный рост институционального доверия в России за последние годы все же произошел, что демонстрируют открытые данные всероссийских опросов ВЦИОМ. Так, например, если в марте 2006 г. одобряли деятельность Правительства РФ 32,3% опрошенных, то к марту 2015 г. данный показатель увеличился в 2 раза, составив 65,1%. Аналогичная ситуация наблюдается и в оценках работы Государственной Думы и Совета Федерации РФ [1], института политических партий, судебной системы, Общественной палаты и др. [2].

С одной стороны, повышение доверия к государственным и общественным институтам определяется положительно воспринимаемой информационной повесткой и достижениями России на внешнеполитической арене. С другой стороны, нельзя отрицать и прямые причины, т.е. непосредственное повышение эффективности и открытости работы вышеуказанных институтов.

Таким образом, механизмы информационной открытости органов власти, предполагающие усиление вовлеченности гражданского общества в процесс разработки, принятия и экспертизы решений, повышение прозрачности и качества госуправления, на практике обеспечивают повышение удовлетворенности граждан работой государственных и общественных институтов и, как следствие, уровня доверия к ним.

Литература

- 1 ВЦИОМ. Доверие государственным институтам // Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/ratings-state-institutions/>.
- 2 ВЦИОМ. Доверие общественным институтам // Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/ratings-social-institutions/>.
- 3 Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 января 2014 г. N 93-р).
- 4 Министр информатизации Удмуртии: открытость власти усилит доверие общества. Известия Удмуртской республики (12.02.2012) // [Электронный ресурс] URL: <http://izvestiaur.ru/news/view/4966801.html>.
- 5 Штомпка П. Доверие – основа общества (пер. с пол. Н.В. Морозовой). М.: Логос, 2012. 445 с.
- 6 Edelman Trust Barometer – Global Results 2014 // [Электронный ресурс] URL: <http://www.slideshare.net/EdelmanInsights/2014-edelman-trust-barometer>.
- 7 European Social Survey // [Электронный ресурс] URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/>. Институт сравнительных социальных исследований – российский участник проекта // [Электронный ресурс] URL: <http://www.cessi.ru/>.

Т. П. Кожина
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

КОЖИНА Т. П. – младший научный сотрудник лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления отдела исследования уровня и образа жизни населения ИСЭРТ РАН. E-mail: t.kogina@mail.ru.

Важной предпосылкой оптимального развития политической коммуникации, устойчивого социального процесса является наличие демократической политической культуры, предполагающей широкое распространение политической информации, равноправный обмен точными, полными, завершёнными и проверяемыми сведениями о политических явлениях и процессах. Развитие интернет-технологий, электронный доступ к информации и возможность её широкого распространения предполагают рост гражданской активности. Однако на практике зачастую «внедрение более сложных политико-коммуникативных технологий приводит человека в состояние апатии по отношению к политической жизни» [1]. Исследователи говорят об «информационной аномии», архетипизированности публичного пространства, этатизме, синдроме априорного доверия к официальным источникам, безынициативности граждан, усталости от перемен при желании жить лучше [2]. «Стремление индивида к свободному получению информации приобретает смысл лишь после удовлетворения базовых потребностей, что в свою очередь непосредственно связано с уровнем дохода и политической зрелостью» [1]. Интернет в сфере политики используют в основном люди, относящие себя к среднему классу, с хорошим образованием, с потребностью самостоятельно разбираться в происходящем.

В этих условиях представляется важным рассмотреть социально-политические настроения населения региона, получающего информацию политического и экономического характера главным образом из Интернета, по сравнению с другими жителями области.

По результатам исследования ИСЭРТ РАН³⁷, в Вологодской области доля тех, кто пользуется Интернетом дома, на работе, в других местах в 2014 г. составляла 66%, увеличившись за два года на 4 п.п. Удельный вес пользователей в регионе достиг общероссийского уровня (по данным ВЦИОМ) [3]. В двух самых крупных городах области – Вологде и Череповце – он составляет 72–74%, в районах (небольших городах, посёлках, сельской местности) – 59%. Не обращаются к Интернет-ресурсам 27% опрошенных.

Доля ежедневной аудитории в целом по области немного ниже, чем в среднем по России (43% против 46). В первую очередь это молодые люди в возрасте 18–30 лет (77%), лица с высшим и незаконченным высшим образованием (63%), относящиеся к категории 20% наиболее обеспеченных (55%), жители Вологды и Череповца (51–53%).

³⁷ Опросы по теме СМИ проводятся 2 раза в год, в апреле и октябре. Опрашивается по 1500 респондентов в возрасте 18 лет и старше в городах Вологде и Череповце и 8 районах области. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Интернет используется преимущественно для общения в социальных сетях (59% пользователей), в качестве источника информации о событиях в стране и мире (49%), для работы /учёбы (41%), а также для расширения своего кругозора в целом (35%). К ресурсам, содержащим фильмы, обращается каждый четвёртый житель области, музыка и игры привлекают каждого шестого (по 17%), покупки через Интернет совершает примерно каждый десятый (11%).

При этом основным источником информации (политической, экономической, спортивной, развлекательной) для населения является телевидение (87%). На второй позиции – печатные издания (45%), на третьей – интернет (40%). В период с 2010 по 2014 г. популярность телевидения немного снизилась (на 4 п.п.), интернета – возросла (на 9 п.п.). В отличие от других СМИ, увеличилась роль интернета как источника сведений о политической и экономической жизни (с 24 до 35%). В этом качестве он чаще используется женщинами (55%), людьми, относящимися к группе 60% среднеобеспеченных (58%), лицами в возрасте 30–55 лет (51%), высокообразованными (49%), жителями Вологды (37%). Жители промышленного центра области г. Череповца и районов представлены почти в равных долях (соответственно 33 и 30%). Особенностью данной аудитории является также сравнительно низкий удельный вес молодых людей в возрасте 18–30 лет (38%), причём он снизился по сравнению с 2012 г. на 6 п.п.

Известно, что социальные сети сыграли значительную роль в организации массовых протестных выступлений по итогам парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг. В 2014 г. Интернет наряду с другими СМИ послужил фактором консолидации на фоне присоединения Крыма к России и поддержки политики президента по отношению к событиям в Украине. Если сопоставить социально-политические настроения тех, кто пользуется Интернетом как источником политической и экономической информации («заинтересованная» Интернет-аудитория), со взглядами остальных жителей области в период 2011–2014 гг., то обнаруживаются характерные различия. Так, в 2011 г. уровень одобрения деятельности президента в первой группе был на 7 п.п. ниже, чем во второй (52% против 59), индекс одобрения³⁸ – на 13 пунктов ниже (119 п. против 132). В 2014 г. наблюдается противоположная ситуация: уровень одобрения выше на 6 п.п. (70% против 64), индекс – на 11 п. (153 п. против 142).

Аналогичные изменения отмечаются и по другим политическим вопросам. Если в 2011–2013 гг. «заинтересованная» интернет-аудитория отличалась менее лояльными по отношению к власти оценками в сравнении с остальным населением области, то в 2014 г. ситуация изменилась на противоположную. Так, в 2011 г. деятельность президента по укреплению международных позиций России «успешной» и «довольно успешной» называли 41% жителей области, интересующихся политической информацией, и 44% среди остальных (индексы равнялись 102 и 109). В 2014 г. удельный вес положительных отзывов соотносился уже как 60:48, индексы – как 135:114. Работу главы государства по защите демократических прав граждан положительно оценивали в 2011 г. в первой группе 27%, во второй – 33% (индексы – 72 и 82 п.), в 2014 г. – соответственно – 43 и 39% (индексы – 102 и 95). Представительство

³⁸ Индекс рассчитывается как разница между долей положительных и отрицательных суждений («Полностью, в основном одобряю», «Полностью, в основном, не одобряю»). Затем к полученному результату прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, индекс выше 100 пунктов означает преобладание положительных ответов, ниже 100 – отрицательных, равный 100 – равновесие тех и других.

тех, кто считает, что партия «Единая Россия» выражает их интересы, в 2011 г. соотносилось как 29:31, в 2014 г. – уже как 38:33. Популярность КПРФ в группе «заинтересованных» за рассматриваемый период заметно ниже, чем среди остального населения (5% против 11–13%). За 2011–2014 г. в первой группе снизился уровень поддержки ЛДПР (с 12 до 7%), в то время как во второй – не изменился (7%). Среди «заинтересованных» уменьшилась также доля тех, кто не видит в действующих партиях выразителей своих интересов (с 30 до 26%), что привело к ещё большему отрыву показателя от остальных (34–35%). В 2014 г. по сравнению с 2011 г. в той и другой группе заметно уменьшилась доля населения, допускающего вероятность массовых акций протеста на территории проживания (соответственно с 32 до 25 и с 25 до 20%), однако среди «заинтересованных» уровень протестных настроений был и остаётся более высоким. По-видимому, это связано с их большей вовлечённостью в политический процесс, более выраженной гражданской позицией.

Таким образом, в последние годы в Вологодской области, как и в России в целом, отмечается заметный рост числа пользователей интернета, в том числе тех, кто заинтересован в экономической и политической информации. В то же время интернет используется жителями региона преимущественно с целью общения и поиска разнообразной информации, чаще развлекательного характера. К информации социально-политического содержания в Интернете прибегают преимущественно люди среднего возраста, среднего достатка, высокообразованные, жители областного центра. В период с 2011 по 2014 г. в данной категории отмечен более значительный рост лояльности по отношению к власти по сравнению с остальной частью населения.

Литература

1. Бронников И. А. Будущее политических интернет-технологий: два сценария развития // Власть, 2014, № 1. С. 46–50.
2. Карпова А. Ю. Информационная аномия: выбор на грани флага // Власть, 2014, № 1. С. 41–46.

Пресс-выпуск № 2692 «Просторы интернета: развлечения, общение, работа...».

URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=115018> (1.02.2014)/

П. П. Лисицын

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ НАПРЯЖЁННОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА

ЛИСИЦЫН П. П. – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Транснационализм и миграция» СПбГУ. Доцент СПбГЭУ. E-mail: fox_sociology@mail.ru.

Тезисы представляют собой результаты исследования, проведённого методом контент-анализа в 2014 г. Целью исследования было выявление межэтнической напряжённости в коммуникативном пространстве сети интернет. В задачи исследования входило: определение слов и словосочетаний, маркирующих межэтническую напряжённость в публикациях сети интернет; определение типов публикаций, свидетельствующих о наличии межнациональной напряжённости в сети интернет; выделение рейтинга популярности тем, маркирующих межэтническую напряжённость; выделение популярных интернет площадок в обсуждении тем,

маркирующих межэтническую напряжённость в сети интернет; а так же выявление фактов оскорбительных и нецензурных высказываний по отношению к представителям других национальностей, разжигающих межнациональную рознь.

Анализ попавших в выборку сайтов демонстрирует, что дискуссия в интернете, подходящая под критерии «межнациональной напряжённости» и «разжигания межнациональной розни», инициируется исключительно «русскими». Все публикации призывают ущемлять «нерусских». Понятие «нерусский» в данном случае включает в себя большой список обозначений: «мигрант», «узбек», «дагестанец», «чурка» и т. п.

Однако основная дискуссия, «разжигающая межнациональную рознь», происходит не вокруг таких категорий, как «приезжие», «мигранты», «местные», а вокруг конкретных этнических и национальных групп. Внешние мигранты из Украины или Молдавии могут не вызывать такого же недовольства, как внутренние мигранты из Дагестана или Чечни, так как сам сакральный объект напряженности и недовольства не объединен участниками дискуссии в общую группу «мигранты», «приезжие».

Основные дискуссионные площадки, создающие «межнациональную напряженность» и «разжигающие межнациональную рознь» делятся на три категории:

- 1 сайты, объявляющие себя новостными порталами;
- 2 сайты, предоставляющие авторские аналитические записки и псевдонаучную, историческую информацию;
- 3 сайты, представляющие собой форумы, поддерживаемые автором или группой единомышленников.

Основная дискуссия, создающая «межнациональное напряжение» и «разжигающая межнациональную рознь», происходит на площадках обратной связи, предоставляемых интернет ресурсами.

Площадка «сайта – новостного портала» предполагает сбор националистически настроенных пользователей сети интернет. Культивации националистических идей способствует:

- подборка новостей по определённой тематике;
- подача (в т. ч. заголовки) подобранных новостей.

В самих новостных публикациях или аналитических записках, за редким исключением, отсутствует прямой посыл к разжиганию межнациональной розни. Вызвано это контролем государства за сайтами националистической направленности и ультраправыми движениями, создающими подобные сайты.

Основные враги, представленные в публичных дискуссиях, – жители Средней Азии, Кавказа, Белоруссии и Украины.

Площадка «псевдонаучного сайта» в смысловом наполнении ничем не отличается от сайтов предыдущей группы. Однако к обозначенным в «новостных» сайтах врагам – жителям Средней Азии, Кавказа, Белоруссии и Украины – в публикациях «псевдонаучного» направления добавляются евреи и американцы.

Характерной чертой таких сайтов является отсутствие обратной связи с пользователями, что, с одной стороны, снижает уровень межнациональной напряжённости, а с другой стороны,

вынуждает авторов в своих публикациях быть более откровенными в суждениях, чем авторы «новостных сайтов». Отсутствие комментариев вынуждает авторов писать менее завуалировано.

Площадка «сайта – форума» отличается от площадок других категорий тем, что на ней пользователи/посетители играют значительную роль, часто большую, чем играет сам создатель форума. Таким образом, они являются со-создателями сайта. Поскольку посетители не ограничены страхом санкций, в отличие от организаторов сайтов, базирующихся на общественно-политических организациях, то и высказывания на сайтах-форумах гораздо более прямолинейные, жёсткие, вызывающие и оскорбительные по отношению к другим национальностям.

Именно на «сайтах-форумах» был обнаружен наивысший градус межэтнической напряжённости. Однако популярности «форума» сложно добиться, потому данная категория сайтов не часто встречается в списке первых ответов поисковых систем.

Типичная группа социальной сети, деятельность которой связана с «разжиганием межнациональной розни» и «межэтнической напряжённостью» состоит из двух структурных блоков.

Блок первый – публикации «на стене сообщества»: включает в себя новости, скопированные из информационных источников, индивидуальные короткие высказывания, как правило, в риторике разжигания межнациональной розни, а также комментарии к новостям и к индивидуальным высказываниям.

Блок второй – созданные в группе темы для обсуждения, также «разжигающие межнациональную рознь».

Группы социальной сети «ВКонтакте» очень похожи на «сайты-форумы», однако есть несколько отличий:

- 1 дискуссии в группах носят более массовый характер, чем на форумах,
- 2 в группах сложно быть полностью анонимным, в отличие от «сайта-форума» (что, однако, не влияет на смягчение формулировок комментирующих),
- 3 в группах, в отличие от «сайтов-форумов», размещаются новостные сюжеты, которые можно комментировать.

Выделены общие тенденции, характерные для всех категорий попавших в выборку сайтов, способствующих появлению «межнациональной напряжённости» и разжиганию «межнациональной розни».

- 1 Основная дискуссия, порождающая «межнациональное напряжение» происходит с участием посетителей сайта.
- 2 Чем выше активность участия в публичной дискуссии посетителей сайта, тем выше степень «межэтнической напряжённости».
- 3 Дискуссия с участием посетителей сайта провоцируется заголовком или содержанием публикации.
- 4 Чем выше уровень агрессии в тексте публикации и ее заголовке, тем выше уровень «межэтнической напряжённости» в публичной дискуссии посетителей сайта.

- 5 Наравне с культивацией «межэтнической напряжённости», как в публикациях авторов сайтов, так и в дискуссиях посетителей, прослеживается культивация «политической напряженности», выраженная в недовольстве властями.
- 6 «Межэтническая напряжённость» инициируется участниками дискуссии и авторами публикаций, считающими себя «русскими».
- 7 Враги «русских» – «нерусские»: власть – евреи, приезжие – представители Средней Азии, Казахстана, Украины, Белоруссии, Кавказа.
- 8 Негативное отношение к «русским» характерно для самих «русских» и проявляется в самоуничижении: алкоголики, лентяи, безвольные.
- 9 Негативное отношение к «нерусским» проявляется в агрессивной публичной риторике с призывами к насильственным действиям.
- 10 Негативное отношение к «русским» со стороны пользователей, позиционирующих себя как «нерусские», проявляется исключительно в дискуссиях с «русскими» в ответ на оскорбления со стороны последних.

К. О. Магомедов

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

МАГОМЕДОВ К. О. – доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом факультета управления персоналом и государственной службой ИГСУ РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: m-kerem@mail.ru.

1 Процессы реформирования системы государственного управления в стране, протекающие с различной степенью интенсивности уже практически полтора десятилетия и затронувшие все его уровни, от федерального, до местного, определили ряд существенных проблем, в выработке решений которых с очевидной необходимостью должна участвовать российская наука, и прежде всего – социология. Эти проблемы формируют особое предметное поле современных социологических исследований в сфере государственного и муниципального управления. Особое значение имеют вопросы, связанные с оценкой эффективности управленческой деятельности органов государственного управления и местного самоуправления, с обеспечением посредством государственной и муниципальной службы необходимого уровня стабильности социальных процессов, достижения должного уровня взаимодействия государства и гражданского общества, а также с определением наиболее важных задач совершенствования работы государственных и муниципальных органов управления, включая расширение границ открытости государственного и муниципального управления и активизацию социальных механизмов противодействия коррупции.

Эти вопросы уже давно, фактически с конца 90-х гг. XX в., формировали основу социологических исследований, проводимых учеными РАНХиГС, в настоящее время представляющих различные факультеты и кафедры Института государственной службы и управления академии и объединенных общими научными интересами в составе внеструктурной социологической группы. Так, в рамках проведенных социологической группой исследований изучались такие проблемы, как: «Актуальные проблемы государственной

гражданской службы» (2000–2013 гг.), проведено более 10 исследований, выпущено более 10 монографий и учебных пособий, множество статей в научных журналах и сборниках научных трудов; «Проблемы функционирования и развития местного самоуправления в Российской Федерации» (2005–2014 гг.), проведено 3 исследования общероссийского масштаба, выпущено более 10 статей в научных журналах и сборниках научных трудов. В основном эти исследования носили инициативный характер, но их результаты имели достаточно широкое представление, не только научное, но и прикладное – в виде аналитических записок, представлявшихся в различные заинтересованные в этой информации государственные структуры – в аппараты Администрации Президента и Правительства Российской Федерации, в общественную палату и др.

Проводившиеся исследования имели достаточно широкую проблемную тематику, ряд изучавшихся в них вопросов стали предметом мониторингового наблюдения и анализа. Например, в исследованиях по проблемам государственной гражданской службы проводилась оценка ее кадрового потенциала, изучались проблемы профессионально-должностного развития государственных гражданских служащих, выяснялись современные основания мотивации и стимулирования в системе государственного управления, определялся уровень авторитета государственных служащих в обществе, рассматривались вопросы нравственности в среде государственных гражданских служащих и введения Кодекса этики государственных служащих, изучалось состояние проблемы взяточничества и коррупции в среде государственных гражданских служащих, различные стороны проблемы лоббизма в системе государственной гражданской службы. Подобные вопросы составляли основу и в исследованиях проблем местного самоуправления и функционирования муниципальной службы, с учетом специфики этого уровня управления – в них проводилась общая оценка состояния качества муниципального управления на современном этапе, выяснялись основные аспекты взаимодействия муниципальных органов с населением, структурами гражданского общества, предпринимательством, рассматривались вопросы формирования кадрового состава муниципальных органов, и взаимодействия муниципальных органов и предпринимательских структур в области развития кадрового потенциала на местном уровне и др. Проведённые исследования показали, что все задействованные в их проведении категории участников из числа широких кругов населения, государственных и муниципальных служащих, а также наиболее компетентных представителей органов государственной власти и управления, местного самоуправления, сферы науки, культуры, образования, здравоохранения, общественно-политической сферы, СМИ и т. п. (их мнение учитывалось как экспертное при анализе изучаемых проблем) проявили высокую степень заинтересованности в высказывании своего мнения, порой критичного, но в большей части конструктивного и взвешенного.

В качестве примера полученного научного результата и его прикладного значения можно привести некоторые данные, которые корреспондируются с проблемой информационной открытости власти. Нужно отметить, что в сознании российских граждан уже давно формируется устойчивое отношение к местному самоуправлению как институту власти, который непосредственно обеспечивает решение их проблем в реальном социальном пространстве. Поэтому, большое значение имеет информационная открытость местного самоуправления, обеспечивающая свободный обмен информацией с институтами государства и гражданского общества, а также с гражданами. Сегодня открытость местного самоуправления должна быть не только организационным свойством, но и непреложным условием его функционирования на легитимных основаниях. Участникам исследований по

проблемам местного самоуправления, проводившихся в 2011 и 2014 гг. было предложено оценить, насколько население информировано о деятельности органов местного самоуправления. Как показывают полученные данные, участники исследований в своем большинстве считают уровень информированности населения о деятельности местного самоуправления невысоким (табл. 1).

Таблица 1 Распределение мнений участников исследований 2011 и 2014 гг. относительно информированности населения о деятельности органов местного самоуправления, %

№	Мнения	2011	2014
1	Очень хорошо	2,5	6,0
2	Скорее хорошо, чем плохо	21,6	32,0
3	Скорее плохо, чем хорошо	51,4	50,0
4	Очень плохо	19,2	5,3
5	Затрудняюсь ответить	5,3	6,7

Такой характер мнений участников исследований подтверждает вывод о том, что, не соблюдая принципа открытости, местное самоуправление фактически разрушает свою собственную легитимность. Поэтому, необходимо совершенствовать институциональные механизмы, способные эффективно воздействовать на органы местного самоуправления с целью повышения уровня его открытости. Тем более, что участники этих же исследований в своем большинстве считают необходимым расширение информационной открытости местных органов власти (табл. 2).

Таблица 2 Распределение мнений участников исследований 2011 и 2014 гг. относительно необходимости расширения информационной открытости местных органов власти, %

№	Мнения	2011	2014
1	Да, необходимо	72,5	65,3
2	Отчасти необходимо	20,4	18,7
3	Нет необходимости	4,5	7,3
4	Затрудняюсь ответить	2,6	8,7

Не вызывает сомнения, что расширение информационной открытости органов муниципального управления – непереносимое условие дальнейшего развития института местного самоуправления в современной России. Столь же необходимо совершенствовать взаимодействие органов муниципальной власти со структурами гражданского общества (общественными организациями, объединениями, ассоциациями и т. д.). Но все это, равно как и многие другие вопросы функционирования и развития в современной России сферы государственного управления и местного самоуправления, должно быть предметом постоянного научного анализа, включаться в тематику и содержание социологических исследований, материалы которых нужно представлять к широкому обсуждению с участием представителей всех заинтересованных сторон, в том числе, и органов государственного и муниципального управления.

Г. В. Макарова
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЙ ТЕХНОЛОГИИ
И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

МАКАРОВА Г. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры управления Брянского государственного университета. E-mail: mackarova.gal@yandex.ru.

В настоящее время одной из важнейших задач государственного управления является обеспечение его эффективности и социальной направленности.

С момента начала реализации административной реформы изменились в целом подходы к государственному управлению, к развитию системы государственной гражданской службы Российской Федерации. Сегодня мы рассматриваем систему государственной службы как социальный институт, выполняющий, в том числе, и сервисную функцию; государственные служащие обязаны предоставлять качественные и доступные государственные услуги.

В концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 годах, одобренной распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. N 1789-р были поставлены задачи в области разработки и внедрения стандартов государственных услуг, предоставляемых федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и модернизации системы информационного обеспечения органов исполнительной власти.

Безусловно, в современных условиях информационно-коммуникационным технологиям отводится особая роль. Их использование в работе органов государственной власти позволяет соответствовать вызовам сегодняшнего времени, когда власть должна быть открыта для граждан, население должно владеть информацией о деятельности органов государственной власти, их структуре, руководстве, исполняемых полномочиях и предоставляемых государственных услугах. Интернет в данном случае является средством, обеспечивающим оперативный обмен информацией между субъектом и объектом управления. Наличие такой информации, её анализ, позволяют вносить своевременные коррективы в процесс управления, способствовать его эффективности, принимать своевременные меры реагирования и предотвращать появление социальных конфликтов и напряженности. Использование в работе органов государственной власти современных информационно-коммуникационных технологий позволяет также оценивать работу гражданских служащих. Одним из новых принципов кадровой политики, обозначенных Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина, является применение системы комплексной оценки деятельности государственных гражданских служащих с использованием ключевых показателей эффективности и общественной оценки их деятельности, в том числе на базе социальных сетей и с учётом мнения сетевых сообществ [1].

В настоящее время мы говорим об информационной открытости органов государственной власти, и необходимо признать, что за последние годы в этом направлении сделан большой рывок вперед. Прежде всего, позитивным является то, что каждый орган власти на федеральном и региональном уровне имеет свой официальный сайт в сети Интернет. Однако предстоит еще много работы для повышения их информативности.

Одновременно с разработкой и внедрением в деятельность исполнительных органов государственной власти административных регламентов, созданы порталы государственных

услуг. Это позволяет гражданам использовать информационно-коммуникационную сеть Интернет для получения государственных услуг, получения электронных документов и т. д.

Использование информационных технологий в системе государственного управления способствовало возникновению концепции «электронного правительства». В рамках «электронного правительства» преобразуются традиционные способы и методы руководства и управления страной. Элементы информационного общества, внедрению которых прямо или косвенно оказывает содействие создание «электронного правительства», активизируют социальную позицию граждан, стимулируют их к более широкому использованию своих прав и свобод. В рамках «электронного правительства» преобразуются традиционные способы и методы руководства и управления страной [2, с. 82].

Необходимо отметить, что население позитивно относится к созданию Электронного правительства. Данные социологического опроса, размещенные на сайте Экспертного Центра Электронного Государства говорят о том, что 33% респондентов считают, что Электронное правительство создано для повышения доступности государственных услуг;

- 24% – для повышения открытости информации о работе государственных органов;
- 21% – для борьбы с коррупцией, снижения роли личных связей;
- 19% – с целью соответствия России мировым стандартам;
- 17% – для активизации социально-политического участия граждан в жизни страны;
- 16% – для снижения численности чиновников;
- 5%- считают, что другие причины;
- 5% респондентов затруднились ответить [3].

В настоящее время специалистами, учёными выявлен ряд проблем, связанных с процессом внедрения Электронного правительства. Хотелось бы остановиться лишь на некоторых из них. Так, основным тормозом процесса является отсутствие спроса (31%) и пока недостаточный уровень распространения Интернета (28%), чаще всего на эту проблему ожидаемо указывали сельские жители (38%) [3]. Безусловно, проблема распространения Интернета в сельской местности требует решения. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. в стране на момент проведения переписи насчитывалось 153 тыс. сельских населенных пунктов, в которых проживали 37543 тыс. человек [4]. Вместе с тем, один из показателей, который должно обеспечить Правительство Российской Федерации, это доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к 2018 г. – не менее 70 процентов [1]. Конечно, нужно определённое время и средства для решения вышеназванных проблем.

Как уже отмечалось выше, есть положительная динамика в применении современных информационно-коммуникационных технологий в работе органов государственной власти. Проведена большая работа по созданию многофункциональных центров, что значительно повысило качество предоставляемых государственных и муниципальных услуг. Так в Брянской области созданы и работают 13 МФЦ. На Едином портале государственных услуг и региональном портале государственных услуг жители региона могут получить 52 государственные услуги в электронном виде. Созданы и работают официальные сайты во всех исполнительных органах государственной власти и 33 органах местного самоуправления, третий год проводится конкурс на лучший интернет-сайт. В регионе реализуется государственная подпрограмма «Развитие информационного общества и формирование

электронного правительства», организована система электронного взаимодействия между органами власти, между органами власти и населением.

Информационно-коммуникационные технологии позволяют организовать работу органов государственной власти и граждан в интерактивном режиме, обеспечивать обратную связь, обмен информацией с населением. Граждане имеют возможность оценить работу органа власти, качество предоставляемых услуг, органы власти проводят дистанционный прием граждан, опросы населения по качеству обслуживания. Применение в работе органов государственной власти современных интернет-технологий обеспечивает оперативность государственного управления, что позволяет принимать и реализовывать своевременные и эффективные управленческие решения. Таким образом, мы можем рассматривать интернет-технологии в качестве эффективного инструмента государственного и муниципального управления.

Вместе с тем, необходимо продолжить координацию деятельности органов государственной власти всех уровней, органов местного самоуправления по внедрению систем информационно-технологического обеспечения административных процессов, наладить межведомственный обмен информацией в электронном виде. В структуре аппаратов органов государственной власти должны быть не только высокопрофессиональные IT-специалисты, аналитики, но и социологи, которые смогут профессионально обрабатывать и анализировать огромные массивы информации, имеющиеся в распоряжении органов государственной власти, что позволит выработать и принять правильное управленческое решение. Активное и грамотное использование современных информационно-коммуникационных технологий в деятельности органов государственной власти будет способствовать повышению эффективности государственного управления.

Литература

- 1 Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 601 "Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления". [Электронный ресурс]. Информационно-правовой портал «Гарант».
- 2 Политика. XXI век. Инновационные технологии / М.Г. Анохин, М.А. Бочанов, А.М. Ваховский, В.А. Глебов. М.: Российский университет дружбы народов, 2013. с.82 - ISBN 978-5-209-05443-6; То же [Электронный ресурс]. URL: [http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=226453\(23.01.2015\)](http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=226453(23.01.2015)).
- 3 Социологический опрос «Общественное мнение о развитии механизмов электронного правительства и электронной демократии» 24 февраля – 11 марта 2013 года, общее число респондентов – 3200 человек, проведённый ВЦИОМ при поддержке SAP [Электронный ресурс]. URL: http://egov.astrobl.ru/sites/egov.astrobl.ru/files/survey_egov_edemocracy.pdf
- 4 Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года/Федер. служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. 183 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf.
- 5 В науке и образовании. <http://russiancouncil.ru/?id_4=121>

М. В. Мамонов
ОТКРЫТОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ЦЕЛИ ВЛАСТИ И ЗАПРОС НАСЕЛЕНИЯ

МАМОНОВ М. В. – кандидат политических наук, руководитель исследовательских проектов ВЦИОМ, доцент Финансового университета.

Вопросам открытости власти в последнее время уделяется все большее внимание, которое перешло из плоскости разговоров о необходимости его как явления, в плоскость принятия конкретных решений, институционального и нормативного закрепления. Подтверждением этого служит учреждение в составе Правительства РФ должности министра по организации работы Правительственной комиссии по координации деятельности «Открытого правительства», разработка и принятие «Концепции открытости федеральных органов власти» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 30 января 2014 г.).

Цель деятельности «Открытого правительства» также закреплена в нормативных документах, в частности, – в вышеупомянутой Концепции. Она понимается как повышение прозрачности и подотчетности государственного управления и удовлетворенности граждан качеством государственного управления; расширение возможностей непосредственного участия гражданского общества в процессах разработки и экспертизы решений, принимаемых федеральными органами исполнительной власти; качественное изменение уровня информационной открытости федеральных органов исполнительной власти; развитие механизмов общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти. К основным механизмам (инструментам) открытости относятся:

- 1 работа с референтными группами;
- 2 принятие планов деятельности на 2013–2018 годы и годовой публичной декларации целей и задач с их общественным обсуждением и экспертным сопровождением;
- 3 размещение информации о деятельности;
- 4 публичная отчетность;
- 5 независимая антикоррупционная экспертиза и общественный мониторинг правоприменения;
- 6 обеспечение понятности нормативно-правового регулирования и государственных политик;
- 7 работа с открытыми данными;
- 8 взаимодействие с общественным советом;
- 9 взаимодействие со СМИ;
- 10 работа с обращениями граждан, общественных объединений и предпринимательского сообщества.

Отношение власти к реализации принципов и механизмов открытости позволяет говорить о системности подхода, ориентации на конечный результат. Очевидно, полномасштабная реализация вышеупомянутых механизмов должна повысить доверие власти со стороны населения, сократить дистанцию между населением и органами власти, в частности,

федеральными, поскольку именно на федеральном уровне эта работа осуществляется наиболее активно.

С одной, стороны, это утверждение бесспорно, с другой, – повседневная практика и данные соцопросов демонстрируют отсутствие прямой зависимости между реализацией принципов открытости и отношением населения к власти. Причина этого не только в некоторой инертности власти в части реализации механизмов (инструментов) открытости, но и в том, что правильный посыл власти о необходимости обеспечивать открытость не подкреплен запросами населения. Более того, можно утверждать, что это направление деятельности власти слабо рефлексировалось россиянами, а информация об обеспечении открытости носит, скорее фоновый характер. Приведём данные двух общероссийских репрезентативных опросов. Первое исследование³⁹ носило мультитематический характер, второе - посвящено пониманию населением открытости⁴⁰.

Таблица 1 Посмотрите, пожалуйста, на следующий список характеристик (качеств) и выберите три из них, которые, по-Вашему, наиболее важны для того, чтобы можно было признать власть «идеальной» или «высококачественной»? Наиболее важны и наименее значимые, в % от опрошенных, Всероссийский репрезентативный опрос ВЦИОМ, 2014 г., до 3-х ответов

Характеристики	Наиболее важны	Наименее важны
Забота о народе	41	2
Некоррупционность, неподкупность	37	4
Стабильность, устойчивость	27	5
Законность (строгое соблюдение законов)	24	3
Справедливость	20	3
Компетентность, грамотность	18	3
Дальновидность	17	6
Открытость, «прозрачность»	17	13
Ответственность	16	4
Эффективность, результативность при малых затратах	14	11
Честность	12	3
Авторитет, уважение	8	8
Патриотизм	7	7
Нравственность, порядочность	7	3
Сила	6	19
Активность	4	12
Демократичность	4	10
Доброта	4	23
Современность	4	21

Таблица 2 По вашему мнению, какие из характеристик открытости органов власти являются самыми значимыми, важными? Назовите не более трёх, в % от всех опрошенных, не более 3-х ответов

³⁹ Приведены данные всероссийского репрезентативного опроса ВЦИОМ. Выборка - 1600 человек. Опрос проходил в 132 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Опрос был проведен в апреле 2014 г. Статистическая погрешность не превышает 3,5%.

⁴⁰ Приведены данные всероссийского репрезентативного опроса ВЦИОМ. Выборка - 12000 человек. Опрос проходил в 186 населенных пунктах в 54 областях, краях и республиках России. Опрос был проведен в мае 2014 г. Статистическая погрешность не превышает 1,3%.

Характеристики	Всего
Наличие «горячей линии»	31
Доступность информации о текущей деятельности ведомства	30
Отсутствие коррупции	29
Возможность получить услуги через Интернет	28
Доступность отчетов о деятельности ведомства	21
Оперативное реагирование на поданные запросы, жалобы, предложения и т. д.	19
Возможность подать письменный или устный запрос, жалобу, предложение и т.д.	17
Возможность попасть на личный прием к представителям министерств, ведомств	16
Большое количество материалов в СМИ	16
Организация встреч с гражданами, общественностью	13
Доступность информации о планах работы, принятых решений, других документах	8
Организация общественных, экспертных слушаний	4
Затрудняюсь ответить	7

Приведённые данные демонстрируют фокус оценки населением органов власти. Большинство направлений обеспечения открытости не являются призмой оценки власти. Из тестируемых характеристик, позиция «открытость» оказалась лишь на 8-м месте. Её выделили только 17% респондентов, в то же время некоррупционность устойчиво заняло вторую рейтинговую позицию. Отметим, что тестируемый перечень качеств власти, был определён в ходе фокус-групповых дискуссий, проведенных ранее. Таким образом, население ищет во власти, прежде всего, способность реализовывать защитные функции в широком смысле и честность. Вопрос процедуры, а открытость является элементом процедуры – вторичен.

При фокусированном изучении оценки населением отдельных параметров открытости, группу лидеров составили наличие каналов сбора обратной информации (горячая линия, Интернет-сервисы), доступность текущей информации и, опять же, некоррупционность власти. Иначе говоря, население интересуется, прежде всего, наличие возможности обратиться во власть для решения своих проблем и лишь во вторую очередь другие компоненты открытости. Именно этот способ взаимодействия с властью является наиболее значимым для населения.

Представленные цифры характеризуют лишь отношение населения к власти. Мнение же других возможных групп изучения как экспертное сообщество, представители муниципальных и региональных органов власти, предпринимательское сообщество, возможно, будет иным, но мы полагаем, что именно населению должно быть уделено особое внимание и оценка открытости должна осуществляться через призму позиции населения.

Резюмируя вышесказанное можно отметить, что успешность комплексной деятельности по обеспечению открытости будет определяться, прежде всего, результатами, очевидными населению. И приоритетное место в этой связи занимает именно наличие эффективных каналов обратной коммуникации, все же остальные механизмы (инструменты) открытости имеют иную целевую группу и переоценивать их значимость для населения не стоит.

О. А. Мухамеджанов

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ САНИТАРНОЙ МЕДИЦИНЫ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В силу того, что темпы реформирования государственных институтов Российской Федерации в течение последних двух десятилетий существенно превышали темпы реформирования законодательной системы, на сегодня в законодательстве РФ существует множество коллизий, затрудняющих функционирование государственных институтов и делающих неэффективными усилия исполнительных органов власти в сфере их ответственности.

В здравоохранении, частности в санитарном законодательстве, подобных коллизий накоплено значительное, если не наибольшее, количество, что может создать серьёзные препятствия как для обеспечения эпидемиологической безопасности, так и для обеспечения эффективного функционирования как собственно России, так и интеграционных систем (Таможенного союза (ТС), ЕАЭС).

Рост интенсивности экономических транзакций между государствами повышает интенсивность миграционных потоков (в том числе - с территорий, неблагоприятных по различным инфекционным заболеваниям), что требует повышения эффективности процедур санитарно-эпидемиологического сопровождения миграционных процессов.

Рост трансграничного грузооборота и товарооборота потребует выработки необходимых процедур обследования грузов, эффективного документооборота и многих других "формальных" процедур, без которых неизбежны снижение темпов обращения грузов и рост интенсивности "теневых" процессов, способных полностью скомпенсировать все выгоды от создания ЕАЭС.

Причиной кризисного состояния санитарного законодательства является недостаточное информационно-аналитическое сопровождение процессов организационного и правового реформирования системы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия. Например, в юриспруденции отсутствует как специальная подотрасль санитарного права, так и сам термин «санитарное право». До сих пор не только не выработан единый подход к разработке санитарного законодательства как межотраслевой дисциплины в условиях изменившегося правового режима РФ, но даже и не начата работа в этом направлении.

Следует отметить, что система обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия до настоящего времени также не имеет собственной дефиниции и не выделена в обособленную отрасль здравоохранения. В рамках данной работы предлагается термин «Санитарная медицина».

Всё это – следствие непонимания предмета ведения санитарной медицины и санитарного законодательства и остроты проблем, обуславливающих необходимость реформирования того, что следовало бы назвать санитарной медициной и санитарным законодательством. Эта проблема актуальность свою приобрела задолго до инициации процесса движения к созданию ТС, ЕЭП и ЕАЭС.

Недостатки теоретического обоснования, а именно отсутствие терминов «санитарная медицина», «санитарное право» и единого подхода к формированию санитарной медицины и разработке санитарного законодательства как межотраслевых дисциплин в условиях изменившегося правового режима РФ и производственно-экономического уклада, привели к фундаментальным проблемам модернизации здравоохранения:

- 1 «Санитарная медицина» и санитарное законодательство реформируются некорректно.
- 2 Эффективность здравоохранения оценивается по прибыльности учреждений здравоохранения, а не по повышению уровня здоровья населения.
- 3 Эпидемиологический контроль недостаточен и неэффективен, потому что этот термин совершенно не встречается в правовом поле РФ и сохраняется в виде частичной практики эпидемиологов старой «советской школы» при проведении противоэпидемических мероприятий.
- 4 Эпидемиологический надзор недостаточен и неэффективен, как из-за недостаточной фактической реализации санитарного законодательства (например, абсолютно не актуальны ППК) и соответственно из-за некорректного правоприменения, так и из-за ограничений государственного надзора только за ЮЛ, ИП их руководителями и иными должностными лицами и уполномоченными представителями, т. о. оставляя за рамками надзора физических лиц, т. е. фактически большую часть населения.

Недостаточное информационно-аналитическое сопровождение процессов правового и организационного реформирования системы обеспечения эпидемиологического благополучия (санитарной медицины) привело к тому, что отсутствует понимание необходимости формирования санитарной медицины, эволюции санитарного законодательства, и, соответственно, происходящих организационных реформ.

Необходимо создание системы непротиворечивых санитарно-эпидемиологических мероприятий для обеспечения эпидемиологической безопасности населения, а также создания оптимальных условий территории ЕАЭС, что не только приведёт к дополнительным удобствам и повысит эффективность торговли, в т.ч. сократит временные затраты, но и уменьшит теневые процессы из-за упрощения процедур унификации и оптимизации санитарного законодательства.

Определение социального института – здравоохранение.

Элемент уникальной функции – «санитарное здравоохранение», «санитарная медицина» - необходимость термина.

Есть «санитарное законодательство».

Необходима взаимосвязь с эпидемиологией: безопасностью, благополучием, развитием.

Формирование санитарной медицины в условиях модернизации системы здравоохранения РФ.

План:

Введение – актуальность темы.

- Объект исследования – современная система здравоохранения РФ
- Предмет исследования – Процесс формирования санитарной медицины как основы сегмента системы современного здравоохранения России детерминированный социальными процессами.

- Цель – обоснование социальной значимости и востребованности в современных условиях формирования и развития санитарной медицины.

Задачи:

- 1 Теоретические – мет. анализ современных социальных условий и их влияние на формирование и развитие санитарной медицины.
- 2 Эмпирические – статистические и социологические исследования, оценка документов и известных фактов, контент анализ, экспертные оценки.
- 3 Эмпирическое обоснование необходимости формирования и развития санитарной медицины.
- 4 Создание концептуальной модели санитарной медицины (институционализация санитарной медицины).

С. В. Нестерова

ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ В. В. ПУТИНА (ТРЕТИЙ ПРЕЗИДЕНТСКИЙ СРОК)

На протяжении уже больше десяти лет Путин является одним из самых влиятельных политиков в России. Практически все социологические службы показывают устойчивый рейтинг В. В. Путина (так, по данным ВЦИОМ, рейтинг доверия Путина в мае составляет около 70%). Такой рейтинг был у него лишь в начале 2000 г. С чем связаны такие высокие оценки? Что за этим стоит?

В 2011–2012 гг. политическая апатия сменилась политической активностью, граждане демонстрировали не желание мириться со сложившейся политической ситуацией. Однако отсутствие внятной позиции у лидеров оппозиции и безусловные успехи Путина во внешней политике привели к некоторому «неустойчивому» равновесию.

Как показывают данные нашего исследования в 3 президентском сроке, произошла существенная переоценка образа В. Путина⁴¹.

В январе 2012 г., как и в апреле 2011 г., мнения респондентов разделились. Так, 44,8% опрошенных одобряет политические взгляды, им импонирует заметный подъём и улучшение жизни в стране (по сравнению с 90-ми), обеспечение стабильности, улучшение положения России на международной арене. 33,4% – явные противники, они обвиняют Путина в том, что страна не развивается, явно ухудшается уровень жизни обычных людей.

Демонстрируется запрос на появлении нового лидера (более молодого и активного), однако отсутствие такого в политическом поле приводит к усталости и разочарованию в деятельности Путина.

В 2014 г. резко ухудшается международная ситуация. Меняется ожидания от политического лидера, от него требуется осуществление сильной и жёсткой политики. Меняется и сам Путин, он становится активнее, динамичнее, сильнее. Это сразу же замечают граждане.

⁴¹ Данные базируются на исследовании образов политиков, проведенного кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ под руководством Е. Б. Шестопал. Исследование проводится практически каждый год. В 2012 г. было опрошено около 200 человек в Москве, в Саратове, Дагестане Ставропольском и Красноярском краях, и Орловской области. Задачей было выявление особенностей восприятия кандидатов в Президенты накануне выборов.

В 2014 г. число одобряющих деятельность Путина выросло до 69% (не доверяют лишь 16%, при этом есть региональная специфика, в Москве таких больше 26%). Главными достоинствами Путина называют его успехи во внешней политике, проявление силы, активности и самостоятельности: *«он отстаивает интересы во внешней политике», «Путин защищает интересы нашей страны», «при нём о России заговорили, как о великой державе», «его деятельность направлена на защиту интересов государства и народа», «адекватно воспринимает ситуацию, может найти выход из любой ситуации».*

В основе привлекательности Президента лежат его психологические и деловые качества.

Так же, как в прошлые периоды, несомненными достоинствами Путина являются его **психологические качества**. Так, гражданам импонируют такие качества, как: *надежность, харизматичность, сила, уверенность в себе, решительность, твёрдость, смелость, упорство, целеустремленность, основательность, ответственность* (таких характеристик оказалось подавляющее большинство). Значительно меньшая часть респондентов упрекает Президента в *излишней самоуверенности, резкости, авторитарности и упрямстве*.

Среди достоинств выделяют также такие качества, как *образованность, ум, трезвость мышления, опыт, умение манипулировать большим объёмом информации*.

Также плюсом является простота, желание общаться с народом: *«он на Селигер приезжал, охотно общался с молодёжью».*

Ещё одним безусловным достоинством Путина являются **его поведенческие и коммуникативные навыки**, ораторское искусство: *«он очень правильно говорит, нравится, когда выступает», «очень грамотно выражает свои мысли», «хорошие ораторские способности», «умеет держать удар», «жёстко отвечает внешним оппонентам», «очень чётко и грамотно отвечает на вопросы».*

В 2014 г., в отличие от прошлых этапов исследования, респонденты заметили внешность Президента, позитивно оценивается внешность, спортивный вид, презентабельность, умение держать себя на публике: *«нравится, что он очень молодо выглядит, активно занимается спортом», «по сравнению с Ельциным за него не стыдно перед другими странами», «он очень хорошо и презентабельно выглядит», «выглядит бодрым, здоровым», «молодец, спортом занимается»* (такое внимание к внешности Президента было только в начале 2000, в первый президентский срок). Это возможно с большей публичной активностью Президента.

Если в 2012 и 2013 гг. часть респондентов упрекает его в излишнем PR: *«его слишком много», «мне не нравятся его полеты со стерхами и т. п.»*, то в 2014 г. доля таких высказываний была незначительна.

Неоднозначно оценивается и развод Путина. Часть респондентов оценивает этот факт положительно, как проявление честности и порядочности: *«молодец, честно поступил».*

Для других это было скорее недостатком, во многом связано с тем, что Путин сравнивается с эталоном политического лидера, который должен быть, в том числе хорошим семьянином: *«он как стабильность, а он взял и развёлся».*

Политические, деловые и профессиональные качества Путина, на всех этапах исследования являются наиболее выпуклой частью его образа.

И в 2011 и в 2012, и в 2013 гг. наблюдается преобладание негативных оценок над позитивными (при этом в 2011 и 2013 доля негативных почти в 2 раза выше)

В 2011–2013 гг. среди плюсов называли: *компетентность, опытность, стремление изменить ситуации в стране*.

Среди плюсов отмечаются такие качества, как *стремление реализовать свои идеи, некоторое улучшение уровня жизни, обеспечение стабильности в стране, повышение авторитета России на международной арене* (что звучало и на первом и втором сроках президента).

Но число негативных оценок деловых качеств намного больше.

Основные претензии лежат в **недостаточной эффективности президента Путина управленца, его обвиняют в не решении главных социальных задач, стоящих перед страной, отсутствии внутреннего производства.**

Также среди минусов называют – **не решение проблем коррупции, слабость команды и отсутствие контроля над подчинёнными:**

Также часть респондентов характеризует Путина как *излишне авторитарного руководителя, упрекают его в нежелании взаимодействовать с оппозицией и стремлении притеснить нелояльные СМИ.*

В 2014 г. доли позитивных и негативных оценок примерно одинаковы (55% и 52% соответственно). Во многом разница в оценках происходит, из-за различия в оценках внутренней и внешней политики. Внешняя политика (особенно после присоединения Крыма, позитивно оцениваемого большинством опрошенных) является безусловным успехом Путина. Среди достоинств называют: *отстаивание собственной позиции, самостоятельность, независимость в принятии решений: «то, что он занимается внешней политикой, с нашей страной начинают считаться», «он всегда отстаивал интересы России», «те, кто на Западе боятся его, он для них авторитет», «в период его правления страна приобрела политический вес, он заставил считаться с нашим мнением другие государства», «он настоящий патриот».*

Во внутренней политике политические качества оцениваются неоднозначно. Часть респондентов упрекает Путина в нежелании взаимодействовать с оппозицией и нелояльными СМИ. Его обвиняют в излишнем авторитаризме, стремлении притеснить оппозицию и неучастию в политических дебатах, нападках на СМИ (по сравнению с прошлым этапом исследования число таких характеристик явно уменьшилось): *«не умеет признавать чужие мнения», «препятствует развитию независимых СМИ и телевидения», «излишне авторитарное правление», «происходит излишне закручивание гаек».*

Деловые качества во внутренней политике оцениваются неоднозначно. Так часть респондентов считает, что *«Путин – реальный политик, который добивается своих целей».* Среди успехов называют проведение Олимпиады: *«хорошее действие было, красивый праздник».* Но негативных оценок больше. Так же, как и в прошлых этапах исследования, Путина упрекают в *недостаточной эффективности, в не решении главных социальных задач, стоящих перед страной, отсутствии внутреннего производства, в нерешении проблем коррупции* (однако доля этих высказываний незначительна).

Путин продолжает оставаться сильной и влиятельной фигурой, в 2014 г. его рейтинг достиг наивысших показателей, сопоставимых с началом его деятельности в качестве Президента, что во многом связано с успешной внешнеполитической деятельностью, где он воспринимается как сильный и эффективный лидер, способный отстаивать интересы страны (число таких характеристик существенно).

О. С. Никитенко
МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ⁴²

НИКИТЕНКО О. С. – магистрант направления «Организация работы с молодёжью» РАНХиГС, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Теоретическая и прикладная социология» ФГБОУ ВПО «Госуниверситет-УНПК». E-mail: olga@soc-orel.ru.

Местное самоуправление занимает одну из ключевых позиций в системе управления общественно-государственными отношениями любого развитого демократического государства, поскольку именно оно обеспечивает децентрализацию системы управления, что, в свою очередь, делает его наиболее приближенной к чаяниям общества и защите их интересов. Посредством органов местного самоуправления осуществляется организация и практическая реализация власти на местах, обеспечивается самостоятельное разрешение населением вопросов на местном уровне.

Среди основных задач органов местного самоуправления выделяют управление муниципальной собственностью, формирование, утверждение, исполнение и контроль над исполнением местного бюджета, учреждение, изменение и отмену местных налогов и сборов поселения, обеспечение общественного порядка и иные функции.

В ходе исследования, проведенного в конце 2013 г. научно-образовательным центром «Теоретическая и прикладная социология» ФГБОУ ВПО «Госуниверситет-УНПК» касательно деятельности органов местного самоуправления и отношения к ним населения в Орловской области, выяснилось, что респонденты неоднозначно трактуют понятие местного самоуправления. Каждый третий ошибочно полагает, что местное самоуправление является нижним элементом властной пирамиды «вертикали власти», частью государственной системы. Наиболее высокие показатели у группы респондентов с общим средним и средним специальным образованием (47,8%).

Более того, вызывает определенные опасения и тот факт, что треть опрошенных вовсе не понимает, в какой форме местное самоуправление представлено в системе политической власти региона. И лишь четверть респондентов верно ответила на вопрос, отметив органы местного самоуправления как форму осуществления народом своей власти, самостоятельное и под свою ответственность решение населением вопросов местного значения. Возможно, причина кроется в непонимании населением тех границ, где заканчиваются полномочия органов государственной власти, а где берёт своё начало юрисдикция органов местного самоуправления.

В большей степени вопрос о сущности органов местного самоуправления вызвал затруднение у мужской половины населения (44,1%), нежели у женщин (35,3%). В большей степени информированными оказались граждане в возрасте от 30 до 39 лет, которые отнесли местное самоуправление к одной из форм народовластия.

При этом если провести сравнительный анализ данного исследования со статистикой схожего всероссийского опроса, проведенного ещё в 2006 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения [1], то прослеживается положительная динамика сокращения ответов респондентов об ошибочной трактовке местного самоуправления как

⁴² Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект № 13-23-01009 (2013-2014 г.г.)

представительства государства на местах (33% против 46%), что может быть в том числе следствием проводимой с 2006 г. реформой местного самоуправления в России. Однако стоит заострить внимание на том факте, что, к сожалению, показатели недостаточной информированности граждан остаются по-прежнему высокими, и в данных условиях жизненно необходимо продолжать постоянную разноплановую разъяснительную работу среди населения о месте, роли, формах и задачах органов местного самоуправления в социально-политической жизни российских регионов.

Наибольшие опасения вызвал вопрос о доверии населения к представителям местного самоуправления: лишь десятая часть полагает, что местная власть в случае конфликтных ситуаций с другими социальными группами выступит на стороне жителей. Такая статистика НОЦ «Теоретическая и прикладная социология» лишь подтвердила показатели общероссийского исследования, проведенного «Левада-Центром» в 2013 г. [2], где на вопрос «В какой мере, на Ваш взгляд, заслуживают доверие местные (городские, районные) органы власти», лишь 27% ответило положительно.

Серьезной проблемой не только регионального, но и национального масштаба является то, что население не желает участвовать в обустройстве своей социальной и социально-политической жизни: 2/3 населения, по мнению респондентов, пассивно относятся к самостоятельной организации и проведению мероприятий своего территориального образования, либо попросту отказываются от участия в них. Это говорит либо о слабой активности и незаинтересованности в самостоятельном улучшении общественно-политической жизни территориального образования с одной стороны, либо о не информированности населения о проведении таких акций (субботников, собраний, митингов и пр.) – с другой стороны.

Одним из самых сложных, на наш взгляд, вопросов является определение причин, по которым в настоящее время медленными темпами развивается местное самоуправление, и почему население не принимает в этих процессах активного участия. Респонденты отметили две главные проблемы, из-за которых происходит стагнация развития местного самоуправления в муниципальных образованиях: незаинтересованность самих органов местного самоуправления в привлечении местного населения в процессы общественно-политического устройства на местах и не востребованность, а иногда и наказуемость проявления инициативы «снизу». Население не хочет лезть «на рожон» и пытается жить по старинке, разрешая проблемы не совместными усилиями, а в индивидуальном порядке и самостоятельно.

В соответствии с нормативно-правовой базой, функционирование органов местного самоуправления предполагает возможность оказания влияния на действия и решения власти со стороны граждан. Однако значительное число населения высказывает мнение о том, что по каким-то причинам не могут оказывать такое влияние на решения местной власти.

На наш взгляд, среди прочих проблем взаимодействия населения с органами местного самоуправления можно выделить также следующие:

- недоверие граждан к институту местного самоуправления;
- недостаточная информированность о деятельности органов местного населения, в том числе в средствах массовой информации;
- непонимание (или нечеткое понимание) роли органов местного самоуправления в системе социальных отношений;

- неясность самих процедур осуществления властных и хозяйственных полномочий местным самоуправлением;
- оторванность от реальных нужд и чаяний населения муниципальных образований;
- отсутствие серьезного восприятия органов местного самоуправления как структуры, независимой от вышестоящих органов, способной всерьез решать вопросы местного самоуправления;
- отсутствие в полной мере финансовой независимости и политической автономии органов местного самоуправления, что зачастую ведет к зависимости от регионального и федерального уровней и невозможности автономно и всеобъемлюще разрешать вопросы местного значения;
- рост социальных противоречий, связанных, в первую очередь, с резкой дифференциацией общества.

Подводя итог, следует сказать, что, как и вся российская политическая система, институт местного самоуправления на протяжении всего времени существования вбирает положительный опыт функционирования самостоятельного института публичной политики, и в то же время требует дальнейшего развития и совершенствования.

Сегодня существует острая потребность в углублении социально-политического диалога населения и власти на местах. Органам местного самоуправления необходимо более серьезно взаимодействовать с населением в контексте приобщения к процессам «низовой самоорганизации» граждан и принятия в них активного участия. При этом пристальное внимание необходимо обратить на процедуру и механизмы информирования населения о структуре и полномочиях органов муниципального менеджмента.

Литература

- 1 Реформа местного самоуправления: что мы знаем о ней. ВЦИОМ / Государственное управление. 2006 № 2. С. 91.
- 2 Исследование «Левада-Центра»: Доверие россиян институтам власти и общества в 2013 г. // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/10/08/6297>.

С. И. Петрова

СТИМУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ВЫПЛАТЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛОВ

ПЕТРОВА С. И. – министерство социально-демографической и семейной политики Самарской области, главный консультант управления организации опеки, попечительства и профилактики безнадзорности несовершеннолетних, магистрант Самарского государственного университета. E-mail: dmitsi2005@rambler.ru

Сложившаяся демографическая ситуация в России за последние десятилетия привлекает пристальное внимание не только законодательной и исполнительной власти, но и институтов гражданского общества.

С 2007 года в Российской Федерации началась проводиться активная демографическая политика.

Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 года № 1351 утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, целями которой являются стабилизация численности населения и создание условий для её роста, в т. ч. посредством повышения уровня рождаемости за счёт рождения в семьях второго ребенка и последующих детей.

С 1 января 2007 года Пенсионный фонд Российской Федерации приступил к реализации программы поддержки семей, имеющих детей, в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2006 №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» посредством выдачи материнского капитала. Право на дополнительные меры государственной поддержки возникает при рождении (усыновлении) второго ребенка начиная с 1 января 2007 года, при рождении (усыновлении) третьего ребенка или последующих детей начиная с 1 января 2007 года, если ранее семья не воспользовалась правом на получение материнского капитала.

Необходимо отметить, что первоначальный размер материнского капитала в 2007 г. был равен 250 000 рублей, его величина на протяжении шести лет ежегодно пересматривалась с учётом темпов роста инфляции. К 1 января 2014 г. его размер составил 429 408 рублей и увеличился по отношению к 2007 году на 171,8%.

За это время, по состоянию на март 2014 г., территориальными органами Пенсионного фонда Российской Федерации Самарской области выдано 94 011 государственных сертификата на материнский капитал.

Немаловажным является аспект возможности использования его средств. Согласно 256 Федеральному закону капиталом можно распорядиться по трём программам: улучшение жилищных условий, образование детей, будущая пенсия мамы.

По данным Пенсионного фонда Российской Федерации Самарской области самой востребованной является жилищная программа. За весь период в регионе 41 574 обладателя сертификата направили средства на улучшение жилищных условий. На образование детей средства направили 2325 человек. Наконец, 14 обладательниц сертификата решили направить средства на свою будущую пенсию. Однако, ограниченность направлений его использования средств является одной из причин низкой численности владельцев, которые его реализовали – таких самарских семей менее половины (46,7%).

Т. к. наиболее востребованным направлением реализации капитала, является улучшение жилищных условий предлагаем более подробно её описать. Семья, получив выплату в 400 000 рублей, по факту не имеет возможности приобрести в собственность даже однокомнатную квартиру, т. к. средняя рыночная стоимость одного квадратного метра общей площади жилого помещения по муниципальным образованиям Самарской области на I квартал 2014 года составляет 32 240 рублей. Таким образом, средняя стоимость однокомнатной квартиры общей площадью 44 м² составляет более 1 400 000 рублей, и средства материнского капитала могут покрыть только около 29% затраченных на приобретение жилья финансов. Вместе с тем, данная выплата является существенным подспорьем, в случае обмена квартиры на большую площадь. В среднем, разница между 2-х и 3-х комнатной квартирой

составляет порядка 200–300 тысяч рублей. По данным аналитического отчёта по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведённого в сентябре-октябре 2012 г. Федеральной службой государственной статистики – важное значение для тех, кто хотел бы иметь ребёнка (потребность в детях не удовлетворена) имеет доход, жилищные условия, стабильность, уверенность в завтрашнем дне, меры поддержки семей с детьми. Поэтому нельзя недооценивать данную меру.

Вопрос о продлении федерального материнского капитала до 2025 года неоднократно поднимался депутатами и фракциями Государственной Думы Российской Федерации. С одной стороны, это реальная поддержка семей с детьми, которая действительно способствует увеличению рождаемости в России, с другой стороны дефицит бюджетных средств, ввиду чего в августе 2013 года в статьях различных изданий тема отмены материнского капитала вызвала существенный общественный резонанс.

Ранее, в 2010 году Президент России в своем Послании Федеральному Собранию предложил руководителям всех субъектов Федерации подумать о введении регионального «материнского капитала».

По состоянию на 1 января 2014 года во всех регионах Приволжского федерального округа, за исключением республик Башкортостан, Татарстан, Удмуртской Республики и Пензенской области, приняты нормативные правовые акты о введении регионального материнского капитала за счет средств бюджета субъектов.

Его размер варьируется от 25 тыс. рублей на 2-го ребёнка в Нижегородской области до 700 тыс. рублей на 7-го ребенка в Ульяновской области. В Самарской области законом от 23 ноября 2011 года № 125-ГД, вступившим в силу с 1 декабря 2011 года, также была введена данная выплата, которая выплачивается при рождении (усыновлении) после 30 ноября 2011 года третьего или последующих детей из средств областного бюджета в размере 100 тысяч рублей.

Единовременная денежная выплата (семейный капитал) в Самарском регионе носит компенсационный характер, т. е. она направлена на компенсацию гражданами денежных расходов при определённых условиях. В сравнении с федеральным материнским капиталом, региональный можно использовать по семи направлениям, при этом распоряжение средствами единовременной денежной выплаты может осуществляться заявителями одновременно по нескольким направлениям.

В регионе за 2013 г. единовременная денежная выплата (семейный капитал) предоставлена 2207 получателю.

Необходимо отметить, что ряд управленческих мер (региональный семейный капитал, ежемесячная денежная выплата на третьего и последующего ребенка и пр.) предпринятых в губернии с целью преодоления негативных последствий демографического кризиса, оказались весьма эффективными.

Снизилась темпы сокращения численности населения, на начало 2014 г. она составила 3210,7 тысяч человек. Увеличилась рождаемость на 1,5% по отношению к 2012 г. (2013 г. – 39,6 тысяч детей, 2012 г. – 38,9 тысяч детей, 2011 г. – 36,8 тысяч детей), общий коэффициент рождаемости по итогам 2013 г. составил 12,3 промилле. Наблюдается увеличение рождения вторых и последующих детей по сравнению с 2012 г. (вторые рождения на 5%, третьи рождения на 10%, четвёртые и более на 13%).

Данная положительная тенденция продолжится незначительное количество времени, так как в настоящее время, в активный репродуктивный возраст вступает малочисленное

поколение 90-х годов, поэтому уже в ближайшие годы основной резерв повышения рождаемости за счёт возрастной структуры женщин репродуктивного возраста и количества потенциальных рожениц будет значительно снижен и, несмотря, на меры социальной поддержки, стране и в частности нашему региону не удастся избежать снижения рождаемости.

Таблица 1 Материнский капитал

Годы	Размер материнского капитала (рублей)
2007	250 000
2008	276 250
2009	312 162
2010	343 378
2011	365 698
2012	387 640
2013	408 960
2014	429 408

См. данные ПФР. URL: http://www.pfrf.ru/ot_samara/mom_weal/

Таблица 2 Сведения о количестве актов о рождении детей по очередности рождения, зарегистрированных органами ЗАГС Самарской области за 2012–2013 гг.

Годы	Количество актов о рождении, всего:	Из них каким по счёту рожден ребенок:				
		первый	второй	третий	четвёртый	пятый и более
2012 год	39 187	19 869	14 728	3 530	705	355
2013 год	40 057 (из них 122 неизвестно*)	19 396	15 460	3 878	846	355

* Количество актов о рождении включает в себя число восстановленных записей актов о рождении, составленных на основании решения суда, а также записи актов, в которых не указана информация об очередности рождения ребенка.
См. данные ЗАГС Самарской области. URL: <http://www.zags63.ru/>

Приложение 3 Рождаемость в Самарской области по данным Самарстат (тысяч человек)

Годы					
2008	2009	2010	2011	2012	2013
36,3	36,3	37,2	36,8	39,0	39,6

См. данные Самарстат. URL: <http://samarastat.gks.ru/>

Литература

- 1 Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 года № 1351. URL: «Консультант+»/
- 2 Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 10.05.2006. URL: Консультант +
- 3 Федеральный закон от 29.12.2006 №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». URL: «Консультант+»

- 4 Постановление Правительства Самарской области от 12.02.2014 №64 Режим доступа: «Консультант+»
- 5 См. данные Росстат. URL: <http://www.gks.ru>
- 6 См. данные СамараСтат. URL: <http://samarastat.gks.ru/>
- 7 См. данные ЗАГС Самарской области. URL: <http://www.zags63.ru/>
- 8 См. данные ПФР. URL: http://www.pfrf.ru/ot_samara/mom_weal/

В. А. Пилягина

СОЦИАЛЬНАЯ АНОМИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В статье рассматриваются проблемы осмысления концепта «аномия» в политологической и социологической литературе. Посредством изучения особенностей экспликации концепта «аномия» в работах социологов, выявляется его потенциал в анализе политических процессов. Для исследования проблем политического поведения важен вопрос о механизмах воздействия социальной аномии на политическую сферу. В работе он решается сквозь призму разработанного в рамках концепций Э. Дюркгейма и Р. Мертон аналитического языка.

Ключевые слова: аномия, поведение, структуры, нормы, ценности.

Термин «аномия» (*anomos* с греч. – «беззаконный», «безнормный») связан с именем французского социолога Эмиля Дюркгейма и стал широко использоваться после того, как был заново введен им в оборот. Вместе с тем в разное время, начиная с Еврипида и Платона, встречается слово «аномия» и формулируется ряд гипотез и тезисов относительно феномена, им обозначаемого.

В книге «Самоубийство» Э. Дюркгейм впервые даёт развернутое изложение концепции аномии, где связывает колебание процента самоубийств во Франции с проявлением аномии как постоянным и регулярным фактором [1]. Активность индивидов оценивается Дюркгеймом как показатель, обусловленный взаимодействием культурных и социальных структур. Аномия происходит вследствие расхождения между ними, когда части «социального организма» не находятся в продолжительном контакте и действуют рассогласованно. Речь идёт о периоде трансформации общественного строя, который охватывает не только экономическую, но и социально-политическую сферу и сопровождается динамикой настроений и ценностей. В результате образуется «нормативный вакуум» – феномен аномии.

Впоследствии этот подход развивает американский социолог Роберт Мертон. В работе «Социальная теория и социальная структура» исследователь предлагает модель взаимодействия социальной и культурной структур и их основных элементов. В терминологии Мертона эти элементы соответствуют культурными целям и институционализированным нормам, совместно создающим формы господствующих образцов поведения. Мертон определяет культурную структуру как «то, что формирует ряд нормативных ценностей, регулирующих поведение, общее для членов определенного общества или группы», а социальную структуру как «то, что формирует ряд социальных отношений, в которые члены общества или группы различным образом включены». В случае, когда структуры недостаточно интегрированы, возникает то, что социологи рассматривают как аномию.

Иными словами, социальная аномия – это состояние рассогласованности между «культурно предписанными стремлениями и социально структурированными средствами их реализации» [3, с. 247]. Культурные цели преобразуются в иерархию ценностей, где основным критерием приемлемости поведения является не его «техническая эффективность, а основанные на ценностях человеческие установки».

Феномен аномии затрагивает и политическую сферу жизни общества. В контексте исследования политического поведения ценности и установки представляют особый интерес для политологов и политтехнологов. В авторитарных и тоталитарных режимах установки и ценностные ориентации конструируются целенаправленно политическими элитами, а в условиях демократии сильный интерес к ним актуализируется в периоды избирательных кампаний. Однако и в межвыборные периоды важнейшие структуры власти проявляют интерес к общественным предпочтениям.

Иначе говоря, в зависимости от политических задач избираются способы акцентирования целей и «настройки» поведения индивидов. Роль «настройщиков», обеспечивающих синхронизацию массовых и индивидуальных настроений, по мнению Г. Тарда, выполняют появляющиеся время от времени харизматические лидеры, религиозные и общественные празднества, символы и пр. В результате может складываться противоречие, влияющее на характер поведения: цели и ценности, постулируемые властью в качестве общих для всего населения, взаимодействуют с существующей социальной структурой, ограничивающей доступ к одобряемым способам достижения этих целей. Распространение различных манипулятивных политических технологий при этом приводит к искажениям в политических представлениях индивидов и деформациям политического сознания, определяющего суть политического поведения.

Так, понятие ценностей играет ключевую роль в социологических исследованиях аномии. При анализе политического сознания и политического поведения ценности политической культуры включены в число наиболее важных характеристик. Понимание аномии, в социологической терминологии, как состояния социальной системы, подверженной ценностным изменениям в контексте противоречий с традициями, может быть взято на рассмотрение политологами в отношении решения проблем из области политического поведения. Понятно, что одни и те же факторы действуют и в социальных и в политических процессах. Так, показатели, характеризующие феномен аномии, могут анализироваться в качестве факторов, влияющих на политическое поведение.

В контексте проблем политического поведения, фундамент которого представляют социокультурная среда сообщества и политическая культура, концепции аномии могут применяться для анализа моделей поведения в аспекте противоречий между ценностными изменениями и ответными реакциями на них со стороны социума. Настроения и эмоциональные состояния, порождаемые этими динамическими процессами, существенным образом воздействуют на мировосприятие и характер политического поведения индивидов.

Р. Мертон, анализируя варианты поведения людей, описывает соответствующие им типы «аномических приспособлений» – конформность, инновацию, ритуализм, ретритизм и мятеж. «Конформность» – тип приспособления, при котором цели и средства непротиворечивы, он способствует поддержанию политической стабильности и преемственности.

В политической сфере конформное поведение – стабильно прогнозируемое и наиболее привлекательно для властвующей элиты. Конформная адаптированность индивида исключает возможность применения неинституциональных форм ответных реакций на политические

решения даже в тех случаях, когда они становятся угрозой неудовлетворения базовых потребностей. При этом речь идет не о том, чтобы декларировать принятие официальных политических целей. Важно на поведенческом уровне принятие существующего институционального порядка.

«Ретритизм» – постепенный уход от конформности, этот тип характеризуется состоянием индивида, когда «интериоризованное моральное обязательство использовать для достижения целей только институциональные средства противостоит внешнему побуждению прибегнуть к средствам недозволенным, но эффективным» [3, с. 272].

Как тип политического поведения ретритизм характеризуется уходом из политической жизни на фоне негативного отношения к политике в целом, отрицанием официальных политических целей. Так, часть общества может придерживаться мнения, что их участие ничего не изменит в политической и общественной жизни, и отказывается от любого вмешательства в политический процесс. Сходные поведенческие стратегии характерны для значительной части россиян и в целом для обществ, переживающих кризисное или переходное время.

По определению А. Юревича, аномия – это «разрушение системы моральных норм и их рассогласование друг с другом, характерная для всех постсоциалистических обществ и пришедшая на смену гиперномии – сверхнормированности социалистических режимов». Так, разуверившись в коммунистических ценностях, часть российского социума не усвоила для себя «новые» идеалы. Другая часть принимает точку зрения, что политика – «дело грязное», и на основании этого представления отстраняется от участия в политике. Ретритизм как «процесс постепенного отстранения, в итоге приводящего индивида к «бегству» от требований общества», сопоставим в политике с явлением абсентеизма как «бегства», вызванного кризисом доверия политикам или недоверием к результатам выборов.

Другой тип приспособления, не нарушающий институциональных норм – «ритуализм». Ритуализм предполагает отвержение или понижение завышенных культурных целей в случае невозможности быть удовлетворёнными. Так, в американском обществе, о котором писал Мертон, общепринятые ценности ориентируют человека на продвижение вперед, на «денежный успех». Концепт «успеха» стал одним из базовых в массовой западной культуре, отражая её основные ценности – статус, материальные блага, карьерный рост. Немало людей пренебрегают этими ценностями, несмотря на их акцентирование. Мотивы отрицания целей успеха могут быть разные. Например, сохранение и воспроизводство тех культурных целей, которые могут обеспечить относительное, зато стабильное благополучие. Запрос на стабильность воплощается в следовании рутинному распорядку. В электоральном поведении ритуализм может выражаться в конформистской поддержке «партии власти». Угроза безработицы, утраты статуса в обществе может стать серьезным фактором, воздействующим на активность индивидов: «Так ведут себя и напуганный увольнением служащий, и бюрократ, ревностно соблюдающий нормы в кассовом отделе частного банка или в дирекции государственного предприятия» [3, с. 269].

Ритуализм как тип политического поведения означает понижение для себя целей, связанных с обретением политического капитала, участием в политической борьбе за возможность проводить собственные политические решения или с непосредственным участием во властных структурах. Ритуалисты могут принимать эпизодическое участие в политике – участвовать в политических акциях, голосовать на выборах, однако в своих действиях они не выходят за рамки одобряемых целей и средств. Сохранение порядка в виде институциональных норм имеет превосходящее значение по сравнению с размытыми и

недостаточно артикулированными ценностями. Мертон уточняет: «Это тип приспособления индивида, лично стремящегося избежать опасностей и неудач посредством отказа от основных культурных целей и приверженности любому обещающему безопасность рутинному распорядку и институциональным нормам» [3, с. 267]. Согласно Р. Мертону ритуалистический тип поведения следует ожидать от представителей «низшего среднего класса» более привязанных к безопасным институциональным нормам и пытающихся уйти от фрустраций как неотъемлемого компонента конкуренции за культурные блага.

«Инновация» возникает при культурном акцентировании цели. Это тяготение к институционально сомнительным, но технически эффективным средствам достижения цели. Как тип политического поведения инновация предполагает изобретение эффективных, но институционально запрещенных, нелегальных или нелегитимных средств достижения важной политической цели. Например, к инновационным действиям в политике имеют отношение технологии воздействия на избирателей при сборе подписей, проведения избирательных кампаний, злоупотребление административным ресурсом, фальсификация выборов, использование административного ресурса и др.

В рамках политической системы инновация может характеризоваться антисистемными действиями. По мнению А. П. Страхова, антисистемность является характерной чертой деятельности политической оппозиции в России. Отсутствие легальной оппозиции в структурах власти накапливает потенциал социально-политических конфликтов в русле антисистемных движений. Инновация в данном случае выражает реакцию на отсутствие политической конкуренции как модели социально-необходимых и легальных действий в борьбе за власть, что приводит к использованию, хотя и эффективных, но институционально запрещаемых средств достижения политических целей.

Интерес в контексте исследования российской политической практики представляет инновационный тип поведения. При этом инновация может трактоваться достаточно широко: и как фальсификации и злоупотребления на выборах, и как реакция общества на них, способная вылиться в конкретные формы коллективного организованного политического действия. Как инновационные можно рассматривать протестные действия оппозиции в Москве, последовавшие вслед за парламентскими выборами 2011 г.

Мятеж обозначает более глубокий разрыв с традиционными политическими средствами борьбы за власть и за политические права. По словам исследователя С. Кара-Мурзы, мятежники – это «те, кто готовит и ведет «пересборку» общества на новой ценностной матрице». Этот тип приспособления включает в себе «подлинную переоценку всех ценностей, когда прямое или косвенное переживание фрустрации приводит к полному обличению того, что прежде высоко ценилось» [3, с. 276].

Мятеж характеризуется использованием радикальных средств для достижения политических целей (революционные, террористические действия, захват заложников, политические акции и др.), в ситуации, «когда институциональная система расценивается как препятствие для удовлетворения узаконенных целевых устремлений» [3, с. 276]. Распространению моделей данного типа поведения может способствовать: 1) обострение этнических и социокультурных конфликтов; 2) экономический спад; 3) кризис легитимности государственной власти, когда часть населения не признает функциональность политических структур.

Таким образом, концепции социальной аномии могут стать одним из аналитических инструментов, используемых для понимания и объяснения особенностей политического

поведения. Многозначность понятия «аномия» позволяет адаптировать его к различным исследовательским задачам, а также анализировать воздействие феномена аномии на разных уровнях. Словом, анализ взаимодействия политических, культурных и социальных факторов сквозь призму концепта «аномия» может позволить составить комплексное представление о лежащих в основе поведения закономерностях и механизмах.

Литература

- 1 Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд: пер. с фр. с сокр./ Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. С. 399.
- 2 Медведев С.А., Томашов И.А. Политическая аномия в современной России. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. Кн. 2. С. 644.
- 3 Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ Москва; Хранитель, 2006. С. 873.
- 4 Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 11–12, 16
- 5 Урнов М. Ю. Эмоции в политическом поведении. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 311.
- 6 Тард Г. Социальная логика. СПб.: Социально-психологический центр, 1996. С. 500.
- 7 Юревич А. В. Нравственное состояние современного российского общества // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 70–79.
- 8 Страхов А. П. Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход // Полис. 2000. № 3. С. 90–103.

Д. В. Руденкин

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ РОССИЯН К НЕРАВЕНСТВУ В ДОХОДАХ МЕЖДУ 1990-МИ И 2000-МИ ГГ.: ХАРАКТЕР ИЗМЕНЕНИЙ И ИХ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПРИЧИНЫ

РУДЕНКИН Д. В. – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и политологии Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург). E-mail: d-rudenkin@yandex.ru.

Исследования Института Социологии РАН, проведённые за последние 6–7 лет, свидетельствуют о том, что в России снижается острота антагонизма между богатыми и бедными. Разумеется, нельзя сказать, что противоречия между наиболее обеспеченными и наименее обеспеченными гражданами исчезают вовсе. Но всё же сама по себе ситуация сильного разрыва в доходах, судя по исследованиям социологов, сейчас не кажется многим россиянам столь уж несправедливой. С тем, что неравенство доходов может быть нормальным при условии равенства возможностей, соглашалось до 70% россиян в 2007 г. [11, с. 181], 60% в 2011 г. 60% [5, с. 166] и 79% в 2013 г. [10, с. 58]. Эти цифры довольно ощутимо контрастируют с выводами, которые в социологи получали 12–15 лет назад: тогда около 50% россиян с раздражением относились к существованию в стране любых людей с очень высокими доходами [3, с. 296], 44% открыто отождествляли богатых людей с преступниками [7, с. 11], а 57% даже настаивали на том, что государство обязано принудительно регулировать уровень доходов богатых людей [2, с. 32]. То есть заметно, что определенные изменения во

взглядах россиян на справедливость существования богатых и бедных за прошедшие годы явно случились.

В данной работе мы намерены выдвинуть гипотезу о возможном происхождении этих изменений во взглядах россиян. Очевидный ответ на вопрос о их происхождении заключается в том, что за прошедшие годы просто изменились реалии жизни российского общества: в 1990-е годы россияне сталкивались с одними особенностями жизни, а в 2000-е годы – с другими, которые сделали их более лояльными к ситуации неравенства доходов в обществе. Но важно ещё и понимать, что конкретно поменялось в реалиях жизни между 1990-ми и 2000-ми годами. Мы предполагаем, что важно разграничивать между собой два взаимосвязанных, но всё же не тождественных явления. Первое такое явление – это разрыв в доходах между наиболее обеспеченными и наименее обеспеченными гражданами. Второе явление – средний уровень жизни и покупательская способность граждан, существующие в государстве в тот или иной момент времени. Соответственно, наша гипотеза заключается в том, что более лояльное отношение россиян к неравенству в доходах появилось не потому, что в 2000-е годы в российском обществе наступил период всеобщего равенства, а потому значительная часть малообеспеченных граждан повысила уровень своей жизни. Ниже, опираясь на данные исследований отечественных социологов и экономистов последних 20 лет, мы продемонстрируем, как менялись эти два явления на протяжении последних лет и как это могло повлиять на настроения россиян.

Если проанализировать, как на протяжении последних 20 лет менялась разница в доходах между различными категориями российского населения, то придется констатировать, что радикальных изменений в жизни россиян между 1990-ми и 2000-ми годами не произошло. С одной стороны, 1990-е годы действительно можно считать периодом, когда в России произошла сильная дифференциация доходов между богатыми и бедными. В середине 1990-х годов 10% наиболее обеспеченных россиян имели доходы, в 15 раз превосходящие доходы 10% наименее обеспеченных [8, с. 146], а уже к 2000 г. этот разрыв и вовсе достиг 34 раз [12, с. 28]. Кроме того, по экспертным оценкам, в 1990-е годы 85% всех сбережений в банковской системе, 92% доходов от собственности и 96% расходов на покупку валюты оказались в руках лишь крайне узкой наиболее обеспеченной части общества [13, с. 70]. С другой стороны, 2000-е годы также некорректно назвать эпохой экономического равенства между разными слоями российского населения. Равенства доходов в этот момент не наступило: с 2001 по 2007 гг. средний ежегодный рост зарплат в стране составлял 10–12%, но, например, в сфере рыболовства этот показатель доходил сразу до 32%, а в сфере строительства – до 30% [6]. Кроме того, в 2007 г. до 20% россиян имели доходы ниже прожиточного минимума, хотя в это же самое время в топливной промышленности у 50% сотрудников уровень доходов превышал прожиточный минимум в 20 раз, а у трети банковских работников – и вовсе в 26 раз [13, с. 66]. Иными словами, разрыв в доходах между богатыми и бедными россиянами оказался весьма ощутим и в 1990-е, и в 2000-е годы.

Тем не менее, если мы взглянем на второй показатель, средний уровень жизни населения, то между 1990-ми и 2000-ми годами можно найти более существенные различия. Уже в начале 1990-х гг., согласно официальным данным Росстата, в России за чертой бедности находились до 49,7 млн человек (33,5% от общей численности населения) [13, с. 66]. В середине 1990-х годов до трети россиян были вынуждены экономить даже на таких продуктах питания, как молоко, мясо, рыба, фрукты [1, с. 26]. Еще столько же не имели сколько-нибудь серьезных сбережений и были вынуждены жить "от зарплаты до зарплаты" [9, с. 180]. Однако в

2000-е годы все эти показатели стали ощутимо меняться. Во-первых, совсем иной стала официальная статистика: уже в начале 2000-х годов сразу в три раза сократилось число абсолютно бедных россиян, которым не хватало средств даже на удовлетворение самых элементарных потребностей [4, с. 29], а среднегодовой рост зарплат, напомним, оценивался тогда сразу в 11–12% [6]. Во-вторых, поменялись и показатели, которые получали российские социологи в ходе опросов: доля семей, оценивавших себя как бедняков, снизилась с 22% в 2001 г. до 12% в 2008 г [1, с. 28], а процент россиян, оценивающих свои доходы как низкие, медленно, но неуклонно снижался на протяжении всех 2000-х годов [13, с. 68]. Иными словами, в 2000-е годы в России практически непрерывно, хотя и не быстро, росло благосостояние значительной части населения, а число заведомо бедных сокращалось.

Сопоставляя два этих обстоятельства, мы приходим к выводу, что современные россияне стали более лояльно относиться к ситуации неравенства доходов в обществе потому, что для большинства из них эта ситуация перестала быть настолько болезненной. Само неравенство доходов между разными категориями населения, как видно из приведенных выше цифр, сохранилось: оно оказалось явной, характерной чертой российского общества и в 1990-е, и в 2000-е годы. Безусловно, со временем оно стало меньше. Наверняка эволюционировали и основания его формирования. Но само по себе оно оставалось. Однако в силу социально-экономических причин и повышения благосостояния значительного количества граждан в 2000-е годы это оказались все-таки разные виды неравенства. В 1990-е годы мы фактически имели дело с неравенством между богатыми и нищими гражданами. В 2000-е годы это оказалось неравенство, на одном полюсе которого оказались всё те же богатые, но на другом вместо нищих стало появляться всё больше людей, постепенно повышающих свой уровень жизни и верящих в свои благоприятные перспективы. Само неравенство, таким образом, сохранилось, просто большинством россиян оно стало восприниматься как нечто приемлемое, допустимое. Столкнувшись с тем, что их собственный уровень жизни уже не находится на грани катастрофы, многие россияне, как мы предполагаем, стали лояльнее относиться к тому, что у кого-то другого доходы могут быть существенно больше.

Разумеется, в настоящий момент это всего лишь гипотеза, которая концептуально основана лишь на вторичном анализе данных и нуждается в тщательной проверке. Поэтому пока мы осторожны в выводах и не готовы безапелляционно заявить, что отношение россиян к разрыву в доходах изменилось именно поэтому. Тем не менее, мы полагаем, что такой поворот в рассуждениях многих россиян был вполне возможен. Справедливо ли это предположение или у изменений во взглядах россиян должно быть какое-то иное объяснение - мы намерены проверить в ходе своих дальнейших исследований.

Литература

- 1 Бондаренко Н. А. Дефолт августа 1998 г. глазами населения // Вестник общественного мнения. 2008. № 4 (96). С. 23–32.
- 2 Григорьев С. И. Трансформация оценок населением России роли государства в регулировании доходов богатых // Социологические исследования. 1997. № 7. С. 30–43.
- 3 Гудков Л. Д. Абортивная модернизация. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2011. 630 С.
- 4 Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левинсон А. Г. Фоторобот российского обывателя // Мир России. 2009. № 2. С. 27–33.

- 5 Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь мир. 2011. 328 С.
- 6 Динамика основных социально-экономических показателей России в 1992-2009 гг. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_11/lssWWW.exe/Stg/d01/01-02.htm (31.10.2014)
- 7 Левада Ю. А. "Человек советский": Четвертая волна. Функции и динамика общественных настроений // Вестник общественного мнения. 2004. № 4. С. 8–18.
- 8 Малеева Т. М. Дифференциация доходов населения на фоне финансовой стабилизации // Мир России. 1996. № 3. С. 145–160.
- 9 Мансуров В. А., Семенова Л. А. О материальном положении россиян // Мир России. 1996. № 3. С. 179–182.
- 10 О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир. 2013. 400 с.
- 11 Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Авт.-сост. Е. П. Добрынина; Под общ. ред. М. К. Горшкова. М.: ИИК "Российская газета". 2007. 448 с.
- 12 Суринов А. Е. Социально-экономическая ситуация в 1992–2000 гг. – воздействие на население России // Мир России. 2001. № 2. С. 25–35.
- 13 Шкаратан О. И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Мир России. 2008. № 4. С. 60–89.

И. А. Савченко

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
МЕЖДУ ОРГАНОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНАМИ**

САВЧЕНКО И. А. – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и практики управления ГБОУ ВПО МГППУ. E-mail: arin76@mail.ru.

Создание эффективных форм осуществления взаимодействия между гражданами и органами государственной власти является сегодня не только актуальной задачей государственного управления, но и одним из критериев эффективности его деятельности.

Одним из каналов коммуникации между гражданами и властью на всех уровнях является интернет. В рамках проведенного исследования взаимодействия управы района Нагатинский затон г. Москвы с населением были выявлены средства интернет-коммуникации, созданные управой для этих целей, а также мнение граждан об эффективности осуществляемого взаимодействия.

Наиболее важным каналом интернет-коммуникации между управой и гражданами является Официальный информационный сайт управы (<http://nz.uaо.mos.ru/>). Это один из основных инструментов обеспечения свободного доступа граждан к информации о деятельности управы, распространения информации о социальных мероприятиях и акциях,

проводимых управой района, отражения культурной и общественной жизни района, площадки для взаимодействия населения с администрацией района.

К основным задачам сайта управы относятся:

- 1 обеспечение оперативной доступности к информации;
- 2 существенное расширение каналов взаимодействия органов исполнительной власти с населением и хозяйствующими субъектами, повышение эффективности этого взаимодействия;
- 3 создание единого информационного пространства на основе современных технологий;
- 4 обеспечение информационной поддержки реализации городских, окружных и районных целевых программ.

Информация, размещаемая на сайте, строго соответствуют требованиям, предъявляемым к официальным информационным ресурсам, а функциональные возможности сайта обеспечивают «прозрачное», непрерывное и оперативное взаимодействие управы с населением района.

На главной странице сайта представлены основные тематические разделы и рубрики, наполнение которых происходит ежедневно по мере поступления информационных материалов, предоставляемых управой района и подведомственными организациями, а также целевой аудитории. Сайт предоставляет пользователям возможность ознакомиться с социально-значимой (новости, события, анонсы мероприятий, планы мероприятий, тематические статьи, нормативные документы, ленты новостей, графики приема населения и организаций руководителями района, повестки заседаний), адресно-справочной и другой не менее важной информацией.

Для изучения характера и эффективности коммуникации государственных служащих управы района Нагатинский затон с населением в ноябре 2014 г. было проведено анкетирование 500 человек, проживающих на территории этого района.

Подавляющее большинство опрошенных жителей района Нагатинский затон проявляют к местной власти определённый интерес. Лишь 6% опрошенных категорически заявили, что информация о деятельности управы их не интересует. В то же время свою информированность об управе в той или иной степени отметили лишь около половины опрошенных (49%). Хорошо информированных об управе всего 15%.

Информацию об управе население получает из многих источников, но, прежде всего и больше всего, – из средств массовой информации.

Так, из газеты «Нагатинский затон» информацию об управе получают 57% опрошенных, из телевидения – 47%. Показательно при этом, что среди восьми источников информации о деятельности управы все чаще о себе заявляет электронный источник – интернет-сайт управы: для получения информации об управе к нему обращаются 12% жителей. По частоте получения информации об управе Интернет-сайт уже превосходит такие источники информации, как радио, встречи с представителями власти, справочники района. На наш взгляд, при интенсивном развитии сети в ближайшее время он войдёт в число приоритетных источников информации. Таким образом, приведённые выше данные позволяют сделать вывод, что жители района Нагатинский затон для получения информации о деятельности управы пользуются различными источниками, некоторыми довольно интенсивно. Информационное поле только

одной газеты «Нагатинский затон» «накрывает» более половины населения района. Но, несмотря на активное приобщение к этим источникам, многие жители испытывают определённый дефицит информации о районе и управе.

Жителям района, прежде всего, не хватает информации:

- 1 о льготах, правах жителей – 50% (1),
- 2 о планах управы, принимаемых решениях – 39% (2),
- 3 о полномочиях должностных лиц (фамилии, телефоны) – 36% (3),
- 4 об исполнении решений – 34% (4),
- 5 о структуре управы – 11% (5).
- 6 12% опрошенных также указали, что им, прежде всего, не хватает адреса управы (6).

Выше приведённые данные о наличии у населения дефицита информации о районе и управе в определенной мере говорят о том, что различные источники информации ещё недостаточно освещают на своих страницах, телевизионном канале, сайте, стендах и т. п. эти вопросы жизни района, его управы.

Опрос жителей района позволил выявить не только частоту их обращений к различным каналам, несущим информацию об управе, но и степень эффективности этих каналов: насколько нужна, интересна населению та информация, которую несёт тот или иной канал.

Чаще всего население района (70%) получает различную информацию об управе в результате взаимобмена в семье, а также со знакомыми, друзьями, хотя ценность, интересность этой информации невысокая (всего 28%). Очень высокая степень обращаемости жителей к информационным стендам в подъездах (58%). Ценность этой информации также не высокая – 18%. Это говорит о том, что содержание её нуждается в серьезном изменении. Этот канал, наиболее приближенный к населению, должен нести жителям более важную, нужную для него информацию. Нуждается в значительном совершенствовании и содержание информационных щитов, которые расположены на улицах района. При высокой степени обращаемости к ним (39%) лишь каждый третий выразил удовлетворение информацией, подаваемой на них.

Очень высока информационная эффективность прямого эфира главы управы на радио (78%) и на телевидении (76%), хотя аудитории эти ограничены: телеэфира – 15%, радиоэфира – всего 5%. Высока удовлетворенность телефоном приемной главы управы – 58% при охвате 17% населения района. В то же время справочной службой района, которой пользуется каждый четвертый житель района, удовлетворены лишь 37%. Не высока удовлетворённость жителей получаемой информацией с «горячей линии» по телефону руководства управы. Также острые, сложные вопросы поднимаются на встречах главы управы и его заместителей с населением, и здесь также доля удовлетворенных невысока – 44%. Индивидуальными приемами руководителей управы население удовлетворено в большей мере (56%).

Высока информационная активность местной газеты – интересную, нужную информацию получают 76% ее читателей.

Среди проблем, с которыми жители района чаще всего обращались в управу, можно отнести следующие:

- 1 ремонт жилого фонда, подъездов – 17%;

- 2 благоустройство дворов, озеленение – 30%;
- 3 уборка мусора – 35%;
- 4 освещение улиц, дворов – 37%;
- 5 общественное питание, торговля – 34%.

При этом данные проблемы были оперативно решены только в 21% случаев обращения, решены после повторного обращения 22%, после обращения в вышестоящую инстанцию – 35%, не решены – 22%.

Итак, в результате анализа деятельности управы района Нагатинский затон мы установили, что власти района уделяют большое внимание информированию населения о своей деятельности, стараются максимально увеличить количество и качество информационных услуг путем развития информационных ресурсов. Сегодня до жителей района, в т. ч. и средствами интернета, доводится информация о целях и задачах органов государственной власти и местного самоуправления, принимаемых ими решениях по обеспечению социально-экономического развития района, что позволяет людям лучше знать ситуацию в районе, более объективно оценивать деятельность его администрации.

Вместе с тем, анкетирование жителей района показало недостаточную оперативность решения проблем жителей района, а также недостаточную информированность населения о деятельности управы района, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования практической работы по информационному обеспечению населения района.

Н. Р. Садыкова
ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ КОМПОНЕНТОВ
СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ⁴³

САДЫКОВА Надежда Ринатовна – лаборант-исследователь Научно-исследовательского центра Алтайского Государственного Университета. E-mail: nadyushka-sadyko@mail.ru.

В настоящее время мы наблюдаем, стремительное увеличение масштаба глобальных угроз естественным и культурным основам жизни человечества, которые актуализировали в последние десятилетия научный и общественный интерес к проблематике социальной безопасности, а именно к социальной безопасности личности [3, с. 5].

Если рассматривать социальную безопасность в широком смысле, то это состояние защищенности личности, социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных интересов, прав, свобод.

В нашем государстве социальные гарантии безопасности личности являются конституционными гарантиями. Так, В Конституции РФ (1993 г.) социальная защищённость выражается в социальном обеспечении по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ст. 39), а также в

⁴³ Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО "Алтайский государственный университет". Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

поддержании достойного уровня жизни граждан, обладающих правом на жилье, медицинскую помощь и охрану здоровья, благоприятную окружающую среду (ст. 40–42). Эти конституционные нормы сформулированы в соответствии со ст. 22 Всеобщей декларацией прав человека [1, с. 25].

Социальная защищённость личности – это комплексная система мер со стороны государства, призванная поддерживать достойный жизненный уровень граждан и опекать те группы населения, которые не в состоянии самостоятельно его обеспечить. Обязанность государства находит свое юридическое выражение в виде установленных гарантий. Под гарантиями прав, свобод и интересов граждан понимаются средства, которые обеспечивают постоянное совершенствование этих прав и интересов, их реальное осуществление, а в необходимых случаях – и эффективную защиту от возможных нарушений.

Таким образом, социальная безопасность – это, в конечном итоге, бережное отношение государства к главному своему богатству – человеку.

Организация Объединенных Наций признаёт два основных компонента безопасности личности: «защита от неожиданных и пагубных нарушений нашего повседневного образа жизни», (известная как «свобода от страха») и «защита от постоянных угроз голода, болезней, преступлений и подавления» (известная как «свобода от нужды»).

Нельзя защитить мир от войн, если люди не будут в безопасности у себя дома, на своих рабочих местах, в повседневной жизни. ООН разработала всеобъемлющую Концепцию безопасности человека, которая состоит из шести основных категорий (компонентов):

- 1 экономическая безопасность трактуется как обеспеченность доходом, достаточным для удовлетворения насущных потребностей (гарантированный минимальный доход). При оценке угроз экономической безопасности первостепенное значение имеют показатели безработицы – один из главных индикаторов экономической безопасности человека. Возможность занятия оплачиваемым трудом – условие предотвращения угрозы нищеты и ее последствий для человека.
- 2 продовольственная безопасность – это доступность основных продуктов питания, что предполагает наличие их достаточного количества свободного доступа к ним, достаточную покупательную способность населения (физическая и экономическая доступность продуктов питания). Угроза продовольственной безопасности оценивается на основе анализа следующих показателей: суточное потребление калорий в процентах к минимальной потребности; индекс производства продуктов питания на душу населения; коэффициент зависимости от импорта продукции;
- 3 экологическая безопасность – это свобода и защита от угроз экологического загрязнения, прежде всего, наличие чистого воздуха и незагрязненной воды; возможность приобретения экологически безопасной пищи; возможность проживания в условиях, не представляющих опасности для здоровья с точки зрения экологии (жилище, условия труда и т. п.); защищённость от экологических катастроф (доступность чистой воды и чистого воздуха, система землепользования, сохраняющая плодородие почвы).
- 4 безопасность для здоровья – защищённость человека от рисков заболеваемости, т. е. возможность жить в безопасной для здоровья среде обитания; доступность эффективного медицинского обслуживания (относительная свобода от

заболеваний и заражений). Угрозы безопасности здоровья включают неблагоприятные условия жизни: неполноценное питание, опасные для здоровья условия труда, малые и нестабильные доходы, бедность и нищету, снижение доступа к эффективному медицинскому обслуживанию.

- 5 личная безопасность – свобода и защита человека от физического насилия и угроз. Угрозы личной безопасности включают природные и техногенные аварии и катастрофы; риск несчастных случаев на производстве, на транспорте, в быту; смертность от дорожных происшествий и т. д.

Рост преступности – один из главных факторов и характерных признаков увеличения угрозы личной безопасности. Наличие многочисленных предпосылок роста преступности (в том числе экономических условий) создает крайне неблагоприятную криминогенную обстановку. Высока доля особо опасной насильственно-корыстной преступности. Увеличиваются масштабы деятельности организованных преступных групп. Резко возрастает количество преступлений в состоянии опьянения и связанных с приемом наркотиков. Увеличивается число преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия и взрывных устройств, убийства по найму, рэкет, захват заложников, шантаж, терроризм.

Военные и боевые действия (войны между государствами, этнические, религиозные, политические конфликты с применением военной силы) также представляют непосредственную опасность для жизни человека. Насилие государства (физические пытки, принудительные работы в зонах повышенной опасности для здоровья и жизни и т. д.), насилие над детьми и женщинами, насилие на работе, рост психического насилия – характерны черты современного развития, представляющие угрозу здоровью и жизни человека;

- 6 политическая безопасность – возможность жить в обществе, которое признает основные права человека (защита основных прав человека и свобод).

Угрозы политической безопасности характеризуются политическим преследованиями, систематическими пытками, жестоким обращением; репрессиями со стороны государства по отношению к отдельным лицам и группам; контролем сферы идеологии и информации [4, с. 56].

Различают и другие компоненты безопасности, из которых на первом месте стоит «государственная безопасность», затем – «социальная безопасность», «энергетическая безопасность», научно-техническая безопасность» «информационная безопасность», «духовная безопасность», «безопасность труда», «пожарная безопасность» и др. [2, с. 65].

В реальной жизни все эти категории тесно взаимосвязаны и дополняют одна другую. Борьба с нищетой, преступностью, защита рабочих мест, доходов, безопасность здоровья, окружающей среды – таковы острейшие проблемы человечества, и в первую очередь женщины. Всё это включает интегрированное понятие «социальной безопасности».

Таким образом, социальная безопасность является одним из главных компонентов существования личности. Именно комплексная система мер со стороны государства, призванная поддерживать достойный жизненный уровень граждан. Это тема остается достаточно актуальной, поскольку проблема заключается в том, что до недавнего времени в социальной политике отсутствовала стратегия развития социальной безопасности личности, не существовало научного и общественного интереса к данной проблеме. Следствием этого явились низкая продолжительность жизни, высокий уровень бедности, неоправданно высокая

социальная дифференциация населения, региональная диспропорция в уровне жизни, снижение качества образования и здравоохранения, а также общего уровня духовности и культуры в нашем обществе. И, наконец, во весь рост обозначилась демографическая проблема.

Литература

- 1 Аверин А. Н. Социальная защита отдельных категорий населения. М.: РАГС, 2009.
- 2 Асеев В. Г. Нормативное управление социальным развитием. М., 2000.
- 3 Максимова С. Г. Некоммерческие организации как ресурс обеспечения социальной безопасности в регионах России // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2013.
- 4 Зеркалов Д. В. Социальная безопасность. Монография. К.: Основа, 2012.

Н. А. Самохвалов

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ – ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

САМОХВАЛОВ Н. А. – аспирант Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова. Преподаватель Балаковского филиала РАНХиГС. E-mail: nikolai-samohvalov@yandex.ru.

Общемировая практика последних лет наглядно демонстрирует нам факт того, что стремление к внешней информационной изолированности общества приводит исключительно к падению авторитета системы государственного управления и ее эффективности в глазах граждан определенного государства. Глобальное распространение информационных технологий 21 века и их практическое проникновение в повседневную жизнь практически любого человека, не говоря уже об обязательности выстраивания режима информационной открытости для органов государственной власти, мы приходим к выводу о целостности информационной сферы и её постоянному прогрессивному развитию. Во многом именно степень развития информационной сферы, определяет интенсивности открытости органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также зрелость институтов гражданского общества.

В условиях российской действительности следует уделять чрезвычайно важное внимание вопросам информационного «просвещения» граждан РФ о реализуемой государственной политике на различных ее уровнях. При этом в контексте сказанного, считаем, что приоритетное внимание должно уделяться молодежи и вопросам реализации государственной молодежной политики (ГМП). Это объясняется тем, что:

- во-первых, молодёжь – это социально-демографическая группа людей в возрасте от 14 до 30 лет, обладающая огромным скрытым потенциалом, который она может реализовать в различных сферах общественной жизни и представляющая собой стратегический ресурс для инновационного развития России;

- во-вторых, по официальным данным Росстата в 2013 году в РФ насчитывалось 30,6 миллиона молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет, что составляет 21 % от общей численности населения России (для сравнения – в 2012 году – 31,6 млн человек, в 2011 году – 32,4 млн человек, а в 2009 году – 33,7 млн человек, что составляло 23 и 24 % соответственно) [1]. Несмотря на то, что приведённые статистические данные свидетельствуют о неуклонном снижении численности молодёжи, на сегодняшний день она составляет к настоящему времени весьма внушительный процент от общего количества граждан РФ;

- в-третьих, нельзя забывать, что молодые люди сегодня это будущие родители в скором времени, способные решить демографическую проблему нашего государства;

- в-четвертых, молодёжь является наиболее активным слоем населения России. Современная молодёжь характеризуется активной мобильностью, участием в политико-правовых процессах, нежеланием быть просто инструментом в руках власти для достижения каких-либо целей, а, напротив, стремлением к признанию собственной значимости и незаменимости.

Активное внедрение новейших интернет-технологий в административно-управленческую деятельность органов государственной власти позволяет государственному аппарату гораздо продуктивнее выстраивать диалог с представителями молодого поколения граждан РФ и всем населением нашего государства в целом, а также способствует формированию активной гражданской позиции молодёжи.

Специфика информации на интернет – ресурсах органов государственной власти заключается в том, что её основными характеристиками должны являться открытость, достоверность и своевременность. Именно благодаря открытости, достоверности и своевременности, граждане РФ могут чувствовать себя непосредственными акторами политических, экономических, социальных и иных процессов российского государства.

Использование интернет-технологий в повседневной практической деятельности органов государственной власти и местного самоуправления на сегодняшний день составляет основу информационной политики России. В настоящий момент времени можно с уверенностью говорить, что применение интернет-технологий не является некой формальностью, а, напротив, представляет собой реально действующий механизм, способный значительно повысить эффективность и качество обслуживания населения с одновременным обеспечением открытости государственной, региональной и местной власти, а также с возможностью общественного контроля над ней. Именно реальная возможность граждан на получение открытой информации о деятельности органов государственной власти выступает в качестве базового условия развития правового государства.

Одной из приоритетных целей проведения административной реформы государственного аппарата в РФ стало создание новой модели взаимодействия общества и государства. Знаковыми направлениями деятельности по разработки новой модели взаимодействия общества и государства стали реализация Федеральной целевой программы «Электронная Россия» и создание «электронного правительства».

Информационные ресурсы органов государственной власти и местного самоуправления являются наиболее востребованными в обществе, и именно государство является владельцем самого большого объёма социально-значимой информации. Парадоксально, но в России многие органы исполнительной власти, примечательно, что даже те, которые должны быть флагманами в сфере информационного «просвещения» населения, зачастую осуществляют публикацию недостоверных материалов на своих интернет-ресурсах. В частности,

недостовверное доведение государственных статистических данных или официальных текстов нормативных правовых актов РФ явно не способствует формированию режима информационной открытости власти.

Однако наличие у государственных органов своих официальных сайтов возлагает на них не только юридическую, но и социальную ответственность за размещенную на этих сайтах информацию. В настоящее время в России принят ряд важных документов, призванных повысить уровень информационной открытости государственных структур, однако в данной области имеется ряд насущных проблем. Нельзя не сказать о низком уровне информационной грамотности большинства сотрудников государственных учреждений. А отсутствие общих четких требований к необходимому объему информации приводит к тому, что в разных ведомствах принятые в законе «размытые» формулировки трактуются по-своему. Большинство официальных интернет-ресурсов, по мнению экспертов, не являются информативными и удобными [2, с. 4].

В этой связи необходимо разработать ряд мер, направленных на стандартизацию размещаемой информации и технических требований для официальных интернет-ресурсов с точки зрения удобства их использования различными группами пользователей, в том числе с возрастными и физическими ограничениями.

Меры, направленные на более интенсивное внедрение интернет - технологий в деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, непосредственно, работающих с гражданами России в первую очередь должны быть направлены на представителей молодого поколения, поскольку, именно молодежь, является активными «юзерами», формируя при этом собственное мнение о государственной политике, на основе, размещаемой на различных сайтах и порталах структур аппарата государства.

Построение действенной двусторонней связи с молодежью, заинтересованной в экономико-политическом развитии нашей страны, в ближайшем будущем будет способствовать значительному продуктивному воздействию на модернизацию российской экономики, укреплению государственности, а также эффективной реализации ГМП в непростых современных геополитических условиях.

Литература

- 1 Официальные данные Росстата по численности и составу населения России// [http:// www.gks.ru/statistics/population](http://www.gks.ru/statistics/population) (дата обращения: 04.02.2015 г.).
- 2 Смирнов Ю. В. Информационная открытость государственных интернет – ресурсов в интересах молодежи: Сборник материалов круглого стола в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Комиссия Совета Федерации по делам молодежи и спорту// <http://sammol.ru/userfiles/biblio/pdf> (дата обращения 04.02.2015 г.).

Д. П. Соснин

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

СОСНИН Д. П. – кандидат политических наук, заместитель директора ОГКУ «Аналитика». E-mail: uldps@mail.ru.

После волны протестных выступлений «рассерженных горожан» в конце 2011 – начале 2012 года, формально инициированных сомнениями части оппозиционных лидеров и их социальных групп поддержки в легитимности выборов депутатов Государственной Думы Российской Федерации, федеральная власть резко усилила внимание к разработке новых форматов взаимодействия с населением, в то числе в сети Интернет.

Так в феврале 2012 года Владимир Путин опубликовал в газете «Коммерсантъ» статью «Демократия и качество государства» [1], в которой предложил рассматривать в парламенте гражданские инициативы, собравшие более ста тысяч подписей в интернете. В целях реализации данного предложения уже в 2013 году был запущен интернет-ресурс «Российская общественная инициатива». На базе «РОИ» в 2014 году проведено масштабное голосование по выборам части членов Общественной Палаты Российской Федерации, в ходе которого за кандидатов от некоммерческих организаций было отдано 2 344 769 голосов [2]. Не исключено, что эксперимент с интернет-выборами в федеральную Общественную палату лежит в русле апробации подходов к внедрению электронного голосования на «реальных» выборах органов власти.

В рамках тенденции на расширение инструментов взаимодействия власти и населения и выстраивание новых каналов обратной связи следует отметить и модернизацию процедуры оценки населением муниципальных органов власти. Собственно сам институт оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов был введён в Российской Федерации Указом Президента еще в апреле 2008 года [3]. Среди утверждённых Указом показателей для оценки особый интерес представляет «Удовлетворённость населения деятельностью органов местного самоуправления городского округа (муниципального района)». Согласно утвержденной методике мониторинга значения показателей оценки населением эффективности деятельности органов местного самоуправления определяются на основе данных независимых опросов населения. На практике это означало необходимость проведения «традиционных» социологических опросов по месту жительства респондентов.

В декабре 2012 г. механизм выявления оценок населения был существенным образом трансформирован. Постановлением Правительства Российской Федерации были утверждены специальные Правила оценки населением эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления [4], вступившие в силу с 1 января 2014 г.

В соответствии с данными Правилами оценка населением осуществляется посредством опросов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и информационных технологий на официальном сайте субъекта Российской Федерации и официальных сайтах муниципальных образований в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет". Допускается проведение дополнительно социологических опросов населения, порядок организации и проведения которых определяется нормативным правовым актом высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Таким образом, с 2014 г. основным инструментом оценки населением руководителей муниципалитетов становится проведение опросов с применением IT-технологий, а «традиционные» социологические опросы переводятся в разряд «дополнительных» инструментов.

Правилами предписывается проведение оценки населением эффективности деятельности следующих категорий руководителей: глав муниципальных образований, глав местных администраций, председателей представительных органов муниципальных образований.

Кроме того, оценка должна проводиться относительно деятельности руководителей унитарных предприятий и учреждений, действующих на региональном и муниципальном уровнях, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых находится в собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности, осуществляющих оказание услуг населению муниципальных образований.

Постановлением утверждены обязательные критерии оценки:

- 1 Удовлетворённость населения организацией транспортного обслуживания в муниципальном образовании (процентов от числа опрошенных).
- 2 Удовлетворённость населения качеством автомобильных дорог в муниципальном образовании (процентов от числа опрошенных).
- 3 Удовлетворённость населения жилищно-коммунальными услугами: уровнем организации теплоснабжения (снабжения населения топливом), водоснабжения (водоотведения), электроснабжения, газоснабжения (процентов от числа опрошенных).

Органам исполнительной власти субъекта Российской Федерации рекомендовано подводить итоги проведенных опросов с применением IT-технологий в срок до 1 мая года, следующего за отчётным. Итоги проведённых опросов с применением IT-технологий в отношении руководителей органов местного самоуправления и руководителей организаций должны размещаться на официальном сайте субъекта Российской Федерации с детализацией по муниципальным образованиям, расположенным в границах субъекта Российской Федерации.

Согласно указанным Правилам результаты оценки населением подлежат рассмотрению и анализу экспертной комиссией при высшем должностном лице субъекта Российской Федерации, в состав которой могут включаться представители органов исполнительной и законодательной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления, общественной палаты субъекта Российской Федерации, независимые эксперты.

При выявлении экспертной комиссией обоснованных причин низкой оценки населением экспертная комиссия может рекомендовать высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации, представительному органу муниципального образования направить инициативу об удалении главы муниципального образования в отставку. Очевидно, таким образом, федеральный центр постарался усилить значимость и политический вес интернет-опросов населения, превратить их в реальный стимул для повышения эффективности работы органов местного самоуправления, что, особенно значимо в условиях практически повсеместного отказа от прямых выборов руководителей муниципалитетов.

С момента вступления Правил оценки в силу (с 1 января 2014 г.) в регионах появился первый опыт практической реализации процедуры оценки населением деятельности руководителей МСУ с помощью интернет-технологий.

«Типовой» подход регионов к проведению опроса можно рассмотреть на примере Республики Татарстан. На официальном сайте республиканского Министерства экономики

размещена онлайн-форма «Опроса населения об эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, предприятий и учреждений, оказывающих услуги населению» [5]. Она содержит 27 вопросов. В первом вопросе респонденту предлагается выбрать район проживания (муниципальное образование), указать длительность проживания на данной территории и тип жилья (индивидуальный жилой дом либо многоквартирный дом). Вопросы с 4 по 21 составляют «ядро» оценки и нацелены на выявление удовлетворенности респондента качеством инфраструктуры дорог, транспортного обслуживания ЖКХ, деятельностью руководителей МСУ по стандартной шкале «удовлетворен, скорее удовлетворен, скорее не удовлетворен, не удовлетворен». Кроме того, предусмотрены вопросы обратной связи для сбора предложений по повышению качества соответствующих услуг. В конце формы содержатся вопросы социально-демографической «паспортички» респондента (пол, возраст, социальное и материальное положение). Подтверждение голосования происходит по электронной почте респондента. Данные о ходе голосования в режиме реального времени не отображаются. Длительность опроса – месяц (с 1 февраля 2015 г. по 1 марта 2015 г.).

Один из наиболее «продвинутых» механизмов оценки реализован Российским агентством развития информационного общества «РАРИО» по заказу региональной администрации Хабаровского края. Для проведения оценки населением эффективности работы руководителей МСУ в Хабаровском крае был создан специальный информационный портал в интернете (golos27.ru) [6]. Его запуск состоялся 14 марта 2014 г. Информационная система даёт возможность проголосовать не только через сайт (портал), но и с помощью специальных терминалов, число которых в Хабаровском крае в настоящее время насчитывает 109. На терминалах и портале авторизация осуществляется с помощью мобильного телефона. Голосовать можно раз в квартал. С момента запуска проекта к началу февраля 2015 г. в систему поступило более 15 тысяч голосов. Ход голосования отображается в режиме реального времени. Оценка проводится по критериям, определенным федеральными Правилами.

Анализ практической реализации процедуры оценки руководителей МСУ позволяет сделать следующие выводы.

При недостаточной методологической проработке формата опроса в регионах существует риск «профанации» самой идеи оценки населением эффективности деятельности местных органов власти с применением IT-технологий. В этом плане практика проведения данных опросов должна стать предметом внимательного, всестороннего рассмотрения социологическим сообществом. Как минимум целесообразно включать представителей независимых исследовательских центров в состав региональных экспертных комиссий по рассмотрению результатов оценки. Как максимум – само проведение опроса целесообразно перенести с официальных сайтов региональных правительств на независимые платформы, что должно способствовать повышению доверия населения к указанным опросам и профессионализации самого процесса.

Второй ключевой проблемный вопрос – авторизация респондентов для участия в голосовании. Другими словами: кто имеет право голосовать? Проведённый мониторинг соответствующих разделов на официальных сайтах субъектов РФ показывает, что многие регионы вообще не использовали никаких механизмов авторизации, что ставит под сомнения хоть какую-то релевантность и значимость, получаемых результатов. Отдельные регионы (как например, Татарстан) используют авторизацию по электронной почте. В Хабаровском крае – с помощью мобильного телефона. Однако, данные подходы не обеспечивают исключение из голосования жителей других муниципальных образований или даже других регионов. В этой

связи, логично рассмотреть плюсы и минусы перехода к голосованию с помощью федеральной системы ЕСИА, которая применяется в настоящее время для голосования в поддержку инициатив на сайте РОИ и была апробирована в масштабном голосовании по выбору членов федеральной Общественной Палаты в 2014 году.

Отдельной проблемой является низкая осведомленность жителей муниципальных образований о появлении онлайн-инструментов оценки эффективности деятельности руководителей МСУ. Для повышения реального участия населения в указанных процедурах требуется серьезная информационная поддержка.

В целом, если удастся избежать превращения оценки населением эффективности деятельности местных органов власти с применением IT-технологий в формальный процесс, для отчетности перед федеральным центром, данное направление развития коммуникаций власти и общества режиме обратной связи представляется достаточно перспективным. Условием осуществления позитивного сценария является подключение к методологической проработке данной оценки и к анализу практики её проведения профессионального социологического сообщества.

Литература

- 1 Путин В. В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 06.02.2012. № 20.
- 2 Формирование Общественной палаты Российской Федерации на 2014–2017 годы. URL:<http://2014.oprf.ru/>
- 3 Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. N 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 8. Ст. 2003
- 4 Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. N 1317 «О мерах по реализации указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. N 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и подпункта "и" пункта 2 указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. N 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7490.
- 5 Министерство экономики Республики Татарстан Опрос населения об эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, предприятий и учреждений, оказывающих услуги населению URL: <http://mert.tatarstan.ru/opros22.htm>.
- 6 URL: <http://golos27.ru/>.

М. С. Халиков

НОВАЯ ПАРАДИГМА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ХАЛИКОВ М. С. – доктор социологических наук, профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ.

Одним из способов регулирования институциональных изменений с точки зрения эволюционного развития является инверсионная концепция многоэтапного социально-

экономического развития регионов. Эта концепция предполагает естественное развитие субъектов Федерации на основе многоэтапного поступательного развития слаборазвитых, депрессивных регионов российского общества к самодостаточным, посредством аккумуляции и использования внутреннего потенциала в направлении саморазвития территорий. Первостепенной задачей на этом этапе является установление баланса между обществом и природой, а внутри общества, между регионами. Достижение устойчивого развития связано с ликвидацией неравенства между регионами, поскольку существуют регионы разного типа (депрессивные, дотационные, самодостаточные, донорские). Как перед богатыми, так и перед бедными регионами стоит задача обеспечения экономической устойчивости, экологической безопасности, достижение высокого уровня жизни без нанесения ущерба окружающей среде и т. д. Каждый регион имеет собственную программу устойчивого развития, которая предполагает — рациональное управление, укрепление связей между регионами, государственное регулирование, участие граждан в выработке и принятии решений. Основой социально-экономического развития регионов является такой процесс, который включает воспроизводство всех видов ресурсов региона — от трудовых, финансовых и природных до интеллектуальных и духовно-культурных. Но чтобы воспроизводственный процесс осуществлялся полноценно, важно своевременно решать проблемы в регионах, а это наталкивается на необходимость корректного распределения полномочий «федеральный центр-регион».

Материалы социологических исследований, проведённых в субъектах Российской Федерации [Халиков 2011: 108-128] свидетельствуют о том, что во всех регионах, в том числе благополучных, существуют проблемы, которые решаются и по каким-то причинам не решаются. К решаемым проблемам были отнесены: проблемы социальной сферы, жилищное и дорожное строительство, безработица. К числу не решаемых проблем были отнесены: износ оборудования муниципальной собственности, медицинское обслуживание, устаревшие транспортные средства. Однако, помимо названных, существуют проблемы, которые в силу своей неразрешимости, «загоняются во внутрь». Это социально-демографические проблемы народов Севера и Восточной Сибири (низкая рождаемость), проблемы энергоснабжения и коррупция в органах местной власти. Разрешение вышеназванных проблем зависит как от федерального центра, так от региональной власти. Кто и в какой мере должно решать эти проблемы определяется законодательным путём через разграничение полномочий между центром и регионами. Руководствуясь Европейской хартией местного самоуправления и федеральным законодательством Российской Федерации, необходимо чётко разграничить полномочия, за которые отвечают местные органы власти и федеральные. Это предполагает определение трех функциональных позиций: кто разграничивает полномочия, кто их финансирует и кто управляет. В некоторых странах эти функциональные позиции находятся в ведении федерального органа власти, а в некоторых — децентрализованы. Так, распределение финансовых ресурсов по территориальному принципу ведет к неравенству распределения и перераспределения средств. Однако во многих странах децентрализации средств мешают политические факторы, там срабатывает принцип: кто осуществляет компенсацию, тот ее и обеспечивает, а кто управляет, тот и должен финансировать расходы.

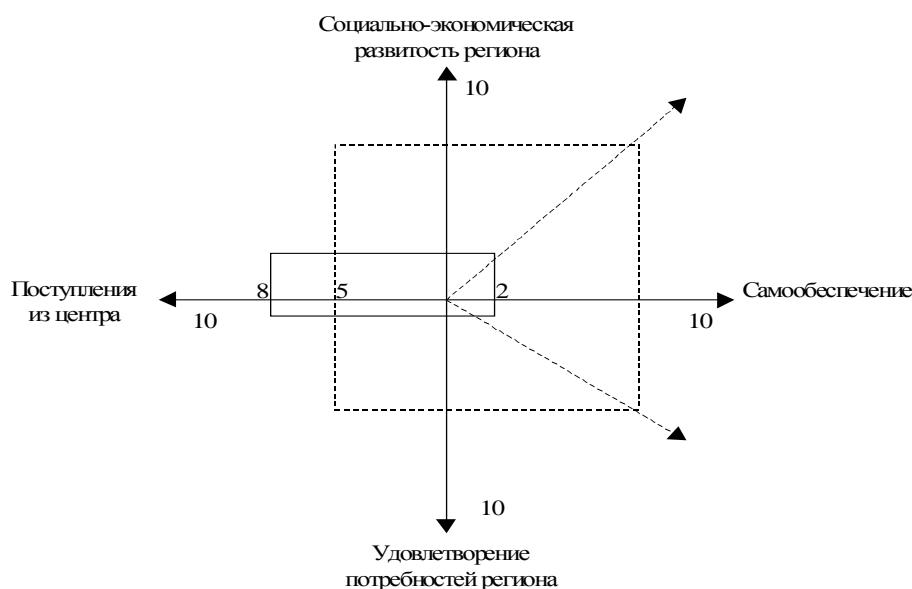
В настоящее время формируется новая парадигма регионального саморазвития, к которой тяготеют самодостаточные регионы. Они заинтересованы в ускорении социально-экономического развития своих территорий при условии передачи им необходимых для этого средств, а это в свою очередь требует существенной корректировки бюджетного и налогового

законодательства. Стремление к перераспределению пропорций налоговых поступлений особенно отчетливо проявляется в результате проведенного экспертного опроса. Так, 31,2 % из числа опрошенных экспертов считают, что в федеральном бюджете должно остаться 30 % поступлений, а в региональном – 70 %, по мнению других, федеральному центру следует оставить 40 %, а регионам – 60 % налоговых поступлений. Эксперты назвали три основных условия, способствующие саморазвитию регионов: распределение полномочий по сырьевым ресурсам региона, финансовая самостоятельность и законодательная инициатива. [Халиков 2011:113-114].

В нашем исследовании посредством метода графического моделирования были выявлены уровни социально-экономического развития регионов, проведена их типология и самое главное, используя демонстрационную методику, удалось воссоздать визуальную модель распределительного процесса в регионе, которая основывается на новом понимании социально-экономического развития регионов. На наш взгляд, в рамках инверсионной концепции многоэтапного социально-экономического развития регионов можно было бы объяснить и описать, каким образом переходная экономика способна трансформироваться в рыночную экономику развитых европейских стран. Однако для этого потребуется разработать особый исследовательский инструментарий, где методы визуализации оказываются исходными в понимании той или иной социально-экономической позиции конкретного региона. Эта концепция включает также разработку конкретных региональных проектов, которые должны стать инвестиционно привлекательными. Кроме того, эта концепция не только объясняет, но и помогает разработать имитационные модели движения слаборазвитых, депрессивных регионов к самодостаточности и экономической стабильности.

В экспертном опросе это оказалось визуально выражено на модели, где её критерии были изменены экспертами так, чтобы можно было изобразить в сравнении равное социально-экономическое состояние региона и то желаемое его состояние, достижение которого могло быть, возможно, на основе реализации прогнозируемой социально-экономической программы. В качестве примера на рисунке 1 представлено графическое изображение модели социально-экономического развития депрессивного региона – республики Ингушетия.

Депрессивный регион республика Ингушетия

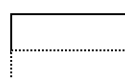
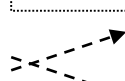

- - реальное социально-экономическое состояние
- - желаемое социально-экономическое состояние
- - проблемное поле прогнозируемой социально-экономической программы до 2010г.

Рисунок 1 – Графическая модель сравнительного позиционирования республики Ингушетия

Таблица 1 Ресурсы прогнозируемой социально-экономической программы

Условия реализуемости концептуального замысла	Риски не реализуемости в 2001–2010 гг.
Решение политических вопросов, экономическая стабилизация	≈ 90 %
Привлечение иностранных инвестиций	≈ 90 %
Развитие сельского хозяйства	≈ 40 %
Увеличение добычи нефти	≈ 50 %
Развитие международного туризма в регионе	≈ 80 %

На основе полученных данных стало ясно, что реализацию прогнозируемых «шагов» социально-экономической программы развития депрессивного региона следует начинать с развития сельского хозяйства и увеличения добычи нефти, поскольку риски не реализуемости этих мер минимальные.

Обобщая результаты графического моделирования социально-экономического развития регионов с разными экономическим потенциалом, можно сделать вывод о том, что характер распределения внутреннего регионального продукта находится в прямой зависимости от темпов экономического развития и в конечном итоге от эффективности экономики регионов в целом. В результате визуально-графического анализа мы пришли к выводу, что чем богаче

регион, тем больше он выплачивает налогов в центр, тем меньше в этот регион поступает трансфертов и тем больше он получает полномочий распоряжаться внутренними ресурсами территории. И наоборот: чем беднее регион, тем меньше у него налогов и сборов, и тем больше трансфертов и других субсидий из центра и тем меньше у него полномочий по управлению внутренними ресурсами региона, соответственно меньше самостоятельности. Справедливости ради, следует отметить, что некоторых региональных лидеров (реципиентов) такая зависимость от федерального центра, патронаж, устраивает, поскольку напоминает старые формы прямого диктата центра по отношению к периферии и освобождает, таким образом, местные органы власти от ответственности.

Механизм общественного выравнивания направлен на устранение межрегиональных финансовых диспаритетов и рассматривается в двух аспектах. Первый связан с перераспределением части валового внутреннего продукта через федеральный бюджет в бюджеты низкодоходных регионов с целью повышения уровня государственного потребления в этих регионах на промышленном уровне. Второй аспект проблемы ликвидации межрегиональных диспаритетов предполагает задействование в рамках межбюджетных отношений моделей и механизмов, нацеленных на активизацию экономического развития в отсталых регионах. В решении стратегических задач межрегионального выравнивания важное место занимают общегосударственные программы развития, которые разрабатываются с целью системного решения проблем регионов особого рода, относимых к категории неблагополучных или регионов бедствия. Положение о том, что на современном этапе регионы в своем стремлении повышать уровень жизни населения должны максимально использовать свой собственный ресурсный потенциал находит своё подтверждение в инверсионной концепции многоэтапного социально-экономического развития регионов.

Региональное развитие в условиях рыночной трансформации имеет свою специфику, она выражается, прежде всего, в общей макроэкономической ситуации, связанной с инверсионным процессом в России, а также в неравномерности экономического развития территорий. Это предполагает разработку долгосрочной программы социально-экономического развития регионов. На первом этапе решаются проблемы внутрирегионального развития. На основе максимального использования внутренних ресурсов региона достигается экономическая устойчивость, повышается уровень и качество жизни населения территории. На последующих этапах решаются проблемы межрегионального развития и региональной интеграции в условиях глобализации. Можно предположить, что реализация инверсионной концепции многоэтапного социально-экономического развития, позволит слаборазвитым, депрессивным регионам через эффективное распределение бюджетных средств и полномочий между федеральным центром и регионами прийти к экономическому росту, соответственно, к изменению и укреплению имеджа территории.

Литература

- 1 Бессонова О., Кирдина С, Салливан Р.О. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России: Демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве. Новосибирск, 1996.
- 2 Ситнова И. В. Институциональные изменения в современной России: макросоциологический анализ // Социология и общество /Под общ. ред. В. В. Васильковой и др. СПб., 2002.

- 3 Халиков М. С. Экономическая социология региона: Учебник для вузов. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2011.

В. Ю. Челик, М. О. Фомич
РАМОЧНЫЙ АНАЛИЗ НОВОСТНОГО КОНТЕНТА НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕНИЙ СМИ О ПАДЕНИИ
БОИНГА МН17 В ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЕ

ФОМИЧ М. О. – MSc, соискатель кафедры социологии БГУ, Минск, Беларусь. E-mail: letters-on-the-sand@yandex.ru.

ЧЕЛИК В. Ю. – M.A., PhD student, Eberhard Karls University, Tübingen, Germany, e-mail: valentina.chursinova@student.uni-tuebingen.de.

Фрейминг как междисциплинарный метод исследования широко применяется с 70-х годов XX века. В понимании первопроходца данного метода И. Гофмана фреймы в социальной жизни – это устойчивые схемы понимания социальной реальности индивидуумом. На данный момент рамочный анализ представляет собой широкое поле для исследования представлений о социальной реальности и презентации событий социальной жизни.

Представление информации в СМИ Гофман относил к игровому фрейму. На данный момент существует много методологических разработок в области фрейминга СМИ. В этой статье мы рассматриваем фрейм в его коммуникативном формате. Такой фрейм призван описать или показать конкретное событие или ситуацию особым образом (1). Последствием формирования такого фрейма является «конструирование социальной реальности» в соответствии с политическими задачами (2). Нашей целью было изучение того, как с помощью фреймов СМИ преподносят информацию об определённом кейсе.

Освещение актуальных событий социальной и политической жизни, которые могут иметь важные последствия для международной политики, в особенности подвержено информационному окрашиванию со стороны СМИ. Для иллюстрации этого тезиса в качестве кейса мы выбрали освещение в СМИ катастрофы малазийского Боинга над Восточной Украиной. На территории Украины происходят военные действия, в политическом контексте которых часто упоминается российское влияние. В отношении этой ситуации используются такие термины как «информационная война», «информационное противодействие», «информационная борьба». Мы можем наблюдать, что события происходят не только на реальных территориях, но также и на пространствах интернета, где они могут трактоваться по-разному в зависимости от точки зрения говорящего. Нужно помнить, что в рамочном анализе учитывается, что СМИ, освещая одни и те же события, уделяют больше внимания и делают более заметные акценты на одних аспектах, в том время как другие, не вполне выгодные, не замалчиваются, но остаются в тени. Важно также учитывать, что катастрофа Боинга имела широкий резонанс и политические последствия, ее освещение в разных странах должно быть исследовано в режиме сравнения транслируемых позиций СМИ разных стран.

Рассмотрев все описанные ограничения, мы провели исследование, основанное на материалах СМИ четырех стран (Россия, Украина, США, Германия), написанных на четырех разных языках в период полугода с момента падения самолета (17/07/2014-31/12/2014). Объем используемых сообщений по каждому источнику составлял в среднем около ста статей.

Все сообщения касались темы падения Боинга и событий, связанных с этой катастрофой. Мы использовали для анализа СМИ вышеуказанных стран по следующим причинам:

Украина – страна, на территории которой произошло крушение.

Россия – несмотря на отсутствие прямого участия в трагедии, предварительный анализ новостей выявил, что Россия часто упоминается как причастная к трагедии сторона или сторона, играющая важную роль в расследовании трагедии.

Германия – представитель ЕС. В СМИ Германии велся поиск фреймов, которые доминируют в Европе. Несмотря на то, что Нидерланды имеют непосредственное отношение к событиям, мы выбрали СМИ Германии, поскольку СМИ этой страны относятся к одним из самых массовых и лидирующих в Европе.

США – несмотря на то, что страна не имеет прямого отношения к событиям, точка зрения, презентуемая СМИ США, имеет особую силу в формировании мнения о случившемся по всему миру.

Для каждой страны мы выбрали три информационных онлайн-источника. Выбор источников был обусловлен двумя основными критериями: 1) большая читаемость источника; 2) разная политическая направленность источников. Например, из украинских источников мы выбрали официальное новостное агентство УНН и восточное новостное агентство Новороссия.

Статистический анализ полученных данных производился пакетом IBM SPSS 17.

В качестве методологии исследования был выбран контент-анализ текстов информационных сообщений и рамочный анализ на основе предзаданных фреймов. В основе методологии сбора данных лежала гипотеза о том, что в состоянии информационного противодействия СМИ будут представлять информацию в соответствии с политической линией своей страны и приводить аргументацию в пользу своей страны или политического союзника. Таким образом, формируется некоторое информационное поле или контекст освещения. Проявление окраски сообщений в соответствии с политической линией будет проявляться как в особенностях словоупотребления и семантики (контент-анализ), так и в общей окраске сообщений (фрейминг).

Контент-анализ сообщений осуществлялся на основе трехуровневой фиксации употребления лексики. Он призван указать на «информационное поле» источника (издания). На первом уровне, рассматривалась частота употребления лексики общего порядка, которая по своей направленности применительно к СМИ каждой страны (и к каждому источнику) могла указывать на политическую определённость по отношению к кейсу. Специфика наиболее часто употребляемых слов показывает тональность изложения информации.

На втором уровне был введён дополнительный параметр, позволяющий выявить употребление названий государств и других политических образований, которые имеют реальное или предполагаемое отношение к событию (Россия, Украина, Новороссия, Европа, США) и публичных персон, которые могли представлять свои регионы и их политическую позицию (В. Путин, П. Порошенко, Б. Обама, А. Меркель). Частота упоминания этих индикаторов показывает то геоинформационное поле, в котором источник излагает свою позицию.

На третьем уровне мы фиксировали лексику, которая позволяет проиллюстрировать отношение к действующим лицам других стран. Это показатель социальной стигматизации, один из важных понятий теории фрейминга в том виде, в котором его предложил И. Гоффман. К стигматам можно отнести характеристики как нации или группы в целом (ополченцы, сепаратисты), так и политического режима и руководства страны (хунта, диктатура). В целом,

фиксация стигмат позволяет увидеть фокус информационных сообщений на определенных константах как геополитического, так и мировоззренческого плана.

Рамочный анализ осуществлялся на основе предзаданных фреймов, сформированные на основе практики использования теории фрейминга в европейских исследованиях (3). Фреймы описывали окраску сообщения в зависимости от его тональности. Тональность подразумевала вписанность в определённый контекст, объяснение события с определённых позиций. Были выделены следующие фреймы:

- *Ответственность* – упоминание того, что кто-то должен нести ответственность за случившееся, упоминание чьей-то вины или упоминание «виновного»;
- *Мораль* – использование моральных/религиозных догматов и правил и их роль в характеристике события;
- *Финансы* – упоминание прибыли и убытков финансового плана;
- *Эмоциональность изложения* («человеческое лицо») проблемы – привлечение подробностей о личной жизни участников событий, нацеленных на то, чтобы вызвать эмоциональную реакцию читателя;
- *Конфликт* – формулировки статьи позволяют заключить, что существует две противоборствующих стороны;

Каждое сообщение было описано с точки зрения присутствия всех пяти фреймов. К тексту статьи был разработан ряд вопросов по фреймам, которые позволяли увидеть не только факт наличия фрейма, но и силу присутствия в информационном поле.

Отдельная часть исследования была посвящена рассмотрению версий случившегося, предложенных СМИ. Версии рассматривались в корреляции с источниками и с учётом частоты употребления. Господствующая версия и её модуляции для каждого источника будут говорить о том, что в отсутствие доказанных данных участвующие стороны будут обвинять политических противников.

В целом исследование показало применимость методологии рамочного анализа в отношении представления информации в СМИ по вопросам конфликта в Восточной Украине. Подробные результаты исследования будут освещены в докладе.

Литература

- 1 Altheide D. L., Schneider C. J. Qualitative media analysis // Los Angeles, Sage, 2013, P. 23–37.
- 2 Framing as theory of media effects / D.A. Scheufele // Journal of Communication, March 1999.
- 3 Framing European politics: A content analysis of Press and Television News / Holli A. Semetko and Patti M. Valkenburg // Journal of Communication, Spring 2000.

М. И. Черепанова
МОДЕЛЬ ФАКТОРОВ РИСКА ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЁЖИ
В ПОЛИЭТНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ⁴⁴

ЧЕРЕПАНОВА М. И. – кандидат педагогических наук, доцент социологического факультета Алтайского государственного университета. E-mail: cher_67@mail.ru.

Риск национализма и экстремизма молодёжи в региональном социуме анализировался на основе выявления особенностей национальных отношений молодёжи в полиэтничной среде Алтайского края. В процессе исследования выявлялись приоритеты отношений молодежи к коренной нации, а также к национальным меньшинствам, проживающим в регионе. Определялось наличие страхов угрозы терроризма, экстремизма, национальных и этнических конфликтов. Целью исследования явилось построение модели социальных факторов, провоцирующих националистические и экстремистские настроения молодежи.

При оценке результатов проверялись гипотезы исследования о том, что специфика националистических настроений молодёжи проявляется в отношении предпочтения, приоритетности коренной нации, желания ее максимальной представленности во властных структурах, по сравнению с национальными меньшинствами. Страх опасности проявления терроризма, экстремизма, национальных и этнических конфликтов в структуре государственной безопасности России, зависит от пола, возраста, образовательного статуса молодежи, её национальной принадлежности. Вероятно, существуют социальные детерминанты, обуславливающие или препятствующие формированию националистических настроений молодёжи.

Методология исследования

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического исследования, по теме "Социальные риски воспроизводства девиаций и социальная безопасность населения России: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях кризисного состояния общества" под руководством доктора социологических наук С. Г. Максимовой. Стратегия исследования базировалась на социально-экономическом обследовании домохозяйства региона Российской Федерации (Алтайский край). Выборка для данного обследования основывалась на обследования бюджетов домохозяйств, проводимого Росстатом. Выборочная совокупность составила 290 домохозяйств, количество членов домохозяйств в возрасте от 14 до 49 составило 700 человек. Для анализа нами использованы результаты опроса молодежи Алтайского края в количестве 295 человек (14–19 лет). Полученные результаты были подвергнуты частотному анализу, кросстабуляции данных, а также регрессионному анализу с целью получения модели бинарной логистической регрессии социальных факторов риска национализма.

Для анализа социальных факторов, обуславливающих националистические настроения, представим модель, полученную с помощью регрессионного анализа данных социологического опроса молодого населения.

⁴⁴ Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО "Алтайский государственный университет". Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

Таблица 1 Бинарная логистическая модель социальных факторов экстремизма среди молодёжи Алтайского края*

Переменная	Регрессионный анализ			
	R	B	p	Exp(B)
Показатели, связанные с ценностными ориентациями				
Падение духовности	0,67	7,6	0,006	0,2
Падение нравственности	0,25	0,48	0,03	0,6
Снижение гордости за свой народ, страну	0,44	1,2	0,2	1,0
Снижение уважения окружающих	0,44	1,6	0,2	0,5
Снижение ощущения необходимости людям	0,44	0,37	0,2	0,4
Снижение ценности любви в обществе	0,44	0,22	0,2	0,2
Социально-демографические показатели				
Пол (мужчины)	0,67	1,1	0,02	0,3
Национальность (русские)	0,67	0,86	0,000	1,0
Отношение к религии (неверующий)	0,67	0,2	0,02	0,8
Образование (среднее)	0,48	0,26	0,16	0,2
Социально-экономическое благополучие				
Низкий материальный достаток	0,46	2,0	0,05	1,0
Ухудшение здоровья	0,54	2,4	0,07	1,0
Снижение возможности получения образования	0,36	0,40	0,08	0,5
Снижение стабильности и возможностей ее прогнозировать	0,45	0,19	0,03	0,8
Рост бедности, снижение уровня жизни	0,32	0,38	0,03	0,34
Рост алкоголизма	0,32	0,25	0,05	0,2
Показатели, связанные с проявлением экстремизма				
Ущемлением прав из-за национальности	0,71	0,60	0,001	0,8
Ущемления прав из-за религии	0,71	0,82	0,002	0,2
Пропаганда фашизма, национализма	0,71	0,63	0,008	0,5
Экстремистские акции, поджоги и.т.п.	0,71	0,33	0,003	0,3
Публичные шествия, демонстрации, забастовки	0,71	1,0	0,004	0,7
* R (R-квадрат Кокса и Снелла) – коэффициент разницы в распространённости; B – коэффициент взаимовлияния переменных; p – уровень значимости.				

Регрессионный анализ данных позволил выделить переменные, с разной степенью значимости связанные с увеличением шансов попасть в группу молодёжи с экстремистским отношением к другим национальностям. Так, способствует росту антитолерантного отношения комплекс социальных факторов, среди которых важными оказались снижение таких ценностей как, духовность, нравственность, уважение, любовь, гордость за свою страну, ощущение своей необходимости. Наиболее склонными к националистическим отношениям, оказались мужчины, имеющие невысокий уровень образования, в частности среднее образование, неверующие, принадлежащие к титульной национальности, в данном случае русские.

Ряд показателей социально-экономического благополучия могут способствовать росту неблагоприятных национальных взаимоотношений, среди них падение материального благополучия, снижение уровня жизни, снижение стабильности, невозможность её долгосрочного прогнозирования, не достаточные возможности получить хорошее образование, иметь хорошее здоровье. С другой стороны, вероятно, национальной толерантности, будут способствовать повышение стабильности возможность её прогнозирования; снижение уровня бедности, повышение уровня жизни. Наиболее опасными факторами, провоцирующими националистические настроения молодежи, оказались пропагандистские мероприятия

экстремистского толка (ущемление прав из-за национальности, религиозных взглядов, пропаганда фашизма, экстремистские акции, шествия и поджоги) вызывают самые большие шансы увеличить антитолерантные экстремистские взгляды молодежи относительно представителей других наций. Таким образом, актуальными социальными условиями для профилактики национальной неприязни являются минимизация в современном обществе случаев ущемления молодежи из-за национальности, религии, пресечение пропаганды фашизма, экстремизма, акций и других массовых националистических мероприятий.

Т. В. Черняк

**ОЦЕНКА ПРИЧИН ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ
И КОРРУПЦИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ
(ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ)**

ЧЕРНЯК Т. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: tatyachernyak@yandex.ru.

На этапе реформирования государственной гражданской и муниципальной службы, в соответствии с Национальным планом борьбы с коррупцией 2014–2015 гг. и в рамках Национальной антикоррупционной программы актуальность изучения проблем урегулирования конфликта интересов в системе государственной гражданской службы и муниципальной службы Российской Федерации значительно возросла. Это связано с необходимостью дальнейшего развития гражданской и муниципальной службы, закреплением принципов гражданского служения государству и обществу, формированием нравственных основ служебного поведения государственных и муниципальных служащих, этических норм исполнения должностных обязанностей как необходимого условия развития государственной службы и страны в целом. Конфликт интересов – это сложное социальное явление, в основе которого находятся множество объективных и субъективных факторов, недостатков в нормативно-правовом обеспечении; организации системы государственной гражданской и муниципальной службы, а также психологических и ментальных оснований [Магомедов, 2005:40]. Опасность неурегулированного конфликта интересов на государственной службе – в том, что он является основанием для возникновения коррупции, а коррупция – в свою очередь – общепризнанный тормоз для развития России.

Опыт стран ЕС и США говорит о том, что невозможно решение проблем конфликта интересов только запретительными и рекомендательными мерами [Черняк, 2008: 344]. В то же время знание теории социального конфликта, в том числе и конфликта интересов, изучение успешного опыта развитых зарубежных стран в сфере урегулирования конфликта интересов и борьбы с коррупцией позволит России осуществлять комплексное решение проблемы профилактики и урегулирования конфликта интересов, формирования профессиональной этики; антикоррупционного поведения и личности чиновников в соответствии с принципами должностного поведения государственных и муниципальных служащих [Чаннов, 2009:24].

По мнению некоторых исследователей [Кабашев: 2011: 25], «для конфликта интересов

на государственной (муниципальной) службе важно не содержание интересов государства (представляемого) и не содержание действий чиновника (представителя), а имеет значение лишь тот факт, что при совершении своих действий чиновник (представитель) может преследовать свои собственные интересы, а не интересы представляемого государства», то, по мнению данного автора, конфликт интересов носит объективный характер и не зависит от содержания действий и смысла должностного поручения, особенно когда это касается материальных и нематериальных благ.

С другой стороны, исследователи проводят разграничение понятия конфликта интересов, когда: 1) конфликт интересов связан с объективным желанием чиновника получить в личную пользу дополнительный доход за счет извлечения правомерных доходов; 2) конфликт интересов связан с желанием того же чиновника получить доход в свою пользу за счет выполнения должностных обязанностей; 3) конфликт интересов связан с желанием чиновника получить личную выгоду от участия в работе различных комиссий, влияющих на распределение материальных и нематериальных благ, льгот и привилегий [Шурина: 2008: 48]. При обучении государственных и муниципальных служащих важно также было обратить внимание и на то, что согласно мнению исследователей, несмотря на скромную оплату труда, желающих поступить на государственную гражданскую и муниципальную службу все также много, что часто связано с желанием воспользоваться преимуществами, которые дает служба [Казаченкова: 2006: 81]. Поэтому еще одной важной для обсуждения темой при изучении проблемы конфликта интересов является моральное содержание права, что важно, как для понимания природы конфликта интересов, так и для поиска путей его профилактики и урегулирования. Слушатели знакомятся с мнением о том, что «защита от конфликта интересов, так же, как и от недобросовестности или от несправедливости, носит глубоко нравственный характер, и к нему плохо применимо ограниченное понятие «правовое регулирование» [Кабашев: 2011: 26]. Подробное и глубокое изучение проблемы конфликта интересов позволяет подвести государственных и муниципальных служащих вслед за приведенным высказыванием исследователя к следующему выводу о том, что «неурегулированность конфликтов интересов неизбежно приводит к отрицательному смещению моральных ценностей в этическом сознании чиновничества и в конечном счёте — к коррупционным действиям служащих» [Куракин: 2009: 73], т. е. не устранённый конфликт интересов - основа коррупционных действий. В ходе обучения государственных служащих проводилось и изучения их мнений по проблемам конфликта интересов и коррупции.

К настоящему времени в анкетировании приняло участие уже 489 служащих, по мнению которых основными причинами возникновения коррупции на государственной службе являются: использование служебного положения в личных целях – 72%; превышения и злоупотребления должностными полномочиями – 38%; протекционизм, землячество, работа в одном органе близких родственников – 30%; предоставление недостоверных или неполных сведений о доходах – 26% и т. д.

Служащие также предлагают свои механизмы профилактики конфликта интересов, противодействия коррупции и борьбы с ней. Среди мер профилактики коррупции в органах власти служащие называют: повышение уровня материального обеспечения государственных служащих – 80%; уточнение формулировки, устранение противоречия и пробелов в нормативных правовых актах – 48%; усовершенствование антикоррупционного законодательства и введение полной конфискации имущества – по 38% соответственно и т. д.

Исследование продолжается, что позволяет проводить мониторинг в группах служащих из различных субъектов Сибирского федерального округа, а также из различных органов государственной службы. Это даёт возможность автору статьи проводить мониторинг - анализ изменения мнений о причинах возникновения конфликта интересов и коррупции в различных категориях государственных служащих, а также сделать процесс обучения служащих более практикоориентированным и эффективным [Chernyak: 2012: 37- 45].

Литература

- 1 Магомедов К. Конфликт интересов в системе государственной гражданской службы: социологический аспект исследования проблемы // Государственная служба. 2005. № 6. С. 36-43.
- 2 Чаннов С. Е. Предотвращение и урегулирование конфликта интересов на государственной службе // Административное право. 2009. № 2. С 23–25.
- 3 Кабашев С. Ю. Урегулирование конфликта интересов и противодействие коррупции на гражданской и муниципальной службе: теория и практика: Учеб. пособие. М: ИНФРА-М, 2011. 192с.
- 4 Казаченкова О. В. Конфликт интересов на государственной гражданской службе // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 81–85.
- 5 Куракин А. В. Коррупция в системе государственной службы и административно-правовые средства противодействия // Юстиция. 2009. № 3. С.73–79.
- 6 Шугрина Е. С. Конфликт интересов на муниципальной службе // Лоббист. - 2008. № 2. С. 48–53.
- 7 Черняк Т. В. Зарубежный опыт урегулирования конфликта интересов на государственной службе. Т2: Борьба с коррупцией в сфере государственного и муниципального управления: зарубежный и российский опыт: докл. междунар. науч.-практ. конф. 27–28 марта 2008 г., Новосибирск / СибАГС. - Новосибирск, 2008. С. 344–354.
- 8 Chernyak T. Fight against corruption in Russia: Incentives and obstacles.//Collection of scientific articles 20 NISPAcee Annual Conference: Public Administration East and West: Twenty Years of Development. May 23 - 26, 2012. Ohrid, Republic of Macedonia.

В. В. Швайдак

РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПО ТУ СТОРОНУ ЕВРОПЕЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

ШВАЙДАК В. В. – кандидат философских наук, доцент Липецкого филиала РАНХиГС. E-mail: schwajdak@mail.ru.

Правительство России приняло решение – быть государству Российскому сильным и суверенным. Манипуляторы массовым сознанием не смогли остаться равнодушными к вынесенному решению и начали процесс компрометирования представителей российской власти в надежде подорвать её авторитет.

Исторически сложилось, что для русского народа легитимность власти определялась благословением церковных иерархов, авторитет которых ради святости их жизни был весьма велик. Достаточно вспомнить, что поляки не могли посадить на Московский престол своего претендента только потому, что Патриарх Гермоген его не благословил и проклял всех его приспешников. Ведь для русского человека искони важно и понятно было, что власть земная прежде всего для соблюдения благочестия и порядка требуется и основана она на Правде и Законе высшем. Союз духовной и светской власти стал в российской реальности удивительной гармоничной симфонией, даже несмотря на вызвавшие потрясения коррективы в этом вопросе Петра I.

В период перестройки и последующих лет социологами была отмечена «странная» закономерность: благосостояние народа падает, а социальное самочувствие улучшается. В европейских странах такое не наблюдалось. В чём же причина? Причина – в появлении реальной свободы совести, что раскрыло двери храмов для многих тысяч россиян, появилась надежда, воскресло понимание важности и первичности духовных ценностей. Депрессия, спутница отчаяния, стала отходить от народа. А если общество освобождается от депрессии, у него развиваются творческие силы, появляется радость, смысл жизни, видение перспективы и силы за эту перспективу бороться. Вера – душа народа, и народу особенно близка та власть, которая имеет то же состояние души, которая ценит лучшее в этой душе, которая проникается высшими идеями Добра, Красоты и Нравственности. Когда Президент, глава территориальной единицы стоят на Рождественской службе вместе с простым народом, в этот момент достигается высшая точка единства, соборности, соработничества, доверия к власти и, соответственно, укрепление и развитие государства. Для жизни организма мало головы, надо чтобы еще билось сердце.

В начале 90-х годов прошлого века, видимо, эту роль РПЦ в укреплении государства противники суверенной России не заметили, кроме того, можно предположить, все рушилось, и надо было начинать праздновать победу. Клевета и попытки компромата на высшую церковную власть, конечно, были, но скорее, от «личных» недоброжелателей РПЦ или любителей эпатажа, государственного масштаба это не имело. Светскую власть тоже критиковали, хотя особого урона это ей не наносило, т. к. она мало что могла изменить на тот момент в разрушавшемся на глазах государстве. Но в третьем тысячелетии наступил перелом: страна стала крепнуть, восстанавливаться, не соглашаться по стратегическим вопросам относительно своего будущего с западными коллегами, стал более заметен интенсивный диалог светской и духовной власти.

Только слова гимна РФ чего стоят:
... От южных морей до полярного края
Раскинулись наши леса и поля.
Одна ты на свете! Одна ты такая –
Хранимая Богом родная земля!

Это же исповедание веры высшей государственной властью, которой она и не стесняется.

С этого момента в интернет-пространстве стали наблюдаться широкомасштабные попытки опорочить одну власть через другую, т. е. каждую в отдельности, а потом достичь синергетического эффекта через акцентирование на фактах их сотрудничества.

Компрометация РПЦ происходила и происходит через представление ее служителей в худшем свете. Большой удачей было заснять священника, нарушающего правила дорожного движения на дороге машине, а если он ещё при этом кого-то сбил, да ещё насмерть, это уже новость по всем информационным порталам на целые недели, масса разгневанных комментариев и известный приём софистов – выдача частного за общее. Если в РПЦ нашёлся хоть один нечестивый священнослужитель, значит все там разбойники и волки в овечьих шкурах. Это ещё усугубляется и тем, что многие считающие себя православными, но с учением православной веры незнакомые и знакомиться не желающие (вдруг придётся жизнь менять, от удовольствий отказываться) в храм ходить ленятся, в грехах исповедоваться стыдятся, а тут такое неопровержимое оправдание – к кому я пойду, к этому попу, я, который «не крал, не убивал»...

А для западного мира христианство вообще страшно. Оно же нетолерантно, оно учит любить человека, но бороться с пороком, который странным образом стал пониматься на Западе не просто как реализация свободы, а как необходимая реализация свободы, как принадлежность к гражданам. Так как если ты свою свободу именно таким образом не реализуешь и детям запрещаешь, ты не просто ненормальный человек, ты опасный человек и детей твоих тебе доверить нельзя, ведь лишая их пристрастия к пороку, ты лишаешь их всех радостей жизни. Как озабочены вопросами о сексуальных меньшинствах западные СМИ, что там дети, умирающие в Африке от голода, когда эти меньшинства ещё не стали самыми уважаемыми членами российского общества. Кстати, обратной «толерантности» не наблюдается.

Другой фактор компрометации церковной власти – это то, что она сотрудничает со светской властью, что на службах представители светской власти впереди стоят, что подарки и поздравления друг от друга принимают. Как же «с мытарями и грешниками ест и пьёт», если бы со мной, таким прекрасным человеком, Патриарх сфотографировался, кто бы его осудил, а он этим «кровопийцам и нечестивцам» руки жмет... «Кровопийцы и нечестивцы» – это уже создание образа представителей светской власти, что ни одного порядочного человека нет в Правительстве. И никто не подумает, а почему я с соседкой из-за курицы, которая в мой сад зашла, 10 лет не здороваюсь, и о прочих несовершенствах обывателей. Нет, все мои несовершенства меркнут в сравнении с образом власти, созданным в СМИ.

И так получается, что все важнейшие социальные институты общества – церковь, власть, семья – выглядят в Интернете весьма прискорбно.

Многие скажут, но ведь в Интернете есть и другая информация. Есть, но её надо искать специально, в глаза она не бросается. Тогда можно прочитать другую информацию, что в современном мире каждые 5 минут христианина убивают за веру.

Архиепископ Берлина Роберт Цоллич отметил: «Ни в какую другую эпоху не существовало настолько масштабных гонений на христиан как сегодня... В наши дни нужно иметь огромное мужество свидетельствовать о вере», вместо того чтобы присоединиться к банальной критике Церкви, сидя у себя в кабинете», заявил Цоллич.

Слова «Рождество», «Пасха», «День всех святых» и даже слово «карнавал» теперь не будут употребляться в бельгийских школах. Их предписано исключить из официальных календарей, поскольку они ассоциируются с христианской религией.

Пресс-секретарь датской Консервативной партии Том Бенке говорит: «Меня глубоко тревожит, что все наши усилия по интеграции настолько неэффективны, что в момент, когда возникнет мусульманское большинство, мы покончим с традициями старой доброй Дании... Оказывается, соблюдение собственных многовековых традиций в собственной же стране – это

оскорбление чувств тех, кто лишь недавно появился на твоей земле. О какой интеграции, каком многокультурии может идти речь? Европейцы форсированными темпами отказываются от собственной идентичности».

В столице Бельгии – Брюсселе ёлку было решено заменить на «электронное зимнее дерево»: 25-метровое сооружение с большим количеством экранов. «В отличие от ели, электронная скульптура никак не связана с христианством, а значит, её появление в центре Брюсселя не оскорбит ничьи чувства», – объясняет член городского совета Бианка Дебаэртс.

Недостроенный православный храм Христа Спасителя в столице Косова Приштине может стать ночным клубом, художественным ателье или музеем. Европейская комиссия отклонила выпуск евро с изображением святых Кирилла и Мефодия. Депутат Европарламента, член германской партии «Христианско-социальный союз» Мартин Кастлер назвал это решение ещё одним примером антихристианских преследований со стороны Брюсселя и стремлением вытеснить Христианство из публичной сферы жизни. По его мнению, решение выглядит «смешным»: согласно той же логике, можно было бы потребовать у Бельгии, Нидерландов и Испании удалить символы своих королевских домов с монет, сочтя их оскорблением чувств демократов.

Манифестация против легализации однополых браков во Франции собрала 270 тысяч человек. Противников легализации однополых семей разгоняли слезоточивым газом. Франция стала 14-й страной в мире, где легализованы однополые браки – парламент Республики окончательно одобрил законопроект, разрешающий гомосексуальным парам вступать в брак и усыновлять детей.

Профессор университета Флорида Атлантик предложил студентам в рамках дискуссионного занятия написать на листах бумаги имя «Иисус», бросить листы на пол и затоптать. Студент, отказавшийся выполнить задание, был отстранён от занятий, сообщают христианские СМИ.

«Тот, кто выступает за права геев, не испытывает противодействия, – сказал в своём выступлении на Международном христианском форуме «Преследования христиан в современном мире» депутат Бундестага ФРГ Фолькер Каудер. – Но если кто-то пытается защитить христиан, он должен бесконечно оправдываться перед общественностью. А как раз христиане и стали сейчас наиболее гонимой религиозной общиной в мире».

Городской совет г. Рэдсток (графство Сомерсет) запретил употребление национального флага Англии, чтобы не оскорбить чувства мусульман, а именно 16 жителей города, официально исповедующих ислам, передаёт «The Telegraph». «Большая проблема заключается в том, что традиционный флаг может оказаться оскорбительным для некоторых мусульман, тем более что он часто поднимается правыми активистами. Мы должны его удалить в течение ближайших 20 лет», – заявили в совете г. Рэдсток представители лейбористов.

На фоне всего вышеперечисленного, Россия и её глава для европейцев – «кость в горле». Президент выстраивает все важные православные службы, учреждены парламентские встречи с Патриархом; Рождественские Чтения и многие другие церковные мероприятия имеют государственный масштаб, государство выделяет огромные средства на поддержку и строительство храмов; Президент поздравляет православных с Рождеством Христовым и Пасхой; в школах вводятся основы православной культуры (через весомое сопротивление манипуляторов массовому мнению); к олимпиаде в Сочи на олимпийской площадке был выстроен прекрасный православный комплекс, а русскую азбуку открывали иконографические изображения св. равноап. Кирилла и Мефодия. На олимпиаде присутствовали главы 61

государства. И это был явный вызов современной западной цивилизации, переходящей на основы неоязычества. Россия же на весь мир заявила о своей приверженности к христианским православным ценностям. И этого Запад не может нам простить так же, как когда-то погрязший в интригах Рим страшно завидовал духовно богатой Византии. Современное противостояние России и Запада – это противостояние двух цивилизаций, которые взаимоисключают друг друга на одном пространстве. Можно только уважать нашего Президента, что он не побоялся принять этот вызов не ради сиюминутной выгоды, а ради стратегической духовной перспективы, ради её исторической духовной красоты и достоинства.

Литература

- 1 РПЦ. Официальный сайт Московского патриархата. Президент России подписал Указ «О праздновании 700-летия со дня рождения преподобного Сергия Радонежского». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1622430.html> (15.12.2014).
- 2 Протоиерей С. Бельков. В Европе храмы превращают в вертепы разбойников. URL: <http://forum.rusbeseda.org/index.php?topic=2791.0><http://gorodnya.net/forum/gorodnya/politics/2012-07-11/v-germanii-pereprofilirujut-svetskie.html> (17.12.2014).
- 3 Солунь. Гонение на христиан в Европе – горькая реальность. URL: <http://www.solun.gr/news/574-gonenie-na-hristian-v-evrope> (17.02.2015).
- 4 Информационный портал «Око планеты». В Европе начались гонения на христиан? URL: <http://oko-planet.su/politik/politikdiscussions/126899-v-evrope-nachalis-goneniya-na-hristian.html> (17.02.2015).
- 5 Русская Германия. XXI век: гонения на христиан продолжаются. URL: http://www.rg-rb.de/index.php?id=12883&Itemid=13&option=com_rg&task=item (17.02.2015).

С. С. Ширин

АКТУАЛЬНОСТЬ ВОПРОСА РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ ПОНЯТИЯМИ «ИНТЕРНЕТ» И «ВСЕМИРНАЯ ПАУТИНА» ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ШИРИН С. С. – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных гуманитарных связей СПбГУ. E-mail: s.shirin@spbu.ru.

Пространство данных информационных сетей общего пользования социологи зачастую называют «киберпространством» [1]. Между тем, «киберпространства» различных сетей изначально существенно отличались друг от друга в аспекте происходивших в них социальных процессов. Например, подключение компьютера к сети «Интернет» осуществляется на коммерческой основе, и отношения между субъектами, имеющими в Интернете разные социальные роли (прежде всего, поставщики и пользователи услуг), также строятся на коммерческой основе. А в сети «Фидонет» для подключения требовалось найти «сисопа» и на неформальной и, скорее всего, некоммерческой основе, попросить у него разрешения стать «пойнтом». Это обуславливало формирование в социальной системе «Фидонета» совершенно отличной от «Интернета» модели власти и управления.

В XXI веке, когда слово «интернет» часто пишется со строчной буквы [2; 3], обозначая не некий объект, имеющий собственное наименование «Интернет», а широко распространённую технологию, альтернативы которой при формировании «киберпространства» практически нет, актуальным остался вопрос о различии «киберпространств», формируемых различными технологиями внутри интернета. Действительно, «киберпространство» «невидимого интернета» (i2p) отличается от «киберпространств» одноранговых файлообменных сетей, а те, в свою очередь, от «киберпространства» проекта «FreeNet». И совершенно особое место среди «киберпространств» интернета занимает информационное пространство всемирной паутины — в силу массовости и популярности этой технологии.

Социальные характеристики «киберпространства» всемирной паутины несколько отличаются от социальных характеристик других «киберпространств». Одним из самых существенных отличий является то, что с конца первого десятилетия XXI в. анонимность, сохранившаяся в других информационно-коммуникационных пространствах интернета, стала практически нехарактерной для всемирной паутины. Это привело к иным политическим эффектам и нашло отражение в политологическом дискурсе [4; 5]. Другой значимой особенностью «киберпространства» всемирной паутины, проявляющейся также с конца прошлого десятилетия, стало предпочтение, отдаваемое участниками коммуникационных процессов чрезмерно концентрированным, централизованным и контролируемым информационно-коммуникационным площадкам (социально-сетевые сервисы, «Википедия», крупные видеохостинги и т. п.). Данная особенность также отмечается исследователями [6].

Ещё в 2006 г. создатель всемирной паутины Т. Бёрнерс-Ли предложил сформировать научное направление, предметом которого была бы всемирная паутина, её социальная и технологическая сущность, а ключевой задачей — прогнозирование и регулирование развития всемирной паутины на благо общества. Формирующееся научное направление получило название web science (адекватного перевода этого термина на русский язык нет), и сегодня его активно продвигает международная некоммерческая неправительственная организация «Web Science Trust» (WST), объединяющая представителей академических, деловых кругов и политиков со всего мира. Подход к исследованиям, пропагандируемый WST, является междисциплинарным. К исследованиям привлекаются представители естественных, общественных и гуманитарных наук. Лидеры WST считают, что только их сотрудничество может привести к пониманию того, чем же является современный веб, в каком направлении он развивается и какую пользу может принести человечеству.

Политологи в рамках web science могут найти весьма широкое поле для исследований [7]. При этом необходимо отметить незначительное количество политологических работ, темой которых непосредственно является всемирная паутина. Часто политологи обращаются к взаимовлиянию интернета и политики, не выделяя в интернете всемирную паутину как самостоятельную и, возможно, наиболее значимую часть, как это предлагают делать эксперты WST. А до 1997 г. политологических работ, посвящённых всемирной паутине, нам найти вообще не удалось. Очевидно, в то время политическое значение всемирной паутины вовсе не осознавалось исследователями. Тем не менее, рост интереса политологов к всемирной паутине сегодня очевиден и практически не связан с деятельностью WST и с развитием того специального научного направления, которое эта организация пытается продвигать по всему миру [8]. Усилению интереса политологов к наиболее популярным веб-проектам способствовали «арабская весна» и политические запреты, налагаемые на функционирование популярных веб-сайтов на определённых территориях.

Невовлечённость исследователей политических процессов в орбиту WST и её научного направления сказывается, в частности, на том, что политологи и социологи нередко не отдают себе отчёта в том, что всемирная паутина — это совершенно особая технология, отличающаяся от других технологий интернета. Более того, слова «интернет» и «всемирная паутина» в отдельных исследованиях используются как синонимы. Например, в 2001 г. группа американских социологов опубликовала обзор научного дискурса влияния интернета на общество. В этом обзоре по сути под интернетом понималась исключительно всемирная паутина [9]. Кроме неё, были упомянуты электронная почта и многопользовательские коммуникационные среды, имевшие распространение в последнем десятилетии XX века. Однако о вовлечённости этих технологий в социальные процессы авторы обзора речи не вели. Аналогичным образом российский политолог Е. С. Зиновьева постоянно использует понятия «интернет» и «всемирная паутина» как синонимы. Именно в этом ключе следует понимать фразу из её статьи «Международное управление Интернетом – проблемы, подходы, перспективы»: "По мере того, как экономическая и политическая значимость Интернета возрастала, государства начали всё более активно искать пути участия в управлении Интернетом, в первую очередь с целью интернационализации контроля над «всемирной паутиной»". [10] Очевидно, что автор не имела в виду существование особого интереса государств к контролю именно за той частью интернета, которая представлена гипертекстом, веб-браузерами, веб-серверами и т. д. Кроме того, в другой своей работе, которая, судя по названию, должна быть посвящена конкретно всемирной паутине [11], исследовательница также рассматривает проблемы влияния на политику государства цифровых сетей в целом, а не только конкретно всемирной паутины.

Изучение технологических различий между интернетом, объединяющим в глобальную сеть программируемые электронные устройства, и всемирной паутиной, объединяющей в глобальную сеть гипертекстовые документы, было бы важным для социологов и политологов, стремящихся разобраться в технологической обусловленности социальных процессов, наблюдаемых в «киберпространствах» различных типов. Сегодня же актуальность вопроса различий между понятиями «интернет» и «всемирная паутина» обуславливается ещё и тем, что с ростом популярности мобильных приложений для доступа к информационным площадкам интернета и происходящим на базе этих площадок коммуникационным процессам востребованность веб-интерфейсов неизбежно будет уменьшаться, но вместе с этим новое «киберпространство» мобильных приложений, как мы уже сейчас видим, унаследует наиболее важные социальные черты всемирной паутины эпохи «веб 2.0»: деанонимизацию пользователей, централизованность, контролируемость и т. п. Таким образом, стремительно развивающийся мобильный интернет в социальном и политическом плане в значительной степени являет собой развитие тенденций, изначально появившихся и распространившихся в «киберпространстве» всемирной паутины, и с методологической точки зрения при проведении конкретных социологических исследований того интернета, который мы можем назвать современным, крайне важным является чёткое понимание процессов, происходивших и происходящих во всемирной паутине. Всемирная паутина сегодня является феноменом, заслуживающим самого пристального внимания социологов и политологов.

Даже несмотря на вероятность развития общественно-политических характеристик интернета по сценарию всемирной паутины, отождествлять эти два понятия по-прежнему не стоит.

Литература

- 1 Jones, S.G. Understanding Community in the Information Age // Cybersociety. Ed. by S.G.Jones. Thousand Oaks, CA., 1995. P. 533–542.
- 2 Когаловский М. Р., Хохлов Ю. Е. Стандарты всемирной паутины в разработках электронного правительства // Информационное общество. 2009. № 2. С. 21–32.
- 3 Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения: краткий словарь-справочник. СПб., М., 2008. 160 с.
- 4 Мартянов Д. С. Социологическое исследование политического сознания интернет-пользователей // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 2. № 1. С. 195–203.
- 5 Рябченко Н.А., Мирошниченко И.В. Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России. Краснодар, 2012. 173 с.
- 6 Benlevi J. Who is Social Media Really Working For? // CATO Unbound. May 9, 2012. <<http://www.cato-unbound.org/2012/05/09/jason-benlevi/who-social-media-really-working>>
- 7 Shirin S.S., Bogolubova N.M., Nikolaeva J.V. Application of David Easton's Model of Political System to the World Wide Web // World Applied Sciences Journal. 2014. No. 30 (8). P. 1083–1087.
- 8 Ширин С. С. Роль международной организации Web Science Trust в развитии политологического направления исследований всемирной паутины // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2012. № 4. С. 133–139.
- 9 DiMaggio P. et. al. Social implications of the internet // Annual Review of Sociology. 2001. Vol. 27. P. 307–336.
- 10 Зиновьева Е. С. Международное управление интернетом - проблемы, подходы, перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6. С. 167–173.
- 11 Зиновьева Е. С. Россия во всемирной паутине: цифровая дипломатия и новые возможности.

В. Ф. Анурин
НОВЫЕ СРЕДНИЕ КЛАССЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИИ И ЗАПАДА

АНУРИН В.Ф. – доктор социологических наук, зав. Научно-исследовательской методической лабораторией, профессор кафедры социологии и психологии РАНХиГС (Нижегородский филиал). E-mail: vfedan@rambler.ru.

Весь двадцатый век был наполнен множеством дискуссий о составе нового среднего класса и той роли, которую он последовательно приобретает в политической и экономической жизни своих обществ. Несмотря на огромное разнообразие мнений, подходов и выводов, можно всё же отметить некий «общий знаменатель» в определении того, что же представляет собою *новый* средний класс: это *наемные служащие, которые не владеют капиталом и не производят денежных ценностей, но несут ответственность за контроль над ценностями, создаваемыми другими работниками.*

Финский социолог Маркку Кивинен (Markku Kivinen) произвёл основательный критический обзор исследовательских работ по изучению новых средних классов за целый век – с конца XIX по конец XX столетия. По итогам этого обзора он пришёл к следующим основным выводам. Во-первых, новый средний класс неоднороден, он включает в себя, по меньшей мере, две страты, различающиеся по целому ряду параметров, поэтому, наряду с *традиционным средним классом* (мелкие и средние предприниматели), следует вести речь во множественном числе – т. е. именно о *новых средних классах*. Во-вторых, *классовый анализ*, будучи достаточно сложным процессом, должен включать в себя ряд различных уровней.

Классовая позиция. Это, по сути, базовый уровень анализа, который имеет дело со структурными отношениями господства-подчинения в рамках производственного процесса.

Классовая ситуация. Это понятие относится к более конкретным явлениям: ситуация воспроизводства (доход, образование, положение на рынке труда), условия труда, соотношение рабочего и нерабочего времени.

Классовое сознание. Индикаторами здесь могут служить, прежде всего, различные аспекты осознания общих для данного класса интересов, единое отношение к текущей и перспективной политической и экономической ситуации в своем социуме.

Классовый анализ, проводившийся Кивиненом, опирался в качестве эмпирической базы на данные кросснационального исследовательского проекта, проведённого в 80-е гг. прошлого века в шести продвинутых обществах. Существенно важным моментом в концепции М. Кивинена является определение «композиции» новых средних классов, которая включает в себя две большие классовые группы – *ядро* (core) и *периферию* (margin).

Мы попытались выявить аналогичные страты в ходе социологического опроса, проведенного в Нижнем Новгороде в мае-июне 2014 года. Выборка квотная, с удержанием контроля за параметрами пола и возраста. В качестве остова выборки мы приняли только *работающее* население (т. е. исключая пенсионеров, учащуюся и студенческую молодёжь, а также безработных) в возрасте от 20 до 60 лет. Вопросы анкеты были направлены как на классовую идентификацию, так и на определение элементов классовой позиции, классовой ситуации и отчасти – классового сознания.

Здесь мы рассмотрим некоторые результаты этого исследования, относящиеся, главным образом, к *классовой позиции* и *классовой ситуации*. Понятно, что специфика и той, и другой может выявиться лишь при сравнении с аналогичными характеристиками других классовых групп. Мы разделили выборочную совокупность на четыре категории: (1) традиционный средний класс, (2) ядро новых средних классов, (3) периферия новых средних классов, (4) рабочий класс. Структура выборки в соответствии с классовой принадлежностью представлена в таблице 1.

Таблица 1 Классовая принадлежность

Классовая принадлежность	Частота	Процент
Традиционный средний класс	103	9,3
Ядро новых средних классов	248	22,4
Периферия новых средних классов	528	47,7
Рабочий класс	227	20,5
Всего	1106	100,0

Гендерная структура выделенных страт представлена в таблице 2.

Таблица 2 Гендерные распределения представителей разных классов, % от численности каждой классовой группы

Пол	ТСК	Ядро НСК	Периферия НСК	Рабочий класс
Мужской	62,1	41,1	27,3	78,0
Женский	36,9	58,9	72,7	21,6

Нетрудно убедиться, что в нижегородской выборке мужчины преобладают в страте предпринимателей, а также в составе рабочего класса. Что касается новых средних классов, то они в значительной своей части имеют «женское лицо» (в особенности это относится к периферии НСК). Это существенно отличается от гендерного распределения в классовых группах на Западе (табл. 3). На основании сравнения его с данными нашего исследования, мы вправе считать, что гендерный разрез классовых позиций в России существенным образом отличается от той ситуации на Западе.

Таблица 3 Классовые позиции наёмных служащих в различных странах в гендерном разрезе, %

Классовые позиции	США	Швеция	Норвегия	Канада	Финляндия	Англия
Ядро НМС	25	20	27	27	23	12
- мужчины	63,5	69,5	75,0	66,5	63,9	65,7
- женщины	36,5	6,9	4,0	33,5	19,4	34,3
Периферия НМС	23	30	25	24	31	26
- мужчины	49,4	51,8	53,6	54,4	48,8	55,1
- женщины	50,6	48,2	46,4	45,6	51,2	44,9
Рабочий класс	51	50	48	49	46	62
- мужчины	42,2	53,4	51,5	49,2	42,9	55,3
- женщины	57,8	46,6	48,5	50,8	57,1	44,7

Определённый интерес в системе показателей классовой позиции представляет *трудовая мотивация* работников. Из данных, приведённых в таблице 4, видно, что российские

рабочие в полтора раза чаще в сравнении с представителями новых средних классов руководствуются стремлением обеспечить себя и свою семью; в целом материальный интерес превалирует у 85 процентов рабочих. В то же время здесь наблюдается самая низкая доля творческого интереса к своему труду. Творческий интерес к работе чаще других обнаруживают представители ядра НСК. У них также более отчетливо – в сравнении с другими наемными работниками – выражен карьерный интерес (хотя у предпринимателей он проявляется ещё сильнее).

Таблица 4 Самооценки трудовой мотивации, % от численности классовой группы

Высказывание, наиболее точно характеризующее главное отношение к своей работе	ТСК	Ядро	Периферия	Рабочий класс
Главное – обеспечить себя, семью	51,5	44,5	42,7	63,4
Главное – хороший заработок	34,0	24,7	23,7	21,6
Работа позволяет реализовать способности, интересная, творческая	16,5	26,7	16,7	2,2
Эта работа позволит мне подняться, достичь успеха в будущем	24,3	15,8	9,1	1,3
У нас хороший коллектив, интересные люди, работать лучше, чем сидеть дома	9,7	14,2	15,4	4,4
Нет возможности получить другую работу	2,9	4,0	8,7	10,1
Затрудняются ответить	1,0	7,7	7,0	7,9

В таблице 5, часть которой мы заимствовали из работы М. Кивинена, мы добавили последний столбец, где приведены распределения ответов наших респондентов на вопрос: «Скажите, какую работу Вы бы предпочли: 1 – малоинтересную и не доставляющую удовольствие, но высокооплачиваемую, и 2 – крайне интересную и доставляющую удовольствие, пусть даже оплачиваемую на среднем уровне и ниже»? Из данных таблицы видно, что россияне проявили себя гораздо более прагматичными во всех классовых группах.

Таблица 5 Трудовые ориентации наёмных работников в различных странах, %

Трудовые ориентации	США	Швеция	Норвегия	Канада	Финляндия	Н.Новгород
Ядро НМС						
- зарплата	33	5	6	32	18	42
- содержание	67	95	94	68	83	55
Периферия НМС						
- зарплата	42	6	9	36	19	50
- содержание	59	94	91	64	81	49
Рабочий класс						
- зарплата	41	10	12	36	32	45
- содержание	60	91	88	64	68	53

Важным показателем классовой ситуации следует считать размер личного дохода. Если мы примем средний уровень дохода представителей рабочего класса за 100, то убедимся, что средний доход представителей малого бизнеса превышает доход рабочих более чем в два с половиной раза, а доход представителей ядра НСК – более чем в полтора раза (табл. 6).

Таблица 6 Средние размеры личного дохода за последний месяц

Личный доход	ТСК	Ядро НСК	Периферия НСК	Рабочий класс
Средний по группе (руб.)	46941,18	29261,22	20391,43	17048,46
Относительно дохода рабочего класса	275,3	171,6	119,6	100,0

Современные социологические исследования классовой структуры обычно проявляют также интерес к *гендерным* различиям в области оплаты труда. Нетрудно убедиться, что в России (или, во всяком случае, в Нижнем Новгороде) во всех классовых группах наёмных работников уровни оплаты труда мужчин заметно выше, нежели у женщин. В то же время можно убедиться, что средние доходы женщин в каждой из групп *Ядро НСК* и *Периферия НСК* превышают доходы мужчин в нижележащих группах. Это расходится с аналогичными гендерными распределениями в исследованиях 1980-х гг. в развитых странах. В таблице 7 мы добавили к данным кросснациональных исследований еще один – последний – столбец, отражающий результаты нашего исследования. Сравнение этих результатов с теми, что наблюдались в продвинутых капиталистических обществах два-три десятилетия назад, показывает, что «переходы различия» в доходах между классовыми/гендерными группами в России носят несколько более равномерный характер.

Таблица 7 Соотношение доходов наёмных служащих в различных странах в зависимости от классовой группы и гендера (индекс: рабочий класс = 100)

Группа	США	Швеция	Норвегия	Канада	Финляндия	Англия	Н.Новгород
Ядро НСК	185	154	162	190	166	178	172
- мужчины	211	175	177	220	190	211	194
- женщины	133	110	117	129	130	115	156
Периферия НСК	131	115	121	129	121	130	120
- мужчины	169	141	149	159	138	174	125
- женщины	88	85	85	93	102	77	119
Рабочий класс	100	100	100	100	100	100	100
- мужчины	127	115	120	126	116	128	105
- женщины	75	82	77	75	89	65	86

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что российские новые средние слои (во всяком случае, в условиях крупного российского города) уже достаточно определённо продвигаются к классовой идентификации, однако, главным образом – в *объективном* смысле, с точки зрения классовой позиции и классовой ситуации. Что же касается *субъективного* смысла – т. е. формирования особой специфики классового сознания, то здесь перспектива пока довольно неясная – существенных расхождений между выделенными классовыми группами в их мнениях, установках и намерениях зафиксировано не было.

Литература

- 1 Kivinen M. The new middle class and the labour process: Class criteria revisited // Tutkimuksia / Department of sociology, University of Helsinki. No.223, 1989. Некоторые из его идей изложены в книге, изданной на русском языке: М. Кивинен. Прогресс и хаос: Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб., 2002.

Н. П. Гончарова
ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО:
СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ⁴⁵

ГОНЧАРОВА Наталья Петровна – доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», кандидат социологических наук, доцент. E-mail: g-natalia@mail.ru.

Процессы миграции, перемещения населения издавна интересовали историков, этнографов, социологов, демографов, экономистов, юристов, психологов и др. Исследование миграции помимо чисто научного интереса вызывает и интерес практический, поскольку влияет не только на выработку государственной миграционной политики, но и на формирование общественного мнения и общественных настроений.

С недавнего времени одним из главных трендов мировых научных исследований стало изучение трансграничных миграционных процессов, которые, согласно прогнозам учёных, в дальнейшем могут заметно изменить этносоциальную структуру многих макрорегионов, отдельных стран и их субъектов с трудно представимыми последствиями [1]. Именно поэтому к центральным вопросам стабилизации современного общества относятся вопросы взаимного восприятия и межкультурного взаимодействия, социальной адаптации и интеграции мигрантов [2].

В теоретической социологии феномен межкультурного взаимодействия, вопросы ассимиляции норм и культурных образцов, проблема адаптации человека в иной среде получили всестороннее освещение. Понятие «межкультурная коммуникация» было введено в научный оборот американскими исследователями Э. Холлом и Д. Трагером в 1954 г. [3]. Вопросы социокультурной адаптации, проблемы взаимодействия представителей разных культур рассматриваются в этносоциологии сквозь призму адаптации человека, попавшего в чуждую ему устоявшуюся среду со своими правилами, нормами и культурными образцами (С. А. Татунц) [4].

При этом в процессе адаптации и интеграции реальное поведение мигрантов не всегда вписывается в очерченные рамки и гораздо более вариативно. Использование качественной социологической методологии наряду с количественной позволяет глубже исследовать типичные индивидуальные стратегии мигрантов, как это было сделано, например, специалистами Центра независимых социологических исследований. В ходе анализа глубинных интервью с трудовыми мигрантами из Узбекистана и Казахстана, было выделено пять типов поведенческих стратегий, различающихся миграционными намерениями, желанием мигранта адаптироваться и интегрироваться в принимающее сообщество, типами неформальных сетей, спецификой условий и оплаты и роли посреднических структур [5]:

– *пассивная краткосрочная стратегия*, нацеленная только на заработок для обеспечения семьи. Для этой стратегии характерно отсутствие у мигранта стремления к интеграции в местное сообщество, интенсивный график работы, ограниченные закрытой сетью социальные связи и минимальное взаимодействие с «внешним» миром, компенсируемое

⁴⁵ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 28.1475.2014/К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

посредником (как правило, бригадиром), на которого возлагаются все действия по налаживанию контактов с работодателем, обсуждение условий оплаты и проживания, отправкой заработанных денег домой и т. д. По окончании работы или сезона мигрант возвращается домой;

– *активная и долгосрочная, нацеленная не только на обеспечение семьи, но и на образование детей, возможность открыть какое-либо дело на родине.* Для этой стратегии характерны активное освоение мигрантом социального пространства и культуры, приобретение новых профессиональных навыков, наличие широких (открытых) социальных сетей. По возвращении на родину такие мигранты могут использовать приобретённый опыт для трудоустройства, пересматривать и подвергать критике некоторые обычаи традиционного общества;

- *активная и долгосрочная, нацеленная на открытие бизнеса или выстраивание карьеры за пределами родины.* Эта стратегия обязательно предполагает и открытые широкие сети, и активный процесс интеграции в местное сообщество (между тем как предыдущая может все же осуществляться и в узких или относительно узких сетях и при слабой интеграции). Семейные мигранты могут выезжать сначала в одиночку, и позже перевозить семью;
- *молодёжная стратегия*, которую также можно назвать стратегией «без цели заработать капитал» (или стратегией, «нацеленной на получение удовольствия» и т. п.). В «чистом виде» такая стратегия встречается довольно редко, однако известны случаи, когда таким образом вели себя взрослые мужчины, уехавшие на заработки и разорвавшие связи с семьей и родными на родине. Появление такой стратегии наглядно показывает, как принимающая культура воздействует на ценности, уклад жизни и культурные традиции страны исхода. Попадая в среду со свободными правилами и отсутствием жёстких моральных требований и патриархальных устоев, характерных для большинства стран Средней Азии, мигранты постепенно меняют собственное мировоззрение, отвергая социальные нормы, долгое время незыблемо определяющие рамки поведения;
- *женская стратегия.* Хотя стратегии женщин мигрантов практически ничем не отличаются от мужских, исследователи выделяют стратегии разведенных, или «неправильных» женщин, для которых миграция – это не только способ получить материальную независимость и финансовую возможность «поднять» детей, но и путь преодоления маргинальности своего положения. Поскольку в России отношение к разведённой женщине (да и к женщине вообще) иное, нежели в Узбекистане, многие из мигранток выбирают стратегию «невозвращения» [6].

Результаты региональных исследований, проведённых в Алтайском крае в 2012–2014 гг., подтверждают описанные выше тенденции. Как правило, ключевыми факторами, сформировавшими выбор страны пребывания, оказываются диаспоральные или родственные связи мигрантов. Тенденция к консолидации с соплеменниками отличает, прежде всего, выходцев из Средней Азии и республик Северного Кавказа.

В производственном процессе трудовые мигранты стараются выстраивать бесконфликтные отношения. Отмечается, что в редких случаях могут завязываться приятельские отношения, переходящие в общение вне рамок рабочего времени: «...сейчас

более дружеские отношения, уже влился в коллектив, ... бывает, просят, подменяем друг дружку». Процесс общения трудовых мигрантов с работодателями чаще всего сведен к минимуму, такие контакты по инициативе работника носят вынужденный характер в силу необходимости оформления документов, получения справок и т. п.

Вместе с тем для сектора временной и сезонной миграции характерным является крайне низкий уровень взаимодействия мигрантов с местными жителями как в сфере труда, ведения бизнеса, так и в повседневном бытовом общении, в сфере культурного обмена. В большей мере это касается мигрантов из Китая, Кореи, Узбекистана и Таджикистана.

В целом, результаты исследований показывают, что в процессе взаимной адаптации и принимающее общество, и мигранты сталкиваются с необходимостью решения целого ряда проблем, затрудняющих межэтнические взаимодействия. К таким проблемам относятся, прежде всего, культурные и языковые различия, что проявляется в «замкнутости диаспор и обособленном ведении ими бизнеса»; необычная внешность мигрантов; нарушения приезжими принятых норм поведения; ценностные и поведенческие особенности мигрантов; способ проживания (групповой, компактный) и др. Вместе с тем, социальные настроения в обществе во многом зависят от взаимного восприятия и продуктивного межкультурного взаимодействия мигрантов и общества страны пребывания.

Литература

- 1 Гончарова Н. П., Омельченко Д. А. Поведенческие стратегии адаптации трансграничных мигрантов в принимающем сообществе // *Дневник Алтайской школы политических исследований №30. Современная Россия и мир: альтернативы развития: сборник научных статей* / Под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014.
- 2 *Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография* / Науч. ред. проф. В. И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009.
- 3 Trager G., Hall E. *Culture as Communication: A Model and Analysis*. New York, 1954.
- 4 Татунц С. А. *Этносоциология*. М.: МАЛП, 1999.
- 5 Абашин С., Чикадзе Е. *Экономические мигранты из Центральной Азии: Исследование трансформации идентичности, норм поведения и типов социальных связей*. URL: // http://www.cisr.ru/files/otchet_econom_mogranty.pdf .
- 6 Мокин К. С. *Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ*. Саратов: Издательство «Научная книга», 2006.

О. А. Городецкая

НОРМЫ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖЧИН, ПРАКТИКУЮЩИХ СЕКС С МУЖЧИНАМИ, КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ: ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ.

ГОРОДЕЦКАЯ О. А. – аспирантка, преподаватель кафедры социологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. E-mail: olagor@gmail.com

Данные тезисы являются результатом социологического исследования, проведённого в 2012–2013 гг в городе Омске среди мужчин, практикующих секс с мужчинами (МСМ), посетителей мест досуга и комьюнити-центра для МСМ. Целью данного исследования было выявление и оценка уровня распространённости факторов рискованного поведения в контексте ВИЧ-инфекции. К числу таких факторов традиционно относят активность сексуальной жизни (количество и тип сексуальных партнеров, наличие постоянного сексуального партнера), распространённость незащищенных сексуальных контактов (частота использования презервативов и лубрикантов), недоступность средств защиты и информационных материалов, информированность о путях инфицирования и способах защиты от ВИЧ, оценка собственного риска заражения ВИЧ половым путём и пр. Эти индикаторы и их изменение обычно используются для оценки качества профилактической работы, проводимой специализированными организациями, как в нашей стране, так и за рубежом [1]. Потому надёжность измерения данных показателей и, что не менее важно, их валидность является важнейшей задачей социолога, работающего в данном тематическом пространстве.

Настоящее исследование включало в себя 2 этапа: base-line (2012) и end-line (2013). На первой стадии было проведено 7 глубинных неструктурированных интервью с типичными представителями целевой аудитории, что позволило создать наиболее адекватный инструментарий для количественного этапа и существенно облегчило интерпретацию результатов. Затем было опрошено 139 респондентов с использованием стандартизированной анкеты. На втором этапе (end-line) было опрошено 142 респондента по аналогичной стандартизированной анкете. Выборка для количественного исследования была сформирована методом «основного массива». Поиск и подбор респондентов для глубинных интервью осуществлялся методом «снежного кома». Обработка и анализ количественных данных был проведен с помощью программы SPSS.16.0.

Результаты исследования с одной стороны показали успешность информационно-профилактической кампании, проводимой между измерениями, а с другой стороны – обнаружили ряд противоречивых тенденций, которые заставили нас задуматься о валидности и чувствительности ключевых индикаторов. В частности, 57% респондентов отметили, что не использовали презерватив во время последнего анального сексуального контакта, а 37% – никогда не использовали презерватив в течение последних 6 месяцев. Отметим, что с точки зрения оценки нормы, последний сексуальный контакт является наиболее характеризующим поведение респондента. В то же время, 99% респондентов, указали, что знают о том, что презерватив может снизить риск заражения ВИЧ, а 84% регулярно получают бесплатные презервативы от сотрудников общественных организаций. Уровень информированности респондентов о путях инфицирования и способах предохранения от ВИЧ также достаточно высок [2]. Таким образом, фиксируется первое рассогласование между знаниями о ВИЧ и реальным поведением респондентов, на основании которого был сделан вывод, что высокий уровень информированности сам по себе не является мотивирующим фактором безопасного поведения. Далее были проанализированы прочие индикаторы. Так более половины респондентов на момент опроса состояли в постоянных сексуальных отношениях, а 92% из них имели последний сексуальный контакт именно с регулярным половым партнером. В то же время, как показывают данные, наличие постоянных отношений не подразумевают моногамию: среднее число половых партнеров за последние полгода у респондентов, состоящих в регулярных отношениях, более двух. При этом, несмотря на распространённость

случайных контактов, 20% респондентов оценивают свой риск заражения ВИЧ половым путем как «нет риска», а 44% – как «низкий риск».

Таким образом, можно резюмировать следующее. Высокий уровень знаний и доступность средств защиты от ВИЧ не являются доминирующим фактором безопасного сексуального поведения. Эти условия срабатывают только в комбинации с соответствующими социальными аттитюдами: ценностью заботы о партнере и моногамии (семьи), превалирующими над стремлением к случайному сексуальному удовольствию. Такой индикатор «использование презерватива во время каждого сексуального контакта» не может быть валидным показателем эффективности профилактической работы в MSM-сообществах, где высок процент респондентов, имеющих постоянного полового партнера с распространяющейся нормой «не использования» презерватива «внутри семьи», и должен рассматриваться только в комбинации с типом сексуального партнера. Кроме того, необходимо также учитывать социальные особенности целевой группы, такие как частота и близость социальных связей между членами MSM-сообщества, наличие «лидеров мнений», длительность нахождения в MSM-комьюнити, поскольку эти факторы зачастую обуславливают силу влияния групповой нормы на поведение респондентов и способны как способствовать, так и препятствовать профилактической работе.

Литература

- 1 Оценка информированности по методике UNGASS. <http://data.unaids.org:>
http://www.pulsarrussia.ru/archives/reports/Report_PULSAR_MSM_Omsk_2013_final_rus.pdf.

А. А. Демин

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ СООБЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ДЕМИН А. А. – аспирант кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, аналитик Управления социально-политических исследований ВЦИОМ. E-mail: andrew.a.demin@gmail.com.

Специфика современного общества, с точки зрения социокультурного аспекта его развития, тесно сопряжена с процессом глобализации, под которым мы понимаем, прежде всего, усиление взаимосвязанности, а значит и взаимозависимости разнообразных культур локального (национального) уровня [1, 2]. Темп и масштаб глобализации современного мира приводит к появлению и разрастанию социокультурных сообществ, объединённых по признаку проживания вне привычной культурно-идеологической среды в результате интенсификации миграционных процессов. Такие сообщества существуют в своих виртуальных границах преимущественно за счёт поддержания сложной, многомерной коммуникации. В свою очередь, данная коммуникация выстраивается на основе ценностей, которые признаются индивидом (или социальной общностью в целом) как значимые, оказывающие влияние на его жизнь. Повышенной значимостью наделяются не сами ценности, а заложенный в них конкретный смысл для индивида [7]. Таким образом, процесс «признания» значимости является

комплексным – он опирается на стратегию разработки, адаптации и принятия разнообразных смыслов в качестве «имеющих вес» на уровне коллективного и/или индивидуального сознания. При этом, наряду с социально одобряемыми ценностными императивами (общечеловеческими ценностями [10]) и их личной интериоризацией в системе ценностей сообщества не последнее место занимает ориентация личности в мире внешних культурно-идеологических маркеров и символов.

В этой связи повышенную актуальность приобретает вопрос социокультурной адаптации представителей миграционных сообществ в принимающий социум. Сама по себе социокультурная адаптация может быть определена как процесс активного приспособления локального сообщества и его представителей, разделяющих общие ценности-смыслы, к условиям другой социокультурной среды. По итогам успешного завершения подобной адаптации индивид должен в идеале достигнуть соответствия (или же совместимости) с новой социокультурной средой, что обеспечивается принятием содержания ее ценностной системы, а также интернализацией [5] её нормативно-поведенческих и культурно-идеологических доминант. Индивид, равно как локальное социокультурное сообщество в целом, таким образом, не просто «входит» в иную культуру, но как бы «врастает» в неё, осваивая её основные атрибуты, трансформируя модели собственного поведения и мышления в соответствии с символическими требованиями внешней инокультурной среды [4].

Причём социокультурная адаптация основывается прежде всего на осознанном отношении индивида к мотивам, которые толкают его на деятельность, связанную с присоединением к новому сообществу. Готовность представителя миграционного сообщества к включению в новую, изначально непонятную для него, инокультурную среду связана с осознанием потребности в рационально и ценностно приемлемом для него социуме, который характеризуется наличием более выгодных для него условий физической, социальной и экзистенциальной безопасности [3], возможностями эффективной самореализации в отсутствие тех или иных деприваций. Разумеется, при вхождении в новый социум действия представителей миграционного сообщества детерминируются уже сформированными в ходе ранней социализации (до момента переезда в иностранное государство) установками, а стратегии и способы их воплощения преломляются через культурно-идеологические, ценностно-нормативные, социальные, географические, коммуникативные и иные особенности данного сообщества. В свою очередь, это является основанием для восприятия и оценки представителями миграционного сообщества условий удовлетворения их основных потребностей в иной социокультурной среде.

Иными словами, наиболее предпочтительной и успешной моделью социокультурной адаптации является та, где вместе с интернализацией миграционных сообществ инокультурных атрибутов происходит сохранение уже усвоенных национально-культурных инвариантов – то, что нередко называется интеграцией или аккультурацией [8]. В рамках подобной модели активизируется паритетный межкультурный диалог между миграционным сообществом и принимающим социумом. Выстраивается взаимное приспособление меньшинства и большинства: где, с одной стороны, переселенцы осознают необходимость модификации своей ценностной системы, нормативно-поведенческой базы и мировосприятия в широком смысле за счёт принятия новых образцов из инокультурной среды; а с другой стороны, – принимающая сторона адаптирует существующие социальные институты к потребностям и запросам новых членов социума.

Однако на деле социокультурная адаптация миграционных сообществ далеко не всегда реализуется по той идеальной модели, которая была описана выше. Адаптационные сценарии в рамках межкультурного взаимодействия [9] являются весьма многообразными, и нередко они отличаются именно на индивидуальном уровне, при этом резистентность отдельных субъектов может усиливать нарастание дезорганизации сообщества в целом, особенно если его размер является относительно небольшим.

Один из таких сценариев, который отступает от идеальной адаптационной модели, связан со стремлением индивидов, оказавшихся в инокультурной среде, сознательно избегать прямых контактов с незнакомой культурой – это является своеобразным «защитным механизмом» перед тем культурным шоком, который традиционно заставляет врасплох каждого мигранта. Мигрант, следующий подобной модели социокультурной адаптации, пытается выстроить замкнутый микромир, в котором будут широко присутствовать элементы родной национально-культурной среды. Объединяясь с себе подобными соотечественниками (которые, к слову, так же могут рассматриваться в качестве элементов знакомой среды), подобные мигранты формируют изолированные социокультурные сообщества, внутри которых существует своя социальная инфраструктура, отличающаяся явно выраженным этнокультурным признаком. Яркими примерами миграционных сообществ, реализовавших свою социокультурную адаптацию по такому сценарию, являются русскоязычные жители района Брайтон Бич в Нью-Йорке или население многочисленных «чайнатаунов» в странах Северной Америки и Европы.

Другой сценарий социокультурной адаптации связан с более агрессивным проявлением этноцентризма среди мигрантов. Некоторые переселенцы крайне неадекватно воспринимают инокультурную среду, подвергают её резкой критике, отвергают её на сознательном уровне. Миграционные сообщества, состоящие из мигрантов, проходящих адаптацию по такому сценарию, нередко пытаются навязать внешней (инокультурной) среде атрибуты своей национальной культуры, включая господствующие стереотипы и ценностно-нормативные доминанты. Они пытаются перенести таким образом своё собственное мировосприятие и образ жизни принимающему социуму, из-за чего нередко возникают межнациональные конфликты. По всей видимости, это связано с недостаточным осознанием самой потребности присоединения к новому сообществу и излишней устойчивости национально-культурных инвариантов (кроме того, это может быть связано с вынужденным характером переселения, в случае беженцев). В качестве примера реализации подобного сценария можно упомянуть миграционное сообщество выходцев из мусульманских стран Азии и Африки, проживающих на территории Европы.

Есть также и иная форма социокультурной адаптации, которая, напротив, предполагает полный отказ переселенцев от привычной национально-культурной матрицы – это ассимиляция [6]. Подобное отречение от родной культуры может быть, как добровольным, так и вынужденным, но ключевой момент состоит в том, что миграционное сообщество в каком-то смысле даже перестает существовать как отдельная социокультурная категория, поскольку его представители сознательно идут на полную идентификацию (через растворение) с принимающим социумом. Данный сценарий, как правило, реализуется в тех полиэтнических социумах, где провозглашается идея «плавильного котла» – отсутствия различий по расово-этническим признаками, их смешение воедино.

Подводя итог вышесказанному, социокультурная адаптация как предмет исследования приобретает всё большую значимость в связи с разрастающимися по своему количеству и размерам миграционными сообществами, которые необходимо рассматривать именно как

социокультурный феномен. Современный процесс глобализации лишь актуализирует значимость подобных исследований. В то же время необходимо учитывать многомерность данного феномена, поскольку в ходе межкультурной коммуникации на уровне отдельных социокультурных сообществ может происходить значимое отступление от идеальной адаптивной модели, тогда как конструктивный диалог культур предполагает активное участие обеих сторон – миграционного сообщества и принимающего социума.

Литература

- 1 Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- 2 Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004.
- 3 Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. – 1997. № 4
- 4 Минюшев Ф. И. Социальная антропология. М., 1999.
- 5 Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренкова. М., 1996.;
- 6 Юдина Т. Н. Социология миграции. Учебное пособие для вузов. М: Академический Проект, 2006.
- 7 Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
- 8 Berry J. W., Sam D. L. Acculturation and adaptation. Boston, 1997.
- 9 Dodd C. The dynamics of intercultural communication. N.Y., 1991.
- 10 Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values. In M. P. Zanna (Ed.) // Advances in experimental social psychology. Vol. 25. P. 1–65. New York: Academic Press, 1992.

Т. В. Иванова, А. А. Гудзовская

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)⁴⁶

ИВАНОВА Т. В. – кандидат психологических наук, доцент кафедры философии, политологии и инновационных социальных технологий Сумского государственного университета (Украина). E-mail: sociol_tanya@mail.ru.

ГУДЗОВСКАЯ А. А. – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института изучения общественных явлений. E-mail: aag_1@rambler.ru.

Цель исследования – сравнительное изучение социально-политических ориентаций молодёжи. Исследование проводилось в 2014 году в России и Украине. Было опрошено 148 студентов Самарского государственного университета и Самарской академии государственного и муниципального управления (мужчин – 55, женщин – 93) (Россия) и 194 студента Сумского государственного университета (мужчин – 88, женщин – 106). Возраст студентов 18-20 лет.

⁴⁶ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект 14-16-63004 а(р).

Анкета включала следующие блоки: 1) социально-политические ценностные ориентации; 2) социальная активность студентов; 3) субъективная оценка психологического благополучия и уровня интернальности.

Блок социально-политических ориентаций включал вопросы, касающиеся общей заинтересованности респондентов политическими событиями, оценивание важности различных прав личности, а также описание образа «гражданина страны». Прежде всего, следует отметить, что активно интересующихся событиями, происходящими в стране, было несколько больше среди студентов Украины по сравнению со студентами России (44% и 35%). Данное явление достаточно объяснимо – 2014 год был «годом Майдана» на Украине, происходило значительное количество событий, которые привлекали внимание всех жителей страны.

Российские студенты чаще использовали телевидение в качестве основного источника информации: 3–7 дней в неделю смотрели новости 63% студентов России и 29% студентов Украины (вариант ответа «Вообще не смотрю телевизор» выбрали 7% россиян и 30% украинцев). Интернет в качестве основного источника информации чаще используют украинские студенты: 3–7 дней в неделю посещают новостные сайты 62% украинских студентов и 45% – российских.

Идентификация с образом «гражданин своей страны» по ряду параметров совпадала у студентов России и Украины. В частности, чаще всего отмечались следующие признаки – «Чувствовать себя частью единого народа, его культуры и традиций» (россияне – 43%, украинцы – 79%), «Возможность гордиться достижениями своей страны и ее представителей в различных сферах - экономике, науке, искусстве, спорте» (россияне – 40%, украинцы – 64%), «Чувствовать свое отличие от представителей других государств» (россияне – 28%, украинцы – 21%). Затруднились с ответом 24% российских студентов, среди украинских студентов вариант «Затрудняюсь ответить» не выбрал никто. Таким образом, можно отметить наличие более выраженного уровня политической идентификации у студентов Украины.

Вопрос, касающийся видов активности (кроме учебы), которым уделяли внимание респонденты, в определенной степени раскрывает формы реализации политической идентификации. Прежде всего, следует отметить, что чрезмерной «заполитизированности» не было как у студентов России, так и Украины. Основные виды внеучебной активности студентов обеих стран – занятия спортом (россияне – 50%, украинцы – 62%) и хобби (россияне – 41%, украинцы – 60%). Непосредственное участие в социально-политических процессах страны российские студенты чаще реализуют через членство в партиях и политических движениях (россияне – 9%, украинцы – 3%). Украинские студенты, напротив, больше ориентированы на участие в работе негосударственных организаций, волонтерство (россияне – 4%, украинцы – 7%). Другими словами, если российские студенты в большей степени ориентируются на государственные институты, то украинские – на гражданское общество. В определенной степени данное положение раскрывают ответы респондентов на вопросы, касающиеся их понимания прав и свобод личности. В отношении ценностей «Базовые права личности» (россияне – 69%, украинцы – 89%) и «Социальные права» (россияне – 61%, украинцы – 53%) приоритеты у российских студентов совпадали – эти ценности занимали первые два места. Впрочем, можно отметить, что у украинцев в большей степени имеет место индивидуализм (ориентация на права личности), в то время как у россиян – общинность (государство как субъект реализации прав человека). На третьем месте по значимости у российских студентов были «Экономические права» (россияне – 40%, украинцы – 32%), а у

украинских студентов – «Культурные права» (россияне – 17%, украинцы – 26%). Затруднились ответить на вопрос в отношении понимания прав личности 21% российских студентов, среди украинцев вариант ответа «Затрудняюсь ответить» не выбрал никто.

Общая оценка субъективного благополучия («Уровень счастья» по 10-балльной шкале) несколько выше у российских студентов (7,8 баллов) по сравнению с респондентами из Украины (7,0 баллов). При этом, как у российских, так и украинских студентов ощущение себя счастливым коррелирует с возможностью контролировать свою жизнь (россияне – $p \leq 0,25$; украинцы – $p \leq 0,25$). Кроме того, уровень счастья у украинских студентов коррелировал с надеждой на позитивные изменения в будущем ($p \leq 0,20$). Имела место интересная сопряжённость уровня счастья с полом респондентов. Но если в Украине различия в уровне счастья между мужчинами и женщинами были на уровне статистической значимости, то в России – на уровне тенденции. Различия проявлялись в том, что на Украине чувствуют себя счастливее женщины (женщины – 7,7 баллов, мужчины – 6,42 балла). Показатели по России – (женщины – 7,68, мужчины – 7,72).

Оценка собственного влияния на события своей жизни распределилась следующим образом: 46% российских студентов отмечают, что они слабо или практически не контролируют свою жизнь, 44% отметили, что они в значительной степени контролируют свою жизнь; 18% украинских студентов отмечают, что они слабо или практически не контролируют свою жизнь, 82% отметили, что они в значительной степени контролируют свою жизнь. Эта же тенденция имела место при оценке уровня осмысленности своей жизни: 46% респондентов из России указывали на отсутствие смысла жизни либо на низкий уровень ее осмысленности, 44%, соответственно, отмечали наличие смысла и цели в жизни. У украинских студентов распределение было следующим: 26% респондентов указывали на отсутствие смысла жизни либо на низкий уровень её осмысленности, 74%, соответственно, отмечали наличие смысла и цели в жизни.

Проведенное исследование показало, с одной стороны, наличие определенного сходства социально-политических ориентаций студентов России и Украины, с другой стороны – зафиксировало процесс расхождения ценностей, которые, вероятно, будут постоянно увеличиваться. В основе социально-политических ценностей российских студентов лежит ориентация на государственные институты. Соответственно, индивидуальная самореализация в качестве субъекта социально-политических отношений видится через взаимодействие с системой официальных государственных и политических структур. Подобная ситуация, порождая субъективное ощущение благополучия и защищенности, ведет, кроме того, к определённой социальной пассивности и смещению локуса контроля в сторону экстернатальности. Украинские студенты в большей степени ориентированы на структуры гражданского общества, что вполне объяснимо при наличии слабых государственных институтов. Порождая ощущение субъективного неблагополучия, такая ситуация, с другой стороны, формирует более активную социальную позицию и увеличивает уровень интернатальности.

А. А. Кислая

ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЦЕВ В ПЕРИОД ДРАМАТИЧНЫХ СОБЫТИЙ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

КИСЛАЯ Анна Александровна – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры социологии Института социологии, психологии и социальных коммуникаций Национального педагогического университета им. М.Драгоманова. E-mail: kisla_anna@mail.ru.

Драматические события в Украине удивительным и в то же время закономерным образом возвеличили роль социологии в украинском обществе. Результаты социологических исследований общественного мнения по проблемам региональных конфликтов, войны и мира, солидарности общества, оценки качества власти как никогда ранее становятся предметом гражданского дискурса на уровне научных интеракций, социальных сетей, телевизионных передач, журналистских публикаций. Наиболее резонансным, социально-рефлексируемым в последнее время оказалось социологическое исследование Фонда «Демократические инициативы» на тему «Что объединяет и разъединяет украинцев – опрос общественного мнения Украины».

Исследование проведено 25 декабря 2014 года – 15 января 2015 г. в 11 исторических регионах Украины:

- 1 Волинь (Волинская и Ровенская области);
- 2 Галичина (Ивано-Франковская, Львовская и Тернопольская области);
- 3 Юго-Запад (Закарпатская и Черновицкая области);
- 4 Подолье (Винницкая и Хмельницкая области);
- 5 Полесье (Житомирская, Киевская, Сумская и Черниговская области);
- 6 Центр (Черкасская, Кировоградская и Полтавская области);
- 7 Слобожанщина (Харьковская область);
- 8 Нижнее Поднепровье (Днепропетровская и Запорожская области);
- 9 Причерноморья (Николаевская, Одесская и Херсонская области);
- 10 Донбасс (Донецкая область);
- 11 г. Киев

Всего было опрошено 4413 респондентов. Опрос в Луганской области и в Крыму не проводился. В опросе применялась квотная выборка, которая по областям, типам поселений, возрасту и полу представляет населения выделенных регионов Украины в возрасте от 18 лет. Максимальная погрешность выборки по каждому региону не превышает 5,0%. Для анализа ситуации в Украине в целом используется «взвешенный» массив в соответствии с пропорциями каждого региона в населении Украины (18). Максимальная погрешность выборки национального массива (с учетом взвешивания) не превышает 1.8%.

Научный руководитель исследования – известный украинский социолог И. Бекешкина.

Автор исследования для поиска факторов интеграции и дезинтеграции украинского общества в условиях драматического кризиса использовала широкий диапазон социальных показателей. Мы проанализируем некоторым из них.

Оценки основных событий истории Украины

Респондентам были предложены для оценивания в формате «позитивно», «негативно», «безразлично», «ничего про это не знаю» следующие исторические события:

- национально-освободительная война под предводительством гетмана Богдана Хмельницкого,
- победа над французскими войсками, возглавляемыми Наполеоном, во француско-русской войне 1812 г.,
- победа СССР в войне 1941–1945 гг. против третьего Рейха,
- распад Советского Союза,
- провозглашение независимости Украины,
- Оранжевая революция 2004 г.,
- Майдан 2013–2014 гг.,
- Соглашение об ассоциации с ЕС в 2014 г.

Анализ дистанции между самым высоким процентом позитивного оценивания исторического события и самым низким по 11 исследуемым регионам презентует следующий результат:

- 1 Майдан 2013–2014 гг. – 82%
- 2 Соглашение об ассоциации с ЕС в 2014 г. – 76,5%
- 3 Распад Советского Союза – 75,7%
- 4 Оранжевая революция 2004 г. – 74,2%
- 5 Победа над французскими войсками, возглавляемыми Наполеоном, во француско-русской войне 1812 г. – 60%
- 6 Провозглашение независимости Украины – 56,8%
- 7 Национально-освободительная война под предводительством гетмана Богдана Хмельницкого – 33,0%
- 8 Победа СССР в войне 1941–1945 гг. против третьего Рейха – 27,9%

Наиболее радикальные отличия в оценках наблюдаются между регионами Галичина и Донбасс. Современные события наиболее симметричны в оценках граждан Украины.

Насколько Вам близко Украинское государство?

Предлагались варианты ответов «очень близко», «в значительной степени близко», «в значительной степени далеки», «очень далеко», «трудно сказать». Общий результат двух позитивных вариантов ответов презентует очень высокий процент гражданской солидарности в украинском обществе.

Воынь - 99%, Галичина- 99,8%,. Юго-Запад – 99,0%, Подолье – 95,9%, Полесье – 93,1%, Центр – 92,8%, Слобожанщина – 91,2%, Нижнее Поднепровье – 95,7%, Причерноморья – 99,2 %, Донбасс – 88,2%, Киев – 97,2%. Представленный результат для страны, в которой наблюдается военный межрегиональный конфликт, выглядит неоднозначно и отчасти парадоксально. Можно предполагать, что такой результат, это следствие социальной консолидации украинцев и рефлексия на драматичные события.

Для достижения исследовательской цели, а именно: поиск в общественном мнении украинцев факторов интеграции украинского общества и факторов дезинтеграции, были предложены следующие варианты ответов и получены результаты:

Дезинтеграция

По вашему мнению, что может разъединить украинцев? (Выберите 3 варианта)

- коррумпированность власти – 28,1 %
- действия олигархов – 26,9 %
- действия России на разъединение Украины – 25,3 %
- манипуляция информацией через СМИ – 23,4 %
- разделение Украины методом политической агитации – 19,5 %
- стремление определённой части Украины интегрироваться в ЕС – 15,5 %
- стремление определённой части Украины интегрироваться в Таможенный союз – 12,0%
- рост радикализма и национализма в Украине – 10,4%
- притеснения по языково-культурному признаку – 9,9%
- действия стран Запада на разъединение Украины – 9,9%
- в Украине нет разъединения, данный факт пытаются навязать – 9,4%
- трудно сказать – 6,4%
- протесты на "Евромайданах" Украины – 5,7%
- Украина никогда не была единой и объединить её невозможно – 2,5%

Условная систематизация маркеров дезинтеграции может выглядеть так: доминируют социальные, потом идеологические, геополитические и радикально-националистические.

Интеграция

Как Вы считаете, какие действия должны дать наибольшую эффективность для примирения украинцев? (Выберите три варианта)

- улучшение социально-экономического положения в стране – 34,1%
- победа в войне – 33,5 %
- реальная борьба с коррупцией – 33,3%
- посещение украинцами с Востока и Запада друг друга – 18,4%
- верховенство права (Закон для всех) – 17,9%
- образовательные программы – 15,4%
- трудно сказать – 12,8%
- сбалансированная политика по национальному вопросу и учёта особенностей различных этносов – 12,7%
- круглые столы и дискуссии – 11,7%
- децентрализация власти в Украине – 10,2 %
- принятие русского языка как второго государственного – 8,7%
- борьба с националистическими проявлениями – 9,9%

- федерализация Украины – 7,0 %

Систематизация факторов интеграции украинцев, презентованных общественным мнением, позволяет говорить о доминанте социальных факторов, национально-этнических и властно-управленческих.

В. К. Левашов

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СРАВНЕНИЯ О ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКАХ

ЛЕВАШОВ В. К. – доктор социологических наук, руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН. E-mail: levachov@mail.ru.

Социально-политической сущностью сложившейся кризисной ситуации является глобальный, грозящий взрывом риск диспаритета владения и распоряжения природными и созданными современной цивилизацией колоссальными материальными и духовными ресурсами. Экономическое, политическое, интеллектуальное неравенство в глобальном масштабе имеет много измерений: между промышленно развитыми и развивающимися странами, иначе говоря, между Севером и Югом, Западом и Востоком, белой, чёрной и жёлтой расами; между классами, социальными группами и слоями в каждом из обществ (государств), входящих в мировое сообщество; между общинами, исповедующими различные религии; между социокультурными системами; наконец, между интересами ныне живущего и будущих поколений землян.

Представленные британским экономистом Ангусом Мадисоном данные убедительно показывают, как драматически на протяжении конца последнего тысячелетия нарастал социально-экономический диспаритет между Западом и остальным миром. Динамика дивергенции Запада и остального мира, «развитых» и «развивающихся» стран в показателях роста населения, ВВП и ВВП на душу населения отражена на рис. 1, 2, 3.

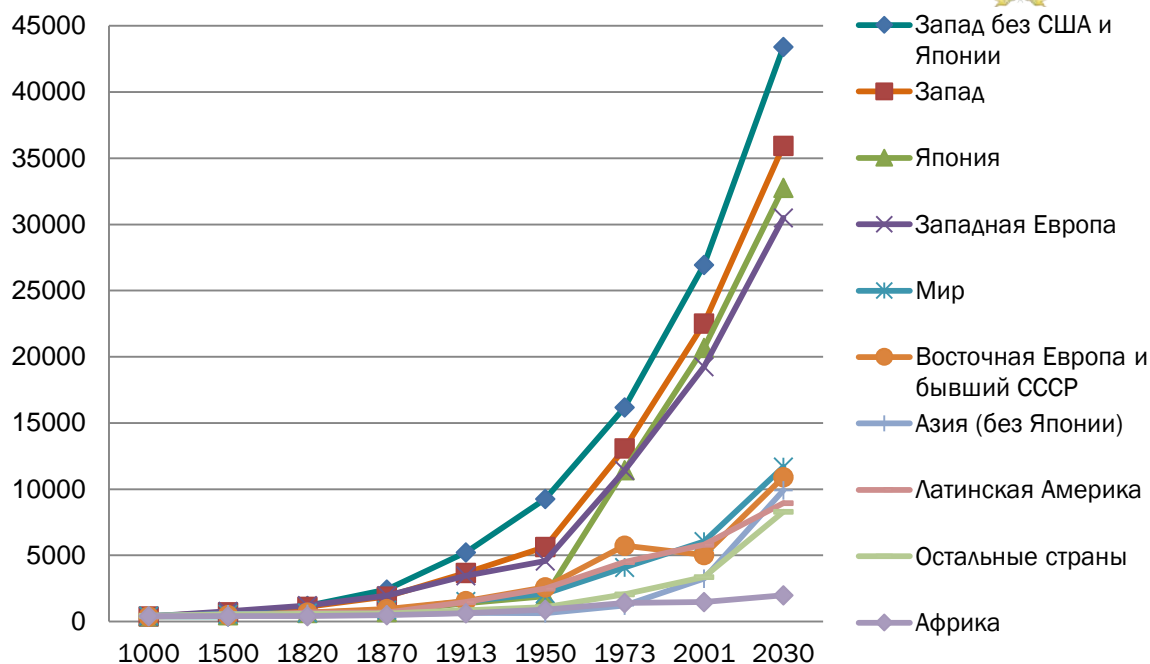

Рисунок 1 – Уровень ВВП на душу населения (долл. 1990 г.)

Источник: http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_02-2010.xls; http://www.ggdc.net/maddison/articles/world_development_and_outlook_1820-1930_evidence_submitted_to_the_house_of_lords.pdf;

http://www.ggdc.net/Maddison/other_books/Growth_and_Interaction_in_the_World_Economy.pdf.

Примечание: Запад в интерпретации А. Мадисона – это Западная Европа, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Япония.

Реальный доход на душу населения на Западе возрос в три раза за период с 1000 до 1820 гг. и в 20 раз с 1820 по 2001 г. В остальных странах мира доход рос гораздо медленнее – на треть за период с 1000 до 1820 и в 6 раз с 1820 по 2001 г. На страны Запада в 2001 г. приходилось 52% мирового ВВП и только 14% мирового населения. Средний годовой доход составлял 22500 долл. (по паритету покупательной способности 1990 года). Остальные страны с 86% населения имели средний годовой подушевой доход меньше, чем 3400 долларов. Разрыв между уровнями среднего «душевого дохода» в развитых и развивающихся странах продолжает расти. В 1870 г. душевой доход в развивающихся странах был в 11 раз ниже, чем в богатых, в 1960 г. – уже в 38 раз, а в 1985 г. – в 52 раза.

Второй стороной растущего глобального диспаритета является опережающий рост населения в развивающихся странах (рис. 2).

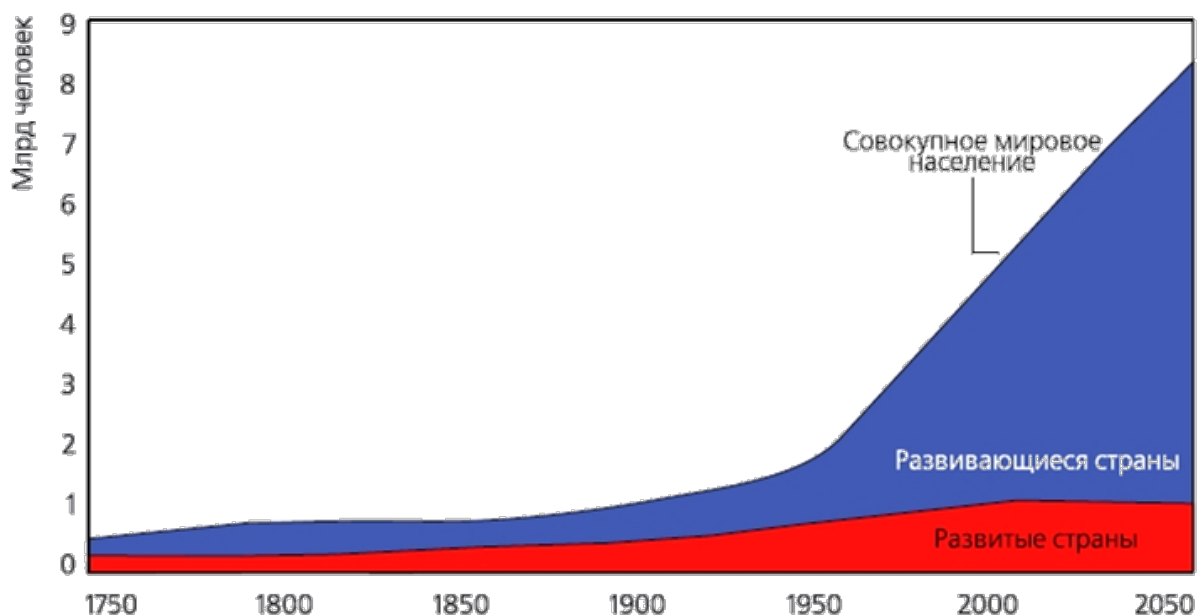

Рисунок 2 – Рост населения мира, 1750–2050 гг.

Источник: http://www.worldbank.org/depweb/beyond/wrru/wnr_03.pdf

На протяжении всей истории человечества рост численности населения был невелик, но в последние два столетия успехи здравоохранения и сельского хозяйства подготовили почву для «демографического взрыва». В XIX веке численность возросла на 710 млн чел., в XX веке – на 4950 млн чел., причём в 60–80 годах численность населения планеты выросла более чем в 1,5 раза. В последнее время численность мирового населения ежегодно увеличивается на 90 млн чел., причём 90% прироста приходится на страны Африки, Азии и Латинской Америки.

Третьей стороной растущего глобального диспаритета является изменение доли развивающихся стран в мировом ВВП (рис. 3).

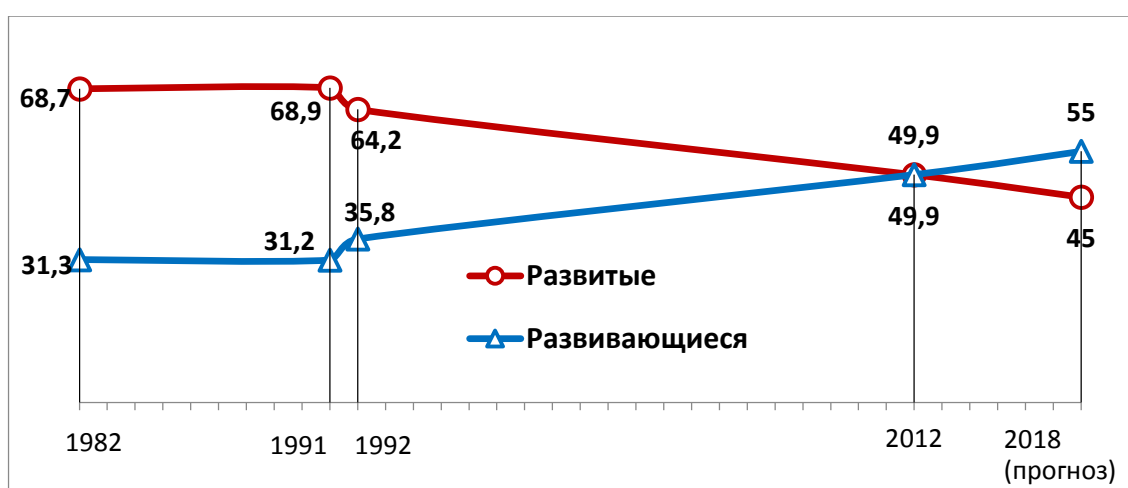

Рисунок 3 – Доля стран с развитой и развивающейся экономикой в мировом ВВП (по паритету покупательной способности)

Источник: МВФ. Цит. по: «Новый двигатель мировой экономики». «Ведомости» от 06.06.2013, №98 (3360)

Таким образом, неравномерность, стихийность хозяйственной жизни на планете привела к образованию «бермудского треугольника» противоречий между растущими доходами, ростом населения и распределением капитала. В изменившихся условиях необходимо найти баланс между главными игроками глобализирующегося взаимозависимого мира. Поиск этого равновесия и должен привести к новой парадигме жизнедеятельности человечества в единстве его рациональных согласованных практик.

Глобальное макросоциальное неравенство не может не сказываться на внутренней социально-политической устойчивости политических режимов стран, не входящих в «золотой миллиард». Экономическое положение большинства российских граждан остается тяжелым. Обратимся к индикаторам самооценки денежных доходов (рис. 4).

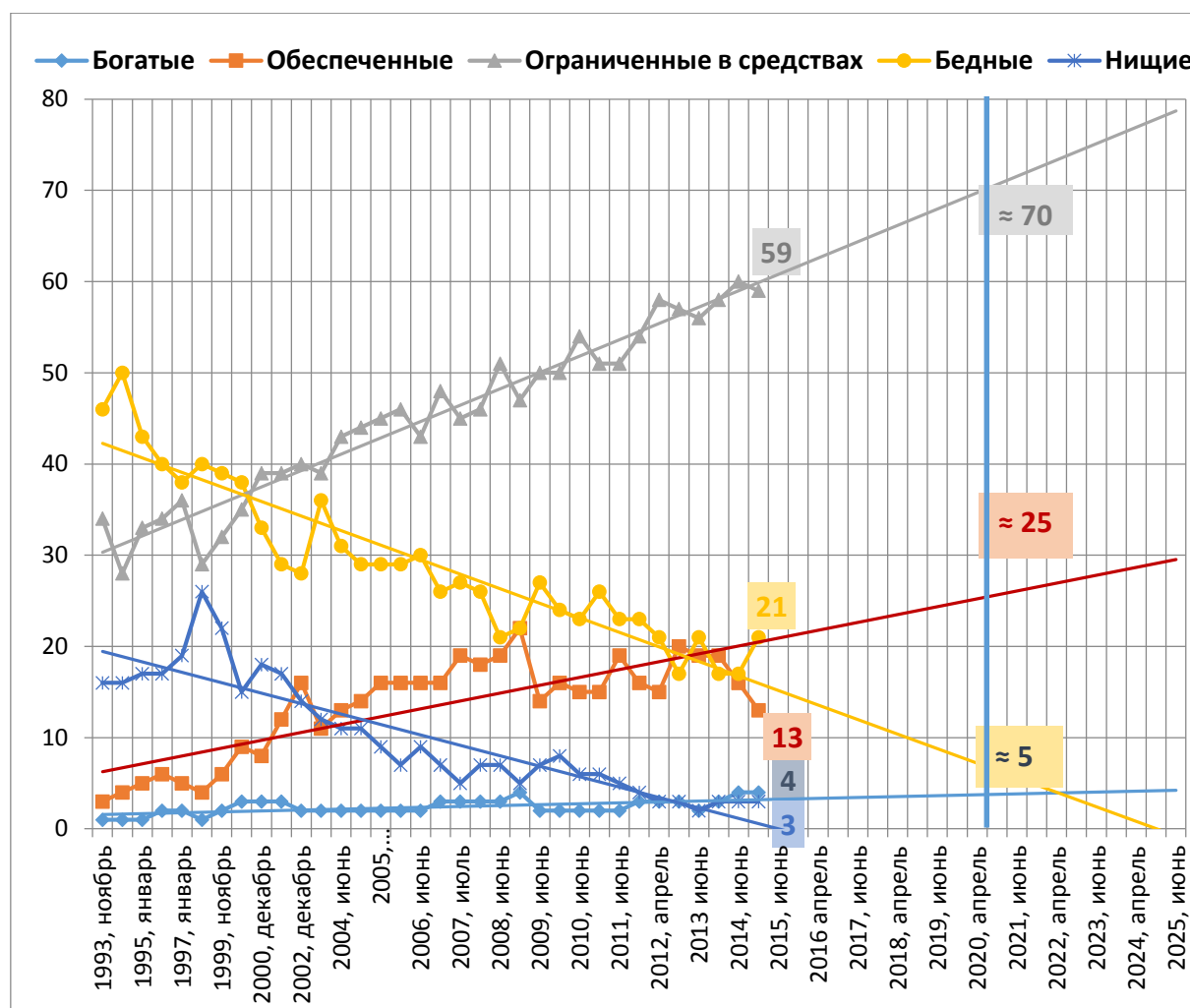

Рисунок 4 – Динамика самооценки денежных доходов⁴⁷
(РФ, % от числа опрошенных)

⁴⁷ Вопрос: «Какая из ниже приведённых оценок наиболее точно характеризует Ваши доходы?». Варианты ответов: «Богатые» – денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать; «Обеспеченные» – покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей; «Ограниченные в средствах» – денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды; «Бедные» – денег хватает только на приобретение продуктов питания; «Нищие» – денег не хватает даже на приобретение продуктов питания.

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований
ИСПИ РАН.

В декабре 2014 г. сами граждане России оценивали свои денежные доходы следующим образом. Около 24% респондентов, по их самооценке, живут в условиях нищеты и бедности: не доедая (3%) или еле-еле сводя концы с концами, зарабатывая деньги, которых хватает только на приобретение продуктов питания (21%). У 59% респондентов денег хватает для приобретения необходимых продуктов и одежды, 13% могут позволить купить себе большинство товаров длительного пользования, 4% не отказывают себе ни в чем.

Представленные данные показывают, что группа «ограниченных в средствах» граждан растет более высокими темпами, чем группа «обеспеченных» граждан. Если провести простейшую линейную экстраполяцию сложившихся тенденций, станет ясно, что совсем скоро, в районе 2020 года большая часть российского общества будет жить с довольно скромным денежным достатком: группа граждан «ограниченных в денежных средствах» составит 70% от всех проживающих в стране. Группа «обеспеченных» граждан, для которых покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей, возрастет до 25%. Богатых граждан – не отказывающих себе ни в чем, останется около 3%. Нищих граждан, которых по самооценкам в нашей стране насчитывалось до 25% в 1998 году, вообще не будет наблюдаться в социальной структуре российского общества. Конечно, эти величины имеют прогнозный характер. Можно предположить, что богатых россиян будет больше даже на несколько процентов, а величина самооценки «нищие» тоже останется, по крайней мере, в пределах ошибки выборки. Но главные пропорции социальной структуры российского общества сформируются таким образом, что самую большую группу составят бедные люди, живущие от зарплаты до зарплаты, денег у которых будет хватать только на приобретение необходимых продуктов питания и одежды. Соответствующий характер примет вся система социально-политических отношений. Её главным признаком будет неустойчивость и неопределенность, задаваемые, с одной стороны, скромным материальным положением, а с другой, если сохранятся нынешние глобальные тенденции, слабыми надеждами на улучшение положения в будущем.

О. Н. Лихачева

АДАПТАЦИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЁЖИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ СЛОВАКИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ЛИХАЧЕВА О. Н. – младший научный сотрудник ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси». E-mail: olih-n@mail.ru.

Республика Беларусь и Республика Словакия – две страны, придерживающиеся христианских ценностей, а также имеющие общую историческую эволюцию – проходят период общественной трансформации. В своём экономическом развитии Беларусь и Словакия обладают общими характеристиками. В то время как Словакия является одной из наиболее прогрессивных в реформировании рыночного развития, Беларусь также постепенно следует по пути модернизации рыночного регулирования. Исследования, проведенные в обеих странах, выявили, что проблемы на рынке труда, сложности в управлении адаптационными процессами

среди молодёжи, и, как следствие, рост безработицы и неудовлетворенность профессией, характерны для обоих государств.

Данное исследование подразумевает использование методологических приемов сравнительного межнационального анализа молодежного рынка труда, которые рассматривают три уровня социального контекста: макроуровень, место работы, индивидуальный уровень. В основном мы использовали метод генерализации и выделили критерии для измерения уровня адаптации молодёжи на рынке труда. Анализ основан на двух социологических исследованиях, а именно: «Молодые специалисты на рынке труда в Могилевской области» (Могилев, 2010) [1] и «Исследование Европейских ценностей» (Словакия, 2008) [2].

По данным последней переписи населения в Словакии (2011) проживает 5 397 036 [3]. Из них, молодёжь от 18 до 31 года составляют 1 154 805 человек, т. е. пятая часть словацкого населения. Исследователи утверждают, что современная молодёжь становится всё более независимой, более активной и, соответственно, сталкивается с новыми вызовами.

Среди лидирующих критериев выбора профессии словацкой молодёжи были отмечены следующие:

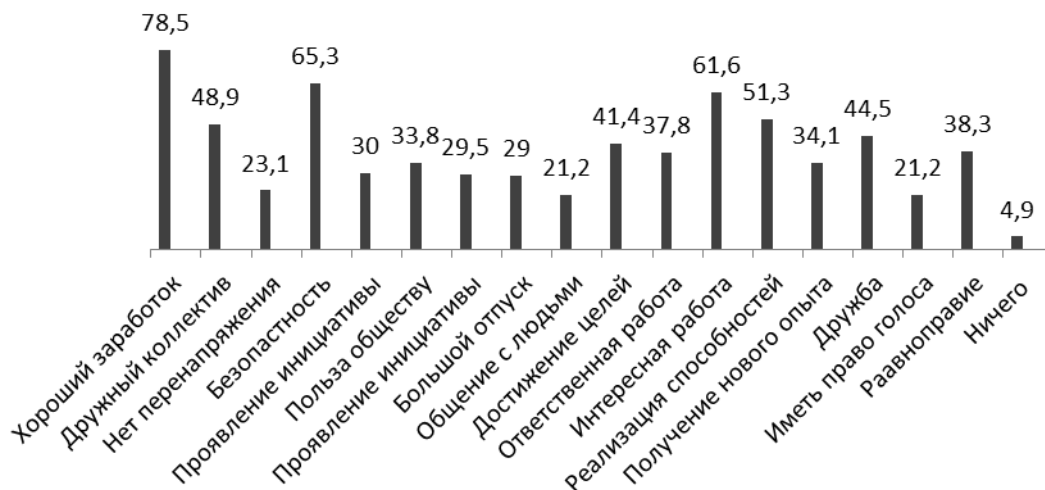

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос: «Что самое важное в работе?», %

Как видно из результатов, большинство словацкой молодёжи прагматично относится к выбору профессии. Более половины (78,5%) хотели бы иметь хорошее вознаграждение за свою работу. Другими доминирующими переменными явились безопасность (65,3%) и интересная работа (61,6%). Для молодёжи очень важно реализовать как можно скорее, поэтому многие респонденты отметили такие факторы как реализация способностей (51,3%), достичь чего-нибудь (41,4%), использовать инициативу (33,8%) как существенные. Это те критерии, на которые должны ориентироваться наниматели, а также уважать выбор и предпочтения молодых в начале их профессиональной карьеры.

Другой важный аспект успешной адаптации – это место, которое отводит молодёжь работе в своей жизни. Для 56,2% юношей и 45,5% девушек работа является очень важной составляющей жизненного уклада. Однако, 27% молодых людей так не считают. Для них работа не имеет большого значения. Стоит обратить внимание и на то, что те респонденты, которые имеют степени магистра и бакалавра ценят труд в большей степени, чем те, у кого среднее образование.

По данному исследованию можно заключить, что молодёжь в Словакии обладает высоким уровнем мотивации и потенциала для того чтобы сделать вклад в экономическое развитие страны, а также повысить своё благосостояние. Проблема заключается в том, готов ли современный рынок труда ответить требованиям молодежи. Для того, чтобы выяснить масштабы этой тенденции, глобальна ли она или локально развивается мы проанализировали и сравнили состояние молодёжного рынка труда в Беларуси.

В соответствии с исследованием, проведенным среди молодёжи Могилевской области на вопрос: «В какой мере вы удовлетворены своей нынешней работой?» разные социально-профессиональные категории молодых специалистов отвечали примерно одинаково: полностью удовлетворены – 30,4%, частично 63,6%, совсем не удовлетворены 5,5%. Подавляющее большинство в той или иной степени довольны своей ситуацией на первом рабочем месте, однако неудовлетворенность все же имеется. В качестве негативных причин назывались низкая заработная плата (59,2%), чрезмерная загруженность работой (27,2%), недостаточность знаний и опыта (19,3%), плохая техническая база (16,9%), отсутствие интереса к профессии (5,5%).

Рассуждая о первом месте работы, молодые специалисты ставят высокий заработок на первое место, а уже затем другие составляющие мотивации трудовой деятельности:

- Высокая заработная плата – 72,0%
- Возможности карьерного роста – 67,4%
- Хорошие условия труда – 48,9%
- Приобретение практических навыков, опыта – 29,1%
- Хороший микроклимат в коллективе – 26,8%
- Решение жилищного вопроса – 24,8%
- Работа по специальности – 13,5%
- Работа не должна утомлять – 9,2%

Современный рынок труда достаточно слаб и уровень безработицы остается высоким. Как отмечает исследовательский центр Гэллап, лишь 13% работников во всем мире вовлечены в свою работу. Иными словами, один из восьми работников – примерно 180 млн трудящихся в исследуемых центром Гэллап странах – психологически привержены своей работе и осуществляют положительный вклад в развитие организации. Основное же количество рабочих в мире – 63% - не включены в работу, что означает отсутствие или недостаток мотивации и, соответственно, их вклад намного меньше в достижении целей организации и ее результатов. 24% не хотят включаться в работу, указывая что неудовлетворены работой и непродуктивны в своей деятельности, а также негативно влияют на коллег. В приблизительных цифрах это транслируется в следующих пропорциях: 900 млн не включены в трудовую деятельность, 340 млн исключены [4].

Таблица 1 – Уровень профессиональной включённости в Беларуси и Словакии, %

Страны	Включённые в работу	Не включённые в работу	Исключённые
Беларусь	9	58	33
Словакия	11	69	20

Эти данные подтверждают недостаточную социально-профессиональную адаптацию людей, как в Беларуси, так и в Словакии. Более того, в Беларуси люди менее включены в профессиональную деятельность, нежели в Словакии. Это не только из-за более низкого развития белорусской экономики, но также и то, что ценность профессии среди населения постепенно теряет приоритет. Словацкая молодёжь, так же как и белорусская, согласна с тем, что самое важное в работе – это вознаграждение и безопасность. Это два существенных фактора, которые необходимы для социального становления. Однако качество результатов работы не может быть высоким, если наблюдается нехватка включённости и интереса к профессии.

Литература

- 1 Молодые специалисты на рынке труда Могилевской области: проблемы подготовки, трудовой деятельности и социальной защищённости: отчёт о НИР / МИРСПИ. Могилев, 2010г. 69с. № ГР 20102297.
- 2 Sociological survey «Europeans Values Survey (Slovakia)» SPSS Data / Bratislava, 2008.- URL: <http://sasd.sav.sk/en/data> (03.10.2013).
- 3 Population census 2011. URL: www.statistics.sk (14.10.2013).
- 4 State of the global workplace. Employee Engagement Insights for Business Leaders / Gallup. Washington, 2013. URL: <http://www.gallup.com/strategicconsulting/164735/state-global-workplace.aspx> (12.11.2013).

Л. А. Паутова

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РЕСПОНДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК СОЦИОЛОГОВ: СРАВНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВОПРОСОВ В РОССИИ И УКРАИНЕ 2000-Х ГОДОВ

ПАУТОВА Лариса Александровна – доктор социологических наук, доцент, директор проектов ГК ФОМ (Фонд Общественное Мнение). E-mail: pautova@fom.ru.

Поводом для презентации послужили дискуссионные замеры внешнеполитических оценок россиян, выполненные ведущими российскими социологическими агентствами (2014–2015 гг.). Различия в стратегиях опросов обусловили существенные смысловые расхождения, способные вызвать диаметрально противоположные выводы о внешнеполитических настроениях граждан Украины и России.

Сравнение с другими странами позволяет лучше понять, кто мы и куда движемся. Сопоставление же с Украиной представляет ценность не только в связи с трагическими событиями 2014–2015 гг. Мы похожи на сложно сообщающиеся сосуды: на поверхности будто бы контакты прерваны, а подспудно ведётся диалог: почему вы так, зачем вы так, за что вы так?.. Такой диалог тем не менее позволяет глубже взглянуть как на самих себя, так и на соседей.

Сопоставление данных национальных репрезентативных опросов в России и Украине крайне затруднительно. Несмотря на наличие близких формулировок вопросов, сами опросы

разнятся по времени, а в ситуации многоходового, постоянно бурлящего политического конфликта разница даже в неделю может иметь значение. И тем не менее можно выделить несколько сопоставимых сюжетов. Сравнение показывает ряд диаметрально противоположных распределений ответов, что позволяет использовать метафору «ножниц» или «ручки-перевёртыша», в разных ракурсах меняющей картинку. Например, стандартный для опросных компаний вопрос по поводу событий 2014 г. даёт интересные для размышлений результаты. Опросы ФОМа и ВЦИОМа [1] показывают близкий набор ответов о наиболее значительных событиях 2014 г. (открытый вопрос): Россияне говорят о «присоединении Крыма», «Олимпиаде в Сочи» и «событиях на Украине». Сходный по смыслу опрос украинского Центра Разумкова показывает значимость таких событий, как Майдан, революция достоинства, война с Россией, выборы президента и аннексия Крыма (закрытый вопрос) [2]. Иными словами, различаются как ответы респондентов, так и исследовательские формулировки вопросов, кодировки ответов («события на Украине» vs война с Россией, «присоединение Крыма» vs «аннексия Крым»). Очевидно, что внешнеполитическая картина мира влияет на наш инструментарий.

Показателен и другой пример. Стандартный вопрос об удовлетворённости жизнью задаётся в февральских опросах Левада-Центра («Насколько Вы в настоящее время удовлетворены своей жизнью в целом?») и украинского центра «Research&Branding Group», R&BG (позиция «Удовлетворённость респондентов жизнью, которую они ведут») [3]. Говорят о своей удовлетворённости жизнью 68% россиян и только 27% жителей Украины. Противоположный ответ дали 26% россиян и 70% украинцев. Сходная «полярность» прослеживается и в ответах на вопросы о правильности развития государства («Насколько Вы согласны или не согласны с тем, что дела в стране идут в правильном направлении?», ВЦИОМ; «В каком направлении в настоящее время развивается ситуация на Украине?», R&BG). О правильности пути развития сообщают 48% россиян и 12% украинцев. Полярной точки зрения, напротив, придерживаются 13% россиян и 41% украинцев.

Оценка работы политических лидеров – своих и чужих – также воспроизводит полярность. 84% россиян в опросе ФОМа оценили работу Президента Владимира Путина как хорошую. И такие же 84% высказали мнение, что Президент Украины Петр Порошенко справляется с работой плохо [5]. В украинском контексте такая полярность оценок сглажена, однако тоже присутствует: 71% украинцев сообщили Центру Разумкова о том, что негативно относятся к Владимиру Путину [6], 45% одобряют работу Петра Порошенко (R&BG).

Оценить мнения жителей обоих государств относительно перспективы российско-украинских отношений достаточно сложно, поскольку нет сопоставимых по времени опросов. Однако, судя по российским, фомовским данным февраля 2015 года и украинским данным октября 2014 года, жители Украины менее оптимистичны: 60% россиян надеются на то, через несколько лет, российско-украинские отношения улучшатся и только 7% (!) жителей Украины положительно оценили перспективы развития отношений Украины и России в ближайшие годы (Центр Разумкова) [7].

Ключевым водоразделом является, конечно же, вопрос о вступлении Украины в НАТО. Чуть более половины (51%) украинцев сообщают о том, что, если бы завтра был референдум о вступлении Украины в НАТО, они бы проголосовали за вступление. Против присоединения заявила четверть жителей страны (25%). Ирония судьбы в том, что это же соотношение, только наоборот, прослеживается в ответах россиян в опросе ФОМа: 22% россиян пессимистично считают, что Украина вступит в НАТО, а 59% надеются, что этого не произойдёт [8]. Иными словами, отношение к самим себе, оценка самих себя и соседа противоположным образом

различаются. Это несогласование взаимных ожиданий является рефреном социальных настроений последних лет и ещё раз подчёркивает глубину кризиса.

Однако, несмотря на то, что мы очень разные, судя по данным, не хотят войны ни жители Украины, ни россияне. Опрос аналитической группы «Рейтинг» говорит о том, что украинцы в большинстве своём закономерно против ввода войск на территорию Украины (октябрь 2014 г.). Эти цифры созвучны российским данным: 67% полагают, что России для прекращения конфликта в ближайшее время не следует вводить войска в Юго-Восточную Украину (ВЦИОМ, янв. 2015 г.).

Вторая часть выступления посвящена различиям в результатах российских социологических центров. Сопоставление открытых данных показывает, что существуют расхождения в оценках отношения россиян к «Украине». Помещаем слово «Украина» в кавычки, поскольку для россиян это слово, видимо, имеет много разных оттенков: жители Украины, украинцы, официальный Киев и др. Левада-Центр много лет изучает отношение россиян к другим странам, в частности к Украине. Последние данные говорят о том, что 64% опрошенных относятся к Украине плохо, и только 24% хорошо («Как Вы в целом относитесь к Украине?») [9].

Данные Левада-Центра не совпадают с ответами на близкий по смыслу, но все же различающийся вопрос ФОМа («Как Вы лично относитесь к Украине: хорошо, плохо или безразлично?»). О своем негативном отношении к соседу заявило только 17%, ещё 57% высказались положительно, 17% сообщили о своём безразличии [9]. Обсуждение этого кейса на профессиональной площадке в социальной сети «Facebook» выявило ряд версий таких различий: 1) содержательный эффект шкал (стремление избежать выбора крайних вариантов и уход части респондентов в ответ «безразлично»); 2) специфика формулировок (Левада-Центр измеряет отношение «в целом», ФОМ – отношение «личное»); 3) отношение «в целом» = отношение к официальному Киеву; 4) технический сбой у ФОМа, у Левада-Центра, ФОМ «перепутал» позиции в макете; 5) специфика композиции анкет (влияние других вопросов и т. п.).

В продолжение этого обсуждения ВЦИОМ любезно повторил в разных опросах оба вопроса (за что хотим поблагодарить Валерия Фёдорова и сотрудников ВЦИОМ). Полученные данные не совпали ни с фомовскими распределениями (43% – хорошо, 29% – плохо, 23% – безразлично), ни с левадовскими (24% заявили ВЦИОМу о негативном отношении к Украине против 60% – по данным Левада-Центра).

Безусловно, различия в данных требуют тщательного анализа инструментария, специфики выборки и технологии опроса. Однако в данном случае мы не пытаемся понять причину различий. Такой кейс позволяет задуматься о важности множественности точек входа в поле, а особенно в сравнительных, кросс-национальных опросах. В сопоставительных исследованиях, как правило, уделяется внимание выбору оснований сравнения, адекватной передаче смысла, адекватности самой методики замера. Однако кейс в очередной раз говорит о необходимости «отсутствия монополии данных», наличия диапазона данных, полученных разными исполнителями с применением разных технологий. Это особенно важно для сравнительных исследований в период напряженных, конфликтных отношений между государствами. Имея в распоряжении разные модели сравнения, мы сможем в результате их сопоставления получить более полную и достоверную картину.

Литература

- 1 Событие года-2014 в России и в мире. ФОМ. 1500 респондентов. 7 декабря 2014. URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/11872/> Итоги годы и планы на будущий. ВЦИОМ. 1600 респондентов. 24 декабря 2014. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115105>.
- 2 Україна 2014–2015: Долаючи виклики (аналітичні оцінки). Центр Разумкова, Київ. URL: http://razumkov.org.ua/upload/1424704722_file.pdf.
- 3 Удовлетворённость различными сферами социальной жизни. Левада-Центр. 1600 респондентов. 23–26 января 2015 года. URL: <http://www.levada.ru/17-02-2015/udovletvorennost-razlichnymi-sferami-sotsialnoi-zhizni>. Социальное самочувствие граждан Украины. Оценка ситуации в стране. Репрезентативный опрос общественного мнения жителей Украины (за исключением АР Крым, Донецкой, Луганской областей и г. Севастополь). 1500 респондентов. 26 января по 6 февраля 2015. URL: <http://rb.com.ua/rus/projects/omnibus/9001/>
- 4 Социальное самочувствие россиян: привыкаем к кризису. ВЦИОМ. 3 марта 2015 г. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115167%>.
- 5 Годовщина смены власти на Украине. ФОМ. 19 февраля 2015. URL: <http://fom.ru/Mir/12074>. Доминаты. Проект ФОМа. URL: <http://bd.fom.ru/map/dominant>.
- 6 Проблеми та перспективи українсько-російських відносин очима громадян. Центр Разумкова, Київ. URL: http://razumkov.org.ua/ukr/files/category_journal/socio_5_6_Ukr_Ros_2014_site_s-4.pdf.
- 7 Внешнеполитические перспективы Украины. ФОМ. Общероссийский телефонный опрос. 1000 респондентов. 19 февраля 2015. URL: <http://fom.ru/Mir/12081>. Проблеми та перспективи українсько-російських відносин очима громадян. Центр Разумкова, Київ. URL: http://razumkov.org.ua/ukr/files/category_journal/socio_5_6_Ukr_Ros_2014_site_s-4.pdf.
- 8 Оцінка ситуації на Сході.Зовнішньополітичні орієнтації населення. Соціологічної групи «Рейтинг», Репрезентивний український опрос. 2000 респондентов. Октябрь, 2014. URL: <http://www.ratinggroup.com.ua/products/politic/data/entry/14117>
- 9 Внешнеполитические перспективы Украины. ФОМ. Левада-Центр. URL: www.levada.ru/09-02-2015/mezhdunarodnye-otnosheniya. ФОМ. URL: <http://fom.ru/Mir/11945>.

Н. А. Пономарёв

**РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ИНТЕРНЕТЕ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД
(НА ПРИМЕРЕ ОБСУЖДЕНИЯ СОБЫТИЙ 2013–2014 ГГ. НА УКРАИНЕ)**

ПОНОМАРЕВ Н. А. – кандидат исторических наук, магистрант кафедры политологии ИППСР МГГУ им. М.А.Шолохова. E-mail: sharukin87@yandex.ru.

Начиная с момента печально известного скандала вокруг результатов проекта «Накликай Думу», тема репрезентативности политического дискурса в Интернете прочно вошла в перечень дискуссионных аспектов современных социологических исследований. Однако было бы ошибочно считать, что актуальность данного вопроса проистекает сугубо из политической конъюнктуры. Причины повышенного интереса экспертов к данной проблеме имеют более глубокие и прочные корни. Академическое сообщество активно обсуждает тему репрезентативности политического дискурса в Интернете в первую очередь по причине роста масштабов абсентистского отношения к данным Мировой Паутины со стороны как обывателей, так и специалистов в области различных гуманитарных наук. Упомянутый выше провал Интернет-проекта партии «Союз правых сил» и подобные ему эпизоды послужили поводом для утверждений, что изучение дискурсов Сети лишено смысла, т. к. они априори нерепрезентативны. Распространение подобных взглядов ставит под угрозу реализацию целого ряда перспективных направлений социологических исследований, таких как участие России в Мировом Интернет Проекте, социальный компьютеринг, а также изыскания в области Big Data. Подобные перспективы вызывают закономерную обеспокоенность экспертного сообщества и напрямую стимулируют проведение дополнительных исследований по вопросам, связанным с репрезентативностью дискурсов интернета, в первую очередь – политического, в силу его интегративной природы [1, с. 61].

Внимание к украинскому кейсу политического дискурса в Интернете привлекают следующие обстоятельства. Во-первых, данное направление развития принадлежит к числу наиболее молодых, в силу чего естественным образом представляет собой настоящий кладезь актуальных эмпирических данных. Во-вторых, следует подчеркнуть, что в развитии украинского направления политического Интернет-дискурса, начиная с осени 2013 г., проявилось принципиально новое для постсоветского пространства свойство – в его развитии в массовом порядке принимают активное участие рядовые граждане, не аффилированные с какими-либо властными или оппозиционными структурами. Последнее же может служить основанием для по крайней мере частичной ревизии концепции репрезентативности политического дискурса в интернете. Наконец, нельзя проигнорировать то обстоятельство, что на сегодняшний день украинский дискурс, наряду с ближневосточным и китайским, представляет собой одну из основ политической коммуникации не только в рамках рунета, но и в масштабах всей Мировой Паутины. В совокупности всё это убедительно доказывает актуальность изучения украинского кейса в рамках указанной темы [2, с. 63; 3, с. 95].

Поднимая вопрос о репрезентативности политического дискурса, формирующегося вокруг событий последних лет на Украине, необходимо в первую очередь обратить внимание на то, что его генерация происходит на фоне развертывания информационной войны между Россией, с одной стороны, и Украиной и коллективным Западом – с другой. При этом обе стороны конфликта проявляют крайнюю неразборчивость в средствах, прибегая в отдельных случаях к откровенной фальсификации информации. Помимо того, на уровне репрезентативности формирующегося вокруг украинских событий политического интернет-дискурса негативным образом сказываются последствия анонимности Глобальной Паутины – пользователи выражают и отстаивают точки зрения, которые в реальной жизни они просто не осмелились высказать, призывают к действиям, которые на практике сами не готовы совершить или хотя бы поддержать. Наглядным примером подобного служит ситуация в западных и центральных регионах Украины – несмотря на невероятные масштабы антироссийской истерии, характерной для большинства местных пользователей, мы не

наблюдаем на данной территории погромов, массовых избиений или иных масштабных акций, направленных на ликвидацию или выдавливание этнических русских (вопреки печально известному лозунгу «москаляку на гиляку») [4, с. 56].

Ситуацию также усугубляет наличие провокаторов – так называемых «троллей», провоцирующих возникновение дискуссий по наиболее значимым для целевой аудитории информационным поводам (на интернет-сленге – «холиваров»). Кроме того, не следует забывать, что в генерации дискурса активно участвуют в том числе люди, напрямую или косвенно аффилированные с властными или оппозиционными структурами. Данное обстоятельство, наряду с самоцензурой, вызванной страхом пользователя перед возможными проверками спецслужб или преследованием со стороны полиции, вынуждает участников коммуникации искажать или вовсе замалчивать собственную позицию. Сходную роль зачастую играет роль давление социального окружения – в текущей обстановке даже вполне объективные замечания, сделанные в пользу «врага» на просторах виртуальных сетей, могут обернуться для пользователя ухудшением отношений с окружающими или даже бойкотом со стороны последних [5, с. 67].

Перечисленные выше факторы заметно снижают уровень репрезентативности политического дискурса, формирующегося вокруг событий на Украине. Однако в то же время имеют место и обстоятельства, способствующие повышению данного показателя. Помимо отмеченного выше массового включения в генерацию коммуникативных процессов рядовых граждан, не аффилированных с какими-либо властными или оппозиционными структурами (последнее стало возможным благодаря распространению технологии вай-фай, росту оптоволоконной сети и появлению на рынке дешевых смартфонов), к их числу относятся появление независимых источников информации за счет достаточно либеральной политики большинства популярных Интернет-ресурсов, увеличения масштабов гражданского активизма, развития социальных сетей, блогосферы и видеохостингов, упрощение процедур верификации и фальсификации источников информации, в особенности – кино- и фотодокументов.. Наличие данных факторов привело к тому, что в интернет-пространстве появилась сила, потенциально способная в среднесрочной перспективе обрести то же значение, что и аффилированные тем или иным образом с различными группами элит СМИ. Появление же не ангажированного с какой-либо из сторон конфликта и достаточно известного и авторитетного источника информации способно резко повысить потенциал использования процедур перекрестной и логической критики генерируемых в интернете сведений. Последнее же автоматически будет означать и значительный рост репрезентативности политического дискурса в рамках Интернет-пространства [6, с. 138, 139].

Таким образом, можно заключить, что в ходе развития украинского кейса политического дискурса Интернета фиксируется наличие не только традиционных тенденций следования политической конъюнктуре и социальному заказу, но и принципиально новые тренды развития, способные в среднесрочной перспективе значительно повысить репрезентативность содержащейся на просторах Сети информации и тем самым способствовать значительному усилению роли Глобальной Паутины как источника достоверной информации. Соответственно, мы наблюдаем и повышение уровня репрезентативности политического дискурса, и формирование предпосылок для его дальнейшего увеличения в среднесрочной перспективе.

Литература

- 1 Петрушина А. В. Дискурс политического протеста в сообщениях новостных Интернет-сайтов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1.
- 2 Азаров А. А., Бродовская Е. В., Дмитриева О. В., Домбровская А. Ю., Фильченков А. А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013). Часть I // Социология Интернет и новых технологий.
- 3 Синельникова Л. Н. Информационная война Adinfinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48).
- 4 Шатилов А. Б. «Диванные войска» как новая форма информационно-пропагандистского сопровождения политических и военных конфликтов в начале XXI века // Власть. 2014. № 7.
- 5 Дементьева И. Н. Протестные настроения в комплексе трендов общественного развития. Проблемы развития территории. 2014. № 4 (72).
- 6 Ушкин С. Г. Вовлечённость пользователей социальных сетей в протестное движение // Власть. 2014. № 8.

П. В. Пучков

ХЕЙЗИНГ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА (АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ)

ПУЧКОВ П. В. – доктор социологических наук, профессор кафедры «Общественные науки и профессиональная коммуникация» Юридического института МИИТа. E-mail: pavelpuchkov@yandex.ru

Для того, чтобы рассмотреть социальную проблему хейзинга как выполнение любой деятельности, ожидаемой от кого-то, вследствие которой происходит унижение, оскорбление, деградация, нанесение угроз, независимо от желания участвовать в этой деятельности [1], необходимо, на наш взгляд, сначала попытаться кратко обсудить этот социальный феномен.

Имеющиеся данные показывают, что действия хейзинга чрезвычайно распространены в колледжах США: в докладах студентов почти половины всех учебных заведений такого типа отмечалось это социальное явление [2]. Однако, как показывает анализ работ ряда американских учёных, данные по смертельным исходам в результате действий хейзинга, являются несколько преувеличенными. Как отмечает Хенк Ньер с 1970 г., основываясь на свою личную констатацию фактов, в среднем три человека погибают от хейзинга каждый год в Соединённых штатах [3].

На самом деле, в этом государстве не существует ни одной правительственной или частной организации, которые бы собирали статистику данных о последствиях действий от хейзинга. Ещё Хенк Ньер в 1999 г. призывал создать национальную отслеживающую систему по результатам, связанными с инцидентами хейзинга [4].

Следует отметить, что большая часть учёных по проблемам рассматриваемого социального явления опираются на работы Хенка Ньера, исследующего и констатирующего случаи гибели людей в результате действий хейзинга [5].

Несмотря на это, некоторые американские ученые с определенной степенью подозрения относятся к опубликованным данным Хенка Ньера. Так, В. Чамберлин считает, что в работах Х. Ньера приведённые данные были вырваны из контекста некоторыми комментаторами, чтобы поддержать предположение, что число смертей от действий хейзинга с 1970 года растёт в геометрической прогрессии, а не по другим причинам, как, например, в результате автомобильных аварий, спортивных увечий, убийств и суицида [6].

Брендона В. Чамберлина удивляет и тот факт, что число смертей от действий хейзинга выросло экспоненциально особенно в последнее десятилетие, как он полагает, по тем же вышеуказанным причинам [7].

Тем не менее, именно в это время в научной литературе стали появляться работы, исследующие это негативное социальное явление в различных социальных группах. Однако доказательств увеличения смертельных случаев в них не упоминается.

Огромный научный интерес привлекают исследования американских учёных Н. Хувера, Ш. Кампо и Е. Алан совместно с их коллегами в 1999–2008 гг. Так, на основе анкетирования 2207 представителей национальной студенческой спортивной ассоциации (NCAA) было установлено, что 79% спортсменов этой организации были подвержены хейзингу [8]. А опрос 736 студентов младших курсов в Корнельском университете показал, что 36% от всех респондентов принимали участие в действиях хейзинга [9]. В интервью со студентами бакалавриата и магистратуры было выявлено, что 67% респондентов были подвергнуты организационному харассменту (преследованию, домогательству, притеснению, запугиванию, травле).

Е. Алан и М. Медден, используя социологический опрос около 11,482 тысяч студентов, обучающихся в 53 колледжей и университетах США, выявили следующую картину рассматриваемого асоциального явления: а) 55% студентов, вовлечённых в деятельность разнообразных клубов, команд и организаций испытали на себе хейзинг; б) в этих организациях отмечается социальное поведение, которое является оскорбительным, опасным и потенциально незаконным; в) для всех типов студенческих групп характерно злоупотребление алкоголя, унижение, изоляция, депривация сна, сексуальные акты; г) 25% тренеров или консультантов были осведомлены о существовании хейзинга; 25% действий хейзинга происходило в кампусах, из 25%, испытавших действие хейзинга, 48% присутствовали представители бывших студентов; 41% сверстников, 26% сообщали об этих инцидентах своим близким, домочадцем; г) более половины случаев хейзинга выкладывалось на открытых веб-пространствах; д) остальные студенты, не принимавшие участие в деятельности хейзинга, воспринимают последствия его действий больше положительно, чем негативно; е) в 95% случаев хейзинга студенты не сообщают о происходящем властям кампуса; ж) студенты признают хейзинг как часть культуры кампуса, объясняя это имеющимися в их учебных заведениях «традициями», которые нельзя нарушать; 69% из них были осведомлены о хейзинге, который имеет место в той или иной организации; з) 47% студентов, поступивших в колледж, уже имеют на себе опыт хейзинга; и) девять из десяти студентов, которые пережили влияние хейзинга, не считают его унижительным и оскорбляющим человеческое достоинство, а наоборот, считают, что это помогает «воспитывать преданность команде и командный дух» [10].

Таким образом, хейзинг является важной социальной проблемой в американском обществе. Несмотря на разработку и применение законодательно-правовой базы, необходимо обозначить дополнительные направления, обеспечивающие объединение ресурсов всех секторов социума для превенции этого социального зла.

Литература

- 1 Allen E., Madden M. Hazing in view: College students a risk // stophazing.org/wp-content...2014/06/hazing_in_view...
- 2 Elizabeth J. Allan & Mary Madden. The Nature and Extent of College Student Hazing // Adolescent Medicine and Health Journal. 2012. No. 83, 86.
- 3 Hank Nuwer's List of Deaths by Hazing. URL: <http://www.hanknuwer.com/hazingdeaths.html>.
- 4 Nuwer, H. Wrongs of passage: Fraternities, sororities, hazing, and binge drinking. Bloomington: Indiana University Press, 1999.
- 5 Hank Nuwer's List of Deaths by Hazing/ URL: <http://www.hanknuwer.com/hazingdeaths.html>
- 6 Hazing laws based on assumption of care // Emory law Journal. Vol. 63, p. 930, 2014.
- 7 Ibid, p. 935.
- 8 Nadine C. Hoover, National Survey: Initiation Rites and Athletics for NCAA Sports Teams // http://www.alfred.edu/sports_hazing/docs/hazing.pdf.
- 9 Campo S. et al. Prevalence and Profiling: Hazing Among College Students and Points of Intervention // American Journal Health Behaviour. 2005. N 29. P. 137–149.
- 10 Allen E., Madden M. Hazing in view: College students a risk. URL: stophazing.org/wp-content...2014/06/hazing_in_view...

С. А. Семедов

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

СЕМЕДОВ Семед Абакаевич (Semed A.Semedov) – д. ф. н., заведующий кафедрой «Международное сотрудничество» РАНХиГС.

В условиях глобализации происходят глубокие перемены в самом объекте международно-политической науки. Социологическое осмысление этих перемен может быть весьма плодотворным. Процесс глобализации делает всё более очевидной неделимость человеческого сообщества, относительность границ между государствами. Рост взаимозависимости обязывает акторов международных отношений, в первую очередь государства к сотрудничеству и солидарности, к выработке общих правил мировой политики, к совершенствованию существующих и созданию новых эффективных международных институтов. Однако, глобализация также ведёт, с другой стороны, к обострению глобальных проблем, порождая различные кризисы.

Глобализация вызывает экономическую, политическую и социальную разобщенность в мире. Все эти процессы носят ярко выраженный социальный характер. Их исследование лучше вести с позиций политической социологии, точнее социологии международных отношений. Необходимо анализировать сопутствующие глобализации процессы и явления в терминах социальных фактов и норм, ценностей и идентичностей.

Рост глобального социального знания невозможен без осмысления всей глубины имеющихся в мире культурных различий. Наука о международных отношениях находится в

тесной связи со временем и пространством, а её особенности и закономерности не могут быть применимы без соответствующей социокультурной адаптации. Положения российской науки о международных отношениях должны отражать национальный характер и социокультурную специфику России. Исследования в теории международных отношений без учета социального и культурного контекста обречены на необъективность и однобокость.

Между социологическим знанием и международными отношениями имеется значительная корреляция, выводы социологии в мировой науке широко используются в исследовании международных отношений, чего не хватает в российской школе теории международных отношений.

К сожалению, несмотря на громадные усилия профессора П. А. Цыганкова, социология международных отношений как автономная дисциплина не существует в России, хотя уже сегодня социологический подход к международным отношениям, безусловно, может предложить весьма интересные подходы, помогающие совершенствованию общесоциологического инструментария для изучения международной жизни.

Социология международных отношений как отдельный курс должен быть включён в программы бакалавриата (031900.62) и магистратуры (031900.68) по специальности «Международные отношения».

А. В. Солопенко

СРАВНЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2014–2015 гг.

СОЛОПЕНКО А. В. – магистр социологии, студент магистратуры политологии Латвийского университета, Рига. E-mail: andrejssol@inbox.lv.

По данным переписи населения 2011 г. все жители Латвии дома преимущественно пользуются либо русским, либо латышским языком. Среди всех жителей, указавших используемый язык, на латышском языке дома преимущественно говорят 62,1%, тогда как на русском – 37,2%.⁴⁸ Исходя из этого, можно утверждать, что всё население республики можно разделить на две большие группы: латышскоговорящие и русскоязычные. В Эстонии по данным переписи населения прошедшей с 31 декабря 2011 по 31 марта 2012 г. родным языком большинства населения (68,5%) является эстонский, а 29,6% – русский.⁴⁹ Поэтому так же, как и в Латвии, население Эстонии условно делится на две группы: жители с родным эстонским или русским языком. Исходя из этого, русскоязычных жителей двух стран можно выделить в отдельную группу, идентичность которых формирует именно русский язык, т. к. в данную группу входят не только русские по национальности, но и другие национальные меньшинства, не являющиеся ни латышами, ни эстонцами.

В то же время, рассматривая электоральное поведение данной группы, следует помнить, что как в Латвии, так и в Эстонии проживает значительное количество лиц, не имеющих

⁴⁸http://data.csb.gov.lv/DATABASE/tautassk_11/2011.gada%20tautas%20skaitišanas%20galigie%20rezultati/2011.gada%20tautas%20skaitišanas%20galigie%20rezultati.asp Табл. № TSG11-07 (25.01.2015)

⁴⁹http://pub.stat.ee/px-web.2001/I_Databas/Population_census/PHC2011/01Demographic_and_ethno_cultural_characteristics/04Ethnic_nationality_Languages_Dialects/04Ethnic_nationality_Languages_Dialects.asp Табл. № PC0432 (25.01.2015)

гражданства данных стран, не имеющих права участвовать в выборах и являющихся русскоязычными. В Латвии среди всех граждан страны 27% пользуется в семье русским языком⁵⁰. В Эстонии среди всех граждан 19% своим родным языком указали русский⁵¹. Данный удельный вес русскоязычных граждан является довольно значительным, чтобы повлиять на распределение мест в парламентах данных стран. Поэтому целью исследования является сравнение электорального поведения русскоязычных жителей Латвии и Эстонии, выявление партий, опирающихся на данную группу, и объективных и субъективных факторов обуславливающих русскоязычных граждан голосовать именно за них.

В Латвии, как и в Эстонии, на протяжении всех парламентских выборов наблюдался этнолингвистический раскол, когда представители титульного большинства голосовали за одни партии, а русскоязычного меньшинства за другие. Последние выборы также не стали исключением, как в Латвии, так и в Эстонии они прошли под влиянием этнической повестки дня, разделения и противопоставления двух этнолингвистических групп, выявив партии пользующихся поддержкой русскоязычного электората двух стран.

На основании исследования, проведённом с помощью Центра исследования рынка и общественного мнения SKDS летом 2014 года в двух странах, а также имеющихся опросных данных, полученных после парламентских выборов, автор выявил главные объективные и субъективные факторы, влияющие на электоральное поведение двух рассматриваемых групп.

Данное этническое голосование в рассматриваемых странах, обусловлено различными объективными и субъективными факторами. Объективные факторы, влияющие на партийный выбор русскоязычных граждан, заключаются в том, что в основном только так называемые «русские» партии обращаются непосредственно к ним и защищают их интересы. Экономические или социальные вопросы стоят в программах всех партий; а специфические вопросы, касающиеся русскоязычной общины, в основном поднимают только определённые партии, что и побуждает русскоязычных голосовать за них, солидаризируясь со своей этнической группой. Также русскоязычные жители двух рассматриваемых стран не расселены равномерно на всей территории, а компактно проживают в определённых административно-территориальных единицах, формируя в них конкретную русскоязычную среду, являющуюся главным субъективным фактором при голосовании избирателей.

Социальное окружение или социальная среда влияют на мнения индивида о текущих событиях, присваивая им особый смысл. Взаимодействуя с другими людьми и обмениваясь информацией, индивид приближается к распространённым в их среде политическим суждениям и мнениям. Люди склонны выбирать себе друзей и преимущественно общаться с теми, кто разделяет их взгляды, а также черпать информацию из тех информационных источников, которые разделяют их убеждения и которым они доверяют. Поэтому социальную среду формируют не только близкие люди, с которыми индивид общается постоянно, но и информационные каналы, посредством которых он получает информацию. Информационное пространство рассматриваемых стран также разделено по этнолингвистическому признаку и жители республик в основном получают информацию из источников на своём языке и контактируя преимущественно с представителями своей этнической группы. Вследствие этого у них формируются определённые ценности и мнения, руководствуясь которыми, они и принимают решение за какую партию голосовать на выборах.

⁵⁰ Письмо заместителя директора Департамента переписи населения Петериса Вегиса от 13.05.2013

⁵¹ Письмо старшего консультанта Департамента маркетинга и развития Аиме Лаук от 27.02.2014

Этническое голосование русскоязычных граждан данных стран, с одной стороны можно рассматривать как форму протеста против существующей политики властей в отношении их. Концентрация голосов этой группы у определённых партий свидетельствует об остроте проблемы и желании быть услышанными правящим истеблишментом, а дальнейшее игнорирование их мнения, может привести к ещё большей эскалации конфликта, сохранению данного этнолингвистического размежевания и появлению более радикальных партий и движений, ориентированных на русскоязычный электорат.

М. А. Федосеева
ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ РОССИЯН И БЕЛОРУСОВ⁵²

ФЕДОСЕЕВА Маргарита Александровна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник НОЦ «Теоретическая и прикладная социология ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК». E-mail: fedoseevama@mail.ru.

Мыслители разных времен и народов высказывали мысль о важности труда для общества и человека. Крупнейший французский философ-просветитель XVIII века Вольтер писал: «Жить – значит работать. Труд есть жизнь человека» [1]. Возникает вопрос, в какой мере эти тезисы прошлого находят применение в нынешних условиях, превратился ли труд сегодня в первую жизненную потребность современного человека? Иными словами, какова сегодняшняя картина отношения к труду?

В рамках данной статьи предпринята попытка ответить на поставленные вопросы. Эмпирический материал получен в ходе социологического опроса населения Орловской и Витебской областей, проведённого в рамках проекта «Социально-политическая ситуация и повседневная жизнь людей в России и Беларуси в контексте становления Союзного государства» в сентябре-октябре 2013 г. Опрос осуществлялся методом индивидуального анкетирования. Всего с каждой стороны в опросе приняли участие по 900 респондентов.

Первый вопрос, с которого представляется логичным начать анализ, это отношение к труду. Данная научная категория представляет собой одно из фундаментальных оснований системы ценностей личности, комплекс мотивов, связывающих личность с обществом и культурой [2]. Вопрос в анкете, с помощью которого определялось отношение к труду, звучал следующим образом: «Чем лично для Вас является работа?», причем варианты ответов были построены на основе различных сочетаний ценности вознаграждения за труд и способов их достижения.

Согласно полученным данным для большинства респондентов (причем это характерно как для россиян (43,4%), так и для белорусов (54,2%)) результаты труда напрямую связаны с теми благами, которые они получают от своей деятельности – эта категория готова качественно трудиться лишь в случае соответствующего материального поощрения. С одной стороны, ориентация на справедливый обмен трудового вклада на материальное вознаграждение по своей сути правильная и приемлемая формула, в том смысле, что она выражает определенное стремление населения двух стран к социальной справедливости, к признанию человеческого достоинства высококвалифицированного специалиста. С другой стороны, такой прагматический подход как «ты – мне, я – тебе», доведенный до абсурда, превращает трудовые

⁵² Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект № 13-23-01009

отношения в товарно-денежные, где главным мерилom являются не долг, честь, достоинство, профессионализм, этика, а исключительно деньги.

Противоположные взгляды на работу характерны для представителей второй категории (32,7% россиян и 24,9% белорусов). Для них значимость материальной составляющей уже не так очевидна. Они настолько вовлечены в трудовую деятельность, что продуктивность их труда и самоотдача в работе вне зависимости от оплаты остаются на высоком уровне. Другими словами можно сказать, что для данной категории людей ценность содержания труда превосходит значимость заработка. Такое трудолюбие плохо сочетается с культивируемыми сегодня в обществе ценностями и ориентацией поведения людей на индивидуальное потребление и материальный успех.

Помимо указанных выше групп, при ответе на вопрос: «Чем лично для Вас является работа?» выявилась и третья категория – те, кто потенциально готов оставить трудовую деятельность, в случае если бы им не приходилось думать о заработке, что может выступать как значимая характеристика состояния общества. В условиях предложенной гипотетической ситуации материальной обеспеченности 23,8% жителей Орловской области и 20,9% жителей Витебской области говорят о том, что не хотели бы работать. Очевидно, что для этой категории работа отождествляется исключительно с заработком, а такие её важные содержательные и достижительные составляющие, как творчество, самореализация, уважение широкого круга людей, общественная значимость и другие остаются на периферии. Соответственно трудовая деятельность как таковая не рассматривается ими как ценность, а воспринимается лишь как обременительный инструмент достижения собственных целей.

При оценке изменений в социально-трудовой сфере особое значение имеет ценностная значимость работы и отдельных ее сторон в жизнедеятельности граждан. Согласно данным опроса, трудовые ценности занимают в иерархии высокое место, однако имеется сосредоточенность на внешних ценностях работы – оплате (второе место по значимости после семьи; ее выбрали 43,5% россиян и 35,7% белорусов), причем эта составляющая статистически надёжно опережает по частоте все иные аспекты работы. Т. е. труд сегодня становится деятельностью, основной целью которой является удовлетворение потребностей работника и его семьи. Причем в большей степени стремление хорошо зарабатывать свойственно россиянам.

Другие стороны трудовой деятельности, хотя и значимы для жителей наших стран, тем не менее, занимают в иерархии не такое высокое место. Такая ценность труда как интересная работа (соответственно, Россия – 23,0%, Беларусь – 16,6%), позволяющая проявить свои способности и таланты, занимает лишь шестое место (это смещение акцента со значимости процесса работы к значимости хорошего заработка становится особенно заметным, при сравнении данных 1986 г. и 2013 г. [3]). Выявленное количественное различие между нашими странами может свидетельствовать о большей важности содержательной составляющей для граждан России.

Карьера, власть остаются пока на периферии трудовых предпочтений жителей и России и Беларуси, занимая последние места в списке, т. е. активно-достижительные составляющие труда пока не находят распространения среди нашего населения.

Казалось бы, можно предположить, что наблюдающийся рост популярности ценности хорошего заработка должен был привести к определенным «жертвам» со стороны населения с целью его достижения, например, увеличении продолжительности рабочего времени и, следовательно, снижения значимости длительного отдыха. Однако выявленные факты не

подтверждают эти ожидания. Как показал опрос, большинство сегодня не готово к полной самоотдаче, даже при условии высокой оплаты. Так значительная часть жителей России и Беларуси (61,0% и 67,9% соответственно) не забывает о полноценном отдыхе – им свойственно работать в меру для обеспечения жизни необходимым без принесения жертв, т.е. они нацелены на сохранение определённого баланса, равновесия между работой и досугом. Подобная точка зрения, с одной стороны, свидетельствует о понимании большинством тех серьёзных последствий для здоровья, семьи, которые могут наступить, если отказываться от всего ради материального достатка. С другой стороны, это и некий уход от активности, инициативности, в какой-то мере даже переложение ответственности за свою жизнь на государство, работодателя, т.е. пример реализации стратегии дозированных усилий.

35,7% россиян и только 27,1% белорусов готовы много работать ради достижения материального благосостояния. Это активная, деятельная группа, нацеленная на интенсивный труд, которая может составить базис работников нового типа, обладающих значительным трудовым потенциалом, что адекватно условиям рыночной экономики.

Третья категория (в процентном соотношении это 3,3% жителей России и 5,0% жителей Беларуси) ориентирована на личную, семейную жизнь, причем ради нее они готовы довольствоваться небольшими заработками.

Подводя некий итог, можно отметить, что отношение россиян и белорусов к работе в значительной мере схожее. Для большинства жителей наших стран материальная заинтересованность выступает в качестве важного фактора, но при этом как россияне, так и белорусы не готовы жертвовать ради трудовых результатов свободным временем.

Литература

- 1 Сборник цитат, афоризмов, высказываний и фраз. URL: <http://citatu.com.ua/>
- 2 Российская социологическая энциклопедия / Год общ. ред. Г. В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА-М. 1999.
- 3 Федосеева М. А. Ценность труда в представлениях провинциала (на примере Орловского региона) // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №5.

О. Н. Шаева

СРАВНЕНИЕ В КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД ИЛИ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД?

ШАЕВА О. Н. – старший преподаватель и соискатель кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ. E-mail: shaeva.olga@gmail.com.

Наш основной тезис состоит в том, что в сравнительных исследованиях можно разделить собственно сравнительный метод, предполагающий специфические процедуры обработки данных и формулирования выводов, и сравнительный подход, подразумевающий сопоставление уже полученных результатов и выводов применительно к различным случаям.

Так, некоторые сравнительные кросс-культурные исследования подразумевают измерение одной и той же характеристики в различных условиях. В качестве данной характеристики могут выступать количественные показатели, отражающие состояние или

свойства социального явления (например, распространенность каких-либо ценностей, и мнений среди граждан [7], степени демократической трансформации социальной, политической и экономической структуры страны [6] и т. д.) или формы, которые принимает исследуемое социальное явление (например, формы семьи и родства [4] и т. д.). С нашей точки зрения, сравнение в подобных исследованиях присутствует в форме представления результатов и выводов, предполагающей их сопоставление. При этом выводы по отдельным случаям получаются независимо друг от друга и лишь затем сопоставляются. Собственно сравнительный метод, напротив, выступает не как способ измерения каких-либо характеристик, а как один из способов выявления эмпирических взаимосвязей между определёнными переменными при том, что остальные переменные контролируются [3].

Как сравнительный подход, так и сравнительный метод сопряжены с рядом трудностей и ограничений. В качестве ограничения сравнительного подхода традиционно выделяют проблему корректности использования одного и того же показателя для оценки исследуемого явления в различных контекстах. Данную проблему разрешают, например, использованием показателей в относительном, а не абсолютном выражении. Например, в рамках исследования «Глобальный индекс милитаризации» при расчете индекса для страны используются доли военного бюджета от общего объема ВВП, размер вооружённых сил в соотношении с размером населения и т. д. [2].

С нашей точки зрения, здесь возникает ещё одна трудность – само по себе сравнение значений показателей или форм социальных явлений для различных случаев не позволяет сделать исчерпывающего вывода об их сходствах или различиях. Для достижения данной цели значения показателей или формы должны быть оценены в соответствии с общим критерием, делающим возможным сравнение случаев. Данный критерий должен учитывать специфику контекста в каждом из рассматриваемых случаев и при этом быть универсальным, допускать применение для любого из рассматриваемых случаев. Обоим требованиям удовлетворяет критерий оптимальности значения показателя или формы социального явления, то есть их достаточности, функциональности, соответствия потребностям нормального функционирования социальной системы, потребностям социальных субъектов и т. д. в контексте каждого случая. Данная стратегия, однако, ставит вопрос о способе оценки оптимальности или неоптимальности значения показателя или формы социального явления. Возможными способами представляются использование внешней оценки (например, экспертной) или внутренней оценки (со стороны вовлеченных в исследуемое явление социальных субъектов).

Так, например, описанная стратегия была применена в рамках нашего диссертационного исследования, посвященного гражданско-военным отношениям в России и странах НАТО в сравнительной перспективе. Проиллюстрируем ее на примере одного из показателей, использовавшихся для сравнения – величины военного бюджета в объеме ВВП на примере двух стран (табл. 1).

Таким образом, только сравнение величины военного бюджета в абсолютном или относительном выражении не позволило бы получить полную картину достаточности и эффективности финансового обеспечения военной организации в России и Великобритании.

Таблица 1 Величина военного бюджета в объеме ВВП в России и Великобритании в сравнительном аспекте

Показатели	Россия	Великобритания
Величина военного бюджета в абсолютном выражении (в млн. долларов) в 2013 г.	87837	57891
Доля военного бюджета в объеме ВВП в 2013 г.	4,1%	2,3%
Оценка величины военного бюджета гражданами	18% граждан поддерживают увеличение военного бюджета (приведена одна из рассмотренных оценок).	18% граждан поддерживают сохранение величины военного бюджета, 21% - его сокращение.
Достаточность военного бюджета для обеспечения национальной безопасности (на основе экспертной оценки)	Достаточный, но сочетающийся с неэффективным расходованием выделенных средств.	Достаточный, но только в контексте коллективного обеспечения безопасности в рамках НАТО.
Источники данных: Stockholm International Peace Research Institute (2014), Левада-центр (2015), YouGov (2014), исследования автора.		

Что касается сравнительного метода, его ограничения и способы их преодоления обобщены, например, в статье Аренда Лейпхарта [3]. В качестве основного недостатка выступает большое количество включённых в анализ переменных при малом количестве объектов анализа, что осложняет анализ взаимосвязей при контролируемых переменных. Возможными способами разрешения данной трудности выступают:

- увеличение количества объектов анализа за счет расширения охвата исследования в пространстве и времени;
- объединение нескольких переменных, отражающих некое общее свойство, в одну переменную, например, с помощью факторного анализа;
- сравнение «сравнимых» случаев – схожих по значительному количеству значимых переменных;
- включение в анализ только переменных, значимых в рамках темы исследования.

Иными словами, подразумевается разрешение одной из составляющих проблемы сравнительного метода – либо проблемы большого количества переменных, либо проблемы малого количества объектов анализа, что требует дополнительной подготовки используемого в исследовании эмпирического материала.

Таким образом, результаты измерения показателей, характеризующих социальные явления в различных контекстах (странах, временных периодах), или характеристики принимаемых ими форм как в случае сравнительного подхода, так и в случае применения сравнительного метода служат исходным материалом, с которым должна быть проведена дополнительная работа для получения полных и обоснованных выводов.

Литература

- 1 Санкции Запада: последствия и реакция // Левада-центр. 2015. 3 февраля. URL: <http://www.levada.ru/03-02-2015/sanktsii-zapada-posledstviya-i-reaktsiya> (08.02.2015).
- 2 BICC's Global Militarization Index 2014 [Электронный ресурс] // Bonn International Center for Conversion. Систем. требования: Adobe Reader. URL: http://gmi.bicc.de/uploads/pdf/2014/141209_GMI_En.pdf (08.01.2015).

- 3 Lijphart A. Comparative Politics and the Comparative Method // The American Political Science Review. 1971. Volume 65, Number 3. P. 682-693.
- 4 Murdock, G. P. Social Structure. New York: The MacMillan Company, 1949.
- 5 SIPRI Military Expenditure Database // Stockholm International Peace Research Institute. URL: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database (07.02.2015).
- 6 TransformationIndex BTI 2014 // Bertelsmann Stiftung. URL: <http://www.bti-project.de/bti-home/> (20.10.2014).
- 7 Welcome to the World Values Survey site // World Values Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (07.02.2015).
- 8 YouGov Survey Results [Электронный ресурс] // YouGov. URL: http://cdn.yougov.com/cumulus_uploads/document/1h5n03329x/A_DEFSEC_1.pdf (08.02.2015).

А. А. Широканова
АЛЬТРУИЗМ ЦЕННОСТЕЙ САМОВЫРАЖЕНИЯ:
ТЕСТ НА ДАННЫХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ШИРОКАНОВА А. А. – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета, ассоциированный исследователь ЛССИ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: shirokanova@bsu.by.

В теориях изменения ценностей разные авторы предпринимают попытки концептуализировать новые ценности, касающихся высокоразвитых демократических обществ и не объяснимых уровнем экономического благосостояния. В рамках Мирового исследования ценностей (WVS) широкую апробацию получили «ценности самовыражения», репрезентирующие совокупность ценностных ориентаций, подчеркивающих свободу выражения и равенство возможностей, при этом «высокий уровень индивидуализма сопровождается высоким уровнем независимости и распространения ценностей самовыражения», по разным методикам [1, 203]. Согласно данным К. Вельцеля, значимость этих новых ценностей, подчеркивающих свободу выбора индивида, растёт в 41 из 52 наблюдаемых стран мира [2, 159]. В рамках Европейского социального исследования (ESS) апробацию получила методика измерения базовых ценностей Ш. Шварца, в рамках которой Дж. Фонтен с коллегами определили «ценности роста», сочетающие самостоятельность, универсализм, благожелательность, риск-новизну и гедонизм, или, на более высоком уровне, открытость к изменениям и выход за пределы собственного «я» [3, с. 347].

С точки зрения обсуждения социальных последствий данных ценностных изменений, определенную роль играет вопрос о том, как эти ценности самовыражения связаны с просоциальными ориентациями в поведении. Согласно Р. Инглхарту и К. Вельцелю, ярко выраженные ценности самовыражения связаны с новыми формами социального капитала, доверием к незнакомцам и альтруизмом, т.е. с большей гражданственностью [1, с. 211–215; 2, с. 172].

С методологической точки зрения, интерес представляет верификация соответствия ценностей самовыражения и гражданственности на основе различных международных исследований ценностей. В WVS, начиная с 2005 г., внедрена короткая 10-вопросная версия опросника Ш. Шварца о базовых ценностях, на основе которой ценности самовыражения были сопоставлены с измерением эгоизма/ альтруизма, доверием, социальным капиталом [2]. В опроснике ESS используется 21-вопросная версия опросника Шварца. В [4] была предложена адаптированная версия ценностей самовыражения на основе ESS, которая на страновом уровне по Европе коррелировала с оригинальной шкалой на уровне $r=0.95$ [4, с. 1631].

Возможно ли протестировать соответствие адаптированной версии «ценностей самовыражения» ценностям альтруизма на данных ESS? Их соответствие будет очередным подтверждением теории К. Вельцеля на европейской выборке, а также может продемонстрировать валидность данной версии ценностей самовыражения для ее дальнейшего применения в рамках ESS.

Эмпирическая основа анализа – 6-я волна ESS (2012). Элементы ценностей самовыражения, не включающие изначально ценностей альтруизма и социального капитала, это: оправдание гомосексуализма, аборта, развода (по опроснику 6-й волны, V203-205); равные права на работу для женщин, политическое лидерство для мужчин и женщин, важность университетского образования для мужчин и женщин, право женщины на ребёнка вне стабильных отношений (V45, V51, V52, V59); независимость и воображение в воспитании детей и незначимость в нём веры и послушания (V12, V15, V19, V21). Для построения индекса сначала все вопросы стандартизируются от 0 до 1 (1= ценности самовыражения). Далее создаются субиндексы сексуальной свободы, гендерного равенства и личной автономии от 0 до 1 путём вычисления средних по сумме соответствующих вопросов. Среднее по трем субиндексам даёт индекс ценностей самовыражения [2, 157-159]. Элементы аналога ценностей самовыражения в ESS – это: межличностное доверие (A3), подписание петиций (B15), счастье (C1), оправдание гомосексуализма (B27), уменьшение правительством разницы в уровне доходов (B26) [4, 1631].

Вельцель использует метод главных компонент для определения значения каждого респондента по шкале эгоизма/альтруизма и коллективизма/индивидуализма, соответствующих подтвержденным на межстрановой выборке дихотомиям самоутверждения/выхода за пределы «я» и сохранения/открытости изменениям [2, с. 154; 3, с. 354]. Значение каждой ценности представлено как отклонение от средних значений ответа респондента («ипсатизация» для контроля за стилем ответов); пропущенные значения удаляются списочно; полученные значения по двум компонентам сохраняются как переменные – что отличается от процедуры Шварца, основанной на многомерном шкалировании [2, с. 160; см. 5]. Далее Вельцель производит многоуровневый регрессионный анализ на значения оценок «эгоизм-альтруизм», где, кроме ценностей самовыражения, контролируются пол, возраст (полных лет), образование респондента (9-балльная шкала) и страновой уровень ценностей самовыражения. Переменные индивидуального уровня, за исключением пола, центрируются на уровне группы; переменные странового уровня – на уровне глобального среднего, поскольку интересен модулирующий эффект распространенности ценностей самовыражения в стране [6, с. 132], который подтверждают данные WVS [2, с. 165].

Для повторения данной процедуры на данных ESS возьмём те же индикаторы базовых ценностей Шварца, что доступны в WVS, ипсатируем индивидуальные значения и сократим пространство до двух главных компонент коллективизма/индивидуализма (результат:

безопасное окружение, следование правилам, уважение традиций – креативность, удовольствие, поиск приключений) и эгоизма/альтруизма (результат: быть богатым и успешным, с одной стороны, и помогать людям и заботиться о природе – с другой). Для расчёта адаптированных ценностей самовыражения преобразуем все указанные индикаторы от 0 до 1, суммируем их, рассчитаем среднее. Для определения среднестрановых показателей агрегируем рассчитанные индексы.

Далее проведём двухуровневый регрессионный анализ ценностей самовыражения на оценки компоненты эгоизма-альтруизма. Для расчёта псевдо-R-квадрата сначала оценим «пустую» модель анализа вариации (без независимых переменных). Затем рассчитаем одноуровневую модель (аналог OLS-регрессии). Наконец, рассмотрим двухуровневую модель со свободным уклоном ценностей самовыражения (SEV) и фиксированными эффектами пола, возраста, образования:

$$\begin{aligned}
 & \text{Альтруизм} = \beta_{0j} + \beta_{1j} * (\text{возр}_{ij}) + \beta_{2j} * (\text{SEV}_{ij}) + \beta_{3j} * (\text{пол}_{ij}) + \beta_{4j} * (\text{обр}_{ij}) + r_{ij} \\
 \beta_{0j} &= \gamma_{00} + \gamma_{01} * (\text{SEV_глоб.ср.}j) + u_{0j} \\
 \beta_{1j} &= \gamma_{10} \\
 \beta_{2j} &= \gamma_{20} + \gamma_{21} * (\text{SEV_глоб.ср.}j) + u_{2j} \\
 \beta_{3j} &= \gamma_{30} \\
 \beta_{4j} &= \gamma_{40}
 \end{aligned}$$

В формуле 1 возраст («возр») и образование («обр») рассчитаны как средние по стране; на уровне страны ценности самовыражения (прямой эффект и модерация индивидуальных ценностей) рассчитаны как глобальное среднее. Результаты моделирования представлены в таблице 1.

Таблица 1 Многоуровневая модель оценки альтруизма адаптированных ценностей самовыражения в Европейском социальном исследовании (ESS)

Зависимая переменная: оценки компоненты эгоизм-альтруизм	
Точка пересечения	-0,129 (-2,9)**
Страновые эффекты:	
Ценности самовыражения	-4,064 (-7,3)***
Фиксированные индивидуальные эффекты:	
Женский пол	0,259 (17,6)***
Возраст	-0,015 (-25,4)***
Уровень образования	-0,039 (-1,5), н.з.
Свободные индивидуальные эффекты:	
Ценности самовыражения	-0,859 (-18,7)***
* Ценности самовыражения (страна)	-5,534 (-8,3)***
Объясненная вариация зависимой переменной:	
Внутристрановая	19,7%
Межстрановая	94,3%
Коэффициент внутриклассовой корреляции (ICC)	4,3%
Количество единиц анализа:	
Первый уровень (индивидов)	47855
Второй уровень (стран)	29

Пояснение: представлены нестандартизированные коэффициенты регрессии с t-оценками в скобках. Индивидуальные переменные (кроме женского пола) центрированы на

уровне страны. Страновые переменные центрированы на межстрановом уровне. Расчёт ценностей самовыражения по [4]. Двухуровневая модель рассчитана с помощью HLM 7,0. Объясненная вариация рассчитана по упрощенной формуле Роденбуша и Брика (2002). Данные: ESS6 (2012). Из общей вариации 14.7% приходится на межстрановой уровень. *** $p < .001$; ** $p < .01$; н.з.=не значим.

Результаты показывают значимое влияние адаптированных ценностей самовыражения. По сравнению с анализом на мировой выборке стран [2], в данной модели значима легкая негативная связь ценностей самовыражения и альтруизма на внутрискановом уровне, и с учетом странового уровня она только усиливается. Это может быть связано с большей однородностью выборки европейских стран, где среднее значение адаптированного индекса составило 0,56 (СКО=0,08), а также с включением в адаптированный индекс ценности перераспределения доходов. В целом, связь ценностей самоопределения с альтруизмом в данном случае оказалась негативной, что не соответствует теории К. Вельцеля и требует дальнейшего изучения.

Литература

- 1 Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- 2 Fontaine J.R.J. et al. Structural Equivalence of the Values Domain Across Cultures: Distinguishing Sampling Fluctuations From Meaningful Variation // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2008. № 39(4). P. 345–365.
- 3 Welzel C. How Selfish Are Self-Expression Values? A Civicness Test // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2010. № 41(2). P.152–174.
- 4 Rudnev M. Value Adaptation among Intra-European Migrants // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2014. № 45(10) P. 1626–1642.
- 5 Терещенко О. В., Курилович Н. В., Князева Е. И. Многомерный статистический анализ данных в социальных науках. 2012. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/97909>.
- 6 Enders C. K., Tofighi D. Centering Predictor Variables in Cross-Sectional Multilevel Models: A New Look at an Old Issue // Psychological Methods. 2007. № 12(2). P. 121–138.

И. С. Шушпанова

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН ОБЩЕСТВЕННЫМ СТРУКТУРАМ И ИНСТИТУТАМ ВЛАСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ШУШПАНОВА И. С. – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН. E-mail: i.s.shushpanova@mail.ru.

Многие социологические исследовательские организации занимаются составлением различных рейтингов и индексов, отражающих социальное самочувствие, социальное настроение, протестную активность, уровень тревожности, благополучия и другие важные параметры жизнедеятельности общества. Так, зачастую в методику подобных исследований

включается измерение отношений к различным общественным структурам и институтам власти, действующим в стране. Анализируя такое отношение, многие исследователи пользуются инструментами, измеряющими «доверие» и «одобрение» деятельности того или иного института или конкретного лица.

Понятие «доверие» в данном контексте предполагает наличие у респондента положительного настроения, представления и отношения к определённому институту или структуре (эмоционального, поведенческого, когнитивного и других компонентов) в настоящем времени, а также определенного ожидания от него в будущем. Доверие включает в себя пролонгацию отношения респондента в настоящем на будущее, в зависимости от внутренних или внешних факторов снижая или увеличивая его уровень. Таким образом, определённый уровень доверия или недоверия респондента различным институтам может также рассматриваться как система определённых отношений в настоящем и ожиданий в будущем, сформированная на основе сегодняшних представлений, взглядов, личного опыта, средств массовой информации, общественного мнения и других факторов.

«Одобрение» или «не одобрение» респондентом деятельности политического, социального института носит более конкретный характер, отражая отношение респондента к действиям данного института только лишь в настоящем времени. Здесь респондент высказывает свое мнение, имея в виду конкретную деятельность института на данный момент, одобряя или не одобряя проведенную им политику.

Проанализируем результаты исследований, полученных с использованием двух разных подходов. В таблице 1 представлены данные исследовательских организаций, измеряющих отношение россиян к различным институтам и структурам. Здесь приведены количественные данные числа респондентов, выбравших альтернативу «доверяю» (исследование Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН) и «одобряю» (исследование ВЦИОМ).

Таблица 1 – Сравнение числа респондентов, доверяющих общественным институтам и структурам власти и одобряющих их деятельность

Институт, структура	Процент респондентов, выбравших вариант ответа:		Разница
	«доверяю»	«одобряю»	
Президент РФ	70	86,9	-16,9
Правительство РФ	46	61,5	-15,5
Совет Федерации	36	46	-10
Государственная Дума	25	49	-24
Администрация Президента РФ	40	-	-
Совет Безопасности	40	-	-
Общественная палата	23	41	-18
Полиция (правоохранительные органы)	19	49	-25,5
Суд, прокуратура (судебная система)		40	
Армия	57	69	-12
Профсоюзы	19	37	-18
Церковь	52	65	-13
Партии, политические движения	18	41	-23
Общественные организации	27	-	-
Руководители регионов	33	-	-
Средства массовой информации	17	61	-44
Банковские, предпринимательские круги	12	-	-

Институт, структура	Процент респондентов, выбравших вариант ответа:		Разница
	«доверяю»	«одобряю»	
Источники: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН. Исследования проведены при финансовой поддержке РФФИ - проект № 13-06-00166 «Социологический мониторинг «Социально-политические риски устойчивого развития российского общества в условиях мирового экономического кризиса 2013 - 2015 гг.», проект № 14-06-10004 «Научный проект проведения полевого этапа социологического исследования на тему: Социально-политические риски устойчивого развития российского общества в условиях мирового экономического кризиса 2013 - 2015 гг.» и РГНФ, проект № 14-03-00321 «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг». Результаты исследований ВЦИОМ: http://wciom.ru/ratings-state-institutions/ и http://wciom.ru/ratings-social-institutions/			

В рамках мониторинга «Как живешь, Россия?», респондентам был задан вопрос «Определите, пожалуйста, свое отношение к действующим в стране общественным структурам и институтам власти». Гражданам предлагалось выбрать один вариант ответа из альтернатив «доверяю», «не доверяю», «затрудняюсь ответить». По данным Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, в декабре 2014 г. структура доверия государственным политическим институтам в порядке убывания выглядела следующим образом: Президент РФ (70%), армия (57%), Правительство РФ (46%), Администрация Президента РФ (40%), Совет Безопасности (40%), Совет Федерации (36%), руководители регионов (33%), Государственная Дума (25%), полиция, суд, прокуратура (19%). Среди общественных, социальных институтов наибольшим доверием у граждан пользовались: церковь (52%), общественные организации (27%), Общественная палата (23%), профсоюзы (19%), партии и политические движения (18%), СМИ (17%), банковские, предпринимательские круги (12%).

Другой подход использован во всероссийском опросе ВЦИОМ, проведенном в декабре 2014 г. Респондентам задавался вопрос: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность...?» Россиянам предлагалось выбрать один вариант ответа из альтернатив «одобряю», «не одобряю», «затрудняюсь ответить». Здесь структура одобрения деятельности государственных институтов следующая: Президент РФ (86,9%), армия (69%), Правительство РФ (61,5%), правоохранительные органы (49%), Совет Федерации (46%), судебная система (40%). А рейтинг одобрения деятельности социальных, общественных институтов, по данным ВЦИОМ, представлен в следующем распределении: церковь (65%), СМИ (61%), Общественная палата (41%), политические партии (41%), профсоюзы (37%).

Сравнительный анализ двух подходов показывает, что измерения «доверия» и «одобрения», высказанные респондентами по отношению к общественным институтам и структурам власти, даёт разные результаты. Используя континуум «одобряю – не одобряю», процент респондентов, выбравших положительную альтернативу, существенно выше, чем при измерении на континууме «доверяю – не доверяю». Наибольшая разница зафиксирована в оценках респондентов своего отношения к СМИ. Число россиян, доверяющих СМИ, составляет 17%. В то же время одобряют деятельность СМИ 61% респондентов. В целом наибольшая разница между количеством доверяющих граждан и одобряющих деятельность прослеживается в отношении респондентов к институтам гражданского общества.

С целью сравнения подходов к измерению доверия различным институтам приведем данные международного мониторинга «Edelman trust barometer. Global results 2015», проведенного исследовательской организацией «Edelman». Рассмотрим результаты данного исследования (рис. 1). Респондентам из различных стран предлагалось оценить степень их

доверия общественным организациям, средствам массовой информации и правительству с помощью девятибалльной шкалы, где 1 – «полностью не доверяю», а 9 – «полностью доверяю».

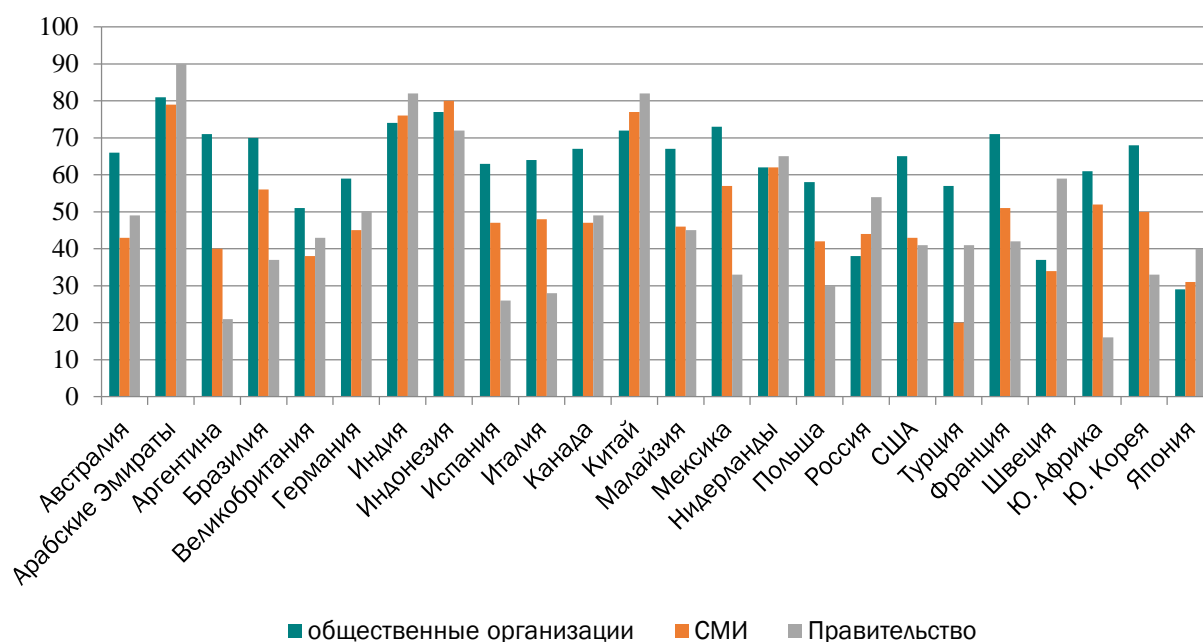

Рисунок 1 – Распределение числа респондентов в разных странах, доверяющих общественным организациям, средствам массовой информации и правительству, % доверяющих респондентов

Источник: Edelman Trust Barometer 2015.

URL: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2015-edelman-trust-barometer/trust-around-world/>

В большинстве стран более половины граждан доверяли общественным организациям. Однако, в России, Швеции и Японии количество респондентов, доверяющих общественным организациям, не превысило 40%. Высокий уровень доверия граждан СМИ зафиксирован в Объединенных Арабских Эмиратах, Индии, Индонезии и Китае (более 70% доверяющих). Самый низкий процент доверяющих граждан СМИ отмечался в Турции (20%). К странам с высоким уровнем доверия граждан Правительству относятся Объединенные Арабские Эмираты, Индия, Индонезия и Китай (более 70% доверяющих). Менее трети респондентов доверяли Правительству в следующих странах: Аргентина, Испания, Италия, Польша и Южная Африка.

В целом, по результатам исследования «**Edelman Trust Barometer 2015**» можно проследить следующие тенденции: чем выше уровень доверия респондентов исследуемым институтам, тем меньше разница индивидуальных оценок доверия между этими институтами. Так, если число доверяющих граждан общественным организациям, СМИ, Правительству превышает 60%, то разница оценок доверия между данными институтами в среднем не превышает 10%. Данная тенденция отражена в следующих странах: Объединенные Арабские Эмираты, Индия, Индонезия, Китай, Нидерланды.

Различные подходы к измерению доверия респондентов общественным институтам и структурам власти и одобрения их деятельности дают возможность разностороннего анализа

социальной реальности и жизнедеятельности общества с точки зрения прошлого, настоящего и будущего. Сопоставляя результаты исследований, можно зафиксировать актуальные латентные тенденции и противоречия, складывающиеся в обществе и нуждающиеся в дальнейшем изучении.

H. I. Shcherba
CROSS-BORDER COOPERATION OF UKRAINE IN TERMS OF THE ECONOMIC CRISIS

SHCHERBA Halyna I., Lviv National Ivan Franko University.

Formulation of the problem: Today, the borders between states significantly transformed. One of the characteristics this transformation is intensive interaction borderland population, creating the conditions for the formation of new identities. An example of this is the Carpathian region, where these processes are the most distinctive feature of its development.

Cross-border cooperation is defined as any concerted action designed to reinforce and deepen good-neighborly relations between territorial communities or authorities under the jurisdiction of two or more contracting parties and the conclusion for this purpose any necessary agreements or arrangements [1]. Intensification of Euro-regional cooperation is due primarily implementation of common European goal - providing the relative transparency of borders between EU members. Modern regional policy of the EU on the development of cross-border regions aspiring to find new forms of cross-border cooperation in order to achieve a comprehensive integrated space. Most EU member states have already come to euroregional form of CBC as a unified structure that coordinates cooperation and, in many cases, serves as the organizational and financial center of cross-border projects. But due to the development of international competition and increasing the role of regions in independent solution of its problems, this was not enough. Thus, began to operate "European grouping of territorial cooperation", "cross-border partnerships", "cross-border clusters" and "cross-border industrial zones", "cross-border innovation projects", "klondiking", "cross-border regions of knowledge" and so on.

In Ukraine within the European regions have already been developed and implemented programs (projects) CBC. However, experts point out that much of the signed regional level agreements and memoranda - is more likely to letters of intent, a statement of the mutual desire of the parties to establish effective cooperation than the development of specific plans, programs of measures and mechanisms for their implementation. The main reason for the low implementation of planned projects is mainly the lack of financial support from the state, as well as its own funds and powers of local authorities.

Analysis of the main research and publications with solution of this problem. Research trends of social change in Ukraine and Europe, the economy and living standards dealing E. Golovakha, and A. Gorbachyk. Great achievements of papers relating to ethnic structure border and ethnic groups generally made V. Yevtukh. The research frontier cultures involved are Polish scholars as K. Czirzevski, G. Krasovska, Z. Kurcz, W. Kawałko, M. Malikowski and others. The issue of border areas and cross-border cooperation developed I. Mykhasyuk, M. Malsky, N. Mikula, I. Studennikov, R. Fedan. Issues related to the functioning of the Carpathian region and the Carpathian Euroregion

is the subject of analysis works of such scholars as C. Mitryayeva, V. Pyla, V. Shvetsov, I. Shkola and others.

However, many problems related to the functioning of border regions of Ukraine in the new geopolitical conditions in the context of EU enlargement and change the status of transborder regional co-operation in the renewed EU, were not studied. Fragmentation of developments stipulates the necessity of systematic study of theoretical and applied principles of macro- and meso-regional integration. There is also a need for rethinking the general model of interregional / cross-border cooperation of Ukraine under the new conditions of European integration. Special attention deserves intensification of cross-border cooperation of western border regions of Ukraine with eastern border regions of the EU – states of Central and Eastern Europe.

The aim of the article is to study the impact of cross-border cooperation on the development and management of border regions of Western Ukraine. Implementation of this objective requires an examination of issues such as the benefits of cross-border cooperation, the problems to be solved in the process, the impact of cross-border cooperation for socio-economic development.

The main material. Currently complicated process of cross-border cooperation, because there are disparities in social and economic development of border regions. Therefore, an important task is to align the position of CBC border regions of neighboring countries, and most importantly - the level of living. In order to achieve this goal created Euroregions as a form of cross-border cooperation [6]. Ukraine has a land border with four EU states. Along the borders of Poland created 18 European regions, two of which, namely Carpathian Euroregion and Euroregion "Bug" was created with the participation of Ukrainian regions, including Lviv region of Ukraine [8, p. 41]. This cross-border cooperation can be an effective way for regions to put their economy on a competitive level, to significantly lower the unemployment rate, which is especially important in the western regions of Ukraine.

Although Poland and Ukraine have 500 km of common border, cooperation is not as effective as was on the Polish-German border. In 2004, before Poland's accession to the European Union, on the Polish-German border were more than 50 points on them today with Ukraine only 12, six and six rail road, of which only one is accessible to bicycle-pedestrian traffic.

Of course, implementation the programs of cross-border cooperation is co-dependent from the mechanism for funding. Overall funding is provided from appropriations of state and local budgets (usually), and other extra-budgetary sources, such as funds NGOs, financing foreign donor programs, etc. At present sources of funding projects CBC is the only funds from local budgets and from international technical assistance, resulting in slower pace of cross-border cooperation [6].

Law of Ukraine "On the Cross-Border Cooperation" involves the allocation of financial support CBC for funds from the state budget [7], but according to the current financial mechanism within the State Program these funds practically not allocated [8, p. 46]. As a result, funded only those regions of Ukraine bordering the EU member states, because funds on realization of projects, including cross-border cooperation, coming from authorities of the European Union, particularly within the implementation of programs of the European Neighbourhood and Partnership Instrument in 2007–2013, total funding which is more than 500 million euros, which is much higher than in 2004–2006 (Table 1). However, sources of funding Carpathian Euroregion is also still Carpathian Euroregion Development Fund and the Foundation Revival [4, p. 295].

One of means enhancing foreign economic activities is also the creation of free economic zones. A free economic zones creating in border areas characterized by the growth of industrial and social infrastructure, stimulating the development of production and the social sector in the region,

allows to get more profits from the export and import of goods, obtain new technology and management methods, providing appropriate training and job creation, stimulating scientific and technological development, ensures the release of funds for the improvement of ecological situation in these regions. Maximum positive results of activities of free economic zones at the lowest cost provided the establishment of foreign trade zones with different specializations.

Especially effective, take in accounts the available human resources, qualifications and specialization, developed transport infrastructure, is forming in the western border areas of industrial-trade and export-industrial zones [5, p. 12].

One of the organizational forms of cross-border cooperation can be a cluster. Fact exactly clusters are the most effective form of economic development. They allow to take into account the interrelationships and interdependencies between enterprises regions of neighboring countries, to ensure a high level of competitiveness through coordination and the effect of interpenetration. Effectiveness of clusters at lower levels of territorial asymmetry is based on the main reasons for its occurrence, ie, different levels of economic development in different areas. Clusters allow reduce costs, improve competitiveness and thus provided the economic development of the region [9, p. 196]. In the Carpathian region already exist several types of clusters, such as transport and logistics cluster of Transcarpathia, tourism cluster "Seven Wonders of Ukraine", Lviv cluster of IT and business services, cluster of biotechnology and others. Cooperation is carried out in all spheres of life. Significant results were obtained in the areas of environmental protection, environmental safety, scientific-educational and cultural. Conducting joint conferences, seminars, "round tables" and meetings of representatives of border regions and participants Euroregions on CBC is a permanent and effective source of information for the development of Euro-regional cooperation and issues of regional development [3, p. 430].

Among the main priorities in the development of cross-border cooperation of Ukraine can be identified: strengthening the competitiveness of Ukrainian territories on the borders, construction of necessary infrastructure, concluding cross-border agreements with neighboring countries, development net of centers logistics and business support, coordination of socio-economic and environmental development of the border regions, harmonization legislation of Ukraine with the laws of neighboring countries [10, p. 32].

Necessity intensification cross-border cooperation in modern conditions caused by several factors:

- 1 the presence of joint cross-border problems that need to be addressed through joint efforts;
- 2 the necessity harmonized regional development and economic cooperation, increasing regional competitiveness and living standards peripheral border areas;
- 3 problems of transport and business infrastructure;
- 4 needs of tourism development;
- 5 common problems in the sphere of ecology and the environment;
- 6 the necessity to enhance human capital of regions, the development of science, education and culture;
- 7 the necessity to implement the ideas of European integration and deepening good-neighborly relations [1, p. 687].

As a result of cooperation observed the positive tendencies of foreign economic activity of the border areas, increasing the number of joint ventures and investments in Ukraine's economy from neighboring areas. In the border areas is carried out a significant proportion of export-import operations. In general, in the dynamics, the foreign trade turnover of regions is growing. And usually, largest share of exports and imports of the region makes the country that borders with this region.

Analyze the basic economic aspects of activities the Euroregion "Bug", by an example of Volyn region, and the level of cross-border cooperation in the Carpathian Euroregion by an example of Lviv region. It should be noted that the main purpose of participants Euroregion "Bug" is the development of trade and economic relations. Specifically, in 2009 Poland became the second and Belarus - seventh partner of Volhyn region in size of foreign trade among the 85 countries with which the region involved in export and import operations. Within the Carpathian Euroregion Lviv region most cooperating with Poland, its closest neighbor and the least – with Romania – its farthest partner [2].

As you can see, border cooperation plays an important role in social and economic life of the regions, therefore necessary to take measures for its intensification and deepening. First of all it is necessary to take into account that the Ukrainian and Polish borderlands have many common features with regard to the development of education, employment structure, high unemployment, migration of population and development sector NGOs. In addition, in the sphere of socio-economic development of the border areas important to attract people to work, using the tools to create new jobs. This requires provide support all types of measures "from people to people" and encourage cooperation between local communities. This, in turn, contribute to social cohesion Ukrainian and Polish inhabiting the border region. There are good prospects for cooperation between local and regional authorities, as well as various institutions for ensuring border security, and for implementation and organizing various events (cultural, commercial, youth exchanges, conferences, scientific seminars, sporting events, etc.).

Conclusions. Thus, the implementation of the above priority directions of development the border areas of Ukraine and Poland will increase their level of socio-economic development, deepen good-neighborly relations between them, and cross-border cooperation in particular. Which in turn, will improve national external indicators, namely increasing the circulation of goods and services, attracting new investments in the national economy and promoting the development of small and medium enterprises, and so on.

Research and improvement of new forms of cross-border cooperation, particularly clusters would increase productivity, accelerate the pace of innovation, specialization in a particular field of activity based on geographical concentration in one or more adjacent territories, community of skills and technologies, training highly skilled specialists, construction of strong infrastructure, facilitating transborder or interregional cooperation with EU countries for economic and social cohesion, strengthening and developing cooperation in the interests of the population, facilitating the exchange of information, and more.

References

- 1 State regional policy in Ukraine: characteristics and strategic priorities: Monograph / Ed. by Z. S. Varnaliy. Kyiv, 2007. 720 p.
- 2 European Outline Convention on Transborder Cooperation between Territorial Communities or Authorities (May 21, 1980 in Madrid). Council of Europe. 35 p.

- 3 Information of Lviv Regional State Administration. <http://stat.lviv.ua/ukr/si/year/2009/tl099097.pdf>.
- 4 Mikula N. CBC regions of Ukraine: status and prospects // In: Strategic Priorities. Kyiv, 2006. No 2. P. 423–432.
- 5 Mokrynska Z. V. Financial aspects of cross-border cooperation // In: Economic Analysis. Kyiv. 2010. No 5. P. 295–298.
- 6 Petrenko Z. O. Border cooperation in the context of European integration course of Ukraine: Abstract of dissertation of PhD by specialty 08.05.01 / National Academy of Sciences of Ukraine. Institute of World Economy and International Relations. Kyiv, 2001. 17 p.
- 7 On approval of the State Program of Development of Cross-Border Cooperation for 2011-2015: Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine on 01.12.2010 No 1088 // Government Courier. 2010. No 230.
- 8 On cross-border cooperation: The Law of Ukraine. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=1861-15>.
- 9 Mikula N. A., Borschevsky V. V., Vasylytsiv T. G. The problems of cross-border cooperation of Ukraine in the conditions EU enlargement: monograph. Lviv: League Press, 2009. 436 p.
- 10 Storonyanska I., Schultz S. Interregional integration in Ukraine / Ed. by M. I. Dolishniy, P.Y. Belenki. National Academy of Sciences of Ukraine. Institute of Regional Research. Lviv, 2007. 292 p.
- 11 Studennikov I. Cross-border cooperation as a mirror of regional policy in Ukraine // In: Economic magazine. Kyiv, 2005, No 1–2, p. 1–34.
- 12 Shcherba H. I. The role of European regions and cross-border cooperation in the functioning of social space in Europe // In: Ukrainian socium. Kyiv. 2008. No 3 (26). P. 41–53.
- 13 Shcherba H. I. Priority directions of cross-border cooperation of Ukraine in the social space of Eastern Europe // In: International scientific forum: sociology, psychology, education, management: Proceedings of National Pedagogical Dragomanov University. K., 2011. Vol. 7. P. 128–141.

М. Н. Яковлева

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ
ПРОВИНЦИИ**

ЯКОВЛЕВА М. Н. – научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: m-m-21-42@mail.ru.

Сегодня перед странами на постсоветском пространстве как никогда остро стоят задачи модернизации экономик и интеграции. Возможные пути решения этих задач, как это видно на примере Украины, во многом зависят от состояния духовно-нравственной сферы наших обществ, теми трансформациями, которые произошли за последнюю четверть века нашего раздельного существования. В этой связи возникает необходимость в сравнительном анализе ценностных ориентаций россиян и белорусов – наиболее близких народов на постсоветском

пространстве, которые последнюю четверть века прожили в различающихся социально-экономических системах.

Результаты сравнительного российско-белорусского исследования⁵³ подтверждают общность социокультурного пространства в российской и белорусской провинции, позволившей сохранить единство базисных ценностей и установок россиян и белорусов. Сохраняется приоритет основных терминальных ценностей населения обеих стран: на первом месте семейные ценности (более 70%), на втором – потребность хорошо зарабатывать, чтобы иметь возможность ни в чем себе не отказывать (43,5% в России и 35,7% в Беларуси), на третьем – уверенность в завтрашнем дне, наличие благоприятных перспектив (ценность, которая отчетливо проявляется сегодня, но в советское время она не играла роль терминальной, поскольку тогда данное состояние общества воспринималось как само собой разумеющееся) - более 30%.

Однако кардинальное изменение общественного строя в России, смена вектора общественного развития не могли не привести к деформации всей системы ценностей, социальных установок и жизненных ориентиров россиян. В результате за прошедшие годы в ближайшем социальном окружении россиян гораздо меньше стало людей, имеющих позитивные социальные установки, и намного больше тех, кто ведет себя в соответствии с негативными установками. Так, по сравнению с советским периодом россияне намного реже (в 3 раза) отмечают, что в их ближайшем социальном окружении почти все или большинство людей уверены в завтрашнем дне, и в 1,7 раза реже – что почти все стремятся работать как можно лучше. На 25% снизилась доля россиян, социальное окружение которых состоит в основном из людей отзывчивых, всегда готовых прийти на помощь [1, с. 58].

Беларусь, напротив, в значительной степени ориентировалась на сохранение социального характера государства и ценностно-нормативной системы, сформированной в Советском Союзе. Это неизбежно обусловило различия в изменении стандартов повседневного поведения и тесно связанных с ними инструментальных ценностей россиян и белорусов.

На сегодняшний день очевидна большая степень деформации духовно-нравственной сферы российского социума по сравнению с белорусским. Получивший в России распространение культ материального успеха, активно рекламируемый СМИ, привёл к тому, что в общественном сознании происходят не просто некоторые подвижки, а происходит перестраивание нравственных критериев в сторону прагматико-приспособительского доминирования.

Среди россиян по сравнению с белорусами вдвое больше тех, кто согласен, что такие понятия, как общественная польза, национальный интерес, патриотизм и т. п. утратили какой-либо смысл. Данные нашего исследования свидетельствуют о том, что процесс ослабления патриотических чувств идёт и в белорусском обществе, но происходит это медленнее.

Говоря об инструментальных ценностях, можно констатировать, что в обеих странах сложилась особая система ценностей и способов решения жизненных проблем и достижения благополучия, основанная на приоритете денег и протекционизма («связи с нужными людьми»). Но если в России первую тройку замыкает инструментальная ценность умения приспособиться, то в Беларуси второе место, опережая протекционизм, твёрдо занимает трудолюбие,

⁵³ Исследование проведено при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект №13-23-01009. Было опрошено 900 человек взрослого населения в Орловской области в октябре 2013 г. и 900 человек в Витебской области (Беларусь) в январе 2014 г.

добросовестное отношение к делу, без которых невозможно эффективное развитие экономики любой страны.

Также белорусами заметно выше оценивается роль способностей, таланта и образования для достижения успеха, а роль приспособленчества, напротив, ниже, чем россиянами. Об очевидном снижении за последнюю четверть века социально-нравственного потенциала современного белорусского и в ещё большей степени российского общества свидетельствует то, что каждый четвёртый россиянин и каждый пятый белорус признают аморальное и криминальное поведение как факторы успеха.

Произошедшая инверсия стандартов повседневного поведения и тесно связанных с ними инструментальных ценностей приводит к неопределённости базовых социальных ожиданий, распаду норм, регулирующих социальные взаимодействия. Можно говорить об активном расширении в России зоны действия негативных норм за счет сужения зоны действия позитивных, в результате чего стремление лучше работать здесь заменяется на лучше потреблять; отзывчивость, взаимопомощь – на эгоцентризм; уверенность в завтрашнем дне – на национальную и социальную напряженность. В белорусском обществе данная тенденция хотя и имеет место, но проявляется на сегодняшний день значительно в меньшей степени. Здесь первые позиции в иерархии норм в социальном окружении людей всё ещё сохранили такие позитивные взаимосвязанные социальные нормы как стремление работать как можно лучше, отзывчивость, готовность прийти на помощь другим людям. Тем самым в плане нравственного здоровья белорусское общество находится на более высоком уровне, демонстрируя больше ответственности, непредвзятости и трезвости, по сравнению с российским социумом.

Процесс изменения ценностной парадигмы, обеспечивающей интеграцию людей в единое сообщество, в России носит более деструктивный характер, что ведёт к мозаичности социума при отсутствии его ценностного ядра. Сегодня немало людей, особенно молодых, мечтают о богатой, праздной жизни, вызывающей зависть и позволяющей жить, не считаясь с мнением окружающих. Меняющаяся ценностная парадигма вступает в противоречие с имеющимися более инерционными социально-экономическими условиями, которые не позволяют в должной мере удовлетворять потребности в соответствии с новыми ценностными ориентирами. В России это приводит к распространённости эмигрантских настроений среди молодёжи, что представляет определённую угрозу для будущего развития страны. Белорусское общество с этой точки зрения предстает не идеальным, но гораздо более привлекательным по сравнению с российским.

Изменение ценностной парадигмы не могло не отразиться на отношении к труду, которое представляет собой одно из фундаментальных оснований системы ценностей личности, комплекс мотивов, связывающих личность с обществом и культурой. Как в России, так и в Беларуси отношение к труду приобрело прагматичный характер, когда большинство людей готовы качественно трудиться лишь в случае соответствующего материального поощрения (43,4% в России и 54,2% в Беларуси).

Только каждый третий россиянин и четвёртый белорус готовы работать с самоотдачей независимо от размера оплаты. Только для данной категории людей можно сказать, что ценность содержания труда превосходит значимость заработка.

Примечательно, что нежелание работать вообще прослеживается почти у каждого четвертого россиянина и каждого пятого белоруса. Очевидно, что для этой категории работа отождествляется исключительно с заработком, а такие её важные содержательные и

достижительные составляющие как творчество, самореализация, уважение широкого круга людей, общественная значимость и другие остаются на периферии. Соответственно трудовая деятельность как таковая не рассматривается ими как ценность, а воспринимается лишь как обременительный инструмент достижения собственных целей.

Таким образом, духовно-нравственная сфера российского социума сегодня находится в более критическом состоянии, чем в Беларуси. По-сути в России эта проблема порождена разрывом идеологического пространства во время «прыжка в капитализм», который породил отсутствие позитивных мотиваций, лежащих за пределами сферы интересов индивида. Более эволюционное развитие Беларуси, сохраняя элементы советского образа жизни, хотя и позволило избежать остроты этих проблем, однако также демонстрирует негативные тенденции в духовно-нравственной сфере. Эта проблема вряд ли может решена без четкого ответа на вопрос «куда мы идем?» и расстановки приоритетов в соотношении интересов личности и общества.

Литература

- 1 Возьмитель А. А. Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: Институт социологии РАН, 2012.

РЫНОК ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ: ИНФРАСТРУКТУРА, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. В. Благодарова ОТРАСЛЕВАЯ ПРЕМИЯ «КУБОК 7/89»: РАСШИРЯЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИГРОКОВ РЫНКА

БЛАГОДАРОВА А. В. – директор Исследовательской компании «КомСар», г. Саратов. E-mail: director@comsar.ru.

Сейчас появляется всё больше исследовательских продуктов, которые могли бы быть оценены профессиональным сообществом. По большому счёту, отрасль прикладных социологических исследований не имеет никаких механизмов профессионального признания, т. е. присвоения представителям отрасли каких-то знаков отличия. Из тех знаков отличия, что существуют в нашем «рисёчерском деле», можно выделить:

- 1 РИК – Рейтинг исследовательских компаний, проводимый Ассоциацией 7/89. По сути – это оценка Заказчиков Исполнителями по нескольким параметрам. Столичные исследовательские компании оцениваются по совокупности «ресурсов» (технологический, кадровый, символический, организационный, финансово-экономический). На основании полученных оценок рассчитывается совокупный рейтинг компании, приведённый к 100-балльной шкале. Каждый год публикуются данные по Топ-20 РИК.
- 2 «Звёздочки» Циркон. Это обратный РИКу проект, оценка Исполнителей Заказчиками (в основном столичными компаниями) – если компания упомянута в качестве надёжной и рекомендуемой – получает 1–2–3 звёздочки в базе Исполнителей на портале sociologos.ru

Но и РИК, и звёздочки Циркон – это скорее оценка взаимоотношений бизнесов, но это не оценка достижений в области маркетинговых и социологических исследований.

Ассоциация решила исправить эту ситуацию, и в 2012 г. учредила премию за лучший проект года в области прикладных социологических и маркетинговых исследований – "Кубок 7/89".

Конкурсы 2013 и 2014

В пилотном варианте конкурс прошёл в мае 2013 г. на очередной встрече участников Ассоциации в Ростове-на-Дону. В ходе проведения пилотного конкурса проектов были апробированы основные подходы, процедуры и ряд организационных моментов.

Несмотря на то, что это был внутренний закрытый конкурс, и участниками стало небольшое количество компаний, результат оказался очень эмоциональным.

2-й конкурс в 2014 г. стал уже открытым и, хотя общее число участвующих проектов по-прежнему было относительно небольшим (13 проектов), это был уже «настоящий» конкурс с

разработанной конкурсной документацией, отборочной комиссией и жюри, куда вошли лица из числа членов Ассоциации Группа 7/89 и руководители компаний-крупнейших игроков рынка.

В отличие от 1-го конкурса 2-й конкурс был заочным. С одной стороны, это облегчило часть организационной работы, но, с другой стороны, личного общения, презентаций и представлений проектов, конечно, не хватило. Хотя эмоционально было насыщено и в этот раз.

Этапы конкурса

1 этап. Подача заявок.

Подаются в письменном виде по электронной почте. Заявка содержит общие сведения об авторах проекта и тезисы проекта. Заявка может содержать презентацию проекта.

2 этап. Отборочный.

Отборочная комиссия рассматривает поступившие заявки и на основе системы оценок отбирает 10 наиболее интересных проектов-финалистов.

3 этап. Работа жюри.

Проекты-финалисты оцениваются каждым членом жюри согласно критериям оценки.

Протокол оценок затем доступен в открытом доступе.

4 этап. Определение победителей

По результатам определяется один "Проект года", а также победители в 3-х номинациях: «За актуальность», «За исследовательскую смелость», «За верность традициям».

Вручаются кубки и дипломы.

Что даёт участие в конкурсе исследовательской компании

- 1 Внутренняя оценка и переоценка проектов. Проводя ревизию проектов для отбора на конкурс, компания оценивает его качество по-новому, проводит внутреннюю инвентаризацию, с чистого листа определяя клиентскую и профессиональную значимость, замечая и отмечая, что было сделано на уровне, а что можно было бы ещё доработать.
- 2 «Сверяет горизонты». Представляя работы на конкурс, компания оценивает их уровень в сравнении с работами других компаний, "сверяет горизонты". Премии отрасли дают общий обзор ситуации на рынке, показывают новейшие технологии и процессы – это способствует повышению профессионального уровня компании.
- 3 Тимбилдинг. Отбор проектов – дело командное и это отдельный повод собраться и вспомнить об уже завершённых, но интересных и нестандартных проектах. Повод ощутить гордость за проделанную работу и ещё раз оценить вклад, результативность и профессионализм каждого участника.
- 4 Реклама. Участие в профессиональных премиях и конкурсах даёт достойный информационный повод, чтобы через совершенные проекты рассказать о своих достижениях и возможностях.

Что даёт конкурс отрасли

- 1 Концентрация успешных компаний. Конкурс позволяет сконцентрировать успешно развивающиеся компании и проекты в одной точке для развития профессионального потенциала отдельных компаний и отрасли в целом.
- 2 Повышение внимания к отрасли. Конкурс способствует повышению внимания бизнес-сообщества к деятельности исследовательских компаний, прямо и косвенно информирует бизнес-аудиторию и общество в целом о существовании исследовательских компаний и значимых исследовательских проектах.
- 3 Формирование положительного имиджа. Конкурс способствует формированию положительно имиджа компаний, проектов и отдельных личностей – представителей исследовательского сообщества из разных компаний на уровне страны в целом.
- 4 Дополнительная площадка для коммуникаций. Самый важный элемент конкурса – это расширение взаимодействия между участниками рынка и создание дополнительной площадки для обмена опытом между участниками рынка маркетинговых и социологических исследований. «Кубок 7/89» является не только, собственно, премией, формирующий институт профессионального признания, но и инструментом, который вовлекает разные компании в общение между собой.

Кубок-2015

Конкурс совершенствуется. Новое в проекте в 2015 г. – запущен отдельный проектный сайт: kubok.789.ru. Изменена форма заявки – проект можно не только описать в файле, но и показать в формате презентации. Изучаем варианты очного или онлайн представления проектов финалистов или победителей.

Значимое весомое жюри – в этом году уже 14 членов, руководители известных региональных и федеральных компаний. По-прежнему действует правило – член жюри не оценивает проект своей компании. Конкурс уже открыт, оргкомитет ждёт заявок по 3 апреля на адрес kubok@789.ru.

М. А. Буканова

ДЫХАНИЕ КРИЗИСА: КАК СИТУАЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ ВЛИЯЕТ НА ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ И МЕНЯЕТ ОТНОШЕНИЯ ЗАКАЗЧИКА И ИСПОЛНИТЕЛЯ

БУКАНОВА М. А. – кандидат экономических наук, бизнес-партнёр NTS Group. E-mail: mbs@mts-nc.ru.

В кризис грамотное руководство фокусируется на определённых сегментах и выстраивает бизнес-процессы внутри компании, исходя из специфики работы с конкретной аудиторией. Исследовательская компания, обладая опытом работы на разных рынках, может посоветовать заказчику обратить внимание тот или иной сегмент, выбрать определённую целевую аудиторию. Например, структура продаж в компании ориентирована на работу с посредниками и не развивает прямые продажи в государственном секторе экономики; сбыт

происходит на определённом географическом рынке и не учитывает возможности другого региона.

В практике встречаются ситуации, когда исследовательские компании не корректируют вместе с заказчиком задание. Безусловно, что не все маркетологи имеют профильное образование. Но даже грамотные специалисты не всегда правильно интерпретируют результаты исследования и делают заключения, не сопоставив их с положением компании на рынке и проблемами взаимодействия внутри компании. Отдел продаж, как ведущее звено, должен понимать, какой будет эффект от маркетинга, какую практическую пользу и на каком этапе принесут вложения.

Исследовательским компаниям, как и другим бизнес-структурам, целесообразно проанализировать свою клиентскую базу: выявить потенциальных заказчиков, изучить несостоявшиеся коммерческие предложения и провести повторную работу с вновь заинтересованными клиентами. Возможно спозиционировать более доступно своё коммерческое предложение. Выделить прогрессивные методы исследований, которые используются в кризисные годы, исходя из российского и зарубежного опыта, и сделать на них акцент.

В основном плановые бюджетные исследования заказывают крупные компании с развитой организационной структурой. Они же являются и постоянными клиентами. Но зачастую средний и мелкий бизнес обладают большей гибкостью, чем крупные. И при сокращении объёма продаж исследовательским компаниям стоит обратить внимание на работу с ними, расширить комплекс услуг или создать отдельные продукты для среднего и мелкого бизнеса, учитывая при этом свою маржинальность.

По словам А. Гвозденко, заказчик, как правило, сам не представляет, что он хочет получить в результате исследования. Хорошо, если он знает свою проблему и готов чётко её сформулировать, что бывает далеко не всегда, например, «у нас падают продажи». Часто заказчик утверждает, что нужны исследования, исходя из собственных ощущений. Предлагается у заказчика не спрашивать о его конкретных целях и задачах, а представлять ему конкретное предложение на основе тщательного анализа. И в этой ситуации можно рассмотреть вариант с привлечением специалиста-маркетолога, практического бизнес-консультанта, который бы помог заказчику правильно выразить свой запрос и в дальнейшем провести внедрение в самой компании.

В бизнесе взаимодействие маркетинга и сбыта, как правило, в центре внимания. И исследовательская компания может проконсультировать маркетологов, как лучше разъяснить результаты исследований для подразделений сбыта, каким образом аргументированно проводить переговоры в каналах продаж. Заинтересованность исполнителя в результатах работы заказчика, в получении практической пользы повышает лояльность и развивает плодотворное сотрудничество.

Литература

- 1 Гвозденко А. Особенности процесса работы с потенциальным заказчиком маркетинговых исследований // Практический маркетинг. 2006.
- 2 Власова М. Как убедить заказчика (о программе маркетингового исследования). 2007. URL: <http://www.proreklamu.com>.
- 3 Мокров А. Заказчики и исследователи или заказчики vs исследователи? URL: <http://www.marcs.ru>.

Н. В. Дулина, В. В. Токарев
ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
«СОГЛАСОВАННАЯ ТАБЛИЦА ЦЕН НА ТИПОВЫЕ ВИДЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ»

ДУЛИНА Н. В. – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой «История, культура и социология» ВолгГТУ. E-mail: nv-dulina@yandex.ru.

ТОКАРЕВ В. В. – кандидат технических наук, доцент, генеральный директор ЗАО ЦСМИ «Аналитик» (Волгоград). E-mail: chief@socio-research.ru.

Рынок социологических и маркетинговых исследований (Public Opinion & Market Research – PO&MR) в России имеет недолгую историю – всего-то четверть века, но, что важно, этот рынок не только успешно развивается, но и продолжает расти [см., например: 1–4, 6–9]). Всякой новой компании, выходящей на рынок и / или осваивающей для себя новые виды продукта и услуг, предстоит нелегкая процедура адаптации к рынку в уже сложившихся условиях. Далеко не последнее место в перечне проблем, сопровождающих процесс адаптации, занимает ориентация в ценах на типовые виды исследовательских работ, востребованных рынком PO&MR. Заметим, что с подобного рода проблемами порой сталкиваются и уже действующие на рынке PO&MR компании. Наличие такой проблемы во много объясняется динамикой самого рынка PO&MR. Частично остроту проблемы для компаний, работающих в регионах России (по ориентировочным оценкам, число которых составляет 250–270 [5]), призвано смягчить исследование, инициированное Ассоциацией региональных исследовательских центров «Группа 7/89» (Ассоциация).

Инициативный исследовательский проект «Согласованная таблица цен на типовые виды исследовательских работ» Ассоциация проводит, начиная с 2004 года. Основной целью исследования является предоставление региональным исследовательским компаниям справочной информации о среднем уровне цен на типовые виды полевых работ в регионах России при проведении «перекрестных» исследований по заказам других региональных компаний. Объектом исследования являются исследовательские компании, дислоцирующиеся в регионах России. «Оценка сверху» общего объёма генеральной совокупности компаний-оценщиков (исследовательских компаний, дислоцированных в регионах России) составляет около 240 единиц.

Однако до 2007 года – этот проект был «закрытым», на публичное обсуждение его результаты не выносились. Иначе говоря, полученные данные не публиковались и предназначались только для «внутреннего» использования членами Ассоциации при проведении совместных проектов. Но начиная с 2008 г., в соответствии с решением съезда Ассоциации, результаты проекта (в части средних цен на исследования в регионах присутствия компаний – членов Ассоциации) публикуются на сайте Ассоциации, сайтах компаний, входящих в «Группу 7/89». Таким образом, результаты выполненного исследования становятся доступными для всех, кто ищет ответы на вопрос «Что почём на рынке PO&MR?». С 2011 г. Ассоциацией региональных социологических центров «Группа 7/89» было принято решение о расширении масштабов проекта и привлечении к участию в нём региональных исследовательских компаний, не входящих в Ассоциацию.

Методика исследования: анкетный В2В-опрос руководителей компаний и лиц, курирующих в компаниях взаимоотношения с заказчиками. Анкеты в электронном виде (в формате Microsoft Excel) рассылаются респондентам по электронной почте. Всего по итогам исследования было получено 117 анкет, заполненные компаниями, расположенными в большей части регионов России (в 54 из 85, зарегистрированных по состоянию на 18 марта 2014 года после присоединения Республики Крым к России и образования двух новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя).

Результаты исследования, как правило, оформляются в виде таблицы, в которой представлены результаты расчёта средних по всем компаниям цен на стандартные (наиболее часто встречающиеся) виды полевых и аналитических работ. По этим ценам региональные компании готовы работать в рамках «перекрестных» проектов (по заказам других региональных компаний) в регионах своего присутствия. Респондентам, приславшим заполненные анкеты, высылаются результаты исследования с детализацией по федеральным округам.

Формат таблицы (рис. 1) позволяет пользователю не только быстро найти ответ на интересующий вопрос, но и ознакомиться с общим спектром услуг, востребованных на рынке RO&MR.

№№	Вид работ	Объект исследования, характеристика выборки, формат отчётных документов	Объем выборки	Длительность интервью / группы	Длительность цикла работ, число дней	Средняя стоимость, руб.	Нижний квартиль распределения, руб.	Верхний квартиль распределения, руб.
РАБОТЫ В МАСШТАБЕ РЕГИОНА								
1	Поквартирный личный опрос по традиционной маршрутной технологии	Взрослое (18+) население региона. Отчётность – первичные документы (посылка), массив в Excel. Квоты на пол, возраст, тип поселения. Контроль 20 %. Транспортные расходы включены в стоимость. География выборки – разумно-достаточная для Вашего региона. Цена – полная, как на конкурсе в региональной администрации	600 интервью	30 минут
2

Рисунок 1 – Фрагмент таблицы представления результатов по проекту «Согласованная таблица цен на типовые виды исследовательских работ»

Полагаем важным представление в таблице не только среднего уровня цен на типовые виды полевых работ, но и обозначение нижнего и верхнего квартилей распределения, поскольку, как известно, Россия – большая и очень разная страна (в том числе и с точки зрения социально-экономических условий проведения исследований). Надеемся, что проект, реализуемый Ассоциацией региональных исследовательских центров «Группа 7/89», и его

результаты стали надёжным и удобным подспорьем для региональных исследовательских компаний.

Литература

- 1 Дулина Н. В. Рейтинг региональных исследовательских компаний: основные результаты / Н. В. Дулина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 2(7). С. 64–73.
- 2 Дулина Н. В., Токарев В. В. Тенденции развития региональных рынков социологических и маркетинговых исследований // Четвертая международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 27–28 февраля 2014 г. Материалы конференции. М.: ВЦИОМ, 2014. С. 275–278. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- 3 Звоновский В. Б. Основные результаты исследования «Рейтинг исследовательских компаний» // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2005. № 2. С. 11–20.
- 4 Звоновский В. Б. Основные результаты исследования «Рейтинг исследовательских компаний» // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2006. № 3. С. 25–38.
- 5 Проценко С. Н. Тенденции развития и институционализации отрасли исследований в России / С. Н. Проценко // Четвертая международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 27–28 февраля 2014 г. Материалы конференции. М.: ВЦИОМ, 2014. С. 291–293. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- 6 Токарев В. В., Дулина Н. В. Рынок социологических услуг в современной России: исторические предпосылки возникновения // Известия Волгоградского государственного технического университета: мезвуз. сб. науч. ст. / ВолГТУ. Волгоград, 2013. № 16(119). С. 49–52.
- 7 Токарев В. В. Методика и результаты проекта «Профессиональный рейтинг исследовательских компаний–2013» // Четвёртая международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 27–28 февраля 2014 г. Материалы конференции. М.: ВЦИОМ, 2014. С. 296–299. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- 8 Токарев В. В. Профессиональный рейтинг исследовательских компаний России. Итоги 2011 года // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса; 23–25 октября 2012 г. Уфа, С. 2015–2022, 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- 9 Токарев В. В. Ситуация в региональном сегменте рынка социологических и маркетинговых исследований России // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса; 23–25 октября 2012 г. Уфа, С. 3251–3255, 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

П. В. Иванов

КАК СИСТЕМА КОНТРОЛЯ В ЗВОНКОВОМ ЦЕНТРЕ ПОВЫШАЕТ УВЕРЕННОСТЬ КЛИЕНТА В РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ

ИВАНОВ П. В. – директор Исследовательской компании «Максима», г.Чебоксары. E-mail: ipv_21@mail.ru.

Современные технологии позволяют обеспечить практически полный контроль работы «полевого» персонала в звонковом центре. Клиент в режиме реального времени может наблюдать процесс и результат работы операторов. Технологии позволяют сделать процесс сбора данных полностью прозрачным, повышая доверие клиента к собранными данным.

Диапазон методов контроля в звонковом центре напрямую определяется возможностями программного обеспечения, используемого в компании. Методы контроля в звонковом центре можно разделить на две условные группы: (1) методы непосредственного и (2) технического контроля.

К методам непосредственного контроля относятся:

- 1 100% запись всех интервью и последующее их прослушивание,
- 2 онлайн-прослушивание интервьюера,
- 3 возможность подключения видео трансляции в звонковый центр.

К методам технического контроля относятся:

- 1 фиксация времени ответов на отдельные вопросы анкеты и интервью в целом,
- 2 контроль состояний интервьюера. Состояний может быть четыре (пауза, разговор, готов и обработка). Непрерывный программный мониторинг состояний обеспечивает контроль эффективности работы каждого оператора и компании в целом по любому проекту за любой период времени.

В. Н. Ильмухин

СОВРЕМЕННЫЕ МУЛЬТИЭКРАННЫЕ ПРАКТИКИ МЕДИА ПОТРЕБЛЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

ИЛЬМУХИН В. Н. – эксперт по стратегическому планированию РА Maxus, аспирант кафедры социологии РУДН. E-mail: vilmukhin@mail.ru.

На сегодняшний день люди имеют более широкий, чем когда-либо прежде выбор, когда речь заходит о том, как, когда и к какому медиа контенту они обращаются. Этот факт объясняется расширением диапазона устройств, способных поддерживать широкий спектр медиа контента и типов услуг; связанных в свою очередь с развитием различных технологий и существенным пересечением контента в разных медиа каналах (к примеру, появлением интернет-изданий печатных газет и журналов).

По мере того, как современные технологии всё больше проникают в повседневную жизнь, не стоит на месте и изучение коммуникационной сферы деятельности современного человека. Существуют определённые синдикативные медиа исследования, к примеру, ряд инструментов от компании TNS Россия: TV Index (телевидение), Radio Index (радио), NRS (печатные издания), Web Index (Интернет), позволяющие понимать поведение аудитории в вопросе потребления широкоэвещательных медиа по отдельности. Тем не менее, практики одновременного использования различных медиа каналов и коммуникационных устройств, исследованы в гораздо меньшей степени. И именно подобные исследования, по мнению автора, являются следующим шагом в развитии медиа исследований. Современный мультимедийный и мультиэкранный мир требует наличие актуальной единой методологии, позволяющей фиксировать и измерять одновременное медиа потребление нескольких источников.

Одно из первых исследований данной области в России осуществлено в 2012 г. исследовательской компанией «GfK Rus», по заказу «Аналитического центра Видео Интернешнл». Было проведено подробное количественное исследование взрослого населения России на предмет их медиа потребления и коммуникационной деятельности, с целью получения детальной и полной информации о современном состоянии и тенденциях медиа потребления населением различных типов контента на всех доступных коммуникационных устройствах.

Исследование носит название «Digital Day» и представляет собой срез медиа и коммуникационного поведения людей в течение недели. Оно позволяет изучить то, как люди используют медиа каналы и коммуникационные устройства в течение всего дня, их одновременное использование, где и какого качества внимание люди уделяют медиа каналам, к которым они обращаются. Исследование охватывает как внутри-, так и внедомашнее использование.

Методология «Digital Day» была разработана в 2010 году исследовательской компанией GfK NOP (Великобритания) для проведения исследования медиа и коммуникационного поведения жителей Великобритании, объемов и структуры потребления всех типов медиа на различных устройствах. Исследование было проведено по заказу Ofcom, государственного органа Великобритании, осуществляющего надзор в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

В российском варианте исследования генеральная совокупность – москвичи 15–50 лет, активные пользователи интернета (те, кто пользуется интернетом каждый или почти каждый день). Выборка в количестве 496 респондентов. Ограничение выборки активными пользователями интернета было произведено сознательно с целью изучения только так называемого сегмента «продвинутых» москвичей как авангарда медиа потребления. Это позволяет выявить такие тенденции и факты медиа использования, которые уже отчётливо сформированы в изучаемой группе, но пока ещё слабо выражены для всего населения, однако без сомнения будут проявляться в полной мере с течением времени и проникновением качественного интернета.

Исследование осуществлено в три этапа:

- 1 Рекрутирование методом face-to-face с заполнением анкеты, включающей вопросы по владению и использованию тех или иных медиа-устройств.

- 2 Заполнение дневника по всем медиа и коммуникационным активностям с получасовым шагом за семидневный период.
- 3 Финальное интервью после завершения 7-дневного периода участия в исследовании с респондентами (on-line или по телефону), касающееся общих вопросов отношения к различным медиа активностям и впечатлений от участия в исследовании.

Исследование охватило порядка 45 медиа и коммуникационных активностей, включая использование видео и аудио контента, игры, чтение (журналов, книг или газет), текстовые и голосовые коммуникации. Семидневный дневник включал личное и рабочее использование, внутри- и внедомашнее потребление. Также помимо медиа потребления, в электронном дневнике регистрировались следующие повседневные активности: сон, работа, учёба, нахождение в транспорте, домашние дела, еда, посещение магазинов, занятия с детьми, развлечения.

Таким образом, вышеописанная методология позволила изучить:

- Заявленные объёмы и время медиа потребления в разрезе 30-минутных интервалов.
- Одновременное медиа потребление на нескольких устройствах/нескольких каналах, включая время, затраченное как на одну медиа активность, так и на параллельное использование нескольких устройств.
- Ситуационный контекст медиа потребления (медиа потребление одновременно с другими активностями респондента в течение дня: приём, приготовление пищи, поездки, работа).
- Уровень вовлечённости / внимания в различных ситуациях медиа потребления.
- Индивидуальный или коллективный характер потребления.

Исследование по методологии «Digital Day» в России, на московской выборке позволило уловить и дать некоторую количественную оценку практикам современного медиа потребления на различных устройствах.

- Широкий выбор медиа устройств и большой объем медиа потребления.
- Совокупный объема медиа потребления увеличивается за счёт одновременного использования нескольких медиа.
- Медиа потребление осуществляется в течение всего дня, дома и вне дома.
- Телевизор – основной экран, но компьютер приближается по среднесуточному времени использования.
- Использование социальных сетей является важной частью медиа активности.
- Планшет и смартфон становятся полноправным устройством медиа потребления.

Для большинства пользователей эти устройства не перевешивают по объёму использования ТВ и компьютер, но могут принимать на себя важный функционал, например, внедомашнее медиа потребление.

- Увеличение числа экранов увеличивает объёмы медиа потребления.

В. Ю. Леденева
КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И
ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

ЛЕДЕНЕВА В. Ю. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии управления ИОН РАНХиГС при Президенте РФ-mail: vy.ledeneva@yandex.ru.

При организации и оценке эффективности работы по социальной адаптации и интеграции мигрантов в регионах и муниципальных образованиях возникает проблема разработки и использования модели социологической оценки социальной интеграции мигрантов, а также определения чётких критериев и показателей.

Для того, чтобы работа в этом направлении велась более эффективно, необходимо разрабатывать муниципальные модели социальной адаптации и интеграции мигрантов, учитывающие особенности регионов: демографический, национальный состав, а также экономические и социокультурные факторы, влияющие на адаптационный потенциал, прибывающих в регион мигрантов.

Современные учёные выделяют в миграционном процессе две стадии: принятие решения мигрантом на миграцию и стадию адаптации и интеграции мигранта и членов его семьи в новом социуме. Адаптация применима только к возвратным (временным) мигрантам, а интеграция относится к безвозвратным мигрантам (переселенцам). Важно обратить внимание ещё на одно обстоятельство – процесс интеграции мигранта в принимающий социум регулируется государством. Миграционная политика любого государства должна обязательно учитывать каждую из двух стадий миграционного процесса, иначе она будет носить фрагментарный характер с высокими рисками ошибок, свойственными фрагментарному подходу.

Для определения критериев и разработки показателей социокультурной интеграции мигрантов в принимающем сообществе рассмотрим различные подходы к измерению социальной адаптации и интеграции мигрантов со следующих позиций:

- соответствия сущности понятия «социальная интеграция»;
- наличия (выраженности) тех или иных адаптационных или интеграционных явлений в сфере взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества;
- разработкой муниципальной модели как условия реализации программы интеграционной работы.

По мнению М. А. Южанина [1], можно выделить три базовых измерения социокультурной (межкультурной) адаптации: 1) социально-психологическое (психологическое) – степень выраженности этнокультурной идентичности адаптантов, характер их психологического самочувствия и меру удовлетворённости жизнью в новом культурном контексте; 2) этнокультурное – связи адаптантов с новым этнокультурным окружением, включая их способность решать социально-культурные проблемы; 3) социально-экономическое – наличие или отсутствие работы, степень удовлетворённости ею, уровень профессиональный: достижений и материального благосостояния в новой культуре.

К другим индикаторам успешной адаптированности относят психологическую удовлетворённость мигрантов своим положением в новой среде и свободную ориентировку в ней; освоение ценностей, норм, стандартов поведения и традиций принимающего сообщества; обретение приемлемого жилья и работы; овладение другим языком; приспособление к новой природно-экологической среде; паритетное общение и взаимодействие с представителями принимающего большинства; полноценное участие адаптантов в социальной и культурной жизни нового сообщества и др.

Таким образом, успешность социальной адаптации и интеграции мигрантов во многом зависит от их активного и эффективного взаимодействия со всеми субъектами миграционного процесса. Вопросам собственно социокультурной интеграции иммигрантов в литературе отводится меньше внимания.

Среди наиболее интересных работ можно отметить подход Т. Ф. Масловой, который описывает индикаторы социокультурной интеграции как консолидирующие ценности, раскрываемые с помощью ряда показателей [2]:

- культурно-коммуникативных – овладение культурными особенностями, языком общения, информацией о специфике функционирования и развития сообщества и входящих в него групп; расширение устойчивых межкультурных и социальных контактов; культурные идентификации с сообществом.
- морально-психологических – мотивированная интеграция, установки на конструктивную активность, планирование будущего, позитивное восприятия себя, своего прошлого, самоидентификации с социумом (как местного жителя), позитивное общественное мнение субъектов в отношении друг друга.
- социально-экономических – доступ субъектов к средствам нормального существования и достойного образа жизни, соблюдение общих правил, диктуемых социальным согласием, участие в принятии решений, затрагивающих интересы субъектов.

Можно выделить несколько групп ценностей, способствующих активности адаптации мигрантов.

Культурно-коммуникативные ценности, связанные с регулированием контактирования, интеракций и взаимодействий субъектов.

Морально-психологические ценности, отражающие оценочное состояние субъектов, связанное с пребыванием в социуме.

Социально-правовые, которые отражают права общностей и их субъектов на интеграцию. Это ценности права на обеспечение социальных стандартов.

Социально-экономические ценности, которые определяются нормами социальной жизни и особенностями экономических отношений.

Социально-демографические ценности, которые связаны с развитием населения сообщества: жизнь и здоровье человека, создание семьи, деторождение, землячество и другие.

Культурно-коммуникативные показатели раскрываются через овладение знаниями культурных особенностей, языком общения, информацией о специфике функционирования и развития сообщества и входящих в него групп, через овладение субъектами консолидирующими ценностями, расширение устойчивых межкультурных и социальных контактов.

Морально-психологические показатели раскрываются через факты мотивированной интеграции, установки на конструктивную активность, планирование будущего, через позитивное восприятие себя, своего прошлого, самоидентификации с социумом (как местного жителя), позитивного общественного мнения субъектов в отношении друг друга.

Социально-экономические показатели раскрываются через проявление доступа субъектов к средствам нормального существования и достойного образа жизни, соблюдения общих правил, диктуемых социальным согласием, через участие в принятии решений, затрагивающих интересы субъектов, через включенность субъектов в трудовую занятость, в традиционные и инновационные виды хозяйствования, через проявление хозяйственной самостоятельности, самоорганизации и наращивания материального благополучия.

Решение миграционных проблем возможно при условии распространения интеграции в самых разных сферах жизнедеятельности общества: культуре, законодательстве, общении и взаимодействии. Их Т. Н. Юдина называет одноуровневыми классами-уровнями интеграции (культурной, нормативной, коммуникативной, функциональной) [3]. Они указывают на взаимопроникновение культур, выбор стиля поведения, принятого в данной культурной ситуации, частоту использования элементов одной культуры в пространстве другой культуры, взаимозависимость людей в процессе трудовой, социально-экономической, культурной деятельности. В этом случае на практике миграционный процесс должен характеризоваться отсутствием конфликтов между мигрантами и принимающим населением.

Литература

- 1 Южанин М. А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. 2007. №5. С. 70–77.
- 2 Маслова Т. Ф. Социокультурная интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество на рубеже XX–XXI веков (на примере Ставропольского края): автореф. дис... д-ра социол. наук. Ставрополь, 2009. С. 32.
- 3 Юдина Т. Н. Социология миграции: к формулированию нового научного направления. М.: Дашков и Ко, 2004. С. 216.

Б. В. Люкманов

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ: УГРОЗЫ ИЛИ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ПОЛЕВЫХ КОМПАНИЙ

ЛЮКМАНОВ Б. В. – генеральный директор компании «Датэкшн», г. Москва. E-mail: boris.lyukmanov@gmail.com.

За последние несколько лет произошли существенные изменения в методологии проведения полевых работ, что не могло не отразиться на бизнесе компаний, работающих на этом рынке.

Вместо традиционных личных интервью на бумажных носителях, и в определённой степени телефонных интервью, стали широко применяться онлайн опросы (CAWI), а также

личные интервью с применением электронных носителей (CAPI). В связи с этим полевые компании столкнулись с проблемой значительного уменьшения объема работ:

- - Онлайн опросы, которые в основном идут с использованием общероссийских панелей, не требуют привлечения региональных агентств, для многих из которых полевые работы являются основным профилем деятельности.
- - CAPI технологии подразумевают наличие мобильных устройств, часто – наличия соединения с Интернет, а также умения интервьюеров пользоваться этими устройствами и опросными программами.

Процесс этот необратим, и если просто оставаться в стороне и не предпринимать никаких активных действий, бизнес многих полевых компаний очень скоро окажется под угрозой.

Возможна ли адаптация полевых агентств к новым условиям? Что необходимо предпринимать для того, чтобы превратить эти угрозы в новые возможности?

М. О. Макушева
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЯ И ЗАКАЗЧИКА В ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ГОСЗАКАЗУ

МАКУШЕВА М. О. – кандидат социологических наук, аналитик на основе free-lance. E-mail: makushevam@gmail.com.

Проблемы взаимодействия заказчиков и исполнителей в исследовательской сфере неоднократно поднимались в рамках статей и дискуссий, в особенности, организованных Ассоциацией «Группа 7/89» [см., например: 2]. Нам бы хотелось остановиться на диспропорции во взаимоотношениях госзаказчика и исследователя, которая часто приводит к проблемам валидности. Отчасти речь идёт не только о госзаказе, но и о иных практиках, например, социологическом сопровождении небольших избирательных кампаний.

В самом общем виде, как нам кажется, проблема состоит в рассогласовании, противоречии между логикой социологического исследования и теми практиками, который сложились на рынке исследований для госзаказчика. Или подчас в подмене исследовательской логики административно-управленческой. В основе статьи лежит опыт нескольких представителей исследовательских компаний, работающих в России, специалистов, работающих на основе субподряда с исследовательскими компаниями, специалистов, отвечающих в государственных учреждениях за заказ и взаимодействие с исследовательскими организациями, а также собственные наблюдения автора. Цель тезисов – не распространить выводы на всю сферу, но показать несколько проблем, характерных для многих региональных исследований.

Первый аспект проблемы – каждая сторона оперирует цепочкой фреймов (фрейм заказчика, социолога, продукта), которые предписывают соответствующие нормы поведения. В ряде ситуаций заказчик воспринимает некоторые вопросы как проблемы управленческие, а они являются проблемами методологическими и методическими.

Не секрет, что социологическое исследование в глазах не-социолога – это почти исключительно опрос. Это приводит к упрощённому видению исследовательской практики и вмешательству со стороны заказчика. Отсутствует чёткая и разделяемая обеими сторонами граница, отделяющая те области, где происходит учёт нужд клиента, от «профессиональной кухни».

Далее, главные параметры продукта – это сколько человек было опрошено и как именно звучали вопросы. Это не даёт, во-первых, перейти от размера выборки к точности как параметру исследования, что было рекомендовано, например, рабочей группой «Открытое мнение» [3]. Если исследование становится дороже, необходимо достаточное основание, которым может быть число опрошенных, но не может стать эфемерная точность. Во-вторых, эта особенность восприятия ограничивает в применении тестовой традиции и приводит к попыткам измерить латентную переменную напрямую, используя простые опросные средства. Сложно судить, насколько распространена такая позиция, но один из исполнителей, часто работающий с госзаказчиками, говорил, что даже понимая несовершенство привычной методики, легче воспроизвести её, чем доказывать адекватность новой. Здесь нужно ещё иметь в виду другое измерение проблемы – ответственность контролирующего специалиста за результат работы. Перемены приносят стресс, так как вынуждают обосновывать изменения методики перед заинтересованными сторонами и перед непосредственным начальством.

При таком упрощённом понимании исследования, понимание роли исследователя, однако, отличается. Его часто вынуждают находиться в роли социального технолога, разрабатывающего рекомендации на основе не комплексного исследования, а проведенного опроса общественного мнения. Что касается результатов работы, то здесь применяется шаблон, устоявшийся относительно отчёта по НИР – с выделением гипотез, выводами и рекомендациями. Отсюда появляются гипотезы, сформулированные на основе прописанных заказчиком задач и больше похожие на ставки, например: «Число удовлетворённых работой N будет больше в сравнении с предыдущим замером».

Второй аспект – ситуация, в которую поставлен заказчик экспертного продукта, для оценки которого нет единых стандартов.

С одной стороны, заказчик не может определять дизайн будущего исследования, особенно, если оно не является типовым, проводящимся в мониторинговом режиме, так как для этого ему необходимо самостоятельно перейти от проблемы управленческой к проблеме исследовательской, целям и задачам, типу требующихся данных, методике их получения, объёму выборки.

Но если речь идёт о торгах, то не определяя всего вышеназванного, он не гарантирован от некомпетентных или злонамеренных действий исполнителя. Ведь в сфере нет объективных требований, поэтому даже в судебном порядке разрешение споров является большой проблемой [см., например: 1]. Поэтому прописать всё максимально чётко и детализировано считается правильным и профессиональным подходом.

С другой стороны, заказчик в любом случае поставлен в ситуацию, когда он должен принять и утвердить профессиональный продукт в виде программы исследования, оценить его адекватность в качестве инструмента для получения ответа на первоначальный вопрос с достаточной степенью надёжности. Это при том, что часть информации исполнитель обычно не стремится слишком афишировать, например, когда речь идёт о погрешности в квотированной выборке. Например, в случае выявления ошибок в инструменте, в судебной практике принято апеллировать к тому, что этап работ был принят заказчиком.

Из-за этой ситуации постоянного перехода границы возникает несколько проблем валидности, обусловленных самой структурой отношений заказчика и исполнителя. Они связаны, во-первых, с неадекватностью дизайна исследования, во-вторых, с неадекватностью инструментального решения поставленной в исследовании цели и задачам. Нельзя судить, насколько они часты, но, по опыту наших информантов, их можно считать вполне типичными.

1. Недостаточный объём выборки для представления данных в разрезе интересующих заказчика групп. При этом получение соответствующей информации выносится одной из задач в техническом задании.

2. Неадекватность метода сбора информации поставленным задачам. Приведём одинчастный пример. На основе фокус-групп предлагалось спрогнозировать риски в области этно-конфессиональных отношений. Метод фокус-группы был выбран потому, что проводившиеся ранее опросы не удовлетворили заказчика, описания были сухими, а выводы тривиальными. Исполнитель объяснил, что на основе данных фокус-групп полноценного прогноза построить нельзя, встретив понимание. Однако менять что-то было уже поздно – техническое задание написано, договор заключён.

3. Привнесение в инструментарий административно-юридической логики. Логика муниципального исследования [см., например: 2], разворачивающаяся от потребности человека к институциональному способу её удовлетворения, подчас оказывается нарушенной. Исследовательские компании и аналитиков иногда ставят в ситуации, когда они должны предъявлять респондентам формулировки, отражающие разделение сфер ответственности между учреждениями и организациями, в то время, как рядовые горожане чаще всего не видят административных перегородок. Изменить что-либо иногда нельзя, так как соответствующие формулировки закреплены в протоколах и актах.

4. Попытка возложить на респондента, с одной стороны, управленческие, с другой – исследовательские задачи, преувеличение компетентности респондентов и возможностей их рефлексии. Типичный пример – это попытка получить наиболее эффективный способ решения проблемы, обратившись к «общественному мнению». В отчётах, где одной из задач значится определение на основе полученных данных наиболее эффективных средств профилактики наркомании в молодёжной среде, можно увидеть распределение ответов молодёжи на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, нужно делать, чтобы...».

Здесь также должен стоять вопрос о целесообразности проведения исследования по указанной проблематике в принципе. В управленческой практике существует немало ситуаций, когда рядовые респонденты не смогут помочь выбрать правильное направление работы. Но соблазн опереться на популярную практику велик.

В результате полученные материалы подчас заказчика не удовлетворяют, в адрес социологии вообще звучат упреки: «*Что она может дать, кроме наукообразного оформления банальностей?*».

В качестве метода контроля качества не раз предлагалась внешняя экспертиза. Но также не раз отмечалось, что её проведение в неконфликтной ситуации практически невозможно без желания заказчика [см., например: 2]. Указанные проблемы, нам кажется, говорят о том, что экспертиза или, скорее, некая форма институционализированной консультации нужна не постфактум, а на стадии формулирования заказчиком потребности.

Литература

- 1 Соколов Н. В., Гавра Д. П., Задорин И. В. Нужен ли хорошему социологу внешний аудит качества? // Телескоп. 2010. № 4 (82). С. 28–3.
- 2 Уральский меморандум. Обращение Ассоциации региональных социологических центров «Группа 7/89» к исследовательскому сообществу и органам власти. URL: <http://789.ru/docs/workdocs/21-Ural-Memorandum.html> (05.02.2015).
- 3 Харченко К. В. Удовлетворенность: методология и опыт муниципальных исследований. М.: Альперия, 2011.
- 4 Экспертиза опросных исследований электоральных настроений в преддверии выборов мэра Москвы 8 сентября 2013 года. Итоговый доклад рабочей группы «Открытое мнение» (версия 2.1. от 07.02.14). URL: <http://www.sociologos.ru/materialy/> (05.02.2015).

С. Н. Проценко
ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ РЫНКА ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ
И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ

ПРОЦЕНКО С. Н. – генеральный директор Южно-Российского исследовательского центра (ООО «ГК «Бизнес-формат», Ростов-на-Дону), Член Совета Ассоциации региональных социологических центров «Группа 7/89». E-mail: mail@opros-center.info, sergei@protsenko.name.

К настоящему времени рынок социологических и маркетинговых исследований в России полностью сформировался, как самостоятельная отрасль экономики. Об этом свидетельствует ряд признаков, ключевые из которых перечислены ниже.

- 1 **Стабильный объем рынка.** Объем рынка в 2014 г. оценивается отраслевыми экспертами на уровне 14 млрд рублей. Это не очень много, но в течение последних 10 лет отрасль демонстрировала устойчивый рост.
- 2 **Наличие профессионального сообщества,** которое представлено несколькими объединениями исследователей и которое в той или иной мере пытается регулировать рынок: ОИРОМ, Гильдия маркетологов, Ассоциация «Группа 7/89», РОС и ряд других.
- 3 **Наличие специфичной инфраструктуры рынка.** К инфраструктуре рынка мы относим специализированные профессиональные издания, вузы, готовящие специалистов для данного рынка; компании, обеспечивающих техническую поддержку проведения социологических и маркетинговых исследований.
- 4 **Устойчивая востребованность услуг и наличие поставщиков информации.** Существует достаточно высокий спрос на результаты маркетинговых и социологических исследований. «Потребителями» результатов прикладных исследований являются не только бизнес-структуры, но и исследовательские центры, консалтинговые компании, органы власти. При этом есть значимое число «поставщиков» информации, работающих по примерно единой технологии.

Говоря о среднесрочных тенденциях развития рынка прикладных исследований в России, следует отметить следующее:

- 1 Развитие сферы социологических и маркетинговых исследований прежде всего зависит от состояния экономики (как российской, так и мировой) и политической ситуации. Остальные факторы, влияющие на рынок, вытекают из этих двух, поэтому говорить о них можно лишь как о косвенных.
- 2 Исследовательский рынок в России сейчас находится на пороге заметных структурных изменений. Ожидающие рынок изменения будут иметь преимущественно «технологический» характер и будут обусловлены влиянием глобального рынка, в фарватере которого развивается российский рынок исследования.

Наблюдается несколько трендов дальнейшего развития рынка:

- 1 появление сильного профессионального сообщества, объединяющего большинство участников рынка, которое будет определять правила игры, защищать интересы исследователей, как перед государством, так и перед бизнесом, и решать многие другие вопросы;
- 2 исчезновение методик face-to-face и переход большинства видов опросов в онлайн;
- 3 использование новых технологий при проведении исследования (планшеты, смартфоны, другие гаджеты), полный отказ от бумажного инструментария;
- 4 репрофилирование компаний (особенно региональных), занимающихся в основном проведением полевых работ;
- 5 выделение некоторых подразделений (специализирующиеся, например, на холл-тестах или методике «тайный покупатель») в самостоятельные направления бизнеса;
- 6 появление новых методик в «качественных» исследованиях, так как усиливающаяся конкуренция и борьба за покупателя среди производителей товаров и услуг требует детального изучения потребительского поведения;
- 7 междисциплинарное взаимодействие социологии с другими науками: экономикой, политологией, историей и т. д.

Н. А. Романович

**СТАЦИОНАРНЫЕ И СОТОВЫЕ ТЕЛЕФОНЫ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЫНКА
КАК ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПАНИЙ**

РОМАНОВИЧ Н. А. – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного управления и политологии РАНХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал), генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас». E-mail: nelly@qualutas.ru.

Исследователи общественного мнения всё чаще прибегают к телефонным опросам вместо опросов по квартирам ввиду множества причин, как-то дороговизны квартирников, труднодостижимости респондентов и другим причинам, препятствующим личному контакту интервьюера и респондента. Такие причины могут носить как общий характер, так и быть специфическими. В феврале 2015 года состоялась скайп-сессия, в которой приняли участие 10 российских колл-центров. Её участниками были названы следующие основные причины создания ими колл-центров:

- 1 Возможность контроля существенно выше, чем в полевых исследованиях.
- 2 Снижение финансовых затрат по отношению к полевым исследованиям.
- 3 Установка CATI как реакция на запрос рынка исследований.
- 4 CATI как антикризисная стратегия.
- 5 Желание быть в мейнстриме мировых тенденций.
- 6 Телефонные опросы легче продаются.

Лет пятнадцать-двадцать назад телефонные опросы были нерепрезентативны из-за малой телефонизации населения. Считается, что если телефонизация меньше 60%, то провести репрезентативный социологический опрос нет возможности. Помнятся времена, когда российские социологи критиковали телефонные опросы и тех, кто их проводит, вполне обоснованно считали непрофессионалами. И результат был достигнут – среди определённых кругов заказчиков укоренилось мнение, что телефонные опросы – это несерьёзно. Социологи не учли, что технические средства связи развиваются быстрее изменений в общественном мнении. И теперь, когда телефонизация населения вполне достаточна для проведения репрезентативных опросов по телефону, социологам приходится бороться с тем «монстром» недоверия к ним, который они же и создали.

По результатам социологического опроса Институтом общественного мнения «Квалитас» в 2014 году, стационарный телефон у себя дома имели 70% воронежцев (опрошено 608 жителей города Воронежа старше 18 лет, выборка репрезентативна по полу, возрасту и образованию). Казалось бы, следовало ожидать через несколько лет 100% охвата воронежских семей стационарными телефонами. Но за последние три года число стационарных телефонов в Воронеже вовсе не увеличилось. Об этом свидетельствует сравнение результатов опросов 2011 и 2014 гг. (рис. 1).

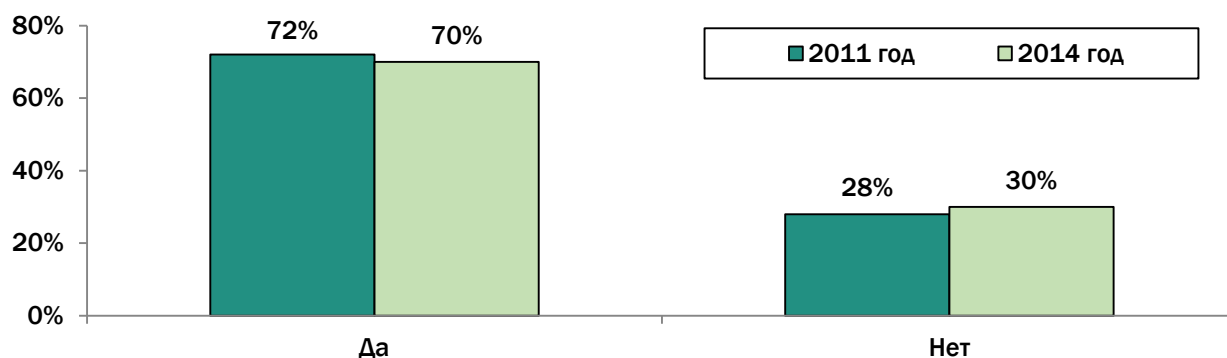

Рисунок 1 – Есть ли у вас дома телефон?

В связи с изобретением сотовых телефонов беспроводная мобильная связь стала более актуальна и востребована. Сотовые телефоны в эксплуатации обходятся дешевле домашних, поэтому количество последних не растёт. А некоторые граждане отключают стационарные телефоны в целях экономии бюджета.

Какие тенденции выявляются среди владельцев стационарных телефонов?

- 1 Чем старше респонденты, тем чаще они являются владельцами домашних телефонов. Среди горожан старше 60 лет количество владельцев домашних телефонов возрастает до **92%**.
- 2 Чем моложе респонденты, тем меньше среди них владельцев стационарных телефонов. Среди 18–29-летних большинство (**54%**) не имеют домашних телефонов (репрезентативный опрос этой группы по стационарным телефонам становится проблематичным).
- 3 Среди семейных пар обладают стационарными телефонами 74% опрошенных.
- 4 Среди людей, состоящих в гражданском браке – 42%, среди холостых – 54% (опрос по стационарным телефонам этих групп не рекомендуется).
- 5 Различные уровни материального положения респондентов позволяют проводить опрос по домашним телефонам, поскольку число обладателей стационарных телефонов среди людей
 - с плохим материальным положением – 80%,
 - со средним – 68%;
 - с хорошим – 74%.

В целом по Воронежу не располагают домашними телефонами **30%** жителей. Но это не значит, что респонденты не доступны для телефонного опроса, поскольку у них может быть сотовый телефон, и даже не один.

На вопрос «**Есть ли у Вас лично мобильный (сотовый) телефон?**» были получены следующие ответы:

- Есть один – 65%;
- Есть два – 23%;
- Есть три и более – 9%;
- Нет – 3%;
- Затрудняюсь ответить – 1%.

Большинство воронежцев владеет одним сотовым телефоном (**65%**), но и два мобильных телефона перестали быть редкостью (**23%**).

Если один сотовый телефон чаще встречается у женской половины населения, чем у мужской (**71/56**), то мужчины склонны обладать сразу двумя телефонами – **28%** (среди женщин – **19%**) или даже тремя – **14%** (среди женщин **6%**).

Чем выше образование и доход респондентов, тем большее количество у них сотовых телефонов. Среди самых богатых каждый пятый опрошенный имеет три и более мобильных

(21%). Некоторые горожане (0,7%) затруднились с ответом на вопрос – возможно, они располагают так называемым семейным вариантом мобильника, когда доступ к телефону имеют сразу несколько человек.

Не имеют сотовые телефоны только 3% воронежцев – и все они горожане старше 50 лет.

За последнее время произошли значительные изменения (рис. 2).

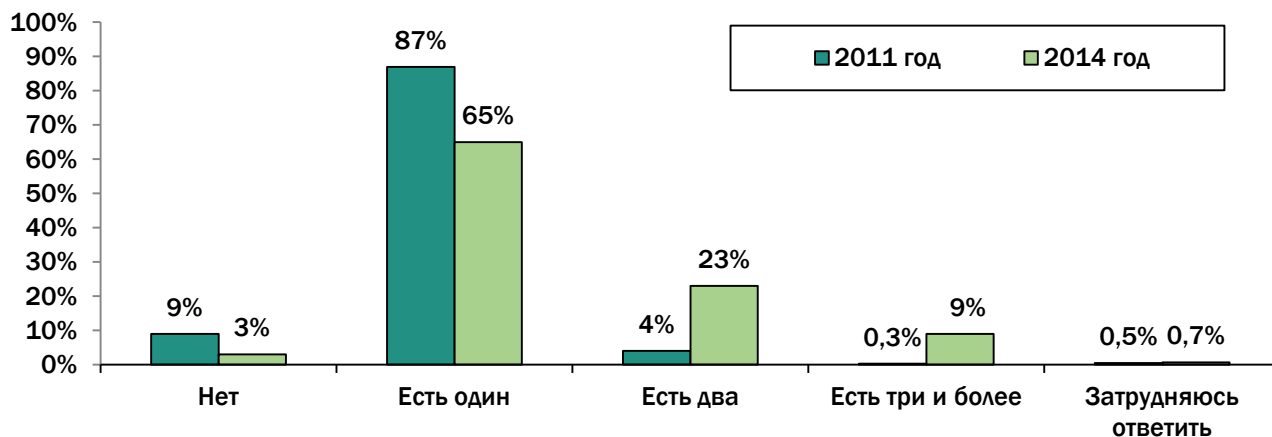

Рисунок 2 – Есть ли у Вас лично мобильный (сотовый) телефон?

За три последних года с 9% до 3% уменьшилось число «безмобильных» горожан, и увеличилось с 4% до 23% количество обладателей сразу двух сотовых телефонов. А число тех, у кого три и более «мобильника», практически с нуля подпрыгнуло до 9%.

Заметим, что на вопрос о наличии у них сотового телефона в 2006 году (ещё восемь лет назад!) 53% воронежцев отвечали отрицательно. В 2014 году таковых осталось только 3%, значит, за этот период 50% воронежцев приобрели мобильные телефоны! Небывало быстро население осваивает современные средства связи.

Человек к хорошему привыкает быстро. А к удобному ещё быстрее. Кто сегодня станет спорить с тем, что мобильная связь – это удобно? Если число стационарных телефонов не увеличивается, то согласно официальным цифрам компаний, предоставляющих услуги сотовой связи, число пользователей этим видом связи растёт в геометрической прогрессии.

О том, готовы ли воронежцы отказаться от домашних телефонов в пользу мобильной связи, свидетельствуют ответы горожан на вопрос *«Скажите, пожалуйста, какое из приведённых высказываний вам ближе?»*.

- Мне нужен и домашний, и мобильный телефон – 32%;
- Мне вполне достаточно домашнего телефона, мобильный телефон не нужен – 1,5%;
- Мне достаточно мобильного телефона, и домашний почти не нужен – 63%;
- Я вообще могу обходиться без телефонной связи – 3%;
- Затрудняюсь ответить – 0,3%.

Конкурентная борьба между мобильными и стационарными телефонами явно грозит поражением последних: большинство горожан (63%) сегодня уверены, что им достаточно мобильного телефона, а домашний телефон вовсе не нужен. Чем моложе респонденты, тем

чаще они так считают (от **38%** среди пожилых до **80%** среди молодёжи). Работникам фиксированных сетей следует задуматься над более привлекательными тарифами, иначе списки их клиентов могут поредеть.

Впрочем, почти каждый третий опрошенный заявил, что хотел бы иметь в наличие и домашний, и сотовый телефоны (**32%**). Женщины так отвечали чаще, чем мужчины (41/21), пожилые люди – чаще, чем молодёжь (54/15). Поэтому безработица операторам стационарной связи пока не грозит. Хотя уж очень невелико (**1,5%**) число тех, кого вполне утраивает один лишь домашний телефон. Даже среди пожилых людей их едва наберётся **6%**. Несколько удивили **3%** воронежцев, которые заявили, что им вообще никакой телефон не нужен. Среди самых бедных горожан **11%** опрошенных считают, что они вполне могут обходиться без телефонной связи.

Следовательно, в ближайшем будущем можно ожидать массовых отказов от стационарной телефонной связи, что важно учитывать исследователям рынка и общественного мнения в процессе планирования социологических и маркетинговых исследований методом телефонных опросов. При работе с базами стационарных телефонов нужно понимать, что достижимость некоторых социальных групп респондентов будет перманентно уменьшаться.

О. В. Рыбакова
ПРОБЛЕМА ФАЛЬСИФИКАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:
СТАРЫЕ ВЫЗОВЫ – НОВЫЕ РЕШЕНИЯ

РЫБАКОВА О. В. – кандидат философских наук, доцент кафедры прикладной социологии УрФУ, директор Центра маркетинговых исследований Фонда «Социум». E-mail: ovr@fsocium.ru.

Магические для социологов всех поколений вопросы «достоверности, качества, надёжности социологической информации» с переходом из академического контекста в коммерческий не только не утратили своей актуальности, но стали ещё более дискуссионными. В 80-е отечественные социологи Б. З. Докторов, Г. И. Саганенко, В. И. Паниотто, В. Э. Шляпентох [1–3] и др., размышляя о надёжности, обоснованности социологической информации, строили системы критериев оценки качества, апеллируя к типам валидности: конструктивной, прогностической, статистической, внутренней и внешней. В центре дискуссии были темы правильности выбора методической стратегии, построения выборки, соответствия числовой модели изучаемой эмпирической системе с отношениями [4, с. 102]. Все эти вопросы не потеряли своей актуальности и сегодня. Они по-прежнему находятся в поле зрения социологов, развивающих методологию и методы социологического исследования. Появление новых исследовательских технологий сопровождается множеством методических экспериментов, направленных на диагностику их возможностей и ограничений.

В то же время тема качества социологической информации сегодня приобрела ряд новых аспектов, вызывающих жаркие споры.

Акценты в дискуссии сместились с борьбы за методологическую чистоту в сторону обсуждения вопросов ангажированности исследователей, коммерческой выгоды, некорректных интерпретаций данных в СМИ и т. д. С чем связаны эти метаморфозы, и почему тема качества столь важна сегодня для профессионального сообщества?

Во-первых, развитие прикладных социологических исследований в течение последних 20 лет фактически привело к созданию новой для России отрасли информационных услуг с развитой рыночной инфраструктурой. Годовой объём российского рынка маркетинговых исследований по данным Esomar вырос с 2 млрд руб. в 2002 г. до 14 млрд руб. в 2013 г.

Темпы роста исследовательской отрасли до последнего года были выше, чем темпы роста российской экономики в целом. До последнего времени Россия занимала 14 место в мире и 7 место в Европе по масштабам рынка маркетинговых исследований. В 2014 г. в России работали около 400 исследовательских компаний, в которых трудились более 4500 постоянных сотрудников и порядка 20000 интервьюеров [5].

Столичные и региональные компании проводят сотни социологических и маркетинговых исследований ежегодно, практически поставив их на поток. Это приводит к производственной специализации как между компаниями, так и внутри их. Исследование становится отлаженным технологическим процессом, в котором участвует множество специалистов: аналитиков – разработчиков дизайна и методических документов, полевиков, контролеров, кодировщиков и т. д., и каждый из них выполняет свой объём работ. Соответственно, такое производство не предполагает целостного видения проблемы качества итоговых результатов его отдельными участниками. Целостное представление о качестве распадается на множество конкретных фрагментов: качество дизайна, качество полевых работ, качество ввода данных на этапе первичной обработки, качество интерпретаций. Более того, решение задачи получения надёжной, достоверной социологической информации переходит в плоскость конкретных ПРИКЛАДНЫХ требований к работе персонала на каждом этапе исследовательского процесса.

Множатся и унифицируются правила: инструкции, стандарты, процедуры контроля и т. д. Эти процессы переводят проблему качества из сферы теоретико-методологических экзерсисов в жёсткие технологические рамки.

Во-вторых, сегодня результаты социологических исследований рассматриваются как информационное обеспечение разработки законопроектов, стратегий ведения бизнеса, принятия управленческих решений и т. д. Соответственно, растёт интерес пользователей социологической информации к вопросам её качества, достоверности. Заказчики социологических исследований хотят иметь чёткие ориентиры, позволяющие оценить уровень надёжности результатов исследования.

В-третьих, небывалый по своим масштабам расцвет в России разнообразных полстерских исследований высветил ещё одну важную грань проблемы качества = достоверности социологической информации. Вопрос об истинности полученного знания дополнился вопросом о его легитимации. Социологическое исследование является уникальным инструментом, позволяющим не только распознавать язык больших социальных общностей, но и использовать его в управлении массовым сознанием. Именно этим можно объяснить растущую популярность опросов общественного мнения, которые придают социологическим данным **«легитимную научную»** форму, превращая разрозненный, фрагментарный опыт индивидов во вполне **статистически значимые картины мнений**. И хотя их научная легитимность неоднократно оспаривалась самими социологами, сконструированные таким образом модели объяснения служат сильным аргументом в манипуляции общественным мнением, будь то позиционирование бренда или некая идеологическая конструкция. А практика так называемых формирующих опросов, или, как их сегодня называют, «ватных опросов» доводит этот аспект проблемы качества до абсурда, лишая его всякого смысла. Причём интересно, что баталии вокруг легитимности результатов таких опросов ведутся коллегами преимущественно в поле

взаимных обвинений в нарушении правил коммуникации, технологий сбора и обработки социологической информации [7].

Таким образом, как мы видим, проблема качества и достоверности результатов социологических и маркетинговых исследований, с одной стороны, многогранна, а с другой – может быть определена одним ёмким термином – **фальсификация**, под которой, согласно толковому словарю подразумевается «подмена чего-либо подлинного, настоящего ложным, мнимым». Речь при этом может идти о любой составляющей исследовательского процесса: об объяснительных моделях, о методических и технологических приемах, о дискурсивных диссонансах, приводящих к неэффективности общения = НЕдостижению коммуникативных целей участников исследовательского процесса и т. д.

Мы можем утверждать, что во всех своих проявлениях: и по части нарушения технологических правил, и при несоблюдении этических и семантических норм коммуникации, знание, претендующее на подлинную качественную информацию об изучаемом объекте, становится ложным, мнимым, или **сфальсифицированным**.

Анализ профессиональных электронных ресурсов («Мануфактура Соцпох», «Открытое мнение») показывает, что периодически «вспыхивающие» дискуссии касаются разных форм фальсификаций: от принуждения к фабрикации результатов исследований до нарушения конкретных технологических процедур исследовательского процесса.

Рисунок 1 – Структура дискурса темы «фальсификации в социологических исследованиях», % от общего числа единиц контекста [8]

Анализ содержания текстов позволил выявить структуру дискурса темы. В первую очередь профессиональное сообщество обеспокоено проблемами фальсификации результатов исследований в силу политической ангажированности исполнителей, что неминуемо ведёт к усилению недоверия социологической информации. В качестве способов фабрикации участники дискуссий называли прежде всего ошибки измерения семантического и статистического характера, которые приводят к «желаемому сдвигу» результатов опросов. А наиболее в качестве действенного метода борьбы с такой формой фальсификации предлагаются открытые обсуждения в профессиональном сообществе, альтернативные исследования и профессиональная экспертиза.

Интересно, что на втором месте по частоте обсуждения находятся вопросы собственно нарушения методологии и исследовательских технологий как следствие непрофессионализма «горе-исследователей». Фальсификации в этом случае не имеют отношения к политической ангажированности, носят непреднамеренный характер и, по мнению дискуссантов, являются следствием непонимания исследовательского процесса и/или стремлением экономии бюджета. Эффективными способами минимизации таких фальсификаций профессионалы считают совершенствование арсенала методов, в первую очередь для качественной стратегии; выявление фактов и обсуждение их в профессиональной среде, совершенствование методов контроля качества.

Наконец, лишь малая толика дискуссий касается фабрикаций в работе интервьюеров, хотя это одно из самых узких мест в исследовательском процессе. Наши исследования интервьюерских сетей показали, что подавляющее число интервьюеров (более 70%) систематически допускают в работе самые различные фальсификации: от полного самозаполнения анкет до «консультаций» по правильным ответам.

Таким образом, даже такие небольшие по масштабам исследования свидетельствуют о том, что тема фальсификаций в социологических исследованиях заслуживает профессиональной рефлексии. Попытка разобраться в этом вопросе носит совсем не праздный характер, но является частью работы, направленной, с одной стороны, на поиск способов повышения качества профессиональной деятельности персонала исследовательской компании, а с другой – на повышение доверия к социологической информации со стороны ее потребителей, да и самого профессионального сообщества.

Литература

- 1 Докторов Б. З. О надёжности измерения в социологическом исследовании. Л., Наука, 1979. 128 с.
- 2 Саганенко Г. И. Надёжность результатов социологического исследования. Л., Наука, 1983г. 142 с.
- 3 Шляпентох В. Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: Центр социального прогнозирования, 2006. 664 с.
- 4 Паниотто В. И. Качество социологической информации. Киев: Наукова думка, 1986.
- 5 ВЦИОМ. 3.02.2015. URL:
http://wciom.ru/fileadmin/nayka/gr2014/presentations/7/Grushin-2014_Dembo_sek7.pdf.
- 6 Шампань П., Ленуар Р, Мерлье Д, Пэнто Л. Начала практической социологии. М: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 172.
- 7 <https://www.facebook.com/groups/socpokh/>
- 8 Исследование проводилось методом контент – анализа текстов профессиональных групп «Мануфактура соц.пох» и «открытое мнение» за период январь 2014- январь 2015гг. В выборку включены 32 дискуссии, в том числе 32 поста и 891 комментарий. Из выборки исключались тексты, содержащие личностный контекст и тексты об опросах в Украине.

- 9 Каждое значение категорий иллюстрировалось индикаторами текста для достижения смыслового соответствия при кодировании. Диапазон комментариев: мин. – 2 макс. – 275. Среднее количество 32.
- 10 Исследование проводилось в мае- июне 2014г методами онлайн опроса и личного интервью (сплит 50/50). Целевая выборка 220 чел.

В. В. Токарев

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РЕЙТИНГ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПАНИЙ РОССИИ. РЕЗУЛЬТАТЫ 2014 ГОДА И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

ТОКАРЕВ В. В. – кандидат технических наук, доцент, генеральный директор ЗАО ЦСМИ «Аналитик» (Волгоград). E-mail: chief@socio-research.ru.

В 2014 г. Ассоциация региональных социологических центров провела очередную волну исследовательского проекта «Профессиональный рейтинг исследовательских компаний» (РИК-2014). Инициативный проект «Группы 7/89» был начат в 2004 г., завершённая волна стала десятой в ряду ежегодных исследований и, видимо, последней, проводившейся в уже «привычном» и апробированном за прошедшие годы формате.

Основные параметры завершённого исследования могут быть достаточно полно охарактеризованы в следующих предложениях:

Цель исследования: Основной целью исследования явилось профессиональное оценивание компаний – заказчиков полевых работ для организаций, размещённых в регионах России; а также анализ ситуации на рынке социологических и маркетинговых исследований в части распределения субподрядных (как правило – полевых) работ в регионах.

Объект исследования: Исследовательские компании, дислоцирующиеся в регионах России и выполняющие субподрядные работы по заказам столичных (размещённых в Москве и Санкт-Петербурге) исследовательских компаний, а также по заказам региональных компаний, размещённых в других регионах России.

Генеральная совокупность: Предварительная «оценка сверху» общего объёма генеральной совокупности компаний-оценщиков составила около 260 единиц (именно такое количество компаний работает в регионах России и выполняет «внешние» заказы на полевые работы).

Компании-респонденты: В 2014 г. в ходе исследования были получены 154 заполненные анкеты (в 2012 г. – 115, в 2013 – 153). Респонденты, принявшие участие в исследовании, дислоцированы на территории 59 регионов России, в которых проживает 78% населения страны.

Объекты оценки: В списки компаний, оцениваемых в проекте РИК, было включено 50 компаний, в т. ч. 39 компаний из Москвы, 5 компаний из Санкт-Петербурга и 6 региональных исследовательских компаний.

Технология оценки: Исследовательские компании оценивались по совокупности «ресурсов» (технологический, кадровый, символический, организационный, финансово-экономический). На основании полученных оценок был рассчитан совокупный рейтинг компаний, приведённый к 100-балльной шкале.

Представление результатов: В итоговые рейтинги включены 25 компаний, наиболее активно работающих с респондентами, принявшими участие в проекте РИК. Все компании, включенные в итоговые рейтинги, были оценены не менее чем 37 компаниями-оценщиками. Максимальное количество оценок одной компании составляет 99 единиц (в 2013 г. минимальное количество оценок составило 29, а максимальное – 92).

Таблица 1 Оценка охвата территории России исследователями и совокупный рейтинг исследовательских компаний

##	Исследовательские компании 25 компаний, оцененных наибольшим числом респондентов (не менее 37 оценок)	Год исследования				Изменение рангов за год	Год исследования				Изменение рангов за год
		2013 год		2014 год			2013 год		2014 год		
		Охват регионов исследованиями	Ранг по охвату	Охват регионов исследованиями	Ранг по охвату		Совокупный рейтинг	Ранг по совокупному рейтингу	Совокупный рейтинг	Ранг по совокупному рейтингу	
1	Фонд «Общественное мнение» (Москва)	66%	5	67%	6	↓1	88,7	1	86,4	1	0
2	Ипсос (IPSOS-Russia) (Москва)	56%	14	58%	18	↓4	76,0	6	80,8	2	↑4
3	TNS Russia (Москва)	71%	2	83%	3	↓1	74,1	8	79,6	3	↑5
4	МиксРисеч (Mix-Research) (Санкт-Петербург)	42%	22	50%	23	↓1	73,5	9	79,0	4	↑5
5	ACNielsen /а VNU Company (Москва)	52%	17	67%	7	↑10	75,5	7	78,6	5	↑2
6	Левада-Центр (Москва)	57%	11	66%	9	↑2	77,5	2	78,3	6	↓4
7	ФАКТОР, ЮРИЦ (Ростов-на-Дону)	30%	25	50%	21	↑4	74,5	Н/Д	76,7	7	Н/Д
8	ЦИРКОН, Исследовательская группа (Москва)	60%	8	67%	8	↑0	76,1	4	76,1	8	↓4
9	VALIDATA (Москва)	48%	19	63%	14	↑5	76,1	5	74,5	9	↓4
10	Институт социологии РАН (Москва)	39%	23	47%	24	↓1	69,8	13	73,9	10	↑3
11	МИП (Москва)	55%	16	51%	20	↓4	77,1	3	73,2	11	↓8
12	Synovate Comcon (бывш. Комкон) (Москва)	51%	18	64%	12	↑6	71,0	11	73,1	12	↓1
13	GfK RUS (Москва)	66%	4	85%	2	↑2	72,3	10	72,9	13	↓3
14	МАРК Аналитик (Москва)	44%	21	50%	22	↓1	68,2	Н/Д	72,6	14	Н/Д
15	Божоле (Москва)	59%	9	65%	10	↓1	69,4	14	71,5	15	↓1
16	A/R/M/I Marketing (Москва)	57%	12	68%	5	↑7	67,7	16	71,4	16	0
17	О+К (Санкт-Петербург - Москва)	46%	20	57%	19	↑1	68,9	15	70,4	17	↓2
18	ВЦИОМ (Москва)	78%	1	87%	1	↑0	67,0	18	69,4	18	0
19	MASMI Moscow (Москва)	56%	13	63%	15	↓2	67,6	17	68,4	19	↓2

##	Исследовательские компании 25 компаний, оцененных наибольшим числом респондентов (не менее 37 оценок)	Год исследования						Изменение рангов	Год исследования						Изменение рангов
		37%	24	43%	25	↓1	63,9		21	68,1	20	↑1			
20	Той-опинион (Санкт-Петербург)	37%	24	43%	25	↓1	63,9	21	68,1	20	↑1				
21	Фабрика маркетинга (Москва)	65%	6	73%	4	↑2	66,0	20	67,2	21	↓1				
22	Бизнес-Аналитика (Москва)	62%	7	64%	11	↓4	62,3	22	63,2	22	0				
23	MAGRAM Market Research (Москва)	55%	15	64%	13	↑2	61,4	23	62,8	23	0				
24	Top of Mind (Москва)	58%	10	62%	16	↓6	60,9	24	62,0	24	0				
25	РОМИР (Москва)	66%	3	58%	17	↓14	49,8	25	56,5	25	0				

В таблице 1 представлены общие оценки столичных исследовательских компаний по условному «охвату» региональных подрядчиков исследованиями (интегральная оценка масштаба деятельности в регионах) и итоговому рейтингу, представленному в 100-балльной шкале. Компании в таблице упорядочены по мере убывания совокупного рейтинга по результатам исследования 2014 года. Жирными шрифтами в таблице выделены компании, вошедшие в первую пятёрку по совокупному рейтингу по результатам девятой волны исследования, проводившейся в 2013 г.

Таблица 2 Динамика совокупного рейтинга оцениваемых компаний, полученного в исследованиях 2010–2014 годов

Год проведения исследования	2014 год		2013 год		2012 год		2011 год		2010 год	
	Рейтинг	Ранг	Рейтинг	Ранг	Рейтинг	Ранг	Рейтинг	Ранг	Рейтинг	Ранг
Фонд "Общественное мнение" (Москва)	85,0	1	88,7	1	85,7	1	83,3	1	91,5	1
Ипсос (IPSOS-Russia) (Москва)	79,5	2	76,0	6	76,1	4	80,5	2	83,5	2
TNS Russia (Москва)	78,5	3	74,1	8	73,5	6	70,5	10	70,2	8
ACNielsen /а VNU Company (Москва)	78,2	4	75,5	7	72,6	7	76,7	4	69,3	10
МиксРисеч (Mix-Research) (Санкт-Петербург)	77,1	5	73,5	9	65,4		71,2			
Левада-Центр (Москва)	76,3	6	77,5	2	75,9	5	76,5	5	76,9	6
ФАКТОР, ЮРИЦ (Ростов-на-Дону)	75,7	7	74,5		65,6	17	71,7	8	52,9	
ЦИРКОН, Исследовательская группа (Москва)	75,2	8	76,1	4	78,9	2	77,1	3	77,0	5
VALIDATA (Москва)	74,5	9	76,1	5	69,0	13	69,4	11	60,1	
Институт социологии РАН (Москва)	73,9	10	69,8	13	72,1		67,6		61,7	
Synovate Comcon (бывш. Комкон) (Москва)	72,9	11	71,0	11	71,5	10	69,4	12	77,0	4
GfK RUS (Москва)	72,5	12	72,3	10	71,5	9	72,9	7	66,9	15
МИП (Москва)	72,2	13	77,1	3	77,7	3	73,1	6	80,3	3
МАРК Аналитик (Москва)	71,5	14	68,2		62,6					
Божоле (Москва)	71,0	15	69,4	14	69,7	12	69,7		64,2	
О+К (Санкт-Петербург - Москва)	70,4	16	68,9	15	72,3	8	66,9	13	68,4	12
A/R/M/I Marketing (Москва)	70,2	17	67,7	16	64,7	18	65,7	16	71,6	7
СОЦИС (Ярославль)	69,7	18	68,5		69,2		65,5	17	57,2	22
ВЦИОМ (Москва)	68,4	19	67,0	18	67,4	15	63,4	19	69,6	9
MASMI Moscow (Москва)	67,9	20	67,6	17	70,5	11	71,1	9	67,6	14
Фабрика маркетинга (Москва)	66,9	21	66,0	20	59,5	22	59,8			
Бизнес-Аналитика (Москва)	62,4	22	62,3	22	64,1	20	59,1	23	52,8	24
MAGRAM Market Research (Москва)	62,3	23	61,4	23	60,9	21	59,4	22	53,4	23
Top of Mind (Москва)	62,0	24	60,9	24	55,6	24	57,1	24	60,4	19
РОМИР (Москва)	56,5	25	49,8	25	53,2	25	52,3	25	58,5	21

В таблице 2 представлены показатели динамики совокупного рейтинга компаний, вошедших в итоговый список 2014 г., в пяти волнах исследования. Показатели совокупного рейтинга рассчитывались как линейная комбинация оценок по пяти факторам (ресурсам) с учётом их оценок значимости факторов (весов):

$$Y = a_1 * C_1 + a_2 * C_2 + \dots + a_5 * C_5 .$$

Показатели динамики оценки значимости различных факторов за все время исследования (начиная с 2007 года) иллюстрируются диаграммой, представленной на рисунке 1. Процентные показатели, приведённые на диаграмме, представляют собой «вклад» каждого из ресурсов в совокупный рейтинг исследовательской компании.

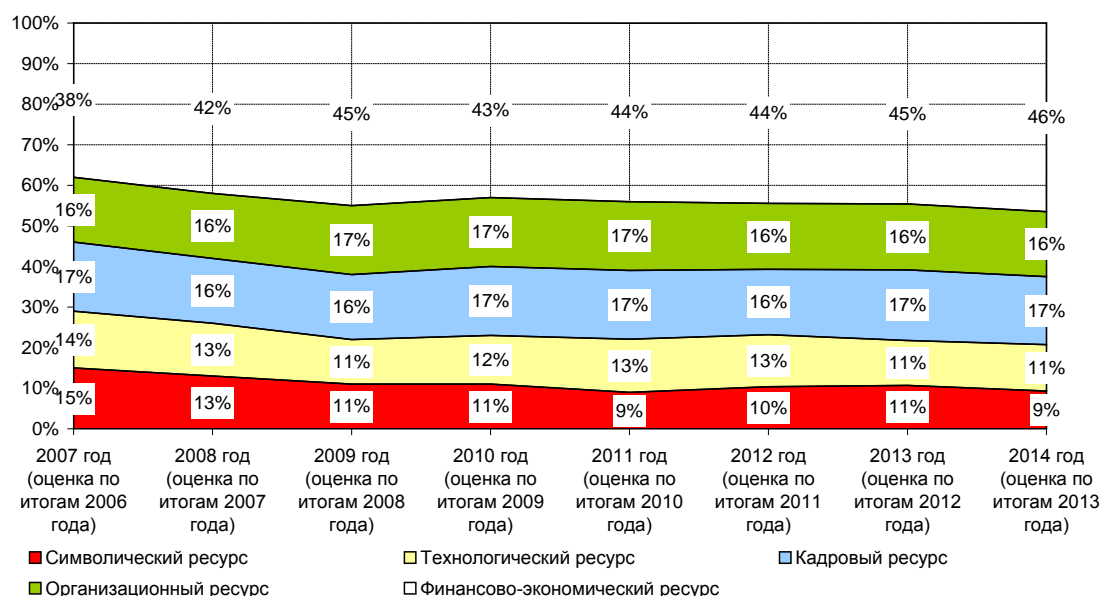

Рисунок 1 – Показатели динамики оценки значимости ресурсов, определяющих совокупный рейтинг исследовательских компаний

Опыт проведения проекта «Профессиональный рейтинг исследовательских компаний» в течение ряда лет позволяет утверждать следующее:

- 1 Проект и его результаты, безусловно, востребованы компаниями, работающими в отрасли RO&MR и отражают ситуацию на рынке.
- 2 В то же время трудоёмкость проведения проекта с каждым годом заметно увеличивается, а ценность результатов, на наш взгляд, растёт, мягко говоря, не пропорционально.

Характеризуя ситуацию в целом, можно отметить, что структурные изменения на рынке RO&MR в последние годы не столь стремительны, как в начале 2000-х годов и, в целом, очевидны для большинства его участников. Лидеры остаются лидерами (ФОМ, например, уже много лет занимает первую строчку рейтинга), аутсайдеры – аутсайдерами (уже четыре года последнюю позицию занимает «Ромир»), лишь в средней части списка происходят некоторые вполне понятные для наблюдателя подвижки. Как отметил один из респондентов РИК: «С рынка

уходит энергетика. Со стороны клиента, исполнителя, интервьюеров. Нет источника вдохновения. Дефицит доверия. Инерция переходит в инертность».

В сложившихся условиях «Группа 7/89» приняла решение о пересмотре методики проекта «РИК». В 2015 г. проект будет реализован в виде совокупности трёх компонентов:

- 1 Экспертного опроса руководителей компаний, входящих в «Группу 7/89», а также ряда региональных компаний (не «сплошной», как в прошлые годы, а направленный отбор).
- 2 САТI-опроса сотрудников региональных компаний, ответственных за взаимодействие с заказчиками полевых работ (формализованное телефонное интервью по «облегченной» методике, сплошной отбор).
- 3 Качественного исследования, направленного на анализ основных тенденций развития региональных рынков и оценку закономерностей взаимодействия заказчиков и исполнителей полевых работ в регионах России.

В. В. Токарев, Н. В. Дулина

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НЕАКАДЕМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ

ТОКАРЕВ В. В. – кандидат технических наук, доцент, генеральный директор ЗАО ЦСМИ «Аналитик» (Волгоград). E-mail: chief@socio-research.ru.

ДУЛИНА Н. В. – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой «История, культура и социология» ВолгГТУ. E-mail: nv-dulina@yandex.ru.

Трансформация социальной жизни современных российских регионов под влиянием глобализации усиливается постоянными внутренними институциональными преобразованиями. Одно из следствий таких преобразований – появление и закрепление в научном пространстве так называемой неакадемической (коммерческой) социологии, занявшей уверенные позиции на рынке социологических и маркетинговых исследований (Public Opinion & Market Research – PO&MR). История этого рынка в нашей стране не долгая, насчитывает всего четверть века, но, как свидетельствуют данные социологических исследований, рынок этот вполне успешно развивается [см., например, 1–4, 8–11]. Более того, как мы полагаем, есть все основания говорить о том, что рынок PO&MR завершает процесс своей институционализации.

Действительно, если под институционализацией понимать процесс определения и закрепления социальных норм, правил, статусов и ролей, приведение их в систему, способную действовать в направлении удовлетворения некоторой общественной потребности, то все признаки это процесса в настоящее время, что называется, налицо. Попробуем проиллюстрировать данное утверждение, обратившись к результатам инициативных социологических исследований, выполненных Ассоциацией региональных исследовательских центров «Группа 7/89» (Ассоциация). Заметим, что само существование этой Ассоциации (как обозначено на её сайте – это общественная организация, объединяющая компании больших и малых городов России, ближнего и дальнего зарубежья), работающей на рынке PO&MR,

лишний раз подтверждает институционализацию неакадемической социологии в России. Кроме того, проведение подобного рода исследований, без сомнения, свидетельствует о социальной зрелости и ответственности членов Ассоциации, поскольку в данном случае преследуются не столько личные (внутренние) и не коммерческие цели, сколько общественно значимые.

Изучение рынка RO&MR (своего профессионального поля) Ассоциацией проводится в рамках проекта под названием «Профессиональный рейтинг исследовательских компаний» («РИК») уже десять лет, в 2014 г. была завершена уже десятая волна этого проекта. Результаты всех предыдущих волн исследования в том или ином виде были представлены общественности либо в научных публикациях [1, 2, 4, 8–11], либо на сайте Ассоциации. Самые первые результаты были вынесены на суд публики ещё в 2005 г. [3]. Не будем пересказывать основные результаты, полученные в ходе проекта, напомним лишь, что основной целью этого исследования является профессиональное оценивание компаний – заказчиков полевых работ для организаций, размещённых в регионах России; а также анализ ситуации на рынке социологических и маркетинговых исследований в части распределения субподрядных (как правило – полевых) работ в регионах. Заметим, что от волны к волне выявленные в ходе реализации проекта тенденции развитости рынка RO&MR, как правило, получают своё подтверждение, что свидетельствует о грамотно разработанной инструментари и методе проведения исследования.

Как свидетельствуют результаты выше упомянутого и иных исследований, рынок RO&MR в нашей стране включает в себя около 70–100 в столицах и 250–270 в регионах [7]. Такое количество субъектов рынка RO&MR явно свидетельствует о масштабе статусов и ролей, следовательно, о закреплении социальных норм, правил «игры», ведь в противном случае, масштаб такого статуса был бы значительно меньше или вообще один, уникальный (единственным в своем роде).

Согласно данным исследования «Стоимость исследовательского бизнеса» (еще одного инициативного проекта Ассоциации), компании – члены Ассоциации имеют значительные материальные активы [см., например: 5, 6]. Материальные активы к 2013 г. (по сравнению с 2006 г.) в среднем выросли в долларовом эквиваленте на 32%, в рублевом – на 53% (среднее значение в 2006 г. составляло \$100 тыс., в 2012 г. – \$133 тыс.) [6, с. 284]. Интересным является тот факт, что рост суммарного оборота компаний «Группы 7/89» практически совпадает с ростом суммарного оборота ОИРОМ. Можно согласиться с тем, что в «некоторой степени это доказывает репрезентативность «Группы 7/89» как группы региональных компаний и подтверждает корректность расчетов ОИРОМ» [5, с. 289].

Обозначение доказательной базы, подтверждающей, что институционализация рынка RO&MR идёт полным ходом и, видимо, близка к своему завершению, можно ещё долго продолжать, но главное, по нашему мнению, в ином. Рынок RO&MR, как представляется, за последние годы приобрёл вполне цивилизованный вид в нашей стране, заменив спонтанное и экспериментальное поведение на предсказуемое поведение, которое ожидается, моделируется, регулируется. И если институционализация – это восхождение, укрепление социальной практики до уровня института, законодательное оформление статуса, обрастание организационной инфраструктурой и материальными ресурсами, то, видимо, остаётся только окончательное формальное (законодательное) оформление статуса неакадемической (коммерческой) социологии в стране.

Литература

- 1 Дулина Н. В. Рейтинг региональных исследовательских компаний: основные результаты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 2(7). С. 64–73.
- 2 Дулина Н. В., Токарев В. В. Тенденции развития региональных рынков социологических и маркетинговых исследований // Четвёртая международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 27–28 февраля 2014 г. Материалы конференции. М.: ВЦИОМ, 2014. С. 275–278. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- 3 Звоновский В. Б. Основные результаты исследования «Рейтинг исследовательских компаний» // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2005. № 2. С. 11–20.
- 4 Звоновский В. Б. Основные результаты исследования «Рейтинг исследовательских компаний» // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2006. № 3. С. 25–38.
- 5 Муратова И. Н. Основные экономические показатели компаний – членов группы «7/89» // Четвертая международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 27–28 февраля 2014 г. Материалы конференции. М.: ВЦИОМ, 2014. С. 286–290. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- 6 Муратова И. Н. Оценка стоимости исследовательского бизнеса на примере компаний – членов Ассоциации «Группа 7/89» / И. Н. Муратова // Четвёртая международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 27–28 февраля 2014 г. Материалы конференции. М.: ВЦИОМ, 2014. С. 283–286. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- 7 Проценко С. Н. Тенденции развития и институционализации отрасли исследований в России // Четвёртая международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 27–28 февраля 2014 г. Материалы конференции. М.: ВЦИОМ, 2014. С. 291–293. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- 8 Токарев В. В., Дулина Н. В. Рынок социологических услуг в современной России: исторические предпосылки возникновения // Известия Волгоградского государственного технического университета: мезвуз. сб. науч. ст. / ВолГТУ. Волгоград, 2013. № 16(119). С. 49–52.
- 9 Токарев В. В. Методика и результаты проекта «Профессиональный рейтинг исследовательских компаний–2013» // Четвёртая международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 27–28 февраля 2014 г. Материалы конференции. М.: ВЦИОМ, 2014. С. 296–299. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- 10 Токарев В. В. Профессиональный рейтинг исследовательских компаний России. Итоги 2011 года // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса; 23–25 октября 2012 г. Уфа, С. 2015–2022, 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- 11 Токарев В. В. Ситуация в региональном сегменте рынка социологических и маркетинговых исследований России // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса; 23–25 октября 2012 г. Уфа, С. 3251–3255, 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Г. А. Цветкова
МУНИЦИПАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИИ:
РАСШИРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ⁵⁴

ЦВЕТКОВА Г. А. – доктор социологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: Qaltsvet@yandex.ru.

Современная реформа местного самоуправления в России продолжается уже почти четверть века. За этот период муниципально-территориальная структура страны постоянно подвергалась и подвергается количественным изменениям. Подтверждением этому может служить реализация ФЗ №131 от 6.10.2003 г. По данным Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, с **2006 г.** было образовано **24079 муниципальных образований** (исключая Чеченскую Республику, Ингушскую республику и Владимирскую область), из них 19 769 сельских поселений, 1773 городских поселения, 1780 муниципальных районов, 521 городской округ, 236 внутригородских территорий (125 в Москве, 111 в Санкт-Петербурге, в других городах с 2006 года внутригородские территории отменены).

На 1 января 2010 г. насчитывалось уже **23907 муниципальных образований**. Среди них: 1829 муниципальных районов; 512 городских округов; 236 внутригородских территорий города федерального значения: 111 муниципальных образований, городов и посёлков в Санкт-Петербурге и 125 муниципальных образований в Москве; 1739 городских поселений; 19 591 сельское поселение.

Через год (на **01.01.2011 г.**), было зарегистрировано **23304 муниципальных образования**, в т. ч.: 1824 муниципальных района; 515 городских округов; 236 внутригородских территорий города федерального значения: 111 муниципальных образований, городов и посёлков в Санкт-Петербурге и 125 муниципальных образований в Москве; 1733 городских поселения; 18 996 сельских поселений [1].

На **01.01.14 г.** действовало **22777 муниципальных образований**, в т. ч.: 1817 муниципальных районов; 517 городских округов; 257 внутригородских территорий города федерального значения; 1660 городских поселений; 18537 сельское поселение. Следовательно, количество муниципальных образований с 2006 по 2014 гг. уменьшилось на 1302. Что касается территориальной структуры локального уровня, то количество муниципальных районов, городских и сельских поселений сократилось. При этом увеличилось количество городских округов и внутригородских территорий города федерального значения. Количественные изменения муниципально-территориальной структуры страны продолжают.

Справедливости ради, необходимо указать, что **территории муниципальных образований** в отдельных субъектах России **совпадают с административно-территориальным делением**, к примеру, городскому округу соответствует город республиканского, краевого, областного, окружного значения, городскому поселению — город или посёлок городского типа районного значения, сельскому поселению — сельсовет или сельский округ. Но наряду с этим **во многих регионах имеются значительные расхождения**.

Причём революционность изменений осталась практически не замеченной ни гражданами (если у них не было потребности в регистрации документов локального уровня), ни

⁵⁴ Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 14-18-02016 «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2000 годы).

исследователями. Подтверждением этому служит использование социологами при проведении ими эмпирических исследований традиционной системы административно-территориального устройства страны, которая не совпадает с типами и границами муниципальных образований. Ибо территории объединяют в себе несколько поселений или являются частью поселения.

Территориальный уровень обследований необходимо изменять, расширяя исследовательское поле в целях комплексного видения реалий. Ибо объективно благополучие россиян зависит от развития муниципальных образований, где они живут, и от предприятий, на которых они работают. В свою очередь их прогресс связан с качеством и количеством социально-экономических ресурсов. Следовательно, от муниципального хозяйства, представляющего собой особое звено в национальном хозяйстве страны и вызывающего у социологов потребность к его изучению.

Злободневность обращения к локальному уровню обусловлена и переходом к современной модели формирования местного самоуправления, вызвавшим радикальные изменения в социально-экономических процессах. Местное самоуправление выделено из структуры государственных органов власти и объявлено самостоятельным. Исходя из этого, муниципальные образования разрабатывают и реализуют собственную социально-экономическую политику, в которой одним из основных направлений является создание условий для эффективного функционирования предприятий и организаций, расположенных на соответствующей территории. В этих условиях проявляется двоякая роль местных органов власти: с одной стороны, они выступают как хозяйствующие субъекты в отношении предприятий муниципальной формы собственности, с другой – как субъекты, координирующие деятельность предприятий различных форм собственности (частной, федеральной, региональной, акционерной и пр.) в интересах местного сообщества, т. е. субъекты исследования тесно взаимосвязаны. Что предполагает необходимость комплексного подхода к оценке социального и экономического положения муниципального образования как многофункциональной системы, создающей возможности для реализации нужд жителей, включая работников предприятий.

Внимание к локальному уровню определено и тем, что граница экономической дифференциации в современных условиях в гораздо большей степени пролегает не на межрегиональном уровне, а внутри каждого из них – между крупными, средними и малыми городами, районами и селами, т. е. по иерархической системе населённых мест. Ибо поселения оказались лишёнными реальных ресурсов, вынуждены действовать в условиях явного недостатка финансовых средств, инфраструктурных и кадровых ограничений. То же, только в другом масштабе, можно говорить и о городских округах. Местному самоуправлению приходится бороться со стремлением вышестоящих уровней публичной власти сконцентрировать ресурсы наверху, а ответственность переложить вниз [2]. Региональный ракурс сегодня для глубинного осмысления социальных процессов мало пригоден. Хотя, безусловно, сочетание двух ракурсов – регионального и центрo-периферийного – позволяет более адекватно оценить социальные различия, связанные с изменением образа жизни и системы социальных ценностей в России. При этом территорию необходимо рассматривать не только как полигон для жизнедеятельности людей, но и как естественноисторическое, социально-экономическое и культурное образование.

Наконец, нельзя не отметить ещё один немаловажный фактор выбора локального уровня, который обусловлен переходом отечественной статистики на международную практику системы учёта и статистики. Её основой является наблюдение за хозяйствующими субъектами

независимо от отраслевой принадлежности. В рамках этого сбор данных федерального статистического наблюдения по территориально-обособленным подразделениям уже объявлен с 2007 г. Он должен учитывать производственные показатели предприятий по месту их фактической деятельности и формировать данные в разрезе муниципальных образований. Предполагается, что база муниципальных образований будет включать 22 информационных блока. В целом объект муниципальной статистики определён не только территориальными, но и хозяйственными границами.

Программа объявлена, но механизм реализации предметно не проработан, поэтому объектом статистики остаётся отраслевой аспект в ущерб территориальному. Как следствие – местные органы власти в полной мере не располагают данными о социально-экономическом состоянии, производственном потенциале, социальном развитии предприятий и организаций, действующих на территории муниципального образования, что вызывает большие сложности при анализе объективной ситуации и разработке социальной политики на локальном уровне.

Необходимо подчеркнуть, что классификация населённых пунктов, принятая за основу исследователями-социологами, могла быть другой, т. е. соответствовать типам муниципальных образований. Но этого проблематично по объективным причинам: во-первых, постоянные изменения территориального устройства на уровне местного самоуправления.

Во-вторых, не содействуют этому и статданные как основные источники эмпирической базы, представленные в разрезе административного устройства страны (градостроительная классификация населённых пунктов). Хотя общероссийский классификатор территорий муниципальных образований сформирован.

В-третьих, сложность проблем обусловлена и слабым уровнем профессионализма государственных и муниципальных служащих. Наглядным подтверждением тому является постоянный пересмотр законодательной базы (за период с 2003 по 2007 гг. было принято около 30-ти федеральных законов и внесено изменений и дополнений в базовый ФЗ № 131 от 6.10.2003 г.).

В-четвёртых, не способствует осмыслению ситуации с учётом муниципально-территориальной структуры и низкий уровень сопричастности населения к местному самоуправлению. Наша практика как исследователей в этой области позволяет прийти к выводу, что большинство жителей не знают территориальных особенностей местного самоуправления. При опросах многие из них затрудняются ответить на вопрос: «В каком типе муниципального образования Вы живёте?»

В этом посыле низка роль и представителей власти. По данным всероссийского опроса (2012 г.) 64% опрошенных, считали, что «иногда политика и действия властей кажутся такими запутанными и сложными, что подобные мне люди не в состоянии ясно понять, что происходит». В сёлах на это указывали почти 70% респондентов, в столичных, краевых и областных центрах – 65% опрошенных [3]. И эта тенденция сохраняется. Отсюда, население практически лишено мотивации участия в самоуправлении.

Важный аспект осмысления многоуровневой территориальной организации заключается и в сопоставимости административно-территориальных единиц локального уровня по различным объективным показателям: территории, численности и плотности населения, роли в структуре экономической деятельности и т. д., что обеспечивает возможность формирования реальной функциональной нагрузки на органы власти.

Более того исходным фактором расширения пространства социологических данных через внедрение в регулярную практику исследовательских организаций муниципально-

территориальной структуры страны должно быть понимание социального предназначения административно-территориального устройства как механизма обеспечения управляемости локальных процессов, достижения, посредством территориальной организации, современных целей и задач государственного управления и местного самоуправления в целом. Важен и учёт национального состава, культурных и бытовых особенностей населения, проживающего на соответствующих территориях. Перечисленные факторы наиболее выражено будут характеризовать духовную сторону деятельности жителей, их традиции и обычаи. Следовательно, будет происходить не замена одного типа данных на другой, а дополнение и существенное расширение источников данных и их типов.

Литература

- 1 Росстат. База данных показателей муниципальных образований. Характеристика субъектов Российской Федерации по типам муниципальных образований и видам муниципальных учреждений. Росстат. Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований. URL: <http://kodifikant.ru/class/oktmo>.
- 2 Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003–2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития. URL: <http://www.insor-russia.ru/ru/programs/doc/3928>.
- 3 Результаты всероссийского социологического опроса «Экономика и человек», выполненного в декабре 2012 г. под руководством Ж. Т. Тощенко.

МОРАЛЬНЫЙ И МАТЕРИАЛЬНЫЙ КЛИМАТ СТАРЕНИЯ

В. А. Андрощук КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

АНДРОЩУК В. А. – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий. E-mail: pravo@chsu.ru.

В настоящее время пожилые люди представляют собою большую и неоднородную социальную группу, так как темпы старения и потери трудоспособности крайне индивидуальны, а само понятие «пожилой человек» включает в себя людей от 55 до ста и более лет.

Потребность создания и реализации в России целенаправленной политики в области социальной работы с пожилыми людьми отражает не только требования соответствия зарубежным аналогам, но и возрастающим социальным и демографическим проблемам населения.

В результате увеличения числа пожилых людей в социальной структуре населения возникают новые социальные потребности. Ведущую роль среди них играет необходимость трансформации всех социальных институтов общества и прежде всего института социального обслуживания пожилых людей. Сложившийся в конце XX в. институт социального обслуживания пожилых людей нуждается в трансформации, которая связана с переходом от традиционных форм помощи, основанных на «патерналистских» стратегиях к более современным «активизирующим» формам предоставления услуг, позволяющих повысить социальный статус пожилых людей и восстановить их связи с обществом, с одной стороны, и к более качественному обслуживанию на последних этапах жизни - с другой.

Общее старение населения в последнее 20-летие становится постоянным объектом внимания правительственных органов большинства стран мира, предметом нормативного оформления в национальных и международных законодательных актах. Усиливается внимание к проблеме старения и статуса пожилых людей в обществе и в научных исследованиях.

Старение населения, являясь с одной стороны позитивным результатом цивилизационного развития, как увеличение продолжительности жизни, с другой стороны - следствием сокращения рождаемости, выступает в современном мире как существенный фактор влияния на социально-экономические процессы в целом и на социальную политику в частности.

Сегодня внимание уделяется медицинским и социальным проблемам, с которыми сталкиваются люди пожилого возраста, однако медицинское обслуживание и материальное обеспечение прямо не соотносится с уровнем социально-психологического комфорта. Основная проблема заключается в том, что пожилым людям приходится бороться с множеством стереотипов поведения, якобы соответствующих их возрасту. Поэтому социальным службам следует больше внимания уделять индивидуальным проблемам пожилых людей, содействовать их социальной адаптации и интеграции в общество.

Исследования, проводимые специалистами медико-социального профиля, показывают, что здоровье человека не менее чем на 50% зависит от образа жизни, который включает в себя три составляющих:

- уровень жизни (степень удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей человека);
- качество жизни (возможность жить полной жизнью в тесном контакте со своим окружением);
- стиль жизни (определённый стандарт, под который подстраивается психология и психофизиология человека).

Здоровый образ жизни определяется как совокупность рациональных методов, способствующих укреплению здоровья, гармоничному развитию личности, методов труда и отдыха. В российском обществе представления о старости и возрастном пороге, пересекая который, человек признаётся пожилым, независимо от реального уровня утраты функциональных способностей, постепенно оформлялись под влиянием медицины. Причём эти медикализованные представления закреплёны законодательно и чрезвычайно устойчивы в общественном сознании. Однако пожилые должны рассматриваться как любая другая, достаточно дифференцированная, социально-возрастная группа, без акцентирования внимания на болезнях и необходимости медицинской и социальной помощи. Доминирующее в общественном сознании представление, о неразрывности старости и болезни, оказывает негативное влияние на социальный статус пожилого человека, так как ассоциируемая с болезнью старость воспринимается как дисфункциональное состояние, приводящее к социальному исключению. Тем не менее, большая часть пожилых людей в России до глубокой старости сохраняют навыки самообслуживания и способность обходиться без посторонней помощи [3].

До сих пор не существует однозначных определений понятий здоровья и болезни, поэтому здоровье пожилых людей оценивается по стандартам, установленным для других социально-возрастных групп. Кроме того, установление какой-либо нормы для периода пожилого возраста весьма условно в связи с неопределённостью и изменчивостью его границ. Насаждаемые «патерналистские» стратегии государства, на которых воспитано старшее поколение, облегчают отказ от активной жизненной позиции и лишают инициативы пожилых клиентов социальных служб. Так многие, связанные со здоровьем, действия пожилых людей воспринимаются как признаки возникновения болезней [1]. В условиях рыночной экономики возраст является важной стратификационной категорией, поэтому работники предпенсионного и пенсионного возраста нередко сталкиваются с дискриминацией по возрасту. В результате у пожилых людей формируется деструктивная установка на профессиональную деятельность и социальную активность [4]. Многочисленные социальные факторы способствуют материальной независимости поколений, в связи с чем уменьшается необходимость во взаимопомощи, а ответственность за удовлетворение повседневных потребностей пожилых людей всё чаще ложится на институт социального обслуживания [2].

На решение вопросов о социальной поддержке людей старшего возраста большое влияние оказывают существующие стереотипы, такие как «старый значит больной» и рассмотрение пожилых исключительно «по ведомству медицины». Необходимо менять такой общепринятый медикализованный дискурс старения, способствующий социальному исключению пожилых людей и превращающий их в маргинальную социальную группу; переходить от оценочных суждений к более содержательным интерпретациям старения. Кроме того, постоянно появляются и развиваются новые формы социального обслуживания:

реабилитационные, профилактические, обучающие, досуговые и консультативные направления в работе с пожилыми, повышается доступность различных услуг на последних этапах жизни (сиделки, хоспис на дому). Очевидно, что признание и социальный статус человек может получить, только участвуя в жизни общества. Поэтому, если пожилой человек хочет сохранить жизнеспособность в старости, он должен активно участвовать в различных видах деятельности - взаимопомощи, воспитании внуков, в политике, в общественных организациях, оздоровительных программах и т. п., причём вопрос включения пожилых людей в различные сферы общественной жизни необходимо поддержать законодательством. Возможно, в современных условиях актуальна была бы разработка национального проекта, направленного на сохранение трудового потенциала населения в течение всей жизни, что соответствует концепции «общества для всех возрастов».

Таким образом, пожилые люди заслуживают человеческого отношения к себе и, соответственно, достойного человека социального положения, не потому, что представляют собой «ресурс», необходимый для общественного развития, а потому, что они равноправные, полноценные граждане, которые уже внесли свой вклад в развитие общества.

Литература

- 1 Михалева А. В. Социально-медицинский аспект развития сервисов для пожилых // Социология и социальная антропология. 2009. № 2.
- 2 Михалева А. В. Трансформация социального обслуживания пожилых людей в условиях старения населения. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. социологических наук. СПб.: СПбГУ, 2010.
- 3 Орлов В. А., Гиляревский С. Р. Проблемы изучения качества жизни в современной медицине. М., 1992.
- 4 Прохорова М. В. Феномен одиночества пожилых людей в пространственно-временном истолковании // Социальные преобразования и социальные проблемы. Сборник научных трудов. Н-Новгород: НИСОЦ, 2005.

Е. В. Богомолова, Е. Г. Галицкая, И. И. Иванова, Ю. А. Кот, Е. С. Петренко ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

БОГОМОЛОВА Е. В. – специалист Фонда «Общественное мнение». E-mail: bogomolova@fom.ru.

ГАЛИЦКАЯ Е. Г. – начальник отдела обработки и анализа данных ООО «инФОМ». E-mail: galicelena@yandex.ru.

ИВАНОВА И. И. – ведущий специалист Фонда «Общественное мнение». E-mail: ivanova@fom.ru.

КОТ Ю. А. – старший специалист Фонда «Общественное мнение». E-mail: kot@fom.ru.

ПЕТРЕНКО Е. С. – кандидат философских наук, управляющий директор Фонда «Общественное мнение». E-mail: petrenko@fom.ru.

Введение

На основе углубленного анализа результатов многолетних исследований российского гражданского общества [1, 2, 3] ФОМ сконструировал систему индексов гражданского

участия⁵⁵: индекс «Доверие и солидарность» (или индекс «Гражданский климат» - ИГК), индекс «Правовая защищённость», индекс «Гражданское поведение». Эти индексы являются показателями текущего уровня гражданского участия в российском обществе как в целом, так и в различных социальных группах (авангардных, аутсайдерских, профессиональных и социокультурных, политических, демографических и т. п.). Подробно остановимся на особенностях гражданского участия в различных возрастных группах.

Система индексов гражданского участия ФОМ

Индекс «Доверие и солидарность» (или индекс «Гражданский климат» – ИГК) отражает ценностные установки респондентов на социальное / межличностное доверие и на готовность к солидарным действиям. Значение ИГК равно 45 баллам⁵⁶. Индекс «Правовая защищённость» (ИПЗ) является индикатором представлений той или иной социальной общности о гарантиях защиты своих прав. Значение ИПЗ для страны в целом – 36 баллов⁵⁷. Индекс «Гражданское поведение» (ИГП) измеряет установку респондентов на готовность участвовать в гражданских инициативах. Значение ИГП по стране в целом – 24 балла.

Гражданское участие россиян: ролевые группы добровольческого движения

Тестами на готовность респондентов участвовать в гражданских инициативах послужили вопросы-виньетки – краткие описания возможных ситуаций. Участники опроса могли ответить, что готовы взять на себя организацию таких инициатив, принять в них участие и/или пожертвовать деньги для их проведения, а также выбрать отказ от участия в инициативах подобного рода. В соответствии с полученными ответами, мы делим респондентов на ролевые группы: «организаторы», «участники», «доноры», «пассивные». «Организаторы» отличаются наиболее высоким значением ИГП (44 балла). Значение ИГП для «участников» – 23 балла, для «доноров» – 9 баллов, для «пассивных» среднее значение этого индекса равно нулю. Самое высокое значение ИГК – у «организаторов» – 49 баллов. У «участников» и «доноров» – по 46 баллов, у «пассивных» – 31 балл. Значения индексов в различных ролевых группах демонстрируют, что социальный капитал «организаторов» выше, чем в других ролевых группах. Группа «пассивных», напротив, резко отличается от остальных групп по всем показателям, являясь, по сути, социально депривированной.

Гражданское участие россиян: акторы добровольческого движения

Для описания акторов гражданского участия респонденты были разделены на несколько групп, отражающих различные степени вовлеченности в добровольческую активность: «волонтеры», «активисты», «обыватели», «web-обыватели», «аутсайдеры». Данная классификация представляет собой континуум вовлечённости в добровольчество и помогающее поведение,

⁵⁵Результаты исследований ФОМом российского гражданского общества. URL: [www.soc.fom.ru]. Дата доступа: 21.01.2015 г.

⁵⁶ Здесь и далее источник данных – репрезентативный опрос по технологии «ФОМнибус», проведенный в феврале 2014 года по месту жительства респондентов в 100 населённых пунктах 47 субъектов РФ в режиме face-to-face; размер выборки – 1500 респондентов; статистическая погрешность не превышает 3,6%.

⁵⁷ Здесь и далее для всех вычислений значений ИПЗ в различных группах источник данных – репрезентативный опрос по технологии «ФОМнибус», проведённый в июле 2014 г. по месту жительства респондентов в 100 населённых пунктах 47 субъектов РФ в режиме face-to-face; размер выборки – 1500 респондентов; статистическая погрешность не превышает 3,6%.

где «волонтеры» отличаются наибольшей степенью участия в гражданских инициативах, а «аутсайдеры» не вовлечены ни в какие практики социального взаимодействия.

«Волонтерам» свойственна наиболее интенсивная вовлеченность в добровольческую деятельность, они включены в различные социальные сети, у них активная гражданская позиция. «Волонтеры» занимаются общественной деятельностью добровольно и на безвозмездной основе. Чаще всего они состоят в некоммерческих и общественных организациях, что позволяет им действовать в команде, выбирать направление деятельности, поддерживать социальные связи. «Волонтеры» характеризуются наиболее высокими показателями ИГК (50 баллов), ИГП (41), ИПЗ (52), они регулярно проявляют гражданскую активность.

Гражданское участие, общественная деятельность «активистов» по сравнению с «волонтерами» носит скорее спонтанный, неформальный, нерегулярный характер. Однако они также готовы к совместным действиям с другими людьми, склонны проявлять солидарность. «Активисты» не участвуют ни в НКО, ни в массовых акциях, ни в профессиональных сообществах. Их гражданское участие локализовано на ближней дистанции: проблемы по месту жительства, помощь незнакомым людям. Показатели ИГК (49 баллов), ИГП (27), ИПЗ (42) для «активистов» ниже, чем для «волонтеров», но выше по сравнению с населением в целом.

«Обыватели» включены в практики помогающего поведения на ближней дистанции. Скорее всего, у них сложившийся круг общения и социального взаимодействия, они готовы проявлять активность и делать добрые дела, однако только в ближайшем окружении. Люди, составившие группу «web-обыватели», в реальной жизни не вовлечены в добровольческие и помогающие практики. Их социальная и общественная активность в большей степени реализуется в интернете, т. к. они являются его ежедневными пользователями. В группе аутсайдеров оказались люди, которые не вошли ни в одну из вышеперечисленных групп: они являются аутсайдерами в сфере добровольчества, а также не проявляют повышенную активность в интернете. Попадание в число аутсайдеров объясняется в первую очередь личными характеристиками людей – возраст, род занятий, материальное положение.

Особенности гражданского участия в различных возрастных группах

Наименьшее значение ИГК принимает в возрастной группе «старше 60 лет»: 42 балла по сравнению с 45 баллами в группе 18–30 лет, 46 баллами в группах 31–45 лет и 46–60 лет. Максимальное значение ИГП отмечается среди людей в возрасте 31–45 лет – 27 баллов. Совсем рядом находятся респонденты из возрастной группы 18–30 лет – 26 баллов. Группа 46–60 лет демонстрирует такое же значение ИГП, как и население в целом, – 24 балла. Минимальное значение ИГП наблюдается у людей в возрасте старше 60 лет – 20 баллов. Похожая ситуация прослеживается в наблюдениях за ИПЗ: его значение тем ниже, чем старше респондент: в возрастной группе «18–30 лет» – 42 балла, «31–45 лет» – 39 баллов, «46–60 лет» – 34 балла, «старше 60 лет» – 28 баллов.

«Организаторов» меньше всего среди опрошенных в возрасте старше 60 лет: 25% против 33% в группах «18–30 лет» и «31–45 лет» и 26% в группе «46–60 лет». «Участников» больше всего среди людей в возрасте 31–45 лет: 46%. Распространённость этой ролевой группы среди молодёжи – 45%, 46–60 лет – 50%, старше 60 лет – 36%. «Доноров» – 18% среди респондентов старше 60, 12% – среди молодёжи, 10% – в группе «31–45 лет», 8% – в группе «46–60 лет». Число «пассивных» растёт вместе с возрастом – от 10% среди молодёжи до 22% среди респондентов старше 60 лет.

Заключение

Полученные данные фиксируют низкие показатели гражданского участия в группе опрошенных старше 60 лет: начиная от мировоззренческих установок на социальное и межличностное доверие и заканчивая числом «волонтеров» и «активистом».

Литература

- 1 Галицкая Е. Г., Иванова И. И., Петренко Е. С. Измерение ценностных ориентаций гражданского мировоззрения: индекс гражданского климата // Социологические исследования. 2014. № 2(358). С. 116–121.
- 2 Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / Под. ред. Е. С. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. 392 с.
- 3 Иванова И. И., Илюмжинова Р. В., Петренко Е. С. Гражданский климат и гражданское поведение – социокультурный контекст добровольческого движения в России // Социологические исследования. 2013. № 11 (355). С. 93–106.

З. А. Бутуева

РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ)

БУТУЕВА Зинаида Арсентьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета. E-mail: butueva_z@mail.ru.

Негативные представления о позднем возрасте оказывают влияние на социальную политику, предоставляя людям старшего возраста лишь пассивные формы заботы и помощи о них. Для абсолютного большинства быть старым является не только несчастьем, но и в определенной степени моральным проступком, «возникают практики избегания старости, люди всячески стараются сократить период старения» [4]. В западных странах это явление получила название «либерализации от старости» (J.Vincent) [5].

В 2015 г. вступил в силу новый ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», в который вводятся такие понятия как «получатель социальных услуг», «поставщик социальных услуг», «профилактика обстоятельств, обуславливающих нуждаемость в социальном обслуживании». Новацией Закона является разработка индивидуальной программы предоставления социальных услуг и развития рынка социальных услуг.

С одной стороны, участие бизнеса и некоммерческого сектора на рынке социальных услуг позволит действовать эффективнее в социальной сфере, приведёт к альтернативным формам социального обслуживания. С другой стороны, получение социальных услуг может стать недоступным беднейшей части населения, которая не в состоянии заявить о своих правах, не говоря о том, чтобы выбрать поставщика социальных услуг и оплачивать их деятельность. Существуют опасения, что рыночные отношения в социальной сфере и постепенный отход государства от участия в предоставлении социальных услуг могут способствовать новым формам социального неравенства среди людей старшего возраста.

В России, где огромные территории и неразвитая инфраструктура, особенно в сельской местности, недоступность не просто социальных услуг, а элементарных средств существования, выбор может быть только один. Это надежда на окружающее сообщество, соседские добрые отношения и повышение роли семьи в предоставлении ухода.

Возрастание ценности семьи в старших возрастах отмечают многие учёные. На поздних этапах основной функцией семьи становится потребность в безопасности и стабильности, повышается внимание к экзистенциальным проблемам [1, с. 168].

Развитие института приёмной семьи (фостерной или замещающей) для пожилого человека регламентируется нормативно-правовыми документами, принятыми в субъектах России. По данным Минтруда «в субъектах Российской Федерации успешно функционируют около 4 тысяч «приёмных семей» [3].

В 2009 г. в Республике Бурятия было создано 24 приёмные семьи для людей старшего возраста, в настоящее время их 126. Мы попытались проанализировать мотивы, проблемы и перспективы развития семейных форм заботы. В ходе исследования проведены анкетный опрос и интервью, в котором приняло участие 86 приёмных семей. Социально-демографические данные позволили составить усредненный портрет пожилого человека, находящегося в приемной семье. Большую часть составляют одинокие люди (65%) старше 70 лет (59%), в основном, женщины (53%), проживающие в сельской местности (81%), имеющие начальное или неполное среднее образование (49%).

Семейные формы заботы выбирают люди, которые проживают по соседству и поддерживают дружеские и соседские отношения на протяжении многих лет с людьми старшего возраста и оказание для них помощи является вполне обычным делом. Здесь действует принцип, сформулированный Дж. Хомансом «Чем чаще люди взаимодействуют друг с другом, тем сильнее будут дружеские чувства между ними» [2, с.33].

Степень межпоколенной взаимопомощи и кооперации в семье зависит от структуры семьи, социального статуса и возраста её членов, жизненного цикла семьи. Положение пожилого человека в семье имеет решающее значение для поддержания его жизнедеятельности. Большая часть людей старшего возраста участвует в жизни семьи и в распределении семейных обязанностей. *«Всегда всё вместе делаем. Могу помочь еду готовить»* (из интервью с Б. Г., 76 лет). *«...помогаем делом и советом»* (из интервью с И.И., 78 лет). *«Где с хозяйством помогу, телят напою, а так они всё сами делают»* (из интервью с Н. А., 88 лет, мужчина).

Реконструкция семейных ролей, утраченных в течении жизни влияет на выбор семейных форм людьми старшего возраста. *«В приёмной семье я почувствовал домашнее тепло, чего мне не хватало»* (из интервью с К. К., 61 год). *«Отношения хорошие, теплые, они для меня как мои дети»* (из интервью с Н. А., 88 лет). *«Ухаживаю за ним, как за своим отцом. Он относится ко мне также»* (из интервью помощника приёмной семьи).

Люди старшего возраста не жалуются на тяжёлое материальное положение. Основная проблема, которая волнует людей старшего возраста – это невостребованность в обществе. Находясь в приёмной семье, они начинают ощущать себя полезными, преодолеваются барьеры отчуждённости. *«Появилось чувство нужности»* (из интервью с Л.И., 77 лет). *«Я стал чувствовать заботу, что я нужен кому-то. Я решил и мне помогли решить самую главную проблему – одиночество»* (из интервью с Н. А., 88 лет).

Получат ли семейные формы заботы дальнейшее развитие. Мнения респондентов разделились следующим образом: 67% считают, что данная форма получит распространение

частично и не везде, 22% уверены в большом распространении семейных форм заботы и лишь 9% не уверены в её распространении. Этот вопрос мы задали людям старшего возраста. «...Я одинокий больной человек, а таких, наверное, много, просто люди боятся принять одинокого человека, ведь это ответственность, да и одинокие боятся быть принятыми в приемную семью, так как привыкли жить одни. Хотя самим очень сложно жить одним» (из интервью с Е. В., 78 лет). «Для одинокого пожилого человека, пожалуй, приемлема, но если есть что-то общее: в духовности, во взглядах, в нравственности, в трудолюбии и т. д.» (из интервью Г. И., 80 лет)

Государственная поддержка семейных форм невелика. По данным 2014 г. помощник (опекун) получает денежное вознаграждение в размере от 2 700 руб. в Бурятии, 3 000 руб. в Забайкальском крае до 7 395 руб. в Ханты-Мансийском автономном округе.

Таким образом, в условиях демографического старения возрождение и развитие семейных форм заботы о людях старшего возраста способствует повышению уровня и качества их жизни. Межпоколенческая солидарность, содействие семье в уходе за престарелыми членами, семейный уход послужит источником социальной сплочённости и создания общества для людей всех возрастов.

Литература

- 1 Бутуева З. А. Проблема потребностей людей старшего возраста в семейных формах социального обслуживания в Республике Бурятия // Социальная защита семьи и детства в условиях модернизации современного общества: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 7 июня 2013 г.). Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2013. С. 168–174.
- 2 Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. №4. С. 31–50.
- 3 Ежегодный доклад о социально-экономическом положении пожилых людей в России от 29.05.2014 г. URL: <http://www.rosmintrud.ru/social/veteran-defence/34/>
- 4 Рогозин Д. М. Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93.
- 5 Шмерлина И. А. Либерализация старения: теоретические иллюзии и эмпирические аномалии (Часть 1) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. №3 (115). С. 165–175.

Н. В. Вараксина

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

ВАРАКСИНА Н. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры Социальных технологий, рекламы и управления факультет социологии АлтГУ. E-mail: varaksins@yandex.ru.

Демографический кризис, наблюдаемый сегодня в России и мире, имеет множество проявлений в различных сферах жизни общества. В Алтайском крае он проявляется во взаимосвязи территориальных особенностей, социальной и демографической политики и требует подробной, комплексной оценки и всестороннего анализа. В рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной

России», государственный контракт № 14.В37.21.0270 «Демографическая безопасность приграничных регионов современной России: проблемы старения и миграции» (2012-2013 гг.), автором данной статьи в составе группы социологов под руководством д. с. н., профессора С. Г. Максимовой, было реализовано исследование, направленное, в том числе, и на выявление специфики проявления демографического кризиса и проблемы старения населения в Алтайском крае. Опрос был проведён в четырёх регионах Российской Федерации – Алтайский край, Красноярский край, Кемеровская область, Саратовская область (n=2395).

Среди прочих, респондентам был задан вопрос, касающийся их представлений о старости, как периоде жизни и предложены варианты определения старости, из которых респондент мог выбрать один, либо предложить собственное определение. При анализе данных массового опроса, было выявлено, что большинство респондентов (22,3%) определили, что «старость – это мудрость, наличие богатого жизненного опыта». Вторым по популярности было следующее определение – «старость – это отрезок жизни, который нужно прожить достойно, на котором человек собирает плоды жизни» (14,4%); и замыкает тройку наиболее популярных ответов «старость – не радость, но в каждом возрасте есть свои радости» (13,4%). В целом, все вышеперечисленные определения достаточно позитивны, они характеризуют активный, деятельный настрой большинства респондентов по отношению к этому периоду жизни.

Интересны и наименее популярные у респондентов варианты определения старости, так только 1% согласился с тем, что «старость – это состояние, когда начинается пренебрежение к себе, т. е. не хочется ухаживать за собой, не привлекает то, что раньше». Также лишь 1% респондентов рассматривают «старость, как остановку, конец движения, полный застой», а по мнению 1,4% респондентов «старость – это невозможность быть полезным обществу». Не может не внушать оптимизм то, что позитивного настроения, отношения к периоду зрелости, пожилому возрасту, старости в ответах респондентов, фиксируется намного больше, нежели негативного и пессимистического.

Такой образ старости, возможность увидеть перспективы и реализовать свой потенциал в так называемой «второй половине жизни» человека, можно встретить уже в трудах Карла Юнга. Для него середина жизни являлась критическим поворотным моментом, когда перед индивидом открывались новые возможности для саморазвития. Человеку уже не требовалось устанавливать столько внешних связей, ему не нужна форсированная социализация. В зрелом возрасте человек в основном поглощён внутренней работой самопознания, он может обрести новое полновесное развитие своей личности. К. Юнг придавал также большое значение символическому и религиозному опыту в обретении состояния гармонии между индивидом и окружающим его миром [1].

В рамках исследования также был проведен экспертный опрос в Алтайском крае (n=20). Данные представлены в следующем виде ХХ.УУ.ООО, где ХХ – буквенный код секторальной принадлежности эксперта (ЗВ-законодательная власть, ИВ- исполнительная власть, ОО-общественные организации, НП –научно-педагогическая общественность, МС-органы местного самоуправления), УУ- код региона (Алтайский край- 22), а ООО – порядковый номер интервью в пределах региона. Экспертам было предложено оценить, насколько актуальна для нашего региона проблема старения населения.

Все эксперты признают существование проблематика старения населения Алтайского края, т. к. *«то, что касается старения населения и численности трудоспособного контингента, у нас очень обеспокоены органы специализированные, которые ведут статистику трудоспособного населения, тем, что у нас разница между теми, кто на пенсию вышел и теми,*

кто в возраст трудоспособный вступил, разница около 15000 была на 2011 г. (ежегодно фиксируется это соотношение). И если за один отдельно взятый год около 15500 эта разница, т. е. меньше молодых, чем тех, кто вышел на пенсию, многочисленное поколение 50-х годов рождения сейчас выходит на пенсию, а оно по численности своей большой удельный вес имеет, естественно, в ближайшее время, уже в этом году и в последующие будет очень заметно, т. е. ухудшаться будет баланс вот этих двух групп населения – моложе трудоспособного и старше трудоспособного – не в лучшую для нас сторону» (ИВ.22.002).

Демографический кризис и проблема постарения населения в Алтайском крае обостряются еще и транзитной миграцией, активно происходящей в нашем регионе, отсутствием достаточной социальной поддержки незащищенных слоев общества. Упоминают эксперты и так называемый «русский крест», о котором «тоже все слышали, публицистичный, но широко используемый до сих пор и в научной литературе, и в управленческой. Собственно говоря, кризис имеет множество форм проявления, в каждой конкретной стране, в каждом регионе Российской Федерации есть своя специфика, обусловленная историческими особенностями формирования населения, его состава и расселения, этнического состава и религиозных традиций, что немаловажно, и влияет, скажем так, на репродуктивное поведение населения. В нашем случае, конечно же, речь идет о высокой смертности трудоспособного населения, которая приводит к его значительному сокращению, речь идёт о старении населения, что в контексте трудовых ресурсов означает следующее – выходящие на пенсию поколения, старше трудоспособного, количественно превышают молодые возрастные группы, которые должны вступить в трудовую деятельность. В частности, если более узкий брать возрастной интервал, пятнадцати- и шестнадцатилетние, которым в ближайшее время предстоит вступить на рынок труда, их численность очень низкая» (ИВ.22.001).

Старение населения «для Алтайского края эта проблема очень актуальна, потому что мы сейчас даже, знаем, что у нас трудоспособного населения сейчас от 30 % до 35% в Алтайском крае, т. е. очень много старого значит, ну, имеется в виду пожилых людей пенсионного, предпенсионного возраста. Опять же, это с учетом того, что те же «северяне», которые отработав, выйдя на пенсию по северным коэффициентам, они возвращаются, либо просто переезжают жить вот как раз в Алтайский край» (ЗВ.22.002).

Отмечая, что проблема старения населения «одна из первостепенных», эксперты акцентировали внимание на том, что «у нас основной загвоздкой является то, что трудоспособного населения не так много, нетрудоспособное постоянно растет, население стареет, но при этом и, как правило, смертность очень высокая. Тут, с одной стороны, отказаться от социальной политики ни в коем случае нельзя, надо таким людям продлевать жизнь, а с другой стороны, не хватает элементарных рабочих рук, чтобы их прокормить, т.е. нынешних пенсионеров мы уже не справляемся в обеспечении (ЗВ.22.003).

Одной из ключевых составляющих проблемы старения населения Алтайского края эксперты считают трудовую миграцию, отток молодого населения трудоспособного возраста в регионы с более благоприятным экономическим климатом. Из «Алтайского края уезжает очень много молодёжи в регионы западной России, в столичные города на заработки...вот отток именно молодёжи, молодого поколения обеспечивает то, что здесь в регионе остаются люди престарелого, либо среднего возраста...». (ЗВ.22.004).

Таким образом, признавая наличие проблемы старения, как одного из наиболее ярких проявлений демографического кризиса в Алтайском крае, можно говорить о необходимости дальнейшего комплексного анализа всех составляющих данной проблемы, что является

обязательным условием построения грамотной и эффективной социально-экономической политики в регионе.

Литература

1. Абрамова Г. С. Возрастная психология: учеб. Пособие. М.: «Академический проект», 2000. 624 с.

В. Г. Доброхлеб ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ПОТЕНЦИАЛ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИИ⁵⁸

ДОБРОХЛЕБ В. Г. – д. э. н., профессор, г. н. с. ИСЭПН РАН. Email: vdobrokhleb@mail.ru.

Исследования старения населения позволяют предложить ряд методологических подходов, связанных с проблемой эффективного анализа данных при лавинообразном увеличении потока информации. В связи с этим существенным является три аспекта анализа: международные сравнения состояния и динамики данного процесса, выявление специфики его протекания в России, оценка ресурсного потенциала старшего поколения и общественного мнения о данной стадии жизненного цикла.

В мировом населении дети и подростки составляют более четверти (25,8%), пожилых и старых людей – 11,5%. Однако, по странам и регионам наблюдаются существенные различия. Например, в Европе население в возрасте до 15 лет составляет 15,4%, в Азии – 24,4%, в Африке – 40,0%. Доля пожилых людей в Европе достигает 22,7%, в Азии – 10,7%, в Африке – 5,3%. Разрыв в уровне демографического старения между странами крайне высок. В Японии доля людей в возрасте 65+ составляет более одной трети (32,0%), демографически это самое старое. Наиболее молодым, в демографическом плане, является население Арабских Эмиратов. В этих обстоятельствах всё более пристальное внимание обращается на коэффициент демографической нагрузки. Этот показатель может расти за счёт увеличения как детского, так и пожилого населения. Исследователи отмечают, что высокий коэффициент демографической зависимости может негативно повлиять на экономическое состояние страны и вызвать регресс человеческого развития. Во всех странах до 2050 г. прогнозируется сокращение доли молодого населения не зависимо от группы по ИЧР [1]. Иными словами, старение населения продолжится и охватит всё большее число стран.

РФ в международном рейтинге по старению занимает 44 место [2]. Старение населения в нашей стране имеет существенные отличия, в первую очередь, от экономически развитых стран. Парадоксы демографического старения в России заключаются, прежде всего, в том, что:

1. значительная доля населения не доживает до пожилого возраста;
2. сохраняются существенные различия в показателях ОПЖ при рождении, (например, российские мужчины проживут на 15,3 года меньше, чем шведы и на

⁵⁸ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 14-06-00120 «Факторы и детерминанты трансформации модели разрыва поколений в современной России».

- 13,7 года меньше, чем мужчины в Австрии, а время жизни россиянок будет на почти 8 лет короче, чем у жительниц Швеции и Австрии [3];
- 3 для когорт, достигших 65 лет, показатели ожидаемой продолжительности предстоящей жизни в России также ниже (например, по сравнению с Австрией разница составляет для мужчин – более 5 лет, для женщин – 4,6 года) [4];
 - 4 по показателю ОПЗЖ (ожидаемая продолжительность здоровой жизни) также имеется отставание от европейских сверстников, что особенно заметно в возрасте 65+ [5]⁵⁹;
 - 5 сохраняется максимально высокая гендерная асимметрия в старших возрастах, при этом, женщины в России живут дольше, чем мужчины, но с большими проблемами физического или психического здоровья.

Количественный рост геронтогруппы, как правило, рассматривается как отрицательный фактор. В середине XX в. в научный оборот вошло понятие «эйджизм» — дискриминация по возрасту [6]. Это понятие во многом связано с положением стариков и представлениями о них как о больных, беспомощных, бесполезных. Можно согласиться с инструментальной полезностью, например, такого понятия, как «демографическая нагрузка», используемого при расчётах. Из инструментальной плоскости оно переносится на описание социальной роли пожилого человека. Старики страдают как от утраты части потенциала, так и от неверных оценок их социального поведения. Старение населения вызывает серьёзные опасения, в первую очередь связанные с традиционными представлениями о пожилых людях как немощных, нуждающихся в постоянном уходе. Эти социальные стереотипы накладывают отпечаток на различные стороны жизнедеятельности людей, в том числе в сфере занятости.

Престарелое население является дифференцированным социально-демографическим слоем. В России пожилые мужчины и женщин относятся, как к «третьему», так и к «четвёртому» возрасту. Статистика не выделяет эти две группы. Однако они существенно различаются по своим качественным свойствам. Для определения качественных характеристик старшего поколения можно использовать понятие «ресурсный потенциал». Ресурсный потенциал старшего поколения следует рассматривать как комплекс социально и личностно значимых характеристик пожилых людей, с одной стороны — это качественные характеристики индивида, значимые для него лично, а с другой — эти потенциалы представляют возможности взаимодействия пожилого человека с социумом в старости, участия в социально-экономическом развитии общества. Методология анализа ресурсного потенциала может иметь различное содержательное наполнение. Автором предложена многокомпонентная методология, в рамках которой исследуются шесть основных компонент потенциала. *Здоровье, образовательно-квалификационный, мотивационный, социальный, материальный, институциональный потенциалы* являются его основными структурными элементами. По нашим оценкам по городскому населению среди не занятых в общественном производстве более 5% мужчин и 4% женщин в возрасте 60 лет и старше сохраняют ресурсный потенциал. Среди работающих в этом возрасте показатель сохранения ресурсного потенциала почти вдвое выше [7–8].

⁵⁹ Информационной базой анализа послужили результаты опросов о самооценке здоровья в рамках World Values Surveys and European Values Surveys (WVS) в 1990–1993 и 1995–1997 гг. и Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS).

Следует согласиться с исследователями [9] в том, что в настоящее время одним из самых перспективных является «ресурсный подход», т. е. «стратификационные модели, базирующиеся на понятиях ресурсов, активов или капиталов» позволяющий «эксплицитировать дифференциацию российского общества в рамках ресурсного подхода». Безусловный интерес представляют выявленные социально-демографические и потребительские особенности разных страт: «высокоресурсные работники» (18%), «среднересурсные работники» (35%), «низкоресурсные работники» (20%), «среднересурсные пенсионеры» (10%), «низкоресурсные пенсионеры» (17%). Исследования подтверждают, что российская модель старения представляет менталитет бедного общества, которое не может позволить себе такой «роскоши», как обеспечение высокого качества жизни старших поколений.

Опросы общественного мнения выявляют главные фобии российского населения — бедность, болезни, старость [10]. «В сознании наших сограждан, увы, нет места для идеи старости «как хорошего возраста» [11]. «Либерализации старения» происходит, когда личность на поздних стадиях жизненного цикла реализуется в новых сферах жизнедеятельности, но эту стратегию выбирают немногие [12].

Многочисленность, эмоциональный настрой старшего поколения и тех, кто вот-вот в него вольётся, существенно влияет на социальное настроение в стране. При этом положение, в котором сегодня «существуют» старики, формирует у следующих за ними поколений негативные представления об отношении государства к своим гражданам. Вместе с тем, эти представления детерминируют модель взаимоотношений с государством молодёжи, подрывают установки, связанные с социальной солидарностью, добросовестным исполнением гражданских обязанностей, а в конечном итоге – с национальной идентичностью.

Литература

- 1 Доклад о человеческом развитии 2013: Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире.
URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2013_ru.pdf (6.02.2015).
- 2 World Population Ageing 2013. United Nations. • New York, 2013. P. 92–95.
- 3 Международные сравнения.
URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/lssWWW.exe/Stg/d4/26-04.htm (06.02.2015).
- 4 Демографический ежегодник России 2013\Р-9 // Международные сравнения.
URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (10.01.2015).
- 5 Андреев Е., Школьников В., МакКи М. Продолжительность здоровой жизни // Вопросы статистики. 2002. № 11.
- 6 Butler R. M. Ageism: Another form of Bigotry // Gerontologist. 1969. P. 9.
- 7 Доброхлеб В. Г. Ресурсный потенциал и занятость пожилых людей в современной России. Ярославль, 2004.
- 8 Доброхлеб В. Г. Старение населения России. Ресурсный потенциал старшего поколения // Старшее поколение и будущее. М.; Экономическое образование, 2014. С. 23–24.
- 9 Галицкая Е. Г., Галицкий Е. Б., Петренко Е. С., Рапопорт С. А. Методика "фомаграфия" и ресурсная дифференциация российского общества // СОЦИС. 2012. № 10. С. 131–142.

- 10 Много ли нужно для счастья? // Мониторинг общественного мнения. 2014. С. 77–79.
- 11 Левинсон А. Старость как институт // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 8–26.
- 12 Шмерлина И.А. Либерализация старения: теоретические иллюзии и эмпирические аномалии // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 3. С. 165–175.

А. Б. Довейко, А. И. Стеценко

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕНСИОНЕРОВ

ДОВЕЙКО А. Б. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета. E-mail: alex07@vmail.ru.

СТЕЦЕНКО А. И. – кандидат исторических наук, заведующий социологической лабораторией Воронежского государственного университета. E-mail: stetsenko_a@list.ru.

В настоящее время одной из самых серьёзных социально-политических проблем в России, как и во всем цивилизованном мире, являются неуклонное усиление экономического расслоения населения и, как следствие, — рост относительной бедности значительной части населения. Особенно остро проблема бедности стоит для наиболее социально уязвимой категории населения – пенсионеров [1].

Пенсионеры составляют значительную часть населения большинства стран, независимо от уровня экономического, политического, культурного и социального развития. Увеличение доли пенсионеров в социальной структуре влечёт за собой социальные, экономические и политические последствия. Поэтому изучение российских пенсионеров как представителей особой социальной группы в составе общества, выявление их демографических, экономических, социальных и политических характеристик, а также жизненных ценностей, является одной из наиболее актуальных проблем современного российского общества.

Эмпирической базой статьи явились данные самостоятельного исследования «Социальный облик современного российского пенсионера», проведённого социологической лабораторией Воронежского государственного университета в феврале 2014 г. в Воронежской области. Исследование проводилось методом анкетного опроса около 600 пенсионеров.

Материальное положение пенсионеров определяется в зависимости от социально-экономической политики в регионе по отношению к ним такими факторами, как уровень пенсии и трудовая занятость пенсионеров, когда труд выступает как подспорье, как способ поддержания минимального уровня выживания.

Анкетирование пенсионеров показало, что в выходе на пенсию респонденты видят как положительные, так и отрицательные стороны. К числу первых можно отнести большие возможности жить в свое удовольствие (12%), увеличение времени на общение с семьей и с друзьями и на досуговую деятельность (28% опрошенных), возможность сменить род деятельности (7%). К негативным изменениям, сопровождающим выход на пенсию, опрошенные отнесли значительное снижение уровня материального обеспечения (39%), ухудшение здоровья (35%) и возросшее чувство одиночества (22%).

Материальное положение пожилых людей, уровень их доходов – постоянно обсуждаемая в средствах массовой информации и на уровне государственного управления тема. В ходе

нашего исследования было установлено, что у 2% опрошенных денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, тогда как 24% указали, что им денег хватает только на питание. Самой многочисленной группой оказались те, кому денег достаточно для приобретений необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать (60% опрошенных). В то же время, для 11% покупки большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей, и у 3% денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать.

Продолжение работы после выхода на пенсию для многих пенсионеров по-прежнему – вопрос не личных пристрастий, а жизненная необходимость. Очевидно, что одна из причин сохранения занятости после выхода на пенсию связана с низким размером пенсионных выплат. Каждый третий из них продолжает работать. Среди причин, побуждающих их к этому, называется невозможность прожить на одну пенсию (73%), потребность в коллективе, общении (36%), в сохранении прежнего социального статуса (16%), а также стремление передать свои знания и опыт молодым (18%). Таким образом, именно недостаточная материальная обеспеченность выступают определяющим фактором при продолжении пенсионерами трудовой деятельности. Как свидетельствуют данные таблицы 1, работающие пенсионеры отличаются от своих неработающих коллег в оценках материального положения своей семьи. Особенно сокращается доля двух самых малообеспеченных групп пенсионеров.

Расширение доступа пенсионеров к трудовым доходам не просто позволяет компенсировать провалы пенсионной системы в части предотвращения рисков бедности пожилого населения, но и отчасти решает провалы других сегментов системы социальной защиты. При этом подавляющее большинство наших респондентов работает, как правило, до 70 лет, после лишь 7% опрошенных. Имеет значение и уровень образования респондентов: чем он выше, тем больше доля работающих пенсионеров. Наконец, доля работающих пенсионеров в городе (39%) вдвое больше, чем в сельской местности (17%), что вполне объяснимо большими возможностями для трудоустройства в городе.

По справедливому замечанию Ю. П. Лежниной, для того, чтобы работать в условиях возрастной дискриминации в России, пенсионерам (при условии удовлетворительного состояния здоровья) зачастую необходимо либо претендовать на невостребованные другими рабочие места, либо обладать очень высокой и редкой квалификацией, чтобы иметь возможность полноценной конкуренции с остальными претендентами [2]. Трудоустройству пенсионеров отнюдь не способствуют и негативные социальные стереотипы о старости и старении, которые содействуют закреплению практик дискриминации по возрасту в профессионально-деловой сфере.

Таблица 1 Оценка своего материального положения работающими и неработающими пенсионерами, %

Какая из оценок наиболее точно отражает материальное положение Вашей семьи?	Работаете ли Вы?	
	Да	Нет
Денег вполне достаточно, чтобы семья ни в чём себе не отказывала	3	2
Покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает у нас трудностей	13	11
Достаточно для необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	66	58
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	17	27
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания	1	2

Привлечение старшего поколения к участию в активной экономике необходимо проводить с учетом мотиваций пожилых людей на продолжение работы и при создании им приемлемых условий труда. Данные проведенного исследования показывают, что только у трети работающих пенсионеров нынешняя работа связана с предыдущей работой.

Наличие работы — это не только необходимость для пенсионеров нашей страны, но и стимул для продолжения активной жизни. В связи с изменениями условий жизни (прежде всего, материального положения), у пенсионеров произошло изменение структуры свободного времени, когда наиболее актуальной проблемой стала проблема одиночества пожилых людей. Каждый четвертый неработающий респондент отмечает проблему одиночества как одну из главных, тогда как среди работающих — каждый шестой. Почти в два раза больше среди неработающих указали на обострение проблем со здоровьем. Очевидно, негативное влияние на психологическое состояние пожилых людей оказывает и потеря связей со многими людьми, отсутствие широкого круга общения (табл. 2).

Таблица 2 Влияние трудовой деятельности пенсионеров на их оценку социального статуса, %

Что означает для Вас быть пенсионером?	Работаете ли Вы?	
	Да	Нет
Возможность жить в своё удовольствие, ощущать себя свободным	14	11
Появление времени для занятий любимыми делами, общения с друзьями и родственниками	25	30
Потеря связей со многими людьми, отсутствие широкого круга общения	22	32
Значительное снижение уровня материального обеспечения	45	36
Обострение проблем со здоровьем	23	42
Возможность сменить род деятельности	9	6
Ощущение одиночества и ненужности	17	25

Вовлекаясь в различные формы трудовой активности (продолжение работы на прежнем месте, неполная занятость и т. д.), пожилые люди реализуют различные стратегии активного старения. Объяснение работы в пенсионном возрасте лишь экономическими мотивами, нуждой и недостатком пенсионного обеспечения представляется недостаточным. Важным стимулом для продолжения трудовой занятости после выхода на пенсию остается включенность в социальные и профессиональные отношения.

Вопреки сложившимся представлениям о неизбежной зависимости здоровья от возраста определенное влияние на субъективную оценку здоровья оказывает не только возраст, а наличие текущей занятости, разнообразия в трудовых практиках.

Литература

- 1 Соловьев А. К., Мележик Н. В. Уровень пенсионного обеспечения в современной России // Народонаселение. 2014 № 3. С. 12.
- 2 Лежнина Ю. П. Российские пенсионеры: уровень жизни, здоровье, занятость // Россия реформирующаяся. М.: Институт социологии РАН, 2008. №7. С. 178–195.

М. Э. Елютина
ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ: ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ

ЕЛЮТИНА Марина Эдуардовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии социальной работы Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

- 1 Старость как финальный этап жизни, её эпилог, актуализирует размышления о смерти, переопределяет отношение к ней. Анализ отечественного социологического научного дискурса фиксирует отсутствие теоретических обобщений, малочисленность эмпирических исследований. Исследовательский интерес сосредоточен на молодежи, ее отношении к танатоситуации (И. Лаврикова, С. Борисов), отсутствуют работы, фиксирующие геронтологические особенности отношения к смерти.
- 2 Для исследования отношения к смерти со стороны представителей геронтологической группы, их танатических тревог нами было предпринято качественное исследование методом глубинного интервью с пожилыми людьми (60 лет и старше N=34) в г. Саратове. Выборочная совокупность формировалась по методу «снежного кома». Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователям нового понимания для раскрытия темы). Отметим, что в данном исследовании трудности связаны с выведением темы смерти в поле активного обсуждения с пожилыми людьми.
- 3 Анализ результатов исследования позволил выделить ряд содержательных моментов.

А). Для представителей геронтологической группы характерна определённая смысловая локализация смерти в пространстве жизни: смерть как финал жизни; смерть как смена места существования, как начало новой жизни; смерть как естественный компонент жизненного цикла; смерть как освобождение от бремени жизни, от экзистенциального одиночества, когда отсутствует какой-либо безусловный и самоочевидный смысл жизни.

Б). Планирование и финансирование конца жизни.

В любом случае смерть для пожилых людей – это ситуация, к которой «я должен подготовиться», ситуация, требующая инвестиций, особого рода расходов. Речь идёт о предупредительных практиках, содержание которых разнообразно: от специального банковского счёта до чётко прописанной процедуры похорон (в отдельных случаях можно говорить о похоронной режиссуре; это в первую очередь относится к пожилым людям, живущим соло).

В). Пожилые люди, как правило, опасаются не самой смерти, а возможности лишённого всякого смысла чисто растительного существования, а также страданий и мучений, причиняемых болезнями. Модель «хорошей смерти» для них: «умереть быстро и без страданий»; «умереть «во сне»; «умереть на полном ходу», «умереть в родных стенах», «своевременная смерть». Особое беспокойство вызывает угроза деменции, сопровождающейся нарушениями интеллекта.

Г). Анализ результатов исследования фиксирует высокую степень тревожности по отношению к танатоситуации.

- Тревоги, связанные с оценкой своей жизни. Нередко возникает ситуация, когда человек сравнивает себя и свою жизнь с каким-либо образцом или эталоном, осознавая при этом упущенные возможности. В результате человек лишается оснований для позитивной самооценки и оценки своей жизни.
- Тревожные ожидания в отношении «стоимости смерти». Имея мало свободных ресурсов, пожилые люди экономят на конец жизни и возможную смерть в ущерб удовлетворения насущных потребностей и желаний.
- Тревожные ожидания в отношении получения ритуальных услуг. Пожилые люди в современной России отмечают разрастание сети ритуальных служб, в которых, как ни в одной другой социальной службе, разработана гибкая система скидок и льгот для пенсионеров. Этот объективный факт оценивается ими как «своеобразная санкция на смерть».
- Обеспокоенность, связанная с нежеланием стать бременем для родных и близких. В этом проявляется и традиционная ответственность старшего члена семьи за всё, что в ней происходит, и желание сохранить свою идентичность. Данная обеспокоенность неразрывно связана и с повторяющейся в разных вариациях историей короля Лира: родителей обманывают, убивают с целью присвоения их денег и имущества, отправляют в психиатрические лечебницы и богадельни.
- Обеспокоенность, связанная с «опытом смерти другого», ощущением включенности в непрерывную цепь умираний («умирать с другими умершими»). Теряя своих близких, знакомых, кумиров своей молодости, пожилой человек каждый раз становится «менее живым».

У пожилых людей мысль вопрос об отношении к смерти переводится из подтекста в контекст самой жизни, наступает время, когда осознается трагизм временности. В отношении к смерти у пожилых людей преобладают преимущественно материально-экономические соображения. Высокая цена смерти и осознание своей собственной финансовой несостоятельности инициируют различного рода предупредительные практики.

Т. С. Киенко

**ПОЖИЛЫЕ РОССИЯНЕ: СТАТУС, ПРОБЛЕМЫ, ПОТРЕБНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ОПРОСОВ ЖИТЕЛЕЙ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

КИЕНКО Т. С. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета. E-mail: tatyankienko@mail.ru.

К пожилым гражданам относятся люди старше 60 лет, принадлежащие к разным социальным слоям, имеющие разный уровень доходов, образования и состояния здоровья. Принято считать, что по достижению пенсионного возраста (в Российской Федерации, как известно, он составляет 55 лет для женщин и 60 для мужчин) большинство из них не работают,

получая пенсию по старости. В Российской Федерации по данным ФСГС на 2013 г. насчитывалось около 41 млн пенсионеров, в т. ч. около 34 млн человек пенсионного возраста (из них – мужчин 9690 тыс. чел., женщин – 24098 тыс. чел.), а также около 13 млн работающих пенсионеров [1].

В России на законодательном уровне закреплены права пожилых людей, отвечающие современным международным стандартам. Однако реально представлен лишь минимальный уровень социальной защиты пожилых граждан: принцип дополнительности федерального, регионального и местного уровней социальной политики дает право к базовым мерам и объемам социальной помощи, установленным государством (минимальные стандарты, стандартные направления и формы), прибавлять комплекс дополнительных мер из средств региональных и муниципальных бюджетов в соответствии с их возможностями, однако в силу слабости бюджетов многих регионов и большинства муниципалитетов спектр услуг для пожилых лиц сверх минимальных практически не расширяется. Отсутствие конкурсной основы и гибкого финансирования программ социальной помощи ограничивает выбор пожилых и ведет к снижению качества услуг. В данном аспекте адаптация зарубежного опыта могла бы стимулировать совершенствование форм и повышение качественных и количественных показателей социального обслуживания.

В ходе серии авторских опросов жителей Ростовской области (2012–2015 гг.) отмечается традиционный характер ожиданий и представлений о субъектах социальной помощи пожилым людям, тем не менее, обнаруживается динамика: если в 2012–2013 гг. около 70% опрошенных считали, что пожилые люди должны проживать свою старость в семье, в кругу родных и близких, 27% – самостоятельно в своём доме, менее 10% – в социальных учреждениях, то в 2014–2015 гг. по мнению большинства опрошенных (более 70%), ухаживать за пожилыми и оплачивать их лечение, обслуживание, иные потребности должно государство посредством: 1) достойной пенсии и доступной медицины, 3) семья, дети и внуки (около 50%); 3) государство в лице социальных служб, домов для престарелых и интернатов (около 15%, только женщины, в трех возрастных группах от 20 до 25%).

К числу наиболее острых проблем современных пожилых людей в России отнесены низкий уровень пенсии и недоступность необходимой медицинской помощи (традиционные для России проблемы). Значительная доля опрошенных пожилых граждан отмечает необходимость расширения и повышения доступности для пенсионеров льгот, дополнительной медицинской помощи; среди базовых проблем указываются также проблемы, связанные с самообслуживанием, проблемы одиночества, недостатка общения, организации досуга. Большинство опрошенных старше 60 лет хотели бы проводить активно свой досуг (посещать бассейн, экскурсии, концерты, кино и театры), но не имеют такой возможности в силу материальной несостоятельности и плохого состояния здоровья.

Основу поддержки пожилых граждан, тем не менее, составляет пенсионное обеспечение. Пенсионная реформа в России опирается на зарубежный опыт. В большинстве стран Запада имеется базовый уровень пенсий, формируемый в основном по страховому принципу, коррелирующий с уровнем доходов и трудовым стажем работника (для нетрудоспособных действуют системы вспомоществования). В России применяется сходный принцип, однако выстраивается иное соотношение частей пенсии. Так, в Швеции около 80% пенсионеру приносит общая государственная пенсия, примерно 10–15% составляет пенсия за выслугу лет (около 40% населения имеют личные пенсионные накопления на добровольной основе). В России в ходе реформирования предполагается примерно равное соотношение

базовой части пенсии и ее дополнительных частей (по стажу и за счёт накопительной части). Попытки соотнести реальные размеры пенсий выглядят еще менее оптимистично. Так, средняя трудовая пенсия в Швеции составляет около 12 тыс. крон (основная часть пенсии – общая государственная пенсия варьируется от 3,6 до 8,9 тыс. крон; средняя сумма пособия для пожилых составляет 3,6 тыс. крон; максимальная стоимость для пожилых лиц помощи на дому, услуг в течение дня и некоторых других видов ухода на 2011 г. составляла 1760 шведских крон в месяц, что по нынешнему курсу составляет примерно 17 тысяч рублей). К сравнению, в России на 2013 г. по данным Федеральной службы государственной статистики средний размер назначенной пенсии составлял около 10 тысяч рублей, в т. ч. по старости – около 10 700, социальной пенсии – около 6 400 рублей [1].

Автором была предпринята попытка выяснить отношение населения к характеру и уровню пенсионного обеспечения на примере опроса жителей Ростовской области (2014–2015 гг.). Свыше 90% респондентов отнесли российских пенсионеров к категории бедных и отметили, что в России нельзя прожить на пенсию. Стереотип старости в целом носит негативный оттенок и связывается с немощностью, одиночеством и бедностью, отражая слабость социального статуса пожилого человека, тем не менее, проявлений эйджизма, дискриминации, возрастной сегрегации не отмечается. Интересно, что в ответ на вопрос «Какой размер пенсии для России Вы считаете оптимальным?» чаще всего указывался размер пенсии от 15 до 20 тысяч; характерно, что чем старше сами респонденты, тем выше указываемый ими размер оптимальной пенсии (до 30 и даже 40 тысяч в старших возрастных группах). Достаточным возрастом для выхода на пенсию россияне считают 55 лет, а респонденты пенсионного возраста – 60 и даже 65 лет. Особое мнение пенсионеров объясняется тем, что крайне остро для пожилых граждан стоит проблема постпенсии занятости, многие респонденты готовы работать, но не имеют возможности получить работу.

В последние годы в России ведется попытка внедрить механизм накопительной пенсии, тем не менее, необходимость данного элемента очевидна лишь для лиц пенсионного возраста: 100% пенсионеров указали, что накопительная пенсия в России нужна; из числа респондентов в возрастных группах от 16 до 30 и от 30 до 55–60 лет (женщины и мужчины соответственно) примерно половина не считает данный механизм нужным. В ближайшие 5–10 лет в России ожидается усугубление существующего дисбаланса между численностью выходящих на пенсию и вступающих в трудовозрастной возраст. Перспективы России в вопросах обеспечения пенсионной системы начнут оптимизироваться лишь через 10–15 лет, когда соотношение трудовозрастного населения и пенсионеров начнет немного выравниваться (так, ныне 40–45 летних около 9–10 млн, ко времени их выхода на пенсию вступят в трудовозрастной возраст нынешние 5–10-летние, которых около 8 млн чел. [2]). При этом в России (в сравнении со странами ЕС, к примеру) значительно ниже процент занятого населения из числа трудовозрастного, а также крайне низкий процент самозанятых лиц. Вполне вероятно, что именно механизм накопительного пенсионного обеспечения станет основным, в то время как граждане трудовозрастного возраста мало в нем заинтересованы, практически ничего о нем не знают и не намерены к нему прибегать (что подтверждается современным кризисным состоянием накопительных пенсионных систем).

В современных условиях низкий статус, бедность, незащищенность пожилых российских граждан определяют необходимость совершенствования систем социальной защиты. Наиболее актуальными направлениями оптимизации социальной поддержки пожилых граждан являются:

- 1 обеспечение достойного уровня жизни пожилых людей и поиск оптимальных механизмов реформирования пенсионной системы;
- 2 развитие медицинской и специализированной гериатрической помощи и поиск их новых организационно-правовых и финансовых форм;
- 3 развитие механизмов семейного ухода и устройства пожилых, содержания с иждивением на муниципальной и региональной организационно-правовой основе;
- 4 совершенствование механизмов постпенсионного трудоустройства пожилых;
- 5 развитие сети, организационно-правовых форм и материально-технической базы учреждений социального обслуживания пожилых людей, развитие институтов социальной адвокатуры, судов, социальной медиации и социального консалтинга, развитие частного социального обслуживания пожилых;
- 6 развитие адекватной социальной инфраструктуры для пожилых, в т.ч. культурно-досуговой, спортивно-оздоровительной, социально-образовательной (информационных порталов и специализированных телеканалов, социального интернета для пожилых; стимулирование социально ориентированных инициатив пожилых людей, содействие деятельности общественных объединений, в частности, групп само- и взаимопомощи, развитие социального туризма, доступного образования для лиц третьего возраста и пр.);
- 7 формирование положительного образа старения и старости (через СМИ, литературу, кино и иные средства духовной и материальной культуры; развитие специализированной социальной рекламы, конкурсов, акций, проектов; внедрение социально-образовательных программ, адаптированных курсов по основам геронтологии для детей и взрослых, стимулирование проектов межпоколенческой коммуникации молодежи и пожилых; активизацию развития социально-геронтологического знания, в т. ч. исследований общественного мнения по вопросам старения, межпоколенческих отношений).

Литература

- 1 Численность пенсионеров и средний размер назначенных пенсий по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров // ФСГС (Федеральная Служба Государственной Статистики). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_p2.htm (5.02.2015).
- 2 Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // ФСГС - URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094 (01.02.2015).

А. Е. Колобова
ОТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА
К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

КОЛОБОВА А. Е. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы социально-гуманитарного факультета Саратовского

В современном обществе всё большую актуальность приобретает проблема гуманного отношения к старости. Это связано со многими причинами и, прежде всего, с:

- увеличением доли пожилых людей в общей численности населения (характерна для многих социумов, в том числе для российского – к 2016 г. старшее поколение в России составит 33,4 млн человек (24,8%) в возрасте старше трудоспособного [1, с. 56]);
- распространением и укреплением рыночных принципов во многих социумах (идея рынка, базирующаяся на рациональности и эффективности как мерил «всего и вся», явно противоречит гуманизации общества, в том числе в отношении пожилых людей, которые очевидно не проходят проверку указанными мерилami);
- трансформациями места и роли пожилых людей в социуме (они перестают быть ценными для молодого поколения источниками и хранителями опыта и знания, поскольку последние быстро устаревают и постоянно обновляются).

С 2008 г. и по настоящее время нами проводится исследование, посвящённое изучению экономических практик пожилых людей в современном обществе. Основным методом – глубинное интервью. Нашими респондентами выступают:

- пенсионеры-предприниматели;
- предприниматели других возрастов;
- пенсионеры – наёмные работники;
- неработающие пенсионеры;
- эксперты в сфере занятости.

В рамках нашего исследования были получены данные, представляющие интерес в контексте вопроса отношения общества и государства к экономической активности представителей старшего возраста в нашей стране.

Большинство россиян имеют стереотипное (чаще всего окрашенное в негативные оттенки) представление о пожилom человеке как немощном и ущербном. Особенно выпукло это проявляется в отношении работодателей к пожилым работникам.

«Они [работодатели – примечание А. Е. Колобовой] у нас, среди предлагаемых нами работников, интересуются только теми, кому до 45 лет. А работники после 45 лет – им это уже не интересно. <...> В общем, у них [работодателей – примечание А. Е. Колобовой] предвзятое какое-то мнение, нехорошее отношение к работникам после 45 лет. <...> Мало таких работодателей, которые соглашаются принять на работу пожилых» (работник службы занятости г. Саратова, 45 лет).

Представители общественности особенно ярко демонстрируют непонимание и неприятие желания пожилых людей заниматься бизнесом. Для многих россиян понятия «бизнес» и «старость» есть несовместимые вещи.

«Да, опыт, связи, понятно, это важно. Но когда человек пожилой и бизнесом занимается, то развития нет. <...> Ну, когда пожилой, уже куда развиваться? Ну, планы они не строят, понятно, просто их некогда реализовать будет» (предприниматель, 21 год).

В лучшем случае общество просто не замечает существование старшевозрастных бизнесменов. Так предприниматели среднего и молодого возраста о своих пожилых коллегах просто не имеют представления, т. е. по сути игнорируют их.

«Я об этом [о пожилых предпринимателях и отношении к ним – примечание А.Е.Колобовой] как-то и не думал...» (предприниматель, 29 лет).

Однако надо отметить, что опрошенные нами эксперты демонстрируют достаточно адекватное восприятие пожилых людей как участников рынка труда.

«Я для себя в работе выделяю категорию – «работники после 45 лет и старше». Это особая категория работников. <...> После 45 лет работник уже имеет карьерную дорогу, что ли. У него уже есть: во-первых, опыт работы, потом у него уже выросли дети, особенно это касается женщин-работников. Ну сами знаете, с женщинами-работниками есть проблема частых больничных в связи с болезнью маленьких детей. Я считаю, это самая хорошая категория работников, которых надо брать на работу» (работник службы занятости г.Саратова, 45 лет).

По нашему мнению, государственная политика в отношении пожилых людей в России также базируется на стереотипном представлении о пожилом человеке как немощном и ущербном. Приведём в качестве доказательств следующие факты:

- в российском законодательстве отсутствует понятие «пожилой работник»;
- отсутствует инфраструктура поддержки экономической активности представителей старшего возраста (так в службах занятости есть отделы по работе с подростками, но пенсионеры как имеющие доход (пенсию) не могут в полном объеме пользоваться услугами этих структур);
- большинство государственных программ поддержки пожилых людей в нашей стране содержат меры по преимущественно медицинской и социальной помощи, а мероприятия по поддержке занятости пенсионеров носят скорее формальный характер, фрагментарны и изначально неэффективны (например, региональные целевые программы «Старшее поколение») и др.

Хотя надо отметить, что в последние годы имеет место определённый положительный сдвиг в политике российского государства в отношении пожилых людей. Так, в 2013 г. были внесены поправки в ряд нормативно-правовых документов, позволивших пенсионерам стать клиентами служб занятости (прежде они как «имеющие доход в форме пенсии по старости» не могли пользоваться услугами данных государственных организаций) [2].

Общая характерная черта в отношении как общественности, так и государства к экономическим практикам представителей старшего возраста в России – это, по сути, игнорирование потребностей пожилого человека быть экономически активным, а значит полноценным гражданином, членом социума. На наш взгляд, это существенный барьер в гуманизации общества в целом и в отношении к старости в частности.

Литература

- 1 Доброхлеб В. Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социс. 2008. № 8.
- 2 Доклад Министерства труда и социальной защиты от 28.05.2014 г. «О результатах мониторинга социально-экономического положения граждан пожилого возраста». URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/93> (21.11.2014).

Е. И. Красавцева

ПРИБЛИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШИХ ВОЗРАСТОВ К ПРОСТРАНСТВУ ИНТЕРНЕТА

КРАСАВЦЕВА Е. И. – кандидат экономических наук, независимый исследователь. E-mail: jkrstv@gmail.com.

Заявленная в названии проблема представляет собой стык двух достаточно актуальных в настоящее время тенденций: с одной стороны, это активное и даже агрессивное проникновение информационных и интернет-технологий в повседневную жизнь современного человека, а с другой – выраженная тенденция постарения населения.

Безусловно, увеличение продолжительности жизни является неоспоримым результатом общественного развития, однако, нельзя не понимать, что старение населения влечет за собой и множество новых для этого общества вызовов. Вместе с тем, речь в данном случае должна вестись не только о числе физически прожитых дополнительных лет, но также и о достойном качестве прожития этих лет.

В этой связи уместно обратиться к Политической декларации по проблемам старения (2002) [1], в которой, помимо прочих несомненно важных моментов, говорится также и о необходимости «<...> согласованных действий для трансформации возможностей и качества жизни мужчин и женщин по мере их старения <...>» (ст. 6), а также о том, что «расширение возможностей пожилых людей и содействие их полноценному участию в жизни общества являются исключительно важными условиями обеспечения активной старости» (ст. 12).

Одним из путей реализации обозначенных позиций нам представляется вовлечение населения старших возрастных групп в виртуальное информационное пространство, в глобальную сеть интернет.

Очевидно, что интернет неравномерно распространён среди пожилых в различных странах мира: самые высокие показатели, по данным ОЭСР [2], в 2012 г. зарегистрированы у жителей Исландии – 71,7% и Кореи – 68,9%.

В пределах Российской Федерации официальную информацию о распространении информационных и интернет-технологий среди населения старших возрастных групп можно извлечь из Комплексного наблюдения условий жизни населения (2011) [3]. Согласно последнему, в категории населения «старше трудоспособного возраста» возможностями выхода в интернет располагает лишь один из семи (15,3%) опрошенных (в т. ч. мужчины – 14,8%, женщины – 15,5%). Наиболее частой целью обращения к интернету лицами третьего возраста является прочтение новостной информации, статей. За ней следует «общение в социальных сетях для поддержания личных контактов и обмена информацией, переписка с родными и близкими». Далее (по мере убывания значимости): «проведение времени за скачиванием фильмов, музыки и игр, за игрой в сетевые игры и др.» и «поиск информации о товарах и услугах для повседневной жизни, заказ товаров (бронирование мест), подача собственных объявлений»; «получение информации, оформление документов на сайтах органов государственной власти, госучреждений и ведомств» и «дистанционное обучение по обязательной или дополнительной программе, пользование электронными библиотеками, энциклопедиями и др.».

Однако отметим, что в процитированном Комплексном наблюдении условий жизни населения, как и в других – статистических и социологических – источниках, лица пожилых возрастов выступают только лишь как одна из групп населения. Соответственно, и возрастные градации лиц старшего возраста выстраиваются согласно целям основного исследования. Специальных же самостоятельных исследований социологического или статистического характера, тем более по проблематике приобщения лиц старших возрастных групп к глобальной сети, нами не обнаружено.

Это обусловило целесообразность и актуальность проведения нами небольшого пилотажного опроса изучения интернет-активности людей пожилого возраста. Та же причина определила и форму его реализации: интернет-опрос через социальные сети.

Всего в опросе приняли участие 35 русскоязычных респондентов, в т. ч.: из России – 74,27%, а также из ряда иностранных государств (в которых они постоянно проживают либо работают): Украины (11,43%), Великобритании (5,72%), по одному человеку из Австралии, Германии, Швеции. Опрошено 25,71% мужчин и 74,29% женщин. Приведем распределение опрошенных по возрасту (Таблица 1):

Таблица 1 Распределение опрошенных по возрасту, %

Возрастная группа	Доля опрошенных, %
50–55 лет	11,43
56–60 лет	8,57
61–65 лет	20,0
66–70 лет	57,14
71–75 лет	2,86

Практически 9 из каждых 10 (88,57%) принявших участие в опросе имеют высшее (77,14%) и послевузовское (11,43%) образование, четверо – среднее профессиональное образование.

С целью восполнения пробела в установлении возраста, в котором нынешние пожилые освоили компьютер, нами был задан соответствующий вопрос. Ответы на него показали, что подавляющее большинство респондентов освоили компьютер во время своей трудовой деятельности и только 14,29% – в послетрудовой период (после 60 лет). В то же самое время большая часть из них получила доступ к интернету (после 60 лет – 17,14%).

Что касается периодичности обращения к глобальной сети, то было установлено, что каждые восемь респондентов из десяти выходят в интернет/SKYPE ежедневно, 14,28% 2–3 раза в неделю и только 5,72% раз в неделю. То есть можно говорить о весьма высокой интернет-активности пользователей старших возрастных групп.

Некоторые авторы, например, Б.Ф. Кондратов [4], упоминают об отдельных (как зарубежных, так и российских) примерах организации пожилыми собственного интернет-бизнеса. Однако, поскольку каких-либо подтверждающих статистических данных по этому поводу обнаружить не удалось, мы попробовали поставить собственные вопросы такого рода. Оказалось, что каждому девятому опрошенному (11,43%), причём в большей части отечественным пенсионерам (3/4 давших ответ на вопрос), оказался знаком конкретный пример подобного бизнеса. Более того, они оценили его как весьма успешную предпринимательскую деятельность.

Также выяснилось, что создать в интернете свой виртуальный бизнес хотели бы более четверти опрошенных. При этом в качестве направлений такого бизнеса респонденты выбрали (приведены по мере убывания доли выбравших тот или иной вариант ответа):

- 1 подбор партнёров для общения по интересам, роду профессиональной деятельности, хобби и др. – 20,0%;
- 2 организация обмена информацией на заданную тему – 17,14%;
- 3 консультирование по различным вопросам (юридического характера (пенсионное законодательство, наследственные вопросы и др.); компьютерного характера (помощь в решении пользовательских проблем); решение социальных вопросов (помощь по дому, уход за больными, поиск лекарств) и др.) – 17,14%;
- 4 помощь в организации отдыха – 11,43%;
- 5 помощь в ремонте (жилья, автомашины, одежды и проч.) – 5,72%;
- 6 затруднились ответить – 28,57%.

Как видно из приведенного перечня, основной целью обращения пожилых к интернету является именно коммуникация. Это, собственно, подтверждает вывод Г. Сорокина [5] относительно того, что современные пожилые, освоившие интернет в 90-е годы, отдают предпочтение социальным интернет-контактам.

В то же время, исходя из разного рода источников, мы пришли к выводу, что помимо официально предлагаемой Комплексным наблюдением условий жизни населения формулировки «общение в социальных сетях для поддержания личных контактов и обмена информацией, переписка с родными и близкими» коммуникации могут происходить и в иных формах. Например, на специализированных, организованных по возрастному признаку сайтах, либо же люди пожилого возраста могут знакомиться с актуальной информацией и обсуждать ее посредством специализированных электронных изданий (журналов и т. п.). Однако, как удалось установить, о специализированных русскоязычных сайтах для пожилых людей слышали только

два респондента (5,72%), однако, назвать их они не смогли. Та же картина зафиксирована по поводу специализированных русскоязычных электронных изданий (журналов и т. п.).

Между тем, в последнее время для интернет-пользователей старших возрастов создаются и успешно функционируют специальные ресурсы: сайты для пожилых (pensioneru.ru, pensioner.vollar.ru, <http://www.sta-net.ru/>), интернет-журналы (например, «Третий возраст», www.3vozrast.ru и приложение к нему – «Информационный мир пожилого человека», www.seniorinfo.ru), функционируют on-line университеты (Прибайкальский район, <http://u3a.niuitmo.ru/do/>), виртуальные школы (например, Виртуальная Школа Пенсионера – будущего и настоящего, <http://www.ypensioner.ru/virtualnaya-shkola-pensionera-budushego-i-nastoyashego-pdf-dp1>) и виртуальные курсы (<http://babushka-on-line.ru/>).

В целом, можно сделать вывод о том, что первый подход к теме оказался достаточно плодотворен и она может быть признана перспективной с точки зрения дальнейших исследований.

Литература

- 1 Политическая декларация принята второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения, Мадрид, 8–12 апреля 2002 года. URL: <http://www.un.org/ru/events/pastevents/ageing.shtml>.
- 2 Internet users. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2013. URL: <http://www.oecd-ilibrary.org>.
- 3 Комплексное наблюдение условий жизни населения (2011). URL: <http://www.gks.ru/>
- 4 Кондратов Б. Ф. "Третий возраст" и интернет. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/bpa/11683e3292f61ae2c3257594003ec081>.
- 5 Сорокин Г. Интеграция в интернет-сообщество в третьем возрасте // Третий возраст: старшее поколение в современной информационной среде: Труды Всероссийской междисциплинарной научной конференции (Москва, Россия, 30 января 2008 г.). М.: Современная гуманитарная академия, 2008. С. 150–158.

С. Н. Лихачёва

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛУГИ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ (НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В МОГИЛЁВСКОЙ ОБЛАСТИ)

ЛИХАЧЁВА С. Н. – кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой политологии и социологии МогГУ им. А. А. Кулешова. E-mail: lihacheva_sn@mail.ru.

Сельские территории представляют собой особую сферу социальной политики, требующую учёта ряда обстоятельств при её рассмотрении. В первую очередь стоит обратить на социально-демографические процессы, а именно старение населения и невосполнение людских ресурсов. В последнее десятилетие в Республике Беларусь численность лиц пенсионного возраста в сельской местности превышала число детей до 16 лет. Старение села

вызывает увеличение нагрузки на трудоспособное население в связи с необходимостью затрат на содержание нетрудоспособных, расходов, связанных с выплатой пенсий, пособий, строительством специальных учреждений и созданием соответствующей инфраструктуры. Во-вторых, это пространственно-региональные особенности сельской жизни, проживание людей, нуждающихся в социальных услугах в разных по размеру населённых пунктах, нередко удалённых от административных центров и друг от друга. В-третьих, имеются культурно-исторические особенности села, которые можно назвать традиционным деревенским консерватизмом, базирующимся во многом на родственных и соседских связях. Российский социолог П. Великий обращает внимание, что село – это такой синтез зависимостей и связей между подручностью (удобством) места жизни и смыслом пожизненного пребывания в нём, который легко разрушается, но почти никогда не восстанавливается. Исчезли рабочие места в сельском хозяйстве – молодёжь ориентируется только на переезд в город. Нет повседневной занятости – многие предаются пьянству, что завершается алкогольной зависимостью. Однако продолжает существовать миф об избыточности сельского населения, который поддерживается сравнением с зарубежными образцами [1, с. 243].

Социальное обслуживание охватывает достаточно широкие группы населения, проживающие в сельской местности: пенсионеры, инвалиды, сироты, неполные и многодетные семьи, безработные, малообеспеченные, лица, страдающие от алкогольной зависимости, без определённого места жительства и вышедшие из мест лишения свободы и т. д. Особое значение имеют вопросы гуманизации социальной политики, что связано с её моральными и правовыми аспектами, формированием новых нравственно-этических норм в отношении нуждающихся в социальном обслуживании и малообеспеченных граждан. С 1 января 2013 г. вступили в силу изменения и дополнения в Закон «О социальном обслуживании», который вносит существенные коррективы в организацию оказания социальной помощи, взаимодействие государства, поставщиков и потребителей социальных услуг [2].

Полноценный анализ социальной политики на селе не может ограничиваться лишь обобщающими количественными характеристиками и показателями. Полученные результаты социологического исследования, проведённого Могилевским институтом региональных социально-политических исследований, позволяют систематизировать социальные проблемы людей, проживающих в сельской местности, выявить особенности активной стратегии поведения нуждающихся категорий, их взаимодействия на уровне сельской общины в решении возникающих социальных проблем и роли соответствующих институтов в её формировании.

Одной из задач проведённого исследования являлось выяснение информированности об оказываемых социальных услугах. На вопрос «Знаете ли Вы, куда можно обратиться за оказанием социальной помощи?» ответили утвердительно 76,6% лиц пожилого возраста. Знают об основаниях оказания такой помощи 53,3%, кое-что слышали об этом 31,3%. Таким образом, пожилых можно отнести к достаточно хорошо осведомлённой группе, возможно, с возрастом человек начинает беспокоиться о том, что не всегда сможет без посторонней помощи справляться с возникающими проблемами.

Наиболее сложной остаётся проблема состояния медицинского обслуживания в сельской местности. Она волнует практически каждого, но в деревнях усугубляется острой нехваткой медицинских кадров, не говоря уже об узких специалистах. На вопрос «Удовлетворены ли Вы организацией медицинского обслуживания в Вашей местности?» утвердительно ответили 68%. При проведении опроса можно было часто слышать такое мнение: «Местный ФАП, фельдшеры внимательные, обслуживают своевременно, но когда дело доходит

до необходимости обратиться к врачу, то в нашей деревне это сделать очень сложно». Наиболее часто причиной недовольства медицинской отраслью у сельчан является отсутствие необходимых медицинских специалистов – 58,8%, большие очереди на приём к врачу в районных поликлиниках – 28,1%, недостаток внимания пациентам – 25%.

При анализе полученных результатов была выделена группа одиноко проживающих людей старше 60 лет. В сельской местности эти два обстоятельства: пожилой возраст и отсутствие в доме родных и близких может создать критическую ситуацию для человека. На вопрос «Если Вы проживаете один (одна), то какой вариант социального обслуживания Вам более предпочтителен?» получили следующее распределение ответов:

- помощь социального работника по месту жительства – 52,4%;
- проживание дома, его самостоятельное ведение без посторонней помощи – 47,5%;
- адресная материальная помощь государства – 12,1%;
- проживание в доме-интернате для пожилых – 0%;
- нахождение в больнице сестринского ухода – 0%.

Таким образом, одинокие пожилые сельчане категорически отказываются покидать родной дом, и воспринимают это как самую крайнюю меру, которую даже и рассматривать в качестве альтернативы не хотят (можно было давать несколько вариантов ответа на поставленный вопрос). Многие пока справляются самостоятельно, в том числе и с помощью навещающих детей и внуков. Адресная материальная помощь также не самая востребованная для одиноких пожилых форма поддержки, хотя некоторые рассчитывают и на неё. Для половины пожилых сельчан предпочтительнее всего посещение социального работника по месту жительства – сравнительно новая, но получившая широкое распространение форма социального обслуживания.

Сельское население представляется достаточно сложным объектом социальной политики. Демографическая ситуация, состояние рынка труда, уровень развития инфраструктуры, степень привлекательности сельской жизни для разных возрастных категорий ставят перед социальной политикой не только задачу социального обслуживания нуждающихся, но и поддержку самого сельского образа жизни, его сочетание с распространением преимуществ городского уклада на социальную сферу села.

Литература

- 1 Великий П. П. Социальная политика на селе: новые вызовы, старые ограничения // Журнал исследований социальной политики. 2007. Том 5. № 2. С. 231–244.
- 2 О социальном обслуживании: Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 427-З: с изм. и доп.

С. Г. Максимова

ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МОРАЛЬНЫЕ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО КОНТРАКТА

МАКСИМОВА Светлана Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». E-mail: svet-maximova@yandex.ru.

Для Российской Федерации забота о пожилых людях, отдавших силы и здоровье служению Родине, является одним из государственных приоритетов. Руководители Российской Федерации, как В. В. Путин, так и Д. А. Медведев, в своих выступлениях неоднократно подчёркивали социальную значимость проблемы. Однако, к сожалению, в сфере оказания социальной и иной помощи людям пожилого и старческого возраста нерешённых задач всё ещё много. В том числе часть из них – административного характера. Так, нечёткое разграничение полномочий между федеральными, региональными органами государственной власти и органами муниципального управления в некоторых случаях имеет следствием затягивание решения конкретных проблем пожилых людей [1].

Разработка и реализация государственной политики, анализ процессов интеграции старых людей в обществе, адекватных социально-экономическим, политическим, культурным реалиям современного этапа развития, выявление дезорганизующих факторов, ведущих к конфликтным ситуациям, социальной напряжённости, проблема их снятия или смягчение, нуждаются в серьёзном научном обеспечении, требуют и новых подходов, и совершенно иных масштабов развития социальной геронтологии.

Неотъемлемой частью геронтологической реальности России являются социальные установки граждан относительно отношения общества к пожилым и старым людям. Эти установки складываются исходя, отчасти, из собственного отношения к данной социальной группе, а также из восприятия опыта близких родственников и анализа социальной ситуации.

Социологическое исследование по оценке социального положения и особенностей старения населения было проведено в 2012–2014 гг. в четырёх регионах России (Алтайский край, Забайкальский край, республика Бурятия, Омская область, n = 2400 респондентов). В проведённом исследовании социальные установки населения, касающиеся отношения общества (и государства как легитимного агента – проводника социальной политики), изучались на базе 18 утверждений, которые оценивались респондентами по пятибалльной шкале. Содержание данных утверждений носило как позитивный, так и негативный характер.

В исследовании проводилась оценка социального положения лиц старших возрастных групп и особенностей реализации материальной и моральной поддержки со стороны государства старшего поколения. По результатам исследования выявлено, что несмотря на то, что в батарее утверждений присутствовали обе модальности, жители регионов в своих ответах демонстрировали тенденции скорее отрицательного отношения общества к пожилым и старым людям. Так, 80,0% респондентов выразили согласие, что система услуг для одиноких и инвалидов нуждается в улучшении. 76,4% респондентов согласились, что о пожилых вспоминают только по время предвыборных кампаний, и что пенсионеры очень уязвлены в рыночной структуре общества, плохо защищены в кризисной ситуации и нуждаются в

социальной защите (73%), отметили недоступность качественного здравоохранения (62,5%), недостаток льгот (64,8%) и отсутствие моральной и психологической поддержки (63,0%).

68,1% респондентов выразили своё согласие с утверждениями, касающимися недостаточного числа общественных организаций для пожилых, сокращения пенсионеров на рабочих местах (62,1%), неправильного распределения пенсий (59,6%) и отсутствия практической реализации существующей на законодательном уровне защиты (63,8%), а также утверждения, что «стариков бросили на произвол судьбы, нет гарантий и постоянства, плохая защищённость в кризисной ситуации» (59,2%).

Около 32,1% жителей выразили свое согласие на утверждение, что размер пенсии регулярно увеличивается; 49,9% респондентов отметили, что пожилые, работающие на производстве, нужны и полезны; 35,8% согласились, что для пожилых обеспечены необходимые льготы (проезд в общественном транспорте, льготы на оплату коммунальных услуг); 27,3% указали, что пожилые социально защищены минимальной пенсией.

Меньше всего позитивных ответов получило утверждение о том, что увеличивается адресная помощь – лишь 19,1% респондентов выразили своё согласие с данным утверждением, 55,2% выразили несогласие, 32,6% дали неопределённый ответ («и да, и нет»); и развиты телефоны поддержки пожилых – лишь 19,2% респондентов выразили своё согласие с данным утверждением, 64,3% выразили несогласие, 24,7% дали неопределённый ответ («и да, и нет»).

После того, как утверждения, входящие в шкалу установки были проанализированы по отдельности, со всей совокупностью был проведён факторный анализ для выявления латентных переменных, управляющих восприятием заложенного в утверждениях смысла. Несмотря на то, что шкала Лайкерта, в которой было измерены утверждения, относится к числу порядковых, и, следовательно, недопустимых для применения факторного анализа, мы воспользовались данным методом, основываясь на ряде публикаций, убедительно доказывающих возможность его адекватного применения без существенного искажения в интерпретации [2].

В результате факторизации было выделено три значимых фактора, с собственным весом более 1.0, описывающих 45,7% общей дисперсии переменных.

Первый фактор, описывающий 25,8% дисперсии, имеющий вес $\lambda = 4,6$, охватывает утверждения, характеризующие недостатки существующей государственной системы социальной защиты пожилых людей и работы неправительственного сектора:

- 1 пожилые, работающие на пенсии, нужны и полезны,
- 2 система услуг для одиноких и инвалидов нуждается в улучшении,
- 3 неправильное распределение пенсий, уравниловка.
- 4 существующая защита прав пожилых на законодательном уровне на практике не осуществляется,
- 5 мало общественных организаций для пожилых.
- 6 пенсионеров сокращают на рабочих местах.
- 7 вспоминают о пожилых только во время предвыборных кампаний,
- 8 нет общественных мест для общения пожилых.

Данный фактор подчёркивает манипулятивное отношение общества к пожилым как источнику для удовлетворения амбиций власти в период выборов и значимых событий, декларативный характер многих существующих лишь на бумаге инициатив.

Второй фактор описывает 12,2% и имеет собственный вес $\lambda=2,2$. В данный фактор входят утверждения, касающиеся социальных гарантий и льгот, которые не предоставляются, что приводит к тому, что пожилые оказываются на обочине жизни. Содержание фактора отчасти продолжает предыдущий, однако акцент ставится не только на необходимости улучшения существующей системы социального обслуживания пожилых, но и на их особый психо-эмоциональный статус, проявляющейся большей уязвимости, незащищённости в кризисной ситуации, одиночестве и отсутствии поддержки со стороны. Утверждения, которые вошли в этот фактор:

- здравоохранение почти недоступно, всё очень дорого, бесплатно лечить никто не хочет,
- мало льгот, особенно в сельской местности,
- стариков бросили на произвол судьбы, нет гарантий и постоянства, плохая защищённость в кризисной ситуации,
- пенсионеры очень уязвлены в рыночной структуре общества, нуждаются в социальной защите,
- отсутствует моральная поддержка, психологическая помощь пожилым.

Третий фактор описывает 7,6% дисперсии и имеет вес $\lambda =1,3$, охватывает утверждения, касающиеся социального страхования и защиты пожилых:

- 1 пожилые социально защищены минимальной пенсией,
- 2 повышают размер пенсий,
- 3 обеспечены необходимые льготы (проезд в общественном транспорте, льготы на оплату коммунальных услуг),
- 4 увеличивается адресная помощь,
- 5 развиты телефоны поддержки пожилых.

Данный фактор характеризует общество и государство, заботящиеся о своих пожилых гражданах, обеспечивающие им необходимые социальные гарантии для комфортного существования.

Таким образом, анализ процессов интеграции старых людей в обществе, адекватных социально-экономическим, политическим, культурным реалиям современного этапа развития, выявление дезорганизующих факторов, ведущих к конфликтным ситуациям, социальной напряженности, проблема их снятия или смягчение, разработка и реализация государственной политики нуждаются в серьёзном научном обеспечении с позиций анализа «долга» молодых поколений в отношении лиц старших возрастных групп в контексте формирования новой геронтологической реальности.

Литература

- 1 Муругова В. В., Утеева Э. Н. Социально-экономическая модель благополучия граждан пожилого возраста как показатель их социально-экономической адаптации к условиям жизни современного российского общества // Вестник Казанского государственного финансово-экономического института. 2011. № 1. С. 93–98

- 2 Максимова С. Г., Авдеева Г. С., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А. Модели конструирования новой геронтологической реальности и адаптивные стратегии населения России: монография / Под общ. ред. С. Г. Максимовой. Барнаул: АЗБУКА, 2013. 495 с.

Ю. Б. Матюшина, А. А. Квасова
МОДЕЛЬ ДОСУГОВОГО ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ ПЕНСИОНЕРОВ Г. ВОРОНЕЖА

МАТЮШИНА Ю. Б. – кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и политологии ВГУ, социолог Лаборатории социологических исследований. E-mail: soclabvsu@mail.ru.

КВАСОВА А. А. – преподаватель кафедры социологии и политологии ВГУ, социолог Лаборатории социологических исследований. E-mail: socguly@gmail.com.

Социальные проблемы людей пожилого возраста, их социальный статус, место в собственной семье, взаимоотношения с другими возрастными группами приобретают новое значение в современном обществе. Количество населения пенсионного возраста в нашей стране растёт. Важно отметить, что сегодняшний пенсионер – более активен, у него появляется больше свободного времени, чем 10-20 лет назад. Туристические фирмы заявляют, что с каждым годом численность пенсионеров-туристов возрастает. Пенсионеры также стали проявлять большую активность в сфере политики. Это подтверждается созданием политических партий: «Партия пенсионеров России» и «Российская партия пенсионеров за Справедливость». Люди пенсионного возраста осознают высокую значимость организации собственного досуга. Его правильная организация не просто позволяет разнообразно проводить время, но и повышает интерес к жизни. В современных условиях досуг пенсионеров может проявляться в различных формах: индивидуальной и групповой; организованный специальными учреждениями и организациями и организованный самим пенсионером; активной и пассивной. На сегодняшний день существует ряд очевидных проблем, связанных с его проведением. Во-первых, это количество свободного времени, которым располагают пенсионеры. Во-вторых, материальные возможности. Большинство видов досуговой деятельности, требующих финансовых затрат становятся недоступными для людей пенсионного возраста. Это, например, путешествия, некоторые виды хобби (коллекционирование редких моделей автомобилей, оружия и т. п.). В-третьих, состояние здоровья изучаемой возрастной группы. В-четвертых, неразвитость организационных форм досуга (в особенности предназначенных для пенсионеров), которая наблюдается в различных городах России. Важно отметить, что в Воронежской области есть бюджетное учреждение «Коминтерновский комплексный центр социального обслуживания населения «Радуга», где работают 5 кружков по интересам: хор «Сударушка», кружок «Рукодельница», клуб «Поможем друг другу», психологический клуб «Инсайт», группа «Здоровье». Однако количество подобных учреждений, кружков и организаций недостаточно для реализации досугового потенциала людей пенсионного возраста.

В Постановлении Правительства Воронежской области от 28.04.2011 г. № 388 «Об утверждении региональной программы «Повышение качества жизни пожилых людей в Воронежской области на 2011–2013 годы»» предусмотрена программа мер по организации

свободного времени и культурного досуга пожилых людей. Однако перед тем как проводить в жизнь эти меры, необходимо получить знания о недостатках в сфере организации досуга пенсионеров и только затем по разработанным рекомендациям осуществлять какие-либо изменения. Это сделает претворение в жизнь выработанных мер более эффективным, именно поэтому так важно подойти к рассмотрению вопроса о досуге пенсионеров с научной точки зрения. В этой связи в 2014 году сотрудниками лаборатории социологических исследований было проведено социологическое исследование, посвященное проблемам досуга воронежских пенсионеров.

Под словом «Досуг» респонденты чаще всего понимали занятие любимым делом (60,4%), на втором месте выступало «свободное от работы и домашних обязанностей время» (20,8%). Затем следуют остальные варианты ответов, в том числе «другое».

Не менее значимо выяснить, считают ли сами пенсионеры досуг важной составляющей их жизни. Для этого респондентам было предложено определить значимость досуга. Выяснилось, что в жизни 50,7% респондентов досуг занимает важное место и 30,4% опрошенных отметили, что досуг занимает скорее важное место, чем не важное. Таким образом, 81,1% пенсионеров считают досуг важной частью их жизни. Скорее неважным досуг считают 12,6% респондентов, совсем не важным – 2,9% респондентов, 3,4% затруднились ответить на вопрос.

Самыми популярными формами досуга пенсионеров являются общение с родными и близкими; просмотр телевизора, чтение книг, газет и журналов; цветоводство и огородничество. Отвечая на вопрос о досуговых предпочтениях, почти половина респондентов (43,5%) указала свой вариант. Назовём наиболее популярные: занятия с внуками и правнуками (12,5% указали этот вариант ответа), прогулки на свежем воздухе, и занятия литературным творчеством (пишут стихи, рассказы и проч.). Таким образом, пассивные формы досуга имеют определённую популярность среди населения «третьего возраста», однако утверждать, что пассивные формы досуга преобладают, нельзя. Также нельзя говорить о том, что пенсионеры предпочитают развлечения творческим и интеллектуальным формам проведения досуга. Но при этом важно подчеркнуть, что для представителей возрастной группы старше 79 лет характерна модель пассивного досуга, а также предпочтение развлечений творческим и интеллектуальным формам досуга. Что может объясняться состоянием здоровья представителей этой возрастной группы.

Культурно-развлекательные учреждения изначально создаются для занятия досугового времени населения, позволяют приобщиться к культуре, формируют и поддерживают идеалы и ценности, существующие в обществе. Важно выяснить, какое отношение пенсионеры имеют к данному виду досуга. Так было проанализировано, как часто пенсионеры посещают кино, театры, выставки и музеи, а также кафе. Часто в кино ходит 3,4% респондентов, иногда – 44,4% и никогда 52,2%. В театр часто ходят 8,21% респондентов, иногда – 50,72%, никогда – 41,06%. Выставки и музеи часто посещают 8,2% респондентов, иногда – 50,7%, никогда – 41,1% опрошенных. Посещают кафе часто 7,7%, иногда 53,1% респондентов и никогда 39,1% респондентов. Таким образом, пенсионеры, в целом регулярно проводят свой досуг вне культурно-развлекательных учреждений.

В жизни каждого человека огромное значение имеют занятия физкультурой и спортом. Регулярные занятия спортом в разумных мерах помогают пенсионерам укреплять здоровье (укрепляют суставы, поддерживают гибкость и функциональность опорно-двигательного аппарата, являются профилактикой сердечнососудистой системы), поддерживают иммунитет и

повышают устойчивость людей к негативным факторам внешней среды. Результаты исследования показали, что лишь 18,3% респондентов занимаются спортом часто, 41,1% – иногда, и никогда – 40,6%. Тем не менее, спорт играет важную роль в жизни пенсионеров, но в качестве досуга рассматривается лишь малой частью исследуемой совокупности.

Потребность в общении относится к числу самых ранних и специфически человеческих потребностей, наблюдающихся в равной мере, как в филогенетическом, так и в онтогенетическом развитии человека. Привести результаты исследования. Как было указано ранее, большинство пенсионеров предпочитают проводить свой досуг, общаясь с родными и близкими. При этом часто общаться с родственниками удаётся 82,6% респондентов, иногда – 16,4% и лишь 1 респондент никогда не общается с родственниками. Однако потребность в общении не обязательно должна быть реализована только с помощью родных. Проследим, как реализовывается потребность респондентов в общении с помощью своих друзей. Так, часто общаются с друзьями 69,6% респондентов, иногда – 28,5%, никогда – 1,9%.

Как указывалось ранее, пенсионеры могут самостоятельно организовать свой досуг и особенно это касается пассивных форм проведения досуга. Приведённые выше результаты опроса показали, что многие воронежские пенсионеры любят занимать своё досуговое время чтением. Часто читают книги, газеты, журналы 55,6% респондентов, иногда – 38,6%, никогда – 5,8%. При этом всего 5,8% респондентов не читают ни книг, ни журналов. Из этой группы респондентов 23,5% указали слабое здоровье в качестве причин, препятствующих им посещать досуговые учреждения, а также кружки и клубы по интересам с желаемой частотой. Вероятно, для этой группы чтение становится ограниченным в результате проблем со зрением. Однако в современном обществе широко развиты различные мультимедийные технологии, в т. ч. существуют аудиокниги, которые позволяют решить названную выше проблему со зрением. В данном исследовании отражается только отношение пенсионеров к компьютерам, но было бы правильно исследовать влияние современных технологий на досуг пенсионеров более полно.

Что касается литературных предпочтений пенсионеров, то 27,1% респондентов предпочитают читать классическую и зарубежную литературу, 26,6% респондентов указали вариант, не предложенный в анкете, затем по популярности идут любовные романы (20,3%), детективы (18,6%). А 17,3% респондентов отдадут предпочтение фантастике.

Теперь представим, какую периодическую литературу читают Воронежские пенсионеры. Наибольшей популярностью у пенсионеров пользуются: воронежская пресса, «Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда». Что свидетельствует о высоком уровне интереса пенсионеров по отношению к тому, что происходит в стране и в городе. Гораздо меньше пенсионеры читают газет и журналов о здоровье, саде, мало интересуются «желтой прессой» и «журналами-сплетниками». Что в некоторой степени не соответствует сложившемуся в сознании обыденного человека образу пенсионера-сплетника.

Ещё одной весьма распространённой формой проведения досуга среди пенсионеров является просмотр телевизора. Важно выяснить, какие телепередачи предпочитают смотреть люди «третьего возраста». Предпочтения при просмотре телепередач пенсионеры чаще всего отдают новостным программам (28,3%), затем следуют художественные фильмы (15%), и уже после сериалы и развлекательные ток-шоу (12,7% и 12,1% соответственно). Позиция «другое» также стала популярной, её указали 11,8% респондентов. Весьма популярным оказался ответ: научно-популярные передачи. Это еще раз подтверждает потребность пенсионеров в получении новых знаний. Так, можно сделать вывод о том, что потребность в знаниях у пенсионеров весьма выражена, однако, форма образовательных курсов не представляется для них удобной.

Следует выяснить, в какой ещё форме пенсионеры могут получать новую информацию, возможно, это какие-то кружки или клубы, разовые культурные мероприятия и прочее. Также следует определить уровень информированности пенсионеров о возможных формах получения новых знаний, параллельно удовлетворяющих иные потребности.

В жизни современного общества значительное место занимают технологии. В результате опроса выяснилось, что компьютером пользуется 28,0% пенсионеров и 72,0% не пользуются. Уровень пользования компьютером выше среди работающих пенсионеров, чем среди тех, кто не имеет трудовой занятости. При этом только 76,9% работающих пенсионеров используют компьютер для работы. Однако никто из этой группы не использует компьютер только для работы. Следует также указать, что с возрастом пользование компьютером снижается, так 87,9% пользователей компьютеров находятся в возрастной категории от 55 до 74 лет. Таким образом, можно сделать предположение, что в дальнейшем количество пользователей персональных компьютеров среди пенсионеров будет возрастать, так как те, кто сегодня пользуется компьютером «сменяют» группу, которая не использует компьютера.

А. А. Миронова

ЧАСТНЫЕ МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ТРАНСФЕРТЫ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

МИРОНОВА А. А. – аспирантка кафедры «Демографии», младший научный сотрудник Центра анализа доходов и уровня жизни, стажёр-исследователь МНУЛ Социокультурных исследований НИУ ВШЭ. E-mail: nusa13@rambler.ru.

Взаимная поддержка между поколениями в рамках семьи составляет основу не только семейных отношений, но также и всей системы общественного благосостояния. Так, родители продолжают поддерживать своих детей не только в период взросления, но и когда те становятся самостоятельными и покидают родительский дом. В свою очередь дети помогают своим родителям в трудных ситуациях – например, заботятся о них во время болезни.

Обмены различными видами благ между поколениями обозначаются общим термином «трансферты». Термин «трансферты» имеет очень широкую область применения. Он используется в терминологии таких наук, как экономика, социология, психология, теория страхования, а также демография. Слово «трансферт» происходит от латинского «transfero», что означает «перемещаю», «переношу». Различное употребление термина «трансферты» в разных науках объединяет то, что оно всегда подразумевает передачу каких-либо благ. Что касается социологии и демографии, то в этих науках термин «трансферты» обычно употребляется в смысле передачи каких-либо благ на безвозмездной основе.

Особенность частных трансфертов, в отличие от государственных, состоит в том, что ресурсы перераспределяются по неформальным каналам. Среди неформальных каналов можно выделить родственные каналы, а также каналы дружеской и приятельской поддержки. Принимая во внимание межпоколенный аспект, можно выделить нисходящие (от представителей старшего поколения младшему) и восходящие (от младшего поколения старшему) трансферты.

Если помощь между поколениями носит материальный характер, то говорят о материальных трансфертах. Если помощь передаётся в форме трудовой поддержки, то говорят

об инструментальных трансфертах. Инструментальные трансферты – это перераспределение времени между поколениями, выражающееся в потоках различных услуг. Сюда можно отнести помощь в ведении хозяйства, помощь в уходе за детьми, совместный отдых лиц, не являющихся членами одного домохозяйства. В рамках инструментальных трансфертов зачастую в качестве отдельного подвида выделяют функциональную помощь. Функциональные трансферты – это безвозмездная помощь людям, утратившим способность самостоятельно ухаживать за собой в результате болезни.

По мере общественного развития специфика межпоколенных обменов меняется. Это изменение обусловлено такими факторами, как распространение урбанизации, повышение общего уровня благосостояния населения, эволюция различных социальных (например, уравнивание в правах мужчин и женщин) и экономических (например, эволюция института собственности) институтов и др. В этой общей системе взаимосвязанных факторов демографические занимают особое место. Историческая эволюция демографических параметров (изменение в рождаемости, смертности и т. д.) меняет структуру семьи и порядки семейной жизни, открывая новые возможности и проблемы для членов семьи. Одним из важнейших демографических факторов межпоколенных обменов является старение населения.

Старение населения обусловлено особенностями режимов рождаемости и смертности. Так снижение в уровне рождаемости и увеличение продолжительности жизни ведёт к росту числа одновременно живущих в семье поколений (вертикальное расширение семьи), в то время как число представителей одного поколения снижается (горизонтальное сужение). Вследствие чего потенциал поддержки со стороны молодого поколения сокращается, тогда как необходимость поддержки пожилых членов семьи растёт.

В условиях роста ожидаемой продолжительности жизни изменяется структура жизненного цикла человека – ещё более высокими темпами увеличивается число лет, прожитое в средних и старших возрастах. В связи с тем, что люди стали жить дольше, всё большее число семей может сохранять свою структуру дольше, чем это было раньше. В связи с этим в семье происходит трансформация структуры иждивенцев. Так «во все века люди знали, что на их иждивении находятся дети. Стариков было мало, и нагрузка ими была незначительна (в России в 1897 году на одного человека в возрасте 70 лет и старше приходилось 15 детей до 15 лет). Теперь всё изменилось в противоположную сторону... В прошлом средний возраст детей к моменту смерти одного из родителей составлял 14 лет. Сейчас средний возраст сына к моменту смерти отца приближается к 55–60 годам» [Вишневецкий А., 2005]. Вот как Чаянов А.В. описывает жизненный цикл крестьянской семьи: «в первые годы по мере роста семьи она отягощается всё больше и больше неработоспособными домочадцами. Наблюдается быстрое увеличение отношения числа едоков к числу работников. На 15-й год в помощь к родителям поступает их первый ребёнок. По мере взросления детей величина отношения числа едоков к числу работников будет стремительно падать, приближаясь к единице. Соотношение числа едоков к числу работников достигает 1 примерно на 37 году существования семьи» [Чаянов А., 1976]. Учитывая, что ожидаемая продолжительность жизни в тот период находилась на уровне около 40 лет для мужчин и 46 лет у женщин [www.gks.ru], то немногие родители доживали до возраста, когда сами становились иждивенцами. В настоящее время ситуация значительно изменилась. И хотя ситуация в России пока далека от картины Америки 2030 года, которую нам рисуют Л. Котликофф и С. Бернс: «Перед вами страна, где в колясках выгуливают больше стариков, чем младенцев. Перед Вами страна, в которой количество пенсионеров выросло

вдвое, а количество работающих, которые их содержат, – только на 15%. Перед Вами страна с большим числом обедневших стариков, прозябающих в переполненных, страдающих от недостатка обслуживающего персонала домах престарелых» [Котликофф Л. и др., 2005]», – но тенденцию к увеличению нагрузки пожилыми нельзя отрицать. Согласно данным ООН, в 2010 г. демографическая нагрузка пожилыми в России составила 17 промилле, к 2030 г. прогнозируемое значение этого показателя составит 27 промилле. Одновременно с этим нагрузка детьми имеет тенденцию к снижению. Так, в 1990 г. показатель демографической нагрузки детьми в России составлял 34 промилле, в 2010 – 21 промилле, к 2045 г. – 23 промилле. Несмотря на то, что приведённые показатели отражают изменения на макроуровне, на их основе можно сделать вывод и об изменениях в семье, ведь семья – это общество в миниатюре.

Какую роль играют частные межпоколенные трансферты в условиях старения населения в России? Каковы масштабы системы частных межпоколенных трансфертов в России? Ответы на эти и другие вопросы мы попытались найти на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ-ВШЭ).

Оценки масштабов включённости населения в систему частных трансфертов разнятся в зависимости от того, какой подход выбирает исследователь. Авторы, которые используют количественные методы анализа [Градосельская, 1999; Овчарова, Прокофьева, 2000; Гладникова, 2009], как правило, получают более низкие показатели вовлечённости, чем те авторы, которые используют качественные методы [Фадеева, 1999; Лылова, 2002; Барсукова, 2004].

Такое расхождение во многом связано с трудностью учёта актов обмена. При исследовании степени вовлечённости домохозяйств в неформальную сеть поддержки часто обнаруживаются противоречия в ответах респондентов [Белокрылова с соавт., 2013]: в ответ на прямой вопрос респонденты указывают на отсутствие помощи со стороны родственников и друзей, но в ходе дальнейшей беседы выясняется, что, например, бабушка сидит с внуками, брат отремонтировал мебель. Данная проблемная ситуация связана с тем, что неформальные обмены между родственниками настолько сильно «вплетены» в полотно повседневной жизни людей, что, даже при условии раздельного проживания, выделить отдельные акты помощи и оценить их для самих респондентов представляется затруднительным [Виноградский, 1999]. Данный аспект необходимо учитывать при рассмотрении количественных характеристик системы частных трансфертов.

В целом можно заключить, что в России неформальные обмены являются распространённой практикой. Согласно данным РМЭЗ-ВШЭ, в 2013 г. в обменах материальными трансфертами (деньгами или товарами) участвовало 45% домохозяйств. При этом 54,5% домохозяйств среди участвовавших в материальных обменах только оказывали помощь, 34,3% только получали помощь, и 11,2% выступали одновременно в роли донора и реципиента помощи. Перевес в пользу тех, кто только оказывал помощь, может быть связан с тем, что люди склонны лучше запоминать ситуации, когда они помогали, чем ситуации, когда помощь оказывалась им.

В селе практика неформальных материальных обменов распространена несколько больше, чем в городе (47% сельских и 44% городских домохозяйств, участвовавших в частных обменах), что может быть связано с общинным укладом сельской жизни. Наиболее активно обмен происходит между родственниками, при этом преобладает нисходящий поток. Материальная помощь в виде денег и продуктов чаще всего оказывается детям (24,2%

домохозяйств) и внукам (18,8% домохозяйств). Родителям материально помогают реже (9%). Однако это не значит, что дети безучастны к своим родителям. Всё дело в том, что структура восходящего и нисходящего потоков частных межпоколенных трансфертов различна. К сожалению, данные РМЭЗ-ВШЭ не позволяют полноценно оценить структуру нисходящего и восходящего межпоколенных потоков по типу помощи. Однако, как показывают результаты другого обследования – КОУЖ-2011 (Комплексное наблюдение условий жизни населения, 2011 г.), в структуре нисходящего потока преобладают материальные трансферты, а в структуре восходящего – инструментальные. Так, наиболее распространённые виды трансфертов от родителей к детям – это денежная помощь (28,8%) и помощь в воспитании внуков (23,3%). Часто родители помогают своим детям в обеспечении продуктами (15%) и покупке вещей (9%). Также родители ухаживают за своими детьми во время болезни (5,6%), помогают им по хозяйству (5,3%), оплачивают жильё (3,1%) и оказывают другую помощь (0,8%). В отличие от потока родительской помощи наиболее распространённым видом поддержки со стороны детей является помощь по хозяйству (26,5%). Также часто дети ухаживают за родителями во время болезни (24,5%) и оказывают другую помощь (23,7%). Значительно реже дети покупают продукты и вещи для своих родителей (12,8%) и оказывают денежную помощь (12,5%).

Что касается инструментальных трансфертов, то, по данным РМЭЗ-ВШЭ 2013 г., среди тех, кому нужна практическая поддержка, помощь в виде услуг от родственников или друзей получили 16,5% человек. Наиболее распространённым видом получаемых инструментальных трансфертов оказалась помощь в работе по дому и на приусадебном хозяйстве (54% ответов), также имела место помощь в виде ухода за детьми (30% ответов) и за престарелыми и больными (16% ответов). Ввиду специфики образа жизни в сельской местности самым популярным видом инструментальной поддержки здесь выступает помощь в работе по дому и на приусадебном хозяйстве (65% ответов). В городе помощь в работе по дому также распространена (48%), однако при этом городские жители чаще, чем сельчане, получают помощь в уходе за детьми (35% ответов – в городе, 21% ответов в селе). Структура получаемой инструментальной поддержки варьирует в зависимости от типа домохозяйства-реципиента (табл. 1). Среди домохозяйств, имеющих в своём составе детей, наиболее распространённым типом получаемой поддержки является помощь в уходе за детьми. Чаще всего из выделенных типов домохозяйств помощь в уходе во время болезни или в связи со старостью получают домохозяйства, состоящие из лиц зрелого и старшего возраста (от 30 лет и старше). Супружеские пары старшего возраста в основном получают помощь в работе по дому и на приусадебном участке и значительно реже, чем домохозяйства-одиночки получают функциональную поддержку.

Важно уточнить, что в фокус анализа попали только обмены между людьми, проживающими в разных домохозяйствах, т. к. совместное проживание выступает отдельным типом частных трансфертов.

Частные трансферты вносят значительный вклад в повышение благосостояния россиян. В 2013 г. средний размер получаемых частных материальных трансфертов, оказался равным 7854 руб., что составляет около 22% от общего бюджета домохозяйств, получающих частные трансферты. Вклад частных трансфертов в доход домохозяйства оказался выше, чем, например, вклад пособия по безработице (13,6%), пособия по детям (7,6%), вклад государственных субсидий и доплат (6,9%). Получение помощи от родственников и друзей является второй по популярности формой адаптации домохозяйства к трудному материальному положению после различных форм экономии (экономии на покупках одежды и обуви, экономии

на развлечениях, экономии на питании). Поддержка со стороны родственников и друзей в сложной жизненной ситуации является намного более распространённой практикой (10,6% ответов), чем получение помощи от органов социальной защиты или других государственных организаций (2% ответов). Таким образом, помощь родственников и друзей расценивается россиянами как важный страховой механизм. В сложной жизненной ситуации на помощь со стороны неформального окружения в России рассчитывают значительно больше, чем на помощь со стороны государства.

Подводя итог, следует отметить, что частные межпоколенные трансферты в России являются распространённым явлением, играют значительную роль в поддержании уровня жизни домохозяйств, выполняют страховую функцию в случае сложной жизненной ситуации.

Под влиянием демографического старения происходит изменение в структуре семьи. С одной стороны, увеличивается число одновременно живущих поколений (вертикальное расширение), а с другой – снижается число представителей одного поколения (горизонтальное сужение). Демографические изменения, такие как увеличение ОПЖ, изменение паттернов рождаемости снижают структурные возможности семьи обеспечивать поддержку пожилым родственникам. Размер семьи снижается, «доступность» членов семьи сокращается в связи с повышением мобильности населения, активностью женщин на рынке труда, а также изменением семейных отношений в связи с разводом и повторным браком.

С другой стороны, спрос на восходящие трансферты растёт в связи с увеличением доли пожилых и удлинением периода жизни, проведённого в старших возрастах.

Судя по имеющимся прогнозным оценкам данная ситуация в будущем будет только усугубляться. Перспективы данного исследования связаны с поиском эффективных механизмов приспособления социальной системы к демографическим реалиям современности.

Литература

- 1 Барсукова С. Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02. Серия WP4. Социология рынков. М.: ГУ-ВШЭ, 2004.
- 2 Белокрылова О. С., Филоненко С. Ю., Фурса Е. В. Неформальное сетевое взаимодействие в снижении рисков бедности и социальной уязвимости (на примере Ростовской области) / Вопросы регулирования экономики. 2013. Т. 4. № 4.
- 3 Виноградский В. Природные и социальные контексты неформальной экономики крестьянской России // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 173–182
- 4 Вишневский А. Г. Похвала старению // Отечественные записки. 2005. № 3 (24).
- 5 Гладникова Е. В. Ключевые стратегии участия и типология российских домохозяйств в межсемейных обменах. Препринт WP4/2009/05. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 18.
- 6 Градосельская Г. В. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 156–163.
- 7 Комплексное наблюдение условий жизни населения, 2011 г. URL: www.gks.ru/
- 8 Котликофф Л., Бернс С. Пенсионная система перед бурей. М., 2005.

- 9 Лылова О. В. Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 83–86.
- 10 Овчарова Л., Прокофьева Л. Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. №4.
- 11 Ожидаемая продолжительность жизни по Европейской части РСФСР за 1926–1927 гг. URL: www.gks.ru.
- 12 Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения. М.: НИУ ВШЭ, 2013.
- 13 Фадеева О. Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе // Неформальная экономика: Россия и мир. Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 183–218.
- 14 Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. М., 1989.

Д. В. Моисеева
ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ: СРЕЗ ПОКОЛЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ «ВОЛГОГРАДСКИЙ ОМНИБУС»)

МОИСЕЕВА Д. В. – старший преподаватель кафедры «Менеджмент, маркетинг и организация производства» ВолгГТУ. E-mail: moiseeva.work@yandex.ru.

Современная внешне заданная по отношению к человеку среда требует от него достаточно высокого уровня финансовой грамотности. Кардинальное изменение условий хозяйствования ставит перед человеком всё больше и больше новых задач, от решения которых зависит его будущее. Согласно Концепции Национальной программы повышения уровня финансовой грамотности населения РФ, т. е. позиции государства, финансово грамотный человек должен компетентно планировать и осуществлять пенсионные накопления [1].

В недалёком прошлом вся пенсионная система была сосредоточена в руках государства и финансировалась непосредственно из госбюджета. В сознании советского человека государственные пенсии, обеспечивающие нормальный уровень жизни пенсионера, воспринимались как естественная часть окружающей жизни. С начала 90-х и до сегодняшнего момента размер пенсии большинства пенсионеров не обеспечивает достойный уровень жизни. На фоне этого в стране перманентно проходит пенсионная реформа. По сути, она направлена на смещение ответственности за пенсионное обеспечение с государства на будущего пенсионера. Учитывая современные реалии, получается, что на будущего пенсионера сегодня возложено несколько уровней ответственности:

- 1 оказание помощи своим престарелым родителям, потому что прожить на пенсию практически невозможно;
- 2 воспитание своих детей, которые возможно окажут поддержку в старости;
- 3 создание сбережений для обеспечения собственной старости.

Добавив к этому низкий уровень доходов основной массы населения, отсутствие реальных инструментов для долгосрочных сбережений, высокие цены на жилье, низкий уровень бесплатной медицины и образование и пр., становится понятно, что большей части жителей РФ с такой нагрузкой не справиться.

Для решения сложившихся проблем государство предложило новую национальную программу – «Программу повышения уровня финансовой грамотности населения РФ» (см. подробнее [1]). Если предположить, что финансовая грамотность характеризует уровень адаптации человека к существующим условиям хозяйствования, то молодое поколение, не знающее условий хозяйствования плановой экономики, должно демонстрировать более высокий уровень рациональности поведения в рыночных условиях. С другой стороны, опыт, полученный старшим и средним поколением, может тоже служить платформой рационального финансового поведения.

Обратимся к данным одной из волн исследования «Волгоградский Омнибус», проведенного при участии автора (табл. 1). Его технические параметры:

- сроки проведения полевого этапа волны, – с 10 сентября по 14 августа 2013 года.
- объектом исследования являются жители трёх крупнейших городов Волгоградской области (Волгограда, Волжского и Камышина) в возрасте 16 лет и старше. Общее число жителей этих городов составляет около 1468 тыс. человек (около 56 % от населения области), в том числе около 1391 тыс. человек в возрасте 16 лет и старше.
- общий объем выборки составил 758 интервью;
- макс. стат. погрешность выборки такого объёма при уровне значимости 0,05 составляет 3,6 %;
- в качестве метода исследования был использован метод CATI–интервью.

В ответах на вопросы, характеризующих финансовую грамотность, представителей разных поколений имеются значительные расхождения, которые нельзя объяснить статистической погрешностью. Рассмотрим подробнее.

Таблица 1 – Финансовая грамотность населения: срез поколений

Грамотность	Молодое поколение (до 28 лет) - 21%	Среднее поколение (29–52 года) – 41%	Старшее поколение (53 и старше) – 37%	В среднем по массиву
Считаете ли Вы себя финансово грамотным человеком? Есть ли у Вас необходимые знания и навыки в этой области или таких знаний и навыков нет?				
Знаний и навыков нет	16,5	14,7	30,4	20,8
Неудовлетворительные знания и навыки	10,4	12,2	12,3	11,9
Удовлетворительные знания и навыки	47,8	50,6	44,7	47,8
Хорошие знания и навыки	24,2	19,4	11,8	17,6
Отличные знания и навыки	0,3	3,1	0,0	1,4

С точки зрения самооценки уровня финансовой грамотности выделяется среднее поколение: практически все люди, оценившие свои знания и навыки в финансовой сфере как отличные, попадают в эту группу. В данной группе минимальное количество людей ответивших,

что знаний и навыков нет. Среди молодого поколения в два раза больше, чем в группе старшего поколения, «хорошистов» и в два раза меньше людей, отрицающих наличие финансовых знаний.

Практика строгого учёта всех поступивших и израсходованных средств в два раза чаще встречается у представителей старшего поколения. Вообще не ведёт учёт практически одинаковая доля молодых и старших (9,8% и 8,4% соответственно), а вот из представителей среднего поколения лишь 2,8% не ведёт учёт. Среди молодого поколения преобладают люди, не ведущие учёт доходов и расходов (по сумме ответов – 57,6%), старшее поколение, наоборот, ответственно относится к учёту денежных средств (по сумме ответов – 56,4%).

Стратегии распоряжения доходами в повседневной жизни у представителей старшего и молодого поколения кардинально различаются. Около 90% молодёжи стараются откладывать денежные средства, причём 45,8% указали это в приоритете. Старшее поколение менее одобрительно относится к сбережениям (70,9%), а в качестве приоритета указали это лишь 17,9%. На склонность к сбережениям молодого поколения указывает и индекс отношения к сбережениям. Его значение близко 100, а значит количество негативных и положительных оценок соизмеримо. По группе «Старшее поколение» этот значение этого индекса 70,7%. Доля ответов, положительно оценивающее настоящее время для сбережений, среди молодого поколения в два раза выше, чем у представителей старшего поколения. С точки зрения моделей распоряжения доходами среднее поколение гораздо ближе к старшему. Стремление к сбережениям у молодого поколения можно объяснить этапом жизненного цикла: в возрасте до 28 лет появляется собственный заработок и возможность самостоятельно им распоряжаться, совершать крупные покупки.

Отдельно хочется отметить, что значение индекса отношения к сбережениям (91,6%) у молодёжи превышает значение индекса отношения к кредитам (65,9%), лишь 4,4% молодых считает, что сейчас, пожалуй, хорошее время брать кредиты. Среднее и старшее поколение разделяет мнение молодёжи, разрыв между указанными показателями меньше. Если посмотреть на реальную практику заимствования долгов, то наличие долгов отмечает 23,8% молодого поколения, 40,7% среднего поколения и 9,0% старшего поколения. А вот если обратиться к реальной практике сбережения, то наличие сбережений чаще отмечают именно пенсионеры [2].

Более половины респондентов не согласны с утверждением, что деньги являются целью их жизни. С взрослением можно отметить, что количество не согласных уменьшается, за счёт роста нейтральных оценок. А вот доля согласных с этим утверждением среди представителей разных возрастных категории практически одинаковая (25,3–27,8%).

Таким образом, анализ финансовой грамотности населения в разрезе поколений позволяет сделать вывод, что большинство россиян не готово и не имеет возможности компетентно планировать и осуществлять пенсионные накопления. Причины кроются как во внешних нестабильных экономических условиях, сложившихся в РФ, так и ценностных установках и ориентаций населения.

Литература

- 1 Концепция Национальной программы повышения уровня финансовой грамотности населения Российской Федерации // www.cbr.ru. URL: http://www.cbr.ru/sbrfr/archive/fsfr/archive_ffms/ru/about/poulation/financial_literacy_activity/guidance_materials/index.php?id_4=186.html (04.07.2014).

- 2 Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / Отв. ред. Л. Н. Овчарова. М.: Независимый институт социальной политики, 2008. 208 с., ил.

Д. А. Неваева

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

НЕВАЕВА Д. А. – ассистент, аспирант, АлтГУ. E-mail: dinaranevaeva@mail.ru.

Согласно классификации ООН, старым государством считается то, где доля пожилых (от 65 лет и старше) составляет более 7%. По данным Росстата в 2010 г. 12,9% населения находились в возрасте 65 лет или старше. В 2012 г. количество пожилых человек составило более 16% от общей численности. Учёные отмечают, что в процессе демографического перехода старение населения будет продолжаться [2, 4]. Процессы старения затронули все развитые страны, где вместе с повышением общего уровня жизни, успешным научно-техническим прогрессом, развитием здравоохранения увеличилась продолжительность жизни. Процесс старения – это продукт цивилизации [3]. При этом в каждой стране он имеет свои особенности.

В 2012–2013 году факультетом социологии Алтайского государственного университета было проведено социологическое исследование⁶⁰. При изложении особенностей процесса старения населения в России мы будем основываться на результатах данного исследования, использовать вторичный анализ данных и анализ научной литературы по данному вопросу.

По результатам опроса, 90,5% населения считают, что проблема старения актуальна. При этом отмечают, что социально-экономические условия для пожилых лиц не созданы, что подрывает демографическую безопасность страны. Особенностью считается то, что количество лиц пожилого возраста увеличивается, а государство не решает полноценно вопросы этой категории граждан. Повышение пенсионного возраста – не решение вопросов старения. В опросе 64,6% отметили, что не нужно ничего менять. В данном случае можно выделить две причины, которые делают повышение пенсионного возраста совершенно ненужным в данных условиях. И сразу следует отметить, что характерны эти причины исключительно для России. Во-первых, дефицит мест в детских садах. Большая часть женщин после 55 лет ухаживает за внуками, позволяя своим детям выйти на работу (то же самое можно отметить в отношении престарелых родителей). Во-вторых, острая нехватка услуг по социальному обслуживанию пожилых людей. Рубеж XX–XXI вв. учёными и практиками отмечен как период становления данной системы. Однако до сих пор в формирующейся «системе социального обслуживания нет необходимых качеств – достаточности, сбалансированности и целостности» [3]. Отметим 78,5%, что система услуг для пожилого населения нуждается в улучшении. Учитывая, что число пожилых людей увеличивается, как и их доля в населении, мера повышения возраста выхода на пенсию нецелесообразна. Незрелость государственного и муниципального обслуживания

⁶⁰ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по государственному контракту по государственному контракту № 14.В37.21.0270 «Демографическая безопасность приграничных регионов современной России: проблемы старения и миграции» (2012–2013 гг.).

данной категории компенсируется востребованным трудом «молодых» пожилых людей как неформальных работников данных сфер.

С точки зрения проблемы старения населения актуализируется значение расходов на пенсионное обеспечение и здравоохранение. Согласно результатам опроса, 61,7% отмечают, что здравоохранение почти недоступно. Под этим понимается дороговизна лечения и покупки необходимых лекарств, практически отсутствие бесплатной медицинской помощи. Государственные расходы в нашей стране на здравоохранение ниже, чем в странах «восьмёрки». По данным Счётной палаты в 2008 г., в России на эти цели расходовалось 3,5–3,7% ВВП, в то время как во Франции, США, Канаде и Японии ежегодная доля таких расходов составляла 7,1–7,9%, в Италии и Германии – 6,2–6,8% [6].

Роль высокой смертности взрослых – еще одна особенность старения в России. По мнению N. Ryder, более уместно измерять возраст числом лет, оставшихся до смерти. Многочисленные исследования показывают, что экономическое поведение человека (например, в вопросах, повышения профессионального и образовательного уровня, потребления и накопления капитала и т. п.) зависит от ожидаемого времени, которое осталось прожить, а потому понимание процесса старения должно учитывать оба этих фактора.

Следующей особенностью процесса старения населения является положение пожилых людей на рынке труда. Нужно отметить, что 59,1% считают, что труд пожилых людей важен и полезен. Делается акцент на возможности передачи знаний, опыта молодым поколениям. С другой стороны, 61,1% отмечают сокращение на рабочих местах пожилых людей. Обосновано это обесцениванием опыта старших поколений в связи с динамичным развитием общества. Пожилые люди тратят больше времени на освоение новых методик и принципов работы. В России до сих пор не сформирована система непрерывного образования, курсы переподготовки несистематичные, что приводит к тому, что на рынке труда человек в возрасте 50 лет и старше оказывается неконкурентоспособным.

При анализе процесса старения населения важное значение занимает вопрос помощи и содействия пожилым людям. В опросе 46,8% населения отмечают, что близкие или знакомые пожилые люди получали помощь. Однако при вопросе о том, кто оказывает помощь пожилым людям в преодолении возникающих проблем, более половины отметили детей, родственников. Первая причина – недоверие к органам власти, которое пожилые люди демонстрируют, согласно данным опроса. Вторая – собственное желание не быть обузой. От числа опрошенных, 55% отмечают, что надеются в решении вопросов на личные качества, а 40,8% – на сбережения. Учёные отмечают, что первый демографический дивиденд был связан со структурными изменениями пирамиды населения. Во втором демографическом дивиденде, который прогнозируется демографами и социологами, произойдут изменения в жизненном цикле и в структуре жизненного фонда людей в странах с высокой продолжительностью жизни. Это может привести к изменению экономического поведения людей: они будут меньше потреблять и больше сберегать или же и пытаться дольше работать, и больше сберегать, не снижая своего потребления.

Проведён ряд социологических исследований по изучению социального самочувствия населения, в том числе старших возрастных групп [1, 2, 4]. Среди преобладающих настроений – чувство апатии, разочарованности, тревоги и беспокойства. Признавая, что мир трансформировался, пожилые люди в России не адаптировались к изменениям. От числа опрошенных в нашем исследовании 52,2% отмечают, что основная форма адаптации – поддержание норм и принципов, которые были выработаны годами. Следовательно, ещё одной

особенностью процесса старения населения является негибкость пожилых людей к инновациям, новым способам и формам жизнедеятельности. Психологи называют это явление «психологическим барьером», которое с возрастом усугубляется.

Таким образом, процесс старения населения является сегодня актуальным вопросом и в России имеет ряд особенностей. При этом выработка и реализации политики по улучшению в пенсионной сфере, здравоохранении и социальном обслуживании является важным направлением.

Литература

- 1 Владимирова Д. Г. Пожилые граждане на рынке труда: зарубежный опыт // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 57–61.
- 2 Иванова А. Е. Потребность населения в долголетию и степень ее реализации // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 120–129.
- 3 Максимова С. Г. Особенности функционирования и развития системы социального обслуживания лиц пожилого и старческого возраста в современном российском регионе на рубеже XX–XXI вв.: монография. Барнаул. 2006.
- 4 Модели конструирования новой геронтологической реальности и адаптивные стратегии населения России / Под общей редакцией С. Г. Максимовой. Барнаул, 2013.
- 5 Pierre Bourdieu and Loïc J. D. Wacquant An invitation to reflexive sociology. The university of Chicago press. Includes bibliographical references and index. 1992. 332 p.
- 6 Недобрали с медициной // Грамота.ру. 2010. URL: <http://www.gazeta.ru/financial/2010/10/15/3428907.shtml>.

Р. С. Саликжанов

СТАРЕНИЕ ОБЩЕСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МИРЕ И В КАЗАХСТАНЕ

САЛИКЖАНОВ Ринат Саттарович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. E-mail: kz87013906994@mail.ru.

Переход из возраста трудовой активности в группу пожилых людей достаточно тяжело переносится любым человеком, как в психологическом, так и в социальном плане. Кроме того, возникают и сложности со здоровьем, непосредственно связанных со старением.

Международная статистика отмечает, что в 2005 г. более 1 миллиарда человек перешагнуло 60-летний рубеж. В 2050 г. число людей старше 65 лет во многих развитых странах увеличится более чем в 2 раза, а общая цифра составит 2 миллиарда. Данная категория людей, именуемая в мире «пожилыми людьми» (престарелыми), а в Казахстане в основном «пенсионерами» становится, самой многочисленной группой населения, что должно учитываться, в первую очередь, при планировании и проведении социально-экономических реформ.

По данным Европейского регионального бюро ВОЗ (1963 г.), люди в возрасте от 60 до 74 лет рассматриваются как пожилые, 75 лет и старше – старые люди, 90 лет и старше – долгожители. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в 1982 году выбрала возраст 65 лет в качестве индикатора пожилого возраста. Говоря о положении пожилых людей в мире, в первую очередь актуализируется вопрос о глобальном старении населения. Процесс старения населения – явление, которое наблюдается в настоящее время во многих странах. История человечества в XX веке ознаменовался радикальными изменениями в плане увеличения продолжительности жизни людей. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении достигла 66 лет, увеличившись с 1950 года на 20 лет, причем к 2050 г. она возрастет еще на 10 лет. Таким образом, по оценкам специалистов, к 2050 г. число пожилых людей превысит общую численность молодёжи, в ряде развитых и развивающихся стран это уже произошло в 1998 г.

Динамика старения населения различается в разных странах в зависимости от экономического и социального развития стран и от осуществляемой ими политики. Анализ демографических показателей многих европейских стран показывает устойчивые тенденции старения населения Европы. В Германии пожилые люди старше 65 лет в 1997 г. составляли 15%, к 2020 г. этот показатель возрастет до 22%, в Великобритании – соответственно 16% и 21%, во Франции – 15% и 19%. В Швеции в 1997 г. процент лиц старше 65 лет составлял 18 (один из самых высоких в Европе), к 2020 г. он увеличится до 21.

Ускоренные темпы старения населения в последние 50 лет наблюдаются и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где проживает более половины пожилых людей мира. Доля пожилого населения возросла с 7% в 1950 г. до 9,4% в 2000 г., и эта цифра, согласно прогнозам специалистов, составит 15,4% в 2025 г. и 23,5% в 2050 г. Необходимо отметить, что старение населения в развивающихся странах идёт значительно более высокими темпами, чем в развитых. На сегодняшний день медианный возраст мира (обобщённая характеристика возрастной структуры населения; делит всё население на две части: одну моложе медианного возраста, другую – старше его.) – 26 лет. Самое молодое население – в Йемене, где это показатель составляет 15 лет, и самое старое – в Японии, где медианный возраст равен 41 году. К 2050 году медианный возраст мира составит 36 лет. Страной с самым молодым населением, по прогнозам, тогда будет Нигер, с медианой возрастного состава населения равной 20 годам, а самой старой – Испания, с медианой возрастного состава населения равной 55 годам.

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте старения населения эксперты условно делят на три группы: с ускоренными темпами процесса старения населения (25% пожилых людей к 2050 году) – Гонконг, Китай, Таиланд, Сингапур, Шри-Ланка, Новая Зеландия, Казахстан, Азербайджан, Грузия, Армения; со средними темпами (от 20 до 25%) – Монголия, Малайзия, Вьетнам, Индия, Турция, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан; с медленными темпами (20 %) – Камбоджи, Филиппины, Пакистан, Бангладеш, Лаосская Народная Демократическая Республика, Туркменистан.

Казахстан переступил порог старения населения сравнительно недавно, но в ближайшем будущем этот процесс будет значительно ускоряться. Так, если на начало 1999 г. доля лиц в возрасте 65 лет и старше в общей численности населения составляла 6,7%, то в начале 2004 г. – уже 7,4% [1]. Согласно прогнозам казахстанских экспертов, к 2030 г. эта цифра увеличится до 11,5%. Подобные глобальные демографические изменения не только сильно отразятся на всех сторонах индивидуальной, общинной, национальной и

международной жизни, но и преобразят все аспекты человеческого бытия: социальные, экономические, политические, культурные, психологические и духовные. В социальной сфере это сказывается на состоянии здоровья людей, составе семьи, образе жизни, жилищных условиях и миграции населения. Старение населения – это не только демографический феномен, оно может быть детерминантой процессов в политической сфере, и это прежде всего старение электората и вопрос представленности интересов различных возрастных групп в политической жизни. При этом взгляды на старение до сих наблюдаются различные.

Старость иногда называют «возрастом социальных потерь». Утверждение это не лишено оснований: старость как фаза жизни характеризуется возрастными изменениями в организме человека, изменениями его функциональных возможностей и, соответственно, потребностей, роли в семье и обществе, что зачастую протекает не безболезненно для самого человека и его социального окружения.

В век, когда впервые в истории на долголетие может рассчитывать большинство людей, старение стало иметь значение для каждого. Наиболее правильным восприятием старения может стать общество, которое было бы относительно безразличным к возрасту как показателю дееспособности или потребности в заботе и уходе. Личный возраст может вызывать уважение к накопленному опыту или к основанной на нём прозорливости, а стереотипное отношение к преклонному возрасту как к периоду упадка и зависимости от других может быть заменено более «безотносительным к возрасту» образом мыслей.

Возвращаясь к цифрам, своевременным будет сказать о демографической статистике в Казахстане. По данным Агентства Республики Казахстан по статистике на 1 января 2006 г. население Республики Казахстан составило 15 219 291 человек, из них – 340 369 людей в возрасте 60–64 года и 1 193 977 человек – в возрасте 65 и старше [2]. В т. ч., городское население в возрасте от 60 до 64 лет составило 200 119 человек, старше 65 лет – 732 949 человек; сельское население в возрасте от 60 до 64 лет – 140 250 человек, старше 65 лет – 461 028 человек.

Принимая во внимание гендерные вопросы, необходимо признать, что процесс демографического старения имеет различные последствия для женщин и мужчин. Процентная доля пожилых женщин превышает процентную долю пожилых мужчин, причём в старших возрастных группах эта тенденция становится более отчётливой. Например, в Казахстане на 1 января 2006 г. из общего количества пожилых людей в возрасте от 60 до 64 лет: женщин – 199 464 человек, мужчин – 140 905 человек; в возрасте старше 65 лет: женщин – 769 421 человек, мужчин – 424 556 человек.

Реакция государств, осознающих глубину проблемных вопросов, связанных со старением населения, неоднозначная и во многом зависит от уровня экономического развития. Развитые страны с достаточными ресурсами для обращения к тому, что связано со старением, осуществляли в ответ на старение своего населения целый спектр программ и решений. С другой стороны, достижения развивающихся стран в этой области характеризовались как неравномерные.

В некоторых отношениях достигнутый прогресс, разработка инфраструктуры, включение аспектов, связанных со старением населения, в планы национального развития, организация национальных координационных механизмов по проблемам старения были многообещающими. Программы, касающиеся здравоохранения, социального благополучия и обеспечения жильем, непрерывно развивались и совершенствовались во многих развитых странах мира, но в большинстве развивающихся стран этим программам часто не достаёт

широты охвата и качества проработки. Во многих случаях особенно уязвимыми остаются женщины.

В особенности же в развивающемся мире сохраняется недостаток в предоставлении пожилым людям возможностей для образования, обучения и получения дохода. При том, что в развитых странах существуют хотя бы минимальные преимущества для наиболее уязвимых групп пожилых людей в плане удовлетворения их наиболее насущных нужд и защиты от дискриминации по возрастным признакам, всё это редко бывает доступным для тех, кто живёт в развивающихся странах.

Далее мы предлагаем обсудить вопросы, связанные с установками молодых людей в сфере семьи, которые влияют в целом на показатели старения общества. Анализируемые эмпирические данные представлены результатами исследовательского проекта Научно-исследовательского центра «Молодёжь» при ЕНУ им. Л. Н. Гумилева и посвящена изучению проблем социокультурной адаптации молодёжи городов Казахстана [3]. В массовом опросе по этнической принадлежности доля казахов среди всей совокупности опрошенных составила 82,1%, русских 15%, представителей других этносов 2,9%. По полу доля представителей женского пола составила 59,9%, мужского – 40,1%. По уровню образования в выборке превалирует молодёжь с высшим и средним специальным образованием⁶¹.

Научные поиски по теме изучения установок молодёжи в сфере семьи предпринимались неоднократно, как наиболее полный опыт следует отметить работу российских коллег. Среди них наиболее интересные работы у А. Г. Волкова, Ю. А. Гаспарян и С. И. Голод [4–7].

Не менее значимым представляется и европейские, североамериканские исследования [8]. Работы казахстанских учёных З. Жаназаровой, С. Тагаевой посвящены типам и специфике отечественной семьи, есть примеры изучения проблем семьи в контексте социальной защиты и выяснения причин разводов [9–11].

Подавляющее большинство респондентов (84,3%) удовлетворены взаимоотношениями с членами в своей семье. Доля не удовлетворённых составляет около 14%. Как показывает двумерный анализ, неудовлетворёнными семейными отношениями больше среди молодёжи, живущих либо со сверстниками, либо одни. Также их статистически больше среди молодёжи, которая ничем не занята, т. е. не работающих и не учащихся на момент опроса. По семейному статусу неудовлетворённых больше среди разведённой молодёжи.

Следовательно, респонденты, имеющие проблемы во взаимоотношениях с родителями, стремятся жить со сверстниками, возможно, которые также испытывают неудобства отношений поколений. Наличие у одной пятой части респондентов проблем в семье надо полагать связано с отсутствием работы или иной постоянной деятельности, что наверняка вызывает нарекания со стороны старших и служит основанием самодиагностировать отношения как неудовлетворительные.

Из четырёх указанных проблем три непосредственно относятся к сфере семьи. Отсутствие жилья и денег, в совокупности со слабым здоровьем никак не способствуют принятию решения о создании семьи. У молодёжи самый низкий уровень обеспеченности. Следовательно, надо ожидать спада количества заключаемых браков и рождаемости детей. На

⁶¹ В рамках проекта был проведён опрос городской молодёжи в октябре-ноябре 2012 г. Для массового опроса применена стратифицированная многоступенчатая территориальная кластерная выборка. Объём республиканской выборочной совокупности составил 1200 человек. Точность в $\pm 5\%$ при вероятности $p=0,5$ может быть обеспечена с доверительным интервалом в 95%. Выборочная совокупность отражает структуру генеральной совокупности, в нашем случае – городской молодёжи областных центров.

наш взгляд, имеющаяся тенденция роста количества браков за последние годы в ближайшее время сменится на противоположную тенденцию – уменьшение числа брачующихся, т. к. для молодёжи жильё недоступно и молодёжная безработица растёт.

В то же время, каждый второй респондент собирается заводить семью (в сумме ответы «Да» и «Скорее да» дают 55,3%). Пока не собираются этого делать 26,6% опрошенных. Одним из главных факторов, препятствующих созданию семьи, является желание респондента построить карьеру (43%). На втором месте плохие жилищные условия (26%). На третьем – отсутствие работы (17,8%) и на четвёртом (13,1%) – отсутствие средств на женитьбу. Таким образом, респонденты подтверждают свои ответы, ведь причины для беспокойства и причины не создания семьи почти совпадают. Ставят карьеру впереди семьи респонденты более молодого возраста, в этой группе чаще всего респондентам по 19 лет. Из-за проблемы жилья не создаёт семью молодёжь студенческого и поствузовского возраста (рис. 1).

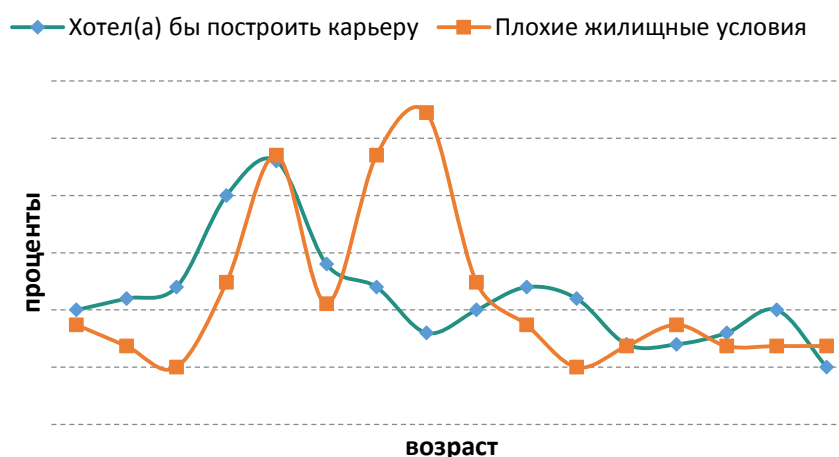

Рисунок 1 – Ответы респондентов на вопрос: «Что мешает Вам создать семью?». Ответы по возрасту.

На вопрос «Сколько детей хотели бы иметь?» молодёжь чаще всего отвечала: двоих детей (рис. 2). Однако, из-за большого разброса ответов (коэффициент вариации равен 0,71) модальный показатель в 28,8% не является типичным. На втором месте (24,6%) по частоте – трое детей. Вместе ответы 2 и 3 ребёнка набирают наибольшую долю среди всех ответов.

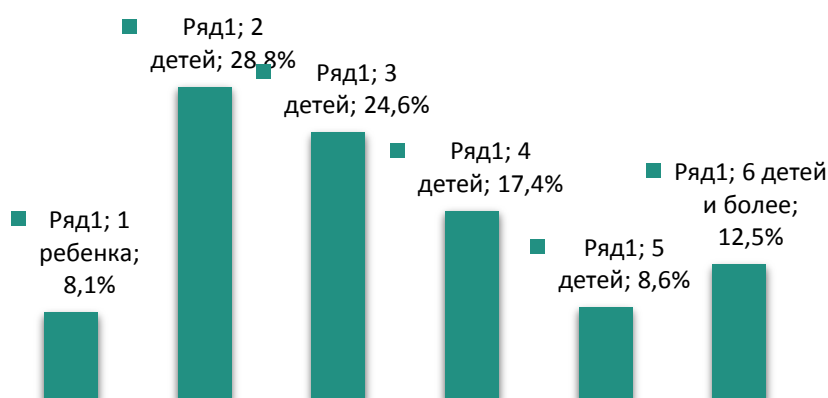

Рисунок 2 – Ответы респондентов на вопрос «Сколько детей хотели бы Вы иметь?»

Однако, в этом вопросе следует рассмотреть ответы по возрастным группам (табл. 1). Двоих детей чаще других хотели бы самые младшие респонденты, у которых имеется ещё 10 лет до создания своей семьи. Для тех, которые вот-вот создадут свою семью (23–26 лет), наиболее близка 3-х детная модель. Также можно заметить, в последних двух столбцах таблицы достаточно высокий разброс мнений. То есть, в этой группе, скорее всего, мы имеем дело более гетерогенной молодёжью.

Таблица 1 Сколько детей хотели бы Вы иметь? Ответы по возрастным группам

Количество детей	15–18 лет	19–20 лет	21–22 лет	23–26 лет
1 ребёнок	8,5%	9,6%	10,2%	3,4%
2 ребёнка	42,4%	30,1%	24,5%	14,9%
3 ребёнка	22,9%	27,4%	20,4%	29,9%
4 ребёнка	13,6%	11,0%	26,5%	26,4%
5 детей	3,4%	8,2%	6,1%	11,5%
6 и более	9,3%	13,7%	12,2%	13,8%

Количество желаемых детей имеют разницу в разрезе городов. Нами замечено, что многодетная модель (3–4 ребёнка) ближе респондентам из Тараза, Кызылорды и Атырау. Суженную модель воспроизводства демонстрируют прежде всего жители Петропавловска и Костанай. Что-то среднее между традиционным и суженным типом воспроизводства наблюдается в Кокшетау и Усть-Каменогорске. В Астане разброс мнений очень большой, что на наш взгляд связано с центростремительной миграцией.

Региональные особенности в планировании количества детей подтверждаются по ответам респондентов в разрезе национальностей. На рисунке 3 показатели по этносам также демонстрируют чёткие различия.

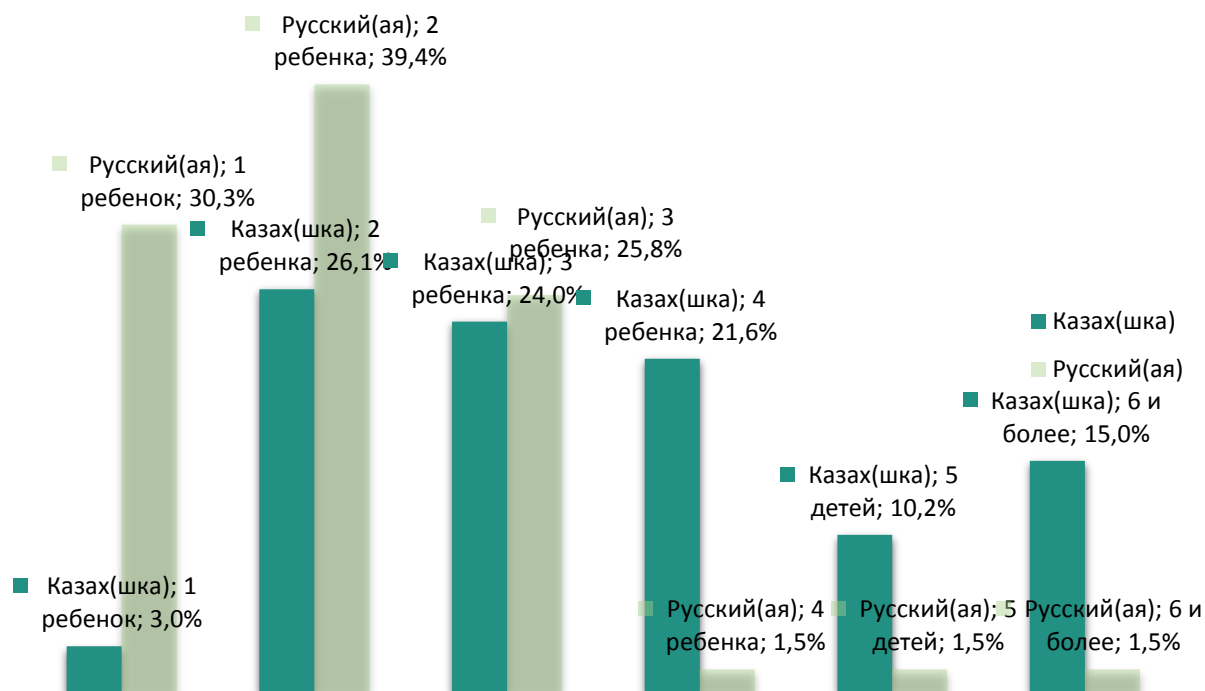

Рисунок 3 – Ответы респондентов на вопрос «Сколько детей хотели бы Вы иметь?»
Ответы по этносам

Таким образом, можно утверждать, что в целом мировая тенденция старения общества набирает обороты. Современный Казахстан переступил порог старения населения сравнительно недавно, но в ближайшем будущем этот процесс будет значительно ускоряться. Средний возраст вступления в первый брак в стране растёт, но в ближайшее время может наблюдаться обратная тенденция. Как показал опрос, главным фактором, препятствующим созданию семьи, является желание респондента построить карьеру. На втором месте плохие жилищные условия и на третьем отсутствие работы.

Хотя дети и наследуют репродуктивную культуру своего окружения, судя по ответам молодёжи, коэффициент детности в Казахстане будет снижаться. Прежде всего, это наблюдается по северному Казахстану и среди молодёжи русской этнической принадлежности. Этот и другие факторы также в будущем будут влиять на процесс старения Казахстанского общества.

Литература

- 1 Агентство РК по статистике. URL: http://stat.gov.kz/faces/afrLoop=3D629446819009812%26_53zra7_4 (24.01.2015).
- 2 Агентство РК по статистике. URL: <http://stat.gov.kz/faces/afrLoop=6819009812#%40%3F> (24.01.2015).
- 3 Саликжанов Р. С. Социокультурная адаптация городской молодёжи. Астана, Изд-во ЕНУ, 2013. 162 с.
- 4 Волков А. Г. Социология семьи. М., 1994.
- 5 Гаспарян Ю. А. Семья на пороге XXI века (Социологические проблемы). СПб, 1999.

- 6 Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб, 1998.
- 7 Современная семья: социальные, правовые, психолого-педагогические аспекты проблем. Пермь, 1994.
- 8 Man and civilization: The family's search for survival. A symposium, ed. S. M. Farber [a. o.], N. Y., 1965; Aspects of the analysis of family structure, ed. A. J. Coale [a. o.], Princeton, 1965; Kinship and family organization, ed. B. Farber, N. Y., 1966.
- 9 Баймагамбетов С. Социальная политика: ход преобразований в СНГ и Казахстане // Аль-Пари. 2002. № 1. С. 43.
- 10 Сансызбаева Г. Н. Система социальной защиты населения и её проблемы. Алматы, 1999. 90 с.
- 11 Уалиева С. Семья на рубеже веков: брак и развод в Казахстане и России: общее и разное // Деловой Усть-Каменогорск. 2003. № 7–8. С. 14–15.
- 12 <http://www.zakon.kz/210690-kolichestvo-brakov-v-kazakhstan-za-15.html> (24.01.2015).

Т. В. Темаев

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЖИЛЫХ ОСУЖДЕННЫХ

ТЕМАЕВ Т. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: timur_temaev@mail.ru.

Вплоть до современного периода времени преступное поведение в научном дискурсе не рассматривалось применительно к геронтологической группе. Артикуляция проблем, связанных с геронтологической преступностью, инициирует поиск целесообразных мер воздействия на преступников данной возрастной категории, разработку оптимальной системы карательных мер, подготовку соответствующим образом судей и сотрудников исправительных учреждений. Большую научную и практическую значимость приобретает достоверное знание о поведенческих особенностях пожилых осужденных с целью разработки системы мер по ресоциализации и адаптации лиц пожилого возраста к условиям посттюремного существования. При этом целесообразно, как мы полагаем, учитывать следующие моменты. Во-первых, необходим дифференцированный подход в зависимости от характера вовлеченности в криминальную ситуацию, что позволяет фиксировать наличие различных групп: рецидивистов и ситуативных преступников. Во-вторых, необходим учёт сложного процесса формирования новой институциональной среды (совокупности правовых, экономических, политических, нравственных и других институтов).

Увеличение геронтологической группы среди осужденных, характеризующихся криминальной жизненной траекторией, актуализирует вопрошание: кто эти люди, кому они нужны за рамками тюрьмы, что им может предложить государство и общество, какое будущее показывает барометр их жизненных практик? Пожилой возраст, выносящийся за скобки нормы, становится расплатой за продолжительную жизнь, проявляющуюся в форме негативного отношения и практик исключения из разных сфер социальной жизни, а нередко и в форме радикального снижения качества и уровня жизни. Пожилой осужденный находится под

давлением двойной расплаты: за возраст и за криминальный опыт. В данной работе речь идет не просто о стариках, а о пожилых людях с криминальным опытом и связанных с ними проблемах. Этот геронтологический пласт представляет собой «слепую зону», не обладающую публичностью выражения, проблемной напряженностью. В фокусе нашего внимания пожилые осужденные, для которых тюремное существование не изгиб жизни, а порядок самой жизни. Задачей данной работы является выделение поведенческих особенностей, характерных для пожилых осужденных, чей криминальный опыт отмечен многократностью преступных актов и сроков пребывания в исправительных учреждениях.

Эмпирическая база представлена результатами авторских качественных исследований, проведенных в период 2007–2014 гг. в Саратове и Саратовской области.

- 1 Экспертный опрос сотрудников пенитенциарного института (опрашивались заместители начальников колоний по кадровой и воспитательной работе, инспекторы по социальной работе, начальники отряда пожилых осужденных и инвалидов, сотрудники психологической службы). N= 15.
- 2 Экспертный опрос сотрудников специального дома-интерната г. Новоузенска Саратовской области (опрашивались медсестры, санитарки, сестры-хозяйки, сотрудники полиции, отвечающие за порядок и оперативную работу в нём). N=10.
- 3 Глубинные интервью с пожилыми осужденными (60 лет и старше, имеющими несколько сроков заключения в десяти исправительных учреждениях г. Саратова и саратовской области (N=35). Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователям нового понимания для раскрытия темы).

Количественная стратегия накопления криминального опыта приводит к существенным качественным трансформациям личности человека и его образа жизни: пожилые осужденные, как правило, имеют низкий культурный, общеобразовательный, профессиональный уровень и слабое здоровье, характеризуются социальной дезадаптированностью. Происходит декапитализация жизни: семейные связи утрачены, взаимоотношения с детьми, ближайшими родственниками, как правило, не поддерживаются, отсутствует постоянное место жительства. Пожилые осужденные избегают решения проблем, ориентированы на внешний контроль.

Возникают новые моменты как в поведенческой прагматике (смысловой жизненный компонент оформляется как некая целесообразность без цели), так и в эмоциональном фоне отношений, характеризующимся безразличием (кроме собственных потребностей) и инерционностью. Время тюремной жизни дробится на прерывистые, взаимоналагающиеся циклы с круговой структурой действий. Пожилой возраст и криминальный опыт делают человека с точки зрения социального восприятия аномальным индивидом, покушающимся на общественный порядок. Возможность реконтекстуализироваться для него практически отсутствует.

Осужденные данной возрастной и криминальной группы неспособны представить себе что-либо кроме линии раздела и отделяемой ею области (по ту или эту сторону) тюремной жизни. В данном случае истории человеческих жизней поглощаются историями их осмысления социальными организациями. Складывается типичная ситуация в посттюремный период, когда человек в своей оставленности должен не только научиться ориентироваться в действительности,

но вновь принадлежать сообществу. Пожилой человек, как правило, самостоятельно не может справиться с этими задачами, потеряв точку опоры, создает смешение «дикости и неспособности владеть собой».

Сигнал о необходимости помощи, посылаемый представителями этой группы, не стимулирует альтруистических действий окружающих. Поэтому пожилые люди с криминальным опытом нуждаются в «пожизненном контракте» на соблюдение требований качества жизни: постоянной заботе государства (вплоть до ухода из жизни) в рамках исправительного учреждения, а затем и в постпенитенциарной организации (дома-интернаты, геронтологические приюты). Решение этой проблемы тем более важно, что она имеет рельефно выраженную нравственную составляющую, так как мы не можем быть уверенными в том, что любая организационная машина, действующая как сортировочное устройство, правильно оценивает человека и решает, какова будет его дальнейшая жизнь.

Н. Н. Шестакова
РОССИЯНЕ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ

ШЕСТАКОВА Н. Н. – кандидат технических наук, старший научный сотрудник проблем развития социального и экологического пространства и воспроизводства трудовых ресурсов региона Института проблем региональной экономики РАН. E-mail: nnshestakova@gmail.com.

В современных условиях лавинообразно нарастающего информационного потока всё более важным источником получения актуальной, непрерывно обновляемой информации становится интернет.

Поэтому вовлечение пожилых людей в информационное пространство, приобщение к современным информационным технологиям, в т. ч. пользованию глобальной сетью представляет собой не только способ облегчения их повседневного бытового существования, но и один из методов создания и/или поддержания духовного комфорта и – в ряде ситуаций – обеспечения связи с внешним миром.

В Евросоюзе (ЕС) 40% граждан в возрасте 65–74 лет регулярно пользуются интернетом [1]. По данным ОЭСР⁶², самые высокие показатели в 2012 г. зафиксированы у жителей Исландии – 71,7%, и Кореи – 68,9%. Наши соотечественники занимают в списке предпоследнее место с показателем 4,0%.

Между тем, официальная отечественная статистика предлагает иные оценки количества интернет-пользователей из числа населения старшего возраста в России. Так, по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения (2011)⁶³, в Российской Федерации среди населения, относящегося к категории «старше трудоспособного возраста», возможностями выхода в Интернет располагает 15,3% опрошенных (в т. ч. мужчины – 14,8%, женщины – 15,5%). А пользуется интернет-ресурсами, по данным Левада-Центра (март 2014), 27% россиян 55 лет и старше [3].

⁶² Доля интернет-пользователей среди пожилых (65–74 лет) в странах ОЭСР, а также некоторых странах, не входящих в ОЭСР, % [9].

⁶³ Среди других социальных групп, по которым было классифицировано все население относительно возможностей выхода в сеть Интернет, люди третьего возраста были представлены только как одна из групп незанятого населения – «неработающие пенсионеры» [2].

Рассмотрим специфику обращения россиян старшего возраста к интернет-ресурсам, зафиксированную различными исследованиями. Во-первых, традиционно жители городов оказываются более продвинутыми в части выхода в интернет, нежели жители сельской местности: 13,3% против 6,9% [3].

Во-вторых, по данным ВЦИОМ [4], каждый день выходят в сеть 29% пользователей в возрастной группе 45-59 лет⁶⁴, а в группе 60 лет+ – 9%. Согласно более раннему опросу ВЦИОМ [5], 13% опрошенных 45-59 лет признаются, что они проводят в сети «слишком много времени» и ещё 42% – «не слишком много», и 4% опрошенных 60 лет и старше, плюс 15% – «не слишком много». Число проводящих «слишком много времени в социальных сетях (Вконтакте, Фейсбук и др.)» по тем же возрастным группам составило, соответственно, 8% и 4%. К ним можно добавить тех, кто полагает, что тратит «не слишком много» времени на интернет (42% и 15% по группам) и на соцсети (37% и 13%).

В-третьих, цели обращения пожилых в глобальную сеть тоже имеют собственную специфику. Так, по результатам одного из исследований Yandex [6], посвящённых поисковым запросам пользователей, россияне старших возрастов чаще всего обращаются к тематическим ресурсам «дача», «дом», «здоровье».

А согласно Комплексному наблюдению условий жизни населения наиболее востребованной лицами третьего возраста целью обращения к интернету является прочтение новостной информации, статей: эту позицию выбрало наибольшее количество россиян старших возрастных групп: 55-59 лет – 45,5%; 60-69 лет – 42,0% и 70 лет и старше – 20,4%.

Вторую по значимости строку занял вариант ответа «общение в социальных сетях для поддержания личных контактов и обмена информацией, переписка с родными и близкими»: 55-59 лет – 41,4%; 60-69 лет – 37,7% и 70 лет и старше – 11,0%. Причём для женщин 55-59 лет эта цель выхода в всемирную паутину более важна, нежели получение новостей.

Следующие два места заняты такими целями выхода в интернет как «проведение времени за скачиванием фильмов, музыки и игр, за игрой в сетевые игры и др.» (55–59 лет – 16,9%; 60–69 лет – 12,5% и 70 лет и старше – 4,4%) и «поиск информации о товарах и услугах для повседневной жизни, заказ товаров (бронирование мест), подача собственных объявлений» (55–59 лет – 15,3%; 60-69 лет – 12,3% и 70 лет и старше – 3,1%). Отметим, что в группе мужчин третьего возраста две последние позиции расположены в обратном порядке.

Выбор ответа образовательно-обучающего характера («дистанционное обучение по обязательной или дополнительной программе, пользование электронными библиотеками, энциклопедиями и др.») определили – в целом по группе – шестую его позицию из 10 возможных (среди мужчин – 8-ю), что в принципе указывает на наличие определенной сознательной ориентации российского населения старших возрастов на поддержание имеющихся либо получение новых знаний, необходимых для активного существования в современном обществе.

Кроме того, среди предложенных респондентам вариантов ответа присутствовали такие факторы реального присутствия людей старших возрастных групп в обществе как:

- «получение информации, оформление документов на сайтах органов государственной власти, госучреждений и ведомств»;

⁶⁴ Группа «45–59 лет» выделена нами, поскольку женская часть населения согласно ТК РФ переходит в категорию «старше трудоспособного возраста» по достижении 55 лет.

- «поиск или выполнения оплачиваемой работы, рассылка информации» и
- «обсуждение социальных и политических вопросов, участие в Интернет-акциях, опросах общественного мнения и др.»

Несмотря на то, что все перечисленные позиции (приведены в порядке убывания доли ответивших) замыкают предложенный для оценивания список, можно заметить, что они представляют собой не способы препровождения времени или развлечения, а виды участия в жизни общества, выполнения и/или попытки выполнения тех или иных функций. Или – сохранение своего участия в жизни общества. Даже понимая, что выполнение этих функций – по мере увеличения возраста – носит нисходящий характер, важно отметить встречную тенденцию постепенного (благодаря вовлечению в глобальную сеть) перехода на отложенную модель «социальной эксклюзии». На это указывает, помимо перечисленных, например, наличие пускай небольшой, но всё-таки реальной доли россиян, которые, будучи в возрасте 70 лет+, могут посредством интернет-сервисов провести «финансовые операции (оплата услуг, перевод денег)» – 1,3% (в группе 60-69 лет таких 4,7%).

В этой связи любопытно отметить и такую форму сохранения присутствия людей старших поколений в общественной жизни как проведение Всероссийского чемпионата по компьютерному многоборью среди пенсионеров [1 со ссылкой на 7] (31.10.2014, Москва, Организаторы: Союз пенсионеров России (СПР) и Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова при поддержке Пенсионного фонда России (ПФР), комитета Совета Федерации по социальной политике, Министерства труда и социальной защиты РФ, Министерства связи и массовых коммуникаций РФ, а также Министерства образования и науки РФ).

В то же время следует понимать, что в условиях российской реальности включённость населения старших возрастных групп в общество в основном сохраняется на уровне родственных и дружеских связей. И с этой точки зрения, помимо самого факта предоставления дополнительных возможностей для общения посредством Интернет технологий, необходимо учитывать ещё и определённый сопутствующий ему психологический эффект. Так, ученые из Мичиганского государственного университета сделали вывод, что общение в сети с родственниками и друзьями позволяет пожилым людям не чувствовать себя одинокими и тем самым помогает бороться с депрессией [1]. А компания «Microsoft» совместно с Американской ассоциацией пенсионеров в 2012 г. опубликовала результаты исследований, выявивших, что интернет-общение и социальные сети способствуют улучшению отношений в семье, устранению конфликтов и налаживанию межпоколенных контактов [1].

Таким образом, нельзя не согласиться с мнением Б. Ф. Кондратова: «в условиях всё большего проникновения информационных и интернет-технологий в повседневную жизнь человека ограниченность доступа к информации равносильна ущемлению свободы полноценного функционирования в социуме» [8]. Очевидно, что – по мере возрастных передвижек – доля россиян старших возрастных групп, вовлеченных в глобальное информационное пространство, будет увеличиваться, а модель продления их «социальной инклюзии» станет всё более распространённой.

Литература

- 1 Пользователи интернета от 55 лет и старше. URL: http://www.bizhit.ru/index/vozzrast_veb_polzovatelej/0-240.

- 2 Комплексное наблюдение условий жизни населения (2011). URL: <http://www.gks.ru/>
- 3 Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, Интернет. URL: <http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiiskii-media-landshaft-televidenie-pressa-internet>.
- 4 Просторы интернета: развлечения, общение, работа... Пресс-выпуск №2692 (13.10.2014). URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115018>.
- 5 Интернет-зависимость: сколько россиян подвержены «болезни XXI века»? Пресс-выпуск №2415 (30.09.2013). URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114515>.
- 6 Пользователи Яндексa: интересы и поисковое поведение (Апрель 2013). URL: http://company.yandex.ru/researches/reports/2013/ya_search_
- 7 Материалы сайта IZvestia.ru
- 8 Кондратов Б. Ф. "Третий возраст" и интернет. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/bpa/11683e3292f61ae2c3257594003ec081>.
- 9 Internet users. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2013. URL: <http://www.oecd-ilibrary.org>.

Е. В. Щанина

ОТНОШЕНИЕ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА К СВОЕМУ ВЫХОДУ НА ПЕНСИЮ

ЩАНИНА Е. В. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Социология и управление персоналом» Пензенского государственного университета. E-mail: shchanina@mail.ru.

Одна из наиболее общих современных социально-демографических тенденций в мире – это увеличение численности и доли представителей старших возрастов в составе населения, т. е. идёт процесс старения населения. В современной России эта тенденция также представлена и оказывает существенное влияние на процессы развития российского общества. Влияние процесса постарения затрагивает многие стороны жизнедеятельности российского общества – это увеличение нагрузки пенсионерами на работающее население, трансформация социально-структурных отношений общества под влиянием роста численности пожилых, формирование новых форм социального расслоения среди них и др. В связи с этим, исследование жизнедеятельности пожилых людей является важным не только как научная проблема, но и с точки зрения практической необходимости.

В 2014 г. нами проведено социологическое исследование, посвящённое проблемам пожилых людей в Пензенской области. В ходе исследования было опрошено 587 человек достигшие пенсионного возраста по старости, т.е. женщины 55 лет и старше, мужчины 60 лет и старше. Структура выборки по полу отражает общую ситуацию в стране - соотношение пожилых мужчин и женщин составило 1 к 2,5; образовательный уровень: 34% респондентов имеют высшее и незаконченное высшее образование, 58% получили среднее и среднее специальное

и 8% не окончили средней школы; профессиональный статус: 14% опрошенных до ухода на пенсию занимали руководящую должность, 27% были по роду деятельности специалистами, 28% – служащими и 31% – рабочими. С точки зрения занятости характеристика выборочной совокупности такова: 31% респондентов в настоящее время продолжают постоянно работать, небольшая часть (9,5%) довольствуется различного рода подработками, большинство же 59,5% респондентов находится на заслуженном отдыхе. Основным исследовательским методом являлся анкетный опрос.

Проведённое исследование позволило выявить ряд показателей самочувствия пожилых людей в связи с выходом на заслуженный отдых, проанализировать их жизненные позиции, проследить процессы расслоения, происходящие в этой среде и т. д.

Результаты исследования показали, что больше половины опрошенных пожилых людей (64,3%), свой выход на пенсию пережили относительно благополучно. Вместе с тем, анализ проблем, которые волновали респондентов в связи с выходом на пенсию, вносят определенные коррективы в их оценки своего положения на пенсии. Однако результаты исследования свидетельствуют о том, что в реальной жизни для большинства пенсионеров не всё так благополучно. Выход на пенсию вызывает опасение существенных перемен в материальном положении в худшую сторону. Так, у более половины респондентов (64%), волнение вызывало опасение малого размера пенсии. Вместе с тем, не только ограничение материальных возможностей волнуют пенсионеров. Почти четверть респондентов волнует то, что с выходом на пенсию они потеряют возможность общения с коллективом (22,5%), опасение оказаться ненужными обществу высказали 9,5%. Кроме того, пожилые люди видят проблему и в недостаточности своих знаний о своих правах в связи с выходом на пенсию (5,4%), а для 1,4% респондентов присутствует боязнь возможного ограничения санаторно-курортного лечения, потребность в котором возрастает с каждым годом жизни пожилого человека.

Мнение респондентов о своем статусе пенсионера разделились на три почти равных по количеству группы. Так 37,4% ответивших считают, что выход на пенсию является одним из самых тяжелых периодов жизни. То, что 32,7% респондентов затруднились высказать своё мнение по поводу своего состояния в связи с выходом на пенсию, свидетельствует, скорее всего, что они едва ли считают благополучной свою жизнь на пенсии. Вместе с тем 30,3% респондентов считают, что пенсия – одно из самых счастливых времён в жизни.

Такой разброс в высказываниях пенсионеров о своей жизни подтверждает наличие процесса расслоения в этом социально-демографическом слое, что позволяет выявить внутреннюю структуру различных социальных групп пенсионеров и оценить характерные особенности этих подгрупп. Распределение структурных позиций пожилых людей имеет полярно противоположный характер, а разные подгруппы пожилых людей занимают различные структурные позиции, характеризующиеся существенными отличиями в оценках своего положения. Подобные полярно противоположные оценки прослеживаются и в высказываниях пожилых людей об изменениях уровня их жизни год назад и в перспективе на год вперед. Только для 24,1% от общего числа опрошенных уровень жизни в целом улучшился. Для большинства респондентов (60,5%) их уровень жизни за прошедший год остался прежним. Для достаточно значительного числа респондентов (10,9%) уровень жизни за прошедший год немного ухудшился, а 3,1% респондентов ощутили, что уровень их жизни ухудшился значительно. Полученные ответы респондентов подтверждают то, что в этой группе населения имеет место процесс расслоения на более благополучно или менее благополучно обустроенные группы. Результаты проведенного исследования показали, что большая часть пенсионеров, от общего

числа опрошенных, либо вообще не ощущает никаких изменений, либо изменения для них прошли в худшую сторону.

Наличие процесса расслоения внутри социального слоя пожилых людей подтверждают их оценки своего уровня жизни в настоящее время. Исследования показали, что более половины респондентов (57,4%) оценивают свой уровень жизни в настоящее время как вполне благополучный. В то же время 39,8% испытывают материальные затруднения.

Такой же разброс во мнениях прослеживается и в ожиданиях изменений в своем уровне жизни в перспективе хотя бы на год. Только 10% респондентов ожидают, что их уровень жизни повысится, а для почти половины респондентов (48%) уровень их жизни не изменится. Достаточно большое число респондентов считают, что уровень их жизни понизится (17%), а для четвертой части опрошенных вообще неясно, что будет с ними через год. Так 25% респондентов затруднились ответить, какие изменения ожидают они в уровне своей жизни через год. Сравнение оценок респондентов за прошедший, настоящий и будущий годы по поводу условий их жизни подтверждает невысокий уровень оптимизма среди них.

Результаты проведенного исследования логически подводят к вопросу о том, каким образом респонденты решают свои материальные проблемы. Так, 51,4% респондентов имеют дополнительные источники дохода, кроме пенсии. Какими источниками, кроме пенсии, пользуются пенсионеры? Почти третья часть респондентов, имеющих дополнительные доходы к пенсии, работают и рассчитывают на зарплату (29,3%). Большим подспорьем для этой категории пенсионеров является доход от участка (9,2%). Иными словами, после выхода на пенсию продолжают трудиться, либо на официальной работе, либо на своём участке, 38,5% пенсионеров, пользующихся дополнительными источниками дохода, кроме пенсии. Почти 16% респондентов имеют льготы, или получают субсидии. Для 8,84% респондентов помогают решать материальные проблемы помощь родственников. Таким образом, в группе пожилых людей, пользующихся не только пенсиями, представлены самые разные дополнительные источники дохода.

Любой человек может попасть в жизненную ситуацию, когда будет испытывать материальные затруднения. Для пенсионеров эта ситуация может повторяться не однажды. В таких ситуациях большая группа респондентов (23%) берёт недостающие средства на жизнь в долг. Рассчитывают на родственников и обращаются к ним за помощью 20% респондентов. Больше половины респондентов решают свои финансовые проблемы самостоятельно. Пятая часть (19%) таких респондентов пользуются собственными сбережениями и снимают недостающие средства со сберкнижки, 10% для покрытия недостающих средств подрабатывают, 0,3% продают имеющиеся у них ценности, вещи. Однако 28,57% респондентов заявили, что ситуаций, когда не хватает денег до пенсии, у них не бывает.

Кроме материальных проблем, которые необходимо решать, перед пенсионерами могут возникать и другие проблемы. Самая главная проблема, тревожащая пенсионеров – это здоровье. На неё указали 71,8% респондентов [1]. Второе место среди проблем по значимости, которая вызывает тревогу это высокие тарифы на тепло, воду, электроэнергию. Её назвали 44,2% респондентов. Также весьма тревожным для пенсионеров является рост цен на товары первой необходимости (продукты, одежда) – 35%, медицинское обслуживание пожилых людей – 25,2%. Обращает внимание то, что наименьшее число респондентов среди проблем, которые их тревожат, были названы работа органов социальной защиты (2%) и транспортное обслуживание (3,7%).

Вместе с тем, в жизни любого человека кроме тревог и переживаний всегда есть место для положительных эмоций, которые являются основой ощущения счастья. Проведенное исследование подтвердило, что большинство респондентов считают себя счастливыми людьми.

Таким образом, по результатам проведенных исследований можно сделать вывод, что выход на пенсию, в большинстве случаев, означает для человека существенные перемены в жизни, которые часто воспринимаются как перемены к худшему. Это связывается как с ограничением материальных возможностей, так и с сокращением социальных контактов, исключением человека из культурной жизни, в результате погружение в свою среду нередко приводит к сокращению для пенсионеров внешних социальных связей.

Литература

- 1 Щанина Е. В. Здоровье как фактор социального самочувствия пожилых людей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. №3 (31).

Ю. Г. Юшкова-Борисова ПОЗДНЕЕ ВЗРОСЛЕНИЕ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

ЮШКОВА-БОРИСОВА Ю. Г. – кандидат философских наук, научный руководитель НП гуманитарных исследований и консалтинга «Экспертный центр «Мера». E-mail usbor@mera-expert.ru.

В 2008–2009 гг. Экспертный центр «Мера» по гранту Фонда «Государственный клуб» провел комплексное социологическое исследование проблем социализации молодежи в современном обществе, «Профессиональная ориентация молодёжи в современных условиях: реальная и необходимая» [подробнее см.: 1, 2]. Исследование проходило на территории Нижегородской области и включало в себя 80 экспертных интервью с работодателями, 30 фокус-групп с 11-тиклассниками и их родителями, анкетный опрос старшекурсников и выпускников профессиональных учебных заведений, 1023 респондента.

Помимо основного массива информации, касающейся проблем профессионального образования, отвечающей задачам исследования, были получены интересные данные относительно современного состояния отношений между поколениями, отношений в семье, планирования семьи:

Резко увеличился родительский долг, сыновний/дочерний же практически сошёл на нет

Родители старшеклассников готовы были опекать и содержать своих детей до момента их полной социализации в обществе, включающей в себя получение образования, получение профессиональных навыков, позволяющих содержать себя на достойном уровне («выучить, на работу хорошую поставить» – здесь и далее в кавычках приведены цитаты из высказываний респондентов). Отдельные родители включали в счет родительского долга и обеспечение молодых людей жильем. Помощь детям на всех 15 родительских группах, в разных районах области, среди разных групп населения, признавалась пожизненной обязанностью родителя: «помогать надо безоглядно»; «если я их рожала, я знала, на что я иду»; «зубы я могла бы сейчас

себе вставить, но я потерплю, я не буду улыбаться во весь рот»; «ребёнок – это самый большой капитал в жизни родителей».

Молодые же люди, напротив, не планировали помогать родителям в будущем, а были нацелены на собственное развитие. Как основной вид помощи родителям в будущем молодые люди планировали визиты к ним.

Люди продолжают рассчитывать в первую очередь на государственную пенсию

Родители, люди среднего возраста, либо вообще отказывались думать о своей жизни в старости («я не доживу до пенсии, у нас мужчины по статистике умирают в 59 лет!»), либо планировали как-то жить на пенсию, подрабатывать на пенсии, продолжая поддерживать детей и внуков. Находясь в ситуации выбора между своими запросами, обеспечением собственной старости и вложениями в детей, они однозначно выбирали детей.

Вполне возможно, что подобное родительское поведение сформировалось в результате пертурбаций двадцатого века, когда все менялось быстро и непредсказуемо, люди теряли накопления и выжили, сохранились те семьи, в которых не столько копили, сколько потребляли, где лучшей инвестицией стало образование детей. Позитивный опыт закрепился в ценностях *безоглядного родительства*, назовем его так.

Жизненный опыт современных россиян входит в противоречие со всеми предложениями пенсионной системы

Скорее всего, подобные мотивации могут тормозить развитие пенсионной системы, в основе которой будут добровольные взносы самого человека. Если у человека будет возможность не платить такие взносы и потратить эти деньги на «повышение качества» своих детей, он вложит деньги в детей. Повышение же обязательных отчислений с работающих молодых людей в пользу старшего поколения может быть воспринято отрицательно молодыми людьми. Они не собираются помогать своим собственным родителям, зачем же им помогать родителям вообще? Безусловно, полученные нами данные недостаточны, тема требует отдельного исследования, однако они могут частично объяснить тот факт, что любые новации в пенсионной системе не приносят положительных откликов.

Может быть, будет воспринята и поддержана та пенсионная система, которая даст человеку возможность оставить детям в наследство свой пенсионный пай в случае ранней смерти, тратить его по своему усмотрению в течение жизни, например, на образование внуков. Вполне возможно, что в ситуации, когда пенсионный капитал будет собственностью семьи, люди будут осознанно его копить. Однако остаётся не прояснённым, как заставить людей поверить, что этот капитал не рассеется под влиянием новых общественных пертурбаций.

Сейчас же, по данным прочих исследований Экспертного центра «Мера», живо убеждение, что независимо от того, на какого работодателя работает человек, конечным пользователем его труда является государство. Тогда становится совершенно логичным, что содержать его в старости и должно именно государство.

Инфантилизм как угроза социальной стабильности

Кроме всех перечисленных трудностей на повестку дня выходит новая и вполне серьезная угроза массовой инфантилизации молодого поколения россиян. Старшеклассники 2009 года уже демонстрировали личностную незрелость, откровенный инфантилизм в вопросе выбора профессии и образа жизни, доверяя родителям и даже перекладывая на них

ответственность за решение своей судьбы («у меня папа в этом шарит»). Студенческую молодёжь отдельные эксперты характеризовали весьма резко: «Это дети дебильного вида, потому что они живут на уровне представлений и понятий детского сада (им все должны и т. д.) Я говорю о студентах. Я работаю на кафедре 35 лет и могу сказать, что студенты сильно изменились, и не только физически. Сейчас мы принимали экзамен у 5-го курса. Подавляющее большинство не знает, кем они хотят стать. Раньше такого не было»)

В ответах старшеклассников на вопросы о будущей специальности, работе ценности труда как такового практически не звучали. Труд как развитие личности, труд как творчество, труд как удовольствие был ценен. Труд как занятость, как средство пропитания – практически нет. Складывалось впечатление, что молодые люди говорят скорее об игре в труд, чем о самом труде.

Неудивительно, что сейчас, пять лет спустя, когда изученные нами когорты вышли на рынок труда, они с усилиями к нему адаптируются или же совсем не находят себе места, продолжая паразитировать на родителях. Родители же, как правило, своей вины в этом не видят, а винят государство, которое должно было предоставить творческие и развивающие рабочие места их детям, но этого не сделало.

Плохой и хороший сценарий

Плохой сценарий носит в себе арабские черты, когда большое количество молодых людей не работает, потому что престижных рабочих мест на всех не хватает, не престижные же места занимают гастарбайтеры. Состоявшегося же примера хорошего сценария не существует. Его придется и придумывать, и реализовывать самостоятельно. В нём всё утрясается, молодые люди находят в себе силы адаптироваться к окружающей действительности, взять ответственность за свою жизнь, благосостояние на себя. А со временем и за жизнь и благосостояние своих стареющих родителей. За счёт чего это может произойти – пока не совсем понятно.

Литература

- 1 Профессиональная ориентация современной молодежи: реальная и необходимая. – Н.Новгород: Издательство «Автор», 2009. 108 с.
- 2 Борисов С., Юшкова-Борисова Ю. Куда/чему/зачем пойти учиться. Электронное издание. Литагент «Ридеро». Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru, 2014.

С. Б. Абрамова

ЦЕННОСТНЫЙ МИР ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

АБРАМОВА С. Б. – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии УрФУ. E-mail: sofia_abramova@mail.ru.

Одной из ключевых проблем в исследовании молодого поколения является проблема противоречивой социализации, которая выражается в несоответствии требований общества и содержания воспитательных процессов. Несоответствие представляют собой традиционные и модернистские ценности, которые могут вступать в конфликт друг с другом, как в социуме, так и в ориентациях конкретной личности. Так же социальным противоречием является идея неопределённости – отсутствует система требований со стороны современного и будущего общества, в результате чего снижается предсказательных возможностей родителей относительно будущего своих детей: они должны быть готовы ко всему, уметь всё, т. к. неизвестно, что пригодится в жизни. Вследствие этого страдает система ценностей, теряется образец обязательного и оптимального.

Для изучения ценностных ориентаций молодежи было проведено исследование жителей Екатеринбурга в возрасте 7–25 лет на основе качественной стратегии (6 фокус-групп и 17 полуформализованных интервью и диадических интервью). Дизайн инструментария был адаптирован к возрасту участников.

Обратимся к исследованию возрастной категории 7–12 лет, в ходе которого использовались методики:

- 1 образ желаемого и нежелаемого будущего;
- 2 методика диагностики ценностей Ш. Шварца;
- 3 метод неоконченных предложений – методика дополнения (аддитивная проективная методика): 14 неоконченных предложений, которые подталкивали испытуемых к описанию образа себя и различных его компонентов. Все предложения условно разделены на 6 групп, характеризующих в той или иной степени представления о социальных нормах, ценностях, собственных стремлениях, свободах и ограничениях.
- 4 конструирующая методика – испытуемым предлагается создать что-либо. Применялась модификация методики коллажа на тему «Счастливый человек» (позволяет выявить значимые жизненные ценности через особенности восприятия счастья);
- 5 рисуночные методики – модификация психологического теста «Рисунок семьи» – «Кораблик» (значимые фигуры, которых возьмёт в путешествие). При анализе имеет значение, прежде всего, состав и очередность набора команды корабля.

По результатам исследования важным аспектом самоидентификации этой возрастной группы является их отношение к миру взрослых. На вопрос «Хотели бы вы стать взрослым?» не

удалось получить однозначного ответа. Информанты, скорее, стараются сохранить статус ребёнка («Хочется хоть как-нибудь, да оставаться ребёнком»). Это соответствует тенденции общей инфантилизации, отмеченной во многих современных исследованиях.

Мир взрослых теряет для детей свою былую привлекательность, они находят в нём всё больше недостатков для себя, нежели преимуществ:

- необходимость трудовой деятельности («Работа – это хуже, чем школа»);
- высокая занятость («На работе всё время засиживаешься часов до девяти»);
- однообразии будней («Приезжаешь домой, поужинал, спать»);
- однообразии трудовой деятельности («Печатаешь всё время на компьютере»);
- отсутствие эмоциональной насыщенности жизни («Взрослые не так подвижны, меньше играют, им не так весело»);
- сокращение свободного времени («Они не освобождаются на половине дня, как мы»).

В целом, информанты изобразили взрослого как некоего робота, автоматически выполняющего определённый набор операций, сводимый к профессиональным обязанностям и удовлетворению физических потребностей.

Мотивы, которые всё-таки побуждают утвердительно говорить о желании быть взрослым, следующие: «В школу не надо ходить», «Домашку не заставляют делать», «В школу рано не просыпаться», «Друзей новых обретёшь». Это преимущественно отрицательные мотивы избегания деятельности с частицей «не», за исключением одного, связанного с неизбежной сменой круга общения и новыми отношениями.

Таким образом, дети стремятся, скорее, к сохранению имеющегося у них статуса: «То есть более или менее удобней ребёнком быть».

В целях уточнения представлений у детей **7 лет** о «своих» и «чужих» была использована модификация рисуночного теста исследования внутрисемейных отношений.

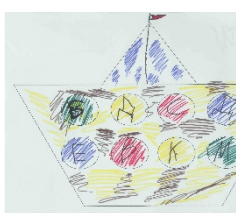

Рис. 1. Ж, 7

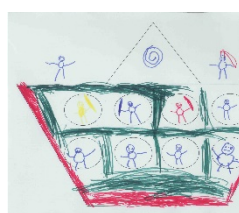

Рис. 2. М, 7

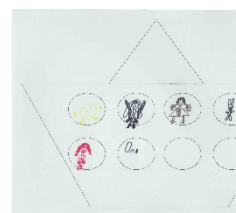

Рис. 3. Ж, 7

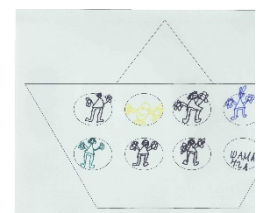

Рис. 4. М, 7

Общие тенденции в формировании «команды корабля» и размещения её членов по каютам таковы:

- корабли, изображаемые детьми, посещающими детский сад, отличаются своей яркостью и непосредственностью (рис. 1, 2) по сравнению с кораблями первоклассников, которые отличаются чётким следованием инструкции (не изобразившим ничего «лишнего») (рис. 3, 4);
- дошкольники не изобразили самих себя на кораблях. С одной стороны, это может объясняться как трудностями самовыражения, поиска своего места в сети

существующих контактов, так и эгоцентризмом, присущим мышлению детей. С другой стороны, изображение, например, только персонажей любимой компьютерной игры, может говорить о безразличии, отсутствии вовлечённости в предложенную ситуацию, или о слишком высоком уровне влияния указанной компьютерной игры на сознание ребёнка (уход от реальности, растворение собственного «Я», слияние с одним из героев).

Категории выбранных «пассажиров» следующие: родители (2), другие родственники (3), друзья (6), герои и персонажи мультфильмов, компьютерных игр (17). Именно они являются наиболее близкими, «своими» для младших информантов. Если говорить об их количественном соотношении (указано в скобках), то наибольшую значимость для детей представляют именно любимые герои и персонажи, друзья и семья находятся на втором месте.

Критерии выбора «своих» можно определить так:

- позитивный образ, вызывающий положительные эмоции (*«Он смешной»*);
- интеллектуальные способности (*«Потому что она очень умный вампир. Она с первого раза поняла»*);
- надёжность, связанная с длительным знакомством с субъектом (*«Я их знаю»*);
- позитивное отношение к информанту и поддержка (*«Им интересно посмотреть на мои новые изобретения»*).

Таким образом, граница «свой-чужой» выстраивается у 7-летних детей на основе эмоционального восприятия определённого субъекта и личного опыта взаимодействия с ним (как следствие конкретности мышления).

«Чужими» в понимании участников исследования в возрасте **10–12** лет являются так же:

- представители субкультурных молодёжных направлений (эмо, готы, панки. *«Они как люди с другой земли, с другой планеты, не такие, как мы»*). Заметим, что скорее они всё-таки «другие», чем «чужие».
- представители преступного мира (*«Бандиты. То есть они грубят, убивают, воруют»*)

«Своими» младшие школьники могут назвать в первую очередь родственников и друзей. Главным показателем того, является ли человек «своим», становится его позитивное отношение к самому информанту и способность оказывать поддержку: *«кто ко мне хорошо относится», «Яна [лучшая подруга] постоянно меня поддерживает, а остальные много не поддерживают»*.

Таким образом, ключевыми факторами, способствующими эффективности социализации, являются творческая деятельность, принятие ценностей конкретной группы (семьи), активная адаптация личности, благоприятный климат. Факторами, мешающими эффективности социализации, становятся крайний конформизм, «давление» на личность и негативное влияние антисоциальных групп.

Д. А. Александров, В. А. Иванюшина, В. В. Титкова
КУРЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ:
СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ

АЛЕКСАНДРОВ Даниил Александрович – к. б. н., профессор Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук, заведующий НУЛ СОИ НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. E-mail: alexandrov.daniel@gmail.com.

ИВАНЮШИНА Валерия Александровна – к. б. н., ведущий научный сотрудник НУЛ СОИ НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. E-mail: v.ivaniushina@gmail.com.

ТИТКОВА Вера Викторовна – младший научный сотрудник НУЛ СОИ НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. E-mail: tvera.v@gmail.com.

Совместная групповая активность позволяет подросткам выстраивать и поддерживать социальные отношения. Для быстрого установления социальных связей необходима такая деятельность, которая не требовала бы длительной процедуры, существенных затрат (временных, материальных, физических, эмоциональных и т. д.) и была бы приемлема в большинстве ситуаций и сообществ. Попросить прикурить сигарету у курящих ребят на крыльце – один из самых лёгких и зачастую безотказных способов начать «совместную деятельность», не затратив при этом никаких ресурсов. В результате в распоряжении индивида поступают несколько минут для продолжения диалога и возможность регулярного повторения «совместной деятельности» для закрепления социальных связей. При уже налаженных связях курение как социальная активность не требует значимых ресурсов для своего поддержания. Пойти с друзьями или одноклассниками выпить, в кино, на каток куда более затратно и финансово, и по времени, нежели чем позвать выкурить сигарету на перемене.

Курение является спланированной деятельностью для подростков не только потому, что это доступная совместная активность, но и в силу того, что курение может рассматриваться как оппозиционное поведение. Поскольку курение не одобряется взрослыми и подразумевает символическое наказание, оно становится ещё более привлекательным в качестве протеста и демонстрации «взрослости». Поэтому бегать за угол школы покурить с друзьями для подростка скорее не физическая необходимость в силу сформировавшейся зависимости, а социальное действие, направленное на сплочение группы и против «внешнего врага» – взрослых.

В настоящее время распространение практик курения среди подростков изучается средствами социального сетевого анализа (SNA). Эта методология всё больше применяется при изучении социальных отношений и процессов внутри подростковых групп. Статистические техники SNA позволяют разделить сложный процесс социального взаимодействия на составляющие: выбор себе подобных и взаимное влияние; исследователи изучают, как связано распространение тех или иных поведенческих практик с индивидуальными характеристиками.

Изучение поведения через кросс-секционные данные даёт исследователям доказательство того, что дружеские связи выстраиваются на основании гомофилии поведения, однако кросс-секционные данные не отражают динамику и направление процессов распространения поведенческих практик. Этим преимуществом обладают лонгитюдные сетевые данные, которые позволяют рассматривать распространение курения как процесс «заражения» рискованное поведение через социальные сети и отделять этот процесс от эффекта выбора по принципу сходства. Влияние друзей, или «социальное заражение», происходит через

убеждение, обучение, давление, принуждение. Эффект выбора заключается в том, что подросток выбирает себе друзей, наиболее похожих на него самого. Подросток инициирует дружбу или меняет друзей на основе изначального сходства в поведенческих практиках (при учёте базовой гомофилии по полу, возрасту, этнической принадлежности).

Данный доклад посвящён нашему исследованию практик курения среди подростков как процесса социального взаимодействия. Мы обращаем внимание на индивидуальные практики поведения до начала дружеских отношений и смотрим на изменение практик курения в ходе развития или прекращения дружеских отношений. Пользуясь преимуществами и возможностями статистических техник сетевого анализа, мы анализируем, (1) помогает ли курение налаживать дружеские связи (процесс выбора), и (2) влияют ли друзья на изменение практик курения (процесс влияния).

Будут показаны возможности социального сетевого анализа для исследований лонгитюдных сетевых данных, анализа подросткового поведения, изменения сетевых отношений. Статистическое моделирование будет осуществляться с помощью программы SIENA.

Исследование проводилось на лонгитюдных данных 511 учащихся трёх колледжей/техникумов города Санкт-Петербурга. Сбор данных осуществлялся в ходе пяти волн опроса, волны повторялись через четыре-пять месяцев. На момент начала исследования возраст учащихся составлял 15–16 лет, на момент окончания – 18–19 лет. Каждую волну учащихся просили ответить на вопросы, курят они или нет, с какого возраста начали курить, и сколько сигарет выкуривают в день, а также записать имена и фамилии одноклассников, с которыми они больше всего общаются. База также содержит данные об академических и профессиональных аттитюдах (образовательная мотивация, стремление получить профессию) и социально-демографических характеристиках (образование и профессия родителей, миграционная история семьи и этническая принадлежность).

В ходе доклада будут представлены результаты двух моделей. В первой модели акцент делается на проверку существования «эффект выбора» – курящие подростки выбирают в качестве друзей курящих сверстников, а некурящие – некурящих. Одновременно мы проверяем гипотезу о том, что курение помогает наладить социальные связи. Во второй модели главный интерес представляет «эффект влияния» – влияют ли друзья на изменение практики курения (например, увеличение частоты курения с одной-двух сигарет в день до пяти-шести). Мы увидим, что подростки приходят к решению начать курить преимущественно самостоятельно (как средство показать себя, выразить протест или в основе могут лежать другие личные мотивы), тогда как поддержание поведения осуществляется через совместную практику курения.

И. А. Васильев

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПАВ СРЕДИ УЧАЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ

ВАСИЛЬЕВ Игорь Аркадьевич - Начальник отдела интеграции образования и науки, руководитель лаборатории мониторинга результатов научно-исследовательских работ и

проектов Управления научных исследований и разработок Московского городского педагогического университета. E-mail: via0707@mail.ru

В ряду многих проблем подрастающего поколения проблема наркотизации детей, подростков и молодёжи для современного российского общества остаётся одной из наиболее острых.

Первая трудность изучения данной проблемы заключается в отношении администрации образовательных организаций (ОО) к проведению исследований по этой тематике. В данном случае срабатывает эффект защиты «чести мундира» и самой школы.

Вторая трудность, с моей точки зрения, как профессионального социолога, состоит в том, чтобы получить достаточно достоверную информацию от основных акторов образовательного процесса – учащихся и учителей ОО (опасения, связанные с возможной утечкой социологической информации о положении дел в конкретной школе и несоблюдением принципа анонимности).

Следующая трудность – это закрытость информации о деятельности городского и районных Управлений ФСКН и их недостаточная заинтересованность, на мой взгляд, в контактах с социологическими исследовательскими лабораториями. Отсюда невозможность сопоставить результаты социологических исследований с данными официальными.

И, видимо, одна из главнейших проблем – это недостаточная заинтересованность определённых государственных структур и институтов в широком и открытом обсуждении данной проблемы, которое бы базировалось как на результатах анализа достоверных официальных данных, так и на результатах комплексных социологических исследований.

В. В. Ганин

ИНДИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЧЕРЕЗ ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЁНКА

ГАНИН Владислав Валентинович – доктор исторических наук, профессор, Президент Академии народной дипломатии. E-mail: diplomat_jod2011@mail.ru.

Дети являются одной из самых многочисленных и, в то же время, в силу неполной дееспособности, наиболее социально уязвимой категорией граждан любой страны.

В связи с этим, не случайно, вслед за появлением института уполномоченного по правам человека, возник институт уполномоченного по правам ребёнка или «детского омбудсмана».

В РФ первые детские омбудсмены появились в 1998 г. Это был пилотный проект Министерства труда и социального развития РФ и Детского Фонда ООН.

1 сентября 2009 г. Указом Президента РФ № 986 в стране была введена должность Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребёнка. Первым Уполномоченным стал А. И. Головань (01.09-26.12.2009 г.). С 30.12.2009 г. эту должность занимает П. А. Астахов.

В ноябре 2014 г. завершился процесс формирования единой структуры – института уполномоченного по правам ребёнка и сегодня уполномоченные действуют во всех 85 субъектах РФ.

Одной из основных задач уполномоченного по правам ребёнка является контроль за соблюдением прав, свобод и законных интересов ребёнка и содействие по восстановлению их

в случае нарушения. В целях реализации контрольных функций уполномоченный осуществляет прием заявлений граждан, посещает различные детские учреждения и мониторит текущую ситуацию в регионе. Вся эта работа и её результаты отражаются на сайте уполномоченного. Эффективность такой работы зависит от многих факторов, в том числе, личностных качеств уполномоченного, социально-экономической ситуации в регионе, активности граждан, доверия к самому институту уполномоченного по правам ребенка. Следует отметить, что последнее не очень высоко. Об этом свидетельствует коэффициент обращаемости, т. е. число обращений граждан на 100 тыс. жителей в адрес уполномоченного, он колеблется от 3,2 (Москва) до 50,6 (Забайкальский край). Тем не менее, в совокупности по стране – это огромный массив информации (Big Data). По нашим расчётам общее число обращений граждан в 2014 г. превысило 55 тыс.

Эти материалы могут послужить базой для изучения социального благополучия и социального поведения такой категории детей, как дети с нарушенными правами, свободами и законными интересами. А таких детей достаточно много. Ведь до 90 тыс. детей ежегодно становятся жертвами преступлений, а на учёте в органах МВД состоит почти 190 тыс. подростков.

Нами были изучены материалы интернет-сайтов всех 85 региональных уполномоченных по правам ребенка [1]. Благодаря унифицированности большинства сайтов (85%), удалось просмотреть 3900 информационных сообщений. Анализ материалов позволил выделить наиболее значимые вопросы социального благополучия несовершеннолетних (таблица 1).

Видно, что вопросы, связанные с семьей, являются приоритетными, в то время, как меры социальной поддержки – наименее значимы.

Поскольку в процессе исследования возник вопрос о востребованности института уполномоченного, был проведен специальный опрос на этот предмет среди жителей двух субъектов Крымского федерального округа. Численность экспертной группы 76 человек, её характеристика представлена в таблице 2.

Таблица 1 Наиболее социально-значимые вопросы благополучия детей

№ п/п	Социально-значимый вопрос	%
1	Право ребёнка на семейное благополучие, защита от насилия и жестокого обращения	31,5
2	Право ребёнка на обеспечение жильём	26
3	Право ребёнка на защиту законных интересов в государственных органах, учреждениях и организациях	24
4	Право ребёнка на социальную поддержку	18,5
	Всего:	100

Таблица 2 Характеристика экспертной группы

Категория	Абс.	%
Родители дошкольников	18	23,7
Родители младших школьников	24	31,6
Родители старшеклассников	11	14,5
Школьники	15	19,7
Студенты младших курсов	8	10,5
Всего:	76	100

Результаты опроса приведены в таблице 3.

Таблица 3 Осведомлённость об институтах и службах по защите прав детей

Институты и службы	%
Прокуратура	4,0
Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав	13,2
Полиция (подразделение по делам несовершеннолетних)	29,0
Органы опеки и попечительства	19,7
Социальные службы для молодёжи	1,3
Специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации	2,6
Органы управления социальной защитой населения	19,7
Уполномоченный по правам ребёнка	-
Не знаю	10,5
Всего:	100

Респонденты отмечают, что обращения в полицию, орган управления социальной защитой, орган опеки и попечительства, комиссию по делам несовершеннолетних приоритетны и результативны. Институт же уполномоченных по правам ребёнка непопулярен, а его деятельность – малоэффективна.

Выводы и предложения:

- 1 Как показывают исследования, материалы региональных уполномоченными по правам ребёнка перспективны для использования при индикации социального благополучия несовершеннолетних, как в разрезе субъектов федерации, так и страны.
- 2 В связи с тем, что важнейшей задачей уполномоченного по правам ребёнка является сбор информации и доведение её до сведения органов власти, при отсутствии механизмов прямого воздействия на нарушителей прав ребёнка институт регионального уполномоченного по правам ребёнка по факту выполняет лишь информационно-представительские функции.
- 3 Функции регионального уполномоченного по правам ребёнка дублируют часть функций комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, существующих в РФ (под разными названиями они функционируют в России с 1918 г.). Комиссии созданы в целях защиты прав несовершеннолетних, для координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявлению и устранению причин и условий, способствующих этому, обеспечению защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, выявлению и пресечению случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий [2].
- 4 Отсутствие рамочного федерального закона о региональных уполномоченных по правам ребёнка и унифицированного регионального законодательства по этому вопросу (в регионах встречаются, например, различные способы назначения уполномоченных на должность: губернатором, главой администрации или законодательным собранием, а также разнообразные квалификационные требования к кандидатам на должность уполномоченного) свидетельствуют об

- отсутствии единого взгляда на роль и функции уполномоченного. Включение должности уполномоченного в региональный реестр государственных должностей исключает вопрос о его независимости от местных органов власти.
- 5 Предложить Администрации Президента РФ рассмотреть вопрос о замене в субъектах федерации института уполномоченного по правам ребёнка на институт регионального представителя Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребёнка (аналог – представители Президента РФ в федеральных округах).
 - 6 Рассмотреть вопрос о подчинении региональных представителей в оперативном управлении (по вертикали) Уполномоченному при Президенте РФ по правам ребёнка, а по горизонтали – общественным палатам субъектов федерации.
 - 7 Рекомендовать открыть в регионах для приёма обращений граждан общественные приемные Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребёнка.

Литература

- 1 Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка. URL: <http://www.rfdeti.ru/regions>.
- 2 Федеральный закон от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

А. Ю. Губанова

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ (НА ПРИМЕРЕ ОПРОСА ШКОЛЬНИКОВ В МОСКВЕ)

ГУБАНОВА А. Ю. – магистр социологии, научный сотрудник отдела социологии, психологии и педагогики детского чтения Российской государственной детской библиотеки. E-mail: alexandra.gubanova@gmail.com.

Современные дети и подростки активно вливаются в новое информационное пространство: результаты исследований показывают, что с 1998 по 2012 год число подростков интернет-пользователей возросло в 4,5 раза (с 19,7% до 93,1%) [1]. В настоящее время наблюдается изменение в досуговых практиках юных россиян: роль телевидения в жизни подростков стабильно снижается (на 20,5% за последние 14 лет), а на первое место выходит общение с друзьями (68,5%). Третью и четвёртую позиции занимают компьютерные игры (47,3%) и обмен информацией по интернету (46,7%). Это наглядно показывает, что информационное общение благодаря интернету возросло почти в четыре раза.

Тем не менее, на наш взгляд, интернет не является угрозой для молодого поколения, так как используется школьниками не только для отдыха и общения, но и для учёбы, с познавательными целями, для саморазвития. В то же время, нельзя забывать о том, что в Интернете существуют и определённые риски. В связи с чем, важно иметь ясные критерии для оценки степени опасности содержания тех или иных сайтов для детей. Актуальным является вопрос и о качестве существующего в интернете контента и его соответствии потребностям детей и подростков. И только ребёнок может сказать, что ему действительно интересно и нужно, поэтому необходимость разработки специальной методики опроса не вызывает сомнений. Для

проведения оценки контента для детей в Интернете, автором была разработана методика, включающая в себя форму для оценки сайтов по выработанным критериям [2].

Социологами Российской государственной детской библиотеки в 2013 г. был проведён опрос школьников 1–9 классов, целью которого было уточнить, какие критерии для оценки сайтов являются оптимальными с позиции ребёнка, выявить особенности оценки сайтов детьми в целом. Для проведения опроса детей была разработана анкета для самостоятельного заполнения ребёнком. Участникам игры-опроса было предложено совершить путешествие по стране лучших сайтов «Веб-ландии» и рассказать о своих впечатлениях от посещения выбранного ими из каталога сайта [2, с. 91].

Результаты опроса наглядно продемонстрировали возможность использования разработанных критериев в опросах детей по оценке контента сайтов самими детьми - ни один из вопросов анкеты не вызвал затруднения у респондентов. Однако опрос показал, что дети далеко не всегда могут аргументировано объяснить свои предпочтения при выборе сайтов. Нередко, решаящим при отнесении какого-либо интернет-ресурса в категорию понравившихся являлись глубоко личные мотивы. Так, ученица младших классов (8 лет) после просмотра сайта «Сайт о кошках» (wikicats.ru) сказала, что сайт ей понравился, поскольку она «нашла фото котов, похожих на наших Рыжика и Пашу». Некоторым детям нравились конкретные игры, разделы, изображения на сайтах: игры-одевалки («Дети на Куличках», девочка, 9 лет), полезные игры («Весёлый мозг», мальчик, 8 лет), история Второй Мировой Войны («Хронос», мальчик, 11 лет). Поскольку дети выбирали сайты самостоятельно из каталога лучших детских сайтов «Веб-ландия», в котором содержится 1300 ресурсов для детей и подростков, составить рейтинг лучших веб-ресурсов по итогам опроса не представляется возможным, т. к. опрос носил качественный характер.

Полученные результаты исследования позволяют составить список наиболее значимых признаков, по которым дети и подростки оценивают степень интересности для них сайтов:

- 1 наличие на сайте интересной информации;
- 2 сайт должен иметь красивое, интересное дизайнерское решение, включая достаточно большое количество изображений, графической информации;
- 3 понятную и лёгкую в использовании навигацию – меню и обязательный поиск по сайту в целом.

С нашей точки зрения, одним из оптимальных вариантов для просвещения и обучения детей и подростков методам оценки контента является использование такого ресурса, как «Веб-ландия», поскольку он не только безопасен, но и даёт возможность познакомиться с различными интересными сайтами (не только созданными специально для детей, но и сайтами, которые могут быть интересны и полезны пользователям любого возраста (4+)). Подходы к оценке контента для детей, а также изучению мнений самих детей и подростков продолжают развиваться.

Литература

- 1 Результаты социологического исследования «Влияние интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства» // Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации.

М. 2012. URL: <http://www.oprf.ru/press/news/2012/newsitem/20132>
(07.02.2015).

- 2 Губанова А.Ю. Методика оценки контента для детей в Интернете // Четвертая международная научно-практическая социологическая конференция "Продолжая Грушина". 27–28 февраля 2014 г. Материалы конференции. М: ВЦИОМ, 2014. С. 89–92.

Н. Ю. Егорова, С. А. Судьин

ШКОЛЬНОЕ НАСИЛИЕ: ОТ ОПИСАНИЯ К КОНСТРУИРОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ

ЕГОРОВА Н. Ю. – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского. E-mail: nadegorova@yandex.ru.

СУДЬИН С. А. – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского. E-mail: sudjin@mail.ru.

Сегодня в СМИ обсуждаются проблемы жестокого поведения подростков, обращается внимание на эскалацию насилия в школе. Нередко, основываясь на слухах и отдельных, крайних случаях, сложно определить масштабы явления и осмыслить его причины.

Реализация проекта «Школа: обыденность насилия (анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе)»⁶⁵, осуществленного коллективом кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского под руководством профессора З. Х. Саралиевой, стала попыткой количественной оценки и социологического осмысления феномена, затрагивающего в различных вариациях школьный опыт всех поколений [1].

Комплексное изучение феномена предопределило выявление отношения к проблеме насилия в школе представителей основных вовлеченных и заинтересованных сторон: учеников, педагогического сообщества (директоров школ, учителей, социальных педагогов), родителей.

Методом анкетного опроса изучались мнения учеников и родителей. Были опрошены учащиеся 5–11 классов Нижегородских школ. Выборка школ гнездовая, районированная, систематическая вероятностная. Классы, попавшие в выборку, опрашивались полностью. Всего – 1465 учащихся: 47% мальчиков и 53% девочек. Общее количество респондентов-родителей – 225 человек.

Для выяснения мнений представителей педагогического сообщества использовались качественные методики: полустандартизированное интервью и фокус-группа. В фокус-группе приняли участие 8 специалистов-практиков из числа руководителей и завучей городских и сельских школ Нижегородского региона. В качестве интервьюируемых выступили директора школ, учителя, социальные педагоги, психологи, а также уполномоченный по правам ребенка г. Нижнего Новгорода. Всего собрано 37 интервью.

⁶⁵ Проект осуществлялся в период 2012–2013 гг. в рамках мероприятия 1.1 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры новой России на 2009–2013 годы».

Поскольку масштабные социологические исследования школьного насилия в России ранее не проводились, в качестве инструментария опроса школьников использовалась переведенная и адаптированная анкета, разработанная немецкими коллегами и имеющая положительный опыт апробации в Германии во время проведения панельных исследований в школах (1994 г., 1998 г., 2004 г.) [2], что придало работе элементы кросскультурного исследования. В качестве зависимых переменных выступают две идентичные шкалы, в которых презентуется насилие из перспективы агрессоров и их жертв. Все остальные модули и шкалы образуют комплекс независимых переменных. Они сформулированы авторами на базе исследований по проблемам насилия в школе и представляют собой результат операционализации теоретических идей.

Организация опросов в школах оказалась делом непростым. Так, даже адаптированный вариант опросника вызвал претензии со стороны регионального министерства образования. Объектами критики стало упоминание о возможности употребления учащимися школ наркотических средств и алкоголя, универсальность инструментария для различных возрастных групп респондентов, вопросы о наличии оружия и других потенциально опасных предметов. Ситуацию усугубило вступление в силу с 1.09.2012 г. Федерального закона №436 от 29.12.2010 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», который предусматривает ограждение детей от негативной информации. Несмотря на то, что действие данного закона не распространяется на научную информацию (см.: в ст.1), это дало чиновникам формальный повод для претензий. Ситуацию удалось урегулировать только на уровне городского департамента образования после разрешающей экспертизы Городского консультативно-диагностического центра по охране психического здоровья детей и подростков. Но и при поддержке руководства ННГУ и департамента образования города опросить всех запланированных респондентов не удалось. Опыт проведения массового опроса в школах показал, что эта система чрезвычайно закрыта, иногда недоброжелательна к внешнему вмешательству, отсутствует культура регулярного участия в социологических исследованиях, востребованных в современных обществах в первую очередь для решения актуальных, злободневных социальных проблем.

Анкетный опрос и экспертное интервью показали, что насилие в школе существует, и оно разнообразно по своим формам: от «лёгких» вербальных вариантов до ожесточённого физического воздействия. Между крайними проявлениями насилия находятся психическое давление, вандализм, действия против учителей. Хотя подавляющее большинство школьников ответили, что никогда не совершали подобных поступков, оказалось, что четверть учеников становились жертвами вербального насилия (крики, ругань, оскорбления), у 8% портили личные вещи, ещё 3,5% стали жертвами воровства. Почти так же часто дети были объектами физического насилия. Реже они признавали наличие психического воздействия со стороны других учеников (3%).

Исследование позволило определить факторы, имеющие значение как для распространения агрессивного поведения учеников в школе, так и для потенциальной опасности оказаться в числе жертв насилия. В их числе: увлечение передачами эротического и порнографического содержания, фильмами ужасов, жесткий стиль воспитания детей в семье, регулярность употребления вредных для здоровья веществ, уровень восприятия школьниками незащищённости в жизни и их мотивация на посещение школы. Эксперты также отметили появление новых социальных групп, отличающихся как повышенной склонностью к насильственным действиям (например, учащиеся из республик Закавказья), так и большей

виктимностью (например, дети гастарбайтеров, которые сами лишены большинства гражданских прав на территории проживания).

Наконец, ещё одной частью исследования стал анкетный опрос родителей учеников, принявших участие в исследовании. Нас интересовал широкий круг вопросов: оценка актуальности проблематики школьного насилия для их ребёнка, формы контроля, уровень доверительности отношений, а также собственно родительский опыт школьной жизни и феномена насилия в ней. Анкетный опрос родителей школьников показал, что родители достаточно слабо представляют себе уровень школьного благополучия своих детей. Об этом свидетельствует высокая уверенность в том, что школьники не подвергаются каким-либо виктимизирующим действиям на фоне признания высокой актуальности поднимаемой в исследовании проблемы.

Родители весьма слабо представляют себе симптоматику насилия, связывая его только с физическими проявлениями. Контроль над детьми, в том числе в аспекте школьного насилия, ограничивается формальными практиками вроде проверки успеваемости и посещения родительских собраний. Проверка электронной почты, контроль над активностью в социальных сетях практикуют лишь незначительная часть респондентов. Также открылось традиционное для России женское лицо родительства. Выявлена идеализация школьных отношений в поколении родителей – как матерей, так и отцов.

Итак, результаты исследования чётко показали, что насилие существует, но не всегда воспринимается как проблема. Эксперты стараются с большой осторожностью говорить об этом явлении, подчёркивая, что проблема актуальна, но «в нашей школе её нет», она есть в семье, в других школах, в обществе... Потасовки, драки, вербальные или поведенческие оскорбления, групповая и индивидуальная травля воспринимаются как нормальные явления школьной жизни, болезни возраста, а то и как необходимый элемент личностной социализации. Возросший интерес к аномалиям школьной жизни со стороны СМИ, кинематографа и т. д. свидетельствует о наличии негативной динамики явления и необходимости научного поиска причин и разрешения сложившихся противоречий. Первым шагом на этом пути должно стать конструирование проблемы школьного насилия в научном дискурсе и массовом сознании.

Литература

- 1 Саралиева З. Х., Егорова Н. Ю., Судьин С. А. Насилие в школе: позиции школы и родителей // Актуальные проблемы родительства в России / Отв. ред. Т. А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 119–138. 1 CD-ROM (1,99 МБ). ISBN 978-5-89697-238-9.
- 2 Fuchs M., Lamnek S., u. a. Gewalt an Schulen. 1994–1999–2004. 2. Auflage. VS Verlag für Sozialwissenschaften. Wiesbaden, 2009.

О. Ф. Зайцева

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОЕКТИВНО-ДИАГНОСТИЧЕСКОГО МЕТОДА ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ДЕВИАНТНОСТИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

ЗАЙЦЕВА Ольга Федоровна – магистр государственного управления, руководитель Севастопольского филиала Международной академии социальных технологий. E-mail: diplomat_jod2011@mail.ru.

По данным МВД РФ уровень преступности (в том числе детской) в последние годы в стране практически не меняется (табл.) [1].

Таблица 1 Преступления в РФ

Преступление	Год				
	2010	2011	2012	2013	2014
Зарегистрировано преступлений, тыс.	2628,8	2404,8	2302,2	2206,2	2166,4
Погибло, тыс. чел.	42	40,1	38,7	36,7	35
Причинение тяжкого вреда здоровью, тыс.	50,8	49,4	50,6	52,8	52,6
Кража, тыс.	1108,4	1038,6	992,2	922,6	891,9
Грабеж, тыс.	164,5	127,8	110,1	92,1	76,2
Разбой, тыс.	24,5	20,1	18,6	16,4	14,2
Совершено несовершеннолетними либо при их участии, %	5,5	5,5	5,1	5,4	5,0

По числу убийств, грабежей (на 100 тыс. жителей) Россия находится на третьем месте в мире; по числу краж – на пятом; по числу осужденных – на четвёртом [2].

Сегодня в РФ 28% всех преступлений совершается лицами моложе 25 лет. Только детьми в возрасте 14-15 лет в 2013 г. совершено 19718 преступлений [2]. В 62 воспитательных колониях отбывают наказание 5,9 тыс. детей. При этом криминологи отмечают, что несовершеннолетние преступники превосходят своих старших «товарищей» в дерзости и цинизме при совершении преступления. Значительная часть преступлений (10–12%) совершается подростками в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Проведённое нами исследование (методом фокус-группы, состоящей из 10 педагогических работников) показало, что самой главной причиной совершения правонарушений среди несовершеннолетних является неблагополучие в семье. Эту причину назвали 6 человек, по 2 человека высказались за «неэффективность нравственно-воспитательной функции школы» и «негативное влияние улицы».

Именно семья была и остается основным институтом социализации ребёнка, т. к. семье принадлежит основная роль в формировании нравственных начал и жизненных принципов. К сожалению, институт семьи в России переживает кризис. Растёт число неблагополучных семей, в частности, «неполных семей», семей с «неродным отцом», «гражданских семей», семей с низким социальным статусом, малообеспеченных семей и т. п.

По разным причинам семьи всё чаще сегодня самоустраиваются от выполнения одной из основных своих функций – воспитательной. Психологи советуют проводить «беседы» со своими детьми минимум 15 минут в день [3], а исследования показывают, что в настоящее время на общение с собственными детьми родители тратят в среднем не более 5 минут.

Положение усугубляется ещё и тем, что сегодняшние молодые родители – это люди 30–35 лет, детство которых пришлось на переломные 1990-е годы, когда о нравственном воспитании детей практически не вспоминали. К сожалению, именно такие родители сегодня своим поведением провоцируют детскую девиантность.

Установить уровень благополучности семьи (с точки зрения воспитания детей) очень сложно. Попытки выяснить реальное положение дел в семье путём опросов (включая анкетирование или индивидуальное интервью) оказываются неэффективными, поскольку в большинстве случаев родители (как правило, матери) либо вообще не отвечают на вопросы,

либо отвечают неполно, скрывая значительную часть информации. Не даёт ответа на вопросы (даже формального характера – о полноте семьи, отцовстве, наличии братьев и сестёр, совместности проживания и т. д.) и анализ совокупности документов, имеющихся в личном деле ребёнка.

В этой ситуации было принято решение воспользоваться таким методом, при котором сбор информации осуществляется без предварительного уведомления «обследуемых», т. е. преимущественно на «партизанских» принципах.

Был выбран проективно-диагностический метод, использующийся при оценке детско-родительских и сиблинговых отношений. За основу был взят метод, известный как «Рисунок семьи», который считается достаточно эффективным при оценке восприятия детьми младшего школьного возраста своего места в семье и выяснения отношения ребёнка к семье в целом и отдельным её членам.

Исследование проводилось в первом классе ОШ № 14 г. Севастополя.

Методика включала в себя: 1) рисование детьми в классе на стандартном листе бумаги цветными карандашами их семей; 2) оценку эмоционального воздействия рисунка на зрителей; 3) формализованный анализ структуры рисунка с точки зрения полноты нарисованной семьи (в сравнении с реальной); 4) содержательная характеристика рисунка, включая интерпретацию особенностей расположения фигур членов семьи и их графического изображения.

Были оценены 5 системокомплексов: благоприятность семейной ситуации, тревожность, конфликтность, чувство неполноценности и враждебность.

Анализ рисунков показал следующее:

- 1 рисунки людей очень вариативны. 70% из них – схематические изображения; 20% – полусхематические и 10% – правдоподобные. Такой результат свидетельствует о том, что лишь у 30% учеников умственный возраст не ниже хронологического (6–8 лет). Эта оценка совпадает с данными по успеваемости (чтение, письмо, счёт) и способности к логическому мышлению;
- 2 число фигур на рисунке совпало с данными о количественном составе семьи лишь в 40% случаев, при этом на двух рисунках фигуры людей вообще отсутствовали. Семья, как правило, изображалась в уменьшенном составе, как правило, без части братьев и сестер, что свидетельствует о внутрисемейной конкуренции и конфликтности сиблинговых отношений. На трёх рисунках состав семьи был увеличен, что может быть связано с неудовлетворёнными психологическими потребностями в семье;
- 3 в 40% случаев фигуры людей были монохромными, что говорит о безразлично-нейтральном или негативном (при рисовании черным цветом) отношении ребёнка к этим членам семьи;
- 4 на двух рисунках все фигуры людей изображены с поднятыми руками и длинными растопыренными пальцами, что свидетельствует об агрессивных побуждениях;
- 5 на 50% рисунков помимо фигур людей присутствовали (а в ряде случаев доминировали) дома, автомобили и т. п. Наличие таких предметов на рисунке семьи свидетельствует о приоритетности материальных благ в жизни семьи.

На основании проведённого анализа установлено: 1) реальный состав семьи существенно отличается от известного учителю; 2) примерно в каждой четвёртой семье ребёнок испытывает эмоциональный дискомфорт.

Эти выводы побудили нас провести дополнительное специальное изучение состава семей первоклассников. В результате было выявлено, что из 30 школьников 18 воспитываются в семьях с латентными признаками неблагополучия. А это 60% детей.

Результаты исследования были доведены до сведения родителей «респондентов», были восприняты адекватно и стали поводом для более внимательного отношения взрослых к улучшению психологического климата в семье. 13 родителей изъявили желание получить специализированную консультацию психолога, 2 – обратиться в социальные службы за помощью, и 2 – в органы опеки и попечительства.

Всё это позволяет утверждать, что рисунок может быть эффективным средством социологического исследования в части ранней диагностики предрасположенности детей младшего школьного возраста к девиантному поведению.

К сожалению, оценка рисунка во многом имеет субъективный характер и зависит от позиции эксперта. Поэтому к их подбору следует относиться очень внимательно.

Литература

- 1 Статистика и аналитика. Состояние преступности // МВД РФ. URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/>.
- 2 Статистические данные // Генеральная прокуратура РФ. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/>.
- 3 Гумеров Т. А. Преступность в молодёжной среде: анализ причин, профилактика // Молодой ученый. 2014. № 17.1(76.1). С. 8–10.

А. С. Иванова

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ONLINE-ОПРОСОВ СРЕДИ УЧАЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ИВАНОВА Анна Сергеевна – генеральный директор Некоммерческого Партнерства «Центр Политических и Психологических Исследований». E-mail: anna-cppr@yandex.ru.

Специфика проведения опросов среди детей и подростков характеризуется рядом организационных и содержательных особенностей. С одной стороны, данный объект исследования при условии проведения опроса в образовательных учреждениях позволяет оперировать большой выборочной совокупностью (так как чаще всего используется метод группового анкетирования), но, с другой, процедура проведения такого рода исследований требует большого подготовительного периода, включающего различного рода согласования.

Также к проблемной зоне опросов данной целевой группы следует отнести высокий процент получения некачественного материала, что обусловлено несерьезным отношением респондентов к процедуре опроса, а также различного рода психологическим дискомфортом, вызванным в их представлениях или ощущениях вторжением в личное пространство.

Решением данной проблемы, на наш взгляд, представляется проведение опросов данной целевой группы методом online-анкетирования, при условии заполнения анкеты на не связанных с учебным заведением ресурсах. Тем самым у респондентов снижается уровень напряжения, вызванного ощущением вторжения в его личное пространство, так как отсутствует непосредственный визуальный контакт с организаторами опроса. Таким образом, в восприятии молодого человека достигается уровень максимальной анонимности, который подкрепляется тем, что опрос осуществляется в сети Интернет, которая на сегодняшний момент для данной социальной группы является привычной формой их повседневной социальной жизни. Как показали проведённые в 2013–2014 гг. исследования, доля пользующихся интернетом, на примере учащихся Ленинградской области, составляет 99%, при этом из них 95% «постоянно» общаются в социальных сетях.

В качестве примера приведем наш опыт проведения исследования среди учащихся среднеспециальных и высших учебных заведений Ленинградской области, в котором, в качестве базового, использовался метод online-опроса⁶⁶. Общий объем выборочной совокупности составил 4000 респондентов, из них 500 респондентов были опрошены традиционным методом группового анкетирования с использованием бумажных носителей, а 3500 – методом online-опроса. Для опроса нами был использован специальный java-модуль [1].

Исходя из результатов сравнительного анализа применения двух методов сбора первичной информации, в т. ч. в сравнении с результатами аналогичных исследований, проведённых в 2012–2013 гг. также с использованием метода группового анкетирования на бумажных носителях (объёмом выборочной совокупности 3500 и 3000 респондентов соответственно), можно выделить следующие преимущества использования именно online-методов при исследовании учащейся молодёжи:

- 1 исключена потеря анкет. Так при опросе с помощью бумажных анкет респонденты по тем или иным причинам не всегда их возвращали. Так в 2013 году не вернулось из учебных заведений около 270 анкет;
- 2 исключена возможность не заполнить до конца анкету. В модуле отсутствует возможность сохранить анкету, если она не пройдена до конца. При опросах на бумажных носителях количество незаполненных до конца анкет в 2012 г. составило 70 анкет, а в 2013 – 100;
- 3 исключена возможность пропуска вопросов. Так как модуль не даёт возможности перейти к следующему вопросу, не ответив на предыдущий, а также выборочно ответить только на «понравившиеся» вопросы анкеты;
- 4 исключена возможность заполнения блоков вопросов, не относящихся к ранее выбранному варианту ответа, если выбран вариант ответа, предусматривающий переход;
- 5 значительно снизилось количество «несерьёзно» заполненных анкет. По результатам этого опроса, количество анкет полностью или частично заполненных в несерьёзной манере составило всего 10 шт., тогда как в 2012 г. таковых было не менее 60 шт., а в 2013 г. – не менее 50 шт.

⁶⁶ Опрос проводился в рамках государственного контракта № 2014.285353 на оказание услуг по проведению социологического опроса по вопросам противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту, заключённого с комитетом по печати и связям с общественностью Ленинградской области.

Таким образом, можно говорить, что использование метода online-опроса при проведении исследований специфических целевых групп, таких как учащаяся молодёжь, повышает качество получаемых результатов.

Литература

- 1 Иванова А. С., Иванова А. С.. Опыт проведения online-опроса целевой группы в социальных исследованиях (на примере опроса научных работников Санкт-Петербурга) // Третья международная научно-практическая социологическая конференция "Продолжая Грушина". 28 февраля – 1 марта 2013 г. Материалы конференции. М: ВЦИОМ, 2013.

Т. В. Игнатова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ «ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ» МОЛОДЁЖИ

Политическая активность российской молодёжи наиболее интенсивно изучается в связи с избирательными кампаниями разного уровня, электоральными намерениями и поведением различных групп населения, ориентациями молодёжи на те или иные политические группировки или фигуры. Однако вопросы, связанные с функционированием сформированных в России политических институтов представительной демократии, затрагивают лишь наиболее очевидные и лежащие на поверхности проявления социально-политической активности и партиципации.

Низкий общий уровень участия молодёжного электората в выборах, за исключением президентских, помимо роста индивидуализма, объясняется быстрой девальвацией самого института политических выборов: в целом по России, по некоторым оценкам, ежегодно проходят в среднем около 500 выборов – от выборов президента, Государственной Думы, до выборов руководителей субъектов Федерации, депутатов законодательных собраний, районных законодательных собраний, руководителей органов местного самоуправления. Как правило, в результате выборов, независимо от их исхода, в повседневной жизни большинства населения ничего не улучшается. Молодёжь, не связанная традициями и идеологическими установками, более прагматичная, чем старшее поколение, не видит особого смысла в таких формах своего участие. Также и в сфере молодёжной политики, теоретически призванной решать проблемы молодёжи, общая тенденция к концентрации власти в руках «элит», кризис выборных органов самоуправления, все меньше прозрачность процессов принятия решений и распределения ресурсов оставляют мало шансов на реальное участие в выработке и реализации молодёжной политики самих молодых людей, их немногочисленных организаций, движений и групп.

Тем не менее, молодые жители Орловской области демонстрируют достаточно высокую политическую активность, что подтверждается ответами на вопрос о частоте голосования в ходе избирательных кампаний (табл. 1).

Таблица 1 – Частота участия в голосовании, %

Как часто Вы принимаете участие в голосовании на выборах:	Всегда		Иногда		Никогда	
	2011	2014	2011	2014	2011	2014
1) Президента	74,4	78,1	18,7	16,5	6,9	5,4
4) Государственной Думы	54,9	51,7	30,9	29,4	14,2	18,9
5) Мэра / Главы района	57,2	56,6	28,4	28,2	14,4	15,2
6) Областного совета народных депутатов	46,5	44,6	32,8	32,1	20,8	23,4
7) Городского / сельского совета народных депутатов	48,1	43,9	30,2	31,3	21,7	24,8

Таким образом, практически не изменившиеся результаты позволяют говорить о том, что большинство опрошенных молодых людей, реализуя своё активное избирательное право, готовы взять на себя ответственность за происходящее в стране и в регионе. Данное обстоятельство, в свою очередь, позволяет говорить о том, что в случае резкого ухудшения социально-экономической и политической обстановки и отсутствия легитимных способов воздействия на власть, политическая активность населения может быть принята формы публичного выражения протеста.

Среди основных причин личного участия в массовых протестных акциях респонденты в 2011 и в 2014 г.г. отмечены коррупция, ситуация в сфере ЖКХ, уровень пенсий, зарплат и стипендий, рост цен, а также рост цен на товары и продукты первой необходимости. При этом в последнем случае количество отметивших проблему увеличилось с 3,0% в 2011 г. до 16,3% в 2014 г. Подобная тенденция, хотя и с меньшей разницей в показателях, распространяется и на проблему пенсий, зарплат и стипендий: 15,7% в 2011 г. и 24,6% в 2014 г. Однако говорить о превалировании исключительно социально-экономических факторов было бы преждевременно. В 2014 г. в число политических факторов в связи с событиями на Украине респонденты включили «войну, всеобщую воинскую обязанность» - 1,2% и ситуацию с беженцами - 0,3%, при этом данный фактор упоминался отдельно от межнациональной проблематики и ущемлении прав русского населения (табл. 2)

Таблица 2 Действия властей, способные стать причиной личного участия в массовых протестных акциях

Проблема	2011		2014	
	Доля выделивших проблему, %	Важность проблемы (1 – самая важная, 16 – наименее важная)	Доля выделивших проблему, %	Важность проблемы (1 – самая важная, 16 – наименее важная)
ЖКХ	24,4	1	20,2	2
Рост цен	22,2	2	14,1	3
Пенсии, заработные платы, стипендии, пособия	18,3	3	24,2	1
Бездействие властей	10,1	4	5,5	9
Безработица	8,0	5	8,5	6
Беззаконие, беспредел властей	7,5	6	6,3	7
Коррупция	6,5	7	9,5	5
Ущемление прав	5,8	8	1,6	14
Налоги	5,0	9	4,4	10
Низкий уровень жизни	5,0	10	3,4	12
Политические проблемы	4,3	11	4,0	11
Сокращение рабочих мест	3,5	12	2,8	13
Рост цен на товары (продукты) первой необходимости	3,5	13	10,9	4
Война, воинская обязанность		14	5,9	8
Беженцы, миграция		15	0,6	15
Митинг, бунт		16	0,4	16

В современный период, отмеченный, с одной стороны, стремлением к радикальной трансформации отношений собственности, к коренным изменениям политической структуры, а с другой – тотальным кризисом во всех сферах общественной жизни, необходимо усиление внимания к проблемам молодёжи, так как именно она занимает важнейшую позицию в общественном воспроизводстве.

Обострение проблем молодёжи, связанное с ухудшением её социально-экономического положения в условиях затянувшихся трансформационных и модернизационных процессов, происходящих в современном российском обществе, сопровождается снижением доверия к эффективности основных демократических институтов, ростом абсентеизма и распространением правового нигилизма в молодёжной среде. Данная тенденция связана с риском расширения нелегитимных форм политического участия и увеличения проявлений экстремизма среди современной российской молодёжи. Особую значимость эта проблема приобретает для «провинциальной» молодёжи, характеризующейся большей фрустрацией потребности в социально-экономической защищённости. Как отмечается в аналитическом докладе Центра стратегических разработок, лидерство по накоплению протестного потенциала сегодня переходит от столицы к другим региональным центрам, к российской «глубинке». В то же время, как свидетельствуют данные доклада ООН, несмотря на актуальность данной проблемы, механизмы участия российской молодёжи в общественно-политической жизни остаются практически не изученными, при этом в имеющихся на сегодня исследованиях крайне редко представлены «молодые люди с периферии».

Изменение характера политического участия молодёжи взаимосвязано с трансформацией системы ее ценностных представлений, заключающейся в переориентации с традиционных, «просоциальных» на постмодернистские индивидуалистические ценности.

По словам Президента Российской Федерации В. В. Путина, самым главным сегодня становится вопрос «о ценностях, о нравственных основах, на которых мы можем и должны строить нашу жизнь, воспитывать детей, развивать общество, в конечном итоге укреплять нашу страну. От того, как мы воспитаем молодёжь, зависит то, сможет ли Россия сберечь и приумножить саму себя. Сможет ли она быть современной, перспективной, эффективно развивающейся, но в то же время сможет ли не растерять себя как нацию, не утратить свою самобытность в очень непростой современной обстановке. Как показывает, в т. ч. и наш собственный исторический опыт, культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды – это сфера жёсткой конкуренции, порой объект открытого информационного противоборства [1].

В новой социально-политической, нравственной и информационной ситуации в России происходят динамичные и глубокие изменения социальных характеристик молодого поколения. При этом выявляются региональные, социально-экономические различия, поло-возрастные особенности разных слоёв и групп молодёжи. Отсюда познание и формирование социальных интересов, новых мотивов и устремлений молодёжи являются необходимым условием становления гражданского общества в России.

Литература

- 1 Стенограмма встречи Президента России В. В. Путина с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи 12 сентября 2012 года. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/16470/work> (25.08.2013).

Е. А. Колосова
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ И ДЕТСТВА
(ПРАКТИКУМ)

КОЛОСОВА Е. А. – кандидат социологических наук, зав. отделом социологии, психологии и педагогики детского чтения Российской государственной детской библиотеки, доцент РГГУ. E-mail: the_shmiga@mail.ru.

В современном обществе существует относительно устойчивый спрос на социологическую информацию. Во-первых, со стороны государственных структур. Результаты инициированных ими исследований традиционно выступают одним из аргументов для принятия управленческих решений различного уровня. Во-вторых, активно востребованы исследования, направленные на выявление политических настроений и предвыборных ориентаций населения. Есть интерес к социологическим данным и со стороны СМИ [1, с. 130].

Помимо этого, за последние десять лет серьёзно расширился круг потребителей научных знаний о детях, и кроме традиционных специалистов (педагогов, психологов) сюда вошли руководители детских объединений, работники социальных учреждений, юристы, в том числе уполномоченные по правам ребёнка, работники госструктур, комитетов по молодежной политике, создатели детских средств массовой коммуникации [2, с. 351].

В Российском государственном гуманитарном университете на социологическом факультете подготовлена новая магистерская программа «Социология семьи, детства и гендерных отношений», руководителем которой является д. с. н., профессор В. В. Солодников. Данная программа нацелена на подготовку социологов-исследователей и практиков в области семьи, детства и гендерных отношений. Выпускники программы получают возможность:

- работать в (не)государственных организациях, разрабатывающих и реализующих социальную политику, ориентированную на детей, семью и гендерные отношения;
- заниматься преподаванием социологии в университетах;
- проводить исследования в области социологии семьи, детства и гендера.

Дисциплина «Социологические методы исследования семьи и детства (практикум)» является частью профессионального цикла подготовки студентов по направлению подготовки 39.04.01 Социология (уровень магистратуры). Содержание дисциплины охватывает кратко теоретические и практико-прикладные вопросы использования социологических методов, которые применимы при исследовании семьи, детства и гендера.

Курс рассчитан на 108 часов – 10 лекционных, 26 практических занятий, остальное время отдано на самостоятельную работу студентов. Лекции содержат материал, включающий авторскую позицию по теме, а также обобщающие данные российских и зарубежных исследователей по рассматриваемым проблемам.

Предлагаемый курс опирается на теоретические знания по общественным и гуманитарным дисциплинам, полученные студентами в процессе обучения в бакалавриате, и ориентирован на сознательное освоение методики и методологии проведения исследований в области социологии семьи, детства и гендера.

В основу курса положен междисциплинарный (педагогика, психология, социология) проблемный подход и системный принцип изложения.

В лекционном блоке рассматривается специфика проведения социологических исследований в области социологии семьи и детства. Особенности проведения социологических исследований в семье в первую очередь связаны со спецификой выборки. При социологическом опросе семьи необходимо опрашивать всех участников семейного взаимодействия: жену, мужа, детей, а иногда и других родственников. Возникают проблемы и сложности построения внутрисемейной выборки и мотивации респондентов. Семейная проблематика – личностная, интимная сторона жизни, и поэтому далеко не все респонденты проявляют искренность [3, с. 349]. При проведении опросов семей немаловажным является выбор места и времени опроса.

Что касается изучения такой целевой группы, как дети, принципиальным является использование не традиционных, а специфических методик. Допускается конструирование особых методик с использованием игры, графики, рисунков, которые учитывали бы специфику психического и общего развития личности [2, с. 351]. Именно использование так называемых «мягких» методов способствует получению более качественной и полной информации.

Отдельный раздел лекционного материала посвящён объекту и предмету исследования гендерной социологии. Рассматриваются три направления в гендерной теории: традиционно-философское; феминизм; теория социального конструирования гендера.

Методический инструментарий изучения семьи, брачно-супружеских и детско-родительских отношений включает такие методы, как интервью, метод неоконченных предложений, психодиагностические методы изучения семьи, адаптированные для социологического исследования.

Специально рассматриваются неопросные методики изучения семьи и детства, к которым относятся следующие: включённое/невключённое наблюдение; социографические методы изучения детства; социальное картографирование; метод коллизий, метод коллажа, метод символического пространства, современные методы моделирования.

Гендерная автобиография как метод изучения механизмов гендерной социализации, исследование гендерных стереотипов методом личностного семантического дифференциала, а также изучение гендерной идентичности методом фокус-группы изложены в лекционном материале.

Практические занятия направлены главным образом на отработку предложенных методов выборочно на примере одной семьи. Задача студентов предложить тему/проблему, которую они будут изучать в рамках курса, а после получения теоретического материала выполняют практическое задание, используя свой интеллектуальный потенциал, умение систематизировать различную информацию и на её основе делать умозаключения.

Таким образом, в ходе изучения данного курса студенты получают практические навыки использования конкретных методов для получения эмпирической информации по заданной теме, отрабатывают процедуры сбора, обработки и анализа эмпирических данных для разных исследовательских задач.

Литература

- 1 Гришина Е. А. О тенденциях в практике научно-исследовательских работ по социологии // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 130–135.

- 2 Майорова-Щеглова С. Н. Особенности проведения социологических исследований: при исследовании детства // Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований: темат. слов.-справ. / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 351–353.
- 3 Шевченко И. О. Особенности проведения социологических исследований: при изучении семьи // Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований: темат. слов.-справ. / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 349–351.

Э. С. Клюкина
ДЕТИ ОТДАЛЁННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ КРАЙНЕГО СЕВЕРА:
РЕСУРСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНОВ

КЛЮКИНА Э. С. – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Кольского филиала Петрозаводского государственного университета. E-mail: klukina_elina@arcticsu.ru.

Детское население отдалённых поселений российского Крайнего Севера является труднодоступным объектом социологических исследований по целому ряду причин. Вместе с тем, результаты социологического анализа системы показателей жизнедеятельности юных северян (системы установок, социальных и профессиональных ориентаций, представлений о будущем и др.) могут явиться основой для разработки прогнозов и планов развития северных территорий страны.

Российский Крайний Север сегодня представляет средоточие острых социальных проблем. Не является исключением и Мурманская область (называемый также Кольским Севером – прим. автора) – единственный регион, почти целиком расположенный в арктическом поясе и в то же время наиболее близкий к главным промышленным центрам страны. Так, результаты проведенных нами исследований позволяют говорить об ограниченности целого ряда ресурсов северян (экономических, ресурсов здоровья и т. д.). В условиях трансформации российского общества обострились проблемы социальной дифференциации, неравенства в доступе к ресурсам, в том числе к активам, позволяющим компенсировать проживание населения в неблагоприятных условиях Крайнего Севера, являющегося «зоной риска» по многим показателям [2, 3]. Индикатором осознания факторов риска жизни на Крайнем Севере являются устойчивые миграционные настроения северян и, как следствие, миграционные практики, на которые влияют как объективные, так и субъективные факторы. Выезд людей за пределы региона является одной из основных причин стойкого снижения численности населения Мурманской области за последние 25 лет (так, за период 1989–2014 гг. численность населения региона сократилась на 33,7%: с 1164,6 до 771,1 тыс. жителей). Выполненные экспертами прогнозы численности населения региона показывают дальнейшее её снижение [1, с. 51]. Внимания требует также решение проблемы сохранения здоровья населения, проживающего в неблагоприятных условиях Крайнего Севера, особенно детского, показатели заболеваемости которого по некоторым классам болезней превышают среднероссийские в 1,7 раза.

На фоне констатации негативных медико-демографических тенденций перед исследователями социальных проблем Кольского Севера стоит задача использовать прогностический потенциал социологических исследований для анализа ресурсов жизнедеятельности населения северных территорий, планов северян, в особенности – детей.

Результаты проведённого анализа научных публикаций учёных региона показывают, что большинство социологических исследований такого объекта как дети (преимущественно это такие социальные группы, как школьники, учащиеся учреждений начального и среднего профессионального образования) проводятся в областном центре и городах центральной части региона. Нам же предстояло выяснить, на какие ресурсы для реализации своих жизненных планов рассчитывают дети, проживающие в отдалённых поселениях Мурманской области, поскольку их голоса остаются, как правило, не услышанными при проведении большинства региональных социологических исследований.

Для того чтобы понять систему ценностей, социальных ориентаций юных жителей разных типов поселений Мурманской области в период с октября 2013 г. по февраль 2014 г. был проведён опрос учащихся 10-11-х классов школ нескольких населённых пунктов центральной и южной частей региона. Выбор границ объекта обусловлен тем, что старшеклассники – это будущие выпускники школ, абитуриенты, первокурсники с самыми общими представлениями о себе, своей семье, своем будущем, в том числе – профессии, которую они хотели бы избрать, а также об обществе в целом. Кроме того, после окончания школы им предстоит принять решение – уехать или остаться на Крайнем Севере.

Общая численность опрошенных школьников составила 259 человек, из них 44,4% (115 человек) – это дети, проживающие в отдалённых населённых пунктах (г. Ковдор, п.г.т. Ревда и Умба) с численностью населения меньше 20 тысяч человек (19,791, 7,979 и 5,024 тыс. соответственно).

Представим описание объекта исследования по группе детей из этих трёх поселений ($n_{\text{отдал}}=115$ человек).

Большинство респондентов (87,0%) родились в Мурманской области. 85,4% обучались в специализированных классах (небольшая доля обучающихся в общеобразовательных классах объясняется отсутствием профильного обучения в школе и, как следствие, возможности выбора специализации). Половина опрошенных высоко оценили свою успеваемость (учились на «хорошо», «хорошо и отлично», «отлично»).

В полных семьях воспитываются $\frac{2}{3}$ опрошенных детей. У половины респондентов матери имеют высшее образование. Наличие высшего образования у отца отметил каждый третий школьник, принявший участие в опросе (при этом каждый пятый не ответил на вопрос об образовании отца). Родители детей – это, в основном, наёмные работники; доля предпринимателей невысока (своё дело имеют 9,6% отцов и 6,1% матерей). Большинство (85,2%) участников исследования высоко оценивают уровень жизни своих семей, что коррелирует с данными опросов коллег, согласно которым дети склонны давать более высокие оценки экономического положения своих семей, чем их родители.

Как показали результаты опроса, после завершения учёбы в школе респонденты планируют (ранжирование по степени значимости) получить образование (высшее – 74,9%; начальное и среднее профессиональное – 11,3%), устроиться на работу (9,6%), продолжить образование за границей (6,9%), пройти службу в армии (1,7%). Весьма неопределённым будущее является для 15,7% опрошенных школьников.

Для реализации своих жизненных стратегий дети планируют уехать из отдаленных поселений. Так, ориентация на то, чтобы уехать из населенного пункта, была обнаружена у 94,8% опрошенных школьников. При этом $\frac{3}{4}$ из них планируют уехать, так как в родном поселении нет возможности продолжить обучение. В то же время установки на то, чтобы остаться в регионе, переехав после окончания школы в другой город области для получения образования, были выявлены у каждого третьего школьника – жителя отдалённого поселения. При этом одним из ведущих мотивов продолжения обучения является именно получение знаний.

Основными активами для реализации жизненных планов школьников являются человеческие ресурсы, связанные преимущественно с ориентацией на достижения в учёбе: высокий уровень успеваемости, мотивация на получение знаний при продолжении обучения после окончания школы. Наличие экономических ресурсов остается под вопросом, поскольку данные школьниками высокие оценки экономического положения своих семей требуют проверки. Если анализировать социальные биографии школьников (образование родителей, их профессиональные навыки, экономическое положение семей), то у детей обнаруживаются ярко выраженные установки на повышение статуса своих семей.

Особое значение, на наш взгляд, имеет проведение исследований с расширением географии опроса (неохваченными остаются отдалённые поселения на севере Мурманской области, в т. ч. имеющие статус закрытых территориальных образований), а также сравнительных межрегиональных эмпирических исследований, целью которых стало бы выявление общего и специфического в изучении ресурсов для реализации жизненных стратегий детей, проживающих в районах Крайнего Севера.

Литература

- 1 Каспарьян Ж. Э. Историческая ретроспектива исследований проблемы разработки и реализации социальной политики в условиях Кольского Севера: к постановке проблемы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. Выпуск 5. С. 48–58.
- 2 Клюкина Э. С. Качество жизни молодых северян // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. Выпуск 5. С. 136–146.
- 3 Клюкина Э. С. Природные риски и качество жизни молодёжи на Кольском Севере: к постановке проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 2 (Региональный выпуск). С. 179–186.

И. Д. Краснов

ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПОПУЛЯРНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ ВНУТРИ УЧЕБНЫХ ГРУПП (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ В МОСКВЕ)

КРАСНОВ Илья Дмитриевич – студент 3 курса бакалавриата, департамент социологии НИУ-ВШЭ. E-mail: kopasovsky@gmail.com.

Взгляд позитивной психологии и социометрического анализа одновременно достаточно редко направлен в изучении проблем школьников. На данный момент, пособия для школьных

психологов не предлагают современного и эффективного метода определения проблемных и успешных в плане социализации школьников, оставляя их часто за бортом складывающихся внутригрупповых взаимоотношений.

В современных условиях, когда очевидна тенденции всё более раннего начала переходного возраста, есть шанс, что школьники осуществляют более раннюю переориентацию с перцептивной на социометрическую форму оценивания. Необходим инструмент, позволяющий определить поведенческие характеристики учеников за счёт их оценки со стороны одноклассников в обход не всегда точной и поддающейся субъективным факторам самооценки.

Данное исследование, в силу этических предостановок было направленно, в первую очередь, на измерение позитивного проявления лидерства в школьных группах, как в социометрическом, так и в перцептивном измерении. Доклад на конференции посвящён разъяснению способов оценивания школьников друг друга, хронологии проведённого исследования в одной из школ Москвы, разработанной анкете с достаточно неординарным подходом и данным, которые были получены в результате исследования с логическими выводами.

Суть исследования

Существуют так называемые методы и параметры, по которым происходит оценка популярности ученика со сторон его одноклассников. Первые разбиваются на две большие группы поведенческие и приписываемые. В первом случае мы имеем дело с формой поведения учеников по различным характеристикам, на которые ученик имеет возможность повлиять. Во втором, речь идёт о тех параметрах, на которые школьник редко может повлиять в своем возрасте (пол, социальный статус, внешность и т. д.), и они не попадают под внимание исследования, т. к. требуют совершенно иных подходов к развитию толерантности школьников.

Параметры в свою очередь формируют оценки поведенческих характеристик учеников. В различных исследованиях указываются различные наборы таковых, однако основным является подход, выявленный в рамках большого качественного исследования (Parkhurst & Normeyer, 1998) и включающий в себя следующие паттерны поведения: общительность, агрессия, дружелюбие, успеваемость, мировосприятие.

В свою очередь агрессивность влияет позитивно лишь на перцептивную популярность, то есть определение лидера основываясь на его внешних проявлениях как лидера и авторитетного лидера, способного выражать интересы группы. Дружелюбие и успеваемость положительно влияет на социометрическое лидерство, которое заключается в истинной востребованности ученика, основанном на собственном опыте взаимодействия учениками в группе.

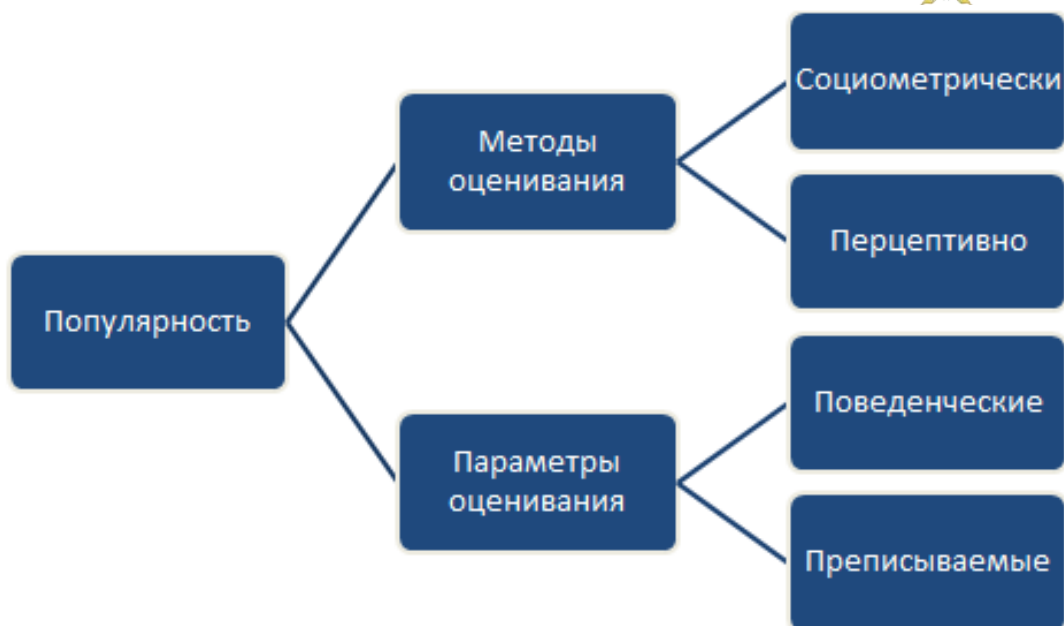

Рисунок 1 – Модель формирования оценки популярности учеников в учебной группе

На данный момент в России имеется лишь единичный пример подобного исследования, который был организован научным коллективом петербургского кампуса НИУ-ВШЭ, который был направлен лишь на влияние успеваемости в классах с высокой и низкой академической культурой (Titkova, Ivaniushina & Alexandrov, 2013). Методы и формат исследования носили достаточно специфичный характер, так оно находилось в рамках выполнения гранта по достижению высокой успеваемости учащихся.

Данное же исследование было призвано для фиксации зарождающихся различий внутри единой системы представлений школьников о своих сверстниках в рамках перехода от перцептивного восприятия группы к социометрическому. С данной целью была разработана анкета с достаточно редким форматом параллельного оценивания своих одноклассников.

Учеников просили выбрать троих своих самых близких друзей и троих самых ярких и заметных одноклассников. В случае совпадения, учеников просили обвести в круг одного из друзей и оставить пустой одну из колонок с «явными лидерами». Таким образом, каждый из учеников отвечал на ряд вопросов о своих одноклассниках.

В силу особенностей возраста очень важной являлась разработка дизайна, который был комфортным, удобным, быстрым и понятным для заполнения. Также в нее был включен ряд вопросов, касавшихся непосредственно самих анкетирруемых. Однако ответы на них в сам анализ не были включены. Более подробно с анкетой можно ознакомиться в приложении к данным тезисам.

В самом исследовании участвовали 116 учеников московской школы №1058. Все они на момент опроса проходили своё обучение в 5 и 6 параллелях. Среди них 53% были девочками, а 47% мальчиками. В конце анкеты респондентам задавался вопрос о трудности заполнения анкеты и, несмотря на все опасения, 84% учеников сказали, что существенных проблем у них не возникало. И в конце каждый из учеников получил небольшой поощрительный приз.

Особым этапом стало внесение данных в общую базу SPSS. Перед исследователем стояла задача сравнить образы перцептивно и социометрически популярного ученика, таким образом ученик, отвечая на вопросы для каждого из одноклассников давал по три ответа для каждого из типов. Таким образом, собирался суммарная шкала из 12 делений по формуле:

$$Q_{\text{итоговая}} = (Q_1 + Q_2 + Q_3) / 3.$$

Выводы

Основной задачей стало сравнение средних по данным средним оценкам учеников с последующим построением доверительных интервалов. Почти все вопросы были приведены к четырех-балльной шкале с логичными данной расстановке вариантами ответов.

Итоговое сравнение показало, что доверительные интервалы по вопросам, связанным с общительностью, совпали, что фактически означает однонаправленное влияние на оба типа популярности. Причём по каждому из вопросов получились результаты, которые вполне могут описать именно общительного ученика.

По вопросам агрессивности ни один из интервалов не совпал. Перцептивные лидеры, те кого ребята считали самыми заметными в классе, продемонстрировали свою большую агрессивность по сравнению с теми ребятами, кто являлся «друзьями». Так, к примеру, ребят, которые готовы начать драку с одноклассником, среди перцептивных лидеров было в два раза больше. А готовых вступить в конфликт с преподавателем оказалось в три раза больше, нежели среди тех, с кем предпочитают дружить.

В оценки позитивного мировосприятия было установлено, что в обоих случаях более 92% ребят обычное настроение является скорее радостным. Именно их воспринимают как друзей и как лидеров группы в целом. Различий между этими двумя типами не обнаружено.

Также ребят спрашивали об оценке важности успехов в учёбе, спорте и искусстве описываемых учеников. Интервалы не совпали в вопросе об учёбе – те, кого считают друзьями, больше заинтересованы в образовательных успехах. По спорту и искусству результаты совпали. Так для обоих типов скорее важны успехи в спорте и более индифферентны успехи в творчестве.

Исследовалось и влияние дружелюбности, две пары интервалов из трёх не совпали – так называемые «друзья» заметно искреннее своих перцептивно популярных коллег. Также ребята выразили более высокое доверие в важных для них просьбах к этим ребятам.

По теме успеваемости ни один из интервалов не совпал. Социометрически популярные ребята имеют высокие оценки, они более ответственно подходят к заданиям и получают большее удовольствие от процесса обучения.

Таким образом, все основные гипотезы были подтверждены, что означает наличие в системах оценивания уже в возрасте 11–13 лет. Плюс к этому, по полученным данным были сделаны и другие выводы, касающиеся обоих типов популярных ребят.

В качестве целей возможного доклада исследователь видит следующие моменты:

- 1 Обмен опытом проведения исследования среди ребят, проходящих начальный этап переходного возраста. Обсуждение проблем доступа и ограничений при сборе данных.

- 2 Пояснение двойственности подхода по определению популярности учеников. Возможности для определения потенциала популярности каждого из учеников в рамках учебной группы.
- 3 Обсуждение важности дизайна и формата анкет в рамках количественного анализа среди подростков. Подготовка анкеты приятной и интересной на взгляд анкеты стандартными средствами в достаточно короткий срок.
- 4 Рассказ об опыте применения суммарных шкал в рамках выяснения общих представлений ученика об образах его одноклассников.

Литература

- 1 Sociometric Popularity and Peer-Perceived Popularity: Two Distinct Dimensions of Peer Status / Parkhurst J. and Hopmeyer A. // The Journal of Early Adolescence May 1998 vol. 18 no. 2 125-144
- 2 Sociometric Popularity in a School Context / Titkova V., Ivaniushina V. and Alexandrov D. // EDUCATION WP BRP 10/EDU/2013

П. С. Макеев

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В СТРУКТУРЕ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО ДИАЛОГА

МАКЕЕВ П. С. – аспирант кафедры социологии социальной сферы Российского государственного социального университета. E-mail: makeevps@gmail.com.

У каждого поколения своё детство и свой особый тип детства. Каждое поколения включает в себя определённый набор социальных групп, которые на протяжении активного периода межпоколенческого диалога, обеспечивают процесс социального воспроизводства опыта в различных сферах жизнедеятельности общества.

Знание и понимание механизмов и функций детской/подростковой/юношеской субкультур, реально существующей субкультурной сети, которая «соткана» подрастающим поколением России как ответ на состояние социокультурного и информационного пространства, может позволить выстроить эффективный межпоколенческий диалог в российском социальном пространстве. Именно в форме такого диалога возможно нравственное и интеллектуальное насыщение информационной среды подрастающего поколения и, в свою очередь, обновление и обогащение общества путём коммуникации с юным человечеством, т. е. переход к этапу равноправного диалога поколений. Зафиксированное изменение места юного человека в системе социальных коммуникаций, а значит и в обществе, является индикатором общемирового процесса перехода к «префигуративной», как её обозначила Маргарет Мид, или диалоговой цивилизации. Современные социальные практики нуждаются в социологически обоснованной программе исследования детства, рассматривающей детей и подростков не только как "ещё-не-взрослых", а как объект и самобытный субъект всеобщих процессов цивилизации и модернизации.

Рассмотрение и изучение проблем подрастающего поколения с позиции межпоколенческого анализа стало особенно актуальным в последние десятилетия. В настоящее

время, по крайней мере с девяностых годов, как считает Ю. Левада, замкнутая «вертикальная» структура общества необратимо разрушена, появились контуры общества, которое вынуждено обращаться не к традиционным, а к современным референтам. В современном обществе поколения сопряжены друг с другом, довольно долго сосуществуют, влияют друг на друга [3, с. 230–240]. В такой социальной плоскости происходит поколенческое взаимовлияние детей и взрослых – составляющей общества, двух частей воспроизводственной структуры. И в этой горизонтальной плоскости информационный обмен возможен при соблюдении позиций «равных», как диалог.

Современный этап формирования межпоколенческого диалога можно выделить в границах с 1990 г. по настоящее время. Одним из показателей этого выделения является начало процесса формирования новой роли детей и молодежи в обществе. События 1991 г. разрушили те устои и ценности, на которых держался авторитет старших. Поколение молодых оказалось в ценностном вакууме и должно было самостоятельно ориентироваться в жизни.

По версии М. Мид, история культуры, рассматриваемая с точки зрения эволюции способов взаимодействия поколений в сфере трансляции социального и культурного опыта, может быть представлена как последовательное становление культурных типов. Маргарет Мид делает из этнографического анализа цивилизации радикальный вывод и выдвигает отношение к детству в качестве критерия социального прогресса. Концепция М. Мид схватывает зависимость межпоколенных отношений от темпов научно-технического и социального развития, подчёркивая, что межпоколенная трансмиссия культуры включает в себя информационный поток не только от родителей к детям, но и наоборот: молодёжная интерпретация современной ситуации и культурного наследия оказывает влияние на старшее поколение. Теорию, предложенную М. Мид, можно положить в основу выделения этапов формирования межпоколенческого диалога как социального взаимодействия поколений в России.

Общие направления и принципы социологического анализа поколенческой проблематики, заложенные немецким социологом Карлом Мангеймом. Наиболее актуальным, по мнению автора, является понимание особенностей поколенческой группы через внутреннюю дифференциацию поколения, которая служит инструментом для измерения меры и конкретной направленности долговременных социальных изменений. Индивидуализация поколенческих практик, составных частей поколенческой когорты, наиболее точно указывает на происходящее в изменяющемся социальном мире. Этот факт подтверждает появление концепции «жизненного пути» (life course), которую разработал и обобщил американский учёный Г. Элдер [4].

Проблематика жизненного пути является результатом изменения в понимании и изучении человеческой жизни. Данная тенденция имеет различные направления, включая макромир возрастной стратификации [1], культуру и межпоколенческие модели [2], анализ воздействия социальных сил, которые формируют жизненный путь (Elder 1985:23-49).

Важный принцип изучения жизненного пути - принцип *взаимозависимых жизней*. Он отражает взаимодействие между социальными мирами отдельных людей в течение всей жизни. В значительной степени макроисторические события переживаются людьми через такие миры.

Подобного рода исследования взаимодействия времени и жизненного пути используют две перспективы: поколенческую и возрастную. Поэтому концептуальный синтез основополагающих понятий парадигмы жизненного пути осуществляется посредством слияния двух подходов — модели поколения и модели возраста. Модель поколения рассматривает

индивидуальные жизни в терминах воспроизводства жизненного цикла в межпоколенческих процессах и социализации. К этой точке зрения близки исследования в рамках двух или трёх поколений тенденций, направляющих эти процессы (Rossi A., Rossi P. 1990). Кроме того, межпоколенческий подход весьма популярен в изучении социального изменения.

С точки зрения социологической теории, неравенство перестаёт быть ценностно негативным понятием; неравенство начинает пониматься как инакость, непохожесть, в конце концов как плюрализация и индивидуализация жизненных и культурных стилей. Говоря о данном процесс, нельзя не затронуть тему биографизации жизни и жизненных стратегий. Изменение уровня социальной безопасности, снижение уровня жизни, размывание классовой структуры существенно изменили организацию индивидуальных биографий. Жизненные планы стали предусматриваться на гораздо более долгий, чем раньше, период; стало возможным говорить о «биографизации поведения и переживания» и о «жизненных программах», внешне напоминающих карьерные планы в профессиональной деятельности, но, по сути, не сводимые к последней, а ориентированные на личностную реализацию в самых разных, а иногда и в нескольких одновременно, сферах жизни.

Стремление к ранней биографизации детских жизненных сценариев можно проследить по результатам исследований немецких социологов во главе с П. Бюхнером. На основе данных, полученных при всестороннем и конкретном изучении 12-летних детей и их родителей в трех различных европейских регионах (Западная Германия, Восточная Германия и Нидерланды), была представлена категориальная схема для исследования воздействия процессов модернизации на повседневную детскую жизнь. Теоретические особенности данного проекта исходили из факта подверженности повседневной жизни современных детей влиянию общего движения в сторону модернизации и цивилизации, что почти целиком упущено в направлениях традиционного исследования детства.

Анализ объекта позволил учёным изучить данную тематику в трех основных областях. Во-первых, в рамках немецкого проекта был подвергнут рассмотрению процесс перехода от детства к юности и в особенности «ранняя биографизация» течения детской жизни, которая обсуждается в работе. В трёх выбранных регионах сравнили пути осуществления детьми этого биографически значимого перехода на основе различных ресурсов и видов на своё будущее.

Литература

- 1 Elder G. H. Jr. Age Differentiation and the Life Course// Annual Review of Sociology. 1975. Vol. 1. P.165–190.
- 2 Kertzer D. I., Keith J. (eds.) Age and Anthropological Theory. Ithaca; Cornell University Press, 1984.
- 3 Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 240 с.
- 4 Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений в условиях трансформирующегося общества. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Pokolenie_transf_obschestvo_Semenova.pdf.

С. Н. Майорова-Щеглова
АНКЕТИРОВАНИЕ ДЕТЕЙ: ОШИБКИ ТЕКСТОВ И СМЫСЛОВ

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА Светлана Николаевна – д. с. н., профессор кафедры прикладной социологии РГГУ. E-mail: sheglova-s@yandex.ru.

На примерах конкретных социологических исследований детской аудитории хотелось бы представить основные ошибки смыслов (границ и возможностей анкетирования детей разных возрастных групп, провокации неискренности, лжи или социальной желательности, неэтичных формирующих опросов и др.) и неудачи текстов (языка, структуры, оформления анкет). В приводимых ниже выдержках из анкет ошибки смыслов и текстов выделены подчёркиванием.

Применение анкеты до семилетнего возраста связаны прежде всего с содержательными моментами. Согласно данным психологов до 7-8 лет у ребёнка развивается лишь так называемая эгоцентрическая мысль: отсутствует дедукция, образные схемы, схемы аналогий. Только с 7-8-летнего возраста, постепенно начинают появляться навыки социализированной мысли. Пиаже считал, что речь и мышление ребёнка этого возраста являются аутистическими, т. е. личными, направленными только на внутренние переживания. Л. С. Выготский уточнял, что мысль детей такова только в отношении тех объектов, явлений, где он не способен ещё мыслить связно и логично. Но если ребёнка спросить относительно вещей, доступных его опыту, его практической проверке, то возможно получение адекватных ответов. Поэтому мы полагаем, что в этом возрасте возможно проведение только кратковременных интервью и графических анкет по вопросам, напрямую связанным с актуальным поведением детей.

В младшем школьном возрасте опрос также не должен предъявлять непосильных требований к детям, их памяти и аналитическим возможностям. Младшие школьники не понимают выражений «обычно», «чаще всего». Вопрос: *«Обычно тебе хватает денег, чтобы купить понравившуюся вещь?»* – сложная для детей конструкция, поскольку предполагает, что дети должны вспомнить, посчитать, представить свои нужды. В этом случае вопрос требует специального объяснения либо переформулирования его в несколько последовательных вопросов.

Вопрос к 5-классникам (10 лет): Все дети ссорятся с родителями. Как часто ты ссоришься с мамой? 1. Почти каждый день 2. 2 и больше раз в неделю 3. Меньше одного раза в неделю 4. Почти никогда 5. У меня нет матери. Важно учитывать возрастные особенности восприятия некоторых тем. Некоторые темы могут смущать детей или вызывать у них нежелание обсуждать, например, личные предпочтения, свое поведение или обстоятельства семейной жизни.

Только между 9 и 10 годами, по мнению психологов, начинается новый уровень развития, фиксируемый в позиции «Я и общество», когда ребёнок пытается выйти за рамки детского образа жизни, занять важное и оцениваемое социумом место. Постепенно, по данным современных российских психологов к 10-11 годам, ребёнок осознаёт определённые понятия, им употребляемые, он становится способным к рефлексии, возникает так называемая формальная мысль. До подросткового возраста ребёнок не осознаёт личного характера своих мнений, своих определений, даже слов и т. д. При формулировании вопросов также рекомендуется учитывать такие возрастные особенности детей, как внушаемость, ориентация на социальную желательность у младших школьников и стремление противопоставить свое

мнение социуму у подростков. Поэтому крайне важным считается сделать анкету так, чтобы вопросы не внушали респондентам представления о «нужных», ожидаемых или неудобных, плохих вариантах ответов и не содержали прямых или косвенных подсказок, не были формирующими.

Вопрос к 7-классникам. «Считаете ли вы справедливым, когда: Немногие владеют богатством, а подавляющее большинство пребывает в бедности? Государство перестало заботиться о престарелых, больных и детях? Меньшинство управляет большинством?»

Проведение анкетирования в школьном классном кабинете, во время учебных занятий вызывает ассоциации с проверкой и экзаменом, лучше пригласить ребят для подобного исследования вечером или в выходные дни в актовом зале.

При формулировании вопросов анкеты о фактах поведения и о личности респондента в отношении детей необходимо учесть, что взаимодействие посредством анкеты для подростка имеет межличностный характер, и ребенок воспринимает каждый вопрос как индивидуально заданный именно ему. Он не способен трансформировать содержание вопроса применительно к себе. Поэтому вопросы требуют порой расширения, пояснения, дополнения.

Вопрос к 7-классникам (13 лет) «Интересуетесь ли Вы политикой в настоящее время?».

1) Слежу за всеми политическими событиями. 2) Имею общее представление, но детали пропускаю. 3) Мало слежу. 4) Не интересуюсь совсем.

Вопросы желательно формулировать в личностной форме с обращением на «ты». Когда в анкету включаются вопросы с обращением «Вы», некоторые дети полагают, что их спрашивают вообще о всех ребятах этого возраста и о себе лично не рассказывают. Акцент на поле респондентов должен быть сделан путём обозначения грамматической категории рода.

При постановке вопроса необходимо быть уверенным в адекватном (правильном, точном) понимании всеми респондентами употребляемых в нем слов, терминов и понятий. Так, включая в анкету такую общественно-политическую лексику, как реформы, общественный строй, права, обязанности и др., необходимо убедиться, что данные понятия знакомы детям. Для этого возможно проверить: изучались ли данные понятия на занятиях по предметам школьной программы, встречаются ли они в материалах детской прессы, в письмах, сочинениях, разговорах самих детей.

Вопрос к 7-классникам (13 лет) «Как бы Вы определили свои идейные предпочтения?».

1) Либерал. 2) Социалист. 3) Анархист. 4) Демократ. 5) Радикал.

Мы в нашей практике сталкивались много раз с употреблением детьми общеизвестных слов в необычном смысле. «*Нравится ли тебе администрация города?»* Слово «администрация» понимается маленькими детьми не как орган муниципальной власти, а как конкретное здание. Вопрос «*Что тебя раздражает в рекламе?»* остался в ряде случаев без ответа, дети восприняли это слово только в значении физического воздействия – раздражения кожи, они писали, что раздражение бывает на шоколад, клубнику и т. п. «*Как часто ты разговариваешь с мамой о важных для тебя вещах?»*. Вещи для детей – это предметы, надо разъяснять – «о событиях, проблемах, людях».

Т. к. большинство детей впервые не только отвечают на вопросы анкеты, но и просто видят опросные листы, считаем возможным поместить социально-демографический блок в начале анкеты вопреки рекомендациям его размещения в конце опросника. В случае, если анкета большая по объёму и на её заполнение уходит более 30 минут, в середине работы респондентам может быть предложено сделать своеобразный перерыв, отдохнуть, посмотреть забавные рисунки или самим нарисовать что-либо. Наши наблюдения свидетельствуют о

положительном влиянии иллюстраций на респондентов-подростков. Рисунки поясняют содержание вопросов, переключают внимание отвечающего на новую тему, снижают монотонность, уменьшают психологическую нагрузку. Возможно использовать графические, чёрно-белые рисунки или пиктограммы. Необходима инструкция по количеству выборов к каждому вопросу.

Вопрос к 5-классникам (10 лет) «Сколько часов ты играешь дома в компьютерные игры в обычный не выходной день?». 1. Нисколько. 2. Меньше 1 часа. 3. 1-3 часов. 4. 4–6 часов. 5. 7 часов или больше. Нужно продумать и предложить ребятам полную и чувствительную шкалу. Шкала для оценки 10-летнего ребенка сложная, лучше перевести в событийность: «время от прихода из школы до прихода родителей; все время, что я дома; час-два вечером». Для ответа на вопрос о предполагаемых занятиях в свободное время в одном из наших исследований потребовалась шкала из 40 позиций, определившихся в ходе пилотажного исследования. Учитывая возрастную склонность подростков (особенно тинэйджеров) к негативизму, особое внимание должно уделяться симметричности расположения позиций шкал.

А. В. Махиянова

ПРИМЕНЕНИЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ САМОУБИЙСТВА КАК ФОРМЫ ДЕЛИНКВЕТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

МАХИЯНОВА А. В. – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, доцент кафедры социологии КГЭУ. E-mail: socavm@rambler.ru.

Проблема делинкветного поведения подростков всегда находилась в центре научного внимания. Это связано с тем, что подростки представляют собой ресурс и потенциал общества, основу духовного становления последующих поколений. В свою очередь, их духовное развитие и социальное становление характеризуется сегодня сложной динамикой перемен. На них воздействуют различные комбинации внешних и внутренних факторов: демографических, профессиональных, этнических, социокультурных, экономических и политических. Происходит существенная трансформация тех социальных институтов, которые обеспечивают становление поколений. Это, в первую очередь, семья, образование, религия, средства массовой информации и т. д.

Статистика неумолимо показывает, что проблема делинкветного поведения подростков набирает злободневность и остроту. По данным прокуратуры Республики Татарстан, с начала года в республике зарегистрировано 12 суицидальных случаев среди несовершеннолетних. Из них 5 случаев суицида зарегистрировано в Казани и по одному – в Набережных Челнах, Бугульминском, Бавлинском, Тукаевском, Дрожжановском, Новошешминском и Пестречинском районах Татарстана. Большинство умерших – лица мужского пола (8 человек). Помимо этого, по данным медиков, в республике зафиксированы 24 суицидальные попытки подростков. Более 40% самоубийств совершили дети, родители которых лишены родительских прав, или подростки, проживающие в приёмных семьях, более 33% – дети, которые воспитывались в неполных семьях либо с отчимом [1].

Авторская позиция в изучении самоубийства как формы делинквентного поведения подростков основана на необходимости обращения фокуса анализа на сеть Интернет. Она, на наш взгляд, во многом способствует формированию окончательного решения подростка уйти из жизни. Именно она предоставляет информацию о способах самоубийств, объединяет единомышленников, в среде которых происходит общение друг с другом, взаимная поддержка и пр., что в совокупности может ускорить акт свершения самоубийства.

В изучении проблемы самоубийства предлагается использовать метод контент-анализа, который позволит составить достаточно целостный социально-психологический портрет потенциального суицидента и уточнить психологические характеристики группы риска в подростковой среде. Тексты писем – возможно, единственная нить, которая может что-то сказать о личности подростка, в них может содержаться достаточно полная информация о произошедшем и о его причинах. Конечно, влияние обстановки и эмоциональной перегрузки несколько искажает реальную картину. При этом восприятие субъективно, но, используя контент-анализ писем, оставленных на сайтах самоубийц, можно определить эмоциональное состояние подростка, его направленность, мотивы, причины поведения и пр.

В настоящее время был произведён анализ 32 писем подростков из сайта самоубийц. Среди них встречались различные по объёму и содержанию. Приведём только некоторые отрывки из писем подростков: «Посмотрите вниз. Закричите во весь голос. Если вы теперь готовы – делайте шаг...», «Буду уходить, как смогу. Только из-за того, что я урод и судьба мне досталась такая злая, не хочу садиться в тюрьму. Я понимаю, какие страдания и стыд принесу своим близким. От сознания этого становится ещё больней на душе. Но чудес на свете не бывает. Другого выхода нет. Пусть меня судит Бог!..», «Только смерть даёт тебе покой», «Прости меня, мама, но я тебя никогда не любил! Ты давала мне деньги, давала мне всё, но ты не могла дать мне жизнь, а самое худшее, что ты когда-либо сделала мне – Ты меня родила! За что?!? Что я тебе сделал?! Зачем надо было меня рожать?! Почему уйду? По-моему, оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире такому несовершенному существу, как я, можно, только имея крепкий личный тыл...».

Проведённый предварительный контент-анализ писем, которые оставили подростки на сайте самоубийц, позволил следующие особенности:

- 1 Чаще всего записка адресуется родственникам или друзьям, где подросток объясняет причину, мотивы ухода из жизни и просит прощения. Реже – она адресована широкой аудитории (часто такого рода самоубийства имеют демонстративный характер), где автор негативно критикует определённые моменты действительности или обвиняет кого-либо в своей гибели.
- 2 В текстах проявляются субъективно значимые стороны действительности: межличностные отношения, конфликты и пр. В межличностных отношениях чаще всего существуют конфликт, неблагополучие, противоречие которое субъективно значимо для автора и которое он не может решить.
- 3 Распространённой причиной самоубийства становится предательство любимых людей или несчастная любовь, ограничения, накладываемые обществом.
- 4 В мотивации подростка происходит сосредоточение на определённой стороне действительности из-за чего он видит только отрицательные её составляющие, не может взглянуть «шире». Самооценка в большинстве случаев занижена, что может

быть связано с неудачами и конфликтами, с которыми он не может справиться, поэтому считает себя ни на что не способным.

- 5 Состояние подростка характеризуется сильной эмоциональной напряжённостью (об этом говорят эмоционально окрашенные фразы, выражающие отношение к действительности).

Литература

- 1 Источник: URL: http://efir24.tv/all-ews/incident/40016_for_six_months_he_committed_suicide_12_underage_/ (дата обращения: 11.11.2014).

М. В. Морев, Ю. Е. Шматова

СОЦИАЛЬНЫЕ ПАТОЛОГИИ В ДЕТСКО-ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ УГРОЗА (НА ПРИМЕРЕ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ)

МОРЕВ Михаил Владимирович – к. э. н., заведующий лабораторией исследования социальных процессов отдела исследования уровня и образа жизни населения ИСЭРТ РАН. E-mail: 379post@mail.ru.

ШМАТОВА Юлия Евгеньевна – к. э. н., м. н. с. лаборатории исследования социальных процессов ИСЭРТ РАН. E-mail: ueshmatova@mail.ru.

Уровень распространения социальных патологий является индикатором общественного развития, поскольку отражает состояние проблемы социальной дезадаптации населения. Смертность от социальных патологий имеет предотвратимый характер, что актуализирует вопрос об эффективности государственного управления в отношении обеспечения адаптации и самореализации детей в социуме.

В сфере распространения в российском обществе социальных патологий отмечаются некоторые позитивные тенденции: снижается заболеваемость наркоманией, сокращается численность несовершеннолетних преступников, хоть и меньшими темпами, чем среди взрослого населения, а также всё меньше детей становятся жертвами преступлений [1].

Однако, по данным Всемирной организации здравоохранения Россия находится в числе стран-лидеров по распространению социальных патологий (табл. 1).

Таблица 1 Динамика социальных патологий в России по данным ВОЗ*

Показатель (на 100 тыс. нас.)	1990	1995	2000	2005	2010	2011
Смертность от убийств	14,1 (1)*	30,9 (1)	27,6 (1)	23,7 (1)	12,3 (1)	11,7 (1)
Смертность от самоубийств	27,0 (6)	41,6 (2)	37,8 (2)	29,8 (2)	21,4 (3)	21,8 (1)
Заболеваемость психическими расстройствами	268,1 (4)	332,8 (9)	375,3 (10)	386,2 (9)	349,8 (7)	335,9 (7)
Смертность от психических расстройств, болезней нервной системы и органов чувств	10 (26)	22,4 (17)	15,1 (17)	16,7 (20)	16,2 (19)	-
Заболеваемость алкогольными психозами	9,7 (3)	49,4 (5)	42,5 (5)	51,8 (5)	33,2 (5)	30,5 (4)

*В скобках указано место Российской Федерации среди 47 стран ЕС, предоставляющих данные для ВОЗ.
Источник: база данных ВОЗ «Здоровье для всех».

Другой негативной тенденцией является и рост заболеваемости молодого поколения тяжелыми формами психических расстройств: 2000 г. среди подростков – на 45%, а среди детей от 0 до 14 лет – на 20% [2]. Если в начале 1990-х годов наиболее острой среди подростков 15-17 лет была проблема токсикомании, во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов – проблема быстрого роста наркомании, то в 2000-е годы на первый план стала выходить, как и для взрослого населения, проблема алкоголизма [3].

По результатам социологического опроса, проведенного «Левада-Центром» в 2013 г. 95% молодых людей заявили, что никогда не пробовали наркотические вещества [4, с.77] (согласно опросу, проведенному ИСЭРТ РАН в 2014 г., в Вологодском регионе таковых было 82%, преимущественно среди жителей крупных городов[5]).

Самым главным,стораживающим и требующим особого внимания фактом становится то, что Россия вышла на первое место по уровню суицидов среди детей. За последние годы количество детских суицидов и попыток самоубийств увеличилось на 35–37%. Всего же в период с 1990 по 2010 гг. в России было зарегистрировано около 800 тыс. детских и подростковых самоубийств [6].

За период 1999–2013 гг. уровень самоубийств в Вологодской области уменьшился во всех возрастных категориях населения. Однако, в группе 10–19 лет снижение идет наименьшими темпами (лишь на треть, в то время как в группе 20-39 лет – на 56%, 40–59 лет – на две трети, в самой старшей группе – на 46%).

Социальные патологии среди детей и подростков, особенно самоубийства несут в себе, помимо социально-психологической, экономическую и демографическую угрозу.

Вклад убийств и самоубийств в общую структуру смертности населения весьма значителен. Они составляют 8 и 16% внешних причин смертности соответственно [7].

Таблица 2 Структура бремени вследствие смертности населения трудоспособного возраста Вологодской области в 2013 г. от различных групп причин

Все причины, в т. ч.:	Смертность		ПГПЖ	Ущерб	
	Всего случаев	% к общей смертности		В млн. руб.	% к ВРП
	4783	100,0	54684	32667,1	9,4
Злокачественные новообразования	691	14,4	5818	3475,6	1,0
Сердечно-сосудистые заболевания	1550	32,4	13555	8097,5	2,3
Заболевания органов пищеварения	258	5,4	4889	2920,6	0,8
Вследствие алкоголя*	388	8,1	5109	3052,0	0,9
Внешние причины, в т. ч.:	1327	27,7	23511	14045,0	4,0
Суициды	177	3,7	3241	1936,1	0,6
Убийства	102	2,1	2096	1252,1	0,4
ДТП	183	3,8	4119	2460,6	0,7
*R ним относятся алкогольные психозы, алкогольные: дегенерация нервной системы, полиневропатия, миопатия, кардиомиопатия, гастрит, болезнь печени; хронический панкреатит алкогольной этиологии, алкогольный синдром у плода, случайное отравление алкоголем, преднамеренное отравление алкоголем, отравление и воздействие алкоголем с неопределенными намерениями.					

Чем раньше возраст смерти от самоубийства, тем больше потери того вклада, который человек мог бы внести в развитие человеческого и трудового потенциала территории. Нами была произведена оценка экономического ущерба от преждевременной смертности населения трудоспособного возраста вследствие различных причин [8] в Вологодской области в 2013 г., выраженная стандартизованными единицами «Потерянные годы продуктивной жизни (ПГПЖ)» [9]. Общие потери человеко-лет продуктивной жизни от смертности вследствие самоубийств составили в 2013 г. 3241 ПГПЖ (табл. 2), в денежном эквиваленте – около 2млрд. рублей или 0,6% ВРП. Ущерб от убийств был несколько меньше: 2096 ПГПЖ или 0,4% ВРП. Злоупотребление спиртными напитками наносит еще более значительный урон трудовому потенциалу региона (8% смертей, 3млрд. руб. или 0,9% ВРП).

В сравнении с другими причинами смертности при самоубийствах максимальные потери ПГПЖ имеют место в молодом возрасте (20–29 лет). В целом на данную группу приходится до 37% всех потерь ПГПЖ [1]. Среди молодёжи (возрастная группа от 15 до 24 лет) размер ПГПЖ от самоубийств составляет почти 207 тысяч человеко-лет, от убийств – 76 тыс., а случайных отравлений алкоголем – более 14,5 тыс. (рис. 1).

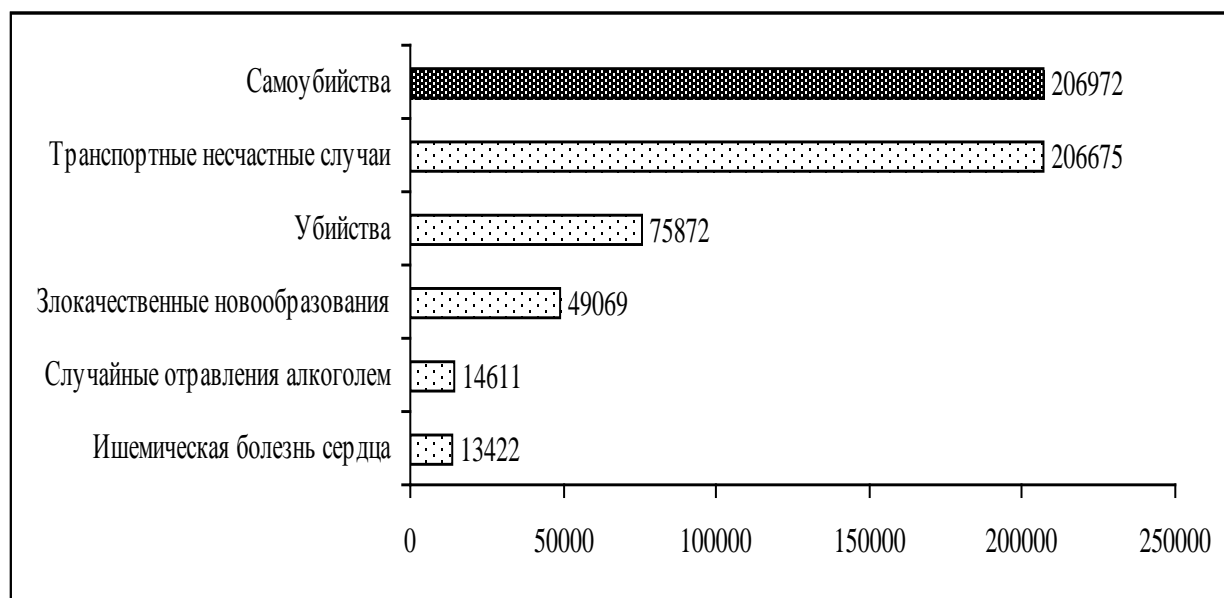

Рисунок 1 – Потери ПГПЖ в возрастной группе от 15 до 24 лет, человеко-лет

Смертность от самоубийств влечёт также и демографические потери. Так, согласно нашим расчетам по методике Вальчук Э.А. [10], потери ожидаемой продолжительности жизни вследствие смертности от суицидов, убийств и причин, связанных с употреблением алкоголя, составляют 1,3 года. При этом пик демографического ущерба приходится на возрастную группу до 19 лет, в случае смертности от спиртных напитков – на молодёжь 20–24 лет.

Таким образом, масштабы и вышеприведенные показатели распространения социальных патологий, прежде всего суицидов, а также наносимый ими социально-экономический и демографический ущерб, позволяют ставить вопрос об угрозе подрастающему поколению РФ, и необходимости принятия мер по предотвращению этого явления.

Литература

- 1 Морев М. В., Шматова Ю. Е. Социальные патологии в детско-подростковом возрасте (на примере исследований суицидального поведения) // Вопросы территориального развития. 2014. № 10 (20). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=4371>.
- 2 Здравоохранение в России [Текст]. 2013: Стат.сб. / Росстат. М., 2013. 380 с.
- 3 Щербакова Е. Число состоящих на учете с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы, наркомания и токсикомания, в 2011 году продолжало сокращаться // Демоскоп weekly. № 547–548. 18–31 марта 2013. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0547/barom04.php>.
- 4 Общественное мнение [Текст]. 2013. М.: Левада-Центр, 2014. 252 с.
- 5 Головчин М. А., Барсуков В. Н. Отношение молодёжи к употреблению наркотиков: социологический анализ // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 7. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/07/36622>.
- 6 Роспотребнадзор: Россия занимает 1 место в Европе по количеству детских суицидов. URL: <http://www.baltinfo.ru/2013/03/11/Rospotrebnadzor-Rossiyazanimaet-1-mesto-v-Evrope-po-kolichestvu-detskikh-suitcidov-341409>.
- 7 Шматова Ю. Е., Морев М. В., Любов Е. Б.. Экономическое бремя социально значимых болезней и девиантного поведения населения Вологодской области // Суицидология. 2014. №3 (16). Т.5. С. 59–65.
- 8 Shmatova Yu., Morev M., Korolenko A. The role of social health in the formation of the total mortality structure (economic aspect) // Humanity & Social Sciences Journal. 2014. N 9 (1). P. 22–29. URL: [http://www.idosi.org/hssj/hssj9\(1\)14/5.pdf](http://www.idosi.org/hssj/hssj9(1)14/5.pdf).
- 9 Финансовый макроанализ в здравоохранении: рекомендации для использования на региональном и муниципальном уровнях [Текст] / С.П. Ермаков, М.Д. Дуганов, А.Н. Макевеев, А.А. Колинко. М., 2000.
- 10 Вальчук Э. А. Заболеваемость населения: методы изучения [Текст] / Э. А. Вальчук, Н. И. Гулицкая, В. В. Антипов. Минск, 2000. 23 с.

И. В. Мунтян

МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ

МУНТЯН Ирина Владимировна – аспирантка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова. E-mail: Muntian_Irina@mail.ru.

Проблема детской беспризорности в современном мире свойственна каждому обществу независимо от уровня его развития. Такие термины, как «беспризорность», «бездомность», «дети улицы», «социальное сиротство», становятся универсальными для определения ряда явлений, происходящих в социальной картине современного детства. С наступлением социальных изменений происходят также изменения в сознании и идентичности взрослых и детей, формируются новые социальные группы с собственной субкультурой и ценностями. Эти явления требуют детального изучения и анализа для понимания и определения

их роли и места в обществе, а также для определения направлений и тенденций дальнейшего развития социума.

Аналізу современных проблем детской беспризорности, причинам роста социального сиротства и социальным последствиям лишения детей родительского попечения, посвящены труды многих украинских и зарубежных исследователей: Т. З. Козловой, О. А. Селивановой, А. М. Нечаевой, Д. В. Ярцевой, А. Н. Майорова, И. Б. Назаровой, Г. Г. Герасимовой, И. Ф. Дементьевой, А. М. Прихожан, И. Н. Толстых, Е. Б. Бреевой, С. А. Стивенсон, Е. Р. Ярской-Смироновой, В. В. Солодникова и др. В Украине такие исследования проводились в значительно меньших объемах, и выводы их соответственно имели тоже более «ретуширующий», чем радикальный характер. Среди активных украинских исследователей необходимо выделить О. М. Балакиреву, О. О. Яременко, Н. О. Дудар, И. М. Попову, Е. В. Князеву и др.

Проблема детской беспризорности не из новых для украинского государства. По мнению как отечественных, так и зарубежных учёных, беспризорность является отражением политического, экономического и культурного положения социума, это закономерное следствие кризисов переходного этапа в развитии страны.

В истории развития общества выделяют четыре волны массовой беспризорности детей, последняя из которых происходит в 90-х годах XX столетия и является следствием социально-экономических потрясений переходного периода в постсоветских странах, в том числе и в Украине. Сегодня в условиях политического, экономического кризиса в Украине всё больше появляется оснований прогнозировать пятую волну увеличения масштабов детской беспризорности.

Современная беспризорность имеет свои специфические особенности, причины и факторы возникновения. Если ранее всплеск детской беспризорности был обусловлен в основном материальными трудностями, послевоенной разрухой, смертью родителей, то сегодня среди этих причин конфликты в семье, насилие, аморальное поведение родителей и др. Спасаясь от родителей, ребенок находит защиту и понимание в среде детей с подобной судьбой.

Последняя волна детской беспризорности характеризуется возникновением групп детей, которые живут на улице длительный период времени, имеют свою систему взглядов, ценностей, правил организации повседневной жизни. Сегодня мы можем говорить об адаптации детей к улице и формировании собственной субкультуры беспризорных детей. Возникает ситуация, когда дети данной категории остаются ненужными для родных родителей или лиц их заменяющих, для государства и общества в целом; вместе с тем у самих детей отсутствует ориентация на достижение успеха в таком обществе, оно для них безразлично, у них свой микромир, со своими нормами и ценностями. В современных условиях беспризорные дети идентифицируют себя с «беспризорными», оставаясь незамеченными для общества и при этом в нем не нуждаются.

Сложный мир социума беспризорных, параллельный мир, который существует на наших улицах (в люках под улицами, в подвалах, разваленных домах и т. д.) фактически не может быть наблюдаемым. Их группы являются закрытыми для остальных представителей общества, в том числе и для научных исследователей.

Фрагментарные исследования детской беспризорности в общем виде позволяют охарактеризовать этот феномен. В существующей практике внимание исследователей акцентируется, как правило, на отдельных моментах детской беспризорности: определяются социально-демографические характеристики детей, причины, по которым дети оказались на

улице, характеристики семьи, в которой они находились до момента попадания на улицу, описывается асоциальное поведение несовершеннолетних и т. д. Однако, до сих пор отсутствует целостное представление о природе данного явления, факторах его детерминирующих и последствиях длительного пребывания детей на улице. Для большинства исследователей условия жизнедеятельности беспризорников на улице, особенности взаимодействия как внутри группы, так и с другими социальными группами и институтами общества, иерархия отношений, внутренние законы, которым подчиняются беспризорные дети, идентификация, способы получения средств к существованию, характер связей с членами семьи, ценностные ориентации и т. д. остаются неизученными.

Став беспризорником, несовершеннолетний попадает как бы в социальный вакуум. Для него не существуют законы, предназначенные для других граждан. Мало того, унижаемы на каждом шагу, вычеркнутые из жизни общества, многие беспризорные подростки презируют принятые в нём нормы. Они живут по неписаным законам того общества, клана, куда попадают, где поощряется, признается то, что чуждо человеческому обществу, где своя мораль, своя правда, свои авторитеты, наделенные подчас безграничной властью [1]. Вот эта, некоторым образом, неясность, скрытость детской беспризорности не только затрудняют её профилактику, но и не позволяет надежным образом и вскрыть её объём, и исследовать динамику.

Наряду с недоступностью беспризорников как объекта исследования, существуют также и другие сложности проведения исследования. В частности, речь идёт о закрытом доступе к информации, содержащейся в социальных учреждениях для детей-сирот, детей, лишённых родительской опеки и беспризорниках. Попытки организовать непосредственные контакты исследователей с беспризорными детьми в социальных учреждениях встречают отказ со стороны руководителей. При этом отчеты ведомственных служб не позволяют определить причины, факторы масштабы развития детской беспризорности. Как результат, сложно дать объективную оценку мерам по борьбе и профилактике этого явления.

Недоступность объекта исследования обуславливает ограниченность методов социологического исследования для изучения беспризорных детей как во время их взаимодействия друг с другом, так и с представителями общества.

Как отмечает С. Н. Щеглова, для всестороннего учёта характеристик объекта исследования, в роли которого выступает ребенок, необходимо учитывать его возрастные характеристики [2]. Если следовать взглядам Ф. Ариеса, согласно которым период детства напрямую связан с идеей зависимости от взрослых, период детства беспризорников заканчивается в момент их попадания на улицу. В условиях улицы ребёнок самостоятельно вынужден искать средства к существованию, свою деятельность он организует по собственному усмотрению, так же как и лиц, с которыми ему приходится взаимодействовать. Таким образом, у нас появляются основания утверждать о том, что беспризорные дети хотя по возрастным показателям и относятся к детям, но в силу тех функций, которые они осуществляют в условиях улицы, таковыми не являются.

При изучении детской беспризорности следует учитывать сложную социокультурную природу данного явления, которое имеет как социально-экономическую, так и культурно-ценностные составляющие. Для комплексного изучения детской беспризорности необходим синтез теоретических подходов и применение количественных и качественных методов исследования. Данный подход позволит рассматривать детскую беспризорность в трех взаимосвязанных плоскостях. А именно – определить объективные условия развития данного феномена с выделением социальных, экономических, политических факторов;

проанализировать специфику восприятие данного феномена общественностью как основного показателя культурного развития общества; выявить субъективное определение феномена детской беспризорности, что подразумевает сравнение официального статуса беспризорных детей с тем, как сами дети позиционируют себя в том или ином обществе.

Таким образом, для объективной оценки масштабов и тенденций развития детской беспризорности необходимы скоординированные действия всех государственных и общественных структур, ученых, правоохранительных органов, деятельность которых в той или иной мере связана с развитием института семьи и детства. В свете существующей разрозненности в действиях структур, занимающихся решением проблем беспризорных детей, комплексная объективная оценка, целостное представление о природе данного явления являются туманной перспективой.

Литература

- 1 Стивенсон С. А. Уличные дети и теньевые городские. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_buks/sociolog/article/_stiven_yldeti.php.
- 2 Щеглова С. Н. Как изучать детство? Социологические методы исследования современных детей и современного детства. URL: <http://www.ynpress.ru/cgi-bin/main.cgi?action=show&dir=metodbiblioteka&file=11>.

Е. М. Новикова

СРАВНЕНИЕ ОТВЕТОВ В ПАРАХ «РОДИТЕЛЬ-РЕБЁНОК»: МОЖНО ЛИ ИЗ ДВУХ КРИВЫХ ЗЕРКАЛ ПОСТРОИТЬ ОДНО ПРАВИЛЬНОЕ?

НОВИКОВА Елена Михайловна – научный сотрудник Лаборатории мониторинговых исследований МГППУ. E-mail: Elena.novikova88@gmail.com.

Последние веяния развития социальных исследований детства и юношества таковы, что дети и подростки признаются полноценными творцами общественной жизни. И, таким образом, могут активно участвовать в социологических исследованиях, ведь их мнения, согласно Конвенции о правах ребенка, не менее значимы, чем мнения взрослых [1]. Однако, несмотря на это, существует ряд трудностей и ограничений в исследовании детской и подростковой аудитории, которые могут исказить представления учёных о положении дел. Поэтому изучая тот или иной вопрос/проблему, не всегда можно полагать лишь на источник информации – опрос детей/подростков. Иногда для создания более полноценной картины, следует привлечь и других стейкхолдеров изучаемой проблемы.

Несмотря на то, что существует множество «мягких», качественных методов изучения мнений детей, иногда необходим более универсальный инструмент сбора большого объема данных - массовый анкетный опрос. Однако в силу своей массовости и неиндивидуального подхода к ребенку/подростку, он имеет и ряд трудностей, с которыми приходится сталкиваться исследователю детской и подростковой аудитории. Прежде всего, трудности касаются выбора правильной лексики инструментария: в силу того, что дети могут находиться на разных этапах личностного развития, не все они владеют одинаковым словарным запасом. Ученый должен предусмотреть разницу в восприятии вопросов детьми младшего и старшего возрастов, и,

возможно, использовать несколько «вариантов» анкеты для разных возрастных групп. Следующей трудностью в массовом опросе является «несерьезный подход» к исследованию со стороны детей. Несмотря на все объяснения необходимости сбора данных, их анонимности и важности реального мнения каждого из детей/подростков, не все из них готовы отвечать на вопросы открыто и честно. Важно создать комфортную и анонимную атмосферу при проведении опроса, так, чтобы у детей была возможность самостоятельно, без ориентации на «соседа» (референтную группу), ответить на вопросы [2].

Соблюдение определённых правил при проведении анкетного опроса детей, даёт возможность минимизировать дальнейшую выбраковку анкет. Тем не менее, для полной картины ситуации в жизни ребёнка, может быть необходим опрос их ближайшего круга – родителей, друзей, учителей и т. п. Важно это в силу того, что дети на практике не всегда обладают всеми компетенциями в принятии тех или иных решений.

Примером, выбранным нами для демонстрации метода согласованности мнений родителей и детей, являются результаты данных опроса школьников с ограниченными возможностями здоровья и их родителей проекта «Востребованность программ ВПО у инвалидов». Данное исследование было реализовано Лабораторией мониторинговых исследований Московского городского психолого-педагогического университета в июне-ноябре 2012 года. Основной задачей было изучить востребованность и особенности формирования спроса на высшее профессиональное образование для данной категории детей, их профессиональной ориентации и мотиваций к выбору того или иного направления профессионального образования. Таким образом, речь идет об этапе перехода во взрослую жизнь после окончания школы, выборе вуза/колледжа или начале профессиональной деятельности, участие в данном переходе (выборе жизненной траектории) в российской практике чаще всего принимают родители и сами дети. Особенно важно участие родителей в жизни детей с ОВЗ, так как в силу жизненных обстоятельств, у таких детей спектр возможностей при выборе вуза/колледжа/работы несколько уже, зачастую им необходима дополнительная помощь и содействие взрослых. В силу этого группа пар «родитель и ребёнок с ОВЗ» представляется нам тесно связанной друг с другом, поэтому оценка консолидации их мнений является приемлемой для иллюстрации метода согласования.

Реализованная выборочная совокупность исследования включала 511 чел. В т. ч. - старшеклассников с инвалидностью из разных типов образовательных учреждений г. Москвы (304 чел.) и их родителей (207 чел.). Массивы родителей и учащихся совпадали не полностью. Массив парных анкет (когда в семье отвечал и родитель, и ребёнок) составил 187 пар. Согласованность ответов по ряду вопросов именно этих пар мы и рассмотрим ниже.

Анализ согласованности ответов на вопрос о трудностях в обучении в парах «родитель-ребёнок» показал, что несмотря на то, что изначально отдельно группа родителей и группа детей имеют схожую точку зрения (рис. 1): около половины как родителей, так и детей, отвечающих на данный вопрос, сказали, что такие трудности у ребенка существуют. Однако детальный подход к изучению ответов в парах показал, что около половины из этих выраженных мнений не являются парными (48%), т. е. ответ родителя и ребёнка не совпадал (рис. 2).

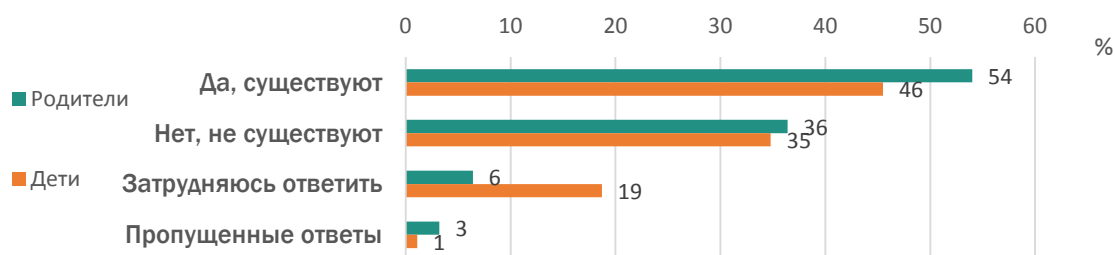

Рисунок 1 – Распределение ответов родителей (187 чел.) и детей (187 чел.) на вопрос «Существуют ли у Вашего ребенка (в вопросе у родителей) / у Вас (в вопросе у детей) какие-либо проблемы и трудности при обучении в школе?», %

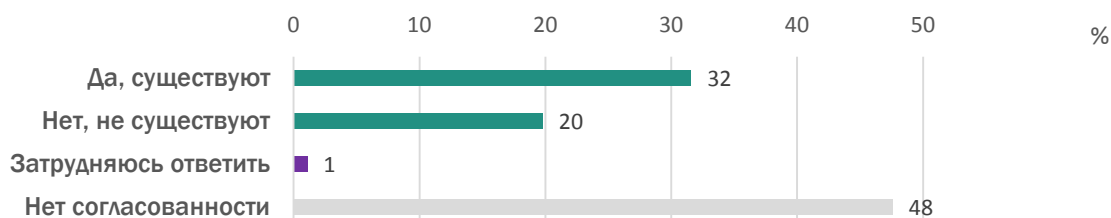

Рисунок 2 – Распределение согласованности ответов пар «родитель – ребёнок» (187 пар) на вопрос «Существуют ли у Вашего ребёнка (в вопросе у родителей) / у Вас (в вопросе у детей) какие-либо проблемы и трудности при обучении в школе?», %

Такое количество несогласованных ответов в данном случае можно объяснить тем, что довольно большая часть детей (почти одна пятая) затруднились ответить на вопрос (рис. 1), а также небольшая часть родителей и детей пропустили этот вопрос (общее число несоответствий из-за этих обстоятельств составляет от 20% до 30%; таким образом, от 18% до 30% пар были несогласованы из-за противоречивых мнений). С одной стороны, результат ответов согласованных пар можно считать более надёжной информацией, т. к. она имеет своё основание в двух источниках – родителях и детях, но с другой стороны, остаётся вопрос о той части респондентов, чьё мнение не совпало. В данном случае, вопрос о проблемах и трудностях может быть интерпретирован детьми или их родителями не одинаково. Ещё одним фактором, влияющим на разность ответов родителей и детей, мог стать психологический контекст вопроса, ведь признавать свои проблемы (для детей) и проблемы ребенка (для родителей) не одно и то же. Не совпадение ответов также может демонстрировать низкий уровень информированности родителей о положении дел у детей в школе.

Тем не менее, если рассмотреть вариант распределения ответов согласованных пар, можно отметить, что ответ «наличие трудностей и проблем в обучении детей» лишь усилил свою позицию – процент согласованности вырос до 60 пунктов, тогда как детей, которые не имеют таких проблем, оказалось 38% по согласованному мнению родителя и ребёнка (рис. 3).

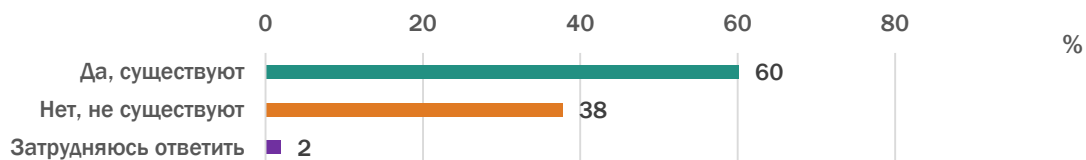

Рисунок 3 – Распределение ответов консолидированных пар «родитель – ребёнок» (98 пар) на вопрос «Существуют ли у Вашего ребёнка (в вопросе у родителей) / у Вас (в вопросе у детей) какие-либо проблемы и трудности при обучении в школе?», %

Вопрос о планах детей на будущее, касается как самих детей, так и их родителей. Распределение ответов на вопрос о планах на будущее среди родителей и детей является довольно схожим (рис. 4), однако, чтобы понять являются ли одинаково отвечающие родители и дети членами одной семьи необходимо провести анализ согласованности.

Анализ согласованности ответов на вопрос о планах после окончания школы показал, что мнения детей и их родители консолидированы в большинстве случаев (77% пар). Лишь 23% пар родителей-детей имеют разные точки зрения на будущее (рис. 5).

На рисунке 6 отображено распределение ответов консолидированных пар «родитель – ребёнок», по результатам которого 71% (102 ребёнка из 187) детей планируют поступать в вуз.

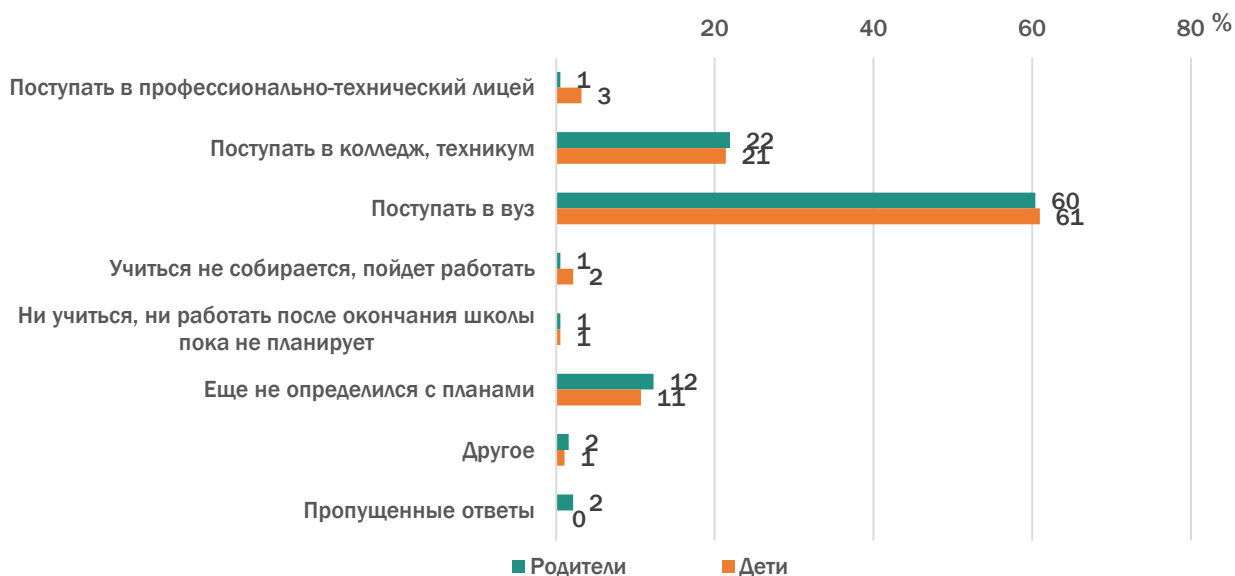

Рисунок 4 – Распределение ответов родителей (187 чел.) и детей (187 чел.) на вопрос «Что планирует Ваш ребёнок (в вопросе у родителей) / Вы (в вопросе у детей) делать после окончания школы?», %

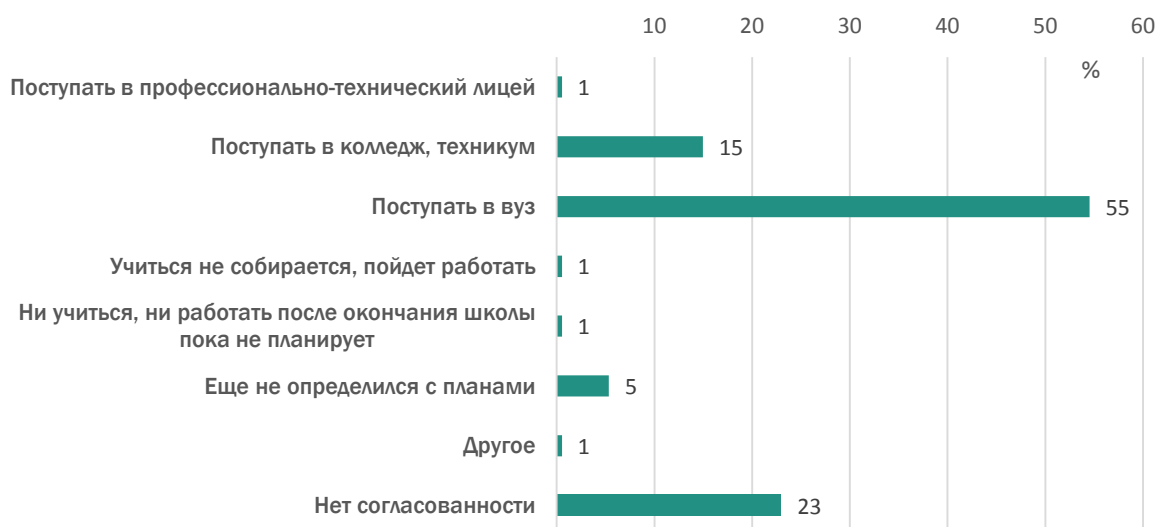

Рисунок 5 – Распределение согласованности ответов пар «родитель – ребёнок» (187 пар) на вопрос «Что планирует Ваш ребёнок (в вопросе у родителей) / Вы (в вопросе у детей) делать после окончания школы?», %

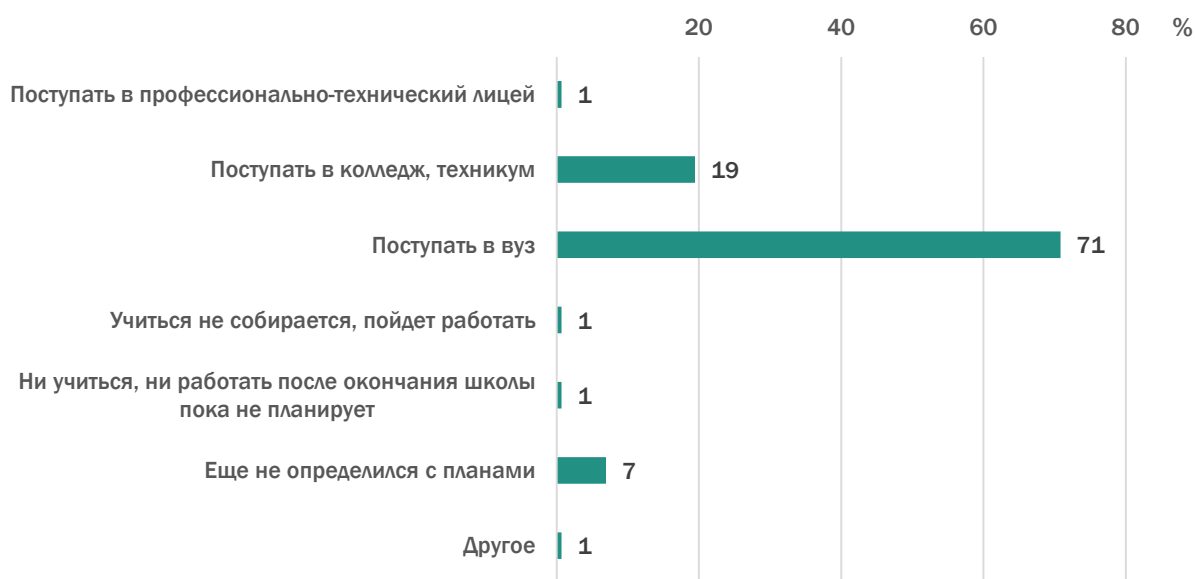

Рисунок 6 – Распределение ответов консолидированных пар «родитель – ребёнок» (144 пары) на вопрос «Что планирует Ваш ребёнок (в вопросе у родителей) / Вы (в вопросе у детей) делать после окончания школы?», %

Принятие самостоятельных решений является важным показателем сформировавшейся личности, рисунок 7 демонстрирует готовность 72% детей к такому важному решению как выбор вуза. Следует отметить, что 26% детей из тех, кто планирует поступать в вуз выбрали ответ «я сам», тогда как лишь 19% родителей считают, что ребёнок

может полностью самостоятельно, без помощи принимать такое решение. При этом большинство родителей (87%) всё-таки считают, что их дети могут так или иначе принимать решения самостоятельно («сам ребёнок» –19% + «ребёнок, но родители помогут советом» – 68%).

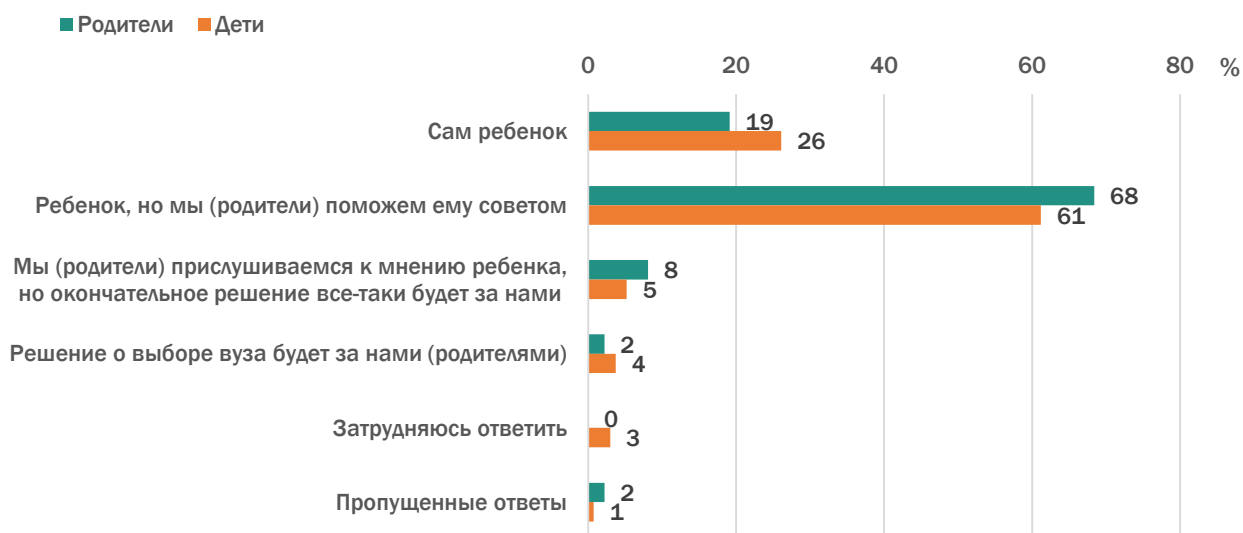

Рисунок 7 – Распределение ответов родителей (134 чел.) и детей (134 чел.) на вопрос «Кто принимает/будет принимать решение о выборе вуза (сам ребёнок или его родители)?», %

Однако анализ согласованности показал, что мнения 40% пар не совпадают в силу различных мнений о самостоятельности принятия решения ребенком – полностью самостоятельно («сам»), частично самостоятельно («с помощью совета»), «мягко» несамостоятельно (решение принимают родители, но прислушиваются к мнению ребенка), полностью несамостоятельно (решение за родителями) (рис. 8).

На рисунке 9 видно, что пары родителей и детей, чье мнение полностью совпало, все-таки больше склонны оставлять решение за ребенком с сохранением совещательной функции за родителями – 77% пар и абсолютно самостоятельно – 19% пар. Если на рисунке 7, 8% родителей были склонны принимать решения, прислушиваясь к детям, то по факту согласных с данной ситуацией детей оказалось всего 2%.

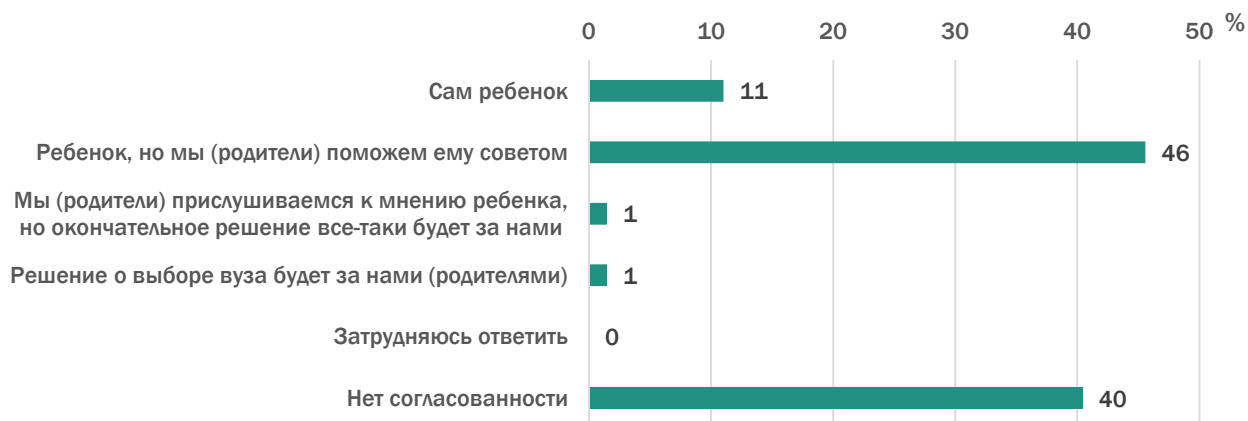

Рисунок 8 – Распределение согласованности ответов пар «родитель – ребёнок» (134 пар) на вопрос «Кто принимает/будет принимать решение о выборе вуза (сам ребёнок или его родители)?», %

Рисунок 9 – Распределение ответов консолидированных пар «родитель – ребёнок» (81 пары) на вопрос «Кто принимает/будет принимать решение о выборе вуза (сам ребёнок или его родители)?», %

Таким образом, данный метод помогает воспроизвести «более объёмную» картинку действительности. При этом метод согласованности имеет как сильные, так и слабые стороны. С одной стороны, плюс данного метода в том, что, подключая новый источник информации, можно сделать попытку проверить корректность полученных данных или, наоборот, найти точки конфликта мнений стейкхолдеров и продолжить изучение обуславливающих их причин. С другой стороны, есть определённые интерпретационные ограничения, ведь картина мира ребенка заведомо отличается от карты мира взрослого, этот момент следует учитывать при формировании круга вопросов, предлагаемых респондентам. Результатом использования такого метода является формирования двух групп респондентов: 1) тех, чьи мнения в парах родитель-ребенок согласованны, и таким образом «подтверждены» друг другом – «ядро», 2) тех, чьи мнения в парах родитель-ребёнок не согласованны, т. е. нуждаются в дополнительной интерпретации и представляют (условно названную) группу «погрешности».

Литература

- 1 Новикова Е. М., Базина О. А. Социальные исследования детей и молодежи // Современная зарубежная психология. 2012. № 2. С. 61–71. URL: <http://childpsy.ru/lib/articles/id/28750.php#comments>.
- 2 Специфика проведения социологических исследований с детской аудиторией. URL: <http://www.childsoc.ru/php/tezar/tez25.php>.

М. В. Рябоконт

ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОВЕДЕНИЯ АБИТУРИЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ АБИТУРИЕНТОВ НИЖЕГОРОДСКИХ ВУЗОВ)

За последние несколько лет, когда система приёма и зачисления в российские вузы претерпевала серьёзные изменения, возрос интерес к исследованиям поведения абитуриентов. Введение ЕГЭ как основной формы вступительных испытаний в вузы привело к значительным переменам на рынке высшего образования. В ситуации, когда каждый абитуриент при поступлении в вуз должен был проходить вступительные экзамены, перед вузами стояла задача отобрать лучших из тех, кто чётко и определённо продемонстрировал уже фактически осуществлённый выбор данного вуза и направления подготовки, изъявив желание пройти вступительные испытания. В ситуации, когда абитуриент до начала приёмной кампании уже имеет на руках результаты вступительных испытаний, а для поступления ему достаточно подать заявление в несколько вузов и следить за развитием конкурсной ситуации, уже не вузы отбирают лучших абитуриентов, а лучшие абитуриенты выбирают вузы. Фактически, вузы вынуждены бороться за каждого поступающего. Такое положение дел обостряет конкуренцию, а значит, ведёт к необходимости исследования мотивов принятия решения о выборе вуза.

Исследование мотивов поведения абитуриентов при поступлении в вуз представляет определённые трудности для социолога. Прежде всего, необходимо определить предпочтительную группу для изучения. Если перед нами стоит задача понять, почему абитуриенты выбирают наш вуз, то, на первый взгляд, всё очень просто: достаточно пойти к нашим первокурсникам и спросить у них, какими соображениями они руководствовались при поступлении в наш вуз. Но особую ценность для руководства вуза представляют данные о том, почему другие хорошие абитуриенты выбрали другие вузы, а не наш. Тогда необходимо проведение исследования мотивов предпринятого выбора студентов других вузов. Конечно, при наличии определенных организационных сложностей, и эта задача вполне осуществима. Трудности могут возникать при исследовании поведения абитуриентов вузов-конкурентов из других городов, но развитие информационных технологий позволяет решить и эту проблему.

Сложность возникает в другом. Мотивы поведения и принятия решения в ситуации выбора не всегда поддаются изучению при помощи анкетного опроса, поскольку, опрашивая студентов-первокурсников, мы получаем скорее характеристику их поведения в период поступления, нежели ответ на вопрос, в какой момент и почему было принято окончательное решение о выборе вуза. Так, проведённое нами в 2012 г. исследование, посвящённое мотивам выбора вуза абитуриентами Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, позволило нам определить три основные модели поведения абитуриентов

в период приёмной кампании. В опросе приняли участие 600 студентов-первокурсников очной формы обучения всех факультетов ННГУ, в выборке представлено 25% студентов первого курса.

Первую группу представили абитуриенты, чей выбор можно охарактеризовать как случайный. Для них основной целью было поступление в вуз, важно было поступить хотя бы куда-нибудь. Решение о предоставлении аттестата было принято в последний момент перед зачислением. Чаще всего такие студенты отмечали, что им не удалось поступить на более предпочтительное направление подготовки или в более предпочтительный вуз, и что выбор вузов, в которые они подавали документы, определялся набором имеющихся у них результатов ЕГЭ.

Вторую группу можно охарактеризовать как студентов, удовлетворённых сделанным выбором. К этой группе относятся студенты, чей выбор был осмысленным, они изначально были ориентированы на поступление именно в этот вуз и именно на это направление подготовки. Эта группа представляет собой целевую аудиторию вуза, такие абитуриенты наиболее предпочтительны для университета. Такие студенты довольны результатами поступления и готовы сделать тот же самый выбор вуза, если бы нужно было поступать ещё раз.

В третьей группе представлены абитуриенты, чьё поведение при выборе вуза можно охарактеризовать как осторожное. Студенты, относящиеся к данной группе, отмечают, что имеющейся у них суммы баллов ЕГЭ было достаточно для поступления в наиболее предпочтительный для них вуз или на более предпочтительное направление подготовки. Несмотря на это, они перестраховались при поступлении и предоставили оригинал документа об образовании в тот вуз, откуда получили звонок с соответствующим предложением, и где вероятность зачисления была наиболее высока.

Полученные результаты в сочетании с пониманием мотивов выбора вуза, важных для представителей каждой из групп, помогут вузу в разработке комплекса профессионально-ориентационных мероприятий, способных привлечь большее количество абитуриентов, целенаправленно выбирающих вуз и направление подготовки в соответствии с собственной заинтересованностью в получении выбранной профессии, а также минимизировать присутствие абитуриентов из группы «случайных прохожих», выбирающих вуз по принципу «лишь бы где-нибудь учиться, потому что высшее образование нужно всем».

Проведённое нами весной 2014 г. исследование мотивов выбора вуза абитуриентами трёх ведущих вузов Нижнего Новгорода, показало, что абитуриентам каждого из них важны разные характеристики выбранного учебного заведения. Нами был проведён анкетный опрос 758 студентов первого курса очной формы обучения Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева и Нижегородского филиала государственного университета – Высшей школы экономики. Выяснилось, что абитуриенты классического университета наиболее склонны ориентироваться при выборе вуза на собственную заинтересованность в получаемой профессии, личные склонности к изучению отдельных наук, возможность заниматься научной деятельностью. Для абитуриентов технического университета значимыми оказались практические знания и навыки, которые они ожидают получить в вузе, и возможность дальнейшего успешного трудоустройства. Абитуриенты НФ ГУ ВШЭ менее других склонны выбирать конкретную профессию, и в целом они демонстрируют заинтересованность в получении престижного диплома престижного вуза.

Сложность в понимании мотивов выбора вуза видится нам преодолимой в сочетании методов анкетного опроса и глубинного интервью, позволяющего получить данные о тех

нюансах, влияющих на поведение абитуриента, которые трудно предугадать заранее и использовать при составлении анкеты. В период с марта 2012 по февраль 2015 г. нами было проведено несколько пробных интервью с выпускниками, студентами и бывшими студентами ННГУ. Так, выпускница факультета социальных наук ННГУ, имеющая диплом с отличием, сообщила нам, что её выбор был спонтанным и противоречащим тому выбору, к которому её склоняли родители: *«Я подавала документы на экономический факультет и должна была пройти собеседование как медалистка, но при подаче заявления нужно было снять копию какой-то грамоты, а копии снимали напротив столика факультета социальных наук. Я увидела надпись «Психология», и решила попробовать туда поступить. Так и получилось в итоге».* Стоит отметить, что влияние родителей может приводить к разным, но всегда значимым последствиям для абитуриентов, а затем студентов. Так, интервью с первокурсниками, отчисленными после первой сессии по разным причинам, позволяют лучше понять характер и последствия вмешательства родителей в выбор вуза. Студентка первого курса, отчисленная с биологического факультета, попала в ситуацию, когда выбор родителей привёл к разочарованию в его последствиях и к необходимости исправлять допущенные ошибки: *«На биологический факультет я пришла поступать после медицинского колледжа, но инициатива была скорее не моя, а родителей, потому что говорили: «Как же можно забросить медицину!» Но, поступив сюда, я поняла, что это не моё, мне не нравится, я начала пропускать занятия, душа не лежит...»*

Трудности в изучении таких тонких вопросов, как причины того или иного поведения подростков, а в нашем случае, выпускников общеобразовательных школ, поступающих в вуз, т. е. осуществляющих, по сути, один из главных жизненных выборов, несомненно, ставят перед исследователем задачу поиска наиболее соответствующих методов получения информации. Преодоление этих трудностей видится нам в сочетании анкетного опроса, глубинных интервью и статистических данных о ходе приёмных кампаний в вузах. Особое внимание необходимо уделять выбору исследуемых групп. Зачастую наиболее ценную информацию можно получить не от очевидных групп, как, например, абитуриенты, а от молодых людей, чей выбор уже сделан, и последствия которого они успели оценить.

З. К. Селиванова

АНКЕТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СТАРШИХ ГОРОДСКИХ ПОДРОСТКОВ

СЕЛИВАНОВА Зухра Кадимовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, политологии, социологии Московского энергетического института. E-mail: zoi75@bk.ru.

В статье обращается внимание на необходимость и актуальность социологических исследований молодёжных проблем, в том числе проблем старших подростков, демонстрируются возможности анкетирования как метода исследования, описываются авторские исследования.

Молодёжь в мире и в России становится всё более ценным социальным и культурным ресурсом, и потому ни одна из существующих проблем не вызывает такой тревоги, как будущее молодёжи. Т. к. именно от того, какие ценности заложены в молодое поколение, какие идеалы

оно несёт, во многом зависит будущее, характер общественных отношений и социальная структура, степень конкурентоспособности и в конечном счёте судьба каждой страны. Неспроста Президент РФ В. В. Путин на одном из заседаний Совета при Президенте в ноябре 2014 года отметил: «Сейчас в России свыше 30 с половиной миллионов граждан в возрасте от 15 до 29 лет. От них, от их взглядов, мы с вами это прекрасно понимаем, в значительной степени зависит судьба нашей страны, будущее России» [1].

Ситуация осложняется демографическим старением населения, уменьшением доли молодого поколения в общей численности населения с каждым годом в целом ряде стран. До недавнего времени подобное рассматривалось как феномен, относящийся исключительно к развитым странам, но на сегодняшний день такой процесс охватил практически весь мир, в том числе и Россию.

В современной России изменяющиеся общественные отношения и связанные с ними процессы трансформации духовной сферы и тенденции социальных процессов порождают множество проблем и противоречий в молодёжной среде. Изменяется мир ценностей молодёжи, происходит обострение многих молодёжных проблем. Это требует постоянного внимания научного сообщества к динамике различных аспектов социальной действительности, изучению различных категорий и групп молодёжи, в том числе старших подростков. Поэтому обращение к молодёжным проблемам сейчас как никогда актуально.

Изучением широкого спектра молодёжных проблем занималось и занимается множество специалистов и исследовательских групп, в том числе в России — философов, социологов, экономистов, историков, демографов, психологов, педагогов, медиков, представителей некоторых естественных наук. В отечественной социологической науке накоплен богатый опыт проведения эмпирических и теоретических исследований, получены важные научные результаты. Так, в свое время исследована специфика молодёжи как особой социальной группы, разработаны принципы её научного исследования, методики эмпирических исследований.

Автором проведена серия прикладных исследований. Общетеоретической базой исследования явилась материалистическая теория познания — принципы познаваемости социальной реальности, диалектики эмпирического и теоретического, взаимосвязи личности и общества, материалистическая теория ценностей. В разработке теоретической базы исследования использован богатый опыт осмысления систем ценностей отечественной и европейской культур в работах отечественных и зарубежных философов и социологов.

Объектом наших исследований является городская молодёжь старшего подросткового возраста (14–18 лет). Предметом исследования — динамика ценностных ориентаций молодёжи старшего подросткового возраста, проблемы взаимосвязи ценностных ориентаций и жизненных целей подростков, характер воздействия на них государственной политики и негосударственных политик в молодёжной среде.

Автором проведена серия социологических исследований в городах Республики Башкортостан (во избежание разночтений напомним, что численность русского населения в них, так же как в других городах России, составляет порядка 80 %), а в 2014 году также в Москве. Для выявления динамики нами использована методика повторных исследований. Исследования проводились в 1993 г. (выборочная совокупность 936 человек), в 1995 году (выборочная совокупность 400 человек), 1997 г. (выборочная совокупность 455 человек), в 1999 году (выборочная совокупность 860 человек), 2010 г. (выборочная совокупность 893 человека), в 2014 г. (выборочная совокупность 1050 человек).

При изучении старших городских подростков в качестве основного метода использовалось анкетирование. Социальные и культурные изменения за период проводимых исследований приводили к частичному корректированию анкеты.

Опросы проводились в средних школах, училищах, техникумах по пропорциональной квотно-гнездовой выборке, обеспечивающей высокую репрезентативность. Все исследования проводились в мае месяце указанных годов с соблюдением единых процедур опроса на основе однотипных анкет, обеспечивающих адекватное понимание респондентами задаваемых вопросов и возможность их последующей однозначной интерпретации.

В качестве других методов для сбора первичной информации использованы также статистический анализ, интервью с экспертами, анализ документов.

Однако с изменением социальной и культурной ситуации в стране постепенно изменялись обстоятельства исследований, а также возникал ряд теоретических вопросов.

Так, происходящие трансформации в жизнедеятельности общества привели к тому, что при проведении анкетирования возникали следующие организационные трудности. В соответствии с многими принятыми в России законами (Закон об образовании № 273-ФЗ, Закон об основных гарантиях прав ребёнка № 124-ФЗ и т. д.) двери школ оказались почти закрыты для анкетёров, и доступ к школьникам весьма затруднён. Приходилось использовать административные ресурсы, личные разговоры с директорами или завучами, некоторые из них берут на себя ответственность за проведение опроса школьников, другие отказывают под различными предлогами, третьи предлагают провести психологическую экспертизу анкеты, четвёртые ссылаются на необходимость дополнительно получить разрешения родителей на опрос их ребёнка. В худшем же случае дело ограничивается разговором анкетёра с охранником школы. Даже несмотря на наличие писем от исследовательских организаций и административных структур преодолеть эти сложности удавалось не всегда, чрезвычайно увеличивая сроки проведения анкетирования. При этом понятно, что отсутствие доступа научной среды к объекту исследования общество и система управления лишаются возможности получения информации, снижая эффективность управления. Эта проблема без сомнения требует системного государственного решения.

Собственно проведение анкетирования также стало изменяться по содержанию. Так, несомненным положительным моментом является тот факт, что постоянно увеличивается число подростков, которые просили сообщить им результаты исследования, узнавали, где можно с ними познакомиться. Или другой пример – небольшая часть опрашиваемых начинает проявлять прагматическую жилку и просить плату за свой труд. Важным моментом, без сомнения, является анонимность анкетирования, поскольку часть подростков не готова выставлять своё мнение на показ, и лишь убедительная демонстрация анонимности помогает снять это напряжение. Однако есть и противоположные факты – многие подростки не только не скрывали своих данных, но даже подписывали анкеты.

Возникает и некоторая теоретическая проблема, связанная с инфантильностью некоторой части подростков и снижением реального социального возраста. Дело в том, что данный возраст является пороговым при формировании систем ценностей и понятийного мышления. Собственно, это является базовым условием возможности проведения анкетного опроса. При этом опыт показывает, что некоторая часть подростков не всегда точно оценивает свои позиции, т. е. имеет несформированные ценности, а у некоторых учащихся, в особенности в училищах и колледжах, не вполне сформированы логико-понятийное мышление,

терминологическая база, и они не понимают некоторых терминов. Это создаёт некоторые теоретические вопросы, требующие дополнительных исследований.

В целом, на основе многолетних исследований автора можно уверенно утверждать, что анкетирование продолжает оставаться одним из эффективных, доступных, удобных и дешёвых методов социологического исследования. Однако возможно необходимы некоторые дополнительные теоретические и методические разработки, а также организационные решения, которые бы сняли некоторые проблемы, одновременно повышая эффективность и аргументированность исследований.

Литература

- 1 Путин о приоритетах государственной молодёжной политики. URL: <http://nasha-molodezh.ru/blogs/putin/putin-o-prioritetah-gosudarstvennoy-molodyozhnoy-politiki.html> (4.03.2015).

В. В. Солодников

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

СОЛОДНИКОВ Владимир Владимирович – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии РГУ. E-mail: Solodnikovv@mail.ru.

Дети и молодёжь традиционно являются объектом интереса, как для общества в целом, так и для власть имущих, равно стремящихся «заглянуть в свой завтрашний день» и, как минимум, обезопасить себя от возможных потрясений. Помимо прочего дети и молодёжь – весьма удобный и доступный объект исследования. Неслучайно в одном из комментариев защищённых докторских диссертаций эксперт ВАК отмечала, что наиболее популярной отраслью социологии среди соискателей является социология образования, констатируя нарастающее количество работ по этому направлению и высказывая обоснованное предположение, что выбор этой тематики, вероятно, обусловлен её доступностью в рамках преподавательской деятельности [1].

Поэтому основные закономерности психологического развития и социального становления личности на начальных этапах её жизненного пути артикулированы весьма отчётливо как в мировой, так и в отечественной (имеется в виду, прежде всего, культурно-исторический подход, связанный с именем Л. С. Выготского) социально-гуманитарной науке.

Между тем процессы, имеющие глобальный характер, происходящие в мире и нашей стране в последнюю четверть века не могут не затрагивать этот отрезок жизненного пути, меняя его содержание, увеличивая вариативность жизненных траекторий в условиях «текущей реальности» (З. Бауман).

Одним из заметных социальных феноменов последних лет стала изменившаяся роль потребления, потребительских ценностей, потребительства, обеспечиваемая индустрией маркетинга и рекламы. Журналисты говорят о шопоголизме, гиперпотреблении, кидалтах (kidalt) и т. п. Мир символов, разрабатываемых рекламой, нацеленной на продвижение товаров и услуг (как бы к нему не относиться) окружает современного человека и пронизывает его повседневность с самого раннего детства (практически с момента рождения). В этой

ситуации общественные деятели, политики, представители бизнеса склонны к формированию двух полярных точек зрения:

- *Прагматичной* – её суть сводится к тому, что изменившийся мир стихийно готовит новые поколения к жизни в новых условиях и ничего страшного, деструктивного в этом нет;
- *Алармистской*, согласно которой реклама манипулирует детьми и молодежью, деформируя (навязывая им) потребности, стимулируя потребление, меняя стиль жизни и пр. Общество (в т. ч. в лице государства) в этой ситуации должно встать на «защиту интересов ребенка», ограничивая его доступ к рекламе в целом и отдельных товаров/услуг в частности.

Исходя из этого актуальной задачей становится изучение процесса, этапов, механизмов потребительской социализации, места и роли потребления в (само)сознании современных детей, их взаимодействии с социумом в повседневных практиках. На мой взгляд, в современной российской академической науке этому уделяется явно недостаточное внимание. Определенный методический опыт и массивы данных накоплены в рамках проводимых маркетинговых исследований (прежде всего, ключевыми игроками этого рынка – членами ОИРОМ – см. www.oigom.ru). Но, с одной стороны, целью этих исследований в широком смысле является обеспечение большей эффективности рекламной деятельности (в т. ч. применительно к детским товарам); а с другой, по разным причинам эти данные в недостаточной степени ассимилированы российской социально-гуманитарной наукой.

Далее попытаемся сформулировать некоторые принципы выбора методов изучения потребительской социализации. На первых порах интересно было бы ограничиться возрастным этапом от дошкольного возраста (3–7 лет), включая весь период обучения в средней школе⁶⁷.

Будем исходить из фундаментальной особенности взаимодействия исследователя и ребенка – стремления последнего к социальной желательности своих действий и слов.

- 1 Предпочтение мягких, качественных, приближенных к естественной обстановке методов опроса с элементами наблюдения. При этом активность исследователя должна быть минимальна и реализовываться в рамках ведущей деятельности (Д. Б. Эльконин) ребёнка (игровой – у дошкольника, обучения – у младшего школьника, общения – у подростка...).
- 2 Для увеличения самоуважения и уверенности ребёнка, роста его авторитета в глазах «значимых других» целесообразно было бы «включить» его в процесс исследования в качестве партнера, в т. ч. с использованием технических средств (планшета, мобильного телефона, фотоаппарата...). В целом аппаратные методы активно используются в современных маркетинговых исследованиях, в т. ч. в России (см. об этом более подробно: [3]), но практически отсутствуют в отечественной академической социологии. Между тем они показали свою перспективность при изучении внутрисемейных взаимодействий, информацию о

⁶⁷ Более ранний возраст потребует своей методической спецификой в связи с ограниченным словарным запасом и социальным опытом ребёнка, что не исключает обращение к опекающему взрослому (обычно- матери) как к эксперту. Скорее всего, в каждом конкретном исследовании при ограничении объекта исследования следует ориентироваться на ступени школьного обучения, тип группы детского дошкольного учреждения.

которых особенно нелегко получить от подростка. Так, австрийские социологи используют фотоаппарат, который отдаётся подростку на определённое время с «полуглухой» инструкцией – «снимать всё, что касается...». После чего по полученным визуальным материалам проводится интервью с уточняющими вопросами[4–5].

- 3 В зависимости от целей исследования сочетание индивидуальных и групповых его форм (например, фокус-групп).
- 4 Наконец, последняя по перечислению, но отнюдь не по значимости особенность методов изучения потребительской социализации детей и подростков состоит в необходимости разработать чётко операционализированные этические процедуры, сопровождающие проведение подобных исследований. При этом имеется в виду не декларация того, что «должен» исследователь, а создание этических комитетов и регламентация их деятельности посредством описания процедур и согласований (прежде всего, с родителями ребёнка, а возможно, и с представителями (до)школьного учреждения), обязательств предоставления обобщённых результатов, а также возможности получить консультацию при возникновении вопросов и/или сложностей в повседневной жизни.

Литература

- 1 Левичева В. Ф. Докторские диссертации по социологии – 2003. Комментарий эксперта // СОЦИС. 2004. № 9.
- 2 Объединение исследователей рынка и общественного мнения. URL: www.oiom.ru
- 3 Солодников В. В., Яикова Л. В., Шмельков А. В. Особенности проведения социологических исследований в маркетинге // Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований: темат. слов.-справ. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 327–335.
- 4 Zartler U. Children's imagined future families: Relations between future constructions and present family forms in Austria // *Childhood*. 2014. N 21 (12). P. 1–16.
- 5 Richter R., Zartler U. My family through the Lense. Photo Interviews with Children and Sensitive Aspects of Family Life // *Children & Society*. 2014. N 28 (1). P. 42–54.

Е. И. Степанова, Г. И. Саганенко, Ю. Чупахина ВОСПРИЯТИЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА И ДВАДЦАТИЛЕТИЯ РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ РАЗНЫМИ ПОКОЛЕНИЯМИ⁶⁸

Ключевые слова: Советский Союз, советская эпоха, советские символы, двадцатилетие российской реальности, исторические представления и память, жизненные ценности, поколения, рефлексивные методы, технология открытых вопросов, программа ВЕГА, классификация суждений, события на временной оси

⁶⁸ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №12-06-33036

«Восприятие советского периода и актуального российского двадцатилетия в сравнительных координатах на базе рефлексивных методов». Проект РФФИ, 13-06-00828:

«Основные технологии социологических исследований: изучение их сравнительного потенциала, доказательности, трудоёмкости, цены-эффективности».

Представляемое исследование имеет двойную цель: (А) выявить специфику восприятия двух глобальных социальных объектов («советской эпохи» и «постсоветской эпохи») и (Б) изучить потенциал рефлексивных методов исследования применительно к такого рода объектам. Первая задача – выявить предметные/содержательные пункты фокусного внимания и общие оценки эпохи Советского Союза. Здесь принципиальным является сравнение представлений трех поколений страны – (а) поколения стариков и пожилых людей, активная жизнь которых пришлось именно на советскую эпоху; (б) молодёжи, не жившей непосредственно в означенную эпоху, (в) поколения среднего возраста, чья активная жизнь пришлось на обе эпохи (советскую и постсоветскую).

Проводилось последовательное сравнение двух объектов – «симметрично» к советскому периоду изучалось отношение к двадцатилетию современной российской реальности. Исследование построено на качественно-количественной технологии, базированной на открытых вопросах.

Фундаментальная проблема исследования – осмысление российского общества в период трансформации. Глобальные российские перемены происходят в период анализа мировым социологическим сообществом процессов глобализации в мире, интеграции в Европе, распада социалистической системы, модернизации российского общества, модерна и постмодерна. Россия с момента перестройки оказалась в ситуации перманентных трансформаций, и пока не предвидится стабилизация в ней.

Современные отечественные и зарубежные социологи посвящают глобальным процессам современности свои исследования, ищут новые объяснительные модели, вводят новые понятия – среди них «текущая модерность», «глокализация», «структурация», «ценностный раскол», «ценностный консенсус», «социальное самочувствие», «культурная травма» и ряд других.

Проблема эмпирического изучения меняющейся социальной реальности в социологии рассматривается в разных научных департаментах. Первое – теоретико-аналитический вариант, в котором обсуждаются новые концептуальные идеи, типа трансформация, глобализация, социальная травма и др. Здесь масштаб используемых социальных оценок и заявлений коррелирует с масштабом персоны ученого. Авторы пытаются предъявить объяснительный потенциал новых категорий и разрабатываемых под них теорий и концепций.

Второй вариант – обращение к идее мониторинга. Специфика такого инструмента не особенно изучается, а воспринимается как нечто такое, что повторно применяется. Разновидностями такой технологии оперируют большие опросные организации, обеспеченные сетью корреспондентских пунктов и рассылающие свои задания и вопросники по стране.

Отметить определенно можно только одно – эта исследовательская система непрозрачная. У опросных учреждений в получаемых ими результатах нет никогда никаких смещений и ошибок, так что они как бы добывают истинные результаты социальных настроений.

Мы предлагаем обратить внимание на исследовательские возможности разработанного нами инструмента – рефлексивной технологии, базированной на анкетах с открытыми вопросами и специализированной компьютерной программы ВЕГА для хранения и анализа получаемых качественно-количественных данных таких опросов. В итоге мы имеем возможности выявлять параметры трансформирующейся ситуации, сравнивать характеристики корреспондирующих объектов разного уровня, сравнивать ценности и смыслы разных категорий населения.

Будет представлен потенциал разработанной технологии, включая ее научно-технологическое обеспечение: концепция, типология опросных исследований, типология открытых вопросов, компьютерная система, обеспечивающая продуктивные модули хранения и извлечения качественно-количественных данных, оптимальной сравнительной классификации и сравнения.

В нашем исследовательском опыте имеются уникальные примеры эффективности технологии в особых исследовательских ситуациях, среди таковых лонгитюдное изучение на интервале 1989–2000 годов перемен в стране и мире, специфика экологических представлений научных работников в трех странах, выявление специфики пакетов жизненных ценностей у разных категорий населения и вот рассматриваемой здесь изучение отношения трех поколений к советскому и российскому периоду отечественной истории.

Научную проблему представляемого проекта мы можем определить, как отношение к прошлому страны, отношение к актуальным переменам в стране, восприятие будущих перспектив общественного и индивидуального уровня.

Отечественные социологи пытаются разобраться в происходящих переменных с точки зрения ценностных трансформаций. Так, Е. Г. Ясин попытался рассмотреть динамику сдвигов в ценностях российской культуры за последнее десятилетие. Его заключение: «По важнейшим направлениям произошел откат назад, культурные предпосылки модернизации ухудшились».

Польский социолог П. Штомпка ввел термин «культурная травма» в переходный период. Люди стремятся обрести адекватную ценностную ориентацию, причём, в России этот процесс затруднён дезинтеграцией общества. Заметны различия в ценностных предпочтениях в зависимости от разных факторов – жители столичных городов и провинции, поколение старших и молодёжь, и др.

В принципе имеется огромное множество разных публикаций, в которых авторы пытаются осмысливать текущие состояния общества, перспективы определённых изменений, определённость «социальных дрейфов». Получаемые в наших исследованиях эмпирические свидетельства требуют серьезной работы – найти для них теоретические и методологические «аналоги» и «прототипы», сопоставить результаты с эмпирическими доказательствами других исследователей.

Данный проект направлен на изучение состояния общественных настроений через призму двух значительных социальных срезов:

- 1 отношение к недавнему прошлому – Советскому Союзу, советской эпохе;
- 2 восприятие сравнительных характеристик постсоветской эпохи, новейшей двадцатилетней российской истории.

Последний год преподносит массу новых реалий, являющихся, как представляется, производными от неосвоенных уроков двух прежних эпох.

Реализация представляемого проекта выстроена по отношению к «базовому» исследованию 2006 года, в котором изучалось отношение молодёжи к своей стране через представления о Советском Союзе. Выявлялся характер связанных с СССР позитивных и негативных ассоциаций, оценивалось состояние исторической памяти молодого поколения, источники его формирующие. Опрос был построен на методике, базированной на открытых вопросах. Все упоминаемые 60 респондентами исторические события и коллизии в ответах на

30 открытых вопросов с учётом их частоты были выложены на хронологическую ось. Вот какая обобщённая картина получилась в том исследовании (рис. 1).

Рисунок 1 – События, отложившиеся в памяти молодёжи, на шкале времени

На диаграмме представлена «плотность внимания» респондентов к разным периодам советской истории. Оказалось, что в исторической картине страны промаркированы как значимые только немногие единичные факты. В частности, период от правления Хрущева (1953–1964) до Горбачева (1985–1991) фактически не представлен в сознании молодёжи, за исключением космонавтики и олимпиады-80.

Оказалось, что история своей страны не воспринимается именно как история страны, но в основном как учебный предмет или как массовая идеология.

Возможности базового исследования были обогащены за счёт опоры на апробированный исследовательский инструмент (универсальную методику, построенную на открытых вопросах), что позволяет расширить исследуемое поле в нескольких отношениях. Так в дополнении к первому глобальному объекту (советская эпоха) берётся второй – российская ситуация в последнее двадцатилетие, так что в качестве макрообъектов у нас выступают две «эпохи» – «эпоха Советского Союза» и «двадцатилетняя эпоха новой России». Расширяя далее поле исследования, мы включили в исследование три поколения респондентов, которые имеют разный опыт общения с социальными эпохами нашей страны и соответственно помогут нам

разобраться в специфике социального восприятия. И наконец, у нас есть возможность сравнить представления молодежи в двух временных точках – 2006 г. и 2014 г.

Исследование носит эмпирико-концептуальный характер, в котором социальные показатели и социальные выводы выявляются индуктивным анализом. Они строятся на: (1) привлечении респондентов трёх социально-демографических категорий, (2) на актуализациях их личностных представлений в виде самостоятельно сформулированных суждений (3) суждений применительно к двум эпохам, 4) получения массы высказываний и в последующем их классификации и обобщений.

Исследовательская проблема связана также с поиском адекватного рефлексивного инструментария, способного отразить специфику оцениваемых социальных объектов, специфику социально-культурной среды, специфику моментов социального времени, в которые производятся оценки, специфику категорий населения, актуализирующие и оценивающие параметры двух эпох. Наиболее эффективным инструментом, который позволяет браться за такие глобальные объекты, к тому же в сравнительных координатах, выступает разработанная нами рефлексивная технология, базированная на открытых вопросах.

В данном тексте мы можем привести только один пример – акценты 254 респондентов трех поколений при ответах на вопрос: «Какие ассоциации, символы, образы вызывает у вас упоминание о Советском Союзе...»:

Поколения были выделены нами так (табл. 1).

Таблица 1 Три поколения респондентов

Молодёжь	Средний возраст	Старший возраст
Родились после 1990 г.	Родились в 1970–1990 гг.	Родились в 1930–1969 гг.
108 чел.	88 чел.	58 чел.

Вот фрагмент частотного словаря (взяты первые по объёму 17 позиций) (табл. 2).

Таблица 2 Фрагмент частотного словаря

	Молодёжь – 108 чел. 1597 слов		Средний в – 88 чел. 1425 слов		Пожилые – 58 чел. 1050 слов
37+13	Война, победа	29	Пионеры	26	Бесплатное
51	Серп и молот	23	Бесплатное	19	Пионеры
46	Красные	19	Красное	7+8	Война, победа
45	Пионеры	19	Образование	14	Красное
44	Ленин	16	Флаг	14	Народа
44	Сталин	19+6	Войны, победа	12	СССР
21	Флаг	14	Очереди	11	Ленин
19	Железный занавес	13	Гимн	10	Гимн
18	дефицит	13	Ельцин	10	Комсомол
18	Коммунизм	13	Комсомол	10	Очереди
17	Репрессии	13	Ленин	9	Знамя
16	Колхоз	12	Горбачёв	9	Праздники
16	Перестройка	12	Серп и молот	9	Работа
15	Комсомол	12	Перестройка	8	Демонстрации
15	Очереди	11	Дефицит продуктов	8	Дни
15	Холодная война	10	Демонстрации	8	Образование
13	Гагарин	8	Афганистан	8	Стабильность

В принципе обнаруживается значительная разница в акцентах трёх поколений. Самая популярная у молодёжи тема ассоциации в 2014 г. – Великая отечественная война + победа – 50 упоминаний в сумме, по другим поколениям значительно, в 1,5–2 раза, меньше, так если пересчитать частоты к объёму выборки в 108 человек (как у молодёжи), то будут такие оценки 31 раз у среднего поколения и 26 раз у самого старшего.

Среднее поколение больше других упоминало дефицит, очереди, талоны, но и у двух других эта тематика существенна. Только у среднего поколения была 8 раз упомянута тема «Афганистан».

Существенно сдвинуты были в позитивный сектор упоминания старшего поколения: бесплатные социальные блага и стабильность, праздники и демонстрации, дружба народов, держава и гордость. Перестройка вообще не упомянута

Вот часть пермутационного словаря, показывающего контексты оценок (табл. 3).

Таблица 3 Часть пермутационного словаря

БЕСПЛАТНАЯ медицина
БЕСПЛАТНАЯ медицина
БЕСПЛАТНАЯ медицина
дорога на автобусах БЕСПЛАТНО
БЕСПЛАТНО давали жильё
возможность БЕСПЛАТНО учиться
решение БЕСПЛАТНОГО жилья
БЕСПЛАТНОЕ жильё
БЕСПЛАТНОЕ образование
БЕСПЛАТНОЕ образование
БЕСПЛАТНОЕ образование
БЕСПЛАТНОЕ здравоохранение
БЕСПЛАТНОЕ образование
БЕСПЛАТНОЕ образование
БЕСПЛАТНОЕ образование
БЕСПЛАТНОЕ образование
БЕСПЛАТНОЕ образование
БЕСПЛАТНОЕ жильё
БЕСПЛАТНОЕ образование
БЕСПЛАТНОЕ обучение
БЕСПЛАТНОЕ образование
БЕСПЛАТНЫЕ детские сады
...турные и спортивные БЕСПЛАТНЫЕ кружки
БЕСПЛАТНЫЙ транспорт для рабочих
путевки недорого и ДОСТУПНО в пансионаты
ДОСТУПНОЕ жильё
очень ДОСТУПНОЕ общественное и многое другое
ДОСТУПНОЕ здравоохранение
ДОСТУПНЫЙ отпуск
ВОЗМОЖНОСТЬ курортного лечения
ВОЗМОЖНОСТЬ быть в санаториях
ВОЗМОЖНОСТЬ планировать ближайшее будущее

У молодёжи большой акцент на – репрессии, цензура, железный занавес, отсутствие свободы слова.

В докладе на Конференции будет приведён ещё ряд существенных и парадоксальных результатов в рассуждениях и оценках разных поколений.

В общем, анализ массивов суждений по разным открытым вопросам позволяет понять, к каким реалиям прошлого апеллируют разные поколения современной России. У старшего

поколения вроде получается, что некто плохой в прошлом убрал позитивное в условиях жизни в стране, но в их суждениях не звучат требования к организаторам и распорядителям современной жизни в стране обеспечить достойный социальный пакет.

К. А. Тенишева

(РАС)СОГЛАСОВАНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ И ДЕТСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА ВЫБОР ОБРАЗОВАНИЯ

ТЕНИШЕВА Ксения Алексеевна – младший научный сотрудник НУЛ СОН НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. E-mail: tenishewa.soc@gmail.com.

АЛЕКСАНДРОВ Даниил Александрович – к. б. н., зам. директора и профессор НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. E-mail: alexandrov.daniel@gmail.com.

При изучении образовательного выбора в России в большинстве случаев исследователи не уделяют внимания вопросу, кто именно принимает решение о дальнейшем образовании – родители или дети. Этот выбор рассматривают как консенсус, при этом упуская из вида тот очевидный факт, что у взрослых и школьников могут быть совершенно разные мнения по данному вопросу. В отличие от Германии, где решение о дальнейшем образовании реально принимают родители и учителя, в России на момент выбора учащиеся уже достигают 15 лет и могут выступать в роли самостоятельных акторов, определяясь с желаемым видом дальнейшего образования. В своём исследовании мы рассматриваем, чем представления о выборе подростков отличаются от представлений их родителей, а также обсуждаем расхождения в их мотивации и логике принятия решения. Мы полагаем, что изучение разницы в восприятии родителей и подростков является крайне важным для понимания процесса выбора учащимися образования и, как следствие, всей дальнейшей жизненной траектории.

Сам процесс принятия решения мы изучаем в перспективе теории избегания рисков (relative risk aversion), разработанной Дж. Голдторпом и Р. Брином [1]. Они видят основной мотив при выборе дальнейшего образования в избегании риска понижения достигнутого статуса семьи. В связи с этим, семьи скорее склонны воспроизводить имеющийся статус, а не повышать его путем социальной мобильности через образование. Мы рассмотрим, в какой мере дети согласны с мнением родителей и дальнейшем образовании, и как образовательные притязания обеих групп могут быть описаны в терминах избегания рисков.

Эмпирической базой данного исследования является опрос 500 девятиклассников и их родителей, проведённый в 2009 г. в одном из сельских районов Ленинградской области НУЛ СОН НИУ ВШЭ. Количественные данные также дополняются результатами более 80 интервью в учащимися и родителями, собранных с 2007 по 2009 г. в том же районе. Мы располагаем информацией об образовательных и профессиональных планах респондентов, социально-профессиональном и образовательном статусе семей, восприятию выгод и издержек различных путей образования. Также через год после основного опроса были собраны данные о свершившихся выборах образования после 9 класса, что позволяет определить, чьи притязания – детей или родителей – оказали большее влияние на окончательное решение.

Для определения роли детских и родительских притязаний в формировании образовательного выбора мы применяем метод моделирования структурными уравнениями (structural equation modeling). Он позволяет устанавливать роль медирующих факторов,

опосредующих в нашем случае влияние характеристик семьи на образовательный выбор. Выводы, сделанные на основе моделирования, объясняются с привлечением результатов анализа качественных данных, выполненного в стиле обоснованной теории.

Школьники полагают, что у них есть равные шансы получить как среднее профессиональное, так и высшее образование. Родители, в отличие от них, рассматривают обучение в вузе как вдвое более рискованное, чем учёба в колледже/ПТУ. Это во многом объясняется структурой возможностей сельской местности, где поступление в университет однозначно ведет к переезду в город, в то время как в колледжи, расположенные на окраине Санкт-Петербурга, можно ездить каждый день. К тому же, поступить в вуз и отучиться там весь срок считается намного труднее, чем сделать то же в колледже: необходимо успешно сдать ЕГЭ и затем каждый год выдерживать достаточно сложные экзамены. Родители яснее видят эти риски, чем школьники, не слишком ясно воспринимающие на данный момент разницу между учёбой в школе и в университете.

Для родителей существует чёткое представление о ценности образовательного пути, который они выбирают. Так, только родители, рассчитывающие на то, что ребёнок в итоге получит высшее образование, готовы платить за обучение в вузе больше, чем за обучение в колледже. Нацеленные на среднее образование семьи, напротив, не готовы отдавать деньги за учёбу в университете, в отличие от колледжа.

На образовательные планы школьников не влияют родительские представления о желаемом для детей образовании, в отличие от представлений учеников об ожиданиях родителей. Этот эффект отмечал и У. Сьюэлл [2]. Представления детей и родителей о будущем образовании школьника мало согласованы, хотя они могут полагать, что отлично знают, чего хотят от них родственники. Характеристики родителей – культурный капитал, их образовательные горизонты и притязания – никак не связаны с факторами, касающимися непосредственно учеников. При этом родители и дети примерно в равной мере точно предсказывают итоговый выбор образования после 9 класса, но родители оказываются точнее в выборе образовательной стратегии (поступать в вуз после 11 класса или после колледжа).

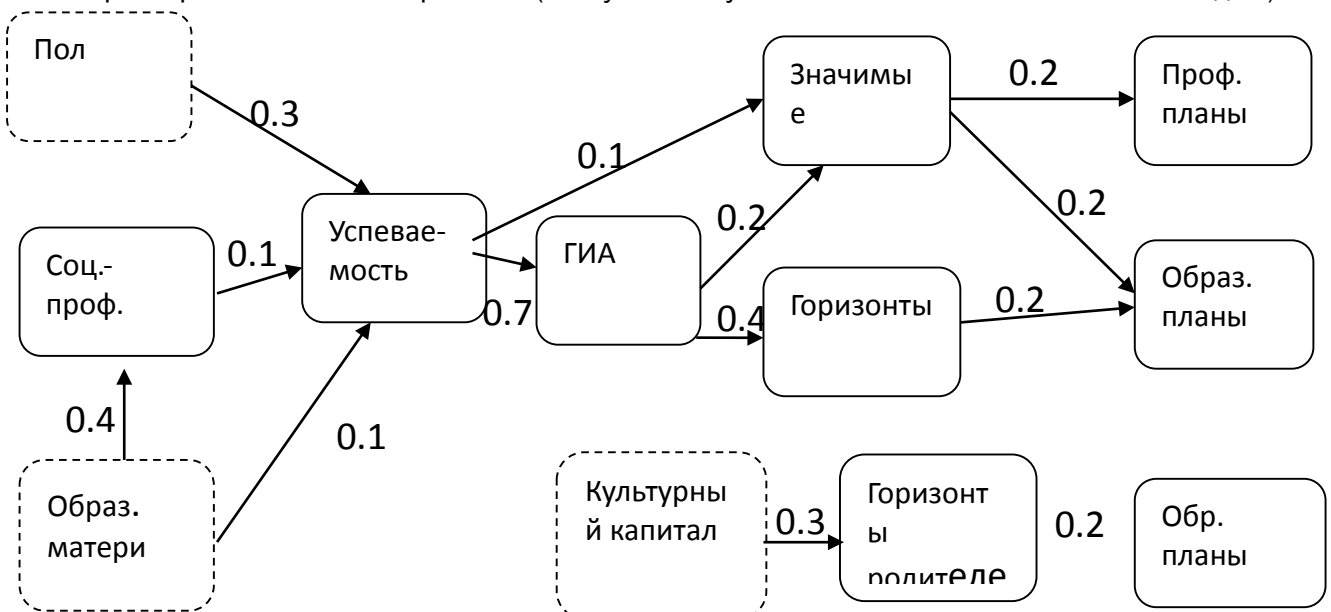

Рисунок 1 – Модель образовательного выбора. Характеристики детей и родителей

В своём докладе мы подробно расскажем о факторах, влияющих на образовательные притязания детей и родителей, а также дадим содержательную интерпретацию расхождениям в их выборе с точки зрения теории избегания рисков.

Литература

- 1 Breen R., Goldthorpe J. H. Explaining Educational Differentials Towards a Formal Rational Action Theory // Rationality and Society. 1997. Vol. 9, № 3. P. 275–305.
- 2 Sewell W., Haller A., Ohlendorf G. The educational and early occupational status attainment process: replication and revision// American Sociological Review. 1970. Vol. 35. P. 1014–1027.

В. В. Титкова, В. А. Иванюшина, Д. А. Александров
СЕТЕВЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

ТИТКОВА Вера Викторовна – младший научный сотрудник НУЛ СОН НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. E-mail: tvera.v@gmail.com.

ИВАНЮШИНА Валерия Александровна – к. б. н., ведущий научный сотрудник НУЛ СОН НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. E-mail: v.ivaniushina@gmail.com.

АЛЕКСАНДРОВ Даниил Александрович – к. б. н., профессор Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук, заведующий НУЛ СОН НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. E-mail: alexandrov.daniel@gmail.com.

Безусловным доказательством сложности исследования подросткового поведения является существование в социальных науках многочисленных методологий, методик и техник, применяемых в попытках объяснить причины и последствия подросткового поведения. Для повышения объяснительной силы выдвигаемых поведенческих моделей исследователи объединяют теоретические и практические знания из психологии, социальной психологии, социологии. Тем не менее, данные, получаемые в ходе классического опроса детей об их агрессивном поведении или психологическом состоянии, не дают достаточного материала для адекватного объяснения агрессивного поведения подростков.

Стандартные статистические подходы и техники исходят из базовой гипотезы о независимости наблюдений. Упускается из расчётов то, что агрессивное поведение – это социальное поведение, в процессе которого происходит постоянное влияние одного подростка на другого. Для изучения социальной агрессии подростков необходимы особые статистические техники, которые рассматривают поведение не как статическое состояние, обусловленное только характеристиками индивида (сэс, этничность, гендер и т. д.), но как социальное взаимодействие, в котором участники оказывают влияние друг на друга. В современной статистике разработаны специальные методы сбора и техники анализа социометрических данных, в основе которых лежит принятие взаимозависимости наблюдений. Социальный сетевой анализ (Social Network Analysis, SNA) даёт возможность анализировать большие объёмы социометрических данных и адекватно объяснять полученные результаты.

Важным направлением исследований является изучение поведения подростков, в частности изучение агрессии и агрессивного поведения, с применением методов сетевого

анализа. Исследователи изучают факторы, которые влияют на проявления агрессии и агрессивного поведения: как устанавливаются дружеские отношения, кто популярен среди сверстников, кто исключается из сетей дружбы, кто оказывается включенным в сети агрессивного поведения, и многое другое.

В нашем докладе мы обсудим агрессивное поведение подростков с содержательной точки зрения: виды агрессии, риски для агрессоров и жертв, психологические последствия и угрозы академической успеваемости, а также подробно остановимся на преимуществах сетевого анализа.

Выстраивание «негативных» социальных связей есть неотъемлемый процесс детской и подростковой социализации, через которые приобретаются навыки защитного поведения, «нападения» и управления агрессивным поведением. Подростки проявляют агрессивное поведение во многих сферах своей жизни: это и общение с братьями и сестрами, и отношения со сверстниками в образовательных учреждениях. В школьной системе агрессивное поведение широко распространено – в течение школьной жизни более 75% детей и подростков хотя бы раз сталкивались с агрессивной в свой адрес, и около 10% учеников на протяжении всех лет обучения демонстрируют устойчивое агрессивное поведение [4, 9].

Различают косвенные и прямые формы агрессии. Косвенная агрессия выражается в «анонимном» распространением слухов или угрозе исключения из друзей; прямая агрессия направлена на открытое унижение жертвы – оскорбления, запугивания, физические действия. Есть также групповые проявления агрессии – травля сверстниками одного подростка. Независимо от формы, агрессивное поведение представляет собой угрозу психологическому и физическому здоровью школьников, приводит к снижению академических успехов и росту числа прогулов, повышает риск бросить школу [5, 7]. Негативные последствия сказываются не только на жертве агрессии, но и на агрессоре; более того, в опасности оказываются сверстники, ставшие свидетелями буллинга [3, 6, 8, 10].

В социологических исследованиях проявление агрессивного поведения рассматривается в контексте характеристик групп и групповых норм. Акцент делается на изучение окружения подростка, которое может, как способствовать, так и противостоять агрессивному поведению против членов группы (класса). Отношение окружающих проявляется через негативные санкции за поведение, противоречащее принятым групповым нормам. Далеко не всегда агрессивное поведение встречает осуждение окружающих: иногда агрессоры являются популярными среди сверстников, что способствует формированию лояльного отношения к проявлениям антисоциального поведения [1, 2].

Доклад будет проиллюстрирован результатами применения сетевого анализа зарубежными исследователями, изучавшими буллинг и виктимизацию в школах. Но основное внимание будет уделено представлению техник SNA на собственных оригинальных данных – лонгитюдная база, содержащая данные о 511 учащихся из трёх техникумов/колледжей Санкт-Петербурга, возраст которых на момент начала исследования составил 15–16 лет. База содержит данные об академических и профессиональных аттитюдах (образовательная мотивация, стремление получить профессию), социально-психологических характеристиках (агрессия, депрессия, социальная тревожность), а также сетевые данные о «bullying relations» – оскорбления, драки, распространение слухов.

На наших данных мы рассмотрим применение статистических техник SNA для ответа на следующие исследовательские вопросы: (1) связаны ли агрессивное поведение и риск стать жертвой с отклонением от групповых норм; (2) связаны ли агрессивное поведение и риск стать

жертвой с популярностью среди сверстников или исключением из сетей общения; (3) каковы гендерные различия в агрессивном поведении.

Литература

- 1 Dijkstra J. K., Lindenberg S., Veenstra R. Beyond the class norm: Bullying behavior of popular adolescents and its relation to peer acceptance and rejection // Journal of abnormal child psychology. 2008. Т. 36. №. 8. С. 1289–1299.
- 2 Espelage D. L., Green H. D., Wasserman S. Statistical analysis of friendship patterns and bullying behaviors among youth // New directions for child and adolescent development. 2007. Т. 2007. №. 118. С. 61–75.
- 3 Huising G., Veenstra R. Bullying in classrooms: Participant roles from a social network perspective // Aggressive behavior. 2012. Т. 38. №. 6. С. 494–509.
- 4 Juvonen J., Graham S. Bullying in schools: The power of bullies and the plight of victims // Annual review of psychology. 2014. Т. 65. С. 159–185.
- 5 Juvonen J., Wang Y., Espinoza G. Bullying experiences and compromised academic performance across middle school grades // The Journal of Early Adolescence. 2010.
- 6 Knack J. M., Jensen-Campbell L. A., Baum A. Worse than sticks and stones? Bullying is associated with altered HPA axis functioning and poorer health // Brain and cognition. 2011. Т. 77. №. 2. С. 183–190.
- 7 Nakamoto J., Schwartz D. Is Peer Victimization Associated with Academic Achievement? A Meta-analytic Review // Social Development. 2010. Т. 19. №. 2. С. 221–242.
- 8 Nishina A., Juvonen J. Daily reports of witnessing and experiencing peer harassment in middle school // Child development. 2005. Т. 76. №. 2. С. 435–450.
- 9 Schuster B. Rejection, exclusion, and harassment at work and in schools // European psychologist. 1996. Т. 1. №. 4. С. 293.
- 10 Ttofi M. M. et al. Do the victims of school bullies tend to become depressed later in life? A systematic review and meta-analysis of longitudinal studies // Journal of Aggression, Conflict and Peace Research. 2011. Т. 3. №. 2. С. 63–73.

Е. В. Тихонова

СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ НА РЫНКЕ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ТИХОНОВА Е. В. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и психологии управления Государственного университета управления (ГУУ). E-mail: evt16@yandex.ru.

Молодые семьи россиян как объект эмпирического исследования и наиболее динамичная социально-демографическая группа аккумулируют в себе все сложные социальные проблемы общества. Состояние данной категории населения во многом отражает происходящие в обществе преобразования, что выражается в изменении особенностей формирования молодой семьи, её структуры, состава, типов семейного уклада. В настоящее время в Российской Федерации насчитывается около 10 млн молодых семей, что составляет

приблизительно одну пятую часть от общего числа семей. От того, какие стартовые возможности и альтернативы решения семейных проблем имеют молодые семьи, во многом зависят перспективы развития всего общества в целом.

Одним из основополагающих факторов достойного качества жизни любой семьи является собственное жильё. На современном этапе жилищная проблема занимает в нашей стране второе место по значимости после продовольственной. Это, прежде всего, связано с кризисом жилищной сферы, недостаточными объёмами жилищного строительства в целом, что приводит к дисбалансу предложения и спроса на рынке жилья и, как следствие, к высокой стоимости квадратного метра жилого фонда, не позволяющей среднему трудоспособному гражданину приобретение и содержание достойного жилища по рыночным ценам. Наиболее остро эта проблема стоит перед молодыми семьями москвичей, Жильё в столице стоит очень дорого, и даже неплохо зарабатывающие молодые специалисты в большинстве вынуждены обходиться без собственного жилья. Разработка и реализация эффективных городских социальных программ поддержки молодых московских семей затрудняется недостаточностью знаний о факторах, определяющих социальное поведение молодых семей на рынке жилой недвижимости. Результаты проведённого коллективом социологов Государственного университета управления в 2014 г. исследования потребностей и возможностей молодых московских семей в улучшении жилищных условий позволяют наметить возможные пути решения данной проблемы посредством коррекции существующих и разработки новых городских социальных программ поддержки молодых семей.

В настоящее время большинство молодых семей (61%) не удовлетворены своими жилищными условиями, а 20% удовлетворены недостаточно. 74% респондентов безапелляционно настроены на улучшение собственных жилищных условий, 22% рассматривают эту возможность как перспективную. Основными причинами неудовлетворённости жилищными условиями стали: отсутствие отдельного жилья (84%), теснота (12%), неудачная планировка квартиры (4%). Отсутствие отдельного от родителей жилья как главный фактор, омрачающий жизнь молодожёнов, указывает на наличие регулярных конфликтов между старшими и молодыми семейными парами, проживающими совместно. Конфликты, связанные с жилищными условиями, возникают в 60% семей, причём 18% семей постоянно находятся в состоянии конфронтации. Мирное сосуществование родителей и женатых детей отмечают лишь 10% респондентов. Практически все молодые семьи предпочли бы жить отдельно от представителей старшего поколения, сохраняя теплые родственные отношения дистанционно.

Жилищная проблема существенно влияет на репродуктивное поведение молодёжи. В своём большинстве молодые семьи ориентированы на детность – 61% респондентов при наличии всех необходимых условий жизни хотели бы иметь двоих детей, 29% – троих детей, а 4% желают иметь четверых и более. Однако более трети из них (35%) считают, что до рождения ребёнка нужно обзавестись собственным жильём, Таким образом, отсутствие собственного жилья откладывает построение полноценной семьи на будущее.

Большинство молодых семей считают, что наиболее привлекательным способом улучшения жилищных условий для них является приобретение жилья на условиях льготного кредитования. Однако москвичи мало информированы о государственных и муниципальных программах по улучшению жилищных условий молодых семей – 44% получают сведения от знакомых, коллег по работе, 26% из газет и журналов, 15% от родителей и других родственников, 12% из интернета и только 3% в государственных органах, занимающихся

решением жилищных вопросов. Информационный вакуум является существенным негативным фактором, снижающим активность молодёжи в поиске собственного жилья.

Проведённое исследование позволило выявить основные характеристики социального поведения молодых семей на рынке жилой недвижимости:

- 1 - предпочтение самостоятельного ведения хозяйства и проживания отдельно от родительской семьи вследствие социально-психологических проблем, провоцирующих конфликты со старшими родственниками при совместном проживании;
- 2 ориентация на получение сведений о состоянии рынка жилья из неформальных источников, от друзей и ближнего окружения;
- 3 приобретение собственного жилья с помощью родственников; совокупный доход большинства молодых семей составляет не более 30 000 рублей, что не позволяет им самостоятельно приобрести жильё и воспользоваться ипотекой;
- 4 взаимосвязь планирования рождения детей с наличием собственного жилья, что увеличивает временной период между заключением брака и появлением первенца;
- 5 недостаточность государственной поддержки молодых семей в решении жилищных проблем и финансирования социально-экономических программ в данной сфере;
- 6 развитие системы льготного кредитования молодых семей как способа повышения доступности жилья;
- 7 необходимость социологической диагностики потребностей молодых семей в решении жилищного вопроса как диагностической базы разработки социальных программ для молодых семей.

В настоящее время финансовыми рычагами стимулирования приобретения жилья остаются субсидии и поддержка ипотеки. Однако проведенное исследование позволяет сделать вывод, что сейчас подавляющее большинство молодых семей финансово не состоятельны. Поэтому классическая ипотека нам не подходит, надо искать адекватные формы кредитования. Например, нужны народные некоммерческие организации, будь то кооперативы или строительные сберегательные кассы, оправдавшие себя в послевоенной Германии и Австрии.

Результаты проведенного исследования показывают, что молодые супруги хотят обеспечить себя жильём по ценам, адекватным их доходам. Однако им предлагают либо слишком дорогую ипотеку, либо участие в строительстве жилья. Большинство участников опроса отметили, что боятся проблем обманутых дольщиков и не готовы принять риски недостроя. Поэтому значительная часть московских молодых семей (61%) полагают, что доступного в их понимании жилья сегодня в стране нет и не строится в принципе, и ещё 39% уверены, что таковое строится, но его крайне мало. Таким образом, москвичи в целом негативно оценивают собственные возможности в обеспечении своей семьи комфортными жилищными условиями.

М. Р. Хуснутдинова
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ С ДЕТЬМИ

ХУСНУТДИНОВА М. Р. – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ГБОУ ВПО МГППУ (Московский городской психолого-педагогический университет). E-mail: husnutdinovaMR@mgppu.ru.

Интервью является одним из самых популярных методов исследования детей. Но чаще всего он используется точно так же, как и при интервьюировании взрослых респондентов. Применение данного метода относительно взрослых респондентов имеет ряд трудностей, которые довольно хорошо описаны в соответствующей литературе. Ещё больше сложных моментов возникает в процессе интервьюирования детей. Рассмотрим основные методологические трудности использования традиционного социологического метода интервью применительно к детям и представим некоторые варианты их разрешения.

Итальянский социолог Д. Коджокару [1] говорит об одновременном существовании этических, гносеологических и методологических проблем. Во-первых, возникает эпистемологическая проблема – какое знание могут получить взрослые, исследуя детей с позиции аутсайдера (стороннего наблюдателя, внешнего члена детской субкультуры)?

Во-вторых, ставится вопрос – какова валидность выводов и интерпретаций, получаемых в результате применения стандартизированных методик, используемых для изучения мира и культуры, отличных от взрослой.

В-третьих, существует проблема валидности чрезмерных детских признаний.

Далее, несмотря на то что, дети способны быть валидными свидетелями своего опыта, они уязвимы к преднамеренному или непреднамеренному деформирующему влиянию других детей или взрослых.

Наконец, значительное влияние на когнитивные, социально-эмоциональные и психологические процессы у детей оказывает контекст ситуации и места интервьюирования. При этом наиболее глубокое воздействие осуществляется самим интервьюером.

Существуют различные решения обозначенных методологических проблем. Так, Сольберг [1] предлагает радикальный выход – будь то дети, молодые люди или взрослые исследовать всех одинаково. Это позволяет ввести детей в круг социальных исследований и не дифференцировать их по отношению к взрослым. Методологический принцип «игнорирования возраста» предполагает перемещение исследовательского внимания от того «что есть» интервьюируемый субъект к тому, что «он делает».

Противоположной позиции придерживаются Пьюфолл П. (Pufall P. V.), Ансвот Р. (Unsworth R. P.), Робертс Х. (Roberts H.), Джеймс Э., Вудхэд М., Уолмер Т. (Waller T.), Битоу Э. (Bitou A.).

Пьюфолл П. и Ансвот Р. [3] утверждают, что для принятия детской перспективы необходимо гораздо больше, чем просто слушать голос ребёнка. Важно учитывать временность и процессуальность изменений, которые определяют существование ребенка. Дети обозначают их с точки зрения своего опыта и восприятия, важно изучать этот детский, уникальный вклад. Поэтому не следует ограничиваться интервью, необходимо применять этнографические методы.

Вудхэд М. [5], Джеймс Э. [2], Пьюфолл П. и Ансвот Р. [3] настаивают на междисциплинарном подходе в изучении детства. Ответы на вопросы о том, «что такое детство»

и «кто такие дети» во многом определяется научной дисциплиной, в рамках которой осуществляется исследование. Так, если интервью проведёт психолог, социолог, педагог или родитель, то полученный текст может вызвать вопрос о том, один и тот же ли это ребёнок. Различие углов зрения позволяет формировать объективную картину детства. Конструирование детства будет более валидным, если его рассматривать сквозь призму различных дисциплин.

Один из основных принципов при проведении интервью с детьми – это «активное слушание» [2], [3]. «Активное слушание предполагает выяснение вопроса, который следует дальше задать» [3, с. 8]. В ходе активного слушания нет цели обнаружения ошибки, важно продвигать исследование дальше. Следует прислушиваться не только к интеллектуальному рассуждению интервьюируемого, но также и его личному опыту, стоящему за этим рассуждением. В этот процесс вовлекается духовное измерение ребенка, его самотрансцендентность, что не доступно простому интеллектуальному анализу.

Однако важно быть очень внимательным к транслируемой детьми информации. Необходимо анализировать, фильтровать их слова. Главным фильтром здесь должен выступать возраст ребенка [2, с. 33]. Возраст – это ключевое понятие, связанное с детством.

Литература

1. Cojocaru D. Challenges of childhood social research // Revista de cercetare interventie sociala. 2009. Vol. 26. P. 87–98.
2. James A. Understanding childhood from an interdisciplinary perspective: problem and potentials // Rethinking childhood / Ed. By P.B. Pufall and R.Unsworth. New Brunswick, New Jersey and London: Rutgers University Press, 2004. P. 25–37.
3. Pufall P. B., Unsworth R. P. Introduction. The imperative and the process for rethinking childhood // Rethinking childhood / Ed. By P.B. Pufall and R.Unsworth. New Brunswick, New Jersey and London: Rutgers University Press, 2004. P. 1–24.
4. Waller T., Bitou A. Research with children: three challenges for participatory research in early childhood // European Early Childhood Education Research Journal. 2011. Vol. 19. No. 1. P. 5–20.
5. Woodhead M. Childhood studies: past, present and future // An introduction to childhood studies. Second edition / Ed. By M. J. Kehily. Glasgow: The McGrawHill. Open University Press, 2009. P. 17–34.

В. Г. Целищева

ОПЫТ ВИЗУАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРАКТИВНОЙ ВЫСТАВКИ «ПРО-ЗАБРОШЕННОЕ»)

ЦЕЛИЩЕВА В. Г. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и культурологи СПбГТУРП. E-mail: nics3@yandex.ru.

Идея исследовательского проекта, направленного на изучение неформальных молодежных практик освоения городских заброшенных пространств, родилась в студенческой аудитории на занятии, посвящённом анализу значения визуальной информации в современном мире. В числе прочих на этом занятии обсуждался вопрос о способах трансляции

научного знания. Для социальных наук данный вопрос представляется особо актуальным, поскольку значимость исследовательских результатов во многом определяется ознакомлением с ними как можно большей аудитории и вовлечением её в обсуждения и дискуссии. Как донести, например, до студентов исследовательские данные, если традиционные публикации теряют популярность, вытесняемые всевозможными интерактивными, визуальными, тренинговыми и прочими способами выстраивания коммуникаций? За ответом мы решили обратиться к опыту использования альтернативных форм передачи информации в молодежной среде. Методологические вопросы, таким образом, определили фокус исследования.

Выбор в качестве предмета исследования молодежной активности, осуществляемой в заброшенных объектах городской инфраструктуры, способствовал прояснению ещё одного комплекса вопросов, заключенных в рассматриваемой тематике. Вопросы, касающиеся специфики социального зрения – почему одни социальные группы исключают из него существующие, когда-то весьма значимые, объекты, а другие, наоборот, превращают их в пространства реализации своих интересов. Данные, собранные в ходе исследования, отразили множественность и разнообразие практик использования заброшенных объектов: в недействующих цехах звучат стихи и музыка; старинные усадьбы и крепости, не тронутые реставрацией, становятся «машиной времени» для реконструкторов, декорацией для фотографов, модельеров и других творческих людей; с жутковатого вида труб закрытых предприятий, борясь со страхом, бросаются вниз роупджамперы... Диггеры, stalkеры, стрейкболисты, реконструкторы, ролевики, вордкрафтеры, как и многие другие молодые, не только на заброшенных объектах, но и в виртуальной и «реальной» реальностях создают свои, альтернативные каналы коммуникаций внутри сообществ и с окружающим обществом.

Анализ этих практик был представлен в трёх опубликованных в научных изданиях статьях, пяти тезисах в сборниках конференций, сборнике студенческих работ, но задача ознакомления студенческой аудитории оставалась актуальной. Несмотря на значительное количество собранного по теме фото- и видеоматериала, при подготовке выставки возникли определенные проблемы, прежде всего из-за сомнительной эстетической ценности фотографий заброшенных объектов. Весьма незначительная часть фотографий соответствовала выставочному уровню. Значительно интереснее были видеозаписи мероприятий, реализуемых различными молодежными группами, но из них, в силу их разнообразия – разноплановости, разного уровня качества и так далее, было крайне сложно создать единый продукт, например, фильм. Предположение о том, что видеоматериалы будут более интересны зрителям, чем фотографии, привело к решению использовать проектор, транслирующий отобранные ролики, интервью, фильмы, снятые самими представителями молодежных групп и переданные исследователям, но его установка, в т. ч. обеспечивающая его безопасность, так же сопровождалась сложностями. Для того чтобы решить отмеченные и многие другие проблемы, к проекту были привлечены студенты-дизайнеры. Ими была создана выставочная конструкция, не только обеспечивающая антивандальное крепление двух проекторов и экранов, но и отражающая основную концепцию исследовательского проекта – особенность социального зрения, для которого скрываются иногда за туманной сеткой, иногда за плотной завесой многие весьма интересные вещи, не вписывающиеся в рамки привычных стереотипов (рис. 1).

Интерактивная презентация социологических исследовательских материалов, ставшая возможной благодаря взаимодействию студентов культурологов, дизайнеров, будущих специалистов по связям с общественностью и инженеров, предоставила возможность заглянуть в невидимый мир забросек. Мир, где есть место игре, риску, патриотизму, увлечённости

историей, любопытству, фантазии, творчеству, социальной активности, прочувствовать красоту городских руин, оживляемых отважными рыцарями и воинами, наполняемых звуками музыки и стихов, скрывающих будоражащих фантазию сказочных персонажей.

Общий итог прошедшей выставки – интерактивные способы презентации исследовательских материалов достаточно эффективны (выставку посетили все студенты университета), способствуют привлечению внимания к публикациям и учебному материалу по теме (на пространстве выставки проводились тематические лекции по социологии молодёжи, города, философии и др.). Поскольку опыт был новым для всех, было выявлено и множество нюансов. В докладе хотелось бы обсудить положительные и отрицательные стороны подобного рода мероприятий, потенциальные возможности привлечения различных специалистов к социологическим исследованиям и другие вопросы.

М. И. Черепанова

**СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ, ПРОВОЦИРУЮЩЕЕ СУИЦИДАЛЬНЫЙ РИСК
(НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ)⁶⁹**

ЧЕРЕПАНОВА М. И. – кандидат педагогических наук, доцент социологического факультета Алтайского государственного университета. E-mail: cher_67@mail.ru.

В современное время суицидологи, социологи, психологи констатируют явление «реювенации» – омоложения суицидального поведения, характерное для большинства стран мира. Однако в России оно характеризуется большей интенсивностью. Так, по данным государственной статистики, суициды подростков в 2012 г. в нашей стране занимали третье место в мире, уступив лишь бывшим советским республикам – Белоруссии, Казахстану [1].

⁶⁹ Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ № 14-13-22010 «Социальные риски воспроизводства суицидального поведения в региональном социуме (на примере исследований в Алтайском крае)».

Среди причин данного явления можно назвать множество факторов, таких как усложнение и ускорение социальной реальности, в которой протекает жизнь подростков, кризисность и несвоевременность формирования необходимых возрастных новообразований личности, способствующих социальной адаптации, рост среди подростков одиночества – «социальной атомизации», при одновременном засильи виртуального многообразия общения, увеличение психических пограничных патологий, высокий аномийный потенциал общества, способствующий распространённости и омоложению многочисленных девиаций и др. Всё это повышает актуальность социологических исследований по выявлению социальных детерминант высокого суицидального риска подрастающего поколения, с целью разработки научно обоснованных превентивных программ.

Эмпирической основой изучения специфики социального поведения подростков, имеющих риск суицида, явилось социологическое исследование «Социальные риски воспроизводства суицидального поведения в региональном социуме (на примере исследований в Алтайском крае)». Общая выборка исследования составила 700 респондентов от 14 до 75 лет. Для анализа, приведённого в данной статье, нами использована выборка подростков от 15 до 19 лет (n=70).

Суицидальный риск понимается нами как поведенческая активность личности, обуславливающая высокую вероятность совершения суицида, имеющая сложную многофакторную, однако социально обусловленную детерминацию.

Индикаторами суицидального риска явились вопросы, связанные с толерантностью и готовностью совершить суицид, отношением к суицидентам, вероятностью совершения рискованных, аутоагрессивных действий, допустимостью рисков в жизни, констатация ценности своей жизни и др.

Согласно результатам исследования, 4% опрошенных однозначно допускают нанесение себе повреждений, а 13% подростков считают такое поведение приемлемым при определённых условиях. Каждый десятый опрошенный молодой человек полагает, что с помощью суицида, можно решить сложные для себя вопросы. Показательным являются мнения подростков о людях, совершивших суицид. Так, 2% респондентов, считают, что это сильные люди, 43% относят их к слабым, не выдерживающим сложности жизни; в некоторых ситуациях жизнь может потерять ценность для человека – так полагают 6% подростков, а четверть опрошенных констатировала, что никогда бы так не поступила, выявив тем самым, наличие у себя чётких антисуицидальных барьеров.

Жизнь является безусловной, высшей ценностью человека. Однако оценка значимости своей жизни по 10 балльной шкале, выявила, что на 6 баллов и менее оценили свою жизнь 6% опрошенных, причем ценность своего здоровья также низко оценили уже 18% подростков, что является ценностной основой для развития аутоагрессивных форм поведения, на крайнем полюсе которого находится фатальный суицид.

Многочисленные социологические исследования, посвящённые суицидальному риску, констатируют его высокую обусловленность широкой распространённостью девиаций в регионах России, причём в большей степени они обусловлены низким социально-экономическим положением региона [1; 2].

Полученные в исследовании данные позволяют свидетельствовать о наличии в Алтайском крае достаточно аномийной, рискогенной в суицидальном смысле среды. Так, например, 18% подростков допускает аборт, а 52% допускает их при различных условиях; 78% в разной степени толерантно относятся к сексу вне брака; четверть опрошенных допустимым

считают гомосексуализм; 6% допускают, а 16% допускают при условии занятия проституцией. По данным исследований, известно, что сексуальные девиации, являются значимыми индикаторами суицидального риска, например, среди гомосексуалистов суицидальный риск в 7 раз выше, чем среди другого населения [3].

Современное российское общество, как полагает большинство отечественных социологов, несёт в себе множество характеристик «общества риска». Риск стал неотъемлемой чертой жизни российского населения. Молодое население использует риск, в позитивном смысле, как шанс возможного улучшения своей жизни. Согласно результатам исследования, только каждый пятый молодой человек не допускает наличие в своей жизни рисков, а большинство опрошенных (75%) допускает для себя рисковое поведение, наличие экстремальных видов деятельности, спорта. Однако, отсутствие у молодого человека мировоззренческих, антисуицидальных барьеров может провоцировать, при комбинации с микросоциальными проблемами, антивитальное поведение.

Наиболее опасными суицидогенными факторами являются многочисленные аддикции, формирующиеся в среде подростков и имеющие стремительный темп омоложения. Так, согласно данным исследования только треть опрошенных настроена на трезвый образ жизни, 70% молодёжи в разной степени толерантно относятся к крепким алкогольным напиткам, 75% респондентов не дооценивают опасность пивного алкоголизма. Употребление энергетических коктейлей допускают 60% молодёжи.

По данным суицидологов, каждый 5 человек, покончивший с собой, являлся наркоманом. По данным наших результатов, около 5% в выборке опрошенной молодёжи допускают приём инъекционных наркотиков, а 8% лояльно относятся к приёму неинъекционных наркотиков, таких как марихуана, кокаин, экстази, и других современных синтетических наркотиков, стремительно распространяющихся в среде молодёжи; 16% молодёжи допускают при определённых условиях злоупотребление медицинскими снотворными препаратами, которые также относят к определённому виду наркотических веществ.

Важным индикатором состояния подростка является констатация им своего социального настроения, состояния, ощущений. Согласно нашим данным, треть молодёжи уверена в настоящем и с оптимизмом смотрит в будущее, каждый четвёртый респондент чувствует себя относительно нормально, каждый десятый ощущает прилив духовных и физических сил. Однако, суицидоопасными являются такие состояния, как «чувствую беспокойство, ощущаю неуверенность в будущем» – констатирует каждый десятый, состояние апатии, равнодушия, сильное эмоциональное напряжение, безысходность, чувство тупика характерно для 3% респондентов соответственно.

Таким образом, социальное поведение, провоцирующее высокий риск суицидального поведения, характеризуется снижением ценности жизни, готовностью реализовать рисковое, аутоагрессивное поведение, высоким уровнем лояльности к сексуальным девиациям, распространённостью аддикций, связанных с риском алкоголизма, наркотизма, снижением социального настроения, формированием чувства безысходности и апатии. Региональные исследования подобного рода, являются научной базой для формирования адресных социальных превентивных мероприятий по снижению суицидального риска молодёжи.

Литература

- 1 Иванова А. Е. Смертность российских подростков от самоубийств / А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, В. Г. Семенова. М.: ЮНИСЕФ, 2011. 133 с.

- 2 Черепанова М. И., Эбелинг Э. О. Основные тенденции суицидального поведения молодежи Алтайского края // Социальные исследования социальных проблем. 2011. № 4. URL: <http://sips.nkras.ru/issues/2011/4/04.html>.
- 3 Biggam F. H. Suicidality and the state-trait debate on problem-solving deficits: A re-examination with incarcerated young offenders / F. H. Biggam, K. G. Power // Archives of Suicide Research. 2009. N 5. P. 27–42.